М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

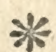
ПЕТР I

ПЕТР I

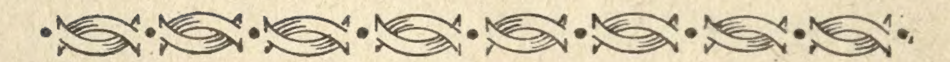
Акад. М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

Под редакцией
проф. В. И. ЛЕБЕДЕВА

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1941

Акад. М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

ТОМ ВТОРОЙ

ПЕРВОЕ ЗАГРАНИЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ЧАСТЬ I
И
ЧАСТЬ II

*

9 марта 1697 – 25 августа 1698 г.

ОГИЗ — СОЦЭКГИЗ
1941

Второй том «Материалов для биографии Петра I» акад. М. М. Богословского охватывает период с 9 марта 1697 г. по 25 августа 1698 г. В нем описывается первое заграничное путешествие Петра вместе с великим посольством в Курляндию, Бранденбург, Голландию, Англию, Саксонию, Вену и Польшу.

Подготовка текста настоящего издания к печати, подбор иллюстраций, составление примечаний к ним, указателей имен личных и географических и объяснительного словаря произведены Н. А. БАКЛАНОВОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КУРЛЯНДИЯ
БРАНДЕНБУРГ
ГОЛЛАНДИЯ

Рис. 1. ПЕТР I

Гравюра Шенка с портрета маслом работы Г. Кнеллера

I. НАКАЗЫ ВЕЛИКОМУ ПОСОЛЬСТВУ. СОСТАВ ПОСОЛЬСТВА

Раскрытие умысла Цыклера, показавшее Петру недовольство в близкой к нему среде, в боярских сферах, нисколько его, однако, не остановило и не отклонило от намерения ехать за границу, которое так осуждали недовольные. Отъезд посольства не был задержан следствием [1]: он состоялся именно в те числа, как это и предполагалось. Еще в письме к родным от 11 декабря 1696 г. Лефорт указывал на срок поездки около 15 марта [2]. Сборы посольства продолжались с прежней энергией. 22 февраля из Посольского приказа были написаны грамоты в Новгород и Псков к воеводам с извещением о проезде великого посольства и с предписанием заготовить под него на ямах (почтовых станциях) в своих воеводствах по тысяче подвод с санями и проводниками. Эти грамоты были отправлены по на-

[1] Как это думал Соловьев (т. XIV, стр. 219).

[2] Переписка о заготовлении подвод (Пам. дипл. сношений, VIII, 613—615, 657—661). Шмурло высказывает иное мнение, говоря: «Приготовить тысячу подвод с санями и проводниками, имея в распоряжении всего 2—$2^1/_2$ суток, — мыслимое ли это дело!» Он полагает, что «бумаги, посланные 23 числа, служили лишь *заключительным* актом в целом ряду предшествовавших: не *готовить* подводы приказывали, а привести лишь в действие сложный механизм, очевидно, собранный и заготовленный заранее; не подряжать саней, не заготовлять сена, не отыскивать ямщиков, а велеть им хомутать лошадей и выходить с рукавицами за кушаком перед крыльцо, прислушиваясь, не зазвенит ли колоколец — вот как надо понимать распоряжения 21 и 22 февраля». Все это очень образно, но едва ли верно. Бумаги от 22 февраля, посланные 23-го, были не заключительными, а первыми. Новгород и Псков подведомственны были Новгородскому приказу, присоединенному к Посольскому. 21 февраля в Посольский приказ из Ямского приказа была прислана память, в которой говорилось, что так как ямы в Новгородской и Псковской областях подведомственны Новгородскому приказу, подчиненному Посольскому, а не Ямскому, то и грамоты о подводах в Новгород и Псков надлежит отправить из Посольского приказа (Пам. дипл. сношений, VIII, 657—658). Если бы с Новгородом и Псковом о подводах шла переписка уже ранее 21 февраля, то вопрос о компетенции приказов не поднимался бы 21 февраля, а был бы уже решен ранее. Ср. Арх. мин. ин. дел, Дела австр. 1697 г., № 5, л. 1, 9: «О подводах под столовые всякие запасы 205 г. февр. 22 д.»

значению 23 февраля с экстренной почтой. В них указывалось, правда, что послы выедут из Москвы 25 февраля, но раз грамоты о подводах отправлялись из Москвы 23 февраля, то, очевидно, что новгородский и псковский воеводы к 25-му подвод собрать не могли; едва ли ими в это число были получены и самые грамоты, и такой ранний срок отправления посольства указывался им только ради поспешности в предписанном деле[1]. 25 февраля, когда уже, быть может, были раскрыты следствием сетования Цыклера на то, что государь тощит казну на посольство, Петр указал отправить с великими послами «на корабельной наем», т. е. на наем за границей персонала для флота и на иные посольские расходы, 15 000 золотых, взяв из приказа Большой казны[2]. К тому же дню, 25 февраля, был изготовлен «в тетрадях» наказ великим послам, и думный дьяк Е. И. Украинцев сам отвез его на дом к Лефорту.

Наказ этот был составлен в старых, рутинных формах, в значительной мере списан с прежних посольских наказов и касался также только внешних форм отправления посольства, которыми так дорожили московские дипломаты. От него так и веет духом старинной московской дипломатической канцелярии. Великим послам предписывалось, прибыв ко двору иностранного государя, просить об аудиенции и при этом непременно настаивать, чтобы во время этой аудиенции не было приема послам и посланникам других государей. На приеме послам говорить иностранному государю «поздравление» по прописанной в наказе форме и, сказав поздравление, «поклонитись рядовым поклоном». Если принимающий послов иностранный государь, спрашивая в ответ на поздравление о здоровье великого государя московского, не встанет или встав не снимет шляпы, или не сам спросит о здоровье, а поручит это сделать своему ближнему человеку, то послы должны сделать замечание и напомнить, что предки принимающего посольство государя и сам он раньше спрашивали про здоровье великих государей московских стоя и сняв шляпу, а теперь «ваше величество не встали и о здоровье спросили сидя и шляпы не сняв». Послы должны были развивать это замечание подробно, «говорить о том пространно», и после того уже поднести обернутую в камку верющую грамоту, итти «к руке», т. е. целовать руку у принимающего государя, объявить присланные «поминки» и, наконец, просить, чтобы иностранный монарх назначил своих министров для переговоров с ними, послами, о делах. Если, отпустив послов на их подворье, иностранный государь пришлет к ним «со столом», и им за то бить челом, а присланного со столом одарить из своих пожитков. Если государь позовет их к своему столу, то им опять потребовать, чтобы за этим столом не было послов и посланников от других государей, а если будут — отказаться от приглашения. Когда во время стола иностранный

---

[1] *Posselt*, Lefort, II, 372.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 587.

государь станет пить чашу «про здоровье великого государя», послам в то время встать и выйти из-за стола и заздравные чаши принимать самим. Послы должны приказать состоящим при них дворянам, переводчику и подьячим, «чтоб они сидели за столом чинно и остерегательно, не упивались и слов непригожих между собою не говорили». На другой или на третий день после аудиенции послы должны просить, чтобы иностранный государь вновь их принял и затем велел своим министрам начать деловые переговоры. Послам предписывалось против слов самого иностранного государя и его думных людей держать ответ «остерегательно», «чтоб великого государя имени и чести было к повышению». На конференцию, или как тогда писалось «в ответ», к назначенным вести переговоры иностранным думным людям послам ехать в каретах самого иностранного государя, но отнюдь не соглашаться на присылку за ними карет от думных людей. Если за ними не будет прислано придворных карет, ехать в своих собственных. О делах при переговорах послы должны говорить, «применяясь к прежним делам, с которых даны им из Посольского приказу списки». По окончании переговоров с министрами испрашивается прощальная аудиенция. Обо всех подробностях приемов и обо всех своих действиях послы должны приказывать вести запись.

Таков основной шаблон наказа великим послам, повторяющийся в нем несколько раз, так как относительно каждого из дворов, которые должны были посетить послы, наставление в наказе дается отдельно. Несколько любопытных особенностей встречаем в части наказа, касающейся приема посольства у папы. Здесь в общем тот же церемониал: послы должны настаивать, чтобы папа спрашивал про здоровье великого государя стоя и сняв шляпу, и указывать ему, что так делают, принимая русских послов, посланников и гонцов, другие государи и сам цесарь «и чтоб он, папа Иннокентий и учитель римского костела, показуючи к его царскому величеству свою дружбу и любовь, учинил по тому ж, против царского величества имени встал и про здоровье великого государя спросил стоя». «И буде папа, — прибавляет далее наказ, — в том заупрямится, и послам, стояв о том накрепко», все же подать верющую грамоту, но затем «выговаривать о том папиным ближним людем». Если папа на первой или на прощальной аудиенции «позовет их целовать вместо руки в ногу, и им, великим и полномочным послам, папу в ногу отнюдь не целовать, а целовать в руку и стоять о том накрепко, чтоб конечно целовать в руку, а не в ногу».

В выдаче такого наказа великим послам была лишь простая формальность, переживание обычая. Надо заметить, что наказ, так тщательно и подробно устанавливая столько форм этикета и связывая послов требованием их неуклонного исполнения, не касается вовсе существа дела — содержания самых переговоров. Очевидно, это существо дела должно было итти не из Посольского приказа, а из иного источника, т. е. от самого Петра, который будет находиться при посольстве, но и формальная сторона наказа не имела уже обязательного и действительного значения.

Не Лефорту же, конечно, совсем не знакомому с древнерусским посольским обычаем, соблюдать этот странный для него ритуал! При всей новости целей, для которых отправлялось посольство, оно было облечено все же в старые, обветшавшие, но еще непокинутые формы, и выданный ему наказ был одной из таких не имеющих действительного значения форм. Для нас этот документ интересен еще и потому, что в нем намечен предполагавшийся порядок, в котором посольство должно было объехать иноземные дворы. Через Ригу и Митаву, чтобы миновать Польшу, оно должно было направиться к цесарю, от цесаря ехать в Рим к папе, от папы в Венецию, оттуда в Голландию, в Англию, Данию и, наконец, к бранденбургскому курфюрсту. На самом деле маршрут, как увидим ниже, не соответствовал наказу [1].

Настоящий действительный наказ дан был посольству Петром, написан им собственноручно и по той массе подробностей, в которые вошел в нем Петр, свидетельствует, как живо интересовал его предмет, поручаемый посольству. Вот этот наказ:

«1-е. Къ службѣ морской сыскать капитаноѳъ добрыхъ (ч. 3 іли 4), которыя бъ сами въ мотрозахъ бывали, а служъбою дошьли чина, а не по іньмъ причинамъ. 2-ое. Когда вышеписанныя сысканы, тогда къ той же службѣ сыскать порутчикоѳъ і потпорутчикоѳъ ч. 25 іли 30 добрыхъ же, і чътобъ, такъже, которыя бывали в нискихъ чинахъ. 3-е. Когда і тѣ готовы, тогда вьзять вѣдамасть караблямъ, сколко числомъ, і із вышеписанныхъ выбрать на въсякой карабль по человѣку, і приказать імъ набирать добрыхъ боцмоноѳъ, канстапелеѳъ, стюрманоѳъ, матрозоѳъ по указному числу; а жалаванья імъ давать зачьнутъ будущего 1698 году іюня съ первыхъ чиселъ. 4-ое. О числѣ людѣй на карабли помыслить с ыскусными морскаго пути. 5-ое. На десять казенныхъ судоѳъ полотенъ и бълокоѳъ, іли толко покоутого і азеіна дереѳъ [2] купить, числомъ на 15 ѳрегатоѳъ напъримеръ, потому что тѣ суды еше не дѣланы, толко чаю, что ѳрегатной припасъ тѣмъ судамъ будетъ въ пору. 6-я. Для строения двора адмиралитеіцкого сыскать человѣка д[о]бърого, такъже і мастеравыхъ людѣй: ропшълагереѳъ, машьтъ-макароѳъ, риммакароѳъ, резнова дела, зеілмакароѳъ, блокъ-макароѳъ, шълюпъ-макароѳъ, пумпъ-макароѳъ, моляроѳъ [съ] сънастьми даволными, кузнецоѳъ, которыя дѣлаютъ на карабляхъ въсякое дѣло, пилы болшия і малыя; которые дѣлаютъ плотнишъною снасть; которыя дѣлаютъ авъгагасъ, і буравы, думахкраты. 7-я. Въ Любекъ послать для подряду литья: 30 пушекъ, 24 мартироѳъ, 12 гоубицъ. А каковы тѣ вышеписанныя вѣсом і мѣрою, і таму ізготовятся въпреть чертежи. 8. Сыскать пушешъныхъ мастерооъ къ Москъве ч. 3 іли 4-хъ, такъже и станошъныхъ плотникоѳъ і кузнецоѳъ. 9. На картузы купить бумаги 7000 стопъ, рагоѳъ 3000 на порохъ хъ пушькамъ, такъже свиньцу на пулки і на закърышъки, мѣди битой листовой на насыпъки. 10. Кожи подо-

[1] Наказ великому посольству (Пам. дипл. сношений, VIII, 661—699).
[2] Т. е. бакаутового и ясеневого дерева.

шевъной Аглинской на пумпы; якорей величиною таковы, каковы живутъ на ѳърегатахъ, которыя ѳрегаты бываютъ пушекъ по 30 і 35 і 40. 11-я. Гарусу на знамены, на вымпели, на ѳлюгели, бѣлого, синего, къpacного аршинъ 1000 іли 900, въсякого цъвѣта поровну, а буде недорогъ, і болше. 12. На каждое судно надабетъ по лекарю съ сундуком, і тѣхъ нанять с таго жь числа, как і протчихъ морскихъ служителей. Усоѳъ китовыхъ на ѳлюгели 15, корки на затычъки пушекъ 100 ѳунтоѳъ, а буде дешева, 200 іли 300; краски жолтой, такъже і іныхъ, числомъ на 15 ѳрегатоѳъ; пилъ, которыми въдоль трутъ, 100, а которыми поперехъ — 30, по обрасцамъ» [1]. Итак, наем корабельного персонала, начиная с капитанов и кончая простыми матросами, наем разного рода корабельных мастеров и ремесленников, заказ пушек и наем артиллерийских мастеров, закупка разных снастей и инструментов, а также материалов для корабельных снастей и принадлежностей — вот поручения послам. Все они касаются флота. Петр в наказе обращает внимание на искусство и уменье нанимаемых людей, требует, чтобы нанимали таких, которые прошли всю службу с низших чинов и достигли носимых ими званий подлинной службой, а «не иными причинами», дает предписания о количестве материалов для закупки, приводя соображения для выяснения нужного количества, расчетливо оговариваясь относительно стоимости. Разрабатывая подробности, он входит в каждую мелочь, перечисляет множество названий, старается обо всем упомянуть, не забывает и корки на затычки для пушек и т. д. В этом собственноручном документе он весь перед нами со своей страстью к морскому делу, теперь главному предмету его забот, со своей трудоспособностью и уважением к умелому труду других, к опытности, приобретенной настоящей службой, со способностью, стремясь к главной и основной цели и не упуская ее ни на минуту из вида, окинуть взглядом все мельчайшие подробности дела.

Устанавливался состав посольства, все время колебавшийся в зависимости от перемен в назначениях. С тремя великими послами отправлялось дворян, пажей, разного рода собственной прислуги и прислуги ехавших с ними дворян больше 80 человек. Ехали также разного рода должностные лица при посольстве, как-то: священник и дьякон, подьячие, переводчики, толмачи, золотых и серебряных дел мастера, собольщик, сторож, лекаря с учениками, четверо придворных карлов и при этих лицах также их прислуга, всего более 30 человек.

К посольству был присоединен отряд волонтеров, ехавших для морской науки, среди которого и скрылся Петр. Во главе отряда со званием командора поставлен был Андрей Михайлов (князь Черкасский). Отряд делился на три десятка, каждый с десятником во главе. В состав первого десятка вошли: десятник Гаврило Кобылин, Иван Володимеров, Федосей Скляев, Иван Кочет, Александр Кикин, Степан Буженинов, Данило Новицкий,

[1] П. и Б., т. I, № 140.

Алексей Петелин, Лукьян Верещагин, Яким Маляр, Алексей Борисов (князь Голицын). Во второй десяток вошли: десятник Петр Михайлов (царь), Александр Меншиков, Гаврило Меншиков, Ани-

Рис. 3. Второй великий посол Ф. А. Головин
Гравюра Шенка, 1706 г.

Рис. 2. Первый великий посол Ф. Я. Лефорт
Гравюра Шенка с натуры, 1698 г.

ка Щербаков, Савва Уваров, Филат Шанский, Осип Зверев, Тихон Лукин, Иван Кропоткин, Василий Корчмин, Иван Овцын, Конон Турчин, Степан Васильев, Семен Григорьев (Нарышкин).

Наконец, в третьем десятке ехали: десятник Федор Плещеев, Ипат Муханов, Ермолай Скворцов, Иван Синявин, Гаврило Коншин, Фаддей Попов, Петр Гутман, Иван Михайлов (Головин), Иван Алексеев (Головин), царевич Александр Арчилович Имеретинский — всего, не считая комендора, 35 человек. При волонтерах было 12 человек прислуги. В отряде волонтеров были, как видим, и представители дворянского круга: сам комендор князь Черкасский, далее князь Голицын, сын Бориса Алексеевича, Нарышкин, Плещеев, Головины и простые разночинцы, причем знатные волонтеры в списках отряда назывались демократически, без титулов и фамильных прозвищ, подобно тому как и сам царь принял псевдоним Петра Михайлова. Большинство членов отряда взято было из неразлучных с Петром и готовых на все должности бомбардиров [1].

Для караула с посольством должен был итти отряд преображенцев из 62 человек под начальством майора Шмита; из них 12 человек было «устроено в гайдуки». С послами из Конюшенного приказа были отправлены с конюхами две кареты, к каждой по 6 лошадей, «да в запас по лошади с шоры, и с контари, и с седлы, и с лецы». Да в дорогу с послами «отпущено с дворцов (т. е. дворцовых приказов или дворов, заведовавших разного рода дворцовыми хозяйственными припасами: хлебенного, сытенного и т. д.) съестные и питейные запасы с стряпчими, и с подключники, и с повары, и с хлебники и с иными к тому належащими людьми; и были те дворовые люди до Новгорода, а и иные и до Риги» [2]. Посольство должно было, таким образом, отправиться в составе около 250 человек [3].

II. ОТ МОСКВЫ ДО ШВЕДСКОГО РУБЕЖА

2 марта двинулся в путь передовой отряд посольства «с соболиною казною и с золотыми, и с салдаты, и со всем посолским нарядом и платьем и иными всякими припасы» [4]. Этот отряд должен был ожидать посольство в Пскове. К 5 марта были изготовлены заказанные Петром еще в декабре одновременно с первым указом о посольстве две печати. «По указу великого государя сделаны в Посолском приказе две печати серебряные, одна го-

---

[1] В первых бомбардирских списках (*Устрялов*, История, т. II, приложение XVII) значатся: Иван Володимеров, Федосей Скляев, Александр Кикин, Степан Буженинов, Данило Новицкий, Алексей Петелин, Лукьян Верещагин, Яким Моляр, Александр Меншиков, Гаврило Меншиков, Аника Щербаков, Осип Зверев, Тихон Лукин, Иван Овцын, Степан Васильев, Иван Муханов, Ермолай Скворцов, Иван Синявин, Фаддей Попов, Петр Гутман. Списки волонтеров см. у *Устрялова*, История, т. III, стр. 7—8, 575—576.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 752—753.

[3] Списки посольства см. Пам. дипл. сношений, VIII, 614, 663, 749—753; *Устрялов*, История, т. III, стр. 572 — список, относящийся к июню 1697 г., составленный перед отправлением из Колберга в Голландию. Ср. *Веневитинов*, Русские в Голландии.

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 753.

сударственная большая, а другая поменши той. И марта в 5 день нынешнего 205 (1697) г. боярин Лев Кирилович Нарышкин, смотря у себя на дворе тех новосделанных дву великого государя серебряных печатей... которые сделаны для нынешней посолской посылки во окрестные государства с великими и полномочными послы... осмотря тех печатей, приказал их отвезть в поход к великому государю... в село Преображенское думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову. И думной дьяк Емельян Игнатьевич к великому государю в село Преображенское те печати отвез того ж числа, и те печати изволил великий государь принять у него, думного дьяка, в своих, великого государя, хоромех сам, и указал великий государь ту отдачу тем печатем впредь для ведома записать в Посолском приказе в книгу» [1].

5 марта вечером Петр сдержал, наконец, обещание, данное Гордону: приехал к нему и оставался до полуночи. 9 марта давал перед отъездом прощальный пир Лефорт. «Я принял участие на празднестве у генерала Лефорта, — пишет Гордон, — после которого все поехали в Никольское, в 15 верстах от Москвы, где я провел ночь с другими. 10 марта, — продолжает он, — его величество там же после раннего обеда простился со всем обществом, состоявшим по большей части из бояр (сенаторов) и именитых иностранцев. Затем мы простились с послом и другими» [2]. Итак, Петр вместе с посольством покинул Москву 9 марта: «С Москвы марта с 9 числа, — как читаем в бомбардирском «Юрнале», возобновившем с этого дня свои записи, — генерал Лефорт, собрався со всем обозом, поехали в путь и ночевали в селе Никольском. День был красен, а ночь была с небольшим ветром» [3]. Проведя в Никольском ночь в веселой компании и утром 10 марта распростившись с провожавшими его московскими друзьями, царь двинулся вместе с послами в заграничное путешествие. Текущее управление государством должны были продолжать бояре-министры. В частности управление Москвой было поручено — «Москва была приказана» — князю Ф. Ю. Ромодановскому. Но царь официально считался присутствующим в Москве: все бумаги должны были поступать на его имя и исходить от его имени, и само посольство присылало свои донесения на имя государя в Москву. Отъезд его был покрыт строгой тайной; о нем было запрещено сообщать за границу. Приняты были суровые меры на почте: письма, адресованные за границу, доносит цесарю Плейер, вскрываются и уничтожаются, если в них сообщается что-либо, касающееся государства. Купцам, которые ранее ради их торговли пользовались бóльшей свободой в сношениях с заграницей, запрещено вкладывать в свои письма письма других лиц, и купеческая переписка также вскрывается и задерживается. Сам Плейер в своем донесении от 28 марта 1697 г. уведомлял цесаря о выезде Петра, при-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 631.
[2] Gordons Tagebuch, III, 93—94.
[3] Походный журнал 1697 г., стр. 1.

бегая к шифру [1]. Какая была цель такой тайны? Следует признать справедливыми соображения проф. Шмурло, что инициатива этих мер принадлежала не самому Петру, а окружавшим его правительственным лицам, и что тайна обусловливалась и необычайностью самого путешествия царя за границу, и несочувствием к этой поездке в некоторых кругах общества, и тем обстоятельством, что война с турками была еще не закончена и что поэтому «спокойнее было бы видеть государя у себя дома или перед вражеской армией, чем в роли туриста по Западной Европе». Петр же, не будучи инициатором мер своего правительства для охранения тайны, ничего, однако, против них не имел и, не соблюдая тайны до конца, выехал инкогнито и пользовался именем Петра Михайлова только ради удобства, но за границей, когда было надо, постоянно выступал, делал и принимал визиты в качестве московского государя [2].

Обратимся теперь к его путешествию. Выехав с послами утром 10 марта. после раннего обеда, из села Никольского, царь к полудню прибыл в село Чашниково, вотчину Л. К. Нарышкина, находящееся в 40 верстах от Москвы, где стоял до вечера. Послы остались там ночевать, а Петр, опережая посольство, отправился вечером далее и ехал в течение всей ночи. По «Юрналу» можно проследить, что и на этот раз он применял свой обычный прием в путешествии: днем делать продолжительные остановки и затем, выезжая с вечера, всю ночь проводить в дороге. Очевидно Петр обладал отличной способностью спать в санях, в которых совершал путешествие. Путь лежал через Тверь на Новгород и Псков к границам шведской Лифляндии, и перед царем, в предыдущие годы познакомившимся с северными пределами своего государства — с Поморским краем во время поездок на Белое море, а затем во время Азовских походов с южными — с Поволжьем и донскими степями, открывался теперь новый край: Тверская, Новгородская и Псковская области. При продолжительных остановках, которые делались, так как на этот раз путешествие совершалось с большой медленностью, Петр имел возможность присмотреться к особенностям этого северо-западного края своих владений. До Новгорода он с бомбардирами ехал впереди посольства. 11 марта утром прибыл в село Архангельское, где обедал, переправился через Волгу при селе Городецком и ночевать приехал в город Тверь [3]. День 12 марта проведен был в Твери; в

---

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 634.

[2] *Шмурло*, Критические заметки по истории Петра Великого, Ж.М.Н.П., 1900 г., кн. 5, стр. 72—74.

[3] Сохранилась записка с расписанием части пути посольства (Арх. мин. ин. дел, Дела австр. 1697 г., № 5, л. 62): «Марта в 11 день держать столовое кушенье в селе Мошницах от сего стану (?) 27 верст *тут.*

А от Мошниц до Клину 15 верст *ввечериее.*

От Клину до села Заулков 25 верст.

От Заулков до села Завидова 5 верст *столовое.*

От Завидова до села Шоши 15 верст *было столовое кушенье в Завидове.*

От Шоши до села Городни 15 верст *вечернее.*

дальнейший путь Петр двинулся с вечера. Совершая переезды по ночам, день 13 марта он провел в Торжке, а 14-го — в Вышнем Волочке. Выехав вечером 14 марта из Вышнего Волочка, он ночью миновал села Коломну, Хатилово, далее деревни Березовую и Коженкино, переправляясь через реки Березай — приток Мсты — и Ядровку. 15 марта приехали обедать в село Едрово. Отобедав, двинулись дальше, миновали деревни Дабилово и к вечеру достигли Зимнегорского яма (села Зимогорья), где и ночевали. 16 марта из Зимогорья тронулись после обеда, миновали село Валдай. «Подле того Валдая, — отмечает «Юрнал», — озеро, словет Валдай же; на том Валдае на острову стоит в правой стороне монастырь Иверской богородицы». Проехали далее деревни Миронеги, Яжелбицы, Рахино, к вечеру прибыли на Крестецкий ям, «переменили подводы», пустились ночью в дальнейший путь через деревню Вины, село Зайцево, деревни Подлитовье, Красные Станки, Кривое Колено, Бронницкий ям и Руску [1]. Перемена подвод, отмечаемая «Юрналом» на Крестецком яме, происходила во время этого путешествия Петра, видимо, не часто: приходилось ехать на тех же лошадях, чем и объясняются продолжительные остановки для отдыха и корма лошадей. Поэтому и путешествие на этот раз совершалось так необычно медленно. Новгорода Петр достиг только 17 марта утром, проведя в дороге от Москвы целую неделю.

В Новгороде была остановка на три дня: 17, 18 и 19 марта. К сожалению, совершенно ничего не известно о пребывании Петра там в эту поездку; о том, как и кем он был встречен и как проводил время. Остановкой он пользовался, чтобы написать московским друзьям: Кревету, Гордону, Л. К. Нарышкину, Г. И. Головкину, А. М. Головину, А. С. Шеину и Виниусу; но из всей этой переписки сохранились только доклад Кревета с положенными на нем собственноручными резолюциями Петра, помеченными: «Ізъ Новагорода, маръта въ 17». Прочие письма его не сохранились, и о них известно лишь только по ответам их адресатов. Доклад Кревета заключал в себе три пункта относительно находившегося под управлением Кревета лесопильного завода-мельницы в Преображенском и разного рода наемных мастеров-иноземцев: когда все бревна будут распилены, говорится в первом пункте, покупать ли новые и что делать с досками, которые будут из них напилены, продавать ли их или лежать им до указа? Если бревен больше не покупать, то держать ли при заводе иноземца-мастера терщика (пильщика) или его отпустить? Этому иноземцу в год идет по 150 рублей и если бревен вновь не купить, то он останется без дела. «Доски тереть, — отвечает на эти вопросы Петр, — а іноземца, будетъ новоя мелница поспѣетъ, в[е]леть там быть, чтобъ не гулял; а естли і безъ нево умѣютъ,

---

От Городни до Мокрых Пожен 15 верст.

От Мокрых Пожен до Твери 15 верст *столовое*».

Пометы, напечатанные курсивом, сделаны, кажется, рукой Ф. А. Головина.

[1] Походный журнал 1697 г., стр. 1—3.

отпустить». Второй пункт касается предложения двух иноземцев-ткачей парусного полотна, которые хотели бы наняться на службу: «о том, — спрашивается в докладе, — как ваше благоволение будет: наймать или нет?». «Ткачей нанять,— отвечает Петр,— а денги пополам с кумпаней, которые не послали для полотна за моря». Наконец, в третьем пункте Кревет спрашивал относительно иноземца-кузнеца, который делал плотничьи инструменты: немецкие топоры, тесла и долота, и которому в апреле доходит третий год найма, нанимать ли его на следующий год или отпустить его домой за море? «Кузнеца держать для того, — гласит резолюция царя, — чтобъ онъ на въсехъ Немецъкихъ плотникоѳъ дѣлалъ на Воронеже снасти; а пълатить ему такъже с кумпаней. Да ему жъ выучить к нашему возвьрату одного іли дву человекъ, і то спросимъ на васъ. Piter». Из этого документа видно прежде всего, что, уезжая за границу, Петр не освобождал себя от руководства теми делами, которые его особенно занимали. Затем резолюции обрисовывают нам Петра как рачительного и расчетливого хозяина, бережливо относящегося к интересам казны: наемного мастера-терщика устроить на новый завод, чтобы он напрасно не гулял; деньги парусным тка-

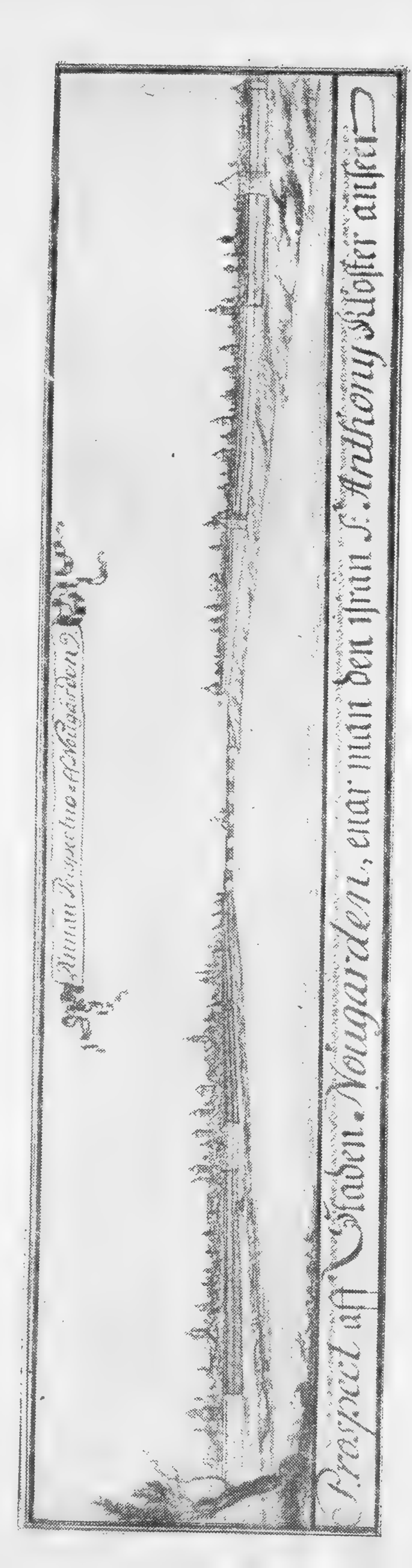

Рис. 4. Новгород Великий
Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

чам платить из казны пополам с теми кумпанствами, для которых паруса должны будут понадобиться, но которые не послали покупать их за границей; иноземца-кузнеца на Воронеже также держать на средства кумпанств с тем еще, чтобы он непременно выучил своему мастерству до возвращения царя одного или двух русских. Резолюции Петра прекрасно раскрывают также перед нами суть отношения его к иноземцам. Иноземец нужен, чтобы выучить русского человека мастерству, которым тот не владеет, а раз эта цель достигнута и русский человек выучен — «если и без него (иноземца) умеют», — он более не нужен, и его можно отпустить [1].

Письма к Виниусу, начиная с отъезда за границу, имеют одну отличительную особенность: они пишутся тайнописью, особыми чернилами, при употреблении которых написанное становится видным и возможным для прочтения только тогда, если строки письма помазать специально для него приготовленным составом. Об этой тайной переписке Петр условливается с Виниусом в собственноручном письме, отправленном, повидимому, еще с дороги в ответ на записку Виниуса с советом, как пользоваться открывающей тайнопись жидкостью. «Пишешъ в сей цыдуле, — говорит в этом письме Петр, — чтопъ во ону материю прибавить укъсусу ренъскова; а я еше і рецепта оной не імѣю. Пришъли черезъ почъту, не мешъкоѳъ. А в писмахъ тѣхъ тайныхъ буду я писать на верху іли внизу черниломи, гдѣ пристойно будетъ, для признаки, такия слова: (пожалуй, покъланись господину моему генералу і побей челомъ, чтобъ пожаловалъ, не покинулъ дамишъка), чтоб не познали. Да [о]тпиши, отъ ково это і і[зъ] которого города, чтобъ намъ тамъ, естли будемъ, в семъ опастися» [2]. И это письмо, кроме слов, заключенных Петром в скобки, написано тайными чернилами. Под генералом, которого Петр просит не покинуть домишка, может подразумеваться А. М. Головин. С дороги также написано было к Виниусу и следующее письмо, в котором Петр сообщает, что из полученных от Виниуса трех записочек (цыдул), написанных тайными чернилами, две малые он потерял, не помазав еще их проявляющим составом, а в третьей записке нашел рецепт этого состава. «Присъланы были отъ тебя [съ] симъ писмомъ три цыдулы, і іс тѣ[хъ] двѣ малаи потерялъ, еше не помазаѳъ. Буде надабъныя были, отпиши апять; а естъли нетъ, не пиши. А въ третей написана вотка помазалная. А что я писалъ к тебѣ оп сихъ расписяхъ, і тѣ росписи я нашелъ после у Алексашъки. Побей челомъ генералу, чтобъ не покинулъ дамишъка». Что такое за росписи, о которых идет здесь речь, без письма Виниуса, на которое это письмо Петра служит ответом, неясно. Алексашка-Александр Меншиков, бомбардир, отправившийся за границу в том десятке, над которым десятником был Петр. Это первое письменное упоминание о нем, свидетельствующее о его близости к царю. Последние слова «Побей челом»

[1] П. и Б., т. I, № 144.
[2] Там же, № 145.

и т. д. — условный знак, что дальше следовала тайнопись. Но конец этого письма утрачен [1].

Послы, вслед за царем, прибыли в Новгород 18 марта. На следующий день, 19 марта, они отправились далее. В тот же день, по своему обыкновению под вечер, выехал и Петр, опять опережая послов. Дорога лежала через деревни Заволу, Сергиеву, в которой сделана была двухчасовая остановка, далее через деревни Голину, Шимскую, Бор, Мшагу, Княжевой Двор, Свинорт, Мусцы. Утром 20 марта Петр был в погосте Сольцы на реке Шелони, где стоял часа четыре. Затем, двинувшись в путь, миновал монастырь Молочков и к вечеру приехал в Опоцкий Ильинский монастырь. В последнем останавливался часа на два. Ночь опять проведена была в пути; проезжали деревни Васку, Боровицы, погост Дубровной, деревню Путилову. 21 марта утром была двухчасовая остановка на Загорском яме, а затем в течение этого дня проехали через деревни Подлипье, Дубановичи, Козлово, Иванцову, Подвишенья и Бобровник; далее, миновав Успенский монастырь, царь к вечеру 21 марта приехал во Псков. На другой день, 22 марта, прибыло туда же и посольство. Отсюда послы отправили в Ригу генерал-губернатору Дальбергу, или, как они его титуловали официально: «государя Каролуса... думному полному маршалку и генералу-губернатору над Лифлянты и города Риги, канцеляру [канцлеру] Юрьевской Академии» «листовое возвещение», письмо, в котором уведомляли его о своем приезде во Псков, о намерении итти без всякого замедления к Риге и просили учинить им с надлежащей честью на границе прием и отпуск до Риги, а из Риги до курляндской границы, с удовольствованием их в кормах и подводах. Майора Ягана Шмита с передовым отрядом и с имуществом посольства послы во Пскове уже не застали: он, не дождавшись послов, выехал изо Пскова в Ригу, и одновременно с листом к рижскому генерал-губернатору послы отправили и торопливому майору наказ, в котором писали, что «...велено ему, Ивану, приехав в Ригу, ожидать их, великих и полномочных послов, прибытия в Риге и из Риги никуды без приказу их не ездить; а жить бы ему в Риге с великим опасением и осторожностию, и казны, и посолского платья и рухляди всякой беречь со всяким прилежанием, и караул всегда иметь крепкой и трезвой и салдат от пьянства и ото всякой дурости унимать; а что он изо Пскова учинил поезд свой в Ригу без ведома их, великих и полномочных послов, и за то он довелся наказания» [2].

Изо Пскова царь и посольство двинулись в дальнейшую дорогу в один и тот же день — 23 марта, Петр — опять вечером. Переправившись через Чудское озеро, держали, далее, путь через деревни Ваймицы, Лустовку и Молоскову, где стояли два часа. За-

---

[1] Там же, № 146.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 753, 754—756; Походный журнал 1697 г., стр. 3—5.

*

тем проехали деревню Саурову и к утру 24 марта прибыли в расположенный у самой границы Печерский монастырь. Здесь Петр «с бомбардирами и послы праздновали праздник благовещения и слушали божественные службы» и в тот же день, 25 марта, двинулись в путь, забрав по распоряжению царя из Печерского монастыря съестные припасы для солдат и подводчиков: 25 четвертей муки ржаной и 25 четвертей сухарей «для хлебных заграницею недородов». Вскоре достигли реки Плюсы — шведского рубежа — и перешли ее у городка Нейгаузена [1]. Петр вступил на чужую землю.

III. ПРЕБЫВАНИЕ ПЕТРА В РИГЕ

На границе послов встретили командированные рижским генерал-губернатором уполномоченные: майор Глазенап, капитан Дормфельдт и живший постоянно в Пскове комиссар рижского генерал-губернатора Герберс. «И тот маеор, — описывает эту встречу «Статейный список», — пришед к великим и полномочным послом, учтиво говорил, что прислал их рижский генерал и губернатор Эрик Далберх, и велел их, великих и полномочных послов, им встретить и спросить о здоровье и быть у них до Риги в приставех, а дворы де, где им стоять, готовы; а кормов никаких не объявил, а про подводы сказал, что возможно сыскать, и те велено давать за наем, за их, посолские, деньги, по указной цене. И великие и полномочные послы за их встречу благодарствовали и ехали до постоялого двора. Поставлены великие и полномочные послы на королевском гостине дворе. И на том стану великих и полномочных послов те короля свейского присланные начальные люди подчивали питьем; а в ествах доволство имели своими припасы. И за столом пили стоя про здоровье великого государя его царского величества, а потом про здоровье королевского величества свейского» [2]. Из Нейгаузена Петр под вечер двинулся дальше и ехал всю ночь, а послы, отъехав от Нейгаузена четыре мили, сделали остановку для ночлега в имении встречавшего их капитана Дормфельдта. 26 марта к обеду Петр прибыл в местечко Рауге, в 27 верстах от Нейгаузена. Пообедав здесь и пустившись в дальнейший путь, он сделал четырехчасовую остановку где-то на берегах речки Шварцбах. Ночь опять была проведена в дороге. 27 марта, переправившись на плотах через реку Аа Гавье (Aa Gauje), он расположился обедать в местечке Адзель, лежащем на берегу этой речки, и провел здесь весь день до вечера, съехавшись здесь с несколько отстававшими от него все время послами. Из Адзеля Петр отправился дальше 27 марта вечером, ехал всю ночь и 28-го поутру прибыл в городок Смилтен, где была сделана остановка до полудня. Тронувшись в полдень из Смилтена, он к вечеру 28 марта достиг местечка Стурценгофа, стоял там четыре

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 756; Походный журнал 1697 г., стр. 5—6.
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 756—757.

часа; ночью, по обыкновению, опять ехал и к утру 29 марта был в городке Вендене. «Вообще, — замечает по поводу этого путешествия через Лифляндию Шмурло, — по шведской территории Петр в дороге ночлегов не имел, делая более продолжительные остановки на станциях лишь днем... Кажется, всего правильнее предположить вынужденность остановок и притом не столько вследствие распутицы, сколько вследствие затруднений в перевозочных средствах. Царю едва ли не пришлось проделать весь путь по Лифляндии на одних и тех же лошадях, другими словами, останавливаться для их выкормки. Вот почему пробег в сущности ничтожного расстояния, менее чем в 243 версты, от Нейгаузена до Нейермюлена в окрестностях Риги потребовал без малого пять суток. Сказанное не покажется особенно странным, если вспомним, что местное население сильно терпело в тот год от неурожая, небывалого по своим размерам: неурожай охватил всю Лифляндию, не было ни хлеба, ни кормов. Многие умирали от истощения; цены на все стояли небывалые. Собрать достаточное количество подвод оказалось невозможным; к тому же шведские власти заблаговременно не были предуведомлены ни о времени проезда послов, ни о размерах их свиты. Приходилось большей частью ехать на своих же русских возчиках»[1].

29 марта к обеду Петр приехал в местечко, названное в «Юрнале» Сам-Бег, под которым можно подразумевать или шинок Silkebike, или, что еще вероятнее, шинок Steinbek (по местному выговору Stembek, Sembek). Здесь была восьмичасовая остановка. К вечеру Петр достиг местечка, обозначаемого «Юрналом» Никот (?), и после двухчасовой остановки всю ночь ехал. 30 марта он прибыл в городок Агеж или Адеж (это, очевидно, Неймюлен, по-латышски называемый Ahdaschi) и здесь впервые в Лифляндии остановился для ночлега. В этот же день посольство, двинувшись после остановки и ночлега на постоялом дворе при речке Митаге и находясь в 5 милях от Риги, повстречало посланного майором Шмитом сержанта Терентия Чернышева с ответами от рижского генерал-губернатора Дальберга на посланный к нему из Пскова послами «лист» и от самого майора на обращенное к нему послами письмо. Дальберг в своем ответе, принося послам «приятное поздравление» и уведомляя их о получении их листа, писал, что, конечно, было бы лучше, если бы он ранее был предупрежден точно о времени прибытия послов на границу и о численном составе посольства, но что и не зная этого, он все же принял все меры к приему посольства «по соседственному дружелюбию», насколько это было возможно «по нынешнему состоянию в земле сей, яко же довольно известно», намекая этими последними словами на разразившееся над Ливонией бедствие — неурожай. Майор Шмит в ответе послам оправдывался в своей

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 757; Походный журнал 1697 г., стр. 6—7; *Шмурло*. Критические заметки, Ж.М.Н.П. 1900 г., май, стр. 59—60; ср. *Bergengrün*, Die grosse moskowitische Ambassade von 1697 in Livland, Riga 1892, S. 22—24.

поспешности, что из Пскова пошел в Ригу, не дождавшись во Пскове великих послов, указывая на то, что наступил уже самый последний зимний путь, предстояло разлитие вешних вод, и он опасался, как бы не подмочить государевой казны и обоза, которые он сопровождал. С 24 марта он уже находился в Риге и ожидает прибытия туда их, великих послов, «со всякою осторожностию». Послы вернули сержанта Чернышева к майору Шмиту с наказом, чтобы он с находящимися при нем солдатами был к приезду их во всякой готовности и в день въезда их в Ригу стоял бы у посольских дворов в строю с ружьем на карауле[1].

31 марта Петр с волонтерами и посольство имели последнюю остановку на «подхожем стану» перед Ригой в местечке Меерман (Mehrmannshof) в расстоянии мили (3 версты) от города. Здесь их ожидали три присланные генерал-губернатором легкие кареты, одна о четырех и две другие о двух лошадях каждая. В первую карету сели великие послы, во второй и третьей поместились священник и некоторые из состоявших при посольстве дворян. За полмили до Риги у Гаусмансгофа (Hausmannshof) посольству была устроена торжественная встреча. «Не доезжая Риги за полмили, — рассказывает «Статейный список» посольства, — встретили великих и полномочных послов из Риги присланные от губернатора полуполковник Палмуструх, да маеоры Ранк да Глазенап и несколько человек бурмистров и знатных мещан. И вышед с обеих сторон из корет, полуполковник великим и полномочным послом от губернатора, поздравляя счастливым их приездом, говорил встречную речь по писму, а бурмистры поздравляли от градцких людей и объявили от губернатора корету болшую золоченую о шести возниках (лошадях), в чем им, великим и полномочным послом, ехать в Ригу, да дворяном пять корет, по шести ж возников в корете». Во время встречи и взаимных приветствий по обеим сторонам дороги стоял отряд «выборных мещан в богатых платьях, на лошадях с доброю сбруею, с голыми палашами, с двумя трубачами». Это были 36 представителей корпорации «Черноголовых», одетые в украшенные золотыми галунами костюмы, в шляпах с белыми перьями. По сторонам карет находились 12 телохранителей в королевских ливреях и 10 пажей и лакеев генерал-губернатора. «И великие и полномочные послы, — продолжает «Статейный список», — выслушав, за встречу и поздравление и за прием губернатору и им присланным благодарствовали, и в тех коретах в Ригу ехали: в первом месте сидели первой и второй великие и полномочные послы, против их по правую руку сидел третей посол; с ним по левую руку сидел полуполковник Палмуструх. А в прочих коретах сидели священник и посольские дворяня. А иные дворяня ж, которые в те кореты не вместились, и началные люди, и переводчики, и подьячие, и иных чинов люди ехали перед послы верхи; да перед послы ж ехали трубачи посолские и трубили на серебряных трубах; а началные

[1] Походный журнал 1697 г., стр. 7; Пам. дипл. сношений, VIII, 758—761.

люди и выборные салдаты Преображенского полку ехали перед великими и полномочными послы верхами ж». Шествие замыкали 140 конных бюргеров со шпагами в руках, со знаменами, литаврами и трубами. При трубных звуках въехали послы в город. У ворот предместья выстроен был караул: 10 солдат с топорками, 10 — с фузеями (ружьями) и 20 — с протазанами. Караул присоединился к процессии и шел по сторонам посольских карет. В трех местах города, через которые лежал путь послам, у Песочных ворот (Sandthor), на Старой площади (Altplatz) и у Карловых ворот (Karlsthor), стояло по отряду пехоты; перед ратушей на Старом рынке построена была также артиллерия. Войска встречали послов музыкой: били в барабаны и «играли на сипошах». Шествие направилось по Kalkstrasse, через Старую площадь и Господскую улицу (Herrenstrasse) к предместью Ластадии на берегу Двины за Карловыми воротами. При въезде внутрь самого города был сделан пушечный салют с крепости в 16 выстрелов, при выезде через Карловы ворота раздалось 9 выстрелов. «У посолских дворов стояли в строю с мушкеты московские салдаты (майора Шмита) в строевом платье, суконные кафтаны темнозеленого цвету, а сержанты алого цвету, имея на грудях серебряные плащи. . .» Подъехав к отведенным им в предместье Ластадии дворам, «вышли великие и полномочные послы из кореты у ворот, потому что на двор коретам за теснотою въехать было немочно. Проводили те встречники великих и полномочных послов в хоромы, и великие и полномочные послы тем встречником благодарствовали и подчивали питьем. Поставлены великие и полномочные послы за городом на предместье на мещанских дворех: первой у Якова Гака, второй у Юрья Преториуса, третей у Ягана Гилда; а началные люди и выборные салдаты, и дворяне, и иные чины стояли на особых дворех близ великих и полномочных послов. Того ж числа приходили к великим и полномочным послом два человека из бурмистров и великих и полномочных послов поздравляли, и великие и полномочные послы им благодарствовали и потчивали». Петр наблюдал церемонию встречи и участвовал во въезде в город, незаметно скрывшись в отряде волонтеров, смешиваясь с толпой посольства. Ему отведен был в том же предместье Ластадии двор Якова Шуберта [1].

На следующий день, 1 апреля, великие послы в ответ на приветствие, принесенное им от имени генерал-губернатора командированными последним офицерами майором Врангелем и капитаном Лилиенстиерна, отправили к генерал-губернатору двух дворян из своей свиты — Богдана Пристава и Петра Лефорта — благодарить за оказанный им прием, которым они были, повидимому, очень довольны. Удовольствие по поводу приема выражал и Петр в письме к Виниусу от того же 1 апреля. «Min Her Vinius, —

[1] Походный журнал 1697 г., стр. 7; Пам. дипл. сношений, VIII, 761—764; ср. черновой отрывок «Статейного списка» у *Устрялова*, История, т. III, приложение II, № 8; *Bergengrün*, op. cit., 30—31.

писал к нему царь, — вчерашьнего дня приехали в Ригу, слава богу, въ добремъ здоровье, і принеты господа послы с великою честию; при которомъ въезде была ізъ 24 пушекъ стрелба, когда въ замокъ вошъли і вышъли. Двину обрели еще льдомъ покърыту, і пѣшие ходятъ, а санми по севоднишъней день еще ездили; і для таго принужъдены здѣсь нѣкоторое върремя побыть. Да самой Риги

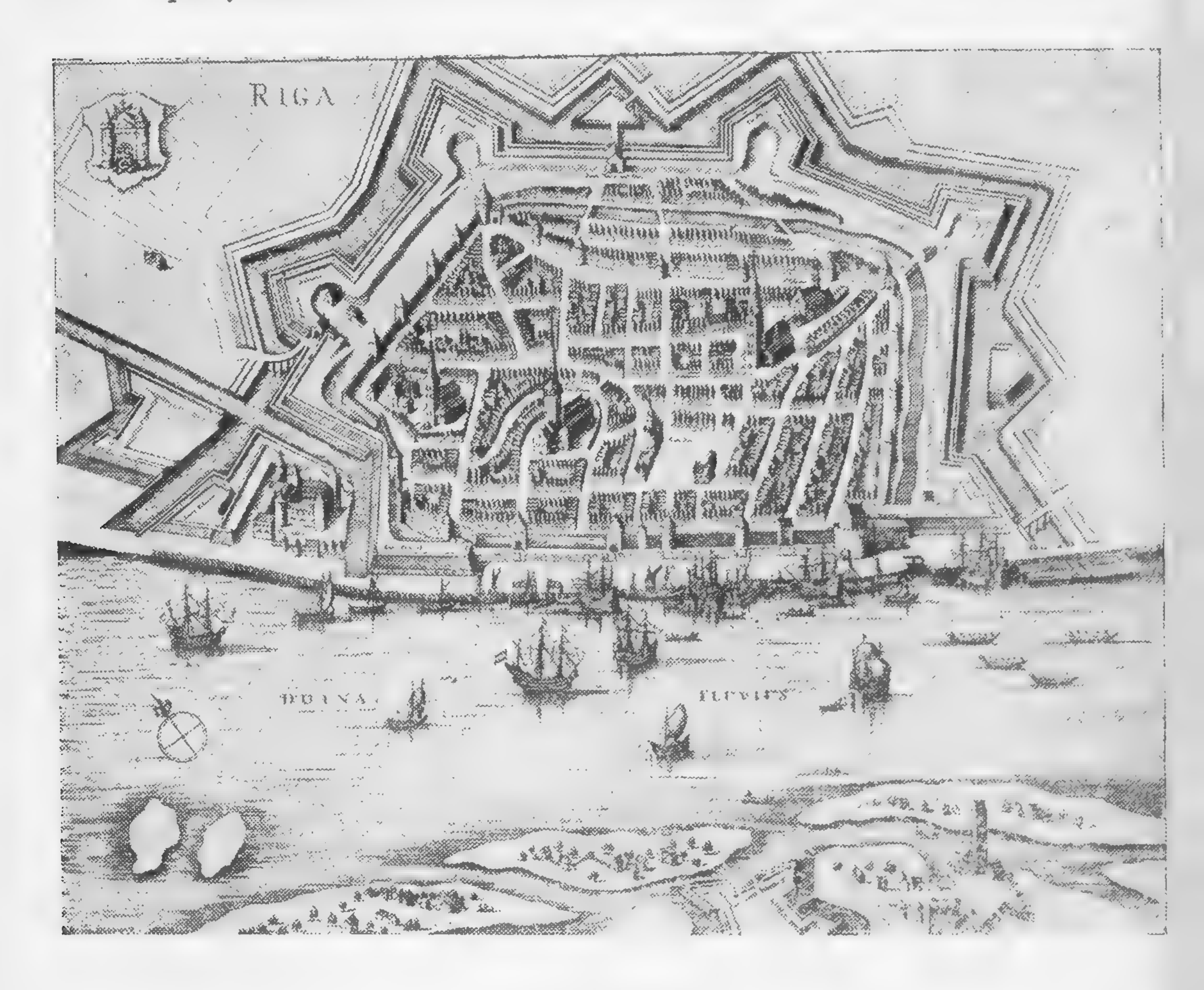

Рис. 5. Рига
Гравюра 80-х гг. XVII в.

ехали в саняхъ; і путь только верстъ з 50 хутъ былъ горазда, а інде бутто зимою. Пространънее обо въсемъ буду писать з будущею потчтою для того, что[бъ] севодни обыкъновенная почьта не мешъкала. Piter. Пожалуй, поклонись въсъем знаемымъ. Ізъ Риги, апреля в 1 д. Здравъствуйте с празникомъ Христова Востания! А я чаю, что сия почьта на Свѣтълой недели дойдетъ к вам» [1]. В Риге не предполагалось делать продолжительной остановки, однако посольству пришлось задержаться здесь на 11 дней вследствие вскрытия Двины и ледохода. 4 апреля послы праздновали светлое

[1] П. и Б., т. I, № 147. К тому же числу, вероятно, надо относить и коротенькое письмо к Ромодановскому (там же под № 150); *Шмурло*, Критические заметки, Ж.М.Н.П. 1900 г., май, стр. 70—71.

воскресенье. Для церковных служб страстной недели и светлого праздника в походной церкви с посольством взяты были из Пскова 6 человек певчих псковского митрополита. В самый светлый день тронулся лед на Двине: «по полудни на реке Двине лед рушился», как отмечает «Статейный список» посольства, и это вскрытие льда сопровождалось таким сильным разливом, какого давно не было, по свидетельству старожилов. «Апреля в 5 день, — читаем далее в «Статейном списке», — в реке Двине зело много воды прибыло, и влилась в город Ригу и многую шкоду учинило и погребы многие залило; и сказывали рижские жители, что такой воды болшой у них давно не бывало». Это свидетельство «Статейного списка» подтверждается сохранившимся показанием, данным городскому совету одним из рижских купцов, Кохом, который говорил, что такого разлива реки не бывало лет 60—70 [1].

Первые дни пребывания своего в Риге, дни страстной недели, царь мало показывался. Но на другой день пасхи, 5 апреля, около 5 часов вечера его видели выехавшим из Карловых ворот на хорошей серой лошади; он на глазах толпы из нескольких сот человек въезжал на переброшенный через ручей мост, край которого был покрыт водой. Такое показание о царе давал городскому совету тот же упомянутый выше купец Кох. Владелец дома, где было отведено помещение Лефорту, Яков Гаак, также сообщал городскому совету в заседании 7 апреля, что послы старательно объезжали город, «в особенности тот, в ком можно предполагать царя» [2]. 8 апреля, как только явилась возможность переправиться через Двину, Петр выехал из Риги. «Апреля в 8 день, — говорит об этом «Статейный список,— великие и полномочные послы отпустили из Риги напред себя в Курляндию Преображенского полку началных людей, урядников и салдат 35 человек». В «Юрнале» отъезд описан так: «Убираться стал весь обоз и, убравшись, приехали к Двине и стали обоз ставить в лодки и переплыли чрез Двину и проехали Коборшанц (укрепление, расположенное на берегу Двины несколько выше города) и ночевали за Двиною» [3]. Уезжая, Петр по обыкновению написал письма к друзьям в Москву. «Min Her Konih, — писал он Ромодановскому. — Сегодня поехали отсель въ Митаву. Но понеже ничего здесь к службе вашего величества не обрел дела достойнейшего, точию некоторые перевези солдатские, которые посланы до господина генерала, понеже оные вашему величеству яко недостойнейшая вещь, к новизне или удивлению; но потщимся ин-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 764—766; *Bergengrün*, Die grosse moscowitische Ambassade.

[2] *Bergengrün*, Die grosse moskowitische Ambassade, 40.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 766; Походный журнал 1697 г., стр. 8; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 1 об.: «апреля в 12 день при отъезде из Риги за перевоз чрез Двину реку валентеров, которые поехали напред великих послов из Риги в Курляндию, да за перевоз же великих послов и при них будучих людей и казны и посолской рухледи перевозщиком дано 37 золотых».

де угодные вещи вашему величеству искати. Iv aldah Kheh Piter». Не найдя ничего иного сообщить Ромодановскому, кроме известия о каких-то привлекших его внимание солдатских перевязях, образцы которых он послал к генералу А. М. Головину, Петр гораздо более содержательное письмо отправил Виниусу. В нем он поделился с Виниусом тем впечатлением, какое испытал от житья в Риге, а также своими военными наблюдениями, касавшимися рижской крепости и гарнизона, и передал некоторые политические слухи, предписав о последних довести до сведения «набольших», т. е. лиц, поставленных во главе управления государством. «Her Vinius, — писал ему Петр, — сегодня поехали отсель в Митоу; а жили за рекою (из-за вскрытия реки), которая вскрылась в самый день пасхи. Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением. Торговые люди здесь ходят в мантелях и, кажется, что зело правдивые, а с ямщиками нашими, как стали сани продавать, за копейку матерно лаются и клянутся, а продают втрое. Вестей иных никаких нет. За сим, предав вас в сохранение богу, просим знакомым и однокумпанцам должное отдати поклонение. Piter. Из Риги, апреля в 8 день. Сие письмо покажи Гавриле Ивановичу». Затем следует условная приписка: «Пожалуй, побей челом» и т. д., и остальная часть письма написана тайнописью, при помощи которой Петр и сообщал военные и политические вести: «солдатъ здесь, сказывают, 2780. Мы ехали чрез город и замок, где солдаты стояли на 5 местех, которые были меньше 1000 ч.; а сказывают, что все были. Город укреплен гораздо, только не доделан. Зело здесь боятся, и в город, и в иные места и с караулом не пускают, и мало приятны. Солдатам жалованья. . . в год, капралам по 12, сержантам по 24, да всем по 3 бочки хлеба». Политические новости касались выборов на польский престол, слухов о намерении шведского короля выставить кандидатуру в польские короли своего сына, для чего собирается под предлогом похода на Данию войско и посланы в Польшу деньги. Петр предписывает всеми силами противодействовать этой кандидатуре через находящегося в Польше русского резидента или отправив особого посла. «Как я сюда ехал и, не доезжая Риги, в некоем шинку (может быть, в том, который в «Юрнале» назван Сам-Бег) дворянин, подпив, говорил, что де наш король в Польшу в короли прочит сына своего, да и войско к тому уже тайно, будто для датчан, готовят, и деньги в Польшу посланы. И об том объяви набольшим, чтоб сколько мочно в том опасли и не допускали б, хотя чрез резидента или нарочного посла» [1].

Очень вероятно, что уже по написании и отправке этих писем Петр в тот же день, 8 апреля, получил ряд писем из Москвы от Гордона, Виниуса, Л. К. Нарышкина, Г. И. Головкина, А. М. Головина и Шеина, датированных 26 марта. Из этих писем друзей

---

[1] П. и Б., т. I, № 148, 149. В тот же день Петр писал Г. И. Головкину и Л. К Нарышкину, но письма эти не дошли до нас (там же, стр. 618).

Петр мог узнать, что в Москве все тихо и спокойно, что полки, назначенные на лето в Азов, давно уже выступили, и 27 марта собирается покинуть Москву и отправиться туда же в Азов П. И. Гордон, все еще не получивший пожалованных ему за второй Азовский поход кубка и шубы (Гордон); что полковник, офицеры и солдаты Преображенского полка шлют усердный поклон, а первой роты барабанщик Лука Казимеров умер (А. М. Головин); что какие-то распоряжения «о Строгонове деле, как бы учинить прибыльнее», о которых царь писал из Новгорода Л. К. Нарышкину, будут этим последним исполнены (Л. К. Нарышкин); что будут исполнены также распоряжения относительно постройки Таганрога, о чем было писано также из Новгорода А. С. Шеину; что сам Шеин собирается в путь в Азов, но Большая казна скупа на выдачу денег и пр. (Шеин). Г. И. Головкин сообщал какие-то семейные подробности, нам теперь непонятные по условности выражений: «медведь, волк и лисица у меня и грамоте учатца, а хотя то тем животным и не сродно, однака правда». Всего интереснее, вероятно, было Петру прочесть письмо Виниуса, в котором тот передавал известие о победе украинских казаков над татарами, полученное в Москве одновременно с пришедшей от посольства почтой. В Москве задана была по случаю прибытия почты от послов и по случаю известия о победе пирушка. «Господину моему благоприятнейшему, — писал Виниус. — За писание твое любительное из Новагорода марта 19 дня, зде стала в 23 день в полдень, благодарствую сердечно, и того дня, понеже от господина великого посла с товарищи первая явилась почта, ввалился я в такую компанию и в те часы, как дошла весть о виктории полтавцев над татары, и тут за здравие послов и храбрых кавалеров, а паче же государское, так подколотили, что Бахус со внуком своим Ивашкою Хмелн. надселся со смеху; а брат Василей с стариком Бахусом хотел было порасстаться, как говорил, но Ивашко лих, опять подкрался и почасту с ним танцует. За сем буди, господине, здрав и в пути своем во всяком благосщастии. . .» и т. д. [1]. Прочтя эти известия и торопясь в путь, Петр в тот же день, 8 апреля, отвечал только на письмо Виниуса, особенно заинтересовавшее его известием о победе. Это было, таким образом, второе письмо от 8 апреля к Виниусу. В нем царь просил сообщить дальнейшие подробности о победе, а затем поручал передать поклоны друзьям с извинением, что не пишет им отдельно за недосугом. «Min Her Vinius, — писал Петр, — писмо твое, марта въ 26 д. писанное, мнѣ апреля въ 8 д. отдано, за чъто благодарствую. Писалъ ты о викътори натъ татары отъ Полтавъцоѳъ; а какъ оная была, не назначилъ. Пожалуі, увѣдоми въ [п]реть. Государемъ — яко государское, і свѣтейшему — яко светителское отдаждъ поклонение; господамъ: Алексею Семеновичю, Лву Кириловичю, Аѳътамону Михайловичю, Гавърилe Івановичю, Петру Івановичю, кнезь Борису Алексеевичю, Борису Пет-

[1] П. и Б., т. I, стр. 614—616.

ровичю — яко господское отдаждь поклонение, і побей челомъ, чтобъ на особое писмо не покъручинились, потому что теперь єдемъ в Курляндию і почта ждать не хотела. Piter» [1]. Письмо это было написано уже, вероятно, на пути в Курляндию.

С недобрым чувством покидал Петр Ригу. Из первого его письма к Виниусу в день отъезда 8 апреля ясно видно раздражение, сменившее собой то чувство удовольствия, какое ему доставила встреча послов. Он жалуется, что в Риге пришлось жить «рабским обычаем» и быть «сытыми только зрением», далее на дороговизну: «продают втрое», и на скупость рижских купцов, которые, хотя и «ходят в мантелях» и на первый взгляд кажутся людьми правдивыми, но сильно прижали русских ямщиков, когда те стали распродавать сани и отчаянно торговались из-за копейки. Унося неприятные воспоминания, Петр поторопился расстаться с Ригой и на три дня опередил посольство, несмотря на всю затруднительность переправы через разлившуюся Двину. И в «Статейном списке» посольства слышны отзвуки того же недовольства путешествием от границы до Риги и пребыванием в самой Риге: посольству не выдавалось от шведского правительства съестных припасов или денег за них, а также и конских кормов; взята была большая плата за квартиры в Риге и приходилось платить чрезмерно дорого за продовольствие в городе; взяты были слишком большие деньги за перевоз посольства через Двину. «От свейского рубежа до Риги, — читаем мы в «Статейном списке», — и в Риге во все бытие великим и полномочным послом и всем при них будучим людем съестных кормов и вместо съестных кормов денежной дачи и конских кормов ничего не дано и вспоможения никакова в проезде не учинено; и за перевоз через Двину реку и за постоялые дворы великие и полномочные послы платили болшую цену и кормы и запасы покупали дорогою ценою» [2].

Позднее недовольство приемом царя и посольства сделается одной из причин объявления войны Швеции, и тогда все эти жалобы будут подробно формулированы московским правительством. Надо, однако, сказать, что испытанные царем и посольством неудобства при проезде до Риги и во время житья в самой Риге находят себе достаточные объяснения. По статье 15 действовавшего в то время Кардисского договора, заключенного между Москвой и Швецией в 1661 г., на которую ссылалось и само посольство, извещая рижского генерал-губернатора о своем прибытии в отправленном к нему из Пскова листе, ни шведское, ни московское правительство не обязаны были содержать посольства, только проезжающие через шведскую или русскую территории к другим государям. Такие послы, посланники и гонцы

---

[1] П. и Б., т. I, № 151. Что письмо это написано 8 апреля на пути, а не 11-го, как предполагает издатель П. и Б., и только отправлено уже из Курляндии, основательно доказывает Шмурло (Критические заметки, Ж.М.Н.П. 1900 г., май, стр. 68—70).

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 771.

должны «ехать на своих проторях и ничего не спрашивать», хотя, впрочем, в этой же статье есть и оговорка: «но по дружбе, которая меж обоих великих государей есть, и их послам, и посланникам, и гонцам, с обеих сторон в их поезде достойное вспоможение учинить»[1].

Дороговизна, на которую жаловались послы и Петр, вызвана была разразившимся над Лифляндией бедствием, т. е. неурожаем, а прибытие в Ригу посольства в несколько сот человек с значительным числом лошадей должно было еще поднять цены на съестные припасы и конские кормы и на помещения. Прижимистость рижских купцов по отношению к русским ямщикам, распродававшим в Риге сани, легко находит себе объяснение в том времени, когда сани, притом в неожиданно большом количестве, распродавались: весною кому же сани могли быть нужны? Точно так же дорогая плата, взятая за перевоз через Двину, обусловливалась моментом, когда такая переправа потребовалась, — половодьем, с необычайным притом разливом реки. На трудность переправы указывали 7 апреля вызванные в городской совет перевозчики[2].

В особенности большое негодование, судя по сильному выражению, возбуждала в Петре унизительность житья в Риге «рабским обычаем», как он это житье обозначил, и в этих словах можно видеть намек на конфликт с рижской администрацией, вызванный его желанием осматривать крепость. Приведенное письмо к Виниусу показывает, как царя интересовали военные подробности в Риге, первой западноевропейской крепости, которую он посещал, притом принадлежавшей державе, считавшейся тогда первоклассным военным государством. Петру могло быть небезызвестно, что эта крепость 40 лет тому назад осаждалась его отцом, и это обстоятельство должно было усилить интерес к ней. Конфликт заключался в том, что несколько человек из посольства, и в их числе, конечно, сам Петр, стали расхаживать по валу и контрэскарпам, наблюдать укрепления при помощи подзорной трубы и даже снимать план крепости и измерять глубину рва. Крепостной караул, заметив это, потребовал от русских, чтобы удалились, причем прибег к угрозам ружьями. Прикомандированный к послам капитан Лилиенстиерна, через которого генерал-губернатор приносил извинение послам за этот поступок гарнизона, так говорил о происшествии в своем донесении: «Так как шел слух, что его царское величество сам здесь находится, то, хотя и запрещено было под страхом смерти это распространять, я старался получить об этом верное известие, однако, никого не мог побудить сообщить мне о том и еще того менее показать мне его величество, хотя я заприметил одну личность в совсем плохом костюме, которая выделялась среди всех остальных своим величественным видом, несмотря на дурную одежду. Его я застал од-

[1] П. С. З., № 301, ст. 15.
[2] *Bergengrün*, op. cit., 46.

нажды в очень серьезном разговоре с господином первым послом, когда я пришел по поручению его высокографского превосходительства, чтобы принести извинения за поступок караула, который не позволил некоторым из посольской свиты прохаживаться по валам и контрэскарпам, и, когда они намеревались все-таки продолжать это делать, воспрепятствовал этому, приготовясь стрелять. Извинения господин первый посол принял благосклонно и ответил, что караул поступил правильно и исполнил свою обязанность, и он даст приказания, чтобы ничего подобного впредь не было» [1]. Основательно замечает по поводу этого происшествия Шмурло, что если и допустить, что Дальберг удовлетворен был распоряжениями Лефорта, то «все же воспоминание о мгновениях, проведенных под дулом ружья, для русской стороны, конечно, не могло быть приятным» [2].

Может быть, только что описанный эпизод совпадает с тем, на который значительно позже указывал Шафиров в своем известном «Рассуждении о причинах Шведской войны». По его рассказу, столкновение возникло из-за поездки в гавань, где Петр намеревался осмотреть иностранные корабли и один из них приобрести для себя. «Также, — писал Шафиров, — когда по известной всему свету его величества охоте к морскому делу изволил оной ездить с некоторыми из своей свиты к кораблям голландским, которые стояли ниже города, в намерении таком, чтоб их видеть и нанять из оных один для путешествия своего намеренного и пошел было тою дорогою, которая от посольских дворов лежала к морю и где весь народ ездит, а именно от королевских (очевидно, Карловских) ворот направо посадом, и понеже та дорога в некоторых местах близ конца внешнего контрэскарпа, то по губернаторскому повелению чрезвычайные на главном валу поставленные пикеты с великим криком и угрозами, а иные и прикладываясь ружьем, возбраняли и хотели стрелять, чтоб не ездили будто близ крепостей. На что им ответствовано, что та всенародная дорога (которая и доныне в том же месте, и любопытной может сие и ныне освидетельствовать) и для чего всем вольно, а им невольно. И ежели им противно, чтоб показали другую дорогу. И понеже другой не было, то с великою нуждою пропустили» [3].

Наконец, в первом письме своем к Виниусу от 8 апреля Петр жаловался еще на негостеприимство по отношению к посольству рижской администрации, на то, что он и послы в Риге «сыты были только зрением». Впоследствии, в 1700 г., когда московское правительство, ища предлога к разрыву со Швецией, подробно формулировало все эти жалобы, шведское правительство, производя по предъявленным ему жалобам расследование, потребовало от рижского генерал-губернатора Дальберга объяснений.

---

[1] *Posselt*, Lefort, II, 385.

[2] *Шмурло*, Критические заметки, Ж.М.Н.П. 1900 г., май, стр. 93.

[3] *Шафиров*, Рассуждение о причинах Шведской войны, стр. 81—83.

Последний представил обширный доклад королю Карлу XII, основанный в свою очередь на показаниях рижского городского совета и на рапортах состоявшего при русских послах офицера — капитана Лилиенстиерна. В этом докладе Дальберг так описывал пребывание посольства в Риге и свое отношение к нему. «Как только послы вошли в приготовленное для них жилище, я послал майора Врангеля с капитаном Лилиенстиерна поздравить их от меня с благополучным прибытием, а они прислали ко мне подполковника с племянником г. Лефорта меня за то благодарить. Так как я приказал капитану Лилиенстиерна состоять при послах для получения их приказаний и в особенности приказаний г. Лефорта, как первого посла, то он составил журнал всего происходившего при приеме, а затем и во все время пребывания послов в здешних местах; между прочим на основании его журнала составлено и это донесение. Этот капитан удостоверяет, что послы выражали большое удовлетворение оказанным им добрым приемом и обхождением. То же подтверждается еще письмом комиссара Книппера из Москвы от 16 июля, в котором он говорит, что узнал то же самое, именно, что глава посольства Лефорт писал по этому поводу в Москву в выражениях, показывающих его полное удовлетворение и признательность. Вместе с тем я приказал всем полковникам, подполковникам, майорам и другим офицерам постоянно по очереди делать визиты послам и оказывать им внимание, что́ они и продолжали делать все время пребывания посольства здесь. Помимо того, я почти ежедневно через состоявших на службе дворян осведомлялся об их здоровье, предлагая им свои услуги; и если я лично не сделал им визита и не принимал их в замке, то потому, что этого никогда не бывало прежде, и потому, что я считал это излишним, как ввиду того, что посольство это отправлено не к вашему величеству, а к другим державам, так и по той причине, что ни одно из тех посольств, которые прежде проезжали через эти провинции, не было принимаемо никем из губернаторов, моих предшественников. Притом я тем менее мог бы это сделать, что принужден был по болезни лежать в течение пяти недель в постели; но это произошло вовсе не по случаю смерти моей дочери, как они ложно уверяют, так как она умерла только 16 октября 1698 г., следовательно, через год и семь месяцев спустя после их отъезда отсюда. Так как во время своего пребывания некоторые из их свиты стали ездить верхом вокруг города и по всем высотам и не только рассматривать местность при помощи зрительных труб, но и стали рисовать и снимать план города и даже, прохаживаясь по валам и контрэскарпу, пытались измерять глубину рвов, то это меня побудило просить г. Лефорта запретить своим людям такие вольности, так как, будучи сам опытным генералом, он прекрасно знает, что таких вещей не потерпят ни в одной крепости Европы. Он принял это извещение очень благосклонно, извиняясь за происшедшее и обещая запретить это впредь своим плохо осведомленным московитам. Вот как произошел случай, о котором они

говорят и на который они так неосновательно жалуются, утверждая, что их держали в таком стеснении, что они не могли выходить из их жилищ, но этого никоим образом не было, так как, напротив, они вполне свободно и толпами ходили по всему городу, заходя во все лавки, мастерские, трактиры и всюду, куда им было угодно, о чем могут засвидетельствовать все жители Риги. Странно далее, что комиссары царя настаивали, что ввиду присутствия высокой особы его царского величества следовало бы сделать что-либо более того, что было сделано; ведь лицам из состава посольства было под страхом смерти запрещено разглашать, что этот великий государь находится среди них лично, и поэтому и с нашей стороны было основание думать, что его царским величеством было бы дурно принято, если бы мы сделали вид, что знаем о его высоком присутствии у нас. Итак, посольство казалось очень довольным, да и в действительности ему не было оснований на что-либо жаловаться; но, когда, наконец, пришло им время платить за издержки здесь, стало замечаться некоторое недовольство, и это меня побудило пересмотреть и убавить несколько слишком высокие счета их хозяев и свести все по возможности к справедливой цене. И для того чтобы ваше величество могли усмотреть, сколь неосновательно они жалуются, что будто бы для них цена была поднята более чем вдвое против действительной стоимости и что за перевоз через реку Двину с них взяли 80 дукатов, я потребовал от магистрата этого города сделать подробное обозначение, и имеется список состава посольства, которое не было малочисленным, а затем обозначение, сколько каждому из их квартирохозяев было заплачено за помещение, дрова, свечи и за другие вещи в том же роде, и это было им заплачено не по их требованию, а по доброй воле и расположению послов. Я могу затем заявить по совести и по душе, что искал и употреблял все возможные средства, чтобы их удовольствовать, и что старался оказать им всякую вежливость, хотя они теперь все объясняют с недоброжелательством. Конечно, не моя вина в том, что тогда была большая дороговизна и большой недостаток; нужда была в здешних местах всеобщей, и я чувствовал ее последствия наравне с другими. Они еще много жалуются, будто бы их не хотели почтить при отъезде яхтами и хорошими лодками при переправе через реку Двину. Я могу, однако, сказать, что, несмотря на то, что здесь подобных судов не находится, я все же отдал приказ перевезти главных лиц посольства на красивой яхте, убранной красным сукном и украшенной королевским флагом, а остальных на двух других яхтах и более, чем на 30 больших лодках, какие здесь в употреблении, и все эти лодки были предоставлены к их услугам, не говоря уже о том, что при переезде через реку их почтили 32 выстрелами из пушек» [1].

---

[1] *Lamberty*, Memoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle, I, 2-me édition, 1781, p. 158—160.

По-своему ряжский генерал-губернатор Дальберг был прав. Он сделал то, что обязан был сделать по существующему договору и по имевшимся прецедентам и не допускал того, чего обязан был не допускать. Но он, действительно, не сделал ничего сверх обязательного, тогда как Петр рассчитывал на бо́льшее, и отсюда причина недовольства. Он поступал вполне корректно; но прием, оказанный послам и Петру, вышел сухим, холодным и нерадушным. Резонно замечает Устрялов, что всякий другой на его месте «сам предложил бы царю, знаменитому любознательностию, осмотреть королевский замок, ратушу, старинный дворец владетельных епископов, дом шварцгейптеров, повеселил бы высокого гостя, по известной наклонности его, учением солдат, пушечной пальбой, фейерверками и, таким образом, заняв любопытство Петра, сократил бы несносное для него время ожидания устройства переправы» [1].

Официально, сухо, подозрительно и неприветливо встретила Петра Западная Европа, и первые впечатления, испытанные им при начальном знакомстве с нею, были неблагоприятны. Он отметил несоответствие между культурным внешним видом и кажущеюся правдивостью людей, которых встретил, и грубостью их отношения и жаждою к наживе: «Торговые люди здесь ходят в мантелях и кажется, что зело правдивые, а с ямщиками нашими, как стали сани продавать, за копейку матерно лаются и клянутся, а продают втрое». Следующий прием, прием в Митаве, должен был эти неблагоприятные впечатления в значительной степени развеять.

IV. ПЕТР В КУРЛЯНДИИ

Выехав из Риги 8 апреля, переправившись через Двину и заночевав на ее левом берегу, Петр двинулся в дальнейший путь 9 апреля утром после раннего обеда, миновал мызу Гесп, пересек границу герцогства Курляндского, достиг реки Эккау и, переправившись через нее, остановился на ночлег в мызе, не названной «Юрналом». 10 апреля, выехав из этой мызы утром, он с сопровождавшим его отрядом волонтеров к полудню приблизился к Митаве и, переправившись через реку Аа, расположился в городе в ожидании посольства [2].

Между тем послы в Риге, расставшись с Петром, занимались сборами в путь. 10 апреля было приказано всему составу посольства «с телегами и с лошадьми и со всякою рухлядью переправиться за Двину, которые переправились того ж дня; а телеги и коляски искупили в Риге, а подводы (лошади) были псковские, потому что в Риге подвод не дали, а которых малое число и приведено было, и те гораздо худы» [3]. 11 апреля, отпустив несколь-

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 28.
[2] Походный журнал 1697 г., стр. 8.
[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 769.

ких своих дворовых людей в Москву и десятерых состоявших при посольстве псковских казаков во Псков, тронулись в путь и сами послы, причем «Статейный список» посольства в описании переправы их через Двину в общем совпадает с вышеприведенным рассказом Дальберга: «И того ж числа великие и полномочные послы из Риги пошли. Для перевозу чрез Двину присланы к великим и полномочным послом особые от рижан небольшие суды: одно с знаменем, в котором сидели великие и полномочные послы, да с ними пристав их маеор Леополдус Глазнап; место накрыто было красным сукном, гребцов в том суде было рижских солдат шесть человек; другое на подобие яхты с кровлею, в котором сидели дворяня и иные чиновные люди, тут же были посолские трубачи; и третье обычайное, а в нем были гайдуки и лакеи. И как великие и полномочные послы от берегу отступили и были среди реки, и в то время стреляли с города из шестнадцати пушек, а когда сблизились на другую сторону, и из двора с острова, на котором делают известь, выстрелено из 6 фузей. На берегу на другой стороне приготовлены были четыре кореты о десяти возниках: одна добрая, в которой сидели великие и полномочные послы, а в прочих дворяня и иные чиновные люди; и ехали до постоялых дворов. А обозы посолские для тесноты дворов стояли в поле и привозили к обозу всякие живности и конские кормы для покупки рижские жители. По приезде великих и полномочных послов на те постоялые дворы вскоре приезжали к послом полуполковник Палмуструг да маеор Ранк и бурмистры, поздравляли счастливым отъездом и переправою чрез Двину. И великие и полномочные послы, подчивав их, а иных подаря, отпустили» [1].

Сухость рижского приема и натянутые отношения, в которых посольство расставалось с рижанами, отражаются в «Расходной книге соболиной казны», где записывались подарки соболями, сделанные посольством. Во всех тех землях, через которые посольство будет проезжать, оно будет делать такие подарки. За пребывание в Риге встречаем только одну запись: «Апреля в 12 день, переправясь реку Двину, с первого стану отослано в Ригу капитану Гилденштерну, которой стоял у первого великого посла у двора на карауле, пара соболей в 30 руб» [2]. Кроме этого караульного капитана, никто из рижских чинов подарков соболями не получил.

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 770—771.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 39; там же л. 1 об.: «Апреля в 14 д. свейского короля маеору Юрью Глазенапу, да капитану Филипу Добромфелю, которые были от рубежа до Риги и до курлянского рубежа у великих послов в приставех. дано маеору 50 золотых, капитану 30 золотых»; там же, л. 2: «Того ж числа дано рижским порутчиком двум человеком Илерту да Брентигеру, да градцкому конюшему Петру Брумару по 10 золотых, да пяти человеком возницам по золотому человеку, провожали они великих послов в коретах до Риги до подхожего стану до двора князя курлянского, которой от Митавы за милю».

В сопровождении прежних шведских офицеров, состоявших при посольстве во время пути от шведской границы до Риги, майора Глазенапа и знавшего русский язык капитана Дормфельдта, а также отряда рижских драгун в 10 человек, послы достигли курляндской границы 13 апреля, а 14-го пришли «на подхожий стан» на берегу реки Эккау-баха в расстоянии мили от Митавы, где находился загородный дворец герцога Курляндского Экхофхен, в котором они и были поставлены «в княжих хоремах». Здесь им откланялись сопровождавшие их рижские офицеры и в свою очередь сюда явились приветствовать с прибытием офицеры герцога Курляндского ротмистр гвардии Кошкель да «покоевой дворянин» (камергер) Бринкен. Принеся послам поздравление от имени герцога, офицеры спрашивали, когда послы изволят ехать в Митаву и просили извинения, «что де они, великие и полномочные послы, не встречены на границе, и в том бы не прогневались, потому что прибытия их так скоро не чаяли». Послы за поздравление благодарствовали, присланных офицеров подчивали и объявили, что ехать в Митаву готовы сегодня же. Часа через полтора приехал приветствовать послов обер-гауптман, «староста митавской» Фромгольд фон-дер-Остен-Сакен, «который говорил от князя речь и, поздравя, просил, чтоб они, великие и полномочные послы, изволили ехать в Митаву... И великие и полномочные послы, убрався по посолскому обычаю, сели в княжую золоченую корету, а с ними сел присланной староста митавской и ехали до реки Муши (Аа) [1], перед великими и полномочными послы ехали в коретах дворяня, а за ними курляндская рейтария человек с шесдесят, с голыми шпагами, верхи (т. е. верхами), с которыми два трубача были; за тою рейтариею посолские трубачи; при корете посолской по обе стороны шли гайдуки; за послы ехали дворяня ж и иные чиновные люди верхи, потом священник и карлы в московской корете. Приехав к реке Муше (Аа), где княжой замок, из корет вышли и сели великие и полномочные послы в первой малеваной бот, которой был с знаменем; в другом и в третьем судне сидели дворяня и чиновные люди. А как великие и полномочные послы рекою ехали против княжого замка, и в то время стреляли из замка из девяти пушек трижды, а из княжих покоев и с валу смотрили на послов множество людей мужеска и женска полу; а перед великими и полномочными послы трубили их, посолские, и княжие трубачи, едучи в особых судех. А как великие и полномочные послы из судов вышли на берег, и тогда встречали их бурмистры, и райцы, и мещаня, и бурмистр Бавер (Бауер) великим и полномочным послом, поздравляя, говорил речь по писму. И великие и полномочные послы, выслушав той речи чрез переводчика, за встречу

[1] Муша — левый приток реки Аа, впадающий в нее выше Митавы. «Статейный список» почему-то называет реку Аа именем ее притока; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 2 об.: «жиду, которой был у перевозу на реке Муше, как впроваживали казну и посолскую рухлядь в Митаву, 5 золотых».

и за прием благодарствовали, и сели в кореты: было семь корет о шести возниках, да верховых лошадей с сорок. В том же месте стояла пехота из мещан по обе стороны и рейтария с голыми шпагами строем и били в барабаны, и трубили в трубы, и играли на сипошах. Поставлены великие и полномочные послы на мещанских добрых дворех: первой у Гилберта, второй у аптекаря Витемберта, третей у купца Гилберта» [1].

При этом блестящем въезде посольства в Митаву Петр скрывался совершенно в тени, и неизвестно, принимал ли он во въезде участие в толпе сопровождавших посольские кареты верховых дворян или находился просто в числе зрителей, когда по описанию «Статейного списка» «смотрили на послов множество людей мужеска и женска полу». В тот же вечер, 14 апреля, послам был предложен в одном из их помещений ужин от герцогского двора: «И того вечера княжими ествы и питьем великих и полномочных послов подчивали приставы их, староста митавской фон Сакин, да Хриштоф Цедеровской, да Адам Костюшко, да Быковской, и руки умывать воду и полотенцо подносили послом они же; а с послами за столом сидел один староста митавской, а прочие кормили и подчивали посолских дворян и иных чинов людей и ели с ними во особых столех. Да во время ж стола служили при столех и на дворех у великих и полномочных послов княжие пажи и лекаи и трубачи и на карауле у послов стояли рейтары княжие». За столом были предложены тосты за здоровье великого государя царя Петра Алексеевича, царевича Алексея Петровича, всего его царского величества дома, затем «про княжое и про их посолское здоровье и прочих» [2]. Это было именно то, чего недоставало в Риге, где послы должны были «быть сыты только зрением».

15 апреля послам сделал визит и обедал у них канцлер герцогства. «Апреля в 15 день был у великих и полномочных послов князя курляндского канцлер Фридерикус и поздравлял их имянем князя своего прибытием в Митаву и говорил: естьли де им, великим и полномочным послом, какого удоволствования не происходит противо их достоинства, и княжеская светлость просит в том прощения; а что де впредь им, великим и полномочным послом, будет потребно, и о том бы изволили приказывать с приставы. И великие и полномочные послы благодарствовали и говорили, что им по его княжеской светлости приятству во всем доволство. И канцлер с великими и полномочными послы обедал и после обеда сидели долгое время». Можно предполагать, что на этом обеде, как и накануне за ужином, присутствовал, занимая скромное место, и царь. Курляндское правительство проявляло к послам большое внимание и любезность: за обедом

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 774—776; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 2 об.: «в Митаве ж мещаном, у которых великие послы стояли, дано Гилберту 35 золотых, аптекарю Витемберху 10 золотых, купцу Гилберту 8 золотых».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 776—777.

было представлено послам составленное находившимися в Митаве иезуитами, напечатанное на трех языках: немецком, греческом и латинском, описание вчерашнего их въезда в Митаву. «За столом подали великим и полномочным послом курляндского князя служители листы печатные на цесарском и греческом и латинском языках, напечатан въезд их, великих и полномочных послов, с похвалою в Митаву[1]. И 15 апреля и в следующие затем дни послам все время делали визиты разные чины герцогства: «Того ж числа и в иные дни посещали великих и полномочных послов маршалок княжеской Клейст и иные начальные люди и офицеры и с великими и полномочными послы имели разговоры о воинских и гражданских делех».

16 апреля посольству дана была герцогом Фридрихом-Казимиром торжественная аудиенция в герцогском замке. К замку послы опять были везены в блестящей процессии, в предшествии дворян, начальных людей, волонтеров и иных чинов, ехавших в экипажах и верхами. Карета послов, в которой они сидели вместе со старостой митавским фон Сакеном, окружена была московскими гайдуками в венгерских костюмах с серебряными обухами. Шествие замыкалось отрядом русских солдат под предводительством майора Шмита. Через реку посольство переправлялось в судах, причем перед послами «плыли к замку в боте выборные Преображенского полку начальные люди и солдаты, а потом дворяне и иные чиновные и посолские люди и трубачи». Петра надо искать где-либо среди принимавших участие в процессии «волонтеров» или «Преображенского полку начальных людей». У ворот замка высадившееся из судов посольство приветствовал герцогский маршалок, «объявивший» послам четыре кареты, в которых они и ввезены были во двор замка до крыльца герцогских палат. Во дворе выстроена была герцогская пехота, встретившая послов барабанным боем и игрой на трубах; точно так же били в литавры и трубили в трубы музыканты, помещенные на балконе замка, «на хорах у княжих палат». Герцог вышел встречать послов на нижнее крыльцо и, поздоровавшись с ними, просил их итти впереди него, против чего послы, уступая эту честь герцогу, стали спорить. Споры кончились тем, что герцог взял Лефорта за руку и пошел с ним. С Лефортом Фридрих-Казимир был старый знакомый еще с того времени, когда он состоял на службе у Голландских штатов, а Лефорт, также начавший карьеру службой в Голландии, был зачислен в его свиту и вместе с ним они сражались против французов. «Встретил, — повествует «Статейный список», — великих и полномочных послов курляндской князь на нижнем крыльце у кореты и, привитався с великими и полномочными послы, просил, чтоб они шли напред; и по многих спорах, взяв первого посла за руку, и шел по левую

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 777; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 2 об.: «В Митаве ж езувитом, которые чрез служителей княжих подали великим послом печатные листы, дано 12 золотых».

сторону на крыльцо, и в сени, и в полаты позади великих и полномочных послов и, вшед в другую полату, стал князь близ своего покоевого алкерика (?) и близ балдахина: балдахин бархатной зеленой, под ним стол». Стоя окруженный большою свитой «ближних, чиновных и покоевых людей», герцог выслушал приветственную речь послов, благодаривших его за добрый прием и «удовольствование», и просил их исходатайствовать ему милость его царского величества, а он всегда готов к услугам царю. Затем герцог со своей стороны, а послы со своей приказали свитам «уступить в другую полату и имели розговор тайно». После этого разговора наедине с герцогом послы были приняты герцогиней. Фридрих-Казимир проводил их опять до крыльца; в карете они переехали через двор замка к половине, занимаемой герцогиней и, «вышед из кареты, шли по переходам к княгине. . . Елисафете в полаты. А как вошли к княгине в полату, и княгиня великих и полномочных послов встретила близ дверей тоя полаты и великим и полномочным послом кланялась и их поздравляла; также и великие и полномочные послы ее поздравляли и по обычаю кланялись, и, мало побыв, пошли из полат до корет тем же путем, а княгиня проводила до дверей. При княгине были дети ее, два сына и три дочери, и множество честных жен и девиц» [1].

На следующий день, 17 апреля, герцог поздно вечером посетил послов запросто: «Был у великих и полномочных послов поздно ввечеру князь курлянской и имел с ними, великими и полномочными послы, тайные разговоры на одине о настоящих делех». 18 апреля с двумя дворянами Богданом Приставом да Петром Лефортом герцогу и герцогине было послано «великого государя жалованье» и от послов подарки — «соболи и парчи». Герцог за подарки «бил челом по премногу» и ответил на них также подарками послам, прислал им через старосту митавского фон Сакена по перстню золотому с алмазами [2]. Вся эта фразеология «Статейного списка»: просьба герцога о «милости государя», обещание «милость государя заслужить», выражение о герцоге «бил челом» — указывает на невысокий ранг курляндского владетеля, вассала польского короля.

В блеске всех этих пышных церемоний, устроенных герцогом Курляндским в честь московского посольства, совершенно не видно остающегося в тени Петра. Мы совсем не знаем, как он был принят при своем приезде в Митаву 10 апреля, где поселился, что делал в ожидании послов с 10 по 14 апреля, какое участие принимал затем в торжествах в честь посольства, и можно высказывать только догадки о его присутствии на ужине у послов в день их прибытия, 14 апреля, на обеде их с канцлером 15-го, на торжественной аудиенции 16-го и во время интимного визита герцога 17 апреля. «Статейный список» о царе не

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, стр. 777—780.
[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 39.

упоминает; в «Юрнале» нет совсем заметок о днях, проведенных в Митаве. Пробел в официальных русских памятниках только в слабой степени восполняется местными преданиями и свидетельствами. Есть предание, что Петр в Митаве занимался привычной для него плотничной работой, без которой ему, повидимому, было трудно обойтись, и еще в 1847 г. в доме под № 61 на Грюнгофской улице указывали балку в 11 сажен длины, будто бы вытесанную царем [1]. Очень краткое свидетельство о пребывании посольства и царя в Митаве сохранил нам современник и очевидец, имевший случай беседовать с царем и послами, барон Бломберг, автор вышедшего в 1701 г. «Описания Лифляндии», где в форме писем дается очерк истории Лифляндии и Курляндии, а также описание политического устройства, общественного строя и хозяйственного быта этих земель [2]. Рассказ о посольстве записан был под свежим впечатлением не позже 1698 г. В письме XV читаем: «Здесь я сделаю небольшое отступление, чтобы сказать вам о новом явлении, показавшемся с севера. Это — великое московское посольство, в котором находится инкогнито сам царь. Глава посольства — г. Лефорт, женевец, имевший удачу составить себе положение в Московии. Он так прочно утвердился на той высоте, которой он достиг, что его государь всецело предоставил ему руководство всеми делами, даже руководство собственным поведением, и теперь этот фаворит ведет его как бы в триумфе по большей части дворов Европы. Надо полагать, что этот человек дал много доказательств своей верности, твердости, храбрости и опытности, чтобы возвыситься на такую вершину величия, какой он достиг у народа, столь варварского, столь недоверчивого и столь вероломного, как московиты. Я нашел, что фаворит — человек очень разумный, приветливый и привлекательный; разговор с ним очень приятен: это настоящий швейцарец по честности и храбрости и особенно по умению выпить. Однако никогда не дает вину одолеть себя и всегда сохраняет обладание рассудком. Он так мало заботится о своих собственных выгодах, что, как он мне сам говорил, он не владеет ничем в собственность, и все, что у него есть, принадлежит царю, которому он часто заявляет, что его кошелек и жизнь всегда в распоряжении царя. Он старается сообщить своему государю благородные чувства и внушить ему смелые, обширные и великие планы. Главная цель их путешествия — пригласить христианских государей продолжать войну против турок в надежде не менее, как на завоевание Константинополя. По совету г. Лефорта царь осаждал крепость Азов, которую он счастливо взял; там он находился вблизи неприятелей и подвергался огню из пушек.

Это очень блестящее посольство. Оно состоит из трех послов, среди которых г. Лефорт — первый. У них в свите до 400 человек. Они

[1] *Klopmann*, Aufenthalt Peters I in Kurland в «Arbeiten der Kürländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst», Zweiter Heft, 47—48.
[2] *Blomberg*, Description de la Livonie.

очень жалуются на дурной прием, который шведы оказали им в Риге и грозят отомстить за него при первом случае. Вот комплимент, который они сделали герцогу курляндскому в Митаве, сказав, что в начале путешествия они сравнивали себя с евангельским левитом, с которым очень плохо обошлись, но что прием, сделанный им герцогом, всех их утешил, потому что герцог, как самарянин, излил вино и елей на их раны[1]. Ибо по приказанию герцога все посольство было принято со всевозможною обходительностию и великолепием: их всех от мала до велика содержали, платя за их помещение, за стол, в особенности за вино и водку не только во время пребывания их при дворе, но также все время, пока они проездом в Пруссию находились на земле герцога, и их снабжали в путешествии каретами, экипажами и конвоем. Везде для них держали открытый стол и развлекали их музыкой и игрой на трубах. Повсюду это были пиры, на которых чрезмерно пили, как будто бы его царское величество был вторым Бахусом. Я никогда не видал таких питухов; невозможно представить себе, как чрезмерно они пьют, и они этим хвалятся, как выдающимся качеством. Несомненно, эти излишества воспрепятствуют успехам замыслов, ради которых предпринято путешествие. Хотя посольство составлено из избранных людей, однако во многом обнаруживаются их грубые манеры. Среди них есть немецкие и французские офицеры, которые говорят, что почти невозможно преобразовать этот грубый, несговорчивый и глупый народ. Царь очень желает сообщить им лоск: вот почему он путешествует, взяв с собою большую свиту из молодых людей из высшей знати, и вообще он посылает многих молодых людей путешествовать. Он берет немецких офицеров, которых он назначает на все места командиров; но повелительное обращение этих офицеров с московитами, которых приходится обучать при помощи палочных ударов, дает мне повод думать, что если у них будет война с какой-либо нацией, которая носит платье, похожее на немецкое, то они примут этих неприятелей за офицеров, бивших их раньше палками, и присутствие этих суровых командиров может внушить им страх. Царь опасается чего-нибудь в этом роде: вот почему он решил приучать московитов к немецкому платью и уже приказал им брить бороды. Он нам рассказал забавную историю, как по смерти последнего патриарха московского он хотел назначить на его место человека ученого, который путешествовал и говорил по-латыни, по-итальянски и по-французски. Но русские настойчиво просили его отнюдь не ставить над ними такого человека по следующим трем причинам: 1) потому что он говорит на иностранных языках,

[1] Voici le compliment, qu'ils firent au Duc de Courlande à Mittau: c'est que dans le commencement de leur voyage ils se comparoient au Levite dans l'Evangile, qui avoit été fort mal-traité: mais que la reception, que le Duc leur avoit faite, les avoit tous consoler, puisque comme le Samaritain il avoit versé du vin et de l'huile dans leurs playes (*Blomberg*, Descrition de la Livonie, 331).

2) потому что борода у него недостаточно длинна для патриарха, 3) потому что его кучер садился на козлах кареты, а не верхом на лошади, как принято обычаем. После того как г. Лефорт в сопровождении посольства получил публичную аудиенцию у герцога, он сказал герцогу в частной аудиенции, что покажет ему редкость, какой никогда не видали в Курляндии. Когда у него спросили, что это такое, он ответил, что в его свите находится сам великий царь московский. Вечером он повел его тайно к герцогу и к герцогине, которые его приняли с королевским великолепием, и он с своей стороны горячо выразил им чувство дружбы» [1].

В этом рассказе некоторые впечатления, полученные автором от знакомства с московским посольством, переданы верно, но есть подробности, вызывающие сомнение. Что Лефорт произвел на автора благоприятное впечатление, это понятно; он вообще внушал симпатии к себе лицам, имевшим случай с ним знакомиться. Но, несомненно, преувеличением страдает заявление автора, что Лефорту предоставлено ведение всех государственных дел. В передаваемых словах Лефорта, что у него нет никакой собственности, тоже надо видеть преувеличение хотя бы потому, что как раз после второго Азовского похода он получил вотчину — село Богоявленское с деревнями, в Епифанском уезде. Эти слова не надо понимать буквально. В них, как и в его заявлении о том, что все его имущество и самая жизнь принадлежит царю, следует видеть только выражение его верности и преданности Петру. Лефорт непрочь был иногда прихвастнуть и, может быть, действительно говорил автору описания о своей инициативе в Азовской войне, предоставляя Петру славу завоевателя Азова, славу, которая, если еще и не придавала путешествию царя характера триумфа, то все же внушала к нему интерес и уважение в Европе. Вполне можно верить рассказу о том удовольствии, которое испытали царь и посольство от радушного приема их в Курляндии, столь противоположному приему, оказанному им шведами. Может быть, приводимый автором по этому поводу комплимент, сказанный герцогу Курляндскому, был сказан не кем иным, как Петром, любившим цитировать в своей речи св. писание; но сравнение из св. писания [2] в передаче автора, надо полагать, перепутано, и не ясно, почему русские, уподобляя герцога Фридриха-Казимира милосердному самарянину, пролившему вино и елей на их раны, в то же время сравнивают себя не с израненным, а с левитом, безучастно мимо израненного прошедшим. Уж если кого было сравнивать с безучастным левитом, так это, разумеется, шведов. Понятно, далее, удивление автора рассказа перед склонностью русских к вину, которой они предавались до излишества, и его впечатление от грубости их

[1] *Blomberg*, Description de la Livonie, 329—334.
[2] Евангелие от Луки, X, 32.

манер, поразивших курляндского аристократа. В высшей степени интересно свидетельство автора, записанное еще до возвращения Петра из-за границы, — а что это так, следует заключать из того, что последнее из писем, из которых состоит «Описание Лифляндии», — XVII, датировано 18 августа 1698 г. и значит XV, недатированное, где идеть речь о посольстве в Митаве, было написано еще ранее, — свидетельство о намерении царя привить подданным внешний лоск, одеть их в немецкое платье и обрить бороды. Таким образом, намерение переодеть русских по-иноземному, придать им западноевропейский вид, ввести немецкое платье и обязательное бритье бород сложилось у Петра еще до заграничной поездки или по крайней мере в самом ее начале. Подтверждение этому намерению можно видеть в насмешливом рассказе Петра о выборах последнего патриарха, любезного сторонникам старинных обычаев Адриана вместо образованного и склонного к нововведениям Маркелла псковского, которого неудачно пытался провести сам Петр. Рассказывая этот эпизод, Петр, не стесняясь перед иностранцами и не обнаруживая в этом особого такта, глумился над невежеством соотечественников, над их пристрастием к старым обычаям и над почтением к длинной бороде. Раз царь проявил такое отрицательное отношение ко взглядам и обычаям своего народа, можно вполне основательно предполагать у него намерение ввести в эти взгляды перемену и уничтожить казавшиеся ему смешными обычаи.

Бломберг сообщает далее о частном свидании Петра с герцогом, приводя подробности, требующие оговорки, именно будто бы Лефорт на частной аудиенции у герцога, которая последовала за публичною, сказал, что покажет редкость, какой не видали в Курляндии — царя московского, и вечером тайно привел Петра к герцогу. Если эти слова и были сказаны Лефортом, то, разумеется, в шутку. Фридрих-Казимир и до этих слов знал, конечно, о присутствии Петра, но показал себя в высшей степени тактичным, умея окружить царя вниманием, не нарушая его инкогнито. Что при курляндском дворе прибытие Петра не было тайной, видно, например, из представленного герцогу доклада с вопросами, как принимать московских гостей, кому их встречать, где поместить и т. д. В вопросах этих имеется в виду именно царь; речь идет, хотя и не называя имени, о нем, когда говорят кто «его» должен принимать, кто «его» должен встретить (Wer *ihn* einholen soll, auch an welchem Ort und mit wie viel Karossen? Wer *ihn* diesseits des Wassers empfangen und in sein Quartier begleiten soll? etc.) [1]. Это местоимение и указывает, что речь идет о царе, которого не называют, соблюдая его инкогнито. В Митаве хранилось предание, что царь имел с герцогом три интимных свидания, причем держал себя с ним очень дружелюбно, поднимал и целовал маленького наследного принца Фридриха-

[1] *Kloppmann*, op. cit., II, 43.

Вильгельма, шутил с ним, обещая сосватать ему одну из московских царевен [1].

Рассказ Бломберга о пребывании посольства в Митаве оканчивается размышлением, которое оказалось пророческим: «Московский царь, — пишет автор, — всегда будет стремиться занять какой-нибудь город на Балтийском море, ибо такое место будет ему очень важно и выгодно для торговли, для транспорта товаров из его страны, а также из Персии и Китая, граничащих с его землями. Если бы он обладал приморским местом на Балтийском море, ему не нужно было бы делать больших объездов морем, которые принуждены делать другие страны с большим риском; он мог бы перевозить товары из Китая частью сухим путем, частью по большим рекам и озерам, из Персии по Каспийскому морю в свою страну, а оттуда в другие европейские страны» [2].

Единственным подлинным памятником пребывания Петра в Митаве являются два его письма, отправленные оттуда. Одно к Кревету с хозяйственными распоряжениями, касающимися какого-то «хоромного строения» и парусного дела, с обещанием купить парусины и полотна и с предписанием к ткачам набрать учеников, а чтобы ткачи не гуляли, подрядиться на работы для кумпанств. «Her Kreft, — пишет Петр, — в писмѣ твое[мъ], апъреля въ 5 д. писанное, мнѣ отдано, въ которомъ пишешъ о ткачахъ, о хоромномъ страенье, і опъ томъ приказана Тихану Микитичу; а что Александра Протасьеѳъ [3] не ведаетъ про парус[и]ны і полотны, і то въсѣ мы (так!) купимъ. А чтобъ ткачамъ не гулять, і ты подредись у кумпанияхъ і сышьши імъ учениковъ. Послезавътрея поедем отсель в Либоу. Piter. Ізъ Митоу въ 18 д.» В тот же день или, может быть, 19—20 апреля, но не позже, Петр писал Ромодановскому: «Min Her Kenich. Писмо ваше государское мне отдано в 16 д., за которое вашу государскую милость многократна благодарствую. Здѣсь такожъ ничего вашей персоне удобного не нашелъ, толко посылаю к вашей милости нѣкотор[у]ю вещь на [о]тмщенье върагоѳъ маестату вашего. Отсель послезавътрея послы поедут отсель (так!) вашего величества under Knech Piter» (без даты) [4]. Упоминаемая в письме «вещь на отмщенье върагоѳъ маестату вашего», как выясняется из ответа Ромодановского, подарок довольно странного характера — топор для отрубания голов преступникам. Ромодановский, уведомляя о получении подарка, сообщал Петру, что присланным топором, который он называет «мамурою» [5], отруб-

[1] Там же, 47.

[2] *Blomberg*, Description de la Livonie, 334—335.

[3] «Адмиралтеец», заведующий кумпанским корэблестроением.

[4] П. и Б., т. I, № 152, 153. От 18 же апреля Петр писал к Л. К. Нарышкину и Г. И. Головкину, но письма не дошли до нас: Ответы: П. и Б., т. I, стр. 622.

[5] Мамура — топор, Владимирская губ. (Словарь Даля). Ответ Ромодановского получен был Петром 19 мая. О содержании его можно догадываться

лены головы двум преступникам. Нам трудно представить себе грубость нравов, при которой возможны были такие подарки. К смертным казням тогда относились иначе; это были зрелища, привлекавшие любопытных. Петр не считал неприличным сам при них присутствовать, и после изобретенной им обстановки казни Цыклера и его сообщников нас уже меньше поразит цинизм присланного Ромодановскому из Митавы подарка.

В письме к Кревету Петр назначал свой отъезд из Митавы на 20 апреля и действительно покинул ее в этот день, написав, по обыкновению, несколько писем друзьям, до нас не дошедших[1]. 20 апреля после полудня послы приватным образом были приняты герцогом и герцогиней: «По полудни, — читаем в «Статейном списке», — были великие и полномочные послы у князя приватно. И князь и княгиня приняли великих и полномочных послов любительно и подчивали прилежно, и была покоевая музыка; а в тое пору при князе, также и при великих и полномочных послех никаких чинов людей в тех покоях, где они были, не было». Отъезд отряда волонтеров из Митавы отмечается «Юрналом» также после полудня, и трудно сказать с уверенностью, принимал ли Петр участие в этом свидании послов с герцогом или нет. Он мог принимать в нем участие и затем отправиться в путь. В этот день, 20 апреля, он, переправившись через речки Аутц и Берсе, доехал до местечка Доблен, где остановился ночевать[2].

В «Статейном списке» говорится, что великие и полномочные послы 21 апреля отпустили «Преображенского полку начальных людей и солдат» во владения курфюрста Бранденбургского, отправив с ними «лист», адресованный к «ближним людям» Бранденбургского курфюрста. Под обозначением «Преображенского полку начальные люди и солдаты» в «Статейном списке» подразумевается именно отряд волонтеров из 35 человек, к которому принадлежал и Петр. Тогда по «Статейному списку» выходит, что Петр покинул Митаву 21 апреля. Однако дата 20 апреля подкрепляется прочными указаниями. Во-первых, о ней прямо говорит «Юрнал»; во-вторых, она хорошо подтверждается письмом Петра от 18 апреля из Митавы к Кревету, в котором он сообщает: «послезавътрея поедемъ отсель въ Либоу». Но нельзя усомниться, с другой стороны, и в показании «Статейного списка», так как отправленный с преображенцами к ближним людям курфюрста Бранденбургского «лист» датирован действительно 21 апреля. В листе послы уведомляли бранденбургское правительство о своем намерении итти из Митавы в Мемель и затем писали: «Недостатка же ради подвод отпустили есмы морем комендора урожденного Андрея Михайлова (князя Черкасского) с товарищи тридцать пять человек до города Кенихзберга, которые

по еще более позднему письму от 16 июля, в котором он возвращается к тому же предмету (П. и Б., т. I, № 165 и примечание).

[1] П. и Б., т. I, стр. 622—623.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 781; Походный журнал 1697 г., стр. 8—9.

по указу великого государя нашего, его царского величества, отпущены при нас для учения морского дела до Венеции». Послы просили далее о приеме посольства на границе, о сопровождении его к курфюрсту по посольскому обыкновению с кормами и подводами без задержания, а также об учинении удовольствования и вспоможения упомянутому отряду волонтеров [1]. Как же согласовать противоречие между датой «Юрнала» 20 апреля и датой «Статейного списка» 21 апреля? Может быть, следует предположить, что отряд волонтеров выехал не весь сразу; что Петр с некоторыми из спутников отправился 20-го, а остальные, получив лист, выехали 21-го и догнали царя в дороге, по всей вероятности, в Доблене. Что в Доблене находился уже весь отряд, можно думать по тем большим расходам, в какие обошлось курляндской казне угощение в Доблене «передового отряда», именно «за три стола» (Mahlzeiten) было заплачено 398 флоринов 12½ грошей, тогда как позже, при проезде через Доблен посольства, этой громадной толпы народа, которую курляндское правительство исчисляло в 270 человек, на угощение посольства там пошло 423 флорина 5½ грошей [2]. Петра сопровождал от Митавы до Либавы назначенный герцогом Курляндским состоять при нем ротмистр Кошкель [3].

21 апреля, двинувшись поутру в путь из Доблена, Петр миновал мызу Илен, после полудня сделал двухчасовую стоянку у озера Аутц и ночевать прибыл в Нейшварден. 22 апреля, выехав из Нейшвардена утром, царь к полудню прибыл во Фрауенбург, где сделана была двухчасовая остановка. Двинувшись далее и переправившись на плотах через реку Виндаву, он расположился ночевать в Шрундене. 23 апреля часовая остановка была сделана в Грос-Дрогене, к ночлегу Петр прибыл на мызу Дурбен. Наконец, 24 апреля, выехав поутру из Дурбена и миновав мызу Робиншлосс (Гробин), к вечеру он достиг города Либавы, где остановился в доме вдовы Маргариты Гейровой. О дне 25 апреля читаем в «Юрнале» краткую заметку: «Стояли в Либоу. День был красен с небольшим ветром» [4]. Как были проведены следующие дни, 26 и 27 апреля, — неизвестно.

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 781—783.

[2] *Kloppmann*, op. cit., II, 50.

[3] Пам. дипл. сношений. VIII, 787; см. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 39 об. — 40: «Мая в 1 день дано в Либаве княжому ротмистру Ягану Кошкелю да коморному писарю Шредеру, которые из Митавы до Либавы провожали валентеров и им в пути и в Либаве служили, ротмистру пара соболей в 15 руб., писарю пара в 6 рублев с полтиною». Там же л. 3 об.: «Мая в 1 день в городе Либаве княжим людем, которые служили валентером и из Митавы до Либавы провожали и всякое вспоможение чинили, дано: ротмистру Ягану Кошкелю 100 золотых, коморному писарю Шрейдеру 10 золотых, рейтару Цыглеру 10 золотых, ротмистрову слуге 6 золотых, двум поварам 12 золотых, четырем человеком возникам 12 же золотых».

[4] Походный журнал 1697 г., стр. 9—10; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 4: «В Либаве ж вдове Маргарете Гейровой, у которой стояли валентеры, дано 15 золотых».

Собираясь тронуться из Либавы в дальнейший путь 28 апреля, Петр написал в этот день несколько писем. «Сегодня, — пишет он Винпусу, — поедемъ отсель въ Кюнинсбергъ моремъ; а послы сухимъ путемъ после насъ. Здѣсь я видѣлъ диковинку, что у насъ называли ложью: у нѣкоторого человѣка в оптѣке сулеманъдра въ склянице, въ спирту, которого я вынималъ і на рукахъ держалъ: слова-слова такоѳъ, какъ пишутъ. — Моремъ для того поехали, что путь нашъ лежалъ на Поланию, і, опасаяся сихъ трезвыхъ, поехали моремъ, но ведая, что въ сихъ людехъ болше худа, неже добра, которы[е] ныне і себѣ зладѣі, не такъ, что інымъ. Piter. Ізъ Либоу, апъреля въ 28 д.» [1] Из этого письма можно догадываться, что время пребывания в Либаве прошло в осмотрах разных достопримечательностей, и среди них была и упоминаемая в письме саламандра, которую Петр видел в чьей-то частной аптеке. В конце письма царь объясняет причины, побудившие его ехать из Либавы в Кенигсберг морем: при поездке сухим путем пришлось бы проезжать через находившийся во владении Польши городок Поланген, где тогда в бескоролевье, во время выборной борьбы сосредоточивалась враждебная России французская партия, проводившая на польский престол французского принца де Конти. Эту партию Петр иронически назвал в письме «трезвыми» людьми, которые и себе злодеи, не только что иным.

Царь писал еще 28 апреля в Москву Т. Н. Стрешневу и Г. И. Головкину. Письма не дошли до нас; о содержании их можно судить по ответам. Т. Н. Стрешневу царь отдавал мелкие распоряжения домашнего характера: уволить на зимнее время в отпуск стряпчего конюха Якова Суровцева, отпущенного из Либавы с доставившими в Либаву отряд волонтеров псковскими ямщиками; выдать жене находившегося с ним в пути повара Пенюгина 15 рублей и двухгодовой запас; не переменять какого-то «свояка из Коломенского». Стрешнев уведомлял в ответе о точном исполнении этих распоряжений. Г. И. Головкину Петр при письме прислал из Либавы подарки: «две книжицы малых», библию, часы, лимоны и померанцы [2]. В тот же день царь счел нужным сам писать об отпуске из Либавы стряпчего конюха Суровцева к воеводам новгородскому П. М. Апраксину и псковскому К. А. Нарышкину. Обоих Петр извещает, что он из Либавы отправится морем, а послы сухим путем. В собственноручном письме к псковскому воеводе Нарышкину, упомянув о возвращении с Суровцевым ямщиков, он предписывает разыскать бежавших ямщиков и наемных людей, наказать их кнутом, водя по торговой площади, и взыскать с них наемные деньги: «емшиковъ отпустили с Суравъцовымъ; а которыя емшики і наемъшики збежали, вели сысъкать і кнутомъ путна выбить, водя по торгу, і

---

[1] П. и Б., т. I, № 154.
[2] Там же, стр. 624—625.

наемъ доправить; а хто імяны, скажетъ Суровъцоеъ. Piter. Изъ Либоу, апреля въ 28 д.» [1].

Возвещенное, однако, на 28 апреля отплытие морем из Либавы не состоялось, может быть, потому, что к Либаве уже приближалось великое посольство, и Петр желал быть свидетелем его торжественного въезда в город, что и состоялось 29 апреля. Посольство выехало из Митавы 22 апреля с тем же церемониалом, как и при въезде, причем накануне отъезда поданы были послам посвященные посольству «печатные листы с похвалою, которые выдали езувиты», — составленные иезуитами и отпечатанные на атласе вирши с похвалами в честь послов. Иезуиты говорили также при отъезде послов «орацыю», обращаясь к послам, сидевшим в карете [2]. Вообще пребывание в Митаве оставило в среде посольства наилучшее впечатление, которое и отразилось в заметке «Статейного списка» о содержании посольства: «и во время бытности великих и полномочных послов в Митаве подчиваны великие и полномочные послы по вся дни от княжих приставов, и церемония во всех столах была по вся дни против того ж, как и в первой посолского их в Митаву приезду день: а которые дворяня и иные чины к столу за многолюдством не ходили, и тех кормили и поили со всяким доволством на постоялых их дворех» [3]. Посольство отблагодарило княжеских придворных подарками из соболиной казны [4]. Продовольствие посольства в пути также шло от курляндского правительства, и послам на всех их остановках: в Доблене, Аутцене, Фрауенбурге, Шрундене, Дурбене и Гробине [5] предлагались угощения, как это

---

[1] П. и Б., т. I, № 155, 156; ср. Арх. мин. ин. дел, Дела австр. 1697 г., № 5, л. 78—82, где дан перечень хозяев подвод; Кн. австр. дв., № 47, л. 2: «Апреля в 19 день в Митаве ж валентером за 24 лошади, которые взяты у псковичь, дано 36 золотых».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 783; Арх. мин. ин. дел., Кн. австр. дв., № 47, л. 3: «На отъезде из Митавы... езувитам за печатные вирши на отласе, которые они подали великим послом, 10 золотых; езувитам же, которые у посолской кореты говорили орацыю и подали на писме, 5 золотых».

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 784.

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 39 об.: «Апреля в 22 ден дано князя Курлянского канцлеру Бракелю пара соболей в 30 руб., комнатному дворянину Боцгейму да конюшему по паре соболей по 15 р. пара человеку»; там же, л. 2: «Апреля в 17 д. в Митаве князя Курлянского трубачам и литаврщиком, которые у великих послов с приезду во время столов на трубах трубили, дано 26 золотых... Апреля в 22 д. на отъезде из Митавы князя Курлянского людем, которые великим послом служили, дано лакеем четырем человеком по 5 золотых человеку, писарю росходному, которой запасы покупал, 10 золотых, княжему собственному повару Ягану Данингеру с поваренными служители 15 золотых, киперу или виночерпчему с помочниками его 10 золотых, скатертнику Бранту и с помочниками его 10 ж золотых, овощнику и нарядчику сахаров 10 ж золотых, писарю конюшенному 5 золотых, ключнику над хлебом и свечами 5 золотых... На отъезде из Митавы княжим трубачам дано 25 золотых».

[5] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 3: «Апреля в 27 д. князя Курлянского в замочке, именуемом Шкрунте (Шрунден?), в котором стояли

видно из сохранившегося счета, из которого узнаем, что в Доблене на такое угощение было издержано 423 флорина 5½ грошей, в Аутцене вместе с расходами по угощению передового отряда волонтеров 379 флоринов 5 грошей, во Фрауенбурге с такими же расходами 442 флорина 1 грош, в Шрундене 845 флоринов 24 гроша, в Дурбене 472 флорина 3½ гроша; в Гробине за холодные закуски и с тем, что взято в Либаву и в Бартау, 145 флоринов 3½ гроша[1]. Только подвод курляндских под посольство нехватило, и послы принуждены были перед отъездом из Митавы сделать разбор псковских лошадей и годных из них 117 взять с собой, отправив негодных обратно в Псков.

29 апреля послы «приехали в замок Дурбин и по полудни пошли в Либаву и, не доезжая Либавы за полмили, встретили великих и полномочных послов либавские мещаня, человек со сто, на конех, строем рейтарским с голыми шпагами и поклонясь великим и полномочным послом, ехали перед коретою. А посольский въезд в Либаву был со всяким устроением, так же, как и в Митаву. И у предместия встретили великих и полномочных послов бурмистры Балсам фон-дер-Горст с товарищи, да с ними писарь Георгий Пришидцкий. И подшед близко к посолской корете, писарь великим и полномочным послом говорил по-немецки, поздравляя их счастливым приездом». При этом писарь, желая «благословения божия» на оружие московского царя, сделал исторический экскурс и припомнил, как бог благословил оружие предка московского царя Ивана Васильевича Грозного. «И великие и полномочные послы, — продолжает «Статейный список», — им благодарствовали также пространною речью и ехали на постоялые дворы. Въехав в посад, стояла под дву знамены пехота, мещаня с мушкеты, и били в барабаны и играли в сипоши. И проводя конница великих и полномочных послов до дворов, выстрелили трижды из пистолетов, а пехота одиножды из мушкетов. Стояли великие и полномочные послы в Либаве на дворех у мещан: первый у Арента Грога, второй — у Вилима Юферныхта, третий — у Детла Шредера»[2].

Дождавшись въезда послов, Петр намеревался двинуться в плавание. «Из Либоу, — читаем в «Юрнале» под 30 апреля, — десятник (Петр) стали убираться совсем на корабль и убрались к вечеру». То же известие подтверждается и «Статейным списком»: «Апреля в 30 день из Либавы Преображенского полку

великие послы два дни, старосте дано 5 золотых, да едучи от Шкрунтена в гостином дому, где великие послы обедали, нищим 1½ золотых. Апреля в 29 д. князя ж курлянского в замочке Грубине, где великие послы обедали княжого дома сторожу дано золотой».

[1] *Kloppmann*, op. cit., II, 50.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 785—786; Арх. мин. ин. дел. Кн. австр., дв., № 47, л. 40: о выдаче соболей «в Либаве мещаном трем человеком, у которых великие послы стояли на дворех: Аренту Гроту и жене его, Вилиму Юфернихту и жене его, Шредеру». Там же, л. 3 об.: «Мая в 3 д. мещаном, у которых великие послы стояли в Либаве, Аренту, Юфернихту да Тетлу, Шредеру, дано 22 золотых».

началные люди и салдаты, и иных чинов люди поехали морем, и все свои вещи и рухлядь великие и полномочные послы отпустили на том же корабле до Королевца» (Кенигсберга) [1]. Содержание отряда волонтеров в Либаве также шло от курляндского правительства и обошлось в 653 флорина 4½ гроша. Герцог простер свою любезность и далее: им был зафрахтован по Пилау за 1 500 флоринов любский корабль «Св. Георгий» под командой Иоахима Вейсендорфа, причем за экипировку корабля герцогское правительство уплатило еще 442 флорина 28 грошей [2].

Однако 30 апреля пуститься в плавание не удалось из-за непогоды. «День был красен, — отмечает «Юрнал» за 30 апреля, — с великим ветром, погода была великая, и ночь такая же». Непогода продолжалась и 1 мая утром. «Стояли на якоре под городом у Либоу, — читаем за этот день в «Юрнале». — По утру был дождь и был гром и молния, и после того во весь день было солнечное сияние и погода тихая с небольшим ветром, и ночь тихая с небольшим же ветром». Только 2 мая «Св. Георгий» снялся с якоря. Отплывая Петр написал московским друзьям, Кревету и Виниусу. «Ракъ!, — обращается Петр к Кревету, переводя на русский язык его фамильное прозвище, — не забывай мелницы да ткачей, а мы поедемъ сегодни в Кюнинсберъгъ моремъ. Piter». К Виниусу Петр писал: «Сегодня поехали отсель в Пилоу на люпъскомъ карабле святого Георгия. К протчимъ ко въсемъ отписать не успѣлъ і для того прошу всѣмъ, кому належитъ, отдати покълонение. А поезду нашему самовидецъ Якоѳъ Сураѳцоѳъ, которой проводя насъ на карабль, отпушъщенъ уже з дороги. Piter» [3]. Из последних строк письма видно, что неоднократно упоминавшийся в письмах Петра и, видимо, заслуживший его расположение конюх Суровцов отпущен был не 28 апреля, как ранее писал Петр, а только уже проводя царя на корабль. С ним были отправлены и эти, и предыдущие письма.

V. ПЕТР В КЁНИГСБЕРГЕ

Приближение московского посольства к границам владений курфюрста Бранденбургского Фридриха III создавало для бранденбургского правительства ряд задач. О предстоящем прибытии посольства при дворе курфюрста были осведомлены через гонца майора Вейде, который в начале апреля 1697 г. жил в Кёнигсберге, ожидая приезда туда курфюрста. Но из грамоты, отправленной с майором, не было видно и сам он не мог удостоверить,

---

[1] Походный журнал 1697 г., стр. 10; Пам. дипл. сношений, VIII, 786.

[2] *Kloppmann*, op. cit., 51; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 4: «В Либаве ж за съестные припасы в карабль и за провоз до брегу на карабль за мясо и за рыбу и за иные разные вещи и за вес тех же припасов, на котором карабле поехали валентеры из Либавы до Кенихзберха, дано 108 золотых. Взял те золотые Петр Лефорт».

[3] Походный журнал 1697 г., стр. 10—11; П. и Б., т. I, № 161, 162.

должно ли посольство только проехать по землям курфюрста, направляясь к императору, или же оно аккредитуется и направляется также и к курфюрсту. Бранденбургское правительство приняло свои меры. В Мемель был командирован тайный секретарь и переводчик фон Берген с инструкцией от 5/15 апреля, предусматривавшей возможность и того и другого случая. В случае только проезда через владения курфюрста Бергену предписывалось, встретив посольство на границе, приветствовать его, позаботиться о бесплатном доставлении подвод, удобных квартир, в надлежащем количестве и по самым дешевым ценам съестных припасов и проводить послов наиболее удобной дорогой. В случае же, если посольство направляется к самому курфюрсту, курфюрст брал также и расходы по продовольствию его на себя.

Между тем до курфюрста, проживавшего тогда в Кёнигсберге, чтобы следить ближе за ходом королевских выборов в Польше, стали доходить из Риги и в особенности из Митавы все более настойчивые слухи о нахождении при посольстве самого царя. Убеждаясь в их справедливости, Фридрих III, находивший сближение с московским царем для себя очень выгодным, решил оказать царю самый любезный прием. В Пилау, куда по слухам, должен был прибыть царь, был отправлен навстречу ему генерал-фельдцейхмейстер герцог Гольштейн-Бек с несколькими чиновниками. Для разведок о Петре и для встречи посольства, кроме ранее командированного тайного секретаря и переводчика фон Бергена, было отправлено еще лицо высшего ранга — надворный советник Рейер Чаплиц, бывший в 1688—1689 гг. посланником от курфюрста в Москве [1]. Он должен был инкогнито доехать до Либавы. Однако до Либавы Рейер добраться не успел, так как по дороге из Мемеля в Либаву получил близ Нидербартау известие, что царь уже выехал морем из Либавы, и опасаясь, как бы царь не сошел на берег в Мемеле, Рейер поспешил вернуться в этот город. Вот какие известия о Петре сообщил он в донесении из Мемеля от 4/14 мая первому министру курфюрста обер-президенту Данкельману: «Когда я вчера после полудня прибыл опять сюда (в Мемель), приехал сюда из Либавы водою один студиозус, который сообщал, что он оттуда отплыл в воскресенье (2/12 мая) после того, как в тот же день утром вышел на парусах, по предположению в Пилау, нанятый московитами корабль с массой багажа и со многими людьми. На вопрос: предполагаемый царь, который называет себя капитаном Петром, сел ли на корабль, не мог он дать никакого решительного ответа, хвалился, однако, что видел царя как в Либаве, так перед тем в Митаве и так же, как это делали другие путешественники, зарисовал его карандашом и говорил, что царь особенно фамильярно обращался с тамошними шкиперами, ходил

[1] *Форстен*, Бранденбург и Москва, 1688—1700, Ж. М. Н. П., 1905 г., ноябрь.

с ними в винные погребки и щедро их поил. В разговоре пользуется нижнесаксонским наречием и носит шкиперское платье. Когда один из шкиперов ясно дал ему понять, что считает его за самого царя, он, притворяясь, отговаривал его от такой мысли и говорил, что он не более, как капитан с царского каперского корабля. Шкипер решился спросить, куда назначено каперство? Он ответил: «dat verstah' ju niet, meyn heer», и приневолил его напиться»[1].

Это донесение Рейера от 4/14 мая было получено Данкельманом, по всей вероятности, уже после того, как Петр вступил во владения курфюрста. Совершая путь при благоприятной погоде, корабль «Св. Георгий» вечером 5 мая бросил якорь в Пилау. «Погода была добрая, — отмечает «Юрнал», — день был красен. И к вечеру приехали под город Пилоу и стали на якорь на реке Дегафт Фанкуниксборх (Haff von Königsberg). Ночь была тихая и погода добрая с небольшим ветром»[2].

Подробности о прибытии Петра в Пилау и в Кёнигсберг и о первом свидании его с курфюрстом Фридрихом III описываются в любопытном донесении императору Леопольду его агента при бранденбургском дворе Геемса, отправленном вскоре после этих событий, 11/22 мая 1697 г. «Когда несколько дней тому назад, — пишет Геемс, — из разных мест стали приходить к г. курфюрсту известия, что московский царь сам находится при посольстве, то такое известие сначала по многим важным причинам не встретило веры и, между прочим, потому, что нельзя было предполагать, чтоб царь при теперешних конъюнктурах и во время тяжелой войны с татарами уехал из своей земли и предпринял трудное путешествие. Но после того, как это из верных и достойных доверия источников было возвещено и подтвердилось со многими подробностями и, между прочим, как высокоупомянутый царь открыл себя перед отъездом герцогу Курляндскому, у которого он провел со своим посольством 8 дней, и что он в Либаве в 30 милях отсюда сел на корабль и продолжает путь сюда, то г. курфюрст отправил своего генерал-фельдцейхмейстера и губернатора здешнего герцогства герцога Гольштейн-Бека с некоторыми другими чиновниками в расположенную на Балтийском море крепость Пилау, чтобы там его достойно принять. Туда упомянутый корабль прибыл в прошедшую среду 5/15 этого месяца, причем на нем выстроена была гвардия и был сделан салют из трех пушек и столькими же выстрелами отвечали из крепости. Затем с корабля к упомянутому губернатору прибыл офицер, который, сказав приветствие от имени командующего этим отрядом, просил о меньшем корабле, чтобы отвезти их в Кёнигсберг, так как их корабль сидит слишком глубоко и они не прошли бы в нем через так называемый Фриш-гафф и не могли бы войти в Прегель. На что вышеназванный господин герцог Гольштейн

[1] *Posselt*, Lefort, II, приложение IV.
[2] Походный журнал 1697 г., стр. 11.

послал на корабль курфюршеского камер-юнкера по имени Принца, чтобы приветствовать находящуюся там согласно дошедшему известию знатную персону и чтобы узнать, не угодно ли ей сойти на сушу, где уже сделаны все надлежащие приготовления к ее приему и угощению. Он, однако, не был допущен и ему было объяснено в ответ, что там нет никакого такого знатного господина, как предполагают, находится только один имеретинский князь с частью свиты идущего великого московского посольства. Почему так это и оставили и для удобнейшего их дальнейшего путешествия дали им тотчас другой корабль, на котором они немедленно продолжали путь»[1].

Отплытие из Пилау состоялось 6/16 мая в полдень. «Стояли у города Пилоу до полудня, — читаем в «Юрнале», — и с полудня, вынув якорь, и пошли в путь и проехали город Бранебурх (Бранденбург при Фриш-гаффе) на правой стороне; проехав тот город и стали на якорь. День был красен с небольшим ветром; погода была тихая и ночь тихая ж». С якоря снялись и двинулись в дальнейший путь 7/17 мая. Проплывая мимо расположенного на берегу Прегеля загородного замка курфюрста Фридрихсбурга, где тогда находился он сам, корабль Петра, по свидетельству Геемса, салютовал из трех пушек, причем солдаты стояли в строю. Курфюрст отвечал 9-ю выстрелами и послал своего обермаршала с тем же камер-юнкером Принцем на борт приветствовать от своего имени находящегося там знатного господина. Им дан был тот же самый ответ, как раньше в Пилау, и корабль, вновь обменявшись с курфюрстом салютами, держал путь дальше. В Кёнигсберг, по отметке «Юрнала», приехали после полудня «и стали в городе у берега со всею компаниею перебираться и, перебрався, ночевали». «В полдень, — повествует Геемс, —

---

[1] *Posselt*, Lefort, II, приложение VIII. В тексте «Юрнала» известие о прибытии Петра в Пилау отнесено к 3 мая. Но предпочтение должно быть отдано свидетельству Геемса, относящего это событие к 5 мая, так что дату «Юрнала» следует считать ошибкой. Геемс, сообщение которого вообще отличается большой точностью и который имел возможность почерпать сведения из вполне надежных источников, например, от самого Данкельмана, описывает пребывание царя в Пилау, как не продолжительное. «Welchem nach man es dabey bewenden lassen und zu bequehmlicher fortkommung sebliger also fort ein anderes Schiff gegeben Womit sie die reise *unverzüglich* anhero fortgesetzet» и т. д. Между тем, если согласно с «Юрналом» отнести прибытие в Пилау к 3-му, а не к 5 мая, остановка окажется очень продолжительной, именно более чем двое суток, так как отплытие из Пилау состоялось, как отмечено в «Юрнале», 6 мая. Дни 4 и 5 мая в «Юрнале» не отмечены вовсе. По рассказу Геемса видно, что находящиеся на корабле, прибывши в Пилау, спешили ехать дальше; по «Юрналу», они простояли в Пилау более двух суток. Предположение об ошибке в «Юрнале» устраняет это противоречие и, если вместо 3 мая в «Юрнале» читать 5 мая, то «Юрнал» будет вполне согласоваться с показаниями Геемса: 2 мая, в воскресенье, царь отплыл из Либавы. Дни 3 и 4 мая не отмечены в «Юрнале» потому, что проведены были в плавании в море, где ничего особенного не случилось. 5 мая, в среду к вечеру, — приезд в Пилау и происшествия, описанные Геемсом, 6 мая в полдень отплытие из Пилау в Кёнигсберг, согласно «Юрналу». 7-го — прибытие в Кёнигсберг, в чем согласны и «Юрнал» и донесение Геемса.

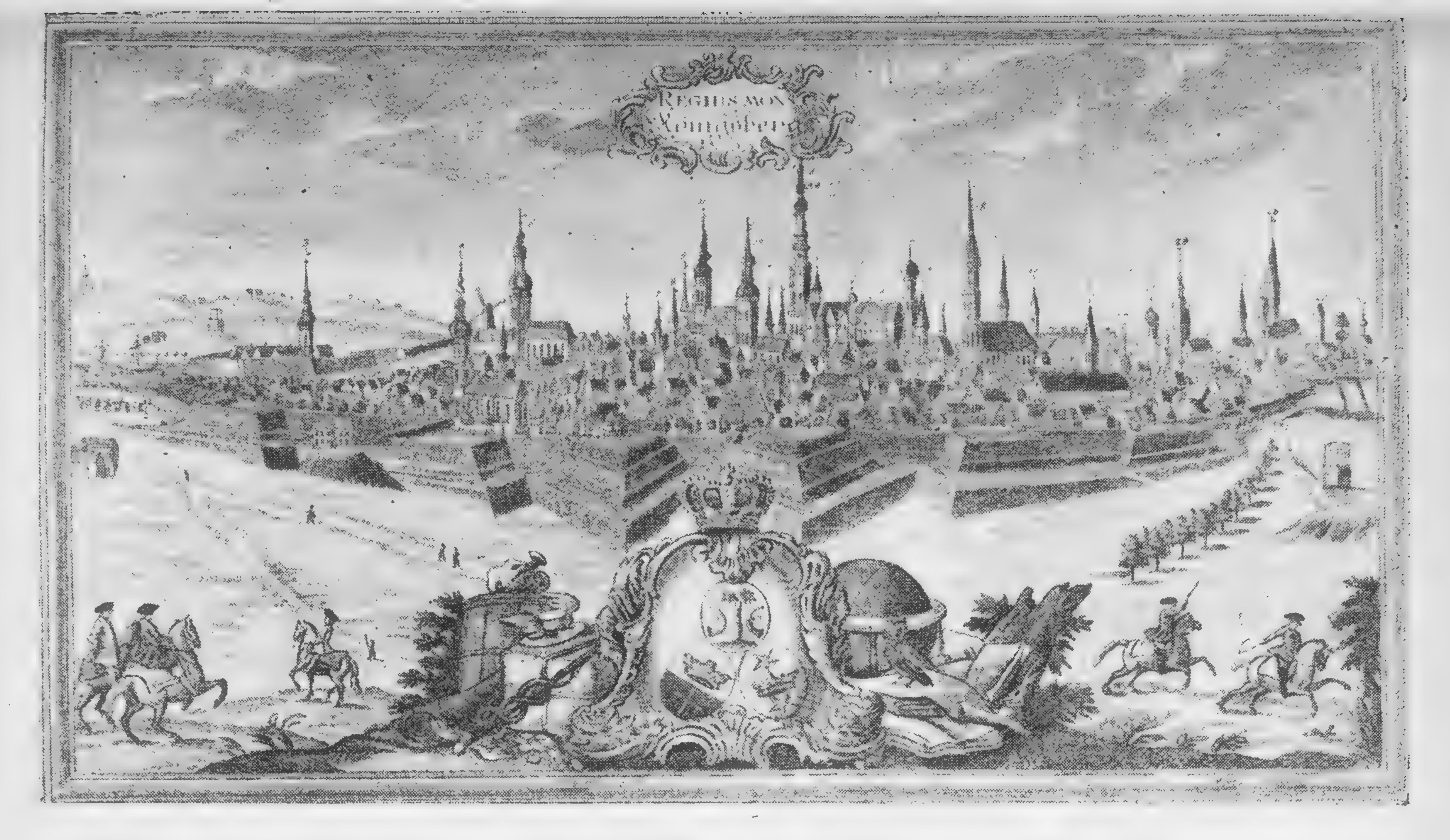

Рис. 6. Кёнигсберг в конце XVII в.
Гравюра с рис. Вернера

вышеречeнный корабль прибыл сюда (в Кёнигсберг) при нескольких выстрелах с расположенного на упомянутой реке шанца. Находившиеся на нем отведены были на приготовленную для посольства квартиру; но это помещение не понравилось московитам» (вероятно, найдено было слишком видным для Петра, желавшего скрываться) «и они выбрали себе другое на так называемой Книпгофской Долгой улице (Kniephöflische Langgasse) и весь день заняты были выгрузкой своих багажей. В это время, как и раньше, стало доподлинно известно, что, кроме имеретинского князя, имя которого значится на фурьерском ярлыке, на корабле должна находиться еще другая знатная персона, причем заботливо старались ее скрыть, так чтобы ее не увидели и не узнали служащие курфюрста. Но, как было замечено, эта персона только около 11 часов ночи перебралась с корабля в жилище, и ей там перед всеми другими оказывалась особая честь и уважение» [1].

Итак, Петр с 11 часов вечера 7/17 мая поселился в Кёнигсберге в одном из двух занятых волонтерами домов [2] на Книпгофской Долгой улице. Удостоверившись окончательно, что в числе приехавших в Кёнигсберг находится московский царь, курфюрст послал его приветствовать, не нарушая его инкогнито, своего церемониймейстера Бессера и старался оказывать ему всевозможные знаки внимания: предложил к его услугам свою кухню и погреб, прислал ему свою серебряную посуду. При Петре назначен был состоять камер-юнкер Принц или Принцен [3], молодой человек (23 лет), любезный, открытый, чрезвычайно красивый собою, хорошо образованный, как нельзя более пришедшийся по душе Петру. Все эти любезности заставили Петра открыться ранее, чем он предполагал это сделать, и 9/19 мая он обратился к курфюрсту с просьбой назначить час, чтобы посетить его инкогнито. Свидание было назначено в тот же вечер. «Около 10 часов вечера, — рассказывает тот же Геемс, — выйдя из задней двери своего помещения, царь был отвезен в карете курфюршеского обер-президента (первого министра) Данкельмана, запряженной всего парой лошадей, в сопровождении нескольких придворных кавалеров, следовавших пешком, и введен по малой лестнице к г. курфюрсту, который встретил его у дверей внутренних покоев и обнял. Затем они оба сели, разговаривая на голландском языке, которым царь отчасти владеет, и выпили несколько стаканов венгерского вина. Затем царь, пробыв у г. курфюрста почти полтора часа, возвратился домой» [4].

Тайные венецианские агенты в Кёнигсберге, донося венецианскому послу в Вене о приезде царя со свитой из 20 московитов в Кёнигсберг, сообщали ему, между прочим, подробности этого свидания царя с курфюрстом. «В субботу (8/18 мая), — пишет

[1] Походный журнал 1697 г., стр. 11; *Posselt*, Lefort, II, приложение VIII.
[2] *Besser*, Schriften, 540.
[3] *Dukmeyer*, Korbs Diarium etc., I, 321.
[4] *Posselt*, Lefort II, приложение VIII.

один из них, — царь оставался инкогнито, не выдаваясь ничем среди других, хотя можно было заметить, что все другие относились к нему с почтением. В воскресенье (9/19 мая) утром он приказал сказать его курфюршеской светлости, что он решил было сначала не открываться ранее приезда своего посла, но что любезность, оказанная ему его курфюршескою светлостью, не позволяет ему скрываться более и что он желает видеть его курфюршескую светлость, по инкогнито. Условились, что он может это сделать вечером в 9 часов, что он и сделал, также только в сопровождении трех главных господ и одного переводчика, отправившись в замок в присланной за ним карете частного лица, и он (сперва) вошел запросто со своею свитой в аппартамент его курфюршеской бранденбургской светлости, при котором находились только принц Гольштейн-Бек, обер-камергер, обер-президент и обер-гофмаршал. Оба государя при встрече обнялись, сели в кресла и беседовали более полутора часов, так как царь довольно хорошо объясняется по голландски; они выпили бутылку доброго венгерского и выказали взаимно большую дружбу. Его курфюршеская светлость титуловал царя царским величеством, а тот называл его царем (? qui luj rendit cefuy de Czar). Царь простился около 11 часов, снова обнял его курфюршескую светлость и ретировался также без малейших церемоний».

Рис. 7. Курфюрст Бранденбургский Фридрих-Вильгельм III
Гравюра Блезендорфа, 1696 г.

В донесении другого агента сообщается, что переговоры о свидании велись князем Черкасским, который был послан к обер-

президенту и был представлен последним курфюрсту, и приводятся другие детали и подробности эпизода. За царем была послана карета обер-президента; государи выпили шесть стаканов венгерского. Этому агенту удалось — и он ссылается на слова обер-президента фон Данкельмана — узнать также и содержание разговора царя с курфюрстом, которое он и излагает. «Этот разговор, — читаем в донесении, — насколько рассказывает г. президент, был о разных предметах и, главным образом, о мореплавании, к которому царь имеет особую склонность; имея только малые тридцатипушечные суда, он выказал желание отправиться в другие страны посмотреть самые большие корабли и в заключение поблагодарил его светлость за присланных ему бомбардиров, в особливости обозначая имя и способности каждого из них. Его светлость осведомился у него, хорошо ли он устроился и доволен ли он помещением и содержанием, о чем сам он (царь) приказывал, на что он отвечал на голландском языке: «Я не забочусь об еде и питье, слово дороже всего этого». Его светлость также спросил, позволительно ли ему (курфюрсту) будет отправиться в Московию; царь по этому поводу выказал большое удовольствие с особливым желанием, чтобы курфюрст совершил это путешествие. Затем последняя здравица была за тех, которые с большим пылом ведут войну против турок, как, по его словам, ведет он, пройдя ради этой цели сто лье пешком во главе своих войск. На этом окончив свидание, царь простился. При этом со стороны курфюрста никого не было, кроме принца Гольштейнского, генерал-комиссара, президента, маршала и обер-камергера» [1].

На другой день, 10 мая, вечером курфюрст также запросто хотел отдать царю визит; но он отложил это посещение и просил курфюрста позволить ему сохранять свое инкогнито. Геемс заканчивает свое донесение сообщением, что Петр собирается пробыть некоторое время в Кёнигсберге вместе с посольством, которое ожидают со дня на день, и неизвестно, отправится ли он от курфюрста к императору; что, как рассказывал обер-президент Данкельман, царь питает особую симпатию к императору,

---

[1] *Шмурло*, Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого, № 293 и 294. Первое донесение на французском языке (итальянская копия с него напечатана у *Theiner*, Monuments Historiques de Russie, 370), второе на итальянском; оба отправлены из Кёнигсберга и помечены одним числом — 21 мая 1697 г., но первое датировано, кроме нового, также и по старому стилю, т. е. 11/21 мая. На первом поставлена отметка, очевидно, о получении: «Medlingh. li 8 Giugno 1697», на втором: «Medlingh 15 Giugno 1697». Названием Medlingh обозначал свое местопребывание в мае и июне 1697 г. венецианский посол в Вене Рудзини (*Шмурло*, Сборник, № 299, 308, 315, 324). Поэтому и следует думать, что эти донесения из Кёнигсберга были адресованы ему, а он уже препровождал их при своих депешах в Венецию, где они и находятся в архиве. В письме от 8 июня (№ 315) Рудзини излагает содержание первого донесения. То же замечание относится к следующим сообщениям из Кёнигсберга: № 294, 295, 296, 306, 321, 322 с пометой о получении «Cimerin 29 Giugno». Cimerin — другая резиденция Рудзини, которой он помечает также свои депеши.

а также к другим европейским государям, но не расположен к французам и туркам [1].

12 мая царь посетил загородный замок Фридрихсбург, обозревал укрепление, арсенал и церковь. «Позавчера я имел честь с комендантом Фридрихсбурга сопровождать царя вокруг этой крепости, в арсенал и местную церковь», — пишет от 14/24 мая кто-то из лиц, находившихся тогда при царе вместе с комендантом. Письмо попало в руки тайного венецианского агента и в выдержке было сообщено венецианскому послу Рудзини. «Он все осматривал, говорил обо всем с большою проницательностью, сработал кое-что в арсенале, чтó показывало его наклонность к военному искусству. Он отличается чрезвычайной физической силой. Осмотр закончился выпивкой с ним в помещении коменданта, и царь, найдя там портреты курфюрста и государыни, быстро узнал портрет его курфюршеской светлости курфюрста и, пристально вглядываясь в портрет курфюрстины, спросил, похожа ли она на нем. Затем он спросил портрет его светлости покойного курфюрста, но его там не было». В другом подобном же письме, датированном из Кёнигсберга тем же числом 14/24 мая и также попавшем в руки венецианских агентов, сообщается о первых днях пребывания царя в этом городе и приводится описание его внешности, свойств характера и вкусов. «Он хорошо сложен, высок ростом, но не очень опрятен в одежде; довольно рассудителен, но время от времени обнаруживается в его действиях что-то варварское. На прошедших днях он за столом сильно побил кулаком одного из своих придворных, который не сразу выпил за здоровье его курфюршеской светлости. До сих пор нельзя сказать с уверенностью, куда направится его путь. Говорят, что он поедет посмотреть войска в Брабант. Его посольство, которое еще не прибыло сюда, должно ехать в Вену. Есть мало надежный слух, что и он отправится туда же, но более всего он желает видеть Венецию и Амстердам ради морского дела. Он так увлечен мореплаванием, что не желает путешествовать иначе, как водою. Эту ночь он спал на маленькой яхте, а сегодня станет на якоре перед домом его курфюршеской светлости, называемым Фридрихсгоф, построенном на берегу Прегеля. Если бы у него сегодня не постный день, он приехал бы обедать к его светлости (!)... Говорят, что он заказывает в Кё-

---

[1] Донесение Геемса: «Der Herr Churfürst hat Ihm gestern abends die revisite geben wollen, so er aber depriciret und denselben ersuchen lasse, dass Er hir ferner al'incognito bleiben möchte». *Posselt*, Lefort, II, приложение VIII. Ср. другое свидетельство в донесениях тайных венецианских агентов (*Шмурло*, Сборник, № 293): «S. A. E. luy rendit hier au soir aves très peu de suite la visite dans son logement; il continue de vivre ansi incognito ne voulant estre reconnue publiquement et ne se distinguant par rien des autres». № 294: «Hieri sul tardo fu sua Altezza incognito nella maniera stessa a rendergli la visita». Однако свидетельство Геемса следует предпочесть свидетельствам анонимных агентов.

нигсберге немецкое платье как для себя, так и для свиты, чтобы его менее узнавали во время путешествия» [1].

Сохранился документ, показывающий, чем Петр, так тщательно охраняя свое инкогнито, занимался в Кёнигсберге в ожидании посольства, а затем и после его прибытия. Это — аттестат, выданный ему главным инженером прусских крепостей подполковником Штейтнером фон Штернфельдом, присланный царю уже впоследствии, по возвращении его в Москву. «Я, Генрих Штейтнер фон Штернфельд, — читаем в аттестате, — Священной Римской империи благородный дворянин, его пресветлости курфирста Бранденбургского над главною и полевою артиллериею благоучрежденный подполковник, над всеми крепостями Прусского княжества верховный инженер, свидетельствую, что предъявитель сего московский кавалер, именем господин Петр Михайлов, в минувшем году был здесь, в Кёнигсберге, благоизволил дать мне знать, что желает он изучить огнестрельное искусство, в особенности метание бомб, каркасов и гранат под моим руководством и наставлением. Я тем охотнее согласился удовлетворить его желание, что видел в нем высокопохвальное рвение к столь необходимому искусству, которым опытный офицер может заслужить благосклонность высоких монархов, и при первом разговоре с немалым удивлением заметил, какая понятливая особа ищет моего содействия. Начало предвещало доброе исполнение, и я тем ревностнее, без потери времени, как здесь, в Кёнигсберге, так и в приморской крепости Пилау, ежедневно благоупомянутого господина Петра Михайлова не только в теории науки, но и в практике, частыми работами собственных рук его обучал и упражнял; в том и другом случае в непродолжительное время к общему изумлению он такие оказал успехи и такие приобрел сведения, что везде за исправного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может, в чем сим свидетельством явственно и непреложно удостоверяю. Посему ко всем высшего и низшего звания, всякого чина и состояния лицам обращаю мое покорнейшее, подданнейшее, послушнейшее служебное и приятное прошение — того прежде помянутого господина Петра Михайлова признавать и почитать за совершенного, в метании бомб осторожного и искусного огнестрельного художника, и ему, во внимание к его отличным сведениям, оказывать всевозможное вспоможение и приятную благосклонность; за что я с своей стороны буду признателен. Для подлинного удостоверения сие свидетельство я подписал собственною рукою и наивяще укрепил своею фамильною шляхетною вислою печатью. Дано в Кёнигсберге в Пруссах, 2 сентября 1698 года» [2].

---

[1] *Шмурло*, Сборник, № 295, 296.

[2] *Устрялов*, История, т. III, стр. 32—33. Подлинник на немецком языке в Госуд. арх. Кабин. дела, I, кн. 36. Это он, вероятно, подразумевается в Расходной книге соболиной казны в записи под 5 июня: «в Королевце инженеру и полуполковнику бранденбургскому. который поднес бомбанбирские тиженер-

Лейбниц, очень интересовавшийся путешествием Петра, в письме к одному из придворных герцога Антона-Ульриха Вольфенбюттельского, но предназначавшемся собственно для герцога от 31 мая (ст. ст.) из Ганновера сообщил некоторые подробности о пребывании Петра в Кёнигсберге в ожидании послов и некоторые черты его характера, черпая сведения из тех известий, которые приходили в Ганновер. «Что касается царя, — пишет он, — то по последним донесениям ему в Кёнигсберге продолжают оказывать все возможные почести, насколько позволяет его инкогнито. Курфюрст угощал его в увеселительном доме. С ним кушали: курфюрст, маркграф, князь Гольштейн-Бек, обер-президент, его брат кригскомиссар и немногие другие. Царь был очень весел и очень свободно со всеми говорил. Он отзывался с одобрением о мягкости, господствующей в этих странах, и порицал жестокости своей страны. В течение нескольких часов он прогуливался с курфюрстом в саду. Услышав нескольких гобоистов, он начал играть, и было заметно, что он кое-что усвоил. Он также бил в барабан лучше, чем это делал в Вольфенбюттеле граф Книпгаусон. Он отличается большой любознательностью и живостью, препятствующей ему оставаться спокойным. Вот почему было так трудно снять с него портрет, впрочем, это удалось и изображение довольно похоже. Когда один из его дворян довольно тяжко провинился, он ему сказал: если бы мы были в Московии, тебе бы был кнут, но здесь мы в стране мягких нравов, и я тебя прощаю. Наконец, прибыли трое его послов» [1].

VI. ПУТЬ ПОСОЛЬСТВА ОТ ЛИБАВЫ ДО КЁНИГСБЕРГА

Оставим на некоторое время Петра в Кёнигсберге за его усердными занятиями по высшему курсу артиллерии, который он проходил под руководством фон Штернфельда, и проследим движение посольства из Либавы, где с ним расстался царь, к Кёнигсбергу. Посольство выехало из Либавы 4 мая с теми же церемониями, какие ему оказывались и при встрече, и в этот день добралось береговой дорогой до Нидербартау [2]; 5 мая прибыло в местечко Руцау, где оставалось и весь день 6 мая [3] и откуда посылало в город Мемель дворянина Романа Брюса с подьячим Никифором Ивановым известить о своем прибытии мемельского губернатора. Посланные в тот же день, 6 мая, вернулись к послам и сказали, что губернатора в Мемеле нет, живет в Королевце

ские (так!) инструменты, дано соболей пара в 40 руб., пара в 20 руб., пара в 14 руб. ... Июня в 5 день инженеру и полуполковнику Штнейтеру, который поднес некоторому валентеру огнестрелные инструменты, дано 100 золотых» (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 42 об. и 8).

[1] *Герье*, Сборник писем и мемориалов Лейбница, стр. 8—9; ср. его же, «Отношения Лейбница к России и Петру Великому», стр. 9—10.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 787; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 4 об.: «В Нидербартене ж селе, где стояли великие послы, господину и работником, которые служили при столех, дано 11 золотых с полузолотым».

[3] В Пам. дипл. сношений, VIII, 787, очевидно, по ошибке — 7 мая.

(Кёнигсберге), а без него «город приказан» полковнику Кригеру. В Мемеле они видели присланных от курфюрста для приема послов Рейера Чаплица и переводчика Бергена и им о приеме посольском говорили, и те обещали все, что надлежит к приему посольскому, исполнять с радостью. 7 мая послы двинулись из Руцау[1], миновали польское местечко Паланки (Поланген) и в местечке Мержицах, принадлежащем курфюрсту бранденбургскому, были встречены переводчиком Бергеном, сказавшим им, чтобы изволили ехать к Мемелю, а близ Мемеля примет их Рейер Чаплиц, который действительно и встретил послов за полмили от города. Отрекомендовавшись послам, Рейер пригласил ехать в город и объявил, что дворы в городе, где им стоять, готовы. Послы, высказав благодарность, продолжали путь в карете герцога Курляндского, в которой ехали из Митавы «для того», как замечает «Статейный список», «что мемельские кареты были плохи». Въезд в Мемель (7 мая) состоялся с обычными в таких случаях для посольства почестями: по обе стороны улицы, по которой он происходил, стояла в строю пехота: мещан человек двести, вооруженных мушкетами, «били в барабаны и играли на сипошах». Перед посольской каретой ехали трубачи, за каретой «пажи и лекаи (лакеи) и посольские люди, а за ними курлянского князя провожатые рейтары». С за́мка было сделано три залпа из 26 орудий. Послы поставлены были в мещанских домах. В тот же вечер, 7 мая, Рейер Чаплиц, руководствуясь данной ему инструкцией, имел с послами беседу. Инструкция предписывала ему, встретив послов и принеся им поздравление, прежде всего выяснить вопрос, проезжают ли они только через земли курфюрста к другим государям или аккредитованы также и к самому курфюрсту, и в последнем случае извиниться, что бранденбургское правительство, не зная об этом, не могло сделать всех соответствующих приготовлений. Затем следовало условиться о церемониях. Рейер должен был потребовать от послов, чтобы они оказывали курфюрсту *королевские* почести, и этот пункт инструкции особенно подробно развит и аргументирован. Приводилось то соображение, что курфюрсты Римской империи вообще равны королям и что в частности среди них есть один король (богемский), который держит себя наравне с прочими. Указывалось, что курфюрст Бранденбургский в церемониалах имеет равенство со всеми королями Европы и даже с императором, что его посланники везде принимаются наравне с королевскими, что император и короли шведский, английский, испанский и другие современные державы обещали при предстоящих мирных переговорах с Францией относиться к послам курфюрста наравне с императорскими и королевскими. При обсуждении вопроса, в чем собственно состоят подобающие коронованным главам почести, ко-

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 4 об.: «мая в 7 д. в местечке Руцаве княжого двора старосте дано 6 золотых да отъехав от Руцавы 5 миль в гостином дому, где великие послы обедали, нищим золотой».

торые московские послы должны оказывать курфюрсту, Рейер должен был потребовать, чтобы послы на аудиенции у курфюрста держали себя так, как если бы были у короля, чтобы сделали подобающие королям три глубоких поклона, причем курфюрст приподнимает шляпу только при третьем поклоне, когда будет спрашивать о здоровье царя; царское письмо должно быть подано не завернутым в тафту, а открытым. По приезда в Кёнигсберг послы должны сделать визит обер-президенту, первому министру фон Данкельману и пр[1]. В этих упоминаниях о «коронованных главах», в требованиях себе королевских почестей сказывалось заветное желание Бранденбургского курфюрста Фридриха III получить королевскую корону, желание, которое ему удалось осуществить тремя годами позже, преодолев большие затруднения и препятствия.

В донесении курфюрсту от 9/19 мая Рейер так описывает свою встречу и разговор с послами. «Ваша курфюршеская светлость из всеподданнейшего донесения вашего тайного секретаря фон Бергена благоволили узнать, что царское посольство благополучно прибыло в прошлую пятницу 7/17 мая к вечеру и согласно милостивейшему приказанию вашей курфюршеской светлости было принято, как была возможность, по поводу чего послы выразили особенное удовольствие. При этом здешний комендант полковник Крюгер согласно имеющемуся курфюршескому приказанию сделал соответствующие приготовления. После того как я выехал навстречу упомянутому посольству за четверть мили от города с тремя городскими каретами, запряженными каждая 6 лошадьми, и когда они вышли из кареты, данной им в Курляндии, я передал послам приветствие вашей курфюршеской светлости с соответствующими пожеланиями, что они приняли с глубочайшим поклоном и высоким уважением. Когда они все трое остановились в квартире генерала и адмирала Лефорта, он показал себя необычайно дружественным к моей малости. Затем, когда господа его коллеги удалились по своим помещениям, я имел с ним конфиденциальный разговор и открыл ему, как ваша курфюршеская светлость милостиво решили в уважение к их высокому приципалу, царскому величеству, оказать им всякое благоволение и соответствующую их высокому характеру почесть, когда будут удостоверены следующие пункты: 1) Имеют ли господа послы от его царского величества кредитив или какое-либо поручение к вашей курфюршеской светлости? 2) В таком случае, не только они решительно должны оказывать вашей курфюршеской светлости все почести, какие следуют от их монарха коронованным главам в Европе при таких посольствах без всякого изменения, но также чтобы они, настоящие послы, не думали претендовать ни на какую бо̀льшую честь от вашей курфюршеской светлости, чем какая может быть оказана им коронованными главами в Европе, и под конец я привел в высшей степени важ-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 787—789; *Posselt*, Lefort, II, приложение V.

ные резоны, которые ваша курфюршеская светлость в милостивой инструкции изложили. На что благоупомянутый генерал Лефорт, ударяя себя в грудь, удостоверял с наивысшей клятвой, что в обоих случаях ваша курфюршеская светлость получите полное удовлетворение, даже бо́льшее, чем на какое можно претендовать. Я хотел затем коснуться подробностей согласно содержанию милостивой инструкции вашей курфюршеской светлости, но г. Лефорт перебил меня, взяв за руку, с просьбой отложить это и заявил мне вообще, что как он считает за величайшую честь в свете засвидетельствовать лично вашей курфюршеской светлости свое всеподданнейшее уважение, то не преминет он не только от своего лица, но и от лица своего монарха оказать все, что может способствовать к высочайшему вашей курфюршеской светлости удовольствию. При этом он дал мне слово и протянул руку. Поэтому я ни на что бо́льшее не мог от него претендовать, чтобы избежать всякого вида недоверия. Все-таки на следующее утро (8/18 мая) я еще раз заговорил об этом, на что г. Лефорт ответил мне то же, что и вчера, с бо́льшим уверением. Я коснулся данного им слова с выражением, что я ему так же верю, как если бы о том был заключен между вашей курфюршеской светлостью и царским посольством письменный договор. На этом дело и остановилось. Я хорошо заметил, что упомянутый генерал Лефорт имеет большие полномочия от его царского величества и не меньшее почитание к вашей курфюршеской светлости высокой персоне и поэтому тем более есть основание надеяться на исполнение данного слова.

Я нахожу свиту царского посольства в таком блеске, какой когда-либо можно было видеть, в особенности платья генерала Лефорта; из них некоторые украшены драгоценнейшими каменьями. Между прочим во всех трех послах я не нахожу совсем того упорства, которое выказывали послы раньше. Наоборот, они показали столь много податливости и благородной учтивости к моей малости, что я не могу достаточно нахвалиться. Также они выражали свое удовольствие по поводу трактамента, которым пользовались. Они очень выславляют, что были хорошо приняты его светлостью герцогом Курляндским. Напротив, они не менее жалуются, что их крайне плохо приняли в Лифляндии и особенно в Риге, не оказали им никакой учтивости, почему они, не обинуясь, говорят: manet alta mente repostum p. p.» [1].

Дни 8 и 9 мая посольство провело в Мемеле. 8-го послы отпустили, одарив соболями [2] и золотыми деньгами сопровождавших

[1] *Posselt*, Lefort, II, приложение VII: «Manet alta mente repostum judicium Paridis» (Verg.).

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 40. Им же дано золотыми (там же, л. 5): «Мая в 8 д. княжим служителем, которые великих послов от Митавы до Мемля провожали, дано старосте фон-Сакену 100 золотых, комнатному дворянину и походному маршалку Цедеревско́му 70 золотых, дворянину Адаму Костюшке 70 ж золотых, порутчику Буковскому 50 золотых, подмаршалку корнету Бекману 20 золотых, запасничему Шнейдеру 10 золотых, курфистрскому паже 10 золотых, двум лакеем по 12 золотых человеку, двум трубачам

их до Мемеля курляндцев: старосту митавского Сакена, Цедеровского, Костюшко и др. и с ними отправили к герцогу курляндскому благодарственное письмо, в котором свидетельствовали о внимании и услугах приставленных к ним провожатых [1]. 9 мая Рейер имел с послами разговор о дальнейшем пути. Головин и Возницын склонялись к тому, чтобы итти водой. Лефорт противился этому, ссылаясь на свое нездоровье. В конце концов решено было отправить водой по Куриш-гафу на Шаакен весь багаж посольства и 65 человек свиты; остальные должны были отправиться сухим путем на Тильзит. Рейер сообщил при своем донесении список посольской свиты, причем насчитывал в составе ее 149 человек, хотя по этому списку состав посольства, свиты и прислуги исчисляется в 165 человек. У посольства имеется 141 лошадь, из которых 40 отправлено водой. «Посольство намеревается, — заключает Рейер свое донесение от 9/19 мая из Мемеля, — выехать отсюда завтра утром и расположиться на ночлег в Гейдекруге в 7 милях отсюда и послезавтра будет в Тильзите, о чем тильзитский гауптман мною только что предупрежден» [2].

Действительно, посольство выехало из Мемеля 10/20 мая [3], отпустив водой часть свиты «многих чиновных и своих посольских людей со всякою рухлядью до Королевца водою в судах проливою, именуемою Гоф-Шакен, до местечка Шакина (Шаакен), отстоящего от Королевца в шести милях, а сами пошли из Мемля сухим путем того ж числа на курфирстровых подво-

---

по 10 золотых человеку, винного погреба ключнику 7 золотых, собственному княжому повару 7 золотых, чашнику 5 золотых, овощному 5 золотых, скатертному 5 золотых, шти человеком поваренным служителем по 3 золотых человеку, ключнику над пивом 4 золотых, хлебнику 3 золотых, портомое скатертной 5 золотых, шти человеком возницам 30 золотых, капралу или конских кормов маршалку 5 золотых, рейтаром 12 человеком по 8 золотых человеку, капралу у салдат 10 золотых, драгуном 10 человеком 30 золотых».

Чины курляндской местной администрации провожали послов до Тильзита (там же, л. 6). «Мая в 13 день в Тилзе ж городе дано князя курлянского служителем, которые великих послов провожали от Мемля: порутчику драгунскому Криштопу 6 золотых, драгуном 20 человеком 10 золотых, уездному толмачу Казимиру Томашевичу 5 золотых, старосте или уездному прикащику Христианусу Шварцу, писарю Габриэлю Лангенту, земскому служителю Эверту фон Прекулсу, осмотрителю берегу морского Ягану Шнедеру, поваренному писарю Асхацыюсу Лангу — всем им пятерым 15 золотых, да работником и работницам, которые служили великим послом при столех, 5 золотых».

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 792—794.

[2] *Posselt*, Lefort, II, примечание VI.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 41: «Мая в 10 день дано в Мемелю мещаном, у которых великие и полномочные послы стояли, Христофору Ниманту пара соболей в пол-сема рубли, мещанину ж Шлигеру две пары по $6^1/_2$ р., Христофору Геркину пара соболей...» Там же, л. 5 об.: им же дано: «Христофору Ниманту 5 золотых, Шлигеру 5 же золотых, мещанским детем 2 золотых». «В Мемле ж музыкантом, которые играли при великих послех, дано 12 золотых... да музыкантом к прежней даче, что они у первого посла играли, 20 золотых; л. 6: «В Мемлю ж мемелским солдатом, которые стояли у великих послов на караулех, дано 15 золотых, да хлебнику, которой в Мемлю при столех служил, 5 золотых».

дах и кормех». К ночлегу послы, однако, не добрались до Гейден-Круга, как извещал Рейер, а остановились в селении Прокулсо в 3 милях от Мемеля. 11/21 мая из Прокулса, миновав Гейден-Круг, послы доехали до селения Котиц, где ночевали[1]. 12/22 подъехали к городу Телзе (Тильзиту) на реке Немане. «И приехав к той реке Неман, стали в корчме для того, что судов готовых не было, а обоз посолской перевезся прежде их посолского приезду. И того ж числа (12/22 мая) из города Телза приходили к великим и полномочным послом за реку Неман от губернатора с поздравлением два человека капитанов; и великие и полномочные послы за поздравление благодарствовали, а что для перевозу их чрез Неман судов не изготовлено, и о том говорили, что то учинено нерадетельно. И те присланные сказали, чтоб они, великие и полномочные послы, мало помешкали и на них не погневились, потому что суды за великим на той реке волнением умешкали. И вскоре суды пришли, и великие и полномочные послы, вшед в них, сели на уготованных местех и перевезлись с дворяны и с иными чиновными и своими посолскими людьми; а в то время, как от берегу отпустились, стреляли с замку из девяти пушек; а как вышли из судов, и тогда встретили великих и полномочных послов того города бурмистры и райцы и поздравляли, и объявили три коляски крытые, в чем им ехать в город. И великие и полномочные послы, благодарствовав, сели в одну коляску, а в прочие — дворяне, и ехали в замок. На стойке перед замком и в замку от ворот по обе стороны стояли с ружьем мещаня под четырми знамены и били в барабаны и играли в сипоши. А как великие и полномочные послы въехали в замок, и в то время губернатор, сшед с лесницы, у коляски великих и полномочных послов встретил и поздравлял и просил, чтоб изволили итти в полаты. И великие и полномочные послы за приемность его благодарствовали и, взаимно поздравя, шли в палаты, а в то время на переходах трубили на трубах и били в литавры»[2].

13/23 мая после обеда, подарив коменданту Тильзита пару соболей в 16 рублей[3], посольство двинулось из этого города и к ночлегу достигло местечка Шилен[4]. 14/24 оно вступило с обычной встречей в город Инстербург: встречали городские власти с поздравлениями и приветствиями, по улице стояли вооруженные бюргеры, били в барабаны и играли на флейтах[5]. Из Инстер-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 41: «Мая в 12 день дано в селе Кошницах курфистрову прикащику Рихтеру пара соболей». Ему же 6 золотых (там же, л. 6).

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 794—796.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 41.

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 6 об.: «Мая в 14 ден в селе Жилинге, где великие послы стояли, пасторовой жене и детем и служительницам ее дано 10 золотых с полузолотым да музыкантом 2 золотых».

[5] Там же: «Мая в 15 д. в городке брандебурском Инстенбурке дано музыкантом 10 золотых, да работником 2 золотых»; там же, л. 41: «старосте дано пара соболей».

бурга посольство выехало 15/25 мая после полудня и в этот день сделало путь до местечка Таплинга. За милю от местечка встретил посольство церемониймейстер курфюрста Бессер. Утром на другой день, 16/26 мая, Бессер в присутствии Рейера и Бергена имел с послами разговор о подробностях приема, начав его с заявления, что курфюрст хочет «их, великих и полномочных послов, яко милых гостей, в Кёнизберх принять честно и встречу учинить великую, какой прежде сего никому не бывало». Затем Бессер сказал, что послы с подобающим почтом будут встречены за полмили от города. Послы потребовали, чтобы встреча была за милю; на это церемониймейстер возразил, что встретить далеко от города послов с почестями невозможно, потому что «в Кёнизберхе малолюдно, не так, как в Берлине». Послы просили, чтобы у того дома, где они в Кёнигсберге будут поставлены, встретил бы их «из сенату ближний человек или маршалок». Бессер говорил на это, что маршалок встретить их у дома не может, потому что безотлучно находится при курфюрсте, а примет послов «подкоморий». Наконец, Бессер предъявил послам три требования: во-первых, когда они будут у курфюрста на аудиенции, воздать ему честь такую же, какую ему воздают послы и других великих государей и королей, именно: поклониться ему трижды, стоять при нем с непокрытыми головами, быть у него «у руки, т. е. целовать ему руку; во-вторых, быть с визитом у первого министра: «быть у первого их министра на дворе и его поздравить, и быть у него на разговоре, и всякое ему по достоинству учинить почитание» и, в-третьих, сенатору, который будет состоять при послах, сидеть с ними в карете по правую сторону.

Послы с первыми двумя пунктами согласились без споров, заявили, что как по отношению к курфюрсту во всем «поступят с подобающей его пресветлости честию, так и ближним его людям покажут всякую склонность к доброму приятству»; но решительно отклонили третий пункт, чтобы состоящее при них лицо сидело в карете по правую руку, указав, что «того в посольствах никогда не водится, и было б то царского величества стороне не к чести, и того они, великие и полномочные послы, никогда не учинят». В заключение постановили, чтобы встрече быть за милю от города [1].

Двинувшись в путь из Таплинга [2], после переговоров с Бессером в тот же день 16/26 мая, послы ночевать приехали в городок Тапиау. Должностное лицо, встречавшее послов при проезде их в Тапиау, писало об этой встрече следующее: «Я. . . от-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 796—801; Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1697 г., № 1, л. 15—22.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 41: «Мая в 16 день курфистра ж брандебурского в местечке Топлинге того двора господарю дано пара соболей в 10 р. да два косяка камок»; л. 7: «тамошним людем, которые служили великим послом при столех, дано 3 золотых, да сторожам, которые в том же местечке возы посолские и казенные стерегли, золотой».

правился в Тапиау (Luppian), чтобы там ожидать их и узнал, что они будут на следующий вечер. Президент мне предписал оказать им как можно больший почет, тем более что они жаловались, что начальники тех мест, где они проезжали, принимали их плохо. Поэтому я отправился за четверть мили (un quarto di lega) навстречу с каретой, приказал приветствовать их тремя выстрелами из пушки и распорядился, чтобы мои люди отдали им честь оружием. Действительно, я принял их наилучшим образом, насколько мне позволила здешняя скудость, и они проследовали на моих лошадях во Владау, в двух милях расстояния отсюда. Подарок, который они сделали моей жене: пара соболей и два куска турецкой шелковой материи [1], обошелся мне дорого, потому что я с г. Лефортом, который, несмотря на много фистул и ран на теле, ненасытен, должен был пить столько вина, табаку и водки (bevere tanto vino, tabacco, aqua vita), что на следующий день не мог провожать их в экипажи (alla carrozza). Сказанный Лефорт великолепно одевается и, вероятно, выписал свое платье из Франции. Однако странным кажутся множество колец, которые он носит на пальцах, а также повязка из изумрудов, которую он носит на волосах. Он очень вежлив и с гордой осанкой, поддерживает с двумя товарищами значение своего сана. Мне очень нравится его постель, украшенная персидской парчой. С товарищами он говорит по-московски, с другими по-французски; между ними — его племянник и шталмейстер, оба деликатные французы. Остальные большею частью немцы, и он довольно хорошо говорит по-немецки. Пьют, по большей части, франконское вино (vino di Franconia); рейнского не ценят, привыкнув к первому в их стране. Когда пьют чье-либо здоровье, делают это большими бокалами за табаком (entrovi del tabacco). Если, например, пьют за здоровье царя, питье начинается с конца стола и, таким образом (бокал) переходит из рук в руки, пока последняя очередь не останется самому знатному, который благодарит того, кто первый предложил тост. Два других посла хорошо выглядят (sono di bell'aspetto); генерал комиссар (Ф. А. Головин) более общителен, чем другой, канцлер империи; он бывал в разных посольствах, даже в Китае. У них четыре субтильных (sottili) карлика, которых они очень чтут» [2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 41 об.: «Мая в 17 д. в замочке Тапеу дано господарю косяк камки да пара соболей»; л. 7: «в городке Тапеу, где великие послы начевали, дано челядником того дому, что они служили при столе, 3 золотых».

[2] *Шмурло*, Сборник, № 306. «Riferta di un confidente, Konisberg li 31 Maggio 1697». Это сообщение венецианского агента было отправлено к венскому послу Рудзини, а им переслано в Венецию, с пометой «Cimerin 29 Giugno 1697». Сообщение, как кажется, составлено из нескольких частей и содержит описание встречи в Тапиау (Luppian), въезда в Кёнигсберг, ужина у курфюрста в день въезда и пр. Приведенный отрывок есть, очевидно, письмо должностного лица, встречавшего послов в Тапиау.

17/27 мая из замка Тапиау был сделан переезд до местечка Валдов (Waldau), где посольство остановилось перед въездом в Кёнигсберг. Сюда приезжал к послам царь [1].

VII. ВЪЕЗД ПОСОЛЬСТВА В КЁНИГСБЕРГ

Торжественный въезд посольства в Кёнигсберг состоялся 18/28 мая. В этой, как и в последовавших затем церемониях, связанных с приемом послов, великий любитель торжественных церемоний, усердный подражатель версальскому двору курфюрст Бранденбургский Фридрих III, о котором его супруга София-Шарлотта, умирая, сказала, что королю, своему супругу, она доставит зрелище похорон, которые дадут ему возможность выказать свое великолепие [2], — мог развернуть всю пышность, показать весь блеск своего двора. Тогда же в 1697 г., назначенным состоять при посольстве церемониймейстером Бессером, не чуждым также и литературе, было составлено и к вящей славе бранденбургского двора издано подробное описание приема посольства в Кёнигсберге. «Посольство, — пишет Бессер, — въехало в Кёнигсберг 18/28 мая около 5 часов пополудни и, так как это было первое посольство, которое московский двор присылал к кур-бранденбургскому дому со званием послов (ambassadeurs) или великих послов, то частию вследствие этого характера, частию же вследствие других совершенно необыкновенных обстоятельств, оно принято было с таким великолепием, что если бы при нем лично находился тот высокий принципал, которого оно представляло, его царское величество, или смотрел на прием, его нельзя было бы принять роскошнее и великолепнее». В словах Бессера о необыкновенных обстоятельствах, при которых происходил прием посольства, и о том, что, если бы сам царь смотрел на прием, и следует именно видеть намеки на пребывание в это время самого Петра в Кёнигсберге.

«Двор сложил на этот день, — продолжает Бессер, — траур, который носили по недавно скончавшемся шведском короле (Карле XI). Придворный штат одет был в совершенно новые ливреи, которые были особенно пышны и красивы по богатству золота, а также по красоте пурпура, пропущенного в них полосами. В городе по улицам от внешних Закгеймовых ворот до квартиры, отведенной послам на Кнейпгофе, поставлены были по обеим сторонам бюргеры с оружием. По одну сторону Закгеймовых ворот стояло несколько рот полка графа Дона, а по другую сторону 24 драбанта с их золочеными алебардами, которые затем при въезде в город шли вокруг курфюршеской каре-

---

[1] *Шмурло*, Сборник, стр. 250—251 «Ritornato il Czar da Waldau». Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 4 об.: «Мая в 18 д. в местечке Валдов уряднику того местечка дано пара соболей». Там же, л. 7: «В местечке Валдов старосте и работникам его, которые великим послом служили при столех, дано 6 золотых».

[2] *Герье*, Лейбниц и его век, стр. 514.

Рис. 8. Въезд русского посольства в Кёнигсберг 18 мая 1697 г.
Гравюра, помещенная на календарном листе 1697 г.

ты. Все окна домов до крыш были полны зрителей и, так как его курфюршеская светлость своею высокою особой милостиво соблаговолил смотреть на въезд, то было предписано, чтобы весь поезд направлялся от Закгейма через новую Кирхергассе, через Нейзорге (Neue Sorge) и Крестовые ворота (Kreutzthor) мимо курфюршеского бурга и затем ниже Мюленберга (den Mühlenberg herunter) через здешние три города.

При курфюршеской резиденции стоял Трухзесов батальон до внешней стороны ворот в полном вооружении. Хотя с утра шел дождь, но затем к полудню небо опять прояснилось, чтобы придать больше блеску въезду. Около двух часов пополудни курфюршеские и другие кареты с состоящей при них свитой кавалеров, пажей, лакеев и телохранителей отправлены были до Зандкруга на расстоянии около полумили за городом и поставлены в порядок г. шталмейстером Бауером... Затем выехали за город генерал-кригс-комиссар (фон Данкельман) и церемониймейстер (фон Бессер), и когда курфюршеская карета, в которой они сидели, поравнялась с каретой послов и кареты остановились, те и другие в одно время вышли из экипажей и г. генерал-кригс-комиссар приветствовал послов очень учтивым и хорошо составленным комплиментом. Послы были посажены в курфюршескую карету; г. генерал-кригс-комиссар и церемониймейстер сели к ним... и весь поезд следовал в таком порядке при троекратном залпе из пушек с городских валов и с

крепости Фридрихсбурга»[1]. Далее Бессер приводит церемониал процессии, состоявшей из 17 одно другого более интересных для собравшейся толпы зрителей отделений. Процессию открывал берейтор — «конный учитель» по обозначению «Статейного списка» посольства, также заключающего в себе подробное описание въезда[2], — и за ним вели под уздцы верховых лошадей в драгоценных чепраках. За ними ехала в конном строю курфюршеская гвардия поротно на серых, черных и гнедых лошадях; везены были, далее, по обычаю того времени пустые кареты, курфюршеские, маркграфа Альбрехта, министров и городские, запряженные цугами в 4 и 6 лошадей в количестве 29 под предводительством конюшенного офицера. За пустыми каретами вели опять верховых лошадей без всадников: 5 лошадей маркграфа Альбрехта и 12 курфюршеских английских лошадей в богатых, украшенных золотом и серебром покрывалах. Далее двигался под предводительством гофмейстера отряд пажей на лошадях. 12 курфюршеских и 6 московских пажей по-трое в ряд, так что московский паж имел по бокам двух курфюршеских, курфюршеские пажи с белыми перьями и красными лентами на шляпах, а московские пажи по цвету ливрей Лефорта в ярко красных немецких камзолах и вестонах с серебряными позументами. За московскими пажами, одетыми в немецкие камзолы и вестоны, ехали верхом шестеро татар «со стрелами и прочим их диким вооружением». Эти татары, или калмыки, как их называют в других подобных же случаях, были одетые по-восточному «люди» второго и третьего послов, среди которых, судя по их именам, были действительно восточные инородцы, например, у Ф. А. Головина: Иван Каргол, Иван Тунгус, у П. Б. Возницына: Тимофей Калмык. Далее шли 40 московских солдат в 10 рядов в зеленых мундирах с большими гладкими серебряными пуговицами. Шестеро московских трубачей из свиты Лефорта в красном немецком платье с серебряными галунами, с серебряными трубами, в которые они, однако, не трубили; 30 московских волонтеров в зеленых мундирах на конях, затем опять два отделения курфюршеских литаврщиков и трубачей по 1 литаврщику и по 8 трубачей в каждом. Эти трубачи и литаврщики во все время въезда непрестанно трубили в трубы и били в литавры. Двигались затем придворные курфюршеские чины и кавалеры, курфюршеские и посольские лакеи в ярких ливреях, 12 московских гайдуков с серебряными коваными изображениями русского государственного орла на красных мундирах, с серебряными обуха-

---

[1] «Ausführlicher Bericht von allen dem, was bey Einholung und Aufnehmung der Moscowitischen Gross-Gesandschaft vorgegangen, welche die jetztregierende Czarische Majestät Peter Alexiewitz an Seine Churfürstl. Durchl. zu Brandenburg Friederich den dritten abgeschicket». См. также «Des Herrn von Besser, Schriften, Leipzig, 1732, S. 539 и folg. В Арх. мин. ин. дел есть перевод описания Бессера, сделанный переводчиком Вульфом (Дела прусские 1697 г., № 1. л. 129—160).

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 801 и сл.

ми на плечах. Наконец, курфюршеская лейб-карета с великими послами и сопровождающими их. Двое первых послов сидели на главных местах, третий посол и генерал-кригс-комиссар фон-Данкельман — на передней скамье, а церемониймейстер фон Бессер — на боковой скамье у дверцы с правой стороны. Возле кареты шли 24 телохранителя с золочеными алебардами. Шествие замыкали еще 10 карет со свитой. Громадных размеров, грузные, неповоротливые раззолоченные экипажи XVII в. на высоких тяжелых колесах, запряженные длинными цугами лошадей в уборах с форейторами и служителями в париках и треугольных шляпах на запятках, верховые лошади, блиставшие роскошными чепраками, красные и зеленые мундиры, серебряное шитье, галуны и позументы, ленты и перья, — все это, озаренное выглянувшим после дождя солнцем, звуки труб и литавр и пушечные залпы — таковы были зрительные и слуховые впечатления Петра в день въезда великого посольства в Кёнигсберг 18 мая 1697 г., явившие ему курфюршескую пышность во всем ее великолепии. Что Петр смотрел на въезд вместе с курфюрстом из окна кёнигсбергского замка, об этом сообщает Лейбниц в одном из своих писем от 31 мая 1697 г. Царь по этому известию остался доволен зрелищем, которое было великолепно [1]. Об этом же находим известие в донесении тайного венецианского агента послу Рудзини: «Царь, — сообщает агент, — вернувшись из Валдау, пожелал смотреть въезд (послов) из замка с его высочеством и, прибыв туда заблаговременно, обошел с его высочеством замок, внимательно осматривая каждую вещь. Посмотрев затем въезд, выказал удовольствие. Когда генерал-майор Теттау (в донесении — Littau) прибыл в замок в высоких французских сапогах, царь дивился им и сказал, что они ему не нравятся [2].

На Кнейпгофской Долгой улице, — продолжает описание этого дня Бессер, — двором для всех трех послов обмеблирован был дом Дроста и при нем поставлено 30 человек стражи; в нем затем жил только первый из них генерал Лефорт; но в нем все трое вместе обедали и принимали парадные визиты. Когда весь поезд достиг дома, то передовые проследовали мимо, а г. дворцовый комендант фрейгерр фон Зонсфельдт с кавалерами сошел с лошадей и встретил гг. послов при выходе из кареты. Г. генерал-кригс-комиссар фон Данкельман и церемониймейстер отвели их в их комнаты и затем, в свою очередь простившись, были сопровождены послами до курфюршеской кареты, в которой они вернулись ко двору. Затем два вторых посла отправились в отведенные для них особые дома [3], к которым также была приставлена стража. Как скоро они опять собрались у первого посла, явился старший граф фон Денгоф, камергер, бригадир и губернатор крепости Мемеля, приветствовать гг. послов от имени кур-

---

[1] *Герье*, Сборник писем и мемориалов Лейбница, стр. 9.
[2] *Шмурло*, Сборник, № 306. «Riferta di un confidente».
[3] Второй посол остановился «у вдовы Гейдкаловы, третий у Андрея Кижинка» (Пам. дипл. сношений, VIII, 805).

фюрста. Между тем наступало время ужина и так как его превосходительство г. генерал-кригс-комиссар с церемониймейстером получили приказание быть у гг. послов за столом, то они из дворца опять отправились к ним. Угощение предложено было придворными чинами и было сервировано на двух столах: один для гг. послов на 12 персон, другой для привезенной ими с собой свиты на 20. За первым столом подавалось на курфюршеском серебре. С маршальским жезлом был г. обер-кухмистер фон Вензен; капитан фон Бремзен исполнял обязанности форшнейдера, и к каждому послу было приставлено по кавалеру и пажу для услуг. Фон Бремзен, старший камер-юнкер его курфюршеской светлости, служил при первом после; фон Теттау — при втором, и фон Граппендорф при третьем. Они подавали им также вино и воду. Г. генерал-кригс-комиссар фон Данкельман провозглашал тосты. Шесть курфюршеских трубачей с литаврщиком и с маленькими гобоистами исполняли застольную музыку. И как это началось в день въезда, так и продолжалось до дня их выезда; только когда его превосходительство г. генерал-кригс-комиссар не мог присутствовать при столе, вместо него должен был провозглашать тосты церемониймейстер»[1]. Царь ужинал в этот вечер у курфюрста. «Его высочество, — читаем в донесении упомянутого выше венецианского агента, — удержал царя ужинать; он обратил внимание на жезл маршала и дивился порядку питья за ужином; ел с аппетитом, особенно кирские яблоки (pomi di chir); с бокалом в руке назвал его высочество братом и рассердился, когда увидел кого-то, кого он не знал. За столом были двое государей, маркграф Альбрехт, принц Голштинский, князь Черкасский, обер-камергер, обер-президент... Его высочество, провожая его при отъезде до низу лестницы, сказал ему, что, если бы не знал его, не поверил бы, что он находится здесь. Царь ответил его высочеству, что хочет оставить ему свой портрет, и чтобы не забыть, приказал князю Черкасскому напомнить о том»[2].

На следующий день по въезде, 19 мая, Петр писал к Виниусу, уведомляя о получении писем из Москвы и объясняя, почему на них не мог ответить: «Min Her Vinius, писма отъ многихъ ко мнѣ дошъли; толко мнѣ отданы недавъна, іныя теперь, для того что мы приехали моремъ, а почта, сухимъ путемъ ідучи, въсегъда послам в руки дахадила, которыя после насъ полтары недели сюды приехали; а почта сегодня ждать болше не хатѣла і для того отвѣта на тѣ писма написать с сею почтою не успѣлъ. Богу ізволшу с будушъшею почтаю отвѣтъ учиню купъно і про отъездъ нашъ отсель. За симъ паки коемуждо, како достоітъ, прошу отдати поклонение, возвешая о нескоромъ отвѣте. Piter. Ізъ Кю-

[1] *Besser*, Schriften, 544—546. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 7: «Мая в 19 день в Кенихзберхе курфирстовым сиповщиком и иным служителем, которые были при столех, дано 16 золотых с полузолотым».
[2] *Шмурло*, Сборник, № 306.

нинсъберга, мая въ 19 д.»[1]. Из этого письма видно, что Петр еще не знает о времени отъезда из Кёнигсберга. По сообщению тайного венецианского агента, он будто бы говорил курфюрсту, что намеревается ехать в Вену побеседовать с Леопольдом так же, как повидался с братом Фридрихом[2]. Но послы как раз в этот день, 19 мая, отправили в Вену к подьячему Михайлу Волкову, находившемуся там при гонце Адаме Вейде, извещение о том, что маршрут посольства изменяется и что посольство вместо Вены прежде направится ко двору английского короля и только потом уже посетит цесарский двор[3].

20 мая у послов был церемониймейстер Бессер для переговоров о подробностях торжественной приемной аудиенции. Ход этих переговоров отмечен также и в «Статейном списке» посольства. Затруднительным пунктом было требование с бранденбургской стороны, чтобы послы исполнили обряд целования руки у курфюрста, шли к нему «к руке». «И с приезду, — говорит «Статейный список», — великих и полномочных послов по бытие их у курфирста на посольстве генерал-комисарий и мастер церемоний говорили и домогались накрепко, чтоб они, великие и полномочные послы, учинили его курфирстской пресветлости в посольстве своем почитание паче прежнего, а имянно: как учнут посольство править и его курфирстское пресветлейшество будет сидеть, и чтоб итить к нему к руке». Послы исполнять это требование наотрез отказались, категорически заявив, что «если курфирстское пресветлейшество покажет. . . , что к умалению монаршеской чести великого государя» или будет поступать «не против прежних обычаев», то они, послы, посольства править не будут и пойдут из палаты вон[4]. Спор, однако, был улажен. «Когда они к удовольствию двора согласились, — пишет Бессер, — отправили г.г. послы секретаря посольства Лефорта-младшего к премьер-министру его курфюршеской светлости его превосходительству г. обер-президенту фрейгеру фон Данкельману просить об аудиенции у его курфюршеской светлости. Его превосходительство представил посланного его курфюршеской светлости, и аудиенция была назначена на следующий день 21/31 мая»[5]. В донесении венецианского агента от 21/31 мая сообщается подробность относительно назначения срока аудиенции: «Вчера (20 мая) послам аудиенции не было, так как они просили его высочество отложить ее на сегодня. Когда царю это стало известно, он задал головомойку Лефорту и его товарищам за эту отсрочку; они бросились к его ногам, просили прощения и получили его. Царь объявил о прощении, поставив на их головы бокалы. Генерал-кригс-комиссар спросил для Лефорта две бутылки вина St.-Lau-

---

[1] П. и Б., т. I, № 163. В этот же день им было получено письмо от Ромодановского (П. и Б., т. I, № 165).

[2] *Шмурло*, Сборник, № 306.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 806—808.

[4] Там же, 808—809.

[5] *Besser*, Schriften, 546.

rent, тот выпил их с царем; так как это ему понравилось, спросил его снова, но его не нашлось». По тому же донесению, царь накануне аудиенции, вечером 20 мая, ужинал вместе с тремя послами у курфюрста, прося его не впускать никого из чужих, пока он не встанет из-за стола. Несмотря, однако, на то, с его согласия вошли Фукс, генерал-кригс-комиссар и другие кавалеры; остальным вход был строго воспрещен. Каждый тост возвещался троекратным пушечным выстрелом»[1].

VIII. АУДИЕНЦИЯ У КУРФЮРСТА

Аудиенция произошла 21 мая. «И мая 21 числа, — читаем в «Статейном списке», — великие и полномочные послы у курфирста на дворе на приезде были. Присланы по них приставы их: генерал воинской комисариюс фон-Данкельман да мастер церемоний фон-Бессер, а с ними три кореты золочеchые о шести возниках, да двенадцать корет о дву возниках, дворяном 60 верховых лошадей. И в первой корете сидели великие и полномочные послы все трое, по левую сторону третьего посла сидел генерал-комисарий, да против дверей на скамейке мастер церемоний, а в прочих сидели дворяня; и ехали тем же строем, как ехали и в Королевец (т. е. как въезжали в Кёнигсберг). В первых шел курфирстов надворный фуриер пеш, якобы путь указуя. За ним напреди ехали верхами посольские люди мунгалы и калмыки в саадаках и с сабли в добром платье; а перед ними, великими послы, несли московские солдаты, сорок человек, великого государя любительные поминки и посольские дары; напреди и назади тех солдатов шли по одному человеку сержанту. Потом ехали на лошадях начальные люди и выборные салдаты Преображенского полку, то есть валентеры; за ними ехали дворяня и иные чиновные люди. Перед самою коретою посолскою вез великого государя грамоту в красной тафте из дворян Петр Богданов сын Лефорт верхом; при той же корете ехали верхом московские переводчики два человека; за посольскою коретою ехали посольские пажи верхи ж. При въезде великих и полномочных послов в курфирстов замок на мосту и в воротех по обе стороны стояли драбанты с карабины при начальном человеке и били в барабаны и играли в сипоши; в замке стояли по левой стороне в строю два батальона пехоты, да среди площади поперек три роты курфирстова оберегательного полку конные; да на перилах в дву местех били в литавры и трубили на трубах 24 человека трубачей.

Въехав в курфирстов замок, валентеры, и подьячие, и иные чиновные люди с лошадей ссели, а дворяня из корет вышли и все шли в курфирстовы полаты перед послы напред, а салдаты с поминками и с дарами шли позади. Как великие и полномочные послы из корет выходили, и их встретил от курфирста у ко-

[1] *Шмурло*, Сборник, № 306.

реты дворовой капитан барон фон-Зонсвелт (von Sonsfeldt) и, изговоря речь и поклонясь, шел перед великим послы; на другой лестнице, в другой встрече, встретил первой маршалок генерал-поручик барон фон-Лоттум (Ober-Marschall und General-Lieutenant Freiherr von Lottum) и шел перед полномочными послы; от той лестницы до курфирстовых полат шли переходами, в которых стояли драбанты ж с карабины, а иные с голыми шпагами и с алебарды. И как великие и полномочные послы вошли в первую полату, и приставы говорили, чтоб они, великие и полномочные послы, мало пообождали, покамест все уберутся; и послы, не ожидая, велели валентером, и дворяном, и переводчиком, и подьячим итить к курфистру в полаты перед собою, а потом шли и сами, не останавливаясь. А как пришли к той полате, где курфирст и их встретил от курфирста у дверей началной комнатной и началной конюшей барон Колбе-фон-Вантенберг (Herr Ober-Cammerer und Ober-Stallmeister-Freiherr Colbe von Wartenberg). И шли великие и полномочные послы перед курфирста в полату все трое рядом; перед ними шли приставы их: генерал и воинской комисарий фон-ден-Келлман (von Dankelmann) и мастер церемоний, а великого государя грамота несена перед великими и полномочными послы; а валентеры, и дворяня, и подьячие стали по обе стороны все рядом»[1]. Среди этих «валантеров» в зеленых мундирах, участвовавших в церемонии, вероятно, находился и Петр.

«Статейный список» приводит далее до утомительности однообразные речи, с которыми обращались к восседавшему на троне курфюрсту каждый из послов, с перечислением каждый раз полных титулов царского и курфюршеского и с заявлениями, первый посол: «велел про свое царского величества здоровье сказать, а тебя поздравить»; второй: «его царское величество на своих великих и преславных государствах российского царствия престолех в добром здравии пребывает»... «прислал к вам, пресветлейшему князю и государю Фридерикусу маркграфу Бранденбурскому и иных к вашему курфирстскому пресветлейшеству, свою царского величества любительную грамоту» (первый посол, причем поднес грамоту «в тафте червчатой»)... «прислал с нами, великими и полномочными послы, любительные поминки» (третий посол, причем были перечислены и переданы подарки). В заключение второй посол объявил цели посольства: подтверждение древней дружбы и любви, общее всего христианства дело — умаление общего всех христиан неприятеля, салтана турского, и его спомощника хана крымского и иных орд бусурманских и передал благодарность курфюрсту от царя за присылку инженеров и бригадиров во время Азовской войны «ради ущербления луны магометанской», а третий посол просил «доброе намерение принять любительно» и их, послов, отпустить к цесарю рим-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, стр. 809—811; Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1697 г., № 1, л. 24.

скому[1]. После сам курфюрст, как сообщает Лейбниц, говорил царю, что он едва удерживался от смеха, когда во время аудиенции надо было по обычаю спрашивать о здоровье царя и в каком состоянии они его оставили[2].

Гораздо живее описывает первый прием послов Бессер. «Аудиенц-зала, а также пять находящихся перед нею комнат, — читаем мы у него, — по которым должны были проходить послы, были украшены богатой мебелью» («в полатах обитие было — шпалеры французжские», — замечает «Статейный список»); в аудиенц-зале устроено было тронное возвышение из трех ступеней, покрытое кармазиновым бархатом; над ним сооружен был балдахин с массивными золотыми и серебряными кистями, под которым поставлено было такое же кресло... Первый посол г. генерал Лефорт до сих пор все время носил немецкое платье, но в день аудиенции он был одет, как и два других посла, по-московски, и все трое были в нарядных богато расшитых нижних и верхних платьях с алмазными застежками и с русскими государственными орлами из алмазов на шапках. Несмотря на то, что от их квартиры до замка не так далеко, пришлось употребить час, чтобы достигнуть дворца, частию вследствие неописуемого стечения народа, частию вследствие множества участвующих в поезде. Было уже более часу пополудни, когда они туда прибыли. Гауптвахта отдала честь и заиграла. То же сделали пять рот, выстроенные по плацу перед замком, курфюршеские литаврщики и трубачи, а также гвардейские тотчас же заиграли, и вместе с барабанами, флейтами и гобоями пехоты производили такой воинственный гул и гром, что это великим послам, в особенности первым двум, очень понравилось. Господин дворцовый комендант фрейгер фон Зонсфельдт встретил их внизу у кареты, г. обер-маршал и генерал-лейтенант фрейгер фон Лоттум встретил выше перед другою лестницею, г. обер-камергер и обер-шталмейстер фрейгер Кольбе-фон-Вартенберг — перед аудиенц-залой. Его курфюршеская светлость сидел на троне в шляпе, был в яркокрасном платье с такими богатыми алмазными украшениями, что если принять во внимание величину и чистоту драгоценных камней на пуговицах и особенно на шляпе, на орденских знаках и на портупее шпаги, то можно сказать наверное, что эти украшения надо ценить, как самые красивые и драгоценные, какие где-либо можно найти среди государей. Его светлость маркграф Альбрехт стоял с непокрытой головой по правую сторону курфюршеского кресла, а его светлость герцог Голштинский — за его светлостью маркграфом. Его превосходительство г. обер-президент, который должен был говорить от имени его курфюршеской светлости, стоял по левую сторону, а за креслом стали г. обер-камергер, г. обер-маршал и г. дворцовый комендант после того, как они встретили послов и вместе с двумя сопровождающими подвели

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 811—816.

[2] *Герье*, Сборник писем и мемориалов Лейбница, стр. 9.

их к курфюршескому трону. Возле трона справа стояли г. генерал-фельдмаршал Барфус и г. действительный тайный советник и президент консистории фон Фухс с другими высшими чинами двора. По левую сторону стояли высшие советники, советники и знатные прусские чины. Для всей московской свиты едва хватало места в аудиенц-зале; но так как все они желали видеть милостивое лицо его курфюршеской светлости, то сделано было так, что татары и те, кто несли подарки, как это было в подобном случае в Версале, после глубокого поклона проходили перед троном через длину залы и могли затем находиться в прилегающей комнате». Эта ссылка Бессера на версальские порядки — и это не первая уже ссылка в его рассказе; ранее он объяснял, почему состоять при послах, кроме церемониймейстера, назначено было лицо из высших офицеров, генерал-кригс-комиссар: так делается во Франции, где для таких поручений назначаются маршалы Франции, — эта ссылка Бессера на версальские порядки показывает, как при бранденбургском дворе Фридриха III старались подражать Версалю и каким авторитетом был тогда для немецких государей двор «короля-солнца». «Остальные же, — продолжает Бессер, — и сорок знатных волонтеров с князем Черкасским и с другими офицерами и гоф-юнкерами остались в аудиенц-зале и разделились на две половины, присоединяясь к находившимся там придворным. Господа великие послы от тесноты едва могли сделать как следует два первые поклона, но в последний раз глубоко поклонились перед троном; его курфюршеская светлость привстал их приветствовать и обнажил голову, но тотчас же опять сел и накрылся. Первый посол стоял между двумя другими, и все трое стояли между г. генерал-кригс-комиссаром фон Данкельманом и церемониймейстером фон Бессером. Курфюршеский переводчик стал у подножия трона по правую сторону, а московский — по левую, московский секретарь посольства позади послов. Затем говорил гг. послам его превосходительство г. обер-президент от имени его курфюршеской светлости и обозначил, как его курфюршеской светлости особенно приятно, что его царское величество отправил к нему такое важное посольство и будет теперь рад узнать о деле посольства. Послы сделали свой доклад, стоя с непокрытыми головами, на русском языке. Сначала говорил первый посол и сказал, что так как слава, приобретенная курбранденбургским оружием в этой войне и особенно против турок дошла также и к ним в Москву, то его величество был побужден этим послать к его курфюршеской светлости это большое посольство, чтобы уверить его курфюршескую светлость в дружбе его царского величества. Он сказал вначале весь царский и курфюршеский титул, причем, как это бывает обычно при всех дворах, его курфюршеская светлость также поднялся и снял шляпу. Его курфюршеская светлость на это ответил собственною высокой персоной, благодарил за благосклонную память его царского величества и спросил о его теперешнем состоянии. Второй посол сказал, что при их отъезде они оставили

его царское величество в добром здоровье и что его величество, между прочим, поручил им поблагодарить его курфюршескую светлость за присланных констапелей и огнестрельных мастеров, которые были очень полезны его величеству в азовской осаде. Третий взял царскую аккредитивную грамоту у секретаря посольства и передал ее второму, второй первому, и первый его курфюршеской светлости, который принял ее стоя с непокрытой головой и затем передал ее г. обер-президенту. Затем они по обыкновению были приглашены к так называемому комплименту по случаю прибытия (Bewillkommungs-Complimente), причем все трое послов приблизились к трону, и каждый из них особо кланялся глубоко курфюрсту, касаясь рукой и головой земли, и его курфюршеская светлость со своей стороны к каждому из послов несколько подавался телом». «Статейный список» говорит, что послы кланялись курфюрсту «рядовым поклоном», «Затем, — читаем далее у Бессера, — говорил третий (посол) и велел внести подарки. Внесены были сначала подарки от его царского величества, а затем от послов, перечисляемые переводчиком. Московские солдаты, которые их вносили, вынесли их опять в прежнюю комнату и передали назначенным к тому курфюршеским служителям». Курфюрсту были от великого государя поднесены: 10 сороков да 12 пар соболей добрых, да 30 косяков камок китайских, 5 изорбафов золотных и серебряных, 2 меха горностайных, да от себя послы поднесли каждый по 2 сорока соболей, итого 6 сороков; являл подарки переводчик Петр Шафиров. «А те поминочные соболи, и камки, и изарбафы и мехи, — добавляет «Статейный список», — поднесены без цены, и ярлыки у соболей отняты. И те поминки приняты и пронесены мимо курфирста в другую полату, а на земле не кладены. . .»[1] «Все трое, — так заканчивает свой рассказ о приеме посольства Бессер, — говорили еще раз один за другим; но на все речи, как требовали послы, дан был один ответ, и его превосходительство г. оберпрезидент сказал его с таким весом и выражением, как того требовало и достоинство того, за кого он говорил, и собственное его достоинство. Он сказал: его курфюршеская светлость, что касается общего блага, готов содействовать его величеству делом и еще более важным, чем присылка констапелей. Он благодарен его величеству, а также и послам за подарки и будет заботиться о добром приеме гг. послов, пока они будут в его землях. Оберпрезидент спросил их, имеют ли они еще какое-либо предложение, и так как они остальное отложили до будущего совещания, то, сделав обычные реверансы, они вышли, будучи сопровождаемы и отвезены домой таким же образом и теми же лицами, как были привезены и встречены перед аудиенцией. Г. генерал-кригскомиссар фон Данкельман и г. церемониймейстер фон Бессер кушали с ними. Но чтобы сделать день торжественнее, от его

[1] Пам. дипл. сношений VIII, стр. 814; ср. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 41, об.

курфюршеской светлости с собственного стола были присланы 12 особых блюд в золоченой посуде, а также собственная камерная музыка, чего не бывало ни раньше, ни после, за исключением дня, когда они откланивались»[1]. «Мая 21-го ж числа, — описывает это угощение «Статейный список, — был великим и полномочным послом курфистров стол, обедали все вместе на дворе у первого посла; потчивали их, великих и полномочных послов, приставы их: генерал и воинской комисарий фон-дан-Келман и мастер церемоний фон-Бессер и пили про здравие великого государя... а после про курфирстово здоровье; тут же в стол присыланы от курфюрста особливые изрядные ествы на серебряных золоченых блюдах; и была во время стола курфюстова покоевая музыка»[2].

В упоминавшемся уже выше донесении от 21/31 мая тайный венецианский агент передавал своему правительству доходившие до него слухи и толки о Петре и о посольстве, и в отзвуках этой молвы наряду с небылицами есть черты, характеризующие царя и послов. Может быть, некоторые из приводимых агентом сообщений, хотя и не заверенные более надежными документами, не лишены достоверности; может быть, и в самом деле имели место эпизоды, о которых он рассказывает, хотя бы и происходили не совсем так, как он передает. Так, например, он сообщает о сдержанности, проявленной Петром, попавшим в цивилизованную страну и очутившимся в обстановке более мягких нравов: перед отъездом за границу царь усмирил вспыхнувшее против него возмущение, причем отрубил несколько голов. Он вообще склонен к тирании. Но несмотря на то, одному из своей свиты, который разбил стакан, он будто бы сказал: «Если бы ты сделал это в Москве, я бы тебя угостил кнутом, но так как мы находимся в стране, где с людьми обращаются более мягко, то да простится тебе». О себе Петр будто бы сказал курфюрсту, что еще двумя годами ранее намеревался совершить это путешествие, а генералу Теттау (Littau), вероятно, заговорив с ним о религии, сказал, что в вопросе о предопределении следует реформатскому учению (Dio sia con noi, s'è conosciuto che circa la predestinatione segua la religione riformata). Агент сообщает также об эпизоде, происшедшем перед праздником пятидесятницы: Петр отправился на охоту в окрестности Фридрихсбурга; курфюрст заблагорассудил повидать его там. Царь, завидев издали курфюрста, побежал ему навстречу, чтобы выразить свое удовольствие, и упал, но, тотчас же поднявшись, обнял курфюрста.

В Кёнигсберге было известно о недовольстве Петра и его послов встречей, оказанной им в Риге; приемом в Курляндии, сообщал тот же венецианский агент, они очень довольны, но о приеме в Лифляндии один из них сказал словами Вергилия: «manet alta mente repostum», т. е. «глубоко запечатлелось и

---

[1] *Besser*, Schriften, 548—552.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 819.

останется в памяти». Бранденбургский двор, может быть, имея также это в виду, старался сделать все возможное, чтобы доставить царю удовольствие и сделать пребывание в Кёнигсберге для него приятным; между прочим устраивался для него фейерверк, предполагалась охота на буйволов. Курфюрст подарил ему дорогую серую лошадь. Узнав, что послы любят музыку, курфюрст при самом их приезде послал им 6 трубачей и литаврщика. С своей стороны, по тому же отзыву, и послы склонны были выказать щедрость, привезли с собой много драгоценных вещей и говорили, что они прибыли их раздавать. О любимце царя Лефорте агент сообщал более подробностей: он стал фаворитом царя с тех пор как спас его при падении из кареты; он ввел в Московии некоторые новшества в дамском туалете, а именно ввел употребление фонтанжей (Delle fontange) — особого рода головного убора, именно лент, связанных на передней части головы [1], и учинил многие перемены в государственном устройстве. Если его убеждают поменьше пить, он отвечает: «Non solus morior» («Не один умру [2]»).

IX. УВЕСЕЛЕНИЯ ПРИ КУРФЮРШЕСКОМ ДВОРЕ. ПРОЩАЛЬНАЯ АУДИЕНЦИЯ

22 мая Петр пишет письмо тому лицу, которое во всепьянейшем соборе носило шутливое название «палестинского архиерея»; письмо не дошло до нас, знаем о нем только из ответа этого архиерея [3]. Посольству в этот день сделал визит обер-президент фон Данкельман, «курфюрстов ближний человек», как называет его «Статейный список» и обедал у послов.

23 мая к послам приезжали генерал-кригс-комиссар фон Данкельман и церемониймейстер фон Бессер с предложением начать переговоры и с приглашением приехать для этой цели во дворец на конференцию с курфюрстовыми ближними людьми. Послы ответили, что им «для разговору о делех к ближним курфирстовым людем ездить не доведетца», и в этом отказе ссылались на прецеденты: «потому что и напред сего не токмо царского величества великие послы, но и посланники говаривали о делех с самими курфирсты, а не с ближними его людьми». Если же самому курфюрсту лично вести переговоры не угодно, пусть пришлет письменный проект договора, «статьи на письме», и послы дадут на них письменный же ответ [4].

24 мая Петром были получены письма от Л. К. Нарышкина, Г. И. Головкина и Виниуса. Нарышкин писал о домашних делах и уведомлял о том, что в Москве и на Украине «все милостию божиею сохранно». Головкин ограничился кратким известием о получении письма Петра из Митавы. Виниус занял внимание

---

[1] Мода, введенная фавориткой Людовика XIV m-lle de Fontanges. (*Шмурло*, Сборник, стр. 671.)

[2] *Шмурло*, Сборник, № 306.

[3] П. и Б., т. I, стр. 628.

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 819—821.

царя известием о том, что найдена добрая из магнита руда железная, такая, что лучше и быть невозможно. Руда так богата, что из 100 фунтов ее выходит 30 или 40 фунтов самого доброго железа, да и место ее добывания очень удобно, так как из него можно всякое ружье возить в русские и сибирские города водой. Виниус просил добыть у курфюрста бранденбургского, или у цесаря, или у курфюрста саксонского хорошего мастера, который бы умел лить пушки и мозжеры (мортиры), потому что можно ожидать, что железо из вновь открытой руды по его мягкости пригодно для пушек и мортир: «в пушки и мозжеры зело годно». Петр, видимо, очень заинтересовался письмом Виниуса и против только что приведенных его слов сделал отметку: «надобна». Виниус просил также о присылке добрых мастеров ствольного и замочного [1].

Посольство начало в этот день письменные переговоры. На доставленный бранденбургским правительством проект союзного договора из 7 статей послы дали письменный же ответ на каждую из статей, вручив проект с ответами генерал-кригс-комиссару и церемониймейстеру [2]. В этот же день послы вместе с Петром обедали у обер-президента фон Данкельмана — в его помещении в курфюршеском дворце, а вечером ужинали и смотрели фейерверк у курфюрста. «Утром в 9 часов, — рассказывает церемониймейстер Бессер, — прислали гг. послы своего гофмейстера полковника Пристава к его превосходительству г. обер-президенту справиться, удобно ли ему, если они приедут отдать ему визит. Его превосходительство назначил следующий час, и тогда послы прибыли в 6 каретах, каждый в особой карете, а в остальных трех секретарь посольства Лефорт, полковник Пристав, а также сын, брат и зять второго посла. Все курфюршеские секретари и служители канцелярии, а также церемониймейстер и рекетмейстер вместе с г. надворным и посольским советником фон Гувальдом встретили гг. послов внизу у кареты. Его превосходительство вышел им навстречу до лестницы и повел их через различные покои в комнату, убранную красивыми обоями, где на турецком ковре стояли четыре одинаковые обитые камкой кресла. Они держали совещание, и так как, между тем, приблизилось время итти к столу, то его превосходительство удержал гг. послов, что́ они приняли и для себя и для состоящей при них свиты. Его курфюршеская светлость приказал доставить все к столу из свой кухни и погреба. Собрание, к которому присоединился еще его превосходительство г. генерал-кригс-комиссар, продолжалось почти до вечера, а затем господа послы вместе с их обер-командором были приглашены к столу его курфюршеской светлости и посмотреть фейерверк, приготовленный в честь его

[1] П. и Б., т. I, стр. 622—623.

[2] Пам. дип. сношений, VIII, 821—830; П. и Б., т. I, № 164. Бумаги, относящиеся к выработке текста договора: немецкие предложения и черновые русских ответов см. в Делах прусских в Арх. мин. ин. дел, 1697 г., № 1, л. 36—97, 100—103.

царского величества. Названием обер-командора Бессер обозначает никого иного, разумеется, как Петра.

Беседа послов с обер-президентом фон Данкельманом, судя по «Статейному списку», прошла не так гладко, как изображает ее Бессер. «Статейный список» отмечает, что послы, приехав к обер-президенту 24 мая на обед, отказались разговаривать о делах, настаивая, что разговоры о делах должны происходить не у обер-президента, а у них, послов. «И как великие и полномочные послы, — читаем в «Статейном списке», — к тому курфирстову ближнему человеку приехали, и их встретил у корет, а вшед в полаты, сели за стол; да с ними ж сели думной духовных дел фон Фуксен[1], да генерал-комисарий фон-дан-Келман (фон Данкельман), и президент говорил, чтоб они, великие и полномочные послы, о настоящих делех, о которых написано в статьях, с ними изволили говорить и, как мочно, согласитца, постановить. И великие и полномочные послы говорили, что они к нему по ево прошению приехали обедать, а не для разговору дел и буде им о тех делах какой с ними, великими и полномочными послы, должно разговор иметь, и они б. курфирстова пресветлейшества ближние люди, приехали к ним, великим и полномочным послом. И курфирстовы ближние люди больше того их, великих и полномочных послов, о делех говорить не принуждали, а говорили о пути, куды им, великим и полномочным послом, ехать способнее. После тех разговоров у президента обедали. А по обеде над вечер прислал курфирст к великим и полномочным послом некоторого из ближних людей, чтоб они, великие и полномочные послы, изволили итить к нему, курфирсту, в покои. И великие и полномочные послы того вечера у курфирста были на том же дворе в его, курфирстовых, полатах и ужинали за одним столом; а с ними были знатные из валентеров». Под «знатными из валентеров» «Статейный список» разумеет, конечно, также Петра[2].

Курфюрст знал, очевидно, любовь своего гостя к фейерверкам и постарался удовлетворить его вкус. «Фейерверк был приготовлен, — пишет Бессер, — полковником-лейтенантом и обер-инженером Штейтнером и состоял из трех различных сооружений и частей. Первое сооружение на площади Новой реформатской церкви состояло из 8 горящих пирамид с именем его царского величества, государственным гербом и vivat'ом над ними. Другое — на дворцовом пруду — было в форме триумфальных ворот или победной арки с московским гербом с всадником, св. Георгием, посредине, с примыкающей с обеих сторон галлереей, с горящими пикинерами в панцырях (mit brennenden geharnischten Piqvenirern), а вокруг плавающие сирены и лебеди. Третье сооружение, также на дворцовом пруду, представляло флот перед Азовом, с которым его царское величество одолел эту крепость. При

---

[1] Consistorial-Präsident von Fuchs. Бессер не упоминает о нем на собрании 24 мая.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 831—832.

зажигании фейерверка было 9 пушечных выстрелов при громе труб и литавр. Разного рода огни, а также бесчисленное множество ракет, потешных и боевых снарядов (Lust-und Streit-Kugeln) доставили ушам и взорам присутствующих такое удовольствие, что по крайней мере иностранцы нам откровенно признавались, что никогда ничего подобного не видали»[1]. В своеобразных, но очень живых, хотя и не совсем, может быть, уклюжих выражениях, однако хорошо передающих испытанное впечатление, описывается фейерверк в «Статейном списке»: «Потом смотрели из полат огненных потех, которые устроены таким поведением: для превысочайшие чести великого государя, его царского величества, сделан огнестрельными художествы орел двоеглавой с тремя коронами с надписью таковою: «виват царь и великий князь Петр Алексеевич», и притом многие зело удивительные разными образцы вещи и издавали разноцветные из себя огни. Да на воде на реке Прегеле поставлена на полатах (плотах) многие разные огнестрельные вещи, а в первых сделан всадник на коне побеждающ змия, над ним надпись рускими литеры: «царь Петр Алексеевич да живет»; на другом плоту — корабли и морские разные дива и птицы. И все горели изрядными разных цветов огни и много число ракет водяных и верховых пускано, которые вверху так же действие имели разноцветными огни и многими расходящимися ракеты. И было того действа часа с полтора. В то ж время стреляли по зажжении всякой большой огнестрельной вещи из девяти пушек, которые пушки при тех же огнестрельных вещах стояли. А потом, подчивав валентеров и великих и полномочных послов, отпустили»[2].

25 мая, на следующий день, гостям была предложена новая потеха, также не из очень утонченных — звериная травля. «Для гг. послов и их обер-командора, — пишет Бессер, — была устроена звериная травля: медведи бились с зубром и с лошадьми. По окончании этого состязания знатные зрители прошли в покои его превосходительства г. обер-президента для совещания о некоторых важных обстоятельствах». Гораздо подробнее описание той же потехи в «Статейном списке»; видимо, зрелище захватило внимание автора этого описания, который и передал все его детали. «Майя в 25 день, — читаем в «Статейном списке», — присылал курфирст звать великих и полномочных послов смотреть звериной потехи, которая была на потешном дворе близ курфирстова двора и саду. И великие и полномочные послы и валентеры в тот курфирстов двор ездили в курфирстовых коретах и той потехи смотрели. Двор тот потешной вдоль сажен тридцати, поперег с двадцать в каменной ограде, на стенах перила, на которых стоя смотрели той потехи; в тот двор сделаны трои ворота, да из стен три окна. Из тех окон выпущены во двор три медведя, а на дворе стояли юнец дивий да бык; и те медведи, сразясь, дрались и

---

[1] *Besser*, Schriften, 552—553.
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 832.

юнец гораздо медведей бил и рогами метал, которые, видя свою немочь, бегали от него, как могли. Потом выпущен был конь, дабы с теми ж зверми бился, но никакого действия не показал. Потом приведены были на того ж юнца собак немалое число, которые ни малой ему шкоды не учинили ж. А как звери дрались, и в то время на перилах били в литавры и трубили на трубах, а на зверей кидали ракеты, чтоб тем их паче раздразнить и к бою подвигнуть» [1].

26 мая был у послов с ответным визитом обер-президент фон Данкельман и обедал у них. «Утром его превосходительство, — пишет Бессер, — через тайного секретаря Витте возвестил гг. послам об ответном визите и отправился туда в трех курфюршеских каретах. В первой сидели секретари, во второй г. рекетмейстер фон Бедель с надворным и посольским советником и прусским шталмейстером г. фон Гувальдом, в третьей, запряженной 6 лошадьми, сидел его превосходительство, а против него церемониймейстер. Московские офицеры вышли к его превосходительству до кареты, а послы к дверям дома и пригласили его прежде всего в покой, где на главном месте комнаты (in der Ober-Stelle des Zimmers) был поставлен особый стул для его превосходительства. Они провели обеденное время вместе и, хотя обер-президент, так как стол был от его курфюршеской светлости, хотел сесть ниже и занять хозяйское место, однако гг. послы не переставали просить его превосходительство, пока он не занял места между двумя первыми послами. При прощании они провожали его до кареты и не прежде вернулись, чем карета начала отъезжать» [2].

27 мая послы получили приглашение на увеселительную поездку в загородную резиденцию курфюрста Фридрихсгоф. «По прошению ж, — читаем в «Статейном списке», — ездили великие и полномочные послы к курфирсту из Королевца (Кёнигсберга) мили с полторы в отъезжей дом его, именуемый Фридрихзгоф, гулять. И курфирст в том дому великих и полномочных послов подчивал и разговаривали с курфирстом о предбудущем пути, на которые б места ехать пристойней и безопаснее. Тут же был один с прочими из валентеров начальной» [3]. Из волонтеров начальной — это, конечно, Петр. В «Юрнале» находим отметку, показывающую, что 27 мая Петр «на дву яхтах в Пилоу ездил», и возможно предположить, что царь проехал туда из Фридрихсгофа. Подробности об этой поездке в Пилау сообщает тайный венецианский агент в донесении от 1/11 июня из Кёнигсберга: «Царь со своими послами находится еще здесь и выказывает большое удовольствие по поводу благоволения курфюрста. В пятницу он отправлялся в Пилау, где посетил арсенал. Так как он обнаружил

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 832—833; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 10 об.: «Июня в 16 д. курфирстовым псовым охотником трем человеком дано 10 золотых».

[2] *Besser*, Schriften, 553—554.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 833.

*

желание видеть какие-либо потешные огни, то тотчас же в окрестности Пилау было отправлено несколько мортир, бомбы и другие потешные вещи, которыми удовлетворено было его любопытство, и вечером он вернулся в Кёнигсберг» [1]. Из Пилау он вернулся, как свидетельствует «Юрнал», показание которого заслуживает предпочтения, на следующий день, 28 мая, не вечером, а перед обедом [2].

29 мая генерал-кригс-комиссар сделал каждому из послов особые визиты и звал их к себе обедать [3].

30 мая, в воскресенье, в день рождения царя, курфюрст оказал ему особую любезность, прислал ему в подарок несколько вещей из янтаря, среди которых великолепное распятие и часы. Поздравляя государя и поднося подарки от имени курфюрста, церемониймейстер Бессер сказал, что просит принять их как произведения той местности, где царь находится, а золота и драгоценных камней у него и так довольно. Поздравление сопровождалось пушечными залпами. Вечером курфюрст явился к Петру и ужинал у него в интимной компании с обер-президентом и полковым маршалом (il mareschallo di campo) и, как кажется, с Ф. А. Головиным. «Был у нас курфюрст с послом», — гласит «Юрнал» под 30 мая. Что под «послом» можно предполагать здесь второго посла, показывает приводимое ниже известие из дневника состоявшего при послах Бергена. Венецианский тайный агент сообщает, что царь за этим ужином выпросил у курфюрста помилование одному осужденному за убийство на смертную казнь [4].

Посольство, кроме Ф. А. Головина, ужинало в этот вечер, 30 мая, в помещении первого великого посла, причем тайный секретарь и переводчик Берген был свидетелем разговора, который он записал в своем журнале, веденном им за то время, которое он состоял при посольстве [5]. После 9 часов вечера, пишет Берген, «царское посольство вместе с г. фон Данкельманом (кригскомиссаром) проследовало в помещение царских послов, где после ряда тостов за здоровье обоих великих государей генерал (Лефорт), в отсутствие г. Головина, подробно повел речь, как его великий монарх так высоко его вознес, что выше подняться

---

[1] *Шмурло.* Сборник, № 321. Выехал Петр в Пилау в четверг 27 мая и вернулся в пятницу 28-го.

[2] Походный журнал 1697 г., май: «В 27 день. На дву яхтах в Пилоу ездил. В 28 день. Перед обедом приехали назад».

[3] *Besser*, Schriften, 554; Пам. дипл. сношений, VIII, 834. Обед, упоминаемый «Статейным списком» в тот же день, 29 мая, Бессер описывает под 1 июня.

[4] *Шмурло,* Сборник, № 321.

[5] «Diarium Moskowitischer Affairen de Anno 1697 wie di Moskowitische Gross Gesandtschaft und der Czaar selbst, von den preussischen Gräntzen anbiss Berlin verzeichnet durch E[rnst] G[otlieb] v. B[ergen]». Этот «Diarium» хранится в берлинском Тайном государственном архиве, в деле, озаглавленном: «Acta betr. den Durchzug der Grossen Moskowitischen Gesandtschaft, 1697 Januar-September». Отрывки из «Diarium» приводятся в книге: *Dukmeyer*, Korbs Diarium itineris in Moskoviam und Quellen, die es ergänzen», I, 312.

он уже не мог бы, но как в нем можно видеть пример несовершенства всех временных вещей, так как при всем его кажущемся счастии, у него ничего нет, кроме заботы на шее. Они, оба его товарища или послы (sie beyde seine Towarischen oder Mitgesandten), гораздо счастливее его, могут предаваться отдыху, когда и как хотят, и он, кавалер (т. е. Возницын), так же как и другой (т. е. отсутствующий Головин), мог бы ускользнуть, если бы сумел, поелику (massen) они не принимают участия в его заботах, как он в их заботах, и они могут спать всю ночь напролет, тогда как вверенное ему сокровище (т. е. царь Петр) и забота о нем держит его без сна и лишает всякого спокойствия. Канцлер (Возницын) стал было настаивать на такой заботе одинаково со стороны другого господина посла и со своей стороны, но генерал приводил многие основания, что их забота не идет далее их трех (так!) глаз и их ответственность не простирается выше, чем за точное исполнение (adjustirung) и возможное осуществление посольских дел; его же ответственность простирается гораздо выше, а именно: как бы то великое, что ему доверено, которому принадлежит и голова его, и кровь, и вся жизнь (leib und leben) (хотя бы у него было их сотня), как бы его благополучно доставить, куда нужно».

31 мая обер-президент фон Данкельман вновь обедал у послов; на обеде послы заговорили об отпуске, о прощальной аудиенции и о выдаче им отпускной грамоты. Обер-президент отвечал, что доложит о том курфюршескому пресветлейшеству и послов уведомит. «Послы, подчивав его, отпустили от себя честно и проводили до кореты» [1].

1 июня послы были с ответным визитом у генерал-кригс-комиссара, который получил от курфюрста приказание особенно внимательно отнестись к его сотоварищу — русскому воинскому комиссару Ф. А. Головину. Для приема послов в квартире генерал-кригс-комиссара были красиво убраны три покоя и у входов поставлены караулы. Послы прибыли около 4 часов пополудни. У генерал-кригс-комиссара были также его старший брат обер-президент фон Данкельман и консисториал-президент фон Фукс. «Визит, — пишет Бессер, — обратился в совещание, после которого г. генерал-кригс-комиссар предложил им роскошный и прекрасно сервированный стол. Не без удовольствия слушали разнообразную музыку и, между прочим, барабаны и флейты; однако последние только при тостах и после того, как общество развеселилось от вина» [2]. Неизвестно, был ли Петр на этом обеде; с консисториал-президентом фон Фуксом он уже имел случай познакомиться ранее, на обеде у обер-президента фон Данкельмана 24 мая. Может быть, это знакомство не осталось без влияния на выработку понятий Петра о церковном управлении в протестантском духе, которые он будет проводить впоследствии.

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 836.
[2] *Besser*, Schriften, 554—555.

Прощальная аудиенция послам у курфюрста состоялась 2 июня утром. «Она была во всем подобна первой, — пишет Бессер, — только на этот раз в аудиенц-зале было больше простора, так что гг. послы при входе и выходе могли смотреть прямо на его курфюршескую светлость и, следовательно, сделать три своих реверанса. Их четыре очень умных и редких карлика, которые на первой аудиенции были одеты по-московски, в парчу, на этот раз носили немецкое кармазиновое шелковое платье, украшенное золотом и серебром, и с богатым шитьем камзолы. У них были белокурые парики, на шляпах белые перья, и они, как и на первой аудиенции, шли перед послами. Первый посол сказал [1], что послы появились перед троном его курфюршеской светлости, чтобы всеподданейше отклоняться. Его королевская светлость взял курфюршескую грамоту у обер-президента и передал ее в тафте, которой она была обернута, первому послу, стоя и с непокрытой головой и пригласил его представить ее его царскому величеству и уверить его в своей постоянной дружбе. Остальные оба посла благодарили за оказанную им во всем курфюршескую честь и милость, и, что особенно было учтиво, они благодарили еще за доброту, оказанную им министрами его курфюршеской светлости. Они обещали обо всем этом донести его царскому величеству, их великому государю, и с своей стороны охотно, в чем будет можно, оказать услуги. Его превосходительство отвечал на это со своим обычным выразительным красноречием, пригласил гг. послов к обычным прощальным комплиментам и возвестил им, что его курфюршеская светлость жалует их своим столом и почтит их перед отъездом ответными подарками. Гг. послы глубоко поклонились, пожелали его курфюршеской светлости долгой жизни и счастливого царствования и были с прежними церемониями отвезены домой. Опять была к их услугам камерная музыка и г. генерал-кригс-комиссар фон Данкельман и церемониймейстер фон Бессер составляли их общество, как по большей части было все время и в особенности при торжественных угощениях» [2].

Сохранилась в переводе торжественная ода, сочиненная придворным капельмейстером Георгием Раддеусом, печатный экземпляр которой был поднесен автором послам после отпускной их аудиенции у курфюрста. Вот что читали в этом переводе послы, может быть, и Петр.

Егда

Его великого Царского Величества Московского Высокопочтенное посольство при Его Курфирстской Пресветлости Брандебурской нашем милостивейшем государе Июня в 12/2 день лета 1697 в Кролевце в Прусии на отпуске было

---

[1] По «Статейному списку» речь на прощальной аудиенции говорил второй посол Ф. А. Головин (Пам. дипл. сношений, VIII, 839—841).

[2] *Besser*, Schriften, 555—556.

Тогда

Снизу поставлеными строками при малой столовой музыке свою должность оказати хотел

Георгиус Раддеус

Курфирстской брандебурской в Прусах капелной мастер (на полях: «У певчих мастер»)
Вы оного великого государя царя первые
Советники и послы от меня, яко незнаемого,
Сие дерзновение в милости принимайте
Егда Вам для поздравления
Сию малую песнь при ногах поставляю
Кроме того иного чего давати не могу.
Ваше путешествие да будет благословенно
Понеже в честь божию спомогайте
И в том постоянны пребывайте
Как себя храбрых князей дружбою крепко обязуете
И зело полезно чаете
Дабы государство турков разорено было.
Турок и татары достойно дабы искоренены были
От християнского сидения, и земли
Турок и татары, которые силою
Ищут честь божию разоряти
И християнов повреждати,
Дабы впред они забвенны были.
Идите во имени божии, найдите приятеля
Во всех странах,
И где вы изволите пристатца,
Туда вас счастие благополучно да ведет,
И дабы ветр веел без дождя ради вас,
Найдите, что вы в намерении имеете.
Вашему великому государю царю бог дабы спомогал
И его ногам поползнутися не дал.
Бог неприятелей в стыд дабы привел
Дай господи, дабы он оружием своим
Туркам многих трудов приключил,
Господь да подкрепит руку его

В Королевце печатано при Рейснерских наследниках».

Вероятно, этот текст был положен на музыку, исполняемую при угощении посольства. Если перевод оды был сообщен Петру, то заключавшиеся в ней пожелания, чтобы государство турок было разорено, чтобы турки и татары, ищущие разорять и повреждать христианство, были искоренены, чтобы бог помог оружию московского государя привести неприятеля в стыд и чтобы послы во всех странах, которые они посетят, нашли себе крепких союзников, — все эти пожелания должны были быть ему, ко-

нечно, очень приятны [1]. Музыка курфюрста в Кёнигсберге, очевидно, очень понравилась Лефорту, судя по тому, что он договорился с одним из музыкантов, Яном Тремпом, который обязался обучить и привезти в Москву 6 человек «сиповщиков» (флейтистов), за что ему было дано 400 золотых [2].

Под 5 июня занесена в расходную книгу соболиной казны выдача соболей и материй, отправленных с Петром Лефортом сановникам курфюрста, а также лицам, состоявшим при послах. Подарки были посланы: обер-президенту Эбергарту фон Данкельману два сорока соболей по 130 рублей сорок, 3 пары соболей в разную цену и два косяка камок; его брату генерал-комиссару фон Данкельману, состоявшему при послах в приставах, сорок соболей в 120 рублей, пара соболей и косяк камки. Получили затем подарки соболями и камками в меньшем количестве церемониймейстер Бессер, Рейер Чаплиц, маршалок Везель, бывшие при послах «покоевые дворяне» фон Брезель, фон Теттау, Котраэлер, дворянин, состоявший «при валентерах», т. е. при Петре — Принцен, и губернатор кёнигсбергского замка. Церемониймейстеру Бессеру подарок, состоявший из семи пар дешевых соболей и 3 косяков камок, оказался слишком мал и, вероятно, не без его напоминания ему через два дня еще даны были две пары. Посланы были также советнику фон Фуксу сорок соболей в 130 рублей и пара в 30 рублей [3].

X. ДОГОВОР С КУРФЮРСТОМ

6 июня посольству были «объявлены» суда, на которых послы должны были отплыть из Кёнигсберга: курфюрстова яхта, два корабля, да галиот; суда эти стали на реке Прегеле «против дво-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1697 г., № 1. л. 117—118, 119—120; Кн. австр. дв., № 47, л. 8: «Июня во 2 день курфирста брандебургского музыкантом дано 24 золотых».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 8 об.

[3] Там же, л. 43—45. Придворным служителям курфюрста были выдачи золотыми (там же, л. 8): «В Кёнихзберхе ж дано курфирстовым людем, которые великим послом служили: музыкантом коморным девяти человеком 40 золотых, трубачам 20 человеком 80 золотых, лекаем 9 человеком, в том числе осми человеком по 6 золотых человеку, а одному человеку 3 золотых, сиповщиком осми человеком да учителю их, которой с ними при столах играл, 50 золотых, поваренным и питейным, и серебреником и конюшенного чину людем 120 золотых; *лекаем, которые служили у валентеров*, четырем человеком по 10 золотых человеку». Там же, л. 9: «Июня в 6 д. ... курфирстовым служителем дано погребным 25 золотых, чашнику двадцать ж пять золотых, двум пажам, которые первому великому послу служили, 40 золотых, четырем человеком лекаем, которые служили у него ж, 16 золотых. Принял те золотые Петр Лефорт». Там же: «Июня в 7 д. ... отъехав из Кёнихзберха, курфирстовым людем, которые служили при великих послех, к прежним дачам дано первому камеру Шрейлеру 25 золотых, другому Офиеру 25 ж золотых, третьему Котролиеру 20 золотых, да поваренным, *которые служили у валентеров*, чашнику 12 золотых, двум возницам 10 золотых, трем человеком, которые у серебра, по 10 золотых человеку, да поварам 40 золотых, конюхом 24 золотых, да надзирателю караблей Бекарю 20 золотых, да овощнику 10 золотых».

ра, на котором стояли Преображенского полку начальные люди и салдаты», следовательно, против окон Петра. Послы начали перебираться на корабли [1]. Хотя посольство получило уже от курфюрста торжественную прощальную аудиенцию, однако переговоры с бранденбургскими дипломатами далеко еще не были закончены, продолжались и свидания с самим курфюрстом. Среди всех этих придворных торжеств, церемоний, пиров и увеселений, столь же тяжелых, как массивные колеса грузных экипажей XVII в., послы в беседах с приближенными курфюрста постоянно касались политических вопросов, интересовавших оба правительства. Между московскими государями и домом Гогенцоллернов существовали давние и прочные дружественные отношения, восходившие началом к договору, заключенному в 1517 г. великим князем Василием III с маркграфом бранденбургским и великим магистром немецкого ордена Альбрехтом. Этот договор возобновлен был при царе Алексее Михайловиче 29 августа 1656 г. во время войны Московского государства с Польшей и Швецией. Общий интерес — соседство с Польшей и Швецией и опасность, грозившая со стороны этих соседей, — связывали Бранденбург с Москвой. Договор, заключенный 29 августа 1656 г., имел в виду устранение такой опасности: по этому договору курфюрст бранденбургский обязывался за себя и за своих наследников не оказывать ни шведскому, ни польскому королям никакой помощи против московского государя и вообще никаких враждебных действий против Москвы не начинать [2]. Теперь, в 1697 г., дело шло о подтверждении этой старинной стовосьмидесятилетней дружбы и об укреплении ее на вечные времена. Тревога Фридриха III за его прусские владения, все время открытые для ударов как со стороны Польши, так и в особенности со стороны первоклассной тогда военной державы, Швеции, побуждала его так же ревностно искать союза с Московским государством, как искал его отец, великий кюрфюрст.

В семи статьях, переданных московским послам 24 мая, бранденбургское правительство изложило проект союзного договора: оно выступало в них со следующими предложениями:

1. Подтвердить на вечные времена союз между обоими государствами.

2. Союз имеет оборонительный характер: при нападении на одну из договаривающихся сторон другая обязана оказать ей помощь людьми, деньгами, снаряжением и пр.

3. Московское государство гарантирует Бранденбургу владение Прусским герцогством.

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 842; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв. № 47. л. 8 об.: «Июня 5. . . .перед выездом из Кенихзберха взято на яхту ко второму великому послу на всякие росходы 2 000 золотых». Там же, июня в 6 д.: «Дано капитану Григорью Григорьеву [Островскому], который служил у первого великого посла, на покупку запасов на корабль 22 золотых 10 алтын».

[2] *Мартенс*, Собрание трактатов и конвенций, V, 1—13.

4. Оба государства обязываются не давать приюта бунтовщикам, возмутителям и неприятелям и обещают их выдавать.

5. Бранденбургское правительство берет на себя обязанность оказывать содействие и помощь тем людям, которых московский царь будет посылать для науки во владения курфюрста или которые будут проезжать через его владения.

6. Бранденбург желал получить для купцов, торгующих янтарем, свободный пропуск в Персию, Китай и другие восточные страны.

Наконец, седьмая статья касалась вопроса, которому придавал такое большое значение Фридрих III, мечтавший о королевской короне, именно вопрос об этикете приема бранденбургских послов при московском дворе; Фридрих добивался, чтобы его послов принимали, как королевских [1].

В ответах на эти статьи, данных тогда же (24 мая), послы соглашались на статьи 1, 4, 5 и 6, из которых статья 1-я имела общий вводный характер, 4-я находила полное сочувствие, 5-я предупредительно шла навстречу желаниям самого Петра и в этом расчете была, очевидно, и предложена, а 6-я была уже подготовлена предыдущим договором 1689 г., дозволявшим подданным бранденбургского курфюрста приезжать для торговли в Архангельск, Псков и Смоленск [2]. Главным пунктом в проекте договора была статья 2 с примыкающей к ней статьей 3. Целью статьи 2 было превращение старинных дружественных отношений в формальный оборонительный союз, направленный против общих соседей: Польши и Швеции. Правда, она формулировалась в общих выражениях, без обозначения, против каких именно держав заключается оборонительный союз: договаривающиеся стороны обязывались помогать одна другой, от кого бы ни последовало нападение; тем не менее, смысл статьи был ясен, и особое условие о гарантировании Бранденбургу владения Прусским герцогством определенно указывало на этот смысл. Подразумеваться могли только Польша и Швеция.

Петр, принимавший большое участие в направлении переговоров, очень опасался разрыва с могущественным северным соседом, когда на юге шла война с Турцией, и поэтому послы ни за что не соглашались на заключение оборонительного союза в такой общей форме и предлагали изложить статью с ограничениями: именно, если бы нападение на ту или другую из договаривающихся сторон помешало «союзу святого креста» против турок, обещая по окончании войны с турками более тесный и определенный оборонительный союз против общих неприятелей. Не дали сразу согласия послы и на столь интересовавшую курфюрста статью 7 проекта об уравнении его послов с королевскими послами при приемах. Этикет дипломатических сношений бранденбургского двора с московскими государями изменялся с

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 821—830; П. и Б., т. I, № 164; Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1697 г., л. 36—97, 100—103.

[2] *Мартенс*, Собрание трактатов и конвенций, V, 28—39.

политическими успехами Гогенцоллернов, но изменялся туго. Маркграфа Альбрехта, гроссмейстера Тевтонского ордена, великий князь Василий Иванович — кстати сказать, титуловавшийся в сношениях с ним уже «царем» еще до официального принятия царского титула, которое последовало только в 1547 г., — «жаловал», учиняя с ним «единачество», относился, следовательно, к нему, как к государю много низшего ранга. Для великого курфюрста такие формы были уже стеснительны, и в 1687 г. особым договором между Москвой и Бранденбургом был установлен новый, более равный этикет, по которому, однако, курфюрст все же был «повинен» при приеме московских послов спрашивать о здоровье московских государей и слушать их именование и титла «стоя, сняв шляпу, непокровенною главою», причем московские послы не подходят к руке курфюрста, т. е. не целуют у него руки, а только «витаются» с ним [1]. Теперь, в 1697 г., посольство на новое требование курфюрста о почестях его послам, как королевским, отвечало уклончиво, говоря, что оно не имеет полномочий отменять прежние уставы, и ограничилось обнадеживанием курфюрста, что по возвращении в Москву доложит о желании его государю, и государь укажет бранденбургским послам воздавать такие же почести, какие им воздают при цесарском и иных дворах.

Вот эти два пункта и были предметом оживленных обсуждений между московскими великими послами и бранденбургскими дипломатами, когда московские послы 7 и 8 июня со стоявших на Прегеле курфюршеских кораблей, на которых они уже поселились, выходили на берег и на своем дворе с курфюрстовыми ближними людьми «имели о делех разговор». Со стороны курфюрста переговоры вели премьер-министр обер-президент Эбергардт фон Данкельман, консисториал-президент фон Фукс и Даниил фон Данкельман. Премьер-министр поддерживал редакцию статьи 2, предложенную в проекте, и уговаривал послов не настаивать на ограничении союза только временем войны против Турции, говоря, что союз между Бранденбургом и Московским государством надо заключать не временный, а вечный. Послы стояли на своей прежней точке зрения, заявляя, что у царя и у курфюрста общие соседи и возможные враги — короли польский и шведский, и если бы кто из них, желая помешать войне против басурман, напал на Московское государство или на владения курфюрста, тогда «на такого един другому должно помогати и всякое вспоможение чинити», т. е. наступает casus foederis, как бы мы сказали теперь. Но изложить статью в редакции, предлагаемой обер-президентом, значило бы действовать вопреки мирным договорам, имеющимся у московского государя с королями шведским и польским, договорам, утвержденным присягой государей. По окончании же турецкой войны можно будет редакцию статьи 2 изменить. Бранденбургские дипломаты указывали на то, что в их

---

[1] Там же, 14—28.

редакции ни польский, ни шведский короли прямо не названы; надо смотреть на дело «бодрым оком»: как царю, так и курфюрсту поляки и шведы «неправдивые друзья, всегда под своими соседи смотрят всякого приключающегося ко убытку случая». Послы, соглашаясь, что и царю известно, что поляки и шведы в состоянии мира нетверды, все же отказались заключить такой союз, которым бы нарушались «заприсяженные» договоры вечного мира, и переговоры по этой статье были отложены до иного времени.

Переговоры о статье 7, о том, чтобы курфюршеских послов принимать в Москве, как королевских, отличались большим оживлением, проглядывающим даже сквозь сухую канцелярскую запись «Статейного списка». Послы повторили сказанное уже ими в письменном ответе, что они не имеют полномочий, но обнадеживают, что государь повелит и т. д. «И президент с товарищи, — читаем далее в «Статейном списке», — говорил и домогался того накрепко, чтоб написать в тех статьях имянно о приеме их, послов, в Московское государство, против иных королевских послов. И великие и полномочные послы, выводя им о том пространно, в том их предложении отказали, а обещали им написать так против прежнего своего объявления. И говоря о тех делех ближние курфюрстовы люди от послов поехали» [1].

8 июня послам доставлены были ответные подарки от курфюрста. Сам Петр, по свидетельству церемониймейстера Бессера, получил очень редкие вещи от курфюрста дней за 8 перед тем. Первому послу, Лефорту, были подарены: «В маленком ковчежце курфистрова персона, писана на золоте, кругом осажена каменьями алмазы, да лахань с рукомойником, судно́ серебреное, в котором при столе держат воду для покачиванья сосудов, да две крушки серебряные болшие»; Ф. А. Головин получил «персону курфюрстову» с алмазами поменьше первой, лохань с рукомойником, кружку серебряную большую — весом та серебряная посуда в 28 фунтов; П. Б. Возницыну был дан также осыпанный алмазами портрет курфюрста, поменьше второго, лохань с рукомойником, две серебряные кружки. Лицам свиты были подарены частью серебряные сосуды, частью золотые и серебряные медали. Из волонтеров получили подарки серебряною посудой трое: князь А. М. Черкасский, Ф. Ф. Плещеев и Александр Меншиков — эта любезность курфюрста показывает, что эти волонтеры были наиболее приближенными к царю [2].

8 же июня послы, оставив в Кёнигсберге для обучения бомбардирскому делу солдат Преображенского полка Степана Буженинова, Данилэ Новицкого, Василья Корчмина, Ивана Овцына, Ивана Алексеева, двинулись в путь, спускаясь на кораблях рекой Прегелем. С посольством плыл и Петр [3]. Флотилия остановилась

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 842—846.

[2] Там же, 846—848.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 850; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 9 об.: «Июня в 8 д. на покупку всяких запасов на якту Григорию Гри-

у Фридрихсгофа; царь и послы ужинали у курфюрста. «Пришли великие послы под курфистров дом Фридрихзгоф и тут стали, и были у курфистра в том дому и ужинали. А как за столом пили про здоровье великого государя, его царского величества, и в тое пору была стрельба из пушек». «Послы вместе с обер-командаром, — пишет церемониймейстер Бессер, — ужинали в тот же вечер с его курфюршескою светлостью, который также находился во Фридрихсгофе».

На следующий день, 9 июня, после обеда состоялось новое свидание царя с курфюрстом на яхте послов, и здесь продолжались переговоры о союзе с явным, живым и оригинальным участием самого Петра: «болши о том говорил один из валантеров началной», как обозначает это участие Петра в переговорах «Статейный список». На посольскую яхту 9 июня явился сначала обер-президент фон Данкельман, «а потом приезжал и был на яхте курфистр сам с братом своим и с князем Голштинским и с иными ближними своими людьми» [1]. Было условлено, и эта оригинальная мысль принадлежит, конечно, Петру, статью о союзе в письменный акт договора не включать, чтобы не вызвать неудовольствия со стороны Швеции, который договор мог сделаться известным, а ограничиться словесным взаимным обещанием государей, приводя тот аргумент, что все равно единственной гарантией, хотя бы и письменного договора, служит совесть заключивших его государей, потому что, кроме бога, нет на свете судии, который мог бы судить государей в случае нарушения договоров. Та же гарантия может сообщить крепость и словесному обещанию. Петр и курфюрст дали взаимное обещание помогать друг другу против всех неприятелей, а особенно против Швеции, подали друг другу при этом руки, поцеловались и утвердили соглашение клятвой.

Сохранилась в делах Посольского приказа записка об этом словесном соглашении, род протокола, составленная уже впоследствии, не ранее 1701 г., потому что Фридрих III называется в этой записке «нынешним королем Прусским». В этом документе после краткого изложения хода переговоров читаем: «И по многих разговорах согласились на том, чтоб. . . о сей статье, чтоб друг другу против всех неприятелей вспомогать, а особливо против шведа, обещать самим обоим государям друг другу изустно. И как великий государь с послами изволил пойтить из Королевца водой в Пилаву на курфистровой яхте, и отшед до курфистрова двора, именуемого Фридрихсгофа, остановился, и тогда приходил сам курфистр к великому государю на яхту с братом своим маркграфом Албрехтом, с ним же верховный президент фон-Данкель-

---

горьеву и подьячему Федору Буслаеву дано 37 золотых с полузолотым». Там же, л. 10. «Июня в 15 д. в Пилаве ж Александру Кикину за запасы, которые он покупал на яхту своими деньгами, дано 17 золотых». Часть волонтеров ехала из Кёнигсберга до Пилау сухим путем. Там же: «Курфирстовым ж возницам, которые валентеров везли ис Королевца до Пилавы, дано 10 золотых. Взял те золотые Петр Лефорт».

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 850—851.

ман, а при великом государе были тогда только великие послы да переводчик. И по разговорех меж собою изволили учинить друг другу обещание, говоря: «что, хотя и письменный бы им договор меж собою постановить, то однако ж тот договор совестми ж их государскими имеет быть крепок, понеже де на свете несть судии, который бы в несодержании обещания того, хотя и письменного, их судити мог, кроме бога. И того ради обещают они, великий государь, его царское величество и курфистрская пресветлость, друг другу пред лицем божием, что ту статью, о которой министры их на письме в договоре не положили, дабы не сочинить оным подозрения, а имянно, чтоб во удобной и потребной случай друг другу против всех неприятелей, а особливо против шведа, вспомогать всеми своими силами во всякой возможности содержать истинно и пребывать до скончания в непременной при том союзе дружбе». И дав на том друг другу руки, целовались и клятвою утвердили»[1]. До сих пор стремительная воля Петра ломала освященные временем внешние формы и установившиеся отношения внутри государства; теперь она проявила себя той же ломкой форм и в международных сношениях. Раз он был убежден в целесообразности и пользе соглашения с куфюрстом, старинные внешние формы его не остановили, и он сейчас же изобрел новые, более подходящие к случаю.

Кюрфюрст пробыл на яхте у Петра и послов с полчаса. Петр подарил ему драгоценный камень — рубин очень большой цены. Отъезд послов, свидетельствует Бессер, был обставлен такой же пышностью, с какою его курфюршеская светлость принимал их

[1] *Мартенс* (Собрание трактатов и конвенций, V, 45), а также издатель П. и Б. (т. I, № 170) относят этот тайный словесный союзный договор к 10 июня 1697 г., опираясь на «Статейный список» (Пам. дипл. сношений, VIII, 850—811). В «Статейном списке» изложение событий сбивчиво. Послы выезжают из Кёнигсберга 8 июня, но в Фридрихсгофе останавливаются и ужинают у курфюрста 9-го, а курфюрст является к ним на яхту «на завтрае», т. е. 10-го. Но это явная ошибка. Отплыв 8 июня, послы в тот же вечер были у Фридрихсгофа, отстоящего всего в полутора милях от Кёнигсберга. Плавание в течение суток на такое короткое расстояние да еще вниз по реке было бы чрезмерно продолжительным. В самом «Статейном списке» несколько ниже (стр. 851) допущенная списком ошибка исправляется; там говорится, что послы «того же числа» (т. е. 9 июня), уже после свидания с курфюрстом и заключения устного договора, простившись с курфюрстом, «не дошед Пилавы, стали на якоре и ночевали», а 10 июня пришли в Пилау. Следовательно, договор у Фридрихсгофа был заключен 9-го. О том, что послы выехали из Кёнигсберга 8 июня и в тот же вечер ужинали во Фридрихсгофе и уехали от Фридрихсгофа 9-го, говорит в своей записке Бессер, не упоминающий о визите курфюрста на яхту (*Besser,* op. cit., 556—557). С показаниями Бессера вполне совпадают показания «Юрнала», где читаем: «Июня в 8 день. . . был день красен с небольшим ветром. И после обеда пошли послы из города из Кениксберха в путь и ужинали послы у курфюрста, а ночевали на яхте. В 9 день. Послы кушали на яхте, и после обеда был курфирст у послов и был с полчаса; послы пошли в путь и, не дошед до Пилоу за милю, кинули якорь». Итак, Петр покинул Кёнигсберг 8 июня после обеда, в тот же вечер ужинал у курфюрста во Фридрихсгофе; 9 июня после полудня курфюрст был на яхте и заключен был договор. Ночь с 9 на 10-е проведена была на реке, не доезжая Пилау. 10 июня Петр прибыл в Пилау. Ср. Арх. ин. дел, Дела прусские 1697 г., № 1, л. 104—107, дата неопределенная: «1697 июнь».

при прибытии и во все время пребывания. «И потчивав великие послы, — читаем в «Статейном списке» — его курфюстрово пресветлейшество и ближних его людей проводили с яхты честно. А как великие и полномочные послы пошли в путь свой и тогда от двора курфистрова, поздравляя их счастливой путь, стреляли из пушек многожды; так же и великие послы с яхты из пушек стрелять велели ж» [1]. Ночь с 9 на 10 июня проведена была Петром и посольством на яхте, ставшей на якоре не доходя Пилау. 10 июня в полдень царь прибыл в Пилау, встреченный также пушечными выстрелами с замка.

В тот же день, 10 июня, был произведен разбор посольской свиты, очевидно, оказавшейся излишне многочисленной для немецких стран, и часть ее: несколько дворян, солдат и разных служителей, всего 49 человек, была отпущена с майором И. Шмитом морем до Нарвы, а затем в Москву [2]. 12 июня к послам приезжал обер-президент фон Данкельман для дальнейших переговоров о заключении трактата, и послы передали ему «образцовые статьи», т. е. проект текста трактата [3]. 18 июня Петром было получено письмо из Москвы от Виниуса от 28 мая с поклонами и с пожеланием дальнейшего счастливого пути [4]. В тот же день курфюрст присылал с приглашением на охоту, «смотреть звериной потехи» на 21 июня. Охота на лосей состоялась в лесу при охотничьем домике Фишгаузене; Петр, впоследствии не любивший этого вида развлечений, принимал в ней активное участие, стрелял лосей вместе с курфюрстом. «Июня в 21 день, — повествует «Статейный список», — приезжал к великим и полномочным послом курфирстра Брандебургского комнатной дворянин Принц и объявил великим послом четыре кореты да несколько лошадей верхи и просил именем курфирстова пресветлейшества, чтоб изволили ехать от Пилавы полторы мили до замочка курфирстова, имянуемого Фишгаузен, смотреть потехи. И великие и полномочные послы в коретах к тому замку ездили. А проехав замок Фишгаузен, с четверть мили в лесу, огорожено было полотняными прислонами в вышину сажени в полторы, в ширину сажен на полтораста, а в длину (так!) сажен на пятдесят к лесу. А посреди того, где курфирст и великие послы стояли, поставлен намет (шатер); и от того места ловчей с товарством своим, которых было человек с пятдесят, поклонясь курфистру, пошел к лесу, кричали и, вшед в лес, выгнали многое число лосей, которых гоняли мимо тот намет; а из под того *намету Преображенского полку один началной* (Петр) да курфирстр стреляли по них из пищалей и убили лосей с семдесят; да на тех же лосей, которые ранены, поскали меделянских больших собак. И по совершении той потехи, охотники, пришед к намету, воздая курфирстову пресветлейшеству услугу свою, играли на

---

[1] Походный журнал 1697 г.; *Besser*, op. cit., 557; Пам. дипл. сношений, VIII, 851.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 851—852.

[3] Там же, 859.

[4] П. и Б., т. I, стр. 626—627.

своих рогах и трупках (так!) трижды переставая и курфистру челом ударили; а как они к курфирсту к намету шли, и курфирст из намета вышел и их встретил. Потом курфистр великих и полномочных послов звал к себе обедать в замок Фишгаузен. И великие и полномочные послы у курфистра были и ели с ним за одним столом. При курфистре были и за столом сидели: брат его, курфистров, да князь голштинской ферт-маршалок, да барон Эбергарт фон-Данкельман и иные ближние люди и пили про здоровье великого государя, его царского величества, и курфирстова пресветлейшества и прочих государей. И как про здоровье пили, и в то время все охотники трубили в роги медные и в костяные и на иных инструментах играли, а на дворе в то же время трубили на трубах и били в литавры. После обеда курфирст и великие послы были в саду и забавлялись, и подчивая курфирст отпустил послов честно»[1]. Это свидание Петра с курфюрстом было последним.

22 июня, во вторник, был, наконец, заключен трактат между Московским государством и Бранденбургом. В окончательной его редакции, если сравнивать ее с проектом 24 мая, не находим статьи 2 проекта об оборонительном союзе, составившей предмет словесного договора, а также тесно с ней связанной статьи 3 о гарантировании Бранденбургу владения Пруссией. Остальные статьи в окончательной редакции те же, что и в проекте, только расположены в ином порядке, именно: статья 1 подтверждает старинную дружбу; статья 2 устанавливает между обоими государствами свободные торговые сношения. Московские торговые люди могут ездить во владения курфюрста до Мемеля, Кролевца, Берлина и иных городов, а подданные курфюрста могут ездить до Архангельска, Пскова, Великого Новгорода, Смоленска, Киева и Москвы; могут проезжать также через Московское государство в Астрахань, Персию, и Китай с платежом уставной пошлины. Статья 3 предусматривает выдачу бунтовщиков, возмутителей и неприятелей. В статье 4 обеспечивается русским подданным, посылаемым за границу для науки, благосклонный прием со стороны курфюрста. В 5 статье великие послы обнадеживают курфюрста в том, что государь велит воздавать послам курфюрста такие же почести, с какими принимают их при цесарском дворе. Курфюрсту не удалось в конце концов добиться окончательного решения этого, столь интересовавшего его вопроса. Последняя статья — 6-ая — новая, сравнительно с проектом общего характера, заключает в себе обещание хранить договор крепко и нерушимо[2].

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 859—861.

[2] П. и Б., т. I, № 171. Устрялов (История, т. III, стр. 42), а за ним Posselt (Lefort, II, 400) и Мартенс (Собрание трактатов, V, 39) ошибочно датируют этот трактат 12 июня ст.ст. и 22 июня нового. Между тем из «Статейного списка» вполне ясно видно, что он заключен 22 июня ст.ст. Под этим днем он и помещен в «Статейном списке», ведущем записи по старому стилю. Трактат помечен: «Лета от создания мира 7205 месяца июня 22 дня». У Мартенса (стр. 50) ошибочно напечатано: «Лета от создания мира 1697». При счете годов от сотворения мира допустимо ли было для послов обозна-

XI. ПЕТР В ПИЛАУ

К вечеру этого же дня, вторника 22 июня, относится эпизод, подавший повод к разного рода толкам и пересудам: столкновение Петра с его любимцем Лефортом. Происшествие было крайне раздуто; говорили, что царь в порыве гнева бросился на Лефорта со шпагой и чуть было не заколол его, если бы только состоявший при царе гофмаршал фон Принцен не защитил собой Лефорта, бросившись между ним и нападавшим на него царем[1]. Эпизод был гораздо проще и дело не пошло далее крупного разговора. Так по крайней мере изображает его в своем журнале тайный секретарь и переводчик фон Берген, заслуживающий полного доверия, потому что он был очевидцем происшествия и не имел основания уменьшать его размеры. «Во вторник (2 июля/22 июля), — пишет Берген, — и опять выехал в Пилау... Г. фон Принц как сначала, так и все время состоит при великом командоре (Петре). Однако вследствие сильной усталости, которая кажется, переходит в лихорадку, он вечером не был при обычном утешении (compalisance). Прошлую ночь, после того как они вернулись с фишгаузенской большой охоты, великий командор принял от многих полный решпект как царь и открыто признавал, что он... великий государь, чего я на следующий день не заметил, хотя он сам со времени приема передо мной не таился. Я почувствовал, однако, вечером некоторую перемену, так как произошел некий крупный разговор между великим командором и генералом: за кем дело стало, что приходится здесь медлить; на генерале одном должна лежать ответственность, так как, по его (царя) мнению, все задержки — лишь призраки (An Wem es läge dasz man daselbst solang verweilet: der General allein hat dörfen antworten, dasz es Seines wissens nichts als Ombragen weren, die Sie aufhielten). Великий командор, как казалось, подвергал порицанию волокиту генерала, которой за ним раньше не бывало, на что генерал возразил, [указав] на тревожное начало этой поездки, когда не думали, что он (генерал) может прожить более трех дней. Командор еще раз попрекнул его, что он стал беззаботен, потому что заметил, что стал велик. Я пришел к спору как раз, когда командор сказал: он-де сделал его великим, от чего генерал не мог отрицаться, и к тому генерал прибавил: ни один государь, как только великий государь, не мог его так возвысить, однако, спрашивал наперед господ послов, знают ли они или слыхали, а затем, памятно ли и великому командору, чтобы он (генерал) предпринял какой шаг к своему возвышению или искал его, на что они все ответили, что нет, и затем после небольшого молчания генерал обратился к великому командору с тонкой улыбкой: ему его милостивейший великий государь оказал много ми-

---

чение чисел месяцев по новому стилю? И в Германии тогда еще новый стиль не окончательно упрочился, и даты обозначались иногда обоими стилями.

[1] *Pelz*, Geschichte Peters des Grossen, Leipzig, Neue Ausgabe, 1865, S. 125; *Dukmeyer*, Korbs Diarium, I, 310.

лости и сделал его более великим, чем он когда ожидал, но если бы его величество захотел оказать ему еще одну милость и вернуть его в прежнее состояние, то он восхвалил бы его, что он сделал его не только великим, но и счастливым. Тогда великий командор обнял его, дружественно с ним говорил и приказал наполнить кубки, которые, будучи наполнены до краев (in floribus), весело ходили кругом при звуках литавр, труб и пушек за благополучие сперва наших обоих великих государей, затем всего их государства и всех союзников; при этом я их оставил после полуночи. . .» [1]

Что толки и пересуды преувеличивали и извращали истину по крайней мере в одном, в участии фон Принцена в ссоре царя с любимцем, видно уже из того, что фон Принцена, как несомненно удостоверяет Берген, даже и не было при этом происшествии. Молва о столкновении и притом в раздутых формах долетела и до Женевы, и родственники Лефорта, видимо, были встревожены за него, так что он должен был их успокаивать, опровергая дошедшие до них сообщения. В письме, относящемся к более позднему времени, к октябрю 1697 г., из Гааги Лефорт, касаясь происшествия, также удостоверяет, что, кроме крупного разговора, ничего не было. «До сей поры, — писал он брату Ами, — по милости божией все выходило к нашему удовольствию, особенно же к удовольствию его царского величества, хотя некоторые злословы (maldisants) написали вам очевидную ложь и нечто такое, чего в таком виде никогда не случалось; если даже и были какие-нибудь слова, то это не их дело вмешиваться в подобные обстоятельства и писать о них. Завистники слишком часто лгут. Простите меня, что я вам докучаю с этим делом, но вы можете поверить, что, если бы дело действительно так произошло, как вам сообщают, то они лучше бы сделали помолчав, и я только пожелал бы, чтобы эти господа постоянно обманывались, как и в этот раз; они принуждены были бы со стыдом притти и письменно просить меня об извинении в том, что таких слов, как они их распространили, не бывало. Впрочем любезный брат, я не буду более о том говорить. Я только желаю, чтобы благой господь сохранил меня в той милости, которою я пользуюсь и пользовался, и чтобы он не возносил меня выше; я совершенно удовлетворен» [2].

С заключением договора 22 июня дело великого посольства при бранденбургском дворе оканчивалось. По первоначальному маршруту посольство, а вместе с ним и царь должны были от бранденбургского курфюрста направиться к цесарю в Вену. Но так как с цесарем трудами посланника Нефимонова союз был возобновлен еще 29 января, то Петр мог дать волю своему стремлению ехать скорее в Голландию учиться искусству кораблестроения. 2 июня посольство отправило в Голландию так называемую «обвестительную» грамоту о своем предстоящем прибытии. Одна-

---

[1] *Dukmeyer,* Korbs Diarium etc., I, 312—314.
[2] *Posselt,* Lefort, II, 424—425.

ко события в Польше принудили Петра задержаться в Пилау до конца июня. В Польше в мае и июне происходили королевские выборы, и царь, равно как и курфюрст, считали необходимым следить за ними, находясь поблизости. Великое посольство, за которым стоял и действовал, конечно сам царь, вело переписку с русским резидентом в Варшаве А. В. Никитиным, посылало ему инструкции, получало его донесения, вообще руководило его действиями, Выборы начались в Варшаве 5 мая и отличались крайне бурным характером. Боролось несколько кандидатов, из которых наиболее серьезными были: французский принц из дома Бурбонов де Конти, маркграф Баденский Людвиг и курфюрст Саксонский Фридрих-Август. Для России желательным кандидатом был последний, курфюрст Саксонский, и совершенно неприемлем был француз принц де Конти, родственник Людовика XIV. Если бы ему удалось занять польский престол, он был бы на нем не более как версальским агентом, а так как Франция тогда поддерживала Турцию в ее борьбе с союзом четырех держав, то, очевидно, что появись де Конти на польском престоле, Польша неминуемо должна была выйти из союза. Такие взгляды были выражены в энергично написанной грамоте от царя к панам-раде и ко всей Речи Посполитой, датированной 31 мая и помеченной Москвой, на самом же деле отправленной послами из Пилау 12 июня [1]. В грамоте высказывалось решительное осуждение французской партии в Польше, которая ради своей корысти забывает, какой опасностью будет грозить избрание французского принца союзу против общего неприятеля «креста святого», султана турецкого. Французский король поддерживает дружбу с общим врагом, султаном, и помогает ему, а если и в Польше будет француз, то какой же с ним будет союз и какая война против турок? Царь заканчивает грамоту пожеланием, чтобы поляки избрали на престол кого угодно, только не из противников союза. Грамота была получена в Варшаве 15 июня, за два дня до выборов, и произвела желательный эффект. Голоса разделились. 17 июня часть избирателей провозгласила королем принца де Конти, другая часть — курфюрста Саксонского Фридриха-Августа, который немедленно же двинулся с войсками в Польшу. Только получив известие о перевесе саксонской партии, Петр решил покинуть Пилау [2].

29 июня праздновались на чужбине царские именины. «Праздество было Петра и Павла, — записано в «Юрнале» — и разговелись; и стреляли из пушек в городе Пилоу и был фейерверк». В «Статейном списке» празднество описано подробнее: «Июня в 29 день, то есть во вторник, был день святых апостол Петра и Павла, в которой и имянина благоверного великого государя царя... великие и полномочные послы праздновали и были у всенощного бдения и слушали святую литургию» в походной церкви,

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 852.
[2] Там же, 852—861, 868—876.

*

расположенной в доме иноземца француза Доршоха[1]. «А по литургии пели молебен и обедали у генерала и адмирала у Франца Яковлевича Лефорта; и в тот же день с поздравлением курфистр присылал к великим и полномочным послом ближних своих людей — Пруские земли канцлера Кренца с товарищем. И великие и полномочные послы за то поздравление благодарствовали. Того ж числа в вечеру были огнестрельные потехи, и верховые и водяные ракеты, которые устроены от московских бомбардиров зело изрядные и удивлению достойные»[2]. Под «московскими бомбардирами» «Статейного списка» надо, конечно, разуметь прежде всего самого Петра.

Празднество это, не прошло, однако, так гладко, как можно подумать по описанию в официальных известиях. Петр был крайне раздосадован, что курфюрст, к которому он стал питать чувство дружбы и который оказал ему внимание визитом в день рождения 30 мая, не сделал того же в день именин, а ограничился присылкой придворных с поручением поздравить царя, и это тем более, что Петр сам изготовил фейерверк к празднику. Досада вылилась в раздражение против явившихся поздравлять придворных — прусского канцлера графа Крейзена и ландфогта фон Шакена. Придворные передавали извинение курфюрста, что он не может еще раз лично проститься с царем, так как спешно должен выехать в Мемель на свидание с герцогом курляндским. Царь принял их сухо, обошелся с ними более чем резко и в тот же день обратился к курфюрсту с собственноручным письмом, подобных которому тоже, вероятно, весьма немного в истории международных отношений. «Min Her, — пишет царь курфюрсту. — Понеже твоі посланные твоі сегодня, по поздравъленіі отъ тебя, не толко чтобъ приятно поступили, но досадя мьнѣ, так чъто я отъ тебя, яко іскреннего друга своего, николи такихъ противъныхъ словъ не слыхалъ, і еше хуждьше, что не сказавъся і не приятъ отвѣта, къ тебѣ ушъли, что [с]имъ объявъляя тебѣ, [лю]безному другу своему (не яко любовъ мешая), но яко не сумнителному приятелю пиша, дабы мешъ такими непотребными служители съсора напърасна не вьчелась, о чемъ не сумневаюся никогда. Piter»[3].

Об этом эпизоде производилось расследование, и один из уполномоченных курфюрстом поздравителей, канцлер фон Крейзен,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 46: «Июня в 30 день. ... иноземцу французу Доршоху, у которого на дворе поставлена была церков, дано пара соболей в 7 руб.». Там же, л. 12: «Июня в 29 д. в Пилаве для государева ангела святых апостол Петра и Павла священнику Поборскому да дьякону Тимофею дано 13 золотых».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 876; ср. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 46: «Да пилавскому жителю, у которого в дому в замочку Пилау деланы ракеты и всякие огнестрелные вещи, пара соболей в 10 руб., пара соболей в 6 рублев с полтиною, косяк камки». Там же, л. 10 об.: «Июня в 15 д. ... в Пилаве ж толмачу Ивану Кропоткину, как он посылан ис Пилавы в Кенихзберх, на покупку огнестрельных вещей дано 10 золотых».

[3] П. и Б., т. 1, № 172. Курфюрст отвечал письмом от 20 июля, полученным царем в Миндене 29 июля. Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1697 г., № 2.

представил обер-президенту подробный доклад, рисующий происшедшее. «Согласно письму вашего превосходительства, из Салау к гг. обер-советникам, — пишет фон Крейзен, — я вместе с г. ландфогтом фон Шакеном отправился в Пилау, чтоб приветствовать его царское величество от высокого имени его курфюршеской светлости по случаю дня его тезоименитства. После того как мы оба около 11 часов перед наступающим обедом были допущены к аудиенции в доме лицент-инспектора Штенглера и были введены г. фон Принцем, мы нашли его царское величество с его посольством стоящим у окна и, так как в комнате было уже много народу, мы должны были близко подойти к нему, и затем последовала соответствующая краткая речь, потому что я был заранее предупрежден г. Принцем постараться о краткости. Как ни был комплимент краток сам по себе, я должен был его еще сократить, так как великий посол г. Лефорт делал мне знаки кончать; и он был закончен словами, подписанными в приложении. Его царское величество во время аудиенции большей частью опирался левой рукой на окно, и тотчас по окончании речи без малейшего ответа вышел в соседнюю комнату, хотя здесь же находились его послы, а также и переводчик. Затем мы были приглашены за стол, за которым сидело 10 человек, и посажены рядом с послами, причем играли его трубачи попеременно с музыкантами крепости. Между тем поданы были два больших серебряных сосуда и заздравные стаканы, из которых серебряный кубок, вмещавший в себе штоф вина, был выпит зараз г. Лефортом. Но его величество демонстративно (zum Vorschein) не провозглашал и не пил ничьего здоровья. Мы скромно делали все, насколько было возможно, и с большим терпением ожидали конца пира, за которым его величество все время говорил со своими послами, насколько можно было заметить, о ведомостях и о выборе короля в Польше и, между прочим, открыто поцеловал г. Лефорта, который, разговаривая с его величеством, держал в зубах трубку, а затем целовал в потную черную голову своего шута (карлика?), которого посадил с собой. Как только его величество встал из-за стола, мы его проводили в соседнюю комнату и затем отправились в нашу квартиру, находившуюся прямо против... дома лицент-инспектора. После того как мы в течение почти доброй четверти часа старались отдохнуть, пришел к нам г. Принц с заявлением, что его величество желает, чтобы мы опять пришли в собрание, что́ сейчас же и было сделано, и мы нашли комнату полную музыкантов и других людей, так что негде было протолкнуться. При этом возникло неожиданное омрачение, когда его величество среди других разговоров с Лефортом сказал на голландском языке, что курфюрст добр, а его советники — дьяволы (der Churfürst ist gut, aber die Räthe Teufel) и посмотрел на меня при этом очень нахмурившись. Я, канцлер, ничего на это не отвечал, но сделал несколько шагов назад, чтобы уйти от его гнева; но его величество, дважды схватив меня за грудь, сказал: иди, иди (gehe; gehe). После чего я с господином ландфогтом ушел в свою кварти-

ру и по истечении получаса уехал. Вот вполне верный ход дела, который может быть не только нами подтвержден под присягой, но и засвидетельствован многими присутствовавшими» [1]. Это была, очевидно, одна из тех вспышек гнева, при которых Петр совершенно не владел собой.

XII. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГЕРМАНИИ

30 июня вечером, написав коротенькую записку Виниусу: «Пожалуй покълонись; въсемъ; а мы поехали отсель въ Колъбергъ іли въ Любекъ» [2], Петр на голландском галиоте отплыл из Пилау [3]. Вслед за ним двинулись и послы в 5-м часу пополудни, предварительно отпустив в Нарву отобранных дворян, солдат и служителей. Отплытие послов сопровождалось пушечными салютами [4]. Первоначально предполагалось совершить весь переезд в Голландию морем, и датское правительство снарядило уже корабли для конвоирования посольства [5], но затем морское путешествие признано было опасным ввиду полученных посольством известий, что в Балтийском море крейсерует эскадра Жана Барта, голландского моряка, корсара, услугами которого пользовалось во время войны французское правительство, и что эта эскадра только что привезла в Данциг принца де Конти: «великим же и пол-

---

[1] *Posselt*, Lefort, II, приложение IX.

[2] П. и Б., т. I, № 173. В тот же день, вероятно, написано было недошедшее до нас письмо к А. М. Головину (там же, стр. 635).

[3] Походный журнал: «Перебрались на корабль послы и ночевали. И пошли из Пилоу, после полудня в 5 часу в путь свой морем; а галиот пошел поутру, на нем Десятник». Арх. мин. ин. дел. Кн. австр. дв., № 47, л. 12: «Июня в 30 д. в Пилаве ж иноземцу Гендрику Марийну, у которого первой великой посол стоял на дворе, за ествы и питье дано 100 золотых да работником его 7 золотых.

На отъезде ис Пилавы дано курфирста Брандебурского служителем дворянину Принцу, которой служил валентером, 200 золотых, Бекарю, который надзирал за караблями, 20 золотых, пушкарям пилавским 15 золотых, салдатом, которые у караблей и на дворех стояли, 15 золотых, музыкантом 11 золотых, капитану. которой был на яхте, 10 золотых, да штюрману и сарам той же яхты 16 золотых, да шиперу Петру Христофорову, что был на особом карабле у маеора Ивана Шмита, за простой 30 золотых.

Того ж числа лоцманом, которые из пилавского пристаница выпровадили посолской карабль на море, 7 золотых». Арх. мин. ин. дел. Дела прусские 1697 г., № 1, л. 121—123: «Роспис запасом, которые присланы от курфирста и куплены на карабль».

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 876—877.

[5] П. и Б., т. I, № 177. Грамота к датскому королю Христиану от 16 июля 1697 г. с благодарностью за эту любезность. Был еще план отправить третьего посла с посольской свитой морем до Любека. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 9: «Июня в 7 д. взято к третьему великому послу на покупку всяких карабельных запасов и на всякое росходы 500 золотых, потому что велено ему итить со всеми государевыми людми до Любка на особом карабле и на те золотые запасы куплены и за простоем к морскому ходу в тех запасах доволства не было». Там же, л. 10: «Июня в 12 д. посылан ис Пилавы в Кенихзберх подьячей Михайло Ларионов; дано ему на покупку запасов к прежней покупке на карабль же 165 золотых, потому что первой покупки запасов за росходом учинилось мало».

номочным послом во время бытия их в Пилове приходили многие ведомости, что князь Деконтий приехал в Гданеск и живет во Гданску, а проводил де его до Гданска морского разбойническото коровâна генерал Ян Барт, и тот де Барт шатается на Варяжском море и им де, великим и полномочным послом, морем итить небезопасно». Но и путешествие сушей было не менее опасно, так как пришлось бы ехать польскими землями, отделявшими тогда Пруссию от Бранденбурга, и можно было ожидать, что «поляки люди непостоянные», а в особенности в то время «без короля пребывающие во всякой шатости», учинят на послов нападение [1]. Таким образом, решено было избрать средний путь: добраться морем до ближайшей гавани во владениях курфюрста и затем продолжать дорогу по Германии.

1 июля, как отмечено в «Юрнале» «на море стрельба была пушечная и много кораблей видели». Дни 2 и 3 июля за противными ветрами проведены были также на море. 4 июля галиот Петра подошел к Кольбергу, но пристать не мог. Петр с сопровождавшими его сошли на берег в двух милях от города и отсюда сухим путем достигли города. Так, кажется, надо толковать заметку «Юрнала» под этим числом: «Галиот пришел под город Кольберх и, не дошед за две мили, поехали сухим путем» [2]. 5-го июля приблизился к городу корабль с послами, но до 8-го послы не могли высадиться с корабля из-за бурной погоды. Только 8-го июля погода утихла, и послы получили возможность сойти на берег. На корабль явились представители городской знати, «из начальных людей знатные особы», поздравили послов с прибытием и, посадя их в бот, отвезли на берег [3]. Послы остановились в гостинице на пристани, куда к ним с визитом приехал губернатор Кольберга. Затем им поданы были кареты и последовал торжественный въезд их в город при пушечной пальбе. День закончен был ужином, предложенным послам от города — «от бурмистров и мещан». Лефорту отведено было помещение у самого бургомистра; второй и третий послы помещены были в ратуше. Петр с 8-го июля жил в Кольберге на своем галиоте; так, кажется, надо понимать заметку «Юрнала» под 8 июля: «с корабля послы пере-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 875.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 12 об.: «Июля в 4 д. лоцманом ж, которые, не доезжая Колберха, приезжали к посолскому караблю, дано золотой».

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 876—878; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 12 об. — 13 об.: «Июля в 9 д. у пристани Колберской за перевоз великих послов и при них будучих людей с карабля на берег дано 5 золотых с полузолотым. Июля в 10 д. в Колбергу ж шиперу Яну Фридриху Милке за простой карабля, на котором ехали великие послы ис Пилавы до Колберха и что стояли в Пилаве многое время, дано 40 золотых... Июля в 11 д. в Колберхе ж за розбитой голиот шиперу 75 крестинок, да за шмаки и за боты, на которых великих послов рухледь перевезена с карабля на берег, перевощиком дано 90 крестинок»... «Июля в 10 д. в Колберхе ж променено для мелких дачь на брандебурскую монету на крестинки 230 золотых; взято за те золотые 862 крестинки с полкрестинкою».

брались в город, валентеры на галиот»[1]. 10 июля угощал послов ужином губернатор; тосты за здоровье великого государя и курфюрста сопровождались пушечной пальбой[2].

Из Кольберга часть посольства: 5 человек дворян, 15 человек волонтеров, состоявшие при тех и других слуги, часть солдат и разных служителей, всего 71 человек, под начальством Богдана Пристава отпущены были на корабле до Любека, откуда они сухим путем должны были отправиться в Амстердам и там ожидать посольство[3]. Сами же послы с остальною свитою и с остальными волонтерами, в числе коих находился и Петр, приобретя в Кольберге экипажи, «коляски и телеги», тронулись в дальнейший путь 11 июля[4]. У П. Б. Возницына Кольберг мог оставить по себе неприятное воспоминание: у него украдена была здесь шкатулка с разными вещами: письменными принадлежностями, столовым прибором и др. — эпизод, по поводу которого колбергские бургомистры писали впоследствии великим послам, извещая их о ходе следствия по этому делу[5]. Подводы под посольство доставляло курфюршеское правительство, собрав их «с уезда». С полмили за город провожали послов губернатор генерал-поручик Девец и комендант Шенберг при пушечных салютах[6]. По обыкновению, пе-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, д. 11: «Июля в 11 д. в Колберхе ж шиперу с сарами за галиот, на котором были от Пилавы до Колберха валентеры, дано 10 золотых да 7 крестинок» (1 золотой = 3,75 крестинки).

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 878.

[3] Пам. дипл. сношений VIII, 878—882, Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 13 об.: «Июля в 11 д. отпущены морем ис Колберха до Любка Богдан Пристав розных чинов з государевыми людми на том же карабле, на котором великие послы ехали из Пилавы до Колберха, а на покупку на карабль запасов дано им 100 золотых да на наем подвод и всяких проторей 410 золотых, взял те золотые подьячей Никифор Иванов. И по приезде Богданове в Амстердам у подьячего Никифора Иванова те золотые на вышеписанные издержки все в росходе, которым золотым поданы великим послом росходные книги».

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 13: «В Колберхе ж куплено для посолского подъему шесть косяков да два воза болшие, дано 9 золотых да 379 крестинок».

[5] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1697 г., № 4, л. 1—5.

[6] Пам. дипл. сношений, VIII, 883; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 46 об. — 47: «Июля в 11 д. в Колберхе дано губернатору генералу порутчику Девецу соболей пара в 20 руб., две пары по 7 руб. пара, два косяка камок. Коменданту полковнику Яну Криштофу Шенбеку две пары по 7 руб. пара, косяк камки. Шиперу Яну Нобелю, которой был на галлоте у валентеров, дано пара соболей в 7 руб., косяк камки. Того ж галиота штирману дано портище камки. Двум музыкантом, которые были во время обеда у губернатора, дано по портищу камки; двум порутчиком, которые в Колберхе у первого великого посла стояли на карауле, дано по паре соболей по 7 руб. пара человеку; двум человеком конским учителем дано по паре соболей по 7 руб. пара человеку. Господарю, у которого первой великой посол стоял на дворе, дано 2 пары соболей по 7 руб. пара, два косяка камок». Там же, л. 13: «Июля в 10 д. в Колберхе ж дано трубачам колберским 4 крестинки да служителем ратушного дому 6 крестинок». Там же, л. 14: «Июля в 11 д. на отъезде ж ис Колберха курфирстовым салдатом, которые стояли у великих послов на карауле, дано 200 золотых да 3 крестинки. На отъезде ис Колберха по просителным писмам дано нищим милостыни 3 золотых».

ред отъездом Петр писал в Москву, на этот раз к Виниусу. В письме он вкратце сообщает о прибытии в Кольберг, об изменении маршрута, о поездке прямо в Голландию, а не к цесарю, как предполагалось ранее, потому что союз с цесарем уже возобновлен, заехать в Вену можно будет на обратном пути. Далее Петр сообщает о причинах замедления в Пилау из-за польских дел и о результатах королевских выборов: избраны два короля, но есть надежда, что Саксонский курфюрст возьмет перевес. Переход курфюрста, избранного в короли, в католичество причинил ему затруднения в его собственной стране, но ему помогут именно благодаря этому переходу цесарь и папа; он подошел уже с войском к границам Польши и теперь уже, надо полагать, находится в Кракове, готовясь к коронации. О принце де Конти ничего не слышно. Принца на выборах поддерживал архиепископ-примас, которого за это чуть было не убили (покушение на него было сделано при отъезде его с выборов), но шляхетство о французском кандидате и слышать не хотело. Курфюрст в борьбе против турок будет держать нашу, а не французскую сторону. Письмо заканчивается уведомлением, что в Кёнигсберге бомбардир на русскую службу нанят и выслан, подыскиваются также мастера железного дела. Царь шлет поклоны московским друзьям. «Min Her Vinius, — писал Петр, — сего месяца 3 дня приехали мы сюды на Галанскомъ гальоте, слава богу, счастлива: а послы пришъли передъ устья на брандебурскомъ коробле 6 д. і стаяли по 8 д. за великимъ противъным вѣтромъ; а сегодни поедемъ отсель прямо въ Голанскую землю (а къ цесарю затѣмъ не пошъли, что ужъ на три года здѣлана, і теперь дѣлать нечево; а чаемъ оной путь назатъ едучи, восприять і въпреть союзъ продолжить). Въ Пилоу жили за елекъциею Польскою, гъдѣ сколко возможъно дѣлали. Въ Полше нынѣ два короля, толко совершено чаемъ Сакъсонскому быть (хотя і дома на него учинилось за вѣру противъность, адънако для восприятия котоличества цесарь і папа ево не покинутъ), і уже пришолъ давъно въ 2 000 на границу, і чаемъ ныне в Кракове для коронования. А объ де-Контье болше не слышать, да і въ элекцію болшей стаялшикъ былъ примасъ, которого за то чють не убили; а посполитой наротъ і слышать не хотелъ. Дай богъ, чтобъ такъ совершилось, потому что сей курѳирстъ і нареченъны[й] король нашей, а не Ѳранъцуской стороны. Ізъ Кюнинбергъ приговорилъ я і послалъ бумъбордира; і о железныхъ мастерахъ радѣемъ, сколко мощъно. Пожалуй, всемъ отдай покълонение; а за скоростию ко ѳъсемъ пи[с]ать не успѣлъ, да і для того, что въчерась были у каменъданта. Piter. Ізъ Колберха, въ 11 д. іюля» [1]. Письмо это показывает, как вни-

[1] П. и Б., т. I, № 175. В письме есть неточности. Петр прибыл в Кольберг не 3-го, а 4 июля (Походный журнал), послы не 6, а 5-го. Курфюрст Саксонский подошел к границам Польши не с 2-тысячным, а с 12-тысячным войском. Бомбардир, принятый на русскую службу с Кёнигсберге, Яган Бус, отправлен был из Пилау в Нарву 30 июня вместе с лишней частью посольской свиты.

мательно следил Петр за польскими делами и какое большое участие в них принимал. Как в сношениях с Бранденбургским курфюрстом по поводу заключения союза, так и в польских делах, главное для Петра — это «священный союз» и война против турок. С этой точки зрения расценивает Петр международные отношения России.

В тот же день, 11 июля, Петр с посольством к вечеру доехали до городка Трептова, отстоящего в 3 милях (21 верста) от Кольберга и, миновав этот городок, расположились на ночлег близ него, за городом [1]. 12 июля отправились далее в 11 часов утра, проехали Грейфенберг и в 5-м часу пополудни достигли городка Наугартена, где и остановились [2]. Петру было доставлено письмо от Виниуса, помеченное Москвой 18 июня, в котором Виниус просил подыскать трех мастеров к железным заводам, а также выражал пожелание достать мушкетных, сабельных и замочных мастеров [3]. 13 июля посольство сделало путь от Наугартена через Массов [4] до Старгарда; 14-го проехали Пириц и остановились в Картциге (Kartzig). 15 июля простояли в том же местечке «за ожиданьем подвод» [5]. Здесь были написаны грамоты в Польшу с подтверждением полномочий резиденту стольнику Никитину и к датскому королю Христиану с благодарностью за приготовление судов для конвоирования посольства, если бы оно отправилось в Голландию морем, и с убеждением не пропускать принца де Конти в Балтийское море [6].

16 июля двинулись дальше, миновали Нейдам, ночевали в местечке Кварчине [7]. 17-го прибыли в Кюстрин, крепость, лежащую при слиянии Одера с Вартой: «город не малый: 7 мостов подъ

---

[1] Походный журнал 1697 г., стр. 15; ср. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 47: «Июля в 12 д. дано писарю курфирстову Элшлегену пара соболей в 7 руб., збирал он великим послом подводы. Июля в 13 д. за Трептом, где великие послы за подводами две ночи начевали, старосте того места дано пара соболей в 7 руб., портище камки». Там же, л. 14: «Июля в 12 д. в городе Трепте работницам, которые служили при столах, дано 5 крестинок.

Колберским возницам, которые великих послов везли в коретах до гостиного дому с полмили, дано 9 золотых да 6 крестинок».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 14: «Июля в 13 д. в Нейгарте, где великие послы стояли, господину дано 5 золотых да две крестинки да нищим крестинка».

[3] П. и Б., т. I, стр. 629—630.

[4] Так в Походном журнале (стр. 15): «В 13 день от Нейгарта поехали в путь; отъехав две мили до городка Макс, здесь послы кушали». В «Расходной книге» (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, стр. 14 об.): 13 июля, «отъехав от Нейгарта в местечке Дерксе, где великие послы обедали, дано служащим людем 4 крестинки».

[5] Пам. дипл. сношений, VIII, 884; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 14 об.: «В местечке Карцике подвотчиком, которые посолские коляски везли, дано 4 крестинки. Июля в 16 д. в Карцике ж служащим людем дано 5 золотых, да огороднику золотой».

[6] П. и Б., т. I, № 176, 177.

[7] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 14 об.: «Июля в 16 д., отъехав от Карцика пять миль в местечке Кварчине великие послы наче-

емных», по замечанию «Юрнала». Здесь была устроена посольству торжественная встреча с пушечной пальбой; от города предложен был обед, и послы должны были расписаться в книге почетных гостей «А как великие послы, — читаем в «Статейном списке», — приезжали к Кистрину, и их встретили градские мещане, — урядники с кореты, из города стрельба была из пушек, и в Кистрине подчиваны. А во время обеда великим и полномочным послом того места мещане показывали старинные свои вещи, то есть, сухари, да рожь, да вино, а сказали, что тем сухарям и ржи сто семьдесят лет, а вину сто тридцать лет; в то ж де время и город Кистрин строен. Да великим же послом казали книгу, кто у них в том городе бывал из знатных особ и подчиван, и в той книге на память те особы приписались руками своими и просили великих и полномочных послов, чтобы и они в тое ж книгу в честь граду их имена свои приписать изволили, и великие и полномочные послы по тому их прошению имена свои написали латинскими литерами. Да великим же послом подносили из ратушной великой серебреной и золоченой старинной стопы ренское, а говорили, чтоб для старины из ней сколько возможно испить; и великие и полномочные послы по прошению их то учинили, из той стопы ренское пили» [1].

Сохранилось известие о досаде, причиненной Петру бывшими в Кюстрине франкфуртскими студентами, которые, чтобы удовлетворить свое любопытство и посмотреть на царя, опрокинув стражу, ворвались в помещение, где он останавливался [2]. Выехав из Кюстрина в тот же день, 17 июля, послы достигли городка Лебуса, где и ночевали [3].

18 июля остановка на ночлег была в Фюрстенвальде [4]. 19-го останавливались в Рюдерсдорфе, в трех милях от Берлина, послы в казенном доме (Amt), а Петр в простом крестьянском [5]. Здесь посольство встретили полковник фон Гакеборн, советник дипломатического ведомства, по обозначению «Статейного списка» — «думной посольской» фон Квитцан (von Quitzan) и тайный секретарь и переводчик Эрнст Берген, которые условились с посоль-

---

вали, дано работником 4 крестинки». В Походном журнале (стр. 16) местечко названо Амкрачь.

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 888—889; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 14 об.: «Июля в 17 ден в городе Кюстрине великие послы обедали; музыкантом и трубачем, которые играли при столе, дано 10 золотых, да возницам, которые великих послов из Кистрина в каретах от города с четверть мили везли, дано 5 золотых, да 10 крестинок».

[2] Baron *von Köhne*, Berlin, Moskau, St.-Petersburg 1649 bis 1763, I, Berlin 1882, S. 30.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 15: «Июля в 18 день в местечке Лабусе, где великие послы постояли, мещанину Ягану дано 4 золотых да работником его 4 крестинки».

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв. № 47, л. 15. «Июля в 19 д. в местечке Фирштенвалде, где великие послы стояли ж, дано господыне 2 крестинки. Того ж числа в местечке Ридердорфе, где великие послы начевали, работником дано 10 золотых».

[5] Baron *von Köhne*, Berlin, Moskau etc., I, 30.

ством относительно въезда в Берлин. С 19 на 20 июля Петр ночевал в имении Розенфельде, принадлежавшем премьер-министру фон Данкельману, впоследствии переименованном во Фридрихсфельд, в расстоянии $^3/_4$ мили от Берлина; там он помещался в доме садовника[1]. Въезд в Берлин происходил на другой день, 20 июля, утром с обычными церемониями. «А при посольской корете, — описывает въезд «Статейный список», — шли курфирстовы лекаи и московские гайдуки. А как въезжали послы в город, и тогда стреляли из 70 пушек три выстрела в городовых воротах, також и на площади была стойка, и били в барабаны и трубили в малые флейты. Стояли великие и полномочные послы в самом месте в дому полковничьем»[2]. «У двора встретили великих и полномочных послов в Берлине начальной чашничей (обершенк) фон-Беер, да полковник и комендант берлинской Раге, полковник ж Веллер, правитель над большим снарядом (артиллерией) полковник Сидо, да всего оберегательного полку (гвардии) капитаны, порутчики и прапорщики и иные началные люди и дворяне»[3]. Перед обедом послам были сделаны визиты военными и придворными чинами, а затем предложен был стол от курфюрста: «Подчивал великих и полномочных послов за столом господин начальной чашничей Бефек, а с ними сидел генерал-порутчик Вангенгейм, посолской думной Квичево» (von Quitzan) и др. За обедом были обычные тосты: «и при столе была музыка, и стояли многие честные жены и девицы»[4]. Сам Петр, опасаясь повторения чего-либо подобного случившемуся в Кюстрине и не желая быть предметом любопытства, проехал через Берлин в карете, закутавшись в красный плащ и откинув голову в угол кареты, заставив предварительно сопровождавшего его провинциал-гауптмана фон Яцкова дать клятву, что обеспечит ему инкогнито. Он въехал в Берлин через Георгиевские ворота (Georgenthor), впоследствии получившие название Королевских (Königsthor), затем по Георгенштрассе, что ныне Кёнигсштрассе, проследовал мимо королевского замка и собора к Новым воротам через квартал, называемый Dorotheenstadt. Остановка была сделана только в Тиргартене, где предложено было угощение, после которого царь продолжал путь далее[5].

---

[1] Походный журнал 1697 г., стр. 16; Пам. дипл. сношений, VIII, 889; Theatrum Europaeum XV, 334; Baron *von Köhne*, Berlin, Moskau etc., I, 30.

[2] В трехэтажном доме умершего фельдмаршала Дерфликтера, под названием «Zum schwarzen Adler», угол Росштассе и Брейтенштрассе, № 4, Baron *von Köhne*, I, 31.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 890.

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 891; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 15: «Июля в 20 день в городе Берлине музыкантом и трубачам дано 10 золотых. В Берлине ж, где великие послы обедали, подали им курфирстовы служители печатные листы, дано 10 золотых. Возницам, которые великих послов и дворян везли в каретах в Берлин и из Берлина, 10 человеком дано 20 золотых, да лекаем четырем человеком, которые великих послов провожали из Берлина ж, 8 золотых».

[5] Baron *von Köhne*, Berlin, Moskau etc., I, 31.

В инструкции берлинским властям курфюрст предписывал показать царю все достопримечательное в Берлине, но Петр не нашел ничего замечательного для осмотра, запасся только географическими картами Бранденбургской и Голландской земель [1]. Спеша продолжать путешествие, он в тот же день, 20 июля, покинул Берлин.

Путь лежал через крепость Штандау: «Ехали мимо города Шпандоф, из которого для почести великих и полномочных послов с роскату из города стреляли из двадцати семи пушек ядрами. Город тот зело на изрядном и крепком месте стоит, окружен водою, а вал земляной обложен кирпичом» [2]. К вечеру посольство остановилось в деревне Вустермарке и здесь ночевали в помещичьем доме [3]. 21 июля проехали город Бранденбург [4] и заночевали в городке Цыхейзере, как его называет «Юрнал», или в Цыгиезере, по обозначению Расходной книги (Ziesar?) [5]. 22-го держали путь через городок Мекерн. Остановившись часа на два для перемены лошадей в деревне Ципль [6], смотрели на «великую гору» Блоксберг, «которая видна как облако, расстоянием от сей деревни 120 миль». В «Юрнал» попало, очевидно, и кое-что из рассказанного путешественникам об этой та-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 15 об.: «В Берлине ж куплены три чертежа Брандебурской да Галанской [земель], дано 2 крестинки». Чертежи эти по приезде в Амстердам подклеивались. Там же, л. 178 об.: 24 августа «заплачено галанцу торговому человеку за подклейку двух чертежей галанской и брандебурской землям и за полотно, которым те чертежи подклеены, ефимок».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 891—892; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 15 об.: 21 июля «подвотчиком, которые великих послов из Берлина до Шпандова и из Спандова проводили на переменных лошадях, дано 3 крестинки».

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 15 об.: «Июля в 21 д., отъехав от Берлина 4 мили, в деревне Вустермарке курфирстовым служителем, которые подавали питье, дано 5 золотых». Там же, л. 16: «Того ж числа в деревне Вустермарке, где великие послы начевали, господарю и господыне и работником дано 2 золотых да 3 крестинки». Там же, л. 47, об.: «Из деревни Вустермарка послано с переводчиком Эрнестом фон Бергеном в Берлин чашнику курфирстову пара соболей в 14 руб., да канцеляристу фон Квице, которой великих послов встретил под Берлином, пара соболей в 20 руб., конюшему Фейферу — пара в 8 руб. Да вышепомянутому Эрнесту, что он великих послов под Берлином встретил и из Берлина провожал до деревни Вустермарка, дано пара соболей в 7 руб.»

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 16: «Июля в 22 д. в Брандебурке подвотчиком дано 2 крестинки». Дата неверна, следует: 21 июля. См. Походный журнал (стр. 17) и «Статейный список» (Пам. дипл. сношений, VIII, 892).

[5] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 16: «Июля в 22 д. . . . подвотчиком же, которые везли от Брандебурка до Цыгиезера, дано 12 крестинок.

В Цыгиезере ж Кирилу Баканову на деготь к возам валентерским дано 2 крестинки.

В Цыгиезере ж обменено на мелкую монету 7 крестинок и отданы для роздачи нищим священнику Ивану Поборскому.

В Цигиезере ж, где великие послы начевали, работником того дому дано 4 крестинки».

[6] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв. № 47, л. 16 об.: «В деревне Гогенцыгет, где великие послы постояли, господину того дому дано 6 крестинок».

инственной горе, на вершину которой в Вальпургиеву ночь на 1 мая слетается на шабаш вся нечистая сила: «На той горе, сказывают, есть на самом верху озеро небольшое, возле которого есть столб каменный и ковши железные на цепях; на тое гору, сказывают, ходу два дня». Двинувшись из деревни Ципль, посольство в тот же день, 22 июля, прибыло в Магдебург и въехало в город при пушечных салютах. Петр остановился за городом [1]. Посольству отведен был дом в центре города против соборной церкви св. Маврикия. «Стояли в дому против большой кирхи, которая кирха старое здание, и многие в ней вещи старинные; и в тое кирху великие и полномочные послы ходили и смотрили; и та кирха, знатно, была преж сего греческого закону церковь или римской костел, работы изрядной [2]. В церкви была музыка, и послам были показаны достопримечательности: камень со следами на нем крови казненного епископа Оттона, лохань, над которой Пилат умыл руки, доска от фонаря несенного перед Иудой в саду Гефсиманском, лестница, по которой влезали на крест при снятии с него тела христова: «В той церкви пред алтарем камень круглый мраморный, на котором знать во многих местах, а больше в одном, зело явно, кровь Удона епископа, который в ночь при явлении страшном на том месте казнен от Маврикия, той церкви патрона; в той же церкви лежит лохань, над которою Пилат руки умыл; исподняя доска фонаря, который перед Иудою несен, лестница, по которой ходили снимать Христа» [3]. Послам были поднесены печатные тетрадки с описанием церкви. Волонтеры (очевидно, в числе них и Петр) поднимались на колокольню [4]. Из Магдебурга посольство выехало на следующий день, 23 июля, остановилось и ночевало в Грöнингене, в замке курфюрста: «стояли в курфюрстовом изрядном дому; а наперед сего бывал кляш-

[1] Походный журнал 1697 г., стр. 17—18: «Проехав сквозь город, стали за городом».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 892: «а что в ней (церкви) видели, тому особая записка».

[3] Походный журнал 1697 г., стр. 18; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 47 об.: «Июля в 23 день в Мегдебурке губернатору дана пара соболей в 20 руб. ... порутчику Клейдеку, которой стоял у великих послов на дворе, пара соболей в 8 руб. Господарю того двора дано портище камки. Писарю замковому дано пара соболей в 8 руб., жене его портище камки». Там же, л. 16 об.: «июля 22... под Магдебурком неволнику (вероятно, встреченным тюремным заключённым) милостыни дано две крестинки, да подвотчику крестинка. В Магдебурке музыкантом шести человеком дано 18 крестинок и полкрестинки. Июля в 23 д. в Магдебурке ж музыкантом, которые при великих послех играли, дано 3 золотых; караулным салдатом, которые при дверех стояли, 4 золотых; повару, которой за ужиною и за обедом ествы готовил, 4 ж золотых, да двум поваренным бабам 2 крестинки». Там же, л. 17: «Того ж числа магдебурским подводчиком трем человеком, которые были при калясках у великих послов, дано 6 золотых да крестинка».

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв. № 47, л. 17. «В Магдебурке ж в кирхе святого Маврицыя, где великие послы были, дано музыкантом, которые в кирхе играли, 5 золотых; сторожу, который показывал все вещи в той кирхе, 7 золотых; жене, которая подала великим послом печатные тетрадки, описание той кирхи, 3 золотых, да другой жене, что отворяла двери на колокольне, как были валентеры, две крестинки».

тер (claustrum — монастырь), в котором и костел посреди полат изрядной и богатой с дивными арганы»[1]. «В замке костел, — читаем описание той же замковой церкви в «Юрнале», — в нем стенное письмо изрядное, писанные притчи из библии, и резьбы из камня белого довольно и арганы на 59 голосов; а тому костелу, как построен, 945 лет». При посещении церкви послами была органная музыка. «Статейный список» отметил и другую достопримечательность замка: «В том же дому видели великую бочку, стоящую в погребу, пяти сажен вдоль, полуторы сажени в ширину и в вышину, в которую бочку по скаске тамошних жителей, вливается по десяти сот по шестидесяти по шести болших бочек ренского». Грёнингемцами было поднесено послам печатное описание достопримечательностей замка и костела на немецком языке: «и того замка, и кирхе, и что в ней обретается, поданы великим и полномочным послом от служителей, того же города жителей печатная тетрадь на немецком языке»[2].

Выехав из Грёнинга 24 июля после полудня, посольство проезжало в тот же день через городки Гальберштадт и Вернигероде и остановилось для ночлега в замке Ильзенбурге. Внимание Петра привлекли железные заводы, расположенные у горы Блоксберг, к которой путешественники теперь приблизились; возбудили также же, надо полагать, его любопытство рассказы о вершине горы, и он предпринял на нее восхождение. «Приехали в замок Ильзабурх, — отмечает «Юрнал», — здесь железные заводы близ горы Блоксберга и ночевали... и был Десятник на Блюсберхе». То же известие подтверждается и «Статейным списком»: «А, не доезжая в миле, проехали городок Гальберштат, да в стороне видима была великая гора, зовомая Блокзберх, и Преображенского полку начальные люди к той горе ездили и на нее всходили»[3]. 25 июля была остановка для ночлега в городке Остервикке (Osterwieck)[4]. 26-го посольство покинуло территорию Бранденбургского курфюршества и, вступив во владения епископа Гильдесгеймского, остановилось для ночлега в его городке Бокенеме. Епископ послал туда к послам «племянника да кухмистра своего про-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 892.

[2] Походный журнал 1697 г., стр. 18; Пам. дипл. сношений, VIII, 892—893; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 17: «Июля в 24 день в Грёнинге законником доминиканом двум человеком дано 2 золотых, да капуцином двум же человеком 6 крестинок.

В Гренинге ж дано поваренным работником, которые при столех великим послом служили, семи человеком, по золотому человеку; драгуном 20 человеком, которые из Магдебурка великих послов провожали и на караулех стояли, 13 золотых; жене, которая подала тетратки описание Грениской кирхи, 2 золотых, музыкантом, которые при бытии великих послов в кирхе на арганех играли, 6 золотых, да огороднику, которой на стол садовые разные овощи подавал, 2 крестинки».

[3] Походный журнал 1697 г., стр. 18—19; Пам. дипл. сношений, VIII, 893.

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 17 об. — 18: «Июля в 25 д. в городке Остенвике за два новые колеса х коляске под соболиную казну дано 9 крестинок.

Июля в 26 день в Остенвике ж, где великие послы начевали, дано работником и работницам поваренным 16 крестинок».

сить великих и полномочных послов, чтоб изволили дом его навестить и обедать; и великие и полномочные послы тем присланным сказали, что они за его приятство благодарствуют и обедать будут»[1]. 27 июля, миновав замок Мариенбург и проехав столичный город епископа Гильдесгейм с его средневековыми зданиями, посольство было принято им на его «загородном дворе». «И бискуп Юдокус Этмундус де Брабек... великих и полномочных послов встретил и принял честно, и за столом пили про здоровье великого государя, его царского величества, и его, бискупово, и в тое пору на дворе били в литавры и трубили на трубах, и имел бискуп с великими и полномочными послы за столом разговоры любительные и говорил, что он бытие их приемлет за великую себе радость»[2].

В тот же день вечером на дальнейшем пути произошла в местечке Коппенбрюгге встреча Петра с курфюрстинами Ганноверской Софией и ее дочерью курфюрстиной Бранденбургской Софией-Шарлоттой.

XIII. СВИДАНИЕ С КУРФЮРСТИНАМИ

Это свидание произошло по инициативе курфюрстины Софии-Шарлотты. В Германии тогда много говорили о предстоящем приезде великого посольства. Посольство это стало внушать особый интерес с тех пор, как стало известно, что среди него находится путешествующий инкогнито молодой, но уже прославившийся победой над турками московский царь. Такое небывалое событие уже само по себе могло возбуждать любопытство. В частности союз с могущественным восточным соседом, подкрепленный личной дружбой, мог существенно отразиться на дальнейших судьбах дома Гогенцоллернов и рассматривался, как одно из действительных средств для осуществления честолюбивых замыслов представителя этого дома — Фридриха III. При дворе курфюрстины приезд царя и посольства был, надо полагать, частой темой оживленных разговоров. Путешествие Петра очень занимало также учителя и друга Софии-Шарлотты Лейбница, который в необъятной стране восточных варваров видел, с одной стороны, источник для лингвистических, этнографических ученых изысканий, а с другой — пригодный материал для политических экспериментов. Уже тогда, во время первой поездки Петра по Германии в 1697 г., Лейбниц стремился быть представленным царю или по крайней мере первому послу Лефорту и подать свои политические проекты. Эти по-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 893; Арх. мин. ин. дел., Кн. австр. дв., № 47, л. 18: «Июля в 27 день бискупа Гилдесемского в городке Боконеле, где великие послы начевали, дано господыне и поваренным работником 11 крестинок, да подвотчиком остенвинским 2 крестинки». Походный журнал (стр. 19) указывает иное место ночлега с 26 на 27 июля: «В 26 день поехали в путь; проехали город Ремик; проехав милю, выехали в землю епископа Манстерского (мюнстерского); проехали город Линбурх, город Солгет; приехали в город Салгет... ночевали». Возможно, что Петр ночевал отдельно от посольства.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 893—894.

пытки, однако, окончились неудачей; дело ограничилось тем, что философ был принят только племянником Лефорта Петром.

София-Шарлотта не могла по каким-то обстоятельствам сопровождать своего супруга в его поездке в Кёнигсберг навстречу царю; но, живо интересуясь всем, что касалось необыкновенного гостя, она поручила тайному советнику, президенту консистории Павлу Фуксу, как мы видели, участнику переговоров с посольством, сообщать ей все подробности о пребывании царя в Кёнигсберге. «Я охотно принимаю предложение, которое вы мне делаете, давать мне точные сообщения о путешествии царя, — писала ему курфюрстина от 1 мая, — так как я любопытна, и это у меня общее свойство всех женщин; но мне кажется, что на этот раз любопытство более позволительно, чем в других случаях. В самом деле, это редкий случай узнать неизвестного государя с его посольством; до сих пор это было только в романах. Мне очень жаль будет его не видать, и я хотела бы, чтобы его уговорили проехать здесь, не для того чтобы что-либо видеть, но чтобы показаться, и мы с удовольствием сберегли бы то, что тратят на редких зверей, чтобы использовать его в этом случае». В следующем письме курфюрстина благодарит своего усердного корреспондента за доставленные сведения: «Не могу вам сказать, — пишет она, — какое удовольствие вы мне доставили таким приятным сообщением о царе московском; предмет, действительно, редкий; но особенное удовольствие слушать ваш рассказ о нем. Я надеюсь, что вы будете добры доставлять мне дальнейшие новости». — «По правде, — читаем в письме ее от 29 мая, — вы берете на себя слишком много труда, описывая мне с такой точностью все, что касается московитов. Я вижу в этом, как и во всем другом, стремление сделать мне удовольствие; верьте с своей стороны, что я не останусь нечувствительна, что я испытываю большую благодарность и что я ничего так не желаю, как выразить вам, насколько искренно я принадлежу к вашим друзьям, и это все не комплемент, но вещь, на которую вы можете рассчитывать. Я надеюсь, что визит царя, может быть, в настоящем немного и неудобный, окажется в будущем очень важным для курфюрста, который воспользуется добрым расположением, какое он в нем находит. Я очень сожалею, что он не прибудет сюда[1] со своим посольством и, хотя я и враг нечистоплотности, однако любопытство одерживает верх. Одиночество, в котором я здесь нахожусь, достаточно велико, чтобы заставить желать новых предметов развлечения».

10 июня курфюрстина пишет: «Я надеюсь, что в случае, если нельзя будет отклонить царя от путешествий, которые он намеревается еще предпринять, то по крайней мере при путешествии ради безопасности по суше можно будет повидать его в этих местах. Так как, повидимому, на его намерение посмотреть чужие страны повлияли его любимцы-послы, чтобы не терять его из ви-

[1] Т. е. в Берлин.

да, то они будут желать, чтоб он вернулся домой не иначе, как по окончании их посольства у курфюрста, что было бы очень славным для вас, и те, кто доведет дело до такого конца, как вы намереваетесь, окажут курфюрсту большую услугу. Вы уже в столь многих случаях показали вашу способность, и уменье овладеть настроением варваров будет новым доказательством вашей опытности; с ними нужны совсем иные приемы, чем с другими людьми. Я сужу об этом по тем сообщениям, которые вы были так добры мне дать и за которые я буду вам всегда обязана» [1].

Надежда Софии-Шарлотты увидеть Петра в Берлине не осуществилась. Царь задержался в Пилау, а курфюрстина должна была уехать гостить к матери в Ганновер. Но затем, когда она, живя в Ганновере, узнала, что царь проезжает неподалеку, она приняла все меры, чтобы встретиться с ним. Обе курфюрстины, мать и дочь, поспешно отправились в Коппенбург, замок, принадлежавший герцогу Цельскому, и прибыли туда за несколько часов до приезда царя. Курфюрстин сопровождали герцог Георг-Вильгельм Цельский и три брата Софии-Шарлотты: кронпринц Ганноверский Георг-Людвиг — будущий английский король Георг I, с малолетним сыном и дочерью, принц Макс и принц Эрнст-Август со значительной свитой. Прием царю мог быть организован наскоро; но все же София-Шарлотта захватила с собой своих итальянских певцов.

Царь, опередив посольство, приехал около 8 часов вечера и остановился в деревне Коппенбрюгге в крестьянском доме; посольство остановилось в господском доме, или замке Коппенбурге, где находились и курфюрстины. К царю был послан тотчас же камергер Коппенштейн с приглашением на ужин. Но Петр, вероятно, узнав о стечении придворных и зрителей, поблагодарил за честь и отказался, и его пришлось в течение не менее часа уговаривать. Наконец, он согласился притти, но с условием, что ужин будет происходить только в тесном семейном кругу без придворных. Так как у подъезда дома, где назначено было свидание, собралась толпа любопытных зрителей, то Петр прошел в дом черным ходом. «И стояли послы в местечке Копенбрыгине, в замке,— описывает это свидание наш «Статейный список», — и в том замке была и ожидала посольского приезду курфирста Бранденбургского жена княгиня с матерью своею, курфирста Ганноверского женою, и звала великих и полномочных послов ужинать. И великие и полномочные послы с курфистрынею ужинали, а за столом сидели: в первом месте один Преображенского полку началной человек, по правую сторону его — курфистрыня, по левую — мать ее, подле матери — курфистрынин дядя арцух Целский Георгий Вилгелм, подле его великие и полномочные послы, подле курфистрыни братья ее Георгий Людовик, другой Максимус, воевода цесарских войск, третей Эрнестус Августус, да царевич Меретин-

---

[1] *Erman*, Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte, Berlin 1801, p. 113 et suiv.

ской; при столе стояли жены и девицы высоких домов. И за столом и по столе пили про здоровье великого государя, его царского величества, и благоверного государя царевича и всего его государского дому, и про курфирстово, и про курфистрынино, и детей их про здоровье, а потом была музыка и танцы. И по довольном подчивании курфистрина и все при ней будучие из того замочка поехали до некоторого дому в полумиле» [1].

Известие об этом свидании находим в письме из Ганновера какого-то неизвестного очевидца события, попавшем в руки тайного венецианского агента и переданным им своему правительству. «В четырех милях отсюда, — пишет очевидец, — в сельском доме, называемом Коппенбрюгге, был царь московский, который туда прибыл во вторник вечером и нашел там весь здешний светлейший двор с светлейшей курфюрстиной Бранденбургской и светлейшим герцогом Цельским, которыми он был приветствован и великолепно угощен; туда отправились ради этого гофмаршал, все чиновники с половины Ганновера. Ужин начался в $10^1/_2$ часов и окончился в 3. Было установлено, чтобы кавалеры, которые служили их высочествам, выпили натощак пять больших бокалов рейнского вина, которое им подносил сам царь. После стола остальная часть ночи прошла в музыке и в танцах и сам его величество танцовал польский. Он — государь высокого ума, судя по ответам, которые он давал через переводчика, так как говорил только на своем языке. . . Я его видел мельком: однако смогу, пожалуй, изобразить его портрет. Он роста выше обыкновенного, с гордым и в то же время величественным взглядом, глаза полны огня и находятся в постоянном движении, как и все его члены, редкие волосы, маленькие усы, одет по-матросски в красное сукно с несколькими небольшими золотыми галунами, белые чулки и черные башмаки» [2].

Много подробностей и деталей о свидании узнаем из писем обеих курфюрстин к тайному советнику Павлу Фуксу. «Теперь я могу отплатить вам, — писала младшая курфюрстина, — я видела великого царя: он назначил мне свидание в Коппенбрюгге (деревня в земле Целле). Он не знал, что там будет вся фамилия, и это было причиной, что с ним пришлось в течение часа вести переговоры, чтобы он показался. Наконец, он согласился на то, что в залу, где назначен был ужин, придут герцог Цельский, моя мать, мои братья и я; он пожелал войти туда в то же время другой дверью, чтобы не быть замеченным, так как большая толпа, которую он увидал на парапете при входе, заставила его уйти из деревни (l'avait fait ressortir de village). Моя матушка и я приветствовали его, а он заставил отвечать за себя г. Лефорта, так как казался сконфуженным и закрывал лицо рукой — ich kann

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 894. В «Статейном списке» второй сын курфюрстины Ганноверской Максимилиан-Вильгельм, генерал австрийской службы, показан в числе присутствовавших неправильно. Его не было в Коппенбурге. Присутствовал неупомянутый в списке принц Христиан (см. ниже).

[2] *Шмурло*, Сборник, № 373.

nicht sprechen, — но мы его приручили; он сел за стол между матушкой и мной, и каждая из нас беседовала с ним наперерыв. Он отвечал то сам, то через двух переводчиков, и, уверяю вас, говорил очень впопад, и это по всем предметам, о которых с ним заговаривали. Моя матушка с живостью задавала ему много вопросов, на которые он отвечал с такой же быстротой — и я изумляюсь, что он не устал от разговора, потому что, как говорят, такие разговоры не в обычае в его стране. Что касается до его гримас, то я представляла себе их хуже, чем их нашла, и не в его власти справиться с некоторыми из них. Заметно также, что его не научили есть опрятно, но мне понравилась его естественность и непринужденность, он стал действовать, как дома, позволил сначала войти кавалерам, а потом и дамам, которых сначала затруднялся видеть, затем велел своим людям запереть дверь, поставил около нее своего фаворита, которого он называет своей правой рукой, с приказанием никого не выпускать, велел принести большие стаканы и заставлял каждого выпить их по три и по четыре зараз, давая понять, что делает это, чтобы оказать честь каждому. Он сам подносил стаканы. Кто-то хотел дать стакан Quirini; он взял стакан сам и поднес его Quirini — это деликатность, которой мы не ожидали. Я позвала музыку, чтобы посмотреть, какое она произведет на него впечатление; он сказал, что она ему очень нравится, в особенности Фердинандо, которого он вознаградил так же, как и придворных кавалеров, стаканом. Чтобы сделать ему удовольствие, мы пробыли четыре часа за столом и пили по-московски, т. е. выпивая зараз и стоя за здоровье царя. Фридрих (курфюрст) также не был забыт. Впрочем, царь пил мало. Чтобы посмотреть, как он танцует, я попросила г. Лефорта позвать своих музыкантов, которые пришли после ужина. Но он не хотел начинать, не посмотрев сначала, как мы танцуем, что мы и сделали, чтобы доставить ему удовольствие и посмотреть, как он это делает. Он не хотел начинать, потому что у него не было перчаток и велел их искать по своему поезду, но напрасно. Моя матушка танцовала с толстым комиссаром (Головиным); против них Лефорт в паре с дочерью графини Платен и канцлер (Возницын) с ее матерью: все это прошло очень степенно, и московский танец нашли очень красивым. Все были очень довольны царем, и он казался также очень доволен. Я очень желала бы, чтобы вы также были довольны сообщением, которое я вам сделала: если вы найдете его удачным, вы можете развлечь им курфюрста. Вот достаточно, чтобы вам надоесть, но не знаю, что с этим делать; мне хочется говорить о царе и, если бы я набралась смелости, я сказала бы и еще... что остаюсь готовая к вашим услугам София Шарлотта. P. S. Шут царя был также; он очень глуп, и мы умирали со смеху, видя, как его хозяин, взяв метлу, стал его чистить»[1].

Курфюрстина-мать, София Ганноверская, описывает ту же встре-

[1] *Erman*, op. cit., p. 116—118.

чу с еще большими подробностями: Герренгаузен. 11 августа 1697. «Теперь надо вам рассказать, что я видела знаменитого царя. Его величество до Везеля был доставлен средствами курфюрста; но затем он должен был проезжать через Коппенбрюг — лен нашего дома, принадлежащий принцу Нассау во Фрисландии. Мы испросили аудиенцию у его царского величества (он везде соблюдает инкогнито, и все представительство возложено на его трех послов). Государь согласился нас принять и повидаться с нами в тесном кругу. Меня сопровождали моя дочь и три сына (курфюрст наследный Георг-Людвиг, принц Христиан и принц Эрнест-Август. Второй принц Максимилиан Вильгельм давно по известным причинам оставил Ганновер). Хотя Коппенбрюгге отсюда в четырех добрых милях, мы туда отправились с величайшей охотой. Коппенштейн ехал впереди нас, чтобы сделать необходимые приготовления. Мы опередили московитов, которые прибыли только к 8 часам и остановились в крестьянском доме. Вопреки нашим условиям, собралось такое множество людей, что царь не знал, как ему быть, чтобы пройти незамеченным. Мы долго вели переговоры. Наконец, мой сын был вынужден разогнать зрителей с помощью гвардейских солдат, и в то время, как послы подъезжали со свитой, царь проскользнул скрытой лестницей в свою комнату, потому что, чтобы попасть в нее, надо было бы перейти через столовую. Мы вышли в эту комнату, и первый посол г. Лефорт из Женевы служил нам переводчиком. Царь очень высокого росту, лицо его очень красиво, он очень строен, Он обладает большой живостью ума, его суждения быстры и справедливы. Но наряду со всеми выдающимися качествами, которыми его одарила природа, следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы. Мы тотчас же сели за стол. Г. Коппенштейн, исполнявший обязанности маршала, подал его величеству салфетку, но это его очень затруднило: вместо салфетки в Бранденбурге ему подавали после стола кувшин. Его величество сидел за столом между моей дочерью и мною, имея переводчика с каждой стороны. Он был очень весел, очень разговорчив, и мы завязали с ним большую дружбу. Моя дочь и его величество поменялись табатерками. Табатерка царя была украшена его инициалами, и моя дочь очень дорожит ею. Мы, по правде, очень долго сидели за столом, но охотно остались бы за ним и еще дольше, не испытывая ни на минуту скуки, потому что царь был в очень хорошем расположении духа и не переставал с нами разговаривать. Моя дочь заставила своих итальянцев петь; их пение ему понравилось, хотя он нам признался, что он не очень ценит музыку. Я его спросила: любит ли он охоту? Он ответил, что отец его очень любил, но что у него с юности настоящая страсть к мореплаванию и к фейерверкам. Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы. После ужина его величество велел позвать своих скрипачей, и мы исполнили русские танцы, которые я предпочитаю польским. Бал продолжался до че-

тырех часов утра. У нас было намерение провести ночь в одном соседнем замке. Но так как уже рассвело, то мы тотчас же поехали сюда, совсем не спав и очень довольные нашим днем. Было бы слишком долго перечислять вам в подробности все, что мы видели. Г. Лефорт и его племянник были одеты по-французски; тот и другой очень умны. Я не могу ничего сказать ни о двух других послах, ни о множестве князей, принадлежащих к свите царя. Царь, не знавший, что помещение не позволяло нам там оставаться, ожидал нас увидеть на следующий день. Если бы мы об этом были предупреждены, мы бы устроились так, чтобы остаться по соседству и повидаться с ним еще раз, так как его общество доставило нам много удовольствия. Это человек совсем необыкновенный. Невозможно его описать и даже составить о нем понятие, не видав его. У него очень доброе сердце и в высшей степени благородные чувства. Я должна вам также сказать, что он не напился до пьяна в нашем присутствии; но, как только мы уехали, лица его свиты вполне удовлетворились. Коппенштейн, действительно, заслужил превосходную соболью шубу, которую они ему подарили за то, что он одолел их в состязании [1]. Он нам, однако, сказал, что, и напившись, они были очень веселы и учтивы, но он получил почести победителя: трое московских послов совершенно потопили свой разум в вине перед отъездом».

К этому описанию встречи с царем курфюрстина прибавила еще несколько дополнений в двух более поздних письмах, датированных сентябрем 1697 г.: «Я прикрасила бы рассказ о путешествии знаменитого царя, — пишет она в первом из них, — если бы я вам сказала, что он чувствителен к чарам красоты. Но в действительности я не нашла у него никакого расположения к ухаживанию. И если бы мы не постарались так, чтобы его повидать, я думаю, что он и не подумал бы о нас. В его стране женщины обычно белятся и румянятся; румяна входят непременно в состав брачных подарков, которые они получают. Вот почему графиня Платен особенно понравилась московитам. Но, танцуя, они приняли наши корсеты из китового уса за кости, и царь выразил свое удивление, сказав, «что у немецких дам чертовски жесткие кости». Во втором дополнительном письме курфюрстина сообщает: «Мой добрый друг, великий царь московский прислал мне четыре соболя и три штуки парчи, но они слишком малы, и из них можно сделать только покрышку для кресла. В Амстердаме его величество развлекается, посещая кабачки вместе с матросами. Он сам работает над постройкой корабля; он знает в

---

[1] Ср. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 48: «Июля в 29 день в селе Копенбрыгине, где курфирстыня брандебурская была, дано служителем ее: маршалку Копенстейну пара соболей в 25 руб.; чашнику пара соболей в 20 руб.; кравчему пара соболей в 14 руб.; погребничему пара в 14 руб.» Там же, 18: «...четырем человеком пажам да десяти человеком лакеем 25 золотых, трубачам 16 человеком 37 золотых, повару и поваренным работником и работницам 10 золотых».

совершенстве 14 ремесел. Надо признать, что это необыкновенная личность. Я ни за что не пожертвовала бы удовольствием видеть его и его двор. У них четыре карлика; два из них очень пропорционально сложены и отлично воспитаны. Он то целовал, то щипал за уши своего карлика-фаворита. Он взял за голову нашу маленькую принцессу и два раза ее поцеловал, смяв совершенно ее бант. Он поцеловал также ее брата. Это — государь одновременно и очень добрый и очень злой, у него характер — совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинства и бесконечно много природного ума» [1].

О впечатлении обеих курфюрстин от знакомства с московским царем свидетельствует непосредственно с их слов Лейбниц, очень интересовавшийся их свиданием, в письме к Петру Лефорту от 3 августа 1697 г. «Обе курфюрстины, — пишет он, — наперерыв повторяли слышанные ими ответы и слова, достойные героя, в котором видна любовь к справедливости по отношению к соседям и иностранцам и снисходительность к своим подданным, когда беседа коснулась покровительства, оказанного невинно пострадавшему принцу Имеретинскому и пощады лицам, очень мало ее заслуживавшим. Но особенно курфюрстины восхищены были покорностью воле бога, единого царя царей, и ответом столь мудрым и благочестивым, сделанным курфюрстине Бранденбургской, которой на ее пожелание успеха русскому оружию и чтобы 75 строящихся кораблей выгнали Чалму из Константинополя, было сказано, что люди в этом ничего не могут, что это зависит от одного бога, у которого все волосы на наших головах сочтены». Обе курфюрстины, а также кронпринц и его братья в восторге от того, «что есть лучшего в русском царстве». Курфюрстины очень благодарны за честь свидания, им оказанную; возвратившись на другой день рано утром в Ганновер из опасения наскучить, они с сожалением потом узнали, что их дальнейшее пребывание не было бы неприятно [2].

Встречу этих двух замечательных людей — Петра Великого и курфюрстины Софии-Шарлотты — стоит особенно отметить. Попав в Западную Европу, Петр помимо даже тех интересов, которые его тогда преимущественно занимали, на каждом шагу начал невольно знакомиться с западноевропейской культурой, больше всего, конечно, с ее материальными проявлениями, с ее техникой: мастерскими, верфями, доками, заводами, внешней обстановкой жизни, в меньшей степени с ее духовной стороной — нравами и идеями европейского общества. Не потому, конечно, за-

---

[1] *Erman*, op. cit., p. 116—121. Маленькая принцесса — внучка курфюрстины Ганноверской, дочь ее старшего сына София-Доротея, которой тогда было 10 лет. Ее брат — 16-летний принц Георг, будущий король английский Георг II.

[2] *Герье*, Сборник писем и мемориалов Лейбница, стр. 21; ср. его же, «Отношения Лейбница к России и Петру Великому», стр. 18—19.

падноевропейский быт должен был оказывать на него свое воздействие, что он к нему специально присматривался или его специально наблюдал; нет, просто потому, что он на долгое время очутился в сфере этого быта и неизбежно должен был на каждом шагу соприкасаться с ним, испытывать его воздействие. За-

Рис. 9. Курфюрстина Бранденбургская София-Шарлотта
Гравюра Гайнцельмана, 1689 г.

падноевропейская жизнь конца XVII в. во многом отличалась от русской, во многом опережала ее, но все же и в ней немало было грубого, и этими своими грубыми сторонами она глядела на Петра как в матросском кабачке, который он посещал в часы досуга, так и в увеселениях вроде звериной травли, которыми забавляли его при бранденбургском дворе. В лице Софии-Шарлотты он встретился с лучшим, наиболее тонким и совершенным, что могла создать и выработать тогда западноевропейская культура. Ученица и приятельница Лейбница, в юности восхищавшая

своим умом, грацией и красотой версальский двор, где она провела около двух лет, и самого Людовика XIV, София-Шарлотта стояла на уровне самых выдающихся, развитых и образованных людей своего времени. Она много размышляла, и ее пытливые вопросы затрудняли иногда даже Лейбница; она много знала, ценила знание и поощряла его развитие. В черствую среду тогдашнего берлинского двора она вносила заметную струю изящного вкуса и утонченных версальских нравов. Светлым лучом она сверкнула на пути Петра Великого к голландским верфям и кораблям. «Северный варвар» и слишком еще молодой человек, он не мог оценить всего значения этого луча; но, видимо, все же и он испытал сильное впечатление от встречи, если выразил желание видеть курфюрстин вновь на следующий день. Это желание, как мы уже знаем, не могло быть исполнено, так как обе курфюрстины выехали в Ганновер тотчас же после бала.

28 июля Петр с посольством продолжал путь; проехали городок Гамельн на реке Везере, Фишбек и Ольдендорф и достигли Миндена [1], где остановились ночевать [2]. Здесь на следующий день, 29 июля, царем был получен собственноручный ответ Бранденбургского курфюрста на письмо по поводу неприятного эпизода, имевшего место в Пилау в день царских именин. Письмо было тотчас же переведено, и Петр прочел в нем следующее: «Пресветлейший царь и великий князь. Аз из вашея саморучные грамоты зело неохотно увидел, что мои депутаты в Пилаве вашему величеству и любви досаду учинили, чесо ради аз их достойно воззрил (на полях: «наказание чинил»); но они или никто нашея дружбы разорвать не возможет для того, что ваше величество и любовь мне оную так крепко и сильно обещало. И вы в моей [дружбе] крепко обнадеживан быти возможеши. Прочее жалею, что ко мне ведомость прежде не учинена была, что ваше величество и любовь иным обычаем, нежели тайным лицом от Колберха ваше путьшествие чрез мои земли восприяти хотел и для того к тому нуждное установление чинити не возмог, которое ныне зделается. Вышний вас да проводит на сем и всех ваших путьшествиях. И я буду всегда вашего величества и любви охотно содержащий. Фридерих курфирст. Во Фридрихсбурге, июля в 20 день лета 1697» [3]. Отсюда же из Миндена, очевидно утром,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 18: «июля 28... дано, не доезжая до Миндена за 5 миль, господину, где великие послы были и стояли, 7 крестинок», — вероятно, в Ольдендорфе, где меняли лошадей (Походный журнал 1697 г., стр. 20).

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 18 об.: «Июля в 29 день под Минденом за ось под казенную телегу дано крестинка.

В Миндене ж подвотчиком, которые великих послов везли от Копенбрыгина, дано крестинка.

В Миндене ж карлам Ермолаю Мишукову с товарыщи четырем человеком за мытье белого их платья дано два золотых.

На выезде из Миндена господину, где великие послы начевали, дано два золотых да поваренным работником 5 крестинок».

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела прусские 1697 г., № 1, л. 2: «Перевод с немецкого писма с листа, каков писал к великому государю (титул) Фридерих кур-

Петр писал Виниусу: «Писмо твое, іюля въ 2 день писанное, мънѣ 29 д. здѣсь отдано, за которое благодарствую. I какъ будемъ въ Голанской земле, о мастерахъ старатца будемъ. А чъто въ тайномъ писмѣ, о томъ не усумневайся. Прежде сей почты почьта къ намъ дошъла въ дароге отъ Колберха в Нейгарте, въ 1-вомъ і 18 іюня писанныя, противъ которой для дороги отписать не успѣли. Piter. Изъ Миндена, іюля въ 29 д.» [1].

Здесь, в Миндене, ожидал посольство Лейбниц. Лейбниц, носившийся с мыслью о «великом государе», который бы явился распространителем просвещения среди народов Востока и видевший в Петре, борьба которого с турками, этим оплотом варварства, возбуждала его сочувствие, орудие, предназначенное провидением для выполнения этой задачи, очень желал быть представленным Петру. Так как желание его сопровождать курфюрстин в Коппенбрюгге не осуществилось, он поспешил в Минден, чтобы там захватить посольство и представиться, если не царю, то по крайней мере первому послу Лефорту и запасся рекомендацией к нему. Для Лефорта он составил особую докладную записку с двумя просьбами: во-первых, сообщить ему разъяснения и подтверждения относительно находившегося в его руках родословного древа московских царей; во-вторых, доставить ему образчики всех языков, на которых говорят народы, подвластные царю и ведущие торговлю с его государством до пределов Персии, Индии и Китая. Но и Лефорта Лейбницу не удалось увидеть; у веселого посла не нашлось ни времени, ни охоты беседовать с философом о занимавших его предметах. Он был принят только племянником посла Петром Лефортом, который обещал ему содействие в его планах и с которым потом у него завязалась переписка [2].

Выехав из Миндена в тот же день, 29 июля, опережая посольство, Петр миновал Герфорд и достиг замка Шпаренберга у города Билефельда, где ночевал и провел весь день 30 июля и часть 31-го. 31 июля царь отсюда вновь шлет коротенькую записку Виниусу: «Min Her. Сегодни отсель поедемъ, і чаемъ въ будущей въторникъ быть въ Голанскую землю. Здѣсь вестей іныхъ нѣтъ, толко что поляки зачали новою элекъцию; а курѳирстъ здѣшънѣй принелъ межъ де-Контия и Сасъкого (т. е. Саксонского) посретства. А что здѣлаетца, писать будемъ въпретъ. Piter. Iзъ Шпаренберха, іюля въ 31 д.» [3]. Письмо показывает, как живо

фирст брандебурской в нынешнем 205 г. июля в 29 д. своею рукою через почту в Минден».

[1] П. и Б., т. I, № 178.

[2] *Герье*, Отношения Лейбница к России и Петру Великому, стр. 13; его же, Сборник писем и мемориалов Лейбница, № 9, 10, 12, 15, 21.

[3] П. и Б., т. I, № 179; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 48: «Июля в 31 д дано комендангу замочка Шпаренберха пара соболей в 8 руб. Господарю, где валентеры стояли под Биледорфом, две пары соболей по 8 руб. пара». Там же, л. 18 об.: 29 июля «в Билодорфе подвотчиком, которые великих послов везли из Миндена, дано крестинка. Июля в 31 день в Биледорфе ж (Билефельд?), где начевали валентеры, огороднику и работнице над-

во все время путешествия Петр интересовался польскими делами и как внимательно следил за ними, даже и отдаляясь все более от польских пределов. В этот день, 31 июля, проехали Ритберг и ночевать остановились в Липштадте на реке Липпе [1]. 1 августа ночлег был в городке Гамме [2]. 2 августа доехали до городка Люнена, где остановились на ночлег в доме бургомистра [3]. 3 августа сделали путь от Люнена до Шермбека [4]. На следующее утро, 4 августа, Петр расстался с послами и, опережая посольство, поспешил в Голландию, в Саардам.

XIV. ГОЛЛАНДИЯ В КОНЦЕ XVII в.

Перед всеми другими странами Западной Европы Голландия преимущественно привлекала его внимание и тянула его к себе. Что были за причины такого особенного стремления?

Прежде всего, надо полагать, наиболее раннее и более полное знакомство с этой страной еще до выезда за границу. Во внешней торговле Московского государства во второй половине XVII в. голландцам принадлежало первое место, их лучше других иноземцев далекого Запада знали в Москве, имели с ними дел больше, чем с другими, и они хорошо были представлены и в Немецкой слободе на берегах Яузы, и в Архангельске, куда приходили их корабли и где многие из них по торговым делам оставались на зиму. С молодых лет Петр видел голландцев около себя; с детства его лечил пользовавшийся большим расположением царского семейства голландец-доктор ван-дер-Гульст, со-

---

зирателнице огорода, дано 2 золотых, поваренным работницам — 4 золотых, салдатом, которые на том же дворе стояли на карауле, 4 золотых, да господину того дому 2 золотых». Из этой последней записи видно, что послы останавливались в Биледорфе в чьей-то частной усадьбе. В «Статейном списке» (Пам. дипл. сношений, VIII, 895) упоминается ночлег послов в Билефельде, а не в Биледорфе.

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 19: июля 31, «в Липштате, где великие послы стояли, трем человеком поваром дано 3 золотых, да трем работницам три крестинки.

Августа в 1 д. в Липштате ж курфирстову служителю, которой великим послом в пути в зборе подвод служил и что он же х казенным телегам три колеса кованые купил на свои деньги, дано 4 золотых да 26 крестинок. В Липштате ж огороднику того дому, где великие послы стояли, дано полторы крестинки, да подвотчиком пол-золотого, да нищим крестинка».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 19 об.: «Августа в 2 день в городке Гале Гаме), где великие послы ночевали, поваренным работником и работницам дано 8 крестинок.

В Гале ж Кирилу Баканову на деготь к валентерским возам дано крестинка, да подвотчиком 2 крестинки».

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 19 об.: «Августа в 3 д. в городке Линене бурмистру Данилу Вейману, у которого великие послы ночевали, дано 15 крестинок.

Того же числа [в] Шеренбеке подвотчиком дано ползолотого да крестинка»; там же, л. 48 об.: «Августа в 3 день в городке Шеренбеке подсудку замковому Корнилию Ригарту Фонбиренсу дано пара соболей в 8 руб.».

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 20: «Августа в 4 день в Шеренбеке ж, где великие послы стояли, поваренным работницам 5 крестинок».

провождавший царя и в обеих архангельских поездках. Первые заинтересовавшие юношу Петра сведения были сообщены ему голландцами, первые занявшие его вопросы были разрешены ими: Тиммерман, учитель математики, Карстен Брант, руководитель первых опытов мореплавания и кораблестроения, были голландцы; голландцы — корабельные мастера из Саардама строили и первые корабли, спущенные в Переяславле. Таким образом, первые иностранцы, с которыми Петр соприкоснулся в жизни и притом по самым близким и дорогим для него делам, были голландцы. Естественно предположить, что помимо тех прямых целей, для которых они призывались к царю, они в разговорах с ним в том тесном общении, какое он устанавливал с окружающими, рассказывали ему о своей родине немало интересного, поражавшего юное воображение. От них, конечно, он научился немного говорить по-голландски — единственный иностранный язык, которым он несколько владел, а знание языка уже само по себе сближало его со страной, на этом языке говорящей[1]. Любимец царя женевец Лефорт в свою очередь поддержал интерес Петра к Голландии, потому что благодаря службе в Голландии в 1670-х годах имел возможность хорошо познакомиться с нею, говорил по-голландски и должен был, кроме родины, знать эту страну лучше какой-либо другой. Семья Лефортов вообще была в сношениях с Амстердамом, и знаменитый амстердамский бургомистр Витзен, имевший связи в Москве, был другом этой семьи и поддерживал с ней переписку. Во время поездок в Архангельск Петр видел там голландский флот, заводил знакомство с его экипажами, посещал проживавших в Архангельске голландских коммерсантов. Из Голландии были получены заказанные там корабли, послужившие моделями для первого русского кораблестроения. Голландия и кораблестроение — эти два понятия должны были неразрывно быть связаны в мыслях Петра.

В беседах с голландскими друзьями любознательному Петру было что̀ послушать об их родине. Голландия во второй половине XVII в. находилась в зените своего могущества и славы. В то время это была великая морская держава, занявшая на морях первое место, потерянное Испанией с гибелью «непобедимой армады» и неоспоренное еще англичанами. Ее военные флоты были внушительной силой, которая под начальством адмирала Рюй-

---

[1] Сохранилась собственноручная записка Петра, содержащая самые элементарные фразы и слова с переводом на голландский язык русскими буквами. Например: «что это по галански — ватысь дать опъ голансъ; подай сюды — эѳь гирь; што — ватъ; это — датъ» и т. д. (П. и Б., т. I, № 218). Издатели почему-то относят эту записку к 1697—1698 гг., но оснований для такой датировки не приводят. Едва ли Петр до приезда в Голландию, общаясь постоянно с голландцами в России, не знал таких элементарных выражений по-голландски. При свидании с курфюрстом Бранденбургским и с английским королем он говорил по-голландски. Может быть, эту записку следует относить к более раннему времени, когда он только начал учиться голландскому языку. Если же она составлена в Голландии, то можно предположить, что Петр писал ее для кого-либо из бывших с ним волонтеров.

тера одерживала победы над английскими эскадрами. Военная слава Голландии особенно возросла со времени упорной борьбы, выдержанной ею против по-новому организованных армий и блестящих полководцев Людовика XIV в 1670-х годах. Ее могущество еще более упрочилось после того, как ее штатгальтер принц Вильгельм III Оранский в 1688 г. занял английский престол и соединил эти два морские государства в тесный союз против Франции. Стойкий, непреклонный характер, умевший не теряться среди несчастий и не унывать от полученных поражений, — а ему пришлось потерпеть их немало, — но умевший в то же время постоянной и упорной работой собирать средства и напрягать силы, необходимые для победы, которая, наконец, и увенчивала его труды, Вильгельм III был, как мы уже знаем, с юных лет героем Петра. Этот сухой, худощавый, скелетообразный, по выражению Маколея, человек, успевший сосредоточить в своих руках всю полноту верховной власти в республике Соединенных Провинций, сделавшийся, как его характеризуют, полновластным королем в Голландской республике и ограниченным штатгальтером в английском королевстве, был центром, душой и главным двигателем грандиозных европейских коалиций против Людовика XIV, заключавшихся в 1670-х, 1680-х и 1690-х годах, и самым популярным человеком в Европе. Никем в такой же степени не интересовалось общественное мнение, ни о ком тогда так много не говорили и не писали, как о нем, и вполне понятно, как должна была привлекать Петра мысль о личном знакомстве с тем, о ком так много приходилось слышать, кого в таких ярких чертах рисовало ему с юности воображение.

Под защитой могучего военного флота громадный торговый флот Голландии бороздил моря во всех направлениях, и Кольбер, старавшийся поднять морское значение Франции, имел основание досадовать, что из 20 000 существовавших в его время во всех странах Европы коммерческих кораблей 16 000 принадлежало Голландии. Таким образом, в руках голландского купечества было сосредоточено четыре пятых всей тогдашней морской торговли. Правда, соперничество с Англией уже началось; но направленный против Голландии, изданный Кромвелем в 1651 г. Навигационный акт, предписывавший все чужеземные товары ввозить в Англию не иначе, как на английских кораблях или на кораблях тех стран, откуда они шли, чем устранялось торговое посредничество голландцев, «морских извозчиков», как их тогда называли, не успел еще обнаружить вредных для Голландии последствий. Ведя в обширных размерах морскую торговлю, Соединенные Провинции (штаты) стремились захватить колонии в Азии, Африке и Америке и были во второй половине XVII в. главной колониальной державой. Отбирая одну за другой колонии у португальцев, Штаты приобрели владения в Ост-Индии, полуостров Малакку, остров Цейлон, Молуккские и Зондские острова; в Африке им принадлежал мыс Доброй Надежды, в Америке — остров Ямайка. Голландия стала поставщицей для Ев-

ропы, а город Амстердам главным складом шедших из этих стран света все более ценимых и распространявшихся в Европе пряностей, так называемых колониальных товаров и всякого рода заморских редкостей в области животного и растительного мира. Голландское купечество эксплоатировало колонии, организуясь в

Рис. 40. Вильгельм III Оранский, штатгальтер Голландии, король Англии

Гравюра 1724 г. с портрета работы ван-дер-Верфа конца XVII в.

торговые товарищества, из которых обороты Ост-Индской компании, основанной с капиталом из 2 150 акций по 3 000 флоринов, давали головокружительные дивиденды, доходившие в иные годы до 60—75%.

В отчаянной борьбе с нашествиями Людовика XIV Голландия под руководством Вильгельма III проявила много патриотизма, много рыцарской доблести. Страна могла гордиться подвигами

своего военного дворянства, бывшего в то время и землевладельческим классом. Но все же Соединенные Провинции, или Штаты, в XVII в. были страной ворочавшего огромными капиталами богатого купечества, и к амстердамским банкам обращались за займами целые государства. Трудолюбие населения, воспитанное и закаленное в нем вековой борьбой с морскими волнами, от которых приходилось отвоевывать каждый клочок лежащей ниже морского уровня земли сооружением громадных плотин и предохраняющих от затопления каналов, было одним из главных условий, содействовавших процветанию в Голландии наряду с торговлей также и разных видов промышленности, как добывающей, главной статьей которой был лов славившихся по Северной Европе сельдей, так и обрабатывающей, в которой первое место занимала выделка сукон и полотен. Обрабатывающая промышленность испытала особенное оживление после 1685 г., после отмены Нантского эдикта во Франции, когда множество бежавших из Франции от религиозных преследований промышленников и ремесленников гугенотов нашли себе гостеприимный приют в Голландии, научили голландцев усовершенствованным приемам производства, основали новые отрасли производства, и страна покрылась заводами и фабриками, применявшими в качестве двигателя до открытия силы пара силу ветра и имевшими вид ветряных мельниц, размашистые крылья которых составляют, кажется, необходимую принадлежность старинного голландского ландшафта. В свою очередь скопление капиталов в стране создало в ней удобную почву для развития наук и искусств, и Голландия XVII в. славилась Лейденским университетом, блистала первоклассными, пользующимися мировой известностью учеными светилами, как Гюйгенс в области математики и механики, Спиноза в философии, Гревий в филологии, как анатомы Грааф, Левенгук, Рюйш, владевший замечательным музеем искусно изготовлявшихся им анатомических препаратов. Голландия обладала тогда лучшими в Европе типографиями, в Амстердаме и Лейдене были крупнейшие книгоиздательские фирмы, с знаменитыми Эльзевирами во главе, издавались газеты. Позже значение Амстердама как главного европейского книжного центра перешло к Лейпцигу. Из искусств особенные успехи делала живопись, в области которой создалась особая голландская школа живописцев, для характеристики ее достаточно назвать имя Рембрандта.

Население Соединенных Провинций довольно легко справилось с материальными невзгодами продолжительных войн, не подорвавшими, однако, благосостояния страны. Приток земных благ со всех концов мира был так значителен, что с избытком покрывал все причиненные войной ущербы. Взоры чужеземных путешественников, попавших в нее в 1697 г., Голландия могла поразить размерами и силой капитала, торговым и промышленным оживлением, процветанием науки и искусства. Это сытое благополучие виднелось во всем, что начинало окружать путешественника, вступавшего тогда на территорию Голландии; в величе-

ственных и изящных постройках ее городов, в роскоши обстановки городской жизни, в великолепном внутреннем убранстве жилищ, украшенных недюжинными произведениями искусства и художественного ремесла, с затейливыми изразцами каминов, с резными потолками и плафонной живописью, в бесконечном множестве на столь небольшой территории фабрик, заводов и мастерских, в сочной зелени травы на тучных, обильно орошаемых, перерезанных каналами, так ярко изображенных на пейзажах Рюисдаля лугах, где пасется сытый породистый скот, экземпляры которого перевозились на север России и там создали улучшенную холмогорскую породу, в роскоши перенесенных из заморских стран цветочных культур гиацинтов, тюльпанов и нарциссов, пестревших в садах, словом, в том изобилии сосредоточенных на небольшом пространстве всяких земных благ, которое глядит на нас с бесчисленных полотен, живо изображающих дразнящие вкус груды разного рода морской рыбы и всякой живности, гроздья спелого винограда, сочные редкостные фрукты, светлое рейнское вино в хрустальных бокалах и упитанное всем этим обнаженное, полное, пышущее здоровьем и довольством человеческое тело, с таким совершенством передаваемое мастерами фламандской и голландской школ.

XV. ПЕТР В СААРДАМЕ

В таких или приблизительно в таких чертах могли изображать Петру его голландцы-друзья свою родину. Но Петра манила в Голландию не только слава ее военных успехов и ее морское могущество, не только слышанное им о развитии ее промышленности и торговли, — его влекли туда также и обстоятельства текущего момента, заставившие его изменить намеченный ранее маршрут путешествия и вместо Вены поспешить в Голландию. Как раз в то время в Рисвике близ Гааги собирался конгресс представителей великих тогдашних европейских держав для выработки условий мира, который должен был закончить войну коалиции против Людовика XIV. На конгресс съезжались виднейшие дипломаты Европы. Петр, конечно, стремился поработать и поучиться кораблестроению на голландских верфях, но его очень занимали также и вопросы внешней политики. Его главным интересом тогда была война с турками, и успех под Азовом окрылял его стремление довести войну против турок до конца. Война эта, как мы видели, вызвала новую крупную задачу для государства — сооружение флота. Личное знакомство с Западной Европой и в особенности с Голландией должно было прежде всего открыть царю новый источник средств для организации направляемых против турок военных сил; он искал там необходимых для этой организации знаний, старался привлечь для руководства военными силами сведущих людей, обратился к Западной Европе за техническими усовершенствованиями. Турецкой войной опре-

делялся его интерес к событиям в Польше, за которыми он так внимательно следил; отсюда же его осторожность при заключении договора с курфюрстом Бранденбургским, вызванная боязнью чем-либо повредить отношениям России к Польше и Швеции, что отразилось бы крайне невыгодно на турецкой войне. Понятно поэтому стремление Петра крепко поддерживать существующий союз против турок и приобретать новых союзников и его надежда достигнуть в этом отношении успеха и заручиться новыми союзами при таком благоприятном случае, какой представился Рисвикским конгрессом.

Всеми этими стремлениями и объясняется желание Петра скорее попасть в Голландию и то нетерпение, которое он проявил расставшись с послами и опередив их. Итак, утром 4 августа он покинул их в Шермбеке (Schermbeck): «отсель поехал Десятник иным путем, а послы остались», — как обозначает эту разлуку «Юрнал»; а в «Статейном списке» мы находим также указание на нее в записи: «Августа в 4 день из Шеренбека Преображенского полку начальные люди и салдаты (Петр с волонтерами), наняв подводы, поехали в Галанскую землю иным путем». Им был выдан послами общий паспорт: Преображенского полка урядникам и солдатам «Гаврилу Кобылину с товарищи десяти человеком, которым велено ехать для науки морских художеств и воинских дел» [1]. Весь отряд, с которым спешил Петр, состоял из 18 человек волонтеров и их прислуги [2]. В тот же день, 4 августа, отряд приехал «на реку», т. е. на Рейн, несколько выше городка Ксантена (Xanten); наняли лодку-«фартку», отправились вниз по течению, и взорам Петра, видавшим ширь Волги, прелесть тихого Дона, угрюмое величие Северной Двины, стали открываться живописные берега Рейна с их виноградниками и замками. Миновав Ксантен, отряд к вечеру 4 августа прибыл к городку Реесу (Rees), где остановились на ночлег, наняв для продолжения пути судно бо́льших размеров, одномачтовое, с высоким бортом — шмак (Schmacke). 5 августа [3] путешественники встали в четвертом часу утра, в пятом двинулись в путь, проплыли мимо городка Грита (Grieth); в девятом часу высаживались в городке Эмерихе (Emcrich) и заходили в католическую церковь по случаю успеньева дня по новому стилю. Пообедав в Эмерихе, пошли далее в новом судне — боте, наняв его до Саардама, бывшего целью путешествия. В полдень миновали городок Серемберх, затем проплыли мимо Элтеренберга и достигли первого городка на голландской территории Шенкеншанца (Schenkeschanz) — поэтому, вероятно, замечание о нем в «Юрнале» подробнее, чем о других: «В том городе бургоров (т. е. бурграф), стоит тот город

---

[1] Походный журнал 1697 г., стр. 21; Пам. дипл. сношений, VIII, 904—906.

[2] Походный журнал 1697 г., стр. 24: «а с нас, 18 человек (пошлины), полпол-четыре копейки взяли».

[3] Этот день ошибочно помечен в «Юрнале» 3 августа. Но под этим же числом говорится, что это был успеньев день «по новому», т. е. по новому стилю 15 августа, следовательно, 5-е по старому стилю.

на правой стороне (Рейна)». Сделана была остановка: «И тот час пошли в город гулять» и затем в «Юрнале» записан любопытный разговор в трактире с одной женщиной, показывающий, какие слухи вызывал предстоящий приезд русского посольства в простом народе тех стран, куда оно направлялось: «и пришли в горбор (герберг — трактир), где пришед старая баба спрашивала: какие вы люди? И по многом спросе, спрашивала: христиане ли вы? мы де слышали, что ваших послов в Клеве крестить станут». Побыв в городе с полчаса, поехали далее, обратили внимание на замок Бранденбургского курфюрста («город Бранденбургский») на левой стороне и к 6 часам прибыли в город Арнгем (Arnhem), где ночевали. 6 августа двинулись из Арнгема в шестом часу утра и проплыли под мостом, соединяющим оба берега Рейна ниже этого города; перед полуднем миновали городок Вагининген (Wageningenn) на правом берегу; в полдень для закупки приставали в городке Вике, о котором в «Юрнале» отмечено: «Сказывают, что тот город зело стар в Галандии». В четвертом часу пополудни прошли мимо города Кюленбурга (Kuilenburg), «про которой сказывали, — повествует «Юрнал», — кто в Галанской земле что сворует и тут уйдет, выдачи нет (право убежища); да и потому знать мочно, что близко у города видели виселицу, на которой цепей с 20 и потому, знать, немного добрых людей». Спускаясь ниже, прибыли к городу Фиот (Vianen?) на левом берегу и пристали к расположенной против него на правой стороне Рейна деревне Фурт. У этой деревни из Рейна вступили в канал, «проехали прокопами, — по выражению «Юрнала», — и въехали в шлюз в 6-м часу вечера». Двигаясь по каналу конной тягой, наняв для этой цели лошадей, путешественники в восьмом часу вечера прибыли в поразивший их своей величиной и стариной Утрехт, «город зело великий старого дела». И здесь, проплыв «мимо города рвом», ночевали. 7 августа, в субботу, продолжали путь каналами с шестого часа утра. В десятом часу утра достигли деревни Ниушлейз (Niuwersluis), где для сокращения пути свернули из большого канала влево в малый; отъехав немного, завидели Амстердам [1]. Но стремление Петра к намеченной цели путешествия, к Саардаму, было так сильно, что в столице Голландии он не остановился, и, оставив там 12 из своих спутников, с остальными спешил далее. Однако в тот же день, 7 августа, достигнуть Саардама ему не удалось и пришлось заночевать неподалеку от него в Ост-Занском Овертоме [2]. 8 августа, в воскресенье, в 8 часов утра он был, наконец, у желанной цели — в Саардаме. День и час его прибытия удостоверен записью, сделанной пастором лютеранского прихода в Саардаме, в церковной метрической книге, гласящей, что «минувшего 18 августа (8 по ст. ст.) в 8 часов

---

[1] Походный журнал 1697 г., стр. 21—24.

[2] Oostzaner Overtoom — местечко на берегу залива Эй в расстоянии одной мили от Заандама. «Записки Я. К. Ноомена», перев. Кордта, Киев, 1904, стр. 22.

Рис. 44. Утрехт
Гравюра Лейцеля начала XVIII в.

утра царь и великий князь московский Петр Алексеевич на кельнской шкуте с 6 московитянами прибыл сюда, в Саардам, инкогнито и жил 8 дней в Кримпенбурге у кузнеца, работавшего на Бойя Тийссена; после того отправился в Амстердам, куда пришло его великое посольство. Он 7 футов ростом, ходил в одежде саардамских крестьян; плотничает на адмиралтейской верфи и большой охотник до кораблей»[1].

Что же такое был этот столь манивший к себе Петра Саардам, как его называли тогда, или Заандам, как его теперь называют, и почему Петр направлялся именно туда, а не в какой-либо другой пункт Голландии? На выбор этого места для корабельной работы повлияли, надо полагать, рассказы, находившихся в России голландцев, тех из них, которые оказывались из саардамских мест и потому особенно восхваляли свой родной уголок. В Саардаме, расположенном к северо-западу от Амстердама на берегу морского залива Эй, и в соседних с ним местечках Коге, Ост-Занене, Вест-Занене и Зандике в XVII в. было распространено в обширных размерах кораблестроение. Здесь было до 50 верфей, где сооружались суда всевозможных размеров, начиная от больших кораблей, предназначаемых для далекого морского плавания, и кончая простыми барками. Работа шла быстрыми темпами, так что одна верфь, например, успевала спустить в 22 месяца до 20 больших кораблей, что не должно нас, впрочем, удивлять, так как суда в то время строились только из дерева. В свою очередь кораблестроение, развившееся в этом уголке Голландии, вызвало целый ряд связанных с ним и обслуживавших его нужды производств: здесь было до 200 «мельниц», на которых распиливался лес, более 150 фабрик, выделывавших масло, до 60 очищающих ячмень, до 40 бумажных мельниц, несколько табачных мельниц, много фабрик, изготовлявших паруса, канаты, якоря, краски и т. п. Местечки были населены многочисленным рабочим людом, привлекаемым сюда хорошим заработком. Здесь же жили и видные коммерсанты, занимавшиеся морской торговлей[2], в числе которых пользовались известностью купеческие фамилии Кальфов, Блумов и др. Занландские местечки представляли, таким образом, как бы один шумевший оживленной работой заводский и торговый поселок. Но личный опыт скоро заставил Петра понять сделанную им под влиянием непроверенных рассказов бывших в России голландцев ошибку и всю случайность выбора, и он скоро ее исправил, перебравшись в Амстердам, где условия прохождения практического курса кораблестроения оказались гораздо благоприятнее и где работать было удобнее.

Петр пробыл в Саардаме неделю — с 8 по 15 августа. Описание его житья там сделано современником и очевидцем, жителем Саардама, купцом и членом саардамской городской или деревен-

[1] *Scheltema*, Anecdotes historiques, 414; *Устрялов*, История, т. III, стр. 399.
[2] *Scheltema*, Rusland en de Nederlanden, II, bijlage XVI; «Anecdotes historiques», 425—427; *Устрялов*, История, т. III, стр. 61.

ской управы Яном Корнелисзооном Ноомен в составленных им записках [1]. Записками этими в значительной мере воспользовался голландский ученый конца XVIII и начала XIX в. Схельтема (Scheltema, род. 1767 г.), занимавший в 1805—1813 гг. должность мирового судьи в Саардаме, в своем сочинении «Peter de Groote, Keizer van Rusland in Holland en te Zaandam in 1697 en 1717». Te Amsterdam 1814. 2 vol. [2].

Кроме записок Ноомена Схельтема для своего рассказа о пребывании Петра в Саардаме пользовался, судя по его показаниям, записной книжкой также современника — Корнелия Кальфа, одного из виднейших саардамских коммерсантов. Кроме того, живя как раз в Саардаме, на месте описываемых происшествий, он собирал рассказы и предания, сохранившиеся о Петре Великом у местных жителей; наконец, у него под руками была, правда, очень скудная, печатная литература о Петре, какая существовала в его время [3].

Руководясь журналом Ноомена, Схельтема день за днем описывает жизнь Петра в Саардаме, вставляя в это описание рассказы, почерпнутые из местных преданий и давно уже ставшие достоянием школьных хрестоматий. Вот в краткой передаче сообщаемые им факты. Приехав в Саардам 8 августа утром, Петр поселился в малолюдной части городка на Кримпе в маленьком деревянном в два окна домике с черепичной кровлей, разделенном на две комнатки с изразцовой печью, с глухой каморкой для кровати, принадлежавшем кузнецу Герриту Кисту, ранее работавшему в России и встреченному будто бы царем и его спутниками утром же 8 августа при их приближении к Саардаму в то время, как он

---

[1] «Записки Я. К. Ноомена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг.», перев. В. Кордта, Киев 1904 г.

[2] Сочинение это было поднесено автором императору Александру I при посещении им Саардама и домика Петра Великого в 1814 г. Оно было затем повторено вторым изданием с значительными дополнениями под новым заглавием: «Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzel ver wederkeerige betrekkingen», Te Amsterdam 1817—1819, 4 vol. В 1842 г. был сделан перевод первого издания на французский язык под заглавием «Anecdotes historiques sur Pierre le Grand et sur ses voyages en Hollande et à Zaandam dans les années 1697 et 1717 par I. Scheltema, traduite par N. P. Muilman, Lausanne 1842. Извлечения из первого издания были напечатаны на немецком языке в журнале «Minerva» за 1816 г. (11) и на русском языке за тот же год в «Духе журналов», ч. XI, XII и в «Сыне отечества», ч. 82. В новейшее время перевод первого издания (существенной его части) сделан Лацинским в «Русской старине» 1916 г., январь — апрель 1917 г.

[3] Между прочим, как это доказано Веневитиновым, Схельтема пользовался также вышедшим до появления его книги сочинением Меермана: *Meerman*, Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand, principalement en Hollande, Paris 1812. Эта брошюра Меермана (1753—1815 гг.) заключает в себе речь, дважды произнесенную им в 1811 г. в обществах словесности в Гааге и Лейдене. В рассказе о пребывании в Голландии великого посольства Меерман основывается на официальных документах, извлеченных им из нидерландских архивов; в этом и заключается ценность его труда. О Меермане, о его брошюре и других литературных работах и об отношении его брошюры к книге Схельтемы см. *Веневитинов*, Русские в Голландии. Великое посольство 1697—1698 гг., М. 1897 г.

Рис. 12. Дом, в котором Петр I жил в Саардаме (наружный вид)

Рис. 13. Дом, в котором Петр I жил в Саардаме (внутренний вид)

сидел в лодке и занимался ловлей угрей. Русские окликнули его; он был очень удивлен, узнав московского царя, а Петр заявил ему, что ни в чьем другом доме не поселится, как только в его. Этот известный домик сохраняется теперь в Саардаме как достопримечательность. Так как день приезда пришелся в воскресенье, то Петр провел его, тяготясь невольной праздностью и будучи недоволен скоплением свободного от работы народа, собравшегося поглазеть на приехавших иностранцев. Можно думать, что в тот же день, 8 августа, в воскресенье, он посетил Антония ван Каувенгоофе, заандамского сторожа, сын которого жил в Московии в качестве мастера на лесопильной мельнице. «В то время как великий князь, — пишет Ноомен, — находился в доме Каувенгоофе, пришел туда domine Иоан Фергер, здешний пастор в Вест-Заандаме, вместе с одним из старшин, чтобы навестить его, и Каувенгоофе сказал им незаметно: «Обратите особенное внимание на самого высокого среди них. Когда они уедут, я вам сообщу, что это за знатный господин; пока же они находятся здесь в наших краях, нам о том говорить нельзя» [1]. В понедельник 9 августа царь зашел в лавку вдовы Якова Оомеса и накупил большое количество необходимых для корабельной работы плотничных инструментов и в тот же день под именем Петра Михайлова был принят работником на корабельную верфь Липста Рогге, расположенную на Бейтензаане. 10 августа, во вторник, он купил у красильщика Вильгельма Гармензоона весельную лодку, заплатив за нее после долгого торга 40 гульденов с придачей кружки пива, которую он и роспил с продавцом в одном из трактирчиков близ Овертоома. На 9 или 10 августа Ноомен относит неприятное приключение с Петром, вызвавшее вмешательство городской администрации. Возвращаясь с верфи, Петр купил себе слив, положил их в шляпу и ел дорогой. На плотине, ведущей к Зюйдейку, к нему пристала толпа мальчишек. «Заметив несколько детей, — пишет Ноомен, — которые ему понравились, он сказал: «Человечки, хотите слив?» и дал им несколько штук. Тогда подошли другие и сказали: «Господин, дай нам тоже что-нибудь», но он этого не хотел исполнить. Его, видимо, забавляло, что он часть детей обрадовал, других же раздразнил. Но некоторые мальчуганы рассердились так сильно, что начали бросать в него гнилыми яблоками и грушами, травой и разным мусором; более того, один мальчик на Зюйдейке попал ему в спину даже камнем, который причинил ему боль, и это вывело его из терпения. У шлюза на Горне, наконец, комок земли с травой попал ему прямо в голову, и тогда он сильно рассердился и сказал: «Разве здесь нет бургомистров, которые смотрели бы за порядком?» [2]. Некоторые из граждан, прибавляет к этому рассказу Ноомена Схельтема, бывшие свидетелями этого происшествия, сочли с своей стороны необходимым сообщить об этом в магистрат. В городке

---

[1] *Ноомен*, Записки, стр. 23—24.
[2] Там же, стр. 27—28.

начали уже говорить, что пострадавший — ничто иной, как царь московский.

В среду 11 августа, как сообщает Схельтема, подозрения саардамцев, что в числе прибывших москвитян находится сам царь, получили еще новое основание. В цирульне некоего Помпа было прочтено письмо, полученное одним саардамским жителем от сына, жившего в России, с известием, что в Саардам едет царь и с указанием примет, по которым можно будет его узнать. Случайно вскоре же после прочтения этого письма в цирульню зашли иностранцы, и хозяин узнал в одном из них как раз те приметы, которые были указаны в письме: высокий рост, трясется голова, размахивает при ходьбе правой рукой, небольшая бородавка на правой щеке. Цирульник поспешил сообщить согражданам о своем открытии. Некоторые, все еще неверившие слухам, стали расспрашивать Геррита Киста, в доме которого жил Петр. Кист не выдавал тайны; но жена его Неэль Макс, обращаясь к мужу, сказала при этом: «Геррит, я терпеть не могу, когда вы грешите против правды». Ноомен рассказывает, что в этот день, 11 августа, царь был в кофейне «Трех лебедей» (De drie Zvanen). Один шкипер, часто плававший в Московию, стоял тут же на Дамме (плотине) среди многих знатных особ и предложил выяснить, очевидно, волновавший толпу вопрос о таинственном незнакомце, сказав: «Я вам могу точно сообщить, царь это или нет, только бы мне взглянуть на него». Войдя в кофейню, он сразу узнал царя, который в это время пил здесь чай; тотчас же вернувшись к толпе, шкипер громко закричал. «Конечно, это царь; это так же верно, как то, что все мы еще живем на земле, я-то знаю московского царя, как нельзя лучше». Между тем прибыл с двухчасовым судном из Амстердама бургомистр Алевин-Виллемзоон Иоор. Получив сообщение о случившемся, он зашел в книжную лавку близ Овертоома, чтобы написать соответствующее объявление и по совещании со встреченным там Иоанном Корнелисзooном Нооменом, членом магистрата, автором записок, в тот же день, 11 августа, обнародовал через глашатая следующее объявление: «Бургомистры, узнав с прискорбием, что дерзкие мальчишки осмелились бросать камнями и разною дрянью в некоторых знатных особ иностранцев, строжайше запрещают это всем и каждому под угрозой наибольшего наказания, которое установлено, причем виновные будут выданы благородному господину бальи. Пусть каждый будет предупрежден и остерегается позора и убытков». Это выкрикивал, рассказывает Ноомен, деревенский глашатай, ударяя в медный таз, по всем улицам, начиная от шлюза на Горне, перед и за Даммом до реформатской церкви Креста, и на многих это произвело сильное впечатление [1]. Вследствие жалоб царя на стечение любопытных, постоянно толпившихся перед домиком Киста, бургомистр велел поставить часовых на мосту, ведущему на Кимп. В тот же вечер царь был у знат-

[1] *Ноомен,* Записки, стр. 29—30.

нейшего саардамского купца Корнелия-Михельзоона Кальфа. Он был приглашен к столу; но, так как в то же время к Кальфу пришли в гости другие почетнейшие, купцы, то царь, поблагодарив хозяина, отказался от стола, но съел несколько конфет и выпил тонкого ликера. Заметив в числе собравшихся бургомистра Иоора, только что обнародовавшего приведенное выше объявление, Петр вежливо снял перед ним шляпу. Бургомистр Иоор и член городского управления Клаас-Арендсзоон Блум спросили бывшего при Петре переводчика: «Не пожелает ли его господин сделать им честь откушать завтра с ними рыбы, приготовленной по заандамски?», — на что Петр велел ответить, что господин их еще не приехал, и отказался от приглашения.

В четверг 12 августа, по рассказу Схельтемы, Петр в сопровождении купца Мейнерта-Арендсзоона Блума, сделавшего визиты москвитянам и любезно предлагавшего им занять его просторный дом с фруктовым садом, на что они ответили, что они не какие-нибудь знатные господа, а маленькие люди и потому довольны своими жилищами, отправился на парусной лодке вверх по Заану, осматривал расположенные по берегам Заана фабрики и мельницы и, заметив одну, вновь строящуюся, не утерпел, чтобы не поработать над ее постройкой самолично. Эта мельница во времена Схельтемы носила название «de Grootvorst» («Великий князь»). В этот же день царем был куплен у Дирка Стоффелсоона буер (парусное судно) за 425 или 450 гульденов [1], и к нему он приделал собственноручно новый бушприт — мачту на передней части. На буер взят был кают-юнгой Геррит Муш, брат известного Петру еще в России и умершего там Клааса Муша, вдове которого царь оказывал денежную помощь. Петр вообще проявил большое участие к этой семье.

Между тем молва о загадочном плотнике, работавшем на саардамской верфи, стала распространяться и в Амстердаме. По свидетельству Ноомена, на амстердамской бирже все интересовались этим, ставили большие деньги и бились об заклад, действительно ли это великий царь или же один из его послов. Негоциант Адольф Гоутман, неоднократно принимавший Петра в своем доме в Архангельске, прислал в Саардам своего приказчика Якова Избрандеса, чтобы проверить слухи. Приказчик, увидев царя издали, тотчас же узнал его, но не осмелился заговорить с ним. Совершенно растерявшись, он, по свидетельству Ноомена, был совсем ошеломлен при виде царя; бледный, как мертвец, в сильном волнении он мог только произнести: «Да, это, конечно, великий князь, я не ошибся; но какими судьбами он здесь?» [2] Он поспешил вернуться к своему хозяину, чтобы сообщить ему достоверные сведения. Гоутман сел на отходящее в 2 часа дня парусное судно и отправился в Саардам. Вместе с другим крупным негоциантом, торговавшим в России, Воутер-де-Ионг, они вскоре

---

[1] Ноомен дает цифру 425, Схельтема — 450 гульденов.
[2] *Ноомен*, Записки, стр. 32.

представились царю. Они не могли не высказать ему откровенно, как они поражены, найдя его здесь и в этой одежде. «Ну, как видите», — ответил им царь, принимая их очень милостиво.

Устроив купленный накануне буер, Петр в пятницу 13 августа[1] утром, около 4 часов, отправился на нем в плавание и, стоя у руля, носился на парусах то по Заану, то по заливу Эй. Около полудня он поплыл к Бинnензаану в сопровождении Корнелия Кальфа, у которого он в этот день и обедал. После обеда снова подняли паруса и направились к Фоорзану и к заливу Эй. К буеру царя стало присоединяться много других саардамских яхт и увеселительных лодок, переполненных любопытными. Петр пристал к берегу и скрылся в гостиницу на полдороге от Гаарлема. Он бросал гневные взоры на тех любопытных, кто подходил к нему слишком близко и заглядывал ему прямо в лицо. Корнелию-Альбертзоону Блоку, называемому также Корнелием Марсеном, хотелось все-таки взглянуть на царя, как можно ближе; за то он и получил от него здоровый удар по голове. Кто-то из толпы закричал: «Ну, вот, Марсье, ты пожалован в рыцари»; это прозвище «рыцарь» с тех пор так за ним и осталось. Число любопытных не уменьшалось, и Петр мог вернуться в Саардам только под покровом ночи.

В субботу 14 августа Корнелий Кальф спускал большое вновь построенное судно, и Петр был приглашен на это зрелище, которое могло быть для него интересным. «Заландские местечки, где строились суда, — разъясняет Устрялов, — по примеру всей Голландии, ограждены были от напора морских волн плотиной, вышиной в 7 футов, шириной в 150, со многими шлюзами; мелкие суда легко проходили ими из Бинnензана (внутреннего зана) в Фоорзан (внешний зан) и оттуда в залив; но большие корабли надлежало поднимать на плотину, перетаскивать через нее на пространстве 20 сажен по устроенной для того нарочно деревянной настилке и потом снова спускать для вывода в залив; этим делом, многотрудным и опасным, занималась особая компания, получавшая за каждое судно, смотря по величине, от 50 до 250 гульденов»[2]. На 14 августа и назначено было перевести из Бинnензана в Фоорзан корабль, построенный Кальфом. Муниципалитет Саардама пригласил царя в полной уверенности, что он будет очень доволен случаем присутствовать при этом опыте применения могущественного действия механических сил. Были приняты все меры к ограждению царя от любопытных, и для него и его свиты было отведено место, огражденное палисадами и охраняемое часовыми. Петра приглашали также после спуска корабля на обед, устраиваемый по этому случаю. Присутствовать на спуске он согласился, но от

---

[1] Ноомен относит этот эпизод к 12 августа. День 13 августа совсем отсутствует в его журнале, тогда как датой 12 августа обозначены два эпизода: встреча с Яковым Избрандесом и поездка по заливу Эй. Правильно относить последнюю к 13 августа, как это делает Схельтема.

[2] *Устрялов*, История, т. III, стр. 68—69.

обеда отказался, ответив уклончиво: «На этой неделе не могу, может быть, на будущей неделе».

Однако наплыв любопытных, прибывших из Амстердама и окрестных мест, был так велик, что скоро все принятые меры оказались тщетными: поставленные палисады были тотчас же опрокинуты, а часовые сбиты со своих мест. Царь, увидя все крыши и окна облепленными людьми, был так разгневан, что решил оставаться дома. Явились бургомистры, бальи, члены совета с приглашением пожаловать, предлагая отвезти его на его яхте к одному дому, из окон которого ему будет все видно и в то же время никто не будет его тревожить. Петр сначала было согласился и стал одеваться, говоря: «Straks, straks» («Сейчас, сейчас»). Но, взглянув на улицу и увидав громадную толпу, он воскликнул: «Слишком много народу, слишком много», и с гневом захлопнул дверь. Члены городского управления принуждены были удалиться в большом огорчении; корабль был спущен без Петра, и тысячи народу, пришедшего со всех сторон в Саардам, чтобы увидеть здесь русского царя, были сильно разочарованы в своих ожиданиях.

В воскресенье 15 августа Петру надо было ехать в Амстердам, куда на следующий день должно было прибыть великое посольство. Между тем благодаря свободе от работ приток любопытных был особенно велик, и ничто не могло защитить царя от толпы. В народе говорили по этому поводу, что «было многолюднее, чем на ярмарке», а сказать это в Саардаме, куда на ярмарку стекалась масса народу, значило очень много. Уже утром на Кримпслооте появилось несметное число лодок, переполненных людьми, и с часу на час стечение народа увеличивалось. Часовые были поставлены на местах в удвоенном числе, но это не оказало никакого действия. Петр, не решаясь выйти из дому, с ужасом смотрел на скопление народа, которое вызывало в нем сильнейшее нервное волнение, перешедшее, наконец, в какое-то исступление. Сообщили об этом членам магистрата, прося их о принятии мер против ужасающего наплыва народа на улицах. Но и магистрат был бессилен что-либо предпринять против все более и более возраставшего потока людей, прибывающих со всех сторон. Наконец, было решено царскую яхту с того места, где она обыкновенно стояла, у шлюза Горна, подвести ближе к жилищу царя, и уже после того, как очистили дорогу, насколько это представлялось возможным сделать, царь вышел из дому и направился к своему буеру через небольшой мост на южной стороне Кримпа, с трудом пробираясь через толпу, а иногда даже с силой расталкивая ее, когда ему совсем загораживали дорогу. Не раньше, как к часу дня царь добрался до своей яхты. Дул сильнейший ветер, и Петру делались по этому поводу предупреждения. Это, однако, не остановило его, он ничего не хотел слушать, пустился в море и к 4 часам дня, сопровождаемый саардамскими яхтами, был уже в Амстердаме. Он остановился в Геррен-Ложементе, гостинице, назначенной для русского посольства, где

он нашел уже несколько человек из состава посольства, прибывших отдельно.

В течение недели своего житья в Саардаме Петр посвящал много времени подробному осмотру верфей, фабрик, мастерских, складов и т. п. «Он посетил, — говорит Схельтема, — масленую, пильную и бумажную мельницы, а также канатную и парусную фабрики, наконец, железные и компасные мастерские. Повсюду он проявлял необыкновенную любознательность и часто спрашивал о том, что̀ значительно превышало познания тех, к кому он обращался с расспросами. Его тонкая наблюдательность и особый дар понимания не уступали его необыкновенной памяти. Многие поражались также особой ловкости его в работе, которой он превосходил иногда даже более опытных в деле людей. Так, рассказывают, что находясь на одной бумажной мельнице и осмотрев все интересовавшее его, царь взял из рук мастера форму, которой тот черпал бумажную массу, и отлил такой образцовый лист бумаги, что никто другой не сумел бы сделать это лучше. Сам царь так был доволен этим опытом, что подарил мастеру райхсталер, — такая щедрость была тем удивительнее, что царь обычно проявлял скорее скупость, чем расточительность»[1].

Часы досуга Петр проводил, посещая семьи саардамцев, работавших в России, и других, с которыми познакомился на месте. Так, по рассказу Ноомена и Схельтемы, он заходил к вдове Марии Гитманс, которая угощала его можжевеловой водкой, которую он выпил с большим удовольствием. У жены корабельного мастера Яна Ренсена, которого царь очень ценил, он обедал. Раз он встретил жену Ариена Меетье, также работавшего в России, которая спросила его про мужа. Царь отвечал, что отлично его знает, потому что вместе с ним работал на корабле. Она спросила его: «Разве и он также корабельный плотник?», — на что он отвечал с довольным видом: «Да, я также плотник». Когда он зашел к вдове умершего в России Клааса-Виллемзона Муша, которой раньше была им послана денежная помощь в размере 500 гульденов, вдова, предупрежденная о его визите, обратилась к нему с просьбой передать царю ее почтительнейшую благодарность за полученную помощь, на что Петр ответил, чтобы она была спокойна, что все это будет доложено царю. Он принял весьма охотно ее предложение остаться у нее откушать хлеба-соли.

Так описана в записках Ноомена и в книге Схельтемы проведенная Петром в Саардаме неделя. Во всех этих рассказах нет ничего неправдоподобного, хотя и нет возможности некоторые из них подтвердить чем-нибудь документальным, безусловно достоверным. Но, разумеется, то, что почерпнуто Нооменом от других лиц и Схельтемой из собранных местных преданий, могло преломиться и исказиться в подробностях, в особенности в подробно-

[1] *Ноомен*, Записки, стр. 21—38; *Scheltema*, Peter de Groote I, 99—122; «Rusland en de Nederlanden», II, 144—169; «Anecdotes historiques», 81—97; *Лапинский*, «Русская старина», 1916, январь, стр. 13—24, 17.

стях относительно лиц и сказанных Петром его собеседникам слов, могло принять характер анекдота, как, например рассказ о встрече с Герритом Кистом при въезде в Саардам. Все же эти рассказы дают возможность составить, хотя бы в общих чертах, вполне достоверное представление о неделе, проведенной Петром в Саардаме. Он приехал туда 8 августа, в воскресенье, с небольшой свитой и поселился в известном домике на Кримпе. С 9 августа он начал работать на одной из корабельных верфей. Время, свободное от работ, он посвящал осмотру фабрик, мельниц и мастерских. Часы отдыха он проводил, бывая у местных жителей, в особенности в тех семействах, члены которых работали в России, или катаясь на приобретенных им лодках. Появление далеких иноземцев, необычайное для маленького голландского местечка, привлекало толпу любопытных тем более, что с прибытием их стали распространяться слухи, что в их среде находится сам царь московский. Эта толпа назойливых зрителей раздражала Петра и делала для него житье в Саардаме невыносимым. 15 августа он отправился в Амстердам, чтобы присутствовать при встрече великого посольства, которая должна была состояться на следующий день.

XVI. ПУТЬ ПОСОЛЬСТВА ДО АМСТЕРДАМА. ВЪЕЗД В АМСТЕРДАМ. ПЕРВЫЕ ДНИ В АМСТЕРДАМЕ

Мы оставили великих послов после их разлуки с Петром в Шерембеке 4 августа. Посольство двигалось гораздо медленнее и более далеким путем и на тот переезд до Амстердама, который был сделан Петром в 4 дня, оно употребило 12. 4 августа, двинувшись из Шерембека, оно прибыло в Везель, где останавливалось до 6-го[1], отпустив вперед обозы. 5 августа послы развлекались здесь осмотром арсенала, видели «ружье и всякие воинские орудия». 6-го переправились под Везелем через Рейн и продолжали двигаться сухим путем левым берегом Рейна на Ксантен, где осматривали церковь и обедали у советника курфюрста Бранденбургского Беккера[2], далее, на Вест и Клеве, куда прибыли в

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 48 об.: «Августа в 6 д. в Везеле, где великие послы стояли за подводами два дни, господарю (хозяину двора) дано две пары соболей по 8 руб. пара». Там же, л. 20: «Августа в 5 д. в Везеле подвотчиком дано 3 крестинки. Августа в 6 д. в Везеле ж служителем и поваренным дано 3 золотых, да салдатом, которые у посолских дворов на карауле стояли, 5 золотых; алтерейщиком, которые великим послом показывали в цекаусе ружье и всякие воинские орудия, 10 золотых; господину, где великие послы стояли, 3 золотых, да работником 2 крестинки».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 20: Августа 6 «в городе Санкте в кирхе плебану и прочим служителем, что великим послом оказывали разные костелные вещи, дано 10 золотых. Да в дому курфирстова служителя Бекера, где великие послы обедали, поваренным людем 6 золотых, да работнику 5 крестинок». Там же, л. 48 об.: «Августа в 11 д. в Клеве дано курфирстову советнику Бекерю, у которого великие послы в Санктене обедали, пара соболей в 8 руб., касяк камки». Там же, л. 20 об.: «Того же числа, как выезжали великие послы в Клеву, роздано милостыни 2 золотых да 17 крестинок».

тот же день, 6 августа, и здесь опять сделали продолжительную остановку.

Между тем правительство Голландских Штатов еще с июня, когда получена была царская грамота о предстоящем приезде русского посольства, посланная в начале июня из Кёнигсберга [1], стало делать приготовления для его приема. Отпущены были необходимые кредиты, заготовлено было помещение в Гааге, для чего правительством были наняты лучшие гостиницы «Старый» и «Новый Дулен» [2], отданы были распоряжения о встрече посольства в голландских городах и о средствах его передвижения. Заведовать приготовлениями поручено было интенданту или церемониймейстеру Штатов фон Динтеру. Часть посольской свиты, отделившаяся от послов и направленная через Любек, к августу уже прибыла в Амстердам, и амстердамский магистрат получил предписание отыскать ей приличное помещение. Когда великие послы 6 августа после полудня приехали в Клеве, к ним приходил амстердамский житель как его называет «Статейный список» — Захарий Захарьев сын Дикс, поздравлял их от имени Штатов с прибытием и объявил, что в пограничном городе Нимвегене все готово для их приема. На следующий день, 7 августа, явились к послам от штатгальтера Вильгельма III, английского короля, бароны фон Ваттендонг и фон Ринем поздравить с приездом и говорили, что король ныне находится в Гааге и, узнав, что с посольством находится сам царь, желает с ним видеться. Послы в ответ просили передать королю их благодарность и доложить, что они с радостью готовы видеть королевские очи, но что великого государя при посольстве нет. Этим, однако, переговоры о свидании не кончились. 9 августа туда же в Клеве приехал к послам новый уполномоченный от короля барон фон Розендаль, «судья над Арнгеймом», возвестивший им, что король с ними, послами, видеться хочет, а пребывает в своем замке Лове (Loo). Послы ответили, что они за королевского величества жалованье челом бьют и очи его видеть рады, но просят его приказать им явиться на свидание после того, как они приедут в Амстердам, теперь же им ехать к королю невозможно, потому что все посольские дворяне и багаж отпущены уже в Амстердам и «при них, как людей, так и иного всего мало что обретается» [3].

Из города послы ради развлечения выезжали в окрестности осматривать «зверинец» и фонтан — железистые источники близ городка Кранебурга. «Августа в 10 д., — читаем в посольской «Расходной книге», — из Клева ездили великие послы смотрить зверинца и фонтан; надсмотрщику зверинца дано 6 золотых, да за наем корет 7 золотых».

Из Клеве послы, пообедав у клевского жителя барона Вилима [4],

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 811.

[2] Дулен — doelen — стрельбище, клуб стрелков.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 910—912.

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 49 об.: «Августа в 12 д. . . . клевскому жителю барону Вилиму, у которого великие послы на отъезде ис Клева

выступили 11 августа и прибыли в тот же день через Краненбург на голландский рубеж в Нимвеген. Здесь за полмили от города встретил их от Голландских штатов гофмейстер Герик Стаб с каретами. Бургомистры города Нимвегена предложили послам угощение на том дворе, где они стояли: «подчивали в кормех и в питье довольственно; за столом была музыка, трубили на трубах и били в литавры». Отсюда на следующий день, 12 августа, послы отпустили все время находившихся при них и сопровождавших их «приставов» курфюрста Бранденбургского с письмом к обер-президенту фон Данкельману, в котором выражали благодарность за его любезность и за услуги приставов. С теми же курфюршескими чиновниками были посланы подарки — соболи и камки курфюрстине Софии-Шарлотте Бранденбургской, Софии Ганноверской, епископу Гильдесгеймскому и лицам их свиты[1]. Отпустив приставов, послы отправились из Нимвегена в тот же день в Амстердам водой по реке Ваалу на трех яхтах; сами послы в яхте короля Вильгельма, свита в двух яхтах Штатов, а государеву казну и посольскую рухлядь везли на пяти особых шмаках[2].

обедали, дано пара соболей в 8 руб.» Там же, л. 21: «Августа в 11 день в Клеве ж взято к первому великому послу 100 золотых, взял Петр Лефорт.

В Клеве ж к нему ж, великому послу, взято на роздачу служителем курфирстовым: кравчему 10 золотых, прикащику дому того, где великие послы стояли, 10 золотых; лакеем бароновым двум человеком, у которого великие послы при отъезде в Клеве обедали, 10 золотых; поваром 5 золотых; подвотчиком, которые из города великих послов везли, 10 золотых, да на роздачю нищим 4 золотых. Взял те золотые Петр Лефорт.

В Клеве ж Клевского кляштора законницам (монахиням) милостыни дано 10 золотых.

В Клеве ж дано музыкантом 10 золотых; поваренным работником 10 золотых; поваренным ж работницам 6 золотых; питейным служителем 10 золотых; сиповщиком 4 золотых.

В Клеве ж дано господину, у которого стояли валентеры, 6 золотых. Того ж числа, как великие послы выезжали ис Клева, роздано милостыни 4 золотых с ползолотым да полторы крестинки».

Там же, л. 49 об.: «Августа в 18 д. курфистра брандебурского служителю секретарю Элшлегеру, которой от Королевца до самого города Клева великим послом служил в даче подвод, дано к прежней даче два касяка камок, соболей пара в 14 руб., две пары по 8 руб. пара».

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 912—914; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 48 об.: «Августа в 12 д. послано ис Нимвегена курфирста Брандебургского з дворянином обгодманом (так!) Георгием Олбрехтом Яцком курфирстовой теще Гановерской курфирстыне две пары соболей по 20 руб. пара, три косяка камок да Брандебурской курфирстыне сорок соболей в 140 руб., две пары по 30 руб. пара, три косяка камок цветных. Двум ее девицам два касяка камок. Бискупу Гендесеинскому десять пар соболей по 8 руб. пара, два косяка камок; да с ним же послано х коменданту клевскому касяк камки». Там же, л. 49: «Того же числа (12 августа) отослано х коменданту Нимвегенскому с толмачем с Андреем Гемсом пара соболей в 8 руб.

Того же числа на отпуске в Нимвегине дано приставу Георгию Анбрехту Яцку три касяка камок, соболей пара в 30 руб., пара в 20 руб., пара в 8 руб.».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 21 об. — 22: «Августа в 12 д. в Нимвегене за переноску з берегу на яхту соболиной и денежной казны дано золотой и ползолотого да 5 крестинок.

Рис. 14. Гостиница Геерен-Ложемент в Амстердаме

Гравюра, помещенная в книге Wagener, Amsterdam in zyne opkoomst, aanwas, etc. 1765 (заимствовано из книги *Веневитинова,* Русские в Голландии)

13 августа плыли рекой Ваалом мимо городов Тиля и Сент-Андрюса (S. Andris), затем рекой Маасом мимо Бомеля (Bommel), Лувенштейна (Loevenstein), Воркума (Workum) и Горкума (Gorkum). 14 августа продолжали путь рекой Маасом, прошли город Дортрехт, въехали в реку Исель и, не доезжая города Гоуда, остановились. Отсюда отпущены были в Амстердам для предварительного осмотра отведенных посольству дворов и распределения квартир Богдан Пристав и сопровождавший посольство доктор Петр Посников. Последнему вручено было также письмо «к валентером», т. е., вероятно, к Петру. На этой же остановке послы слушали всенощную, а на утро 15 августа литургию по случаю праздника успения богоматери [1] и затем прибыли в город Гоуд. Явились бурго-

---

В Нимвегене ж дано зверовщику клевскому 4 золотых, да курфирстову охотнику, которой приносил к великим послом разные птицы, 12 золотых да 10 крестинок.

В Нимвегене ж дано поваренным служителницам 15 золотых; музыкантом и трубачам 8 золотых; возницам, которые из Нимвегена до берегу великих послов везли, 3 золотых; челяди офмановой, которой был у великих послов за пристава, 10 золотых».

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 914—915; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 22: «Августа в 14 д. отпущен в Амстердам к валентером с писмом

мистры с приглашением осмотреть город, от чего послы, однако, за недостатком времени принуждены были отказаться. «И в том городе, — отмечает «Статейный список», бурмистры приходили к ним, великим и полномочным послом, с поздравлением и просили, чтоб они, великие и полномочные послы, изволили итить с яхт на дворы и посмотреть их города и всякого строения. И великие и полномочные послы, благодарствуя им, говорили, что они за предприятым своим путем того учинить не могут, а поспешение имеют, дабы им стать в Амстердаме утре, и чтобы они в том на них не подосадовали». Пересев в Гоуде на более мелкие суда [1], посольство продолжало путь к Амстердаму. Во всех городах, через которые послы плыли от Нимвегена до Амстердама, их встречали салютами из пушек и из мелкого ружья «и с берегов множественным народом, поздравляя, кричали виват». В ночь с 15 на 16 августа послы останавливались за четыре мили не доезжая до Амстердама «в гостином дому» [2].

Въезд в Амстердам состоялся того же 16 августа в полдень с обычным церемониалом. За полмили от города послов встретили президент и бургомистры амстердамского магистрата в сопровождении городской знати и приветствовали их речами. Карету послов окружали посольские гайдуки и «статцкие» служители. По улицам стояли горожане в белых немецких кафтанах, вооруженные мушкетами; раздавались пушечная пальба и барабанный бой. На въезд собрались смотреть громадные толпы зрителей: «посполитого же народу, как мужеска, так и женска, для смотрения того посольского въезду множественное число везде было». Для помещения посольства отведена была лучшая амстердамская гостиница, известная под именем «Heeren-Logement». С доставленной послам в день отъезда почтой была получена радостная для царя весть из Польши от резидента Алексея Никитина, который

Петр Посников, дано 2 золотых. Августа в 15 д., не доезжая городка Гауда, праздновали великие послы праздник успения пресвятые богородицы и слушали святую литургию; а где поставлена была церковь, того дому господину дано 4 золотых».

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 22: «Августа в 15 д. ... служителем, которые провожали великих послов от Нимвегена до города Гоуда на трех яхтах: первой яхты шиперу, штюрману, сарам и повару с товарыщи 13 человеком дано 20 золотых; другой яхты, на которой были дворяне, шиперу ж с товарыщи 13 человеком, да третей яхты, на которой был священник с приказными людми, шиперу ж с товарыщи двенатцати человеком по 10 золотых на яхту». Там же, л. 49 об.: «Аглинского короля капитану, которой был при великих послех на яхте от Нимвегена до города Гоуда, дано пара соболей в 8 руб., касяк камки». Там же, л. 51 об.: «Генерал Стат галанских капитану Корнилу Корпету, которой от Нимвегена до Гоуда был у дворян на яхте, как ехали к Амстрадаму, дано пара соболей в 7 руб. с полтиною, касяк камки; Галанской провинции статов капитану Лемикину, которой от Нимвигена до Гоуда был на яхте у священника и у дворян второго великого посла и приказных людей, дана пара соболей в 7 руб. с полтиною, касяк камки».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 22 об.: «Августа в 16 д., не доезжая Амстрадама за четыре мили, стояли великие послы в гостином дому, за еству и за питье дано 4 золотых».

писал, что Август Саксонский прибыл в Краков, принял уже католическую веру и будет ждать коронации близ Кракова в местечке Ложбове [1]. Царем было, между прочим, получено письмо из Москвы от Виниуса, в котором по поводу избрания на польский престол Саксонского курфюрста Виниус поздравлял с этим событием Петра, «более склонного, — как он пишет, — к немецкому народу, чем к петуховому» (т. е. к французам). В письме также сообщалось о смерти в Москве старика голландского резидента [2].

Петр по обыкновению участвовал во въезде, смешавшись с толпой второстепенных чинов посольства. В день въезда он лично познакомился с амстердамским бургомистром Витзеном, о котором он много слыхал ранее и с которым по поводу заказа в Голландии корабля «св. Пророчество» имел уже сношения через Виниуса. Николай-Корнелисзоон Витзен пользовался среди сограждан большим уважением за свою честность, приветливость и любовь к отечеству. Он был известен как щедрый покровитель наук и искусств и как ученый. При его содействии и хлопотах снаряжались из Голландии большие экспедиции с научными и коммерческими целями. Он оказывал поддержку молодым художникам. Его перу как ученого принадлежат два сочинения: «Древнее и современное судостроение и судоуправление» и «Северная и восточная Татария» [3]. Витзен был большой знаток морского дела. Для его первого сочинения ему пришлось собрать в виде материала большой запас разных регламентов, касающихся лоцманских обязанностей, морских аварий, берегового права и разных других, относящихся к мореплаванию вопросов. У него был составлен также целый музей разных предметов и моделей по кораблестроению и по устройству разных машин и фабрик.

Другое его сочинение излагает результаты его знакомства с востоком Европы, основанного на его путешествии в Московское государство в составе голландского посольства в 1664 г. Как знаток морского дела он мог быть очень интересен и полезен Петру; с ним было о чем поговорить, его советы полезно было выслушать, в его музее Петру, как раз занятому именно этими предметами, было что посмотреть. С своей стороны Витзен принимал близко к сердцу все касавшееся русского посольства и русского царя, не только потому, что его теоретически интересовали восточные страны, но и потому, что он, радея о пользах отечества, вообще старался о возможно большем развитии коммерческих сношений Голландии с Московским государством. Именно ему как человеку, побывавшему в Московии и близкому к русским, голландское правительство поручало улаживать разного рода спо-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 915—916.

[2] П. и Б., т. I, стр. 631; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 23: 19 августа «дано амстрадамскому почтарю Баренту Люкерцу за присылные московские и ис Польши к великим послом писма золотой 2 алтына».

[3] Aeloude en hedendagsche Scheepsbouw en Bestier, Amsterdam, 1671. Nord en Oost Tartarye, Amsterdam, 1692; второе издание этой книги вышло в 1705 г.

ры, возникавшие с посольством по поводу приема[1]. Он исполнял разного рода поручения посольства; между прочим получал иногда деньги для посольства по переводным векселям, вносил их в амстердамский банк, оплачивал издержки посольства на покупку разных предметов[2]. Среди «людей», слуг, в составе посольства были инородцы русского востока: калмыки, монголы, башкиры. Схельтема рассказывает, что Витзен через них собирал сведения относительно образа жизни и нравов этих племен[3].

Рис. 15. Николай Витзен
Гравюра Шенка

---

[1] *Scheltema*, Peter de Groote, I, 131—134; «Rusland en de Nederlanden», 181—186; «Anecdotes Historiques», 103—106; «Русская старина», 1916 г., февраль.
[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 291—294.
[3] «Русская старина», 1916 г., апрель, стр. 8.

*

И Петр, и амстердамский бургомистр были в равной мере заинтересованы взаимным сближением. Личное знакомство с Витзеном оказалось сразу же очень полезным для Петра. Узнав от Петра о затруднениях, испытанных им вследствие назойливости толпы в Саардаме, Витзен посоветовал ему перенести работу в Амстердам на верфь Ост-Индской компании и предложил ему свои услуги по устройству этого дела в качестве одного из директоров компании. Об этом разговоре с амстердамским бургомистрам Петр на другой день, 17 августа, сообщает в письме к Виниусу, отправленном, вероятно, поутру с отходившей почтой. В письме, кроме этого сообщения, царь извещал своего корреспондента о вчерашнем въезде посольства в Амстердам, о дальнейших предполагаемых празднествах в честь послов, возвращался опять к все время занимавшему его польскому делу и выражал надежду на его благополучный исход и в заключение в шутливой форме писал, что спальники, отправленные за границу несколько ранее посольства для изучения морского дела, познакомившись с употреблением компаса и не побывав в море, считали свою миссию исполненной и хотели было возвращаться в Москву, но что адмирал (Лефорт) велел им ехать в Стад на устье Эльбы, познакомиться с морской болезнью. «Min Her, писмо твое я принелъ, а отповеть учиню съ будушею почьтою, потому что живемъ въ Сардаме, а здѣсь того со мною нетъ (т. е. письма Виниуса или, может быть, чернил для тайнописи, при помощи которой велась переписка с Виниусом), а почьта жъдать не будетъ. Послы вчерась принеты горазда с честию і сегодни будутъ въ комедиі, а назаѳътрее ѳеіверкъ пусканъ будетъ. Вчерась я виделся съ господиномъ Витценомъ, которой хотѣлъ намъ дѣло сыскать на Стратскомъ [1] дворѣ. О Полскомъ дѣле не пишу, что ныне къ вамъ ближе, неже къ намъ; адънако надѣются въсе Сакъсонъскому быть, с которомъ ты поздравълялъ. Дай богъ совершить: я то чаю, что не зладѣй намъ будетъ. Спалники, которые преже на[съ] посланы сюды, выуча кумпасъ, хотѣли къ Мъсъкъве ехать, не быѳъ на море; чаели, что въсе тутъ. Но адмиралъ нашъ намерение іхъ пременилъ: велелъ імъ ехать въ Статъ еше ръто м пос. .ть, Piter» [2].

Между двумя и тремя часами пополудни в этот день, 17 августа, посольство и среди него царь по приглашению бургомистров посетили амстердамскую ратушу и «смотрили строения ее», как выражается «Статейный список», может быть, и полюбовались этим великолепным образцом голландской архитектуры, на который бургомистры обратили их внимание [3]. После посещения ра-

---

[1] Стратской от Straet — Средиземное море, куда также ходили корабли компании.

[2] П. и Б., т. I, № 180. В тот же день Петр писал еще князю Ф. Ю. Ромодановскому, Г. И. Головкину, Т. Н. Стрешневу и Л. К. Нарышкину. Письма эти не сохранились. П. и Б., т. I, стр. 642—643.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 916; ср. текст под современной гравюрой Аллара, изображающей фейерверк в Амстердаме 19/29 августа 1697 г. (*Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 221); Арх. мин. ин. дел. Кн. австр. дв., № 47,

туши были осмотрены разные благотворительные и исправительные учреждения, которыми славилась Голландия: «Были в разных домех сиротопитательных и наказателных» — как отмечает «Статейный список». «Расходная книга» посольства указывает эти учреждения подробнее: послы были «в дому, где покоят престарелых жен», затем «в дому, где учат и кормят малых робят мужеска и женска полу калвинской веры, которых числом будет с шестьсот человек... двор тот называется Бургервис»; были, далее, в «большом дворе, именуемом Армазир-гоусе, где учат и кормят малых же детей мужеска и женска полу розных вер, числом с тысечу з двести человек»; наконец, посетили дом умалишенных, «где сидяг люди мужеска и женска полу беснующиеся и ума иступившие»[1]. Эти же заведения описал в своей записной книжке некий скрывший свое имя великосветский русский путешественник, выехавший из Москвы позже посольства через Любек и Гамбург, прибывший в Амстердам и затем присоединившийся к посольству. «Осматривал, — пишет он, — другой такой же огромный дом, в котором воспитываются незаконнорожденные дети, обучаются грамоте и разному мастерству, содержатся до пятнадцати лет и по выучке отпускаются на волю и снабдеваются платьем и иными потребностями; видел дом безумных, где для каждого такого человека отводится особый чулан и наблюдается строго, чтобы он себя ничем не повредил и был довольствован пищею и питьем и лечим, как должно; которые из них не дерутся, те свободно ходят по двору, а с двора их не спускают»[2]. Позже Петр будет заботиться об устройстве таких же учреждений и у себя дома.

В пять часов вечера посольство и царь отправились в театр, на парадный данный в честь их спектакль. Выезд был церемониальный. Послы отправились, как описывает текст под упомянутой уже выше гравюрой Аллара, «в двенадцати каретах, перед которыми ехала городская конная гвардия и очищала дорогу среди громадной толпы, собравшейся со всех сторон, чтобы увидеть их превосходительства. Экипаж трех послов сопровождали 13 пеших пажей в красных одеждах, расшитых серебряными галунами, и окружали 12 гайдуков, державших булавы с серебряными рукоятками, и, кроме того, еще 5 пажей. Свита послов ехала в остальных каретах. Актеры сыграли пьесу «Очарование Армиды» («L'enchantement d'Armide») и протанцовали под звуки прекрасной музыки несколько балетов, причем гостям было предложено угощение.

л. 24: «Амстрадамской ратуши надзирателем, которые великим послом, как они были в 17 числе августа в Ратуше, оказывали все полаты и в них вещи, дано 20 золотых».

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 180 об. Надзирателям первых трех домов: Гайгелеру, писарю фон Генингу и Аренту Шлойтеру дано по 20 ефимков, надзирателю четвертого Яну Фридеру — 8 ефимков. Там же, л. 23 об.: «В Амстердаме ж ездили великие послы в разные места и в общие домы сиротопитательные и в наказателные и в тех домех дано милостыни 15 золотых да нищим 9 алт. 2 д.»

[2] «Записная книжка любопытных замечаний великой особы», *Веневитинов, Русские в Голландии.*

Представление закончилось комедией «Притворный адвокат» («L'avocat imaginaire») [1]. О том же спектакле сохранилась записка и в «Статейном списке», передающая содержание его на языке, видимо, совсем еще неприспособленном для описания такого рода новых для русского человека зрелищ: «Того ж числа великие и полномочные послы по прошению амстердамских бурмистров были в комедиалном дому, в котором великая полата, в ней же отправлялось действо комедии о Купиде Еллинской богине и притом показываны многие бои, и устрашения адская, и дивные танцы, и иные утешные вещи и перспективы; а где великие и полномочные послы сидели, и то место услано было коврами и обито сукны, и на столе поставлены фрукты и конфекты многие, и подчивали бурмистры великих послов прилежно». Актерам на всю труппу было пожаловано 50 золотых [2]. Это был первый случай, что Петр попал в театр; впоследствии и притом вскоре по его инициативе будет создан театр в Москве.

18 августа после полудня посольство с царем осматривало склады и верфи Ост-Индской компании, а 19-го — учреждения адмиралтейства [3]. В тот же день, 19 августа, город Амстердам давал посольству парадный обед, «. . .в ествах и в питии было доволство болшое и подчиваны прилежно», — замечает «Статейный список». Обед закончился блестящим фейерверком. «Вечером, — рассказывает текст под гравюрой Аллара, — их превосходительства были приглашены на великолепный пир, данный магистратом в их честь в здании «Дулена», где при провозглашении тостов раздавалась музыка литавр, труб и других инструментов. Посредине Амстеля, напротив «Дулена», на двух плоскодонных судах была возведена для фейерверка особая постройка длиной в 72 фута и шириной в 33, изображавшая скалу черного мрамора. Восемь пьедесталов по углам служили подставками прекрасным урнам, в каждой из которых помещалось по 25 ракет. Передний и задний фасады постройки украшены были гербами города Амстердама. Средину постройки занимала прекрасная триумфальная арка из мрамора с жилками высотой в 42 фута в стиле ионического ордена с четырьями входами и столькими же колоннами, позолоченными по их капителям и основаниям. В двух боковых входах помещались высеребренные статуи Марса и Геркулеса, а между ними в самой середине арки возвышался герб его царского величества, изображающий двуглавого орла с Георгием Победоносцем на груди, державой в одной лапе и скипетром в другой; над гербом — царская корона, а еще выше — имя его царского величества в вензеле, вторично увенчанном тою же короной. На самом верху триумфальной арки, над четырьмя ее столбами или колоннами виднелся золоченый три-

---

[1] *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 222.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 917; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 24: «В Амстердаме ж были великие послы и валентеры в комедии, дано комедиантом на всю компанию 50 золотых; строена та комедия с великим иждивением нарочно для видения их, великим послом».

[3] Текст к гравюре Аллара: *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 222.

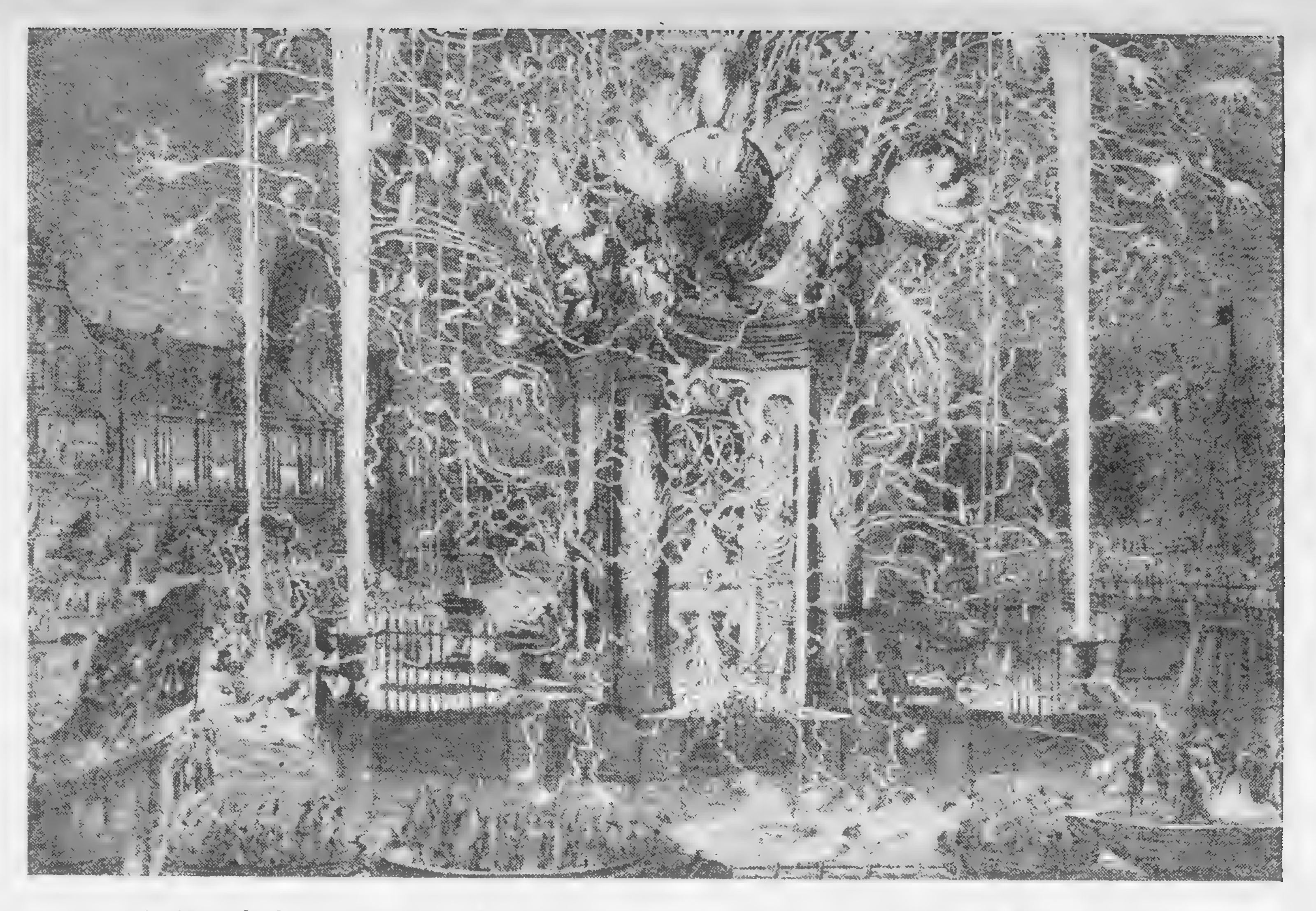

Рис. 16. Фейерверк, сожженный в Амстердаме в честь великого посольства 19 августа 1697 г.
Гравюра Аллара

тон с трезубцем и рогами, а над самой срединой арки возвышался земной глобус, покоящийся на хвостах четырех высеребренных дельфинов. Между урнами внизу было размещено 100 ракет в 3 фунта весом каждая. Вокруг всей скалы были заготовлены огненные фонтаны. Около 9 часов вечера стали зажигать огонь. Сначала раздались удары нескольких бураков, затем загорелись герб и вензель его царского величества. Зрелище было чудное: из столбов и из глобуса выходило невероятное число огненных шаров, змеек и пр.; огромное количество огня появилось из трезубца и рогов тритона, а из восьми ваз, или урн, без счета извивались ракеты и другие виды огненной потехи. Сверх того, были сожжены невиданные по красоте водяные бураки, извергавшие столько ракет и змеек, что ослепляли глаза зрителей. Короче сказать, в течение 42 минут, пока продолжался фейерверк, весь намеченный эффект вполне удался и все произошло в строгом порядке, который простирался до малейших подробностей представления»[1].

Этот фейерверк, для которого, по обычаю того времени, потребовалось целое сложное архитектурное сооружение в смешанных стилях, с классической триумфальной аркой и глобусом, приобретением науки XV в. на ней, с колоннами, урнами, мифологическими изображениями и средневековыми гербами, где статуи Марса и Геркулеса поддерживали щит с изображением Георгия Победоносца, нашел себе красноречивого описателя в «Статейном списке». «Августа в 19 день, — читаем мы там, — по прошению амстрадамских бурмистров, великие и полномочные послы смотрели из особого дому нарочных, устроенных для них огнестрельных вещей, которые учинены на воде на ботах: четыре столба, наверху глобус, по всем углам дива морские, в средине орел двоеглавой великой, у которого на грудях и на персях написано латинскими словами: «великий царь Петр Алексеевич да живет»; по обе стороны орла два мужа на четвероугольных столпах, пониже пазнахтей орла стоял герб галанской, да около множество сосудов, в которых многие и великие ракеты, которые горели зело стройно и порядочно, и многие из себя разноцветные огни выдавали; и верховые ракеты зело добры и высоки были»[2]. Зрелище привлекло множество народу. «Собралось столько народу, — пишет Ноомен, — что произошла страшная давка. На втором мосту, считая от «Дулена», т. е. на мосту у Ресланда, разорвали цепи, на которых держались перила; многие упали в Бурхвал (Búrgwal, — канал, впадающий в реку Амстель) и некоторые утонули. Через день или два я сам видел, что верхний край крепких железных перил моста Полумесяца от напора народа был выгнут почти на фут»[3].

Но за обедом и за фейерверком Петр чувствовал себя беспокойно и едва сидел. Дело в том, что как раз в тот же день, 19 августа, происходило заседание правления Ост-Индской компании и

[1] *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 222.
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 917.
[3] *Ноомен*, Записки, стр. 38—39.

состоялось определение о принятии «знатной особы, проживающей incognito», на верфь, об отводе для ее жительства находящегося на самой верфи дома канатного мастера; а для того чтобы эта особа могла пройти всю постройку корабля с самого ее начала, директора постановили заложить особый новый фрегат. Это определение директоров Ост-Индской компании от 19 августа сохранилось: «Лейтенант ван-дер-Гульст, — значится в нем (переводчик Петра в Голландии), — введенный в собрание, объявил от имени великого посольства московского, что знатная особа, пребывающая здесь incognito, желала бы провести некоторое время на верфи компании при сооружении судов и при других работах; вследствие чего просил приготовить для жительства ее дом канатного мастера и заложить новый фрегат в удовольствие высокопомянутой особы. По совещании благопризнано изъявить на то полное согласие; о закладке же и постройке фрегата отписать строительным камерам, поручив господину Витзену спросить высокоименованную особу, в каком размере желательно ей видеть строение фрегата, на 130 или на 100 футах; и если для нее все равно, то компания признает за лучшее заложить фрегат в 100 футов длиной» [1].

Известие об этом постановлении царь получил во время обеда. Он не мог, рассказывает Схельтема, скрыть своей радости, с нетерпением ждал окончания обеда и последовавшего за ним роскошного фейерверка, и, едва только погасли его последние огни, как он объявил о своем непременном желании ехать сейчас же в Саардам, чтобы взять там свои вещи и инструменты и перебраться немедленно на Ост-Индскую верфь. Как не убеждали его послы и бургомистры не делать этого, не подвергаться опасности в ночной темноте, все было напрасно. И в этом эпизоде, подобно другим, мы можем наблюдать, как у Петра вспыхнувшая искрой мысль тотчас же, в тот же момент, зажигала, воспламеняла его волю, а воля так же немедленно переходила в действие, не считаясь ни с какими преградами, — все это с быстротой как бы выстрела из орудия, после того как искра пистона воспламенит порох. Его желания поэтому недостаточно характеризовать эпитетом горячие, их надо называть не иначе, как огненными. Пришлось посылать в ратушу за ключами от портовой заставы, опустили подъемный мост, и Петр вышел из залива в 11 часов ночи. В час пополуночи он был уже в Саардаме, уложил в буер свои вещи, расплатился с хозяином Герритом Кистом за квартиру, причем, по свидетельству Ноомена, платил крайне скупо: женщине, которая занимала заднюю комнату в домике Киста и уступила ее Петру, а сама пошла жить к своему отцу, он дал

---

[1] *Scheltema*, Peter de Groote, I, 134—137; «Rusland en de Nederlanden», 186—189; «Anecdotes Historiques», 106—108, 417; *Устрялов*, История, т. III, стр. 72. На полях против слов определения: «Eene Hooge Personagie», отмечено: «Czaar Peter I». На собрании директоров присутствовали Geelvink, Witsen, Polsbrock, Hooft, van Dam, van Collen, Alstorphius, Valckenier, de Witt.

за это всего семь гульденов [1]. Рано утром 20 августа он вернулся в Амстердам прямо на Ост-Индскую верфь, где и поселился. «Перебирались на Ост-Индской двор», — как отмечено в «Юрнале» под 20 августа. К этому же числу или к 21 августа и следует относить заметку «Статейного списка», ошибочно помещенную в нем под 19 августа, что «были великие и полномочные послы на Ост-Индском дворе Преображенского полку у начальных людей для того, что они в тот дом приехали для учения морского дела» [2]. Этот визит посольства к Петру на Ост-Индскую верфь и был, вероятно, сделан по случаю новоселья и начала работы. Может быть, в связи с этим визитом по поводу новоселья на Ост-Индском дворе следует поставить статью расхода, занесенную в посольскую расходную книгу под 21 августа: «Александру Кикину (волонтеру) для строения водки на покупку трех котлов и на раманею и на аннс дано 33 золотых» [3].

XVII. ПЕТР НА ОСТ-ИНДСКОЙ ВЕРФИ

21 августа, в субботу, после работ, по известию, сохраненному Схельтемою, царь присутствовал «на маневрах судов с сигнализациями» [4] (на гонке яхт?). В воскресенье 22 августа амстердамский магистрат устроил заключительное празднество в серии празднеств, данных им в честь русского посольства: примерный морской бой в заливе. Составлены были две эскадры из 20 яхт каждая, причем к городской флотилии присоединились по приглашению магистрата суда частных владельцев, и на них были размещены пушки. На яхты было посажено также несколько рот национальной гвардии, чтобы поддерживать беспрерывный ружейный огонь. Маневром командовал адмирал Гиллис Скей, опытный моряк, прошедший школу Рюйтера. На столь интересное зрелище, которому благоприятствовала также и прекрасная погода, собралось множество народа, и рейд покрылся массой мелких судов, казавшихся лесом из мачтовых деревьев, украшенных флагами и вымпелами. Петр вместе с послами и бургомистрами около полудня приехал к месту действия на большой яхте Ост-Индской компании, на борте которой от города было приготовлено роскошное угощение. Яхта при ее появлении была встречена орудийными салютами и затем началось примерное сражение. Сохранилась также изображающая его современная гравюра Аллара, и также с объяснительным текстом под нею, который, как и подобный же текст под изображением фейерверка, представляет собой, по всей вероятности, выдержку из какой-либо современной газеты, какие тогда выходили уже в Голландии. «После осмотра великим московским посольством, — говорится

---

[1] *Ноомен*, Записки, стр. 40.
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 918.
[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 23 об.
[4] *Scheltema*, Peter de Groote, I, 138; «Rusland en de Nederlanden», II, 190; «Anecdotes historiques», 109.

там,—всех тех достопримечательностей Амстердама, которые привлекают сердца и взоры чужеземных посетителей торгового города, почтенное начальство решило дать своим гостям на реке Эй зрелище, изображающее морскую битву, и с этой целью любезно пригласило охотников из обеих гаваней для яхт приготовиться к празднеству, назначенному около 1 сентября (22 августа). Дабы все происходило в должном порядке, вице-адмирал Гиллис Скей (Gillis Schey) взял на себя обязанность главного надо всем начальника и поднял свой флаг на большой яхте Ост-Индской компании. Экипажи каждой из яхт были снабжены письменными приказаниями, с которыми они должны были согласовать свои действия. Малая яхта Ост-Индской, яхта Вест-Индской компаний и фрисландская яхта получили еще другие специальные назначения. К этой флотилии присоединились еще четыре судна, на которых находилось более сотни добровольцев, преимущественно из знатнейшей городской молодежи, хорошо снабженных огнестрельным оружием и состоявших под начальством назначенных над ними капитанами господ Блума, А фон-дер-Дуса, Кербея и ван Горна. В половине третьего пополудни весь этот флот поднял паруса и, употребив несколько времени на приведение себя в надлежащий порядок, начал очень удачно изображать примерное сражение, причем яхты по мере их величины стреляли из пушек, а добровольцы из ружей. Суда проходили друг перед другом правильными линиями, и в это время храбро обстреливали друг друга из пушек; кроме того, с целью придать более блеска битве, в ней приняли участие орудия, стоявшие в числе одиннадцати на Голубой плотине и на тупике и в числе шестнадцати на мосту через Амстель. Дома в соседних прибрежных деревнях дрожали от непрерывной пальбы, среди которой раздавались залпы добровольцев всякий раз, как яхта с находящимися на ней послами проходила мимо них. Все доступное пространство реки Эй было усеяно судами самого разнообразного вида, которые были привлечены сюда любопытством увидеть столь редкое зрелище. И тем не менее, несмотря на бесчисленную толпу, среди которой было возможно всякое смятение, все обошлось как по-писанному, и порядок соблюдался так правильно, что удивление зрителей, теснившихся на пространстве от гавани и Плотины яхт до Скеллингсвау и Ниевендама, было вполне удовлетворено. Примерный бой, прекращенный при наступлении вечера, произвел на удалившихся послов впечатление полного наслаждения». Текст заканчивается далее списком 40 судов, входивших в состав обеих эскадр и перечнем сигналов [1]. Схельтема в своем описании этого примерного сражения говорит, что зрелище, сопровождаемое гулом беспрерывной пальбы, до такой степени понравилось Петру и увлекло его, что он перешел на одну из военных яхт, взял над нею команду и принял личное участие в маневре. Этот рассказ согласуется и с

[1] О гравюре Аллара и перевод ее текста см. *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 223—225.

описанием «Статейного списка», где говорится также о его личном участии в бое, о том, что он командовал одной из яхт: «Августа в 22 день великие и полномочные послы были с бурмистры на морском гаване, и в тое пору наряжены были три яхты против воинского обыкновения: на одной великие послы и бурмистры, на которой был вице-адмирал Шей, на другой Преображенского полку началной человек капитаном с своими солдаты, на третьей капитан с солдаты, и, вышед на море, учинили меж собою бой и все знаки, как надлежит к бою, на море знамены (т. е. сигналами, флагами) показывали, которого поведения множество в розных судах амстердамские жители и приезжие смотрели; а по времени бурмистры великих и полномочных послов подчивали ествою и питьем со всяким доволством. И было той потехи целой день, а по совершении того возвратилися в Амстрадам все здравы»[1].

Итак, 20 августа Петр перебрался из Саардама в Амстердам на верфь Ост-Индской компании и начал там работу под руководством корабельного мастера Геррита-Клааса Поля, «вдав себя, — как он вспоминал впоследствии в собственноручно написанном предисловии к Морскому регламенту, — с прочими волонтерами в научение корабельной архитектуры». Схельтема передает в своей книге рассказ одного капитана, жившего еще в 1754 г., видавшего Петра во время работ на Ост-Индской верфи. Царь был одет в обыкновенный рабочий костюм. Когда случалось, что кто-нибудь подходил к нему во время работы, чтобы поговорить с ним, царь, кладя топор у ног, присаживался тут же где-нибудь на обрубок дерева; однакоже разговор не должен был слишком затягиваться; иначе Петр прекращал беседу, брался снова за топор и возвращался к работе. Держал себя он на верфи совершенно рядовым плотником. Один коммерсант в Амстердаме, рассказывает Ноомен, пожелал видеть Петра за работой на верфи и обратился к старшему мастеру с просьбой показать его. Тот обещал указать царя, назвав его по имени. Несколько времени спустя коммерсант посетил верфь и видел, как несколько рабочих несли тяжелое бревно; тогда мастер крикнул: «Питер, плотник заандамский, что же ты не пособишь этим людям нести?» Он тотчас же послушался, подбежал к ним, подставил плечо под дерево и понес его вместе с другими плотниками на назначенное место к великому удивлению зрителя[2].

22 августа царю было передано приглашение прибыть на следующий день в Саардам, чтобы вновь посмотреть на перетаскивание корабля через Овертоом, причем были приняты меры против скопления народа, помешавшего царю видеть эту операцию 14 августа. Он принял приглашение, и 23 августа, как рассказывает со многими живыми и мелкими подробностями Ноомен, «на своей буер-яхте приехал сюда, в Заандам, и причалил у Зюиддей-

[1] *Scheltema*, Peter de Groote, I, 138—140; «Rusland en de Nederlanden», II, 190—192; «Anecdotes Historiques», 109—111; Пам. дипл. сношений, VIII, 918.
[2] *Ноомен*, Записки, стр. 40—41.

Рис. 17. Примерное морское сражение на р. Эй 21 августа 1697 г. Гравюра Аллара

ка к верфи наследников покойного Класа Гарбрандса, находившихся между собой в тяжбе. Он пошел к Овертоому и осмотрел внимательно большой блок и канаты, при помощи которых перетаскивают корабли через Овертоом». Ноомен шаг за шагом описывает, далее, этот приезд царя в Саардам. Осмотрев блок и канаты, «он отсюда отправился к высокому Зюддейку к Гендрику ван-дер-Зану и далее к вдове Якова-Корнелиссона Омеса, купил здесь разные плотничьи инструменты, положил их в тачку и повез ее. Когда он подошел к Овертоому, рабочие подняли тачку с плотничьими инструментами и перенесли ее через канаты на плотину. Затем русские повезли ее дальше до буер-яхты, на которую ее и поставили. В то время когда великий князь находился в доме вдовы Я. К. Омеса, туда собралось довольно много народа, чтобы его видеть. Он все время ходил по лавке и осматривал разные инструменты; но любопытные не смели подходить к нему слишком близко. Ян же Г. Кроненбурх и Ян-Якобсон Ноомен, которые, кажется, подошли к нему слишком близко и смотрели на него не стесняясь, должны были оба оставить дом. Между тем на дороге, по которой шел царь, собралось много народа. Его царское величество — человек высокого роста, статный, крепкого телосложения, подвижной, ловкий; лицо у него круглое со строгим выражением, брови темные, волосы короткие, кудрявые и темноватые. На нем был надет саржевый инноцент, т. е. кафтан, красная рубашка и войлочная шляпа. Он шел быстро, размахивая руками, и в каждой из них держал по новому топорищу. Таким видели его тысячи людей, а также моя жена и дочь.

Возвратясь к Овертоому, он вторично с особенным вниманием осмотрел, как производится перетаскивание судов, и отсюда пошел к своей буер-яхте, намочил паруса, стал опять у руля и, по обыкновению, выехал рулевым в Амстердам, не дождавшись окончания перевозки корабля через Овертоом» [1]

До 28 августа о Петре нет известий: он, очевидно, все время с топором в руке на Ост-Индской верфи. Послы, как можно заключать из кратких записей расходной книги, посещают его на Ост-Индском дворе: 27 августа «дано двух трехшут или малых яхт, на которых ездили. . . великие послы в Амстердаме на Остинской двор, шипером и работным людем в почесть первой яхты 4 ефимка, другой — 3 ефимка, всего 7 ефимков». Такая же запись под 30 августа: «Штюрману, которой великих послов возил в боте на Остинской двор, дано два золотых» [2].

Для работы вместе с собой царь отобрал 10 сотрудников из «волонтеров», в числе которых видим двух Головиных (Ивана Михайловича и Ивана Алексеевича), двух Меншиковых (Гаврила и Александра, начинавшего все более приближаться к царю),

---

[1] *Ноомен*, Записки, стр. 42—44. Приведенные рассказы Ноомена передает, заимствуя у него, и Схельтема (*Scheltema*, Peter de Groote, I, 141—143, 149—150; «Rusland en de Nederlanden», II, 193—195, 202—203; «Anecdotes Historiques», 112—113, 118); «Русская старина», 1916 г., февраль, 202—203, 205—206.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 179, 24 об.

Ф. Плещеева и др. Остальные волонтеры и некоторые из приехавших с посольством солдат Преображенского полка были распределены по другим работам, каждый по своей склонности: к мачтовому, ботовому или парусному делу, к изучению постройки водяных двигателей, к выделке блоков; семеро поступили матросами на разные корабли, царевич Александр Арчилович Имеретинский отправился в Гаагу обучаться бомбардирскому искусству. «Min Her Kenih, — пишет царь от 31 августа Ромодановскому, извещая его об этом распределении волонтеров,—писмо твое государское отдано, за которую, а паче въ день светыхъ апостолъ незаплатную учиненною милость, многократна челомъ бію и ратъ, сколь могу, услужить. Которые посланы по вашему указу учиться, въсе разданы по мѣстомъ: Іван Головинъ, Федоръ Плещеевъ, Іванъ Головинъ, Гаврило Кобылинъ, Гаврило Меншиковъ, Верещагинъ, Александро Меншиковъ, Ѳедосей Скляевъ, Петръ Гутманъ, Іванъ Крапоткинъ, при которыхъ і я обрѣтаюсь, отданы на Ости[н]ской дворъ х корабелному дѣлу. Александро Кикинъ, Степан Васильевъ — машты дѣлать; Яким Моляр да дьяконъ [1] — всяким водяным мельницам і отъемамъ; Алексѣй Борисовъ, Сава Уваровъ — к ботовому дѣлу; Ѳадѣ[й] Поповъ, Іванъ Кочетъ — парусному дѣлу; Тихонъ Лукинъ, Петръ Кобылинъ — блоки дѣлать; Гаврило Коншинъ, Іванъ Володимеровъ, Ермолай Скворцовъ, Алексѣй Петелинъ, Ипатъ Мухановъ, Андрѣй Тишениновъ, Іванъ Синявинъ пошли на корабли в розные мѣста въ матрозы; Александро Арчиловъ поѣхалъ в Гагу бомбандирству учиться. Всѣ вышеписанные розданы по охотѣ по тѣм дѣламъ. Aldach Knech Piter. Ізъ Амстрадама, августа въ 31 д. Андрей Виниусъ велелъ милости твоей побить челомъ о Марчькѣ кузнецѣ; ему зело нужъна. Благоволи ево отдать, а тамъ мочьно проняться і безъ него» [2].

Рабочей бодростью и энергией веет и от другого написанного в тот же день письма Виниусу в ответ на его письмо, полученное Петром 20 августа, при самом начале работ на Ост-Индской верфи, в котором Виниус вновь напоминает о найме железного дела мастеров, жалуясь, что «жатва железу есть, а делателей нет», и просит еще передать послам, чтобы приказали посольской свите посылать письма в Россию не порознь, а в одном пакете [3]. Ответ был, как видим, отложен на 11 дней. «Min Her Vinius, — пишет Петр, — писмо твое, іюля въ 23 д. пи[с]анное, мънѣ отдана, въ которомъ пишешъ о мастерахъ, о чемъ непърестанно печемся і справимъ въскоре, такъже і о писмахъ. О куреирсте Сакъсонскомъ ложъ; о Марчькѣ писалъ (т. е. Ромодановскому). Да въ прежнемъ писмѣ писалъ ты, чъто оскорбъляются нѣкоторыя персоны, что я о укъраенномъ дѣлѣ писалъ к тебѣ, а не къ нимъ, і то мочъно разсудить, чъто то дѣла великое, і явъно писать нелзя;

---

[1] Состоявший при посольстве дьякон Тимофей; см. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 274—294 и др.

[2] П. и Б., т. I, № 181.

[3] Там же, стр. 633.

а того писма анѣ не знаютъ (т. е. тайнописи, условленной только с Виниусом), і мнѣ інакъ была писать нелзя. Здѣсь, слава богу, въсе зъдорово, і работоемъ на Індѣйскомъ дворе, а іныя пошъли на моря. А хто чему учитца, о томъ я писа[лъ] іменно къ генералу. Миръ Өранцуской разорвалъся почитай (о чем подлинно з будущею почътою писать буду). Толко өранцузы переманнили въремя, как я довъно говорилъ. Piter. Ізъ Амстеръдама, августа въ 31 д.»[1].

Как собственноручная приписка в приведенном выше письме к Ромодановскому о некоем Марчке кузнеце — Марке Евсееве, ученике туленина Никиты Антуфьева, очевидно, опытном мастере, получить которого добивался Виниус, так и содержание письма к Виниусу и, равным образом, недошедших писем, о содержании которых можно догадываться, ясно показывают, что и в Амстердаме Петр не был всецело поглощен одним только кораблестроением. Всегда разностороннее его внимание устремлялось одновременно и с одинаковой интенсивностью на несколько разных предметов, крупных и мелких; Петра занимают с равной силой несколько интересов, и от плотничной работы он отвлекается к другим делам, для которых иногда приостанавливается и работа. Мысль, казалось бы, занятая расчетом размеров разных корабельных частей, которые надо сработать, уносится к далекому Азову, куда весной еще двинулись войска под командой Шеина, на Украину, где был выставлен корпус Долгорукого, к польским выборам, передумывает полученные известия от друзей из Москвы с их иногда мелкими личными просьбами, и рука, бросая топор, берется за перо для ответов в Россию. Из заключительных слов в письме к Виниусу о происшедшем почти разрыве мирных переговоров с французами в Рисвике видно, с каким вниманием Петр, очутившись в Голландии, в самом водовороте международных сношений во время Рисвикского конгресса, следит за ходом этих переговоров. Как увидим впоследствии, Петр в то же время дает в Амстердаме полную волю своей любознательности, насыщая се осмотром всего того, что его интересует, разных учреждений, музеев, мастерских и пр. Ни на минуту не теряет он самой тесной связи с посольством и деятельность посольства до последних мелочей принимает близко к сердцу. Он отрекся в пользу посольства только от тяготившего его внешнего парада, в котором он всегда предпочитал быть сторонним зрителем, чем играть активную роль, но деловое руководительство посольством всецело сохранял за собой, держа, таким образом, в своих руках нити внешних отношений России. Повторилось то же, что в Азовской войне было с командованием генералиссимуса Шеина. Посольство было толь-

[1] П. и Б., т. I, № 182. В тот же день, 31 августа, было написано еще несколько не дошедших до нас писем: к Л. К. Нарышкину, А. М. Головину, вероятно, в ответ на письмо его, полученное также 20 августа, при начале работ на верфи, в котором А. М. Головин просил о заказе за границей 120 пар пистолетов (П. и Б., т. I, стр. 635): далее к Г. И. Головкину, Т. Н. Стрешневу; о содержании их можно отчасти догадываться по ответам этих лиц (П. и Б., т. I, стр. 645—647).

ко пышным прикрытием его собственной деятельности. В донесении к цесарю из Москвы от 6 августа 1697 г. Плейер, отражая, конечно, те разговоры об отношениях между царем и посольством, которые слышал вокруг себя в столице, сообщал, что «у посольства совершенно связаны руки, посольство боится и дрожит царского гнева и строгости, царь все направляет по своему разумению, но если что-либо не удается, то вина за это всецело возлагается на послов и их советников; поэтому все идет противоречиво и отсюда можно заключить, что посольство служит только прикрытием для свободного выезда царя из страны и путешествия, чем для какой-либо серьезной цели» [1].

XVIII. СВИДАНИЕ С ВИЛЬГЕЛЬМОМ III. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСОЛЬСТВА

С окончанием празднеств, данных в честь посольства городом Амстердамом, оно должно было представиться Генеральным штатам, собранию депутатов от провинциальных штатов, имевшему значение центрального органа Голландской республики, и приступить к выполнению лежавшей на нем официальной миссии. Но оно с этим делом не торопилось и, в очень сильной степени тяготя бюджет республики, на средства которой по тогдашним дипломатическим обычаям содержалось, продолжало проживать в Амстердаме день за днем, может быть, намеренно не спеша, с целью выиграть побольше времени для работ Петра на верфи. На первую очередь своей деятельности посольство поставило — и в этом, по всей вероятности, сказалось личное желание самого Петра — свидание с штатгальтером, английским королем Вильгельмом III. 23 августа в Гаагу был послан дворянин Богдан Пристав с предписанием доложить о свидании самому королю или «через ближних людей» [2]. Король через ближних людей ответил, прося послов немного подождать: у него, короля, в переговорах с французской страной «зашли трудности, и тем забавен», а когда получит свободу, даст знать послам. В ожидании королевского извещения послы осматривали амстердамские достопримечательности: 26 августа посетили голландские церкви, дивясь их размерам, древности и органам, а также еврейские синагоги: «Ездили в галанские кирхи, в которых изрядные арганы, и строение тех кирх древнее и великое, прежде были костелы римские; да великие ж послы были в дву ... синагогах, и в тех показываны великим послом от ... рабинов на еврейском писме завет и пророчества, обвиты богатыми материями и стоят в великих

---

[1] *Плейер* (Устрялова История т. III, приложение XI, № 3).

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 918; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 23 об.: «В Амстердаме ж Богдану Приставу за издержку ево, как он посылан от великих послов к аглинскому королю в Гагу, на подводы и на корм дано 15 золотых».

шафах»[1]. 29 августа приехал от английского короля капитан Котценберг с приглашением на свидание в Утрехт. 31-го к вечеру посольство и с ним Петр выехали в Утрехт на яхте, плыли всю ночь и на место назначения прибыли 1 сентября утром. По поручению короля их приветствовал здесь бургомистр Витзен. После полудня приехал в Утрехт король. Так как свидание было «приватным», то королевский приезд не был обставлен парадно: Вильгельм явился в сопровождении лишь небольшой свиты и конвоя. Свидание состоялось в том «дворе», где послы остановились в Утрехте. Так 1 сентября 1697 г. Петр встретился и лично познакомился со своим героем, о котором так много слышал и которого так уважал[2]. После первых приветствий король, по словам «Статейного списка», «вшед в особой покой, имел разговор»; но что̀ было предметом разговора на этом частном свидании, остается неизвестным. В «Статейном списке» отмечено только, что в разговорах король приглашал посольство на следующий день к себе обедать, но послы от этого приглашения отказались, «от стола поотговаривались», почему — неизвестно, может быть, потому, что царю не хотелось отрываться дольше от работ. «По полудни, — приведем подлинное описание свидания из «Статейного списка», — приехал аглинской король в город Утрехт в корете; корета о шести возниках обычная, за ним восемь человек рейтарий да три кореты, в которых были его ближние люди; а как приезжал ко двору, где были великие и полномочные послы, и в тое пору поставленной караул били в барабаны и играли на флейтах, а как вышел из кореты, и народ кричал виват. А как пришол в полаты, и великие послы, вышед из особой полаты, пришед к нему говорили: благодарят они, великие послы, ему, великому государю, его королевскому величеству, что пожаловал, присылал к ним спрашивать двожды о их здоровье, а паче всего благодарни, что ныне его королевского величества пресветлое лицо во здравии видят, которую они его королевского величества милость повинни донесть великому государю своему, его царскому величеству. И кланялись в пояс. А потом, вшед в особой покой, имел разговор, а в розговорех говорил королевское величество, чтоб они, великие послы, изволили завтро у него быть на обед. И великие и полномочные послы били челом и от стола поотговаривалися. И быв, от послов поехал»[3]. Из других источников знаем,

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 918; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 180 об.: «да в старой кирхе калвинские веры, в которой были великие и полномочные послы августа в 26 день, вспеваком и музыкантом, которые играли на арганех, дано в почесть 10 ефимков».

[2] Поссельт, основываясь на рассказе Схельтемы, неверно относит это свидание к 28 августа и говорит, что царь выехал на свидание в сопровождении только Лефорта и Витзена (*Posselt,* Lefort, II, 420). Безусловно следует предпочесть точные данные «Статейного списка».

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 922—923. О недостоверности речи, произнесенной будто бы Петром при этом свидании, см. *Веневитинов,* Русские в Голландии, стр. 74—75; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 25: «206 году сентября в 1 д. в городе Утрехте куплено яблок и иных овощей на золотой на 5 алт. на 2 д.; да работником того дому, где великие послы стояли, дано

что в разговоре с Вильгельмом Петр коснулся, между прочим, и польских дел и дал обещание содействовать новому польскому

4 золотых с полузолотым, да капитану с работники ж, которые великих послов из Амстердама до Утрехта и назад в Амстердам везли на трекшуте, 6 золотых». По поводу свидания вышла ода на латинском языке, печатный экземпляр которой был представлен послам (см. Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1697 г., № 2):

Applausus
Cum fortissimus
Moscorum Caesar
Guilhelmum III

In victissimum atque potentissimum Magnae Brinanniae Franciae an Hiberniae Regem etc. inviseret*

1697

Sarmata Riphaei rector fortissimus orbis
Europamque Asiamque bonis qui continet unus
Optimus imperiis (seu qua se fluctibus aequor
Pandit Hyperboreis, seu qua sal Caspium et ingens
Euxinum Hyrcanis distinguit Caucasus ursis).
Invisit Guilhelmum ardens. Quanta illa Britannis
Gloria, quamque meis decus inde perenne Batavis!
Sauromatae votis septem gaudete triones.
Virtutem Auriacam miratur nobile belli
Fulmen, Bistoniae natum confringere lunae
Cornua: victorices cuyus properare cohortes
Obstupuit Tanais: trepidabat maximus Ister
Ataque Hypanis, rapidique Borysthenis amnis et omnis
Pontus, Nec satis est dominum Maeorica tellus
Si mutet, decus ecce novum, famamque recentem
Cimmerii adjiciunt, Invisa potentia coelo.
Thrax inimice tremas, si quando hic calcibus heros
Pulsat humum, non[1] Pompeji de more, sed oras
Armet ut Arctor momento cardinis omnes
Non Seres illi irarum, non ultima mundi
Littora erunt causae. Quam late horrebit uterque
Bosphorus et Scythicis fremere agmina cernet in armis!
Hic vir, hic est, qui fatorum immutabilis ordo
Ingentem dederat Guilhelmum accedere. Natum
Iessiadae sic visendi flagrabat amore
Aethiopum regina olim et mirata recessit
Fortis Amazonidum sic et regina Thalestris
Et laribus patriis et Thermodoonte relicto.
Heroa accessit laetis stipata maniplis
Pellaeum: Tantique ducis praesentia famam
Auxit in immensum quondam super aethera ituram.
Tu, quaeso, Lodoice, ut sunt longe optima in hoste
Judicia[2], promas, fuerit cui justior actae

[1] В подлиннике сноска на полях:
Hic frustra pedum pulsu Italiam se armaturum jactaverat.
[2] На полях:
Ita Nestor apud Calabrum.

Свидание государей в Утрехте подало повод к другому стихотворному произведению, оде в честь Витзена, перевод которой также сохранился в посольских бумагах (Арх. мин. ин. дел, Дела английские 1697 г., № 1, л. 2—1: «Перевод з галанского печатного листа. Переведено в Амстрадаме сентября в 4 д. 206 году».

*

королю Августу II войсками[1]. Послы отправились из Утрехта в ночь на 2 сентября обратно в Амстердам, куда и прибыли 2-го утром. Здесь в этот день получены были посольством первые радостные известия из Москвы о победе боярина Шеина под Азовом, одержанной 20 июля над ордами крымцев, кубанцев, турок и калмыков, налетевшими к Азову из-за Кубани. Петром получена была, между прочим, в этот день при письме Виниуса «цыдулка», присланная последнему от Шеина из похода. Виниус сообщал также вести из Польши, уведомлял о приезде бомбардира Ягана Буса, отправленного послами 30 июня, и в заключение просил постараться о разного рода мастерах[2].

После утрехтского свидания прошло еще две недели, прежде чем посольство официально представилось Генеральным штатам республики. Петр вернулся к своей работе. По дневным записям

Causa viae, cuinam majoris causa stuporis,
Tu quoque, si coelo jungant haec sidera aperto
Lumina et innatis splendescant ignibus ambo
Nonne tuo timeas soli, sociaeque bicorni?

I. Flud, A. Ghilde, J. G. Hagiensis

Hagae, apud Engelb: Boucquet: Sibliopolam prope aulam.

Почитателная должность
Благошляхетному высокопочтенному Господину

Господину Николаю Витцену

бурмистру града Амстердама и прочая, и проч. и проч. Егда Его Благошляхетность Великое Московское Посолство во Град Утрехт провожал, идеже Его Величество Великобританской оному выслушание учинил в дому имянуемом

Туласт. Сентября 1 д. 1697-го

Пресветлейший гражданский господин силного Амстердама.
Иже великое посолство в утрехтские валы впровадил
Величайшего земного монарха: иде же вилиам (зачеркнуто: «ва пришествия») ожидал
Величайший король из европского цесарского поколения,
Что глаголеши ты, древниі град, с своими возвышенными стенами
Никогда еси ты не освещен от двух цесарских сияний.
Царь Петр, от его же помизания восток трепещет и превращается,
Розговаривал чрез посолские уста с тем иже государственной жезл держит
От Бритского цесарства[3] основателный столп Европы
О витцен, вилгелмова мышца, свободила нас от французского насилия,
Тако ж видим мы магомета петровым мечем низложенна
На сего храброго царя возлагает Христова церковь паки надежду
В восточных краях: живи, живи долго, величайший князь
Иже з британским царем весь свет устрашает.

Ф. Галма

В Утрехте напечатано у Франца Галма, печатника Академии, 1697-го.

[1] Сб. Русского Исторического Общества, т. XX, № 1 (Донесение Христофора Бозе Августу II от 14/24 сентября).

[2] П. и Б., т. I, стр. 636—637; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 25: «Сентября в 2 д. почтмастеру Экберту за московскую почту дано ползолотого 3 алт. 2 д.»

[3] На полях: «аглинское».

«Статейного списка» можно следить за деятельностью посольства за эти две недели, деятельностью неторопливой и далеко не лихорадочной. Став государственным органом, в котором взамен Посольского приказа сосредоточилось теперь направление внешней политики России, посольство ведет дипломатическую переписку с иностранными государствами, помечая, впрочем, составляемые от имени великого государя грамоты «царствующим градом Москвою» и вступает в сношения с посольствами европейских государств, находящихся в Голландии на конгрессе. Пришла от датского короля ответная грамота на грамоту от 16 июля с выражением радости по поводу упрочения курфюрста Саксонского в Польше и с обещанием принять все меры к обеспечению за ним успеха [1]. Через шведское посольство был получен ответ шведского канцлера Оксенстиерны на письмо к нему Лефорта от 1 августа из Липштадта с уверением в дружбе, с обещанием согласно действовать в Польше и с выражением удовольствия по поводу намерения Лефорта приехать в Стокгольм [2]. Главной целью, к которой направлялась дипломатическая деятельность посольства, был союз европейских держав против «врагов креста христова», т. е. против турок, а одним из главнейших вопросов, который оно стремилось разрешить в интересах этой цели, был вопрос о польском короле, и на него обращалась значительная доля внимания посольства и, конечно, царя. Посольство получало то и дело донесения русского резидента в Варшаве А. Никитина, иной раз с приложением документов. Резидент в отписках сообщал о своей аудиенции у нового короля в Кракове 6 августа, о милостивом приеме его королем, о своем возвращении в Варшаву, причем пересылал посольству благодарственную грамоту короля царю в ответ на грамоту от царя от 6 июля, а также добытый им текст грамоты цесаря к примасу с порицанием за оказанную французскому кандидату поддержку. Никитин доносил, далее, о своих стараниях убеждать польских сенаторов отступать от деконтиевой стороны и приклоняться на сторону курфюрста Саксонского [3]. Донесения резидента Никитина докладывались послами Петру, для чего они 8 сентября выезжали на Ост-Индийский двор, как мы узнаем из записи в посольской «Расходной книге»: сентября в 8 день «ездили великие и полномочные послы з грамотою нового полского короля и с вестовыми ис Полши резидентовыми писмами к великому государя на Остинской двор в яхте, и той яхты шиперу и саром (матросам) пяти человеком дано в почесть по ефимку человеку, итого 5 ефимков» [4].

Деятельность посольства по польскому вопросу усилилась оживленными личными сношениями и переговорами с находившимся

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 923—925.
[2] Там же, VIII, 955—959.
[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 920, 927, 942. Подлинные донесения см. Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1697 г, № 6, л. 3—10, 17—22, 28—54, 62—95, 220—233 и др.
[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 181 об.

в Амстердаме и затем Гааге послом польского короля бароном Христофором-Дитрихом Бозе. 22 августа этот барон просил через послов личной аудиенции у царя; послы на эту просьбу ответили, что «великий государь, его царское величество, в Московском государствии пребывает» и предложили ему об имеющемся у него деле сообщить государю через них. Тогда барон явился с визитом к послам 10 сентября, повторил визит на следующий день, 11 сентября, и открыл этим ряд посещений московских послов в Амстердаме и затем Гааге, начав переговоры, суть которых заключалась в просьбе помочь королю Августу, введя в Польшу 60-тысячный отряд русского войска, стоявший на Литовской границе. Послы охотно соглашались оказать такую помощь, но требовали как ее непременного условия, чтобы царю о вводе войск в Польшу была подана письменная просьба, притом не только от имени одного короля, но также от сенаторов и всей Речи Посполитой, ибо иначе Речь Посполитая может счесть вступление русских войск в пределы Польши за нарушение вечного мира, существующего между Москвой и Польшей [1].

В донесении самого польско-саксонского посла Бозе королю Августу II от 14/24 сентября, в общем согласном с известиями «Статейного списка», находим некоторые подробности относительно внешней обстановки, в которой происходили его свидания с послами 10 и 11 сентября. Прибыв для этой цели из Гааги в Амстердам 9 сентября, Бозе 10-го предварительно повидал бургомистра Витзена, человека, как он пишет, пользующегося большим влиянием в Амстердаме и очень любимого царем за то, что он был некогда в Москве и знает русский язык. Ему он изложил предмет своих предстоящих разговоров с послами, т. е. о предоставлении королю 60-тысячного вспомогательного русского корпуса и просил повлиять на царя и посольство в этом направлении, что́ Витзен обещал сделать, и действительно исполнил. После свидания с бургомистром Бозе в то же утро, 10 сентября, через дворянина дал знать русскому посольству о своем прибытии и просил назначить час для переговоров. Послы, прежде чем установить час, пожелали узнать, как он хочет быть принят: торжественно ли со всеми церемониями или инкогнито. Бозе предпочел последнее под предлогом, что приехал в Амстердам один на почтовых. Тогда послы ответили, что радуются его прибытию, желают с ним познакомиться и просят его, если может, явиться к 10 часам. «Я исполнил это в назначенное время, — пишет Бозе, — и был принят весьма учтиво при выходе из кареты дворянами, а на лестнице самими посланниками. Здесь мне подали руку и повели через различные покои в маленькую комнату, которую я счел за спальню первого посланника Лефорта, по причине стоявшей там очень дорогой постели (так как, между прочим, одеяло было опушено соболями), там посадили меня на первое место за стол, за которым не было никого, кроме трех посланни-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 919, 932, 938—942.

ков, занявших места напротив меня. Тут же оставалось два переводчика: один немец, изучивший русский язык (Вульф) и один москвитянин, изучивший немецкий язык (Шафиров), а также секретарь, который записывал свинцовым карандашом все происходившее».

Бозе выразил благодарность за предложение царя, сделанное самим царем в разговоре с Вильгельмом III, — выставить на литовскую границу 60 000 человек для помощи Августу. Король Август надеется подчинить непокорных скорее снисхождением, чем силой, и без самой крайней необходимости не решится вовлечь царя в войну, тем не менее помощь была бы полезна ввиду агрессивных действий принца де Конти, который, возбудив внутренние волнения в Польше, может помешать ей направить все силы против природного врага христианства — Турции. Чтобы ускорить самый ход дела, Бозе просил послать царский приказ генералу, командующему 60-тысячным корпусом, стоявшим на литовской границе (князю М. Ю. Ромодановскому) о движении в Литву и о повиновении предписаниям польского короля. Послы, поговорив между собой на своем языке, отвечали через переводчика, что царь употребит все силы, чтобы доставить королю Августу спокойное обладание короной, не только в общих интересах всего христианского мира, но и из уважения к личности короля. Царь уже ранее думал об этом, велел своим войскам придвинуться к литовской границе, писал Речи Посполитой и датскому королю, а с курфюрстом Бранденбургским имел устный разговор. Царь, уверяли они, будет содействовать делу единственно в целях сокрушения врага христианского имени — турок, а не по другой какой-либо причине. На замечание Бозе об опасности для России соседства француза Конти, причем он сказал, что печальный вид выжженных и опустошенных городов и сел на Рейне достаточно ясно свидетельствует, чего можно ожидать от французского соседства, послы ответили, что великий царь — такой могущественный государь, который никого не боится, кроме бога. Он богат казной и деньгами, не нуждается в навербованных солдатах, вполне может положиться на мужество своих подданных, которых должен снабжать только порохом и пулями. Что же до приказа к генералу, командующему корпусом на границе Литвы, то послы сказали, что должны предварительно хорошенько обсудить это дело и подать о нем всеподданнейший доклад царскому величеству, обещая уведомить Бозе о решении к 5 часам вечера. «Я с благодарностью, — пишет Бозе, — принял это объяснение и был сопровожден первым посланником до начала лестницы, вторым до середины, а третьим до самого низу». В «Статейном списке» заключительные слова послов изложены, разумеется, без упоминания о всеподданнейшем докладе царю: «Да великие ж и полномочные послы, — читаем мы там, — спрашивали (Бозе): долго ль он в Амстрадаме побудет? И посол говорил, что он хочет ехать в Гагу сего числа. И великие и полномочные послы ему говорили, чтобы он забавился в Астердаме нынешний день, а они,

помысля между собою, на предложение его отповедь учинят ему совершенную. И посол говорил, что он будет их, царского величества великих и полномочных послов, ответу ждать покамест, как воля их будет»[1]. Действительно, после разговора с Бозе послы выезжают на Ост-Индийский двор к Петру с докладом, как о том свидетельствует опять «Расходная книга»: 10 сентября — «ездили великие и полномочные послы к великому государю на Остинской двор в яхте со объявлением о бытии у них, великих послов, новобранного полского короля курфистра саксонского посла ево, и той яхты, в которой ездили, дано сарам в почесть 3 ефимка»[2]. Обещанного ответа посольство, однако, в тот же день, 10 сентября, дать Бозе не могло. «В 5 часов, — пишет он в своем донесении, — посольство велело извиниться и просило отсрочки до 9 часов вечера. Около 10 часов они опять прислали ко мне дворянина и вторично извинялись, что и на этот раз не могут явиться по важным причинам и откладывали до завтрашнего утра. В этот вечер между простым народом в Амстердаме разнесся слух, будто царь инкогнито сделает мне визит, а потому, чтобы видеть его, перед моим домом собралось множество народу, и, конечно, если бы московское посольство исполнило данное мне обещание, то из этого могло бы произойти много неудобств. По этой причине я предложил на другой день самому явиться в дом посольства, чтобы выслушать ответ на свое предложение, на что они и согласились»[3].

11 сентября Бозе, вновь посетив послов, получил ответ, в котором послы неоднократно уверяли его в уважении царя к польскому королю и обнадеживали в помощи 60-тысячным войском. Относительно же пункта, который Бозе считал главным, именно царского приказа командующему этим войском генералу, то послы вновь ответили, что царь не задумается исполнить просимое, если и король, и республика обратятся к нему с письменными просьбами, и подробно аргументировали это требование: «так как его царское величество заключил вечный мир с королем и королевством польскими и имеет обыкновение держаться данного слова, то он не решается послать свои войска в Польшу, разве только, если будет в состоянии представить письменное доказательство того, что это случилось по собственному их желанию, чтобы таким образом заставить молчать противников, которые иначе стали бы искать случая, объявить, будто его царское величество нарушил заключенный с Польшей мир и вторгнулся как неприятель в страну... Справедливость этого ответа, — пишет Бозе, — была так очевидна, что я не мог ни на что возразить им, только поблагодарил и, после взаимных уверений в дружбе откланялся им с большой вежливостью». Эта большая вежливость польского посла отмечена и «Статейным списком», где говорится, что Бозе, окончив разговор и «встав, за показанную

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 938.
[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 182.
[3] Сб. Р. И. О. XX, № 1, стр. 2—6.

чрез них, послов, великого государя милость бил челом и кланялся ниско и говорил, что он рад всеконечно во всяких случаях великому государю, его царскому величеству, и им, великим и полномочным послом, всегда служити со всяким усердным намерением». «Эти послы, — заключал Бозе свою депешу, передавая произведенное на него московскими послами впечатление, — люди большого ума, хорошо знающие состояние Европы и приятные в обхождении. В особенности первый из них, г. Лефорт»[1].

И после этого второго визита Бозе 11 сентября послы также ездили с докладом к царю на Ост-Индский двор[2]. При этих свиданиях послы, надо полагать, осведомляли царя и вообще о европейских событиях, за которыми они следили по выходившим тогда и особенно обильным в Голландии курантам; неудивительно поэтому, что они произвели на Бозе впечатление людей, хорошо знающих состояние Европы. Покупкой курантов для посольства заведывал переводчик Петр Вульф[3].

XIX. СЕНТЯБРЬ 1697 г. ПЕРЕПИСКА ПЕТРА С МОСКОВСКИМИ ДРУЗЬЯМИ

Наряду с дипломатической деятельностью посольство, напоминая в этом случае Посольский приказ, вело и разные другие дела по государственным надобностям и по частным просьбам, что также отмечалось в «Статейном списке». 24 августа, по распоряжению послов, из Амстердама был отправлен в Москву лекарь Христиан Винтер, которому выдана проезжая грамота. 10 сентября посольство отправило в Москву в приказ Большой казны указ «великого государя» о выдаче иноземцу Исааку Гутману московскими мелкими деньгами 1575 ефимков для перевода в платеж бургомистру Николаю Витзену за взятую им на себя поставку ружей в количестве 10 000 фузей[4]. Перед нами начинает, таким образом, открываться другая сторона деятельности посольства, для

---

[1] Сб. Р. И. О. XX, № 1, стр. 6—8; Пам. дипл. сношений, VIII, стр. 938—942. Между депешей Бозе и записями «Статейного списка», в общем согласными, есть одно разноречие. По свидетельству Бозе, послы в подтверждение своих уверений относительно расположения царя к Августу II и о мерах, принятых им в его пользу, представили Бозе письменные документы, а именно ответ от Речи Посполитой за подписью епископа Куявского, ответ датского короля и ответ самого Августа II. Это предъявление документов Бозе относит к своему первому визиту, 10 сентября. В «Статейном списке» предъявление документов, притом только двух: ответа датского короля (ср. Пам. дипл. сношений, VIII, 923—925) и ответа Речи Посполитой за подписью епископа Куявского, отнесено к 11 сентября. «Статейный список» подробнее описывает этот момент — представление документов, — сообщая замечания, какие при этом сделали Бозе и московские послы.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 942; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 25.

[3] Пам. дипл. сношений, Кн. австр. дв., № 47, л. 186: сентября 19 «переводчику Петру Вулфу за издержку ево, что он покупал в Амстрадаме на свои деньги куранты августа с 16 числа по вышеописанное число, дано ефимок 3 алт. 2 ден.»

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 913, 932.

которой оно отправилось заграницу, именно приобретение необходимого для московских военных сил вооружения, снаряжения, наем технического персонала и сведущих в военном деле лиц. Время от времени к послам являлись разные довольно неожиданные просители иностранцы или разными прихотливыми случаями занесенные за границу русские люди, кружившиеся на чужбине подобно оторванным от родных ветвей листьям. Послы, по указу государя, выдали пенсию вдовам голландцев-плотников, бывших в России на службе и умерших там: 23 августа Гринке Мейсе, вдове Клауса Вилимова, бывшего в Азовском походе у судового дела в плотниках — 160 ефимков, и 7 сентября Саре Ерисе, вдове Якова Ката, который, будучи под Азовом, делал фуркаты и там умер, за полгода 300 гульденов, да ей же в виде единовременного пособия по случаю смерти мужа 300 гульденов [1]. В 20-х числах августа пришел к послам некий греческий старец, архимандрит цареградского Преображенского монастыря, предъявивший жалованную грамоту, по которой монастырю разрешено было через четыре года на пятый посылать в Московское государство трех или четырех старцев для сбора милостыни. Послы дали ему 15 червонных золотых и отпустили [2]. 28 августа подал челобитье некий Андрей Павлов, «знакомец» стольника Федора Леонтьева, приехавший с этим стольником в Амстердам, — о приеме его на службу: «чтоб быть ему в чину, в каком великий государь укажет». Ему велено было — не без участия, по всей вероятности, в этой резолюции самого Петра — быть в Преображенском полку в солдатах [3]. 2 сентября перед послами предстал казак Яцко Кондратов Цыховский, сказавший, что он послан от гетмана И. С. Мазепы в Турецкую землю, в город Смирну, к родному своему брату, который в 1678 г. под Чигирином попал в плен к туркам, там принял мусульманство («обусурманился») и теперь состоит на турецкой службе войсковым писарем. Гетманом дано ему, Цыховскому, поручение при проезде через Царьград разведать о намерениях турок и осмотреть укрепления города. Послы со своей стороны подтвердили это поручение и выдали предприимчивому разведчику 30 ефимков государева жалованья [4]. Через три дня, 5 сентября, явился другой украинский казак, Василий Степанов, взятый в плен турками 28 лет тому назад, в плену находившийся «на каторге» (галере) гребцом, а теперь бежавший с каторги и пробирающийся в родную землю. Послы велели выдать ему государево жалованье и оставили его при посольстве, пока он справится в путь. С ним вместе принят был другой, также освободившийся из турецкого плена русский, некий Иван Петров;

---

1 Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 178, 181.

2 Пам. дипл. сношений, VIII, 919, 24 августа. Эта выдача в Расходной книге посольства отнесена к 22 августа (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 23 об).

3 Пам. дипл. сношений VIII, 921.

4 Пам. дипл. сношений, VIII, 926, 944—945; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 182 об. — 183.

обоим им велено было жить при посольстве вместе с посольскими гайдуками [1]. 13 сентября послы приняли приехавшего в Голландию с цесарским посольством архиепископа Анкирского Петра-Павла Пальма. Петр-Павел Пальма-де-Артуа, архиепископ Анкирский, апостолический викарий в странах Великого Могола, сказал о себе, что имеет намерение направиться по поручению цесаря в Персию возбуждать шаха персидского к войне против турок, а из Персии с теми же целями пробраться в Индию и Эфиопию, представил грамоту, выданную ему цесарем, и просил перед послами об обеспечении ему проезда через Московское государство, об отпуске с ним в Персию русского посланника и о посылке грамот от московского царя к «потентатам» Индии и Эфиопии. Послы поездке его выразили сочувствие, но сообщили ему, что в Персию особого посланника отправлять нет надобности, так как там имеется постоянный русский резидент; нельзя также посылать грамот в Индию и Эфиопию, потому что у великого государя с теми государями за отдаленностью никаких дипломатических сношений («ссылок») не бывало. Впрочем, послы обещали архиепископу всяческую помощь при проезде его через Московское государство. Петр отнесся к архиепископу с большой благосклонностью и, как последний рассказывал потом в Москве, трижды поцеловал у него руку. Архиепископ посещал посольство неоднократно и выехал в путь, по совету послов, только весной 1698 года [2].

Под 19 сентября в посольской «Расходной книге» записана выдача жалованья некоему «иноземцу польской породы» Петру Скоровскому, пробывшему лет с 13 в плену у турок, там изучившему несколько языков и освободившемуся выкупом. Ему было пожаловано 10 ефимков на выкуп продолжавшего еще томиться в плену его брата; а сам он ввиду знания языков был принят на службу при посольстве в толмачи [3]. 3 октября явился в посольство некий священник Василий Григорьев с сыном, потерпевшие где-то кораблекрушение и очутившиеся в Голландии; священнику дано было милостыни 2 ефимка, а затем с конца октября его приютили при посольстве; ему велено было жить в Амстердаме, и он стал служить в посольской церкви вместе с Иоанном Поборским. «Расходная книга» посольства, упоминая еженедельно о выдаче ему кормовых денег, долгое время обозначает его словами «священник Василий Григорьев с сыном, которых на море разбило» [4].

Статейный список отмечает также выдачу послами «пасов» — паспортов, проезжих грамот волонтерам или солдатам, посылав-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 181: «Вместо милостыни на корм 6 ефимков», л. 193, л. 201 и т. д.; Пам. дипл. сношений, VIII, 925.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 944, 953, 1060. Об архиепископе Анкирском: *Pierling*, La Russie et le St. Siège, IV, 146; *Dukmeyer*, Korbs Diarium etc., I, 188—194.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 186, 193.

[4] Там же, л. 188, 195 об., 198 об. и т. д.

шимся в разные места для изучения матросской службы. Так, 8 и 13 сентября выданы были паспорта той группе волонтеров, которую перечислил Петр в письме к Ромодановскому от 31 августа как получившую назначение в матросы на корабли в разные места [1]. 14 сентября посольством от имени великого государя сказан был указ князю И. С. Шаховскому, А. А. Нестерову, Ф. П. Леонтьеву ехать для учения в Ост-Индию, а князю Т. Шаховскому велено ехать даже в «восточную Ост-Индию» [2] Для чего понадобились такие далекие заморские командировки? При ответе на этот вопрос невольно напрашивается на сопоставление с приведенной записью «Статейного списка» один рассказ Ноомена, приводимый и Схельтемой, в котором Петр выступает, — и в этом нет ничего невероятного для его первого заграничного путешествия, — с чертами незнающего удержу своему произволу восточного деспота, попавшего в цивилизованную европейскую страну. Схельтема рассказывает, что, вернувшись в Амстердам из Утрехта после свидания с Вильгельмом III, царь сильно разгневался на двух русских важных лиц, которые позволяли себе в резких выражениях осуждать некоторые действия царя и давать ему советы реже показываться публично, больше охранять свое достоинство и блюсти свой сан, т. е., очевидно, критиковали совершенно для них непонятное и, действительно, с точки зрения обычного заурядного русского обывателя XVII в. странное и предосудительное поведение царя за границей. Царь так был разгневан, что приказал заковать их в цепи и держать в посольском доме, намереваясь казнить их смертью, отрубив им головы. Амстердамские бургомистры представили царю, что такое наказание не может быть приведено в исполнение ни в Амстердаме, ни где-либо в пределах голландской территории, убеждали царя оставить свое намерение и просили вернуть заключенным свободу. Царь согласился под влиянием этого ходатайства даровать им жизнь, но под условием, что один из виновных подвергнется ссылке в Батавию, а другой — в Суринам [3]. Может быть, в записи «Статейного списка» о посылке в Ост-Индию князей Шаховских, Нестерова и Леонтьева и надо видеть ссылку тех резких критиков, о которых рассказывают Ноомен и Схельтема? Подтверждением такому предположению могут служить намеки на подобную ссылку, которые делает Л. К. Нарышкин в своем ответе Петру на письмо последнего от 31 августа: «а что ваша милость писал за некакие слова посланы те винные, и за то себе и осуждение приняли. Дай боже за истину твою господь бог управил путь твой. Может господь бог супостатов твоих искоре-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 926, 944—945; Арх. мин. ин. дел. Кн. австр. дв., № 47, л. 50: «Сентября в 13 д. великого государя жалованья Ипату Муханову с товарыщи, которые того ж числа поехали на море учитца, дано косяк камки, пара соболей в 8 рублев».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 945.

[3] *Ноомен*, Записки, стр. 41—42; *Scheltema*, Peter de Groote, I, 153—155; «Russland en de Nederlanden», II, 210—211; «Anecdotes Historiques», 121—122; «Русская старина», 1916 г., февраль, стр. 207—208.

нить»[1]. Между «Статейным списком» и рассказом голландцев разница в числе лиц, о которых идет речь: в списке их четверо, у Ноомена — двое. Между «Статейным списком» и рассказом Схельтемы, с одной стороны, и между письмом Л. К. Нарышкина — с другой, разница во времени. Судя по письму Нарышкина, Петр уже от 31 августа, следовательно, до поездки в Утрехт, сообщал ему о ссылке виновных в произнесении каких-то слов. Схельтема относит эпизод ко времени после возвращения из Утрехта, а «Статейный список» говорит об объявлении указа под 14 сентября. Но Схельтема мог неточно передать число лиц и несколько спутать хронологию. Происшествие могло случиться до поездки в Утрехт и ссылка могла быть решена до 31 августа, а 14 сентября могло состояться лишь официальное объявление указа.

Свои досуги посольство продолжало посвящать осмотру амстердамских достопримечательностей. 7 сентября оно посетило амстердамский ботанический сад, где представлены были экземпляры индийской флоры, и состоявший при саде музей с редкостными образцами морской фауны экзотических владений Голландии. «Сентября в 7 день, — читаем в «Статейном списке», — великие и полномочные послы были в Амстердаме с приставы своими и гуляли в огороде, которой огород называется Гортус Медикус (Hortus Medicus), или огород лекарственной, тот огород строится всем Амстрадамом. В том огороде зело многое множество древ иностранных, а имянно из Индии — масличные, и коричные, и померанцовые и кипарисы, и цитрыновые и прочие, также многие благоуханные травы и разными видами; и устроены тем древам и травам изрядные места, и вносятся в хладное время в анбары, а травам зделаны места и сыcподи печи (оранжереи). В том же садовом дому и анбаре стоят многие скляницы, и сулейки, и стаканы, а в них в спиритусе морские дивы, во вяском судне особо — змии, каркодилы, саламандры и иные многие. Подчивали великих и полномочных послов в том саду первой амстрадамской президент и бурмистры Николай Витцен и приставы посолские, мастер церемоний гофмеснер Эсенс, да товарыщ его капитан Андрей Яковлев сын Фандерлгулст, да комендант Ауцгорн в ествах и питии со всяким доволством»[2]. У Схельтемы есть известие, что Петр принимал участие в этом посещении ботанического сада, известие, среди других преданий, сообщаемых этим автором, заслуживающее доверия потому, что Схельтема приводит и хронологическую дату, совпадающую с датой «Статейного списка» — 17 сентября по новому стилю, 7 по старому. Свое известие Схельтема снабжает одной подробностью: Петр посетил сад в сопровождении профессора Рюйша, известного анатома, изобретателя особого

[1] П. и Б., т. I, стр. 645—646.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 925—926; Арх. Мин. Ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 25: «Сентября в 7 д. в Амстердаме были великие послы в меском (так!) огороде и смотрили разных древ и трав, огороднику дано 3 золотых».

способа сохранять анатомические препараты посредством инъекции и владельца анатомического музея, считавшегося одной из достопримечательностей Амстердама. Петр, по рассказу Схельтемы, познакомился с Рюйшем еще до посещения сада и побывал в его музее, испытав сильное впечатление от всего там виденного. Он будто бы был поражен видом сохранившихся трупов: «остановившись у трупика ребенка, сохранившегося так хорошо, что, казалось, ребенок еще жив и на лице его как бы играет еще улыбка, Петр не мог удержаться, чтобы не поцеловать малютку». Несколько раз затем посещал царь кабинет Рюйша и особенно стал интересоваться хирургией и даже хотел брать у профессора специальные уроки этого искусства [1]. Впоследствии, как известно, Петр считал себя сведущим в хирургии и любил делать операции больным. Правдоподобность приведенных сообщений Схельтемы о знакомстве Петра с Рюйшем и о склонности его к занятиям анатомией подтверждается записью «Расходной книги» посольства где читаем, что перед отъездом царя из Амстердама в Англию «дохтуру Рюйшу, которой казал анатомию», был сделан подарок соболями: пара в 10 рублей и две пары по 8 рублей [2]. 8 сентября, как мы видели выше, послы ездили к Петру на Ост-Индский двор для представления ему грамоты нового польского короля и для доклада известий, присланных из Варшавы резидентом А. В. Никитиным о польских делах.

9 сентября с почтой прибыли донесения и письма из Москвы от 13 августа с подробностями о походе Шеина, о крепостных сооружениях под Азовом и о победе его 20 июля, которые сделались известны в Москве и из донесения «сеунча» Шеина, полученного там 8 августа [3]. Выступив из Москвы весной с 26-тысячным войском, Шеин подошел к Азову в половине июня, присоединив к своему отряду на пути 5 000 донских казаков и орду верных русскому правительству калмыков Аюки-хана, и расположился станом на прошлогодних местах. На другой день по приходе войск в Азов в торжественной процессии были вынесены прибывшие с войсками из Москвы иконы: в соборную церковь образ «похвалы пр. богородицы», а в церковь «св. предтечи и крестителя Иоанна» образ его, найденный в прошлом году в Азове при его взятии и в Москве возобновленный. С 20 июня начались работы по устройству крепостных сооружений по планам инженера де Лаваля. На горе за Азовом над рекою Доном заложен был земляной городок Алексеевский; 4 июля — тоже земляной городок Петровский на Каланчинском острове. Затем приступлено было к постройке крепости св. троицы на Таганроге и форта Павловского — в 5 верстах от нее на Петрушиной губе. Для сооружения плотин, необходимых при устройстве таган-

[1] *Scheltema*, Peter de Groote, I, 160—162: «Russland en de Nederlanden», II, 216—218: «Anecdotes Historiques», 126—128; «Русская старина», 1916 г., февраль, стр. 211.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 55.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 927.

рогской гавани, насыпались камнями огромные ящики, которые затем должны были погружаться в воду. Работы эти шли мирно, о неприятеле ничего не было слышно, высланные за Кубань разведчики не нашли никаких его следов, как вдруг 20 июля из степи показались орды крымцев, кубанцев, турок и калмыков, отложившихся от хана Аюки. В русском лагере ударили тревогу, но, прежде чем войско стало на позиции и приготовилось к встрече с неприятелем, отряд татарской конницы в 2 000 человек ворвался в лагерь, изрубил несколько солдат, произвел переполох и сумятицу и тотчас же умчался назад к главному войску, которое между тем в числе 12 000 человек конницы и 5 000 пехоты наступало на русских. Завязался бой. Русская артиллерия, обученная цесарским полковником Грабе, открыла неожиданный для неприятеля и очень меткий огонь картечью. Ранее русские не употребляли картечи и палили из пушек, не заботясь о меткости стрельбы, стараясь напугать орды крымцев и калмыков громом выстрелов. Нападавшие не выдержали и рассеялись. Еще несколько раз они собирались и вновь делали атаки на русский лагерь, так что битва тянулась в течение десяти часов, с раннего утра до позднего вечера. Наконец, неприятель скрылся в степи, потеряв 2 000 убитыми. Появившиеся вслед затем выходцы из турецкого плена показывали, что еще весной 1697 г. к северному рукаву Кубани, реке Черной Протоке, приходил турецкий галерный флот из 34 судов, и турки заложили там земляной городок с дубовым острогом, названный Алиевым, но что к Азову итти оттуда турки не намереваются. Это успокоительное известие дало возможность Шеину начать приготовления к обратному походу [1].

Таково было содержание известий, полученных Петром 9 сентября из Москвы. Из полученных Петром в этот день писем сохранилось письмо А. М. Головина с уведомлением об исполнении всех распоряжений, переданных в письме царя к Головину, о приезде бомбардира Яна Буса, который отослан в Иноземский приказ. Головин говорил с ним, и он показался ему человеком добрым, дело свое знающим и нехвастливым. Вернулись также и солдаты, посланные обратно с Яном Шмитом, который вручил Головину посланную ему царем в подарок из-за границы пику. В заключение Головин напоминает царю о своих полковых и корабельных нуждах, о которых писал раньше [2]. День 9 сентября для Петра ознаменовался еще одним радостным событием. До сих пор в течение конца августа и начала сентября его плотничные работы на верфи имели предварительный и подготовительный характер. 9 сентября был заложен им под руководством его учителя Геррита Поля фрегат в 100 футов длиной. Бодрое, рабочее настроение, может быть, еще усиленное этим важным для кораблестроения событием, звучит в собственноручном письме

---

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 78—81. *Плейер* (Устрялов, III, приложение XI, № 3).

[2] П. и Б., т. I, стр. 637—638.

Петра к патриарху, написанном 10 сентября в ответ на письмо патриарха, полученное с почтой накануне. Петр работает в поте лица, работает с единой целью: ради приобретения моря и знания морского дела для победы над «врагами имени Иисуса Христа» — турками. «Вашего архипастырства писмо, — читаем в письме, — авъгуста 13 д. писанное, мънѣ отдано сентебря въ 9 д. 1697, іс которого выразумѣлъ вашея святости доброжелание і молитвы, за чъто мъногократно благодаримъ вашу персону. А насъ же аще соізволишь вѣдать, і мы въ Нидерлянъдахъ, въ городе Амстелдаме благодатию божиею і вашими молитвами при добромъ состояниі живы, последуя слову божию, бывъшему къ п[р]аотцу Адаму (трудимся), что чинимъ не отъ нужъды, но доброго ради приабретения морского пути, дабы, іскусясь совершенно, могли возвъратяся противъ врагоъ імени Іісусъ Хъриста победителеми, а християнъ тамо будушъшихъ, освободителеми благодатию его быть, чего до последнего іздыхания пожелаѳъ, церкъви светой і вашимъ молитвамъ предая себя. Piter. Ізъ Амстелдама, сентебря в 10 д. 1697»[1]. В тот же день, 10-го, он ответил на полученные накануне с почтой письма. «Min Her Kenih, — пишет царь Ромодановскому, — писмо ваше государское мнѣ отдано, за которое многократно челомъ бью. Здѣсь вестей никакихъ нѣтъ. Господа послы на будущей недѣли поѣдутъ отсель въ Гагу; а что впредь станется дѣлать, писать буду. Aldach Knech Piter. Изъ Амъстрадама, сентября въ 10 день»[2]. С Виниусом царь беседует о столь занимавших Виниуса мастерах: часть их удалось нанять и они высылаются; пушечных мастеров еще не наняли, но есть надежда устроить дело при содействии Витзена — до тех пор следует обойтись имеющимися дома. Пришла весть о состоявшейся коронации Августа Польского, на стороне которого теперь подавляющее большинство сенаторов и шляхты, переговоры о мире с французами опять возобновились — есть надежда, что завтра, послезавтра мир будет заключен. (Рисвикский мир и был заключен 10/20 сентября.) «Min Her Vinius. Писма твои августа 6-го и 13-го дней мнѣ отданы, въ которыхъ пишешь ваша милость о мастерахъ: изъ тѣхъ мастеров, которые дѣлают ружье и замки зѣло доброе, сыскали и пошлемъ, не мѣшкавъ; а мастеровъ же, которые льютъ пушки, бомбы и прочее, еще не сыскали, а как сыщемъ, пришлем не мѣшкавъ; а ради поспешенія изъ тѣхъ же мѣстъ, гдѣ Бутманъ на Олонецкіе заводы сыскалъ, дабыть возможно. Аднакожъ мы здѣся сыщемъ такихъ, за что взялся бургомистръ Витценъ; толко мню не вскорѣ. Из Полши вчерась вѣдомость пришла отъ разидента, что совершенно коронуютъ Саского; а при Деконтии толко кардиналъ и нѣкоторые

[1] П. и Б., т. I, № 186. Заметим, что это первое письмо, помеченное годом от рождества христова, и как раз именно патриарху. Вероятно, на мысль помечать год от рождества христова навело Петра только что исполнившееся 1 сентября новолетие 7206 г. от сотворения мира, расходящееся с заграничными обычаями. Ср. там же, № 188.

[2] П. и Б., т. I, № 187.

сенаторы неболшие, о чем, чаю, уже вѣдаете да шлахты человѣкъ съ четыреста. Миръ ѳранцуской паки обновился и, чаютъ, совершенно завтра или позавтрее совершится; о чемъ впредь писать буду. Вѣстей иныхъ никакихъ нѣтъ, и ѳлотъ здѣшной еще на морѣ. А господа послы на той недѣлѣ поѣдутъ отсель в Гагу. Piter. Из Амстрадама, сентября въ 10 день 1697» [1].

10 же сентября, как припомним, у Петра на Ост-Индском дворе были послы с докладом о свидании и разговоре с польско-саксонским послом Бозе.

11 сентября посольство, снова приехав на Ост-Индский двор для доклада о втором свидании с Бозе, после доклада продолжало обзор амстердамских достопримечательностей, посетило находившийся на Ост-Индском дворе зверинец, где «смотрели слона, которой показывал многие штуки по повелению зверовщикову, удивлению достойные» [2]. Может быть, именно об этом слоне говорит и автор «Записной книжки», отметивший, что видел «слона великого, который играл знамем, трубил по-турски и по-черкаски, стрелял из мушкету и много другого делал и играл с собакою, которая непрестанно при нем находилась» [3]. 11 сентября амстердамскими бургомистрами было устроено для развлечения царя катанье на яхтах. «В субботу 10 сентября, — описывает этот эпизод Ноомен, — бургомистры Амстердама поручили многим маклерам сообщить (не как предписание или просьбу, а просто в форме уведомления) шкиперам, стоявшим со своими судами на реке, что их высокоблагородиям (бургомистрам) будет очень приятно, если на другой день, т. е. в воскресенье, в 8 часов утра все подымут свои флаги и вымпела. (Этим они, конечно, доказали, как мало, к сожалению, они заботились о почитании воскресенья.) Они предполагали в назначенный день доставить его царскому величеству удовольствие и устроить для него катанье на городской яхте по заливу Эй мимо города Амстердама и дальше в сопровождении многих больших и маленьких яхт, находившихся в городе. Прогулка эта состоялась. О приготовлениях заблаговременно узнали в Заандаме, и поэтому буеряхт участвовало в прогулке столько, что зрители могли любоваться очень живописной картиной. Приехало столько яхт, что они неоднократно сталкивались. Сколько тогда было осушено бутылок! Но все старались держаться на известном расстоянии от великого князя, во избежание недоразумений, которые, как он уже доказал, могли бы иначе случиться». Под недоразумением Ноомен, очевидно, подразумевает здесь случай, только что упомянутый

---

[1] П. и Б., т. I, № 188. В тот же день были написаны письма к Л. К. Нарышкину и А. М. Головкину, не дошедшие до нас. П. и Б., т. I, стр. 649.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 942; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 25: «Сентября в 11 д. были великие послы на Астинском дворе, смотрили слона, которой показывал многие штуки; за показ зверовщику дано 11 золотых 10 алтын, да капитану и сарам, которые великих послов на Остинской двор возили на яхте, золотой 20 алтын».

[3] *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 199.

им перед рассказом о катанье 11 сентября. Во время катанья Петра на своем буере по Керкраку на палубе одного из находившихся там судов собралось много публики, желавшей непременно видеть царя и между прочим ост-заандамский схаут (судья) и несколько почтенных дам. Судно это подошло слишком близко к буеру царя, а он, желая отделаться от назойливых любопытных, схватил две пустые бутылки и бросил их одну за другой на пассажирское судно прямо в толпу, но, к счастью, никого не задел. Схельтема, упоминая о катанье 11 сентября со ссылкой на Ноомена, приводит еще несколько подробностей со ссылкой на заметку Д. Скея (D. Schey) (потомка адмирала Гиллеса Шея?). «Это зрелище, — пишет он, — также весьма понравилось царю. Число судов, участвовавших в этот день, было почти такое же, как и 22 августа (1 сентября н. с.) благодаря тому что к местной флотилии присоединилось очень много яхт и буеров из северной Голландии. Царь отправился на собственной яхте, а потом пересел на яхту Ост-Индской компании, на которой находились Витзен и другие администраторы названной компании. Но так как число любопытных, прибывавших в залив на своих лодках, все более и более увеличивалось, то царь пришел в гневливое настроение, что̀ причинило всем много огорчения. Вскоре после этого он вернулся на свою яхту» [1].

12 сентября к послам приехал из Гааги по поручению цесарских послов графа Кауница и графа Стратмана, дворянин Готфрид поздравить послов с победой под Азовом и объявить полученную накануне цесарским посольством радостную весть о большой победе цесарских войск над турками, одержанную 1/11 сентября при деревне Центе на реке Тиссе под предводительством принца Евгения Савойского. К этому сообщению присланный дворянин присоединил также, что цесарские послы желали бы повидаться с русскими послами и начать переговоры по некоторым, касающимся всего христианства делам. Послы отвечали выражением благодарности и обещанием видеться с цесарскими послами и вступить в переговоры по переезде своем в Гаагу [2]. На Петра известие о победе над турками при Центе произвело, видимо, сильное впечатление: это, действительно, было блестящее дело принца Евгения, в котором турки понесли громадные потери. О впечатлении, испытанном царем, свидетельствуют его письма в Москву от 13 и 14 сентября с известиями о победе к патриарху, Ромодановскому, Головкину, Головину, Стрешневу. «Святейшей архипастырю Россиян, — пишет он к патриарху: — чиню вашей святости известно некоторую новину: вчерашнего дня прислали послы цесарские к нашим дворянина с такою ведомостию, что господь бог подал победу войском цесарским на турок такую, что

---

[1] *Ноомен*, Записки, стр. 48—49; *Scheltema*, Peter de Groote, I, 156—157; «Rusland en de Nederlanden», II, 212; «Anecdotes Historiques», 123—124; «Русская старина», 1916 г., февраль, стр. 209.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 942—944.

турки в трех окопах отсидеться не могли, но изо всех выбиты и побежали была чрез мост. Цесарцы со своих батарей по смотру стрелять стали, и видя турки то, стали бросатца в воду, а цесарцы ззади рубить. И так в конец турок побили и обоз взяли. На том бою убито турков 10 000 человек или 12 000, межь которыми великой визирь и янычерской ага; иные сказывают, будто и салтан убит, но про то подлинно не ведают[1]. На том же бою взято 72 пушки медных и 6 000 телег. Генералисимусом над цесарскими войски был арцуха Савойскова брат, молодой человек, сказывают 27 или 28 лет. (Ему было тогда 34 года.) А как тот бой начался и вершился, порятком еще не ведают и сами цесарские послы (ждут вскоре), и с сею ведомостию прибежал нарошной гонец из Вены наскоро». К этому продиктованному тексту Петр сделал еще следующую собственноручную приписку: «симъ поздравъляя триумѳомъ, желаемъ вамъ отъ господа бога во въсякомъ добромъ состоянии долговъременного жития. Piter» и опять пометил это письмо к патриарху годом от рождества христова: «Iзъ Амстрадама, септемврия 13 д. 1697». Текст этого письма повторен дословно и в «доношении» князю Ф. Ю. Ромодановскому от того же числа с собственноручной припиской: «сие донесши, онымъ триумѳомъ вамъ, государю, поздравъляя, просимъ, дабы, по благодарени богу, въсякое веселие при стрелбѣ пушешьной і мушъкѣтной отправълена была. Piter»[2]. Просьба царя о праздновании победы при Центе в Москве была с готовностью исполнена, как видно из ответов его корреспондентов. «И мы, приняв (11 октября) такую преславную ведомость, — отвечал ему А. Головин, — о победе бога возблагодарили. Дабы господь бог даровал такую ж пресловущую победу над басурманы московскому войску. И по благодарении, господин генералисимус с отцом своим и с ыными с протчими и с нами, собрався в селе Преображенском, на дворе моем банкет учинил; и при том была стрелба ис пушек и из мелкого ружья. А было два полка: генерала Франца Яковлевича да мой. А Семеновской затем не был, что у генералисимуса у Ивана Ивановича (Бутурлина) был свой банкет. А вершился у нас банкет в четвертом часу нощи, и подпивали добре» или, как выразился Виниус: «здесь государи генералиссимы, друг друга упреждая, знаки своего веселиа с шумом великого и мелкого оружиа сотворили, при котором и Ивашко с дядею своим (т. е. Хмельницкого с Бахусом) из своих великих мокрых сребреных и цкляных (стеклянных) можеров в желудки бросали»[3].

---

[1] В битве при Центе убито было около 20 000 турок и более 10 000 потонуло в Тиссе. Пали великий визирь, четыре других визиря, наместник Анатолии и Боснии, янычарский ага и пр. *Arneth*, Prinz Eugen von Savoyen, I, 104—105.

[2] П. и Б., т. I, № 189, 190; стр. 651—653.

[3] Там же, стр. 652—653.

XX. ВЪЕЗД ПОСОЛЬСТВА В ГААГУ. АУДИЕНЦИЯ У ШТАТОВ

Еще 12 сентября[1] церемониймейстер Штатов, состоявший при послах или, как его называет «Статейный список», «гофмейстер», фон Динтер по поручению нидерландского правительства осведомился у Лефорта о предполагаемом дне въезда посольства в Гаагу для представления Генеральным штатам. Лефорт ответил, что посольство намеревается выехать в Гаагу 15/25 сентября, плыть водой до деревни Форбург, лежащей в двух милях от Гааги, там переночевать и на следующий день после обеда торжественно въехать в Гаагу, причем депутаты от Генеральных штатов должны встретить послов у моста Горна (Горнбрюгена). Сообщая правительству об этом разговоре с Лефортом, Динтер, вероятно, к немалому ужасу правительства, прибавлял, что нельзя еще с точностью определить числа посольской свиты, но что она будет состоять приблизительно человек из 150—160[2]. 14 сентября в Гаагу был послан Богдан Пристав осмотреть помещения, отведенные послам во дворце принца Маврикия и в двух смежных, нанятых для этой цели гостиницах: «Старом» и «Новом Дулене». 15 сентября Динтер представил послам проект «церемониальных статей», определяющих порядок взаимных встреч и проводов послов и депутатов от Генеральных штатов, которые будут назначены состоять при послах[3].

Вероятно, вследствие задержки из-за рассмотрения этих церемониальных статей, отъезд посольства в Гаагу произошел днем позже, чем было назначено Лефортом в приведенном разговоре с Динтером, не 15-го, а 16/26 сентября. Перед отъездом, полагая, очевидно, что посольство уже совсем расстается с Амстердамом, явились к послам прощаться президент и бургомистры амстердамского магистрата, благодарили за оказанную городу пребыванием в нем посольства честь, просили извинения за возможные упущения: если послам «учинена от бурмистров какая невыгода, в том они служебно прощения желают, и то бы им оставлено было». Бургомистры сказали далее, что почитают за радость, что в бытность послов в их городе получены известия о победе под Азовом и о победе цесарцев при Центе, изъявили удовольствие по поводу заключения союзниками мира с Францией и выразили надежду, что не замедлит заключить с Францией мир также и цесарь. Надо думать, со вздохом большого облегчения бургомистры, прощаясь с послами, предложили проводить их при выезде в Гаагу. В заключение они обратились к послам с просьбой, чтобы великий государь, его царское величество, благоволил ока-

---

[1] Веневитинов (Русские в Голландии, гл. VI) путает числа событий, полагая разницу между старым и новым стилем в 11 дней, тогда как для XVII в. эта разница была в 10 дней.

[2] *Meerman*, Discours, 36—38; *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 77—78.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 945—947.

Рис. 18. Дворец принца Маврикия в Гааге

Гравюра, помещенная в книге *Riemer*, Beschryving van s'Gravenhage, 1730 (заимствовано из книги *Веневитинова*, Русские в Голландии).

зывать жителям их города милость и призрение в их торговых делах и в особенности во время проживания амстердамцев в Москве и в Архангельске. Послы благодарили бургомистров, обещали доложить об их просьбах государю и обнадеживали еще большей, чем прежде, государевой милостью [1].

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 947—948; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 50 об.: «Сентября в 15 д. на отъезде из Амстрадама в Гаагу дано амстрадамскому коменданту две пары соболей по 8 руб. пара; семи человеком капитаном, которые в Астрадаме у посолского двора стояли, переменяясь на карауле, по паре соболей по 7 рублев с полтиною пара человеку; да господарю (т. е. хозяину двора) две пары соболей по 7 рублев с полтиною пара, два косяка камок». Там же, л. 184 об. — 185: 16 сентября: «По приказу великих и полномочных послов роздано в Амстрадаме на посолском дворе (Heeren-Logement) при отъезде в Гаагу розных чинов людям, которые в бытие их, великих послов, в том дому служили и работали, в почесть, а имянно: осми человеком порутчиком, осми человеком прапорщиком, которые стояли у посолского двора на карауле, всем вместе 100 ефимков; 22 человеком сержантом да салдатом, которые тут же на карауле стояли, 80 ефимков; 14 человеком приставом городовым, которые для прислуги были у великих послов, по 3 ефимка человеку, итого 42 ефимка; сторожу, что у слюз (т. е. у шлюза), 6 ефимков; служителем того дому, которые служили у стола и пова-

Посольство двинулось из Амстердама в трех яхтах: в первой яхте, государственной, принадлежащей Штатам, плыли послы и трубачи, все время игравшие на трубах, во второй, принадлежащей городу Амстердаму, поместились дворяне и «валентеры» и среди волонтеров, конечно, и Петр, иначе волонтеры не приняли бы участия в поездке в Гаагу: третью яхту, принадлежащую городу Лейдену, заняла свита [1]. Бургомистры проводили послов до яхт. При выезде из Амстердама был произведен троекратный салют из 17 пушек. На пути, не доезжая Лейдена, послов нагнала почта, с которой они получили мемориал польского посла Бозе о присылке его королю 60-тысячного вспомогательного войска [2]. Когда посольские яхты плыли мимо города Лейдена, также раздавалась пушечная пальба. Яхты остановились в селе Форбурге, где послы были встречены Богданом Приставом, доложившим им, что помещение для них в Гааге готово и что Штаты примут их с честью. В Форбурге посольство ночевало в отведенном для него доме, где был сервирован ужин, за которым «подчивали» послов состоявшие при посольстве гофмейстер Динтер, торговый человек Захарий Дикс и капитан ван-дер-Гульст [3]. Сюда, по словам Меермана, вытребован был послами уполномоченный от Штатов для разрешения одного церемониального затруднения, именно: послы, не соглашаясь на существовавший в Голландии обычай, не хотели при предстоящем въезде в Гаагу сесть в первую карету и требовали, чтобы все кареты поезда следовали впереди посольской. После переговоров затруднение было улажено [4].

Въезд в Гаагу состоялся на следующий день, 17/27 сентября. Отправившись из Форбурга после обеда, послы плыли с полмили до Горнбрюгена (моста Горна). Здесь, как было условлено, встретили их два депутата Генеральных штатов с 40 каретами, в том числе 6 о шести и 17 о четырех лошадях. После взаимных приветствий поезд, повторяя церемониал въезда в Амстердам, тронулся в Гаагу; развернуть весь блеск церемонии въезда побуждало послов присутствие тогда в Гааге многих иностранных посольств, съехавшихся на конгресс. «Великие и полномочные

ром четырем человеком, работником трем человеком, семи работным девкам — 60 ефимков. Симону-жиду, которой для прислуги ж и посылки у великих послов был, 10 ефимков. Всего 298 ефимков.

Сентября в 17 д. дано за провоз фурманом и за переноску работником государевы соболиные и ефимочные казны и посолской рухляди в Амстрадаме при отъезде в Гагу и в Гаге из яхт до посолского двора, такж и той яхты, в которой ехали в Гаагу, священник и приказные люди, шипером и работным людям всего 11 ефимков 10 алтын».

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 185 об.: «Сентября в 18 д. в Гаге дано шипером в почесть трех яхт: статцкой, амстрадамской, лейденской, в которой ехали великие и полномочные послы в Гаагу: первой яхты 12 ефимков, второй и третьей по 10 ефимков, итого всем 32 ефимка».

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1697 г., № 9, 12—14.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 948; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 185: «Сентября в 17 д. . . .в местечке Форборке, где великие и полномочные послы, едучи в Гаагу, на дороге ночевали и обедали, служителем того дому, которые были у стола и в поварне, дано в почесть 10 ефимков».

[4] *Meerman*, Discours, 38.

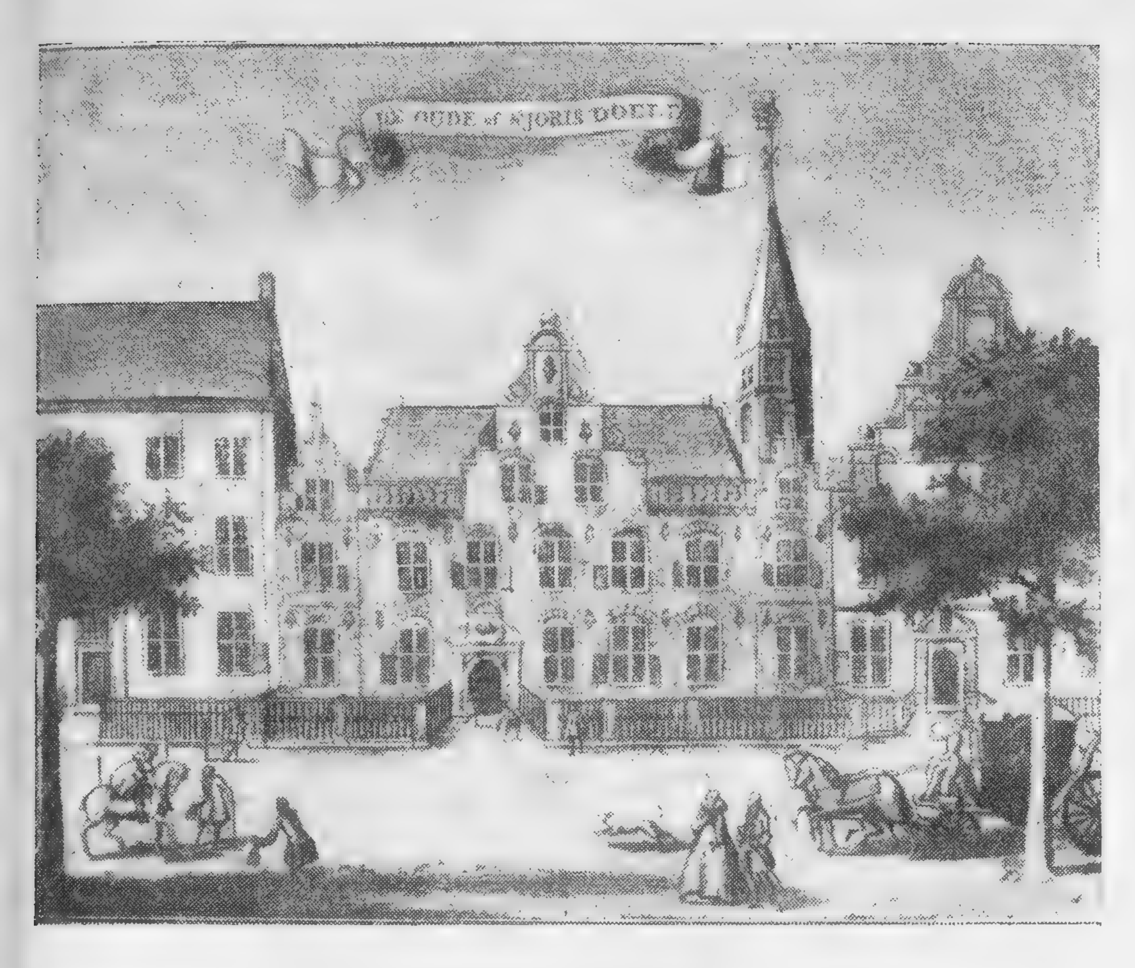

Рис. 19. Гостиница Старый Дулен в Гааге

Гравюра, помещенная в книге *Riemer*, Beschryving van s'Gravenhage, 1730 (заимствовано из книги *Веневитинова,* Русские в Голландии).

послы ехали в Гагу в одной корете. Наперед перед великими послы ехали верхи люди их, калмыки, в саадаках, потом шли простые кореты, за теми подьячие и переводчики, за ними дворяня в коретах; потом вышепомянутые встречники Статы в корете; за ними ехали верхами перед посолскою коретою московские да галанские трубачи и трубили галанские трубачи на трубах; перед посолскою коретою шли пеши лекаи посолские в немецком платье. Потом великие и полномочные послы ехали в нарядной корете, по обе стороны кореты шли гайдуки их в венгерском платье с обухи, на шапках их перья струсовые (страусовые); кругом кореты шли голанские солдаты в белых немецких кафтанах с списы; напереди и позади кореты стояли посолские пажи в немецком же платье. Потом везены посолские три кореты по шести возников в корете; возницы были немцы... А поставлены были великие и полномочные послы в Гаге на дву дворех: первой на стацком дворе (дворец принца Маврикия), а второй и третей на дворе кола рыцерского аглинского (гостиница Дулен — Стрелковое общество), двор подле двора»[1]. Участвовавшие во

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 948—950.

въезде двое депутатов от Штатов, «встречники», встретили послов «на нижнем рундуке» отведенного помещения, проводили их в палаты, поздравили с прибытием и говорили, что поедут объявить о приезде послов «товарищам своим господам Статом»[1]. Послы благодарствовали и проводили депутатов из палат на «нижний рундук». Очевидно, при этих проводах послами нарушен был этикет, как его изображали церемониальные статьи, привезенные послам Дитмаром 15 сентября, по которым послы должны были проводить депутатов до кареты. По крайней мере вскоре же по приезде к послам явился член Генеральных штатов бургомистр Витзен, посредник во всех затруднительных вопросах с русскими, очень подружившийся с царем, принимавший на себя, как мы видели выше, крупные поставки оружия и наем мастеров для России, с поручением переговорить с послами «приватне». Приватный характер разговора с лицом, столь близким к русским, предохранял стороны от неприятных трений или конфликта. Витзен передал послам просьбу Штатов соблюдать этикет, встречать их депутатов при их ежедневных приездах к послам у кареты и провожать их до кареты же. В Гааге находятся теперь послы всех окрестных государств, и Штатам нарушение этикета перед ними будет особенно оскорбительно. Витзен прибег даже к угрозе, что депутаты Штатов не будут приезжать к послам, если последние не согласятся на их просьбу. Послы возражали, говоря, что им «таких встреч чинить непристойно», что ранее в послах из России бывали особы меньшего значения, но и те депутатов до карет не провожали. Витзен заявил, что послы всех христианских государей оказывают Штатам такую честь, и показал им какую-то выписку из канцелярии, которая должна была убедить послов в том, что и русские послы прежде, и цесарские, и французские соблюдали требуемый Штатами этикет. Спор закончился обещанием послов, очень впрочем, уклончивым, что они будут депутатов «встречать, где пристойно и как поспеют, а провожать будут с подобающею честью»[2]. Вечером в день въезда, 17/27 сентября, к послам явились 7 депутатов: «семь человек Стат розных провинций»; послы встретили их «в сенях», и дело опять не обошлось без этикетных пререканий. «Как прибыли в город на посольской двор, — отмечает в «Записной книжке великой особы» сановный автор ее, принимавший участие во въезде посольства в Гаагу, — приехало цугами два человека (Стат) с поздравлением, а к обеду семь; из них был один президент, который потчивал нас столом. Мы встречали их на крыльце, и президент долго не выходил из кареты для того, что послы наши не сошли на нижнее крыльцо»[3]. Когда препирательства были улажены, президент Штатов, вошедши в палату, поздравил послов с прибытием. Депутаты выразили благодарность «за милость ве-

[1] «Статейный список» называет «статами» как собрание депутатов от провинций — Генеральные штаты, так и отдельных депутатов.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 950—951.

[3] *Веневитинов*, Русские в Голландии, приложение, стр. 200.

ликого государя, что изволил прислать таких великих послов и честных особ», заявили, что они рады послам «вседушно и желают великому государю многолетнего здоровья» и счастливой победы над неприятелем, «а им, великим послам, они рады служить во всяком их поведении со всякою охотою». Послы отвечали благодарностью. После обмена приветствиями депутаты хотели удалиться и явиться затем к ужину; но послы упросили их остаться, на что депутаты согласились. «И по тех разговорех Статы говорили, что они поедут в сборную палату, а к ужину будут. И великие и полномочные послы им говорили, чтоб они, господа Статы, себя и их, послов, не трудя, у них побыли, пока то время приспеет; и Статы позволили и сели с великими послы за столом и говорили о настоящих делех». Затем состоялся ужин. «И когда есть приспело, и тогда великих и полномочных послов Статы звали за стол и ели в особой полате; сидели великие послы за столом в первых местех, по правую сторону сидели два человека Стат, по левую сторону пять человек». Петр, принимавший участие во въезде по обыкновению в какой-либо второстепенной роли среди посольских дворян, был и на ужине с депутатами: «подле Стат кругом всего стола сидели *знатные началные люди Преображенского полку* (одно из условных обозначений царя в «Статейном списке») и дворяне; а иные дворяне ж, валентеры, и дворяне посолские и приказные люди ели за другим столом. И пили за столом кубки ренского, в начале про здоровье великого государя, его царского величества, потом Голанских Стат и про здоровье Аглинского короля и иных союзных, и про посолское здоровье. А в то время трубили на трубах голанские трубачи» [1].

Поутру 18 сентября перед посольскими помещениями исполнена была своеобразная серенада. Явились 26 барабанщиков и «на поздравление били в барабаны» [2]. В этот день Петр Лефорт и Богдан Пристав объехали находившиеся в Гааге посольства: цесарское, испанское, английское, датское, шведское и бранденбургское, извещая о прибытии московских послов и завозя визитную карточку Лефорта, на которой было изображено его имя со всеми пышными титулами: Son Excellence Monseigneur Lefort, general des Gardes et de l'Infanterie de Leurs Majestés czariennes, admiral de ses flottes, presédent de tous ses conseils Vice-Roy du grand duché de Novogrod, ambassadeur extraordinaire et plenipotentiaire aux principales cours de l'Europe» [3].

На это иностранные послы ответили присылкой в тот же день своих чиновников с поздравлением по поводу прибытия. Оказы-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 951—952.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 185 об. Им дано в почесть 10 ефимков. Тогда же, может быть, была исполнена и другая серенада, о которой записано в «Расходной книге» под 20 сентября (там же л. 186): «Дано короля аглинского трубачам трем человеком, которые приходили к великим послом и поздравляя трубили на серебряных трубах, в почесть по 2 ефимка человеку, итого 6 ефимков».

[3] *Posselt*, Lefort, II, 421; Пам. дипл. сношений, VIII, 952.

вается что русское посольство соблюдало в этом случае принятый тогда уже в Европе и действующий доныне обычай, по которому вновь прибывающие в столицу государства иностранные послы не делают первого визита своим товарищам, а только извещают их о своем приезде и ожидают первого посещения с их стороны [1]. При этом обойдено было намеренно французское посольство, и это было сделано по личному настоянию Петра, руководившего послами. На это личное распоряжение царя, запретившего посещать французское посольство, так как «Московскому государству нечего делать вместе с Францией», ссылается Петр Лефорт в своих письмах в Женеву к отцу, который очень интересовался этим исключением французского посольства и расспрашивал сына о его причинах. «Я могу привести вам, дорогой батюшка, — пишет Петр Лефорт, — только одно объяснение относительно визита, который следовало бы сделать послам Франции: этого не пожелал его величество. Не умею вам сказать причину: из-за князя ли это Долгорукого (князя Якова Долгорукого, нелюбезно принятого при французском дворе в 1686 г.) или по каким-либо иным обстоятельствам, которые пока еще мне неизвестны» [2]. Возможно, что Петр не желал вступать в сношения с французскими представителями, пока не был еще заключен мир с французами у союзника России цесаря. Несомненно, что одной из причин такого явно выраженного нерасположения к Франции была ее политика в Константинополе, поддерживавшая турок против священного союза, и политика в Варшаве, поддерживавшая принца де Конти против Августа Саксонского. Французские послы и в Голландии всячески старались повредить успеху русского посольства [3]. Бойкот французских представителей был объявлен очень строгий, и всему составу русского посольства было запрещено входить в какие-либо сношения с составом французского посольства. Обойдены были также представители дворов мелких курфюрстов, потому что, по словам того же Петра Лефорта, в сравнении с курфюрстами Саксонским и Бранденбургским они не имеют никакого значения [4]. Не упомянут при этом объезде посольств Петром Лефортом и Богданом Приставом посол курфюрста Саксонского и польского короля, знакомый уже нам Христофор-Дитрих Бозе; но он уже виделся с русскими послами в Амстердаме и, кроме того, он не получил еще официального подтверждения своего назначения. Сам он, продолжая начатые в Амстердаме переговоры, посещал русских послов неоднократно в Гааге.

Неизвестно, когда и как именно Петр вернулся из Гааги в Амстердам. К 18/28 сентября Ноомен относит прогулку его на

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 953; *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 84.

[2] *Posselt*, Lefort, II, 421—422.

[3] Письмо Петра Лефорта к отцу в Женеву: «Послы христианнейшего короля желали и старались сделать все возможное к нашему вреду» (*Posselt*, Lefort II, 442).

[4] *Posselt*, Lefort, II, 421.

остров Тессель [1], которую Схельтема приурочивает неопределенно к «последним числам сентября» (н. ст.). Так как об этой поездке упоминает и вполне достоверный документ — письмо к Петру второго посла Ф. А. Головина от 12 октября [2], то нет оснований заподозревать известия Ноомена и Схельтемы, причем последнее снабжено несколькими, вполне, впрочем, приемлемыми подробностями. Царь отправился на яхте в сопровождении Витзена и еще нескольких лиц. Во время этого путешествия, как и в других случаях, он охотно говорил об осаде Азова и о сопряженных с ней операциях, и при этом Схельтема сообщает, что до сих пор, т. е. до его времени, у одного амстердамского ученого Якова Конинга сохраняется лист бумаги, на котором царь собственноручно начертил карандашом положение города на берегах Дона и диспозицию турецких военных и продовольственных судов в устье этой реки, а также места, где он атаковал суда и овладел ими [3]. На Тесселе Петр предался своему любимому развлечению — осмотру судов. Случилось, что именно в это время задул сильнейший норд-ост, благодаря которому, а также большому приливу воды в море царь имел удовольствие видеть возвращение домой одного отделения гренландского китоловного флота с богатейшим уловом — в этом году 112 китоловными судами было поймано 1 197 китов, давших 39 484 бочки жиру. Как только море стало немного спокойнее, царь тотчас же отправился к пришедшим кораблям и, несмотря на обычную для всех китоловных судов грязь, осматривал эти суда снизу доверху в мельчайших подробностях, не уставая, и в то же время расспрашивая о всем, относящемся до китоловного промысла [4].

Вернувшись в Амстердам, Петр пробыл там, работая на верфи, до новой поездки в Гаагу на торжественную аудиенцию посольства у Генеральных штатов. Речь об этой аудиенции была затронута самими Штатами на другой же день по въезде послов. 18 сентября послов посетили трое представителей Штатов, в том числе и бургомистр Витзен, подчивали послов обедом, а после стола спрашивали, когда послы изволят быть у Генеральных штатов на приеме. Условились назначить днем приема 23 сентября [5].

19 сентября послами было принято трое являвшихся к ним по делам лиц. После обеда пришел архиепископ Петр-Павел Анкирский с повторением своих, уже известных нам просьб о содействии ему в проезде через Московское государство, с которыми он уже обращался к послам в Амстердаме. Его сменил секретарь шведского посольства с приведенным выше [6] ответом канцлера

---

[1] Тессель, или Тексель — остров на Северном море у входа в Зюйдерзее.
[2] П. и Б., т. I, стр. 660 — также без указания даты этой поездки.
[3] См. т. I настоящего издания, рис. 54 на стр. 313.
[4] *Ноомен*, Записки, стр. 47; *Scheltema*, Peter de Groote, I, 164—165; «Rusland en de Nederlanden», II, 224—225; «Anecdotes Historiques», 129—130; «Русская старина», 1916 г., февраль, стр. 213.
[5] Пам. дипл. сношений, VIII. 952—953.
[6] См. стр. 165.

Оксенстиерны на письмо Лефорта из Липштадта. Наконец, был принят посол Саксонского курфюрста и польского короля Бозе, возвестивший послам о короновании Августа в Кракове, которое состоялось 5/15 сентября, и вновь обратившийся к послам с просьбой оказать его королю помощь войсками и для того отправить указ русскому резиденту в Варшаву. Послы поздравили Бозе с состоявшимся коронованием Августа, а относительно помощи сказали, что указ о вступлении русских войск в Литву они пошлют не к резиденту в Варшаву, а к командующему войсками на литовской границе боярину и воеводе; но при этом вновь поставили непременным условием такой помощи присылку от короля и сенаторов на имя государя просительных писем о вводе русских войск или же — если вследствие шагов, предпринимаемых принцем де Конти, который, по словам Бозе, прошел уже через Зунд в Балтийское море, помощью нельзя медлить — то по крайней мере подачу «просительного листа» от самого посла с присоединением как бы в виде залога его аккредитивной грамоты, которая ему будет возвращена по получении писем от короля и сенаторов. Проект такого просительного письма от Бозе был прислан в русское посольство на следующий день, 20 сентября, но послы нашли его неудовлетворительным и выработали свой проект, который и сообщили Бозе [1].

Об этих событиях 19 сентября: о визите польского посла с известием о совершившейся коронации Августа II и о получении письма от Оксенстиерны, Лефорт писал Петру в Амстердам, вероятно, в тот же или на следующий день, приложив при письме перевод письма Оксенстиерны. Письмо Лефорта — собственноручное, на русском языке латинскими буквами, вполне передающее его русское произношение. Для Петра составлялась «перепись» латинских букв на русские. «Господин Комманданъ! — пишет Лефорт, — мы адпустили дохторъ съ письме [2], которе ты изволись читать. Славе богъ, сто ты здорова прешолъ къ Амстердаму; а я радъ твоя милось здѣсь видатсь поскора. Панъ бургемайстръ Витсенъ кочетъ адсюды къ Амстердамъ для ради твоя милось. Онъ мнѣ говорилъ, сто никто не видитъ тебе, а дворъ готова. Пужалесъ, пиши: кали ты изволись быть? А я твой вѣрной слуга. Лефортъ г. ад.» Вероятно, эта часть письма была написана еще до визита Бозе и шведского секретаря. После этих визитов Лефорт на том же листке приписал по-немецки: «Господин Коммандан! Здесь добрые вести: коронация в Польше совершилась. Посол у нас был. Из Швеции также получил я письмо. Также великую победу одержали имперцы над турками. Остаюсь твой слуга Лефорт» [3]. В последних словах письма речь идет о победе цесарских войск над турками при Центе на реке Тиссе 10 сентября.

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 953—967, 969—974.

[2] Арх. мин. ин. дел. Кн. австр. дв. № 47, л. 25 об.: «Сентября в 20 д. посылан из Гаги в Амстердам с писмами дохтур Петр Посников. На наем подводы и на корм дано 10 золотых».

[3] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I, стр. 577—581.

24 сентября Бозе опять посетил послов, принес благодарность за присылку проекта просительного письма, сказал, что перепишет его слово в слово, кроме разве некоторых редакционных поправок, «отмен только в некоторых речениях», и перешел опять к просьбам о скорейшей посылке указа к командующему русскими войсками на литовской границе о вступлении войск в Литву. Послы ответили, что текст указа к боярину и воеводе у них уже составлен и будет прислан Бозе для предварительного просмотра, на что он заявил, что совершенно полагается на послов и что просматривать проект указа ему нет нужды, а затем для удостоверения послов в своих полномочиях прочитал лист, присланный ему от польского короля, в котором ему предписывалось просить послов о помощи. Он предложил вручить послам копию с этого листа — подлинника он отдать не может, так как в том же листе король пишет и о других делах. Послы возразили, что копии им принять нельзя, но пусть он, если не желает, чтобы остальное содержание листа было им известно, вручит им лист в запечатанном виде. Притом, все-таки, послы напомнили ему и об аккредитивной грамоте. Бозе согласился, что, действительно, ему давно надо было бы послам «свидетельство о себе дать», но что он не успел этого сделать за поспешным отъездом из Амстердама в Гаагу; теперь же он аккредитивную свою грамоту послам предъявит и даст им с нее список, а просительное письмо и лист королевский в подлиннике пришлет в другой день. На этом простились, и посол был «отпущен на подворье»[1].

«Статейный список» умалчивает, чем были заняты послы 21, 22 и 23 сентября. Аудиенция в последнее из этих чисел не состоялась и была отложена до 25-го, по всей вероятности, из-за того, что не готов был церемониал аудиенции, возбудивший большие споры. Проект церемониала — «чин, как его царского величества великим и полномочным послом на приезде у господ Стат Голанских быть» — был вручен находившемуся в Гааге Витзену 24 сентября, накануне приема. По проекту звать послов на аудиенцию приезжают депутаты Штатов, а затем по приезде послов в государственной карете во дворец по нескольку депутатов встречают их у карет, далее — в передней палате и, наконец, — у дверей при входе в залу собрания. Очевидно, в подробностях этой троекратной встречи послов: на крыльце у карет, в передней палате и при входе в аудиенц-залу, церемониал брал за образец порядки кремлевского дворца, где приезжавших на аудиенцию к царю послов встречали на крыльце, в сенях перед Грановитою палатой и при входе в Грановитую палату. Во время аудиенции послы и депутаты стоят, сняв шляпы. Церемониал определяет, далее, обычный на приемах послов порядок взаимных приветствий, речей и поднесения подарков. По окончании аудиенции все депутаты или «нарочитое их число» провожают послов до карет.

Проект, выработанный посольством, был доведен Витзеном до

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 974—976.

сведения Генеральных штатов и встретил сильные возражения. Придя к послам в тот же день, 24 сентября, Витзен сообщил им, что проект обсуждался Штатами и возбудил большие споры, что, хотя такой почести — чтобы встречать у дверей аудиенц-залы — никогда послам никакого государя не оказывалось, однако, ради великой милости, которую они видят со стороны царя, Штаты положили оказать такую почесть русскому посольству. Но на прочие встречи: у карет и в передней палате Штаты согласия не изъявили, потому что вместо этих встреч депутаты от Штатов посланы будут за послами для приглашения их на аудиенцию. Те встречи, разъяснял Витзен, знакомя русских послов с республиканским строем своей страны, которые бывают послам в иных государствах, Штатам не в образец, потому что там встречают послов *служители* государей, а здесь, в республике, депутаты Штатов — носители верховной власти. *Им* представляется посольство. То, что несколько депутатов поедут за послами на дом, должно считаться за честь «паче встреч». Эти рассуждения Витзена, повидимому, были приняты; по крайней мере в «Статейном списке» не приводится никаких замечаний на них со стороны посольства [1]. Штаты оказывались столь же щепетильными в вопросах этикета, как и русское посольство. Тогда вообще внешний церемониал в дипломатических сношениях имел гораздо более значения, чем теперь; внешним символам взаимных отношений придавалась такая же, если не бо́льшая, важность, чем внутреннему содержанию самих переговоров. Людям XVII в. символы и обряды были понятнее слов, говорили им более, чем слова, и потому и ценились ими больше, чем в наше время [2].

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 967—969; Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1697 г., № 2, л. 47—49.

[2] Ср. превосходную страницу Маколея об этикете на Рисвикском конгрессе («История Англии», XII, 237): «На первом съезде были переданы посредствующему министру (шведскому посланнику) кредитивные грамоты министров воюющих держав. На втором съезде, через двое суток, он исполнил церемонию обмена этих кредитивных грамот. После того много заседаний проведено было в разрешении вопросов о том, со сколькими каретами, во сколько лошадей, со сколькими лакеями, со сколькими пажами каждый министр может приезжать в Рисвик; могут ли лакеи иметь при себе трости; могут ли они носить шпаги; могут ли они иметь пистолеты в тороках; кому должна принадлежать правая (почетнейшая) сторона при публичных прогулках и чья карета должна уступать дорогу при встрече. Скоро оказалось, что посреднику надо посредничествовать не только между коалицией и французами, а также между самими союзниками. Посланники императора требовали себе права сидеть на верхнем конце стола. Испанский посланник не соглашался на их первенство и хотел сидеть посредине между ними. Посланники императора не хотели давать посланникам курфюрстов и республик титула Excellance. «Если меня не будут называть Excellance, мой государь уведет свои войска из Венгрии», — сказал посланник курфюрста Бранденбургского. Посланники императора требовали себе особой комнаты в доме и особого места своим каретам на дворе. Все другие союзные посланники называли это несправедливейшим требованием, и целое заседание ушло на этот ребяческий спор. Легко понять, что союзники, такие щепетильные в претензиях между собой, будут не очень уживчивы в отношениях своих с общим неприятелем. Главным занятием Арле (Франция) и Кауница (империя) было наблюдать за

Аудиенция состоялась 25 сентября в двенадцатом часу дня[1]. Согласно условленному церемониалу приглашать послов поехали трое депутатов[2]. За посольством были присланы: одна карета «статская» — государственная — для самих послов и 40 карет для дворян и свиты. «Убрався по посольскому обычаю», в русском платье, блестевшем золотом и серебром, опушенном соболями с драгоценными алмазными застежками[3], послы отправились во дворец. Кортеж открывался посольскими людьми в калмыцких и монгольских костюмах в саадаках; за ними — служители Штатов в предшествии состоявшего при посольстве «собольщика» несли «государевы поминки» и посольские дары. Далее ехали подьячие и посольские дворяне. Петр Лефорт в одной карете с Богданом Приставом и двумя из взятых посольством за границу придворных карлов вез «государеву грамоту в тафте». За ними следовали в карете трое приглашавших послов депутатов. Перед посольской каретой ехали верхами 6 посольских трубачей и шли 13 человек лакеев. Послы сидели в «статской» карете, у дверец которой стояли два других карла: Ермолай Мишуков и Яким Волков; на передних рессорах и на запятках стояли 6 посольских пажей в немецком платье. Карету окружали 12 посольских гайдуков в красных суконных венгерских кафтанах с серебряными кованными нашивками и «ордами[4] серебряными», с обухами на плечах,

---

ногами друг у друга. Каждый из них считал несовместимым с достоинством своей державы итти навстречу другому быстрее его. Потому если один из них замечал за собой, что в забывчивости пошел недостаточно медленно, то возвращался к двери и величественный менуэт начинался сызнова. Посланники Людовика написали одну бумагу на своем языке. Немецкие посланники протестовали против этого нововведения, этого оскорбления достоинства Священной Римской империи, этого нарушения прав независимости других наций и не хотели принимать в соображение эту бумагу, пока она не была переведена с хорошего французского на плохой латинский язык. В средине апреля всем в Гааге было известно, что Карл XI, король шведский, умер и что на престол его вступил его сын; но этикет не дозволял никому из заседавших посланников показывать вид знания об этом, пока об этом не известит формально Лилиенрот. Лилиенроту этикет не дозволял сделать этого извещения, пока не будут одеты в траур его экипажи и прислуга; а каретникам и портным понадобилось несколько недель на это дело. Наконец, 12 июня Лилиенрот приехал в Рисвик в траурной карете с прислугой, одетой в траур, и в полном собрании конгресса возвестил, что господу богу угодно было воззвать к себе могущественнейшего короля Карла XI. Тогда все посланники выразили Лилиенроту скорбь свою о таком печальном и неожиданном известии и поехали по домам снимать шитое золотом платье и облекаться в одежду скорби. В этом торжественном делании пустяков проходила неделя за неделею. Существенное дело не подвигалось ни на шаг».

[1] *Meerman*, Discours, 38—39.

[2] В «Статейном списке» по ошибке, очевидно, указаны два депутата при встрече и трое при проводах послов из дворца в их помещение (Пам. дипл. сношений, VIII, 976, 985). Но проводы при посольских приемах соответствуют встрече. Меерман (Discours, 38—39) указывает трех депутатов, ездивших за послами, а Схельтема называет их имена («Русская старина», 1916 г., февраль, 216): ван-дер-Дус, ван Берстейн, ван-дер-Вайен и Слут.

[3] *Posselt*, Lefort, II, 422, примечание из письма Петра Лефорта в Женеву; Пам. дипл. сношений, VIII, 976.

[4] В Пам. дипл. сношений, VIII 977 по ошибке стоит: «ордами».

в шляпах с красными страусовыми перьями. За гайдуками шел отряд национальной голландской гвардии: «статцкие городовые пехотного строю немногие люди с короткими писы». Для вящей пышности, по обычаям того времени, за посольской каретой двигались три пустые, принадлежавшие посольству, «драгоценные», по выражению «Статейного списка», т. е. отличавшиеся особым великолепием, кареты: первая в восемь, остальные две по шесть лошадей с кучерами-немцами в красном суконном платье с кружевами и в таких же епанчах. Процессия должна была представить населению Гааги великолепное зрелище. Так как здания, бывшие жилищами послов: дворец принца Маврикия и гостиницы «Старый» и «Новый Дулены», находятся в том же пункте Гааги, возле пруда Фейфер, где расположен и правительственный дворец и почти соприкасаются с ним, то для длинного посольского поезда был назначен кружный путь вокруг пруда по Дворцовой улице (Hofstraat) и оттуда через западные ворота дворца по обоим его весьма обширным дворам: внешнему (Bujtenhof) и внутреннему (Binnenhof) [1].

Подъехав к лестнице, ведущей в аудиенц-залу, депутаты, приглашавшие послов, вышли из кареты и, дождавшись послов, повели их, предшествуя им, в здание, где у дверей «сборной палаты», залы заседаний Генеральных штатов (Treves-Kamer), они были встречены тремя другими депутатами. В «сборной палате» за длинным, покрытым зеленым сукном столом собралось депутатов, по известию «Статейного списка», «человек с сорок». А всех бывает 48 человек, — продолжает список, — сообщая некоторые черты голландской конституции, — и те все переменяютца погодно, а президенты переменяютца понедельно. Во время посольства стояли Статы все, сняв шляпы, за столом; в полате на одной стороне стояла персона (портрет) короля аглинского, а прочие стены и свод писаные» [2]. Сохранилось описание этой залы, сделанное в 1730 г., и изображающие нам ее, конечно, в том самом виде, какой после перестройки ее в 1697 г., как раз перед приездом русских послов, она имела во время приема посольства. «Большая и длинная приемная зала (Treves-Kamer) возобновлена и увеличена в 1697 г., причем подверглась обновлению во всех местах и частях украшающих ее живописи и резьбы. В числе художественных подробностей залы особенно замечательны два камина, из которых на одном помещен портрет Вильгельма III Английского. Король изображен во весь рост с короной на голове и с гербом Англии над ней. На противоположной западной стороне залы находится другой камин, а над ним картина известного художника Теодора Ван-дер-Скююр (Van der Schuur), представляющая аллегорическую группу свободы, мира и изобилия и окруженная резьбой изящнейшего рисунка. Живопись на потолке зала состоит из изображения герба Гене-

---

[1] *Веневитинов,* Русские в Голландии, стр. 91—92.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, стр. 985—986.

Рис. 20. Внутренний двор Старого дворца в Гааге

Гравюра, помещенная в книге *Riemer*, Beschryving van s'Gravenhage (заимствовано из книги *Веневитинова,* Русские в Голландии)

ральных штатов, окруженного облаками и гербами семи нидерландских провинций. Стену по ее длине занимают писанные Генрихом Брандом портреты в натуральную величину четырех принцев Оранских... Над двумя средними портретами под потолком помещена картина, аллегорически, в виде героев, изображающая семь Нидерландских штатов, стоящих вокруг алтаря и клянущихся в соблюдении верности союзу. Остальные четыре медальона на карнизах представляют четыре части света. Посредине залы стоит очень длинный стол, покрытый зеленым сукном и вокруг обставленный стульями. В этой зале еженедельно происходят заседания с иностранными послами и другими лицами, приглашаемыми на конференции. В этой зале состоялся прием великого русского посольства 25 сентября ст. ст. 1697 г.» [1]

Для послов против президента Штатов — президентом в ту не-

[1] *Веневитинов,* Русские в Голландии, стр. 231 (из кн. *Jacob de Riemer*, Beschryving van s'Gravenhage, Delft, 1730, I).

делю был депутат Иоганн Беккер[1] — были приготовлены три кресла, у которых они и стали: Лефорт посредине, двое его товарищей по сторонам. Лефорт начал обмен приветствиями заявлением, что великий государь (причем произносился полный титул) «вам, высокомочным господам Статам-генерал (Etats Généraux) славных одновладетельных вольных соединенных Нидерландов, велел про свое царского величества здоровье объявить, а вас поздравить». Приветствие сопровождалось «рядовым поклоном». В ответ на это приветствие Штаты «за милость великого государя били челом и кланялись в пояс и спросили про здоровье великого государя». Второй посол дал обычный в этих случаях ответ, что «как мы поехали от великого государя... и он, великий государь (причем перечислялся средний титул), на своих великих и преславных государствах Росийского царствования престолех в добром здравии». Штаты, «выслушав про здравие государя», поклонились. Затем Лефорт передал Штатам «любительную» грамоту «великого государя» в тафте, а второй посол объявил царские «поминки» — 9 сороков соболей. Поданные поминки Штаты с благодарностью приняли и положили перед собой на стол. Тогда были объявлены и поднесены дары от послов — 6 сороков соболей. После подношения даров второй посол Ф. А. Головин говорил речь «о делах». Текст этой речи составлен в очень витиеватых выражениях, а смысл ее тот, что «великий государь» велел послам подтвердить древнюю дружбу со Штатами, что, имея попечение о целости всего христианства, государь изволил с помощью божией воевать наступательной войной против неприятелей креста святого — турецкого султана и крымского хана и, в двухлетнем походе «победительною рукою разоря многие бусурманские жилища», овладел несколькими славными крепостями, как-то: Азовом, Казыкерменем и прочими. Также и в Черном море «силы их, бусурманские, ... побиты, корабли и иные суда с воинскими припасами пойманы, и иные победы над врагами креста святого одержаны», и все это «его царского величества войска чинить не престанут, покамест... силы бусурманские» не будут ниспровержены окончательно. Все христианские государи воздают его величеству за эту «святую, высокопочтенную и полезную войну» благодарность и просят, чтобы «его величество» и впредь этой войны не прекращал, и поэтому «царское величество по прошению всех христианских государей, братии своей, и ради освобождения христиан от насилия поганского» вести эту войну не бросит, а, наоборот, делает к ней обширные приготовления, для чего и повелел послам «высокомочным господам Статам» при разговорах подробно объявить и утвердить то, что может послужить к пользе обеих стран. Речь согласно ритуалу закончил

[1] *Scheltema*, Peter de Groote, I, 171—175; «Rusland en de Nederlanden», II. 232—236; «Anecdotes Historiques», 135—138; «Русская старина», 1916 г., февраль, 217.

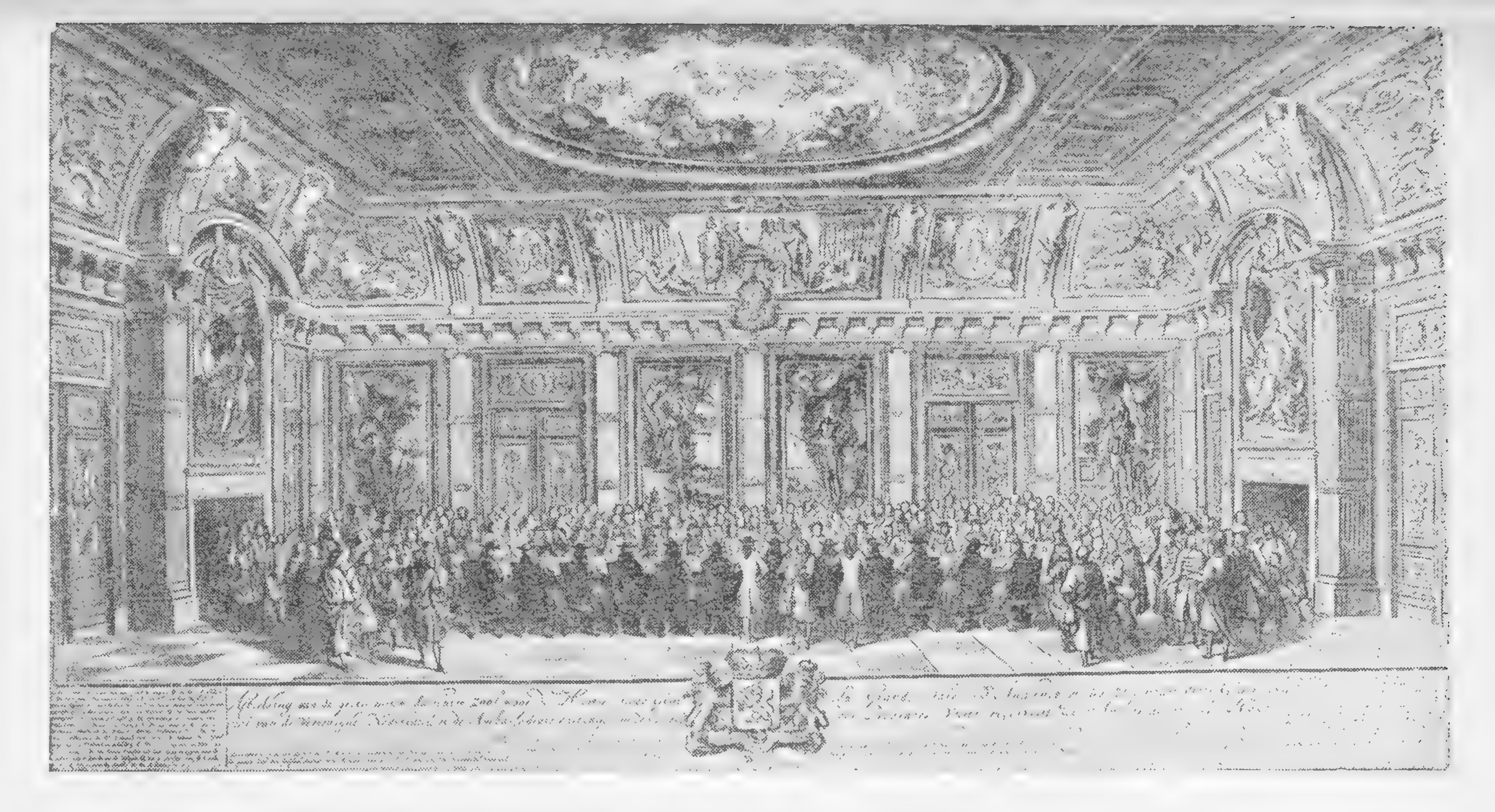

Рис. 21. Прием великого посольства в Гааге 25 сентября 1697 г. Гравюра Маро.

В центре, лицом к зрителям в круглой шляпе — Лефорт, по сторонам его в меховых шапках — Головин и Возницын

третий посол, сказав: «и вам бы, высокомочным господам Статом, то наше, царского величества великих послов, предложение принять себе за радость, и наказанных дел, которые нам от великого государя нашего, от его царского величества, наказаны, выслушать немедленно, а по совершении и по постановлении дел с удовольствованием отпустить нас к великому государю нашему, к его царскому величеству».

На слова послов отвечал президент Штатов Беккер. Речь его начата была также с перечисления полного титула Штатов, в котором указывались как составные части Штатов в Европе, так и владения их в других частях света, которое в переводном тексте ее, занесенном в «Статейный список», приводится так: «мы, Статы-Генерал (Etats Généraux) похвальных и волных соединенных Нидерландов, а именно — княжеств, графств и земель Гердер-Ланские и Цытфиские, Галанские и Вестфрисленские, Зеланские и Трехские, Фристанские, Оверпселские, Гронинские и Омеланские, Дренские, Медденские, Вестерволдингерланские, графства Фруэнгофского и земли Валкенбурские, Дагенские, Гертогенрадские, Овермацкие, такожде с большие части Брабанские и высокославного графства Фландерского, такожде овладающе многими королевствы, государствами и землями в восточной Индии, якожде во Азии, Африке и Гвинеи». Штаты желают мира и всякого здравия великому государю, благодарят за величайшую честь, оказанную им присылкой такого великого и преславного посольства, за поднесение изрядных и многоценных даров и за объявление о славной победе царя, о чем узнали с великой радостью и выражают пожелание, чтобы «небо и впредь благословило оружие его пресветлейшего и самодержавнейшего царского величества». Президентская речь также блистала цветами высокопарного красноречия, в особенности в том месте ее, где выражалось усердное желание, «дабы солнце над благополучием Росийских государств никогда светлостью не отходило, но со всяким приращением и умножением в его царского величества высокопочтенной особе преславном дому и царских наследниках во веки и непрестанно подкреплено было; дабы и всякие различные благословения из небес над его царского величества высокославные царства, государства, земли и подданных сошли, дабы они под преславным государствованием его пресветлейшего царского величества всегда процветали и во благополучии и счастии прирастали». Президент заявлял далее, что Штаты со своей стороны будут искать всего того, что клонится ко благу обоих государств и к «вспоможению» торговли между ними и в заключение в виде комплимента по личному адресу послов выразил удовольствие, что присланы в качестве послов господа, «одаренные великими благонравными поступками, искусствами и услугами» и обещал назначение комиссии для деловых переговоров с ними. Этим торжественная аудиенция за-

кончилась, и послы, «Статом укланясь (т. е. поклонясь), из палаты пошли». Трое депутатов провожали их до их гостиниц и угощали их за обедом [1].

XXI. ПОЕЗДКА ПЕТРА В ГААГУ. ПЕРЕПИСКА ЕГО В ОКТЯБРЕ 1697 г.

Был ли Петр свидетелем этой церемонии? Приезжал ли он из Амстердама в Гаагу, чтобы присутствовать на аудиенции? «Статейный список» молчит вовсе о его присутствии, не упоминает о нем под одним из тех условных обозначений: «валентеры», «Преображенского полку один началной человек» и др., под которыми надо разуметь Петра в «Статейном списке».

Ноомен в своих записках помещает целый рассказ о путешествии Петра из Амстердама в Гаагу, который Схельтемою, включившим этот рассказ в свою книгу, приурочивается к вероятной хронологической дате, к 4 октября — 24 сентября по ст. ст., т. е. как раз ко дню накануне аудиенции. Рассказ Ноомена об этой поездке в Гаагу полон анекдотических подробностей, обнаруживающих в Петре, по словам Схельтемы, в большей степени, чем в других каких-либо случаях, отличавшие его черты: крайнее нетерпение, желание увидеть и узнать до мельчайших подробностей все привлекавшее его внимание, а, с другой стороны, некультурность и недостаток воспитания. Схельтема говорит при этом, что затруднился бы привести эти подробности, если бы они не были удостоверены надежным источником, записками Ноомена, слышавшего о них от ван-дер-Гейдена-сына, мастера пожарных насосов в Амстердаме, а этому последнему рассказывал их Витзен, будто бы участвовавший в поездке (?). Дело происходит так. Согласно выраженному царем желанию Витзен с какими-то еще двумя лицами 24 сентября (4 октября) заехал за ним в карете. Началось с того, что Петр непременно хотел посадить с собой в карету еще пятое лицо — бывшего при нем карла или шута и, как ни убеждали его, что будет в карете тесно, он остался непреклонен и сказал, что в таком случае посадит карлика к себе на колени. Пришлось его желанию уступить. Петр избегал ехать по центральным улицам и приказал везти окраинами города. Увидав здесь много мельниц, он постоянно спрашивал, указывая то на одну, то на другую: «Тут что делают? а тут что?» Заметив одну мельницу, около которой не видно было никакого материала для работы, и узнав, что это шлифовальная мельница, царь закричал: «Хочу ее видеть!» Остановили карету, но мельница оказалась за-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 967—986; Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1697 г., № 2, л. 70—71, 72—74; ср. там же, л. 7—22 статью 3 и л. 45—46. На последних двух маленьких листках — несколько статей из наказа, касающихся приемной аудиенции: прибыв в Гаагу, просить приемной аудиенции, «только б в то время... у Статов иных государей послов и посланников и гонцов никово не было» и т. д. с надписью наверху: «206 г. сентября в 25 д. было по сему».

пертой, послали за ключом, но его долго не могли найти. Не хватило терпения дожидаться и поехали дальше. На гаарлемской дороге Петр увидел небольшую водочерпательную мельницу (для осушки болот и пр.). Опять восклицание: «Хочу ее осмотреть!» Ему возразили, что кругом болото, и он только промочит себе ноги. Царь настоял на своем. Остановились; он бегом направился к мельнице, но, подбежав к ней, увидел так много воды, что волей неволей должен был вернуться назад, изрядно промочив ноги. Когда приехали в Гаарлем, он опять потребовал, чтобы везли не по главным улицам, а окраинами; когда же объяснили ему, что этого сделать нельзя, то он, избегая взоров толпы, завернулся с головой в плащ и в таком виде проехал через весь город. Выехав из Гаарлема и завидя в окрестностях его одну очень богатую дачу, Петр спросил, кому она принадлежит. Витзен назвал какого-то известного негоцианта из Амстердама. «Хочу ее видеть!» У хозяина попросили позволения осмотреть дачу; но царь потребовал, чтобы предварительно все находившиеся на даче ушли из нее вон. Витзен объявил ему, что можно об этом просить, но приказать нельзя, так как в даче находятся сам хозяин ее с супругой. Хозяева исполнили, однако, желание царя, и он осмотрел подробно всю дачу и окружающие ее места и затем продолжал путь.

Вследствие всех этих задержек путешествие затянулось дольше обыкновенного. Наступил вечер, нельзя уже было ничего видеть. Но, приближаясь к Гааге, при переправе на пароме царь почувствовал небольшой толчок при въезде кареты на паром. «Что это такое?» Ему ответили, что переезжают реку на пароме. «Хочу видеть!» — ему подают фонарь. Он начинал измерять дюймомером длину, ширину и глубину парома и продолжал это делать до тех пор, пока порыв ветра не погасил фонаря. В Гаагу приехали в 11 часов вечера и подвезли царя к гостинице «Амстердам». Он отказался спать в отведенной ему роскошно отделанной комнате с парадной кроватью и выбрал себе маленькую каморку в верхнем этаже; но вслед за тем вдруг объявил, что хочет отправиться туда же, где стоит посольство. Все убеждения отказаться от этого намерения ввиду позднего часа — было уже заполночь — оказались тщетными: пришлось запрячь карету и отвезти царя в гостиницу «Старый Дулен». Здесь также не обошлось без хлопот. Первым его вопросом было: «Где я буду спать?» Ему показали кровать в прилично убранной комнате, но это ему также не понравилось. Он бросился сам разыскивать себе место для ночлега, перебегал из одной комнаты в другую, наконец, заметил одного из низших служителей, который храпел, растянувшись на медвежьей шкуре. «Вставай, вставай!» — закричал ему царь и ткнул его ногой. Тот открыл глаза, недоумевая и досадуя, зачем его разбудили. Царь снова закричал: «Ну, ну! вставай, вставай! Я лягу здесь сам!» Наконец, служитель рассмотрел, кто его так бесцеремонно разбудил и поспешно оставил свою постель. «И вот, —

говорит Ноомен, — на этой еще теплой медвежьей шкуре его царское величество нашел себе ночной покой»[1].

Намерения, поражающие спутников неожиданностью, упорная настойчивость в их достижении, боязнь выступать напоказ перед толпой, ненасытная любознательность, жажда знать все, что́ вокруг происходит, непривычка считаться с какими-либо препятствиями при осуществлении своих желаний, всегда проявляющихся с бурной стремительностью, полное пренебрежение при этом к интересам других людей, если эти интересы стояли на пути и мешали, — недостаток, порожденный воспитанием, не внушившим уважать других людей, — это все, действительно, сам Петр. Черты, выступающие перед нами в рассказе Ноомена, — его черты, и по существу в рассказе нет ничего невероятного. Но в нем есть трудно устранимое и крупное противоречие со «Статейным списком». По рассказу, Петр 24 сентября едет в течение целого дня из Амстердама в Гаагу с Витзеном. Но «Статейный список» определенно указывает, что 24 сентября Витзен находился в Гааге, что в этот день он получил от послов проект церемониала аудиенции, докладывал его Штатам и вел о нем затем переговоры с послами. И Витзен непременно должен был находиться в Гааге, когда шли переговоры о церемониале, как необходимый посредник во всех затруднительных случаях между Штатами и русским посольством. Так что следует избрать что-нибудь из двух: или поездка Петра в Гаагу была не 24 сентября, а ранее, и тогда, может быть, с царем был и Витзен, или, если поездка произошла именно 24 сентября, то она состоялась без Витзена. Но на поездку в Гаагу в пятницу, 24 сентября, указывает сам Петр в письме к Виниусу от 1 октября[2], следовательно, надо сделать последнее заключение. Зерно рассказа Ноомена не заключает в себе ничего невероятного; может быть, конечно, отдельные детали и штрихи испытали некоторое преломление, неизбежное при передаче их из одних уст в другие на пути, по которому они дошли до Ноомена. Возможно, что к одной этой поездке приурочено несколько происшествий, случившихся в разное время при ра́зных выездах Петра из Амстердама.

Другой рассказ Ноомена, также передаваемый Схельтемой, повествует о поведении царя в день аудиенции, для которой он приехал. «В день, назначенный для аудиенции, — пишет Схельтема, — царь оделся в костюм простого дворянина, состоявший из голубого кафтана, обшитого несколькими золотыми галунами; на голове он имел большой русый парик, а шляпа была украшена белыми перьями. За ним пришел Витзен, который и провел его в зал, соседний с аудиенц-залом, чтобы оттуда царь, оставаясь сам незамеченным, мог видеть весь церемониал предстоявшей аудиенции. Так как прошло некоторое время, а кортеж еще не

---

[1] *Scheltema*, Peter de Groote, I. 175—179; «Rusland en de Nederlanden», II. 237—241; «Anecdotes Historiques», 138—142; «Русская старина». 1916 г., февраль, 219—221; ср. *Ноомен*, Записки, 50—54.

[2] П. и Б., т. I, № 191.

показывался у дворца, то царь заметил: «Это слишком затягивается». Его нетерпение еще более увеличилось, когда среди присутствующих сделалось известно, что царь находится в соседней комнате, и взоры всех стали устремляться в эту комнату. Наконец, Петр решил уйти, но так как в этом случае ему пришлось бы проходить через большой зал, где уже собрались государственные чины, то он потребовал, чтобы все там находившиеся повернулись лицом в сторону и не смотрели бы на него в то время, когда он будет проходить. Витзен на это заметил, что он не может приказать Генеральным штатам, так как они являются носителями верховной власти в государстве, но что он, во всяком случае, попробует просить их об этом. Витзен так и сделал и получил в ответ: Генеральные штаты могут подняться со своих мест, когда будет проходить царь, но отнюдь не встать спиной к царю. Тогда Петр повернул парик задом наперед, закрыв им лицо, поспешно направился через Травескамер и вестибюль и спустился вниз» [1].

Этот рассказ едва ли можно признать достоверным. Это не более, как вариант на тему о том, как Петр избегал толпы в Саардаме. Час аудиенции хорошо, без сомнения, был известен Петру, видевшемуся до нее с посольством. Переезд из расположенных рядом с дворцом гостиниц, где останавливалось посольство, едва ли мог быть даже и по кружному пути продолжителен. Не любя толпы глазевшей на него при его появлении в Саардаме и на каждом шагу мешавшей ему, Петр не стеснялся общества на церемониях, если только не занимал на них главного места и не был центральной фигурой. Аудиенция в Гааге была уже не первая посольская аудиенция, на которой он, правда, всегда среди второстепенных членов свиты посольства, присутствовал. Таковы были аудиенции в Митаве и Кёнигсберге. Не далее, как 17 сентября, следовательно, всего 8 дней назад, он был на церемонии въезда посольства в Гаагу и присутствовал на парадном обеде после въезда с теми же депутатами Штатов, к которым мог, таким образом, привыкнуть. Слишком уже странным и прямо смешным было бы положение — ехать нарочно из Амстердама в Гаагу на аудиенцию, отрываться для этого от работы и в конце концов из-за какого-то неосновательного каприза не попасть на нее, а Петр любил подобные зрелища, хотя и в качестве постороннего зрителя. Поэтому проще и вероятнее будет предполагать, что и на аудиенции послов он присутствовал в качестве одного из посольских дворян и в соответствующем костюме. Сохранилась гравюра, изображающая прием посольства Штатами 25 сентября

---

[1] *Scheltema*, Peter de Groote, 1, 179—180; «Rusland en de Nederlanden», II, 241—242; «Anecdotes Historiques», 142—145; «Русская старина», 1916 г., февраль, 221—222; *Ноомен*, Записки, стр. 54—55. Схельтема передает рассказ Ноомена с некоторыми изменениями. По Ноомену, Петр сидел в соседней комнате *во время самого приема* и бежал, наскучив тем, что прием слишком долго продолжается. Ноомен записал свой рассказ также со слов ван-дер-Гейдена младшего.

1697 г. На ней изображены члены посольства и окружающая их свита, в составе которой знатоки гравюрного искусства различают фигуру Петра [1].

Сколько времени Петр пробыл в Гааге после аудиенции и когда вернулся в Амстердам на работу, неизвестно. Что царь был в Гааге еще 27 сентября, можно заключить по записи под этим числом в «Расходной книге» посольства, где говорится, что «в городе Гаге валентером на всякие росходы дано 200 золотых; взял те золотые Александр Меншиков». Эти деньги были выданы на личные расходы Петра, при котором волонтер Александр Меншиков состоял казначеем. Под тем же числом записан и другой расход, также, вероятно, касающийся царя: «в Гаге ж иноземцу Илье Федорову, который воинские вещи писал и по немецку некоторых валентеров учил, дано 15 золотых». Это — некий пастор Илья Федоров, который вновь упоминается в «Расходной книге» под 9 января и 17 марта 1698 г. по случаю выдачи ему в два приема 10 ефимков и затем 20 ефимков «за книгу, что он внов писал о морском плавании» и составлял к ней «чертежи». Если эти дни 26 и 27 сентября Петр находился в Гааге, то возможно предположить, что он принимал участие в прогулке с послами на берег моря в сады графа Портланда, которую «Расходная книга» относит к 26 или 27 сентября: «Ездили великие и полномочные послы из Гаги гулять в огороды графа фон Портмана да казенного блюстителя и тех огородов работником: малому да девке, которые оказывали всякие древа и травы, в почесть 3 ефимка» [2]. Может быть, эту или, во всяком случае, одну из таких прогулок отмечает автор «Записной книжки», говоря: «В Гааге Франц Яковлевич Лефорт ездил за город в сады в своей карете, которая дана 1 080 червонных; шлеи на 8 лошадях были бархатные, вызолоченные. Я сидел с ним и за нами было еще три кареты о

---

[1] *Веневитинов*, Русские в Голландии, иллюстрации № 13 и I и объяснения на стр. 214, 229—231.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 25 об., л. 187 под 26 сентября; ср. там же, л. 236, 277. В другой части той же книги: в «книге расходу 15 000 золотым» (там же, л. 26 под 27 сентября). «Ездили великие послы из Гаги к морю и были в огороде бывшего графа Портлана; дано служителем того огорода 7 золотых 10 алтын». Граф Портланд, один из ближайших друзей Вильгельма III, был послом во Франции. *Scheltema*, Peter de Groote, 180; «Hoelang de Vorst in den Haagwertoefde bleef ons onbekend» («Как долго оставался царь в Гааге, нам неизвестно»). *Posselt*, Lefort, II, 425; «Peter war *gleich nach der Audienz* derselben (der Ambassade) bei den General-Staaten nach Amsterdam zu seinem Schiffsbau zurückgeckehrt», но не приводит для этого утверждения никаких доказательств. Не доказывает своего противоположного мнения и Устрялов (История, т. III, стр. 86, примечание 63): «Отлучка его из Амстердама продолжалась с неделю, с 24 сентября по 1 октября». Схельтема сообщает далее, что король Вильгельм ввиду нахождения царя при посольстве прибыл лично в Гаагу и, оставляя в стороне этикет, имел здесь неоднократные свидания и беседы с русским монархом. Но из письма Петра Лефорта от 2/12 ноября в Женеву о том, что он (Лефорт) еще не видал короля Вильгельма, Поссельт (II, 456) делает верное заключение, что Вильгельма не было в Гааге во время пребывания там русского посольства; он постоянно жил в Лоо.

6 конях, в которых дворяне наши сидели. А как сведали, что мы поехали за город, многие посольские жены с дочерьми выехали туда же»[1].

1 октября в пятницу царь находился уже в Амстердаме, откуда в этот день пишет Виниусу. Переписка Петра, его письма и письма к нему его корреспондентов, служит нам главным и почти единственным источником его биографии за осенние месяцы 1697 г. В «Юрнале» за последние четыре месяца этого года есть только две отметки: о закладке фрегата 9 сентября и о спуске его на воду 16 ноября[2]. Несколько косвенных, впрочем, сведений можно почерпнуть из «Расходной книги» посольства; но «Статейный список» совершенно молчит о царе за это время. Из того, что фрегат, заложенный 9 сентября, был уже 16 ноября спущен на воду, следует заключить, что Петр работал над ним с большим усердием и что на его работе не отражались заметно отлучки из Амстердама, разного рода осмотры или веселое времяпрепровождение за «Хмельницким» в часы досуга. Не оставлял Петр и своей переписки, хотя ему и приходилось извиняться перед друзьями за неисправность ответов.

Письмо от 1 октября к Виниусу было послано в ответ на письмо последнего от 27 августа. Виниус шутливо сообщает в нем Петру о передаче его поклона всем господам, а паче всех государю генералиссимусу в его «Тюхоловских (Тюфелевских?) обителях», за что тот отпустил его с больною головой и перекусанною шекою». Далее, известив, что генералиссимус с марта месяца решил дела 300 сидевших в тюрьме колодников — и за то «спаси его бог!»; что из Сибири прислан образец магнитной руды и пишут, что там ее много и завод строить можно, Виниус перешел к своей постоянной теме: «и об мастерах не прогневися, мой государь, что часто зело докучаю. О мастерах прошу с господином Витценом говорить». В заключение он просит царя писать и другим членам компании, которые печалятся, не получая царских писем, а особенно князь Федор Юрьевич. В приписке Виниус сообщал, что до сих пор флот голландский еще не прибывал в Архангельск[3]. Петр успокаивает Виниуса: о мастерах он ведет дело с Витзеном и старается, сколько может (из этого видно, как близко, принимая участие в русских делах, стал к царю амстердамский бургомистр); письма не успел написать с двумя последними почтами, отходящими по пятницам, из-за поездок, — как раз на пятницу приходилось 24 сентября, когда, можно предполагать, Петр ездил в Гаагу; не успел и сегодня, 1 октября, написать до полудня, когда отходит почта, и просит не беспокоиться: все здесь благополучно. Вообще не успевает писать то за недосугом, то за отлучкой, то за «Хмельницким». В конце письма царь сообщает последнюю новость, его интересовавшую: мир у союзников, кроме цесаря, с французами подписан, но еще не ратифико-

[1] *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 200.
[2] Походный журнал 1697 г., стр. 27.
[3] П. и Б., т. 1, стр. 638.

ван; на ратификацию назначен срок в 6 недель. Пришло к послам сообщение из Вены от Стиллы, переводчика при цесарском дворе, бывшего одновременно тайным агентом русского правительства, с дополнительными известиями о победе при Центе. «Min Her Vinius. Писмо твое авъгуста въ 23 д.[1] писанное, мънѣ отдано, в которомъ пишете о мастерахъ; і мы о томъ с Витценомъ радѣемъ, сколко мочьно. А что жедаютъ[2] писемъ, і въ томъ сколко мочьно пишемъ, потому что ездимъ кое-куды, а іменно ныне, по двумъ почьтамъ прошълой і сегодня пятницъ, отписать за ездою въ Гагу і за інымъ не успѣлъ къ полудню, і о томъ прошу въсехъ, чтобъ не сумневались въ томъ (потому что іное за недасугомъ, а іное за отлучъкою, а іное за Хъмелницъкимъ не ісправишъ), потому что здѣсь, слава богу, въсе здорово. Миръ, кроме цесарскихъ, потписанъ, а не разменялись; сроку еще на 6 недель. О бою еше прибаѳку Стиля писалъ к посламъ нашимъ, что побито 2 400 ч., пушек 120 възято; о чемъ хотя, чаю, і вѣдаете, аднако оставить такого дѣла не хотѣлъ. За симъ, пожалуй, въсемъ по достоінству отдай поклонение, а пространнѣе з будушею почьтою писать буду. Piter. Ізъ Амстрадама, окътебря въ 1 д. 1697».

5 октября Петр вновь получил письмо от Винйуса от 3 сентября, в котором прочел известие о великих дождях в Москве; от них стали непроезжими все улицы, кроме главных. Виниус говорил, что завидует заграничным каменным мостовым; можно бы и в Москве такие мостовые сделать, если бы послы достали за границей знающего по этой части мастера, «зело, зело бы людем было отрадно!» Далее, он вновь повторял просьбу написать к Ромодановскому, чтобы отпустил к нему кузнеца Марчку Евсеева, о котором уже была речь в его письмах ранее; в заключение он поздравляет Петра с наступившим 1 сентября новым годом и шлет «от глубины сердца» наилучшие пожелания[3]. Петр отвечал в тот же день, 5 октября. В письме он острит по поводу известия о дождях в Москве и грязи на такой высоте; Голландия ниже уровня моря, и, однако, в ней сухо; сообщает новые вести все о той же, так сильно занявшей его внимание победе цесарцев при Центе, вести, полученные им в письме от находящегося при венском дворе майора Адама Вейде, который сам участвовал в этой битве. Вейде, между прочим, писал, что при Центе взят был в плен некий паша, который на допросе перед генералиссимусом и прочими генералами показывал, что у турок есть пророчество о взятии Царьграда русскими в 1699 г. «Min Her Vinius, — пишет Петр, — писмо твое сентября 3-го мнѣ отдано октября въ 5 день, въ которомъ пишешъ о мастерѣ съ Тулы, о чемъ я давно писалъ князь Ѳедору Юрьевичю. Такъже пишешъ о великихъ дожжахъ и грязахъ, что у вас нынѣ; и о томъ дивимся, что на такой высотѣ такая грязь; мы здѣсь и ниже воды живемъ, однако сухо.

---

[1] П. и Б., т. I. № 191. По ошибке вместо 27 августа; см. там же, стр. 638

[2] Т. е. ждут. В П. и Б., I, № 191 по ошибке напечатано «желают».

[3] П. и Б., т. I, стр. 639—640.

Сегодня Адамъ Вейтъ писалъ ко мнѣ писмо, въ которомъ подтверждаетъ о бою, которого он подлиннымъ свидѣтелемъ есть, понеже между побѣдители и самъ частію былъ, что такое множество побито, что на рѣкѣ по мертвымъ тѣлам ходить мощно было, будто по мосту, и такой побѣды отъ зачатия сей войны не бывало. Притом же пишетъ, что никоторый паша взятъ в полонъ, которой передъ генералисимусомъ цесарскимъ и перед всѣми генералы роспрашиванъ, въ которомъ роспросѣ межь иными словами сказалъ, что де у них нынѣ есть такое пророчество, что въ 1699 году Царьгородъ взятъ будетъ отъ Рускихъ, о чемъ и прежь сего слыхали, толко не отъ такихъ знатныхъ. Въ чемъ да будетъ воля господня, отъ которого побѣды происходятъ, и волею его высется и ни во что премѣняются. Piter. Из Амстрадама, октября въ 5 день»[1].

От 14 октября сохранилось два письма: к Виниусу и к Ромодановскому в ответ на их письма, полученные царем 9 октября. Виниус в письме из Москвы, помеченном 10 сентября, упрекает Петра в том, что после получения его письма с дороги из Шпаренберга от 31 июля он не имеет от него писем ни из Клеве, ни из Везеля, ни из голландского города Нимвегена, а о путешествии послов узнает только из курантов; будет ждать письма из Амстердама. Далее, сообщает новости: умер боярин К. Ф. Нарышкин, управлявший Ямским приказом. Голландский флот по 30 августа все еще не прибывал к Архангельску, о чем и московские иноземцы сетуют, а уже в пути «шатается» около 10 недель, надо полагать из-за противных ветров. В Москве уже наступает стужа, согнавшая теплоту, выпал сегодня, 10 сентября, порядочный снег. Прочие господа велели кланяться[2]. «Min Her Vinius, — отвечает Петр, — писмо твое, писанное октября в 9 день[3], я принял, в котором пишешь, что от меня ис Клева и з Нимвегина писма не было: и то для того, что я от Везеля ехал Реною направо чрез Реис и Эмерик на Амстрадам; а как приехал в Сардам, писал. Тут же пишешь о Кондратье Фомиче; и то, хотя не хочется всякому, быть так. О флоте городцком (т. е. архангельском) и здесь тоже думают. Мир с французом конечно совершился. Здесь зело тужат, что Остинской флот еще не бывал, также Страцкой (средиземный) и Вестинской; а из Грунлант (из Гренландии, китоловный)

[1] П. и Б., т. I, № 193. В тот же день, 5 октября, царь писал в Гаагу второму послу Ф. А. Головину, с которым вел переписку по делам посольства, интересуясь их ходом, а также к Л. К. Нарышкину в Москву. Письма эти не дошли до нас, и о них мы узнаем из ответов этих лиц (П. и Б., т. I, стр. 657—658). Ответ Ф. А. Головина приводится ниже в очерке деятельности посольства в Гааге. Не сохранились также письма, написанные между 5 и 10 октября к Ромодановскому и А. М. Головину, ответы которых приведем под числом их получения. 9 октября царь получил письмо от Ромодановского (не сохранившееся) (П. и Б., т. I, № 194) и от Виниуса (П. и Б., т. I, стр. 640). 11 октября он опять писал Ф. А. Головину в Гаагу по поводу посольских дел; о письме узнаем из ответа Ф. А. Головина, полученного Петром 13 октября (П. и Б., т. I, стр. 660).

[2] П. и Б., т. I, стр. 640.

[3] П. и Б., т. I, № 195. Пропущена дата написания письма Виниуса — 10 сентября; см. там же, стр. 640.

и из Остъзеи пришли в целости. Здеся зело великие бури были, от которых в розна времена шесть воинских кораблей пропало у Теселе и у Фли [1] совсем; да и с адмиралского машты все ссекли, и доныне еще в Тесель не вошел; и о том гораздо печалятся, также и о других болших кораблях, которые еще также не в ведоме. А сюды ис флота пришло фрегатов с 8-мь да один брандар, которого капитан мне так сказывал, что он бывал в Остиньи шесть раз, в Вестиньи 4, также и в ыных местах, а такова ветру никогда не видывал.

Здесь погода метется; толко стужа не велика; такова, ка[ко]ва живет в первых числах сентебря на Москве. Де-Контей подо Гданск пришел во 6-ти фрагатах малых, а на земли по ся поры еще не начевал. В город Гданск ево не пустили с войском и собрали на отпор 6 000, и для того король француской приказал всем капором гданские корабли брать. Войска де-Контей нанел толко еще 400 человек; хотя много дает, да нихто не йдет; и для того чаем, что при помощи божией, ничево не зделав, домой пойдет. Piter Пожалуй, покълонись въсемъ нашей кумпании. Изъ Амстрадама, октября в 14 день».

В коротеньком письме от того же числа к Ромодановскому — более интимные дела. «Min Her Kenih. Писмо твое государское октября в 9 день мне отдано, за которую вашу, государскую, милость многократно благодарствую. О здешнем возвещаю, что холопи ваши адмирал Франц Яковлевичь с товарыщами и со всеми, при них будущими, дал бог, в добром здравии». Далее, собственноручно: «Покажи милость, што у васъ здѣлалась надъ баярами: і померли і перебѣсились. У нас, слава богу, въсѣ здоровы, толко мъ[но]гие, чаю, покупятъ, а іные і покупили, шпалеры ѳъранцуския, которыя здѣсь въ шпиньгюіс[ѣ] зело дешевы, да непрочьны. Генерала нашего братъ Іванъ Михайловичь совокупился на сухоручькѣ, а самъ мала видитъ; і так целое гънѣздо увѣчъныхъ; не знаемъ, что с ни[ми] дѣлать. Piter» [2]. Вопрос о смерти бояр объясняется полученным известием о смерти боярина К. Ф. Нарышкина. Слово «перебесились», может быть, надо ставить в связь с известием Виниуса в одном из предыдущих его писем к Петру о том, что он вернулся от князя Федора Юрьевича из его Тюфелевских обителей «с перекусанною щекою» [3]. И. М. Головин, брат А. М. Головина, работал на Ост-Индской верфи вместе с Петром [4]. Впоследствии он много содействовал развитию флота в России, и Петр называл корабли «детьми Ивана Михайловича [5].

---

[1] Тесель и Фли — нидерландские острова в Северном море против самого входа в Зюйдерзее.

[2] П. и Б., т. I, № 194.

[3] Там же, стр. 638.

[4] Там же, № 181.

[5] В тот же день, 14 октября, Петр писал Т. Н. Стрешневу и Л. К. Нарышкину. Письма не дошли до нас (П. и Б., т. I, стр. 662, 658).

Рис. 22. И. М. Головин. Гравюра А. Зубова.
Вокруг портрета изображены строительные инструменты и части корабля

16 октября царем был получен от друзей ряд писем, писанных 17 сентября, которые, конечно, перенесли его мысль на некоторое время в далекую Москву. Виниус сообщал об отъезде адмиралтейца А. П. Протасьева несколько недель тому назад на Воронеж. По приказу Петра он писал к адмиралтейцу о плотниках, и что он ответит, будет царю сообщено. Из Варшавы пишут, продолжает Виниус, что некоторые из сенаторов саксонскому «противность велию являют» и будто бы собирают на него войско, однако бо́льшая часть сенаторов и шляхта коронная, а также войско стоят при саксонском; для того и коронация его отложена, и ожидают, что и еще «продлится, пока шумные главы успокоятся». В Архангельск 3, 4 и 5 сентября пришли, наконец, давно ожидаемые флоты: голландский, английский и гамбургский, всего более 40 кораблей; один из кораблей попал на мель, «стал у устья на песке, люди спаслись, а товары спасать побежали». В Москве такие ранние стужи, что в иные дни можно было выезжать на санях [1]. Г. И. Головкин просит передать своему свату (?), что брат его находится у него, Головкина, и «учитца начал, и зело смирен мальчик, а впредь каков будет, не ведаю». Т. Н. Стрешнев сообщал, что четырем стрелецким полкам, зимовавшим в Азове, послан приказ итти в Новгород к воеводе Ромодановскому и посланы к ним подьячие, чтобы они шли скоро и нигде не мешкали. (Это те полки, которые будут бунтовать во время похода.) «Левка» Нарышкин слал «поклон любезный» и выражал благодарность за полученное от царя письмо [2]. — Мир союзников с Францией, победа цесарцев при Центе, польские дела и попытки принца де Конти, чужеземные торговые флоты у Архангельска, голландские торговые флоты, бури и караблекрушения, кораблестроение в Воронеже, азовские дела, наем мастеров, сообщения о погоде, интимные обстоятельства ближайшей дружеской, окружавшей Петра в Москве и за границей компании, — вот сюжеты переписки его с московскими друзьями, по крайней мере сохранившейся ее части, за октябрь 1697 г., когда он работал в Амстердаме в разлуке с посольством, находившимся *в* Гааге.

XXII. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИИ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА С ГОЛЛАНДСКИМИ ШТАТАМИ. ВИЗИТЫ ИНОСТРАННЫХ ПОСОЛЬСТВ

Мы оставили великое посольство после торжественной аудиенции его у Штатов 25 сентября, на которой присутствовал Петр. После этого приема посольство, проживая почти в течение месяца в Гааге, ведет в четырех конференциях (29 сентября, 2, 6 и 14 октября) деловые переговоры с особо назначенной для того комиссией Штатов, продолжает переговоры с польским послом о военной

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 641—642.
[2] Там же, стр. 642—643.

помощи польскому королю, обменивается визитами с находившимися тогда в Гааге посольствами европейских держав. И, покинув посольство, расставшись с ним, Петр продолжает руководить его дипломатической деятельностью, интересуется всеми ее подробностями, как и вообще всеми подробностями жизни посольства, и находится в постоянной и непрерывной переписке с ним. До нас сохранились из этой переписки: одно письмо Лефорта и два Ф. А. Головина к Петру; но первое из этих писем к Головину показывает, что переписка была оживленнее: Головин упоминает в нем, что пишет уже *шестое* письмо к царю [1]. Петр сам стоит во главе управления внешней политикой России, держит все нити ее в своих руках; посольство исполняет только его руководящие указания. Следует оставить легенду о том, что Петр в Голландии интересуется и занимается только кораблями и тем, что к ним ближайшим образом относится. Он в курсе всего хода международных отношений в Европе, внимательно следит за ними, живо ими интересуется и высказывает о них свое суждение. Он всецело занят планом организации священного союза против турок, и эта организация — цель его внешней политики. Неудачные, иногда наивно неуклюжие дипломатические шаги посольства делаются последним, несомненно, по указанию самого Петра, и на Петре лежит ответственность за их неудачу. Головин и Возницын, ведущие всю деловую часть посольства, — только исполнители царских указаний. Проект инструкции посольству, заключающей в себе те речи, которые послы должны были говорить частью на приемной аудиенции, частью затем «в ответах», т. е. на конференциях с уполномоченными Штатов, докладывался Петру, дававшему на отдельные статьи свои резолюции. Сохранился черновик этого проекта, просмотренный Ф. А. Головиным, который, оставшись им очень доволен, сделал на нем надпись с приказанием при переписке «вопросительные статьи» переписать «пореже», т. е. оставляя побольше белого места для вписывания царских резолюций: «чтоб при докладе подписывать было мочно, что указ будет» [2] Направляя внешнюю политику, Петр, естественно, при-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 188: «Октября в 4 д. дано дохтуру Петру Посникову для посылки с писмами в Амстрадам 6 ефимков». Там же: л. 188 об.: «В 5 день дано пажу Андрею Лицкину для посылки из Гаги в Амстрадам с писмами на проезд 7 ефимков 4 алтына».

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1697 г., № 2, л. 23—32. Сохранился там же (л. 7—22) и чистовой экземпляр инструкции. Он носит название «доклад» и написан очень красивым и четким полууставом в маленькой изящной тетрадочке форматом в 1/16 долю листа. Это, вероятно, экземпляр инструкции, который Ф. А. Головин держал в руках на аудиенции и на конференциях со Штатами и с которого удобно было считывать те речи о войне с турками, о противодействии принцу де Конти, о благосклонном отношении московских государей к голландцам, которые и были сказаны московским посольством на конференциях. В этом чистовом экземпляре переписаны и резолюции Петра после статей, в которых излагаются ходатайства голландского посла фон Кленка:

л. 21 об.: «Он же (фон Кленк) говорил, чтоб зделать на Хвалынском море малые корабли, которые до персицкой страны лутче могут ходить бус. А они прищут к тому делу способных мастеров».

нимает близкое участие в деятельности своего посольства и посольство занимает все время такое большое место в поле его внимания, что обход молчанием деятельности посольства в Гааге был бы пропущенной страницей в биографии Петра. Поэтому и обратимся к этой деятельности, излагая ее в хронологическом порядке.

На другой день после торжественной аудиенции, 26 сентября, к послам приходил дворянин из цесарского посольства с просьбой за известного уже нам Анкирского архиепископа. Послы поручили дворянину передать цесарским послам и самому архиепископу, что ему от них, послов, будет дана отписка к пограничному псковскому воеводе, а из Москвы ему выдадут в Персию грамоту великого государя, да от пограничного города до Москвы дадут ему подводы и сделают «всякое вспоможение» [1].

«Будет договор о пропуске, то и то надобно.

Он же говорил, чтоб их, послов, пропустить в Хиву и в Китай, чрез Московское государство и в Сибирь, и ему в том отказано.

Умолчать и самим о том не всчинать.

Которые высланы с Москвы валентеры, чтобы им быть для учения в их земле со всяким вспоможением».

Этими словами чистовой экземпляр доклада заканчивается. В черновом проекте, далее, читаем:

л. 31: «Есть-ли спросят о посредстве.

И на те вышеписанные статьи, что́ говорить и какое постановление о торговом деле учинить и каково вспоможения на турскую войну просить и буде так не дадут, чем платить и во многие ль годы хлебом, и шолком, и смолчугом, и поташом, пенкою, юфтью и салом, о том великий государь что укажет.

С аглинским королем видетца ль и естьли он болши не пришлет, самим к нему отозватца ль и естьли увидимся, а он учнет говорить о великом государе, что он здес ли и чтоб ему с ним видетца (зачеркнуто: «что́ сказать»). Также по должности Оранского княжества владения учнет спрашивать о делех, с чем мы к Галанским статом присланы и велено л нам быть (зачеркнуто: «у него») в Англии у него, о том, что сказать, великий государь что укажет?»

Рукою Ф. А. Головина: «Последние вопросительные статьи написать велеть пореже, чтоб при докладе подписывать было мочно, что́ указ будет. Тут же прикажи написать и скаску руских торговых людей о желку (т. е. шелку) и в что в верху положено говорить при объявлении Статом учиненных всех доброт писать, бутто все то, чинено, чтоб Деконтий недопущен был ради союзных (?) мира.

А выбрано истинно изрядно».

Ответ на первую из этих вопросительных статей дан в чистовом экземпляре доклада, где на л. 16 об. — 17 читаем: «И говорить, чтоб дали: пушек, ружья, полотен, якорей, дерев индейских, а имянно покоут, газейль, ноут. Чтоб выпросить того без займов на 100 тысяч или на 50 тысяч, а по последней мере на 30 тысяч или на 20 тысяч. А буде Статы учнут от того отговариватьца и великим послом выговаривать им, что с стороны царского величества в предьидущие времена многое им доброхотство чинено, а имянно в торгех» и т. д.

Ответа на вопросительную статью относительно английского короля в чистовом экземпляре доклада нет, очевидно потому, что этот экземпляр не подлинный чистовой доклад, а список, сделанный со специальной целью служить для кого-то из послов, вероятно, для Головина, шпаргалкой на конференциях. Время составления доклада не обозначено; можно заключать, что он составлялся до 1 сентября, когда произошло свидание Петра и послов с английским королем. Кем из подьячих составлялся проект доклада и кого хвалит Головин в своей приписке, неясно.

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 987.

Так как, представившись Генеральным штатам, русское посольство получило официальный характер, то находившиеся тогда в Гааге по случаю Рисвикского конгресса посольства европейских держав стали делать ему визиты, на которые русское посольство затем отвечало, и, таким образом, в этот раз русские послы за границей впервые вступили в круг общеевропейского дипломатического этикета. Этикет этот отличался от современного нам громоздкими чертами пышности. И иностранные послы к русским и в свою очередь русские при ответных визитах выезжали с большим парадом, с большой свитой дворян, пажей, лакеев и гайдуков, разодетых в раззолоченные костюмы цвета их гербов и в шляпы с перьями, целыми кортежами в несколько запряженных шестернями и четверками лошадей цугом карет. Соблюдались при встрече и проводах особые условия этикета в зависимости от достоинства государей, представляемых послами. Обыкновенно иностранных послов русские встречали на крыльце, поручая встречать их у самых карет посольским дворянам; но цесарским послам, как представителям императора, и английским послам оказан был особый почет: им навстречу русские послы выходили «на нижний рундук». Провожали русские иностранцев до карет, за исключением датских послов, которых провожали до «нижнего рундука».

Открыл ряд этих визитов 27 сентября шведский посол барон Лилиенрот. «Я был у него, — знакомит нас с ним Петр Лефорт в письме к отцу в Женеву, — во время нашего пребывания в Гааге три или четыре раза, и он мне оказывал много внимания и любезности (beaucoup d'honnêtetés). Это, действительно, очень обходительный человек, он в большой близости с генералом (Лефортом) [1]. «Сентября в 27 день, — описывает этот визит «Статейный список,» — был у великих и полномочных послов свейского короля посол барон Николай Лилиенрод, приезжал в четырех коретах о шести возниках; встретили его великие послы на крыльце, а дворяня у кореты. И, вшед в полату, великих послов поздравлял, а потом сели по местам, и посол говорил: приехал де он, посол, с должности своей их, великих и полномочных послов, яко новоприбывших в Гаагу, поздравить и имеет он себе указ от государя своего, от его королевского величества, чтобы с ними, великими и полномочными послы, быть во всяком благом приятстве, и он просит: если какое дело им, великим послом, лучитца, и он им служить будет рад, понеже де он здесь уже давно живет и поведению здешнему приобыкл. И великие и полномочные послы говорили, что за такое его приятство ему благодарствуют, и какое буде прилучится дело, и они его о том просить будут; также и они, великие и полномочные послы, взаимным способом себя ему представляют. А потом, побыв немного, поехал к себе, а великие послы проводили его до кореты» [2].

---

[1] *Posselt*, Lefort, II, 434, примечание.
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 987—988.

28 сентября к послам явился «агент» Штатов Розбум спросить послов, когда им угодно будет назначить конференцию с комиссией Штатов для разговора о делах. Послы ответили, что они давно ожидали от Штатов такого желания и «готовы быть с ними на разговоре».

Затем приехали в четырех каретах бранденбургские послы: фон Шметтау и фон Данкельман, один из братьев знаменитого обер-президента. Войдя в палату, бранденбуржцы после первых приветствий спрашивали о здравье его царского величества, на что послы отвечали формулой, употреблявшейся русскими посольствами на торжественных аудиенциях, и очень лживой в тот момент, когда царь был в Амстердаме: «Как мы от великого государя поехали, и великий государь, его царское величество, на своих великих и преславных государствах Российского царствия престолех, в царствующем велицем граде Москве пребывает в добром здоровье, также и ныне имеют ведомость и благодарят господа бога, что его царское величество в добром здоровье есть». Послы в свою очередь спросили: «Курфистрская де пресветлость в добром ли здоровье и где ныне пребывает?» И посол Шметтау сказал, что «курфистрская де пресветлость здрав и резидует в Берлине, тешится ловами». Далее зашел разговор о польском деле, о принце де Конти: «Великие ж и полномочные послы спрашивали брандебурских послов о Декоптии, где обретается и какое поведение имеет. И послы говорили, что имели они ведомость чрез почту, будто близ Гданска обретается, а как там поведение свое иметь будет, о том впредь к себе ведомости ожидают; толкочают, что саксонская сторона лучшее поведение имети будет, и дай де боже, чтоб так чинилось». На этом визит кончился, и гости стали прощаться: «потом, встав и витався с великими и полномочными послы, из полаты пошли» [1].

За визитом бранденбуржцев последовал в тот же день, 28 сентября, визит английских послов, приехавших со свитой в девяти каретах. Английских послов в Гааге тогда было трое: граф Пемброк, лорд Виллерс и «рыцарь» Вильямсон. После взаимных приветствий и любезностей английские послы предложили русским «для братской дружбы и любви их, государей, и для общей христианской пользы посетить земли английского короля». Русские ответили, что будут рады это сделать, если будет на то указ великого государя. Посещение, видимо, было непродолжительное: «и потом, побыв немного, поехали к себе» [2].

29 сентября состоялась первая деловая конференция — «разговор» — русских послов с назначенной для ведения переговоров комиссией Штатов. К послам, на их «двор», явились 9 человек депутатов [3]; встречали их послы, «вышед из сеней на крылце на

---

[1] Там же, 988—989.
[2] Там же, 989—991.
[3] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1697 г., № 2, л. 50 об.: фон Эсен, Грувинкс, Остгисен, Беккер, Бергестенн, Фандерве, Лемке, Виггерс и секретарь Фаггель.

лестнице». Конференция происходила «в столовой большой полате за круглым столом» [1]. Переговоры начали послы, постепенно открывая цели своего посольства. «Великий государь» указал им, послам, передать Штатам прежде всего о его намерении поддерживать древнюю дружбу со Штатами, и чтобы они «в том были надежны». Затем следовал рассказ о войне, которую царь ведет против Турции, причем послы в значительной мере повторили то, что говорилось уже на приемной аудиенции. Его царское величество без какого-либо внешнего принуждения собственной особой «изволил воевать» султана турецкого и хана крымского, союзников французского короля, «наступательною войною». Перечислены были одержанные в этой войне победы: захват Азова и Лютика, чем «во все турецкое государство врата отверсты»; взяты также Казыкермень и Тавань «со многим пролитием бусурманской крови», причем «их бусурманские жилища испровержены и богомерзкие их мечети в домы святые обращены, и поганская их сила под ноги христанские опровержена». На Черном море флот их разбит, несколько кораблей, каторг и фуркатов со многой добычей захвачены, остальные сожжены. И в настоящее время русские войска действуют против того же неприятеля. Все это великий государь делает, вспомоществуя всем христианским государям с большими издержками — в этом заключался подход к главной теме посольства — «со многою своей, царского величества, казны утратою, потому что такая война, всяк то может разуметь, не может быть без великих миллионов и многочисленного войска. Все христианские государи, утесненные от турок», от сердца благодарят великого государя, который намерен и в предстоящие годы воевать того неприятеля войсками своими, сухим путем и морем, всеми силами.

Следующим пунктом в обращении послов было польское дело. «Всего христианства неприятель и союзник турецкого султана французский король, желая в силах своих бо́льшего преизобильства и крепости, всякими способами старался посадить на польское королевство племянника своего, принца Деконтия, для чего затратил многие миллионы. Но государь, пресекая те его злые замыслы и защищая от его намерения христианских государей, своих соседей и братьев, указал написать в Польшу к панам раде и к Речи Посполитой, чтоб они Деконтия себе в короли не выби-

---

[1] Для украшения посольских палат в Гааге были куплены французские шпалеры-гобелены. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 186 об.: «Сентября в 24 д. по указу великого государя и по приказу великих и полномочных послов куплены в Гаге шпалеры шесть ковров французских для обития стен в церковных и посолских полатах; дано за те ковры вдове Марии Клеине 240 ефимков». Там же, л. 187: «В 26 д. куплено гвоздей на прибивку в посолских полатах шпалер». На покрышку стола еще в Амстердаме было куплено красное сукно и обшито золотой бахромой. Там же, л. 23: «Августа в 19 д. куплено на посолской стол сукна красного 6 аршин по золотому з гривною аршин да на обшивку того сукна бахромы золотной 15 аршин весом 42 лота, по 15 алтын лот, да за обшивку портному мастеру золотой. Всего за сукно и за бахраму и за дело дано 23 золотых 10 алтын».

рали, в противном случае грозил им войной, выставив на литовскую границу 40 000 войска. Видя все это, поляки «французскому королю довольства не учинили», а выбрали себе королем курфюрста Саксонского, от которого можно ожидать, что он окажет помощь всему христианству, а «французскому королю и султану турецкому и хану крымскому будет противен». Государь писал и к датскому королю, чтобы он не пропускал Деконтия при его проезде в Польшу через Зунд. «И они б, высокомочные господа Статы, то себе разсудили», что великий государь оказал доброхотство и помощь им, господам Штатам, и «всей их Речи Посполитой» (т. е. республике), расстроив замыслы их врага, французского короля, ослабив тем его силы, так что своим соседям уже не может быть так страшен, как прежде. Пусть Штаты примут доброжелательство великого государя ко всему христианству и военные его промыслы над общим креста святого неприятелем «себе в добрую радость».

Наконец, послы напомнили Штатам о прежних проявлениях доброжелательства к их народу со стороны московских государей. Когда в 1670-х годах шведский король, собираясь в союзе с Францией воевать против Штатов, старался заключить союз с московским государем, то царь Алексей Михайлович, зная, что король ищет этого союза, намереваясь воевать с Голландией, «такого союза учинить с ним не изволил и в том ему отказал, и послы его отпущены с Москвы без дела». Когда затем во время этой войны со Швецией Штаты прислали к царю посла фон Кленка просить о помощи, царь Алексей Михайлович отправил в Швецию посольство склонять шведского короля к миру, а для «постраху» королю в то же время к шведской границе были двинуты войска, и король, узнав, что эта угроза делается не из-за пограничных между Россией и Швецией ссор, а ради Голландии, «учинил войне прекращение, а к миру склонность». Все это «должно им, господам Статом, в незабытной памяти имети». Дав осязательно понять об огромных расходах, которых требует ведущаяся в интересах всего христианства война против турок, в чем будет заключаться главный предмет посольства в такую богатую морскими силами страну, как Голландия, и приправив эти слова указаниями на помощь, оказанную Штатам расстройством планов Людовика XIV и на прежние случаи такой же помощи, посольство в заключение затронуло аппетиты торговой республики, открывая ей перспективы больших материальных выгод. Еще при царе Алексее Михайловиче тот же голландский посол фон Кленк просил о транзитной торговле для Голландии с Персией и армянами. Тогда в этом было отказано. Великое посольство прикрывало теперь этот отказ объяснениями, что дело пресеклось тогда за смертью царя Алексея Михайловича, а в настоящее время великий государь, следуя такому же, как и отец его, «доброхотному склонению» к Голландии, указал послам напомнить Штатам о том деле и предложить им высказаться, на каких условиях они желали бы установить транзитную торговлю, «на каковых статьях

которому делу состоится возможно и каким поведением тот торг и отпуск имеет быти?» Это был, как бы, посул голландцам, имевший целью приобрести их расположение к основному предмету переговоров.

Президент и депутаты, составлявшие комиссию, выслушав предложение послов, «записали их себе статьями» и совещались между собой, а затем президент ответил послам несколькими фразами благодарности за переданное от великого государя намерение поддерживать старинную дружбу, выразил радость по поводу победы царя над неприятелями и пожелание победы и одоления над врагами и на будущее время. Что же касается дела о торговле с Персией, о котором хлопотал фон Кленк, то пусть послы изложат свое предложение письменно, и тогда им будет без замедления дан ответ. Такой оборот, видимо, несколько удивил послов, и они возразили, что в торговле с Персией заинтересованной стороной являются Штаты, что прошение через фон Кленка было с их стороны и поэтому они и должны представлять соображения об этом деле. Депутаты, поблагодарив еще раз за «доброхотственное склонение» царя, ответили, что велят по этому предмету сделать выписку из записных книг, представят на усмотрение общего собрания Генеральных штатов и тогда «учинят ответ». На этом переговоры 29 сентября кончились, и депутаты, «витався с послами», покинули посольские помещения [1].

В тот же день, 29 сентября, послы просили состоявшего при них «торгового» голландца Захария Дикса выхлопотать перед Генеральными штатами разрешение на беспошлинный вывоз из Голландии в двух бочках лекарств, закупленных на царский обиход находившимся в Амстердаме русским доктором Петром Посниковым. «И Захарий Дикс, пришед к великим и полномочным послом, сказал, что он их посолское прошение Статом доносил, и господа де Статы, по их, посолскому, прошению велели те лекарства в своих владениях пропустить беспошлинно» [2].

Были приняты приехавшие с визитом датские послы Христиан-Зигфрид фон Плессен и Христиан фон Ленте фон Сарлгаузен. Войдя в палату и посидев немного, первый из датчан говорил «продолжительную речь», в которой после приветствия русским послам и поздравления со счастливым прибытием в Гаагу сообщил, что у них есть королевский указ — иметь с русскими послами приятство, потому что король почитает царя не только «за величество государств его», но и за самые его поступки, желает иметь с ним всякую любовь паче прежнего и, ища всякой приязни с царем, изволил отправить посланника к Москве. Король очень ждал приезда великих послов в свою землю, и по этому поводу сделаны были большие приготовления, но, вероятно, это намерение великих послов отменилось по воле царя; король желает, что-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 991—999; Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1697 г., № 2, л. 50—60. Запись разговоров на конференции 29 сентября. Ср. там же, л. 7—22 «Доклад».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1001.

бы в будущем посольство все-таки его посетило и примет его «со всякою честью и достоинством». И притом датские послы «просили, чтоб они, великие и полномочные послы, показали им всякое приятство». Русские послы благодарствовали послам за приязнь, а королю за желание видеть их у себя и обьявили, что тогда их посольство к королю было отложено ради некоторых причин, но есть надежда исправить это упущение впоследствии: «посольство имелось учиниться во отложении для настоящих случаев, а может то исправитись иным благополучнейшим временем. И, говоря о том, послы, простясь, поехали к себе». Великие послы провожали их до нижнего рундука [1]. День закончился посещением театра: «Того ж числа были великие и полномочные послы в Гаге в комендиальном дому и смотрели тамошних действ» [2]. «Когда оттуда возвращались, — добавляет автор «Записной книжки», — несли перед каретою свечи восковые возженные» [3].

30 сентября австрийское посольство прислало великим послам полученную из Вены грамоту на латинском языке от цесаря к Петру с уведомлением о победе над турками при Центе. Грамота от цесаря к царю посылалась, как видим, не в Москву, где царь официально значился, а в Голландию к великому посольству. В ней сообщалось (по включенному в «Статейный список» переводу ее с латинского языка на русский), что турки, «смотрящу с другой стороны реки самому султану и из всего обозу (лагеря)... от наших выгнаны; кроме трехсот знамен и между ими самое янычарского аги знамя, такожде и кош (обоз) и сто пушек потеряно, и оставленные кормовые запасы все, купно с великим телег числом, пятнадцать тысяч и болши урону восприяли, которые или мечом побиты на месте, или в бегстве, понеже теснота моста их объяти не розмогла, в воде реки Тисы потоплены суть» [4].

---

[1] Там же, 991—1001.

[2] Там же, 1001.

[3] *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 200.

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 1001—1002. Под 1/11 октября Схельтема упоминает о присутствии Петра на обеде, данном во дворце св. Маврикия в честь русского посольства дипломатическому корпусу двумя полномочными министрами, представителями Голландии на Рисвикском конгрессе — Гейнзиусом ван Веде ван Дейвельде и Вильгельмом ван Гареном. Царь явился на обед в качестве одного из дворян, состоящих при русском посольстве и был посажен между Витзеном и секретарем Штатов Фагелем. За обедом он познакомился с такими выдающимися государственными людьми, как ван Веде и ван Гарен (*Scheltema*, Peter de Groote, I, 181—182; «Rusland en de Nederlanden», II, 243; «Русская старина», 1916 г., февраль, стр. 222). В этом известии много неясного и противоречащего другим источникам. Неясно, почему обед в честь русского посольства давали два голландских уполномоченных на Рисвикском конгрессе. Если это был обед, данный ими в честь дипломатического корпуса, участвовавшего в Рисвикском конгрессе, то причем тут упоминание, что обед был дан дипломатическому корпусу в честь *русского посольства*, которое на конгрессе не участвовало? Едва ли русское посольство могло присутствовать на обеде с прочими послами, с которыми оно все еще не познакомилось и не обменялось визитами. По крайней мере 6 октября оно отказалось от приглашения на обед к польскому послу, указывая, что оно еще не сделало визитов иностранным послам. «Статейный список» о таком обеде не упоминает: день 1 октября в нем совсем не описан. Что касается до известия о присутствии

2 октября происходила вторая конференция послов с назначенной Штатами для ведения переговоров комиссией. К послам на этот раз явилось семь ее членов с президентом ван Эссеном во главе. Когда вошли в палату и сели по местам, президент ван Эссен начал переговоры, «говорил с письма». Он передал посольству благодарность Штатов за высказанные на первом разговоре заявления. Речь перешла затем к сделанному послами в прошлый раз предложению относительно торговых сношений с Персией и армянами. Предложение это, как видно, было встречено Штатами более чем холодно; они не только не обнаружили никакого стремления за него ухватиться, но проявили склонность затянуть дело: за предложение они благодарны, но вскоре ответа на него дать не могут; надо об этом деле спросить многих торговых людей, которые бывали в тех краях. Если послы не располагают долго оставаться в Гааге, то переговоры можно продолжать и в Амстердаме, если послы там еще побудут. Штаты желали бы, чтобы послы изложили свое предложение письменно.

Послы очутились в очень неловком положении; они взяли на себя инициативу предложения голландцам тех торговых выгод, которых голландцы ранее при царе Алексее добивались и о которых просили сами. Теперь они получили ответ в таком тоне, как будто о торге голландцев с Персией хлопотали они сами, русские послы. Послы ответили, что переговоры можно будет вести и в Амстердаме, потому что они намерены еще там пожить. Предложение их выгодно для Штатов, так как сокращает путь для их торговли с Персией. Об этом ранее «многое прошение» было со стороны голландцев, и если Штаты пожелают вступить о том в переговоры, тогда и послы будут говорить о том пространно. И так как потребность транзитного торга существует для голландских купцов, то письменное предложение о нем должно исходить не от послов, а от Штатов. Ошибка посольства в переговорах — и виной ее, может быть, был сам Петр — заключалась в том, что оно слишком преждевременно заговорило о желанном для голландцев транзитном торге, надеясь поймать голландцев на эту удочку, не дождавшись просьбы о том с их стороны. Но посольство ошиблось в расчетах. Штаты, холодно встретив предложение о транзитном торге, тем самым не связывали себе рук и относительно других вопросов, выдвигавшихся русским посольством. Это был крайне неловкий, в значительной степени наивный дип-

Петра на обеде 1 октября, то оно совершенно неприемлемо. 1 октября он был в Амстердаме, как это видно из его приведенного выше письма к Виниусу, помеченного Амстердамом 1 октября (П. и Б., т. I, № 191). Французский переводчик Схельтемы Muilman в «Anecdotes Historiques sur Pierre le Grand», (Lausanne, 1842, 143—144) оставляет без перевода слова «ter eere van het Russische Gesandschap». Русский переводчик неправильно считает названных Схельтемой голландских уполномоченных на мирном конгрессе «gevolmagtig de Ministers van den Staat tot den vredehandel» — «прибывшими в Голландию по случаю заключения Рисвикского мирного договора». Ван Дейвельде и ван Гарену не было надобности «прибывать в Голландию», так как конгресс происходил именно в Голландии в Рисвике.

ломатический ход начинающего и не вооруженного еще опытом политика.

Вторым предложением, сделанным русским посольством в этом заседании и был тот главный предмет, за которым посольство обращалось к голландскому правительству, главная цель его приезда в Голландию, — просьба о помощи Московскому государству в его войне с Турцией, если не деньгами, на что, повидимому, вовсе с самого же начала не рассчитывали, то по крайней мере имеющимися в Голландии в изобилии всякого рода морскими снаряжениями. Повторив вновь вкратце речь о значении войны против бусурман для общей всех христиан пользы, послы подробно развили ту тему, на которую сделали намек уже в первом разговоре. Твердо намереваясь продолжать войну с турками, великий государь решил соорудить на Черном море флот («караван»), в котором должно быть кораблей и галер со сто, кроме иных мелких судов. На сооружение этого флота нужны как большие денежные ресурсы, так и всякого рода военные и морские припасы, и пусть Штаты, слыша о таких «его царского величества на защищение всего христианства подвигах», окажут ему помощь, если невозможно деньгами, то «всякими воинскими и корабельными припасами», которых у них изобилие, а в Российском царстве «за незвычаем» нет, и в скорости изготовить невозможно. Послы об этой помощи говорили, «выводя пространно», указывая, что войны против бусурман в таких обширных размерах, в каких она теперь предполагается, еще никогда не бывало, что для Штатов такую помощь оказать нетрудно, что царю это будет приятно и памятно, и он вознаградит голландцев по окончании войны, а если они что-либо желают получить теперь же, то пусть просят. Комиссия просила дать по этому делу письменное предложение, обещаясь доложить его Штатам. Послы ответили согласием, и на этом вторая конференция окончилась [1].

XXIII. ПОСЫЛКА ОСТРОВСКОГО В СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ ДЛЯ НАЙМА МАТРОСОВ. ПЕРЕГОВОРЫ С ПОЛЬСКИМ ПОСЛАННИКОМ

Ведя с Голландскими штатами переговоры о помощи русскому государству военным и морским снаряжением, посольство не упускало из виду и другой существенной стороны дела, изложенной в наказных пунктах, данных ему царем перед выездом за границу [2], а именно привлечения на русскую военную и морскую службу знающих и опытных иноземцев. Затруднением при найме их было незнание ими русского языка, и вот является мысль поискать офицеров и матросов в славянских приморских странах в на-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1010—1014; Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1697 г., № 2, л. 61—64. Запись разговоров на второй конференции.
[2] П. и Б., т. I, № 140.

дежде на близость славянских языков к русскому. 2 октября посольством дан был наказ капитану Лефортова полка иноземцу Г. Г. Островскому, взятому посольством за границу «для толмачества» благодаря его знанию латинского, итальянского и польского языков, с поручением отправиться для найма офицерского и матросского персонала в славянские земли. Наказ просматривался и редактировался самим Петром — знак, что царя это дело очень интересовало, а может быть, следует предполагать, что и самая мысль о такой посылке в славянские земли исходила от него. Григорий Островский должен был отправиться из Гааги, разведав в точности, каким путем ближе и удобнее доехать «до славенской или до словацкой и до шклявонской земель». О своем путешествии ему предписывалось составить записку, точно отмечая, через какие государства и города он поедет, обозначая в верстах или в милях расстояние от города до города, записывая сведения, какова дорога и есть ли довольство в подводах и кормах. Такого рода сведения должны были пригодиться послам впоследствии при их дальнейшем путешествии.

Приехав в «шклявонскую землю», Островский должен был разузнать: «под которым она государем, много ль в ней городов и знатных мест, многолюдна ль она и какие в ней люди: служилые ль, или купецкие, или пахотные и каких чинов больше», есть ли в ней капитаны, поручики, шкиперы, боцманы, штурманы и матросы, раньше служившие и теперь служащие на военных кораблях и на каторгах или на купеческих кораблях; разузнать также о характере их службы, на каких судах они ее несут — Петр приписал здесь: «на корабляхъ іли на каторгах», — в каких странах и в чьих флотах. Обо всем этом Островскому предписывалось расспросить «знатных начальных людей» и взять у них письменные сведения. Он должен был также осведомиться, нет ли из того народа высших морских чинов, например, вице-адмиралов или иных, и записать их имена. Далее Островский должен был собрать сведения о языке: «тот вышепомянутой славенской народ славенской ли язык употребляет и мочно ль с ними русскому человеку о всем говорить и разуметь», одного человека славянского народа, какого бы то ни было чину, привезти с собой в Амстердам для познания языка их, уговорясь с ним, по скольку ему платить в месяц; узнать также, далеко ли от славенской земли Венеция, «на которые места и чрез чьи земли и городы туда путь» и сколько миль расстояния или дней пути. Те сведения, которые мы теперь узнаем из географии, тогда надо было собирать через командированных ad hoc особых посланных; такими сведениями посольство, хотя и купившее еще 4 сентября в Амстердаме «книгу атляс с описанием и с чертежами всех государств» [1], не располагало. Если бы оказалось, что славянский язык непоня-

[1] Арх. мин. ин. дел., Кн. австр. дв., № 47, л. 181: «Сентября в 4 д. по указу великого государя куплена в Амстрадаме из ряду для знания путей книга атляс со описанием и с чертежами всех государств, дана 46 ефимков. Да к той же книге зделан ящик деревяной, дан 2 ефимка».

тен и «словаки язык свой употребляют не против русского языка и узнать его, что они говорят, русскому человеку будет немочно», и офицеров, какие надобны, нет, то Островскому направиться в Венецию, там осведомиться об офицерах, знающих славянский язык и иных национальностей, много ли их там, найдутся ли охотники ехать на службу в Московское государство и почем они будут брать; узнать о высших чинах, кто именно и какие чины и в которых флотах служат «и какое о себе имя и похвалу в воинских морских делах имеют?» Все это узнав подлинно, обо всем записать и с той запиской возвращаться, нигде не мешкая, в Амстердам. На расходы Островскому было выдано 200 червонных золотых [1].

В тот же день, 2 октября, великие послы вернули польскому послу Христофору Бозе присланный от него 30 сентября и найденный ими неудовлетворительным проект просительного письма. Исполнить это поручение были отправлены Петр Лефорт и переводчик Петр Вульф и им приказано было сказать послу на словах, что он прислал статьи «своим образом писанные, а не таковы, каковы обещал дать», и если он желает довести начатое дело до конца, пусть даст ответ через них или же сам повидается с послами, когда угодно, хотя бы сегодня. Бозе через Петра Лефорта и Вульфа ответил, что послам за присылку статей «зело благодарствует»; не был он у послов и не видался с ним «для того, что забавен был иными делами», повидается с ними сегодня же и обо всем «разговорится». Действительно, он в тот же день явился к послам, повторил лично свои извинения, просил «не подосадовать» на него, что он посетить их умедлил и объяснил это умедление тем, что вел переговоры с послами союзных государств о мире цесаря с Францией, «и для того у всех послов между собою были частые съезды и чают то дело скончать вскоре». Послы уверили его, что никакой в том на него досады не имеют и пригласили его высказаться, если есть какое-либо до них дело. Бозе, желая убедить послов в том, что пользуется полным доверием короля, хотя не имеет официальной аккредитивной грамоты, взял у секретаря своего книги, читал из них подлинные адресованные к нему письма короля за королевской подписью, а переводчик Петр Шафиров, стоя, переводил их послам. Затем он предъявил послам и иные «в трех книгах на малых листах вклеенные писанные королевские ж листы и говорил, что те листы оказует он для подлинной верности о себе»: пусть послы не сомневаются в нем: король пишет к нему как к верному представителю, и, хотя королевские указы писаны и на малых листках («картах»), однакоже касаются великих дел и больших денежных сумм. Бозе прочел также и особый полученный им королевский указ, в котором король предписывает ему как можно скорее просить у великих послов военной помощи. Этот указ, запечатав его, потому

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1014—1018; П. и Б., т. I, № 192; Арх. мин. ин. дел. Кн. австр. дв., № 47, л. 26: 200 золотых; «Статейный список» указывает 300 золотых. Мы предпочитаем указание «Расходной книги».

что в нем шла речь также и о других, неподлежащих сообщению предметах, он вручил послам, а также передал им просительное письмо о помощи, написанное по образцу, данному ему послами, без всяких изменений. Послы приняли запечатанный лист с указом и письмо, сказав, что будут держать эти документы у себя до присылки королевской грамоты и сенаторских листов, а ему, Бозе, передадут грамоту великого государя к командующему русскими войсками на литовской границе. Затем они приказали принести и прочесть Бозе текст этой грамоты. Посол, выслушав, поблагодарил, а потом сообщил новости, что король польский, его государь, идет из Кракова в Варшаву, что принц Деконтий находится всего в четырех часах расстояния от Данцига, переходя с места на место; при нем 11 000 человек войска и в том числе 700 человек начальных выборных знатных людей; войска коронные и литовские, взявшие плату из королевской казны, держатся королевской стороны; может быть, некоторые литовские люди, по наущению Сапег, пристанут и к деконтиевой стороне, но вреда никакого уже не смогут сделать. И здесь, в Гааге, он, Бозе, хлопочет у послов шведского, датского и английского, чтобы они «с христианского сердца» оказали чем возможно помощь его королю. Великие послы, услыхав о таких шагах Бозе, видимо, заинтересовались ими и спрашивали его: «цесарское величество римской и короли аглинской, датской и свейской, также и курфистр брандебурской с своей стороны хотят ли против Деконтия чем государю его, его королевскому величеству, помогать, и кто, и чем?» Бозе ответил, что цесарь непременно поможет для того, «чтоб в венгерской земле всегдашнего ему неприятельского вредительства не терпеть», и прочих государей послы также склонны помочь, кроме шведских, но и их он надеется склонить ко всякому добру. Принимая от Бозе запечатанный лист с королевским указом, великие послы говорили ему «с подтверждением», чтобы он постарался о скорейшем получении королевской просительной грамоты и сенаторских листов, на что он ответил, что пошлет в Польшу от себя нарочного наскоро и думает, что нарочный в четыре, а самое крайнее в шесть недель обернется. Затем он прочел великим послам лист, который он писал королю, где «пространно изображены были все благодеяния его царского величества» и его заочная приязнь к королю. При этом Бозе упомянул, что государь его, король, очень желает видеться с его царским величеством в Польше, а если этому будет какое-либо препятствие, то король готов приехать на свидание к царю. Может быть, в этих словах Бозе надо видеть зародыш мысли о свидании Петра с Августом II, которое и состоялось по пути Петра из Вены в Россию. Разговор закончился взаимными любезностями. Бозе сказал, что король намеревается послать к царю посольство для изъявления благодарности и он, Бозе, «размышляет» и хочет домогаться у короля, чтобы в награду за его заслуги это поручение было возложено на него, чтобы его отпустили в послах в Москву. Он спрашивал мнения об этом послов, а

также просил их объявить, когда они рассчитывают, окончив свои дела, возвратиться в Москву, так как ему очень бы хотелось быть в послах в Москве в то время, когда и они там будут. Великие послы с своей стороны говорили ему, что «зело им то слышать любезно, чтоб он был у его царского величества послом», что они считают его для такого назначения достойным и желают этого и в особенности хорошо было бы если бы это случилось тогда, когда они, великие послы, уже будут в Москве; но сказать, когда они закончат свои дела и вернутся в Москву, они теперь не могут. Бозе простился с великими послами на том, что он перепишет набело просительное письмо и пришлет его к ним сегодня же вечером с секретарем, которому и просил выдать показанную ему грамоту к боярину, командующему русскими войсками на литовской границе [1].

3 октября он прислал к великим послам просительное письмо о помощи королю в окончательной редакции на немецком языке [2], а послы отправили к нему подлинную грамоту на александрийском среднем листе с средним титулом за большой государственной печатью от великого государя на имя командующего русскими войсками на литовской границе ближнего боярина и воеводы князя М. Г. Ромодановского с предписанием оказать помощь королю польскому против его неприятелей: князя Деконтия, архиепископа Гнездненского и гетмана литовского Сапеги и для этого вступить с войсками в польские края [3].

4 октября послы получили от резидента в Варшаве А. В. Никитина обширное донесение о коронации Августа II, а 5-го отправили ему копию с грамоты к Ромодановскому и программу тех сведений, которые он должен сообщать правительству, а именно: «О поведении королевского величества и о утвержении его, и кто при короле, и в каковых силах, и в какой надежде, и кто из окрестных государей помошники королю, и чего впредь чаят; так же и противная сторона в какой силе, и что впредь мыслят, и чего от противных чаят, и что о помочи царского величества говорят, о том бы писал он по вся почты» [4]. Посольские бумаги в Варшаву к А. В. Никитину были посланы с отправлявшимся в тот же день курьером посла Бозе саксонским дворянином Мниковцом. «Что касается принца де Конти, — писал от 8 октября Петр Лефорт к отцу в Женеву, — то дела идут неважно; но чтобы им помочь, третьего дня отправилось знатное лицо, принадлежащее к свите его превосходительства посланника курфюрста Саксонского, короля польского, с открытым листом за большой печатью его царского величества, который я ему собственноручно передал. Его содержание состоит в том, что его царское величество издает

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1003—1010.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1018—1023, перевод. Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1697 г., № 9, л. 19—22 — немецкий текст; л. 25—29 — перевод.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 1023—1024; ср. донесение об этом Бозе польскому королю от 7/17 октября (Сб. Р. И. О., XX, № 2 и 3).

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 1024—1025.

ради его саксонского величества короля польского категорический приказ, по которому король может воспользоваться для своей защиты нашими войсками, находящимися на границе и составляющими корпус от 60 000 до 70 000 храбрых солдат, и в случае, если этого окажется недостаточно, послано приказание, чтобы выступил еще другой корпус в 40 000 человек. Мы не пожелали бы, чтобы принц де Конти оказался сильнейшим» [1].

XXIV. ТРЕТЬЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА СО ШТАТАМИ. ВИЗИТЫ ЦЕСАРСКИХ И ИСПАНСКИХ ПОСЛОВ

6 октября Христофор Бозе, видимо, сблизившийся с великими послами во время частых визитов к ним и получивший от них, наконец, то, чего добивался — указ о вступлении русских войск в Литву — через секретаря своего пригласил послов к себе обедать. Послы, однако, отказались, отговариваясь тем, что они «нигде у послов окрестных потентатов не были и визит своих не отдали, а будут к нему, послу, иным временем» [2]. Послы были заняты в этот день третьей конференцией с комиссией Штатов, являвшейся к ним в составе восьми членов. Комиссия от имени Штатов выразила за оказанные Штатам «премногие благодеяния» со стороны царского величества «служебническую благодарность»; но на просьбу послов о снабжении России воинскими и корабельными припасами, что̀ и составляло главную цель посольства, ответила категорическим отказом, приведя три причины: во-первых, убытки и разорение от войны, продолжавшейся 8 лет; во-вторых, потерю больших военных и всяких прочих кораблей, забранных неприятелем, сожженных и потопленных с пушками и со всякими военными припасами, так что теперь все их «запасные дворы» пустуют; наконец, в-третьих, истощение их казны, так как приходилось много тратить на содержание войска. Великие послы, выслушав отказ, возражали, приводя целый ряд аргументов. Его царское величество ведет войну против такого сильного неприятеля не только ради пользы своему государству, но «в помощь и защищение всем христианским государствам». У Штатов просят помощи не денежной казной, а только воинскими и корабельными припасами и оружием; эти припасы в изобилии имеются в Голландии и будут лежать праздно, так как война окончилась. Сами же Штаты в прошлых годах с посланным, Емельяном Украинцевым, писали к государю, прося начать войну с врагами всего христианства и обещали оказать в этой войне помощь. Военных и морских припасов просят у них только потому, что в Москве их нет и вскоре найти невозможно, и все взятое по окончании войны будет им возвращено или будет за взятое заплачено. Послы указывали далее, что Штатам можно рассудить и

[1] *Posselt*, Lefort, II, 427—428.
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1031.

припомнить, какие им в прошлые времена учинены были благодеяния со стороны государя: им оказана помощь, когда на них наступала Швеция; их торговым людям предоставлены всякие вольности и им продавался хлеб всякий раз, когда они о том просили; голландские купцы, живущие в Москве, «пребывают во всякой милости, имеют великие домы», построили кирхи для моления и невозбранно держат у себя в работниках русских людей, не будучи подданными государя, — вольность, какой ни в одном государстве никому нет. Приведен был для большего убеждения Штатов и пример шведского короля, который без всякой просьбы прислал государю 500 пушек, хотя к шведам и не было такой склонности со стороны московского правительства, как к голландцам.

После этих речей был сделан перерыв. Все встали из-за стола. Депутаты совещались между собой, а послы между собой обсуждали, какие бы доводы еще привести: «и Статы, меж собою советуя, из мест встали, также и великие послы встав, между собою разговаривали, чем бы их, Статов, к тому спомочствованию вяще привесть» [1]. После перерыва, опять заняв места за столом, депутаты вновь выразили благодарность царю, но остались на своем: они просят прощения и просят, чтобы его царское величество на них не гневался, но согласиться на русское предложение за указанными причинами не могут. К тому же и мир у них еще не совсем утвержден (не ратификован); корабельные припасы к ним привозятся из других стран; как раз от случившейся 19 сентября бури погибли три главные их корабля, в том числе один восьмидесятипушечный, со всеми припасами, с пушками и ружьем. Послы, повторив опять с пространными доводами рассуждения о войне, говорили, что отказ будет им, послам, «под зазором», как обида, полученная во время присутствия в Гааге многих иностранных послов. Государь прислал к Штатам для подтверждения дружбы *великих* послов, каких раньше у них не бывало и этим оказано им не малое почтение, за что им следует исполнять желание государя. Если им что-либо неясно при устных переговорах, то послы могут представить письменное изложение. Депутаты поблагодарили за почтение, оказанное Штатам присылкой великого посольства, обещали по желанию послов вновь доложить дело Генеральным штатам, но высказали при этом, что новый ответ будет вряд ли иным. Штаты сделали постановление, обсудив дело и выяснив, почему им нельзя согласиться оказать помощь, и поэтому письменное изложение им не нужно. Послы на такую ничего утешительного им не обещавшую речь заявили, что если уже Штаты окончательно отвечают на сделанное им предложение отказом, то пусть немедля дадут им отпускную аудиенцию и отпустят их из Гааги; если же они еще будут совещаться, тогда послы подождут

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1029.

еще. Депутаты простились с послами, вновь повторяя о разорении от восьмилетней войны и обещая сделать доклад Штатам[1].

7 октября у великого посольства были с визитом цесарские послы в Гааге граф Андрей фон Кауниц, граф Генрих фон Стратман и барон фон Зейлер. Послы приехали в 10 каретах и были встречены русскими послами на «нижнем рундуке». Войдя в палату и «привитався», сели по местам. Граф Кауниц начал с извинений, просил, чтобы послы не подосадовали, что они, цесарские послы, умешкали своим визитом: были заняты мирными переговорами, которые и до сих пор еще не окончены, но надеются скоро привести их к окончанию. Далее, цесарцы засвидетельствовали, что цесарь, их государь, и всегда пребывавший с царем в крепкой дружбе и приязни, желает еще более тесной дружбы и будет продолжать вести войну против врагов св. креста со всяким тщанием и ревностию. Они, послы, желают с великими послами быть «в приятстве», и если в чем могут им услужить, то будут радеть о том со всякой охотой. Великие послы в ответ говорили, что за посещение их они благодарствуют и в такой же мере услужить им со всякой охотой рады. А что они, цесарские послы, «изволили предложить о доброй приязни и дружбе между их всемилостивейшими государями. . . о соединении их оружия и о единомыслии их сердец против неприятеля», то великие послы «тем зело тешатся и не по малу радуются и дабы господь бог оружия их государские благословил, того усердно желают». Благодарят также великие послы за присылку от цесарского величества к государю грамоты с известием о «знатной победе» (при Центе). Цесарские послы, когда речь зашла о победе, добавили некоторые подробности: убито семь пашей и янычарский ага, взято много оружия и припасов; такой господь бог благословил победой, какой никогда не было слыхано и притом без всяких потерь и затруднений. Великие послы выразили еще раз радость по поводу победы, пожелали, чтобы и всегда неприятельская сила умалялась, и со своей стороны сообщили цесарским послам о победе при Азове, а также известие о двух сражениях близ Таванского острова, где неприятель потерпел урон и потерял немало пленными; вероятно, там были и дальнейшие бои, о которых они, великие послы, ждут известий с почтой. Цесарские послы должны признать, что царские войска оттянули значительные силы неприятеля и помогли цесарю получить победу, сдержав натиск неприятеля и разъединив его силы: «понеже, — как говорили они, — главного неприятеля навальность одержана и силы разорваны», а если бы неприятельские силы были соединены против цесарских войск, им не одержать бы такой победы. И то надо принять во внимание, что «великий государь изволил восприять такие военные труды ради всех христианских государей». А общий союзник — королевство польское — ныне праздно и ничего не делает, и цесарь должен напоминать полякам, чтобы они со своей сто-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1025—1031.

роны праздны не были, свои домашние ссоры и «свады» покинули и принялись за дело. Цесарские послы говорили, что цесарь войны с неприятелем не прекратит и помощь со стороны царского величества вполне признает. Равным образом цесарь радуется тому, что царское величество ревностно помог курфюрсту Саксонскому в королевстве польском; это — радость и для союзников, и они надеются, что новый польский король будет «добр на общего неприятеля» не так, как покойный король. А что ныне польские войска праздны, тому причина теперешние их несогласия в междукоролевье. Если же Саксонский курфюрст утвердится на королевстве, все будет исправлено и придет в лучшее состояние, и это от всех государей будет причтено в славу никому иному, как только царскому величеству. Цесарские послы спросили далее, давно ли великие послы имели известия о действиях царских войск и как впредь ведомостей ожидают. Великие послы ответили, что известия имели недавно, с прошедшей почтой, а почта к ним из Москвы приходит с небольшим в 20 дней, ждут вскоре новых вестей, и как получат, сообщат цесарским послам, как братье своей. Пусть цесарские послы будут уверены, что войска царского величества не стоят праздно, всегда пребывают в трудах, воеводы и генералы делают уже приготовления к будущему походу не только на суше, но и на море. Царь всячески мыслит, как бы неприятеля искоренить: к морскому походу на Черном море приготовляется кораблей с 80 да каторг со 100 (послы значительно преувеличили эти цифры). Желательно, чтобы и цесарь со своей стороны «чинил промысел», потому что теперь неприятель «со всех сторон утомлен и приходит в бессилие», а если при помощи француза «какой способ сыщет и отдохнет и войска его поправятся, то вновь возгордится». И потому надобно теперь воевать, не пропуская времени. Цесарские послы вновь уверили, что государь их о войне «всячески будет радеть» и царского величества не оставит, в чем русские убедятся, когда приедут в Вену, где они, цесарские послы, рады будут с ними увидаться. Перейдя из любезности к русским послам с немецкого языка на чешский, так что послам стало понятно, граф Кауниц сказал: «Дай де боже, нам всегда с вами, великими и полномочными послы, быть в добром содружестве и приязни». Затем, поднявшись, цесарские послы говорили, что рады бы и еще с великими послами поразговориться, только пусть великие послы на них не подосадуют, есть у них неотложные дела — переговоры о мире — и потому должны спешить. Граф Кауниц, чтобы сделать любезность нашим послам, говорил с ними на чешском языке [1]. Жена его посетила с большой свитой русское богослужение в посольской походной церкви. «Цесарского посла была жена у обедни нашей со многими девицами зело нарядно», — как записал автор «Записной книжки великой особы» [2].

---

[1] Там же, 1031—1037.

[2] *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 200.

«Их превосходительства господа послы его императорского величества, — сообщал Петр Лефорт отцу в Женеву, — сделали нам вчера визит. Наши разговоры были очень дружественного характера. На этой неделе должен быть подписан мир между императором и Францией. Победа, которую одержали императорские войска (при Центе) над турками, вполне подтвердилась; она много значительнее, чем возвещали газеты. Я знаю много подробностей о ней. Желательно, чтобы и наши армии нанесли (неприятелю) такой же вред, как императорские. Достоверно, что они достигли большого перевеса над врагом, но так как у татар нет пехоты, то не легко их преследовать» [1].

В тот же день, 7 октября, после визита цесарских послов второй посол, Ф. А. Головин, писал Петру в Амстердам в ответ на его письмо, написанное 5-го или 6-го. Головин сообщает царю вкратце содержание беседы с только что бывшими цесарцами, которые признали оказанную императору с русской стороны отвлечением неприятельских сил помощь, а затем извещает Петра о происходивших накануне переговорах с голландцами и их результаты. В конце письма речь идет о том предмете, который составлял другую важную задачу посольства, о найме матросов: нашлись ли знающие славянский язык, будут ли они наняты? Если да, то и миссия Островского будет все же не лишней; его надо будет отправить ради получения всякого рода сведений. Содержание заключенного с Францией договора будет сообщено государю, как только оно станет известно самим послам. «Милостивый государь, — пишет Ф. А. Головин, — писма, присланные от вашей, государя, милости из Амстрадама с Тезинком, отданы нам пополудни сего числа от него. Слава богу, радуемся о здравии твоем, милостивого государя. Сегодня у нас были цесарские послы и при розговорех отговаривалися, что по се число за многими утружденными делами того не исполнили, и благодарили за вспоможение войск наших цесарю. И мы с ними говоря о том пространно о вспоможении силном с московской стороны, но что и гораздо и они признавали. А сами чаем быти у них завтра и другим послом визиту отдавать станем. Цесарские ж послы миру у себя, конечно, быти чают со французом вскоре. Се я уже 6-ое писмо посылаю к милости твоей, государя. Вчерась были у нас в розговорех депутаты галанские и во всем споможении и скудостию своею отговаривались, на что мы, выводя им пространно всякую склонную милость государя нашего, на то их приводили, взяли еще на рассуждение, и как учинят отповедь, то, государь, станем немедленно проситися на отпуск и мним не зажитца. Писма, государь, как переведут, чаю завтра пришлем, которые переводить немедленно велели. Шафиров, государь, здесь гораздо нужден; и, как свободится, тотчас пришлем. Писма переведены и несколко их с сим писмом послано за печатью моею. Матрозы зело угодны, что славенского языку сысканы. Изволишь их наймовать?

---

[1] *Posselt,* Lefort, II, 426—427.

А Островско[го], государь, кажетца, отпустить надобно ради всяких ведомостей. О пунктах междумирного договора, уведомяся, пришлем. О войне также, что хочет начинаться, писати хотел Франц Яковлевичь, а чаю, едва будет. Правда ль? .. ицкит вчера послал. Раб твой Фетка. Октебря в 7 день» [1]. Как из самого содержания письма Головина, так и из его упоминания, что он пишет уже шестое письмо Петру из Гааги, видно, как пристально Петр следил за каждым шагом своего посольства в разлуке с ним. Из этого же письма видно, что ему доставлялись в переводах получаемые посольством дипломатические бумаги и, таким образом, он был в курсе дипломатических сношений.

8 октября писал царю в Амстердам Лефорт, сообщая о неудаче в переговорах, о том, что голландцы ничего не хотят дать, о чем просят послы, и о докладе всего дела Вильгельму III. В заключение Лефорт передает Петру полученное известие о смерти в Москве боярина К. Ф. Нарышкина, о своем письме в Берлин к обер-президенту фон Данкельману по поводу выдачи содержания оставленным в Берлине для науки русским бомбардирам и о вчерашнем визите цесарских послов. «Господин Коммандан! — пишет Лефорт, — почта из Москва пришла. Изволись читать письме; а мы раде адсуды поскора к Амбстердам быть. Конференци, можно быть, еще одна на тум недели будет, и отпуск нашу. Будет ли добра, бог знать: ани не хотят ничаво дать. Один бургемайстр пошел у король англеской про дяла даложить. Сто будет, мы станум твоя милось писать. С [ч]алом бью за письма, котрои ты изволил мне писать. Дай бог тебе здорова на многи леты! Конрад Фамисевич Нарришкин бояр не стал. Ад мене, пужалест, солобит. . . [2] скажи наши кораблещики. Я писал Анкельман про кóрму наши[х], бомбардир. Послы цесарски были вчерась у наши[х]. Твой слуга верной Лефорт г. ад. Гаген 8 октября 1697» [3].

10 октября великое посольство приняло последний визит: явились в шести каретах испанские послы: Франциско Бернардо де Квирос, «рыцарь святого Якоба», т. е. кавалер ордена Иакова, и Лаувис (Louis) Александр де Шоккарт граф де Тиремонт. «В начале гишпанские послы поздравили великих послов, по указу королевскому, краткими словами, и великие послы благодарили за посещение их и ответ им учинили, что желают с ними быть во всяком приятстве». Разговор с испанскими послами был непродолжителен, очевидно, за недостатком общих тем, может быть, объясняемом дальностью расстояния, разделяющего оба государства. Визиты иностранных послов русским отмечает и автор «Записной книжки», обозначая число карет, во скольких приезжало каждое посольство; очевидно, это число, по понятиям того времени, имело большое значение. «К нашим послам приезжали цугами послы с визитом, в черном платье. Сперва был посол швед-

[1] П. и Б., т. I, стр. 657—658.
[2] «Челобитье».
[3] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I, стр. 581—582.

ской в 3 каретах. На другой день посол бранденбургский в 4 и аглинской в 9 каретах. На третий день дацкой в 4 каретах... Гишпанской посол был в 20 каретах»; это — преувеличение, испанское посольство приезжало в 6 каретах [1].

Вслед за испанскими послами великих послов в тот же день, 10 октября, посетили двое депутатов от Генеральных штатов — «ван Эссен с товарищем», оба входившие в состав комиссии, с которой послы вели переговоры. Депутаты приезжали с официальным извещением об окончательной ратификации мирного договора союзников с Францией: «Говорили, что приехали де они, Статы, возвестить им, великим и полномочным послом, о своей давно пожелаемой радости, то есть, о совершении мира союзников с французским королем, что они того мира дело совершили и подписали и тем давно пожелаемым делом зело радуются, да и тем веселятся, что в прибытии их, царского величества великих послов, такое великое дело у них совершилось. А цесарского де величества сторона еще в том миру своего дела не докончала, а чают, что впредь тот мир совершится; и будут де они о том миру разголашать всем и радостные огни как в Париже, так и в Галанской земле отправлять, чтоб о том всякого чина люди ведали и господу богу славу воздавали». Великие послы благодарили депутатов за объявление, поздравили с заключением мира и выразили пожелание, чтобы господь бог счастливо благословил этот мир, чтобы он был постоянен и чтобы от него множилось всякое добро. При этом послы изъявили особую радость тому, что ратификация состоялась во время их пребывания в Гааге. Но, принося благодарность, поздравления и изъявляя радость, послы не могли утерпеть, чтобы не перейти к своему делу и не кольнуть депутатов за их отказ на русское предложение: заговорили, что для Штатов теперь, когда они с заключением мира «от неприятеля бывшего, т. е. француза, покой восприяли», можно «большое радение и промысл показать на неприятеля креста святого, дабы как мочно его искоренять». Уклончиво ответив, что о доброжелательстве послов донесут братье своей, господам высокомочным Штатам, в общем собрании, депутаты удалились [2].

В этот день в Гааге происходило торжественное объявление о мире при большом стечении народа. На площади в присутствии Генеральных штатов публично прочтены были статьи мирного договора, причем гремели барабаны и производилась стрельба из ружей. Население устраивало сочувственные манифестации перед посольствами, между прочим, также производя стрельбу против посольских дворов. «Того ж дни,— читаем в «Статейном списке»,— у Галанских Стат в Гаге было объявление о постановленном миру со французом, а на каких статьях тот мир учинен, среди Гаги чтены статьи; при том все Статы были и множество смотрящих, и стреляно из мелкова ружья, и били в барабаны, и ходили ту-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1037; *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 200.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1038—1039.

тошние жители к посолским дворам и против дворов стреляли; тем же и царского величества великих и полномочных послов поздравлял, приходили 20 человек мещан, все в одноцветных темногвоздичных кафтанах и заправляли и стреляли по четыре выстрела изрядно, а от великих и полномочных послов подчиваны и отпущены»[1].

XXV. ВИЗИТЫ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА ИНОСТРАННЫМ ПОСЛАМ

Когда находящиеся в Гааге чужеземные послы, кроме французских, сделали визиты русским послам, последние в свою очередь стали выезжать к ним с визитами. В бумагах посольства сохранился составленный для этой цели список иностранных послов и секретарей посольств с обозначением всех их титулов и с указанием адресов их в Гааге[2]. Выезды эти обставлялись такой же, если не большей пышностью, как и выезды иностранцев. Посольский кортеж составлялся из 8 карет: «три кореты свои по 6 возников в корете, да пять корет нанятых»; в одной карете сами послы, в остальных дворяне и приказные люди; перед посольскою каретой как и на торжественных выездах — 20 человек лакеев в добром немецком платье, около кареты 12 гайдуков в венгерских кафтанах, на передках и на запятках — пажи. При встречах и расставаниях говорились приветствия и комплименты, столь же громоздкие, как возившие послов кареты и столь же тяжелые, как громадные парики с большими локонами на головах людей эпохи Людовика XIV. 12 октября сделаны были визиты послам цесарским, шведским и английским. Цесарские послы граф Кауниц, граф Стратман и барон Зейдлер встретили великих послов, «сшед с крыльца у корет и просили, чтоб они, великие и полномочные послы, изволили итить в полаты. И великие и полномочные послы шли напред, а за ними шли цесарские послы, да за ними ж и перед ними шли дворяня и приказные люди; а вшед в третью полату, которая убрана зело стройно,

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1039.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1697 г., № 2, л. 75—80: «Имена послов, которые в Гаге при мирном договоре обретаются и его царского величества великих и полномочных послов посетили, а имянно: цесарские послы его превозходительство господин Доминик-Андрей граф фан Кауницц и святого государства рыцарь Золотого руна коморник вице-канцлер цесарства наследник Аустерлитский, Конгерисбродский,, первши черезвычайнши посол и полномочный его цесарского величества к договором общего мира.

Пажи в одежде бархатной, золотом и серебром прошиванной и з золотой... полукафтанах, белые перья на сляпах и временем иные имеющи.

Слуги в красной суконной одежде с золотными, серебреными, сиными и черными галунами с желтыми, сиными и белыми перьями.

Гойдуки в красной суконной одежде с золотыми, серебряными, сиными и черными галунами и сиными шолковыми поясами, синые и белые перья, на шапке стоящие имеющие.

Живет в Потенах в дому госпожи Норвейкскне».

И т. д.

сели великие и полномочные послы и цесарские послы по местам». Эта третья палата во дворце цесарского посольства поразила убранством и автора «Записной книжки», принимавшего среди посольских дворян участие в этом визите. «У цесарского посла был я в доме, — записал он, — где одна комната обита полосатыми материями, другая изрядными шпалерами, а третья бархатом красным и по швам кружевами золотыми, весьма богатыми» [1]. Великие послы поздравляли цесарских послов, говорили, что приехали должную честь им воздать, желают цесарским послам всякого добра и если в чем могут, рады оказать им, как братье своей, услугу. Цесарские послы благодарствовали и говорили: «зело де они прибытием их, великих и полномочных послов, к себе тешатся и за посещение их челом бьют и кланялись». Притом особенно поздравляли великих послов с добрым поведением русских войск, о котором получили известие и «дай де боже его царского величества войском, над неприятелем победу и одоление». Затем они обратились вновь с просьбой по известному уже нам делу — оказать покровительство архиепископу Анкирскому. Великие послы сказали в ответ, что вручат архиепископу указ к пограничному воеводе о свободном проезде к Москве, затем в Москве дана будет ему грамота к шаху персидскому; «толко б тот помянутой архиепископ ведал, вскоре ему к Москве ехать не для чего, для того что, приехав ему зимою к Москве, жить будет без дела, понеже с Москвы ездят до Астрахани водою; и то б он рассудил, как бы ему лутче и способнее быть; а указ де ему к порубежному воеводе тотчас дан будет, когда он похочет, также и к Москве об нем они, великие послы, чрез почту писать будут о всем». То же они повторили и самому архиепископу, когда он явился к ним лично 18 октября. Разговор коснулся затем отдаленных индейских и персидских народов и «Яппона» (Японии), не послать ли туда грамот с тем же архиепископом. «Потом спрашивали цесарские послы: царское де величество имеет ли с индейскими и иными тамошних персидских народов со владельцы пересылки, а именно с Яппоном и не надобно ль де и к ним послать царского величества грамот с тем же архиепископом? И великие и полномочные послы говорили: посылать грамот к ним не для чего, потому что никогда с теми владельцы царское величество пересылок не имел и не имеет, а послан будет великого государя указ к резиденту, который пребывает при дворе шаха персицкого, и тот с тем архиепископом будет о всем сноситься и дела делать как лутче и обоим государствам, как царского величества, так и цесарского величества, належит к ползе». На этом визит закончился: «встав и простясь, великие послы от них пошли, провожали их (цесарские) послы до кареты» [2].

---

[1] *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 200—201.
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1039—1043.

После цесарских послов великие послы посетили шведское посольство. Свидание началось подобными же взаимными приветствиями. Затем шведский посол говорил, что по воле божией бывший их король (Карл XI) «сей суетный свет оставил», а сын его (Карл XII) желает с великим государем быть в постоянной дружбе и любви, как и его отец, и чтобы великие послы благоволили посетить его, государя, в Швеции. Шведы, слыша о мужестве, храбрости, премудрости и разуме его царского величества в военных поступках, радуются и желают, чтобы «господь бог благословил его своим благословением и на враги победою». Великие послы сказали, что у них царского величества указа, чтобы ехать в Швецию, нет, но если такой указ получат, то с радостью исполнят, да и прилично нового короля, его королевское величество, поздравить с восшествием на престол. Великие послы поздравили затем шведского посла с заключением мира с Францией, выразив надежду, что и труды его, шведского посла, при заключении этого мира не будут забыты. Посол отвечал благодарностью и с своей стороны любезностями по адресу великих послов [1]. Заехав после этого визита на короткое время домой и послав предварительно в английское посольство осведомиться, будут ли английские послы дома, великие послы отправились к ним с визитом. После обычных приветствий английские послы сообщили, что имеют сделать русским одно предложение, и если не найдут времени переговорить об этом устно, то пришлют на письме. Великие послы заявили, что рады предложение выслушать и охотно ответят [2].

Об этих визитах сообщал, между прочим, Петру в этот же день, 12 октября, Ф. А. Головин во втором из тех двух писем его к царю из Гааги, которые сохранились. Письмо это было ответом на письмо Петра из Амстердама от 11 октября. Ф. А. Головин ведет речь об оставленных в Берлине русских людях, о новом потешном морском сражении, которое очень бы хотелось, как свидетельствует и Схельтема, видеть Петру и которое бургомистры намеревались было устроить в то время, как царь выезжал на Тессель, а теперь считают время уже упущенным, да притом Витзена нет в настоящую минуту в Гааге и поговорить о том не с кем. При письме посылается выписка из курантов о Деконтии; других известий о польских делах пока нет. С польским послом великие послы «пересылаются» часто, но и у него нет известий. «Государь милостивой, — читаем в письме Головина, — сего числа отдал мне Иван Еремеев писмо от милости твоей, государя, которое я, восприяв и выразумев из него, в тот час с Францом Яковлевичем о том говорил. На что мне он сказал, что о оставленных наших в Берлине, дабы их кормили, он к президенту курфистрову бутто писал по первому писму к себе от тебя, милостивого государя, и о том в Амстердам к милости твоей наперед де

[1] Там же, 1043—1044.
[2] Там же, 1044—1045.

сего писал же. О корабельном потешном бою, чтоб в нынешнем времени зделали бургумистры, как наперед сего говорили, я Францу Яковлевичу самое то писмо от тебя, государя, показав, говорил. На что мне сказал, что бутто они тот потешной бой хотели составить в то время, как ты, государь, изволил быть в Теселе, а ныне де уж время тому ушло, и бургумистра Витцена здесь нет и говорить де о том не с кем. И о том, государь, как воля твоя надлежит. О состоянии князя Деконтия, выписав ис курантов, послал с сим писмом к милости твоей, государю; а болши того ведомостей о поляках нет. И с саксонским послом частые есть у нас пересылки, толко и он болши сего ведомостей никаких не имеет, а ожидает к себе вскоре указу от королевского величества на первое предложение наше, как был у нас в Амстердаме; дай боже доброе. Что жь о нас прилежит, извествую. Вчерашнего и сего дни посылали мы и говорили сами Статом, чтобы на предложение наше учинили нам отповедь и притом немедленной отпуск. На что нам сказали, что учинят, конечно, конференцыю или ответ в сей четверток и после того назначат немедленно отпуск по нашему желанию. Сего, государь, числа отдавали мы визиту послом цесарским, потом, яко медиатору и прежде всех у нас будущему (т. е. как посреднику на Рисвикских переговорах и первому бывшему у великих послов с визитом), свейскому, и потом, немного побыв дома и обослався, были и у аглинских. Принимали нас везде с учтивостию и встречали и провожали против того же, как и мы их. Что впредь в деле нашем от Статов показано будет, о том к тебе, государю, писать стану. Брат мой Иван вчерашнего, государь, числа пополудни в девятом часу к нам приехал (из Берлина, где он и сын Головина обучались «свободным наукам»)[1]. При сем же, государь, послал писмо Адама Вейда, каково ко мне писал из Вены ради ведомости милости твоей, государю. Раб твой Фетка. Из Гаги, октебря в 12 день». Письмо было адресовано словами: «надлежит десятнику» и получено «десятником» 13 октября[2].

13 октября великие послы отдали визиты датским и бранденбургским послам с теми же церемониями и с обменом теми же приветствиями и любезностями, как и при прежних визитах. Датские послы в разговоре сообщили, что с полгода тому назад их король отправил посланника в Москву; они надеются, что этот посланник теперь уже прибыл к месту назначения. Великие послы ответили, что известие о прибытии посланника в Москву они уже получили через почту; он там принят с подобающей честью, и дела, ради которых он приехал, будут исполнены к его удовольствию. Но если бы датские послы пожелали вступить в переговоры с великим посольством, то они, великие послы, рады будут ока-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 52: «Сентября в 30 день... великого государя жалованья второго великого посла брату Алексею Алексееву сыну да сыну его Ивану Федорову сыну Головиным, которые учились свободных наук, послано из Гаги учителю их в Берлин пара соболей в 25 руб.»

[2] П. и Б., т. I, стр. 660—661.

зать им услугу здесь или потом в Амстердаме[1]. Разговор с бранденбургскими послами состоял всецело из одних приветствий и любезностей. Между прочим, великие послы еще раз поблагодарили за внимание, оказанное им курфюрстом и его служителями в бытность их в Кёнигсберге, причем «кланялись рядовым поклоном». Бранденбуржцы заявили, что донесут об этом курфюрсту; одно они «причитают себе за несчастие», что они не были при курфюрсте во время пребывания у него великих послов; но теперь они «повеселились тем, что ныне сподобились их радостно видеть и добрую приязнь с ними иметь»[2].

Во время визита русских послов английским последние заявили, что имеют сделать предложение, которое пришлют в письменной форме. Действительно, 14 октября они прислали с секретарем посольства письмо на латинском языке. Перевод с него включен в «Статейный список». Во вступительной части письма приводилась историческая справка, что англичане — первые из всех европейских народов завели торговлю и дружбу с русским народом еще во времена королевы Елизаветы, с одной стороны, и «великого императора» Иоанна Васильевича — с другой, и эта дружба с пользой и выгодой для обоих народов продолжалась более ста лет. Но затем злоба времен и несчастливое продолжение войны помешали англичанам поддерживать эту дружбу. Теперь же король Вильгельм личным свиданием с «непобедимейшим, пресветлейшим и державнейшим князем Петром, великим царем и императором российским и московским эту любительную дружбу обновил», и от этой встречи двух монархов и их взаимной склонности можно ожидать «всякого веселия и блага обоим народам». И сами великие послы предприняли великое путешествие, чтобы подкрепить связи с дружелюбными народами. Поэтому, они, английские послы, стараясь о восстановлении дружбы и торговли, просят, чтобы англичанам предоставлено было право занять (в Архангельске?) прежнее «подворье» и ввозить свои товары в торговые русские города и особенно, чтобы разрешено было ввозить «траву никоцыанскую, вообще табак имянованную, под такими подлогами, как всех товаров уже древле ввезли». Эта просьба о разрешении ввоза нового товара — табака, запрещенного в России «богомерзкого зелия», на общих основаниях с прочими товарами и составляла суть витиеватого письма английских послов. Предложение, как вскоре увидим, имело свои последствия[3].

XXVI. ЧЕТВЕРТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СО ШТАТАМИ. ОТПУСК ПОСЛОВ

14 октября состоялась четвертая и последняя конференция великих послов с комиссией Штатов, явившейся на этот раз к по-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1045—1047.
[2] Там же, 1047—1049.
[3] Там же, 1049—1051.

слам в полном составе — в числе девяти человек. Результат, как и заранее можно было предвидеть, был безнадежен. Президент комиссии повторил то же, что говорилось и прежде. О делах, о которых шла речь на третьей конференции, комиссия докладывала Генеральным штатам; они вновь имели совещание и приказали комиссии ответить послам, что восьмилетняя война с таким сильным государем, как французский король, принесла Штатам большие убытки и протори. Для платежа войскам Штаты должны были приостать к займам, по которым теперь предстоит платить. Много их кораблей воинских и торговых, больших и малых, забрано неприятелем со всеми военными корабельными припасами, иные из них пожжены и потоплены, и все их запасные дворы, где хранятся корабельные припасы, опустошены. Для пополнения флота им придется строить такие корабли вновь, «а к ним корабельные припасы покупать из иных земель с великими харчами (издержками) и трудностями», а готового у них ничего теперь нет и поэтому оказать помощь по предложению великих послов военными и корабельными припасами им невозможно. За оказываемые благодеяния голландским торговым людям, живущим в Москве, они, Штаты, «препокорственно благодарствуют и челом бьют». Тому, что на Черном море строится флот для военных действий против турок, Штаты радуются и желают его царскому величеству «на искоренение оных поган победы и одоления». Штаты просят прощения, что не могли в настоящее время оказать помощи, но в будущем, когда они «поисправятся» и придут в прежнее состояние, тогда, конечно, они должны будут оказать свои услуги и в чем возможно помощь. Не ожидая иного ответа, кроме извинений, добрых пожеланий и обещаний на будущее, послы не вступали уже в дальнейшие переговоры, но не могли не высказать упреков, «выговаривали пространно такую несклонность и неблагодарство» и заявили, что если Штаты по их предложению «на желание его царского величества никакого им довольства и вспоможения не учинили», то пусть назначат им день отпускной аудиенции. Условились назначить аудиенцию на 16 октября с тем, что послам будет предварительно доставлен на просмотр текст ответной грамоты, которую Штаты вручат им на аудиенции, дабы не оказалось каких-либо упущений в царском титуле.

С целью несколько отвести от себя естественное неудовольствие послов за полный отказ на их предложение, Штаты сослались на штатгальтера, английского короля. В промежутке между третьей и четвертой конференциями депутаты Штатов, приезжавшие к послам, неофициально говорили, что они предложение послов передали на воззрение английского короля: «послали спроситься, как им в том поступить, аглинского короля и как он присоветует, так они и учинят, потому что он, король, имеет у них владетельство, над войском Оранского князя управление и в Раде два голоса вместо дву провинций Штатов и, чают де, он присоветует великому государю помочь учинить». Однако после чет-

вертой конференции депутаты объявили послам, что король никакого совета не дал, положил все на волю Штатов, и поэтому Штаты вынесли решение отказать в помощи. Но послы прекрасно, как оказывается, были осведомлены о закулисной стороне дела; они вполне понимали истинную причину отказа, ту, что, заключив мир с французским королем, Штаты не желали содействовать войне против его союзника, турецкого султана, а, кроме того, считали конечно, такое содействие опасным для своей торговли на востоке Средиземного моря. Ссылка же на английского короля была не более, как пустая отговорка. «А по проведыванию великих и полномочных послов, — замечает «Статейный список» вслед за приведенным рассказом об обращении к посредничеству английского короля, — явилось, что Галанские Статы, отбывая того, чтоб им от того вспоможения свободным быть и салтана турского и короля французжского для купецких своих промыслов не розгневить, то, усоветовав между собою, учинили, и на короля аглинского, чтоб его в том спрашивались, солгали» [1].

День неудачного окончания переговоров, 14 октября, послы завершили на обеде у польского посла: «Того ж числа были великие и полномочные послы по прошению полского и саксонского посла Христофора Бозе на обеде, и в столе пили про здоровье великого государя его царского величества и королевского величества полского и иных союзных государей, стоя и на обе стороны, и иных послов про здоровье». Польский и Саксонский посол все еще не имел официальных полномочий и потому посещения им русских послов и обратно его русскими послами имели приватный характер. «Саксонский посланник, — писал в Женеву Петр Лефорт, — приходил к нам incognito, так как он еще не знает, какое он займет положение. И мы его посетили подобным же образом» [2].

15 октября к послам явился агент Штатов Розбум для решения вопроса о дне прощальной аудиенции. Послы говорили, что они к этой аудиенции готовы, но просят о предварительной присылке к ним текста ответной грамоты Штатов. На заявление агента, что аудиенция может состояться 16 октября, но грамота к этому дню не поспеет и будет доставлена посольству после аудиенции на их квартиру, послы ответили решительным требованием, чтобы проект грамоты непременно был им доставлен на предварительный просмотр и категорически возражали против присылки грамоты на дом после аудиенции: «чтоб им на отпуске быть, а листа не взять, и то дело нестаточное и нигде того не повелось». Это требование было исполнено, агент принес послам текст грамоты, и его велено было перевести. В тот же день приходил к послам Захарий Дикс с поручением от Штатов договориться об отсрочке аудиенции до 18 октября. Великие послы ответили, что в доставленном списке грамоты по переводу оказались «некакие речения

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, стр. 1051—1054.
[2] Там же, 1054; *Posselt*, Lefort, II, 423.

неисправны» и по исправлении он будет отослан Штатам. Предложенные послами поправки были приняты, и, таким образом, была установлена окончательная редакция ответной грамоты Штатов на имя государя, не заключавшая в себе впрочем, ничего, кроме общих фраз [1].

16 октября великие послы отдавали визит испанским послам; разговор ограничился только взаимными приветствиями, и визит, очевидно, был кратким, послы, «побыв немного, пошли» [2]. В тот же день получено было посольством письмо из Вены от цесарского переводчика Адама Стилы, состоявшего в то же время тайным русским агентом. Стила уведомлял, что принц де Конти прибыл с фрегатами к Данцигу и за милю от Данцига (близ Олива) высадил 5 000 французов, соединился «с рокошаны», т. е. с мятежниками, и прошел до замка Лович, а польский король медлит, потому что войско его из-за дурных дорог и тяжести пушек скоро итти из Венгерской земли не может, а, как придет, у него будет вместе с цесарцами 25 000. Король французский ведет интригу на севере и на юге: на север, в Швецию, он отправил посла подкупать шведских вельмож, чтобы стояли за де Конти; на юге он возбуждает против короля польского татар и турок. Агент просит послов донести царю, чтобы было организовано тщательное наблюдение за польской Лифляндией, где шведы могут подать помощь французскому претенденту — «неусыпное око к границам Лифляндии польской обратить» [3].

17 октября, в воскресенье, был у русских послов обед с Генеральными Штатами, после которого послы ездили кататься по роще: «Были у великих и полномочных послов Галанские Статы и с ними обедали, а после обеда великие послы ездили в коретах и проезжались по роще» [4] — по великолепному доныне существующему парку, который называется Гаагским лесом (Haagsche Bosch) и простирается до самого берега моря [5].

18 октября состоялась прощальная аудиенция посольства у Штатов по тому же церемониалу, как и приемная: «Таким поведением, как и на приезд». За послами приехало трое депутатов. Войдя в залу собрания, послы стали против президента, и президент обратился к ним с речью, в которой высказал благодарность Штатов великому государю за присылку «знатных и честных особ» в качестве великих послов и пожелание ему многолетнего здравия и побед над бусурманами: чтобы «господь бог покорил под ноги его бусурманов салтана турского и хана крымского и чтобы храбрость его государская всюду врагам страшна была». Далее прези-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1054—1058.
[2] Там же, 1058.
[3] Там же, 1058—1059.
[4] Там же, 1059.
[5] *Веневитинов,* Русские в Голландии, стр. 105; Арх. мин. инд. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 26: «октября в 18 д. в Гаге ж девке комедиянице, которая показывала разные штуки, дано 6 золотых». Может быть, этот балетный дивертисмент надо соединять с обедом 17 октября?

дент открыто упомянул о посещении их страны Петром. Штаты за великое счастье считают, «что изволил великий государь *их Галанскую землю посетить* и таких великих и честных особ послов прислать». В заключение он просил послов передать великому государю нижайший поклон Штатов и вручил обернутую тафтой ответную грамоту на имя царя Лефорту, который передал ее Головину, тот Возницыну и последний Петру Лефорту. Послы ответили кратким выражением благодарности: «возблагодаря кратко, пошли от Стат и ехали против прежнего» [1].

Так окончилась официальная деятельность великого посольства в Голландии. Посольство потерпело полную неудачу: просьба его Штатами исполнена не была; они наотрез отказались поддержать Петра в войне против Турции. Об этой неудаче много писали тогда и не без злорадства — в современных газетах, раздувая и преувеличивая все дело. В посольстве приписывали злорадный тон газет и преувеличения проискам и интригам французских послов, занявших враждебную позицию относительно русских, которые не поддержали с ними даже внешних отношений вежливости. «Относительно того, — писал Петр Лефорт своему отцу в Женеву, — что публикуется в газетах о нашем посольстве, действительно, нечто подобное произошло, но не так, как печатается. Верно, что господа послы по приказанию своего повелителя спрашивали и просили господ Штатов, не могут ли они в чем-нибудь посодействовать и оказать поддержку в войне, которую его царское величество начал против неверных. Если они не пожелали бы дать денег, то не могут ли они ссудить несколько кораблей или военных припасов — это предоставлено на их выбор. Они, однако, в этом отказали. Но их вовсе не просили о денежном займе, да в этом не было и нужды. Все, что говорят газеты, исходит из уст французов, потому что послы христианнейшего короля желали нам зла и делали все возможное к нашему вреду. Я надеюсь, что с божией помощью все их планы и злые замыслы ни к чему не послужат. У них нет иной причины жаловаться на нас, кроме того, что мы не возвестили им нашего приезда в Гаагу» [2].

Послы стали собираться в путь в Амстердам. Отъезд был назначен на 20 октября. Перед отъездом в этот день послов посетил агент Штатов Розбум с целью осведомиться, готовы ли они ехать и предложить им экипажи от правительства. С ним были присланы подарки от Штатов посольству: послам золотые цепи с гербами: Лефорту весом в 10 фунтов, ценой в 7 000 флоринов, Головину — в 8 фунтов, ценой в 6 000 флоринов, Возницыну — в $5^1/_2$ фунтов, ценой в 5 000 флоринов, Петру Лефорту и Богдану Приставу по цепи в 3 фунта, переводчикам Петру Вульфу и Петру Шафирову по цепи в 34 золотника, ценой в 42 золотых; священнику Иоанну Поборскому и кальвинскому пастору по гербу золотому, ценой по 30 золотых герб; дворянам посольским всем

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1059—1060.
[2] *Posselt*, Lefort, II, 441—442.

вообще три герба весом такие же, как священнику и пастору. «А подьячим, — замечает «Статейный список», — и иных чинов и посольским людем никому ничего не дано». Великие послы дарили агента Розбума и служителей, принесших подарки и вообще состоявших при посольстве в Гааге, соболями, камками и ефимками[1]. По свидетельству Меермана, имевшего под рукой архивные документы, стоимость подарков, сделанных Штатами посольству, равнялась 20 150 гульденам, или флоринам, а по вычислениям Веневитинова эта сумма почти совпадала с ценой подарков царских (на 3 040 рублей) и посольских (на 1 060 рублей), всего на 4 100 рублей, поднесенных Штатам на приемной аудиенции[2].

Через некоторое время («мало погодя») после передачи подарков за послами прислано было 40 карет, и двое депутатов явились проводить их. Послы, заранее отпустив все имущество водой, приказали свите сесть в кареты, и поезд в предшествии ехавших верхом посольских трубачей и в сопровождении солдат[3] тронулся. Депутаты проводили послов до того пункта, где их встречали. При расставании, когда послы вышли из карет и подошли к трем

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 52: «Октября в 20 д. в Гаге ж дано Галанских Стат служителем статцкому агенту, которой великим послом принес от Стат подарки, соболей три пары по 15 руб., пара в 10 руб., пара в 8 руб., две пары по 7 руб. с полтиною. Гофместеру Геселю три пары по 10 руб., два касяка камок». Получили также подарки жена и двое сыновей гофмейстера Геселя, дворецкий фон Сантен, Симон, «который великим послом служил», чашник и «господари» тех дворов, где стояли послы: «да где стоял первой великой посол, того двора господарю две пары соболей по 8 руб. пара, два касяка камок, где второй и третей великие послы стояли, господарю пара в 8 руб., две пары по 7 руб. пара, касяк камки». Еще 23 сентября господарю дома, «в котором дому второй и третей великие послы стояли, дано пара соболей в 8 руб. с полтиною» (там же, л. 50 об.). В «Расходной книге» ефимочной казны (там же, л. 191) читаем: «Октября в 19 ж день и в 20 д. при отъезде великих и полномочных послов из Гаги дано в почесть служителем, которые были и работали у них, великих и полномочных послов, во все бытие их и всякое почитание чинили: гофмейстеру Гесселю 100 ефимков, дворецкому Сантену 50 ефимков, трубачам статцким 120 ефимков, комедиантом 100 еф., служителем в тех домех: 13 человеком скатертником, 7 человеком поваром, 4 человеком поваренным робятам первым, 8 человеком поваренным ж малым робятам, 14 человеком жонкам и девкам, всего 46 человеком всем вопче 200 ефимков. Дву человеком коморным служителем 19 еф., служилым людям двум услужником, или розсылщиком, которые гербы на себе носят, 60 еф., трем швайцаром 16 еф., порутчику, которой стоял на карауле, 15 еф., двум полатным сторожам 8 еф., хозяйским трем дочерям 34 еф., работнице Марии 11 еф., работнику Антонию 5 еф., Симону... (Симон ухитрился получить и соболями и ефимками), которой был для прислуги и посылок, 10 еф. Всего всем дано 48 ефимков». Некоторые из получивших, видимо, остались недовольны вознаграждениями и им пришлось прибавлять (там же, л. 53): «Октября в 25 д. по приказу великих и полномочных послов к прежней даче гофместеру Гесселю дано две пары соболей по 7 руб. пара, касяк камки... Двум служителем галанцом к прежней даче дано по портищу камки... Погребщику Амфрию (вероятно, забытому ранее) дано пара соболей в 7 руб., касяк камки».

[2] *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 104—105, 109, 171—172. «Гульден, или флорин того времени, равнялся одной пятой рубля, т. е. 20 копейкам.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. д., № 47, л. 26: Октября в 20 д. ... гагским осми человеком салдатом, которые великих послов провожали из Гаги до яхты, дано 8 золотых да возницам 6 золотых».

ожидавшим их яхтам, третий посол, Прокофий Возницын, «говорил» депутатам «пространною речью», выражая благодарность Штатам за оказанную послам приязнь и обещая донести о том государю. Простясь, послы сели в одну яхту, а в двух остальных поместились дворяне, священник, переводчики, подьячие и весь состав посольства[1]. Ночевали послы на пути, проехав город Лейден, в деревне Альфан, находящейся от Гааги в 6 милях[2]. Сюда утром 21 октября Штаты прислали к послам гонца с известием о заключении мира между цесарем и Францией[3]. К вечеру 21 октября послы прибыли в Амстердам. «И с того числа, — замечает «Статейный список», — Статы и бурмистры кормов давать не почели, и великие и полномочные послы с того времени жили в Амстрадаме на своих проторях»[4]. С прощальной аудиенцией, когда миссия посольства была закончена, оно теряло свое официальное значение при Штатах, и Штаты поэтому прекращали брать на себя расходы по его содержанию, которое шло до сих пор от государства. Чрезмерная величина расходов на содержание русского посольства была также темой, которой занималась враждебная посольству и инспирируемая французскими агентами пресса, причем цифра издержек сильно преувеличивалась. Говорили, что Штатами израсходовано было на этот предмет 500 000 флоринов. Петр Лефорт, опровергавший в письме к отцу газетные инсинуации о неудаче русского посольства в переговорах, опровергает и эту цифру[5]. По свидетельству Меермана, опирающемуся на официальные архивные документы, содержание русского посольства обошлось голландскому правительству в 200 000 флоринов (в 40 000 рублей на тогдашние русские деньги), причем, по замечанию Схельтемы, сумма эта вдвое превысила обычные расходы по приему иностранных посольств голландским правительством, и это превышение, как он говорит, было вызвано чрезвычайным характером посольства и, главным образом, присутствием в нем царя. Все же надо признать, что и в этих раз-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 26 об: «Октября в 22 день в Амстердаме дву яхт капитаном Корнелию Сулюхту, да Николаю Клюкерту, на которых яхтах великие послы ехали из Гаги до Амстердама, дано по 10 золотых человеку».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47 л. 191 об. — 192: «нищим роздали великие и полномочные послы, едучи из Гаги, мелкими денгами 7 1/2 еф.

Октября в 21 д. на дороге, едучи из Гаги, в деревне Алфан в дому, где великие и полномочные послы начевали, дано хозяину в почесть 6 ефимков».

[3] Там же, л. 192: «В той ж деревне почтарю, который прибежал из Гаги к великим и полномочным послом с вестью, что и у цесарских послов с францускими договор о миру учинился, дано в почесть 5 ефимков».

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 1061—1063; ср. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 192: «Октября в 22 д. по указу великого государя царя (т.) велено в. и п. послом в Амстердаме с приезду их на кормовые их росходы держать и дворяном, и священником, и переводчиком, и подьячим, и толмачом, и гайдуком, и посолским, и дворянским и иных чинов людям кормовые денги по указным статьям давать понедельно ис тех же государевых казенных ефимков, потому что амстрадамские бурмистры кормовых денег по отправлении у Статов посольства ничего не давали».

[5] *Posselt*, Lefort, II, 442—443.

мерах расходы для Голландии того времени были очень внушительны, ложились чувствительной тяжестью на ее истощенный восьмилетней войною бюджет. Расходы эти повлекли за собой установление новых налогов. Одна из провинций — Гронинген, отказалась даже принять участие в общих расходах республики на содержание посольства, чтобы избежать тяжести этого нового обложения [1].

XXVII. ВТОРАЯ ПОЕЗДКА ПОСЛОВ В ГААГУ. ПЕРЕГОВОРЫ СО ШВЕДСКИМ И ПОЛЬСКО-САКСОНСКИМ ПОСЛАМИ

Итак, стоило описать подробно деятельность послов в Гааге за месяц слишком пребывания их там, так как их действия — это в то же время впечатления и переживания самого Петра. Во время разлуки, когда посольство жило в Гааге, а Петр оставался и работал в Амстердаме, действия послов служили предметом оживленной переписки, остатки которой сохранились в двух уцелевших письмах Ф. А. Головина к Петру. Когда же послы вернулись в Амстердам, их деятельность служила, конечно, темой не менее оживленных разговоров при частых свиданиях их с царем. Впрочем, послы, вернувшись в Амстердам 21 октября, пробыли в нем недолго. 23 октября им были поднесены некиим «голландским секретарем Рюйтером» печатные вирши, вероятно, что-нибудь вроде тех, которые сочинены были по поводу свидания Петра с Вильгельмом. Автору был дан косяк камки. 26 октября третий посол П. Б. Возницын ездил в Амстердам «во врачебной градцкой огород (сад) смотреть остинских дерев и трав» [2], а затем в тот же день посольство вновь выехало в Гаагу на празднование заключения мира между союзными державами и Францией. «Октября в 26 день, — значится в «Статейном списке», — великие и полномочные послы ездили из Амстрадама в Гагу смотреть огнестрельных устроений и огней, которые у Статов для триумфу миротворения были учинены и для разговору с свейским и с польским послы о делех». По дороге была остановка для обеда в той же деревне Алфанс, где послы ночевали ранее при переезде из Гааги в Амстердам. В Гааге послы останавливались в наемном помещении [3]. Празднование происходило 27 октября. «А октября

---

[1] *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 184.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 53, 194: «и того огорода надзирателем дано по приказу ево в почесть 3 ефимка, да возницам в приказ ефимок».

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 26 об.: «Октября в 26 д. ездили великие послы из Амстердама в Гагу смотрить триумфальных огней и обедали в деревне Алфене, дано господину за еству и за питье золотой 13 ал. 2 д. (на полях: «вместо того дана крестинка»). Тот триумф был для уч[ин]ения у соединенных (союзников) со французом мира».

Там же, л. 26 об. — 27: «Октября в 28 д. дано галанским трубачем четырем человеком четыре золотых, да за яхту, в которой великие послы ехали, золотой пять алтын. . .

в 27 день, — продолжает список, — в Гаге и в Амстрадаме по всем улицам горели огни и многие метаны ракеты» [1]. О празднестве в Амстердаме рассказывает автор «Записной книжки»: «Было, — говорит он, ошибочно только указывая дату — 28 октября, — торжество великое, весь город был освещен, горели разные огни, несколько сот тысяч пущено ракетов и стрельба была во всю ночь чрезвычайная в знак радости, что мир состоялся у всех европейских государей с французским королем» [2].

К обеду бургомистром Витзеном были посланы послам фрукты: яблоки и груши [3].

Но послы отправились в Гаагу не для одних только торжеств, а также и для некоторых дипломатических дел, именно для переговоров с послами шведским и польским: «для разговору с свейским и с полским послы о делех», как отмечается «Статейным списком». На Петра, повидимому, очень сильное впечатление произвели известия об интригах Людовика XIV на севере, в Швеции, о том, что французский посол в Стокгольме тратит большие суммы на подкуп шведских сановников, стараясь расположить их в пользу принца де Конти. Сведения подобного рода сообщал, между прочим, как мы уже знаем, из Вены цесарский переводчик Стилла, бывший агентом русского правительства. Русским посольством был предпринят ряд мер с целью противодействовать этим интригам Франции. Во-первых, Лефорт вновь обратился к канцлеру Оксенстиерне с письмом, в котором, указывая на дружбу между их государями и на благодарность русского царя за присланные Швецией 300 пушек, о чем последует официальная грамота или особое посольство от царя к королю, доводил до сведения канцлера, что по известиям из многих стран, а также по «авизам печатным» видно, что французский посол в Стокгольме старается всеми мерами склонить шведский двор на сторону Деконтия. Он, Лефорт, хотя и мало верит этим известиям, однако все же просит канцлера, если бы с французской стороны подобные происки обнаружились, то их не только не принимать, но всячески отсекать, истреблять и искоренять как вредные для всего христианства. Письмо это помечено 27 октября и в тот же день отправлено в шведское посольство для отсылки в Швецию [4].

Вторым шагом послов был личный разговор о том же предмете со шведским послом бароном Лилиенротом. К нему был отправлен вернувшийся из Вены 25 октября и теперь сопровождавший посольство в Гаагу майор Преображенского полка Адам Вейде с поручением просить его повидаться с великими послами. Барон

Того же числа в Гаге, где великие послы стояли, господину за еству и питье и в почесть за постоялое дано 43 золотых, да за провоз посолскої рухляди с яхты до двора и из двора на яхту 8 алтын».

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1067.

[2] *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 201.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 26 об.: «Октября в 27 д. дано бурмистра Николая Витцена челяднику, которой великим послом приносил к обеду яблоки и дули, 14 алтын».

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 1067—1069.

явился к послам того же числа, 27 октября, и, встреченный заявлением великих послов, что они имеют с ним разговаривать «о самых надобных делах», изъявил готовность выслушать, что они скажут. Тогда великие послы сообщили о доходящих до них известиях и спросили его, действительно ли французский посол при шведском дворе обнаруживает такое домогательство. Великий государь помогает курфюрсту Саксонскому против Деконтия не по какому-либо пристрастию к курфюрсту и не по ненависти к Деконтию, а единственно руководясь соображениями общей пользы всего христианства и опасаясь, как бы Деконтий, если бы он занял престол в Польше, не учинил помощи султану турецкому и хану крымскому, не расстроил тем священного союза и не вызвал бы каких-либо смятений и развращений среди соседних государей подобно тому, как и король французский «во всей Европе соседом своим всякие бедства приключает». Если бы царское величество искал только своей пользы, то мог бы при нынешнем замешательстве в Польше без особого труда получить большие выгоды и захватить в свое владение все великое княжество литовское; но великий государь, как христианский монарх, такого намерения не имеет, а желает, чтобы новокоронованный польский король, утвердившись на своем престоле, вместе с цесарем, с царским величеством и с прочими союзниками всеми силами воевал против «неприятелей креста святого». Поэтому государь желал бы содействия также и со стороны шведского короля. Если же король склонится на деконтиеву сторону, это будет государю «в великую противность» и вопреки существующему между обоими государствами вечному миру. Барон Лилиенрот в ответ сказал, что христианскому славному и мужественному намерению царя он радуется и обо всем, что говорят послы, донесет королю. Хотя он и не имеет на то повеления своего государя, но, зная его намерения, может обнадежить великих послов, что король не предпримет ничего такого, что было бы противно интересам царя, наоборот, во всем будет сообразоваться с его желаниями. Да и потому еще шведский король не имеет причин поощрять домогательства французов, что король французский при нынешних обстоятельствах шведскому королю «мало доброхотства показал» — это он сообщает великим послам как добрым своим приятелям конфиденциально. Великие послы вновь просили барона постараться в этом деле, донести королю и тем увеличить свою славу, приобретенную уже посредническими услугами при мирных переговорах союзников с Францией, и затем обратились к нему с вопросом, нет ли каких-либо предложений и домогательств в тех же целях от французских послов в Гааге? Барон, поблагодарив великих послов за лестный отзыв о его деятельности, исходящий от «славных и мудрых служителей такого великого монарха», заверил, что от здешних французских послов никаких предложений ему сделано не было; если какие-либо предложения будут, он ответит по достоинству. Как только он получит от короля ответ по поводу разговора с великими послами, он тотчас же из-

вестит их о том, послав нарочного в Амстердам или сам туда к ним приедет. Уверив еще раз великих послов, что король ни в чем не будет итти против намерений царя, но всегда будет поддерживать с ним дружбу и любовь, Лилиенрот простился с послами [1].

В тот же день, 27 октября, великими послами был принят и польский посол Христофор Бозе. Все еще не приходили требуемые послами «просительные» грамоты из Польши за королевской и сенаторскими руками. Бозе сообщил, что королевская «объявительная» грамота о коронации Августа II по решению сенаторов и Речи Посполитой послана не в Голландию, а в Москву по тем соображениям, что, хотя царское величество где в иных странах и обретается, однакож «под покрытым лицом», и поэтому грамоту надо отослать в столицу, в Москву. Великие послы ответили, что, если король послал объявительную грамоту, в том его воля, только надлежало бы прислать другую грамоту — «просительную» за королевской подписью и сенаторскими руками — к великому посольству в Голландию, и при этом послы повторили мотивы, по которым считали присылку такой просительной грамоты необходимой. Особенно твердо на этом требовании, чтобы грамота была подписана не только королем, но и сенаторами, по свидетельству Бозе, настаивал третий посол П. Б. Возницын, который, как пишет Бозе, пять раз уже вел переговоры с королевским польским двором [2]. Затем в доказательство забот царя об успехе Августа II великие послы рассказали Бозе о своей только что происшедшей беседе со шведским послом и о письме Лефорта к Оксенстиерну, причем показали ему текст письма. Бозе высказал по этому поводу большое удовольствие послам и в своем донесении королю отмечал эти шаги московских послов как доказательство ревностной заботы царя и его министров о благе польского короля и о польских делах. Этой заботой, он, Бозе, по его выражению, не может достаточно нахвалиться [3]. При этом он высказал, далее, мнение, что шведы не будут содействовать Деконтию, потому что они признали польского посла в Стокгольме, приняли от него объявительную грамоту о коронации Августа II и дали ему ответную грамоту с поздравлением по случаю коронации. Великие послы поинтересовались, далее, местонахождением короля и известиями о Деконтии, на что Бозе ответил, что король находится в Кракове и что против Деконтия посланы с саксонскими и польскими ратными людьми к Данцигу генералы Флеминг и Брант, которым предписано противодействовать высадке Деконтия на берег и пропуску к нему приверженцев из Литвы. Деконтий находится еще на кораблях, сказывают, что болен, а, наверное, не смеет из-за малолюдства сойти с корабля. Ратных людей, которые

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1070—1075.
[2] Сб. Р. И. О., XX, № 4: донесение Бозе от 30 октября/9 ноября.
[3] Там же.

через бунтовщиков на деконтиеву сторону «затягаются», еще мало в сборе, и те могут быть скоро усмирены вступлением русских войск в Литву. К нему, послу, сверх того прислан от короля указ нанять на королевскую службу несколько тысяч ратных людей князя Саксонского, бывших на голландской службе, да цесарь обещал королю прислать на помощь пять конных полков да отпустить из Венгерской земли его королевских людей, так что у короля будет к зиме 35 000 немецких войск. Приверженцы Деконтия должны итти к нему на помощь через владения курфюрста Бранденбургского, который их не пропустит. Бозе упомянул при этом перечне сил короля, что он имеет указ пригласить на королевскую службу герцога Виртембергского, славного пехотного генерала, бывшего на службе у английского короля, а также просить у Голландских штатов в наем несколько воинских 30 и 40-пушечных кораблей и об этом у него будет сегодня после полудня конференция со Штатами. Последний пункт: о найме кораблей — дело, так неудачно кончившееся для русского посольства, — живо заинтересовал послов, и они задали ему вопрос: «Чает ли он, посол, что Голандские статы ему какое вспоможение кораблями учинят?» и просили, какой ответ от Штатов получит, сообщить им, послам. Бозе говорил, что не надеется на официальную помощь военными кораблями от Голландии или английского короля, потому что в этом французский король увидел бы нарушение только что заключенного мира; но он очень надеется, что ему будет позволено получить помощь неофициально: «чает де он, посол, наипаче, что позволят ему ту помочь учинить под покрышкою от иных своих подданных, а именно, позволят ему, послу, те корабли нанять у Остинской или у иной которой торговой компании тайным образом. А что они, Статы, ему, послу о том скажут, и он, посол, им, великим и полномочным послом, о всем объявит». Великие послы задали Бозе еще вопрос об условиях мира между Римской империей и Францией. Бозе дал отрицательную характеристику мирного договора, так как в него была внесена статья, крайне невыгодная для всех протестантских князей, именно, чтобы во всех тех имперских городах, которые Франция возвращала империи, вере быть римской и церквам, которые обращены из лютеранских и кальвинских кирх в католические, оставаться католическими. Из-за этой «зело противной» протестантским князьям статьи из 24 посланников, бывших на Рисвикском съезде от государств, входящих в состав империи, 11 человек не подписали этого мирного договора, в том числе и он, Бозе. Должно быть, в виде особой любезности Бозе передал великим послам экземпляр текста договора между империей и Францией на латинском языке и притом заметил, что Англия и Голландские штаты крайне недовольны условиями договора, опасаются, что вследствие указанной статьи цесарь в согласии с французским королем может утеснять протестантскую веру и высказывают, что, если бы уже ранее этого договора Англия и Штаты не заключили

мира, то, конечно, на такой договор не согласились бы и предпочли бы продолжать войну [1].

На следующий день, 28 октября, Бозе опять был у великих послов, которые вновь повторили ему свой разговор со шведским послом, происходивший накануне. Еще вчера выражавший уверенность, что Бранденбургский курфюрст не пропустит через свои владения ратных людей деконтиевой стороны, собранных в Литве, Бозе теперь уже высказывал опасение, как бы этого не случилось, потому что при дворе курфюрста борются два направления: обер-президент Данкельман стоит за Августа, а «начальнейший комнатный» — обер-камергер граф Кольбе — поддерживает Деконтия. Он, посол, зная дружбу царя с курфюрстом, просит великих послов написать курфюрсту, чтобы он тех ратных людей на помощь к Деконтию через свои владения не пропускал. Великие послы высказали уверенность, что курфюрст этих ратных людей не пропустит и никакой помощи Деконтию не учинит; он обнадежил в этом государя; однако они все же согласно просьбе Бозе о том ко двору курфюрста напишут. Разговор перешел затем к предмету, особенно интересовавшему послов: они спросили, какой ответ вчера дали Бозе Штаты на его предложение о помощи кораблями. Посол сообщил, что никакого определенного ответа ему вчера дано не было; депутаты, с которыми он вел переговоры, обещали ему доложить дело общему собранию Штатов и английскому королю и тогда дать ему ответ. Он прибавил далее, что ему обещали поддержку цесарские послы, и, может быть, на голландское правительство это окажет влияние, потому что голландцы очень дорожат торговлей с Польшей и цесарскими владениями: «полская и гданская торговля галанцом зело нужна, и многие лесные товары и хлеб в Галанскую землю оттуды приходит». На этом беседа окончилась и, пообещав осведомлять великих послов о дальнейшем, Бозе простился с ними [2].

Как видим из этих переговоров с шведским и польским послами, главной причиной вторичной поездки русского посольства в Гаагу было все то же дело о польском престоле, которое надо было поддержать и со стороны Швеции, оказав противодействие французской интриге в Стокгольме. 29 октября послы вернулись из Гааги в Амстердам.

XXVIII. ПЕТР ВНОВЬ В ГААГЕ. ВЗГЛЯД ЕГО НА РИСВИКСКИЙ МИР. ПОЕЗДКА В СААРДАМ

Принимал ли Петр участие в этой второй поездке послов в Гаагу? Меерман в своей брошюре говорит о его выезде в Гаагу

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1075—1084; Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1697 г., № 9, л. 35—44 — запись разговора великих послов с Бозе 27 октября; л. 45—46 — перевод с грамоты к нему короля польского, представленной им послам.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, стр. 1086—1090; Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1697 г., № 9, л. 49—54.

и о свиданиях там с Вильгельмом III. «По обмене ратификаций, — пишет Меерман, — Рисвикский мир был торжественно обнародован в Гааге, но связанные с ним торжества, состоявшие в благодарственных общественных молебствиях, посте и народных увеселениях, были для остальной части республики назначены на 27 октября/6 ноября. Сам король, повидимому, не захотел на них присутствовать, по крайней мере он приехал в Гаагу на следующий день после праздника: но царь вторично отправился из Амстердама на свидание с Вильгельмом в приличном экипаже и попрежнему в сопровождении Лефорта. В этот раз оба государя встречались неоднократно и проявили друг другу знаки взаимного уважения. Петр сознался королю в своем желании продолжить свой путь до Англии с целью усовершенствования в приобретенных познаниях и особенно, чтобы еще лучше изучить теорию кораблестроения, так как занятия ею в Голландии его не удовлетворяли[1]. Прямых официальных свидетельств, которые бы подтверждали рассказ Меермана, мы не имеем. Косвенно его запись подтверждает посольская «Расходная книга», где под 29 октября читаем: «Дано амстрадамской яхты капитану Класу Бою, которой вез великих и полномочных послов из Амстрадама в Гагу, *а из Гаги в Амстрадам великого государя*, да другой яхты шиперу Николаю Клюперту, которой вез великих послов из Гаги в Амстрадам, как ездили учиненных для француского миру потешных огней смотрить, в почесть Класу 10, Николаю 6 ефимков»[2]. Из этой записи следует заключать, что Петр был в Гааге и что возвращался оттуда на амстердамской яхте Класа Боя, на которой в Гаагу ехали послы, а послы должны были пересесть на обратном пути в Амстердам в яхту Клюперта. Каких-либо известий, подтверждающих свидетельство Меермана о свиданиях царя с Вильгельмом III в Гааге, найти не удалось.

29 октября Петр был уже опять в Амстердаме, что̀ удостоверяется его письмами от этого числа из Амстердама к Ромодановскому и Виниусу. Первое — короткая записка с уведомлением о получении письма Ромодановского и к ней собственноручно приписано распоряжение: «Дѣла князь Івана Щербатова изволь възять іс Казанскова прик(азу въ себѣ. Piter. Изъ Амстрадама, октября в 29 день»[3]. Речь в письме к Виниусу идет, конечно, прежде всего о «железных мастерах», причем царь выражает недовольство Витзеном за его медлительность: Витзен тянет дело день за днем, не давая категорического ответа. Петр возлагает надежду осуществить наем мастеров через польского посла Бозе, из чего можно заключать до некоторой степени о близости Бозе к царю. В собственноручной приписке сообщаются известия о

---

[1] *Meerman, Discours*, 72—73; *Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 112—113.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 194 об. — 195.

[3] П. и Б., т. I, № 197.

погоде — в ответ на такие же сообщения Винниуса, а затем царь делится своими впечатлениями по поводу заключения мира союзниками с Францией. «Min Her Vinius, — читаем мы в письме, — писма твои сентебря 17-го и 24-го дня писанные, мне отданы октября в 26 день, ис которых выразумев, благодарствую. А что пишеш о мастерах железных, что в том деле бургумистр Вицын может радение показать и сыскать, о чем я ему непрестано говорю, и он толко манит день за день, а прямой отповеди по ся поры не скажет; и естьли ныне он не промыслит, то надеюсь у короля полского чрез его посла добыть не толко железных, но и медных.

Здѣсь еще тепло, такъ что мошъно въ холодномъ платье ходить. Миръ съ ѳъранцузомъ учиненъ, і третьево дни былъ ѳеірверкъ въ Гаге і здѣсь. Дураки зело ради, а умныя не ради для того, что ѳъранцузъ обманулъ, і чаютъ, въскоре опять войны, о чемъ просътраннее буду писать въ [п]реть. Piter. Изъ Амстрадама, октября въ 29 день» [1].

Характеристика договора союзников с Францией у Петра, таким образом, резко отрицательная, несмотря на то, что договор для России был выгоден, развязывая руки союзной Австрии, которая, освободившись теперь от войны с Францией, могла все силы направить на «врага креста святого» — турок. Этот отзыв Петра о мире не был единичным. Рисвикский мир далеко не возбудил у современников того энтузиазма, о котором можно было бы подумать по иллюминациям и фейерверкам, сопровождавшим его празднование. Во многих он вызвал разочарование. Мы видели недовольство им в словах Бозе, передававшего, конечно, настроение кругов, в которых он вращался. Им были недовольны протестантские князья. Проживавший в Голландии женевец де Гюдер, друг семьи Лефортов, писал на родину Ами Лефорту, брату первого посла: «Ратификация мира пришла из Франции; о ней должны публиковать здесь еще на этой неделе. Однако я могу вам сказать, что радость весьма не велика в этой стране». Миром недовольны были и во Франции, находя, что такие условия можно было бы подписать разве только в том случае, если бы враг стоял у ворот Парижа [2]. Называя в интимном письме дураками тех, кто радовался Рисвикскому миру, Петр обнаружил большую политическую проницательность: мир, действительно, оказывался крайне непрочен.

В тот же день, 29 октября, очевидно, уже после отправки почты, Петр получил ряд писем из Москвы: от Ф. Ю. Ромодановского, Винниуса, Л. К. Нарышкина, Т. Н. Стрешнева. Довольно обширное письмо Ромодановского из окружавшей его иноземной обстановки Амстердама переносило Петра в Москву и как бы от-

---

[1] П. и Б., т. I, № 198. В тот же день были написаны Петром не дошедшие до нас письма к Т. Н. Стрешневу, в ответ на его письмо, полученное 26 октября, и А. М. Головину (там же, стр. 643, 664—665).

[2] *Posselt*, Lefort, II, 426, 441.

крывало перед ним на мгновение неприглядную картинку грязных, немощеных московских улиц и вводило его в московские происшествия и дрязги. «Известно тебе буди, — писал Ромодановский, — на Москве многих улиц ездить отстали за великими недомосками и грязми, нерадением князь Михайлы Львова[1]. Бояре, такожде и иных чинов всякие люди ему, князь Михаилу Никитичу, о мостах со многою докукою говаривали. И он, князь Михайла Никитичь, многожды отмалчивался. И после того был в сумнении великом, и припала болезнь к нему неисцельная, кричал трои сутки, а после почал людей драть, также и зубом есть. Был под началом у Спаса на Новом с месяц и там че[р]нца изъел, и чернец после того толко был жив з две недели и умре; а он, князь Михайла Никитичь, и доднесь сидит роскован. В том, пожалуйте, помолитесь за общего нашего богомольца, дабы господь бог не попамятовал ево греха, избавил бы ево от такой тяжкой болезни вашими молитвами. И о сем о всем известно Тихону Никитичу, такожде и иным многим. А как приехал Тихан Ники[ти]чь навещать, чуть бог пащедил; кабы не знакомец ево, изъел бы и ево»[2]. Виниус извещал о возвращении в Москву А. С. Шеина и князя Б. А. Голицына. Л. К. Нарышкин одобрял ссылку стольников, провинившихся в Голландии в произнесении дерзких слов. Т. Н. Стрешнев уведомлял о выезде в Голландию Я. В. Брюса[3].

Схельтема рассказывает о поездке Петра в Гаагу под 30 октября/9 ноября, о пребывании его в Гааге в течение нескольких дней и о неоднократных свиданиях там с Вильгельмом III. Мало вероятно, чтобы Петр, вернувшись в Амстердам из Гааги 29 октября, вновь выехал в Гаагу 30-го. Надо полагать, что у Схельтемы перепутана хронология, и указание его на поездку в Гаагу и свидание с английским королем следует относить именно к поездке 26—29 октября[4].

В начале ноября по новому стилю, следовательно, в конце октября по старому, Петр, по свидетельству Ноомена, провел два или три дня в Саардаме во время ярмарки, которая тогда, по словам Схельтемы, затягивалась до ноября, останавливаясь у русских, живших и работавших в Саардаме, в снятой ими в доме Дирка Гейнеса близ улицы Финкепаада квартире в каменном здании. «В ноябре месяце, — пишет Ноомен, — во время Заандамского кермиса (ярмарки) его царское величество приезжал сюда, чтобы навестить своих людей. Он прошел по рядам лавочек, выстроенных по случаю кермиса, и остановился у своих подданных в упомянутой «каменной комнате», где его отлично угощали. Через два или три дня он уехал в Амстердам на своей буер-яхте, которая стояла здесь у Остеркаттегата». При этом Но-

[1] Князь М. Н. Львов — начальник Земского приказа, глава московской полиции.

[2] П. и Б., т. I, стр. 644.

[3] Там же, стр. 645—647.

[4] *Scheltema*, Peter de Groote, I, 207; «Rusland en de Nederlanden», II, 272; «Anecdotes Historiques», 164; «Русская старина», 1916 г., апрель, стр. 5.

омен рассказывает, как Петр во время этого пребывания в Сардаме, посетив одну лесопильную мельницу и осмотрев ее подробно, собственными руками спустил тормоз и остановил мельницу, а затем опять поднял его и пустил мельницу в ход, что, надо думать, требовало огромной силы [1].

XXIX. ЖИТЬЕ ПОСОЛЬСТВА В АМСТЕРДАМЕ

Как было сказано выше, послам по возвращении их из Гааги в Амстердам после прощальной аудиенции с окончанием их официальной миссии, с 21 октября, прекращена была выдача содержания от голландского правительства, отпускавшегося ранее, и они должны были проживать на собственный счет, оплачивая расходы на стол, а также на отопление и освещение занятых квартир. В «Расходной книге» посольства под 22 октября записан государев указ, по которому велено было выдавать деньги на «кормовые расходы» послов и их свит понедельно, уплачивая их ефимками, потому что «амстрадамские бурмистры кормовых денег по отправлении у Статов посолства ничего не давали» [2]. Из расходных книг, однако, не видно, чтобы посольство платило также за самое помещение, «за постоялое», так что можно предположить, что все же самые квартиры были отведены ему и после окончания официальной его миссии на счет голландского правительства, принявшего на себя эту часть расходов посольства. Но как продовольствие послов и посольского персонала, так и содержание занятых квартир: их отопление, освещение и снабжение водой оплачиваются с 21 октября действительно из посольских сумм. Вообще присмотримся несколько к хозяйственному устройству посольства после того, как оно, вернувшись в Амстердам из Гааги, основалось здесь на продолжительное житье. Начнем с помещений.

До отъезда в Гаагу послы жили вместе в гостинице «Геерен-Ложементе». По возвращении они поселились отдельно — каждый со своей свитой [3]. В «Расходной книге» находим свидетельство, что Лефорт по приезде из Гааги должен был поселиться в «Ларисовом доме», снятом для него состоявшим при посольстве голландским коммерсантом Захарием Диксом; но он почему-то туда не переехал [4] и до 20-х чисел декабря проживал в гостинице «Геерен-Ложемент», вероятнее всего там же, где помещался

---

[1] Ноомен, Записки, стр. 55—56; *Scheltema,* Peter de Groote, I, 206; «Rusland en de Nederlanden», II, 270; «Anecdotes Historiques», 162, с ошибкой: «a la Haye»; «Русская старина», 1916 г., март, стр. 396.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 192.

[3] *Posselt, Lefort,* II, 463. Из письма Якова Лефорта в Женеву.

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 236 об. — 237: «10 генваря... заплачено по росписи (счету), какову подал Захарей Дикс за росход, которой издержан в дом Ларисов, в котором стоять было сперва с приезду в Амстрадам первому великому и полномочному послу (а в том дворе не стоял) за торф, за дрова, за масло и сыр и за 19 полубочек пива вместо 121 гульдена 4 алтына — 48 еф. 10 алт. 4 д. Принял те денги Петр Лефорт».

и ранее до отъезда в Гаагу. О пребывании его в «Геерен-Ложементе» говорят две расходные записи, касающиеся выдачи ему с его свитой денег на содержание: первая за время с 21 октября по 19 ноября: «Заплачено того дому, где стоял первой великой и полномочной посол, хозяину Антонию Шванину по ево двум росписям (счетам), за столы, и за питья, и за дрова, и свечи, что держано про него, великого посла, и про дворян, и всех ево людей с приезду ево, посолского, в Амстрадам ноября по 19 число на месяц 2 000 ефимков». Вторая запись с 19 ноября по 20 декабря: «Декабря в 20 д. заплачено в дому «Геерен-Ложемент» именуемом, где первый великой и полномочной посол стоял, хозяину Антонию Шванину за столы, и за питья, и за дрова, и за торф, что держано про ево, посолской, обиход и про дворян, и пажей, и лакеев, и людей ево ноября с 19 числа по се число на другой месяц 2 761 еф. 1 алт. 4 д.» [1]. Свита Лефорта, помещавшаяся и содержавшаяся с ним, состояла почти из полусотни человек (49); в нее входили: семеро дворян, именно: племянник его Петр Лефорт и Богдан Пристав, далее, Яков Дуарси, Иван Гумар, Давид Инглис, Вилим Турлавиль и Илья Коберт; из них о капитане Давиде Инглисе находим за ноябрь в расходных книгах отметку, что он «послан на море для науки морских художеств и воинских дел», для чего ему дано жалованье в 100 ефимков [2], а Илья Коберт, как увидим ниже, в январе 1698 г. был послан в Любек заказывать там пушки. Далее, при Лефорте состояло: 7 пажей, 14 лакеев, 6 музыкантов и трубачей, дворецкий Григорий Григорьев, обозный прапорщик Ян Стребунский, золотых дел мастер Дитмар, серебряных дел мастер Рудольф, трое поваров, 6 человек крепостных людей, принадлежавших лицам свиты, и двое челядников. Из дальнейших записей «Расходной книги» узнаем, что после 20 декабря Лефорт занимает новое помещение — двор под названием «Кейсеркрон», принадлежавший некоему Ворперту Янсену, причем с 20 декабря свите его было предписано вместо содержания в натуре выдавать поденные кормовые деньги подобно тому, как такие же выдачи производились свитам второго и третьего послов [3]. На такие кормовые выдачи свите Лефорта с 21 декабря 1697 г. по 29 марта 1698 г. было израсходовано 2 166 ефимков [4]. На личное содержание самого посла: «за съестные кормы и за ренское и иные питья», «за столы и всякие кор-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 206 об. — 207, 220 об. — 221.

[2] Там же, л. 202.

[3] Там же, л. 221 об.: «Декабря 21... взято к первому великому и полномочному послу на всякие росходы *на новый двор* 200 ефимков, а дворяном и пажам и лакеем и дворовым ево людем велено давать денежной поденной корм по указу, а кому имены, и по чему на день и на сколко недель дано и то явитца в сих же расходных книгах имянно ниже сего». Там же, л. 254 об.: «10 февраля... в дому, имянуемом «Кейсеркрон», в котором стоял первой в. и п. посол, заплачено хозяину Ворпарту Янсену за 522 коренника торфу 61 еф. 4 ал. 2 д.».

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 288—289.

мовые покупки, с 21 декабря по 1 марта (с 3 января по 11 марта по н. ст., которым помечались счета Лефорта) было выдано 2 664 ефимка 9 алтын[1]. Сверх того, он то и дело берет деньги на разного рода свои расходы то ефимками, то соболями, то золотыми. Так, 22 октября к нему взято было 200 ефимков, 20 ноября — 4 пары соболей, 21 декабря — 200 ефимков; 11 января он взял на свои расходы 300 золотых; за конфеты и «сахары», купленные для него 8 и 12 декабря, уплачено торговому человеку Яну Фондербергу 81 еф. 2 д. 19 февраля взято к нему на всякие расходы 2 000 еф[2]. С 1 марта по отъезд посольства из Амстердама содержание Лефорта со свитой обошлось в 5 579 еф. 7 алт. 4 д., не считая 50 золотых, взятых им 6 апреля и 100 золотых, взятых 18 апреля[3].

В отеле «Кейзеркрон» Лефорт жил в роскошной обстановке, поразившей своим блеском приехавших к нему в январе 1698 г. повидать его родственников из Женевы: брата Иакова и племянника, сына сестры Шуэ. Родственники застали посла в обществе нескольких лиц, по большей части коммерсантов, за игрой, которая была прервана их появлением. Расспросив их о семье, Лефорт, удержав у себя и окружавшее его общество, повел их к ужину. «Мы пошли, — писал Иаков в Женеву, — в большую залу, в которой по обоим ее концам находятся два камина; зала такой же длины, как в отеле Balance (в Женеве). В ней стоят два буфета, на которых, по моему расчету, без преувеличения находилось на 60 000 ливров серебряной столовой посуды, в том числе кружки, втрое бо́льшие, чем женевские «семессы» (semais-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 228: «Генваря в 1 д. по указу великого государя заплачено по росписи за съестные кормы и за ренское и иные питья, которые покупаны про обиход первого великого и полномочного посла генваря с 1-го по 7-ое число по новому, итого на неделю — 363 еф. 10 алт. 4 д.; в том числе на всякие на новом дворе починки и за поваренную посуду». Там же, л. 240: «Генваря в 15 д. по приказу великих и полномочных послов заплачено по трем росписям за съестные кормы и за питья на неделю генваря по 14 число да за ренское ж и иные красные питья прошлых чисел сентября 29-го, да октября 26-го и 28-го, да ноября 4-го чисел, которые питья и кормы иманы к первому в. и п. послу, всего 304 еф. 14 алт. 4 д. Те денги отданы первого в. и п. посла дворецкому Григорью Григорьеву с роспискою». Там же, л. 249: «Февраля во 2 д. дано по росписи за столы и за всякие кормовые покупки первого в. и п. посла генваря с 3-го по 17-ое число 368 еф. 12 алт.». Там же, л. 258: «Февраля в 17 д. . . . дано первого в. и п. посла дворецкому Григорью Григорьеву для росплаты по росписям за всякие кормовые покупки и овощи и за ренское и иные питья, которое имано про обиход его, великого посла, генваря з 27-го февраля по 18-ое число по новому. Итого на три недели и на два дни 782 еф. 12 алт. 2 д.». Там же, л. 271: «Марта 10 д. заплачено по росписям за столы и всякие съестные покупки и за питья, что держано про обиход первого в. и п. посла и работником, которые в поварне служили, за работу февраля з 19-го марта по 11-ое число по новому, итого на три недели 844 еф. 9 алт. 2 д.».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 193 об., 53 об., 221 об., 29, 240, 260 об.

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 932—933; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 30 об., 31.

ses — сосуды, в которых в Женеве переносили вино из общего госпиталя по церквам), и не одна, а я насчитал их семь. Пока мы ужинали, играли музыканты, и при них были трубачи в ливреях, которые трубили при провозглашении тостов[1].

Второй посол Ф. А. Головин по возвращении из Гааги занял отель, носивший название «Дулен»; упоминается и хозяйка этого отеля Аммеренса Бейтвейхе. Выехавшие с ним из России в качестве дворян его брат Алексей Алексеевич и сын Иван Федорович Головины оставлены были в Берлине для изучения «свободных наук», и с ними он регулярно переписывался. Другой его брат, Иван Алексеевич Головин, состоял в числе волонтеров третьего десятка. С послом в отеле «Дулен» жили дворяне его свиты: Семен Петрович Бестужев, Ульян Синявин, Глеб Радищев, Матвей Былецкий, Нефед Срезнев, Григорий Островский, паж Томас Книппер, посольские и дворянские люди. Второму послу со свитой «на корм» отпускалось еженедельно до рождества христова по 100 ефимков, а с рождества — по 150 ефимков. У него же жило 13 человек состоявших при посольстве гайдуков. В том же отеле находилась «приказная», т. е. помещение канцелярии посольства, где сидели подьячие, а в одной из зал расположена была посольская походная церковь, которую пришлось как-то отгораживать «для отделения от иноземского многолюдственного утеснения» особыми занавесами, для чего были куплены 12 полотнищ, расписанных «живописным письмом»[2]. Особыми статьями заносились в «Расходную книгу» расходы на церковь: на покупку ладана, свеч восковых, вина и муки на просфоры для богослужения, а также на приобретение церковной обстановки. Так, покупались: чашка медная для угольев, два шандана серебряные малые, распятие, два подсвечника орехового дерева; два ящика для укладывания в них крестов и «иной святыни» при передвижении церкви, скамья черная «с резью» плетеная, шелк для починки церковных риз[3].

У той же хозяйки Аммеренсы, в ее же гостинице «Дулен», но в особом помещении жил третий посол П. Б. Возницын[4]. Ему

---

[1] *Posselt, Lefort,* II, 462.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 198 об., 211, 226, 247 об., 264, 276 об., 202 об., 209 об. — кормовые деньги со 2 по 9 декабря, затем 16 декабря и т. д. еженедельная запись; 193.

[3] Арх. мин. ин. дел., Кн. австр. дв., № 47, л. 186 об., 194, 205, 210, 218 об., 220 об., 221, 223 об., 232, 241, 248: «Генваря в 29 д. . . . дано на муку для печения просфир 3 алт. 4 д., да хлебнику за печь, в которой просфиры пекли за прошедшие дни ефимок». Там же, л. 256, 264, 266: «Марта в 1 д. . . . за починку ж церковного кувшинца, в чем укроп носят, 4 алт.», 268 об., 270, 275.

[4] Пам. дипл. сношений, IX, 991. «Апреля 23. . . дано в Амстердаме постоялого двора Дулы дворнице Еймеренцые за торф и за дрова, и за вино, и за ренское, и за сарфетки (serviettes?) и за оловяные суды, и за уксус, и за пиво, что имано к третьему великому послу марта от 28 числа апреля по 30 число, всего за все 80 ефимков», стр. 1020.

на личное его продовольствие было выдано кормовых денег с 21 октября 1697 г. по 1 апреля 1698 г. — 1 562 ефимка 7 алтын 4 деньги [1]. С ним вместе жила его свита: дворяне Андрей и Иван Возницыны и их люди, всего 10 человек. По выдаче кормовых денег к свите Возницына причислялся, составляя с ней как бы одну группу, целый ряд должностных лиц посольства, а именно: священник Иоанн Поборский, иногда дьякон Тимофей Евстафьев, который, однако, от своих священнослужительских обязанностей откомандирован был учиться «фейземакалскому делу», т. е. изучать способы поднятия тяжестей посредством блоков [2]; далее, переводчики Петр Вульф и Петр Шафиров, снимавшие себе отдельную квартиру и получавшие, кроме кормовых денег, еще и квартирные на уплату «постоялого», каждый по 2 ефимка в неделю; весь состав подьячих посольства: Михайло Родостамов, Михайло Ларионов, Михайло Волков (последний на некоторое время посылался в Вену), Никифор Иванов, Федор Буслаев, Иван Черньцов, Петр Ларионов, лекарь Иван Термонт и его ученик Алексей Любимов, аптекарский ученик Иван Левкин, толмачи Андрей Гемс и Алексей Змеев, собольщик Иван Михайлов, сторож Иван Афанасьев, 13 человек гайдуков, дворовые люди некоторых из этих лиц, двое солдат: Семен Воронков и Гордей Маковецкий, выехавший в Голландию зимой 1697 г. со стольником князем А. Прозоровским.

Вообще к этой группе третьего посла присоединялись в Амстердаме разнообразные случайные элементы: занесенные на чужбину русские люди, очутившиеся там в трудном положении и искавшие помощи, или иноземцы «польской породы», пригодные на службу в толмачи. В этой группе получающих еженедельно кормовые деньги со свитой третьего посла мы находим уже упоминавшихся выше иноземца польской породы, вышедшего из турецкого плена, Петра Скоровского, принятого в толмачи при посольстве, далее, таких же выходцев русских «полоняников» Ивана Петрова и Василия Степанова, потерпевшего кораблекрушение священника Василия Григорьева с сыном. В начале ноября были вновь приняты на службу «для толмачества», в котором по мере найма иноземцев-матросов, ремесленников и техников все более ощущалась нужда, и «для посылок» еврей Яков [3] и поляк Максим Мякишев. Всеми этими элементами как бы обрастает состав посольства. Позже, в январе, в эту же группу зачислены были приехавший в Амстердам с Яковом Брюсом псковский

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 289. Пам. дипл. сношений, IX, 990: «Третьему великому послу на кормовые дачи апреля с 8 числа апреля ж по 23 число, всего на две недели — 16 ефимков; ему ж к светлому воскресенью на покупку мяс 5 ефимков».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 214 об., 217 об.; П. и Б., т. I, № 181.

[3] «Яков Яковлев» или «Якушко» упоминается неоднократно в дальнейшем в расходных книгах. Ему давались поручения (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 282). Он кончил, однако, изменой и воровством (Пам. дипл. сношений, IX, 967).

стрелец Демид Налетов и трое холмогорцев, пришедших в Голландию на корабле в матросах: Агафон Кокорин, Евдоким Раковцев и Кондратий Иванов. Всем этим людям назначались еженедельно кормовые деньги, так что вся группа при третьем после, состав которой доходил до шести десятков человек, получала от 120 до 160 ефимков в неделю [1].

Кормовые деньги — столовые по-нашему — это суммы, выдававшиеся на обыкновенное продовольствие послов и их свит. Деньги, составлявшие «жалованье» чинам посольства, были выданы, как припомним, вперед еще в Москве перед отправлением посольства в путь, что не мешало, впрочем, выдачам то тому, то другому лицу из посольских чинов жалованья в разных цифрах по каким-нибудь особым случаям: например, на «постройку» платья, по поводу какой-либо посылки или просто ради продолжительного пребывания на чужой стороне. Кроме того, отдельно оплачивались различные статьи посольских расходов. Сюда можно отнести прежде всего расходы на отопление и освещение занятых послами домов. Так, за торф для отопления помещений Лефорта в отеле «Кейзеркрон» уплачено было в зимние месяцы 1698 г.: 10 февраля за 522 кореника торфу 61 ефимок 4 алтына 2 деньги, а 10 марта за 560 корениĸов 63 ефимка 6 алтын 2 деньги. Отдельно оплачивалось отопление в «Дулене», где помещался Ф. А. Головин, и в доме, занятом Возницыным [2]. Для отопления по-иноземному покупались соответствующие приспособления: железная печь, решетки железные для раскладывания огня, мехи для раздувания огня [3]. Расход ефимочной казны за каждый месяц заканчивается статьей, указывающей сумму, издержанную за истекший месяц на покупку сальных свеч «во все посольские и к дворяном и в иные полаты». Для Ф. А. Головина покупались восковые свечи [4]. Деньги на представительство, на расходы по угощению по каким-либо чрезвычайным поводам выдавались особо. Не входя в общий счет кормовых денег, оплачивались также вообще издержки на вина, приобретавшиеся для каждого из послов. Так, например, 28 декабря было заплачено по счетам трех виноторговцев, «винкоперов», за ренское, купленное для Лефорта, 71 ефимок 15 алтын 4 деньги; 12 января было заплаче-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 192 об., 195, 197 об., 201 и т. д., 233; Пам. дипл. сношений, IX, 971, 978.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 254 об., 271, 198 об.: «Ноября 7 ... заплачено в дому, именуемом Дуле, хозяйке Аммеренсе Бейтвехе за дрова и торф, которые иманы ко второму великому и полномочному послу в его посолские, также и к дворяном ево и в приказную и церковную и к гайдуком и в поваренную полаты с приезду октября с 21 ноября по 6-ое число на две недели и на 2 дни 25 еф. 14 алт. 4 д.» Там же, л. 211 об., 226, 247 об., 264, 276; л. 289: «За дрова, и за торф, и за воду, которое в его ж (третьего посла) посолские, и к дворяном, и людем его. и в поваренную полату иманы того дому у хозяйки такж и у посторонних торговых людей покупаны с приезду ж посолского из Гага в Амстрадам (по 1 апреля) выдано 207 ефимков».

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 214, 205, 216 об., 220 об.

[4] Там же, л. 174—294, л. 258 об.

но «торговому человеку Герету Гохейду за красные питья, которые взяты на росходы ко второму великому и полномочному послу: анкерок мушкатного вина 16 ефимков; анкерок французского ренского — 6 ефимков 6 алтын 4 деньги. К третьему великому и полномочному послу анкерок прямого (так!) ренского — 12 ефимков, анкерок красного вина — 6 ефимков 13 алтын 2 деньги; за пошлину с тех четырех бочек — 8 ефимков 6 алтын 4 деньги, за четыре бочки, в которых то питье — 28 алтын; за провоз работником — 5 алтын. Всего 51 ефимок 10 алтын [1]. Перед отъездом посольства из Амстердама было уплачено иноземцу Гасперу Сиксу «за пиво, которое у него имано про великих и полномочных послов марта с 25 числа бочками в розные времена мая по 15 число, всего 22 ефимка [2]. Ф. А. Головин, видимо, старался поддерживать свой стол на высоте заграничной гастрономии и, может быть, и сам стал входить во вкус тонких иноземных блюд; к его столу покупались устрицы: февраля в 8 д.: «Заплачено торговому человеку Гендрику Янсону за *раковины*, которые иманы для гостей в стол ко второму великому и полномочному послу, 26 алт. 4 день» [3].

И самим послам и лицам посольской свиты шилось на казенный счет платье. В Гааге на аудиенции у Штатов послы были еще в русском платье; но по переезде в Амстердам идет усиленное переодевание их в немецкие костюмы; покупаются сукно и «золотная материя» и отдаются амстердамским портным для шитья немецких кафтанов; приобретаются кружева, манжеты, галстуки, перчатки, чулки и башмаки с пряжками, шляпы и шпаги, и «накладные волосы» — парики [4]. Послы и лица посольской свиты привыкают к немецкому платью, следуют моде, и подьячий, записывавший статью о выдаче денег на покупку в Вене сукна и камки для шитья третьему послу П. Б. Возницыну русского платья — однорядки и ферези, знаменательно выразился, назвав это платье «старостветским»: «Куплено в Вене на старосветское платье третьему великому послу на однорядку сукна, а на ферези камки... да на шапку старосветскую большую бархата зеленого» [5]. В глазах этих людей, когда они вернутся из-за границы, костюмы их соотечественников будут уже «старосветскими».

Посольская конюшня составляла особую статью расхода. Посольские лошади и экипажи стояли на постоялом дворе, где жили также и конюхи. Время от времени конюшему голландцу Вилиму Десаеру платилось по счетам за наем двора, за кормы конюхам, а также за приобретение и ремонт экипажей и разных ко-

---

[1] Там же, л. 224 об.; 238; ср. л. 196, 201, 242 об., 251 об., 262.
[2] Пам. дипл. сношений, IX, 1017, 1018.
[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 253.
[4] Там же, л. 200 об., 203 об., 204, 207 об., 209 об., 210, 214, 217 об., 222, 225, 226 и др.; Пам. дипл. сношений, IX, 962, 964 и сл.
[5] Пам. дипл. сношений, IX, 1024.

нюшенных принадлежностей [1]. После того, как посольский обоз, а с ним и конюшенная часть были 25 марта отпущены в «цесарскую землю», послам пришлось прибегать к услугам наемных извозчиков в Амстердаме, и в расходную книгу заносились издержки на плату извозчикам, напр.: «за провоз, что ездил в корете второй посол к первому послу», «фурману за корету, в которой ездил третий великий посол к первому послу», «за провоз извозчику, что ездили великие послы в коретах к первому послу», «извощику Герету фон-Тесенбруку, что ездил третий великий посол к первому послу в розные времена» [2]. В конце пребывания послов в Амстердаме бургомистром Витзеном был представлен им счет расходам в 12 652 еф. 15 алт. 2 ден., произведенным им для посольства; значительную часть этого счета, кроме суммы в 1 175 еф. 2 ден., заплаченной за купленные им «четыре брантшпейта, или заливательные трубы» с принадлежностями и за два чертежа Черного моря и карты [3], — составляют издержки на приобретение для посольства экипажей, разной конюшенной сбруи, одежды для конюхов и т. п., откуда видно, что Витзен был, между прочим, и посредником посольства по закупкам для конюшенной части [4].

Наряду с крупными статьями государственного расхода по тем делам, которые ведало посольство, в ту же самую расходную книгу заносились и мелкие статьи посольских расходов, иногда живо рисующие нам ту или другую черту ежедневного посольского обихода. К таким мелким статьям расхода можно отнести почтовые издержки по отправлению и получению писем, деньги «в почесть» — по-нашему «чаевые», — платившиеся послами при посещении каких-либо достопримечательных мест, например, 3 ноября «ездил второй великий и полномочный посол в дом, где разные птицы обретаютца, смотрить. И того дому надзирателем дано в почесть 2 ефимка»; далее — благотворительную часть: расходы на раздачу милостыни нищим, причем «Расходной книгой» нередко отмечаются какие-либо особенные свойства людей, получавших милостыню, или обстоятельства, при которых милостыня подавалась, например: «бабе нищей, у которой руки

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 199 об., 207, 239 об., 271 об.; Пам. дипл. сношений, IX: «Расходная книга» № 48.

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 974, 992, 996, 1015, 1018, 1019.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 293; Пам. дипл. сношений, IX, 986: «Апреля в 15 д. . . . дано иноземцу Дрогодаму, которой принес чертеж Черному морю и иные чертежи к третьему великому послу от Николая Витцена, 6 еф. 6 алт.; да на те ж чертежи и на чертежные медные доски сделан ящик, дано 4 ефимка».

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 291—294: «всего за кареты и за лошади» и за прочие конюшенные расходы — 10 711 еф. 7 алт. Остальные деньги пошли на произведенные им почтовые расходы, на расходы при помещении денег посольства в банк: «за положение в банковую казну 66 039 ефимков вышло тем людям, которые тое казну держат, имянуемым касиром, от приему и от дачи по обыкновению со ста по ¼ ефимка, итого — 165 ефимков», и на покрытие убытков от разницы в курсе.

о шести пальцах, а ноги о семи пальцах, дано ефимок», «убогим служилым людям» — инвалидам, жертвам продолжительных войн, которые пришлось вести Голландии: «роздано убогим служилым людем и нищим бабам и робятам и из полат в окна бросано мелкими деньгами на 4 ефимка», «дано на милостыню нищему, что играл на скрыпице, 2 алтына». Даже такие мелочи, как стирка белья: «рубашек и иного белого платья» третьему великому послу, починка ключа к его часам, заводка его часов, упаковка в сундуки его отправленной в Москву постели, шитье ему новой постели, покупка для него «на 4 шеленга», т. е. на 8 алтын, груш, плата кузнецу за оковку его шкатулки, вознаграждение состоявшему при посольстве сторожу Ивану Афанасьеву ефимком за поднос великим послам огурцов, выдача хозяйке «Дулена» на покупки для третьего посла «на мелочь» ефимка да еще 3 алтын 2 денег — все эти расходы заносились в книгу особыми статьями [1]. Из казенных же средств покрывалась также покупка послам разных привлекавших к себе их внимание заграничных вещей. Так, Ф. А. Головиным были сделаны переплеты к четырем его книжкам-молитвенникам, куплены часы и к часам инструменты, приобретена стеклянная посуда — «скляницы граненые», штопор, клещи, какие-то крючки, ящик к зеркалу, «два ковчежца серебряные золоченые, куда класть образа». В списке вещей, приобретенных П. Б. Возницыным, значатся: 13 коробок «порошных», деревянная чернильница, двое английских часов, купленные для него в Англии Захарием Диксом, граненые стекла, черенки ножевые. «персона» (портрет) [2].

XXX. ПЕТР В НОЯБРЕ 1697 г.

Вернемся к хронологическому обозрению деятельности Петра и посольства в Амстердаме со времени окончательного переезда туда послов из Гааги. 1 ноября посольством были отправлены грамоты городам: Любеку с благодарностью за оказанную при проезде части посольской свиты помощь и Данцигу с похвалами от государя за то, что данцигцы поддерживают короля Августа и не впустили к себе приплывшего по морю принца де Конти. Обе грамоты помечены Москвой и датированы задним числом: 3 сентября — применительно к расчету времени их посылки из Москвы, где царь предполагался остающимся [3]. У нас очень мало известий о Петре за время до отъезда его в Англию: несколько уцелевших его писем, кое-какие не всегда ясные записи посоль-

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 1017, 989, 990: «Дано часовщику Формателю, что заводил часы у третьего великого посла, ефимок». Там же, 991: «Апреля в 23 д. ... дано швейцару часовнику Лондру за направку часов, что он направлял часы у третьего великого посла, 13 алт. 2 д.»; 990, 992, 996, 1004, 1006, 1014.

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 999, 933—937, 963, 969, 1012, 1013.

[3] П. и Б., т. I, № 184 и 185; Пам. дипл. сношений, VIII, 1092—1096. Ответные грамоты городов — Пам. дипл. сношений, VIII, 1128—1133, 1167—1170.

ских расходных книг, в которых по отношению к Петру больше намеков, чем определенных известий. Надо полагать, что в первой половине ноября топор его на Ост-Индской верфи стучал особенно энергично: сооружение фрегата приходило к концу. Работа над фрегатом не заслоняла, однако, других занятий и интересов. 2 ноября, как значится в «Расходной книге», было куплено для какой-то неизвестной нам цели разных красок на ефимок и отосланы на *Ост-Индский двор*. 3 ноября туда же представлены были купленные в качестве образцов два рога для пороха, «какие бывают на кораблях», — знак, что мысль Петра работает над вопросом о предметах вооружения экипажа черноморского флота и о приобретении этих предметов [1]. 4 ноября Петром были получены письма, мало, впрочем, содержательные, от Л. К. Нарышкина с добрыми пожеланиями и от А. М. Головина, кроме пожеланий, с вопросом, где принимать оружие, которое будет высылаться из Голландии [2]. Под 5 ноября сохранилась в «Статейном списке» запись, любопытная как показание, ка̀к продолжалась за границей указная деятельность монарха. Петром дан был указ: письма находящихся за границей при посольстве русских людей и иноземцев в Москву пересылать вместе с посольской почтой, а не отдельно. «Того ж числа записан его, великого государя, указ, чтоб никто из русских людей и из иноземцев, кроме посольских пакетов, грамоток никому не отдавали и чрез почту к Москве ни к кому не посылали; а кому такие грамотки к Москве писать лучится, и те б те свои письма отдавали на посолском дворе для того, что от того в провозе чинятся лишние убытки» [3]. Распоряжение это было вызвано просьбой заведовавшего русской почтой Виниуса, с которой он обращался к Петру еще в письме от 23 июля: «Милости прошу у г.г. послов, чтоб приказали всем подручным своим, кому писать к Москве позволено, чтоб сносили свои письма к одному человеку и к нам бы посланы были в одном пакете; а то всяк приносит на почтовой двор по малой самой грамотке, а иные и болше, порознь, а у них на мне берут заплату, как с болших, так и с малых ровную, и в том многой мне убыток; а в одном пакете, то бы лехче было, и о том прошу им мое челобитье донести» [4].

11 ноября Петр написал к Виниусу очень коротенькую записку: «Min Her Vinius, писмо твое, октября 1-го числа писанное, мне отдано октября в 29 день, и за ведомость всякую благодарствую. Здесь, слава богу, все здорово. Остинских пришло два карабля, а досталные пристали в аглинскую землю, которых ожидают вскоре. Piter. Из Амстрадама, ноября в 11 день» [5].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 196 об.

[2] П. и Б., т. I, стр. 649.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 1098. Издатели допустили неправильную интерпункцию, относя слово «посольских» к людям и иноземцам, тогда как его следует относить к пакетам.

[4] П. и Б., т. I, стр. 633. Есть известие, что от 5 ноября Петр писал в Воронеж к адмиралтейцу А. П. Протасьеву (П. и Б., т. I, стр. 666).

[5] П. и Б., т. I, № 204.

Краткость, вероятно, объясняется недосугом, на который делается ясный намек в другой записке к тому же лицу, относимой издателями к началу ноября. Петр забыл даже на ней проставить дату, которой обыкновенно снабжал свои письма. «Min Her Vinius, — читаем в ней. — Писма по двумъ почьтамъ дошъли; толко сегодня за нѣкоторою нуждою отписать ко въсемъ не успѣлъ. Пожалуй, покълонъ отдай, каму надлежитъ, что [б] о томъ не покручинились, что въпреть ісправълю. А мы, слава богу, здоровы, Piter»[1].

15 ноября были получены письма из Москвы от Ромодановского, А. М. Головина, Т. Н. Стрешнева и Виниуса от 15 октября с известиями о праздновании в Москве победы цесарских войск над турками при Центе. «И мы, приняв такую преславную ведомость, — писал А. М. Головин, — о победе бога возблагодарили. Дабы господь бог даровал такую ж преслэвущую победу над басурманы московскому войску. И по благодарении господин генералисимус с отцом своим и с иными с протчими и с нами, собрався в селе Преображенском, на дворе моем банкет учинил; и при том была стрелба из пушек и из мелкого ружья. А было два полка: генерала Франца Яковлевича да мой. А Семеновской затем не был, что у генералисимуса у Ивана Ивановича был свой банкет. А вершился у нас банкет в четвертом часу нощи и потпивали добре»[2].

16 ноября — день в амстердамском житье Петра знаменательный: был спущен на воду фрегат, над которым он работал на Ост-Индской верфи. На торжестве спуска присутствовали великие послы. «И ноября в 16 день, — читаем в «Юрнале», — отделав тот корабль, спустили на воду; в то время были послы, как тот корабль спускали»[3]. Другие подробности спуска фрегата нам неизвестны. Устрялов бесповоротно опроверг баснословный рассказ Схельтемы о том, будто присутствовавший на торжестве Витзен от имени города (? — корабль принадлежал не городу, а Ост-Индской компании) предложил галиот в дар Петру, что Петр обнял при этом Витзена и назвал галиот «Амстердамом», что капитаном на него назначен был саардамец Геррит-Клас Муш, которому царь покровительствовал, что в следующем году галиот, нагруженный под личным наблюдением Петра разными предметами, купленными царем за границей, направился в Архангельск, оттуда впоследствии был переведен в Петербург, где и сохранялся в большом почете до времен императрицы Елизаветы Петровны, когда он погиб от пламени вместе с другими судами при происшедшем пожаре. Из приведенной Устряловым позднейшей переписки с Петром его учителя в кораблестроительном искусстве Класа Поля выясняется совсем иная судьба построенного царем фрегата (а не галиота), названного «Св. апостолы Петр и Павел», а не «Амстердам». Ост-Индская компания

[1] Там же, № 203.
[2] Там же, стр. 652—654, 667.
[3] Походный журнал 1697 г., стр. 27.

и не думала дарить его Петру; фрегат остался ее собственностью, ходил в Ост-Индию, и никогда не был ни в Архангельске, ни в Петербурге [1]. Незаметно, чтобы спуск построенного фрегата вызвал в Петре какое-нибудь особенное чувство радости; об этом можно заключать по тому, что это событие не было вовсе им отмечено в письмах, написанных им в Москву на другой день после спуска — 17 ноября. В письме к Ромодановскому от этого числа речь идет о праздновании в Москве победы цесарцев при Центе. Получив известие о состоявшемся в Москве праздновании, Петр приказал отправить грамоту с поздравлением к цесарю в ответ на его извещение о победе. Грамота помечена Москвой и датирована 15 октября, как если бы она была написана на другой день после упоминаемого в ней торжественного триумфа с пушечной пальбой, со стрельбой из ружей и «с иными огнестрельными вещьми», состоявшегося 14 октября [2]. Послать грамоту с упоминанием о московском праздновании до получения о нем известий Петр считал неудобным. «Min Her Kenih, — пишет царь, — писма ваши, государские, три на сей почте мне отданы, в которых изволите объявить о триюмфе и радости о победе брата и союзника вашего, великого государя его цесарского величества, чтоб и впредь господь бог как от союзных, паче же от ваших войск, ноивящею радостию утеса ваши наполнял». Далее идет собственноручный текст: «Здѣсь, слава богу, все здорово. Холопи вашие государские, господа послы, со всеми при нихъ будущи[ми], в добром здравиi обрѣтаются. Иныхъ вѣстей никакихъ нѣтъ. А что будетъ дѣлатся, i о томъ буду писать. Рихмана iзволь отпустить, толко iзволь ево спросить по которую, потому что у него три жены есть подлинно i теперь живы. Челомъ бью, i паки челом б[ь]ю, за учиненной триумѳъ. А мы, усълыша про то, тотчасъ написаѳъ гърамоту соотвѣтствующую, послали къ цесарю, а безъ таго была нелзя учинить. Изъ Амстрадама, ноября въ 17 день» [3]. Называемый в письме Рихман — капитан Преображенского полка, посылавшийся в отпуск в Курляндию за находившеюся там женою полковника того же полка Блумберга, о чем испрашивал разрешения в своем письме Ромодановский [4].

Не говорит о спуске фрегата и записка от того же 17 ноября к Виниусу: «Mi[n] Her Vinius. Писмо твое о[к]тебря въ 15 д. (т. е. от 15 октября) отдано, за которую вѣдамасть благодарствую; а чъто пишешь, бутто о побѣде натъ турки къ тѣбѣ писма не была: развѣ утерялось, а я писалъ. Piter. Изъ Амстрадама

---

[1] *Scheltema,* Peter de Groote, I, 191—195; «Rusland en de Nederlanden» II, 257—258; «Anecdotes Historiques», 153; «Русская старина», 1916 г., март, стр. 392; *Устрялов,* История, т. III, стр. 87—89.

[2] П. и Б., т. I, № 196; Пам. дипл. сношений, VIII, 1107—1110. Грамота отправлена 22 ноября.

[3] П. и Б., т. I, № 205. Без подписи.

[4] Там же, стр. 667.

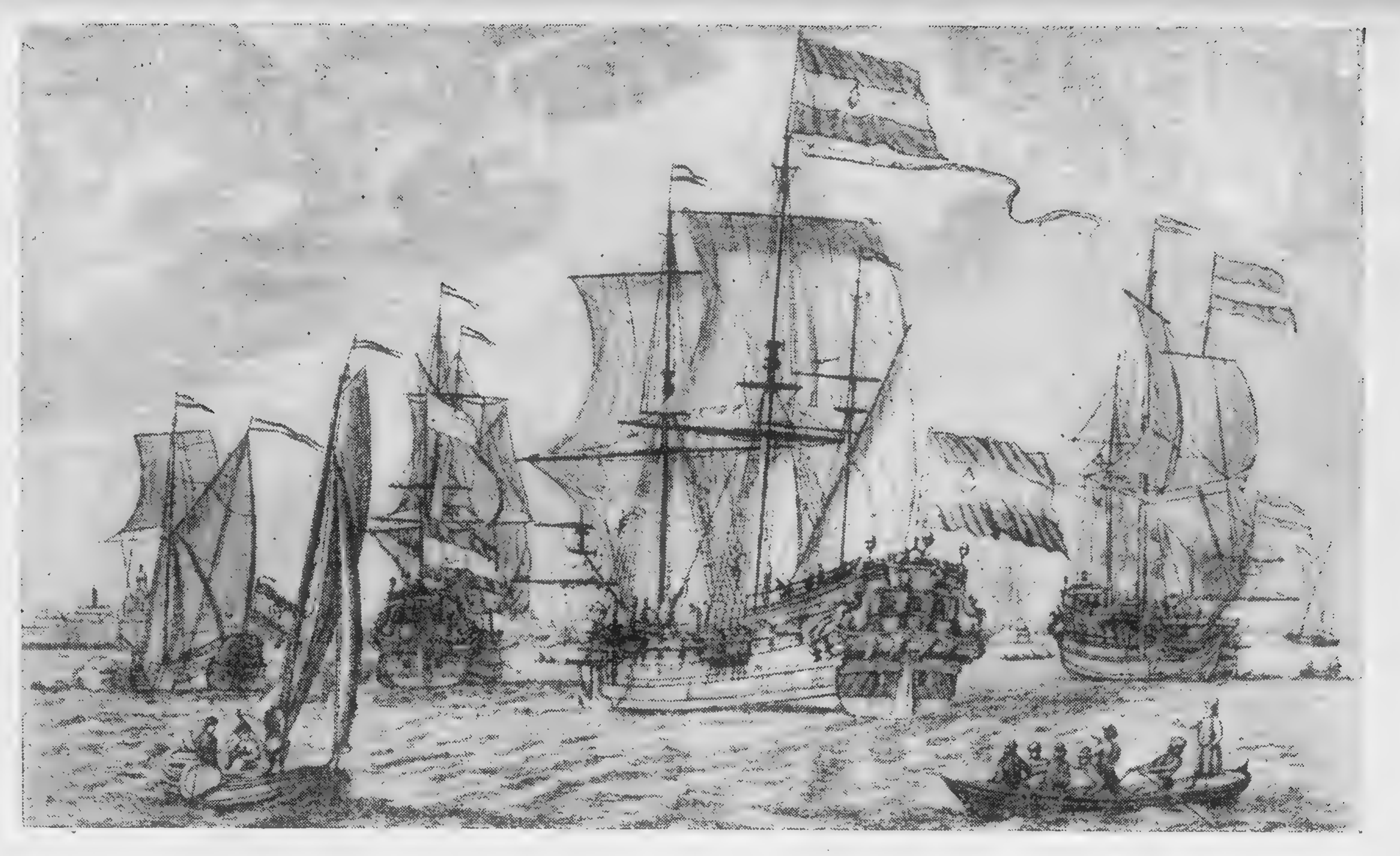

Рис. 23. **Фрегат «*Св. апостолы Петр и Павел*», над которым работал Петр на Ост-Индской верфи в 1697 г. Гравюра Ламбрехта, отпечатанная Тессингом в Амстердаме**

ноября въ 17 день» [1]. Что за причина молчания в письмах о таком, казалось бы, знаменательном событии, как спуск фрегата? Мы ее скоро увидим.

Сношения посольства с польским послом Бозе продолжались и в Амстердаме. Он был здесь у великих послов в отеле Лефорта 17 ноября. Вновь засвидетельствовав чувства признательности короля к царю за поддержку, оказанную ему в достижении польского престола, поддержку, которой не получал ни один из польских королей от постороннего монарха, и заявив о надежде короля союзными силами одолеть общего неприятеля, Бозе передал послам королевскую грамому с благодарностью за указ, посланный к воеводе князю М. Г. Ромодановскому о вступлении в Литву с русским отрядом. Послы, приняв грамоту и обещая доложить ее великому государю, сказали целую речь о трудах русских войск на литовской границе, претерпевающих в нынешнее осеннее время нужду и холод, все ради поддержки польского короля на престоле. Бозе вновь выразил благодарность от имени короля государю и им, послам, за их труды и передал пожелание короля, чтобы они, именно, великие послы, были присланы к нему «поздравствовать его на престоле». Великие послы ответили, что они «за милость» короля «благодарно кланяются» и впредь радение свое и труды оказывать обязаны. «А чтоб им заехать отсюду, из Галанской земли, поздравлять его королевского величества на утверженном королевстве, и тому они зело охотно ради, толко без воли царского величества учинить того им невозможно, потому что куда их путь из Галанской земли належит, о том ожидают они его царского величества указу, и куда его царского величества изволение будет, туда они и поедут». Разговоры закончились взаимными комплиментами, но в заключение великие послы при первом же обзоре врученной им грамоты усмотрели дефект в печати: печать была «покоевая меньшая», а не коронная или литовская «маестатовая», находящиеся на хранении у канцлера. На вопрос великих послов: «для чего королевское величество тое к великому государю грамоту прислал не за корунною или литовскою маестатовыми печатми, которые печати всегда живут при канцлерах?», Бозе отвечал, что «для чего та королевская грамота прислана к нему не за маестатовою печатью, того он не ведает и к нему о том не писано». Бозе остался на этот раз у великих послов на обед, который сопровождался музыкой и каким-то театральным дивертисментом. «Расходная книга» посольства, говоря об уплате по счетам «за красные питья» и конфеты к столу Лефорта «во время бытия саксонского посла», упоминает также и о плате музыкантам и комедиантам [2].

---

[1] П. и Б., т. I, № 206.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 216: 11 декабря «...По приказу великих и полномочных послов заплачено по росписям за покупку к первому в. и п. послу на росходы красных питей и конфектов и за дачю комедиантом и музыкантом, которые были во время бытия саксонского посла и за особливые покупки карлом чюлков и пугвиц и за провоз почтовых ис

19 ноября к великим послам прислал дворянина бранденбургский посол фон Данкельман, возвещая, что он желал бы повидаться с великими послами. Великие послы ответили, что видеться с ним готовы. В тот же день в посольство вновь заезжал Бозе и по очень оригинальному поводу. Благодарственная грамота, которую он вручил послам 17-го, написана была на польском языке, «а списка к нему с той грамоты на немецком языке не прислано, а полского языка он не навычен и переводчика при нем нет, и чтоб они, великие и полномочные послы, дали ему с той грамоты на немецком языке список», на что великие послы изъявили согласие. Бозе был собственно послом курфюрста Саксонского и польскую миссию получил уже потом, по избрании Августа на польский престол; неудивительно, что он не знал польского языка [1].

23 ноября были у великих послов на «приватном разговоре» послы польский и бранденбургский, Бозе и фон Данкельман, и «говорили о соседственной дружбе». Русские послы в разговоре указали на то, что великий государь польскому королю «помощь и всякое благодеяние изволяет чинить, не ища себе какой в том прибыли, токмо для имяни божия и для целости всего християнства, как бы избавить православных християн из-под ига бусурманского». Разговор, очень неполно передаваемый «Статейным списком», имел связь, как можно думать, с предыдущими разговорами русских послов с Бозе и имел целью привлечение бранденбургского правительства к более активной поддержке Августа II и к более активному противодействию его сопернику [2].

24 ноября Бозе был принят самим Петром, вернувшимся в этот день с Тесселя, куда он ездил осматривать флот, возвратившийся из Московии. «Я был принят его царским величеством, — доносил Бозе своему королю, — очень милостиво; всякий раз, как упоминалось о вашем королевском величестве, его величество уверял в своей дружбе и добром соседстве, причем с обеих сторон было немало выпито» [3].

25 ноября Бозе вновь посетил русское посольство. Великие послы вручили ему немецкий перевод с королевской грамоты, полученной ими от него 17-го, сказав, что они «по прошению его тое грамоту велели на немецкой язык перевесть и тот перевод отдают ему, послу, и чтоб он тое грамоту прочел и из нее выразумел, а как выразумеет, и они, великие и полномочные послы, с ним, послом, о делех говорить будут... И посол, приняв перевод, великим и полномочным послом благодарствовал и тот перевод чел». Великие послы выразили затем неудовольствие Бозе по поводу содержания грамоты: ими получено не то, что им бы-

---

Полши присланных писем и за иные мелкие издержки. Всего 389 еф. 6 ден». Там же, л. 27 об.: «Ноября в 17 д., как был у великих послов полского короля посол Христофор Бозе, дано музыкантом 2 золотых».

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, стр. 1098—1106.

[2] Там же, стр. 1010—1111.

[3] Сб. Р. И. О., XX, № 5 от 30 ноября / 10 декабря, стр. 19.

ло нужно. Грамота, врученная им 17 ноября, — *благодарственная* за оказываемую военную помощь и подписи королевской на ней нет, а они желают получить *просительную* грамоту о вводе войск за подписями короля и сенаторов и вновь, уже бог знает, в который раз, повторили, почему им такая грамота нужна ввиду вечного мира между царем и Речью Посполитой. Посол отвечал, что «из переводу де той грамоты и он, посол, выразумел, что та его королевского величества грамота писана толко благодарственная, а прошения в той грамоте не написано, также и его королевской руки у той грамоты не приписано; и то де учинилось непорядок от его королевской канцелярии, и в том он, посол, просит прощения и к государю своему, к его королевскому величеству, о том писать будет и впредь то исправиться может». Великие послы еще раз напомнили также Бозе, что у него все еще не имеется полномочной грамоты для ведения переговоров с ними, и притом требовали от него двух полномочных грамот — одну за королевской подписью, другую от Речи Посполитой за сенаторскими подписями согласно обычаю в Польском государстве, на что Бозе заметил: «такого де обыкновения о полномочных грамотах он, посол, не знает, и слышать ему о том не лучилось, а будет о том о всем к государю своему писать и надеется... указ получить вскоре» и обещал послать за просительными и полномочными грамотами к королю нарочного дворянина. В этот момент разговора с Бозе великим послам были поданы с почты письма из Москвы от 22 и 29 октября с известиями о Таванской победе. «Того ж числа и часа, как великие и полномочные послы с тем полским послом разговаривали, поданы великим и полномочным послом московские писма, писанные с Москвы октября 22 и 29 числа, в которых писмах писано о счастливой победе над турки и татары под Тованским городом и о прогнании их от того города». Великие послы поделились известиями с польским послом: «И полскому послу о том объявлено, и полской посол великим и полномочным послом за то объявление благодарствовал, и от них отпущен» [1]. Из донесения Бозе королю Августу II об этом свидании с московскими послами узнаем, что во время разговора в комнату, где он происходил, вошел сам Петр и принял в нем участие. По пунктам перечислив указанные ему дефекты грамоты и свои возражения на них, Бозе, однако, признается, что посольство его объяснениями не удовлетворилось «и особенно часто возвращалось к недостающей королевской подписи, пока, наконец, не пришел его царское величество сам, и в то же время подоспело радостное известие о блистательной победе, одержанной над турками и татарами при Таванске 12 октября: тогда от прежнего предмета отклонились и перешли к последним... Между прочим я должен доложить, что я знаю от одного любимца, что его царское величество был сильно раздосадован особенно недостающею подписью и сначала предположил, будто я от себя написал или

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1111—1115.

подделал польское письмо, а потом перешел к той мысли, что ваше королевское величество не дорожит больше его дружбой с тех пор, как принц Конти уехал из королевства, и мне стоило великого труда убедить его в противном»[1].

Дело под Таванью, о котором получено было известие на конференции с польским послом, заключалось в следующем. Опасаясь удара на Очаков со стороны русских, владевших уже на низовьях Днепра городками Таванью и Кизикерменем, турки двинули большие силы под начальством крымского хана, сераскира и белгородского паши против этих городков. Получив известие о движении неприятеля, белгородский воевода князь Я. Ф. Долгорукий и гетман Мазепа спустились вниз по Днепру за пороги, но ввиду значительного превосходства неприятеля не решились сразиться с ним, ограничились высылкой двух полков — стрелецкого Ельчанинова и казацкого Лубенского — на помощь таванскому гарнизону и отступили, дав знать о неприятельском вторжении в Москву, а также в Валуйки боярину А. С. Шеину, возвращавшемуся из Азовского похода. Усиленный двумя полками гарнизон Тавани под начальством думного дворянина В. Б. Бухвостова мужественно выдержал осаду и в решительной стычке с осаждавшими 10 сентября разбил их и принудил уйти к Очакову, причем убит был турецкий сераскир[2]. Какое впечатление вызвало известие об этом деле у Петра, видно из его писем к Виниусу от 26 и к Ромодановскому от 27 ноября. «Min Her Vinius, — пишет он первому. — Писмо твое, октября 29 дня писанное, мне отдано ноября в 26 день, за которое благодарствую. Здесь, слава богу, все добро, а вестей никаких нет; толко вчерашнего дня пришедшая почта принесла нам зело радостные вести о храбром отпоре тованских сиделцов (и сим вам взаимно поздравляем), понеже той победы причиною оне одне сиделцы. Piter. Из Амстрадама, ноября в 26 день»[3]. В письме ко второму, уведомив о получении его письма, Петр делает собственноручную приписку: «Поздравъляю вамъ, государю, мужественнымъ отпоромъ таванскихъ сиделцовъ»[4]. 28 ноября по случаю этой победы посольством в доме Лефорта дан был роскошный праздник, на который приглашено было высшее амстердамское общество. «Ноября в 28 день, — повествует «Статейный список», — был в Амстрадаме у великих и полномочных послов для одержания побед над турецкими войски триумф, на котором были многие началные люди и амстрадамские бурмистры, и по обеде пусканы многие художественные огнестрельные гранаты и верховые и водяные ракеты, и была музыка». О внушительных размерах устроенного фейерверка можно судить по соответствующей записи в «Расходной книге»: «По приказу великих и полномочных послов заплачено огнестрелного дела мастеру Моисею Карибесу за строение

---

[1] Сб. Р. И. О., XX, № 5 от 30 ноября /10 декабря, стр. 22—23.
[2] *Устрялов*, История, т. III, стр. 82—83.
[3] П. и Б., т. I, № 207.
[4] Там же, № 208.

фирверка или огнестрелной потехи, которую он делал своими денгами в Амстрадаме по приказу их, великих и полномочных послов, пред их посолским двором на славу превысокому имяни великого государя, его царского величества, для полученной того году от войск его царского величества над турки и татары под Таванью победы — 440 ефимков». Царь, по свидетельству Петра Лефорта, открыто присутствовал на этом торжестве [1].

XXXI. НАЕМ ЛЮДЕЙ И ПОКУПКА СНАРЯЖЕНИЯ ДЛЯ ФЛОТА

Не достигнув цели своей миссии официальным путем, не добившись от Генеральных штатов субсидии, необходимой для снабжения черноморского флота и ведения с турками войны на море, посольство обратилось к приобретению тех же средств частным путем: начало нанимать от себя персонал для флота и покупать необходимые предметы для его оборудования и вооружения. Наем людей для службы и приобретение надобных для морского ведомства вещей — так можно обозначить эту деятельность. С конца октября 1697 и до начала 1698 г. включительно уже обозначились некоторые ее результаты. С 26 октября наняты были на русскую службу лекарь Яган Колкан и пять матросов, судя по именам — славянского происхождения: Марк Дубровников, Антон Степанов, Лука Николаев, Петр Николаев, Юрий Францев. С 27 октября — боцман, также славянин, Осип Паганет. 5 ноября нанято четверо иноземцев плотников: Яков Клоппер, Рулоф Семесен, Вилим Петерс, Грот-Мартин Бетер. С 8 ноября стала получать жалованье новая группа иноземцев-славян, в которую вошли три штурмана: Дамиан Дубровников, Петр Иеронимов, Франциск Совик и четверо матросов: Павел Матолин, Николай Родовеник, Марк Ковач, Петр Приверов. Вся эта партия нанятых иноземцев, состоявшая, таким образом, из боцмана, трех штурманов, девяти матросов (людей славянского происхождения), четырех плотников и одного лекаря, была вскоре посажена на зафрахтованный для перевозки ее в Россию корабль «Губернер фон Нарва» под присмотром солдата Афанасия Бурлеева, одного из того отряда солдат, который оставлен был в Пилау для обучения морскому делу, а теперь присоединился опять к посольству. Шкипер корабля Рейнгольд Пандер обязался доставить нанятых людей от Амстердама до Ругодива (Нарвы) или Колывани (Ревеля) за 84 ефимка. На покупку съестных припасов в дорогу было израсходовано 142 ефимка. Посаженных на корабль матросов приходилось, пока корабль стоял в гавани, стеречь, чтобы

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1115; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 220 об., л. 27 об.: «Ноября в 28 д. в дому у первого посла музыкантом дано 4 золотых». *Posselt*, Lefort, II, 454—455: «Seine Majestät nicht nur zugegen war, sondern sich den Gästen zu erkennen gab».

они не расходились, для чего командировались особые посыльщики. 15 ноября «Губернер фон Нарва» вышел в море [1].

В начале же ноября была нанята и другая партия матросов, в которую вошли восемь человек югославян: Петр Юрьев, Марк Марков, Иван Банвин, Антон Десантий, Антон Симонов, Филипп Остоков, Андрей Антонов, Карл Колет и два шведских подданных колыванца (ревельца): Антон и Андрей Михайловы. С середины ноября к партии присоединились еще нанятые в матросы трое черкасов — украинских казаков, очутившихся в Амстердаме, вероятно, турецких полоняников, освободившихся из плена: Лаврентий Дмитриев, Иван Круз и Лаврин Думенский. С начала января эта группа увеличилась еще четырьмя лицами, из которых двое были «шведы» — шведские подданные из прибалтийских мест с чисто русскими именами: Иван Лаптухин и Петр Тимофеев, один поляк Альберт Морава и один донской казак полоняник Логин Семенников. Вся эта партия из 17 человек, будучи нанята на службу, почему-то долгое время остается в Амстердаме, получая понедельное жалованье [2].

Сверх найма группами упоминаются еще отдельно нанятые лица: арап Томас Питерсен, поступивший в матросы, — ему 11 ноября дано было вперед месячное жалованье 3 ефимка 3 алтына 2 деньги и 15 ноября прибавлено еще на покупку платья 15 ефимков, — ругодивец (житель Нарвы) Карп Кен, нанявшийся в констапели [3].

Наем лиц на русскую службу не ограничивался одними моряками: приглашались служилые люди и других специальностей. Так, с 5 ноября был принят «иноземец польской породы» Ян Шафранский с чином подпоручика; с 14 декабря — бомбардир и пушкарь Дитрих фон Гогерлинде за жалованье в неделю по дукатону, по 21 алтыну дукатон; с 9 января — бомбардиры Яков и Яган Гинтеры. Нанят был также арап Ян Тютекурен в Оружейную палату в живописцы. Свое искусство на русской службе он начал проявлять еще в Амстердаме. 24 ноября ему было выдано 44 ефимка за сделанный им стол художественной работы: «за дело стола, который он делал... остинскою работою, за дерево и за ящик, и за золото, и за краски, и за медные пробои и кольца». В начале января ему было заказано написать «образ

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 194, 194 об., 197, 198 об., 199, 200, 204, 201 об. — 202: «Ноября в 15 д. ... дано за перевозы х караблю, на котором едут принятые матрозы словяна в Ругодив, толмачю Петру Скоровскому и салдатом и иным посылщиком в розные времена, которые посыланы на тот карабль для стережения, чтоб те матрозы с карабля не росходились, 2 еф. 10 алт. И те матрозы пошли на море того ж числа». Эта партия зимовала в Датской земле, в Зунде. См. Пам. дипл. сношений, IX, 976—977. Деньги 486 ефимков им на прокорм были высланы через Ивана Тессинга и дополнительно 70 ефимков через Яна Фандерса на покрытие долга, сделанного в Эльсиноре плывущими в Россию корабельными плотниками (там же, стр. 997—998).

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 198 об. — 201 об., 203 и др.; 227 об., 234.

[3] Там же, л. 201, 201 об.

снятия Христа спасителя с креста» и дано на краски и на полотно 3 ефимка[1].

Параллельно с тем, как набирались на службу люди, покупались или заказывались вещи. Выше приходилось упомянуть, что 3 ноября были куплены на образец 2 рога, в каких кладут порох на кораблях. 6 декабря таких рогов было куплено 300. Железного дела мастеру Класу фон-дер-Валу заказаны были железные пилы большого и малого размеров, которые он и представлял по мере изготовления: 22 ноября — 12 больших и 14 малых, 6 декабря — 14 больших и 17 малых, 14 декабря — 14 больших и 12 малых. 1 декабря куплено было 204 штуки баккаутого дерева на корабельные блоки, весом в 22 000 фунтов. У амстердамского торговца Петра фон Бредара приобретено было 60 китовых усов весом в 250 фунтов на корабельные флюгера. 17 декабря компасному мастеру Яну Янсену заплачено было за 20 компасов двух сортов: по 1 рублю 8 алтын 2 деньги и по 16 алтын 4 деньги за компас, всего с ящиком 37 ефимков. Заказаны были 3 железных якоря, в задаток дано 100 ефимков, Торговому человеку Теодору Бергейсу поручено было закупить партию картузной бумаги к корабельным припасам; в задаток также было дано 100 ефимков. Сделан был большой заказ оружия: ружей и багинетов (штыков) к ним; последних велено было сделать 3 200 по 2 гульдена за штуку. Капитан Корнелий Крюйс, на которого как на талантливого морского офицера указал Петру адмирал Шей и с которым начаты были переговоры о переходе его на русскую службу, взял на себя поручение заказать блоки для пяти фрегатов, для чего ему в задаток выдано было 400 ефимков. Вероятно, в связь с этими переговорами и услугами Крюйса надо поставить запись «Расходной книги» под 21 декабря о выдаче ему двух пар соболей в 7 и в 8 рублей[2].

XXXII. «THE TRANSPORT ROYAL». МЫСЛЬ О ПОЕЗДКЕ В АНГЛИЮ

Вместе с радостью от таванской победы Петр переживал в последние дни ноября 1697 г. и другую радость. Английский король Вильгельм III, познакомившись с молодым русским монархом на свиданиях в Утрехте и в Гааге и зная его страстное влечение к мореплаванию, сделал ему неожиданный и тем более приятный подарок — подарил Петру свою новую, только что выстроенную по проекту адмирала Кармартена яхту «The Transport Royal», отличавшуюся изяществом постройки, легкостью и быстротой хода. 23 ноября посольством получено было письмо к Лефорту с уведомлением об этом подарке: «Того ж числа, — читаем под 23 ноября в «Статейном списке»», — писал к великим и полно-

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 197, 220, 221 об., 224 об., 231, 237 об., 236; 205, 217, 235.

[2] Там же, л. 196 об., 212 об. — 213, 204 об., 217 об.; 209, 218, 225 об., 236, 220, 229 238 об., 54.

мочным послом из Аглинской земли, из Лондона, аглинского короля адмирал Кармартен, что он по указу государя своего, аглинского короля, сделал про его, великого государя, обиход корабль художественным делом на образец в поминки великому государю его царскому величеству от аглинского короля; и на том корабле или фрегате устроен капитан Вилгелм Риплий, которой правительство над тем кораблем умеет и образ делания и управления парусов знает, и чтоб тот капитан такую честь получил, чтоб тот корабль к его царскому величеству привесть, как они, великие и полномочные послы ему повелят; и чтоб к нему о том они, великие и полномочные послы, его, великого государя, указ отписали»[1]. Сохранилось в современном переводе также и письмо Кармартена от 9 ноября к самому Петру по поводу подарка. В нем Кармартен указывает на свое авторство в постройке подаренной яхты, называя ее «малым художеством изобретения своего», а себя изобретателем этого художества, и пишет, что его намерением в строении корабля были не только красота и удобство, но также скорость и сила хода, качества, которыми «Transport Royal» отличается от других кораблей, превосходящих его размерами. Капитан Вильгельм Рипли, поставленный в капитаны по ходатайству Кармартена, посвящен во все детали строения яхты и управления ею, и поэтому Кармартен берет на себя смелость рекомендовать его Петру для управления яхтой. Кармартен писал также и к Лефорту, заявляя ему о своей готовности «показать ревность свою к службе его кесарского величества»[2]. Понятно нетерпение Петра получить подарок как можно скорее или по крайней мере узнать о нем подробнее. 29 ноября с почтовой яхтой выехал в Англию майор Адам Вейде с ответом Лефорта лорду Кармартену и с поручением осмотреть подаренный корабль и собрать о нем сведения, «Буде мочно, того корабля посмотреть, а осмотря, записать и доведаться, сколь скоро тот корабль к великому государю послан будет, и с кем имянем, и от королевского величества лица или от парламенту он учинен, и по какому предложению или ведомости, о том о всем проведав, записать имянно». Осмотреть корабль и собрать сведения о нем было, конечно, главной целью посылки Вейде; но так как поручение осведомляться о подарке, еще не переданном, неудобно было исполнять открыто, то официальным предлогом поездки было данное майору поручение возвестить английскому королю о победе русских под Таванью, о которой только что получено было известие в Амстердаме. По данному ему наказу, Вейде должен был ехать «в Аглинскую землю к аглинскому Валиаму королю приватным обычаем, а приехав, объявить о себе ближнему человеку искусно, что прислан он от великого государя. . . к его королевскому величеству для некоих любителных дел, и королевское бы величество повелел

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1111.

[2] *Устрялов*, История, т. III, приложение III; см. Арх. мин. ин. дел, Английские дела 1697 г., № 5, л. 6—9, 4—5.

ему, Адаму, видеть себя приватне. А как королевское величество велит ему быть у себя, и ему, Адаму, пришед к королю, вежливо и учтиво... любительно поздравствовать от великого государя» и передать сообщение о таванской победе. Через ближних людей Вейде должен был добиваться, чтобы ему дан был письменный ответ на сделанное им сообщение, а также и на то доношение, которое он *сделал королю в Гааге:* «Чтоб его королевское величество указал его отпустить и с ним на все его доношение, которое он его королевскому величеству и в Гаге доносил, отповедь со удовольствованием учинить». Вейде, вернувшийся из Вены 25 октября в Амстердам, выезжал с великими послами 26 октября в Гаагу и там, очевидно, посылался к Вильгельму III с каким-то поручением, о котором и упоминается в наказе, по всей вероятности, для переговоров о путешествии Петра в Англию, для чего посылался в Гаагу к королю также и Петр Лефорт [1]. Без письменной «отповеди» Вейде наказано было из Англии в Амстердам не возвращаться. Если бы и у него потребовали письменного изложения его сообщения, то ему написать на немецком языке и подать. Передавая ответ Лефорта лорду Кармартену, Вейде должен был поздравить его от имени первого посла. В заключение ему предписывалось, «будучи в Аглинской земле, разведать о всяком тамошнем состоянии» [2].

Внимание, оказанное Петру Вильгельмом III, еще более обращало его мысль в сторону Англии. Пройдя на Ост-Индской верфи весь практический курс постройки фрегата с топором в руке, Петр усвоил навыки в плотничном искусстве, поскольку оно служило кораблестроению, стал хорошим корабельным плотником. Таким его и характеризует аттестат, выданный ему его корабельным учителем Класом Полем по окончании работ: «Я, нижеподписавшийся, Геррит-Клас Поль, корабельный мастер при амстердамской камере привилегированной Ост-Индской компании, свидетельствую и удостоверяю по истине, что Петр Михайлов, находящийся в свите великого московского посольства в числе тех, которые здесь, в Амстердаме, на Ост-Индской корабельной верфи с 30 августа [3] 1697 г. по нижесказанное число жили и под нашим руководством плотничали, во все время благородного здесь пребывания своего был прилежным и разумным плотником, также в связывании, заколачивании, сплачивании, поднимании, прилаживании, натягивании, плетении, конопачении, стругании, буравлении, распиловании, мощении и смолении поступал, как доброму и искусному плотнику надлежит и помогал нам в строении фрегата «Петр и Павел» от первой закладки его почти до окончания, длиною в 100 футов (от форштевена до штирборда); кроме того, под моим надзором корабельную архитектуру и черчение планов его благородие изучил так

[1] *Posselt,* Lefort, II, 456 — из письма Петра Лефорта от 2/12 ноября.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1115—1117. Там же, стр. 1117—1119 — ответ Лефорта Кармартену.

[3] По новому стилю, или 20 августа по старому.

основательно, что может, сколько мы сами разумеем, в том и другом упражняться. Для подлинного удостоверения я подписал сие моею собственною рукою. Дано в Амстердаме, в нашем постоянном местопребывании на Ост-Индской верфи 15 января в лето господне 1698 года. Геррит-Клас Поль, корабельный мастер привилегированной Ост-Индской компании в Амстердаме» [1].

Но практического навыка и уменья было мало для Петра; он искал также и теоретических сведений по постройке корабля, хотел сделаться не только корабельным плотником, но также и корабельным инженером. Сохранился отрывок из его собственноручных учебных записок к Голландии по кораблестроительному искусству: «когда похочешъ дѣлать карабль, іли іное что, перво надобеть, длину оверштевена възяѳъ здѣлать по концамъ прямыя углы; потомъ киль ниже черты, потомъ размерять отъ прямыхъ угълоѳъ шъпангоутъ на 10 доль і прочертить въсякую доль поперекъ всего листа; потомъ прочертить (такую жъ черту, какава іcподънѣя) повыше бока карабля черту жъ в обѣіхъ канъцахъ равъно отъ угълоѳъ. Потомъ по широкомъ шпантъгоутъ възять ширину протиѳъ шхерганта і поставить отъ черты выше, а назади половина шпигиля, а напереди на адтрокъ ѳорштевену; потомъ штевены, после штевеноѳъ ѳлакъ; после ѳлака (буссель дѣлается для выгиба шпантъгоутъ, толко чтобъ нагнутье не такъ трудно дѣлать была, а не галовъная штука) шъхерганъ, после шхерганъ (буде о дву полубахъ селтъ) регоутъ; потомъ ѳлакъ, потомъ (а буде двухполубной селтъ ѳлакъ, а на орлашхипъ такоѳъ на сереткѣ, какоѳъ гекъбалкъ длиною) регоутъ (которой на пинасахъ дѣлается равенъ какъ і потoрегоутъ) і потомъ брать мѣры по тѣмъ (10) чертамъ ширину і вышину (ка[къ] въ чертеже) і ставить на шъпантъгоутъ отъ шпигеля 6 і отъ ѳалштевена 3.

По мнѣнию жъ естьли новой хочешь [д]ѣлать, перва здѣлай бокъ карабля по ізволению соѳъсемъ, потомъ большой шъпанъгоутъ (по ізволению жь во ѳълакѣ, въ шъхергане і пъпрочемъ), потомъ здѣлай половина карабля све[р]ху, по томъ шъпангоуте, такъ же ѳлакъ, шхерганъ, регоутъ і протчия, по томъ же шпангоуте ширину дѣлай; што же о концахъ тѣхъ линѣй надлежитъ, і то мошъно дѣлать такъ: назади брать отъ шпигеля ширину, гдѣ тѣхъ линѣі канцы пройдутъ, а напереди естьли шътевенъ прямъ, то въсе черты сводить на осътъро, а естьли косъ, то отъ винкелгаковой линеі брать цыркалемъ до конъцоѳъ тѣхъ линѣі на баковой ѳигуре у шътевена і ставить канцы тѣхъ линѣй по тому, какъ в обрасцѣ, і когъда бокъ і половина съверху готова, тогъда шъпанъгоуты дѣлай: бери вышину въсемъ мѣстамъ о[тъ] боковой ѳигуры, а ширину отъ половины, і такъ добро» [2].

Но ближайший учитель Петра Клас Поль не мог дать ему удовлетворяющих ответов. Не нашел их Петр и у других. Голландцы-

---

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 92—93 и приложение IV. Ему перед отъездом Петра в Англию было выдано пара соболей в 15 рублей, пять пар по 7 рублей пара (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 55).

[2] П. и Б., т. I, № 183.

кораблестроители были больше мастерами-практиками, чем теоретиками корабельного дела. Схельтема приводит целый ряд имен знаменитых голландских кораблестроителей, у которых Петр будто бы проходил высший курс корабельной науки и которых рекомендовал ему все тот же универсальный его друг, руководитель по Голландии и исполнитель всевозможных желаний Витзен. Так штурманскому искусству будто бы обучал царя ван Дам, приобретший очень громкую известность многочисленными трудами о штурманском искусстве. Для преподавания корабельного черчения был приглашен Адам Сило. В кораблестроении давали Петру советы знаменитые кораблестроители Кардинааль ван Реен, Питер Пооль, Якобсон Вейзеляр [1]. Но Схельтема не привел никаких доказательств, которыми бы подтвердились известия об уроках этих знаменитых учителей, и еще Устрялов вполне основательно заметил, что эти имена взяты Схельтемой из Всеобщего морского словаря — «Allgemeines Wörterbuch der Marine» [2]. Если бы эти преподаватели действительно обучали Петра, мы непременно нашли бы об этом свидетельство в расходных книгах посольства в виде записей о выдаче им вознаграждений золотыми, соболями или ефимками; но таких записей с именами, приводимыми Схельтемой, нет в расходных книгах и, наоборот, книги указывают некоторых лиц, дававших Петру наставления и показывавших ему интересовавшие его предметы, но совсем с другими именами. Мы их увидим впоследствии. О своем разочаровании в голландском кораблестроительном искусстве вполне правдиво рассказывает нам сам Петр в приводившемся уже собственноручно им написанном предисловии к «Морскому регламенту». «На Ост-Индской верфи, — пишет царь, — вдав себя с прочими волонтерами в научение корабельной архитектуры, государь в краткое время совершился в том, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил. Потом просил той верфи баса Яна Поля, дабы учил его препорции корабельной, который ему чрез четыре дня показал. Но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципии, прочее ж с долговременной практики, о чем и вышереченный бас сказал, и что всего на чертеже показать не умеет, тогда зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось быть его величеству на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо невесел ради вышеписанной причины; но, когда, между разговоров, спрошен был: для чего так печален? тогда оную причину объявил. В той компании был один англичанин, который, слыша сие, сказал, что у них в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие,

---

[1] *Scheltema*, Peter de Groote, I, 143—148; «Rusland en de Nederlanden», II, 195—201; «Anecdotes Historiques», 113—117; «Русская старина», 1916 г., февраль, стр. 203.

[2] *Устрялов*, История, т. III, стр. 91.

и что кратким временем научиться мочно. Сие слово его величество зело обрадовало, по которому немедленно в Англию поехал и там чрез 4 месяца оную науку окончал»[1]. Разочарование в искусстве голландских кораблестроителей сказалось и в распоряжении Петра, посланном в Воронеж «адмиралтейцу» А. П. Протасьеву — всех голландских мастеров, работавших на воронежской верфи, подчинить надзору и руководству датских и венецианских мастеров[2].

XXXIII. ПЕТР В ДЕКАБРЕ 1697 г.

Остаток 1697 г. был проведен в Амстердаме вместе с посольством с участием в его деятельности; но касавшаяся разнообразных предметов и явлений мысль Петра, как парус, воздымаемый ветром, рвалась уже к иным берегам. Наши известия о нем до отъезда его в Англию крайне скудны, и нам приходится ловить здесь каждый намек. В «Расходной книге» посольства мелькают иногда статьи, в которые заносятся издержки, имеющие отношение к «Ост-Индскому двору» или к «волонтерам на Ост-Индском дворе», обозначения, под которыми следует подразумевать Петра. Одни из этих статей глухи, указывают только выданную сумму денег без определения предмета, на который она выдана; говорится только, что деньги отданы на Ост-Индский двор. Иногда при этом сообщается, что принял их Александр Меншиков, личный казначей государя — знак, что сумма поступила на личные расходы. Так, 26 ноября «взято на Остинской двор к валентером 20 золотых, принял Александр Меншиков»; 30 ноября «взято на Остинской двор к валентером 300 золотых; отнес подьячей Никифор Иванов; принял те золотые Александр Меншиков». Деньги на личные расходы не всегда берутся такими все же значительными суммами; иногда делаются мелкие перехватки, очевидно, для какой-либо сейчас же понадобившейся уплаты: 20 декабря взято на Ост-Индский двор 23 ефимка, 21 декабря туда же взято 2 золотых, 7 января «дано через Адама Вейда на Остинской двор на потребы 4 ефимка»[3].

Те расходные статьи, где обозначается более или менее подробно предмет, на который была сделана издержка, дают иногда возможность составить некоторое представление о потребностях, занятиях и развлечениях Петра за указанное время. Тут расходы на туалет, причем видно, что царь составлял себе костюм, перехватывая у других отдельные его предметы так же, как он небольшими суммами перехватывал деньги себе на расходы. «Ноября в 22 д., — читаем в книге, — куплен из ряду (т. е. торговом ряду) третьему великому и полномочному послу к немецкому платью

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 90—91. Схельтема, читавший «Морской устав» в голландском переводе, опровергал это место предисловия, не зная его автора.

[2] *Устрялов*, История, т. III, примечание, стр. 91.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 27 об., 221, 28 об., 234 об.

пояс золотной весом 59 лотов три четверти, дано за лот по 18 алт. по 2 ден. Итого 32 рубли 29 алт. 2 ден., а ефимками 65 еф. 12 алт 4 д. *Тот пояс взят у него на Остинской двор»*. Пояс был куплен для П. Б. Возницына, но понравился Петру и был им перехвачен. 23 ноября были «куплены к немецкому платью двои моншеты да два галстуга добрые с круживы, дано за все 42 еф. 3 алт. 2 д. И взяты те моншеты и один галстуг на Остинской двор, а другой галстуг взят ко второму великому и полномочному послу», Ф. А. Головину. 20 декабря куплен на Ост-Индский двор кафтан суконный немецкий, дан 9 ефимков. Из куска «золотной материи» в 28 1/2 аршин, купленного 22 декабря, 16 1/2 аршин пошло Ф. А. Головину на немецкое платье, а 12 аршин взято на Ост-Индский двор. В тот же день куплены были «двои волосы накладные ковалерские» — одни Ф. А. Головину, другие на Ост-Индский двор. У одного из пажей Лефорта, Павла Вуда, оказалась лисья шуба. Шуба была у него взята на Ост-Индский двор, а ему заплачено было 10 ефимков [1]. Далее следует расход на стол: «куплена на Остинской двор бочка пива доброго да сухарей немецких малой боченок, дано за все 9 еф. 13 ал. 2 д.» [2]. Покупки разных вещей, сделанные Петром и занесенные в «Расходную книгу», свидетельствуют и о его вкусах и наклонностях. Так, узнаем, что 16 ноября «по указу великого государя куплена на Остинской двор обезьяна, дана 8 ефимков»; вероятно, та обезьяна, с которой он станет неразлучен и которую повезет с собой в Англию. 1 декабря куплена на Ост-Индский двор какая-то «персонка глиняная остинской работы, дана три золотых». Приобретена была фарфоровая посуда и разные морские диковины: «раковины и плоды морские в скляницах» — небольшая естественно-историческая коллекция. (Склонность к коллекциям «раритетов» будет в дальнейшем все развиваться в Петре.) «Заплачено, — читаем в «Расходной книге», — торговому человеку Бартелю фон Гагену за покупные товары, за фарфоровые суды и за раковины и плоды морские, которые куплены на Остинский двор, 165 еф. 3 алт. 2 д.». У доктора Петра Посникова были куплены какие-то косметики: «масла коришневые, амбра, балсамы, склянки и коробочки деревянные» за 200 еф. 5 алт. [3].

Есть указания и на занятия Петра. На верфи доделывался спущенный на воду фрегат и, вероятно, в связь с этими работами надо поставить покупку на 24 ефимка «х корабелному строению снастей на Остинской двор», т. е. инструментов [4]. Кораблестроительная работа разнообразилась другими делами и развлечениями и прежде всего любимой огнестрельной потехой. 26 ноября было выдано 50 ефимков некоему «кавалеру Антонию Десенжуле за оказывание огнестрелных вещей на Остинском дворе».

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 204, 204 об., 221, 222, 237.
[2] Там же, л. 217.
[3] Арх. мин. ин. дел. Кн. австр. дв., № 47, л. 202, 27 об. — 23, 225 об. — 226, 230 об.
[4] Там же, л. 214.

Вероятно, этого же кавалера Антония надо подразумевать и в другой статье книги, записанной перед самым отъездом в Англию, где говорится о выдаче еще 50 ефимков «мальтискому рыцарю Десанту Июлиену Поте, — подьячий легко мог запутаться в этих мудреных для него иностранных именах — читать надо, повидимому, де Сент-Жюльену Поте, — «за оказыванье на Остинском дворе огнестрелных вещей». Тем же самым занимал Петра и некий амстердамский житель Каспар Швертнер, получивший за свои услуги две пары соболей по $7^1/_2$ рублей и 50 ефимков. К весне он изготовил семь ракетных станков, которые были отправлены в Москву среди другого имущества, приобретенного Петром за границей [1].

Позже, в июне, Швертнер обратился к царю с письмом, касавшимся тех же «огнестрельных вещей». Письмо от 20/10 июня 1698 г. было получено Петром в Вене. Речь в нем идет о каком-то станке или форме для изготовления ракет. «Мой великий государь Петер, — читаем в тогда же сделанном переводе письма, — аз восприемлю волность подданнейше к вашей милости писати. Тако ж дерзаю покорнейше вашу милость благодарить за ту милость, которую вы изволили особою своею показать в дому нашем. И того ради аз по своей малой возможности дерзновение восприемлю во благодарение зделать фурму к деланию ракет; скважня в них будет полчетверта ($3^1/_2$) дюйма чрез диаметр. А будет тот станок вдвое складыватца так же, как и те седмь, которые я милости вашей делал; зделаю я в нем 12 ракет, которые зело изрядно действуют. Тот станок толь изящно зделан будет, что такова работою во всем свете не сыщется. А пошлю я оной к господину Келдерману или к тому, х кому ваша милость изволите и прочая». В заключение письма Швертнер просит царя написать несколько строк к Витзену и, таким образом, рассчитывает получить от Витзена какое-либо место, приносящее 400 ефимков дохода и шлет свое поздравление господину Александру Даниловичу (Меншикову), с которым познакомился в обществе Петра [2].

Из Утрехта вызывался к царю в Амстердам «для чертежного пушечного дела» и для «знаменки пушечных образцов» по несовсем вразумительному выражению «Расходной книги», но о сути дела можно догадываться, артиллерийский капитан Ян Гошка, у которого в Утрехте учился бомбардирскому делу царевич имере-

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 997: «Апреля в 29 д. . . . дано ракетному мастеру Кашперу Швертнеру за деланных за семь ракетных станков и за приклад к ним, и за дело, и за снасти, чем те станки делают, за тиски и за ветренную лавку, и за медные обручи, и за буравы, и за набойнчики, и за босены к вертенью ракетов, всего 211 ефимков 13 алт. 2 д.» Там же, л. 1015: «Мая 13 д. . . . по указу великого государя дано ракетному мастеру Касперу Швертнеру за работу ракетных станков, которые посланы с Гумером к Москве, поденного корму на два месяца по 10 алтын на день; итого 36 ефимков».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 205 об., 232 об., 54 об., 230; там же, Дела голландские 1698 г., № 8.

тинский Александр Арчилович [1]. Некий амстердамец Сервас фон-дер-Вал «делал образцы, как каналы вычищать», т. е. давал Петру наставления относительно устройства каналов, дело, которое сильно занимало царя в связи с предположенным соединением Волги и Дона в интересах все того же азовского флота [2]. Не забыт был среди этих занятий и театр, о посещении которого узнаем из записи «Расходной книги», гласящей: «Заплачено по росписи амстрадамскому жителю Лукосу Гоуне, которой кореты, и коляски, и сани из найму держит, за наем саней, на которых ездили с Остинского двора все валентеры в декабре месяце в комедию и в ыные места — 3 еф. 4 д.» [3].

2 декабря Лефорт давал обычный, ежегодно справлявшийся им женевский праздник в воспоминание «Эскалады» — отбитого женевцами штурма савойского герцога Карла Эммануила в ночь на 2/12 декабря 1602 г., на котором можем предполагать присутствие Петра. Празднество было так роскошно, что о нем говорили даже в Париже. Были приглашены не только все находившиеся в Амстердаме женевцы, но и все лица, имевшие с ними какие-либо связи. Конфет было подано такое множество, что на следующий день Лефорт рассылал всем бывшим на празднестве дамам целые коробки (Körbchen). Царило чрезвычайное веселье, раздавалась музыка на всех инструментах [4].

4 декабря Петр присутствовал при зрелище совсем иного рода, при публичной казни нескольких преступников, из которых двое — убийц — были обезглавлены, трое выставлены под виселицей, остальных били кнутом и клеймили. «Царь или великий князь московский Петр Алексеевич, — говорится в записи, внесенной в «Книгу церемоний города Амстердама», — присутствовал при этой печальной церемонии, помещаясь на трибуне городской ратуши. Он оставался все время, пока длилась процедура, свесившись из среднего окна и внимательно наблюдая казнь. Ему около 26 лет от роду, он очень высокого роста» [5]. Это — все та же

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 27, 53. Ему дано 1 ноября за обучение имеретинского царевича 50 золотых и пара соболей в 20 рублей; «отнес тое пару на Остинской двор подьячей Никифор Иванов и отдал Александру Меншикову». Там же, л. 28: «декабря в 18 д. капитану Яну Гошке, который приезжал из Утрехта в Амстердам для чертежного пушечного дела, дано на провоз 4 золотых». Там же, л. 28 об.: «Декабря в 26 д. . . .за зназнаменку пушечных обрасцов капитану Яну Гошке дано 4 золотых».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 54 об., 231. Ему было дано пара соболей в 20 рублей, две пары по $7^1/_2$ рублей и 50 ефимков. Выдачи Швертнеру, мальтийскому рыцарю и фон-дер-Валу записаны в расходных книгах под 3—6 января 1698 г. Но это даты именно только выдачи им вознаграждения, с чем старались покончить ввиду отъезда царя в Англию. Самые же занятия указанных лиц с царем нельзя приурочивать по данным расходных книг к определенным дням и достаточно ограничиться отнесением их вообще к концу 1697 г.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 286 об.

[4] *Posselt*, Lefort, II, 455.

[5] *Scheltema*, Rusland en de Nederlanden, II, 374; «Anecdotes Historiques», 419. Об этом эпизоде в «Расходной книге» посольства под 3 декабря: «Взято ко второму великому и полномочному послу на сдачу того дому, из которого

черта характера Петра, которую приходилось отмечать по поводу посылки топора в виде подарка Ромодановскому, с которой не раз придется встретиться и в дальнейшем. При таких зрелищах он не обнаруживал слабости нервов; надо, впрочем, сказать, что вообще тогда смертная казнь и всяческие экзекуции, производившиеся открыто на площадях, привлекали многочисленную толпу и не только городская чернь, но и высшие классы общества не уклонялись от подобных зрелищ. Для зрителей высшего круга, как видно из приведенной записи, устраивались даже особые трибуны.

Когда-то в начале декабря, между 4-м и 9-м, были предприняты артиллерийские опыты в деревне Мейерберх, или Мейдерберг, вероятно, где-либо в окрестностях Амстердама. Еще 1 декабря был туда послан с мортирой и бомбами «бас Пол, которой у корабелного дела на Остинском дворе», по всей вероятности, учитель Петра Ян Поль, под руководством которого он строил фрегат; на поездку туда ему было выдано 20 ефимков. В опыте участвовали бомбардиры и солдаты пять человек; причем наблюдения за стрельбой производились с колокольни деревенской церкви. Очевидно вести переговоры по поводу этих упражнений с местными жителями командировались в Мейерберх толмачи, вновь принятые в Амстердаме на службу при посольстве: Петр Скоровский и Якушка с товарищем: «Декабря в 4 д. дано толмачу Петру Скоровскому на расход для посылки в деревню Мейерберх, где метали бомбы, 18 ефимков 13 алтын 2 деньги. А, приедучи ис той посылки, он, Петр, сказал, что те денги выдал он все за бомбардиров и солдат за пять человек за ествy и за питье и за наем подвод, и в кирхе, с которой смотрили метания бомб, служебником и за мостовщину» [1].

6 декабря, в праздник «св. Николая чудотворца» в посольской церкви служился молебен: священникам Иоанну Поборскому дано 5 ефимков, Василию Григорьеву — ефимок [2]. Петром было получено письмо от Виниуса от 4 ноября с новостями из России. Так как письма из Москвы в Амстердам доходили через месяц, то при получении их в представлении Петра проходили московские события, происшедшие месяцем ранее чтения письма. На этот раз письмо Виниуса, управлявшего Сибирским приказом, переносило Петра еще на гораздо более далекий восток от Москвы. Виниус передавал, что получены известия о выходе из Китая великого каравана с камками, сказывают, больше 40 000 косяков;

смотрили казни, которая была у ратуши винным людям, хозяину в почесть 10 ефимков» (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 211).

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 208 об., 211 об.; 214 об.: «Декабря в 9 д. дано фурманом за провоз дву человек: толмача... Якушку с товарыщем, которые посыланы по приказу великих и полномочных послов для государева дела в деревню Меерберк, где бомбы бросали, и за простой в два дни 3 еф. 3 алт. 2 д.». Об этих артиллерийских опытах при Мейерберге упоминает Схельтема («Русская старина», 1916 г., апрель, стр. 8).

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 212; там же: «гайдуком для празника ж в приказ 2 ефимка».

у купецких их людей есть золото хорошего качества; новые сибирские воеводы «зело смирны», а за прежними открываются многие татьбы и торговым людям «посяжки и налоги», т. е. поблажки и притеснения. Следствие производит дьяк Данило Полянский, о результате следствия Виниус обещает уведомить [1].

8 декабря послы получили письмо из Вены от агента Стиллы с известиями, что султан турецкий ищет мира, «к миру заносится», хочет прислать к цесарю для переговоров о мире посла, и французский король обнадеживает султана в том, что мир будет заключен, но цесарь без союзников заключать мира не будет и на весну собирается поставить 100 000 человек войска, конницы и пехоты [2].

10 декабря Петр писал в Москву князю Ф. Ю. Ромодановскому; письмо касается недипломатической стороны деятельности посольства — закупки припасов для азовского флота и оружия для конных и пеших полков. «Min Her Konih, — пишет царь. — Писмо ваше государское, ноября 5 числа писанное, мне отдано декабря в 6 день, за которое вашей милости, благодарствуя бога, до земли челом бью. Здесь, государь, вестей никаких нет. Покупки, которые прилежат к морскому каравану, от господина генерал-комисария (Ф. А. Головина) искуплены, также и ружье, которое прилежит к конным и пешим полкам, искупают же. Что станет впредь чиниться, писать буду. Из Амстрадама, декабря в 10 день» [3].

Под 13 декабря сохранена в «Статейном списке» запись, в которой Петр вновь [4] выступает как дающий указ государь. Собираясь писать грамоту польскому королю с извещением о таванской победе, посольство представило царю доклад о титулах короля, к которым надо было присоединять также и титулы его, как Саксонского курфюрста, обстоятельство, непредусмотренное, конечно, статьями договора о вечном мире, касавшимися титулов московского и польского государей. На докладной выписке об этом подписан царский указ: «7206-го декабря в 13-й день великий государь царь... слушав сей выписки, указал в нынешней своей царского величества грамоте, какова готовится в посылку к королевскому величеству польскому о победе бусурманских войск, написать к его королевскому именованию титла и впредь к нему в своих царского величества грамотах писать по вечному мирному договору; так же как он и курфюрстом Саксонским был и ныне есть, и те титла в прибавку к тем польским писать же, кроме «святого», где он пишется «святого римского государства арцымаршалом», а писать «и римского государства арцымаршалок»; потому что в договорах вечного миру положено: что им, великим государем, господь бог получит в завоевании каких мест и городов от неприятелей, и теми городами и месты им, великим госу-

---

1 П. и Б., т. I, стр. 655—656.
2 Пам. дипл. сношений, VIII, 1121.
3 П. и Б., т. I, № 210.
4 Ср. Пам. дипл. сношений, VIII, 1098 под 5 ноября.

дарем, писатись без умаления; и те новые титла в противенство почитаны быти не имеют, и когда теми новыми титлы писатся положено, то паче старые отставливать не довелось. Того ради великий государь указал те обои титла к его королевского величества имени в своих, царского величества, грамотах писать против того, как он сам к великому государю, к его царскому величеству, в своих королевского величества грамотах себя описует, кроме того, слова к римскому государству — «святого». И сей его, великого государя, указ записать в «Статейной список» и в записную книгу. Таков его, великого государя указ, и выписку закрепил великой и полномочной посол думной дьяк и наместник Болховской Прокофей Богданович Возницын [1].

В тот же день, 13 декабря, Петр был в гостях у амстердамского купца Вильде, в альбоме которого сделал следующую собственноручную надпись: «Петъръ, бывыі здѣсь ради нѣкоторыхъ предгредушихъ дѣлъ. 1697 мѣсяца декабря въ 13 по старому [стилю]» [2].

Пришедшая 14 декабря почта привезла Петру ряд писем от московских друзей от 12 ноября. Виниус сообщал, что известие о победе цесарцев при Центе отовсюду находит себе подтверждение, но самый достоверный свидетель, конечно, очевидец события, Адам Вейде. Дай боже, чтобы «дивное пророчество» (о Цареграде, что в 1699 г. будет взят русскими), о котором Вейде писал из Вены, совершилось. «Однако ж под полским боком стоит еще князь де-Контий; не учинит ли какова развврату, от чего милосердый боже сохрани. Однако ж нас из Риги веселили, что он по осми днях к дяде (т. е. к Людовику XIV) возвратится, понеже северные ветры гонят ево с моря домой, и мню, невозможно ему дале тут стоять за последующими стужами. Господин Лыков мало не ушол за другом своим князь Константином Осиповичем, понеже на ноге рожа, по сих огонь антонов на самой лодышки, и пошло вверх к колену; но успели Репкина позвать, которой многое мясо сьгорелое вырезав, ныне в легчайшее состояние привел. Отсель новизн иных не имеем, точию что земля начинает здесь белою снежною одеждою одеватись; и чаю, и у вас, господ, шуба теплая из сундука начинает выходить». Л. К. Нарышкин уведомлял, что об отступлении от Тавани войск князя Я. Ф. Долгорукого, о котором, повидимому, запрашивал Петр, ему отписано. Князь Ф. Ю. Ромодановский извещал о возвращении в Москву генерала П. И. Гордона со всем его полком и, вводя Петра в мелочи воинских распорядков в Москве, спрашивал, ставить ли солдат его полка на караул или нет. Далее Ромодановский касался в письме шутливой жалобы Виниуса на то, как он пострадал, будучи в «Тюхоловских владениях» государя-генералиссимуса: «Писал ты ко мне, господине, — читаем мы в его письме, — будто некоторой из славной провинции Тюхолей объеденными щеками и ушми отъехали, и тово в таких местах не бывало; нехто впрямь

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1123—1128.
[2] П. и Б., т. I, № 212.

в беспаметстве напоменул Бахуса, писал о нас к вам; а у нас уже Бахуса забыли. А ваша слава никако же может забвенна быть, есть ваша слава чрез многие куранты к нам бывает; никогда не хотите забыть и нашего природного Ивашку (Хмельницкого), не так что Бахуса, и в том вы велми утвердились в таких радостях и нас забыли, многие почты к нам не писывали. А что, господине, писал ты ко мне, что промышляеш мне книгу, прошу я твоего жалованья: пожалуй, сыщи самых поверенных книг. А по твоему писму генералское дело из Судного приказу взял; будет в своем деле прав не будет, уже я над ним знаю, что чем ево наказать. Милостию божию есть что мне делать и без переносных дел». А. М. Головин также уведомлял о возвращении Гордона и извинялся за неисправность письма — писал его вскоре по возвращении из дома князя Федора Юрьевича, очевидно, с попойки. Т. Н. Стрешнев упоминает, что донесение князя Я. Ф. Долгорукого о походе он переслал уже царю, а «что́ под Азовом зделано городов и пристань, и о том Шеин писал и подлинной чертеж городам и пристане хотел прислать» [1].

15 декабря царь, посоветовавшись с великими послами, продиктовал Возницыну ответ на вопрос, с которым через особо присланное лицо обратился к посольству датский посланник в Амстердаме Плессен: будут ли послы в Дании? Ответ тотчас же был переведен на голландский язык и должен был быть сказан присланному Лефортом. В нем указывалось, что царь еще до прибытия в Голландскую землю имел намерение заехать в Данию, потому что предки короля были с его предками в благополучном согласии, в каком и он, царь, был и есть с королем. Также желал видеть датский морской флот, слыша о нем, что он устроен «зеле изрядно и добрым порядком». Узнав о проезде Деконтия в Польшу, он, царь, просил датского короля о непропуске его, однако, ответа не получил, и Деконтий с своим флотом был пропущен. В Балтийском море много неприятелей французов и царскому величеству быть в том море опасно, да и за наступающим зимним временем нельзя. На будущее лето хотя царское величество и имеет нужнейшие пути, однако за любовь королевского величества не миновал бы его, однако если французы, которые намереваются идти в Польшу с большим флотом, получат пропуск, то царь себя вринуть в такое множество неприятелей не может. Если же французам будет отказано, то пусть датский посланник уведомит о том письменно [2].

16 декабря посольством получено было известие о переменах, происшедших при бранденбургском дворе, — о падении всесильного обер-президента фон Данкельмана. «Писал к великим и полномочным послом, — занесено в «Статейный список», — курфирста брандебурского ближней человек Павел фон-Фукс, что курфирст брандебургский первого своего президента Эбергарта Данкелмана от уряду (т. е. от управления) отставил и отослал от

[1] П. и Б., т. I, стр. 657—660, 662.
[2] Арх. мин. ин. дел, Дела датские 1697 г., № 7, л. 1—4.

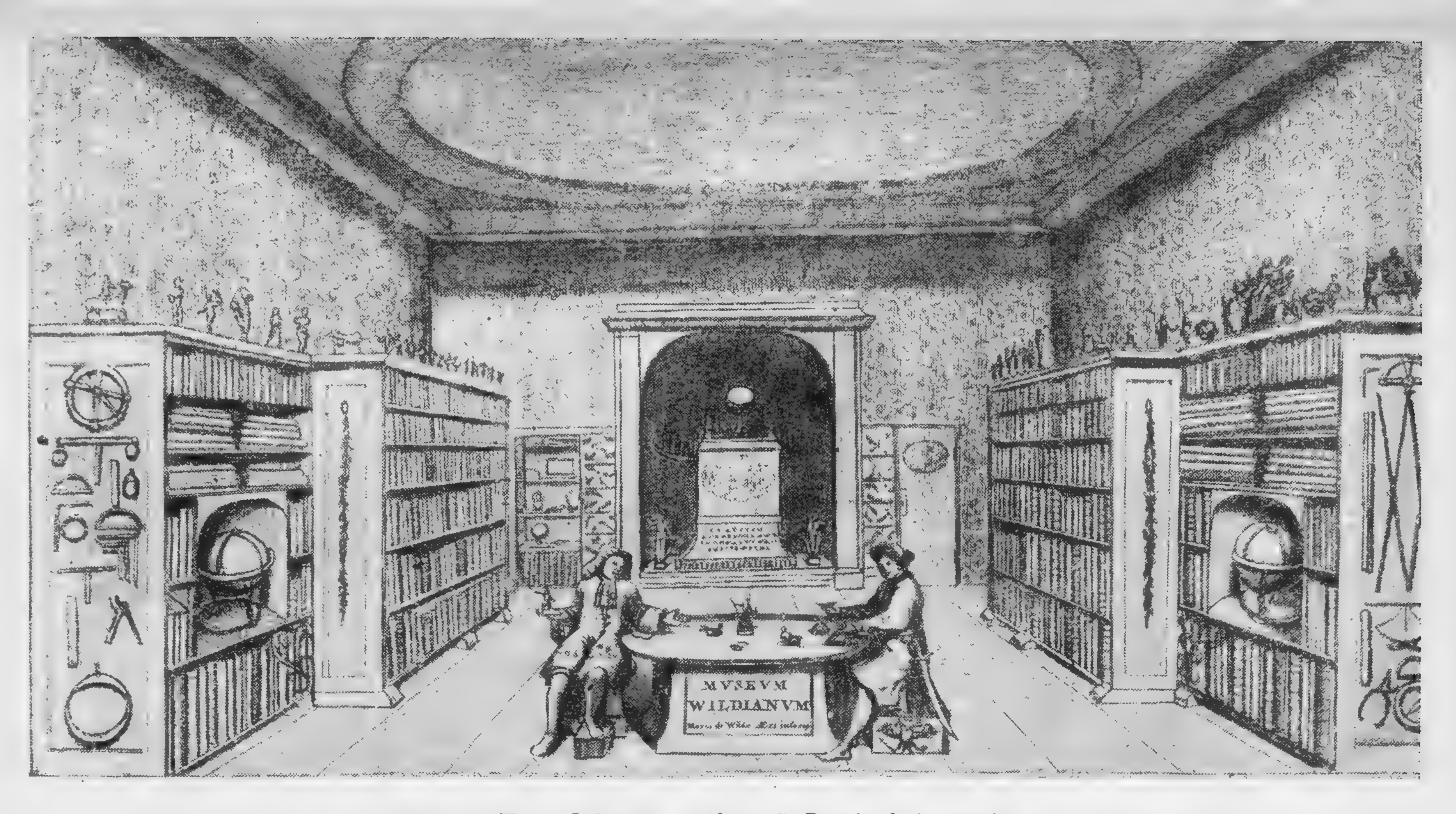

Рис. 24. Петр I в музее редкостей Вильде в Амстердаме
Гравюра Марии Вильде. Под фигурой Петра изображен русский государственный герб

себя прочь, и чтоб они, великие послы, о своем посолском в Галанской земле поведении писали к нему, фон-Фуксену, а он то будет доносить ему, курфистру, со всяким усердием»[1]. Эта смена правительственных лиц в Бранденбурге была небезразлична для Петра в отношении к польскому вопросу: павший обер-президент был сторонником в Польше Августа Саксонского, а сменивший его на посту первого министра граф фон Кольбе симпатизировал принцу де Конти.

В тот же день, 16 декабря, у послов был только что вернувшийся в Голландию из Вены цесарский посольский дворянин барон Паралелис и говорил, что при цесарском дворе получены известия о победе, одержанной русскими войсками над турками (при Тавани): «У двора де цесарского величества обносится, что царского величества войска сего настоящего году одержали знатную и счастливую над неприятели победу, а та де ведомость к цесарскому двору дошла из Волоской земли». Цесарь и все его ближние люди радуются победе и воссылают благодарение богу, но желают уведомиться в подробностях, «каким способам ту победу царского величества войска над неприятелем одержали». Цесарь желает также и ожидает прибытия их, послов, в Вену, где сделаны уже все приготовления к их приему. На будущую весну он намерен двинуть свои войска и добывать у турок Белград. Великие послы выразили барону Паралелису благодарность и обещали вскоре вручить ему грамоту к цесарю о победе. Принося поздравления послам, барон, должно быть, делал какие-нибудь особенные реверансы, о чем можно заключать из отметки «Статейного списка», что он «кланялся послам учтиво». Грамоты с известиями о танавской победе к цесарю, а также другим союзникам — в Венецию и Польшу — были отправлены 19 декабря[2].

17 декабря Петр пишет обширное письмо Ромодановскому о переводе одного из кораблей переяславской флотилии, который может быть пригоден для азовского флота, с Переяславского озера в Волгу. Письмо показывает, как неотступно занимает Петра мысль об азовском флоте. Он находит одно из средств для его пополнения и тотчас же пишет целую инструкцию к осуществлению своего плана, снабжая ее самыми детальными указаниями. Будь он на месте, он сам бы лично вошел во все подробности дела; издалека он предусматривает все эти подробности в письме, обнаруживая знание гидрографии бассейна Переяславского озера и припоминая, где хранятся необходимые для предписываемой операции вещи: переносные вóроты и блоки. На мысль о таком способе передвижения корабля, который он рекомендует, его навели приемы, виденные им в Амстердаме, где корабли, сидящие на 22 фута глубиной, втягиваются в гавань глубиной в 8 футов. «Min Her Konich, — пишет Петр, — письмо твое, государское,

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1134—1135; Арх. мин. ин. дел. Дела прусские 1697 г., № 5.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1135—1136, 1138—1145; П. и Б., т. I, № 199, 200, 201.

ноября 12 дня писанное, мне отдано декабря в 14 день, в котором изволишь писать о книге, чтоб сыскать вашему величеству достойную, в чем непрестанно труждаюся и сыскиваю и, сколько мог здесь, сыскал; так же и где инде буду, не обленюсь ваш указ исполнить. При сем доношу, что хорошо вновь строить, а и старая, которая хорошо, не надобно бросать. Понеже ныне, по указу вашему, строится флот морской, есть же в Переславле карабль, которого Клас делал, и мню, что он по новине своей и величеству годен будет в вышереченной флот, и того для прошу ваш моестат, дабы указал оной в грядущую весну сквозь реки Веску и Сумино озеро, и Нерль в Волгу пронесть. Но, хотя оной провоз и не без труда копанием берегов в Веске, но оного места не много (о чем самому вашей светлости известно), и вешняя вода может гораздо к тому пособьствовать. А когда до Сумина озера придет, то оттуды без труда Нерлью, понеже оная река довольной широты суть, а хотя мелка и камниста, но в полую воду довольной глубины будет. Еще же не хочу не возвестить и того вашей светлости, что по весне всегда лед на озере долго плавает, и того ради невозможно вскоре провести корабль; а пока лед разобьет, тогда уже реки спадут, и невозможно будет сего исполнить, о чем я наипокорнейше доношу свое мнение, дабы в конец сей зимы корабль починить, проводить с пробиванием лда и поставить у реки Вески, и когда реки вскроются, тогда тотчас его весть. Еще же и для того пристойно зимою весть, понеже от города Переславля в озера, так же из озера в Веску проходы зело мелки, и того для когда пробьют путь кораблю, тогда удобно с обеих сторон того пробою людем песок розгребать, так же и на том лду; по сторонам же поставить переносные вóроты (которых воротов образец есть на пильной мельнице) и блоки привязать болшие (которых образец есть на пильной же мельнице и у меня на дворе, а есть ли их не довольно будет, мочно их зделать с образцы) и тянуть, как и здесь во Амстрадаме, большие корабли, которые глубиною в 22 фута ходят, а в пристань, которая в 8 футов глубины, таким же образом втягивают. Но понеже здесь тина, а там песок, и того для труднея; однако ж, мню, с разгребанием песка сие исполнитися может; а хорошо б к тому взять из ыноземцев, из матрозов или ис плотников, которые позаобычнее тому делу, о чем не сумневаюсь, что то все высоким и премудрым вашим повелением исполнено будет. За сим в дальные услуги предая себя вашей милости, всегдашний и покорнейший слуга вашей светлости. Piter. Из Амстрада[ма], декабря в 17 день 1697-го»[1].

20 декабря посольство получило из Москвы переводы с двух грамот, поданных шведским посланником Фабрициусом «на приезде», т. е. на приемной аудиенции в Посольском приказе. Одна заключала в себе официальное извещение о восшествии Карла XII на престол после смерти отца и об учреждении в Швеции до его

[1] П. и Б., т. I, № 213.

совершеннолетия регентства; другая — просьбу о пропуске Фабрициуса в Персию. При вручении грамот в приказе посланник объявил от короля великому государю дары — 300 железных пушек — и просил, «чтобы указал царское величество новгородскому воеводе те пушки», когда они будут привезены в Нарву, принять у нарвского (ругодиского) генерала. Посланнику дан был в приказе ответ, что «великий государь изволил ту пушечную присылку принять благодарно» и укажет пушки перевезти зимним путем, о чем из Москвы послана грамота новгородскому воеводе [1].

22 декабря Петр писал князю Ф. Ю. Ромодановскому с подтверждением просьбы о переводе переяславского корабля на Волгу; письмо, продиктованное и в обычном шуточно-официальном тоне обращения к Ромодановскому, как к государю: «Min Her Kenich. Писмо твое, государское, ноября 19-го числа писанное, мне отдано декабря в 20, в котором изволите писать о вашем государском здравии: дабы и впредь господь бог продолжил онае на лета многа! В том же писме изволите писать о посылке в Курляндию по жену господина полков[ник]а Блюмберка, о чем уже я до вашей светлости в прежнем моем писме писал. В том же моем в прежнем писме писал я ноипокорнейши к вашей пресветлости о Переславском болшом корабле (чтоб ево вывесть на Волгу, а каким способо[м], то писано в прежнем писме), о котором и ныне подтвержаю, дабы оное дело монаршеским вашим указом исправлено было. — Господин Брюз приехал сюды декабря 19 дня и отдал от вашей пресветлости писмо, за которое премного благодарствую». К этому писанному чужой рукой тексту сделана собственноручная приписка интимного характера с выговором, вызванным жалобами на Ромодановского полковника Преображенского полка фон Менгдена: «Писалъ Юрья Өамендинъ, что жалованья на 205 готъ не дано, такъ же і деншики отняты. Пожалуй, учини, какъ надлежитъ. І будет такъ, для чего безъ вины такъ дѣлать? Piter. Изъ Амстрадама, декабря въ 22 день 1697-го». А затем, уже подписав письмо, Петр сделал уже совсем интимную приписку с гневом и угрозой, вызванными жалобой только что приехавшего в Амстердам Я. В. Брюса, которого Ромодановский подверг пытке: «Звѣрь! Долго ль тебѣ людей жечь? І сюды раненыя отъ васъ приехали. Перестань знатца с Ывашъкою: быть отъ него роже драной» [2].

23 декабря вернулся из командировки Григорий Островский, привез с собой из Венеции двух капитанов — Стоматика Меру да Андрея Дапиора — греческой веры, «а по данным ему статьям, —

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1146—1152. Там же, стр. 1156—1161 — ответная грамота 1 января, датированная Москвой 1 декабря.

[2] П. и Б., т. I, № 214. В тот же день Петр писал А. С. Шеину со статьями о постройке крепости при впадении реки Миуса в Азовское море (П. и Б., т. I, стр. 671). Письмо не сохранилось. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 224 об.: «28 декабря... дано полковнику Якову Брюсу за постоялое в Амстердаме за прошедшую неделю и за пищу с человеком и за издержанные денги в проезде на Остинский двор, всего 18 ефимков».

замечает «Статейный список», — в Шклявонию не ездил и ничего не учинил и, быв в Венеции толко, возвратился без дела»[1].

24 декабря Петр писал московским своим корреспондентам ряд писем, до нас не сохранившихся, в том числе Т. Н. Стрешневу «пространно» с вопросом: «Каким злым порядком» отступили от Тавани в виду неприятеля белгородский воевода кн. Я. Ф. Долгорукий и гетман. Очевидно, царь был очень недоволен этим отступлением и доискивался его причин[2].

В день рождества была служба в посольской походной церкви. Перенеся на далекую чужбину установившийся в Москве обычай, волонтеры, в числе которых, надо думать, был и Петр, инициатор перенесения этого обычая, являлись к послам со славленьем, за что дано им было 90 золотых. По случаю праздника и за славленье было выдано священнику Иоанну Поборскому 20 ефимков, священнику Василию Григорьеву 3 ефимка, дьякону Тимофею 2 ефимка, Являлись славить Христа и дворяне, бывшие при посольстве: Семен Бестужев, Ульян Синявин, Семен Григорьевич Нарышкин «с товарством» и получили 10 золотых, а также карлы Ермолай Мишуков с товарищи, получившие 2 золотых и 2 ефимка[3].

26 декабря вернулся из Англии с известиями о подаренной английским королем яхте Адам Вейде «и о поведении своем объявил, что он в аглинской земле был и по наказу королю о делех объявил и что аглинский король прислал с ним три корабля да две яхты под валентеров, которым ехать в аглинскую землю, и велено тем валентерам для той посылки делать новое платье». Очевидно, за успешное исполнение поручения майору дана была награда: великие послы 31 декабря писали в Москву в Преображенское, чтобы жене Вейде выдать жалованье — половину его годового оклада[4].

31 декабря Петр обедал у Ф. А. Головина, как это можно предполагать по записи в «Расходной книге»: «Декабря в 31 день взято ко второму великому послу на столовые припасы 10 золотых; в тот день обедали у него валентеры»[5]. В тот же день он писал Ромодановскому и Кревету. Письмо к первому было ответом на его письмо, полученное царем 24 декабря, в котором Ромодановский спрашивал об иноземце Томасе фон-де-Брахте, получившем право беспошлинной торговли табаком по 1 декабря 1697 г. «Еще же, господине, чрез писание сие прошу о ведомости себе: иноземцу Томосу Фаденбряхту, которому велено торго-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1152.

[2] П. и Б., т. I, стр. 671—674. В тот же день письма Л. К. Нарышкину, Г. И Головкину, князю Б. А. Голицыну. Получено письмо от Ромодановского от 26 ноября (там же, стр. 675).

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 28 об., 224.

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 1153; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 29: «Декабря в 27 д. ... дано Адаму Вейде, как он посылан из Амстердама в Англию и, там будучи, давал в подарки, и на провоз, и на пищу себе и человеку своему, издержал 90 золотых».

[5] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 29.

вать табаком в Немецкой слободе, а в указе ему написано: торговать ему велено з двести пятого году по двести шестой год декабря по первое число, и ныне ему срок дошел: ему ль торговать на себя или нашим выборным? О сем, пожалуй, ко мне отпиши» [1].

XXXIV. ПЕРЕПИСКА О ТОРГОВЛЕ ТАБАКОМ В РОССИИ

Чтобы войти в курс этой переписки о табаке и понять вопрос Ромодановского, припомним вкратце наше законодательство об употреблении табака и о торговле им в XVII в. Употребление табака, этого «богомерзкого зелия», было запрещено в Московском государстве под суровым взысканием. В 1634 г. царем Михайлом был издан указ, чтобы нигде русские люди и иноземцы табака у себя не держали, «не пили» его, как тогда выражались о курении, и не торговали табаком под страхом смертной казни и конфискации всего имущества. Этот указ был подтвержден царем Алексеем Михайловичем и вошел в Уложение [2]. В главе XXV Уложения, озаглавленной «Указ о корчмах», есть еще несколько статей, предусматривающих различные случаи нарушения запрета держать табак и торговать им, как-то: о приводе людей, пойманных с табаком, о находке табака, об изветах на людей, держащих табак, о выемке его, о случае подкидывания табака, как поличного, о взятках объезжим головам от тех, кто будут пойманы с табаком [3]. Следствие по этим делам должно производиться с пытками. Смертная казнь за употребление и продажу табака, провозглашенная вошедшим в Уложение указом царя Михаила, была, конечно, только угрозой, что́ видно из статьи 16 той же XXV главы, которая стрельцов и всякого рода гулящих людей, двукратно или троекратно приведенных с табаком, предписывает бить кнутом на козле или по торгам, а за многие приводы у таких людей рвать ноздри и резать носы и после этих операций ссылать «в дальние городы, куда государь укажет», чтоб, на то смотря, иным было неповадно так поступать. Воеводские наказы второй половины XVII в. не только не говорят о смертной казни за табак, но и не упоминают об изувечивающих телесных наказаниях статьи 16 главы XXV Уложения, грозя тем, у кого найдется табак, только кнутом [4]. Как странную непоследовательность, надо отметить, что, несмотря на приведенные выше суровые угрозы за курение табака, само правительство в то же время продавало его в Сибири. Так, в 1646 г. из приказа Большой казны с гостиной сотни Иваном Еремеевым и посадским Иваном Третьяковым было послано в Сибирь 130 пудов табаку с предписанием продавать его во всех сибирских городах всяким

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 675.
[2] Уложение, гл. XXV, ст. 11.
[3] Уложение, гл. XXV, ст. 12, 15, 17.
[4] *Чулков*, История законодательства о табачной промышленности в России (Сборник Мейера, стр. 502—503).

людям, «почему ценою доведется». Воеводам приказано было дать Еремееву и Третьякову для табачного дела съезжий дом, целовальников, рассыльщиков, толмачей, также стрельцов и пушкарей для выемки табака, подьячих для письма, подводы и провожатых для перевоза табака и, наконец, подводы для отсылки в Москву денег, вырученных за продажу табака. Но частная продажа табака преследовалась и в Сибири. Казенная продажа его велась там и в следующих, 1647 и 1648, годах гостями Подошевниковым, Грудцыным и Усовым; употребление табака там распространялось [1]. Росло оно и в Европейской России. Перспектива кнута, рванья ноздрей или потери носа не удерживала курильщиков. Впрочем, возвещенные Уложением суровые наказания едва ли когда применялись на практике, и все бо̀льшая масса народа привыкала «пить» безвредное, хотя и «богомерзкое» зелие из бычачьих рогов, заменявших тогда трубки. Закурил, наконец, и сам царь. Тогда запрещение табака стало явной несообразностью. Перед отъездом за границу 1 февраля 1697 г. Петр издал указ, разрешавший употребление и открытую продажу табака. Указ этот мотивировался всеобщим распространением курения и тайной торговли запретной травой. Царю учинилось ведомо, что «во многих домах у всяких чинов людей табаку является много». Его привозят и из черкасских (украинских) городов, где употребление табака не воспрещалось, и из Польши — через шведскую границу, и из-за моря через Архангельск и продают тайно, не «являя» в таможне и не платя пошлин. В городах его продают даже с ведома воевод и приказных людей, которые за взятки гарантируют торговцев табаком от неприятностей со стороны таможенных голов. Поэтому государь и указал табак привозить к Москве и в города явно и продавать его при кабаках, для чего построить при кабаках особые светлицы, чтобы всяких чинов людям тот табак покупать было свободно. В продаже табака Петр ясно увидел новую доходную статью для казны и обложил его казенным сбором, пошлиной, размеры которой различались, смотря по сорту. С высших сортов — с виргинского табака и кнастера, велено было взимать с фунта по 5 алтын (15 коп.); с «тонкого» или с «польского, что̀ возят из-за шведского рубежа» — по 3 алтына 2 деньги (10 копеек), и, наконец, с третьего сорта: «с черкасского листового и свитого табаку» — по 10 денег (5 копеек). Указ предписывал заведывание табачной торговлей и сбор пошлин поручить головам из гостей или из гостиной сотни, выбрав к ним целовальников в Москве из посадских людей черных сотен и слобод; у торговли в провинциальных городах, а также по торжкам и селам быть выборным из лучших местных посадских людей. Таким образом, организовано было управление табачной торговлей «на вере», подобное тому «верному» управлению, которое ведало питейной торговлей. Собранные до 1 декабря 1697 г. пошлины головы и посадские люди, не внося в казну, должны были

---

[1] *Чулков*, ук. соч., стр. 511—512.

употребить на постройку «светлиц» при кабаках и на обзаведение всем необходимым для торговли табаком, а после этого срока пошлины будут поступать в казну. В указ внесена оговорка, подтверждающая право иноземца Томаса фон-де-Брахта до 1 декабря 1697 г. торговать беспошлинно в Архангельске и в Москве тем табаком, который он купит в Архангельске, право, ранее этого указа предоставленное, о чем довольно глухо упоминает указ — Якову Брюсу. С 1 декабря 1697 г. право на торговлю табаком переходит повсюду, за исключением украинских городов, к казне, причем производство ее по отдельным местностям может быть сдаваемо на откуп. За необъявление продажного табака в таможне указ назначает те же пени и наказания, как и за корчемство. Наконец, устанавливается центральное учреждение для заведывания делами по табачной торговле. Они поручаются ближнему стольнику князю Ф. Ю. Ромодановскому в Преображенском приказе [1].

Во исполнение этого царского указа к середине апреля 1697 г. было положено начало табачной администрации на вере. Верным головой был назначен гостиной сотни Мартын Богданов (Орленок) на год — с 1 декабря 1696 г. по 1 декабря 1697 г.; назначение таким образом было сделано несколько задним числом. К нему велено было в целовальники выбрать посадских людей из московских черных сотен и слобод. Рассылались указы по городам о явной торговле табаком и предписывалось выбрать для заведования ею добрых посадских людей на вере. Воеводы получили приказы давать этим выборным служилых людей для оберегания собранной казны, на заставы, учреждаемые против тайного провоза табака и для производства выемок табака у заподозренных в тайном его хранении людей. Всем делом по устройству администрации табачной торговли руководил Преображенский приказ, из которого шли указы по другим московским приказам, а эти последние отправляли в подведомственные каждому города «послушные грамоты» об исполнении на местах имеющих туда приходить распоряжений Преображенского приказа [2]. «Верная» продажа табака стала, однако, подвергаться некоторым ограничениям и вызывать кое-где сопротивление. Так, указом 23 июня 1697 г. агентам Мартына Богданова запрещено было возить табак в подведомственные Сибирскому приказу инородческие ясачные улусы и менять его на собольи меха и на всякую мягкую рухлядь; продавать его предоставлено было только в городах и только на деньги [3]. Именитый человек Г. Д. Строганов выступил с протестом против ведения табачной торговли в его обширных соликамских вотчинах, ссылаясь на то, что, по словам царского указа, светлицы для табачной торговли следовало открывать при кабаках, а в его вотчинах кабаков нет. Иноземцы Новонемецкой слободы в Москве:

---

[1] П. С. З., № 1570.
[2] Там же, № 1581, 1580.
[3] Там же, № 1590.

голландцы, гамбуржцы и итальянцы подали челобитье, прося у них в Новонемецкой слободе табачной светлицы не строить и высказывая опасение, что эта светлица будет пристанищем злым людям и пропойцам, от которых им будет разорение. Они также указывали, что такие светлицы велено устраивать при кабаках, а у них в Новонемецкой слободе кабака нет с тех пор, как существовавший ранее по их челобитью был закрыт [1].

В таком положении было дело с табачной торговлей к осени 1697 г., когда 14 октября английские послы в Гааге сделали предложение русскому посольству о разрешении английским купцам ввоза в Россию «никоцианской травы» [2] и когда Ромодановский в письме к Петру от 26 ноября спрашивал его, продолжить ли иноземцу фон-де-Брахту право беспошлинной торговли после 1 декабря 1697 г.

«Min Her Konich, — пишет царь, — писмо твое, государское, ноября 26 дня писанное, мне отдано декабря в 24 день, в котором написана о иноземце о Томасе Фаденбрахте, что ему как впредь торговать тобаком? И о том я дивлюся, что изволите писать: о том уже еще зимою указ учинен, таков же, каков Орленку, что первой год на себя, другой год на себя же с пошлинами, в третей год дать торг: хто больши даст, тому и отдать. И о том паки не по малу дивлюсь, разве вашеи, государевы, бояря не донесли вам; а, кажется, дела посредственна. — Холопи ваши, государские, господа послы, при помощии божии в добром состоянии со всеми при них будущими. На будущей недели мы по указу их поедем отселя в Британию». К письму сделана собственноручная приписка: «Писалъ Виниусъ, чтобъ ему быть потъ покъровомъ милости вашей; о чемъ прошу, ізволь учинить по его прошению. Piter. Изъ Амстрадама, декабря въ 31 день 1697-го году» [3].

В письме к Кревету Петр касается проекта постройки гавани и крепости при впадении реки Миуса в Азовское море, составленного инженером Лавалем: «Min Her Krevet. Писмо твое ноября 26-го дня 1697-го писанное, мне отдано декабря в 24 день, в котором пишешь о строении гавона и крепостей на Миясе, о чем я писал с прошлою и з сею почтою ко Алексею Семеновичю. А тебе за то уведомление благодарствую. Мы, богу извольшу, поедем на будущей неделе во отечество твое». Мысль об отечестве Кревета — Англии — заставила Петра вспомнить и о другом англичанине в России, ему близком — Гордоне, и он закончил приведенное письмо к Кревету собственноручной припиской: «Пожалуй, покълонись Петру Івановичю Гордону, понеже і онъ оттуды (т. е. из Англии) такожъ і протчимъ нашей кумпаниі. Piter. Изъ Амстрадама, декабря въ 31 день» [4]. Посольством получена была

[1] П. С. З., № 1622.
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1049.
[3] П. и Б., т. I, стр. 675, № 215; П. С. З., № 1580, 1581.
[4] П. и Б., т. I, № 216. В этот же день Петр писал также Л. К. Нарышкину, А. С. Шеину, А. М. Головину, Г. И. Головкину (П. и Б., т. I, стр. 677). Получено было письмо от Ромодановского с известием об исполнении распо-

в этот день грамота к царю от герцога Шлезвиг-Голштинского Фридриха-Людвига о рождении у него сына, о наречении его в честь царя Петром, с просьбой к царю о восприемничестве при крещении новорожденного принца, в чем царь обнадежил герцога во время пребывания своего в Кёнигсберге. Петр изъявил на это свое согласие, и в таком смысле была впоследствии послана ответная грамота герцогу[1]. В тот же день, 31 декабря, посольство, не переставая заботиться о порученном ему деле найма персонала для азовского флота, отправило приказание новгородскому воеводе командировать шестерых дворян для найма штурманов, боцманов и матросов в шведских городах Ругодиве (Нарве) и Колывани (Ревеле). О разрешении производить такой наем в шведских городах царь просил шведского короля в ответной своей грамоте на королевские грамоты, привезенные посланником Фабрициусом[2].

ряжения Петра о взятии дела князя И. Щербатова из Казанского приказа (там же, стр. 680—681).

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1153—1155; ответная грамота — стр. 1161—1162, датирована 10 января 1698 г. и помечена Москвой.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1156; ср. стр. 1160—1161.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АНГЛИЯ
САКСОНИЯ
ВЕНА
ПОЛЬША

I. СБОРЫ В АНГЛИЮ

Корабли, назначенные перевезти Петра в Англию, стояли наготове в голландской гавани Гельвегслюйсе. «Московского царя ждут с часу на час в Лондоне без посольства, только со свитою из 9 человек», — доносил своему правительству в Вену цесарский резидент в Лондоне Гофман от 29 декабря 1697 г. (8 января 1698 г.)[1]. С 20-х чисел декабря начались сборы к отъезду. «Декабря в 24 день, — читаем в «Расходной книге» посольства, — куплено для аглинского походу волентером Гаврилу Кобылину, Гаврилу Меншикову, Лукьяну Верещагину, Федосею Скляеву, Ивану Кочету, португалцу Антону на немецкое платье верхнее и нижнее сукна доброго $45\frac{1}{2}$ аршин по 2 еф. по 10 денег аршин; итого 95 еф. 9 алт. 2 д.». Из купленного сукна шьется платье волонтерам и самому царю[2]. Покупается «для аглинской поездки» целый ряд разных принадлежностей костюма: «ленты залотные с кистями, что бывают на плече», что-то вроде аксельбантов — предмет, которым обзаводится и сам Петр; далее: «накладные волосы» (парики), шляпы, шпаги и перевязи к шпагам, галстуки, пояса, манжеты, лучки, башмаки, трости и ввиду зимнего времени — спанчи и какие-то особые меховые «муфи», т. е. муфты или рукава россомачьи, выдровые, бобровые, волчьи и лисьи с серебряными и стальными кольцами и поясами. Царь запасся также лисьей шубой, которая была им

---

[1] *Sadler*, Peter der Grosse als Mensch und Regent, 240.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 223 об.; там же, л. 230 об.: «Генваря 4... заплачено портному мастеру Ивану Дефику за дело немецкого платья верхнего и нижнего, которое делано на Остинской двор и салдатом Гаврилу Кобылину, Гаврилу Меншикову, Лукьяну Верещагину и арапу; так ж и за приклад к тому ж платью; всего 83 еф. с гривною». Там же, л. 231: «Генваря 4... заплачено... портному мастеру Белфогеру за дело верхнего и нижнего немецкого платья и за приклад и за пугвицы, которое делано на Остинской двор по приказу второго вел. и полн. посла по трем росписям, 107 еф. 13 алт. 2 д.».

куплена у Лефортова пажа Павла Вуда [1]. Тем, кому платье не делалось в натуре, выдавались деньги на его приобретение [2].

Кроме упомянутых лиц (из которых португалец Антоний не есть ли мальтийский рыцарь Антоний Десенжула, знаток огнестрельных вещей?) к отъезду с царем готовились еще волонтеры царевич имеретинский, Александр Меншиков и Филат Шанский, лекарь Иван Термант, лекарский ученик Иван Левкин, переводчик Петр Шафиров, доктор Петр Посников, полковник Яков Брюс и государевы повара Яков Пенюгин и Осип Зюзин, которым также было сделано немецкое платье [3]. Добывались финансы для путешествия, для чего, во-первых, приобреталась в Амстердаме английская монета: «Генваря в 3 д. ... куплено ... в Амстрадаме аглинских 157 гиней золотых с полугинеею, дано по 2 руб. 13 алт. 2 д. золотой (гинея). Итого за все дано 756 ефимков. Те гинеи куплены для походу в аглинскую землю и отданы на Остинской двор Александру Меншикову», который и в Англии должен был нести обязанности личного государева казначея; во-вторых, куплены были переводные векселя на Лондон: «Генваря в 5 д. ... дано для аглинского походу за переводные писма, по которым в Лондоне взять аглинскою манетою деньги, торговому человеку Ивану Михайлову по двум росписям 3 811 еф. 7 алт. 2 д.»; взято было с собой червонными золотыми 50 золотых на покупку всяких запасов на дорогу. Отпускалась соболиная казна для подарков в Англии: сорок соболей в 300 рублей, сорок в 250 рублей, пара в 60 рублей, пара в 55 рублей, две пары по

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 228: «Генваря во 2 д. ... по указу великого государя заплачено за разные покупки, что куплено для аглинской поездки на Остинской двор и салдатом Гаврилу Кобылину с товарыщи, а имянно: за линт золотной с кистми. что бывает на плече, дано 44 гулдена. За два линта на шпаги 64 гулд. За трои волосы накладные 36 гулд. За три галстуга 6 гулд. 8 ден. За шесть шляп 36 гулд. За шесть шпаг 28 гулд. За две шляпы с перьем да к одной шляпе перья белое — 42 гулдена. За пояс болшой золотной 166 гулд. За две шпаги добрые 29 гулд. За волосы накладные Гаврилу Кобылину 5 еф., за чюлки шолковые 10 гулд. Лукьяну Верещагину 11 гулд. Антонию — 6 гулд. Да за семь муфь или рукавов россамачьих, выдровых, бобровых и волчьих 70 гулденов. И всего за вышеписанные покупки дано вместо 560 гулденов 4 алтын 4 денег — 224 ефимка 4 алт. 4 ден.» Там же, л. 224 об.: «Декабря в 28 д. ... куплено на Остинской двор у галанца торгового человека Абрама Диюнка к немецкому платью два линта золотных с кистми на плеча, даны 25 еф. 13 алт. 2 д.». Там же, л. 229: «Генваря в 2 д. ... еще заплачено по росписям за кисейные галстуги и за моншеты и за пологи на Остинской двор и за дело 22 еф. 14 алт., да Гаврилу Кобылину куплена епанча, дана 14 еф.» Ср. также л. 229 об., 230, 232, 233, 235.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 225: «Декабря в 30 д. ... дано его, великого государя, жалованья лекарскому ученику Ивану Левкину для аглинской посылки на немецкое платье 10 еф.». Там же, л. 231 об.: «Генваря в 5 д. ... лекарю Ивану Терманту на платье для аглинской посылки дано 50 еф.». Там же, л. 233: «Генваря в 6 д. ... переводчику Петру Шафирову за издершки ево, что он издержал для аглинской себе поездки на немецкое платье и на всякие к тому принадлежащие потребы по росписи 85 еф. 1 алт. Ему же «кормовых денег... впредь на две недели генваря от 14-го до 28-го числа для отъезду его в аглинскую землю 8 еф. 6 алт. 4 д.».

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 222 об.

50 рублей, 8 пар по 30 рублей, «и отданы Александру Меншикову». Для перевоза соболиной казны куплен был особый сундук [1]. Устраивались дела в Амстердаме на время отсутствия: с Ост-Индского двора перевезены были в посольский дом, вероятно, в помещение Лефорта, фарфоровая посуда и коллекция морских редкостей в скляницах, для которых впоследствии заказаны были особые деревянные футляры — «ковчеги», куда их поместили, перекладывая хлопчатой бумагой. Прислан был к послам с Ост-Индского двора живший там при государе арап Генрих Сирин [2]. Производилась в первые дни января выдача вознаграждений лицам, оказывавшим царю какие-либо услуги: упоминавшимся уже выше Швертнеру и специалисту по расчистке каналов фон-дер-Валу, мальтийскому рыцарю Десенжуле, Брюсу за покупку какой-то книги и инструмента математического, доктору Рюйшу за показывание анатомии, торговому иноземцу Туртону, корабельному мастеру басу Яну Полю, адмиралу Шею, который 3 января прислал в подарок «палестинского строения» кресты и четки [3].

II. ПРОЩАНИЕ С ПОСОЛЬСТВОМ. ПУТЕШЕСТВИЕ. ПРИБЫТИЕ В ЛОНДОН

6 января накануне отъезда по установившемуся уже обыкновению устроен был у Лефорта прощальный пир, о котором сам Петр выразился на другой день: «а се въчера зело утрудились на пърошанье». За пиром царь несколько раз обнимал своего любимца перед предстоящей разлукой. В тот же день устроен был обед для волонтеров в доме Керстермана, где стоял «комендор» князь А. М. Черкасский и те волонтеры, которые не жили на Ост-Индском дворе [4]. Отъезд состоялся 7 января после полудня.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 229, 231 об., 29, 54 об., 230: «Куплен сундук для соболиной поклажи в аглинской поход, дан 2 еф. 6 алт. 4 д.».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 231: «Генваря в 4 д. ... за провоз с Остинского двора на посолской двор фарфуровых судов и в скляницах всяких вещей, дано 1 ефимок». Там же, л. 252: «Февраля в 5 д. ... заплачено за дело ковчегов деревянных на стеклянные сосуды, в которых обретаютца разные вещи, принесеные с Остинского двора, 2 еф. 6 алт. 4 д.». Там же, л. 269: «Марта в 7 д. ... куплено бумаги хлопчатой на перекладку вещей, которые принесены с Остинского двора в скляницах, 7 фунтов, дано 28 алт.».

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 54 об., 230, 231, 232, 234 об., 29: «Генваря в 3 д. дано вице-адмирала Шея человеку, которой от него к великим послом принес палестинского строения кресты и четки» Там же, л. 55: «Дано вице-адмиралу Шею за палестинские подарки 5 пар соболей по 10 руб. пара».

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 234 об.: «Генваря в 8 д. по приказу великих и полномочных послов заплачено в дому Ягана Керстермана, в котором стоял с приезду в Амстрадам камендор и выборные салдаты, за стол и за питья, которой стол готовлен был про них в праздник богоявлениев день, за 634 гулдена в додачу к 80 золотым да к 8 ефимкам галанскими мелкими денгами 77 еф. 10 алт., а золотой в отдаче положен по галанской цене по 35 алт.».

«Генваря в 7 день, — читаем в «Статейном списке» посольства, — из Амстрадама поехали в аглинскую землю валентеров 16 человек»[1]. Также по установившемуся обыкновению перед самым отъездом Петр написал несколько писем в Москву, сообщая известия о себе и отдавая разные распоряжения. «Min Her Konich, — пишет он Ромодановскому. — Писмо ваше, государское, декабря 3 дня писанное, мне отдано декабря в 31 день, в котором изволишь писать о здравии своем; и я о твоем здравии по всяк час слышать желаю. Здесь, слава богу, все здорово. Сего же часу пришла почта, на которой отдано мне ваше, государское, письмо, в котором писано, будто я об (вашем — ?) фейерверке, в Гаге ради миру учиненном, не писал до вашей пресветлости: о чем покорственно доношу, что еще в то же время писал; разве письмо пропало. При сем доношу, что к службе вашей, государской, куплено здесь 15 000 ружья (а какова сколько, о том буду впредь писать, только зело дешево); на 10 000 подряжено; также в Любке велено сделать к службе же вашей 8 гоубиц да 14 фелтштук. Piter. Из Амстрадама, генваря в 7 день»[2]. Последние слова письма касаются заказа 22 пушек, которые должен был сделать в Любеке посылавшийся туда дворянин Илья Коберт. На имя бургомистров и ратманов Любека была составлена царская грамота с просьбой оказать содействие Коберту в исполнении заказа, а когда пушки будут готовы, — переслать их в шведский город Ругодив (Нарву). Коберту в данном ему наказе предписывалось, приехав в Любек и передав городскому магистрату грамоту, отыскать «лиятельного» мастера, с которым договориться об отливке пушек по принятому образцу[3].

В тот же день Петр писал Л. К. Нарышкину и касался в письме путешествия в Россию архиепископа Анкирского; А. С. Шеину он давал какие-то указания о строении гавани на реке Миусе; в письме к А. М. Головину вел речь о пушках и о форме солдатских лядунок, вводившихся в подчиненном Головину Преображенском полку[4]. В коротеньком письме к Виниусу Петр затронул неизбежную в переписке с Виниусом тему о «железных мастерах»; но подробно говорить ни о чем уже не мог; письмо, видимо, было продиктовано перед самым отъездом в путь. «Min Her Vinius, — читаем мы в этом письме. — Писмо твое, декабря 3-го дня писанное, мне отдано декабря в 31 день, в котором пишешь о железных мастерах, которых здесь отнюдь сыскать

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1162.

[2] П. и Б., т. I, № 221.

[3] П. и Б., т. I, № 211; Пам. дипл. сношений, VIII, 1163—1165; 17 января ему было выдано: недополученного им за 205 год жалованья 152 ефимка 13 алтын 2 деньги, на проезд в дорогу и на прокорм 100 ефимков, да на дачу к пушечному литью за медь мастерам в задаток 200 ефимков. Всего 452 ефимка 13 алтын 2 деньги. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 241.

[4] П. и Б., т. I, стр. 682—684. В тот же день письмо к Г. И. Головкину (там же, стр. 682). Все эти письма не дошли до нас.

нельзя, разве, как будем в немецкой земле. Сего же часу пришла почта другая, о которой по всем писмам отповеди учинить не могу, потому что сего часа едем в Ангелию, а [е]стьли в которых дела есть, учин[им] отповедь з будущею почтою». К этим строкам, написанным рукой писца, Петр прибавил еще собственноручно: «а се въчера зело у[т]рудились на пърошанье; і того для, пожалуй покълонись всемъ, писавъшимъ мънѣ по достоінству; а протиө прошъло[й] почьты писана ко въсемъ. Piter. Изъ Амстрадама, генваря въ 7 день» [1]. Племянник фаворита Петр Лефорт так описывал в письме к родным в Женеву отъезд Петра. Утром 7 января, когда подан был экипаж, он удалился с Витзеном и Францем Лефортом в кабинет последнего и продолжительное время с ними говорил. Витзен передавал Петру Лефорту, что он никогда не видал ничего более трогательного, чем прощанье царя с его другом. Они обнимались так крепко, что оба начали плакать. Сам Петр Лефорт присутствовал вместе с реформатским проповедником Эйро (Eyraud) при последнем моменте прощанья и видел то же, о чем говорил и Витзен. При расставании царь звал Лефорта в Англию в том случае, если он останется там на продолжительное время [2].

Путешествие из Амстердама совершалось водой на яхте. «Из Амстердама, — читаем в «Юрнале», — с Ост-Инского двора поехали в аглинскую землю в яхте в полдни». В половине второго ночи проехали город Лейден. 8 января утром прибыли в Дельфт, «нарочито укрепленный и добре построенный город, в котором делают делфтскую порцелину, тако имянуемую», как замечает Гюйсеновская редакция «Юрнала», город, изрезанный многочисленными каналами, берега которых усажены липами. Двинувшись отсюда, приплыли в местечко Мааслюйс (Maasluis) на берегу реки Мааса при его устье. Здесь пересели на другие суда, бо́льших размеров, и, пробравшись в другой рукав Мааса, прибыли в городок Брилле (Brielle). Путь из Брилле до военного порта Гельветслюйс (Hellvoetsluis) Петр сделал по острову Форне (Voorne) пешком: «Десятник отсе́ль изволил итти пешком, — как записано в «Юрнале», — для того, — поясняет Гюйсеновская редакция «Юрнала», — что дороги водяные и другие проспекты зело красивы и увеселительны» [3]. Придя в Гельветслюйс вечером, «переезжали в мелких судах на корабли и на яхты» ожидавшей английской эскадры под флагом вице-адмирала Митчеля. На кораблях провели ночь. Рано утром 9 января эскадра, состоявшая из двух кораблей, двух яхт и одного «гукора», снялась с якорей и направилась к берегам Англии. Погода, судя по отметке «Юрнала», была бурная, но благоприятная: «Великий ветр был остнорд-ост и шли в пол-паруса; в ночи тако ж». Плыли весь день

---

[1] П. и Б., т. I, № 222.
[2] *Posselt*, Lefort, II, 458.
[3] Походный журнал 1698 г., стр. 1; *Туманский*, Собрание разных записок, т. III, стр. 57.

9-го и всю ночь на 10 января. Рано утром 10-го завидели английский берег и прошли в виду городка Орфорда (Orford), приветствовавшего эскадру пушечной пальбой. За милю до устья Темзы военные корабли, не могшие плыть по реке, отделились от эскадры и, салютуя выстрелами, направились в военную гавань Чатам, а вице-адмирал Митчель и капитаны кораблей перешли на яхту: «Не доехав до реки Темся за милю, на кораблях и на яхтах была из пушек стрельба; и после адмирал сошел с корабля на яхту, капитаны тако ж, а корабли пошли к пристанищу, где воинские корабли стоят. В сумерках въехали в реку Темс и шли во всю ночь». Рано утром 11 января яхты стали на якорь против доков св. Екатерины (ниже Тоуера, по соседству с ним), и царь с сопровождавшими перешли на мелкие гребные суда, на которых и продолжали путь вверх по Темзе: «Проехали, — отмечает «Юрнал», — на правой стороне (для плывущего вверх по реке) здание, именуемое Тур (Тоуер), где аглинских честных[1] людей сажают за караул; проехали мост, на котором дворы построены. Приехали в город Лондон, поставлены в трех дворах мещанских и тут кушали в одном дворе»[2]. «Мост, на котором дворы построены», — это Лондонский мост, единственный в городе до 1769 г., построенный в начале XIII в., сооружение, состоявшее из ряда неправильных арок, на которых находилась часовня св. Фомы Кентерберийского и стоял ряд ветхих домов, так что мост казался как бы продолжением улицы. На обоих его концах возведены были укрепленные ворота, на шпили которых втыкались головы казненных преступников. «Городом Лондоном» в заметке «Юрнала» названо, конечно, лондонское Сити (City), где и были приготовлены для Петра и его спутников три расположенные на самом берегу Темзы дома на улице, теперь носящей название Бокингам-стрит (Buckingham-street) в Адельфи. Помещение, нанятое для царя, описывал в депеше в Вену цесарский резидент в Лондоне Гофман: «По его непременному желанию для него приготовлен на берегу реки небольшой дом, всего только по две комнаты в каждом этаже, со стороны двора (ein kleines Haus so nur 2 Zimmer per Stock hat von Seiten des Hoffes bestehen), откуда он может выходить на Темзу, не будучи замечен, чего он до крайности терпеть не может»[3].

Тотчас по приезде «кушали», как отмечено в «Юрнале», собравшись в одном из отведенных царю со свитой домов. После обеда явился посланный от короля камергер Бертон поздравить с прибытием, выразить благодарность за приезд в Англию и заявить о готовности короля к услугам. Бертон спросил также царя по королевскому поручению, когда ему угодно будет видеться с его королевским величеством. Камергер говорил по-английски; слова его переводил на голландский язык находившийся при царе вице-адмирал Митчель. Петр, поблагодарив за приветствие,

---

[1] Т. е. знатных.
[2] Походный журнал 1698 г., стр. 1—3.
[3] Sadler, Peter der Grosse, 240.

отвечал, что готов видеться с королем, когда его королевскому величеству будет угодно, и к этому ответу присоединил просьбу, чтобы при нем назначен был состоять кто-либо из королевских приближенных, который бы о его желаниях мог доводить до сведения короля, а лучше всего он желал бы иметь при себе вице-адмирала Митчеля, как знающего голландский язык. Видимо, вице-адмирал сумел во время морского переезда приобрести расположение царя. Камергер обещал доложить королю и откланялся. «После кушанья, — так описан этот разговор с камергером в «Юрнале», — присылал королевское величество своего подкормного господина Бертона с поздравлением счастливым приездом, благодарствовать за показанную любовь и за приезд в англинскую землю, объявляя всякую королевскую услугу и желая ведать, когда изволит его царское величество видеться с королевским величеством. И за то поздравление благодарствовал и говорил, что он с королевским величеством видеться готов, когда королевскому величеству угодно будет; говорил англинским языком, а переводил те речи по галански вице-адмирал Мичель; желал, чтоб кого-нибудь приставить ближнего человека, который бы мог всегда доносить его желание королевскому величеству, а и лучше того и вице-адмирала, потому что он галанскому языку доволен. И тот подкоморный человек королевского величества донесть хотел и, поклонясь, и пошел» [1].

В день приезда Петр написал несколько писем в Москву и Амстердам. Из сохранившегося письма в Москву к Виниусу видно, что даже и новые впечатления, испытанные при въезде в Лондон, все же не могли заслонить собой мысли о тех предметах и даже мелочах, о которых он вел переписку с этим корреспондентом. «Min Her Vinius, — пишет ему царь. — Письмо твое, декабря в 10 д. 1697 писанное, мне дошло прошлой пятницы с прочими (на которые отповедь я писал из Амстердама, только за скорою поездкою подлинной отповеди не успел отписать, а иные и не прочел), на которое ответствую, что о железных мастерах многажды говорил Витцену; только он от меня отходил московским часом. А ведомости золотых разных земель, уведомяся, пришлю. Росписку, которую ты прислал к Федору Плещееву, забыли у него, только по нее писал [2], и как получу, отповедь учиню. Пожалуй, поклонись всем знаемым по достоинству. А мы под правлением господина виз-адмирала Меццеля сюды приехали в добром здоровьи сегодня по утру, и как при отъезде, так и при приезде, для отшествия почты, пространнее писать не успел. Piter. Из Лондона, генваря в 11 д. 1698». Действительно, Петр писал в день приезда о забытой расписке Ф. Ф. Плещееву в Амстердам; писал также Лефорту и Ф. А. Головину [3].

---

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 3.
[2] Т. е. затребовал ее.
[3] П. и Б., т. I, № 224, стр. 686.

III. ПЕРВЫЕ ДНИ ПРЕБЫВАНИЯ В ЛОНДОНЕ. ЛОНДОН В КОНЦЕ XVII в.

О прибывшем московском царе в Лондоне пошли разговоры. Начал их сам король. «Сегодня утром, — доносил депешей от 11/21 января в Вену цесарский резидент Гофман, — прибыл сюда московский царь, о привычках и поведении которого я слышал сегодня, рассказывал король, что он, царь (во время переезда в Англию), не пожелал воспользоваться яхтой, а поместился на одном из военных кораблей, что всю дорогу он разговаривал с контр-адмиралом, который его сопровождал, о мореплавании и желал знать об этом до последних мелочей; что он одет был в костюм голландского матроса, а при входе в Темзу надел здешнее платье и парик; что он лазил на верхушку мачты и приглашал влезть туда же за собой адмирала, но тот отказался, сославшись на свою полноту; что вместо того чтобы перейти в одну из посланных ему навстречу в Грэвзенд королевских лодок, он, чтобы не быть узнанным, поместился на барке, предназначенной для перевоза багажа, и, таким образом, не будучи никем замечен, достиг своего жилища, расположенного на берегу Темзы; что с ним находятся 27 человек, а послов он оставил в Голландии. К этим подробностям о его прибытии сюда король прибавил, что это — государь, который забавляется только кораблями и мореплаванием и совершенно равнодушен к красотам природы, к великолепнейшим зданиям и садам и что он говорит и понимает по-голландски лишь о том, что касается мореходства. Как прибыл он сюда инкогнито без всякой церемонии и приема, то и поместился со своей свитой в трех маленьких соседних домах, так что слишком любопытная толпа не будет знать, на какой из домов устремить глаза, чтобы его увидеть» [1].

В толпе было возбуждено сильное любопытство; лондонская чернь сбегалась смотреть на царя. «Его величественная фигура, — пишет Маколей, — его лоб, показывавший ум, его проницательные черные глаза, его татарский нос и рот, его приветливая улыбка, выражение страсти и ненависти тирана-дикаря в его взгляде, когда он хмурил брови, и в особенности странные нервические конвульсии, по временам обращавшие на несколько секунд его лицо в предмет, на который нельзя было смотреть без ужаса, громадное количество мяса, которое он пожирал, пинты водки, которые он выпивал и которая, по рассказам, была заботливо приготовлена его собственными руками, шут, юливший у его ног, обезьяна, гримасничавшая у спинки его стула, — все это было несколько недель любимым предметом разговоров. А он, между тем, избегал толпы с гордой застенчивостью, разжигавшей любопытство» [2].

12 января, на следующий день по приезде, вице-адмирал Митчель явился к царю с объявлением, что его желание королем

---

[1] *Sadler*, Peter der Grosse, 240—201.

[2] *Маколей*, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 65—66.

исполнено и ему, Митчелю, поручено состоять при его царском величестве, оказывать ему всякую услугу и доносить королю обо всех его желаниях. 14 января адмирал предупредил Петра о предстоящем визите короля, который и посетил царя вскоре затем в этот же день запросто в сопровождении лишь небольшой свиты. «Вильгельм, — говорит, описывая этот визит, Маколей, — благоразумно сообразовался с капризами своего высокого гостя и пробрался на его квартиру так тихо, что никто из соседей не узнал его величества в сухощавом джентльмене, вышедшем из небогатой кареты у царского подъезда» [1]. «Приходил вице-адмирал, — читаем под 14 января в «Юрнале», — говорил. . . что хотел быть королевское величество. И после того был у нас король и был с полчаса; а с ним были 4 человека, ближние люди». 15 января у царя был с визитом принц Георг Датский, брат датского короля Христиана V, муж принцессы, наследницы английского престола, будущей королевы Анны: «Был у нас датский принц», — лаконично отмечено в «Юрнале» [2]. Подробности об этих двух визитах сообщал своему двору в депеше от 18/28 января цесарский резидент Гофман. «В прошлую пятницу, — пишет он, — король перед тем, как отправиться в парламент, совершенно инкогнито сделал визит царю в карете графа Ромни и в сопровождении только этого графа, Альбермаля и одного гвардейского капитана и застал его неодетым, в одном только жилете. Датский принц сделал также визит, причем это свидание происходило стоя. Царь еще не отдал ответных визитов. Его образ жизни совершенно необыкновенный. Он спит вместе с так называемым князем Александром (Имеретинским), с одним медиком и еще с тремя или четырьмя лицами в одной небольшой комнате, отчего, когда король вошел к нему в комнату, надо было, несмотря на сильный холод, открыть окно, чтобы избавиться от испорченного воздуха» [3]. В Лондоне тогда рассказывали, что во время визита короля к царю произошел неприятный эпизод. Едва только король сел, как находившаяся при Петре обезьяна, помещавшаяся за спинкой его стула, с яростью прыгнула на короля, и бо́льшая часть визита прошла в улаживании этого неприятного эпизода [4].

Вечер 15 января проведен был в театре — «в комедии», по отметке «Юрнала». Давалась пьеса под названием «Королевы соперницы, или Александр Великий». Царь, появившись в ложе со спутниками, тотчас же стал сам предметом зрелища и, заметив, что публика из партера, лож и галлерей смотрит не на сцену, а на него, принужден был прятаться за спинами спутников. Театры в Англии при господстве пуритан в эпоху первой революции были закрыты. По возобновлении их деятельности во время Реставрации они стали щеголять роскошью обстановки,

---

[1] Там же, стр. 66.
[2] Походный журнал 1698 г., стр. 4.
[3] *Sadler*, Peter der Grosse, 241.
[4] *Bishop* Burnet's, History of his own time, edit. 1833, IV, 406, not.

декораций и костюмов и отличаться крайней скабрёзностью даваемых пьес. Последнее свойство театральных представлений оттенялось еще тем, что со времени Реставрации впервые в женских ролях, ранее исполнявшихся мужчинами, стали выступать лица женского пола. «К обаянию искусства, — говорит Маколей, изображая английский театр в последней четверти XVII в., — присоединилось обаяние пола, и молодой зритель с волнением, незнакомым современникам Шекспира и Джонсона, увидел миловидных женщин в ролях нежных и веселых героинь... Ничто так не характеризует этих времен, как заботливость, с какой поэты влагали все самые беспутнейшие стихи свои в уста женщин. Произведения, отличавшиеся наибольшей вольностью, были эпилоги. Они почти всегда декламировались любимыми актрисами, и ничто так не очаровывало испорченных слушателей, как чтение грубо неприличных стихов какой-нибудь красивой девушкой, о которой предполагалось, что она еще не утратила невинности» [1]. В смысл пьесы Петр мог вникать, разумеется, только при посредстве переводчика и особой склонности к театру не обнаружил: побывал в нем, судя по отметкам «Юрнала», всего один раз. Но к «обаянию пола», о котором говорит Маколей, он не остался равнодушен, и можно думать, что при этом именно посещении театра свел знакомство с актрисой Кросс, с которой и вступил в кратковременную, впрочем, связь. К этому новому знакомству, вероятно, относится отметка следующего дня, 16 января, в «Юрнале»: «были дома и веселились довольно», или «веселились довольно *с гостьми*», как читаем в другой редакции «Юрнала», может быть, именно в обществе очаровательной артистки [2].

За следующие три дня, 17, 18 и 19 января, нет отметок в «Юрнале», но трудно допустить, чтобы кипучая энергия Петра позволила ему оставаться дома и быть праздным в новом месте, и пропуск в «Юрнале» вернее объяснить случайностью. По крайней мере упоминавшийся неоднократно цесарский резидент Гофман от 18/28 января доносил своему правительству об осмотре царем города: «При осмотре города он обыкновенно ходит пешком, а когда устает, садится в извощичью карету. Раз он побывал в опере и сажал свою свиту перед собой. Но как он ни старается не быть узнанным, его легко узнать по постоянным конвульсиям в руке и ноге и особенно в глазах. Сильный холод, который держит лед на Темзе, мешает ему отправиться в Чатам осматривать большие военные корабли, что́ только и доставляет ему удовольствие» [3].

Лондон конца XVII в. мог поразить осматривавшего его чужестранного путешественника теми же чертами, какими он поражает и современного нам наблюдателя: громадностью размеров, множеством сохранившейся старины и тем уменьем сочетать ста-

---

[1] *Маколей*, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 335—336.
[2] *Туманский*, Собрание разных записок, т. III, стр. 60.
[3] *Sadler*, Peter der Grosse, 241.

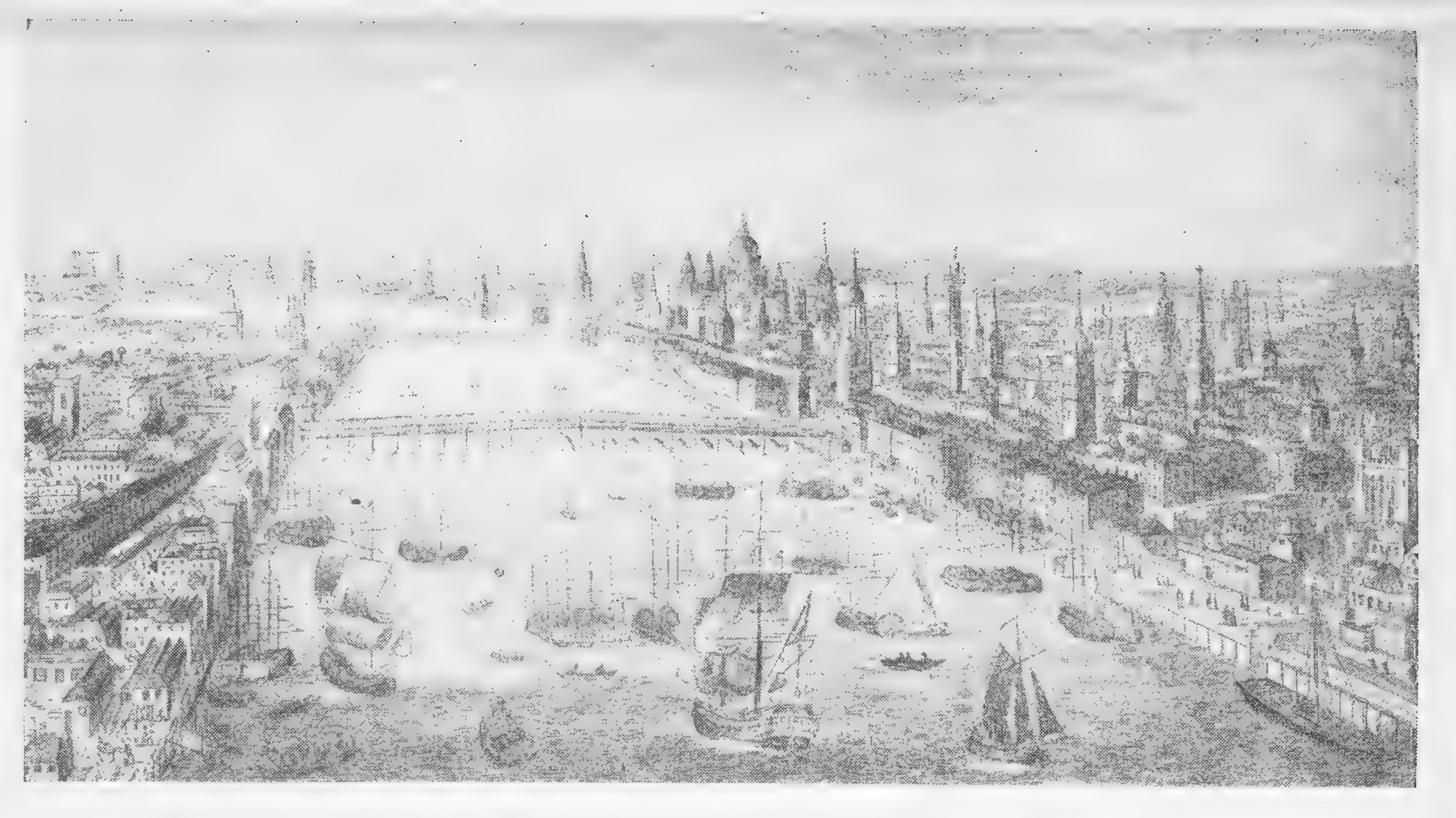

Рис. 25. Лондон (общий вид). Гравюра XVIII в.

рину с требованиями новых условий, которое составляет отличительное свойство и секрет английской жизни. И тогда уже Лондон был самым большим городом Европы. Правда, в конце XVII в. городская территория охватывала не все местности, входящие в нее теперь. Некоторые в наши дни лучшие и густо населенные кварталы Лондона были в те времена не более, как пригородными селами или пустырями, где паслась скотина и где бродили охотники с собаками, стреляя вальдшнепов. Через Темзу существовал всего один, так называемый Лондонский, описанный выше, мост. Но, будучи в несколько раз меньше нынешнего, Лондон занимал тогда по размерам и по числу жителей первое место среди европейских городов. В нем насчитывалось тогда более полумиллиона жителей.

Внимание путешественника невольно должны были привлекать к себе громадные здания, также редко превзойденные по размерам зданиями других городов. В то время когда Петр был в Лондоне, собор св. Павла, этот величественно возносящийся теперь над городом достойный собрат римского собора св. Петра, еще достраивался и не был закончен; но и в таком виде он уже мог поражать зрителя величием своих выступавших сквозь не снятые еще леса очертаний. Высились над крышами бесчисленных домов громады Ратуши (Guildholl), выстроенной в эпоху Возрождения, Вестминстерского аббатства и Тоуера, при взгляде на который воображение уносится ко временам Цезаря. Нигде, может быть, даже в Венеции, не было тогда стольких громадных и роскошных дворцов, королевских и частных, принадлежавших знати и богатому купечеству, как в Лондоне. Купеческие дворцы находились тогда еще в центральной древнейшей части Лондона, там же, где помещались банки, склады и магазины. Коммерческие короли еще не переносили своих резиденций на новые широкие улицы в роскошные виллы, окаймленные зеленью садов и парков. Купцы жили еще там, где торговали, и оживление Сити, теперь с правильностью морского прилива и отлива нарастающее днем и прекращающееся к вечеру, когда разного рода торговые заведения закрываются и эта исключительно деловая часть города пустеет, — тогда поддерживалось равномернее. По размерам торговых оборотов, создававших богатство Англии, Лондон соперничал еще с Амстердамом, который уступил ему первое место только впоследствии. В Лондон стягивались нити мировой торговли. Корабли, выгружавшие громадные запасы товаров в склады Сити, бороздили моря земного шара; лес мачт виднелся на Темзе до Лондонского моста; многочисленные и обширные верфи и доки, устроенные по берегам этой реки в восточной части Лондона, столь привлекавшие Петра, свидетельствовали о размерах английского судостроения и заморской торговли. Одно из двух средоточий мировой торговли Лондон в конце XVII в. был также центром огромного промышленного производства. Правда, этого нельзя было заметить по внешнему виду города, как это сразу бросается в глаза теперь. Не было тогда еще бес-

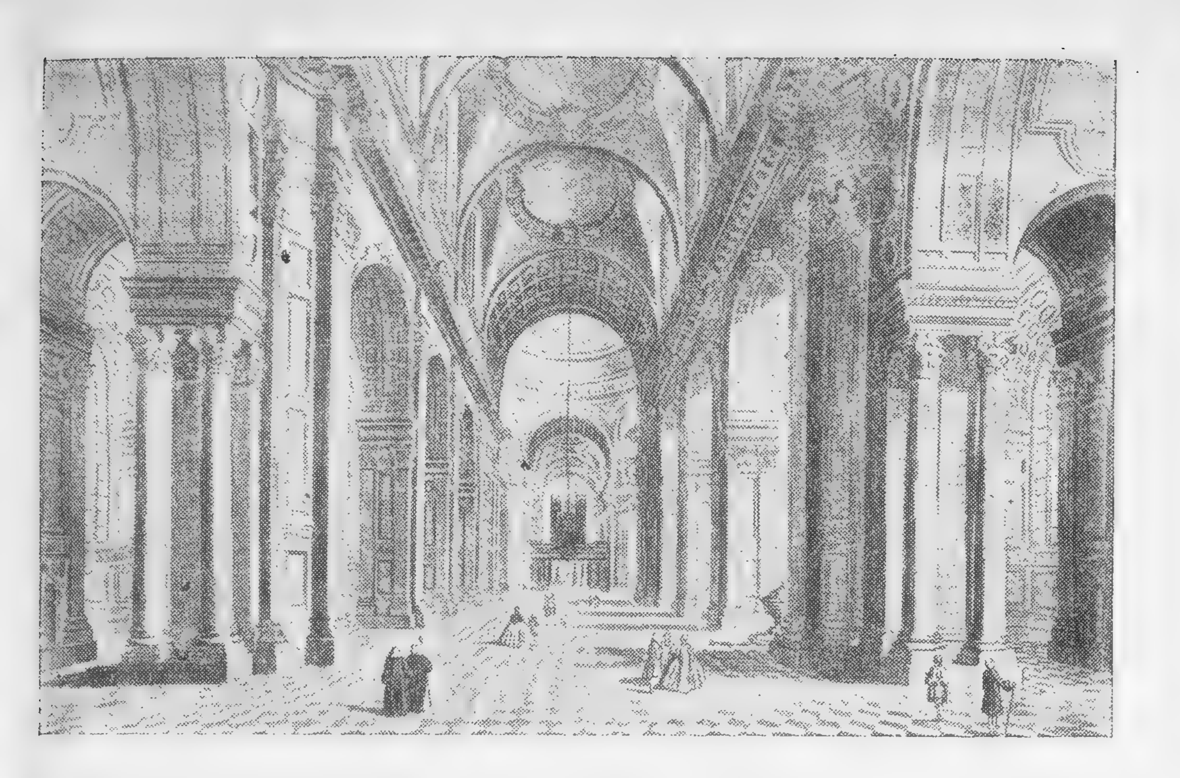

Рис. 26. Собор св. Павла в Лондоне
(внутренний вид). Гравюра середины XVIII в.

численного множества фабричных труб, окутывающих город клубами черного дыма, так как фабрики не работали еще паровыми машинами, были «мануфактурами» в полном смысле этого слова. Но число этих мануфактур и количество производимых ими изделий, относительно конечно, по тому времени были внушительны.

Во время пребывания Петра Лондон продолжал еще отстраиваться после громадного пожара 1666 г., истребившего несколько тысяч зданий, и гений Христофора Рена (Wren), создателя собора св. Павла, находил себе широкое приложение. Но все же и такой грандиозный пожар не мог истребить всей лондонской старины, восходящей ко времени норманнского завоевания, набегам датчан или даже к нашествию римлян, и эта старина глядела на зрителя в каждом углу громадного города готическими фасадами церквей, видевших под своими сводами закованных в железо крестоносцев и баронов, добывавших Великую хартию вольностей. Может быть, еще более, чем в фасадах и сводах зданий, старина выступала в Лондоне в нравах и обычаях его населения: в парламентской и судебной процедуре, в уличных процессиях, в разного рода обрядах публичной и частной жизни. Но привязанность к старинным формам и обычаям не мешала развиваться ни новым потребностям, ни новым средствам их удовлетворения. Старина отлично ладила и уживалась с прогрессом. Рядом со средневековой готикой строились здания новых стилей, заводилась новая обстановка, бывшая последним словом роскоши, появлялись и пользовались успехом новые моды, привива-

лись новые привычки. С 1680-х годов улицы города, до тех пор погруженные по ночам в непроницаемый мрак, стали освещаться фонарями. Со времени Реставрации нововведением в Лондоне, быстро привившимся и все размножавшимся, были кофейни, куда привыкало сходиться общество, обсуждавшее политические и торговые новости, городские слухи, явления литературы, театрального искусства и науки. Приманки и прелести жизни громадного города, разного рода сооружения и учреждения, возбуждавшие интерес, окна магазинов со множеством невиданных ранее редких и занимательных предметов, привлекающих внимание и любопытство, городские удовольствия и развлечения, словом, весь этот шумный поток городской жизни не мог так или иначе, в большей или меньшей степени не захватить или по крайней мере не коснуться даже и такого неподготовленного к особенностям чужого быта путешественника, каким был русский путешественник конца XVII в.

IV. МАРКИЗ КАРМАРТЕН. ПЕРЕПИСКА ПЕТРА С ПОСОЛЬСТВОМ

20 января «в первый раз, — как замечает «Юрнал», — были в Детфорде». Детфорд, теперь слившийся с Лондоном и составляющий один из кварталов столицы, тогда был еще отдельным маленьким городком ниже Лондона на правом берегу Темзы при впадении в нее речки Равенсбурн. Здесь находились привлекавшие Петра корабельные верфи и доки. 21 января царь со спутниками испытали новый род удовольствия — «были в мошкаре», т. е. на маскараде, «при дворе», по случаю «начала корновала», как добавляет редакция «Юрнала» барона Гюйсена [1]. Наконец, 23 января Петр отдал визит королю в Кенсингтонском дворце. «Был после полудня десятник у короля, — читаем в «Юрнале»,— и, быв с два часа, приехали домой». Некоторые подробности этого визита сообщены австрийским резидентом Гофманом, доносившим своему правительству о пребывании царя в Англии: «Третьего дня в воскресенье после полудня, в 4 часа, царь впервые отдал королю визит в Кенсингтоне в сопровождении только двух лиц и здешнего адмирала, который его сюда привез (Митчеля). Король говорил с ним по-голландски, и он в своих ответах почти всякий раз предупреждал переводчика, знак, что он достаточно знает язык. Ни гвардия и никто другой ничего не знали о его визите. Он был одет в московское платье [2]. В Лондоне рассказывали тогда, что при посещении Кенсингтонского дворца царь не обратил никакого внимания на украшавшие дворец картины и другие художественные произведения, но очень

---

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 4; *Туманский,* Собрание разных записок, т. III, стр. 60.

[2] *Sadler,* Peter der Grosse, 241. Депеша от 25 января / 4 февраля. Гофман неточно обозначает дату визита: «третьего дня»; см. Походный журнал 1698 г., стр. 4.

заинтересовался находившимся в королевском кабинете прибором, показывавшим направление ветра[1]. Ремесло, техника и в особенности инструменты, имеющие хотя бы некоторое отношение к мореплаванию, интересуют Петра гораздо более, чем недоступное его пониманию чистое искусство, вкус к которому начнет у него развиваться впоследствии. К числу рассказов в подобном же роде относятся и рассказы о том, как царь, посещая лондонские фабрики и мастерские, побывал в мастерской знаменитого часовщика Карте, купил там замечательные географические часы и до того заинтересовался техникой производства часов, что сам выучился безукоризненно собирать и разбирать их, или как он купил у одного гробовщика гроб и отправил его для образца в Россию[2].

Под 24 января «Юрнал» отмечает, что «были в вечеру у адмирала Кармартена»; «на ассамблее адмирала Кармартена, у которого и ужинали», по редакции «Юрнала» барона Гюйсена[3]. Перегрин-Осборн маркиз Кармартен, строитель подаренной Петру королем яхты «The Transport Royal», особенно полюбился Петру, и царь с ним близко сошелся. Это был сын первого министра Вильгельма III, графа Данби, маркиза Кармартена, и с 1694 г., когда отец был пожалован титулом герцога Лидса, он унаследовал отцовский титул маркиза Кармартена. Отец, первый министр, один из вождей партии кавалеров во время первой революции, выдающийся политический деятель при Карле II, участник революции 1688 г., человек, горячо преданный королеве Марии, пользовался большим доверием Вильгельма, но в 1695 г. был уличен в крупной взятке в несколько тысяч фунтов с Ост-Индской компании, впал в немилость, принужден был удалиться от политики и ограничивался только участием в заседаниях палаты лордов. Королевская опала не распространялась на сына, и, как видим, Перегрин Кармартен получил поручение от короля построить для царя яхту и уведомить царя письмом о королевском подарке. Он служил во флоте, командовал в качестве капитана последовательно несколькими кораблями, участвовал в битвах и в 1693 г. получил чин контр-адмирала. Потерпев в июне 1694 г. неудачу при высадке, предпринятой англичанами в бухте Камарэ у Бреста, он более не назначался на ответственные должности на морской службе. Ко времени знакомства и дружбы с Петром ему было 40 лет. Это был страстный моряк и кораблестроитель, любитель морских приключений, храбрец, дуэлянт,

---

[1] *Маколей*, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 66. Сведения о пребывании Петра в Англии Маколей в значительном количестве почерпал из писем L'Hermitage, француза, жившего тогда в Лондоне и состоявшего корреспондентом Голландских штатов. L'Hermitage передавал в письмах разговоры, ходившие по городу.

[2] *Фирсов Н.*, Английские сведения о пребывании Петра Великого в Лондоне («Древняя и новая Россия», 1877, № 9, стр. 77); *Шубинский*, Исторические очерки и рассказы. Петр Великий в Дептфорде, стр. 16.

[3] Походный журнал 1698 г., стр. 4; *Туманский*, Собрание разных записок, т. III, стр. 60.

веселый человек и занимательный собеседник за бутылкой. В тех пасквилях, которыми виги немилосердно травили его отца, первого министра, не щадя его семейства, Перегрин, очевидно за веселый и подвижной характер, называется «сынком-плясуном» (dancihgson). Кармартен постоянно плавал на собственной, построенной по его чертежам, небольшой, но замечательно быстроходной яхте «Перегрин», которая благодаря своей быстроте оказала услуги правительству при поимке на Темзе в 1690 г. якобитских заговорщиков, плывших во Францию с важными письмами. На этой же яхте он делал смелую до дерзости разведку, подходя к французским берегам перед высадкой у Бреста. Понятно, почему Кармартену, строителю такой яхты, было поручено королем построить судно «The Transport Royal», предназначенное в подарок московскому царю.

Рис. 27. Маркиз Кармартен

Рисунок заимствован из книги *Брикнера*, История Петра Великого

Вышеупомянутые письма маркиза к царю и к Лефорту по поводу подарка сопровождались еще письмом на французском языке к Лефорту от некоего Шаслупа, как он рекомендовался, «английского короля служителя», находившегося под начальством Кармартена. В этом препроводительном письме Лефорту сообщалась целая характеристика Кармартена, и так как письмо, несомненно, было доведено до сведения Петра, то он заранее мог составить себе представление о маркизе и заинтересоваться им. Письмо это сохранилось в соврменном переводе, который, надо думать, и был в руках Петра [1]. «Мой господине, — писал Шаслуп. — Понеже я имею честь по указу королевскому быть под владетелством у милорда маркиза фон Кармартон, полковника первого полку салдат морских в службе королевского величе-

[1] Арх. мин. ин. дел, Английские дела 1697 г., № 5, л. 1—3. «Перевод с французского писма з грамотки, какову писал к генералу и адмиралу и наместнику новгородцкому Францу Яковлевичу Лефорту аглинского короля служитель Петр Шаслуп в нынешнем 206 году ж ноября в 19 д.»

ства великобританского обретающихся, и тот милорд повелел мне себе честь дати, сию грамотку к тебе, господину моему, писати для того, что он сам не может на ином языке, кроме аглинского, писать, тебя прося, чтоб ты такую милость показал и сию при сем обретающуюся грамотку его кесарскому величеству великому царю государю своему в собственные руки вручил. Сия грамотка есть о фрегате, имянуемой «Королевской транспорт», которую королевское величество цесарскому величеству в дар приносит. А строил оную помянутой милорд по указу королевскому и мнит он, что та фрегата есть так построена, что может во удоволство быть такому великому кесарю. И не мог оставити помянутой милорд притом послати Виллима Реплиа капитана, владетелство всегда над тою фрегатою имеющего в такой надежде, что он пристоен будет к сохранению и управлению такой изрядной фрегаты, которого капитана помянутой милорд чрез долгое время выучил, как ему такое владетелство иметь и на море ездить. Многие корабли в аглинской земле строиваны скорого и лехкого бегу, но еще никоторой таков скороходом никогда не бывал, как сия фрегата. Я могу дерзнути и молвить, что он, милорд маркиз фон Кармартон, есть токмо единая особа изо всей Европы, которой совершенно в знании строения всяких кораблей имеет, каковы оные быть ни могут, так что король почасту ему сам удивлялся. Его великая власность и честь не пременила и не отвела его намерения от учения и прилежания непрестанно к строению и ходу корабелному. А имел он иные многие чины в сей последней войне и был един из адмиралов, владетелствующих над караваном морским, в котором достоинстве он многократно великие дела исполнял, а наипаче на бою Лагурском, где он девять болших французских караблей зжег и в том случае имел он, милорд, владетелство над всем караваном. Я не буду здесь писать о всех иных случаях, в которых он всегда бывал; его мужество и поступки в житии прославят его в пред идущие лета, как в животе, так и долгое время по смерти его. Я прошу, мой господине, прощения, что дерзаю вас толь многим писмом обеспокоивать, ибо за благо почел тебя, господина, уведомить о знатных заслугах и мужестве того благородного господина. Он имеет многие чрезвычайные моделли[1] к строению караблей, как и та фрегата есть собственной его работы. И не сумневаюся в том, что естли его кесарское величество пожелает какого наставления или моделлей к строению караблей по аглинскому обрасцу, то он, милорд Кармартон, будет всегда то за великую честь и утеху себе почитать его кесарскому величеству служити во всем том, чего он от него возжелает. Что же о мне приналежит, мой господине, хотя я тебе незнаем, однако ж естли бы я таков счастлив мог быти в некоторых делех его кесарскому величеству, твоему государю, служити, и я б то за славу себе почел. И прошу о своей особе, чтоб изволил тако

---

[1] На полях написано: «обрасцы».

учинити, како сам изволишь. Аз пребываю с нижайшим почтением ваш подданнейший послушный раб. Петр Шаслуп. Из Лондона ноября в 9 день».

Петр ехал в Англию закончить курс кораблестроительного искусства и именно желал «наставления и моделей к строению кораблей по английскому образцу»; естественно поэтому, что ему особенно интересен был Кармартен, если и не как «единая особа из всей Европы, которая совершенство в знании строения всяких кораблей имеет», то как кораблестроитель, не только знающий хорошо методы английского кораблестроения, но и вносивший в это искусство какие-то свои собственные оригинальные принципы, притом обладатель коллекции моделей разных судов. Все это побуждало царя сблизиться с интересовавшим его адмиралом, а открытый и веселый нрав последнего облегчал такое сближение. Он мог рассказать Петру, по словам Маколея, «о всякой мелочи на корабле от носа ко кормы». Он охотно сопровождал царя в его прогулках на яхте по Темзе, и нет ничего невероятного в передававшихся в Лондоне известиях, что царь любил поговорить с ним, попивая особый напиток Pepper and brandy — коньяк, настоенный на перце.

27 января Петр посетил музей основанного в 1660-х годах, но уже к концу столетия стяжавшего почтенную известность Королевского общества: «Был на дворе, на котором всякие денежные вещи, а тот двор Роял-Социетет», — как отмечено это посещение в «Юрнале». 28 января по желанию короля живший тогда в Лондоне знаменитый художник, ученик Рембрандта, Готфрид Кнеллер начал писать с Петра портрет. Портрет, изображающий молодого двадцатипятилетнего Петра с крупными чертами открытого лица, с мужественным и полным энергии взором больших красивых глаз, с длинными вьющимися волосами, в металлической кирасе, в перекинутой через правое плечо царской, опушенной горностаем мантии с застежкой из драгоценных камней и жемчуга, так верно передавал оригинал, что иностранец-путешественник Корнелий Дебруин, через три гора посетивший Москву и впервые увидевший Петра в доме голландского резидента, тотчас же узнал его по виденному им портрету Кнеллера. Портрет этот находится во дворце Гамптон-Корт, бывшем любимой резиденцией короля Вильгельма III [1].

Январь был закончен пиром 31-го у английского коммерсанта, ведшего торговые дела с Россией, Андрея Стейлса: «Были у Андрея Стелса и у него кушали, и приехали домой веселы». «У сего Стелса, — замечает «Юрнал» в редакции Гюйсена, — есть в Москве сродники домовитые и богатые» [2].

---

[1] *Sadler.* Peter der Grosse, 241, депеша Гофмана от 7 февраля: «Der Czar lässt sich auffs Königs verlangen von dem famosen Teutschen Mahler Chevalier Kneller abconterfeien»; *Устрялов,* История, т. III, стр. 108.

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 5; *Туманский,* Собрание разных записок, т. III, стр. 60.

Рис. 28. Петр I

Портрет маслом работы с натуры Готфрида Кнеллера, 1698 г. Оригинал находится в Англии (заимствовано из издания «Письма и бумаги Петра Великого», т. I)

1 февраля Петр опять у Кармартена: «Были в вечеру у Кармартена; у него кушали» и беседовали с ним «много о посольских делах», — как добавляет Гюйсеновская редакция «Юрнала». 3 февраля вечером, как мы узнаем из депеши Гофмана, царь отдал визит принцу Георгу Датскому и принцессе Анне, соблюдая также строжайшее инкогнито. Царь приехал в обыкновенном наемном экипаже в сопровождении трех человек. Во время визита, по известию того же дипломата, царь и принцесса сидели, а принц с находившимися при этом дамами стояли. При расставании принц обнаружил намерение проводить царя до экипажа, но Петр ни за что не хотел допустить этого[1]. 6 февраля он вторично побывал в Дептфорде, куда намеревался переехать на житье и куда привлекали его находившиеся в Дептфорде королевские верфи.

7 февраля почта доставила царю письма из Амстердама от Лефорта, Ф. А. Головина и Ф. Ф. Плещеева.

По отъезде царя в Англию посольство продолжало ту же деятельность, которой оно занято было при нем по возвращении из Гааги: нанимало на русскую службу иноземцев-специалистов и приобретало необходимые для флота вещи и припасы. В расходных книгах за январь 1698 г. упоминается о принятии на службу голландца-поручика Павла Болия и бомбардиров Якова Геринга и шведа Рудольфа Горшоу; о покупке у торгового человека Бергейса большой партии картузной бумаги — 200 стоп — к корабельным припасам; об изготовлении для образца трех больших блоков с колесами, векшами и стержнями для подъема кораблей; уплачен был очередной взнос в 2 000 ефмиков за заказанное оружие — мушкеты. Но расходные книги дают лишь некоторый намек на эту деятельность, не входя, конечно, во все ее детали. Большое участие в этих трудах посольства, в переговорах с иноземцами-специалистами и в приобретении корабельных припасов принимал сблизившийся с послами капитан Корнелий Крюйс[2].

Досуг проводился в осмотре достопримечательностей и в развлечениях. 12 января к Лефорту приехали из Женевы брат его Яков и племянник от сестры Шуэ; их принимали у себя и угощали и товарищи Лефорта по посольству. 14 января послы посетили Ост-Индский двор, где им «были показываны разных родов остинские пряные зелья и многие разные вещи»[3]. Из записи «Расходной книги» за 22 января: «дано комедианту Филиппу Фангеле за комедии, которых смотрили все великие и полномочные послы и дворяне, и люди их, 22 ефимка 2 алтына»,

---

[1] *Sadler*, Peter der Grosse, 242.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 241, 242 об. — 243, 247, 242 об., 244 об.: «Генваря в 22 д. ...дано за три блока большие, которые зделаны на образец к подъему караблей, и за колеса, и за векши, и за стержни блокового дела мастеру Авраму Долу по договору 47 еф.»

[3] *Posselt*, Lefort, II, 461 и сл.; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 29: «дано приставником за показ 10 золотых».

видно, что состав посольства интерессовался театром. 25 января Ф. А. Головин выезжал большим поездом со свитой в санях, причем на этот выезд потребовалась 21 лошадь, в Саардам навестить работавшую там русскую знать. «Генваря в 25 д., — читаем в «Расходной книге», — ездил второй великий посол из Амстердама в деревню Сардам; на всякие потребы в дорогу дано 15 золотых» [1]. Об этой поездке Головина в Саардам находим рассказ и в записках Ноомена с точным указанием даты: «4 февраля/26 января приезжал сюда в Зандам по льду на тройке в санях один из его послов. При нем находился какой-то молодой князь, священник с длинной бородой (вероятно Иоанн Поборский) и некоторые другие лица. Они остановились у своих земляков в вышеупомянутой каменной комнате, нанятой москвитянами у Дирка-Классона Гейнеса недалеко от улицы Финкепада: там они изрядно веселились, хорошо ели и пили и до полуночи заставляли играть музыканта. 5-го числа упомянутый посол отправился с двумя или тремя лицами из своей свиты по Геренвегу в дом Мейндерта-Арентсона Блума, где им подавали хороший чай и разные другие угощения. 6-го числа они уехали на лошадях и в санях в Амстердам по высокому Зедейку, так как была сильная оттепель» [2].

Чувства, настроения и занимавшие мысль дела отражались в письмах послов к царю. Лефорт, разлучившись с царем, писал к нему часто, иногда даже по нескольку раз в день. Так, от января 1698 г. сохранилось семь его писем — от 10-го 14-го, два от 20-го и три письма от 27 января. Все эти письма и были доставлены Петру с одной почтой 7 февраля, так как тогда неблагоприятные ветры служили препятствием к регулярным сношениям между Англий и Голландией и временами задерживали их. В первом из писем, писанном по поручению Лефорта от его имени, но не собственной рукой, Лефорт сообщает царю, что ему писал из Берлина ближний человек курфюрста Бранденбургского фон Фукс о том, что узнал из курантов о поездке Петра в Англию и просит известить, когда царь оттуда вернется, так как курфюрст желает с ним вновь встретиться. Фон Фукс уведомляет также о другой любезности курфюрста — о его указе давать из своей казны пяти русским оставленным в Берлине для науки бомбардирам по 5 ефимков в месяц до прибытия в Бранденбург, так что эти бомбардиры не будут уже докучать своими жалобами. В заключение Лефорт сообщает царю, что на завтра, 11 января, он ждет приезда в Амстердам своих племянников [3]. Это единственное деловое письмо, потому, должно быть, и писано не

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 29; л. 248: «Генваря в 31 д. ...дано фурманом за наемные за 21 лошадь с санми и за проезжую пошлину, на которых лошадях приехал из Сардама в Амстрадам второй великий и полномочной посол з дворяны и с людми, 35 еф. 13 алт. 2 д.» К Головину во время его пребывания в Саардаме посылался из Амстердама польячий Федор Буслаев с полученными по почте письмами: «за подводу 3 ефимка» (там же).

[2] *Ноомен*, Записки, стр. 57—58.

[3] Они приехали 12 января (*Posselt*, Lefort, II, 461).

самим Лефортом, а, судя по слогу, кем-либо из посольских подьячих [1]. Остальные собственноручные, писанные по-руски латинскими буквами за исключением двух на немецком языке или, вернее, на чем-то вроде немецкого — все шутливо бессодержательные, но свидетельствующие о теплом чувстве к Петру, о преданности ему и о минутах искренней печали в разлуке, вполне отражающие их неглубокомысленного, ветреного, но доброго сердцем и верного в дружбе автора. Отсутствие известий о Петре сильно беспокоит Лефорта. «Господин Коммандёр! — пишет Лефорт. — Ад твоя милось не бевали письме ис Англески земля. Пужалест, пиши нам про своя здорова и как вы веселити; а я радусь буду, если вам доброй. Из Москва поста пришла: славе бог, все здоровой. Изволись преказать цетать: весте бодре есть сто татары биты. Прости надёзе мой. Твой верной слуга Лефорт г. ад. Анст. 14 января 1698» [2]. То же беспокойство и в следующем письме от 20 января: «Я не получил еще ни одного письма от тебя. Ветер противный. Надеюсь, что ты в добром здоровье. Что касается до нас, мы еще по обыкновению. Я желаю, чтобы ты скоро возвратился к нам здоровым. Сегодня московская почта еще не пришла. Прошу тебя приветствовать от меня всех добрых друзей, которые при тебе. Я буду всегда твоим слугою. Лефорт г. ад. Амст. 20 января 1698» [3]. Когда это письмо, извещавшее Петра, что московская почта еще не приходила, было уже написано, почта эта пришла, и Лефорт пишет в тот же день другое письмо: «Господин Командёр. Из Москва почта прешла: изволись письме примать. Из англески земли некоторе письме мы дастали. Пужалест, покази милось своя: пиши про твоя здорова. Я из духа радусь буду, сто ты изволил веселить. Ад мене, пужалест, солобит (челобитье) скажи вашу компанью. А если у вас добре секту, изволишь ко мне послать: питье здешне не очень добре. Прости надёзе моё! Дай бог тебе здорова на многи леты. Твоя верной слуга Лефорт г. ад. Амст. 20 января 1698» [4]. Наконец, были получены в Амстердаме первые письма Петра из Лондона от 11 января. Обрадованный Лефорт горячо благодарит царя и от 27 января пишет три письма: «Тысячу раз благодарствую (письмо на немецком языке), что вы ко мне писали. Радуюсь сердечно, что вы здоровы. Да продлит бог надолго ваши лета. Что касается до нас, мы живем по-старому: один спит, другой, скучает, третий так и сяк по-старому. Недостает ему хорошего вина. лакрима кристи или доброго секу. Прошу господина что-нибудь прислать. Прошу господина написать, когда он сюда будет? Скоро придет время — в Вену, к императору: путь нам далек. Если же господин Коммандёр не думает ехать в Вену, то лучше остаться в Англии, чем здесь, когда ему там нравится. Я поистине не нахожу здесь никакого удовольствия. Луч-

---

[1] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I, Письма Лефорта в приложении, № 16.
[2] Там же, № 17.
[3] Там же, № 18, на немецком языке.
[4] Там же, № 19.

ше поехал бы в Женеву. Приветствие вашей компании. Мы часто пьем ваше здоровье. Пиши, господин коммандёр, поболее. Остаюсь слуга твой по смерть Лефорт г. ад. Амст. 27. Я получил от шкипера две шляпы и два белые пера, также два соболя» [1]. В других двух письмах от этого дня те же речи: Лефорт рад, что друг его веселится в Лондоне, сам он не очень весел, причина, нет лакрима-кристи и английского секу. Он очень кручинится отсутствием друга: «али я с кручина умру, али к тебе поеду. . .» «А как я увижу милось твоя, в та време буду чрез меру веселить. . .» [2] и т. д.

Письмо Ф. А. Головина по обыкновению деловое, касалось тех целей, ради которых посольство задерживалось в Амстердаме: найма людей на русскую службу и покупки оружия и других необходимых для флота вещей; говорилось в нем также о деньгах, потребных на эти расходы. Особенно Головин настаивает перед Петром на необходимости нанять на русскую службу голландца капитана Крюйса, хотя бы это и обошлось дороже, чем думали: жаль упустить такого сведущего и искусного человека, без него трудно будет управляться во флоте. Он оказал уже Головину значительную помощь при переговорах с другими лицами, нанимаемыми в русский флот. «Милостивой государь, — пишет Головин. — Здравие твое, милостивого государя, со всеми приналежащими воле твоей, всесодержащая десница божия на веки счастливо да соблюдет. Писма, государь, присланные от милости твоей из Лондона, которые писаны генваря 11 дня, первые мы приняли в Амстердаме генваря в 25 день. Зело, государь, урадовались, что благополучно всемогущий препроводити чрез море милость вашу благоволил. Дай боже, чтоб нам слышати, где ни есть, толко б тебя, милостивого государя, здрава. О которых, государь, надлежащих делех писал я наперед сего, прикажи, государь, дать мне отповедь, а наипаче о капитане Креусе, потому, государь, что зело человек истинно добр. Жаль такова пропустить. Хотя что бы и лишнее дать, мочно инде наградить; и о том, государь, как воля твоя будет. А без такова, государь, человека трудно нам во флоте управливатца будет. По мере, которая положена коликое число принять в службу, уже, государь, мало что не все по воле твоей исправлено; токмо несколько персон камондоров и поручиков и лекарей не принято. А обожду совершенно, государь, принимати, докамест изволишь по сему моему писму ко мне отписать, ради того, что и в то время исправити возможно будет. Токмо б получить нам вексели о денгах с Москвы в скором, государь, времяни с пятьдесят тысечь ефимков надобно за покупку ружья, за литье пушек, на заплату за парусное полотно и за иные корабелные вещи, к тому ж на первую дачу начальным, и мастеровым, и матрозом. А при договорех, государь, поставил я с ними, что начать им первые кормо-

---

[1] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I. Письма Лефорта в приложении, № 21, 22.

[2] Там же, № 20, 22.

вые деньги, а не уставленное жалованье, марта с 1-го числа по новому календарю, а без того, государь, ни по которому образу итти не хотели и просили целого жалованья. Толко уже в том зело помочьствовал мне капитан Креус. И истинно, государь, тебе доношу, естьли бы не ево в том вспоможение, с превеликим бы трудом нам сие исправлять во многом времяни невозможно...» и пр. К письму Головина сделал приписку П. Б. Возницын: «Нищей твой и богомолец Пронка премного, премного тебе, милостивому государю, челом бью» [1]. Крюйс занимал тогда должность экипаж-мейстера при адмиралтействе или инспектора материальной части во флоте, был опытен во всех отраслях морского дела и, между прочим, искусен в морских картографических работах. Не с большой охотой принимал он предложение поступить на русскую службу и согласился только после неоднократных уговоров со стороны Шея, Витзена и других амстердамских бургомистров [2].

Из двух писем десятника третьего десятка волонтеров Ф. Ф. Плещеева в первом, от 29 января, он, поблагодарив Петра за полученное от него письмо и попросив не забывать и впредь, передает некоторую часть содержания письма царя к нему в словах: «Изволит милость твоя ко мне писать, что у вас хотя черно, да тепло и добро, а что от секу у вас бока болят, и то истинно не диво, потому что вы мало заживаете». Плещеев сообщает далее, что в Амстердаме «ныне по вся дни улицы моют». Расписку, присланную ему Виниусом, он уже переслал царю ранее, 14 января, в одном пакете с письмами Головина (недошедшими до нас). В другом письме, от 4 февраля, полученном Петром одновременно с первым 7 февраля, Плещеев, ссылаясь на слова Петра из письма к Головину, что у него в Лондоне мало денег на покупку инструментов, все же просит его купить хотя бы небольшие инструменты, самые необходимые, об остальных он будет просить впредь и пришлет нужные на покупку их деньги. Кроме того, Плещеев повторяет еще просьбу, высказанную в одном из предыдущих писем, чтобы Петр купил для него «книгу корабельного строения»: «пожалуй, не презри моего прошения, хотя на аглинском языку купи». Если пойдут вскоре из Англии корабли в Италию или в Испанию, он почему-то просит уведомить его об этом [3].

В этот день, 7 февраля, Петр обозревал один из королевских дворцов: «был десятник на королевском дворе, где всякие вещи и инструменты видел», как отмечено в «Юрнале»; но какой именно дворец — Кенсингтонский или Сент-Джемский — здесь имеется в виду, сказать трудно; очевидно, только не Вайтголл, потому что этот последний дворец был истреблен пожаром, про-

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 687—688, от 28 января.

[2] *Scheltema*, Peter der Groote, I, 158—160, «Rusland en de Nederlanden», II, 215—216, «Anecdotes Historiques», 124—125; «Русская старина», 1916 г., февраль, стр. 210.

[3] П. и Б., т. I, стр. 688—689.

исшедшим 4 января 1698 г., перед самым приездом Петра в Лондон. Неясна и следующая непосредственно затем отметка «Юрнала»: «и у Контона кушал». Неизвестно, кого «Юрнал» разумеет под этим именем [1].

От 8 февраля сохранилась коротенькая шутливая записочка царя из Лондона в Москву к Кревету: «Ракъ (игра слов; crevette — морской рак), буть здоровъ! А мы во отечествиі твоемъ, слава богу, здоровы. Piter. Изъ Лондона, ѳевраля 8 дня» [2].

V. ПЕТР В ДЕПТФОРДЕ

9 февраля, как отмечено в «Юрнале», «после полудня в третьем часу, совсем перебравшись, переехали в Детфорт». Таким образом, Петр прожил в Лондоне почти месяц. Переселиться в Дептфорд побуждало желание быть поближе к корабельным верфям, а, может быть, также желание укрыться от надоедавшей толпы любопытных; небольшой городок с королевскими верфями обещал удобные условия для занятий. Не без труда английское правительство подыскало там подходящее ко вкусам московского царя помещение. Был нанят дом, принадлежавший писателю, одному из членов-основателей Королевского общества — Джону Эвелину (Evelyn), специалисту по вопросам садоводства и лесоводства и автору «Дневника», в котором нашли себе отражение события той эпохи. Дом Эвелина, носивший название Says-Court, «издавна бывший, — по словам Маколея, — центром литераторов, просвещенных людей и ученых» [3], был достаточно поместителен, отлично меблирован и окружен обширным садом и, что главное, примыкал к находящимся на Темзе докам. Перед приездом Петра его арендовал у хозяина некто адмирал Бенбоу, который, несмотря на предложенные ему выгодные условия, неохотно согласился отказаться от аренды и переехал в гостиницу. Владение приспособили для царя, пробив в стене дома, или в стене, которой был обнесен сад, особую дверь, так что Петр мог беспрепятственно ходить к докам, наблюдать постройку кораблей и разговаривать с корабельными рабочими, показывавшими ему чертежи, по каким строились суда [4]. В изучении этих чертежей и пропорций, принятых в Англии при постройке кораблей, повидимому, и заключался, главным образом, теоретический курс кораблестроения, пройденный Петром в Дептфорде. Теоретические

---

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 5.

[2] П. и Б., т. I, № 226. В этот же день Петр писал к Г. И. Головкину и, может быть, к другим (там же, стр. 693).

[3] *Маколей*, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 67.

[4] «Il alla loger dans la maison de M. Evelin, fort agréablement située; il y avoit une porte de derrière par où l'on pouvoit entrer dans le Chantier du Roy, qui lui facilitoit le moyen de s'entretenir aves les ouvriers anglois, qui lui faisoient voir leur plans et les proportions, qu'il falloit observer dans les vaisseaux, ce qui le satisfit extrémement» (Abregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz etc., Paris 1717, p. 34). *Фирсов Н.*, Английские сведения о пребывании Петра Великого в Лондоне, стр. 76.

сведения он тут же мог проверять на практике по строившимся кораблям. Есть известия, что ему давал указания по интересовавшим его вопросам инспектор флота сэр Антон Дин. Но собственноручно на дептфордских верфях царь уже не работал.

Сохранилось письмо слуги Эвелина, остававшегося в доме во время пребывания там Петра, к хозяину, описывающее образ жизни царя в Дептфорде. «Дом полон народа, ужасно грязного (right nasty), — пишет слуга. Царь спит рядом с вашей библиотекой, а обедает в гостиной, что за кабинетом. Ест он в 10 часов утра и в 6 часов вечера. Иногда бывает дома целый день. Часто ходит на верфь или плавает по реке в разных костюмах. Сегодня ждут короля. Лучшая гостиная достаточно чиста для его приема. Король платит за все» [1]. Любимым развлечением Петра во время житья в Дептфорде были прогулки на парусной яхте или на гребном судне по Темзе. В свободные часы он посещал кабачок на улице Great Tower Street, где отдыхал с собеседниками за трубкой табаку и за стаканом пива или коньяка. Есть местное предание, что хозяин кабачка написал портрет московского царя и выставил его, конечно, по отъезде Петра, над дверью своего заведения, как вывеску, которая и провисела там до 1808 г. В этом году она была куплена некиим Вакселем, вероятно, собирателем редкостей, и заменена копией, занимавшей место оригинала до перестройки дома. После перестройки портрет царя над дверями уже не появлялся, но кабачок продолжал носить название «Czars of Moscow Tavern» [2].

Устроившись в Дептфорде, Петр пишет Виниусу от 11 февраля: «Писма твои по двум почтам и протчих, писанные мне, дошли, за которые благодарствую. Пожалуй, поклонись всем, писавшим ко мне по достоинству и сану их; а которые о делех писаны, и на те ответствование послано. Piter. Из Детфорда февраля в 11 день» [3]. В тот же день он писал в Амстердам Ф. Ф. Плещееву, Ф. А. Головину, князю А. М. Черкасскому и, может быть, другим оставленным в Амстердаме лицам. Письма эти не сохранились. Из ответного письма Плещеева видно, что царь прислал друзьям в Амстердам какой-то «инструмент образцовой», из-за которого они много ссорились, и Плещеев предупреждает Петра, что если не будет прислан «подлинный инструмент», то и из-за присланного будет «поединок немалый». Из того же ответа Плещеева видно, что Петр в своем письме давал ему какой-то загадочный совет «соловьем не петь». «И я, — отвечает Плещеев, — благодаря бога, чаю, бес того пробуду, потому что мала ахоты имею»; на что здесь намек, неясно. Неясно также, на что намекал царь в письме в Амстердам к начальнику отряда волонтеров князю А. М. Черкасскому, когда вел речь об устройстве последним какого-то Охотного ряда и о продаже

---

[1] Там же, стр. 76; *Шубинский*, Исторические очерки и рассказы, стр. 7.

[2] *Фирсов Н.*, Английские сведения о пребывании Петра Великого в Лондоне, стр. 76.

[3] П. и Б., т. I, № 227.

каких-то чижей. «Да изволил ты писать, — отвечает Черкасский, — что я завел ахотной рят и чтоп за бесценак чижей не продавать, и тебе, государь, тому тавару цена извесна, потому что ты сам тот [то]вар преже сего изволил продавать; а и я по той же цене тот товар продал, по которой ты изволил продавать» [1].

12 февраля отмечена в «Юрнале» прогулка на яхтах вниз по Темзе за Вулич: «ходили на двух яхтах за Улич». Теперь Вулич — юго-восточное предместье Лондона, а тогда еще особый городок. В этот день, 12 февраля, пришли письма из Амстердама от Лефорта и Возницына с приложением полученной посольством 7 февраля ответной грамоты от города Данцига на царскую грамоту, посланную в Данциг 1 ноября [2]. Три письма Лефорта от 1 и 3 февраля, написанные по обыкновению на русском языке латинскими буквами, полны излияниями чувств. Он жалуется, что долго не приходит английская почта, просит писать побольше; слышать о Петре для него радость, быть с ним в разлуке — кручина: «без тебя потирял того, которой я на земля люблю. Кали ты, сердц мое, видал, как он тебе любит, ты не покидал мене здеся. . .» и т. п. Он готов приехать в Англию; зовет Петра побывать в Женеве, там их ждут: «а если ты изволись пошлать про мене, готовой буду. Али изволись сюды скора быть, поедум озер Женева смантрить: нам дазидают и поспеом у Вена напереду Вашу пошлов» [3]. «Господин коммандер! — писал Лефорт 8 февраля, — писма твоё дастал, которои ты изволил писать первой февраля. Славе бог, сто ты здоровой. Пужалесте, пиши, кали вы станите сюда быть. Здеся докучена жить без твоя милось. Из города Данциха писали граммат, катора изволись цитать, с Москва саводня поста не бевала; если она будет, с письме стану твоя милось поселать. Пужалест, не забувать купить араби и красны ленты, а секу добро али лакрима-кристи: воистине, доброй питья здесь нету. Прости, надёже моё! Дай бог тебе здоровой на многи леты. Твоё верной слуга Лефорт г. ад. Амст. день 8 февр. 1698» [4].

Возницын после нелишенных особого дьяческого красноречия вступительных строк с выражением благодарности за то, что не забыт Петром в его переписке, радости, вызываемой известиями о здоровье царя, и желания вскоре видеть его самого лично, также сообщает содержание ответной грамоты города Данцига, говорит о допущенных в ней ошибках в именовании царя, но зато указывает на ту радость, которую доставила данцигцам царская грамота, и на ту честь, какую данцигцы видят для себя в ее получении. «Посторонних государь, вестей, — читаем в его письме, — у нас мало что есть; толко гданчане прислали соответ-

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 695—696.

[2] П. и Б., т. I, № 185; ср. Пам. дипл. сношений, VIII, 1093—1096 и 1167—1169.

[3] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I, № 23, 24, 25. Эти номера почему-то не напечатаны в «Письмах и бумагах».

[4] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I, № 26; П. и Б., т. I, стр. 691.

ствующей свой лист, с которого перевод на сей почте к тебе, государю, отпустили. Правда, первое достойни вины, еже не умели и не знали, како превысочайшее имя и честь по достоинству написать; другое же, в какую они присланную к ним грамоту получили радость и честь и в каковой силе и мочи по ней обязуются поступать и ее хранити хотят, то вашему, государя моего, премудрому рассуждению предаю. Однако ж и я, убогий, донде-же жив, пою богу моему, каковыми праведными его судбами и монаршеским премудрым смотрением вся строитца, о чем много глаголати несмь достоин. При сем доброго и долголетного здравия и всех благ от господа бога тебе, государю моему милостивому, усердно желая, весма недостойный и в последних нижайший раб и сирота Пронка Возницын премного, премного челом бью» [1].

Среди писем от послов, полученных Петром 12 февраля, не было или до нас не сохранилось письма от Ф. А. Головина. Обширное и обстоятельное донесение от него о занимавших посольство делах было получено в Дептфорде позже, 14 февраля. Головин сообщал, что с бомбардиром, которого царь прислал из Англии для приема его в русскую службу, заключен договор с условием давать ему жалованье по 10 рублей в месяц, как и прочим бомбардирам, которые наняты были в Амстердаме. Речь идет, по всей вероятности, о том бомбардире Даниле Грундале, который, по свидетельству посольской «Расходной книги», «из аглинской земли приехал», был принят на русскую службу и с 12 февраля стал получать кормовые деньги [2]. Для справки, очевидно, Головин приводит, что бомбардиру, нанятому в Кёнигсберге, положено давать по 15 рублей в месяц, а когда он прибудет в Москву, то по 25 рублей, наравне с бомбардирами, присланными от курфюрста Бранденбургского. Двум капитанам, командорам и прочим нанятым чинам кормовые деньги начнут выдаваться с 1 марта по н. ст. Вновь Головин просит распоряжения Петра относительно принятия на русскую службу Крюйса, дело, которое Головина очень интересовало и все еще не получило окончательного разрешения. 10 февраля была получена в Амстердаме московская почта, письма, адресованные Петру, пересылаются ему в Англию. В числе этих писем на одном, именно на письме Л. К. Нарышкина, не было обозначено адресата, и Головин, не зная, кому оно предназначено, распечатал его, в чем и просит извинения. «Февраля в 10 день получили, государь, мы

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 691—692.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 255 об.: «Февраля в 12 д. дано кормовых денег новопринятому бомбандиру Данилу Грундалю, которой из аглинской земли приехал с вышеписанного числа впред на 10 дней февраля по 22-ое число для общей с прежде принятыми бомбандиры дачи по 6 алт. на день. Итого 3 еф. 10 алт.». Там же, л. 261 об., л. 262: «Дано великого государя жалованья бомбандиру, которой приехал из Англии, Данилу Грундалю на месяц впред в зачот в годовое жалованье 20 ефимков, а даны ему те денги по челобитью ево для поездки ево в Ротердам для некоторой справы».

с Москвы почту. И которые надлежат до твоей, государя, милости писма, послал с сим моим писмом в Лондон, из них же одно не было подписано, Лва Кириловича, что истинно, государь, не ведая, роспечатал, и богу свидетелствующу, что ево не чел; но когда сначала увидел, в тот час запечатал моим перстнем, в чем у тебя, милостивого государя, прощения прошу за свидетелством божиим, что кроме хитрости учинил». Пересылается также к Петру письмо от А. П. Протасьева, воронежского «адмиралтейца», адресованное на имя Головина. Идет, далее, ряд известий о денежных делах: есть несколько переводных писем, но не все еще из Москвы получены; подробная им ведомость будет прислана государю впредь. Состоявший при посольстве голландский коммерсант Захарий Дикс предлагал купить хранившийся в Москве запас «чехов» — цехинов. По этому делу Головин снесся с управляющим приказом Большой казны бояриным князем П. И. Прозоровским, который писал, что если их отдать по 10 рублей за пуд, то «хотя их сплавить, отделить серебро и переделать в деньги», то будет убытка более 2000 рублей, на что Головин в свою очередь ответил ему, чтобы делал с цехинами, что казне прибыльнее, только бы они даром не лежали. Об этом деле Головин хотел бы доложить государю при личном свидании. На покупку оружия в Амстердаме требуется 20 000 рублей: в эту сумму придется уплатить 10 000 товаром, именно поташом, а остальные 10 000 деньгами, и когда все векселя придут, с этим можно будет управиться. При каких-то покупках, каких именно, неясно из письма, обещал содействие амстердамский купец Тессинг; ему делается об этом частое напоминание, и важно было бы, чтобы он не обманул. Помощь его была бы очень существенной. «О котором деле к тебе, государю, доносил я в Амстрадаме, что Тесинк предлагал, и я о том ево зело часто напоминаю; обещается делать с клятвою. Жаль, мой милостивой государь, чтобы не солгал, а то б помочь нам была в купле не мала». Со своим письмом Головин посылал царю очередные дипломатические бумаги: краткую выписку-экстракт из «польских писем», т. е. из донесений русского резидента в Варшаве и, может быть, какихлибо других документов, касавшихся хода дел в Польше сопровождая эти выписки замечанием: «изволишь уведомиться, кажется, за помощию божиею идет счастливо, и кординал уже склонился (т. е. на сторону Августа). Дай, дай боже во всем намеренном конец благополучен». Пересылается Петру также полученная накануне послами из Москвы из Посольского приказа шифрованная бумага: «Некакая, государь, прислана выписка о Волошанине цыфирью, которую переписав (дешифрировав), послал к милости твоей, государя. Изволишь, государь, мне дать ведать, что̀ мне о том отписать к Москве; а послал ее в своих писмах господин Лефорт». «Статейный список» посольства вскрывает нам до некоторой степени содержание этого загадочного документа. «Февраля в 10 день, — читаем там, — подана великим и полномочным послом в Амстрадаме с Москвы почта, а в

ней из Посолского приказу присланы распросные речи некоего волошанина Михайла, которой объявил в Седмиградцкой земле в городе Деве (?) сокровище стародавнее». К письму Головина после его подписи: «нижайший твой, государя моего, раб Фетка», приложил руку также и Возницын: «тебе, государю моему милостивому, последней и весьма недостойный раб и сирота Пронка премного челом бью» [1].

VI. ПЕТР И ЕПИСКОП БЁРНЕТ

Прожив несколько более трех месяцев в Англии, Петр не мог, конечно, отчетливо и ясно заметить и усвоить все особенности столь своеобразной английской жизни. Великая хартия вольностей, петиция о праве, Habeas Corpus, билль о правах, на которых покоится английское государственное устройство; запутанные отношения между королем и парламентом и в парламенте между двумя палатами, сложное устройство английских судов и оригинальность судебного процесса — все это не могло, конечно, Петру стать известным. Такие стороны английской жизни не поддавались наблюдению неподготовленного глаза; да «московский дикарь» и не мог питать к ним особого интереса. Не входя, впрочем, в поле его сознания в целом в законченных формах или в виде систем, эти явления все же должны были неизбежно попадать туда в виде обрывков, оторванных частей, отдельных эпизодов хотя бы из бесед с теми англичанами, с которыми Петру пришлось соприкасаться. У него, например, едва ли создалось законченное и систематическое представление о значении аристократии в современном ему английском обществе; но все же такая ее особенность, как крупное, поддерживаемое майоратом землевладение, могла и не ускользнуть от него и до некоторой степени подготовить его сознание к реформе, которую он будет проводить впоследствии и цель которой будет путем закона о единонаследии, изданного в 1714 г., создать и в России крупную землевладельческую аристократию.

Итак, многое в английской жизни осталось для Петра незаметным. Но одна ее сторона не могла укрыться от его внимания, до такой степени она била тогда в глаза. Притом же эта сторона нашла себе в Петре более подготовленного воспитанием наблюдателя и могла вызвать в нем значительный интерес. Это — отличавшая английское государство XVII в. церковность. Нигде, может быть, церковная реформация не отразилась так глубоко на государстве, нигде религиозное исповедание не сплеталось так тесно с государственными отношениями, как в Англии. Англиканская церковь признала супрематию королевской власти; догматы веры устанавливались парламентом. Революция се-

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 689—690 от 11 февраля; Пам. дипл. сношений, VIII, 1170. Адрес: «десятнику». Помета о времени получения письма: «февраля в 14 день».

редины XVII в. развернулась в своем последовательном ходе в борьбу не только политических, но и религиозных течений. Аристократическое епископальное англиканство было вытеснено из Долгого парламента более демократическими пресвитерианами, сторонниками соборного, синодального управления церковью и более простых форм богослужения. Но в свою очередь с пресвитерианами вступили в борьбу еще более демократически настроенные индепенденты, враги всякой церковной иерархии и всяких внешних форм в богослужении. Индепендентство также не осталось единым и раскололось на умеренное и крайнее направления. Церковные вопросы волновали общество наряду с государственными; но и обсуждение политических вопросов было проникнуто церковностью или по крайней мере носило на себе ее следы. Во время Великой революции парламентские речи, обращения военачальников к солдатам, памфлеты и публицистические статьи были уснащены и пересыпаны текстами из ветхого завета. И впоследствии, во время реставрации и второй революции, связь церкви с государством выступала еще очень выпукло: не прекратилась еще борьба и не замолкли еще оживленные споры между отдельными исповеданиями. Католики не допускались к общественным должностям. Чтобы поступить на государственную службу, надо было дать присягу, отвергающую пресуществление. Продолжались споры о епископальном и синодальном устройстве церкви, о писанных и импровизированных молитвах, о белых и черных облачениях, о погружении или обливании при крещении, о принятии причастия стоя или сидя, о чтении и пении при церковных службах и т. п. В самой англиканской церкви обозначились две спорившие партии: высокоцерковников, строго охранявших устройство, полученное англиканской церковью во время реформации, и низкоцерковников, снисходительнее относившихся к протестантам, несогласным с этим устройством, к так называемым нонконформистам. Вильгельму III приходилось много заниматься церковными делами в Англии. Сам он, воспитанный в пресвитерианской религии, сочувствовал партии низкоцерковников. Он стремился, говоря словами Маколея, «произвести в законах о церкви три великие реформы. Первой его целью было доставить диссидентам возможность свободно и безопасно отправлять свое богослужение. Второй его целью было произвести в англиканском богослужении и церковном устройстве перемены, которые бы, не оскорбляя людей, приверженных к этому богослужению и устройству, примирили умеренных нонконформистов. В-третьих, он хотел доставить протестантам без различия сект доступ к гражданским должностям. Все три цели были хороши; но только первая из трех была в то время достижима. Для второй он жил слишком поздно, для третьей слишком рано» [1].

[1] *Маколей*, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 71.

Итак, церковные дела в английской жизни XVII в. имели такое важное значение, так выступали на первый план, что не могли не бросаться в глаза даже иностранцу, в особенности если он притом был заинтересован этой стороной жизни. Чужие исповедания вообще интересовали Петра; различие вер было темой, которую он охотно поддерживал в разговоре, и в таких разговорах он занимал твердую позицию как знаток своего православного обряда и большой начетчик в священном писании. На амстердамского бургомистра Витзена, с которым Петр часто виделся и много беседовал во время своего пребывания в Голландии, он производил впечатление человека очень сведущего в делах веры и усердного к ней. «Его величество, — писал Витзен Лейбницу, — очень усерден к вере христианской, очень сведущ в церковных делах и начитан в священном писании, которое он знает в совершенстве. Я имел честь говорить с ним об этом предмете» [1]. Знание обряда и церковных книг он приобрел, конечно, не путем каких-либо богословских изучений, а благодаря практике, присутствуя постоянно при богослужении в детстве и юности. И в зрелые годы, ведя очень подвижной образ жизни, он все же не пропускает церковной службы, когда это возможно. Притом годы его юности совпадали как раз с полосой оживления религиозных вопросов и споров в Москве. Таков был известный спор о времени «пресуществления св. даров» в «таинстве евхаристии», в котором принимали участие Сильвестр Медведев и братья Лихуды; появилась так называемая «хлебопоклонная» ересь; не отзвучали еще голоса раскольников, и можно думать, что это религиозное оживление все же хотя бы до некоторой степени задевало и Петра, так как и до него, несомненно, должны были долетать отголоски церковных споров. Вместе с тем он проявляет также интерес и к чужому богослужению и еще в Москве, до выезда за границу, он сделал неслыханный для московского государя шаг, посетив католическую службу. Путешествуя за границей по Германии и Голландии, он заглядывал в иностранные церкви. Поэтому, естественно, видеть у него тот же интерес и в Англии, в особенности, когда церковность в этой стране была таким заметным явлением.

С другой стороны, и в англиканской церкви, может быть, уже в то время появляется стремление познакомиться ближе с восточным православием. Возможно, что этими именно побуждениями был вызван визит к Петру английских епископов, отмеченный в «Юрнале» под 15 февраля: «были у нас аглинские епископы и, быв с полчаса, поехали». Епископы должны были найти в московском царе готового вести с ними речь собеседника; поэтому, конечно, они и были приняты. Среди посетивших Петра английских иерархов был и знаменитый епископ Солсберийский Бёрнет, принимавший такое видное участие в церковных и государственных делах в царствование Виль-

[1] *Герье*, Сборник писем и мемориалов Лейбница, № 32.

*

гельма III, сановник церкви, принадлежавший к направлению низкоцерковников и потому непопулярный в кругах строгого англиканского духовенства. «Что бы ни думали о мнениях Бёрнета, — говорит о нем Маколей, — относительно гражданского и церковного управления или о характере и уме, выказанных им в защите этих мнений, крайняя неприязнь партий не осмеливалась отрицать, что рвение, деятельность и бескорыстие этого пастыря были достойны самых чистых веков церкви. Его ведению подлежали Вильтшир и Беркшир. Эти графства он разделил на округи, которые посещал прилежно. Каждое лето он около двух месяцев объезжал церкви, проповедуя, катехизируя и конфирмуя. Когда он умер, в его епархии не было уголка, население которого семь или восемь раз не имело бы случая слушать его поучения и спросить его совета. Худшая погода, худшие дороги не препятствовали ему исполнять этот долг. Однажды во время водополья он подверг свою жизнь явной опасности, чтобы только не обмануть сельского прихода, ожидавшего речи епископа. Бедность низшего духовенства постоянно беспокоила его доброе и великодушное сердце. Он хлопотал неутомимо и, наконец, успел исходатайствовать низшему духовенству у короны назначение, известное под названием дара королевы Анны. Во время объездов своей епархии он особенно заботился о том, чтобы не обременять низшего духовенства. Вместо того чтобы требовать от них содержания, он сам их продовольствовал. Бёрнет всегда останавливался в городе с рынком, держал стол скромным гостеприимством и великодушной щедростью старался примирить людей, предубежденных против его учения. Когда он назначал бедный приход — а ему часто приходилось раздавать такие приходы, — то обыкновенно прибавлял к доходу из собственного кошелька двадцать фунтов в год. Десять способных молодых людей, которым он назначил в содержание каждому по тридцати фунтов в год, изучали богословие под его собственным надзором в Солсберийской обители» [1]. Еще осенью 1697 г. Лейбниц в письме к епископу от 24 августа 1697 г. обратил внимание Бёрнета на московского царя, путешествующего по Европе. В письме Лейбниц высказывает мысль, что союз императора, царя и курфюрста Саксонского, избранного на польский престол, может оказаться гибельным для турок, и варварство может быть изгнано из Европы:

Et si fatavolunt Caesar, Czar, Saxogne juncti
Europa poterunt pellere Barbariem.

«По поводу московитов, — продолжает, приведя это двустишие, Лейбниц, — надо сообщить вам о великом посольстве, при котором сам монарх находится инкогнито. Мы их видели, когда они проезжали по соседству. Хотя у этого государя и не наши манеры, но у него очень много ума. Он находится инкогнито при

---

[1] *Маколей*, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 74—75.

своем посольстве... Царь, говорящий немного по-голландски или по-немецки, сказал курфюрстинам, которые с ним ужинали в замке Коппенбрюгге, принадлежащем курфюрсту Ганноверскому, где угощали царя, что он намерен построить 75 военных кораблей, чтобы действовать с ними на Черном море. В настоящее время он думает только о войне с турками. Главное удовольствие его — морское дело, которое он изучил хорошо и хочет изучать в совершенстве, так как он имеет намерение овладеть Черным морем. Теперь он, вероятно, в Голландии, где намерен лично познакомиться со всем, что касается мореплавания. Полагают, что он проедет до Венеции, чтобы посмотреть там на галеры и на знаменитый арсенал. Впрочем, он желает остаться в совершенном инкогнито и требует, чтобы все притворялись, как будто не знают его. Только в присутствии курфюрстин он хотел быть тем, что он есть» [1].

Может быть, личные качества епископа Солсберийского содействовали возникновению той привязанности, которую стал испытывать к Бёрнету, познакомившись с ним, Петр. О сношениях царя с английскими иерархами и о знакомстве его с Бёрнетом доносил в Вену австрийский резидент Гофман: «Здешнее духовенство сочло себя обязанным поставить его (т. е. Петра) в известность и ознакомить с здешним богослужением и ритуалом и для этого отправило к нему знаменитого доктора Бёрнета, теперешнего епископа Солсберийского, предложило ему, не угодно ли ему будет посетить их богослужение, на что он охотно согласился, но поставил им на вид, что он никуда не может отправиться, чтобы не сбегался весь народ, что для него невыносимо. Он оказал особенное и с его стороны совершенно необычное уважение к епископам, так откровенно и благосклонно держал себя с ними, как ни с кем еще не делал, из чего заключают, что он должен иметь большое почтение к духовенству» [2].

Неизвестно точно, о чем шла беседа царя с епископами во время из визита 15 февраля. Гюйсеновская редакция «Юрнала» говорит, что «разговаривали о разных материях, а больше о греческой вере». О содержании этой и других подобных же бесед можно составить представление по несколько более позднему письму Бёрнета. 27 февраля Петр, вероятно, отдавая визит, посетил примаса английской церкви архиепископа Кёнтерберийского Тенисона в его резиденции Ламбетском дворце: «После обеда ездил десятник к архиепископу Контебехскому (Кёнтерберийскому)», — читаем в «Юрнале» под этим днем [3]. «Царь оказал честь здешнему духовенству, — сообщал Гофман в депеше в Вену от 1/11 марта. — Третьего дня, в воскресенье, он присутствовал инкогнито в капелле архиепископа Кёнтерберийского, а затем

---

[1] *Герье*, Сборник писем и мемориалов Лейбница, № 17; его же, Отношения Лейбница и т. д., стр. 21—22.

[2] *Sadler*, Peter der Grosse, 242.

[3] Походный журнал 1698 г., стр. 6.

завтракал с означенным архиепископом stante pede (стоя)»[1]. Лондонское предание добавляет, что при этом визите на царя особенно сильное впечатление произвела громадная библиотека Ламбетского дворца, и он будто бы сказал, увидев ее, что никак не думал, чтобы на свете было столько печатных книг[2].

О посещении Петром резиденции архиепископа упоминает и Бёрнет в письме от 9/19 марта к доктору Фаллю, начальнику певческой капеллы в Иорке, говоря в этом письме вкратце о содержании своих разговоров с царем. «Дорогой сэр! — пишет Бёрнет. — После вашего отъезда царь приезжал однажды в Ламбет, видел таинство причащения и рукоположения и остался очень доволен. Я часто бываю с ним. В прошлый понедельник я провел у него четыре часа. Мы рассуждали о многих вещах; он обладает такой степенью знания, какой я не ожидал видеть в нем. Он тщательно изучил св. писание. Из всего, что я говорил ему, он всего внимательнее слушал мои объяснения об авторитете христианских императоров в делах религии и о верховной власти наших королей. Я убедил его, что вопрос о происхождении св. духа есть тонкость, которая не должна была бы вносить раскола в церковь. Он допускает, что иконам не следует молиться и стоит лишь за сохранение образа Христа, но этот образ должен служить лишь как воспоминание, а не как предмет поклонения. Я старался указать ему великие цели христианства в деле усовершенствования сердца человеческого и человеческой жизни, и он уверил меня, что намерен применить эти принципы к самому себе. Он начинает так сильно привязываться ко мне, что я едва могу от него оторваться... Царь или погибнет, или станет великим человеком»[3]. Как известно, впоследствии в своих воспоминаниях Бёрнет дал довольно невыгодную характеристику Петра. «Я упомянул, — читаем мы в его «History of his own time» под 1699 г., — в рассказе о прошлом годе о прибытии царя из его страны; об этом я скажу теперь подробнее. Он приехал в ту зиму в Англию и пробыл у нас несколько месяцев. Я часто его посещал, и мне было поручено как королем, так, с другой стороны, архиепископом и епископами быть к его услугам и давать ему те объяснения относительно нашей религии и конституции, которых он пожелает. У меня были хорошие переводчики, так что я мог рассуждать с ним вполне свободно. Он — человек весьма горячего нрава, очень вспыльчивый и крайне жестокий в своей страстности; свою природную горячность он возбуждает еще тем, что пьет много водки, которую с большим прилежанием сам приготовляет; он подвержен конвульсивным движениям во всем теле, и его голова также поражена этим; у него нет недостатка в способностях, и он обладает даже более широкой мерой познаний, чем можно было бы ожидать по его воспи-

---

[1] *Salder*, Peter der Grosse, 242—243.

[2] *Маколей*, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 67.

[3] Письмо это хранится в Бодлеанской библиотеке (*Шубинский*, Очерки и рассказы, стр. 16).

Рис. 29. Ламбетский дворец архиепископа Кёнтерберийского в Вестминстере
Гравюра начала XVIII в. На заднем плане виден Лондон

танию, которое было очень недостаточным; недостаток суждения с непостоянством нрава проявляются в нем слишком часто и слишком очевидно; он имеет наклонность к механическим работам, и, кажется, природа скорее предназначила его быть корабельным плотником, чем великим государем. Это было его главным занятием и упражнением, пока он был здесь; он много работал собственными руками и заставлял всех окружавших его изготовлять модели кораблей. Он рассказывал мне, что он имеет намерение завести большой флот в Азове и с ним напасть на Турецкую империю; но он не казался способным провести такое большое предприятие, хотя с тех пор его образ действий в его войнах обнаружил в нем больший гений, чем казалось в то время. Он выражал желание уразуметь наше учение, но не казался расположенным исправить положение в Московии. Он, действительно, решил поощрять учение и дать внешний лоск своему народу, посылая некоторых из своих подданных в чужие страны и приглашая иностранцев приезжать и жить среди них. Он все еще опасался замыслов своей сестры. В его характере была смесь страсти и жестокости. Он решителен, но мало смыслит в военном деле и, кажется, вовсе не любознателен в этом отношении. Часто с ним видаясь и много с ним беседуя, я не мог не преклониться перед глубиной провидения господа, что оно возложило на такого свирепого человека такую неограниченную власть над весьма большой частью мира.

Давид, созерцая великие дела, какие господь сотворил на пользу человека, восклицает в размышлении: «*Что̀ есть человек*, что ты помнишь его?..»[1]. Но здесь и там бывает случай опровержения этих слов, и человек кажется очень ничтожным в видах господних, когда такое лицо, как царь, может держать у себя как бы под ногами такое множество народа, подвергая его своей ненасытной подозрительности и дикому нраву. Отсюда он отправился к венскому двору, где предполагал остаться некоторое время, но был вызван домой скорее, чем думал, по поводу открытия замыслов или по подозрению о замыслах его сестры. Иностранцы, которым он очень доверял, были так верны ему, что эти замыслы потерпели крушение раньше, чем он вернулся; но по этому случаю он дал волю своей ярости по отношению ко всем, кого подозревал: несколько сот их было повешено вокруг Москвы; говорили, что несколько голов он отрубил собственной рукой, и он так далек был от раскаяния или проявления какой-либо мягкости, что, казалось, даже услаждался этим. Как долго будет он бичом этой нации или своих соседей, один только господь знает»[2].

Эта суровая оценка личности Петра, как видим, несколько расходится с тем суждением о нем, которое высказано было Бёрнетом в приведенном выше его письме к Фаллю. Она составлена много позже его личных сношений с Петром; очевидно, что на

---

[1] Псал. VIII, 5.

[2] *Bishop Burnet's*, History of his own time, not. 1813, v. IV, 406—409.

благодушного епископа-христианина произвели тяжелое впечатление известия о кровавой расправе царя с мятежными стрельцами по возвращении его в Москву. Под этим впечатлением и написан им отзыв о Петре.

VII. ПЕРЕПИСКА ИЗ ДЕПТФОРДА С МОСКВОЙ

16 февраля Петр писал в Москву к Виниусу, князю Б. А. Голицыну, Т. Н. Стрешневу и, вероятно, к другим лицам. Сохранилось только письмо к Виниусу, в котором речь шла по обыкновению о неизбежных железных мастерах. Виниус неправильно понял письмо к нему Витзена, где тот сообщал об их найме. Наняты оружейные мастера, а не мастера для железных заводов. Царь не раз говорил о железных мастерах бургомистру; он каждый раз отвечал, что «тотчас» наймет, но этот его «тот час» оказывался очень растяжимым «московским» часом. Однако Петр не теряет надежды исполнить желание Виниуса. В заключение письма сообщаются Виниусу известия о дурной погоде: холод, снег и сильные ветры; за противными ветрами задерживается уже четвертая очередная почта. «Min Her Vinius, — пишет царь, — писмо твое, писанное генваря 14, мне отдано февраля в 14, в котором пишешь, что писал к вам Витцын, бутто железные мастеры приговорены. И то неправда: приговорены оружейные, а не те, которым завод заводить, о которых многожды я ему говорил, но он всегда отходил московским часом; только где-нибудь сыщем и пришлем. — Здесь с первых дней сего месяца зело была погода хорошая; а ныне зело стало холодно, и выпал снех, и ветры великие, за которых противностию уже сия четвертая почта стоит. И того для, хотя замешкаетца, изволте рассудить. Piter. Из Детфорта, февраля в 16 1698»[1].

К Т. Н. Стрешневу Петр писал о корпусе князя М. Г. Ромодановского на литовской границе: если польский король скажет резиденту, что ему русская помощь более уже не нужна, то войска Ромодановского распустить, а на их место передвинуть четыре стрелецких полка, зимовавших в Азове. В письмо к Стрешневу была вложена особая записка («цыдулка»), в которой Петр сообщал о подарке ему английским королем яхты, а затем, на втором месте, судя по крайней мере по последовательности в ответе Стрешнева, касался интимного, занимавшего его тогда дела: просил Стрешнева уговорить царицу Евдокию к разводу, о чем он одновременно со Стрешневым писал также дяде Л. К. Нарышкину и духовнику царицы[2].

18 февраля Петр писал к П. М. Апраксину в Новгород, что им наняты в Англии двое «балберов» (barber — брадобрей; из этого видно, что тогда уже у Петра сложилась мысль о бритье бород в России), которые по окончании войны в Европе искали

[1] П. и Б., т. I, № 228.

[2] Там же, стр. 698—700. Письма эти не сохранились; о содержании их узнаем по ответу Стрешнева.

себе службы. Они высылаются морем через Нарву и Новгород в Москву и самое письмо отправлено с ними. «Min Her, — пишет Петр. — Понеже сии балберы (которые тебе вручат сие письмо) искали себе службы ради учиненного мира Европы, того ради приняты суть в службу московскую будущих ради потреб, которые отсель путь свой возприяли на Нарву, и оттоль чрез Новград к Москве. Но понеже в приеме и в иных поведениях имеют должность до твоей милости, того для просили себе письма сего, дабы по обычаю в службу едущих приняты и провождены были. Корму по десяти рублев на месяц с того числа, как приедут на рубеж. Имена тем балберам: Матеус Белендорф, Ян Бекман. Piter. Из Детфорта, февраля в 18 день 1698» [1].

Вероятно, к 19 февраля дурная погода, о которой Петр уведомлял Виниуса, изменилась к лучшему. В этот день, как отмечает «Юрнал», «ходили на маленькой яхте с Кармартеном», т. е. предпринимали прогулку по Темзе. 23 февраля «были у Стельса и у Кармартена ночевали» [2]. «С тех пор как Темза освободилась ото льда, — доносил своему правительству от 25 февраля /7 марта австрийский резидент Гофман, — царь здесь развлекается, плавая вверх и вниз по реке, для чего он пользуется маленьким судном и заставляет своих придворных служителей грести вместо английских матросов» [3]. 27 февраля, как нам уже известно, Петр был у архиепископа Кёнтерберийского в Ламбетском дворце.

1 марта некоторую часть дня пришлось посвятить почте. Петр писал в Амстердам к посольству [4] и в Москву. Из этих писем сохранилось только письмо к Виниусу в ответ на письмо последнего от 21 января. Виниус как начальник Сибирского приказа доносил царю о том, что прекратились злоупотребления сибирских воевод, которыми они отличались прежде, шла затем неизбежная речь о найме железных мастеров и, наконец, о посылке Петру каких-то золотых китайских чашечек, которые будут за границей в диковину. «Min Her Vinius, — отвечает Петр. — Писмо твое, писанное генваря 21, мне отдано февраля 24 д., в котором пишешь о Сибирском поведении, что от воевод чинитца лутче, нежели прежде, и то слава богу. О мастерах, чаю, добьюся здесь: в Галанской земле не мог добитца. А что пишешь ваша милость, что чашечки золотые, посланные от вас, будут здесь в диковинку, и то не чаю, потому что от роду таких я на Москве китайских вещей не видал, как здесь. Piter. Из Детфорта, марта 1 д. 1698» [5].

Получен был в этот день ряд писем от московских друзей, и из них Петр узнал, что делали, о чем говорили и думали в Мо-

---

[1] П. и Б., т. I, № 229. В этот же день письмо к Ф. А. Головину (там же, стр. 696).
[2] Походный журнал 1698 г., стр. 6.
[3] *Sadler*, Peter der Grosse, 242.
[4] П. и Б., т. I, стр. 709, 712.
[5] Там же, № 230.

скве 28 января — число, которым датированы все эти письма. Боярин А. С. Шеин уведомлял о получении от царя «статей» с распоряжениями его «о Миюсе», т. е. о гавани в Азовском море при впадении в него реки Миуса[1] Л. К. Нарышкин сообщал, что царский приказ о выдаче корма датскому посланнику исполняется. Об укреплении городка Тавани и о походе гетмана вниз по Днепру соответствующие указы посланы. Почта, полученная в Посольском приказе, представлена будет царю через великих послов[2].

Того же дела, о таванском походе прошлого 1697 г. и о проекте нового похода в текущем 1698 г., подробно касался в своем письме и начальствовавший над Разрядом Т. Н. Стрешнев. Петр спрашивал его, «каким злым порядком отступили от Таванска белгородский воевода и гетман, оставя неприятеля близко?» Стрешнев объясняет, что, насколько он мог уведомиться через письма от белгородского воеводы (князя Я. Ф. Долгорукого) и через расспросы лиц, приехавших из тех мест, что «будто отступили за скудостью запасов», а «запасами оскудали» оттого, что промешкали многое время при переправе через днепровские пороги, испытывая при том «пущую докуку» от черкас. Впрочем, Стрешнев давал это объяснение с оговоркой: «О запасех толко я то пишу, сколка мог ведать, а подлинно о том бог весть».

Для оберегания Таванска и иных мест принимаются меры. Белгородскому воеводе посылаются подкрепления: «людьми их доволим». Гетману предписано, спустившись по Днепру «плавным ходом», занять этот город ранее прихода туда неприятелей. Город будет укреплен: к тому инженеру, который находится уже в Таванске, посылается еще другой инженер — Индрик Голцман. Кроме того, в Киеве находится еще инженер барон, имя которого в письме стерлось. С такими предосторожностями Таванск можно будет удержать за собой, в этом Стрешнев успокаивает Петра: «И о сем вашей милости доношу: чаять, мошно тот город Тованской и гораздо уберечь от неприятеля; и сумневатца много не изволь, потому людей не мало с нашими будет, и притить мошно к гороцу рано, и неприятель каков — то видели летось: мочно им отпор дать». У наших есть мнение, продолжает Стрешнев, что у неприятеля хороши суда и есть люди «заобычные» к «плавному ходу». Наш плавный поход будет устраиваться в зависимости от того, «каково время будет», т. е., вероятно, когда вскроются реки. Белгородский воевода писал, чтобы в Брянске сделать 200 стругов по образцу того судна, которое в прошлом году строилось в Преображенском и послано в Брянск, только мерою побольше прошлогоднего; такие суда велено делать в Брянске. Он же, воевода, просит прислать тех иноземцев, которые в прошлом году были в Брянске и с ним в Таванском походе, а именно: корабельного плотника Ивана Рейса, матросов Ла-

[1] П. и Б., т. I, стр. 671. Это ответ Шеина на письмо к нему Петра от 22 декабря 1697 г.

[2] П. и Б., т. I, стр. 672. Ответ на письмо Петра от 24 декабря.

ронса Эверса, Курта Крестьяна, парусного дела мастера Генкеля Хорторха; они уже высланы в Брянск и опять пойдут с ним в поход в Таванск. Просьбу же воеводы о присылке сверх этих еще других иноземцев нельзя было исполнить: таких иноземцев более в Москве нет; если можно, хорошо бы нанять их там, за границей, и прислать к Москве, такие надобны будут в плавном походе. В особой записке — «цыдулке», приложенной при письме царя к Стрешневу, передавалось ему какое-то для нас не совсем теперь понятное приказание о кирпиче: «кто станет бить челом о кирпиче и об ином о чем, чтоб дать немедленно». В ответ на это приказание Стрешнев сообщает, что: «и челобитье, и указ был Федору Алексеевичу о даче кирпича и извести, и то дано, а иного челобитья о кирпиче, и об извести, и об ином по се число нет» [1].

Письмо Г. И. Головкина касалось личных и семейных дел. Петр, повидимому, высказывал ему в своем письме от 24 декабря из Амстердама какие-то жалобы на пищу в Голландии, говоря, что в Голландии лучше русского только масло да сыр. «А что вспоминаешь, — пишет ему в ответ Головкин, — о недостатке пищи лутчае масло да сыр, и естли бы не ты писал, истинно бы я никому не поверил, и в мысли моей николи о том попечения не было, и чаели, что во всем удоволство, а у нас за милостию божию всего того с ызбытком». Головкин пишет далее, что Петру пора уже возвращаться домой, так как он свое намерение выучиться кораблестроению осуществил: «толко намерение свое исправил, пора к нам возвращатца». Следуют, далее, семейные подробности, обычные в письмах Головкина: «а Павлюк и сват, хотя и неволею, толко учатца, и сват учением Павлюка упредил и малчик у рук смирен». Заканчивая письмо, Головкин говорит о том удивлении, которое вызвали присланные Петром Кревету из-за границы английские инструменты. «Крефт показывал мне сундук, которой прислан с ынструментами из Англии; вещи изрядные и дивные; и, где делали, и те де дивились (англичане, т. е. в настоящем случае Кревет), потому что у них таких инструментов образцами нет. А которые лимоны с тем сундуком вывезены, и мы к ним коснулись; о том просим прощения. Ганка челом бью. Генваря в 27 день» [2].

В декабре 1697 г., как припомним, Петр из Амстердама писал Ромодановскому о переводе одного корабля переяславской флотилии с Переяславского озера в Волгу [3]. Ромодановский от 28 января отвечает, что он посылал в Переяславль Ивана Инехова, генерального писаря Преображенского полка, а с ним голландского плотника Яна Ренса, который строил этот корабль вместе с Класом, и велел им корабль осмотреть, можно ли его везти водой. Тот плотник пишет из Переяславля, что «никакими

[1] П. и Б., т. I, стр. 672—673. Ответ на письмо Петра от 24 декабря 1697 г.

[2] Там же, стр. 673—674. Ответ на письмо Петра от 24 декабря 1697 г.

[3] Там же, № 213, 214. От 17 и 22 декабря.

мёрами везти его нельзя», нос весь сгнил, а также и кривули, и дно; разве что царь укажет новый такой же сделать, а этого починить никоим образом невозможно. Подлинное письмо плотника на голландском языке Ромодановский прилагает при своем письме. В письмах Петра к Ромодановскому в ноябре и декабре 1697 г.[1] шла речь о посылке в Курляндию капитана Преображенского полка Рихмана за женой полковника того же полка Блюмберга. Теперь князь Федор Юрьевич уведомляет царя, что полковник послал не Рихмана, а своих людей. В письме от 22 декабря Петр делал Ромодановскому выговоры по поводу задержки в выдаче жалованья полковнику Преображенского полка фон Менгдену и за пытку, которой Ромодановский, слишком знаясь с «Ивашкой Хмельницким», подверг Я. Брюса. В ответе князь дает объяснения по этим делам и оправдывается. Фамендину жалованье не выдано потому, что неизвестно, какой оклад ему давать, полковничий или генеральский. Полковничий оклад ему посылали, но он его не принял: просил генеральского оклада. «А о присылке окладу генералского, — продолжает Ромодановский, — как бы ты был на Москве, я тебя докладывал, какой ему оклад давать, а ты мне приказал полковничей оклад давать, а не генералской; и ты ко мне, пожалуй, отпиши: генералской ли оклад ему давать или полковничей. А на нынешней 206-й год посылал я х князь Петру Ивановичу[2] по оклад ево полковничей, и он сказывает, что денег нет. Толко прошу, пожалуй, отпиши ко мне, какой ему оклад давать, а денги сыщем. В твоем же писме написано ко мне, будто я знаюся с Ывашком Хмелницким и то, господине, неправда; некто к вам приехал прямой московской пьяной да сказал в беспаметстве своем. Неколи мне с Ывашкою знатца: всегда в кровях омываемся; ваше то дело на досуге стало знакомство держать с Ывашкою, а нам недосуг. А что Яков Брис донес, будто от меня руку обжог, и то зделалось пьянством ево, а не от меня»[3].

В тот же день, 1 марта, Петр получил письмо из Амстердама от Ф. А. Головина с донесением в особо приложенных к письму статьях о всем, что ему приказано было сделать. Статьи эти не сохранились, но «Расходная книга» посольства за февраль содержит несколько указаний на те предметы, которых, надо думать, касались и статьи. Продолжали приниматься люди на службу. «Расходная книга» упоминает о выдаче принятым и отпущенным в Москву штурманам Аристу Федорову и Лаврентью Кою жалованья на три месяца вперед и денег на проезд; о приеме отряда из 28 человек матросов греков с боцманом Яном Анфендополем во главе; далее, о поступлении на русскую службу венецианца Александра Малины, о выдаче денег двум лекарям, которых подрядил на русскую службу капитан Крюйс; о приеме поляков Давида Лидерта и Станислава Войцеховского, взятых для толмаче-

---

[1] Там же, № 205, 214.
[2] Прозоровскому, начальнику приказа Большой казны.
[3] П. и Б., т. I, стр. 670—671.

ства; о пожаловании кормовых денег черкашенину Ивану Петрову, приехавшему из Венеции вместе с вернувшимся оттуда Григорием Островским. Куплена была корка к корабельным припасам. Железный мастер, подданный курфюрста Кёльнского, Антоний Аренс поставил 96 больших и 95 малых железных пил, которым производилась экспертиза плотниками. Уплачена была на этот раз значительная сумма за заказанное оружие, для чего волонтер Иван Гумор, через которого производилась эта уплата, должен был реализовать полученный из Москвы переводный вексель в 13 723 ефимка [1]. Итак, осада Таванска в 1697 г. и отступление от него белгородского воеводы и гетмана, предположения о новом походе против турок вниз по Днепру в текущем 1698 г., постройка для этой цели флотилии в Брянске, постройка гавани на Миусе, перевод корабля из Переяславского озера в Волгу, корм датскому посланнику, дела преображенских офицеров, наем мастеров, требуемых Виниусом, отпуск какого-то кирпича и извести, семейные дела Г. И. Головкина, какие-то диковинные золотые китайские чашечки, которыми хотел удивить Западную Европу Виниус, наконец, «статьи» Ф. А. Головина — вот вереница разнообразных представлений, крупных и мелких, важных и неважных, мелькавших в мысли Петра при писании и чтении им писем 1 марта.

2 марта царь со спутниками предпринял поездку на двух яхтах вниз по Темзе в соседний Вулич, который и тогда был центром английской артиллерии: там находились артиллерийские заводы и арсенал. Царь был принят там начальником артиллерийского ведомства Сиднеем графом Ромни, личным другом короля Вильгельма III, в 1690 г. занимавшим должность статс-секретаря, в 1693 — вице-короля Ирландии, а затем назначенным фельдцейхмейстером. При посещении Петром сооружений Вулича он угостил его пальбой из пушек. «Ездили на двух яхтах в Улвич, — читаем за этот день в «Юрнале», — и были у графа Ромни и у него веселились, из пушек стреляли» [2]. Ромни, «человек добродушный и любезный» [3], мог занять царя еще одним интересным для страстного любителя пиротехники, каким был Петр, пред-

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 693: от 24 февраля; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 253, 256, 260 об.; 257 об., 248 об., 252 об. — 253; 252: «Февраля в 5 д. ...заплачено по договору за пилы железные, которые делал курфирста кёленского подданной Антоний Аренс, за 96 больших, за 95 пил меньших. Итого за 191 пилу по 11 алт. 2 д. за всякую пилу, всего 129 еф. 14 алт. 4 д. Те деньги за него, Антония, заплачены по писму его амстрадамскому жителю железного дела мастеру Генрику Гейну, которой с ним подряжался». Там же, л. 253 об.: «Февраля 9... за провоз пил железных за 191 пилу от кузнечного мастера до посолского двора и до анбара 15 алтын. Да плотником, которые те пилы пересматривали и худые выметывали, за работу пол-ефимка». Там же, л. 249: «Февраля 2... Ивану Гумору за подрядное ружье за фузеи в уплату к прежней даче 500 ефимков». Там же, л. 260 об.: «Февраля 19... Ивану Гумору в уплату иноземцам за ружье 4 500 еф.» Пам. дипл. сношений, IX, стр. 960. Февраля 21: «Ивану Гумору вексель в 13 723 ефимка».

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 6.

[3] *Маколей*, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 232.

метом. Несколько ранее описываемых событий, в 1695 г., Ромни по случаю возвращения в Лондон Вильгельма III, одержавшего в этом году блестящую победу над французами и отнявшего у них обратно Намюр, удивил столицу новым и необычным для англичан зрелищем, чудом пиротехники, роскошным фейерверком, изготовленным его артиллеристами. «При возвращении в столицу, — говорит об этом эпизоде Маколей, — Вильгельм III был встречен блистательным приемом, приготовленным в его отсутствие. Сидни, теперь граф Ромни, управляющий артиллерийским ведомством, вздумал удивить Лондон зрелищем, какого Англия еще не видывала в подобном размере. Пиротехники его ведомства истощили все свое искусство на то, чтобы устроить фейерверк и иллюминацию, которые бы не уступали бывавшим в Версале или на большом пруду в Гааге. Местом для этого была выбрана Сент-Джемская площадь. Все величественные домы с северной, восточной и западной сторон были наполнены аристократическим обществом. Король стал у окна в зале Ромни. Принцесса датская со своим мужем и двором занимала соседний дом. Весь дипломатический корпус собрался в доме посланника Генеральных штатов. Громадная пирамида огня среди площади лила бриллиантовые каскады, на которые смотрели сотни тысяч людей, наполнявших соседние улицы и парки» [1]. Понятно, как привлекательно было для Петра знакомство с таким искусником в устройстве фейерверков, как граф Ромни. Привлекала к себе внимание страстного «бомбардира», конечно, и вульвичская артиллерия. Недаром посещение артиллерийского городка не раз возобновлялось.

В тот же день, 2 марта, царю официально был передан подарок короля, яхта «The Transport Royal». Передавал по королевскому поручению адмирал Митчель. «И отдали Транспорт, — продолжает под этим же числом «Юрнал», — а приезжал от королевского величества к его царскому величеству ради того вице-адмирал Мичель». Получив, наконец, в свои руки желанный подарок, Петр на следующий же день, 3 марта, отдался занятию им, как ребенок, радующийся новой игрушке, и плавал на подаренной яхте три часа: «ходил с Кармартеном на Транспорте на парусах часа с три», — говорится в «Юрнале». Но к ночи на 4-е опять отправился в Вулич, где и ночевал: «Марта в 3 день. Поехали к ночи в Улич для отведания метания бомб и ночевали» [2].

4 марта, надо полагать, по возвращении из Вулича, Петр занимается корреспонденцией, пишет в Москву и в Амстердам. Отвечая князю Ф. Ю. Ромодановскому на его письмо, полученное 1 марта, он писал: «Min Her Kenich. Писмо ваше, государское,

---

[1] Там же, т. XII, стр. 72—73.

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 6; примечание «в». Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 25; «Расходная книга» Ф. А. Головина — л. 12: «Апреля в 7 д. . . .отдано Томасу Виту, которой оказывал огнестрелные штуки великому государю и стрелял новым обрасцом калеными ядры из мортиров и ис пушек, 7 гиней аглинских. Принял и отдал ему Петр Шафиров».

писанное генваря 28, мне отдано марта 1, в котором изволишь писать о карабле, что згнил и что разве новой делать. И мы не толко что новой делать, мы и о старом тужили, что так зделано»; и, далее, собственноручно: «Өамендину прикажи давать старай окъладъ, по чему была у нашего полку. Тутъ же писано, что Якоөъ Брюсъ с пъянства съвоего то здѣлалъ; і то правъда, толко на чьемъ дворе і при комъ? А что в кравяхъ, і отъ того чаю і болше пъетс для страху. А намъ подлино нелзя, потому что непърестанно в ученье. Piter. Из Детөорта, марта 4 дня 1698» [1].

VIII. ПЕРЕГОВОРЫ О ТАБАЧНОМ ОТКУПЕ С КАРМАРТЕНОМ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕПИСКИ

Противные ветры во второй половине февраля расстроили почтовые сношения между Англией и Голландией; царь и посольство оставались на некоторое время разобщенными. Каждое из писем Лефорта за это время начинается жалобами на неполучение писем от Петра: «Давно ад твоя милось письма нету, — пишет он 11 февраля. — Не дивно; ветра из Англеска земля противна». 18 февраля: «Дай бог нам весте добре ад твоя милось, сто ты веселит и послы велики радусь к нам прешол». То же в следующих письмах: «Письме из Лонден не бевали. Мы дожидаём ветра счеслива, воистене день и ноча» (25 февраля); «давно с твоя милось письма не бевал: ветер противна из Англески земли» (25 февраля). Vir sain ongluclich Das vir nit ein briff fan hem noch nit ompfangen haben, de vent ist ons Contrarie» (4 марта н. ст.). «Давно ад твоя милось письме не бевали. Бог знать, как мои сердце кручин» (5 марта н. ст.) [2]. Неизвестно, когда Петром были получены и читались эти письма друга. Они попрежнему столь же чувствительны, сколь и бедны содержанием. В них в тех же выражениях, что и ранее, высказывается кручина разлуки, радость будущего свидания, желание слышать о Петре добрые вести: «воистене без милось твоя не думу веселить, сам ты изволись знать, сердц моё. Хоть и с велики кручину живу, я потерплю. Ты изволил мене покидать; поволения твоя! А я рад тебе слушеть да смерть своя. Тольк милось твоя бью чалом: не забувай мене. Прости надёже моё!» Вкратце Лефорт сообщал и кое-что реальное, но в очень незначительных дозах, например, о перемене султана на турецком престоле. «Весте есть таки: переменили турецкой султан и брат яво на яво месту коронель» [3]. В первом письме от 25 февраля он пишет, что виделся с некиим голландцем Борелем, сыном сенатора, приехавшим из Англии через Кале и сообщившим, что видел Петра в добром здоровье: «прешол галанской соловеку, имен яво Бор-

[1] П. и Б., т. I, № 231. В тот же день письма к Виниусу, Шеину и Лефорту; но эти письма не дошли до нас (там же, стр. 708, 713).

[2] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I, приложение, № 27—32. Эти письма почему-то не вошли в П. и Б.

[3] Там же, приложение № 28.

рель, батка ява сенатар бул, из Кале-город прешол, и он у мене он бул и обедил: сказал, сто он видал милось твоя здоровой. Дай богу впреду также». В этом же письме сообщается, что пришла из Москвы почта, пишет князь Яков Федорович (Долгорукий, белгородский воевода). По этому поводу Лефорт просит указа от Петра: время готовить войска против басурман: «потста из Москва прешла; князь Якоб Федорович писал. Изволишь нам указ послать проти яво письма: время будет пригатовитьсь войско проти бесурманы» [1]. Шведский король прислал большую грамоту; она еще не переведена, по переводе будет послана в Англию [2].

Наконец, после этих долгих ожиданий 26 февраля пришла в Голландию английская почта и послам было доставлено сразу по нескольку писем от Петра за февраль: Лефорту два, Головину три письма [3].

Ответы членов посольства, датированные 1 марта, получены были Петром и читались 5 марта. В них выражалась тревога, вызванная большим перерывом в известиях о Петре и радость по поводу получения, наконец, таких известий. «Господин Коммандёр! — пишет Лефорт. — Славе богу, письме из Англески земля пришли. Ад твоя милось два дастал, и вижу с велики радусь, сто ты здоровой. Дай богу в преду на многи леты. А про нас: мы по старой живем, по малинка» [4]. Письмо Ф. А. Головина начинается словами: «Милостивой государь. Здравие твое, милостивого государя, и всех купно с тобою приналежащих воле твоей, всесодержащая десница божия на веки счастливо да соблюдет. Сего, государь, февраля в 26 день писма мы от милости твоей, государя, из Лондона приняли, писанные одне 11 февраля, другие 18, третьие написаны в 23 день, ис которых выразумев, что ты, милостивой государь, здравствуешь, зело благодарен был всемогущему, прося сердечными, ей, слезами, дабы и впредь счастливо тя охранити изволил» [5]. Чувство тревоги за Петра вследствие отсутствия известий о нем особенно пространно выражено в письме П. Б. Возницына. Тревога усиливалась от распространения вредных слухов врагами. Если бы отсутствие известий продолжалось дольше, то члены посольства были

---

[1] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I, приложение, № 29.

[2] Там же, № 30; второе письмо от 25 февраля.

[3] Головину от 11, 18 и 27 (?) февраля (П. и Б., т. I, стр. 696). Последняя дата, несомненно, ошибочна, так как почта из Лондона, как говорит сам же Головин, пришла в Амстердам 26 февраля. Издатели П. и Б. на стр. 696 тома I, не оговаривающие этой ошибки, отмечают ее в перечне писем Петра на стр. XII того же тома, предлагая поправку: вместо 27 читать 23. Эта поправка может быть вполне принята. Почта между Лондоном и Амстердамом ходила тогда три дня.

[4] П. и Б., т. I, стр. 703; *Устрялов*, История, IV, ч. I, приложение, № 33. Письмо Лефорта датировано 11 марта н. ст. На нем отметка о получении: «марта в 5 день».

[5] П. и Б., т. I, стр. 696.

бы как бы в темном гробу от печали: «по долгопечальном ожидании, — витиевато пишет Возницын, — восприяли мы, рабы твои, священное ваше писание, на розных почтах посланное, которое почетчи, паче многоценного сокровища, воздав вышнему хвалу, обрадовались, и тебе, государю нашему, премного челом бьем. О всемилостивейший государю, аще бы еще то безвестие продолжилось, подлинно б причастницы были (как я сам о себе разумею) темному гробу, понеже от зде сущих злобных врагов многие вредителные ведомости к нам доходили, и то да будет им на свою погибель» [1].

Из разбираемых ответных писем членов посольства выясняется, какими вопросами интересовался Петр. Оказывается, что царь сообщал им о заключаемом им с англичанами договоре о предоставлении последним табачной торговли в России. Мы уже видели выше, что в октябре 1697 г. английские послы в Гааге сделали великим послам предложение о такой торговле. В депеше от 25 февраля/7 марта австрийский резидент Гофман доносил своему правительству из Лондона, что «здешняя московская торговая компания через депутацию просила царя позволить ей ввозить в его землю табак, на что он по своей обычной манере говорить (как будто бы он не был сам царь) отвечал, что у царя в его стране есть Совет, к которому и надо обратиться по этому делу, и что царь в подобных случаях ничего не предпринимает без его мнения. На этом названная компания должна была успокоиться» [2]. Компания получила отказ потому, что явился другой претендент на приобретение права табачной торговли в России. Это был никто иной, как столь пришедшийся Петру по душе адмирал маркиз Перегрин, который был, видимо, не прочь пуститься в торговые аферы и вступил в переговоры с царем. К концу февраля главные условия договора в беседах Петра с Кармартеном определились, и Петр сообщил об этом деле послам особым письмом, приказывая им изготовить текст договора на русском, латинском и немецком языках, так как договор должен был быть заключен от имени посольства. В письме к послам царь так обозначал эти главные условия договора: «привозить на всякой год 10 000 бочек табаку, а во всякой бочке по 500 фунтов, за всякой фунт по 4 копейки пошлин, а пошлины платить в тое пору, как сложат в анбары, хотя продадут или не продадут, так же и на море, не считая пропажи, всегда давать (т. е. все равно взыскиваются с 10 000 бочек, будет ли продано это количество товара или нет, даже и в том случае, если бы часть его была утрачена при перевозке по морю). А уговор учинили на 7 лет из вышеписанного счету. Дают здесь 12 000 пунт стерлингов и хотят отдать при отдании писма, т. е при вручении им текста договора). А каково образцовое их писмо у нас, и то посы-

[1] П. и Б., т. I, стр. 701.
[2] *Sadler*, Peter der Grosse, 242.

лаю к вам. А вышеписанное писмо изволте написать на руском, и латинском, и немецком языке, запечатав вместе»[1].

При этом послам дано было оригинальное повеление: распечатать письмо не иначе, как предварительно осушив по три кубка. Послы в ответных письмах от 1 марта сообщают об исполнении этого приказания и выражают сочувствие условиям договора, находя их выгодными. «Sarrassena den, — пишет Лефорт,— buili ou mene tauarissi i po oucasa teuoia grammatou nie adpirali dacammestou 3 coubi velichi pili, a posli cittali i 3 rassi icho pili. A vi isuoliti kod nieamenosco (т. е. хоть немножко) pit pro sedoroue, catore mi pili. Grammatou, catoroi ti precacis (т. е. ты прикажешь) teuoia milos pochelat, peitnitsa gatona anna boudet is perua potesta (грамоту, которую ты приказываешь к твоей милости послать в пятницу, готова она будет с первой почтой). Voistene pomojamon (т. е. по-моему), diala dobra. . .» и т. д.[2]. «Писмо, государь, милости твоей, — сообщал Головин, — которое велено роспечатать, когда выпиты будут три купка немалой меры, отдано мне февраля в 27 день, и того жь часа, уведав о состоянии дела оного, выпили три купка гораздо немалы, от которых гораздо были пьяны, однако жь, выразумев, истинно радовались и богу благодарили. Дай, дай боже окончать весь сей путь наш благополучно. А договорное писмо, учиня по обычаю, вскоре, конечно, государь, подписав и подпечатав, пришлем в первой по сей почте. Истинно, государь, особливо я сему рад душею»[3]. Возницын доносил о том же в таких выражениях: «с стороны же (т. е. что касается), государь, по истинне так щастливого и богатого договору о привозе табаку с нарочитым платежем пошлин, а еще и з знатным числом в задаток денег, по указу, государь, твоему, три, не роспечатав, исполня, прочли, и выразумев такое прибылное и пожиточное дело, благодаря бога, попремногу обрадовались и тебе, государю милостивому, за твои труды много и премного челом бьем. И той ради радости, призвав честно друга своего Ивашку Хмелницкого и ево сродников, такой с ним бой учинили, какого невозможно болши быть, со многим выкликанием: виват». Возницын передает, далее, впечатление голландцев, которые, узнав о договоре через находящегося в Англии, чтобы наблюдать за действиями Петра, Захария Дикса, сетуют, что такое выгодное дело досталось в руки англичан, и опасаются, чтобы англичане вовсе не отбили их от московского торга. «О сем, государь, договоре есть ведомость и у галанцов, которые по премногу сетуют и зело желеют, что отправили нас от себя тщетных; и гораздо боятца агличан, дабы их вовсе от московского

[1] Подлинное письмо не сохранилось. Из него сделана приведенная выписка, начинающаяся словами: «В государеве писме написано» (Арх. мин. ин. дел, Английские дела 1698 г., № 1, л. 38).

[2] П. и Б., т. I, стр. 702—703. Проект договора был, действительно, послан из Амстердама в Англию в пятницу 4 марта (см. ниже, стр. 528; см. также Пам. дипл. сношений, т. VIII, стр. 1185—1189).

[3] П. и Б., т. I, стр. 697.

торгу не отбили, а паче от того опасны, что они во всем негодными себя тебе, государю, оказали. Знатно, государь, пишет, о всем к ним Дикс, и туда, мнитца мне, поехал не от себя; чаю, ото всего здешнего совета, дабы все видел и слышал»[1].

Петр в своих письмах звал послов в Англию и обещал прислать за ними яхту. Выражая готовность приехать, послы недоумевали, в каком качестве они должны явиться: с официальным ли характером послов или просто в виде частных лиц; а затем напоминают царю, что если намерение ехать в Вену им не оставлено, то — время уже туда собираться. «Ты изволишь писать, — пишет Лефорт, — кали мы хотятем (хотим) быть в твоя милось, ты изволись пошлать яхту — я гатовой всегда; тольк надебет нам знать, как нам быть: просто али савсем? А если ты изволись быть у Вьен город, али дали, пора поднproducatс; далеко адсуды; а если ты не изволись быть у Вьену и астать лету в англески земле, пора лишне люди адпустить, али напередо пошлать их водой, а мы поскора поспеем у Вьену. Ты изволись писать, как ты изволись, а мы гатова будем указе твоя савершить. Прости, надёже моё! Дай бог милось твоя видатсь с велики радусь: а кеды (когда), бог изволит».

Те же вопросы в письме Головина: «о бытии, государь, нашем, что изволил ты писать ко мне, истинно душею рад, чтоб быть; и отделатца (т. е. окончить все дела в Голландии) в то время мочно, докамест яхта будет из Англии к нам, потому что уже многое, кажетца, что зделано, и изволь присылать, мой милостивой. Толко, государь, изволиш помыслить, естьли быть у цесаря, то уже гораздо время ехать надобно; естьли же не быть, то хотя во все лето изволь, и о том, государь, повели к нам отписать, и как быть: не посолским лицом, и сколко персон с собою взять и какое платье, о том милостивно с посланным изволишь приказать по росписце; толко как не быть, не знаю, у цесаря?» Головин сообщал также в письме, что им закончен наем людей в Голландии для морского флота. Список их с обозначением жалованья посылается в особой ведомости; наемная плата дешевле

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 701. Этот эпизод с торжественным распечатыванием царского письма описывает находившийся тогда в Амстердаме, приехавший туда из Женевы брат Лефорта Яков, ошибочно только относя его к 1 марта. По его словам, 28 февраля (?) пришла почта из Лондона. Среди царских писем было одно с адресом: трем послам с тем, чтобы вскрыть после того как трижды будет выпито за мое здоровье. На следующий день, 1/11 марта (?), Франц Лефорт пригласил своих товарищей к обеду, чтобы исполнить приказание. Никого из посторонних при этом не было. Прибывшие из Женевы родственники Лефорта обедали в своей комнате, ожидая чего-то особенного. «В середине обеда, — продолжает Яков Лефорт, — мой племянник, секретарь (Петр Лефорт), пошел туда, чтобы узнать, что́ содержит письмо; но немало было наше удивление, когда нам сообщили, что в письме возвещалось только, что его величество в четырех милях от Лондона велел строить корабль и чтобы наблюдать за этим, сам находится там. Таким образом, мы не умнее, чем в начале: Auf solche Weise sind wir nicht klüger, als im Anfange (*Posselt*, Lefort, II, 469—470). Очевидно, что послы скрыли от родственников Лефорта настоящее содержание письма.

английской, и нанять матросов в Голландии можно, сколько угодно. Если нужно еще нанимать, просит уведомить [1].

Возницын подтверждал в письме новость о смерти «доброго князя» Курляндского, в которой сомневался Петр. Что это прискорбное известие — правда, видно из того, что курфюрст Бранденбургский послал на погребение представителем своей особы одного из принцев. Хорошо, что польские дела приняли благополучный оборот: дай боже, чтобы было так, как царь писал о Деконтии; но все же еще «арцыбискуп шатается», и в Амстердаме носится слух, что, когда король Август II шел к Данцигу, поляки «по научению арцыбискупову» на дороге многих королевских людей побили и побрали их запасы, так что и сам король принужден был спасаться бегством. Подлинные известия ожидаются от резидента. О прочих делах, которых царь касался в письме к нему, Возницыну, известно будет ему из писем от «превосходительнейших господ больших товарищей» [2].

6 марта Петр опять в своей любимой стихии — в Вуличе, в артиллерийской лаборатории: «Был десятник в Уличе, смотрел лабораториум, где огнестрельные всякие вещи и наряжают бомбы» [3]. День 7 марта был вновь посвящен корреспонденции. Петр писал Лефорту и Головину в Амстердам [4] и стольнику В. Д. Корчмину, сержанту Преображенского полка, в Берлин, где этот сержант обучался артиллерии вместе с другими русскими бомбардирами. Из ответа Корчмина, помеченного Берлином от 29 марта, видно содержание письма к нему Петра. Петр поручал ему разведать о жалованье, какое платят в Бранденбурге всем военным чинам, и Корчмин, получив надлежащие сведения, прислал царю с ответом от 29 марта особую роспись такого жалованья [5]. Царь осведомлялся, далее, о ходе обучения бомбардиров, на что Корчмин доносил, что по 20 марта, когда им получено царское письмо, они, бомбардиры, «выучили фейверк и всю алтилерию; а что в алтилерии какие есть науки, — пишет он далее, — и то известно милости твоей, а ныне учим тригинометрию». Корчмин от-

[1] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I, приложение, № 33. П. и Б., т. I, стр. 702—703, 697. В заключение письма он благодарит Петра за внимание к его «робяткам» (брату и сыну?): «За многую твою, государя моего, ко мне милость я, нижайший твой раб, благодарен, что изволил купить робяткам моим инструменты».

[2] П. и Б., т. I, стр. 701—702. В этот же день, 5 марта, получены были Петром письма от князя Б. А. Голицына из Москвы (от 8 января?) и от его сына князя А. Б. Голицына из Амстердама от 1 марта. Первое письмо очень пострадало; текст его значительно испорчен. Впрочем, оно состоит из намеков, которые трудно разгадать, не зная о чем ему писал Петр; письмо его к князю Б. А. Голицыну от 24 декабря 1697 г. не сохранилось. (П. и Б., т. I, стр. 674. Вместо 8 jannaria не следует ли читать 28?) Второе письмо очень кратко и также содержит неясные намеки: князь А. Б. Голицын уведомляет царя, что получил его письмо и в нем какое-то «решение по писмам батюшковым», за которое «рабски бьет челом» и просит учинить решение также по письмам, пересылаемым с нынешней почтой (П. и Б., т. I, стр. 703—704).

[3] Походный журнал 1698 г., стр. 7.

[4] П. и Б., т. I, стр. 717—718.

[5] Там же, стр. 716—717.

зывался в ответе о «мастере», учителе бомбардиров, немецком поручике, что он «человек добрый», знает много и показывает хорошо, но требует платы по 100 талеров с человека, а без платы бросил было и учить; поэтому Корчмин просил Петра о высылке этих денег, прибавляя, что бесполезно просить о плате за них курфюрста: все равно не заплатит. Наконец, царь приказывал в своем письме «отписать, как Степан (Буженинов), не учась грамоте, гиометрию выучил». «И я про то не ведаю, — отвечал Корчмин, — как впредь выучит: бог и слепцы просвещает» [1].

Получен был ряд писем из Москвы: от князя Ф. Ю. Ромодановского, Л. К. Нарышкина, А. С. Шеина, А. М. Головина, Г. И. Головкина и из Амстердама от посольства. Все письма от москвичей были ответами на письма к ним Петра от 31 декабря [2] и датированы 4 февраля. Посмотрим, какие новости приносили они Петру.

Ромодановский [3] возражает против сделанных ему царем упреков за неразумие его вопроса о табачной продаже, разрешенной иноземцу ван-де-Брахту, с которым он тогда к Петру обращался, и в свою очередь уличает Петра за допущенную им в его письме ошибку, не без язвительности объясняя ее «великим запалением», в котором, должно быть, Петр находился, когда писал письмо. «А что ты, господине, пишеш ко мне в своем писме про иноземца, о котором я к тебе писал, о табачной продаже в неразумия нам ставиш, и то напрасно: я к тебе писал, зная, и не в великую докуку тебе; толко иноземец мне говорил, чтоб отписать, а мы так делаем, как указ записан у нас. Ты же пишеш в своем писме, что Орленку и иноземцу торговать по два года, и то впрямь нам удивителное дело: знать за великим запалением не прямо к нам пишеш, а у нас указ записан, толко обеим — Орленку и иноземцу — по одному году велено торговать, а другой год на государя, и ноне торгует Орленок для уставки первой год и пошлины он же збирает на государя; а как год пройдет, тогда из наддачи станем отдавать». Настоящее письмо Ромодановского выясняет нам, что вопрос о дальнейшей торговле табаком иноземца фан-де-Брахта после истечения предоставленного ему срока, заданный в письме Ромодановского к Петру от 26 ноября 1697 г., был им сделан по просьбе самого иноземца, который, видимо, непрочь был продолжать льготную торговлю и после срока 1 декабря 1697 г. указ хорошо известен Ромодановскому, и он, действительно, в письме от 26 ноября привел совершенно правильную цитату из февральского указа о табачной торговле [4], касающуюся фан-де-Брахта, где говорилось, что торговать ему велено «с двести пятого году по двести

[1] П. и Б., т. I, стр. 715.

[2] Там же, № 215 от 31 декабря 1697 г. к Ромодановскому. Остальные письма этого дня не сохранились.

[3] П. и Б., т. I, стр. 676.

[4] П. С. З., № 1570, 1697 г. 1 февраля.

шестой год декабря по первое число» (1 декабря 1697 г.)[1]. Петр, раздосадованный этим вопросом князя, раз уже был дан указ и упрекая его за это, сам, однако, ошибался в подробностях указа, приводя их на память и говоря о *двух* годах, на которые будто бы была предоставлена табачная торговля иноземцу, и в этом случае Ромодановский в своем возражении царю был прав. Впрочем, спор с Ромодановским утратил уже для Петра свой существенный интерес: когда письмо его было получено, был уже решен вопрос о сдаче табачной торговли в России Кармартену. После подписи князя, состоявшей из трех букв К. Ѳ. Р., в письме прибавлена приписка, сделанная не без ассоциации с содержанием письма: «последней пьяный Фетка Чемоданов, воспоминая вас за пипкою (трубкой табаку), челом бьет». Читая эти последние строки, Петр мог припомнить знакомое ему лицо думного дворянина Ф. И. Чемоданова с пипкою табаку в зубах. В чине стольника Ф. И. Чемоданова в 1676 г. мы видим в свите, сопровождающей царя Федора в его подмосковные походы, а затем в 1688—1689 гг. он в таких же походах сопровождает царя Петра[2]. 25 марта 1690 г. он был пожалован в чин думного дворянина[3]. Он происходил из семьи, давно уже соприкоснувшейся с Западной Европой, был сыном стольника И. И. Чемоданова, ездившего в 1656—1657 гг. посланником в Венецию. От этого посольства остался интересный «Статейный список» с описанием путешествия посольства по Атлантическому океану, Средиземному морю, по северным итальянским городам до Венеции и из Венеции через Германию и Голландию[4]. Думный дворянин Ф. И. Чемоданов, очевидно, принадлежал к «компании» Петра; потому и позволял себе писать к нему так фамильярно.

Письмо Л. К. Нарышкина заключало в себе известие, что только что привезены шведские пушки: описание их, «каковы они мерою и ядром», Нарышкин отправил великому посольству. От гетмана ничего нового нет; к нему посылается с словесным наказом Иван Тараканов[5].

А. С. Шеин в своем письме уведомлял, что посланные ему царем азовские и другие чертежи, о доставке которых Петр высказывал в письме от 31 декабря беспокойство, им получены, о чем он писал царю от 28 января и тогда же переслал царю записку инженера Руэля о глубине Дона и Азовского моря. Теперь и он, Шеин, по последнему письму царя убедился, что гавани удобнее быть на реке Миусе «для пресных вод и лесов и прочих угодей». Сооружение города Павловска «идет к совершенству, гавань там строить еще не начали, инженер хочет начать нынешним летом; от него получена записка о глубине воды, проект устройства гавани и смета, сколько для этого строенья

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 675.
[2] Дворцовые разряды, т. IV, стр. 17, 22, 420, 428, 443.
[3] Там же, т. IV, стр. 543.
[4] Пам. дипл. сношений, т. X, стр. 931—1151, 1151—1176.
[5] П. и Б., т. I, стр. 677,

потребуется людей и всяких припасов. Извлечение из этой записки Петру посылается, и он из него усмотрит, какой труд выполнен. Царь предоставил дело о постройке гавани на реке Миусе на усмотрение его, Шеина; но он, заявляя, что сердечно рад избрать наилучшее и угодное Петру место, все же просит Петра не оставить его и «подать в сем деле науку, как поступать лучше». Как только приедет Руэль и привезет подтверждающие сведения о глубине гавани и моря и о прочих «угодьях», он, Шеин, пошлет в те места инженера барона (Лаваля) для лучшего удостоверения, где следует быть гавани: «Где удобнейшеи найдем, тут будем нынешнее лето работать, и дай боже, без великих трудов сие дело совершить». Из Азова никаких чрезвычайных известий не пишут, татарских набегов к нему нет. Только иноземцы, работающие у инженера, очень на него жалуются, да воеводы азовские пишут, что он в городских укреплениях ни одного места не оставил без переделок: «которое место переломает, а сделает так же, как было» [1].

А. М. Головин благодарит царя за письмо. «Пожалуй, отпиши мне, — пишет он далее, — где ваша милость пребывает и как ваше намерение к возвращению к нам. А у нас пива настают мартовские изрядные, чаю, хотя град Амстрадам и преславущий, там таких пив нет. В доме твоем, милостию божиею, здорово. Денги за пистолеты Адолфову сыну Исаку против писма твоего сто шездесят восмь рублев заплачены. Пожалуй, не покинь братей моих двух Иванов, в чем я во всем надежен на милость твою. Да у тебя ж прошу: пожалуй, промысли мне табаку: а у нас здесь хорошова нет, и промыслить негде. В полках у нас, при помощи божии, здорово. Толко из новоприборных многие за пиянство, и за зернь, и за воровство отставлены; а иные без вести пропадают, и я на те места пишу из заротных; и как те заротные уберутся по местам, и в те поры которых городов на те упалые места писать? Украинцев писать ли? Автамон Головин. Писано из Преображенского, февраля в 4 день» [2].

Г. И. Головкину Петр писал от 31 декабря 1697 г., что «намерен быть в землю, окруженную морем, то есть во Англию». «Дай господи боже, — замечает по этому поводу в своем письме Головкин, — чтоб то намерение ваше исправилось счасливо, а мне б на знак милости твоей и бытности во Британии получить лондонской работы зепные (карманные) часики». Далее — обычные для писем Головкина семейные подробности в шутливом тоне: «а Павлюк приболел и неоднова, и Лаврентей доктор смотрел и сказал, что на болезнь ево в оптеке лекарства нет, а называет ту болезнь ленью. Пожалуй, мой государь, поелику тебе возможно, пиши о своем здоровье. Ганка челом бью. Февраля в 3 день» [3].

[1] П. и Б., т. I, стр. 677—678.
[2] Там же, стр. 678—679.
[3] П. и Б., т. I, стр. 679. Такие же семейные подробности и в следующем, более позднем его письме от 18 марта: «а мы с Павлюком живем да ретку

Из Амстердама писали Петру великие послы. Петр, передавая им главные условия договора с Кармартеном, приказывал, как припомним, изготовить и прислать текст договора согласно доставленному им образцу на трех языках. Послы в письмах от 1 марта обещали царю окончить эту работу к пятнице, 4 марта. Это и было исполнено. В письмах от 4 марта каждый из послов сообщает царю (между прочим) о посылке ему текстов договора о табаке, притом в двух редакциях на выбор. К этому известию Лефорт прибавлял, что получены письма из Москвы; там, слава богу, все смирно. Известия из Польши не особенно хороши. Он, Лефорт, ожидает указа, когда подниматься из Амстердама в Вену. «Господин Коммандёр! Письме, которы ты изволил нам пошлать, милось твоя, пошелаю с почтою. Мы нарокум (нарочно) два прегатовил: каторой годной будет, изволись выбирать. Письме из Москва прешли: славе бог, все смирной. Я дазидаю указа твоя, которой време адсюды подниматьсь Вьену-город? Письме из Польски земли не самы добры: можной быть, не надолго. Пужалест, пиши про своя здорова; а воистене велика радусь у мене будет слушеть, сто вы веселите. Прости, надёже моё! Дай бог тебе здорова на многи леты. Ад мене солобит (челобитье) компанью ваша. Твое верной слуга Лефорт г. ад. Ам. 14 м. 1698» [1].

Ф. А. Головин, уведомляя о посылке договора о табаке, шутливо называет его товаром, который и он, Головин, «не ненавидит», и просит оставить для него или, если он не будет вызван в Англию, прислать ему некоторую часть лучшего состава этого товару. У него легкая рука, и с его легкой руки умножится торговля: «рука лехка, лучше впредь умножить торговлю». Кроме уведомления о высылке договора, Головин в своем обширном письме касался и многих других предметов, как-то: высылки денег обучающимся русским бомбардирам в Берлин, политических известий, найма в Голландии разных людей на русскую службу, покупки оружия, личных покупок Петра. Бомбардирам в Берлин деньги на жалованье и на инструменты посланы [2]; корм им там «вы-

---

в пост жуем; а ученье ево зело тупо с природы; учит вечернго, а сват начал учить псалтырь. Медветь и лисица пишут. Ганка челом бью» (П. и Б., т. I, стр. 679).

[1] По новому стилю, по старому 4-го (*Устрялов*, История, т. IV, ч. I, Приложение, № 34; П. и Б., т. I, стр. 704—705.

[2] Один из этих бомбардиров, Данило Новицкий, приезжал за деньгами из Берлина в Амстердам в феврале 1698 г., и деньги были посланы с ним. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр., дв., № 47, л. 257 об.: «Февраля в 15 д. (1698 г.)... дано великого государя жалованья Данилу Новицкому на прошлой 205-й и на нынешней 206-й год годового по окладу ево сполна по 16 руб. на год. Итого ефимками 58 еф. 3 алт. 2 д.» Там же, л. 29 об. — 30: «Марта в 4 д. дано великого государя жалованья Степану Буженинову, Ивану Алексееву, Данилу Новицкому на 205-й и на 206-й годы по окладом по 16 руб. человеку на год, да Василью Корчмину, Ивану Овцыну против их ж обеих годов по 32 руб. человеку. Да им ж всем вопче на покупку бамбардирских инструментов 25 золотых; да что они в Берлине заняли у торгового человека у Петра

дают», о том он, Головин, имеет из Берлина подтверждение. В Новгород и в Москву, а также к шведскому канцлеру о заказе пушек в Швеции писано. Мельничные мастера наняты, и те, «о которых ты изволишь писать, что знает их Кропоткин (толмач при посольстве), живут в Сардаме, изволишь ли их принять? А приговаривать их я ево, Кропоткина, пошлю нарочно в Сардам». Мельничных мастеров, также якорных, канатчиков и зейльмекеров (парусных мастеров) надобно отпустить в Нарву, пора им делать якоря и прочее. Не напишет ли Петр каротенькие письмеца к Льву Кирилловичу, к Тихону Никитичу, «к вослужителю нашему попу Александру» (адмиралтейцу А. П. Протасьеву) и к князю Б. А. Голицыну, чтобы они в тех делах, ради которых посылаются эти мастера, оказали «вспоможение» в своих ведомствах? Деньги, которые останутся у царя за покупкою свинца в Англии, Головин просит его перевести в Амстердам на уплату жалованья нанятым людям. Договор о покупке еще 10 000 ружей сверх купленных 15 000 не состоялся; о причинах будет доложено царю при личном свидании. Головин спрашивает далее, подтверждать ли прежние распоряжения о найме матросов в Нарве? От цесаря получена ответная грамота: будет поднесена царю по его возвращении из Англии. Цесарский посол удостоверял, что их войска с первых чисел апреля непременно пойдут под Белград, а будет их около ста тысяч. Много места в этом письме, как и в прежних письмах, Головин отводит переговорам, ведущимся с капитаном Крюйсом о найме его на русскую службу. Капитан склоняется к поступлению на нее «с желательным намерением». Головин объявил ему жалованья 1 800 рублей в год с тем, чтобы сверх того он ничего не просил, разве чего-нибудь незначительного: «жалованья я ему тысячу всемьсот рублев на год объявил и говорил, чтобы иные окресности многие отставил, разве к тому что малое». Крюйс, выслушав эти предложения, сам будет писать к Петру с этой же почтой. Головин просит немедленно дать ответ и не гневаться, что так докучает с делом о Крюйсе, желая довести это дело «при помощи божией и по воле государя» до доброго конца: «а Крюйс, как я вижу, зело искусен и трудами нескучен человек». Ему очень хотелось бы получить чин вице-адмирала и потому он не выскaзывает своего последнего решения. «И, естьли возможно, — просит Головин, — покажи с ним милость ради чаяния будущих строений». Петр уже приказывал Головину об отпуске Крюйса просить бургомистров и лиц, начальствующих в адмиралтействе; сам же Крюйс говорил, что большую силу (в деле об его отпуске) имеет секретарь адмиралтейства Девильде. Пусть царь велит сыну Де-

---

Якобсена на прокормление 200 ефимков, дано 91 зол. 26 алт. 4 д., считая золотой по 40 алтын. Итого им в даче 223 зол. 13 алт. 2 д. Золотыми им дано для того, что галанской монеты денги в Берлине не ходят. Взял те золотые Данило Новицкий, которой приезжал о том из Берлина бить челом». Там же, л. 268 об.: «Марта в 5 д. дано великого государя жалованья Данилу Новицкому на проезд до Берлина в дорогу 30 ефимков».

вильде отписать об этом к отцу: «он же (Крюйс) мне сказывал что в том есть немалая сила секретаря Дивиллии. И естьли твоя, милостивого государя, в принятии ево воля будет, то повели отписать Дивиллину сыну к отцу своему волею твоею, естьли я о сем просить буду; а мню, что уже писать мастер»[1]. Письмо Ф. А. Головина заканчивается известием о покупках редкостей, которые Петр желал приобрести в Амстердаме: крокодила и экземпляра рыб швертфиш. Головин «подсылал» покупать эти предметы и торговаться о них «торгового человека». Однако продавец не хочет взять за обе вещи меньше 125 рублей; есть много других экземпляров и дешевле, но меньших размеров. «И о том что изволишь? А еще всяко ево торговать буду, и о том к тебе, милостивому государю, отпишу впредь. При сем нижайший твой, государя моего, раб Фетка. Из Омстрадама, марта в 4 день». Подписав письмо, Головин сделал еще приписку латинскими буквами: «Posuolia nausia duoenoznaia na cerepahi i kambaly i tuu, i protzaia». И под этой припиской подписался своим прозвищем по всешутейшему собору: «Pop Feodor»[2].

П. Б. Возницын в своем письме также уведомлял Петра об отправке ему двух редакций текста договора о табаке на русском, латинском и немецком языках, причем давал объяснение относительно этих двух редакций. Одна из них — «попространее», именно со включением дополнительных слов, предусматривающих платеж пошлин с условленного количества табака как в случае пропажи части товара на море, так и в том случае, если бы не удалось распродать всего табака, слов, прибавленных Петром к первоначальному проекту англичан; о них Петр сообщал послам в своем письме, передававшем основные условия договора[3]. Другая, краткая редакция — совершенно без изменений сравнительно с образцовым текстом, полученным от царя. Пусть Петр выбирает, которая из них более подходит. «По указу, государь, твоему два договорные письма о привозе табаку, написав по русски, по латине и по немецки, к тебе, государю, отпустили. Одно попространнее и с теми подкреплениями, которые написаны сверх их предложения в твоем, государеве, писме, а именно о пропаже на море и о непродаже. А другое, кроме тех слов, против образцового писма ни мало ни в чем не отменяя, ниже что прибавляя или убавляя, опасая то, чтоб затем то великое и пожиточное дело какого препятия свободно было. Изволишь, государь, милостивой, оба приказать прочесть и, которое лутче ко

---

[1] Пам. дипл. сношений, т. VIII, стр. 1167: «Февраля в 6-й день великие и полномочные послы были в Амстрадаме у амстрадамского секретаря адмиралитецкого двора Девилда для смотрения разных старинных монет древних цесарей и королей». Вероятно, в связи с этой просьбой Головина «Девиллину сыну» была подарена царем в Англии шпага, взятая у сопровождавшего Головина в Англию дворянина Ульяна Синявина, который за нее был вознагражден 6-ю ефимками (Пам. дипл. сношений, т. IX, стр. 1006).

[2] П. и Б., т. I, стр. 705—707. Приписка: «посылаю на вся двоеножная на черепахи и камбалы, и.. (?), и прочая».

[3] См. стр. 338—339.

укреплению того дела, повелишь отдать (т. е. англичанам)». Но следует также для прочности и с английской стороны взять письменный документ: «а добро б, чтоб и от них о том утвержение на писме же взять»[1]. К приведенным строкам о договоре Возницын добавил еще последнее известие из Польши: король старается примириться с архиепископом, но «доселе еще мятутся, а подлинного примирения еще междо собою не имеют»[2].

IX. СВИДАНИЕ С РОДСТВЕННИКАМИ ЛЕФОРТА

От 8/18 марта австрийский резидент Гофман доносил в Вену, что епископ Сольсберийский Бёрнет, несколько раз беседовавший с царем, уверял его, Гофмана, что царь из Англии отправится прямо к венскому двору, оттуда в Венецию и затем к будущему октябрю опять в свои земли. «Здешний двор, — добавляет резидент, — кажется, утомлен его причудами». Причуды московского дикаря, как смотрели на Петра в Англии, были, конечно, тягостны и утомительны для чопорного английского двора, с которым царь не мог сблизиться также и вследствие своеобразного образа жизни, вкусов и обстановки, слишком неподходящих к привычкам и нравам английских высоких сфер. «Царь мало виделся здесь с королем, — писал из Лондона императору австрийский посланник граф Ауэрсперг вскоре после отъезда Петра из Англии от 22 апреля/2мая, — так как он не изменил своего образа жизни. Он обедал в 11 часов утра, ужинал в 7 часов вечера и затем тотчас же ложился спать, а вставал в 4 часа утра, что для состоявших при нем англичан казалось очень стеснительным (artlich)[3]. Слишком уже непритязательная обстановка, отсутствие элементарных условий комфорта и даже прямо грязь, среди которой жил Петр со спутниками и на которую натолкнулся король при первом же своем визите к царю, разумеется, не могли располагать его повторять свои посещения. Из записи, занесенной в «Юрнале» под 9 марта, известно, что Петру показывали какую-то необыкновенную женщину-великана, у которой он, человек ростом без двух вершков в сажень, проходил под протянутую руку не нагибаясь: «Была у нас великая женщина после обеда, которая протянула руку, и, не наклонясь, десятник под руку прошел»[4]. Но из-за внутренней грубости и наряду с движениями, свидетельствующими об уровне дикаря, в Петре просвечивают иные побуждения, и в «Юрнале» под тем же числом, 9 марта, вслед за известием о визите высокой женщины записана и другая заметка: «ездил десятник верхами к астрономику», т. е. на астрономическую обсерваторию, находящуюся в лежащем рядом с Дептфордом, но ниже

[1] Русский текст обеих редакций см. в Пам. дипл. сношений, т. VIII, стр. 1185—1189.

[2] П. и Б., т. I, стр. 707—708.

[3] *Sadler*, Peter der Grosse, 244.

[4] Походный журнал 1698 г., стр. 7.

его, на том же правом берегу Темзы Гринвиче, где обсерватория существовала с 1674 г. Ее директором был тогда Фламстид (Flamsteed), известный в истории науки составлением звездных каталогов. Для наблюдений на обсерватории, если они были целью поездки, погода была неудачна: «перед вечером был снег и дождь», — как записано в «Юрнале». Ветер, град и дождь свирепствовали и в следующие дни, судя по отметкам «Юрнала» за 11 марта: «был град и дождь, великий ветр» и за 12 марта: «был дождь и великий ветр».

В начале марта выехали в Англию с целью представиться царю прибывшие в январе в Амстердам из Женевы родные Лефорта: один из его старших братьев, Яков Лефорт, и два племянника: старший сын Ами Лефорта Людовик и сын сестры Шуэ (Schouet). С ними отправился также находившийся уже при дяде на русской службе и исполнявший при посольстве обязанности секретаря Петр Лефорт, другой сын Ами. Вельможный московский родственник снабдил их письмами к царю от 7 и 8 марта. «Господин Коммандёр, — писал он в первом. — Давно письме ад твоя милость не бевали; а мы дазидаём безпрестань щаслива ветра из англески земли. Дай бог нам весте добре! Брат моё с 3 племеники адсюды в англески земля пошли твоя милось поклапиться, покажи им милось твоя, если мозно. Писме, каторы из резидент прешли, изволись их читать: не сами добры, если нужна будет писать, изволись приказать. Из Москва потста не бывала: как ана будет, тотчас стану милость твоя пошлать. Дай бог вам веселить и к нам с велики радусь быть. Прости надёже моё. Дай бог тебе здорова на многи леты. Ад мене, пужалест, солобит скажи ваше компань; а мы помалинька веселяом. Твоё верной слуга докамест стану жить Лефорт г. ад. Амстерд. 17 март 1698 г.» [1]. Второе письмо от 8/18 марта содержит исключительно просьбу о приеме родственников и имеет значение как бы рекомендательного: «Господин Коммандёр! Брат моё с племеники многи разы мене спрашали их адпустить в англески земли твое милось поклониться. Пужалест, покази им милось своя. Ани не долго котят жить, если ты не изволись; нарокум суды прешли твоя милось кланиться; а ты, как ты изволись: если твое веление будет их дерзать (т. е. держать), да каво мест ты изволись быть, волено твоё. Прости, надёже моё. Твоё верной слуга безпрестань. Лефорт г. ад. Амст. 18 м. 1698» [2]. Петр Лефорт, как сообщал в Женеву Яков, представился царю 16 марта, днем раньше остальных, и был принят очень милостиво. «Его величество, — пишет Яков, — увидев его издали, пошел к нему навстречу, чтобы его обнять и несколько раз его поцеловал. Это было в присутствии г. Туртона (женевца, проживавшего в Амстердаме, друга Лефорта), который сопровождал Петра Лефорта и был очень изумлен происшедшим. При их возвращении (от

---

[1] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I, № 35 (письмо датировано по новому стилю).
[2] Там же, № 36. Почему-то обоих этих писем нет в «Письмах и бумагах».

царя) он возбудил наш смех, сказав: смотрите, вот — царский сынок! Невозможно было проявить большей радости при свидании, чем выказал его величество, обнимая г. Лефорта».

«На другой день три остальные женевца должны были поцеловать руку царя. Они были введены секретарем посольства (Петром Лефортом) в то время, когда его величество сидел, празднуя день рождения своего сына царевича, за столом, к которому он пригласил нескольких англичан. Царь тотчас поднялся из-за стола, чтобы принять приветствие и поцелуй руки от вошедших; затем он велел поставить новые приборы и оказал гостям честь кушать с ними. После обеденного стола он сел со всем обществом на яхту и сделал несколько плаваний по Темзе, причем много раз стрелял из пушек. Эта яхта особенно красива: ее подарил царю его британское величество». Рассказав о приеме, Якев Лефорт прибавлял в письме также описание наружности царя. «Вы знаете, — пишет он, — что государь очень высокого роста; но есть одно очень неприятное обстоятельство: у него конвульсии то в глазах, то в руках, то во всем теле. Он иногда так закатывает глаза, что видны только одни белки. Я не знаю, отчего это происходит: надо полагать, что это — недостаток воспитания. Затем у него судороги в ногах, так что он почти не может держаться на одном месте. Впрочем, он очень хорошо сложен, одет, как матрос, очень прост и ничего иного не желает, как только быть на воде» [1]. Франц Лефорт в письме от 23 марта очень благодарил Петра за прием, оказанный его родным. «Господин Коммандёр! — писал он. — Письма твоя милось ко мне пришла и видал велика милось, катора ты изволил брат моё и племиники показать: воистине не забуду да смерть своя такава милось и про многи дни. Дай бог тебе здорова на многи леты! Весте не бевали с Москва: а с Варшаву, славе богу, гаразда луче. Кароль в Данцих прешол с велики радусь. После завтра адпущу абозу нашу и люди к рубужи цесарской. Пужалест, ад мене солобит скажи ваша компань. Прости надёже моё. Дай бог твоя милось видатсь с велики радусь. Твоё верной слуга Лефорт г. ад. Амст. 23 м. 1698» [2].

---

[1] *Posselt*, Lefort, II, 476—477. Поссельт (примечание на стр. 476) недоумевал, как объяснить ошибку в приводимом письме Якова Лефорта, когда он упоминает о праздновании дня рождения царевича. Очевидно, в письме спутан день рождения со днем именин — 17 марта. Таким образом, можно заключить, что и самый прием женевцев имел место 17 марта.

[2] Издатели «Писем и бумаг Петра Великого» (т. I, 714—715) отнесли это письмо (там же, стр. XXVII) к 13 марта по ст.ст. Но оно, в противоположность некоторым другим письмам Лефорта, помечено именно 23 марта *по старому стилю*. Лефорт датировал свои письма то тем, то другим стилем (см. *Posselt*, Lefort, II, 469, примечание). Из того, что письма с просьбами о приеме родственников помечены 17 и 18 марта по н. ст., т. е. 7 и 8 марта по ст.ст., следует заключить, что родственники выехали в Англию не ранее 8 марта. К 13 марта, т. е. в пять дней, не только они сами не могли обернуться из Дептфорда в Амстердам, но даже не могли еще притти оттуда к Лефорту и известия о них. Притом в письме № 38 от 23 марта Лефорт

X. ПОЕЗДКА В ПОРТСМУТ. МОРСКИЕ МАНЕВРЫ

Хорошо познакомившись еще в Голландии со вкусами и наклонностями своего странного гостя, Вильгельм III решил доставить ему самое большое удовольствие, которое только можно было ему сделать, — показать ему свой военный флот и произвести перед ним морские маневры. Царь получил приглашение прибыть в главную военную гавань Портсмут, где для маневров было сосредоточено 12 крупных военных кораблей. Он выехал туда 20 марта в 10 часов утра и направился по дороге на Гильдфорд. Миновав Гильдфорд (Guildford), древний, существовавший уже в X в. городок, с его старинными домами и башней, остатком норманнского замка, и сделав в течение дня 20 марта 40 миль, Петр заночевал в местечке, обозначаемом в «Юрнале» названием Еадлинент (Godalming?): «Поехали в Портцмут за два часа до полудня: проехали город Эйлфот, приехали в деревню Еадлинент; здесь ночевали, отъехали 40 миль». Сохранился любопытный документ от времени этого путешествия Петра в Портсмут — счет гостиницы в Годальминге, по которому английским правительством было уплачено хозяину гостиницы за все съеденное и выпитое при остановке в ней царем и его спутниками, число которых было 21. За завтраком эта компания уничтожила: полбарана, четверть ягненка, десять кур, двенадцать цыплят, три кварты коньяку, шесть кварт глинтвейну, семь дюжин яиц. За обедом они же съели $1^1/_4$ пуда говядины, целого барана весом в $1^1/_2$ пуда, три четверти ягненка, плечо и филей телятины, восемь кур, восемь кроликов, выпили две с половиной дюжины столового вина и дюжину красного [1]. На следующий день, 21 марта, Петр двинулся в дальнейший путь также в 10 часов утра. «Юрнал», упоминая виденное по дороге, отмечает, конечно, то, что привлекло к себе наибольшее внимание: «Отсель (т. е. из Еадлинента) поехали за два часа до полудня; проехали железные заводы, в которых одна (т. е. мельница) — молотовая». Обедать остановились в местечке Липхук (Liphook). Отсюда Петр прошел пешком версты две по дороге на Петерсфильд (Petersfild), пока не нагнали его экипажи. «Приехали в деревню Липхук, здесь кушали; отсель пошли пешком с две версты, покамест кареты приехали. Проехали городок Питирсфиль; отсель проехали великие горы и дорога была вельми худа, и с гор увидели море. Приехали в деревню Касом (Cosham?); тут и кушали». Затем вступили в систему укреплений Портсмута: «проехали подъемный мост, где на валу пушек с шесть и солдаты стояли с ружьем; приехали в вечеру в город в Порц-

говорит, что отпустит обоз посольства «после завтра», а обоз посольства был отпущен именно 25 марта ст.ст. (см. Пам. дипл. сношений, VIII, стр. 1209—1215), так что письмо № 38 датировано 23 марта ст.ст.

[1] *Фирсов*, Английские сведения о пребывании Петра Великого в Лондоне («Древняя и новая Россия», 1877 г., № 9, стр. 77); *Шубинский*, Исторические очерки и рассказы, стр. 18—19. Документ хранится в Бодлеанской библиотеке.

смут, после полудня в 8-м часу и стали у воеводы. Город — не малый; с приезда три моста подъемных, впущены воды».

На другой день по приезде, 22 марта, Петр осматривал военные корабли, и перед его глазами предстали тогдашние морские гиганты. «После обеда, — читаем в «Юрнале» — ездили в шлюпках на воинские корабли. Были на корабле Роел-Вилим (Royal-William), на нем 106 пушек; в исподнем ярусе по 48 фунтов ядро; пушки все медные; людей на нем бывает по 708 человек. Были на корабле, именуемом Виктори (Victory), на нем 100 пушек; были на корабле, именуемом Ассциати, 90 пушек. Поехали на вице-адмиральский корабль, именуемый Горбух, приехали в 3-м часу, на нем 80 пушек. После полудня изо всех кораблей была из пушек стрельба, также и люди поздравляли (салют). Ветр был норд-вест». В $3^1/_2$ часа пополудни флот, снявшись с якорей, из Портсмута направился к острову Уайту: «Полчетверта часа, вынув якори, пошли в путь вест-норд-вестом в пол паруса... пришли против острова Вейта (Wight) и стали на якорях».

23 марта маневры не могли начаться вследствие тихой погоды. Петр продолжал осматривать корабли и побывал на трех из них: «За три часа до полудня вынули якори, пошли в путь и шли немного, погода была тихая, стали на якори, остен-зюйден; поехали в шлюпке с своею компаниею и были на трех кораблях». Капитаны кораблей, участвовавших в маневрах, устроили в честь царя пирушку; на один из кораблей «приехали с иных кораблей капитаны, веселились довольно». Петра заинтересовал особенно один из них, знающий кузнечное дело; он посетил и его корабль, где этот капитан показывал свою работу: «один капитан кузнечного дела знает и образец чинил; и были у того капитана».

Наконец, 24 марта в Спидхедском проливе, отделяющем остров Уайт от берега Англии, состоялось примерное сражение, предпринимавшееся двукратно. «За три часа до полудня, — рассказывает «Юрнал», — вынули якоря, пошли. Ветр был ост-зюйд-ост; и становились корабли по линиям и после того разделились надвое. И был бой в 11-м часу; другой был бой после полудня в 1-м часу». Передавался рассказ, что Петр в порыве восхищения от зрелища морского боя настоящих больших военных кораблей сказал находившемуся при нем адмиралу Митчелю, что предпочел бы быть английским адмиралом, чем русским царем. Это конечно предание, ничем официально незасвидетельствованное и которое трудно проверить; но предание могло получить начало от впечатления, произведенного на царя всем виденным; в тех или иных словах он мог выразить свой восторг от зрелища окружавшим его лицам. После второго боя вернулись в Портсмут в 4 часа дня. Петр съездил в шлюпке в «Сютей-кастель», т. е. в Southsea-Castle — замок на берегу, выстроенный Генрихом VIII и впоследствии обращенный в форт, и, побыв там с час, вернулся на корабль, а затем с карабля при пушечном салюте флота и приветственных криках команды от-

Рис. 30. Портсмут. Гравюра XVIII в.

правился в Портсмут, где был встречен салютом из 51 пушки. Ночевал опять у губернатора. «И после того часа (т. е. когда кончился второй бой) пошли назад в устье; приехали под город в 4 часа. Изволил десятник отсель ездить в шлюпке в город Сютей-кастель [1], который на берегу стоит, и, быв с час, приехали на корабль пред вечером. С корабля поехали в город и со всех кораблей была из пушек стрельба, также и от людей поздравление; и как приехали к городу, была из 51 пушки стрельба. И, приехав, у воеводы ночевали» [2].

XI. ПИСЬМА, ПОЛУЧЕННЫЕ В ПОРТСМУТЕ. СБОРЫ Ф. А. ГОЛОВИНА В АНГЛИЮ

В Портсмуте 24 марта, может быть, утром до выезда на маневры, может быть, вечером по возвращении с них, почта доставила Петру московские и амстердамские письма; известия с родины и от посольства врезались в совокупность впечатлений от всего виденного за этот день и перемешались с ними. Из московских писем сохранились два: от Л. К. Нарышкина и от Винилуса, оба от 11 февраля. Письмо Л. К. Нарышкина по обыкновению очень кратко. Он извещает, что получил царское письмо от 7 января, в котором Петр писал ему о едущем в Россию архиепископе Анкирском. Архиепископу, сообщал Нарышкин, будет оказано всякое внимание [3]. Виниус, осведомившись из письма к нему царя от 7 января [4] об отъезде его «в землю, обстоящую Нептуновым полем», желает по отправлении там дел благополучного возвращения. Поклоны, посланные Петром через него, переданы по назначению. Так как теперь, когда Виниус пишет это письмо, идет уже пятая неделя по отъезде Петра в Англию, то, вероятно, письмо застанет его уже возвратившимся в Голландию. В качестве заведующего почтой Виниус обращается, далее, к Петру с жалобами на шведского почтмейстера в Риге, который чинит «лукавые и досадительные поступки», ищет остановить и разорить почту. Царь может уведомиться обо всем этом через отправившихся из России в Голландию и проезжавших через Ригу иноземцев Бранта, Кинциуса, Бреста и других. Почтмейстер никого не слушает и говорит, что все, что он делает, он делает по указу своего правительства. Он, Виниус, писал об этом великим послам, но советует Петру отправить грамоту и шведскому королю о смене почтмейстера [5]. Эти строки Виниуса с жалобами на рижского почтмейстера, может быть, еще прибавили каплю к тому горькому чувству, которое вынес Петр из личного посещения Риги весной 1697 г.

---

[1] Портсмут делится на пять частей: собственно Portsmouth, затем Portsea, Landport, Gosport и Southsea. Замок Southsea Castle находится на юге последней части и расположен на берегу моря.

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 8—10.

[3] Там же, стр. 682.

[4] Там же, № 222.

[5] П. и Б., т. I, стр. 681.

Из Амстердама Петр получил по два письма от Лефорта и Головина, а также письмо от Возницына. Лефорт делится с другом радостью, с которой он «достал» письмо Петра. Из письма он узнал, что Петр веселится в добром здоровье, что дай бог и впредь. Послы сегодня, т. е. 11 марта, когда писалось письмо, были вместе и «пили одно куба ренска по ваша здорова: коть постят, нельзя эта не быть», т. е. хотя теперь и пост, но нельзя было не сделать этого. Приказание царя об отпуске из Амстердама в Вену людей с обозом будет исполняться. Пришла почта из Москвы, письма царю пересылаются. Все бы слава богу, если бы не сбежал изменник и плут инженер Брекель — это был инженер, взявшийся прорыть канал между Волгой и Доном. «... знать, — продолжает Лефорт, — не умел савершить работой своё у каналу». Хорошо бы всюду о нем написать и поймать его, чтобы впредь не было таких обманщиков. Приехали в Амстердам Христофор Брант и Абрагам Кинциус: они говорят, что слышали про инженера, что он был в Нарве. А он, изменник, с Христофором Брантом прислал к нему, Лефорту, письмо о своих работах, и Лефорт переписывает, далее, текст этого письма к нему от инженера, в котором инженер сообщает от 19 января, что сегодня он выезжает на свои работы на канал, что князь Б. А. Голицын отпустил его из Москвы так рано оттого, что ему надо приготовить машины для копания земли, а князь желает кончить работу поскорее. Переписав письмо Брекеля, Лефорт передает далее, что, судя по сообщению новгородского воеводы П. М. Апраксина, Брекель бежал за границу, и просит распоряжения, кому быть на его месте: барону инженеру или сыскать нового, знающего дело. «Изволись писать поскора, как изволись, и каму быть на яво месту в каналу: барон инженьёр, али сыскать кто гаразда умел? Эта не простой работа. Прости, надёжде моё! Ад мене солобите вас компань. Твоё верной слуга Лефорт г. ад. Амст. 21 м. 1698» [1].

При этом письме Лефорт приложил копию с полученного великими послами письма от новгородского воеводы П. М. Апраксина с подробностями о побеге Брекеля через Новгород в Нарву. Апраксин сообщал, что Брекель сделал это тайно, достав из Посольского приказа проезжую грамоту на имя человека своего Фицнера, а себя выдал за фицнерова челядника. Он, воевода, сносился по этому делу с нарвским генералом, и тот ответил, что Брекель пробыл в Нарве всего только один день, но тайно, не являясь властям, и затем уехал. В том же письме Апраксин касался и другого дела. Послы писали к нему именем государя, чтобы он отправил от себя из Новгорода в пограничные шведские города знатных дворян нанять там для азовского флота по 6 человек штурманов и боцманов, да 150 человек матросов. Об этом же особо писал ему еще Ф. А. Головин. Для найма указан-

---

[1] Помечено новым стилем (*Устрялов*, История, т. IV, ч. I, № 37; П. и Б., т. I, стр. 709—711).

ных людей, он, Апраксин, послал в Ругодив, в Колывань и в Канцы дворянина И. Ю. Татищева да с ним из торговых знающих людей, а в Стекольно указ послал «к некоторому новгородцу, нашему торговому человеку», велел им нанимать штурманов, боцманов и матросов, знающих русский язык; если же знающих русский язык не отыщут, то нанимать таких, «которые б бывали на больших морях». Когда посланные вернутся, он донесет, как идет дело. Однако он имел разговор по этому поводу в Новгороде с иноземцами и с русскими людьми, бывавшими в тех городах, и они не думают, чтоб можно было сыскать таких, которые знали б русский язык, а если и найдутся таковые, то это шведские деревенские жители, небывалые на морях и ездящие только до Стекольны [1].

Во втором письме от 15/25 марта Лефорт сообщает о получении с великой радостью письма Петра от 7 марта. Сам он живет помаленьку, не без кручины. Как увидит Петра, забудет несчастливые дни, потерянные в Амстердаме в разлуке. Ф. А. Головин, «товарис моё», как называет его Лефорт, хочет покидать его и ехать в Англию согласно царскому указу. Вести из Польши получше: король достиг Данцига. В заключение письма Лефорт благодарит Петра за то, что достал ему арапов, и после подписи делает еще приписку: «пужалесте ад мене скажи солобит ваша компанья и не забевати про наша пити. . . воистене некали забеваём; кодь питья здешнее не добро. Вчерась я ужenал у Туртон. Девице добре про твоя здорова пили великой стакан: ани рады твоя милось видатсь» [2].

Ф. А. Головин в первом из своих писем, помеченном 11 марта, уведомлял Петра, что «с Лефортом приезжим», т. е. с Яковом Лефортом и с его племянниками, поехавшими в Англию, отправил ему письмо, написанное по их просьбе, вероятно, рекомендательное. Посылку письма таким путем он считает дерзостной и просит за нее прощенья: «И я, государь, с ними писал по прошению их к тебе, милостивому государю, и в том на меня, раба своего, гневу не имей, что так дерзостно учинил. Толко, как поехали, не знаю; а пришли прощаться и просили о том писме, и я, при них написав, вручил им». Тексты договора о табачной торговле посланы 4 марта: здесь, в Амстердаме, о договоре еще никто не знает. Вероятно, на обращенный к нему вопрос Петра Головин отвечает по поводу договора: «конечно, государь, надобно, как зделано будет, послать указ с подтверждением о сем к Москве при положенных статьях»; об этом деле он может обстоятельнее донести при личном свидании. Письма, полученные из России накануне, 10 марта, а также копия с письма новгородского воеводы П. М. Апраксина к ним, послам, посылаются царю с этим письмом. Если Брекель объявится здесь, в Голландии,

---

[1] *Устрялов*, История, т. IV, ч. I, № 37, стр. 602—606; П. и Б., т. I, стр. 709—711.

[2] Там же, № 39. Письмо датировано 25 марта нового стиля (П. и Б., т. I, стр. 717—718).

то что с ним делать? держать или отпустить к Петру? Головин касается, далее, очевидно, уже ранее сообщенного Петру листа тайного русского агента в Вене Стиллы-Швейковского, полученного послами 18 февраля, с известием, что в Вену приехал из Польши некий ксендз поляк, который говорил, что в Москве произошли великие бунты, царевна Софья взята из монастыря, возведена на престол, «за государыню и правительницу обрана», ей присягнули бояре, воинство и весь народ, она призвала из Сибири Голицына, который теперь присутствует в совете. Стилла прибавлял, что в Вене по всему городу только и говорят, что об этих слухах. Послы от 1 марта отвечали Стилле, прося донести цесарю, чтобы ксендз, виновный в разглашении небылиц, был подвергнут наказанию: «в государстве его царского величества сохраняется добрый порядок и управление», и не только никто из подданных таких вещей мыслить не может, «но и посторонние неприятели так великого монарха и славно военного царя боятся» [1]. Петр, знакомый с истинным положением дел в Москве по постоянным письмам оттуда, не придал известиям Стиллы никакого значения; хотя, надо думать, что эти известия могли в значительной мере подготовить раздражение, овладевшее им позже при известии о подлинном бунте, создавая у него ожидание смуты. Головин в разбираемом письме доносит, что он говорил еще архиепископу Анкирскому, прося его от себя написать в Вену по этому делу, на что тот ответил, что писал уже о том дважды. Подписав письмо, Головин прибавил еще просьбу вызвать его в Англию, если царь думает еще побыть там некоторое время; очевидно, накопились дела, требующие личного доклада царю и его решения, тогда как дела, которые надо было исполнить в Голландии, приходили к концу: «Умилосердися, мой милостивой государь, если изволишь еще мешкать в Лондоне, пожалуй меня, раба своего, повели быть. Я хотя на почте, не явно, быти могу. А здесь, государь, уже дела немного гораздо». Головин прибавляет далее, что уже по написании этого письма получил царские письма от 1 и 4 марта. Распоряжения Петра об отправлении обоза посольства в Вену будут приводиться в исполнение; о предстоящем путешествии великих послов будет сообщено секретарю цесарского посольства, чтобы тот дал знать в цесарские пограничные города и в Вену для соответствующих приготовлений. Вновь Головин напоминает Петру о Крюйсе, вопрос о найме которого все еще не получил окончательного решения; вновь просит пожаловать его чином вице-адмирала и велеть сыну секретаря адмиралтейства де-Вильде отписать относительно Крюйса к отцу. «Ей, — замечает при этом Головин, — без такова человека у нас флот в добром состоянии не будет; и в том, как воля твоя, милостивого государя, моего». Петр писал послам по поводу упреков, делаемых ему в том, что он не часто пишет и объяснял, повидимому, что послы ошибаются, что дело

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1172—1173; 1182—1184.

не в редкости его писем, а в том, что почта задерживается противными ветрами. Головин просит в том прощения, заявляя, что писал с упреками от душевного соболезнования. Так, кажется, можно понимать не совсем ясное место его письма. «Что изволишь, мой милостивой государь, батка, писать ко мне милостивно, что мы пеняем и пишем, что вы не изволите писать часто, а удерживаютца почты за ветром, и то делаем, не рассудя. И бога, государь, свидетеля, милостивой мой, представляю о совести моей, что писал не для чего иного, токмо, как кому о ком душевно болезненно, забудет церемониально выписывать и другое рассуждать, в чем милостивого прошу прощения». Письмо заканчивается фразой, которая также не может быть понята без ключа к ней, находившегося, несомненно, в утраченном письме Петра к Головину: «А писма, государь, своею рукою, которые я к милости твоей, государю, писал, все по русски, и переводчиков у вас много: в том не изволте отговариватца» [1].

В Амстердам приехал 13 марта из Англии и явился к послам лекарского дела ученик Иван Левкин, присланный «от валентеров», т. е. от Петра, «с указом и поизволением: кто из них, великих послов, похочет побывать в Лондоне для настоящих дел, тот бы ехал» [2]. Так записан этот приезд Левкина в «Статейном списке» посольства. Но Петр вызывал в Англию собственно только Головина, за которым и был прислан Левкин с особой яхтой. Им привезены были Головину письма царя от 7 и 10 марта. «Премного тебе, милостивому государю, благодарен, — отвечал Головин от 14 марта, — за присылку Левкина с яхтою и о всех наказанных от милости твоей, государя, ко мне делех. Увидев твои, милостивого государя, очи, сам могу донести, дай боже, в счастии. Люди, государь, наши отпустятся после сего числа в восми днях. В делех, государь, врученных мне от милости твоей, государя, кажетца, за помощию божией управлено. Как тебе, милостивому государю, угодно ли будет. И с Креусом, государь, я виделся по принятии писем твоих, милостивого государя. Малое, государь, нечто покупки осталося, и то вручил Прокофью Богдановичю, и уже сторговано. Нижайший слуга и богомолец pop Fetka. Marta w 14 die[n]» [3].

Когда Петр в Портсмуте 24 марта читал только что приведенное письмо Ф. А. Головина, последний плыл уже, направляясь к берегам Англии. С появлением Левкина в Амстердаме ускорен-

---

[1] Пам. дипл. сношений, т. VIII, стр. 1198; Арх. мин. ин. дел, Дела австр. 1698 г., № 25, л. 14 об. «Расходная тетрадь Ф. А. Головина» под 13 апреля: «Того же числа оптекарю Ивану Левкину за издержки, что посылал в Амстрадам из Лондона, отдано 4 золотых червонных да на епанчу дано по указу два фунта аглинских».

[2] П. и Б., т. I, стр. 711—712.

[3] П. и Б., т. I, стр. 718—719. 24 марта в Портсмуте Петр получил также коротенькое письмо П. Б. Возницына, касавшееся тех же предметов, о которых писали ему и старшие послы: отпуска из Амстердама посольского обоза и пересылки царю писем из Москвы и из Новгорода, между прочим, одного из них «о инженере слюзном» (там же, стр. 712—713).

ным темпом пошли сборы посла в дорогу. У Ивана Тессинга были взяты английские деньги [1]. Закупались припасы. «Выдано, — читаем в «Расходной книге», — для аглинской поездки второго великого и полномочного посла на всякие харчевые покупки и конфекты 64 ефимка, в том числе и за бочку пива, взятую в дорогу». «Заплачено по росписи винкоперу Гериту Гохейту за два анкерка мушкатного и прямого ренского, и за пошлину, и за бочки, которое куплено в дорогу в Англию второму великому и полномочному послу марта в 16 д.» Взято было «для аглинской поездки 3 фунта свеч вощаных» [2]. Изготовлен был также, должно быть, в связи с путешествием в Англию, золотых дел мастером Юрием Нордерманом «ковалерской золотой крест», — надо полагать, знак какого-то пожалованного Головину, вероятно английским королем, ордена [3]. Выдавались деньги некоторым лицам из тех, которые должны были сопровождать Головина. С ним ехали, вероятно, ввиду приближавшейся страстной недели: священник Иоанн Поборский (ему было выдано на платье 60 золотых) [4]; далее: 6 человек остававшихся в Амстердаме волонтеров во главе с князем А. М. Черкасским, 11 человек солдат: Алексей Петелин, Игнатий Озорник, Семен Воронков, Данило Ухватов, Никифор Басманников, Карп Соколов и др., часть имен, как видим, из того отряда солдат, который был оставлен в Пилау еще в начале путешествия для обучения морскому делу. Собственно свиту посла составляли один дворянин (Ульян Синявин), двое пажей (Томас Книппер и Иван Вейде, брат Адама Вейде), двое толмачей, один слуга. С Головиным ехал также подьячий Иван Черндов, везший небольшую соболиную казну и сундучек с делами [5]. Сохранился и список дел, захваченных Го-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 31 об.: «Мая в 7 л. дано амстрадамцу Ивану Тесингу за взятые у него аглинской монеты золотые, именуемые гинеи, как ездил второй великой посол из Амстердама в Лондон, 66 золотых с полузолотым».

[2] Там же, л. 275 об., 281, об., 277.

[3] Там же, л. 280 об.

[4] В Англии он носил иноземное платье: Арх. мин. ин. дел, Дела австр. 1698 г., № 25, л. 11: «Апреля в 1 д. г. ... священнику Поборскому на платье иноземское по указу дано 23 золотых и один ефимок. Покупал Иван Черндов».

[5] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 275 об., 276 об.; Арх. мин. ин. дел, Дела австр. 1698 г., № 25: «Росход, как поехал из Амстрадама в Англию». Это — особая расходная запись, веденная Ф. А. Головиным во время его путешествия. В ней читаем: «Марта в ... д., как по указу великого государя ездил в Лондон для дел из Амстрадама да при после ж взят был по указу священник Поборской да волонтеров, которые жили на Остинском дворе, Андрей Михайлов с товарищи шесть человек да солдат Алексей Петелин с товарищи одиннадцать человек, которые взяты ради науки в Англию по указу, да дворенин один человек, пажей два человека, толмачей два человека, подьячей один человек, слуга один человек». Толмачами были Петр Скоровский и Станислав Войдеховский, принятые на службу в Амстердаме поляки. Там же, л. 275 об.; «Марта в 16 д. ... кормовых же денег дано Петру Скоровскому, Станиславу Вейдеховскому для той же аглинской поездки на две ж недели апреля по 1 число Скаровскому по 4 алт., Вейдеховскому по 3 алт. на ден. Итого обеим 5 еф. 14 алт. 4 д.» Из подьячих был взят в Англию Иван Черндов. Там же, л. 276: «Марта в 16 д. ... куплен для аглинской по-

ловиным с собой в этом сундучке. Здесь — исторические документы для справок: «списки с выписок о пересылках с английскими короли» и «статейные списки аглинских посолств князь Петра Прозоровского и Василья Дашкова», — это те документы, которые дают московскому дипломату XVII в. точку опоры в открываемых переговорах, служат материалом для ссылок на прецеденты. По ним посол готовился к исполнению своей миссии. Далее, Головин вез с собой бумаги, касавшиеся того дела, для которого он именно и вызывался, — проекты табачного договора: «списки с договорных писем о табаке». Захвачена была также для представления государю сметная роспись деньгам, необходимым для того дела, которым занимались послы в Амстердаме: «роспись о денгах, что надобно денег на покупку товаров и на наем началных людей». Следовали ответные ведомости: о казне, взятой с собой посольством из Москвы; о золотых и ефимках, переведенных из Москвы векселями в Амстердам; о расходах на содержание посольства: «выписка, что им, великим и полномочным послом, на кормовые расходы выдано с приезду их в Амстрадам со всеми людми». К этим же документам относится и «выписка о чехах» (цехинах), с которыми предполагалась финансовая операция в приказе Большой казны. Из того, что Головин вез Петру эти финансовые документы и представлял ему отчетность о расходах посольства, следует заключать о том интересе и внимании, которые царь проявлял к этой стороне дела. Наконец, в числе бумаг Головина оказываются «роспись иноземцем, что принято каких чинов в службу»; «роспись дороге до Вены», т. е. план предполагаемого дальнейшего путешествия посольства, и «прошение иноземца о Лопском рыбном промыслу, чтоб дать на откуп» [1]. Последний документ — это, очевидно, прошение, в феврале 1698 г. поданное на имя Лефорта некиим голландцем Бенедиктом Небелем. Предполагая учредить компанию для торговли рыбой в прибалтийских и северных странах, Небель указывал, что в Лопской земле при реке Коле ловится большое количество рыбы, но жители тех мест лишены возможности за неимением больших судов эту рыбу сбывать и бывают принуждены возить рыбу только в Архангельск на своих малых лодках с большими трудностями; к ним же на Колу заходят в год всего один-два корабля, а в иной год и ни одного не заходит. Между тем кольский рыбный промысел мог бы расшириться, если бы колянам обеспечить сбыт улова. Он и просил сдать ему с товарищем на откуп рыбную торговлю с Лопской стороной на 15 лет под условием платежа в Москве казенных пошлин [2].

сылки подьячему Ивану Черноцову на дела сундучок, дано 20 алтын». Там же, л. 56: «Марта в 15 д. ... отпущено со вторым великим послом в Англию 10 пар соболей» и т. д.

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1198—1199.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1698 г., № 1, л. 1—4 — голландский подлинник прошения; л. 5—7 — перевод; л. 8—9 — «возвещение» (проект условий договора).

Головин выехал из Амстердама 17 марта после полудня[1] до Роттердама на двух малых яхтах. В Роттердаме его ожидала высланная за ним королевская яхта.

XII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕПТФОРД. ДАЛЬНЕЙШАЯ ПЕРЕПИСКА

Из Портсмута царь выехал 25 марта после обеда при салюте из 51 пушки. Отъехав от города мили с три, он взял иной путь, чем при приезде, и направился через городки Альтон (Alton) и Фарнгам (Farnham), расположенный при за́мке, построенном в XII в. В Фарнгаме он ночевал и на следующий день, 26 марта, двинулся отсюда в первом часу пополудни. Следующим местом остановки был Виндзор, городок в 20 километрах от Лондона на правом берегу Темзы, известный своим красивым королевским замком, получившим начало еще при Вильгельме Завоевателе, затем перестроенным и особенно украшенным при Карле II, с террасой в 570 метров длины, с которой открывается красивый вид на Темзу и ее берега. Замок окружен парком. На так называемом «Нижнем дворе» (Lower Ward) замка находятся две капеллы: св. Георгия, получившая начало в 1474 г., и св. Альберта, построенная при Генрихе VII; из них в первой происходит посвящение в кавалеры ордена Подвязки. Замок привлек к себе внимание Петра, и красота его, видимо, произвела впечатление, как можно судить по записи «Юрнала»: «приехали в город Винзер, а в нем королевский двор *зело изряден*, и были в дву костелах, в которых в кавалеры ставят. И, быв с два часа, поехали». Из Виндзора он отправился в другую находящуюся вблизи Лондона королевскую резиденцию — Гамптон-Корт (Hampton-Cort), любимое местопребывание короля Вильгельма III: «и приехали в деревню Амтон-Корн... и ночевали, а тут королевский двор, что строила королева». Замок в Гамптон-Корте, сооруженный при Генрихе VIII и Елизавете, расширенный и перестроенный в стиле итальянского Возрождения при Вильгельме III архитектором Реном, также, кажется, понравился Петру, посвятившему его осмотру часть дня 27 марта: «марта в 27 день, после обеда были в том доме и смотрели: зело изряден. И, быв с три часа, поехали». Миновав городок Кингстон (Kingston) на Темзе, царь перед вечером

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1198. В догонку ему в Роттердам с пришедшей после его отъезда почтой посылался толмач Кропоткин. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 279 об.: «Марта 18 ... дано толмачу Ивану Кропоткину на наем подвод, на проезд, что он послан с писмами из Амстрадама ко второму великому и полномочному послу до Ротердама, 6 ефимков». Дела австрийские 1698 г., № 25: «Росход, как поехал из Амстрадама в Англию... И будучи в дороге от Амстрадама издержали в кормовых дворех и на яхтах до Лондона, что ели и пили и за провоз малых двух яхт, в которых ехали до Ротердама и что дано на королевской яхте сарам с приезду, которая в Ротердаме посла дожидалась — всего 78 червонных золотых».

27 марта вернулся в Дептфорт: «проехали город Кимстол; перед вечером приехали в Детфорт»[1].

Вернувшись в Дептфорт, Петр нашел у себя московские письма. А. С. Шеин писал ему о строении гавани на Миусе в ответ на письмо Петра от 7 января, затрагивавшее эту тему. «Мой милостивый государь, — пишет Шеин. — Писание твое, которое писано генваря 7-го, до меня отдано февраля в 6 день. Приняв радосно, слыша о здравии твоем, и лобызал оное писмо, яко десницу вашей милости, и благодарственно с приращением челом бью; и впредь меня в милости своей не остави. Изволил, милость твоя, потвержать о гаване третьим писмом, что лутче на Миюсе и работы менши. Извесно милости твоей, как в прежних своих письмах, так и ныне предлагаю, каторова часу Руэль будет, еще уверюсь от него подлинно об оном Миюсе и пошлю борона и Руэля; избрав лутчее место ко оному гавану, велим работать, чтобы нынешнея лето без труда не пропустить. А Леваль естьли не изменитца от своего упрямства, иным изменитца будет нечим, что те дела велим вручить иному; вели, мой милостивой, отписать. В прежних почтах генваря 28-го да февраля 4-го послал инженерские писма: Руэлево о глубине моря и рек, Левалово о строении гавана и о глубине; дошли ль до милости твоей? Прислал коротенькую записку Г. И. Головкин с уведомлением о получении царского письма от 7 января: «При отъезде вашем из Омстродама в Лондон писмо твое, ко мне писанное, дошло. Желаю и впредь, дабы забвен не был. А сват и Павлюк в трудех своих пребывают необленно. Ганка челом бью. Февраля в 18 день»[2].

К 24 или к 27 марта, к одному из этих дней, следует относить также и получение Петром письма от А. М. Головина[3]. А. М. Головин вводит царя в подробности жизни Преображенского полка. Он начинает выражением благодарности за какие-то пушки, «удобные к его полкам», о которых писал ему царь. Образцовые лядунки для снаряжения Преображенского полка, о высылке которых в Москву Петр ему также писал, еще не получены; как придут, о том будет донесено тому, «кому надлежит по письму твоему». Кто это, перед кем Головин питает некоторый страх и опасение его раздражить — неясно, может быть, князь Ф. Ю. Ромодановский — генералиссимус. «И пожалуй, — обращается он с просьбой к Петру, — к нему отпиши, чтоб он ко мне был милосерд, как тебя бог наставит, чтоб пуще ево не раздражить. А что какой есть в делах наших непорядок, и то, богу ведущу, и все я несу на себе, а от меня все удалишася». Письмо Петра с уведомлением о том, что высылаются образцовые лядунки, пришло

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 10—11.

[2] П. и Б., т. I, стр. 682, 683.

[3] Там же, стр. 683. От 11 февраля. На нем помета о времени получения: «марта», без указания числа. Получение письма можно относить или к 24 марта или к 27 по тому соображению, что часть писем из Москвы от 11 февраля была получена 24 марта (письма Виниуса и Л. К. Нарышкина, П. и Б., т. I, стр. 681—683), а часть — 27 марта (письмо А. С. Шеина, только что приведенное; П. и Б., т. I, стр. 682).

как раз во-время; чуть было не отдали их изготовлять. В иных полках — у Петра Гордона и в Семеновском — уже сделаны. Следуют, далее, в письме полковые мелочи, не совсем для нас понятные, так как они обозначены только намеками. А. Головин сообщает Петру, что Ивану Ивановичу (Бутурлину?) ни в каком полковом деле он ведать не дает, и тот за это на него гневен; просит царя охранить его и отписать Ивану Ивановичу, чтобы он «в полковых делах и во всем урядстве» ему не мешал. «А что у нас в полкех, — пишет он, — слава богу все здорово». На караулах с нынешнего числа будет стоять Преображенского полка полуполковник князь Никита Репнин, а полковник (Фамендин?) с позволения генералиссимуса на караулах не стоит «и в жалованье оскужен: идет ему не против прежних, которые были у нас в полкех». Головин спрашивает далее, в каких местах теперь Петр обретается, в Амстердаме «или инде где», просит не покинуть находящегося в Голландии брата его Ивана, сообщает известия о членах ближайшей компании: «Святейший наш поехал молиться к Александру Свирскому. У Тихона Никитича жены не стало, и о том он безмерно печалится». Письмо заканчивается просьбой о покупке за границей 3 000 мушкетов: «соверши, и ко мне, пожалуй, отпиши» [1].

Сохранилось (в копии) письмо Петра к новгородскому воеводе П. М. Апраксину в ответ на пересланное Петру великими послами его письмо к ним о найме штурманов, боцманов и матросов в пограничных шведских городах и о бегстве инженера Брекеля. Петр предписывает ему больше из шведской земли матросов, незнающих русского языка, не нанимать, потому что «здесь», т. е. в Англии, благодаря наступившему миру, можно нанять матросов, гораздо лучших, чем в Швеции. По поводу бегства Брекеля Петр делает Апраксину выговор, хотя и не в суровой форме, указывая в качестве примера на порядки в иностранных государствах. «Min Her, — пишет царь. — Письмо твое, 16 февраля писанное, мне отдано марта 24, в котором пишешь ваша милость о найме солдат; и в том извольте приложить тщание. А что естьли не найдется руского языка, велел, которые и не знают языка, нанимать, и в том, которые наняты, тем быть так, а естьли которых сие письмо до наему застанет, нанимать не вели, потому что здешние гораздо лучше и не пример шведам, и достать их можно, сколько надобно, здесь ради учиненного мира; а в шведской земле велено нанимать только для языка руского, а не для того, что здесь добыть нельзя. Тут же пишешь, что полковник Брекель проехал тайно заграницу, и то зело худо, что таково оплошно у вас: можно было покрепче смотреть в том. А здесь не токмо иной кто, но и сами короли каждому проезжую подписывают своею рукою. О пушках новых, о которых писал Федор

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 683.

Алексеевичь (Головин), так же потщись, чтоб немедленно оные зделать. Piter» [1].

27 марта вечером, вероятно, вскоре после возвращения в Дептфорт Петра, который вернулся туда «перед вечером», прибыл туда же из Амстердама второй посол Ф. А. Головин: «приехал к нам, — как записано в «Юрнале» — Федор Алексеевич [в] вечеру» [2].

28 марта помечено получение Петром второго письма от А. М. Головина от 18 февраля из Москвы, почти тождественного по содержанию с предыдущим письмом от 11 февраля. Речь опять идет о высланных царем образцовых лядунках, которые все еще не доставлены, о том, что до получения царского письма он, Головин, хотел было делать лядунки деревянные, крыть их телячьей кожей и печатать на них гербы Преображенского полка. Такие без его ведома уже сделаны в Семеновском полку. От Ивана Ивановича (Бутурлина?) попрежнему чинится ему в полковых делах «помешка»; Иван Иванович все делает по прихотям своим, а не так, как требует дело. Головин просит Петра отписать о том к Ивану Ивановичу [3].

29 марта Петр писал Виниусу, отвечая на его письма от 11 и 18 февраля. Царь обещает исполнить его просьбу о железных мастерах, написать о них королю польскому. Их можно найти и в Англии, только они здесь дороги; в Голландии найти их не удалось. Виниус рассчитывал, что его письмо застанет царя уже возвратившимся в Голландию. Петр пишет ему, что письмо застало его в Портсмуте и еще задолго до отъезда из Англии; но он надеется, что, когда Виниусом будет получен ответ, выедет уже из Голландии. Касаясь, далее, международных европейских отношений, Петр пишет, что сбывается его предсказание о непрочности Рисвикского мира. Король французский готовит опять в Бресте большой флот, и никто не знает, для каких целей. Вчера получили из Вены известие о смерти Карла II Испанского, и царь предвидит серьезные осложнения вследствие этой смерти [4]. «Min Her Vinius, — читаем в письме. — Писма твои, писанные февраля 11, 18, мне отданы марта 28 [5], в которых пишешь ваша

[1] П. и Б., т. I, № 232. Письмо это датировано 26 марта и помечено Дептфортом. Между этими обозначениями есть противоречие. Петр вернулся из Портсмута в Дептфорт перед вечером 27 марта. Следовательно, если письмо написано в Дептфорте, то оно не могло быть написано 26 марта; если же оно написано 26 марта, то не в Дептфорте, а где-либо на пути. Кем здесь сделана ошибка, Петром или переписчиком, и в чем она: в указании ли времени или в обозначении места, решить пока невозможно.

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 16. Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 25, л. 16: «Марта в 28 г., как посол сошел сь яхты в Детфорте от Лондона в пяти милях аглинских, где стоял великий государь на дворе, дано на той яхте боцману, стюрманом, шипером, лекарю, констапелю, повару Яну Каюту, сарам, всего 30 человеком, всем вопче 38 золотых червонных».

[3] П. и Б., т. I, стр. 684.

[4] Известие оказалось ложным. Карл II, смерти которого тогда, действительно, ожидали со дня на день, умер в 1700 г.

[5] Письмо от 11 февраля, как мы видели, было получено Петром в Портсмуте 24 марта.

милость о мастерах железных, чтоб отписать х королю полскому. И мы то учиним немедленно; а здесь достать мошно, толко дороги; а в галанской земле отнюдь добитца не могли. На тех вышеписанных мастерах написано на каждого не одно дело (чего у них мало ведетца), однако жь мы отпишем, буде так сыскать невозможно, то хотя бы болши людей, однако жь бы всех сих мастерств». Далее собственноручно: «Тутъ же писалъ ваша милость, чая, что ваша писмо застанетъ насъ паки въ Галанди; но сие еше застало не токъмо близъ Лондона, но на мори близъ пристаниша Портъсмута (гдѣ по воли здѣшънего государя на 12 болшихъ орлохшхипъ нѣкоторою экъсперьенцию отправъляли) і еще за доброй конецъ пребывания нашего. Но надѣюсь, что какъ сие писмо получишь, то, чаю, уже і ізъ Голанди поедемъ. Здѣсь вѣстей никакихъ іныхъ нѣтъ, толко пророчество мое близъ збытия (что я писалъ о миру), потому, что король францускої готовить паки ѳълотъ въ Бресте подълинно; а куды, нихто не знаетъ. Къ тому жъ въчерась получили ізъ Вѣны вѣдомость черезъ гърамотки, что король гишъпанской умре, о чемъ подлинного ожидаемъ въскоре потвержения; а о болезни ево подлинная вѣдомость была, что на последней ступени жития своего. А чьто по его смерти (естьли то правъда) б[у]детъ, о томъ ваша милость сам знаешь. Piter. Из Детѳорта, марта 29 1698». Письмо оканчивается припиской, сделанной рукою писца: «пожалуй, поклонись всем, писавшим ко мне, а которые писма требовали отповеди, и против тех писано х каждому особое» [1].

К этому же дню, 29 марта, следует относить письмо Петра к Ф. Ю. Ромодановскому в ответ на его письмо от 19 февраля с просьбой его о прощении перед исповедью и принятием «св. тайн», к чему Ромодановский по случаю великого поста приступить собирался: «и аз у твоея милости всеусердно прошу, да в моем пред тобою каковом либо погрешении благоволи, господине, прошение даравати мне, дабы мне, смиренному сподобитися святого покаяния и причащения святых божественных тайн». Петр ответил ему письмом, в котором указывал на необходимость прощать друг друга, «християнскою должъностию последуя, яко же рече: да любите друг друга, о семъ познають, яко моі есте ученицы, і паки: аще не отпустите, ни вам отпуститца. Господь всехъ насъ да прости[т] человѣколюбием своімъ». В заключение царь просит Ромодановского, если его бог сподобит принятием «св. таин» помолиться и за себя: «По семъ аще васъ господь сподобитъ по оной любви, молите за нас грешъныхъ, яко да господь сподобит насъ одесную себе стати, еже буди всемъ получити благодатию его. Амин. Iv under knech Piter» [2].

Узнав о смерти жены Т. Н. Стрешнева, Петр в марте из Дептфорта, но которого именно числа — неизвестно, писал ему, как

---

[1] П. и Б., т. I, № 233.

[2] П. и Б., т. I, стр. 740 и № 250. Издатель сначала отнес это письмо к 9 июля; но затем в примечании исправил ошибку.

видно из следующего ответа Стрешнева: «Милостивой мой государь, Петр Алексеевичь, здравие твое божия десница сохранит благополучно. В писме твоем писано ко мне, услужнику твоему, из Детфорта в марте о смерти жены моей, от которой мне, грешнику, случилась печаль такая, что умалил своего здоровьишко и память, толко то твое милостивое. . . полажено в серце моем, праведное рассужде[ние] и за то милостивое призрение ко мне, убогому, прем[ного челом] бью и должен бога молить и работать до времяни [отлучения] души моей грешной от тела». Утешая Стрешнева, Петр, как кажется, в письме касался вопроса о новом браке, препятствием к которому служила также смерть той, которая могла бы стать невестой Стрешнева. Так можно думать по дальнейшим словам письма Стрешнева: «в том жа писме писано от милости вашей ко мне, что имею я печаль великую о смерти цвета юности, возлюбленной моей невесты, что я ее лишился, которая б могла избавителницею быть мне сей печали, так бы и мочна быть, и то от меня отлучено пресечением смертию той». Стрешнев говорит далее, что другую такую невесту ему сыскать себе трудно, так как он и возрастом уже немолод, да и удручен печалью: «а хотя б и иную такую невесту себе сыскал, толка такие невесты от меня отлучатца, первое моими устарелыми леты, другое утружденному печалию». 29 марта царь вновь писал ему, на этот раз уже с деловыми распоряжениями о том, чтобы провести подаренную в Англии яхту «The Transport Royal», когда она придет в Россию, из Архангельска через Кубенское озеро в Вологду, а из Вологды в Волгу. Петр извещал также Стрешнева о найме в Англии «мельников», т. е. фабричных рабочих, но каких и к какому делу, в письме не было указано, и Стрешнев в ответе просил дальнейших разъяснений [1].

XIII. ПОЕЗДКИ В ЛОНДОН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ АПРЕЛЯ 1698 г.

2 апреля царь посетил заседание парламента: «были в перламенте», как записано в «Юрнале». Это было заседание Палаты лордов в присутствии короля, который являлся в палату в этот день, чтобы возвестить об утверждении нескольких биллей, в том числе билля о поземельном налоге. Палата общин, как известно, в таких случаях приглашается также в Палату лордов и выслушивает слова короля, стоя у решетки. Царь, избегая любопытных взоров, пристроился где-то наверху у потолка и смотрел происходившее в слуховое окно. «В прошлую субботу, — доносил австрийский резидент, — король появился в парламенте и среди различных отдельных биллей пропустил билль о поземельном налоге в 10 миллионов рейхс-гульденов. Царь московский, невидавший еще до тех пор собрания парламента, находился на крыше здания и смотрел на церемонию через небольшое окно. Это дало

[1] П. и Б., т. I, стр. 719—720. Письма Петра не сохранились.

повод кому-то сказать, что он видел редчайшую вещь на свете, именно короля на троне и императора (его называют здесь императором России) на крыше»[1].

В воскресенье 3 апреля Петр, интересуясь, видимо, не только английской официальной государственной церковью, но и сектантами, побывал в молитвенном собрании мистической секты квакеров, секты, основанной в середине XVII в. Георгом Фоксом, отрицавшим существующие религиозные исповедания с их догматами, таинствами, обрядами и всем внешним ритуалом и учившим, что истина заключается не в науке и не в религиозных исповеданиях, а дается непосредственным откровением, которое посещает каждого человека. Секта быстро распространялась в Англии и Северной Америке. Основатель ее умер незадолго до приезда Петра в Англию (в 1691 г.). Хотя заметка «Юрнала» под 3 апреля говорит, что «были в квекорском костеле», но следует помнить, что квакерские молитвенные собрания бывают в помещениях, где нет ни алтарей, ни икон и где не бывает ни музыки, ни пения. Собрание происходит в глубоком благоговейном молчании и в ожидании, пока на кого-либо из присутствующих не снизойдет откровение, и тогда он выступает с проповедью. Такая картина, вероятно, и представилась взорам Петра при посещении им квакерского собрания.

4 апреля Петр ездил в Лондон. Из развлечений отмечено в «Юрнале», что «были в городе и на столбе, с которого весь Лондон знать»; очевидно, влезали на так называемый «Монумент» — колонну в 188 метров высоты, построенную архитектором Реном в память великого лондонского пожара 1666 г.

5 и 6 апреля в «Юрнал» занесены поездки «к математику», именно: «в 5 день после обеда ездили верхами к математику; в 6 день в вечеру ездили в шлюпке к математику». Нельзя ли под этими словами видеть посещения расположенной по соседству Гринвичской обсерватории? Но кого разуметь под «математиком», который так привлек к себе Петра? Возможно, это тот же, кто в записи 9 марта назван «астрономиком», к которому ездили тогда также верхами. Предание указывает, однако, не директора Гринвичской обсерватории Фламстида, а знаменитого математика и астронома Галлея, который занял место Фламстида в качестве директора обсерватории, но уже гораздо позже пребывания Петра в Англии. Неясно только, жил ли в то время, о котором идет речь, Галлей в Гринвиче[2]. Гюйсеновская редакция «Юрнала» эти визиты 5 и 6 апреля излагает несколько иначе; именно: 5 апреля «после обеда ездили верхами к одному славному математику», под 6 апреля: «в вечеру ездили в шлюпке к *другому* математику», так что оказывается, что Петр в эти дни

---

[1] *Sadler*, Peter der Grosse, 243.

[2] В ноябре 1698 г. он был послан в экспедицию для астрономических наблюдений в Африку.

Рис. 31. «Монумент»,
воздвигнутый в Лондоне в память о пожаре 1666 г.
Гравюра начала XVIII в.

посещал не одного, а двух разных математиков [1], и возможно, что под астрономом, славным математиком и просто математиком разумеются три различные лица, но, во всяком случае, пока неизвестно, какие именно.

При неоднократных посещениях Гринвича Петр, кроме обсерватории, мог еще осмотреть строившееся тогда королем Вильгельмом в память умершей в 1694 г. королевы Марии величественное здание госпиталя для матросов, которому Маколей в своей «Истории Англии» посвящает такие прочувствованные строки: «Любовь, с которой муж хранил в сердце память ее, скоро была засвидетельствована монументом, величественнейшим всех, которые когда-либо воздвигались венценосцами. Мысль обратить Гринвичский дворец в приют для старых матросов была собственно мыслью Марии, ее драгоценной мыслью. Она вздумала это, когда испытала, как трудно было найти удобное помещение для тысяч храбрых матросов, возвратившихся в Англию ранеными после Ла-Гогской битвы. При ее жизни не было сделано почти ничего для исполнения ее любимой мысли. Но, потеряв ее, муж как будто стал упрекать себя за невнимательность к ее желанию. Те-

[1] *Туманский*, Собрание разных записок, т. III, стр. 65.

перь он уже не терял времени. Рен начертил план, и скоро на берегу Темзы воздвиглось здание величественнее того приюта, который пышный Людовик устроил для своих солдат. Каждый, читающий надпись, которая идет по фризу зала, заметит, что Вильгельм не присваивает себе никакой доли признательности за эту мысль и приписывает свою заслугу одной Марии. Если бы король дожил до окончания этого сооружения, поставлена была бы статуя истинной основательницы госпиталя на лучшем месте того двора, который представляет два купола и две изящные колоннады, тысячам непрерывно проезжающих мимо этого двора по царственной реке. Но эта часть плана осталась неисполненной, и лишь немногие из людей, смотрящих на первый из всех европейских госпиталей, знают, что это — памятник добродетели кроткой королевы Марии, любви и скорби Вильгельма и великой Ла-Гогской победы» [1]. По преданию, Петр так был восхищен этим зданием, что будто бы при свидании подал совет королю Вильгельму перенести свой дворец в Гринвич, а королевский дворец отдать под госпиталь. «Однажды, — повествует Штелин в своем рассказе, озаглавленном «Замысловатое слово, сказанное Петром Великим аглинскому королю Виллияму», записанном со слов английского посла в Петербурге лорда Рондо, — проводив утро в рассматривании великолепного здания и преизящных учреждений Гренвигского гошпиталя для отставных матрозов, обедал он с королем Виллиямом. За столом спрашивал его король, как показался ему Гренвигской гошпиталь? «Чрезвычайно хорош, — ответствовал сей монарх, — и даже столь хорош, что я бы советовал вашему величеству оной взять для вашего дворца, а дворец ваш очистить для живущих там матрозов» [2].

7 апреля, как значится в «Юрнале», «был десятник у корабельного баса». Кто обозначен этим названием, инспектор ли флота сэр Альтон Дин, просвещавший Петра по вопросам судостроения, или какой-либо из дептфортских корабельных мастеров и кто именно, сказать невозможно. Дни 8 и 9 апреля посвящены были поездке в Оксфорд: «апреля в 8 день за 4 часа до полудня (в 8 часов утра) поехали в Оксфорт». Современник этих событий так описывает Оксфорд и его знаменитый университет: «Оксфорт начальной город в провинции того ж имени; лежит на реках Изи и Сеирвельде, 47 английских миль от Лондона. Величина его средняя, но построен изрядно и люден, и имеет славной университет, который 880 или 890, или 895 году королем Алфредом основан; тут есть славная библиотека (именуемая Бодлеанская, по имени первого ее собирателя и устроителя Томаса Бодлео); также есть бископ под Кантебургским архиепископом; есть там 18 коллегий, в которых да еще в седми других домах, зовомых Галсы, студенты живут под жестоким правлением; да, кроме их, еще 1 000 других школьников, которых питают и одевают из некоих

[1] *Маколей*, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 395—396.

[2] *Штелин*, Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом, СПБ, 1787, стр. 35.

Рис. 32. Оксфордский университет
Гравюра начала XVIII в.

доходов, и имеют они для забавы изрядные сады и аллеи; одеяние ж их единообразно, но отменно от других. Сей город имеет свободу двух депутатов в парламент посылать; и университет его имеет такую ж свободу, которой также двух депутатов туда отправляет» [1]. Вернулись из Оксфорда, по известию «Юрнала», «в 9 день в полночь», неясно, в полночь с 8 на 9-е или с 9 на 10-е апреля, — вернее последнее, — «зело довольны тем путешествием», добавляет гюйсеновская редакция «Юрнала», сообщая о вынесенном впечатлении.

11 апреля вечером царь возил Ф. А. Головина на яхте в Вулич. 13-го, как гласит «Юрнал», «был десятник с Яковом Брюсом в туре, где денги делают», т. е. в том отделении Тоуера, которое было занято монетным двором. Выделка монеты привлекла к себе внимание Петра, и он еще дважды посетил монетный двор в Тоуере.

Незадолго перед приездом Петра в Англии была проведена крупная монетная реформа, имевшая целью положить конец злоупотреблениям с монетой, от которых страдала страна. «До Карла II, — пишет Маколей, — наша монета чеканилась по способу, остававшемуся еще от XIII столетия. Эдуард I (1272—1307 гг.) вызвал искусных мастеров из Флоренции, которая в его время была то же сравнительно с Лондоном, что во время Вильгельма III Лондон был сравнительно с Москвой. Много поколений инструменты, введенные тогда в наш монетный двор, продол-

---

[1] *Туманский*, Собрание разных записок, т. III, стр. 66.

жали служить почти без перемен. Металл резали ножницами, потом округляли куски молотом и выбивали на них штемпель также молотом. Тут много зависело от руки и глаза работника. Неизбежно некоторые монеты выходили имевшими несколько больше, другие несколько меньше точного количества металла; лишь немногие из монет выходили совершенно круглые, и монета не имела каемочки по ободу. Поэтому с течением времени плуты нашли, что обрезывание монеты — самое легкое и самое выгодное из всех мошенничеств. При Елизавете уже найдено было нужным постановить, что обрезыватель монеты подвергается такому же наказанию, какое было издавна определено подделывателю монеты — смертной казни. Но ремесло обрезывания монеты не могло быть убито подобными мерами, потому что было слишком выгодно, и около времени Реставрации все стали замечать, что очень многие из попадавшихся в руки крон, полукрон и шиллингов несколько обрезаны.

То было время, изобильное опытами и изобретениями по всем отраслям науки. Явился проект важного улучшения в способе давать круглоту монете и выбивать на ней штемпель. В лондонском Тоуере поставили машину, которая в значительной степени заменяла ручную работу. Машину вертели лошади, и машинисты нашего времени, конечно, назвали бы ее грубой и слабой. Но все-таки монеты, выходившие из нее, принадлежали к лучшим в Европе. Подделывать их было трудно. А круглота их была совершенно правильная и вдоль края шла надпись; потому нечего было опасаться обрезки. Монеты ручной работы и машинной работы обращались вместе; казна брала их в уплату одинаково; потому одинаково брала и публика. Тогдашние финансисты, кажется, ожидали, что монета нового чекана, очень хорошая, скоро вытеснит из обращения монету старого чекана, сильно попорченную. Но каждый неглупый человек должен был бы сообразить, что если казна принимает равноценными полновесную монету и легкую монету, то полновесная не вытеснит легкую из обращения, а сама будет вытеснена ею. Обрезанная крона в Англии считалась при уплате налога или долга за такую же, как машинная необрезанная. Но если перелить в кусок или перевезти через канал машинную крону, то она оказывалась стоившей гораздо более обрезанной. Потому со всей той несомненностью, какая возможна в предсказаниях о вещах, зависящих от человеческой воли, можно было бы предсказать, что плохая монета останется на том рынке, который один принимает ее по одинаковой цене с хорошей, а хорошая монета будет уходить в такое место, в котором будет получаться выгода от ее высшего достоинства. Но тогдашние политические люди не догадались сделать этих простых соображений. Они изумлялись тому, что публика по странной нелепости предпочитает употреблять легковесную монету, а не употребляет хорошей... Лошади в Тоуере продолжали ходить по своему кругу. Телеги за телегами с хорошей монетой продолжали выезжать с монетного двора; а хорошая монета попрежнему исче-

зала тотчас же, как выходила в обращение. Она массами шла в переливку, массами шла за границу, массами пряталась в сундуки; но почти невозможно было отыскать хоть одну новую монету в конторке лавочника или в кожаном кошельке фермера, возвращавшегося с рынка» [1].

Зло от порчи монеты было неисчислимо. «Все зло, — говорит тот же историк, — которое терпела Англия в течение четверти столетия от дурных королей, дурных министров, дурных парламентов и дурных судей, едва ли равнялось тому злу, которое делали ей в один год дурные кроны и дурные шиллинги. . . Зло ежедневно, ежечасно чувствовалось повсюду почти каждым человеком на ферме и на поле, в кузнице и у ткацкого станка, на океане и в рудниках. При каждой покупке был спор из-за денег; у каждого прилавка шла брань с утра до ночи. Работник и хозяин ссорились каждую субботу, как приходил расчет. На ярмарках, на базарах только и слышались крик, упреки, ругательства, и хорошо, если день обходился без разбитых лавочек, без разбитых голов. Купец, отпуская товар, условливался о том, какими деньгами получит уплату. Даже коммерческие люди путались в хаосе, которому подверглись все денежные расчеты. Жадность беспощадно грабила людей простых и беспечных, и ее требования с них росли быстрее даже того, чем уменьшалось достоинство монеты. Цены первых потребностей: обуви, эля, овсяной муки, быстро росли. . .» [2]

Монетная реформа, предпринятая в 1695 г., имела целью устранение этого зла. После долгого предварительного обсуждения вопроса, в котором приняли участие два великих мыслителя — Локк и Ньютон, канцлер казначейства Монтегью провел через парламенты билль о перечеканке машинным способом всей монеты с отнесением убытков от этой операции на счет казны. Обрезанная монета с известного срока теряла свою номинальную стоимость, должна была быть возвращена в казначейство, переплавлялась и перечеканивалась машинным способом, штампом. Заведывание монетным двором в Тоуере, где производилась эта операция, Монтегью поручил своему другу Исааку Ньютону, бывшему тогда профессором Кембриджского университета, оказавшемуся деятельным и распорядительным директором монетного двора и своими разумными мероприятиями быстро поднявшим его производительность. «Сильно заботились, — обращаемся опять к рассказу Маколея, — ускорить перечеканку. В Реставрацию монетный двор, подобно всем другим официальным местам, сделался гнездом тунеядцев и плутов. Важная должность управляющего им, дававшая от 6 до 7 сот фунтов дохода, стала пустой синекурой, которую занимали один после другого светские господа, очень известные за карточными столами Вайтголла, но никогда не удостоивавшие хоть издали взглянуть на Тоуер.

---

[1] *Маколей,* Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 78—81.
[2] Там же, стр. 84, 85.

Теперь эта должность стала вакантной, и Монтегью настоял, чтобы отдали ее Ньютону. Благодаря дельности, усердию и строгой честности великого мыслителя быстро преобразовалось все на монетном дворе. Он занялся своей должностью так деятельно, что не оставлял себе времени на те труды, которыми стал выше Архимеда и Галилея. До совершенного окончания великой заботы о перечеканке монеты он с твердостью, почти с досадой, отвергал все попытки английских и континентальных ученых отвлечь его от занятий по должности. Старые служащие на монетном дворе считали отличной работой, когда успевали чеканить на 15 000 фунтов стерлингов серебряной монеты в неделю. Когда Монтегью заговорил о 30 или 40 тысячах, эти формалисты и рутинеры отвечали, что такая вещь невозможна. Но энергия молодого канцлера казначейства и его друга, теперь управлявшего монетным двором, достигла гораздо удивительнейшего результата. Скоро в Тоуере работали 19 машинных станков» [1].

Московский царь интересовался работой в Тоуере не только потому, что его занимало всякое производство, всякая машина, но и в особенности потому, что его собственное государство страдало также от плохой монеты. Яков Брюс был взят на монетный двор, вероятно, с практической целью ознакомиться с выделкой монеты в Англии, чтобы потом завести те же приемы в России. Гости, надо полагать, хотя бы в общих чертах были ознакомлены с монетной реформой. Надо полагать также, что в качестве директора монетного двора Ньютон присутствовал при этих посещениях царя, но, кажется, не сохранилось никаких письменных документов о встрече Петра с великим математиком.

14 апреля царь предавался забавам с артиллерией: «За рекою, — читаем в «Юрнале», — стреляли из пушки в дубовую доску: зело дуб крепок и не щелеват». Была уже мысль и об отъезде: «Царь московский, — доносил в Вену Гофман от 15/25 апреля, — думает на следующей неделе откланяться королю, вернуться затем в Голландию и тотчас же ехать к вашему императорскому величеству» [2].

XIV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ТАБАЧНОГО ДОГОВОРА. РАСХОД ДЕНЕГ, ПОЛУЧЕННЫХ ЗА ПРАВО ТОРГОВЛИ ТАБАКОМ

16 апреля был окончательно заключен договор о табачной торговле с маркизом Кармартеном. Договор состоял в следующем. Целью его объявлялось умножение торговли между русскими и англичанами и польза обоих государств. Договор писался от имени великих послов. Со дня заключения договора и по 1 сентября 1698 г. Кармартен или его уполномоченные, — «к тому учрежден-

---

[1] Там же, стр. 156—157.
[2] *Sadler*, Peter der Grosse, 243.

ные», обязуются ввести в Россию 3 000 «беременных» бочек табаку по 500 английских фунтов весом каждая, всего 1 500 000 фунтов. В течение второго года, с 1 сентября 1699 г. по 1 сентября 1700 г. (даты в договоре пишутся от рождества христова), Кармартен должен ввезти 5 000 таких же бочек, с тем что, если означенное количество табака не удастся продать в тот же срок, Кармартен может отказаться от договора, сохраняя за собой право распродать оставшееся у него на руках количество. Если же весь табак к 1 сентября 1700 г. будет продан, то Кармартен или его «учрежденные» могут, если пожелают, возобновить договор с 1700 г. еще на пять лет, и тогда в третий год действия договора Кармартен ввозит 6 000 бочек; а затем в каждый следующий год прибавляет перед предыдущим по 1 000 бочек. Если же кто-либо иной заявит желание по истечении первых двух лет, т. е. после 1 сентября 1700 г., привозить более 6 000 бочек в год и внести авансом сумму в 20 000 фунтов стерлингов, то и маркиз Кармартен обязан будет также увеличить количество ввозимого табака или в противном случае договор прекращается.

С ввозимого табака Кармартен обязан платить пошлины в казну по 4 копейки с фунта и, кроме этой пошлины, никаких других пошлин с него взиматься не будет. Его царское величество запретит в своем государстве разводить табак или комулибо другому ввозить его. Существующие в России плантации должны быть разорены, кроме только плантаций на Украине, где курение табака и торговля им не воспрещались и ранее, с тем, однако, чтобы из Украины, табака никуда не вывозить и разводить его там только для местного потребления под угрозой конфискации вывезенного, причем из конфискованного в таком случае половина поступает в казну, а половина отдается Кармартену. Прежние указы, разрешавшие ввоз табака, уничтожаются; его царское величество будет оказывать содействие Кармартену и его уполномоченным против нарушителей монополии и, если сам Кармартен или его уполномоченные, или их приказчики заявят подозрение о ввозе табака кем-либо иным, то царь даст им достаточное число своей гвардии для производства обыска. Ввоз табака через Нарву и другие места будет запрещен. Будет дозволено всем курить табак, и все прежние указы, запрещавшие курение, будут отменены. Кармартену, его факторам и служителям гарантируется в России свобода вероисповедания и возможность брать себе в услужение как иноземцев, так и русских подданных. В случае каких-либо преступлений, совершенных приказчиками Кармартена или их служителями, взыскание отнюдь не распространяется на товары и имущество маркиза. Кармартену наряду с правом ввоза и продажи табаку предоставляется исключительное право привозить и продавать немецкие никоцианские трубки, «никоцианские коробочки» (табатерки) и различные принадлежности для курения, с тем, однако, чтобы количество этих предметов не превышало такого, с которого должно итти в казну пошлины 200 рублей. Ежегодно Кармартен, кроме уплачиваемой

им пошлины, вносит в казну его царского величества по 1000 фунтов табаку. По вручении ему этого договора Кармартен уплачивает великим послам 12 000 фунтов стерлингов, которые будут зачтены ему в счет пошлины. По поводу разных затруднений, какие могут встретиться при исполнении договора, его царское величество открывает Кармартену и его уполномоченным свободный к себе доступ [1].

Изучая процесс выработки текста договора, можно притти к заключению, что текст этот прошел три редакции. Из них первая редакция — текст в 6 статей — это первоначальный проект англичан, их «образцовое письмо», присланное Петром посольству в Амстердам при его письме [2]. Суть этого проекта в 6 статьях заключалась в том, что: 1) исключительное право ввоза табака в Россию предоставляется маркизу Кармартену и его уполномоченным, 2) договор заключается на 7 лет, с 16 июля 1698 г. по 16 июля 1705 г., 3) Кармартен обязуется в течение этих семи лет ежегодно ввозить не менее 10 000 бочек табаку, по 500 фунтов в бочке, а если это количество будет распродаваться, то может ввозить и больше, 4) с фунта уплачивается пошлина в казну по 4 копейки в Архангельске или где табак будет выгружаться, 5) при вручении текста договора Кармартен уплачивает в казну 12 000 фунтов стерлингов в счет пошлин, 6) договор «для достаточнейшего и совершенного обнадеживания и утверждения» подписывается послами с приложением печатей.

Вторую редакцию — в 8 статьях — составляет текст, несколько измененный послами в расположении статей и дополненный сравнительно с текстом первой редакции [3]. Это — договорное письмо, которое Возницын называл «попространнее». Существенное содержание его тождественно с текстом первой редакции. Дополнением является статья 7, включающая условие, о котором писал Петр послам, именно, что пошлины уплачиваются все равно с 10 000 бочек, хотя бы часть табака погибла на море или не весь бы он был распродан. Во включении этого условия сказалось, между прочим, личное участие Петра в выработке договора.

Эти два первоначальных текста были, как мы видели, посланы от посольства в Англию 4 марта. Там, в Англии, была выработана новая, третья, окончательная, гораздо более обширная редакция, в которой договор и был принят. В ней много подробностей сравнительно с двумя первоначальными редакциями, например: о сохранении табаководства на Украине, об отмене прежних указов о табаке, о содействии Кармартену со стороны правительства в борьбе против нарушителей монополии, о правах уполномочен-

---

[1] П. С. З., № 1628; П. и Б., т. I, № 234; Пам. дипл. сношений, VIII, 1243—1251.

[2] Этот текст напечатан в Пам. дипл. сношений, VIII, 1187—1189. Письмо Петра в изложении см. Арх. мин. ин. дел, Дела английские 1698 г., № 1, л. 38; см. выше стр. 338—339.

[3] Напечатан в Пам. дипл. сношений, VIII, 1185—1187.

ных и приказчиков Кармартена в России, о ввозе принадлежностей курения, о ежегодном взносе в казну, кроме пошлин, еще 1 000 фунтов табаку в натуре. Два основных условия договора остались те же: о размере пошлин по 4 копейки с фунта и о предварительном взносе в счет будущих пошлин 12 000 фунтов стерлингов. Существенная разница между двумя первоначальными редакциями и третьей, окончательной, касалась, во-первых, срока договора, во-вторых, количества ввозимого табака. По двум первоначальным редакциям договор заключался на 7 лет с 16 июля 1698 г.; по окончательной редакции срок также семилетний, но с той разницей, что по истечении первых двух лет Кармартен имел право отказаться от договора, если бы увидел, что договор для него невыгоден, или же продолжить его. Таким образом, все время действия договора в окончательной редакции подразделялось на два периода: первый, предварительный, в первые два года и второй, пятилетний, с тем что по миновании первого периода договор мог быть прекращен или продолжен. Количество ввозимого табака по окончательной редакции значительно уменьшено и в установлении его допущена градация: в первый год 3 000 бочек вместо 10 000 бочек по первоначальным редакциям, во второй — 5 000 и затем с увеличением в каждый последующий год на 1 000 бочек, причем если бы кто другой предложил русскому правительству по истечении первых двух лет действия договора ввозить более 6 000 бочек или дать авансом в счет пошлин 20 000 фунтов стерлингов, то и Кармартен обязывался ввозимое количество табака соответственным образом увеличить или же договор мог быть нарушен правительством. В какой мере принимал участие сам Петр в выработке окончательной редакции договора, сказать невозможно [1].

При самом заключении договора англичане уплатили в счет 12 000 фунтов, которые они обязались уплатить авансом, некоторую часть этой суммы, а именно: 17 апреля 2 100 гиней, или 2 310 фунтов, и на следующий день еще 1 536 гиней 8 шиллингов, или 1 690 фунтов, а всего 4 000 фунтов [2].

Почти вся эта сумма, полученная Ф. А. Головиным, была израсходована в течение трех дней 17—19 апреля там же, в Англии; очевидно, деньги были перехвачены на покрытие неотложных рас-

[1] Текст договора на русском, латинском и немецком языках см. Арх. мин. ин. дел, Английские дела 1698 г., № 1, л. 1—10, 11—37.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1250; Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 25, л. 1—2: «206 апреля в 17 д. Тетрать записная росходу деньгам, которые взяты у англичан торговых людей. Вышеописанного числа апреля в 17 д. взято у агличан торговых людей у договору денег в зачет пошлин табачных две тысячи сто гиней аглинских счетом по 2 руб. 21 алт. 2 ден. гинея, итого учинит 5 544 рубли русского счету, а аглинских будет фунтов, считаючи по 2 руб. по 13 алт. по 2 ден фунт, 2 310 фунтов, росписка в ней дана за моею (Ф. А. Головина?) рукою вышеписанного месяца и числа.

Апреля в 18 д. принято еще денег по договору в зачет пошлин, что табачной торговли, 1 536 гиней и 8 шеленгов, привез Адам Вейд». Гинея — золотая монета; из приведенного документом расчета видно, что гинея тогда равнялась $1^1/_{10}$ фунта стерлингов.

ходов, так что сейчас же и разошлись. Этим расходам Ф. А. Головиным, их производившим, была составлена особая роспись: «Тетрать записная росходу денгам, которые взяты у агличан торговых людей». На росписи стоит остановиться: сухой и деловой документ этот, тем не менее, дает нам некоторые колоритные черты пребывания Петра в Англии, указывает лиц, с которыми он был в общении, свидетельствует о его занятиях, характеризует его стремления и вкусы.

Значительную часть вырученных денег пришлось отдать в уплату долгов, сделанных у двух английских коммерсантов, известных Петру по их сношениям с Россией, ссужавших царя в Лондоне и исполнявших его поручения, Осипу Вульфу и Андрею Стельсу, всего обоим 1 621 гинею и 1 шиллинг. Этим платежом, между прочим, покрыты были сделанные Стельсом расходы по закупке «лекарских инструментов». Ему же, сверх того, было уплачено 20 фунтов «за малого арапченка», которого Петр купил у него, вероятно, по просьбе Лефорта. Следующими крупными статьями уплаты были: 220 гиней бывшему одновременно с Петром в Лондоне голландскому коммерсанту, прикомандированному к русскому посольству, Захарию Диксу за алмазную запону с портретом Петра, которая была ему или через его посредство заказана: «за алмазные персоны, что делал великого государя в Лондоне, за золото и за алмазы и за работу»[1]. 150 гиней было заплачено за приобретенную государем небольшую яхту из кипарисного дерева: «Заплачено в Лондоне за судно, за малую яхту, что куплено на великого государя, а зделана вся из кипарисного дерева, у агличанина Ивана Колсуна 150 гиней золотых аглинских». Далее 160 гиней было передано Головиным Александру Меншикову, состоявшему при Петре за границей как бы личным его казначеем, на личные расходы государя. «Апреля в 17 день», читаем в «тетрати», «отдано Александру Меншикову по приказу 20 гиней; апреля в 18 день отдано по указу Александру Меншикову 40 гиней золотых на мелочные покупки; апреля в 19 день, как поехал посол из Детфорта, отдано вверх [2]

[1] Еще раньше, 8 апреля, Ф. А. Головиным было уплачено Диксу за ту же запону 140 гиней, так что всего она обошлась в 360 гиней «и в том числе за работу 10 фунтов». В «Расходной книге» посольства (Пам. дипл. сношений, IX, 1013) под 11 мая идет речь о выдаче «за его, великого государя, персону, которая прислана из Англии, за золото и за работу 49 еф. 8 алт. 2 д.» Не копия ли это Кнеллера? Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 25. Вторая часть этого документа заключает в себе запись расходов Ф. А. Головина по его путешествию в Англию: «Росход, как поехал из Амстрадама в Англию». Здесь под 8 апреля читаем: «Того ж числа в платеж Захарью Диксу за запону алмазную, которую с персоною делал про великого государя, 140 гиней золотых. Принял Захарей и росписался в малой книге».

[2] Это выражение «вверх» в записи Ф. А. Головина можно понимать двояко: или как привычное московское выражение о дворце государя, столь известное в приказной практике, или же, может быть, Головин так выражается потому, что Петр помещался в верхнем этаже дома Эвелина в Дептфорде.

Александру Меншикову 100 гиней для государева росходу по указу».

Довольно значительная сумма — в 289 гиней с лишком — прошла через руки находившегося с царем в Англии Якова Брюса, частью в уплату за его обучение математическим наукам учителю математики, у которого Брюс также жил и столовался, частью же за математические инструменты, которые Брюс покупал в Лондоне по поручению государя. Вот относящийся сюда ряд записей: «Апреля в 17 день заплачено по указу великого государя Якову Брюсу, что учился математическому делу в Лондоне у агличанина учителя математики у Ивана Колсуна — очевидно того, у которого была приобретена кипарисовая яхта, — 50 гиней» да «того ж числа впредь для учения дано тому ж мастеру за Якова ж Брюса на 6 месяцов по договору по 8 гиней на месяц, в том числе за корм и за двор, всего 48 гиней». При Брюсе находился слуга «малой», за содержание которого было заплачено тому же математику 10 гиней и 5 шиллингов. Наконец, ему же, Брюсу, на возвращение по окончании обучения туда, где будут находиться послы, а также на платье и другие издержки выдано 100 гиней. Обучаясь математике, Брюс закупал для царя математические инструменты. Еще раньше, до получения табачных денег, Ф. А. Головин оплатил некоторые из таких расходов Брюса, о чем и занес в расходную запись своего путешествия, именно 1 апреля «по указу за инструменты, что купил Яков Брюс, 3 гинеи»; 8 апреля: «Якову Брюсу дано за провоз из Лондона в Детфорт инструментов математических и что некоторое из них куплено, 2 гинеи золотых»; 9 апреля: «за малой глобус, что в корпусе, да за 24 цыркуля, что купил Яков Брюс на великого государя, 4 фунта английских»; 14 апреля: «Якову Брюсу за серебреные инструменты заплачено 3 фунта 13 шеленгов». Теперь, получив табачную сумму, Головин продолжал покрывать расходы Брюса по закупке инструментов из нее: 17 апреля: «за взятье инструменту, что у него иманы при бытии государеве в Лондоне, 20 фунтов аглинских и 2 гинеи и 16 шилингов»; 18 апреля: «за инструменты серебряные по указу великого государя дано Якову

Рис. 33. «Запона» с эмалевым портретом Петра I,
скопированным с оригинала Кнеллера, украшенная алмазами, русской работы.
Из собрания Гос. Историч. Музея в Москве

Брюсу 6 фунтов с полуфунтом; того ж числа за инструмент восьмстант 40 гиней дано по указу Якову Брюсу»; 19 апреля: «Якову Брюсу по последней росписи за инструменты по указу дано 4 фунта 18 шеленгов и 6 копеек. Он же взял за квадрант математической Исаку Керверу 10 гиней 14 шеленгов». Из этих записей видно, как усиленно шла закупка в Лондоне математических инструментов для занятий по теории кораблестроения в Дептфорде и в запас для кораблестроения в России. Инструменты, названные квадрантом и восьмстантом, нужны были для артиллерийских занятий.

Но интересы Петра к знанию шире этого круга и направлены не только на кораблестроение и артиллерию. В Англии с ним находился первый и пока единственный русский врач доктор Петр Посников, исполнявший также поручения царя по ученой части. Ему Ф. А. Головин уплатил 17 апреля «за анатоменную книгу, что куплено по указу в Лондоне, 7 фунтов. . . да за другую книгу, в которой роспись книгохранителнице аксонской (так!), полтора фунта; всего 8 фунтов с полуфунтом». По отъезде Петра Посников должен был остаться еще на некоторое время в Англии, и на него было возложено весьма широкое поручение: «оставлен на невеликое время в Лондоне для осматривания академей», для чего ему Головиным выдано было 17 апреля на расходы 30 фунтов. Можно догадываться о целях Петра, с которыми Посникову давалась такая командировка; вероятно, при ознакомлении с английскими школами имелось в виду в будущем учреждение школ в России. Первая математическая школа и была у нас, действительно, заведена англичанами. Запись о выдаче Посникову 30 фунтов на расходы по осмотру академий показывает, что мысль о будущей русской школе занимает Петра во время пребывания его в Англии весной 1698 г.

Из того же табачного аванса в течение 17—19 апреля было выдано жалованье некоторым англичанам, нанятым в русскую службу [1], некоторым лицам, бывшим при Петре в Англии [2], и оплачены некоторые произведенные расходы, именно: «часовому мастеру Якову Гасениусу за малую мартышку, что изволил взять государь, дано 11 гиней»; уплачено женевцу Тортону «за все почты, как был великий государь в Лондоне с приезду апреля по 19 день. . . 35 гиней 17 шиллинг и 5 коп». Тортон, очевидно, брал на себя комиссию по почтовым сношениям Петра во время пребывания его в Англии; далее «за провоз сундуков лекарю Балдвину Андросову, что отвозил из Детфорта в Лондон

---

[1] Доктору Готфриду Клему, нанятому на «The Transport Royal» 60 крон, доктору Беккеру — 100 гиней, матросам и начальным людям — 200 гиней, шлюзному мастеру, которого привел Андрей Стельс, — 45 гиней 10 шиллингов.

[2] Лекарю Ивану Термонту на шпагу — 5 фунтов, повару Якову Пинюгину — 2 фунта, Адаму Вейде — 50 гиней, переводчику Петру Шафирову — 20 гиней, дворянину Ульяну Синявину — 10 гиней, волонтерам Гаврилу Меншикову, Лукьяну Верещагину, Федосею Скляеву, Ивану Кочету по 4 гинеи (Арх. мин. ин. дел, Австрийские дела 1698 г., № 25).

с инструментами, которые куплены 60 скрын к лекарскому делу — 1 фунт 3 шиллинга»; заплачено также за погребение какого-то архимандрита греческой веры, который приехал в Англию из голландской земли и там умер — 12 фунтов 12 шиллингов.

Наконец, Ф. А. Головин позаботился о выдаче наградных денег по случаю предстоявшего отъезда государя людям, на него работавшим: гребцам на королевском боте, на котором Петр плавал, пяти человекам 25 фунтов и прислуге в доме мистера Эвелина: оставлено было Петру Шафирову 120 гиней для раздачи людям, «которые в доме, где стоял великий государь, служили», и 8 фунтов для выдачи «двум девкам, которые работали на дворе и в хоромех»; им же уплачено было самим Головиным при его отъезде 3 гинеи; «девке, которая за арапченком ходила — 1 гинея»; «малой девченке — 1 крона, где стояли»; «воротнику на дворе, где стояли, дано 1 фунт».

XV. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ АНГЛИИ В ГОЛЛАНДИЮ

18 апреля Петр в сопровождении Ф. А. Головина был с прощальным визитом у короля[1]. Чувства его к Вильгельму III несколько омрачились дошедшими известиями о намерении Австрии заключить мир с турками и о готовности Вильгельма содействовать своим посредничеством осуществлению этого намерения. «Третьего дня, — писал в Вену чрезвычайный австрийский посол в Лондоне граф Ауерсперг, — царь откланялся королю Вильгельму и с нежностью уверял его в своей постоянной дружбе. Однако, когда он узнал, что сюда от лорда Пэджета (английского посла в Константинополе) прибыл секретарь с некоторыми мирными предложениями, он выразил недовольство, что король не сообщил ему о том, и так как он того мнения, что еще не время заключать такой мир, то, вероятно, будет противодействовать его заключению, когда прибудет ко двору вашего императорского величества. Им здесь, впрочем, вполне довольны, потому что он более не чуждается так людей, как в начале, но ему ставят в упрек его скупость и то, что он ни в одном случае не показал себя щедрым». В Лондоне сохранилось предание, что на прощанье царь подарил королю драгоценный рубин в 10 000 фунтов стерлингов, обернутый в простую оберточную бумагу[2] — анекдот, совершенно невероятный, но символизирующий гениальные дарования Петра в грубой варварской оправе.

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 12: «В 18 д. после полудня был десятник у короля с Федором Алексеевичем». Ср. Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 25 (расходная тетрадь Ф. А. Головина), л. 15: «Апреля в 18 д. как ехали от короля и были в бане, издержано за карету и в бане и гребцам 3 гинеи».

[2] *Фирсов Н.*, О пребывании Петра Великого в Лондоне («Древняя и новая Россия», 1877 г., № 9, стр. 77). В «Theatrum Europaeum», XV, 471, упоминается, что после визита в Кенсингтонский дворец 18/28 апреля Петр в тот же день обедал с королем у архиепископа Кентерберийского в Ламбетском дворце. Однако это известие никакими другими источниками не подтверждается.

Ф. А. Головин вызывался в Англию для заключения договора с маркизом Кармартеном о табачной концессии и для заключения контрактов с разного рода специалистами-техниками, которых Петр нанял в Англии до 60 человек. В числе их был майор Леонгард ван-дер-Стам, получивший в начале мая 1698 г. помимо жалованья еще «за чертежи английских кораблей и за разные издержки — 198 ефимков 15 алтын», из чего можно сделать предположение, что он по поручению царя доставал для него чертежи английских кораблей. Далее в числе нанятых в Англии были: мастер шлюзного дела капитан Джон Перри, приглашенный для прорытия канала между Волгой и Доном на место бежавшего с этих работ полковника Брекаля [1]; корабельные мастера Джон Ден [2] и Осип Най; мастера огнестрельные, пушечные, резного дела, станочной оковки, жестяного дела, «капитан над мостами», несколько подмастерьев и бомбардиров [3]. Тогда же приглашен был в качестве профессора математики для будущей навигацкой школы Андрей Фергарсон (Fergarson), получивший образование в Эбердинском университете, с двумя помощниками: Гвином (Guin) и Гренсон, воспитанниками «госпиталя церкви христовой» [4]. Окончив дела по заключению контрактов с этими специалистами, Ф. А. Головин 19 апреля после обеда выехал из Англии в Амстердам: «в 19 день после обеда поехал отсель Федор Алексеевич» [5].

Веденная им за время его путешествия расходная запись бросает некоторый свет на его занятия во время его пребывания в Англии: «марта з 28 дня, — читаем там, — апреля по... день, как поехал из Лондона в Амстрадам и в пребытие посолское в Англии, как ездил по указу для дел из Детфорта в Лондон и для договоров торгового дела в Лондон осмью (так!) и как ездили с великим государем в розное время смотреть метания бомб и пушек, и алтилерии, и в две комедии, как были с волентерами, и за провоз в малых шлюпках из Лондона в Детфорт, и за пищу в Лондоне, и за бани, как были, и за пиво, и что дано Якову Брюсу за посылки к математиком, всего издержано 89 червонных да 29 гиней аглинских». Из той же записи видно, что Ф. А. Головиным в Лондоне перед отъездом были сделаны некоторые покупки: 18 апреля куплено «платье английских закон-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 999: «Мая в 3 день (в Амстердаме) ...дано слюзному мастеру Джон Перри, которой едет к Москве через Нарву, на дорогу в приказ 20 ефимков».

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 1003: «Мая 3 ...дано (в Амстердаме) его, великого государя, жалованья корабельному мастеру агличанину Яну Дену, которой готовится и призван ехать к Москве, в зачет жалованья 20 ефимков да толмачу Александру Глазу на платье 10 ефимков».

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 1004. Мая — «дано (в Австердаме) за провоз и за прокорм огнестрельным мастером и бомбардиром — Яну Алберту де Кордесу с товарыщи двенадцати человеком, что они, едучи из Англии до Амстердама, издержали, а приговорены ехать в его, великого государя, службу к Москве, 27 ефимков 4 алт. 4 д.»

[4] *Устрялов*, История, т. III, стр. 101, 582.

[5] Походный журнал 1698 г., стр. 13.

ников черное, дано 8 гиней и с поясом»; 19 апреля часовому мастеру Гассенпусу было заплачено «за одне часы зепные да за другие столовые... 23 фунта аглинских». В дорогу посол запасся кофе и сахаром: «кафе да сахару куплено в дорогу с послом на 8 крон, крона по 20 алтын», а перед самым отъездом 19 апреля «на мелочную покупку фруктов, как поехали из Англии», было издержано 30 шиллингов 2 кроны[1]. 22 апреля Ф. А. Головин был уже в Амстердаме[2].

Через день после его отъезда двинулся в путь и Петр. 20 апреля он обедал у герцога Лидса, отца Кармартена, по известию «Theatrum Europaeum», в его поместье Вимблетоне, в 4—5 милях от Лондона[3], и от него проехал в Тоуер на монетный двор, откуда вернулся домой вечером: «был десятник у Кармартенова отца, — читаем в «Юрнале», — там кушали и от него были в туре; приехали в вечеру домой». 21 апреля, в день отъезда, Петр все же не мог удержаться, чтобы еще раз не съездить все на тот же, так сильно привлекший к себе его внимание монетный двор: «после обеда ездил десятник в город и был в туре, смотрел, где деньги делают». Между тем свита перебиралась на яхту. Царь вернулся из Лондона в Дептфорд к пяти часам пополудни на подаренной королем яхте «The Transport Royal», и после того двинулись вниз по Темзе. Миновали Гринвич с обсерваторией и госпиталем; но мимо Вулича Петр не мог проплыть равнодушно и, сделав остановку у этого городка, вышел на берег, чтобы еще раз заняться стрельбой из пушек: «из города приехал десятник на яхте после полудня в 5 часов на Транспорте, и после того пошли в путь; проехали Гринвич да Блеквал. Приехали в Улич и были в городе, стреляли из пушек; в сумерках приехали под город Гравизинт (Gravesend) и стали на якоре, от Лондона 20 миль; стоит град на правой стороне». Ночью присоединился к царской свите догнавший ее в шлюпке «Данилович», т. е. Меншиков: «в ночи приехал Данилович к нам в шлюбке»[4]. Из того, что его прибытие особо отмечено «Юрналом», можно заключить, что Меншиков к этому времени успел войти уже в зна-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 25, л. 10, 8 об., 15 об., 14 об., 9.

[2] Там же, л. 9: «Апреля в 19 д., как приехал на яхту, дано сарам на пиво два фунта аглинских. Апреля в 22 д., как приехал в Ротердам, дано капитану за постелю, и за дрова, и за свечи, что все было ево, 10 гиней, да внуку ево одна гинея. Яну Коюту пол-гинеи. Лоцману, которой вел рекою, один ефимок. Сарам и констапелю, и боцману, стурману, лекарю 6 гиней и 4 фунта аглинских. За провоз рухляди сь яхты и на другой трехшкут и за карету 3 золотых червонных. В дороге того ж числа обедали, дано 1 золотой хозяину». Пам. дипл. сношений, VIII, 1239: 22 апреля «приехал из Галанской земли (?) из Лондона в Амстрадам великой и полномочной посол... Федор Алексеевич Головин». Там же, IX, 989: «Апреля в 22 д. ... дано капитану Генриху Норману, которой вез второго великого посла на яхте от Ротердама до Амстрадама, 23 ефимка, да работнику его ефимок».

[3] «Theatrum Europaeum», XV, 471: «Ward auch noch den 30 April von dem Hertzoge von Leeds auff seinem Hause zu Wimbleton 4 bis 5 von London prächtig tractiret».

[4] Походный журнал 1698 г., стр. 13.

чительную близость к царю. Это — первое официальное свидетельство о такой близости.

По приезде в Гревзенд Петр удосужился вечером 21 апреля написать несколько строк в Москву к Виниусу. «Min Her, — писал царь, — писмо твое, писанное марта 11, мне дошло апреля 16 д., — также и протчих господ отданы же, на которые буду впредь соответствовать, а ныне отповеди не мог учинить, понеже сегодня мы отъехали из Детфорта. Пожалуй, поклонись от нас кумпании нашей». К этим строкам, написанным рукой писца, Петр прибавил еще собственноручно: «В томъ же писмѣ пишешь о пословице для морозоѳъ, і то воістинну угодалъ: многия говорили намъ, что мы такия морозы привезли с собою. Piter. Изъ Гравизента апрѣля въ 21 день 1698» [1]. В этих словах надо видеть намек на чрезвычайно холодную погоду, бывшую в Англии в феврале 1698 г.

На следующее утро, 22 апреля, Петр съехав с яхты, побывал в Гревзенде, проведя там около часу: «поутру были в городе и, быв в городе с час, пришли на яхту». В 9 часов утра яхта снялась с якоря и тронулась в дальнейший путь. Был мрачный дождливый день, временами, однако, проглядывало солнце; дул норд-норд-ост: «за 3 часа до полудня, выняв якори, пошли в путь норд-норд-остом. День был мрачен, и был дождь и солнечное сияние». Миновав городок Ли (Leigh) на левом берегу устья Темзы, царская яхта повернула из устья Темзы в устье реки Медвэй (Medway) и, проплыв мимо городка Ширнесса (Sheerness), расположенного при устье этой реки, направилась к Чатаму. Первоклассная приморская крепость, обширнейшая верфь и первый по размерам морской арсенал в Англии, центр производства якорей, цепей и других морских принадлежностей, Чатам не мог, конечно, не привлечь к себе внимания Петра, и он, оставив яхту на якорях, в шлюпке ездил его осматривать, а затем, вернувшись на яхту и снявшись с якоря, вошел в Чатамскую гавань, где стояла часть английского военного флота. Так, кажется, надо понимать рассказ «Юрнала»: «Проехали город Ли, на левой стороне; проехали город Шарнес, стоит на устье реки Медвей, которая идет к пристани Чатому. Десятник ездил в шлюпке, яхты стояли на якорях; и, быв в городе с час, приехали на яхту. Вынув якори, пошли; приехали в Чамтанское пристанище». Так как яхта, на которой Петр плыл, при входе в гавань села на мель, то он перебрался на маленькую яхту Кармартена, прибывшего в Чатам вслед за царем, и на ней плавал по гавани, осматривая большие военные корабли. «Яхта стала на мель и сели в шлюпку, переехали на малую яхту, на которой Кармартен приехал, и на ней ездили». Царь побывал на трех трехпалубных кораблях. «Были на корабле, именуемом Британи, на котором три палубы, 103 пушки; были на корабле, именуемом Дюк, на котором три палубы, 96 пушек; были на новом корабле, именуемом Триумф,

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 235.

на котором три палубы, 96 пушек, корабль зело изряден». Из последней отметки: «корабль зело изряден» надо заключать, что этот вновь построенный корабль «Триумф» особенно понравился. С осмотра царь вернулся в Чатам в 6 часов пополудни: «приехали в Чатам после полудня в 6 часов. День был мрачен, и солнечное сияние и был дождь» [1].

Утро 23 апреля застало Петра еще в Чатаме, и он опять съезжал с яхты в шлюпке и плавал «к мосту», вероятно, осматривать какие-либо достопримечательности: «по утру ездили в шлюпке к мосту и приехали на яхту». Снявшись с якоря, подошли, к Шарнесу, где стоял, дожидаясь возвращения царя, «The Transport Royal». Царь прощался с его экипажем. «Вынув якори, пошли зюд-вест и приехали к городу Шаряев (Шарнес); здесь Транспорт стоял, и были на Транспорте и прощались». Во втором часу пополудни при пушечной пальбе и салютах с «The Transport Royal» царь покинул Шарнес и в сумерках подошел к приморскому городу Мергету (Marget), где под флагом знакомого уже нам вице-адмирала Митчеля ожидали его несколько военных кораблей, которые должны были конвоировать его в Голландию. Ночь на праздник пасхи проведена была на якорях у Мергета: «После полудня во 2-м часу пошли в путь. Ветр был зюд-вест. С Транспорта была из пушек стрельба и от людей поздравление. В сумерках пришли к кораблям, которым с нами идти в канвоерах; стали на якори против городка Мергета на правой стороне. День был мрачен и дождь в ночи» [2].

24 апреля в день праздника пасхи до полудня вследствие противного ветра простояли на якоре. После полудня снялись было, но отошли всего с милю и стали опять на якоре у городка Чора, близ Мергета: «в праздник стояли за противным ветром и после полудня, вынув якори, пошли назад и, отшед с милю, стали на якори против городка Чор. Был дождь и великий сторм». Только 25-го, в понедельник рано поутру, несмотря на продолжавшуюся еще бурю, эскадра двинулась в открытое море, и Петр потерял из вида берега Англии.

XVI. ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПЕТРА ОТ ПРЕБЫВАНИЯ В АНГЛИИ. ВИД ДОМА В ДЕПТФОРДЕ ПО ОТЪЕЗДЕ ПЕТРА

Какие впечатления уносил он от этих берегов? Яркие и отчетливо обозначенные пятна сильных основных восприятий, вызванных явлениями и предметами, наиболее занимавшими и интересовавшими, осложнялись сопутствующими бледнеющими впечатлениями, расплывались затем во множество едва заметных, то вспыхивающих в сознании, то вновь гаснущих, едва уловимых

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 13—14.
[2] Там же, стр. 14—15.

воспоминаний. Громкие отчетливые звуки главных мелодий сопровождались множеством постепенно слабеющих, наконец, чуть слышных отголосков. Мы никогда не воспринимаем какого-либо единого цельного впечатления, как бы сильно и резко оно ни было, особняком, без тысячи осложняющих его крупных и мелких, сильных и слабых восприятий, привходящих с ним вместе как бы в виде букета, в котором крупные и редкие цветы ярких тонов перемешаны с мелкими цветками, с цветками бледных оттенков и с простыми, почти бесцветными травами.

Резче и отчетливее всего, надо полагать, запечатлелся в душе Петра английский корабль, к которому было наиболее сильное тяготение, корабль, выстроенный по тем методам, за раскрытием тайны которых он и поехал в Англию. Громады английских трехпалубных морских гигантов с десятками выглядывавших из бортов пушек, легко, однако, носившиеся по воде на крыльях сложной системы парусов, спитхедский морской бой, во время которого ревели пушечные залпы, внушительные верфи Портсмута и Чатама, лава расплавленного металла на артиллерийских заводах Вулича, лес мачт английского торгового флота по течению Темзы, по которой много раз вверх и вниз скользила царская яхта, сложные по тому времени машины монетного двора в Тоуере — вот, думается, наиболее яркие образы, возникавшие перед Петром, когда он расстался с Англией.

За ними, может быть, уже менее ярко вставали очертания Лондона, огромного города с запавшими в память силуэтами его величественных строений; поднимался неприятный осадок воспоминаний о бесчисленной толпе на улицах и площадях, так надоедавшей своим неотвязным любопытством; теснились представления о вещах, возбудивших внимание, звучали отголоски разговоров с людьми, с которыми приходилось так или иначе соприкасаться.

Перед мысленным взором в более или менее живых образах проходили чередой люди, привлекшие к себе наибольшее внимание: холодный, сдержанный и замкнутый король Вильгельм, о ком так много думалось еще в далекой Москве, к которому так рвалось пылкое воображение юности; епископ Бёрнет, с которым так занимательно было говорить о вопросах веры; храбрый, предприимчивый, увлекающийся моряк Кармартен, чья любовь к морю и морским приключениям находила себе такой живой отзвук в сердце Петра; другие лица, десятки других встречавшихся лиц. Все эти впечатления входили новым и обильным запасом в душевное богатство Петра. Даже и то, что не останавливало на себе его особенного внимания, как, может быть, заседание парламента, сложное устройство Оксфордского университета, виды небольших посещенных им городов, театральное зрелище, украшавшие королевские дворцы предметы искусства, все виденное и слышанное, все эти иногда совсем бледные и колеблющиеся восприятия не пропадали даром, и из тысячи таких ежедневных духовных отпечатков

слагался тот общий, может быть, в значительной мере смутный и неясный фон, который должен был неизбежно сопутствовать уносимому Петром с собой представлению об Англии.

Но в свою очередь и Петр оставлял по себе впечатления и воспоминания в стране, которую покидал. «Его путешествие, — писал Маколей в середине XIX в., — эпоха в истории не только его страны, но и нашей и всего человечества»[1]. Современники посещения Петром Англии отнеслись к нему различно. Для лондонской толпы, стекавшейся на него глазеть, это была редкостная заморская диковина; высшее английское общество интересовалось им мало, мало его замечало, поговорило несколько о его странностях и причудах и скоро стало его забывать; двор видел в нем дикаря, тяготился неожиданными его выходками и, конечно, более радовался его отъезду, чем его прибытию; епископ Бёрнет предсказывал ему или гибель, или значение великого человека, не понимал его, казавшегося столь односторонним, увлечения кораблестроением и отрицательно к этому увлечению отнесся. Самую недобрую память по себе оставил Петр, несомненно, у адмирала Джона Бенбоу, арендатора дома Says Court в Дептфорде. Почтенный адмирал при переселении царя из Лондона в Дептфорд неохотно уступил ему свое помещение. Вид, в котором царь и его спутники оставили дом и принадлежавший к нему сад, был таков, что адмирал, вероятно, пожалел о данном им согласии; во всяком случае, он принужден был отказаться от возобновления аренды, срок коей истекал. Все в оставленном владении было предано полнейшему разрушению. Адмирал обратился к английскому правительству с ходатайством о возмещении ему убытков. Бумаги по этому делу сохранились в английских архивах; они любопытны потому, что бросают свет на житье Петра в Дептфорде и рисуют нравы компании, обитавшей в доме Says Court. В поданной правительству просьбе адмирал Бенбоу заявлял о порче дома и сада, просил о назначении осмотра уступленных им царю владений. Осмотр дома, сада и движимого имущества был поручен знаменитому, не раз уже выше упоминавшемуся архитектору, строителю собора св. Павла и Гринвичского госпиталя сэру Христофору Рену, который пригласил себе в помощники экспертов: оценщика по части движимости мистера Севелла и королевского садовника мистера Лаудона. Оказалось, что дом, действительно, был так разрушен, что его во многих частях приходилось ремонтировать заново. Краска на стенах была облуплена, стекла выбиты, печи и печные трубы сломаны, дубовые и сосновые перекладины в потолках сломаны, полы в некоторых местах выворочены, в других испачканы грязью и рвотой. Окружавшая сад железная решетка разнесена на 100 футов протяжением. Та же картина разрушения видна из составленного Севеллем описания мебели и убранства комнат в том виде, как они оставлены были жильцами.

---

[1] *Маколей*, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 61.

В этом описании читаем: «Спальная, убранная голубой отделкой и голубая кровать, обитая внутри светложелтым шелком, вся измарана и ободрана. Японский карниз кровати сломан. Индийское шелковое стеганое одеяло, байковое одеяло и постельное белье запятнаны и загрязнены. Туалетный столик, обитый шелком, сломан и изрезан. Стенной орехового дерева столик и рундук сломаны. Медная кочерга, пара щипцов, железная решетка, лопатка — частью сломаны, частью утрачены. Палевая кровать разломана на куски, красная отделка, отороченная полосатым персидским шелком, сильно подрана и испорчена. В кабинете четыре полотнища тканых дамасских обоев сильно измараны. В большой комнате два больших каминных крюка с медными рукоятями сломаны. В смежной комнате обои требуют чистки. В следующей комнате коленкоровая кровать с занавесями испятнана и изорвана в клочки, а большое индийское одеяло прорвано во многих местах. 14 голландских плетеных стульев все сломаны и испорчены. 12 стульев со спинками, обитыми драгетом, сильно испорчены. В следующей комнате обитая темным камлотом кровать сильно порвана и испорчена. Обыкновенное стаметовое одеяло изорвано и прожжено в нескольких местах. Черный панелевый стол и рундуки сломаны и испорчены. Пара каминных крюков с медными рукоятями, лопатка и щипцы сломаны. В следующей комнате две кровати: одна обитая драгетом, другая саржей, изорваны и испорчены. Старый комод, каминные крюки, лопатка и щипцы сломаны и испорчены. В следующей комнате голубая полосатая коломянковая кровать, обитая внутри пестрой индийской вышитой тканью, сильно измарана и попорчена, а карниз сломан. 12 кресел, обитых голубой материей, сильно попорчены. 3 старых голландских плетеных стула сломаны. Ореховый комод и оклейной стол сильно попорчены и сломаны. 6 белых, тонких дамасских оконных занавесей изорваны и испорчены. Грелка поломана внутри и пожжена. Внизу: японский стол, два стула и кушетка все поломаны и испорчены. 7 отлогих стульев сломаны и утрачены. Несколько других стульев попорчены. Пара каминных крюков с медными рукоятями, пара щипцов, лопатка и решетка сломаны и попорчены. Два стола с инкрустацией попорчены. Большой турецкий ковер попорчен. 5 кожаных стульев утрачены. 3 простых плетеных стула и 4 зеленых саржевых стула сломаны или утрачены. 2 перины и 2 подушки потеряны. 3 пары новых пуховых подушек потеряны, 8 перин, 8 подушек, 12 пар байковых одеял сильно замараны и попорчены. Одна запасная железная решетка изломана в куски. 3 пары тройных, тонких, голландских простынь утрачены. 3 кресла с ручками и 5 резных деревянных кресел изломаны в куски. Стол сломан и испорчен. 20 прекрасных картин сильно замараны, а рамы все разбиты. Несколько прекрасных чертежей и других рисунков, изображающих лучшие виды, утеряны и оценены адмиралом Бенбоу в 50 фунтов».

Итак, кровати, обитые шелковой материей, коленкором, камлотом, драгетом, саржей, коломянкой, были изодраны и измараны; простыни, одеяла, перины и подушки — испачканы, изорваны и совсем пропали; замаранные обои, изодранные оконные занавеси; испорченные или совсем в куски разломанные столы, кресла, стулья и другая мебель, изломанные каминные крюки и прочие металлические каминные принадлежности, как-то: щипцы, лопатки и железные решетки, — эти железные предметы, должно быть, служили для упражнений богатырской силы, — таково было состояние и вид внутренней обстановки и убранства комнат в доме Says Court при отъезде царя. Не лучше обстояло дело и в саду, заботливо выращенном мистером Эвелином. В акте осмотра под заглавием: «Несколько замечаний о садах и палисадниках, принадлежащих достопочтенному Джону Евелину, эсквайру, при его доме, Сейс-Корт в Дептфорде, в графстве Кент», эксперт Джорж Лаудон писал: «Во все время, пока московский царь проживал в означенном доме, немало повреждений было причинено в садах и палисадниках. Усмотренные повреждения двух родов: одни из них могут быть поправлены, другие же исправить нельзя: 1) трава помята и земля взрыта от прыжков и выделывания разных штук, 2) лужайка, на которой играют в шары, в таком же виде, 3) вся земля, которая обрабатывается под хозяйственные растения, заросла сорными травами и оставалась без ухода и обработки, потому что царь все равно не допустил бы никого к обработке, когда наступило для этого время, 4) шпалерные и другие фруктовые деревья остаются неподрезанными и без прививки, 5) ни живые изгороди, ни дички не подрезаны, как следует, 6) песчаные дорожки изрыты ямами и запущены. Замечания эти сделаны Джоржем Лаудоном, садовником его величества, который удостоверяет, что для приведения садов и плантаций в то исправное состояние, в каком они находились до пребывания его царского величества, потребуется сумма в 55 фунтов, в чем я и удостоверяю. Джорж Лаудон. Примечание: много вреда нанесено деревьям и растениям, что́ уже оказывается непоправимым, а именно: поломаны ветви у шпалерных фруктовых деревьев, попорчены три прекраснейшие широколистные липы, поломано несколько остролистников и других красивых растений».

Представленные ему акты осмотра владений Джоржа Эвелина сэр Христофор Рен препроводил в государственное казначейство при донесении, в котором писал: «С позволения вашего лордства. Вследствие предписания вашего лордства от 6 мая 1698 года на просьбу Джона Бенбоу об осмотре и оценке убытков, причиненных нанимаемому им дому, садам и имуществу его царским величеством и свитой его, в Дептфорде, я поступил согласно сему и оценил поправки дома и двора при содействии опытных людей: пригласил присутствовать мистера Севелля при оценке движимого имущества, а мистера Лаудона при оценке садов и палисадников, к каковым своим оценкам, при сем пред-

ставляемым, они приложили свои руки, и я считаю их оценку вполне верной. Убыток по дому исчислен в 107 фунтов 7 шиллингов и по саду в 55 фунтов, а всего 162 фунта 7 шиллингов, каковая сумма должна быть, по моему мнению, уплачена мистеру Евелину, владельцу дома, так как контрактный срок уже истек. Убыток по имуществу 133 фунта 2 шиллинга 6 пенсов с прибавлением недельного дохода, который я оцениваю в 25 фунтов, всего следует уплатить 158 фунтов 2 шиллинга 6 пенсов. Сверх того дом, принадлежащий некоему Росселю, бедному человеку, где проживала стража, назначенная состоять при доме, занимаемом царем, почти совершенно разрушен, так что подлежит оплате в полной стоимости. Христофор Рен. Мая 11 дня 1698 г.» 21 июля того же года государственное казначейство приказало уплатить деньги всем лицам, понесшим убытки, согласно исчислению, сделанному Реном [1].

XVII. ПЕРЕЕЗД В АМСТЕРДАМ. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГОЛЛАНДИИ

Покинув рано поутру в понедельник 25 апреля при продолжавшейся сильной буре берега Англии, Петр в тот же день в 7 часов вечера завидел голландский берег. «После полудня в 7 часов, — читаем в «Юрнале», — увидели галанскую землю; в ночи стали на якори». Проведя ночь в виду голландских берегов на якорях, эскадра ранним утром 26 апреля при все еще непереставшем шторме и дожде продолжала путь и в 8 часов утра подошла к знакомой для Петра гавани Гельветслюйсу, откуда он три слишком месяца тому назад отправлялся в Англию: «поутру рано, вынув якори, пошли в путь; был великий сторм и дождь. За 4 часа до полудня пришли к пристанищу Эльфутшлюсь» (Helleveetsluis). Простившись здесь, надо полагать, с английскими конвоирами [2], Петр продолжал путь в яхте «устьем» — рукавом Мааса. Миновали города Зоммельсдейк (Sommelsdyk), по «Юрналу» — Замодерк, и Виллемштадт (Willemstadt), по «Юрналу» — Викам, оба расположенные на левом берегу рукава, и остановились против деревни Стрейен-Сас (Stryen Sas), по «Юрналу» — Стренсисаль. Здесь Петр в шлюпке переехал с яхты на берег и от Стрейен-Саса направился с частью свиты, именно с волонтерами, сухим путем в Амстердам. Так следует понимать слова «Юрнала»: «приехали против деревни Стренсисаль и стали на якори. Десятник поехал в шлюпке в тое деревню и отсель поехали сухим путем. С другой яхты рухлядь переклали

[1] *Шубинский*, Исторические очерки и рассказы, стр. 20—26. Шубинскому приведенные документы были доставлены профессором Оксфордского университета Морфилем.

[2] Вице-адмиралу Митчелю, «которой был на караулех из аглинской земли при волонтерах», было подарено: сорок соболей в 210 рублей, 2 пары в 50 рублей и в 30 рублей, шесть косяков камок. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 57 под 29 апреля. Вероятно, Митчель сопровождал царя в Амстердам.

на одну, и та яхта пошла дале»[1]. Есть известие, что, проезжая через Лейден, царь осмотрел его знаменитый университет и побывал в его саду и в анатомическом театре, находящемся в здании бывшей церкви: «тут видели кости, совокупленные вместе казненных людей обоих полов, которые одеты зело смешно, а сидят на всяких зверях. Некто иностранной, видя столько воров, разбойников и убийцов в том театре анатомическом, сказал из евангелия: что церковь была храм молитвы, а сделали ее вертепом разбойников»[2]. В Амстердам Петр прибыл поздно вечером 27 апреля или даже, может быть, в ночь с 27 на 28 апреля и остановился в прежнем своем жилище на Ост-Индском дворе. «Апреля в 27-й день, — читаем в «Статейном списке», — валентеры 16 человек, которые были в Англии, приехали из Лондона к великим и полномочным послом в Амстрадам в добром здравии». На следующий день, 28 апреля, П. Б. Возницын докладывал государю присланный из Москвы из Посольского приказа перевод грамоты из Венеции от дожа и сената, содержавшей ответ на царскую грамоту о прошлогодних русских военных делах. Грамота оказалась с дефектом: в ней не было написано имени государя, а на месте его поставлены были точки. Возницын, доложив грамоту, сделал на ней помету о состоявшемся царском указе. «И того листа, — говорит «Статейный список, — великий государь изволил слушать апреля в 28-й день, и на том листу помета думного дьяка Прокофья Богдановича Возницына: «великий государь, слушав того переводу, указал, будучи в Венеции, своим великим и полномочным послом говорить сенату и доведаться, каким обычаем вместо его государева имени написано в листу точки, и что на то ответ учинят, тогда доложить себя, великого государя, и о том написать выписку венецийского к тому посолству надлежащего дела»[3].

---

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 15—16.

[2] Гюйсеновская редакция «Юрнала»; *Туманский,* Собрание разных записок. т. III, стр. 71.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 1239. День возвращения Петра в Амстердам указывается источниками не совсем согласно. Показания «Юрнала» не особенно ясны. Отметку «Юрнала» под 26 апреля об остановке на якоре против деревни Стрейен-Сас и следующие затем слова — «десятник поехал в шлюпке в тое деревню и отсель поехали сухим путем» — я понимаю, как указание, что Петр с частью сопровождавшей его свиты из Стрейен-Саса отправился в Амстердам сухим путем. Остальная часть свиты продолжала путь водой, и это ее путешествие описывается в дальнейших отметках «Юрнала»: «26 апреля. С другой яхты рухлядь переклали на одну, и та яхта пошла дале. Проехали город Дорт (Dortrecht) и пред вечером стала яхта на мель. — В 27 день. Поутру перебирались в шкут; поехали, а яхта осталась; отъехав милю, стали за противным ветром, и шкут сорвало с якоря; после полудня в 5 часов пошли рекой Марле (Merwe). Приехали в город Ротордам пред вечером и перебрались в три шкуты и ночевали. День был красен и дождь с перемежкою; в ночи також. — В 28 день. Поутру поехали и проехали город Шхидам (Schiedam) на левой стороне. Проехали город Делефт (Delft) в полдни, проехали город Лейден и были в Академии и в анатомии; приехали в вечеру в деревню Галвер (Halfweg) и стояли 3 часа, и пошли во всю ночь. День был красен и дождь с перемежкою. — В 29 день. Поутру приехали в Амстердам» (Походный журнал 1698 г., стр. 16—17). Очевидно, автор этих отметок,

29 апреля Петр писал в Москву к Т. Н. Стрешневу. Из ответа Стрешнева видно, что в письме этом он отдавал распоряжение

заносивший их в «Юрнал», не последовал за Петром сухим путем, а оставался в той части свиты, которая продолжала путь водой и прибыла в Амстердам 29 апреля. Гюйсеновская редакция «Юрнала», имеющая в основе «Юрнал 206» года и по этой основной канве вышивающая узоры в виде дополнений и пояснений, также указывает день возвращения в Амстердам 29 апреля. По этой редакции свита, отправившаяся в шлюпках, встретилась с Петром, который 26-го уехал «с несколькими персонами» сухим путем из деревни Стренсал, в Лейдене 28 апреля и вместе с ним побывали в академии и в анатомии. Затем следует приведенный выше рассказ об этом анатомическом театре. «Статейный список» в приведенной уже в тексте отметке: «апреля в 27-й день валентеры 16 человек, которые были в Англии, приехали из Лондона к великим и полномочным послом в Амстрадам в добром здравии» (Пам. дипл. сношений, VIII, 1239—1240), приурочивает возвращение Петра к 27 апреля. Здесь в числе прибывших волонтеров надо подразумевать, конечно, и Петра, присутствие которого, как мы уже знаем, не раз обозначается в «Статейном списке» словом «валентеры». Если бы Петра среди приехавших не было, «Статейный список» едва ли бы стал отмечать их прибытие с упоминанием притом об их «добром здравии». Если это так, то свидетельство «Статейного списка» о прибытии Петра с волонтерами 27 апреля можно согласовать с рассказом «Юрнала» таким образом, что Петр с волонтерами сухим путем из Стрейен-Саса прибыл в Амстердам скорее, чем остальная свита, ехавшая с поклажей водным путем. Сам Петр в письме к Виниусу от 30 апреля указывает, как на день своего возвращения, на 28 апреля: «а мы третьего дня, слава богу, возвратились ізъ Англіи все здорово» (П. и Б., т. I, № 237). Свидетельство этого письма можно согласовать с отметкой «Статейного списка», сделав предположение, что Петр вернулся поздно вечером 27-го или даже в ночь на 28-е и потому относил свое возвращение к 28 апреля. В этот день, 28 апреля, по свидетельству «Статейного списка», третий посол П. Б. Возницын докладывал Петру грамоту из Венеции от дожа и сената и получил высочайшую резолюцию на докладе: «и того листа великий государь изволил слушать апреля в 28-й день, и на том листу помета думного дьяка Прокофья Богдановича Возницына: великий государь, слушав того переводу, указал» и т. д. (Пам. дипл. сношений, VIII, 1239). Что часть волонтеров 28 апреля была уже в Амстердаме на Ост-Индском дворе, там именно, где жил Петр, видно из «Расходной книги» посольства, в которой читаем: «на астинской двор по приезде из Англии валентеров взято на харчь: апреля в 28 день Петр Добродеев взял 5 ефимков» (Пам. дипл. сношений, IX, 942). Добавим, что из той же «Расходной книги» видно, что другая часть свиты вернулась из Англии, как и отмечено в «Юрнале», 29 апреля; с этого именно числа этой части свиты платилось жалованье (Пам. дипл. сношений, IX, 938). «Петру Шафирову с приезду из Англии апреля с *двадцать девятого числа* мая по двадесятое число»; «священнику Иоанну Поборскому с приезду из Англии кормовых денег апреля с двадесять девятого числа». Там же, 939: «лекарем Ивану Терманту с учеником Левкиным с приезду их из Англии апреля с двадесять девятого числа». Там же, 1014: Адаму Вейде «поденного корму с приезду его из Англии в Амстрадам апреля с 29 числа на две недели по ефимку на день». Ср. там же, 1006, 1007. О возвращении царя в Амстердам именно 27 апреля/7 мая свидетельствует по голландским источникам Meerman (Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand, 54): «Ce ne fut que le 9 de mai que l'intendant écrivit aux Etats qu'il avoit reçu la veille une lettre du bourguemaître Witsen, par laquelle il se trouvoit informé, que sa Majesté le czar de Moscovie *venoit de rentrer le 7 au soir* à Amsterdam, et qu'il s'étoit établi de nouveau au chantier des Indes Orientales». Ср. там же 78: «du 7, qu'il arriva à Amsterdam».

Итак, можно вполне достоверно установить, что Петр 26 апреля расстался с частью свиты в деревне Стрейен-Сас и в числе 16 волонтеров вернулся сухим путем в Амстердам 27 апреля поздно вечером. Остальная часть свиты,

назначить князя Ивана Щербатого в Сыскной приказ. Стрешнев уведомлял царя, что это его распоряжение будет исполнено, как только князь Иван Щарбатов вернется из деревни, припоминал при этом, что ранее Петр указывал назначить в Сыскной приказ кого-либо из думных дьяков и уже был туда назначен думный дьяк Михайло Прокофьев, но теперь придется Михайлу Прокофьева, чтобы дать место для князя Ивана Щербатого, перевести из Сыскного приказа в Судный московский в товарищи к князю Юрию Урусову на освободившееся за смертью М. Беклемишева место. Стрешнев просил утверждения Петра: «и тому так быть пристойно[ль], изволь отписать» [1].

В тот же день, 29 апреля, в Амстердаме состоялся окончательный обмен текстами табачного договора, заключенного 16 апреля с маркизом Кармартеном в Лондоне. «Апреля в 29 день, — читаем в «Статейном списке», — великие и полномочные послы договоренное писмо о табачной торговле, которую постановил, будучи в Лондоне, второй великой и полномочной посол, агличаном торговым людем отдали» [2]. Уполномоченными Кармартена явились англичане торговые люди: рыцарь Вилим Скавен, Франциск Статфорд, Эдмунд Гарвисон, Натаниэль Гулд и Эдвард Гаствел из Лондона. Им был вручен текст договора за руками и печатями великих послов на русском языке и к этому тексту был приложен немецкий перевод; англичане в свою очередь передали послам тождественные тексты — «таковые ж встречные письма» — на английском и немецком языках. При этом англичане доплатили послам 8 000 фунтов стерлингов (остальную часть предварительно уплачиваемой согласно договору суммы в 12 000 фунтов стерлингов, из которой 4 000 фунтов были, как припомним, уплачены в Лондоне 16 апреля при самом заключении договора). «Статейный список», говоря об уплате 8 000 фунтов, обозначает курс фунта стерлингов на рубли того времени, считая по 2 рубля 13 алтын 2 деньги за фунт и приравнивая 8 000 фунтов к 28 000 рублям. В уплате денег была выдана послами расписка, из которой мы и узнаем имена уполномоченных Кармартена [3]. Уплата производилась переводом на амстердамского коммерсанта Георга Клифорта. Свидание послов с англичанами и размен текстов договора происходили у Лефорта, как об этом

к которой, между прочим, принадлежали священник Иоанн Поборский, переводчик Петр Шафиров, Адам Вейде, лекарь Иван Термонт и лекарский ученик Левкин, провела дни 27 и 28 апреля в пути и вернулась в Амстердам 29 апреля. Таким образом, если Петр действительно посетил на обратном пути из Англии Лейденский университет и побывал в его анатомическом театре, как об этом свидетельствует гюйсеновская редакция «Юрнала», то мог сделать это 27-го апреля, число, к которому относит этот осмотр и Устрялов (История, т. III, стр. 109).

[1] П. и Б., т. I, стр. 722—723. Письма Петра не сохранились. Пам. дипл. сношений, IX, 994: «Апреля в 29 д. взято на остинской двор на харч 50 еф.; взял Гаврило Коншин. — Того ж числа взял Александр Меншиков (вероятно, на личные расходы государя) 60 ефимков».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1243.

[3] Там же, 1250.

узнаем из записи «Расходной книги» посольства: «дано за провоз извощику, что ездили великие послы в коретах апреля в 29 день к первому послу для совершения аглинских некоциянских договоров и за розбитую оконницу в корете три ефимка» [1].

30 апреля Петр из Амстердама пишет несколько писем, из которых сохранилось два: к Ромодановскому и Виниусу, до некоторой степени совпадающие по содержанию. С Ромодановским царь продолжает спорить по давно затронутому в их переписке предмету о возможности починки и перевозки в Волгу одного из кораблей переяславской флотилии, против чего высказывался Ромодановский. «Min Her Kenih, — пишет Петр, — писма твои, государские, писанные мне, отданы апреля в 29 день, при которых доношу: что корабль переславской не починен, а сказал мастер, что нельзя, и то неправда; мошно, хотя б половина згнила, починить». Далее следует предписание произвести розыск о злоупотреблениях стоявшего во главе табачной продажи Орленка и его агентов, чинимых ими в Сибири, злоупотреблениях, на которые жаловался управляющий Сибирским приказом Виниус: «Еще писал ко мне Виниюс, жалаяся на Орленка и таварыщей ево во всяких насильствах и убойствах в Сибири; и то изволь своим премудрым разумом розыскать, чтоб тамошние дикие краи х какому смущению не пришли». Письмо заканчивалось собственноручной припиской Петра с приказанием отпустить полковника фон Менгдена для ознакомления его с устройством каналов: «Юрья Ѳамендина ізволь отпустить въ Прусы для смотрения канала, выдаѳъ єму заслуженная и нынешьнея жалованье. Piter. Из Амстрадама, апреля въ 30 день» [2]. Вопрос о прорытии канала между Волгой и Доном, столь необходимого для азовского флота, очень тогда интересовал Петра; дело это не ладилось; занимавшийся им инженер, как мы видели, не кончив работы, бежал. Петр нанимал за границей специалистов этого дела — «шлюзных мастеров». По всей вероятности, в связи с мыслью о канале между Волгой и Доном надо понимать и командировку фон Менгдена.

В письме к Виниусу царь извещает его о своих действиях по поводу жалоб на Орленка: «Min Her Vinius. Писмо твое апреля 1-го числа писанное, мне отдано апреля 29 д., в котором пишеш об Орленке; и о том я писал князь Федору Юрьевичю. Да и всего владеть ему до сентебря, для того что откупили агличеня. Пожалуй, поклонись всем знаемым; а мы третьего дни, слава богу, возвратились из Англии все здорово и на будущей недели, богу изволшу, поедем отсель в Вену. Piter. Из Амстрадама, апреля в 30 день» [3].

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 996.

[2] П. и Б., т. I, № 236.

[3] Там же, № 237. Из ответа Виниуса (П. и Б., т. I, стр. 722) видно, что Петр писал 30 апреля в Москву к «разным господам», и Виниус сообщал о передаче этих писем по назначению.

В тот же день, 30 апреля, Петр писал также в Лондон к оставшемуся там Якову Брюсу. Письмо не сохранилось, но из сохранившегося ответа Брюса можно судить о его содержании. Дела, занимавшие Петра в Англии, еще не были закончены, и окончание их было возложено на Брюса. Он должен был раздобыть сведения о размерах мачт и рей корабельных и яхтовых, о калибре мортир, из которых метали бомбы полковник Броун и Бекман, и в особенности той мортиры, из которой производилась стрельба близ «фламстидова двора», т. е. близ дома директора Гринвичской обсерватории. «При сем доношу, — пишет Брюс, — что по приказу твоему, я в Детфорт ездил и просил капитана Гожира об размере маштов и раин карабелных и яхтовых, и он обещал табулу размерную написать всех рангов кораблей маштам и раинам, толко просил на неделю сроку. И когда бы я ведал, что изволишь в Амстрадаме недели две промешкать, и я б, что мог получить, к тебе бы, государю, прислал. Таконды спрашивал у полковника Броуна о калибре мортиров, из которого он, такожды и Бекман, бросал; и он сказал мне, что калибры у обоих мортиров ровны, по 13 дюймов, такожде и длина их ровна, по два калибра, толко что камеры разные, и хотел мне с них чертежи написать, да помешало дело королевского величества, что ехать ему приказано было в Винзор, и он хотел впредь написать чертежи тем мортирам. А тому мортиру, из которого он бросал на горе недалеко от Фламстедова двора, мера калибру 10 дуймов, а длина полтретия калибра, и ныне к тому мортиру новой станок зделан. И он хотел на сей неделе со мною туды ехать и отведывать бросать». Брюс сообщал далее, что Басроф и адмирал Рузел еще не изготовили заказанных им чертежей, и просил государя отписать, как ему быть с математиком, принятым на русскую службу перед отъездом Петра из Англии (Фергарсоном?). Математик приходил к Брюсу с жалобой на коммерсанта Стейлса, который, повидимому, брал на себя доставку математика из Англии в Россию, но не соглашался дать ему какую-то не совсем для нас понятную запись на случай кораблекрушения или иного несчастия на море: «Прошу, государь... пожалуй, изволь отписать, как быть с математиком, которого изволил перед поездом принять, для того, что приходил он ко мне и жаловался на Стейлся, что прошает у нево такое писмо, что когда грехом карабль разобьет или потонет, или какое бесщастие случится, чтоб ему те денги после на ево порутчиках взять мошно, и он сказывает, что ему такое писмо дать невозможно, для того, что никто не хочет быть в таком случае порукою по нем». Речь шла затем о каких-то ребятках, обучаемых морскому делу: «такожды прошу, пожалуй, государь, хотя Федору Алексеевичю приказать изволь, чтоб изволил отписать к Стейлсу или к Вулфу, когда могу достать тех робяток, которые учены морскому делу, чтоб оне их снабдили платием и денгами на проезд их». В заключение Брюс писал, что «Андрей Стейлс гораздо трусит в денгах за инструменты, которые изволил мне наказывать зделать», и в приписке передавал

поклон от некоего учителя Колиона: «учитель Колион приказал отписать к тебе, государю, свой всеуниженной поклон» [1].

30 апреля, в субботу на пасхальной неделе, был парадный обед у третьего посла П. Б. Возницына, на котором имеем право предполагать присутствие царя: «за ествы, и за питья, и за пряные зелья» к столу было уплачено амстердамским торговым людям 131 ефимок, и по значительности этой суммы можем заключать либо о многолюдстве присутствовавших, либо об изысканности стола [2]. Этот обед состоялся перед отъездом Петра из Амстердама в путешествие по Голландии.

«Из Амстердама, — читаем в «Юрнале», — десятник ездил с Францом Яковлевичем в Логу и были в иных городех; бытности их с неделю». Судя по дальнейшим письмам, Петр 9 мая был уже опять в Амстердаме, следовательно, путешествие «с неделю» приходится на промежуток времени между 30 апреля и 9 мая. Называемая «Юрналом» Лога — это, очевидно, Loo, замок принцев Оранских, любимая резиденция Вильгельма III, «где сад расположен весьма изрядно, изобилен фонтанами и всякими цветами и плодовитыми деревьями, имеет кругом рощи дубовые и липовые, в которых напущено много оленей, лосей и иных зверей» [3]. «Изрядные полаты и сад превеликой с водяными играми, в которой король Вилим часто приезжал», — так описывается Лоо в Гюйсеновской редакции «Юрнала» [4]. Но в каких других городах побывал в этот раз Петр с Лефортом, неизвестно. Потому ли, что лицо, заносившее заметки в «Юрнал», не сопровождало государя в этой поездке, или по другой какой-либо причине, в «Юрнале» за отметкой о выезде Петра в путешествие по Голландии следует пропуск, продолжающийся до 15 мая [5].

Имея во второе пребывание в Голландии более досуга, чем в первое, когда он работал над постройкой корабля, Петр мог во время поездки по голландским городам с бо́льшей свободой предаться осмотру интересовавших его предметов, и надо думать, что это путешествие отличалось проявлением присущей ему любознательности, выражавшейся в посещении фабрик, мастерских, разного рода учреждений и осмотре всяких достопримечательностей. Может быть, именно к этой неделе, а не ко времени пребывания в Гааге в конце сентября 1697 г., как это делает Схельтема, следует относить поездку Петра в Дельфт и личное знаком-

[1] П. и Б., т. I, стр. 723—724.

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 1005.

[3] «Записная книжка великой особы» (*Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 203).

[4] *Туманский*, Собрание разных записок, т. III, стр. 71.

[5] Походный журнал 1698 г., стр. 17. Путешествие в Лоо оставило по себе след в расходных книгах посольства. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 31: «Мая в 3 д. ездил первой великой посол из Амстрадама в Лоо и некоторые валентеры; в тот путь взял на росход 100 золотых». Там же, л. 31 об.: «Мая в 12 д. дано капитану Андрею фон-дер-Гулсту, что он, будучи с первым великим послом в Лоо, издержал 21 золотой». Там же, л. 58: «Мая в 14 д. дано аглинского короля конюшему, которой живет в Лоо, пара соболей в 8 руб., взял (для передачи) капитан Андрей фон-дер-Гулст».

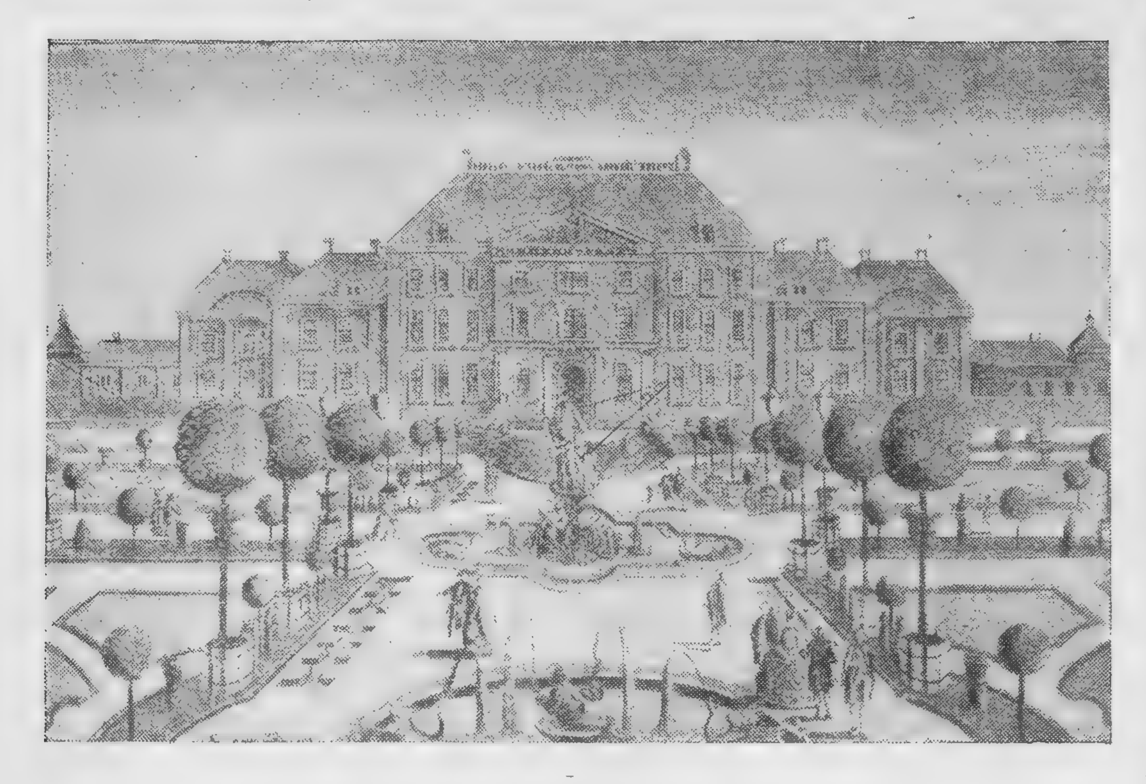

Рис. 34. Замок принцев Оранских в Лоо
Гравюра начала XVIII в.

ство его с знаменитым голландским зоологом Левенгуком, впервые применившим микроскоп к исследованиям в зоологии, если только рассказы об этом знакомстве, приводимые в сочинениях Меермана и Схельтемы, имеют какую-либо достоверность. В Дельфге, повествует Схельтема, царь осмотрел с особым интересом находившиеся здесь оружейные заводы. Попрежнему ему страшно надоедала толпа любопытных и, чтобы избавиться от нее, он сел в яхту и отплыл на середину реки Ши, на которой расположен Дельфт, пригласив с собой Левенгука. Здесь, на яхте, Левенгук показывал Петру усовершенствованные им микроскопы и объяснял ему закон кровообращения, демонстрируя его на экземплярах рыб. Царь с большим удовольствием занимался наблюдениями в микроскоп[1].

XVIII. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСОЛЬСТВА В АМСТЕРДАМЕ. НАЕМ И ОТПРАВКА В РОССИЮ ЛЮДЕЙ И СНАРЯЖЕНИЯ

Весной 1698 г. в разлуке с царем и затем по его возвращении в Голландию посольство продолжало свою дипломатическую деятельность, вело постоянные сношения с Посольским приказом и частию через него, частию непосредственно получало грамоты из различных государств. Так, от цесаря была получена грамота

[1] *Scheltema*, Peter der Groote, I, 184; «Rusland en de Nederlanden», II, 245—246; «Anecdotes historiques», 145; «Русская Старина», 1916 г., март, стр. 387.

с поздравлением по поводу таванской победы; от польского короля такая же поздравительная грамота по поводу успехов русских войск в 1697 г. под Азовом; от Карла XII Шведского грамоты с уведомлением о его совершеннолетии и о состоявшейся коронации. Документы эти посольство пересылало Петру в Англию [1]. Грамота из Венеции с ответом на извещение о военных действиях за 1697 г. докладывалась Петру, как мы уже видели, по возвращении его в Амстердам 28 апреля [2]. Продолжались сношения посольства с тайным русским агентом в Вене Стиллой, передававшим известия о распространившихся в Вене слухах из Москвы [3]. Посетителем русского посольства продолжал быть посол польского короля Христофор Бозе, представивший, наконец, послам свою аккредитивную грамоту [4]. Сделал прощальный визит послам перед своим отъездом в Москву известный уже нам Петр-Павел Пальма, архиепископ Анкирский [5]. Приготовляясь сами уезжать из Голландии, послы в марте писали в Берлин, в Вену и в Варшаву к резиденту А. В. Никитину о своем предстоящем путешествии через Бранденбургские, Саксонские и Австрийские земли с просьбами о соответствующих распоряжениях этих правительств [6].

Но главным предметом деятельности посольства в Голландии была, как мы уже знаем, не дипломатия, а приобретение средств для снаряжения черноморского флота: наем персонала и покупка необходимых вещей. Как было видно из переписки Ф. А. Головина с Петром в марте, еще перед поездкой Головина в Англию посольство приводило эти дела к концу. Головина тревожил вопрос о переводе денег из Москвы [7], о чем еще в декабре 1697 г. посольство сносилось с приказом Большой казны, выписывая оттуда на предстоящие расходы сумму в 82 000 ефимков (по 50 копеек ефимок) и 40 000 золотых по (1 рублю золотой), всего, следовательно, 81 000 рублей [8]. Эта сумма и была переведена начальником приказа Большой казны князем П. И. Прозоровским в Амстердам в 20 векселях, выданных живущими в России голландцами на своих амстердамских соотечественников, например: Данило Гартман выдал вексель на Яна Виллинга, Елисей Клюк на Эгберта Тессинга, Исаак Гутман на своего сына Адольфа Гутмана и др. [9]. Прозоровский перевел ту сумму, которая требовалась, но в несколько иной валюте, чем ему писали,

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1218—1220, 1206—1209, 1170—1172, 1224.

[2] Там же, 1239.

[3] Там же, 1216—1217, 1235.

[4] Там же, 1231—1234, 1253—1258.

[5] Там же, 1215. О нем в Москве, куда он прибыл 26 июня/6 июля 1698 г., см. Дневник Корба, Письма и донесения иезуитов, № LIII. Ср. *Dukmeyer*, Corbs Diarium, I, 188—194.

[6] Пам. дипл. сношений, VIII, 1201—1206, 1230—1231, 1235.

[7] См. выше, стр. 333—334, 346, 357.

[8] Пам. дипл. сношений, VIII, 1155—1156.

[9] Там же, IX, 913 и сл.; ср. Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1698 г., № 2, где л. 3—8 — вторые экземпляры (секунды) векселей.

именно: прислал векселей на 101 999 ефимков 14 алтын 4 деньги, что составляло 51 000 рублей, и на 29 999 золотых 24 алтына (30 000 рублей), всего, следовательно, как и требовалось, на 81 000 рублей [1]. Векселя эти пришли в Амстердам 24 февраля, и, получая постепенно по ним деньги, посольство имело возможность оплачивать свои обязательства по произведенным расходам: по найму, содержанию и отправке людей и по закупке и пересылке припасов. Эта деятельность посольства хорошо резюмирована в общем ее обзоре, помещенном в «Статейном списке». «И по его, великого государя, указу, — читаем мы там, — жили великие и полномочные послы в Амстрадаме, за приговором и за наймом в его, великого государя, службу началных людей и матросов, и всяких чинов людей к черноморскому флоту и за готовностию (т. е. изготовлением) и приговорами ружья и корабелных припасов и за отпусками тех иноземцев март и апрель месяцы майя по 15-ое число. И живучи в тех числах, в его, великого государя, службу многим своим прилежным радением и трудами приговорили и наняли на черноморской воинской флот к генералу и адмиралу (т. е. Лефорту) вице-адмирала (Корнелия Крюйса), шоутбейнахта (Яна фан Реза), капитанов, комендоров, порутчиков, шиперов, штюрманов, боцманов, огнестрелных мастеров, бомбардиров, подкопщиков и инженеров и к строению и деланию кораблей корабелных мастеров, плотников, рещиков, кузнецов, конопатчиков, блок-макаров, парусных мастеров, слюзных и каменных, и мостовых, и компасных мастеров, и живописцев, и моляров и часовников, и матрозов с тысячу человек» [2].

Нанятые на русскую службу иноземцы с указанием имен «начальных людей» и с обозначением сумм выданного им вперед жалованья перечислены в «Расходной книге» посольства. Они подразделяются здесь на четыре группы: во-первых, группа «Крюйсова приему», т. е. нанятая через посредство Крюйса, оказывавшего, как мы уже знаем, большие услуги посольству в найме персонала для флота. Сюда, кроме самого Крюйса и шаутбейнахта фан Реза, вошли 4 капитана: Питер фон Памбург, Симон Рокоскин, Франц Диберт, Симон Голт-Гейзен, 23 комендора, 36 порутчиков, 17 штурманов, 15 подштурманов, 52 лекаря, 34 боцмана, 32 боцманамта, 15 констапелей, 344 матроса, 4 кока, 4 бутолера, 7 шлюзных и каменного дела мастеров, архитектурный мастер Юрий-Вилим Дегений, принятый в Оружейную палату, математик и инженер Ганц Шейльдорф и 37 человек мастеров «рукодельного дела»: мельники, плотники, слесаря, кузнецы, блок-макеры, зейл-макеры, конопатчики и рещики. Всего в группе Крюйса перечислены 626 человек. Другую партию составляли греки, славяне и итальянцы с капитанами Стамати Камеру, Андреем Деппором и Александром Молиной. Третья группа образовалась из англичан; в ее составе указывается майор Леонард

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1180; IX, 913—914.
[2] Там же. VIII, 1180—1181.

фон-дер-Штам и с ним 57 человек огнестрельных мастеров, пушкарей, бомбардиров, мостовщиков и подкопщиков; далее огнестрельный мастер Ян Альберт Декордес с товарищи 12 человек, и особо указаны корабельный плотник Ян Ден и шлюзный мастер Джон Перри с его толмачом Класом. Наконец, четвертая группа, очень небольшая по числу: 3 бомбардира-шведа — Грундель, фон Гогерлинде и Рудольф Гершоу. Вне этих групп стоит часовых дел мастер Гарноль. Всего всем этим принятым на службу иноземцам было выдано 42 622 ефимка 15 алтын 4 деньги; при этом вице-адмиралу Крюйсу жалованья вперед за полгода 1 800 ефимков; ему же подъемных — «чем ему до Москвы доехать» — 400 ефимков; двум его служителям 56 ефимков [1].

Тот же Крюйс содействовал посольству в закупке корабельных припасов и разных других предметов для черноморского флота, на что выдана была ему сумма в 6 724 ефимка 8 алтын 2 деньги. В перечне предметов, им приобретенных, «Расходная книга» упоминает: 600 штук гарусов на знамена (флаги), парусное полотно, блоки разных образцов, 3 якоря железных [2]. Закупались еще, как мы знаем, для потребностей флота пилы железные, компасы, рога для пороха, дерево покгаут, картузная бумага, корка. Куплена была также огромная партия оружия: 10 000 мушкетов, 5 000 фузей, 3 200 багинетов (штыков), 24 палаша, мушкетоны и пистолеты. Всего через бомбардира Ивана Гумерта, который производил эти закупки, было уплачено за оружие, за ящики для его укладки, за провоз оружия до амбара, за наем амбара, за обивку кожами сундуков и работникам за укладку — 40 276 ефимков. Вместе с партией оружия Гумерт купил также некоторые инструменты, именно астролябию и «инструмент, чем изо рву землю таскают» [3].

Когда наем был закончен и покупки были сделаны, посольству предстояла задача переправить людей и вещи в Россию. 7 апреля были зафрахтованы два корабля: «Кастрикум» и «Норшибуш», с капитанами которых голландцами Тимеоном Аннесом и Яном Рейнсом послы заключили договор о провозе на каждом корабле до Ругодива (Нарвы) по 60 человек нанятых на русскую службу людей без продовольствия. За оба корабля было договорено 1 680 ефимков, причем половина этой суммы была вручена капитанам при договоре, а остальную половину они должны были получить по возвращении кораблей из Ругодива [4]. На эти корабли пришлось, однако, посадить людей больше, чем было условлено в договоре. Именно, на один из них была посажена партия из 73 человек «разных народов ремесленных и морского искусства людей» с капитанами

---

[1] Пам. дипл. сношений, 920—930; ср. *Устрялов*, История, т. III, стр. 576—580, где число принятых в службу славян и греков указано 101 человек; *Елагин*, История русского флота, приложение, т. II, стр. 200 и сл.

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 919.

[3] Там же, 918—919.

[4] Там же, 978.

греком Андреем Депиором, венецианцем Александром Молиной; на другом плыл капитан грек Стамати Камера с группой из 72 человек. Проезжие грамоты, выданные посольством этим капитанам, помечены 15 апреля, и тем же числом датирована грамота к новгородскому воеводе о посылке в Нарву кого-нибудь из дворян для встречи этих иноземцев и проводов их от Нарвы до Новгорода, а также о даче им подвод и кормов от Новгорода до Москвы [1]. Вероятно, вскоре после того эти два корабля отпра-

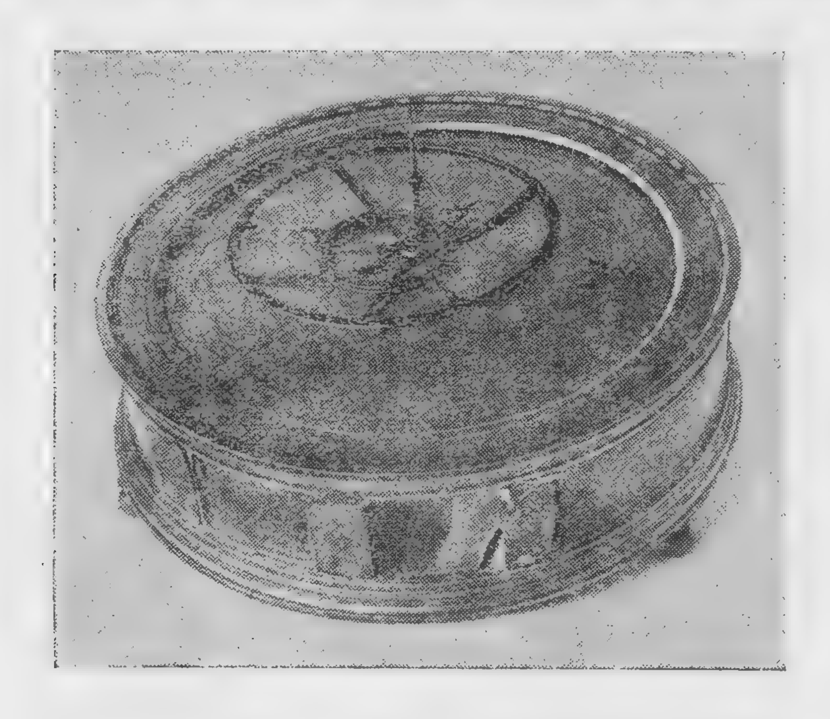

Рис. 55. Астрономические часы голландской работы конца XVII в.

Из собрания Государственного исторического музея в Москве

вились в путь. Еще 14 апреля посольство расплатилось «за постоялое», т. е. за наем квартир в Амстердаме двух капитанов-греков, Стамати Камера и Андрея Депиора; 16 апреля дано было 13 алтын 2 деньги толмачу Андрею Гемсу «за провоз матрозов греческих на корабль»; 16 же апреля даны кормовые деньги венецианцу Молине и 9 итальянцам «для отпуска в Нарву» и того же числа толмачу Андрею Гемсу выдано 20 ефимков за то, что он «провожал матрозов на корабль и из шинков высылал». Толпа нанятых матросов, видимо, держала себя перед отправлением в путь неспокойно, и послам пришлось отправлять голландца капитана Памбурга с пятью русскими солдатами для водворения среди них порядка: «дано за провоз солдат пяти человек — читаем в «Расходной книге», — которые посыланы были

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 1227—1229, 985. «Апреля 15 . . .дано гречанину капитану Стамати Камеру за провоз матрозов до корабля 10 ефимков».

с капитаном Памбургом для высылки матросов на два корабля и для уйму их от своевольства — 6 ефимков». Памбург вообще принимал участие в отправке двух нарвских кораблей[1].

Новая отправка нанятых иноземцев происходила 4 мая. На этот раз отпущены были из Амстердама на четырех кораблях, направлявшихся в Архангельск, люди крюйсова приема: капитаны, командоры, поручики, лекари, матросы и иных чинов люди. Через Крюйса на запасы продовольствия на эти четыре ко-

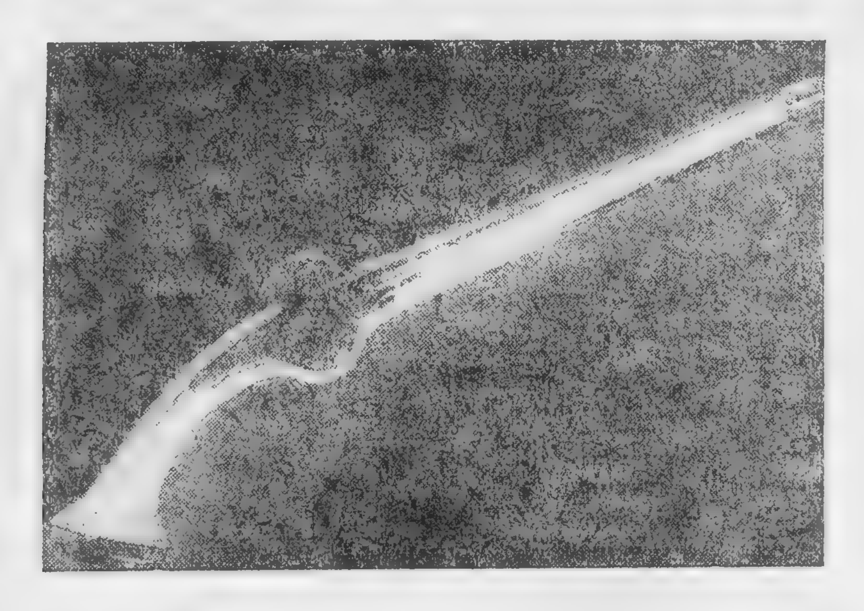

Рис. 56. Пистолет голландской работы конца XVII века

Из собрания Государственного исторического музея в Москве

рабля было выдано 6 029 ефимков[2]. Эту партию поручено было провожать известному уже нам одному из дворян лефортовой свиты, только что закончившему закупку оружия, бомбардиру Ивану Гумерту[3]. К ней пристали и отправились на этих четырех кораблях еще разные довольно случайные элементы: кое-кто

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 984—986, 991, 997: апреля 30 «по указу великого государя заплачено капитану Петру Памбурху за издержки, что он на корабли, которые с матрозами в Нарву отпущены, ездил и держал за провоз и на харч свои деньги и всего по росписи 17 еф. 5 алт.; да ему ж особно по росписи за провоз 3 ефимка».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1252—1253; IX, 993; 26 апреля: «дано корабельным шипером, которые наняты на четырех кораблях везти к городу Архангельскому принятых иноземцев, в приказ сверх договору по 20 еф. на корабль, итого 80 еф.»; 972, 983, 990, 1001—1002.

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 998: апреля 29 «дано великого государя жалованья бомбардиру Ивану Гумерту к прибавке придачи на нынешней 206 год к прежнему в придачу к 500 ефимкам 220 ефимков для посылки, что ему из Амстрадама велено ехать к Архангельскому городу на кораблях с покупными товары и с посолской рухлядью». Там же, 1002: «мая 4 дано великого государя жалованья бомбардиру Ивану Гумерту для нынешней его к городу Ар-

из посольской свиты: состоявший при посольстве серебряных дел мастер Рудольф, толмач Андрей Гемс, служитель Петра Лефорта; далее, жена поступившего на службу констапелем Карпа Кена, проживавшие при посольстве в Амстердаме и получавшие от послов содержание; арап Генрих Сирин и 10 человек холмогорцев [1].

Снаряжением двух кораблей в Нарву и четырех в Архангельск отправка нанятых иноземцев не кончилась. «Статейный список» говорит о девяти кораблях для перевозки нанятого персонала, из которых четыре должны были итти в Архангельск и пять в Нарву [2]. 7 мая был отпущен еще транспорт наемных людей в Нарву: 7 человек мастеров шлюзного дела, француз часовщик Иоаким Гарноль, грек матрос Антоний Данилов Францышко, отставший от нарвской партии матросов-греков [3]. Нанятым англичанам предоставлялось переправляться в Россию собственными средствами, для чего им выдавались, кроме жалованья, особые деньги «на корабли и на корм, чем доехать морем до Нарвы и до рубежа», и на проезд они снабжались проезжими грамотами. 10 мая были выданы проезжие листы до Москвы огнестрельного дела мастеру Ягану-Альберту Декордесу, майору Леонарду фон-дер-Стаму с огнестрельными мастерами и бомбардирами, инженеру Ганцу Шейлдрофсу и др. С этой группой, отправлявшейся на Нарву, ехал один из волонтеров, Тихон Лукин [4]. Принятые на службу Крюйсом матросы и начальные люди должны были записываться у «ватершоута» города Амстердама. Высшие из нанявшихся чинов, Крюйс и шаутбейнахт Рез, заключали с послами особые индивидуальные договоры. Для низших офицеров и мастеровых людей Крюйсом были предложены общие тексты договорных статей. С лиц, переправлявшихся в Россию собственными средствами, требовалось поручительство. Инженер Шейлдрофс вместо поручителей должен был отдать два сундука со своим имуществом, которые сданы были на хранение голландцу Аврааму Кинциусу [5]. По общим договорным статьям, т. е. по контрактам, текст которых выработан был Крюйсом, русское правительство обязывалось нанимаемым на службу людям выдать жалованье за

хангельскому езды, поденного корму на неделю мая с 3 числа по ефимку на день; да человеку его Пашке Изофову по 5 алт. на день; итого 2 еф. 10 ден.»

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 1001—1004.

[2] Там же, VIII, 1181.

[3] Там же, 1259; IX, 926, 1001, 1004.

[4] Там же, VIII, 1271; IX, 929; *Устрялов*, История, т. III, стр. 581. Одна партия англичан — де Кордес, Перри, Ден, Шейльдрофс,—всего 22 человека, «отпущены из Амстердама в Нарву» 12 мая; другая — майор фон-дер-Стам с 19 разного рода специалистами — 13 мая получает жалованье и «отпускается в Нарву».

[5] Пам. дипл. сношений, IX, 1017; *Елагин*, История русского флота, Приложение, ч. II, стр. 191—196, 199—200, 209—211; Пам. дипл. сношений, IX, 1016: мая 13: «дано извощику за провоз рухляди — двy сундуков инженера Шольдрофа до двора Аврама Кинцыюса, которые сундуки взяты у него вместо поруки до Москвы и стоять тем сундуком до приезду к Москве великих послов у него, Кинцыюса, на дворе, 4 алтына».

два месяца вперед в виде задатка при отъезде в Россию, затем уплачивать жалованье за 4 месяца их семьям, остающимся в Голландии, а за остальные месяцы платить им на месте службы. Для уплаты четырехмесячного жалованья в Амстердаме посольство должно было назначить особых поручителей. Таким поручителем был крупный амстердамский коммерсант Адольф Гутман, которому 5 мая было дано в вознаграждение сорок соболей в 170 рублей и две пары в 20 и в 15 рублей да детям его Аврааму и Якову три пары соболей «за его работу и радение, что он учинился порукою в даче месячного жалованья тем людем, которые поехали к Москве в его, великого государя, службу» [1].

Схельтема из современного событиям журнала «Europische Mercurius» приводит описание этого вывоза из Голландии людей и предметов московским правительством. «В то время, — пишет он, — было набрано в Голландии более 640 человек, чтобы отвезти их в Россию; это были разного рода художники, ремесленники, мастеровые; но всего больше было нанято искусных корабельных плотников. Все они были посажены 6/16(?) мая на восемь барок и отправлены в Тексель, чтобы там пересадить их на московские корабли, готовые к отплытию в Архангельск. Собрались большие толпы народа, чтобы проститься с отъезжающими и проводить их; много было здесь также и просто любопытных, почему и не обошлось без некоторых неприятных эпизодов. Кроме голландцев, среди уезжавших в Россию были лица и других национальностей и в числе их много французов, бежавших с родины вследствие религиозных распрей и отправлявшихся в Москву. Многие из местных голландцев с грустью смотрели на отъезд на чужбину столь значительного числа сведущих и полезных людей, а также на вывоз такого большого числа моделей разных машин — мельничных, ткацких, прядильных и других» [2].

На четырех кораблях, направившихся в Архангельск, были отпущены также и грузы: корабельные припасы и разного рода предметы, приобретенные посольством для черноморского флота и для снаряжения русских военных сил; вещи, купленные лично для Петра, а также вещи, купленные послами на свой обиход. 28 апреля послы отправляли в Гаагу к Генеральным штатам состоявшего при посольстве капитана Андрея фан-дер-Гульста с ходатайством перед Штатами о разрешении вывезти все эти предметы без уплаты причитавшихся голландской казне пошлин; разрешение и было дано, причем вывозимому имуществу был составлен перечень, приводимый «Статейным спи-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 57.

[2] *Scheltema*, Peter de Groote, I, 220—222 со ссылкой на «Europische Mercurius», 1698, II, 287; «Rusland en de Nederlanden», II, 291—292; «Anecdotes Historiques» 175; «Русская старина», 1916 г., апрель. стр. 11; *Ноомен*, Записки, стр. 61: «5/15 мая вечером ушло из Амстердама в Тессель восемь барж, и на каждой было около 80 человек, которые нанялись на службу к великому князю и теперь должны были отправиться в Московию на голландских кораблях».

ском»[1]. Тут обозначены: «260 ящиков с ружьем; 48 кип парусного полотна; 8 кип бумаги картузной; 1 кипа рыбьих усов; 1 ящик с пилами железными; 2 ящика, а в них компасы; 2 ящика, а в них пистолеты; 2 ящика, а в них роги и всякая корабельная мелочь; 6 ящиков, а в них гарусы; 14 бочек разной всякой мелочи; 8 сундуков с плотничьими инструментами; 6 ящиков с кругами, которые в блоки кладут; 2 ящика, а в них каркадил, да рыба свертфиш; 2 000 фунтов корки; 2 577 блоков разных; 3 якоря болших; 200[2] штук дерева пок-гоута; 200 ж штук дерева есейнова; 13 ящиков с разною рухлядью; 7 ящиков со всякою мелочью[3]; 800 мраморных камней»[4]. Эти вещи отправлялись под клеймом П. М., т. е. Петра Михайлова — государя.

Вместе с крокодилом и рыбою шверт-фиш (меч-рыба) отправлены были с архангельским транспортом под надзором Ивана Гумерта и другие редкости: купленные в Голландии попугаи и мартышки, о которых в «Расходной книге» посольства под 4 мая читаем: «ему ж, Ивану (Гумерту) по указу великого государя и по приказу великих и полномочных послов дано на дорогу на корм попугаев и мартышек на яблоки и на орехи, купленные про его, великого государя, обиход, 10 ефимков»[5]. Эти покупки крокодила, диковинной рыбы, редких птиц и обезьян, а также препаратов морских животных и растений «в скляницах», свидетельствуют о значительном интересе, который был у Петра к естествознанию, по крайней мере, к тем явлениям в области естествознания, которые возбуждали удивление, к фауне и флоре чужих стран. Вероятно, зная об этом интересе царя к естественно-историческим коллекциям, некий голландец поднес ему «две доски мух», т. е. две доски с наколотыми на них экземплярами насекомых, за что получил высокое вознаграждение, четыре пары соболей: пару в 30 рублей и три пары по 10 рублей[6]. В указанных перечнем ящиках «с разной рухлядью» и «со всякой мелочью» были уложены разные другие вещи, приобретенные царем за границей, вероятно, та фарфоровая посуда, которая при отъезде Петра в Англию вместе с естественно-научной коллекци-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1240—1242. Другую роспись этих же предметов см. в Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 28. л. 8.

[2] Так в росписи (Дела австрийские 1698 г., № 28). В «Статейном списке» — 5 штук дерева пок-гоута — ошибочно, что́ видно из дальнейших слов «Статейного списка»: «200 ж штук дерева есейнова». Эта частица «же» указывает на повторение цифры.

[3] В росписи (Дела австрийские 1698 г., № 28) зачеркнуто: «разными вещми и в том числе Александра Меншикова вещи ящики».

[4] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 28, л. 2: «800 мраморовых камень (так!) четырехугольных»; зачеркнуто: «7 ящиков в запас и иная мелочь в ящиках, станки, мартышки». В конце листа: «7 ящиков со всякой мелочью».

[5] Пам. дипл. сношений, IX, 1002—1003.

[6] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 58 об.: «Мая в 18 д. послано из Нимвегена с Иваном Тесингом галанцу, которой поднес две доски мух, пара в 30 руб., три пары по 10 руб. пара».

ей была перевезена с Ост-Индского двора на посольский двор в гостиницу «Дулен» и здесь хранилась, далее книги, модели и разного рода инструменты. Уцелела отдельная роспись вещей, привезенных царем из Лондона и также переданных Ивану Гумерту для отправки в Архангельск. Здесь перечислены: «большой сундук с книгами и с инструментами; 4 сундука с мадеями (т. е. моделями); ящик со стеклами; сундук с снастьми; сундук с мортирами: квадрант медной с подсошками; линея, что мадели чертят»[1]. Среди инструментов, купленных в Голландии, упоминаются: «инструмент, чем изо рву землю таскают», «тележка с точилом, что всякие снасти точат», «трубы железные, деланные к пилованью про его, великого государя, обиход», «доски резанные на огнестрельные вещи», «огнестрельные станки» Швертнера, брандспойты, купленные Виниусом, даже какой-то «философской инструмент антлий», купленный у Петра Посникова, которого «Расходная книга» по этому случаю называет «врачефилософом», стоивший весьма значительную сумму — 200 ефимков[2].

Беспошлинным транспортом в Архангельск воспользовались также послы, отправившие свои покупки вместе с казенными грузами и вещами про личный обиход государя. Вещи эти были обозначены их клеймами. Ф. Я. Лефорт под клеймом S. F. L. отправлял: 16 сундуков с посудой, 7 сундуков с рухлядью, 4 бочки сухарей (печенья?), 1 бочку с сырами, 1 бочку с ружьем, 8 бочек питья, 6 ящиков. Ф. А. Головин под клеймом F. A. H. посылал: 31 ящик и сундук. Третий посол П. Б. Возницын под клеймом P. B. W.: сундук большой, 3 ящика деревянных, сундучок малый, особо пищаль, 4 бочки питья да 2 ящика[3]. «Расходная книга» содержит несколько деталей относительно отправки вещей третьего посла: апреля 19 «за увязку сундуков, и за рогожи, и за веревки третьего великого посла, которые сундуки отпускает к Москве — 2 ефимка 10 алтын пакарю(?) Питерсу Тиру; да про его ж обиход, третьего посла, на обивку сундуков на покупку, на гвоздье, 8 алтын»; апреля 22: «за два сундука, в которых отпускается к Москве постеля третьего великого посла, за увязку, и за холст, и за веревки 4 ефимка 14 алтын 4 деньги

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 28, л. 1: «Роспись, что поставлено на яхту» (при перевозке из Англии?). На росписи помета: «сия роспис привезена из Лондона и записана у боярина (Ф. А. Головина) в книгу, а вещи отданы Ивану Гумеру и в паметную тетрать записана ж». Пам. дипл. сношений, IX, 995: «Апреля в 29 д. дано за провоз пинкером, которые везли рухлядь и людей из Лондона морем до Ротердама Андреяну Гартлиху с товарыщем — 44 еф. 7 алт. 4 д.» Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 31 об.: «Мая в 10 д. дано инструментовому майстеру Мицу за квандрат мортирной и за линею, которые взяты про обиход великого государя, 30 золотых».

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 930—931, 998, 1003, 1007, 1016.

[3] Там же, VIII, 1242.

пакарю Питерсу Тиру» [1]; «апреля 26 дано третьего великого посла за провоз рухляди до корабля ефимок» [2].

Четыре корабля, направившиеся в Архангельск, прибыли туда через месяц, 3 июня, и об их прибытии сообщал послам Иван Гумерт письмом от 6 июня, полученным послами в Вене 15 июля. «Ваше превосходительство, — писал Гумерт, — понеже мы, благодаря бога, счастливо к городу Архангелскому пришли со всеми четырмя кораблями, как с людми, так и со всеми вещами, и того ради не мог оставити вашему превосходителству сими малыми строками объявить. Зде надеюсь я в восемь дней изготовитца к Вологде ехат с людми и со всем обиходом. Якоже аз

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 988, 990. П. Б. Возницын сделал себе в Амстердаме почему-то новую постель. Там же, л. 1000: «Мая в 3 д. ... дано портному мастеру Алберту фон-Эглу за шитье постели и подушек, и наволок третьего великого посла и за приклад 18 ефимков».

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 994. Особый предмет забот Петра и послов за границей составляла закупка лекарств и медицинских инструментов, о чем должны были стараться сопровождавшие посольство врачи. В Англии закупали лекарства и лекарские инструменты лекарь Термонт и доктор Иван Еремеев. Арх. мин. ин. дел. Дела австрийские 1698 г., № 25, л. 13 об., 14 об., 6, 8: «Апреля в 9 д. Ягану Термонту за покупку лекарств про обиход великого государя, что он держал в Англии, 3 фунта стерлингов да за сундуки ему ж к инструментам, что делал, два фунта, обоего 6 (так!) фунтов, принял сам». «Апреля в 13 д. ... за лекарства по росписи Ивана Еремеева, что держал по указу великого государя, 16 червонных и 6 аглинских шеленгов. Роспись у Чернцова, взял сам». «Апреля в 18 д. ... агличанину Андрею Стелсу заплачено заемных денег, что у него займывано в розное время в пребытие великого государя в Лондоне и что платил за лекарские инструменты по росписи Ивана Еремеева, 983 фунта и 17 шеленгов». «Апреля в 19 д. ...за провоз сундуков лекарю Балдвину Андросову, что отвозил из Детфорта в Лондон с инструментами, которые куплены 60 скрын к лекарскому делу, 1 фунт 3 шеленга». Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 276: «Марта 16 ...заплачено за лекарские инструменты амстрадамскому жителю торговому человеку Воутру Фалдену, которые деланы к великому государю и посланы с лекарем Альферьем Пендерсом к Москве, 24 ефимка». И в деле закупки лекарств не обошлось без содействия Крюйса, закупавшего военные запасы. Пам. дипл. сношений, IX, 1008: «Мая в 9 д. ...капитану Корнилиюсу Креусу за 60 сундуков лекарств покупных, 3 912 ефимков». Эта большая партия лекарств предназначалась, вероятно, для флота и армии, для которых нанимались на службу и врачи. Поручение приобрести лекарства «про обиход великого государя» исполнял в Амстердаме голландец торговый человек Христофор Брант по указаниям лекаря Ивана Терманта, обязавшись доставить товар в Москву. Пам. дипл. сношений, IX, 1012: «Мая в 11 д. по указу великого государя и по приказу великих и полномочных послов дано галанцу торговому иноземцу Христофору Бранту за лекарства, которые куплены про его, великого государя, обиход по росписи и по приговору лекаря Ивана Термана; а ему, Христофору, приняв те лекарства в Амстрадаме, отвезть к Москве и держать до его, великого государя, указу; всего за те лекарства дано 160 ефимков и роспись тем лекарствам у него, Христофора». Не видно, чтобы 60 сундуков, закупленных Крюйсом, отправлялись с четырьмя архангельскими кораблями. Покупка Х. Бранта, как явствует из приведенной расходной записи, должна была быть доставлена им в Москву самостоятельно. Для самого Петра в Амстердаме была куплена «малая аптечка», вероятно, взятая им в дорогу в Вену. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 32: «Мая в 13 д. ... в Амстрадаме ж за оптечку малую аптекарю Гоудину Дулю дано 15 золотых и отдана та оптечка на *Остинской двор*».

богом свидетелствовати могу, что своих возможных трудов в сем деле не щежу. Надеюся в последних числах августа на Вологде быть. Прошу ваше превосходителство, что есьли мне некоторые вещи наперед к Москве или на Воронеж посылать, чтоб мне заранее указ прислан был, а имянно: парусное полотно возможно и на телегах летним путем везть. И того ради ожидаю токмо милости от вашего превосходителства, чтоб, естьли прилучитца, в сем его царского величества удоволствование учинити могу, чтоб мне заранее о том указано было, потому что никакого писменного указу не имею и почитай, что не знаю, как мне поступать с людми, яко же с капитанами и с иными офицерами и матрозами. Довольно же мучусь с ними. Бог помоги токмо, чтоб мне их к Вологде привесть; однако ж и в том не скучаю, токмо бы ведал, в чем могу началство или государя своего удоволствовать. При сем вручаюся в вашу милость и пребываю вашего превосходителства покорности послушнейший раб Иван Гумерт. От города Архангелского июня в 6 д. 1698-го. По написании сего (Post-scriptum). Люди вашего превосходителства все здоровы; токмо один колмогорец, которой уже из Амстрадама болен поехал, под Теселем умер и погребен»[1].

Производя наем людей и делая закупки в Голландии, послы руководили подобного же рода операциями и в других местах и вели по ним переписку. Так они переписывались с дворянином Ильей Кобертом, командированным в январе 1698 г. в Любек для заказа там 22 пушек. Коберт с успехом выполнил возложенное на него поручение, и послы 3 мая писали ему, чтобы он изготовленные пушки отправил через Нарву в Новгород, а сам возвращался бы к посольству в Вену или присоединился бы к послам на пути[2]. Заказ 288 пушек в Швеции и наем там же штурманов, боцманов и матросов был поручен послами новгородскому воеводе П. М. Апраксину; об этом заказе послы переписывались также со шведским канцлером Оксенстиерной, известившим послов о содействии шведского правительства. Кроме того, П. М. Апраксину предписывалось принять пушки, которые будут присланы Кобертом из Любека, и отправить их к Москве, а также принять и отпустить в Москву едущих через Нарву иноземцев, нанятых посольством. Заказ был воеводой сделан, но нанять в Швеции штурманов и матросов посланному от него туда дворянину И. Татищеву не удалось, так как ругодивский (нарвский) генерал отказал в разрешении производить такой наем, и Татищев вернулся в Новгород с пустыми руками[3]. К русско-

[1] *Елагин,* История русского флота, Приложение, ч. II, стр. 201. Два нарвских корабля пришли туда также в июне. Письмо Гумерта в переводе см. Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 28, л. 14—15.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1173, 1177, 1179, 1190—1192; 1200—1201, 1252. Для расплаты за пушки Коберту был выслан из Амстердама вексель, взятый у Эгберта Тессинга на любчанина Гофмана Севирка на 9 800 ефимков. Пам. дипл. сношений, IX, 960—5 марта.

[3] Пам. Дипл. сношений, VIII, 1193—1194, 1223—1224, 1227—1229, 1234, 1242—1243; переписка с Оксенстиерной: 1196—1198, 1262—1264.

му резиденту в Варшаве А. В. Никитину послы писали о найме мастеров железного дела в Саксонской земле по ходатайству Виниуса [1]. В Берлине, как мы уже знаем, несколько русских молодых людей были оставлены для обучения бомбардирскому делу; сведения об их успехах от заведывавшего их обучением офицера были присланы послам и ими переправлены «в Лондон» (Петру) [2].

XIX. ПЕЧАЛЬНЫЕ ВЕСТИ В АМСТЕРДАМЕ: МЯТЕЖНИЧЕСКИЙ ПРИХОД СТРЕЛЬЦОВ В МОСКВУ. НАМЕРЕНИЕ ЦЕСАРЯ ЗАКЛЮЧИТЬ МИР С ТУРКАМИ

Нерадостные вести ожидали Петра в Амстердаме по возвращении его из поездки с Лефортом по голландским городам. Пришли известия о мятежническом поведении стрельцов-дезертиров в Москве. Эпизод вкратце заключался в следующем. Еще осенью 1697 г. был отдан приказ о передвижении четырех стрелецких полков: Чубарова, Колзакова, Черного и Гундертмарка, проживших зиму 1696/97 г. в Азове, на литовскую границу в войска князя Г. Ромодановского, причем, как доносил Петру от 17 сентября Т. Н. Стрешнев, полкам этим было предписано итти ускоренным маршем, нигде не мешкая [3]. Приказание было исполнено четырьмя полками с большой неохотой; всё же они пришли на литовскую границу и были поставлены в Великих Луках. Едва ли вообще в стрелецких полках чувствовалась какая-нибудь симпатия к Петру и его военным затеям; но на долю этих четырех полков на самом деле выпала особенно тяжелая служба, вызывавшая их недовольство. Ранее они стояли в Москве. В 1696 г. они совершили поход под Азов, участвовали в его покорении и затем больше года стояли гарнизоном на этой отдаленной и глухой окраине. К осени 1697 г. они могли рассчитывать на заслуженный отдых, на возвращение в Москву, на давно покинутые уютные и спокойные квартиры, и вдруг приходит приказ итти не в Москву, а опять на окраину, не на квартиры, а опять в поход. К несчастию еще войска корпуса князя М. Г. Ромодановского, хотя им и не пришлось вести никаких боевых действий, сильно страдали от недостатка продовольствия, «от хлебной дорогови» [4]. В стрелецких полках, переведенных из Азова в Великие Луки, началось брожение. В марте 1698 г. 175 человек из названных четырех полков: Чубарова, Колзакова, Черного и Гундертмарка, и из пятого, «сборного полка Головнина», назначенного к отправке из Великих Лук в Брянск, бежали в Москву. Здесь «беглецы» говорили, что ушли со службы от бескормицы, волновались слухами, что бояре и, главным образом, ненавистный стрельцам

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1224—1225. 1260—1261.
[2] Там же, 1221.
[3] П. и Б., т. I, стр. 642.
[4] Там же, 1260.

Т. Н. Стрешнев хотят задушить царевича, держали себя неспокойно и вошли, как раскрылось впоследствии, в тайные сношения и с Девичьим монастырем, где томилась царевна Софья, и с «верхом», где жили в заключении царевны. Стрелецким приказом велено было беглецам вернуться в свои полки и дан был срок — 3 апреля. Но в этот день они под руководством игравшего роль главаря стрельца Василия Тумы обступили двор начальника Стрелецкого приказа боярина князя И. Б. Троекурова с криками и с требованием, чтобы князь их выслушал. Троекуров велел им выбрать четырех уполномоченных, которые ему от имени своих товарищей объявили, что на службу по распутице до просухи не пойдут, и стали жаловаться на тягость службы. Князь И. Б. Троекуров прервал их жалобы и вновь строго приказал немедленно же отправиться в полки. Уполномоченные вновь и еще более резко повторили, что не пойдут. Тогда Троекуров велел бывшим при нем стрелецким полковникам Кошелеву и Козину задержать их и отвести в Стрелецкий приказ. Но едва арестованные уполномоченные показались под караулом из ворот троекуровского дома, как толпа стрельцов, стоявшая у ворот, набросилась на полковников, отбила арестованных у караула и отвела их в стрелецкие слободы. Два стрельца из тех же беглецов, Чурин и Наумов, пьяные ворвались в Стрелецкий приказ и, подойдя к судейскому столу, говорили «невежливо», что-де присланы они от своей братьи-стрельцов объявить, что до просухи на службу не пойдут. Их схватили и посадили в железа, но одному из них удалось послать в слободу стрелецкого сына подбивать стрельцов итти сейчас же в Кремль.

В правительственных кругах происшествие вызвало тревогу, преувеличенную еще одним обстоятельством, которое само по себе уже немало тревожило и народ и правительство в Москве. От Петра уже четыре почты не было никаких известий. «Государь наш залетел на чужую сторону, — говорили в народе, — неведомо жив, неведомо мертв». 3 апреля после происшествия у дома Троекурова князь Ф. Ю. Ромодановский немедленно послал за Гордоном. «После того, как он рассказал мне, — пишет последний, хорошо передавая настроение правителей, с значительным преувеличением обо всех обстоятельствах, — я высказал мнение, что ввиду слабости этой партии и ввиду того, что у нее нет никакого предводителя, не следует так серьезно смотреть на дело и ожидать от него такой опасности. Все же я поехал на Бутырки (где стоял Гордонов полк), чтобы быть готовым на всякий случай, если бы возник какой-либо беспорядок или бунт. Я приказал точно проверить, все ли солдаты дома и, когда оказалось, что все они на месте, кроме тех, которые находились на карауле, я прилег отдохнуть, так как было уже поздно. Перед тем я известил обо всем Алексея Семеновича (Шеина) и князя Федора Юрьевича (Ромодановского). 4 апреля с рассветом я послал осведомиться, как обстоит дело в городе и в особенности в стрелецких приказных избах. Получив известие, что все спо-

койно, я отправился к генералиссимусу Алексею Семеновичу и к князю Федору Юрьевичу, которые присутствовали на заседании в царском дворце. Князя Федора Юрьевича и всех, кто были при нем, я нашел в большой тревоге перед надвигающейся опасностью, размер которой я старался уменьшить. Но некоторые люди, — прибавляет далее Гордон свое объяснение тревоги, охватившей правительство, — которые по природе склонны преувеличивать опасность, в подобных случаях имеют еще другое побуждение, состоящее в том, что они преувеличивают обстоятельства подобного рода, чтобы тем более выставить свои заслуги и ревность в успокоении, подавлении и победе над трудностями и получить за то тем больший почет и признание заслуг»[1]. Гордон едва ли был прав в этом объяснении; для него, вероятно, осталось скрытым, что главная причина овладевшей правительством паники заключалась в отсутствии известий о Петре, в закрадывавшейся в головы мысли о том, что он погиб за границей.

Эпизод с мятежными стрельцами к вечеру 4 апреля был улажен. В стрелецкие слободы было послано несколько сот солдат Семеновского полка, которые при содействии посадских заставили мятежников исполнить приказ властей. Дело не обошлось без сопротивления. Двое стрельцов отбивались ножами и «кричали ясаком», т. е. призывали к бунту. Один из них был так избит посадскими людьми, что вскоре умер, другого бояре приговорили сослать в Даурские остроги. Были допрошены с пыткой буянившие в Стрелецком приказе стрельцы Чурин и Наумов и также приговорены к ссылке в Сибирь[2].

О происшествии было сообщено Петру несколькими лицами; между прочим писали ему об этом князь И. Б. Троекуров, Гордон[3] и князь Ф. Ю. Ромодановский. До нас сохранилось только письмо последнего от 8 апреля, в котором часть, содержащая описание события, сделана была князем вопреки обыкновению собственноручно. «Извесно тебе, господине, буди, — писал Ромодановский, — которые стрелецкие 5 полкоф были на Луках Великих с князь Михайлом Рамодановским, и из тех полкоф побежали в розных числех и явились многие на Москве в Стрелецком приказе в розных же числех 40 человек и били челом винами своими о побеге своем и побежали де ани от таго, что хлеб дорок. И князь Иван Барисовичь в Стрелецком приказе сказал стрелцам указ, чтоб ане по прежнему государеву указу в те полки шли. И они сказали князь Ивану Борисовичю, что итить готовы и выдал бы стрелцам на те месяцы, на которые не дано стрелцам хлеба, денгами. И им на те месецы и выдали денгами. [И] после таво показали стрелцы упрямство и дурость перед князем Иваном Барисовичем и с Москвы итить не хатели до прасу[хи], а такую дурость и невежества перед ним [объя]вили

[1] Gordons Tagebuch, III, 181—182.
[2] *Устрялов*, История, т. III, стр 113—115.
[3] От 8 апреля (Gordons Tagebuch, III, 183); ср. П. и Б., т. I, стр. 725.

и а том подлинно хател писать к милости вашей сам князь Иван Барисовичь... Прислал ка мне князь Иван Барисовичь с ведамастью [ап]реля против четвертава числа часа в оддачу [часов дневных, что] хотят стрелцы итить в горат и бить в кала[кола] у церквей. И я по тем вестям велел тотчас [полк]и собрать Преображенский и Семенофский и Лафертаф и, собраф, для опасения послал полуполковника князь Никиту Репнина в Кремль, а с ним послано солдат с семсот человек с ружьем во фсякой гатовности. А Чамарса с треме ротами Семенофскими велел абнять у всево Белава горада вората все. И после таво ат стрелцов ничево слуху никакова не бывала. А как ани невежьством гаварили, и на зафтрея князь Иван Борисовичь собрал бояр (т. е. Боярскую думу) и бояром стрелецкай прихот к Москве и их невежества бояром (так!) даносил. И бояре усоветывали в сиденье и послали по меня и говарили мне, чтоб послать мне для высылки стерльцоф на службу полковника с солдаты. И я с совету их послал Ивана Чамарса с солдаты, а с ним послал солдат с шесьсот человек и велел сказать стрелцом государев указ, чтоб ани шли на службу у Тр...цы по прежнему государеву указу, где хто в каторых полкех был. И стрелцы сказали ему, Чамарсу, что мы иттить на службу гатовы; и пошли на зафтрея, каторые были на Луках Вели[ких] — те на Луки, а иные в Торопец, а пятого зборного полку во Брянск. А для розыску и наказанья взяты в Стрелецкай приказ ис тех стрелцоф три человека, да четвертой стрелецкай сын. А у высылки были тут же с Чаморсам Стремяннова полку Михайла Феоктистоф с товарыщи с пол[то]раста человек. А как стрелцы пашли на службу, и без них милостию божию все смирно» [1].

Царь получил письмо Ромодановского и, вероятно, также и других, писавших ему о мятеже, 8 мая. «Min Her Kenich, — отвечает он, — писмо ваше, государское, апреля 8 д. писанное, я принелъ мая 8 і выразумѣѳъ, за милость вашу благодарсътвую і въпреть прошу, дабы не былъ оставъленъ. Покупъки въсѣ і наемныхъ людей отпустили къ Городу, і сами поедемъ на сей недели въ четве[р]къ [в] Вѣну. Пожалуй, сдѣлай то, о чемъ тебѣ станетъ говорить Тиханъ Никитичъ, для бога Piter. Ізъ Амстердама, мая въ 9 д. 1698». Дальше в том же письме Петр касается мятежа стрельцов, и касается с горечью и досадой. Но он негодует не столько по поводу самого происшествия, что́ видно из того, что письмо его начинается с совсем других предметов, сколько на растерянность правительства, которое не начало настоящего расследования о мятеже, «розыска», и предалось мысли о гибели государя за границей, так как давно не было от него писем. Ведь если бы что-либо подобное случилось, весть о смерти царя долетела бы до Москвы скорее почты. «Въ томъ же писмѣ, — пишет Петр, — объявлено бунтъ от сътрелцоѳъ, і что вашимъ правителствомъ і служъбою салдатъ усмиренъ. Зело радуем-

[1] П. и Б., т. I, стр. 725—727.

ся; только зело мънѣ печално и дасадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не въступилъ. Бохъ тебя судитъ! Не такъ была говорено на загородномъ дворе въ сенехъ. Для чего і Аѳътамона възялъ, что не дъля етово? А буде думаете, что мы пропали (для того, что почьты задержались), і для того баясь, і въ дѣла не въступаешь: воістинно, скоряя бы почьты вѣсть была; толко, слава богу, ни единъ ч[еловек] не умеръ; въсѣ живы. Я не знаю, откуды на васъ такой страхъ бабей! Мала ль жи[в]еть, что почьты проподаютъ; а се въ ту пору была половодь. Некали ничего дѣлать с такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воістинно отъ болезни серца писал»[1]. Возможность какого-либо возмущения стрельцов Петр, как оказывается из этого письма, предвидел перед отъездом за границу и беседовал об этом с князем Ромодановским, приказывая ему в случае такого возмущения произвести следствие, в котором ему помощником должен был быть А. М. Головин. Не высказывая пока этого, Петр, конечно, мог догадываться, куда могли привести нити такого следствия и, вероятно, Девичий монастырь вспоминался ему не раз при чтении известий из Москвы о стрелецком возмущении.

Другая неприятная весть, ожидавшая Петра в Амстердаме, относилась к международным делам: союзу против турок, которым так дорожил Петр и об укреплении которого он так старался, грозил распад. Признаки этой надвигавшейся беды заметны стали царю ранее. Еще 13 апреля отмечен в «Статейном списке» визит к послам цесарского дворянина барона Пареса, который «в приватном разговоре» сказал послам, что цесарское величество склоняется к миру с турками[2]. По свидетельству чрезвычайного цесарского посла в Лондоне графа Ауерсперга, Петр, расставаясь с королем Вильгельмом, был уже осведомлен о его посредничестве между царем и Турцией. Эти тревожные вести стали находить себе затем полное подтверждение. 5 мая в Амстердаме посетил послов Христофор Бозе и сказал, что им получено от короля Августа II повеление объявить секретно послам, что цесарь и «Речь Посполитая Венецийская», находя выгодными сделанные турками мирные предложения, хотят заключить с ними мир, причем посредником выступает король английский[3].

10 мая Бозе вновь сделал визит послам и на этот раз сообщил более подробные сведения о готовящемся распаде союза. На вопросы послов о подробностях он сказал, что султаном, действительно, сделано предложение о мире цесарю и Венеции; что король английский, который еще четыре года тому назад выступал с посредничеством между турками и союзом, но безрезультатно, теперь вновь и с успехом взял на себя посредничество и, получив от своего посланника в Константинополе лорда Пэджета условия мирного договора, переданные ему в феврале 1698 г.

[1] П. и Б., т. I, № 238.
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1227.
[3] Там же, 1253—1256.

великим визирем, переслал эти условия цесарю с месяц тому назад. На вопрос послов о содержании этих условий и не уступает ли в частности султан цесарю Темешвара и Белграда, — последний вопрос показывает, как внимательно и подробно следила за австро-турецкими отношениями русская дипломатия, — Бозе ответил, что условия заключаются в том, что султан уступает цесарю и Венеции завоеванные ими места. Спор идет только о Седмиградской земле. Турки желают посадить в ней прежнего ее князя Абаффия и чтобы ему попрежнему быть вассалом обоих государей — и цесаря, и султана — и платить ежегодно каждому из них по 80 000 золотых; но цесарь относительно такого условия еще колеблется: ему важно держать Седмиградию в своих руках, чтобы оттуда сдерживать постоянно бунтующих венгерцев. Польше султан обещает отдать Каменец-Подольский, предварительно его разрушив. Польский король, однако, на такие условия не склоняется, потому что предпринял против турок большие военные приготовления. Король желал бы знать о намерениях царя. Послы, заявив, что «царскому величеству зело удивительно», как это цесарь после столь многих побед хочет заключать мир, не получив совершенного удовлетворения и не утвердив за собой завоеванных мест, уверили затем Бозе, что царь твердо намерен свою дружбу и любовь с королем продолжать и пребывать с ним в неизменном содружестве и союзе. Бозе объяснил послам и причину, побуждающую цесаря мириться: это предстоящая борьба с Францией за испанское наследство. Потому-то король английский и Голландские штаты всячески стараются помирить цесаря с турками; они желают, чтобы у цесаря для борьбы с французским королем были развязаны руки. Он, Бозе, отправляется по приказанию своего короля в Англию говорить Вильгельму III, что он как посредник действует неправильно, «не по пристойности», приглашая к миру не всех союзников и сообщая турецкие условия только одному цесарю, вследствие чего есть опасение, что цесарский двор в мирных переговорах будет только одному себе «искать прибытка и пользы, а о союзниках никакого попечения иметь не будет». Ответ английского короля он обещается по возвращении из Англии сообщить послам. В конце беседы Бозе предложил послам вопрос: если, от чего боже сохрани, цесарь паче чаяния заключит особливый мир с турками, нельзя ли будет царю вместе с королем Августом одним продолжать войну, приняв во внимание, что у короля для этого приготовлены не только польские и литовские силы, но и войска его наследственных Саксонских земель? Послы ответили, что они вскоре отправляются в Вену к цесарю и будут всеми мерами стараться, чтобы тот мир «препять» и чтобы цесаря до такого мира не допустить и просят и короля польского велеть своему уполномоченному в Вене оказывать им, послам, поддержку в этом деле. О результатах, добрых или худых, послы поставят польского короля в известность и договорятся с ним при личном свидании на обратном пути из Вены в Россию; но, во всяком

случае, как бы дело ни кончилось, его царское величество обнадеживает брата своего, короля, что от него не отступит. Государь желает, чтобы и король, со своей стороны, пребывал с ним в крепком союзе и содружестве. Тогда, если бы прочие союзники их неправедно и покинули, однакоже им обоим, великим государям, «в союзе их правом бог помогати будет. В заключение послы спросили Бозе, нет ли у него таких сведений: не хочет ли цесарь помириться тайно от своих союзников? Посол на это ответил, что такого подлинного известия у него нет, но при этом прибавил, что «если турок уступит цесарю Седмиградскую землю во владение одному, то, конечно, цесарь и суток не будет мешкать и тот мир примет». На этом беседа кончилась [1].

11 мая были окончательно приняты на русскую службу Корнелий Крюйс с чином вице-адмирала, которого он так желал, Ян фан Рез с чином шаутбейнахта (контр-адмирала) и другие начальные люди голландцы; «хотели ехать, — добавляет «Статейный список», — к Москве чрез Архангельской город по отъезде великих и полномочных послов из Амстрадама» [2]. В «Расходной книге» посольства читаем под 14 мая запись о выдаче трех золотых «нотариусу Гендрику Оутхерсу, при котором принятой великого государя в службу шутбенахт Ян фон Рейс присягу чинил» [3].

XX. ПОЕЗДКА В СААРДАМ. НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ПРЕДСТОЯЩЕМ МИРЕ С ТУРКАМИ

Невеселые мысли, внушенные, надо полагать, Петру событиями в Москве и вестями о распаде союза против турок, не мешали ему 11 мая в последний раз перед отъездом заглянуть в любимый Саардам и провести там этот день. Известие об этой поездке записано у Ноомена. «11 числа, — читаем в «Записках» последнего, — приехал на своей буер-яхте из Амстердама сюда его царское величество с князем Сибирским (вероятно, с Ф. А. Головиным, носившим титул наместника Сибирского) и с маленькой свитой. Они отправились в дом Корнелиса-Михаильса Кальфа и поехали с ним на его буере вверх по Зану до дома Мейндерта Арентзона, где их угостили. Царь зашел и в дом Класа Арентсона и пил там чай. Ему очень хотелось видеть, как мелют табак; поэтому Клас Арентсон и его сын Арент Блум повезли его и князя Сибирского на своем ботике по Зану к дому Дирка Янсона, откуда они самой близкой дорогой через поле отправились на мельницу; здесь они оба очень внимательно смотрели, как мололи стебельки табаку. Потом великий князь пожелал видеть, как приготовляется нюхательный табак, и они пошли на мельницу Класа-Симонсона Гейнтье. Царь не захотел итти по Герренвегу, где собралось много народа, желавшего его ви-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1264—1271.
[2] Там же, 1272.
[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 32.

деть: поэтому они шли полем, пока это было возможно, затем сели в ботик и доехали на нем до мельницы. Там великий князь и князь Сибирский смотрели с большим удовольствием, как мололи дорогой нюхательный табак». Заметим, что этот особый интерес к обработке табака, проявленный Петром в последнюю поездку в Саардам, вероятно, был вызван недавним заключением табачного договора с Кармартеном. «Чтобы избежать взоров любопытных, — продолжает Ноомен, — они поехали отсюда на ботике прямо до западного конца Земанспода и прибыли туда, когда уже стемнело. Великий князь и князь Сибирский вошли в дом Корнелиса-Михаильса Кальфа и оставались здесь до 11 часов вечера; свита же не знала, где они находятся, но на ночь они вернулись в квартиру свиты».

Схельтема, передавая в общих чертах рассказ Ноомена, сообщает нам даже подробности разговора, веденного царем вечером этого дня в доме Корнелиса Кальфа: «С особым удовольствием разговаривал он о Заандаме и с большой похвалой отзывался о жителях его, говоря, что в искусстве постройки торговых судов он ставит заандамцев выше англичан; он удивлялся той необыкновенной быстроте, с которой они строят и оснащивают свои суда; хвалил их образцовый порядок и целесообразность в их учреждениях, высокое качество их работы, а также их громадные запасы леса и обилие всякого рода машин». В подробностях этого разговора слишком уже много похвал по адресу саардамцев, чтобы не видеть в них скорее чувства местного патриотизма самого ли Схельтемы, привязанного симпатиями к своему маленькому городу и гордившегося им, или его источника, настроенного также патриотически, чем подлинных слов царя.

Петр переночевал в квартире проживавших в Саардаме и работавших там русских и на следующий день, однако, не без препятствий, вернулся в Амстердам. «12 мая, — продолжает свой рассказ Ноомен, — царь хотел уехать, но это ему удалось не сразу. Заметив, что на улице собралась большая толпа, желавшая его увидеть, он не выходил из квартиры, а любопытные стояли на улице с утра до самого обеда. Наконец, они устали, им надоело так долго напрасно ждать, и каждый пошел во-свояси. Заметив это, он пошел по опустевшей улице вместе с князем Сибирским и некоторыми из своих людей к буер-яхте и уехал в Амстердам» [1].

При последнем свидании и разговоре с польским посланником Христофором Бозе послы не могли получить от него никаких документов, никакой «подлинной ведомости» об открывавшихся

---

[1] *Ноомен*, Записки, стр. 61—63; *Scheltema*, Peter de Groote, I, 222—224; «Rusland en de Nederlanden», II, 293—294; «Anecdotes Historiques», 176—177; «Русская старина», 1916 г., апрель, стр. 11—12. Ноомен относит последнее посещение Саардама к 11/21 мая. То же у Схельтемы: «Op den *een en twintigsten* van Bloeimaand» Французский переводчик Схельтемы («Anecdotes Historiques», 176): «Ce fut le 20 Mai etc.» Ту же дату повторил и русский переводчик. Отдаем преимущество Ноомену как первоисточнику и голландскому подлиннику Схельтемы.

мирных переговорах цесаря с турками. 12 мая такие документы были в их руках; они были присланы варшавским резидентом А. В. Никитиным, который писал послам, что к нему приезжал цесарский посланник в Варшаве, «облегат», и передал ему копию с грамоты цесаря Петру: подлинная грамота отправлена в Москву. В этой грамоте цесарь доводил до сведения своего союзника о мирных предложениях султана, сделанных чрез английского короля, просил царя назначить со своей стороны комиссаров для ведения мирных переговоров. Посланник уверял А. В. Никитина, что, хотя в турецком предложении и в грамоте английского короля к цесарю о стороне великого государя и не упомянуто, однакоже цесарь без «обсылки» с союзниками в договоры вступать не будет, поэтому теперь и извещает государя о начавшихся переговорах. Он, «облегат», думает, что, если турки уступят цесарю Белград или разорят его до основания и если царь удовольствуется приобретенным в войну от турок, мир может быть заключен, и упускать случая к его заключению, если только мир оказывается для цесаря и царя безубыточен, не следует. «Облегат» сообщил далее, что извещение о начавшихся переговорах сделано было цесарем и Польше, но заметил при этом, что из-за поляков, которые несклонны к миру, цесарь мирных переговоров не бросит, если только царь на них согласится. Одновременно с копией грамоты императора к царю «облегат» передал Никитину еще шесть документов, а именно копии с листа великого визиря к английскому королю, с письма короля английского к цесарю, с основных статей мирного договора, предложенных турками, с грамоты Голландских штатов к цесарю о посредничестве, с письма австрийского министра графа Кинского к английскому послу в Константинополе лорду Пэджету [1] и с письма Пэджета к королю. Таким образом, цесарский двор не скрывал своих намерений и начавшихся переговоров от союзников: и Россия и Польша были о них уведомлены. Никитин переслал эти документы в Амстердам за исключением последнего, написанного на итальянском языке, который он отправил в Москву в Посольский приказ, так как при нем не было лица, знающего итальянский язык; с остальных документов были отправлены в Посольский приказ списки. В тот же день, 12 мая, когда присланные Никитиным бумаги были получены посольством, их перевели с латинского языка, на котором они были написаны, и немедленно доложили государю. Петр остался чрезвычайно доволен деятельностью Никитина, сумевшего добыть интересовавшие царя документы, и приказал выдать ему в награду 500 золотых. 13 мая, послы, уведомляя резидента о получении присланных им бумаг, сообщали ему: «те вышепомянутые твои писма донесены того ж часа, за которые и за все твое радение и службу милостиво похвален». Послы выговаривали ему только, зачем он переслал в Москву копию на итальянском

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1272—1288.

языке с письма английского посла в Константинополе к королю: «И ты впредь, — замечали послы, — всякие нужные писма, на котором языке ни есть, присылай к нам, потому что нам нужднее московского надобно». Третий посол особым письмом уведомил Никитина о пожаловании ему 500 золотых, и в тот же день в Москву в Посольский приказ послы писали «указом великого государя» о высылке Никитину этих денег [1].

XXI. ПЕРЕПИСКА С МОСКВОЙ

К 13 мая царем среди пришедшей московской почты были получены, между прочим, письма от А. С. Шеина и Винниуса от 15 апреля. Оба письма — ответы на полученные царские письма из Дептфорда от 4 марта, и в обоих слышны отголоски тревоги, пережитой в Москве вследствие четырехнедельного перерыва в известиях от царя. «Писмо милости твоей, — обращается к Петру Шеин, — писанное из Детфорта 4-го марта, до меня дошло апреля в 11 день, зело нас обрадовало, что уже несколко почт от милости твоей писма не было». Шеин сообщает царю ход дела о постройке гавани при устье реки Миуса. По поводу напоминания в письме Петра, чтобы ему «не ложну быть о гаване», Шеин вновь свидетельствует, что рад с усердием исполнять царскую волю, обо всем в прежних письмах царю уже писал и переслал ему чертежи и записки инженера барона (Боргсдорфа). Барон сильно болен; теперь, впрочем, ему стало немного полегче, и он собирается в путь; он очень просит о шлюзных и прочих мастерах. Венецианец корабельный капитан Матвей Симунт брался почистить мели и пески в устье Миуса и подробно говорил о том с ним, Шеиным, и с инженерами; он находится теперь у А. П. Протасьева, а последний не хочет его отдать, ссылаясь на именной указ, что этому капитану велено обучать учеников «науке морского хода». Шеин просит Петра прислать шлюзных мастеров из-за границы, а если не собирается прислать, то велеть Протасьеву отдать упомянутого капитана: уже очень он полюбился барону. В заключение Шеин уведомлял Петра — об этом Петр, вероятно, беспокоился, — что бранденбургским бомбардирам жалованье по указу выдано и впредь будет выдаваться [2].

Письмо Винниуса еще более отражало пережитую тревогу. Из всех членов московского правительства Винниус особенно приуныл и растерялся, не получая от Петра писем. Он настолько был уверен в гибели царя, что с почтой писал уже не к нему, а к Лефорту. Наконец, 11 апреля он получил два царских письма из Дептфорда от 1 и от 4 марта. «Иистинно, мой господине, — пишет он Петру от 15 апреля, — как по мрачной погоде солнце, по долгой суши дождь, по долгом посте яди, по болезни здравие егда наследует, а человека обвеселяет, тако и писаниа ваша,

[1] Там же, 1288—1290.
[2] П. и Б., т. I, стр. 713—714.

господская, нас всех обрадовали, понеже четыре недели ваших не было, а и посолских две недели не было ж». Виниус просит на будущее время принять некоторые технические меры при отправлении почты: обозначать номера на больших пакетах, чтобы знать, все ли пакеты получены. Одного пакета он не досчитывается, возможно, что пропал в Риге. Далее следуют московские известия о погоде в Москве, о пожарах, о суровости табачного головы Орленка и его уполномоченных. «Здесь, государь, грех ради наших, по се число уже три недели морозы ночные великие, а днем от солнца тепло, снег с поль согнало, поля оголились, зело опасно хлебу недород; обаче молим милостивого своего небесного отца да избавит нас всещедро от всякого зла. А и Вулканус по часту здесь бродит, уже трижды был в соседстве моем, и в прошлой неделе, естьли б не ветр противной, быть было и мне от него пограблену. В прошлой почте дерзнул есть напомянуть о табачном деле Орленкове: поступает зело сурово, а ево посланные еще злее, и просит он чево ему в указе великого государя не писано. Пожалуй, мой милостивой, не прогневись, что тем господство ваше отяготил; ей, ей, писал есмь истину с жалостию сердечною безо всякого своего пристрастия; однако же предаются в рассуждение старших». Письмо заканчивается обычным для писем Виниуса припевом о железных мастерах: просит, чтобы послы написали о них в Варшаву к резиденту А. В. Никитину, который может достать таких мастеров у польского короля из его саксонских владений [1].

В Петре растерянность, проявленная Виниусом, вызвала особенно сильное чувство досады. Неудивительно, что замедление почт могло навести сомнение на других; но ему, как человеку, знакомому с Западной Европой, такие случаи должны быть известны. Петр надеялся, что Виниус успокоит других своей опытностью, а он оказался во главе смутившихся, которые справедливо могли думать, что уже если такой бывалый человек испугался, значит, действительно, есть основание опасаться. «Mir Her Vinius, — пишет царь, — писмо твое апъреля 15 д. мънѣ отдано, і о мастерахъ існравимъ. На прошълой почъте писма отъ тебя не было ко мнѣ. А чьто ты писалъ къ господину Леѳорту, і я то выразумѣлъ; на чьто зело дивълюсь і суду божию предаю тебя, что ты такъ сумнена пишешъ о замедлениі почьтъ (потъ такой часъ), а самъ въ конецъ ізвѣсътенъ симъ странамъ въ канецъ. Не диво, хъто не бывалъ. Я была надѣелся, что ты станешь въ семъ разсужъдать бывалостью своею і отъ мънѣния отводить; а ты самъ предводитель імъ въ яму! Потому в[с]ѣ подумаютъ, что кали де хъто бывалъ, такъ боітся тово, то уже конечьно такъ. Воістинно не отъ радости пишу. Мы отсель поедемъ завътра в Вѣну. Piter. Ізъ Амстрадама, мая въ 13 д. 1698» [2].

От того же 13 мая сохранилось письмо Ф. А. Головина в Москву к Т. Н. Стрешневу, в котором он передает Тихону Ни-

[1] П. и Б., т. I, стр. 708—709.
[2] Там же, № 239.

китичу распоряжение государя о заготовке провианта для будущей морской компании, к будущему морскому походу азовского флота на 1699 год. «Государь мой милостивой, Тихон Никитичь, — пишет Ф. А. Головин, — здравие твое, государя моего, купно со всеми твоими десница божия на веки счасливо да соблюдет. При сем тебе, государю моему, извествую: указал великий государь запасы на Москве и в городех, где пристойно, к предидущему воинскому морскому походу готовить и о том к милости твоей, государя моего, писать. А что каких запасов, и тому, государь, с сим писмом послана роспис к милости твоей. При сем, известии тебе, государю моему, челом бью. Из Амстрадама майя в 13 день». При письме приложена ведомость с расчетом в цифрах, сколько потребуется съестных припасов и питей на 20 000 человек и на 82 корабля на год, например: «на 20 000 человек в год каждому человеку по 7 фунтов на неделю хлеба доведетца, всего 182 500 пудов». Следующая статья: «по четыре фунта ветчины человеку на неделю, итого на вышепомянутое число в год 104 250 пуд» — зачеркнута; ее, очевидно, заменяет дальнейший расчет: «по 2 фунта солонины человеку на неделю, итого всем на год 52 125 пуд». Следует, далее, горох, крупа, мука ржаная, масло и т. д., пиво «на 82 корабля по 4 бочки пива доброго по 15 ведр бочка, итого на всякой корабль по 60 ведр» и т. д. и т. д. [1]. Это распоряжение о заготовке провианта на 1699 г. и столь детально разработанная роспись с поправками и переменами показывают, какие мысли, между прочим, занимали Петра в последние дни перед отъездом из Голландии в Вену и, вместе с тем, вскрывают отчасти тайну организаторского таланта Петра. Мы видим, как задолго и как интенсивно, несмотря на отделяющее ее от мест будущего действия расстояние, несмотря на обстановку, которая, казалось бы, должна была отвлекать его мысль к другим предметам, как эта мысль, тем не менее, детально работает над делом, организацию которого он задумывает [2].

XXII. СБОРЫ В ПУТЬ ИЗ АМСТЕРДАМА

И послы в приведенном выше письме к А. В. Никитину в Варшаву, и царь в письме к Виниусу возвещали об отъезде из

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 32, л. 1—2 черновые.

[2] К 13 мая (zwey Tage vor seiner Abreise) «Theatrum Europaeum» (XV, 471) относит прием голландских купцов, ведших торговлю с Москвой, которые поднесли царю по возвращении его из Англии 20 000 рейхсталеров. Петр будто бы, допустив их к руке, уверил их, что за их учтивость он их отблагодарит при других обстоятельствах, причем сказал по-немецки: «Ende gut, alles gut». К тому же дню отнесен тем же источником рассказ о том, как, подвергшись опасности утонуть во время катанья на небольшом судне при поднявшейся буре, Петр с улыбкой сказал, что он не слыхал еще, чтобы какой-либо император утонул». «Es haben ihm auch die Moscowitische Kaufleute bey seiner damaligen Zurückkunft aus England ein Praesent von 20 000 Rthr. überbracht so er eher nicht als zwey Tage vor seiner Abreise angenommen selbe zum Handkuss gelassen und versichert, dass er diese Höflichkeit in an-

Амстердама на 14 мая; однако отъезд состоялся днем позже. Уже давно, еще ранней весной, начались сборы посольства в Вену, куда, как припомним, торопил Петра в своих письмах к нему Лефорт, и по обыкновению целый ряд известий о приготовлениях в далекий путь находим в «Расходной книге» посольства. Уже 12 марта был готов заказанный Ф. А. Головиным для продолжительного путешествия поместительный и спокойный экипаж: «зделана ему в дорогу коляска болшая добрая, а за дело той коляски и за всякие к ней товары дано коретного дела мастеру Класу Дейву 182 ефимка, да моляру от писма той коляски 10 ефимков»[1]. Однако этой коляске пришлось долгое время стоять у того же каретного мастера, пока Ф. А. Головин ездил в Англию. Делалось новое платье для свиты Лефорта. Закуплены были для него самого «в дорогу в цесарскую землю лекарства», ввиду того что он все время прихварывал[2]. 25 марта двинулась из Амстердама часть состава посольства, отпущен был к цесарской границе посольский обоз с имуществом и часть свиты под начальством Богдана Пристава. С этим же отрядом была отправлена и конюшенная часть посольства с новым конюшим Герасимом Кеником. На путевые расходы отряд был снабжен суммой в 4 000 ефимков. Повидимому, для него были закуплены 24 марта некоторые съестные продукты: сыр и масло коровье. С дороги Богдан Пристав постоянно извещал послов о своем движении[3].

С возвращением Ф. А. Головина, а затем и государя из Англии, приготовления к отъезду из Амстердама энергично возобновились. Из Англии вслед за Петром привезена была и карета, вероятно, для его путешествия[4]. 11 мая Ф. А. Головин приказал взять свою коляску, уплатив каретному мастеру, у которого она пребывала, «за постоялое» за 8 недель — 4 ефимка 2 алты-

dern Gelegenheiten wieder erkennen wolte wobey er in Teutscher Sprache gesagt: Ende gut alles gut. Er wolte sich auch denselbigen Tag noch einmal mit seinen Leuten und andern Bekannten erlustigen und nahm dahero ein klein Fahrzeug und liess sich damit nach Harderwick führen in der Rückfahrt aber ward er von der Nacht und einem starcken Winde dargestalt übrefallen dass es fast schwer worden ihn zu salviren welches er doch nicht gross geachtet sondern als man ihm von der Gefahr Meldung gethan mit lachendem Munde geantwortet dass er niemals gesehen noch gehört hätte, dass ein Kayser auff dem Wasser umbgekommen». О подарке Петру 20 000 талеров голландскими купцами нет известий в других источниках; рассказ об опасности утонуть и об ответе, что ни один император еще не тонул, Схельтема относит ко времени переезда Петра из Англии в Голландию («Русская старина», 1916 г., апрель, стр. 10).

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 273.

[2] Пам. дипл. сношений, IX, 964.

[3] Там же, VIII, 1209—1215. Здесь проезжая грамота Богдану Приставу, наказ ему и список лиц, с ним отправленных, именно: 47 человек из свиты первого посла, 13 человек из свиты второго посла, 7 человек из свиты третьего посла, двое подьячих: Никифор Иванов и Федор Буслаев, собольщик, 13 гайдуков, 1 солдат, лекарский ученик Алексей Любимов, люди священника, переводчиковы и подьяческие 8 человек, 1 холмогорец (там же, IX, 964—966; VIII, 1218, 1220 и т. д.).

[4] Пам. дипл. сношений, IX, 998; «Апреля в 30 д. . . .шиперу Армянсену за корету, что вез из аглинской земли до Амстрадама, 6 еф. 6 алт. 4 д.»

на 2 деньги [1]. П. Б. Возницын также обзавелся новым экипажем, каретой, внутри обитой трипом зеленым «с подушкою и с стеклы, и с колесы коваными», ценой в 180 ефимков, которую присмотрел и купил для него некий барышник Дорт фон Тисибрут в имении («маетности») амстердамского комиссариуса Левиса Трипа за Гаарлемом в 20 верстах от Амстердама [2]. Эти посольские экипажи были отправлены 13 мая с человеком Ф. А. Головина Кириллом Бакановым вперед в Нимвеген, куда послы должны были приехать водяным путем на яхтах [3].

Между тем еще 10 мая послы отправляли состоявшего при них капитана Андрея ван-дер-Гульста в Гаагу к Штатам сообщить о своем отъезде и просить о проводах до границы, о выдаче корма и поставке подвод. Гульст вернулся с благоприятным ответом: приставом к ним назначен был прежний гофмейстер, который их встречал, кормы и подводы будут им готовы [4].

Перед поездкой некоторым чинам посольства в виде государевой милости и именно «на платье для цесарского посольства» или на «платье, в котором ехать в цесарскую землю», выдавалось жалованье. Так, П. Б. Возницыну выдано было «для цесарского посольства на платье ему и людем ево и на всякую потребу» 1 000 золотых [5]. Получили также жалованье золотыми или соболями некоторые волонтеры, дворяне второго посла, отправлявшийся с посольством доктор Петр Посников — 100 золотых, лекарь Термант и лекарский ученик Левкин, переводчик Петр Шафиров, подьячие Родостамов, Волков и Ларионов, священник Иоанн Поборский. Изготовлялось новое платье людям второго посла [6]. Взяты были деньги и к самому царю: «мая 13 взято на Ост-Индской двор 100 золотых, отнес подьячий Никифор Иванов. Принял те золотые Александр Меншиков» [7]. И того же числа «взято к валентером пара соболей в 13 рублев, пара в 8 рублев, принял Александр Меншиков» [8]. Меншиков перехватил еще у Ф. А. Головина 14 мая во время посещения Головина царем 5 золотых, чтобы отдать их при осмотре каких-то досто-

---

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 1010.

[2] Там же, 1009—1010; 10 мая барышнику: «за его работу и за торговлю дано было 2 еф. 6 алт. 4 д.; извощику Тесенбруку за провоз кореты $3^1/_2$ еф.»

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 1013.

[4] Там же, VIII, 1271—1272.

[5] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 32 об.: «тое дачу велел ему отдать боярин Федор Алексеевич Головин».

[6] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 31: «Мая 2... Гаврилу Меншикову, Федосею Скляеву, Лукьяну Верещагину, Ивану Кочету на платье, в котором ехать им в цесарскую землю, по 40 золотых человеку». Там же: «Мая 6... Семену Нарышкину, кн. Осипу Щербатому, Анике Щербакову на платье по 50 золотых человеку»; 32, 58. Дела австрийские 1698 г., № 25, л. 16—16 об.: Ивану Вейду, Ивану Терманту, Ивану Левкину и т. д.

[7] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 31 об. Указание Никифора Иванова здесь, вероятно, ошибочно, так как он назван в числе уехавших 25 марта с Богданом Приставом (ср. Пам. дипл. сношений, VIII, 1214; IX, 964—965).

[8] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 58.

примечательностей, как об этом читаем в расходной книге Ф. А. Головина, заведенной им при поездке в Англию: «взял Александр Меншиков 5 золотых, в пребытие великого государя у меня, на дачу, где смотрели всяких вещей» [1]. Закупались в дорогу съестные припасы и разные необходимые вещи: куплено про второго и третьего великих и полномочных послов в дорогу запасов: окороков ветчинных, сыров, языков, «масла галанского» на 40 ефимков; «куплено про третьего великого посла в дорогу четыре фляши водки, дано три ефимка»; куплено полстопы бумаги почтовой «для нужных почтовых писем» на ефимок; куплено «свеч сальных на дорогу про послов и про всех людей на ефимок» [2]. Произведена была уплата по счетам в гостиницах, где стояли послы. «Дворнице (т. е. хозяйке отеля «Дулен», где жили Ф. А. Головин и П. Б. Возницын, Аммеренсе Бейт Шпойхе) за торф, и за дрова, и за ломаные стулы, и скляницы, и за вино, и за табак, и за трубки, и за иные вещи, которые иманы про второго и третьего послов и за изломанные скамьи; и работницам двум девкам за работу, что во время жития их, посольского, в Амстердаме мели и чистили и служили; всего 374 ефимка» [3]. При самом отъезде хозяйке и прислуге были выданы «чаевые», как бы мы теперь сказали, деньги. «Того ж мая 15 числа дано посолского двора, Дулы зовомого, дворнице за постоялое, что послы стояли на дворе, от второго посла хозяйке 20 ефимков; сестре ее, девке, 12 ефимков; двум девкам служащим по 3 ефимка девке, да работнику Яганку 3 ефимка ж. От третьего посла хозяйке 10 ефимков; сестре ее 8 ефимков; работницам двум девкам да мужику работнику по 2 ефимка человеку» [4].

14 мая явились к послам с прощальным визитом амстердамские бургомистры четыре человека, в том числе Витзен и пенсионарий Гейнсиус. Петр, надо полагать, присутствовал при этом визите. Свидание началось с взаимных любезностей. Бургомистры, прощаясь, извинялись и просили послов не гневаться, если им в чем «довольства не учинено», и при этом подали послам просительные статьи о льготах для торгующих в России голландцев. Послы благодарствовали за «всякое в бытность их в Амстердаме к ним почитание и за обещание достойного отпуску». Приняв статьи, послы сказали, что прикажут их перевести и, «выразумев», дадут ответ. После такого любезного вступления послы пригласили бургомистров сесть, и разговор, неожиданно для бургомистров, принял совершенно иной оборот, вероятно, по инициативе Петра. В упреках послов сказалась вся горечь, вызванная полученными и документально подтвержденными сведениями об участии Штатов в посредничестве между цесарем и турками и все раздражение на двуличный образ дей-

[1] Там же, Дела австрийские 1698 г., № 25, л. 16.
[2] Пам. дипл. сношений, IX, 1021—1022.
[3] Там же, 1018. В Книге австр. дв., № 47, хозяйка отеля «Дулен» называется Аммеренсой Бейт Вейхе; см. л. 198 об., 211 об., 226.
[4] Пам. дипл. сношений, IX, 1020.

ствия Штатов, на словах торжественно заявлявших послам, что желают царю победы над турками, а на деле тайно выступающих с посредничеством. Послы начали с того, что им из документов, присланных Никитиным, стало известно, что турецкий султан ведет с цесарем мирные переговоры, и в этих переговорах взяли на себя посредничество король английский и Голландские штаты. Указав далее, что в их руках находятся копии с грамоты цесаря к государю с известием о переговорах, а также с грамот к цесарю английского короля и Голландских штатов с предложением посредничества, послы задали бургомистрам вопрос: «Давно ли то посредство с аглинской и с их стороны и миротворение у турка с цесарским величеством началось?» Бургомистры, застигнутые врасплох таким оборотом разговора, ответили, что того они не ведали, что послы будут спрашивать их о делах; если б знали, взяли бы своего переводчика, через которого им удобнее было бы обо всем дать ответ. Однако они заявляют, «что о том миротворении у турка с цесарем, которое чинится посредством аглинского короля чрез посла его де-Пажета, слышали они из курантов, а от Стат такова посредства и посылки никакой к цесарю они не знают». Это была уже слишком несообразная увертка, и послам нетрудно было изобличить голландцев, сославшись на документы: «объявляют они, бурмистры, — ту ведомость будто слышали из курантов, отговариваясь, не хотя им подлинно объявить, и та ведомость явна не по курантам, но по тому, что писали господа Статы грамоту свою к цесарскому величеству Римскому, приводя его с турком к миротворению». Послы указали и дату грамоты — 31 марта, в то самое время, когда они, послы, были в Амстердаме и заняты были приготовлениями против того неприятеля, в чем и заключалось их посольское дело. На приеме они, Штаты, послам заявили, что «всегда его царскому величеству всякого добра и победы на того неприятеля желают и всякую услужность чинить будут; а по делу явилось не так». Штаты скрыли то дело, которое наиболее важно было для его царского величества, «и в том явное недоброхотство показали». Они, послы, говорят им, бурмистрам, о том не для того, «чтоб с ними, бурмистрами, в вящее дело вступить, но объявляя им их, Стат, в том деле недоброхотство к царскому величеству». Прижатые к стене бургомистры вновь стали уверять, что им о посредничестве Штатов и о посылке грамоты к цесарю не было известно: «с подтверждением сказали, что они от Статов такова посредства и посылки грамоты к цесарю не знают, разве де то учинено без них». Это было явная и неловкая ложь: Витзен и пенсионарий не могли не знать такого важного события во внешней политике Голландии. «И, простясь с послы, пошли», — сухо заключает «Статейный список» изложение этой последней столь недружелюбной беседы послов с амстердамскими бургомистрами [1].

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1290—1293.

Врученное бургомистрами послам прошение о льготах для голландских торговцев в России заключало в себе статьи: о сохранении их древних вольностей, об освобождении их кораблей, палат, амбаров и контор от осмотра, о подсудности их только Посольскому приказу, об установлении определенного времени для торговли у Архангельского города, начиная с весны «при растаяния рек» и кончая 10 сентября, с тем чтобы в остальное время года торговля там была запрещена и таможенные книги были бы заключены. Далее бургомистры ходатайствовали о разрешении голландцам вести транзитную торговлю через Россию с персами, индийцами и другими восточными народами с платежом такой же пошлины, какая в этом случае взималась и с русских торговцев, о правильном ведении записи цен товаров в таможенных книгах, об уменьшении и приведении в сносное состояние пошлин с голландских товаров, в частности о сбавке пошлин на сахар, на испанские и рейнские вина и, наконец, о наблюдении за правильностью аршина и других мер [1].

Вечером 14 мая послы Головин и Возницын посетили вступившего на русскую службу вице-адмирала Крюйса, о чем можно заключать по записи в «Расходной книге»: «дано извощику Герету фон Дисенбруку за кореты, в которых ездили второй и третей великие послы ввечеру к Креусу, два ефимка с полуефимком». Можно предполагать по дальнейшим словам той же записи, что в этом визите принимал участие и Петр: «тому ж извощику дано за провоз валентеров с Ост-Инского двора ефимок» [2].

Перед отъездом розданы были пожалования — подарки соболями. Находившиеся все еще в Амстердаме брат и два племянника Лефорта, «которые приезжали видетца с ним в Амстрадаме», получили на прощание сорок соболей в 250 рублей, пару в 30 рублей и две пары по 15 рублей. Вице-адмиралу Крюйсу даны были пара в 30 и пара в 25 рублей, жене и дочери его «за его службу» по паре в 8 рублей. Несмотря на некоторое, просвечивающее в письмах Петра охлаждение к Витзену и недружелюбный прощальный разговор с бургомистрами, Витзену пожаловны были три пары по 40 рублей. Не забыт был и учитель кораблестроительного искусства, под руководством которого царь работал на Ост-Индской верфи над фрегатом, бас Ян Поль: «по указу великого государя дано басу, которой был на Ост-Инском дворе, 21 червонной. Принял их Александр Меншиков». На полях тетради против этой записи заметка: «что вместе работал» [3].

Вероятно, также перед отъездом подал царю просьбу некий амстердамец Иван фан Берген, поставлявший к столу на Ост-Индский двор съестные припасы. В прошении, написанном, судя по сохранившемуся его переводу, весьма высокопарным слогом,

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1293—1294.

[2] Там же, IX, 1022.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 58; Дела австрийские 1698 г., № 25 (расходная тетрадь Ф. А. Головина), л. 16.

он заявляет, что пожалован был покупкой того, что к столу государя на Ост-Индский двор потребно было: что имел счастие в близости видеть пресветлейшие очи. Узнав с великой печалью, что царь уезжает, он и просит, чтобы Петр озарил его малым лучом своих пресветлейших очей, а попросту говоря, — похадатайствовал за него у амстердамских бургомистров о предоставлении ему места «барышника», за что обещает непрестанно молиться за государя. Удалось ли просителю получить скромное, но желанное место, неизвестно [1].

XXIII. ПУТЬ ОТ АМСТЕРДАМА ДО КЛЕВЕ

15 мая Петр выехал из Амстердама сухим путем отдельно от послов, опережая их. «С Ост-Индского двора, — читаем в «Юрнале» [2], — десятник поехал наперед в коляске». Послы отправлялись до Нимвегена водяным путем. Где присоединился царь к посольству, неизвестно [3]. Послам были поданы три яхты и два лихтера. «Мая в 15 день, — читаем в «Статейном списке», — поутру присланы к великим и полномочным послом статцкие три яхты, да две лехтычки [4], на которых великим и полномочным послом ехать из Амстрадама до Нимвегена проливами; да к ним же, великим и полномочным послом, прислан от Стат гофман (т. е. придворный), которому велено им, великим и полномочным послом, в дороге от Амстрадама до брандебурского рубежа давать корм и питье. И великие и полномочные послы рухлядь свою в те суды нагрузили и, нагрузя, убрався по посольскому обычаю, поехали из Амстрадама того ж мая в 15 день пополудни» [5].

Едва посольство отплыло от Амстердама с полмили, как его встретил и был принят послами дожидавшийся их герцог Карл-Евгений де Круа, генерал-фельдмаршал цесарской службы, желавший вступить на русскую службу и представивший рекомендательное письмо к Петру от цесаря [6]. Продолжая путь и отъехав три мили от Амстердама, послы прибыли в деревню Эйтгорн, где обедали. Затем была сделана часовая остановка в деревне Альфен (Alphen). Миновав без остановки город Лейден, послы в полночь прибыли в деревню Лейдшендам (Leydschendam), где стояли до 6-го часа утра [7].

16 мая в 9 часов утра посольство было в городе Дельфте (Delft), где послы осматривали какой-то достопримечательный

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 26, л. 3.

[2] Ошибочно под 16 мая (стр. 17).

[3] Устрялов (т. III, стр. 119) указывает Нимвеген, не приводя доказательств.

[4] Слова «Юрнала» о послах «а в Трешкоуте поехали», надо, сопоставляя их с приведенным указанием «Статейного списка» и с дальнейшими указаниями расходных книг, толковать: в трех шкутах, а не в трешкоуте, как читал их Устрялов (III, стр. 118).

[5] Пам. дипл. сношений, VIII, 1295.

[6] Там же, 1295—1297.

[7] Походный журнал 1698 г., стр. 17.

сад: «того ж числа в местечке Делеѳъѳелте,— занесено в «Расходную книгу»,— за смотрение огорода, что смотрели великие послы, дан огороднику ефимок [1]. В $12^1/_2$ часов послы приплыли в Роттердам, где пересаживались на другие, более крупные суда. «Выехав из Амстрадама,— рассказывает «Статейный список»,— ехали великие и полномочные послы до Ротердама прокопными водами (каналами) в малых яхтах, а мая в 16 день поутру [2] приехали великие и полномочные послы в Ротердам, и в Ротердаме переменив яхты, ехали великие и полномочные послы в трех яхтах до Нимвегена реками Мазою (Маас) и Валом (Ваал), а в четвертой яхте положена была рухлядь посолская» [3]. Из Роттердама двинулись в путь в три часа пополудни при взаимных пушечных салютах: «была из пушек стрельба,— отмечает «Юрнал»,— из города, также и с яхт; и яхты оборачивались под город 3 раза». Пушечными салютами посольство было встречаемо во всех городах, мимо которых лежал путь по рекам Маасу и Ваалу. «И ехали великие и полномочные послы от Ротердама до Нимвегена,— читаем в «Статейном списке»,— тем же путем, которым сперва ехали (т. е. в Амстердам), и мимо которых городов ехали, из тех городов стреляли из пушек выстрела по два и по три, сколко где пушек». К Нимвегену подошли 17 мая под вечер и стояли на яхтах на воде, дожидаясь отставшей яхты «с рухлядью» [4].

Еще перед отъездом посольства из Амстердама, 14 мая один из представителей крупной амстердамской торговой фирмы Тессингов, Иван Тессинг, подал послам прошение на имя государя о предоставлении ему монополии на типографские произведения в России на 15 лет с платежом пошлин в размере, какой будет установлен государем. Он заявлял о своем желании изготовлять и ввозить в Россию картины и книги: «всякие земные и морские картины или чертежи, всякие печатные листы, и персоны, и книги о земных и морских ратных людех, математические, архитектурские, и городостроительные и иные художественные книги» с русским и немецким текстами вместе, а также с этими текстами порознь. В качестве мотива своей просьбы он представлял указание, что от этих книг подданные его царского величества получат большую пользу для службы и будут по ним обучаться всяким знаниям и художествам. Это прошение Тессинга докладывалось Петру под Нимвегеном, если не раньше где-нибудь на дороге. «И великий государь, царь (т.),— занесено в «Статей-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 1023; там же, стр. 1022: «Мая в 16 день в деревне Дорфе, отъехав от Амстрадама шесть миль, за завтрак третьего посла с приказными людми дано 2 ефимка».

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 18: «Приехали в город Ротердам после полудня полчаса».

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 1297; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 33: «Мая в 16 д. амстрадамским шипером и матрозам, которые были от Амстердама до Ротердама на четырех яхтах, дано первой яхты 14 золотых, второй яхты 9 золотых, третей яхты 8 золотых, четвертой яхты 7 золотых».

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 1297—1298.

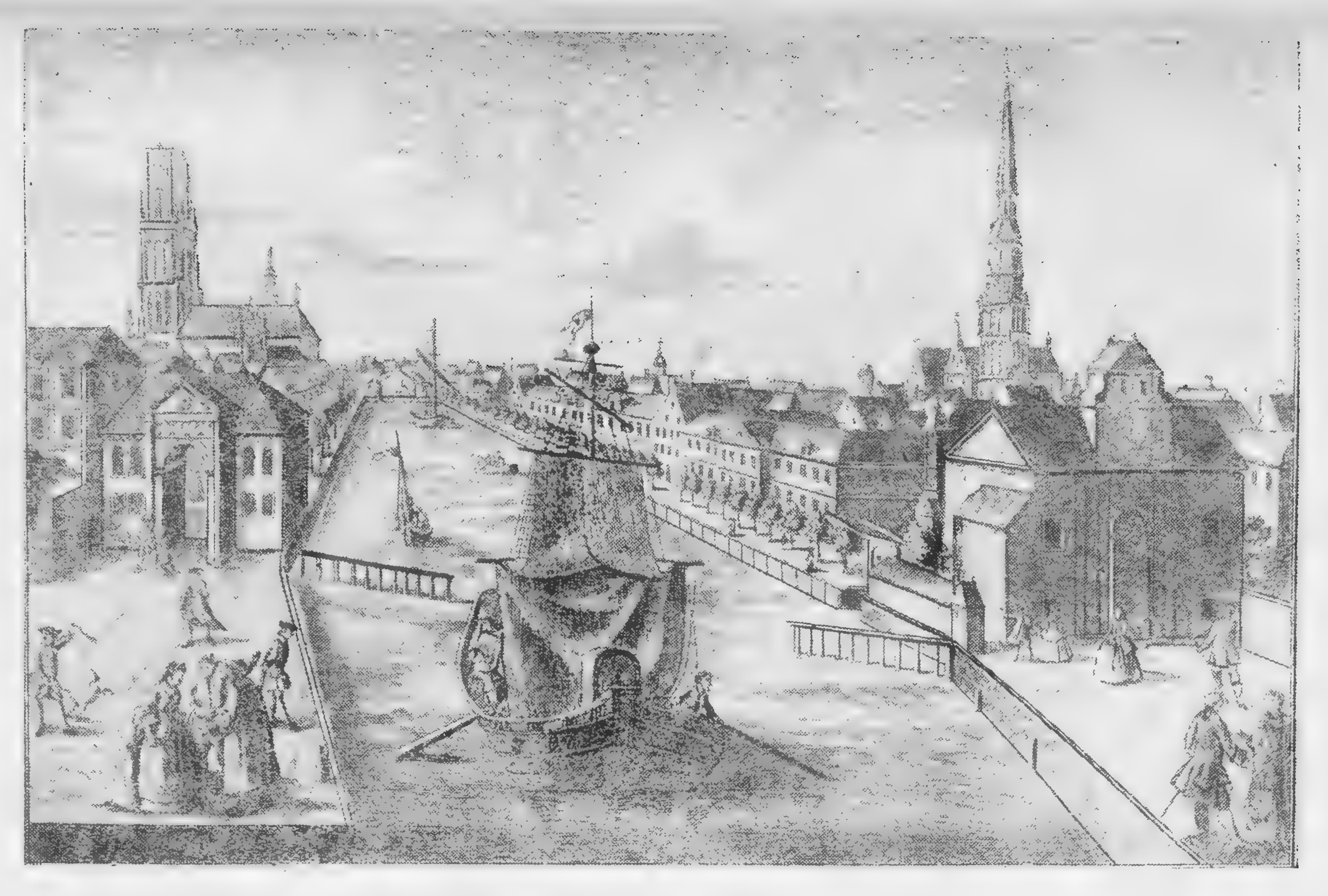

Рис. 37. Роттердам. Гравюра начала XVIII в.

ный список», — и в этом случае Петр вновь выступает перед нами за границей в качестве официально издающего указ монарха, — слушав того его челобитья, пожаловал галанца Ивана Тесенга», предоставив ему просимую концессию на 15 лет. В перечень типографских произведений, сделанный в челобитной, была внесена в указе, может быть, по инициативе самого царя, оговорка: «опричь церковных (книг) греческого закона». Монополия дана была с воспрещением всем иным, помимо Тессинга, ввозить и продавать подобные же произведения под угрозой штрафа в 1 000 ефимков, из которых две трети идут в казну, а одна треть Тессингу. Картины, чертежи и книги, выходящие из типографии Тессинга, должны быть снабжены его подписью и печатью. При ввозе своего товара в Архангельск Тессинг должен платить таможенную пошлину по 8 денег с рубля с тем, что никаких других пошлин с него уже взыскиваться не будет. Ту часть товара, которую Тессинг или его приказчики не распродадут в Архангельске, он волен отпускать из Архангельска «к Москве и в иные великороссийские городы», делая в Москве заявление о привезенном товаре в Посольский приказ. Во исполнение государева указа Ивану Тессингу, сопровождавшему ли посольство или ожидавшему его в Нимвегене, 17 мая была выдана отписка от посольства на имя архангельского воеводы князя М. И. Лыкова с изложением условий монополии и с приказанием записать сей великого государя именной указ у города Архангельского в книгу для сведения будущих воевод и приказных людей, а также объявить о нем находящимся в Архангельске иноземцам. Это была *вторая* монополия, отданная Петром иностранцам во время его заграничного путешествия. Получением ее дом Тессингов был обязан тем услугам, которые он оказывал посольству в Амстердаме по переводу векселей и по закупке там разного рода материалов для флота [1]. Особых доходов Тессингу, подобных табачной монополии Кармартена, она не сулила; для России она могла быть полезна, так как должна была служить распространению знаний по географии, математике, архитектуре, воинскому искусству. Удовлетворяя ходатайство приятного ему иностранца, Петр в этом случае, кажется, впервые соприкоснулся с делом просвещения своей страны посредством книги [2].

Позже, в письме к «высокошляхетно-рожденному командеру господину Петру Романову» от 18/8 июля в Вену, Тессинг повторял просьбу с высылке ему обещанной жалованной грамоты «о печатании и продавании книг и земных и морских чертежей и персон и проч.», которая в Нимвегене ему выдана не была,

[1] П. и Б., т. I, стр. 690.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1298—1302; Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1698 г., № 4, л. 1 — прошение на голландском языке, л. 2—3 — перевод. Ранее, в ноябре 1697 г., Тессинг подавал послам мемориал о понижении вывозных пошлин на мачтовые деревья в Архангельске, иначе ему оказывают сильную конкуренцию другие города: Нарва и Рига (Дела голландские 1697 г., № 5, л. 1 — мемориал Тессинга на голландском языке, л. 2—4 — перевод).

очевидно, потому, что изготовление ее требовало некоторого времени. В этом же письме он извещал царя о ходе своих работ по изданию книг и карт. Начать издательскую деятельность он думает с книги «Деяний Александра Великого» Квинта Курция, которую переводит, намереваясь посвятить ее государю; через шесть недель будет готова и карта территории, начиная от Москвы и до южных берегов Черного моря [1]. Успехам предприятия мешает недостаток переводчиков. «Аз не щажу ни трудов, ни убытков, — пишет Тессинг, — для продолжения сего дела охотою и ревностию и чаю начать сие житием и мужественными делами Александра Великого, описанных чрез Квинтуса Курцыуса, которая аз с латинского на московской язык перевожу и намерен тебе, моему государю, покорнейше принесть и приписат. По шести неделях будет печатной чертеж готов, зачинающейся от града Москвы и окончеваетца до Черного моря и до Натолии. Токмо мне скудость, милостивейший государь, в перевотчиках; инако же бы великие дела почал. Протчим же желая аз тебе, моему государю, счастливого путьшествия, дабы бог всемогущий вас в добром здравии на многа лета соблюл. Прости меня, всемилостивейший государь, в сем моем дерзновении, еже аз сим писанием восприял, понеже аз всегда пребываю ваш всепокорнейший и подданнейший слуга Ян Тессинг. Из Амстрадама, июля в 18 д. 1698» [2].

В тот же день, 17 мая, на яхте, приближаясь в Нимвегену, посольство занялось делом другого голландца, также сопровождавшего посольство, коммерсанта Авраама Кинциуса, или Кинциуша, имевшего сношения с Московским государством и вернувшегося из Москвы в Амстердам во время пребывания там посольства. От своего имени и от своих заинтересованных в деле собратий Кинциус подал послам прошение, в котором выражал опасение относительно поставки в Архангельск до окончания навигации 3 582 бочек поташа, купленного голландскими коммерсантами в Москве по договору с приказом Большой казны в январе 1698 г., деньги за который голландцы заплатили посоль-

[1] Эта карта была издана Тессингом с латинскими надписями в Амстердаме в 1699 г. с посвящением Петру I. По справке, наведенной П. А. Незнамовым, она воспроизведена В. Кордтом в «Материалах по истории русской картографии» (выпуск II, Киев, 1910 г., табл. XLI и текст на стр. 26). Два экземпляра этой карты имеются в Ленинградской Гос. публ. библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. На карте помещен портрет Петра I типа Кнеллера, окруженный аллегорическими фигурами, изображающими победу христианства над исламом. Вероятно, в этом сказалось влияние гравюры, вырезанной Петром I в Амстердаме в 1698 г. (см. рис. 51). По этой карте, как правильно указывает Кордт, была затем вычерчена карта Гоманна. В т. I настоящего издания помещен снимок с рукописной копии этой карты, но с русскими надписями и с именами составителей: Брюса и Менгдена, которых нет на печатной латинской карте, причем прибавлено, что Тессинг «вырезал ее на меди латинскими и русскими буквами». Очевидно, Тессинг должен был издать эту карту в двух вариантах: один с латинскими, другой с русскими надписями. Последний вариант в печатном виде неизвестен и по всей вероятности, не появлялся вовсе, иначе трудно представить себе, зачем Брюсу понадобился бы рукописный экземпляр этой карты.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1698 г., № 4, л. 7—10.

ству векселями в Амстердаме. Кинциус просил, если уже все количество поташа не может быть привезено в Архангельск в текущем году, чтобы вывезти его оттуда в Голландию, то по крайней мере, чтобы поставить хотя бы часть, а остальной подвезти в Архангельск к весне будущего, 1699, года. Ф. А. Головин написал по этому поводу письмо к начальнику приказа Большой казны князю П. И. Прозоровскому, передавая ему распоряжение государя, которому он, видимо, докладывал это дело. «Государь мой князь Петр Иванович, — писал Головин, — здравие твое, государя моево, да хранит десница божия счастливо на веки. При сем, государь, милости твоей извествую. Били челом великому государю галанцы торговые иноземцы Аврам Кинциус с товарыщи: по переводным де писмам, которые взяты у них на Москве, золотые и ефимки в Амстердаме они заплатили. А по договору за те золотые и ефимки поташу 3 582 бочек в нынешнем году у Архангелского города ис приказу Болшие казны в поставке не будет, потому что не токмо де к Городу, но и на Вологде в привозе сего году поташу столко не явилос. И тем де договору учинили вы несодержание, и им, иноземцам, убытки. И чтоб великий государь велел в том им свой, великого государя, указ учинить. На что великий государь указал по челобитью вышепомянутых иноземцов мне к милости твоей, государю, писать, чтоб ты изволил учинить, естли тот проданой поташ ныне вес в поставке у Города не будет, чтоб в предъидущем 207-м году конечно вес тот потаж поставить на вестне у Города. А от кого та остановка сего года учинилас и как с теми иноземцы был договор подлиной, и о том изволишь писать к великому государю, чтоб знатно было на ком те убытки взять будет»[1].

Это письмо вручено было самому Кинциусу для доставки его в Москву, куда он, повидимому, собирался. Кстати, ввиду этой его поездки ему дано было поручение закупить для личного обихода государя и отвезти в Москву некоторые пришедшиеся, должно быть, особенно по вкусу Петру съестные припасы и, между прочим, «два пуда сыру пармезану самого доброго». Эти припасы Кинциус должен был доставить в Москву в Преображенское и там хранить до возвращения послов из-за границы, а по возвращении отдать Ф. А. Головину. На покупку дано ему было 82 золотых[2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1698 г., № 5, л. 1 — просьба Кинциуса на голландском языке, л. 2—3 — перевод; л. 3 об.: «таково писмо подал Аврам Кинциус и переведено и против его прошения, не доезжая до Нимвегена, дано ему письмо за боярскою рукою ко князю Петру Ивановичу», л. 4— текст письма Ф. А. Головина с поправками его рукой.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 25 (расходная тетрадь Ф. А. Головина) на особом листке: «Господину Кинцыушу на покупку про обиход великого государя купить велено что, и тому дана ему роспись, да х тому велено купить ему два пуда сыров пармазану самого доброго и всю ту покупку, что купить велено, до приходу к Москве посолского никому не отдавать; а как приедут и ту покупку объявить боярину Феодору Алексеевичу Головину. На покупку дано ему восемьдесят червонных». Тут же росписка

С тем же Кинциусом отправлено было Ф. А. Головиным письмо к бургомистру Витзену с благодарностью за оказанные им услуги, с которым Головин счел долгом обратиться к нему, покидая Голландскую землю. «Мой государь, — писал Федор Алексеевич, — здравие твое да сохранит десница вышнего на веки со всеми твоими, чего я от души моея быти желаю. За показанные нам от милости твоей доброты во многообразных случаях покорственно благодарю и желаю истинно таковаго случая, дабы воздати мог службою моею тебе, милостивому моему. О себе ж и о прочих извествую, что, слава богу, приехали в Нимвеген мая в [1] д. в добром здравии. За сим здравие твое в сохранение божие предав, остаю услужником твоим» [2]. Кинциус расстался с послами, проводив их до Клеве [3].

День 18 мая весь был проведен под Нимвегеном на яхтах; «Юрнал» отмечает в этот день: «великий сторм и дождь в полдни» [4]. 19-го Петр прямо с яхты, не заезжая в город, который он уже видел по дороге в Амстердам, двинулся из-под Нимвегена сухим путем, направляясь на Клеве, опередив послов. Так, кажется, следует понимать запись «Юрнала» за этот день: «после кушанья десятник с яхты поехал наперед, а послы остались, проехали сквозь город». Миновав городок Краненбург (Kranenburg) и не доезжая до Клеве, Петр остановился осмотреть находящиеся близ этого города «фонтаны» — бьющие из горы железистые источники и любовался открывающимся с горы широким видом на окрестности: «не доехав, — читаем в «Юрнале», — до города Клевы, где фонтаны, десятник изволил их смотреть и по горе гулять, с которой многие городы знать, и на горе имя свое вырезал на березе» [5]. Вслед за царем двинулось посольство, проехав через Нимвечен, город, где 20 лет перед тем заключен был мир (1678—1679 гг.), прекративший войну Голландии, Ис-

---

Кинциуса по-голландски. Помета на записке: «Таково писмо дано немецким писмом Авраму Кинциусу, не доезжая Нимвегена. Писал боярин на яхте мая в 16 д. 1698».

«Расходная книга» (Книга австрийского двора) № 47, л. 33: «Мая в 19 д. дано амстрадамцу Авраму Кинциусу по росписи на покупку запасов 82 золотых и велено ему те запасы привесть к Москве и объявить в Преображенском».

В бумагах посольства есть также прошение амстердамских бургомистров о разрешении голландцам торговым людям Матису Матену, Аврааму и Исааку Кинциусам вывезти из России 1 000 ластов ржи (там же, Дела голландские 1698 г., № 9, л. 1—5. Помета на л. 1 об.: «Авраам и Исаак Кинциусы ныне, ноября 1698, обретаются у города Архангельского»).

[1] В подлиннике дата пропущена.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1698 г. № 6, л. 1. Помета: «Таково писмо из Нимвегена писано немецким писмом к Витцену из Нимвегена с Аврамом Кинциусом мая в 16 д.» Ответ Витзена от 4 июня 1698 г. из Амстердама был получен Ф. А. Головиным в Вене (там же, л. 2).

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 84 об.: «Мая 21... иноземцу Авраму Кинциусу за всякие его издержки, которые он учинил для великих послов при приезде их в Клев в даче милостыни и иным просящим, 5 золотых».

[4] Походный журнал 1698 г., стр. 18.

[5] Там же, стр. 18—19.

пании и империи с Людовиком XIV. «Майя в 19 день, — занесено в «Статейный список», — великие и полномочные послы переехали с яхт на малых судах в Нимвеген и, пересед в кореты, того ж числа ввечеру из Нимвегена выехали и приехали на рубеж курфирста Брандебургского, который от Нимвегена с милю»[1]. В Нимвегене, на границе Голландии, послы простились с сопровождавшим их голландским капитаном Андреем фан-дер-Гульстом, получившим, конечно, не без согласия и, может быть, даже по желанию Петра назначение голландским резидентом в Москву. Послы выдали ему отписку о приеме его на имя архангельского воеводы[2]. Им откланялся также сопровождавший их голландский пристав[3]. Послы остались деятельностью его крайне недовольны. «А пристав галанских Стат гофман, — поясняет нам «Статейный список», — посланной с ними, великими и полномочными послы, из Амстрадама, их, великих и полномочных послов, в дороге от Амстрадама до брандебургского рубежа не кормил и не подчивал, а ели великие и полномочные послы со всеми посолскими людми, покупая на свои денги; а он, пристав, отговаривался, что те запасы, которыми было кормить их, великих и полномочных послов, остались за противною погодою, выехав из Ротердама, назади, и по поезд их, великих и полномочных послов, от Нимвегена не бывали». Тем не менее все же послов сопровождал особый чин: «кухмистр Голландских Штатов»[4]. Это недовольство Ф. А. Головин излил в полной иронии записке («цыдулке») к Витзену, вложенной в только что приведенное письмо к нему, отправленное с Кинциусом и написанной от имени двух младших послов. «От пристава, государь, Стацкого мы в пути, — гласит этот документ, — изрядно подчиваны и так доволно кормлены, что естьли бы ево со всеми, что их з дватцать с бабами набрано было, пищею содержать, то, мню, болши б недели жити не возмог. Что истинно тебе донесу, нам двоим и при нас будущим людем и всей канцелярии и некоторым прочим нимало, ей, доволства не показал. Что принуждены,

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 33: «Мая в 19 д. ...Галанцом капитаном и матрозом трех яхт, которые были от Ротердама до Нимвегена на яхтах, за провожанье и за труды их дано первой яхты 35 золотых, второй яхты 25 золотых, третей яхты 25 ж золотых; да той ж яхты капитану в прибавку 6 золотых да сыну ево да юн-каюту по 2 золотых человеку. Того ж числа дано перевощиком, которые в Нимвегене ж великих послов и всех при них будучих людей перевезли на берег, 18 золотых. Того ж числа дано в Нимвегене за починку посолских колясок и на покупку всякой возовой мелочи 8 золотых 30 алт. 2 д.»

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1698 г., № 7, л. 1: «Такова отписка дана Андрею Фондергулсту под Нимвегеном на яхте мая в 19 д. 206-го за печатью 1-го посла».

[3] «Статейный список» называет его гофманом; это название надо понимать как нарицательное, а не как собственное имя. По свидетельству Меермана, послов провожал до границы тот же гофмейстер Динтер, который и встречал их при въезде в Голландию (*Веневитинов*, Русские в Голландии, стр. 124).

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 85 об.: «Мая 21 ...кухмистру галанских стат фон-Санту, которой ехал с великими послами до Клева, дано 10 золотых».

осмотря его подчивания, как поехали из Амстердама, в Ротердаме и в прочих местех себе купити, в чем верные свидетели господин Кинциуш и прочие; тожде и капитан от яхты, на которой мы были, зане со благодарением он нас подчивал, но сам не много запасов имел. Пишу для того, чтоб тот безумный человек (т. е. Динтер), написав множественные расходы на нас, сам не покрал, что обыкл уже чинити; и ни единого человека для исправления корму нашего в пути при себе мы от пристава не имели»[1]. Возможно, что документ составлен не без участия самого Петра.

На границе же встретил посольство высланный от курфюрста Бранденбургского комиссар, старый знакомый послов, советник Беккер, провожавший их на пути в Голландию. Выйдя из кареты и «привитав великих послов», он обратился к ним с обычной приветственной речью, говоря, что курфюршеская светлость указал ему послов встретить, спросить о здоровье и быть при них в приставах. Въезд в Клеве происходил с обычными в этих случаях церемониями. За полмили до города стояли по обе стороны дороги в строю мещане с оружием. Вскоре по прибытии послов на отведенный им двор явился с визитом и предложением услуг клевский президент ван Штрон. На тот же двор, который был отведен послам, приехал после осмотра источников и прогулки по горе и Петр: «в вечеру приехали в город Клеву и стали с послами на одном дворе»[2].

XXIV. ПЕТР В КЛЕВЕ. ПИСЬМА ИЗ МОСКВЫ

Весь день 20 мая проведен был в Клеве. Должно быть на прощанье с сопровождавшим посольство голландским коммерсантом Захарием Диксом, который, как припомним, состоял при послах с самого прибытия их в Голландию, они расплатились с ним за заказанный Петром портрет князя Ф. Ю. Ромодановского: «Маия в 20 день, — значится в «Расходной книге» — в Клеве в Брандебурской земле по указу великого государя и по приказу великих и полномочных послов дано галанцу торговому иноземцу Захарью Диксу за дело персоны князь Федора Юрьевича Ромодановского, за резбу и за золото 27 ефимков». Уплачено было ему и за другие произведенные им в счет посольства расходы[3].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1698 г., № 5, л. 4, об.: Черновой текст цыдулки написан той же рукой, что и проект письма князю П. И. Прозоровскому о поташе. Зачеркнуто: «не кручися, мой государь, что сие к тебе написал не для чего иного, токмо обнадеяс мы на оные кормы, своих не припасли и принуждены были несколько времяни безо всего быть». Текст попал также и в Пам. дипл. сношений, VIII, 1303—1304. На листке цидулки помета: «такова цыдулка послана немецким письмом Николаю Витцену».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1304—1305; Походный журнал 1698 г., стр. 19.

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 1023: «Да ему ж дано, что он платил месячного жалованья за стюрманы за Карпа Кена на два месяца 22 еф. да за

С другим голландцем, возвращавшимся в Амстердам, Юрием Нордерманом, братом поступившего на русскую службу врача Андрея Нордермана, было послано Витзену 89 золотых за четыре медали с изображением Петра, «за четыре метали государевой персоны», которые заказывались через его посредство [1].

В Клеве 21 мая получена была московская почта [2], из которой сохранились только два письма к царю Т. Н. Стрешнева и письмо А. А. Виниуса. Посмотрим, какие вести эти письма приносили Петру и какого рода мысли они в нем могли пробуждать. Письма Стрешнева, оба от 22 апреля, были ответами на два письма к нему Петра из Дептфорда от 16 февраля, в одном из которых Петр говорил о государственных делах, в другом, собственно, в записочке, «цыдулке», приложенной к первому, касался своих личных дел [3]. Поэтому и Тихон Никитич счел нужным отвечать двумя отдельными письмами. Царь отдавал ему, как начальнику Разряда, приказание относительно корпуса князя М. Г. Ромодановского, стоявшего на литовской границе: если польский король скажет русскому резиденту в Варшаве, что военная помощь ему больше не нужна, то войска Ромодановского распустить. Т. Н. Стрешнев уведомляет царя, что от резидента известий пока еще не получено и просит указаний, что́ в случае роспуска войск Ромодановского делать с четырьмя стрелецкими полками, передвинутыми в его корпус из Азова. Это те четыре стрелецких полка полковников: Гундертмарка, Чубарова, Колзакова и Черного, беглецы из которых недавно появлялись в Москве и в которых вспыхнет в июне открытый бунт. В своем письме Петр делал также какое-то, неясное для нас, распоряжение, касавшееся лошадей, которых потребует А. С. Шеин, вероятно, какой-либо конской повинности: «в том же письме велено сказать москвичам о лошедях, что скажет Алексей Семеновичь». Стрешнев доносит, что это исполнено: «и о чем он сказал о лошедех, сказано

стряпчего, что ходил за лекарем в ратушу, что, взяв жалованье, сбежал, 7 ефимков. Всего 56 ефимков». Кн. австр. дв., № 47, л. 33 об — 34: «Мая в 20 д. в Клеве на покупку валентеру (Петру?) шпаги дано 7 золотых, взял те золотые Александр Меншиков. В Клеве ж куплено про великих послов в дорогу всякого харчу на 4 золотых. В Клеве ж на покупку коляски Александру Меншикову дано 11 золотых. В Клеве ж дано Лукьяну Верещагину, что он издержал как выгружалис с судов под Нимвегеном и за провоз посолских колясок на берег, 2 золотых».

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 34. «В Клеве ж дано за четыре метали государевой персоны 89 золотых 8 алт. 2 д. Отдавал те метали делать бурмистр Николай Витцен. И посланы те золотые в Амстердам с иноземцем Юрьем Нондерманом». Ср. Пам. дипл. сношений, IX, 1020: «Мая 15... по указу великого государя дано амстрадамцу медальному мастеру Арону Дойсу за метали, что деланы про его, великого государя, обиход за 16 серебреных да за три золотых, да за стемпель, всего 277 ефимков за золото и за серебро, и за работу».

[2] П. и Б., т. I, № 240; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 85 об.: «Мая в 21 д. на выезде из Клева отданы великим послом с почты писма с Москвы отпущенные апреля 22 числа. И почтарю за тое почту и за иные заплачено 2 золотых».

[3] См. выше стр. 329.

москвичам, а в городы посланы грамоты и написано под наказаньем». Далее следует сообщение о затруднении, которое создается требованием адмиралтейца А. П. Протасьева. Он требует к новым сооружаемым им судам людей из гарнизонов украинных городов; но дело в том, что все люди из гарнизонов этих городов уже разобраны: рейтары, солдаты, пушкари и стрельцы отправлены в войска белгородского воеводы князя Я. Ф. Долгорукого; люди «городовой службы» находятся у стругового дела и у заготовки леса в Азове; в городах же оставлено для караулов малое число людей и только в Курске находится 300 человек. Другое затруднение, о котором Стрешнев пишет Петру — в финансах, во взаимных денежных счетах между приказами: «князь Петр Ивановичь (Прозоровский, — начальник приказа Большой казны) сказывает: в казне у него денег оскудение великое, и о том Алексей Семеновичь писал к милости вашей, а сказывает, что в приказех, в которых и есть, и князь Петру Ивановичу в денгах не помогают». Разряд, которым управлял Стрешнев, немало уже израсходовал денег за счет Большой казны да отпустил еще в нее 5 000 рублей, так что теперь в Разряде остается денег «немного гораздо», едва хватит на отделку палат в слободе (для Лефорта?). В приказ Большого дворца надлежит взять из Большой казны на текущий год 36 800 рублей, да за предыдущие два года осталось недобрано туда же из Большой казны ради ее скудости 7 000 с лишком «и буде мочно во Дворце пронятца, — т. е. если можно в Большом дворце обойтись без этих денег, — хотим, чтоб тех денег не имать до приезду вашей милости». Кроме приведенных выше платежей из Большой казны, с нее следует еще Конюшенному приказу 7 000 рублей, но этих денег до приезда Петра брать не будут, хотя и надо снаряжать людей. Денег совсем нехватает: в белгородский полк — корпус князя Я. Ф. Долгорукого — послано только 20 000 рублей, а следует сверх этих 20 000 послать еще более 80 000 рублей.

В приложенной к письму из Дептфорда записке, «цыдулке», Петр сообщал Тихону Никитичу о подарке ему яхты от английского короля — «The Transport Royal», и выражал желание эту яхту, когда она прибудет в Архангельск, переправить Северной Двиной, Сухоной и другими реками в Волгу. «И а том пути, — отвечает Стрешнев, — известен Франц Тимерман, и мы о том потрудитца не обленимся, с прилежанием делать станем». Как уже упоминалось ранее, после сообщения и распоряжений о яхте, Петр в цыдулке переходил к интимному своему семейному делу, разводу с Евдокией, о чем он одновременно с письмом к Стрешневу писал также к боярину Л. К. Нарышкину и к духовнику царицы. Эти лица вели переговоры с Евдокией, и теперь Тихон Никитич уведомляет Петра об их результатах и дает совет о дальнейших мерах побуждения: «о чем изволил писать к духовнику, и ко Льву Кириловичю, и ко мне, и мы о том говарили

прилежно, чтоб учи ... о свабоде, и она упрямитца; толка надобна ещо отписать к духовнику покрепче и не одинова, чтоб горазда говарил, а мы духовнику и самой станем и еще говорить почасту. А духавник человек малословной, а что ему писмом подновить, то он болши прилежать станет о том деле» [1].

Виниус в письме от 22 апреля сообщал о непрекращающихся морозах в Москве, выражаясь по этому поводу, что это не беда: «паче всего печалит нас всех ваше господское толикое отлучение» и переходил затем к сибирским вестям. В Китае в самом столичном городе Пежине, по-европейски Пекинге называемом, находящиеся там в плену и приезжающие христиане создали и освятили церковь во имя св. Софии, премудрости божией. После этого крестилось 20 человек китайцев мужеского и женского полу. Желают крещения и еще многие китайцы, но некому их просвещать: жатва велика, да делателей нет. Однако, чтобы то великое дело не угасло, послан указ к сибирскому архиерею, чтобы сыскать пригодных священников, ученых мужей и послал туда для проповеди. Велено ему также, сыскав из мирских, если духовных там нет, учить китайской, монгольской и калмыцкой грамоте и затем переводить на эти языки необходимые молитвы и книги, чтобы обличить идольскую тщетную мерзость тех народов и привести их к познанию истинного бога, создавшего всяческая [2].

Роспуск войск корпуса князя М. Г. Ромодановского с литовской границы, вопрос о четырех стрелецких полках, потребность в людях для судов, строящихся в Воронеже, недостаток денег в Москве в приказах, переправа английской яхты в Волгу, упрямство, проявленное окончательно опостылевшей женой при первых переговорах с нею о разводе и какие способы предпринять, чтобы уговорить ее, устройство православной церкви в Китае и организация китайской миссии — вот мысли, которые частию мелькнули в голове Петра, частию, может быть, в значительной мере овладели его вниманием, унося его из Клеве, с берегов Рейна в Москву и даже до отдаленной китайской столицы, когда он читал письма Стрешнева и Виниуса, полученные с почтой в Клеве. Но эти письма — только уцелевшая часть всей полученной царем 21 мая московской почты, и потому предметы, в них заключающиеся, это только часть предметов, оказавших воздействие на мысль Петра.

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 699—700.

[2] П. и Б., т. I, стр. 694—695. Письмо Виниуса, написанное 22 апреля, отдано было Петру, как он сам свидетельствует, 21 мая (П. и Б., т. I, № 244: «письмо твое апреля 22 писанное, мне отдано маия в 21 день»). Оно было привезено в Клеве, очевидно, той же почтой, что и письмо Т. Н. Стрешнева, только что изложенное, также датированное 22 апреля. На письме Стрешнева есть помета о времени его получения: «маия в 20 день». Это, вероятно, ошибка (см. примечание 2-ое на стр. 434). Показание Петра совпадает с записью «Расходной книги».

XXV. ПУТЬ ОТ КЛЕВЕ ДО ЛЕЙПЦИГА

Из Клеве двинулись в тот же день, 21 мая, «после кушанья», приобретя коляску для Лефорта, починив другие экипажи и запасшись бранденбургской монетой [1]. Посольство в Клеве разделилось на два отряда. Сами послы и с ними 17 волонтеров, в том числе, конечно, и Петр, поехали отсюда наскоро на почтовых лошадях; остальная часть посольской свиты и остальные волонтеры вместе с обозом посольства должны были двигаться вслед за послами под начальством А. Д. Меншикова — это его назначение следует отметить как знак его начинающегося возвышения и как первый случай, когда он получает самостоятельное ответственное поручение. Повидимому, в связи с этой посылкой ему подарено было 10 золотых на покупку себе шпаги. На дорожные расходы ему с его отрядом было выдано 300 золотых [2]. Спешить в Вену послов заставляли полученные известия об успешном ходе мирных переговоров цесарского правительства с турками. Петр надеялся еще этим переговорам воспрепятствовать. «Майя в 21 день, — читаем в «Статейном списке», — великие и полномочные послы из Клевы пошли до цесарской границы на почте, а с ними было валентеров и всяких чинов людей 17 человек. А достальным людем, валентером, дворяном и подьячим с его, великого государя, делами, и казною, и с посольскою рухлядью велел ехать по себе в цесарскую землю в Вену с дворянином с Александром Даниловичем Меншиковым. А великие и полномочные послы пошли наскоро для того, что ведомо им, великим и полномочным послом, учинилось подлинно, что цесарское величество с турком конечно приступает к ми-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 84 об. — 85 об.: «Мая в 21 д. . . . в Клеве обменено на мелкие роздачи на брандебурскую монету 16 золотых на крестинки и те крестинки, едучи от Клеве до Вены подвотчиком и законником и нищим и на иные мелкие дачи все в росходе.

Того ж числа клевским трубачем, которые трубили у великих послов у двора, дано 3 золотых.

Того ж числа за починки колясок и дорожных возов выдано 6 золотых.

Т. ч. за починку приказного сундука дано кузнецу 20 алтын.

Т. ч. великого государя жалованья лекарю Андрею Нондерману на 2 месяца против ево братьи дано 8 золотых 20 алт. Взял те золотые брат его Юрье Нондерман (серебрянник по специальности; см. Пам. дипл. сношений, IX, 1013).

Т. ч. куплена в Клеве первому великому послу у комисара брандебурского Бекара коляска, дана 21 золотой.

Т. ч. кухмистру галанских стат фан-Санту, который ехал с великими послами до Клева, дано 10 золотых. Да с ним же послано трубачам, которые были на яхтах, 8 золотых. Да перевозчиком, которые с яхт великих послов везли, к прежней даче 7 золотых. Итого 25 золотых».

[2] Арх. мин. ин дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 85: «И по приезде ево в Вену он, Александр, сказал, что те золотые все у него в росходе. А оставлен он был со всеми государевыми людми и с обозом. А великие послы поехали к Вене из Клева в малом числе людей с поспешением напред» («Расходная книга» путешествия Меншикова: см. Пам. дипл. сношений, IX, 1025—1036).

ру, и чтоб то его намерение препять»[1]. Не мешкать в пути, побуждало Петра еще и то, что посольство возвращалось прежней дорогой, через те же небольшие городки западной Германии, которые он уже видел, направляясь в Голландию, и которые поэтому не могли возбуждать его любопытства. Впечатления, от них успели уже, вероятно, сложиться в представлении Петра в более или менее общий тип небольшого города западной Германии, расположенного среди зеленеющего виноградниками ландшафта, с готическим или романским собором, ратушей и рыночной площадью в центре, с готическими фасадами и черепичными крышами домов, часто со средневековым замком с башней или с развалинами замка на возвышенности около города. Достопримечательности были уже осмотрены, и нередко Петр предпочитает, миновав город, останавливаться в загородном трактире (корчме), не желая сам делаться предметом любопытства и осмотра со стороны надоедливой городской толпы. Однако при всей поспешности путешествия были в виде исключения остановки для осмотров; и первое из таких исключений надо отметить тотчас же по выезде из Клеве в полумиле от города. Послы заезжали в «курфюрстов дом, имянуемой Мейлант», где «смотрели старой римской кирки»[2]. До этого местечка провожали послов клевские жители знатные люди. К 6 часам пополудни приехали в Ксантен (Xanten), «в нем десятник и послы кушали». Экипажи были посланы вперед для переправы их через Рейн на паромах[3]. Ночью царь и посольство, переправившись через Рейн, прибыли в городок Везель.

22 мая поутру кормили лошадей в корчме. Проехали город Дорст (Dorsten) курфюрста Кёльнского. Приехали в корчму Маль и ночевали «за подводами» (в ожидании подвод)[4]. 23 мая «поутру поехали на наемных лошадях, ехали 3 мили. Проехали

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1305—1306. В отряде Петра упоминаются, кроме трех послов, дворяне: Адам Вейде, Ульян Синявин, переводчик Петр Вульф, волонтеры Филат Шанский, Иван Кочет, человек Лефорта Генрик Якимов (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 85—91). Состав отряда Меншикова см. Пам. дипл. сношений, IX, 1025 и сл.).

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 19; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 85 об. — 86: «того ж числа на пути заезжали великие послы в курфистов дом, имянуемый Мейлант, провожали великих послов клевские жители первые люди в трех коретах. Возницам первой кареты дано 4 золотых, второй — 3 золотых, третьей — 2 золотых. Да двум лекаем по два золотых человеку. Итого 13 золотых».

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв.. № 47, л. 86, «Мая 21 . . .проехав городок Сантен и там переправилис реку Рену, за поромы и перевозчиком дан золотой».

[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 86: «Маия в 22 д. во владения курфирста Келенского крестьяном курфирста Бранденбурского, которые везли от города Дерта до корчмы Маль через владение Келенского курфирста, дано за провоз 16 золотых.

Того же числа у карчмы, имянуемой Маль, почтарю, которого пристав комисар Бекер посылал для сыску лошадей и в той корчме великие послы за небытием подвод обедали и начевали, заплачено за корм и питье полдесята золотого» (т. е. $9^1/_2$ золотых).

Гомбурх и стали кормить лошадей за городом. Проехали рубеж курфирста Бранденбургского; проехали город Линен. Приехали в корчму Гриневальд и кушали в ночи; переменя лошадей, ехали во всю ночь» [1].

24 мая: «в полдни проехали город Либштат; отъехали за версту, стали на почтовом дворе, и кушали, и лошадей переменяли. В вечеру проехали город Геренбех и ехали во всю ночь» [2].

25 мая утром прибыли в Билефельд (Bielefeld) — центр полотняной промышленности, и здесь Петр не мог удержаться, чтобы не осмотреть полотняных фабрик: «поутру приехали в город Билеферт, — отмечено в «Юрнале», — за городом, переменя лошадей, поехали, где полотна делают» [3]. Двинувшись в дальнейший путь, миновали город Герфорд; отъехав от него $2^1/_2$ мили, стали против корчмы и кушали у некого дворянина, родственника провожавшего послов пристава, и, таким образом, Петр мог наглядно ознакомиться с обстановкой жизни мелкого немецкого дворянина [4]. «Пред вечером, — продолжает «Юрнал» — проехали сквозь город Минден (Minden) и, отъехав с версту от города, стали в деревне и ночевали».

26 мая проезжали мимо расположенного на высокой горе между городками Ринтельном и Ольдендорфом замка Шаумбурга. Замок этот, построенный в первой половине XI в. Адольфом I, графом Сантерслебеном, получившим прилегающую к замку территорию в лен от императора Конрада II, долгое время был резиденцией графов Шаумбург, а когда этот графский дом в 1640 г. угас, то замок по решению Вестфальского конгресса отошел к владениям ландграфа Гессен-Кассельского. Древний за-

---

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 19—20; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 86 об.: «Маия в 23 д. дано подвотчикам, которые везли великих послов от Гарма до Брандебурского рубежа и до Линена, 28 золотых, для того, что они за наем везли доброволно не свою череду. А чредовых в сборе не было.

Того ж числа великие послы ужинали в корчме Гриневалт. За еству дан золотой».

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 20; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 86 об.: «Майя в 24 д. в Липштате подвотчиком дано 6 золотых. Да на покупку гвоздей, веревок, дехтю дан золотой. Итого 7 золотых. Того ж числа великие послы на выезде из Липштата господину, у которого обедали, и за корм, и за питье дали 10 золотых».

[3] Походный журнал 1698 г., стр. 20; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 86 об. — 87: «Маия в 25 д. в Билифелте проводнику, которой ночью дорогу указывал, дано ползолотого, да служителю курфирстову, которой в Билифелте подводы збирал, дано 2 золотых.

Того же числа в Белифелте на мелкие дачи дано человеку первого великого посла Гендрику Якимову 50 золотых».

[4] Место «Юрнала» неясно вследствие сделанной издателем неправильной пунктуации: «от Герфорта отъехали пол-3 мили, стали против корчмы и кушали у шляхтича пристава Бекера, который провожал свойственник». Следует читать: «кушали у шляхтича — пристава Бекера, который провожал, свойственник». Пристав Бекер сопровождал послов от Клеве до Лейпцига (Пам. дипл. сношений, VIII, 1307; ср. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 87: «Мая в 25 д. ... в Герфорте дано старосте, у которого великие и полномочные послы обедали, в почесть 20 золотых».

мок привлек к себе внимание Петра, и царь ездил с кем-то из посольства или из волонтеров вдвоем его осматривать: «проехали город (замок) Шхомберх, — читаем в «Юрнале», — на левой стороне стоит на высокой горе. Десятник сам друг в нем был; ездил верхами». Осмотрев замок, царь продолжал путь и останавливался для обеда и корма лошадей в городке Ольдендорфе [1]. Перед вечером прибыли в Коппенбург, где на пути в Голландию происходило свидание с курфюрстинами Бранденбургской и Ганноверской, и «Юрнал» припоминает об этом свидании: «приехали перед вечером в город Купенбрук, где курфирстина была, здесь и ночевали».

27 мая поутру, переменив лошадей, двинулись землей курфюрста Ганноверского, а далее владениями епископа Гильдесгеймского; миновали городок Элзе (Elze), где Карлом Великим в 796 г. было учреждено епископство, перенесенное Людовиком Благочестивым в 818 г. в соседний Гильдесгейм. Проехав, далее, деревню Попенбург, прибыли в Гильдесгейм, где на этот раз не останавливались, предпочтя сделать остановку для обеда, проехав город, в корчме. Продолжая путь после обеда, миновали деревню Грасдорф и замок Ленберг и ночью прибыли в городок Зальцгиттер и здесь стояли три часа [2]. В этот день, по исчислению «Юрнала», было сделано $6^1/_2$ миль, т. е. $45^1/_2$ верст. 45—50 верст можно считать скоростью, с которой Петр двигался по Германии на пути в Вену.

28 мая выехали утром и, сделав $1^1/_2$ мили ($10^1/_2$ верст), меняли лошадей в деревне Амшлот [3]. Следующую остановку сделали в городе Остервике (Osterwick): «стали на дворе и кушали и лошадей переменили и отсель поехали» [4]. Из Остервика послы вновь обратились с письмом к епископу Гильдесгеймскому, подобно тому как сделали это при проезде через его землю, когда ехали в Голландию, благодаря его за радушие, оказанное им в его владениях, и прося оказать такой же прием и второму отряду посольства, двигавшемуся с А. Д. Меншиковым [5]. К вечеру, проехав через Гальберштадт с его готическим собором, ратушей, зданием епископского дворца XIV—XV вв. и с сохранившимися

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 20—21; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., дв., № 47, л. 87: «Мая 26... в городке Олдендорфе ланграфа Гессенского подвотчиком дано 6 золотых. Куплена коляска, в которой ехал Адам Вейд да Ульян Синявин. Дано 10 золотых».

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 21; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 87 об.: «Мая 27 ...в городке Салсе (Зальцгиттер) великие послы ужинали: за еству и за питье дано 3 золотых».

[3] Походный журнал 1698 г., стр. 21: Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 87 об.: «Маия в 28 д. во владении бискупа Гелдесемского в селе Амшлоге подвотчиком дано 5 золотых».

[4] Походный журнал 1698 г., стр. 22; Арх. мин. ин. дел. Кн. австр. дв., № 47, л. 87 об. — 88: «того же числа под городком брандебурским Остервиком великие послы обедали. За еству и питье дано 5 золотых 10 алт.

Того же числа подвотчиком дано 10 золотых. Того же числа куплена простыня для потребы, дана $1^1/_2$ золотого».

[5] Пам. дипл. сношений, VIII, 1306—1307.

деревянными домами, построенными в XV и XVI вв., «стали за городом на почтовом дворе и ночевали».

На другой день, 29 мая, на почтовом дворе под Гальберштадтом за починкой карет простояли до полудня и, пользуясь остановкой, устроили попойку: «здесь были до полудня, — отмечает «Юрнал», — и кушали и веселились довольно», — праздновали днем раньше исполнявшуюся 30 мая 26-ю годовщину царя [1]. Двинувшись после полудня, миновали город Ашерслебен и, переменив за городом лошадей, ночью приехали в село Альслебен (Alsleben) на левом берегу Эльбы, где и переправились через Эльбу.

Утром 30 мая были в городке Коннерн (Könnern) [2]; к полудню прибыли в Галле (Halle), пограничный город курфюрста Бранденбургского, где незадолго перед тем, в 1694 г., курфюрстом был основан знаменитый впоследствии университет. В Галле Петр в виде исключения останавливался в доме губернатора: «стали у воеводы на дворе». Остановка, однако, не была продолжительной, в тот же день выехали дальше, останавливались еще для кушанья где-то на дороге между Галле и Мерзебургом. Проехали, оставив вправо, но сделав все же отметку в «Юрнале», сохранивший в значительной степени средневековую физиономию город Мерзебург с громадным собором XIII в. и к вечеру, вступив во владения курфюрста Саксонского, приехали в Лейпциг, отпустив отсюда состоявшего при посольстве в пути от Клеве бранденбургского пристава Беккера, которому была на прощанье подарена «государева персона», т. е. золотая медаль с изображением Петра в 20 золотых и сверх того деньгами 80 золотых [3].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 88: «Маия в 29 д. кузнецу, которой около карет посолских попорченые места чинил, дан золотой.

Того же числа в том гостином дому великие послы празновали день рождения великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича (т.) и господину того дому за ество и питье заплачено 20 золотых».

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 22; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 88: «Маия в 30 д. двум человеком, подвотчиком, которые провожали от Ашерслебена до Кенерна, дано 3 золотых. Того ж числа, переехав реку Салю (Saale) подвотчиком дано 6 золотых, да перевозчиком на Сале дан золотой, да на дороге за новое колесо под коляску дано 2 золотых.

Того же числа в городе Гале для подъему возов куплен домократ, дан 2 золотых».

[3] Походный журнал 1698 г., стр. 22; Пам. дипл. сношений, VIII, 1307: «а пристава брандебурского Бекаря, которой великих и полномочных послов провожал из брандебурского города Клева через вышепомянутые городы и земли, великие и полномочные послы с саксонского рубежа, подаря, отпустили, а что ему дано и то писано в расходных книгах». В «Расходной книге» посольства (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 87 об.) под 28 мая читаем: «того же числа на отпуске приставу Бекерю, которой провожал великих послов от Клева до Липштата (так!) и в дороге служил, дана ему государева персона в 20 золотых; да ему ж дано 80 золотых, да человеку его 3 золотых, да писарю Клевскому, которой с ним, Бекерем, трудился в приготовлении подвод, 30 золотых». Эта статья в «Расходной книге» попала не на место из-за ошибки подьячего, смешавшего Лейпциг, откуда был, действи-

XXVI. ПЕТР В ДРЕЗДЕНЕ

О намерении Петра по дороге в Вену проехать через владения курфюрста Саксонского сообщил курфюрсту варшавский резидент А. В. Никитин. Август II поручил своему наместнику в Дрездене князю Фюрстенбергу распорядиться о приеме русского посольства и предписывал оказать посольству такие почести и такой прием (alle Ehre und Entretien), какие подобают столь великому государю, как царь, хотя он и находится при посольстве инкогнито. Тайный совет в Дрездене обратился к курфюрсту в Варшаву за более подробными инструкциями и, между прочим, очевидно, уже несколько зная вкусы Петра, спрашивал курфюрста, можно ли будет показать царю важнейшую саксонскую крепость Кёнигштейн, если он пожелает ее осмотреть, на что курфюрст отвечал утвердительно. Дрезденское правительство обращалось также в Берлин за справками о церемониале, который соблюдался при бранденбургском дворе во время пребывания русского посольства в Кёнигсберге. Для приема царя назначены были обер-егермейстер Эрманнсдорф, начальник телохранителей (Trabantenhauptmann) фрейгер фон Рейхенберг и камергер фон Каленберг, снабженные подробной инструкцией. От всякой пышности приема пришлось, однако, отказаться. Саксонский посланник в Гааге Христофор Бозе от 14/24 мая сообщал в Дрезден, что царь при проезде через Саксонию желает соблюдать инкогнито и что он питает отвращение к излишним формальностям. С просьбой в том же роде обратилось с дороги к саксонскому правительству и само посольство: «мая в 30 день великие и полномочные послы приехали в Саксонскую землю в город Лепсик. Встречи великим и полномочным послом из того города не было для того, что посылали великие и полномочные послы напред своего приезду в тот город дворянина Адама Вейда, чтоб им встречи не чинить»[1].

В Лейпциге послы остановились в гостинице Раппольда и отклонили предложение поместиться в здании казначейства, ответив, что «довольны своею квартирою и не желают особенного стечения народа». Петру отведено было сначала помещение в гостинице «Das Wälsche Haus», но ввиду слишком высоких цен в этой гостинице тайные советники назначали квартирою для царя дом Аделунга. Вскоре же по приезде в город к послам явился с приветствиями назначенный состоять при них «Королевского величества первой коморной (обер-камергер?) и воинской ко-

---

тельно, отпущен Беккер, с Липштатом и потому передвинувшего статью на 28 мая, тоже довольно неудачно, так как из Липштата послы выехали 24 мая. Правильное указание дано «Статейным списком».

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1307. О подробностях пребывания Петра в Саксонии по документам саксонских архивов см. статью *Вебера* в «Archiv für sächsische Geschichte», Leipzig 1873, Bd. XI. Ее содержание изложено Брикнером в статье «Петр Великий в Дрездене в 1698, 1711 и 1712 гг.» («Русская старина», XI, стр. 727). Основным материалом статьи служат донесения князя Фюрстенберга курфюрсту.

Рис. 38. Петр I осматривает редкости, помещенные на торговом дворе Шенка в Лейпциге. Гравюра Шенка. На середине двора стоят: Петр в шляпе с большими полями и Шенк, дающий ему объяснения

миссарий Мейсенской провинции граф Рейхенберг». На приветствие послы отвечали благодарностью и были приглашены Рейхенбергом к устроенному им от имени курфюрста ужину. «Потом звал пристав (Рейхенберг) великих и полномочных послов к королевскому столу, и великие послы у стола были и в столе пили за здоровье великого государя царя... и про здоровье королевского величества полского и иных союзных потентатов; и при столе была музыка и стреляли из городовых из 12 пушек многожды» [1].

Весь день 31 мая был проведен в Лейпциге в увеселениях, среди которых не последнее место занимали артиллерийские упражнения, судя по отметке «Юрнала» за этот день: «были здесь и веселились довольно, из пушек стреляли. Поехали отсель в ночи». В Лейпциг в посольство явился присланный из Курляндии барон Бломберг с грамотами от нового малолетнего герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма и от вдовствующей герцогини Елизаветы-Софии, извещавшими о смерти старого герцога Фридриха-Казимира [2].

День 1 июня был занят переездом из Лейпцига в столицу саксонского курфюршества Дрезден. Поутру переезжали реку Мульде (Mulde). «Проехали город Вурцом (Wurzen), переменили лошадей; проехали город Ашес (Oschatz); отъехав версты с две, стали на дворе и кушали от реки Мильде 3 мили [3]. Приехали в город Мес (Meissen), переменили лошадей». Здесь, в Мейсене, к послам явился надворный советник барон Герберштейн, присланный от короля для оказания посольству услуг [4]. Выехав из Мейсена [5], посольство в 11 часов вечера 1 июня прибыло в Дрезден и остановилось в курфюршеском замке. Торжественной встречи и здесь не было. Петр, чтобы лучше сохранить инкогнито, сидел при въезде в город в четвертой карете, был одет в

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1308; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 88 об.: «Маия в 31 д. ... дано музыкантом, которые при великих послех в полатах играли на разных инструментах, 10 золотых».

В Лейпцике дано Ивану Кочету на покупку валентером (Петру?) чюлков и за иную мелочь 6 золотых, да ему ж заплачено, что он на отъезде из Австрадама на мелочь издержал, 2 золотых».

Того ж числа на починку коляски первого великого посла человеку ево Гендрику дано 2 золотых. Знакомцом и людем посолским на всякую мелочь и колясную починку и на кожи выдано 15 золотых».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1310—1314; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 89: «Июня в 1 д. в Лейпцике ж трубачам, которые у великих послов на дворе трубили, дано 15 золотых; да двум человеком служителем, которые питье подавали, дано по 5 золотых человеку».

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 1310—1314: «Июня в 1 д. ... Выехав из Лейпцика чрез реку Мулду, перевозчиком дан золотой, да, отъехав от Лейпцика три мили, проводнику, который дорогу указывал, дан золотой».

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 1308—1309.

[5] Походный журнал 1698 г., стр. 23; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 89: «Июня в 1 д. ... проехав город Мейсен и переехав Элбу реку, Адаму Вейде дано 2 золотых, которые он платил за кожи, что куплены в коляске».

испанский камзол, в узкое исподнее платье и в голландские башмаки. Выходя из кареты, он старался спрятать свое лицо от глазеющей толпы черной шапочкой. В замке послов встретил и приветствовал наместник курфюрста князь Фюрстенберг, окруженный свитой. «Встретил великих послов в полатах наместник королевской князь фон Финшенберх и иные многие служители, и с великими послы витався, спрашивал их о здоровье. А великие и полномочные послы взаимно о здоровье его спрашивали ж, потом были у стола и подчиваны» [1]. Когда Петра провожали в отведенные ему в замке покои умершей незадолго перед тем (1696 г.) курфюрстины Элеоноры-Эрдмуты, супруги курфюрста Иоанна-Георга IV, он выразил неудовольствие на то, что некоторые лица смотрели на него на пути к этим комнатам, потребовал, чтобы никто на него не смотрел и грозил, если это повторится, немедленным отъездом. Назначенный состоять при царе граф Рехенберг с трудом успокоил его и уговорил поужинать, а когда царь поужинал, тот же граф Рехенберг уговорил его принять наместника — князя Фюрстенберга.

Дрезден в наши дни радует взор посещающего его путешественника красотой вида на Эльбу с Брюллевской террасы, многочисленными зданиями, построенными в стиле рококо, так что весь он оставляет по себе удивительно цельное впечатление этого светлого стиля, тихими кварталами нового города, живописной массой фарфоровых изделий в магазинах и на открытых рынках и привлекает к себе своими богатейшими художественными, ремесленными, естественно-научными и всякими иными коллекциями, собраниями физико-математических инструментов, оружия, драгоценных камней, саксонского и японского фарфора, знаменитой картинной галлереей с ее перлом — Сикстинской мадонной, целым рядом музеев, как Цвингер, Иоганнеум, Альбертинум и др.; так что, покидая его, уносишь впечатление какого-то обширного, разнообразного и интереснейшего музея. Начало как обстройке города в новом стиле, так и этим знаменитым коллекциям, было положено именно курфюрстом Фридрихом-Августом II, другом и союзником Петра, и продолжено затем его преемником Августом III. Петр, видимо, осведомлен был о дрезденских коллекциях; по крайней мере почти тотчас же по приезде, поужинав, он, принимая князя Фюрстенберга, выразил ему желание немедленно же, хотя уже шел первый час ночи, осмотреть королевскую кунсткамеру. Желание было столь настойчиво выражено, что было сейчас же исполнено. Петр, сопровождаемый гофмаршалом графом Эком и хранителем кунсткамеры, отведен был туда и оставался там до рассвета, но в это первое посещение успел осмотреть только две залы [2]. Особенно тщательно он осматривал, как было замечено сопровождавшими его лицами, математические инструменты и ремесленные орудия. Были приняты меры,

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1309.
[2] «Theatrum Europaeum», XV, 471.

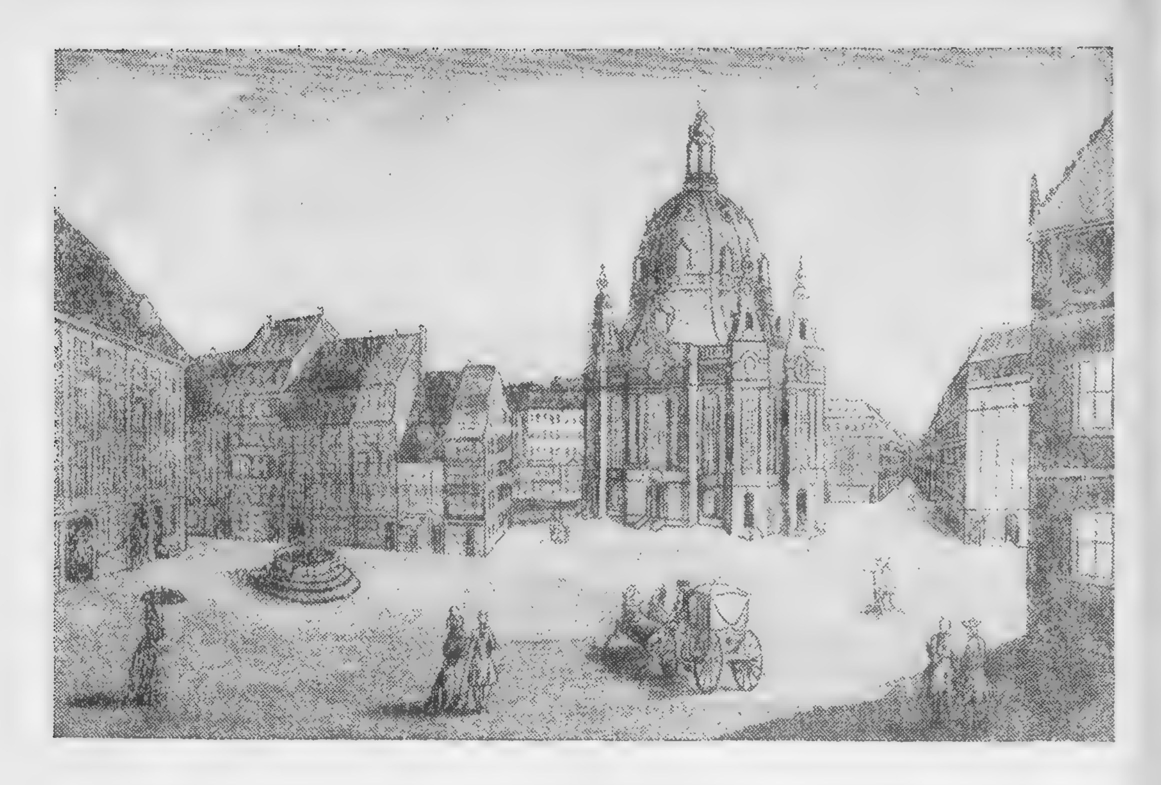

Рис. 59. Дрезден
Гравюра Риделя середины XVIII в.

чтобы на пути в кунсткамеру и обратно в отведенные ему комнаты никто не мог встретиться с царем.

Явившись к царю на следующий день, 2 июня, поутру, князь Фюрстенберг был приглашен к обеду вместе с графом Рехенбергом. Кроме этих двух саксонских сановников, за обедом было трое послов и трое дворян посольства, но неизвестно, кто именно. Обед сопровождался музыкой. «На другой день, а именно 2/12 (июня), — пишет князь Фюрстенберг в донесении королю, — я очень рано пришел снова к нему, так как он очень просто обходился со мной; он рано пообедал, причем сам сел в конец стола, а все остальные разместились без соблюдения чинов, как попало. Во время обеда я велел поставить на балкон под его комнатой трубачей и флейтистов, а также приказал подойти маршем к балкону телохранителям, конным лейб-гвардейцам, одетым в швейцарское платье при протазанах, так как мне известно, что барабаны и свистки — его любимая музыка и вообще вкус его направлен всего более на относящееся к войне. За этим обедом я вопреки собственному желанию, после двухмесячной болезни, принужден был довольно долго пить, к чему давал мне пример сам царь, я же не мог отказать ему потому, что сообразно приказанию моего всемилостивейшего короля, я всячески старался доставить ему удовольствие, если бы то было даже во вред моему здоровью» [1].

[1] Сб. Р. И. О., XX, № 6. Доклад наместника князя Фюрстенберга королю, повидимому, черновик. Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 89 об.:

После обеда князь Фюрстенберг провел царя в Главный арсенал, осмотр которого продолжался три часа и производился со вниманием и познаниями в артиллерии, поразившими Фюрстенберга. «По окончании обеда, — пишет последний, — я провел его тайным ходом, который я велел охранять наистрожайшим образом для того, чтобы никто его не видел и никто ему не встретился, в Главный арсенал, в осмотре которого он провел 3 часа; он рассматривал все, как нельзя внимательнее и, где только попадался ему наималейший недостаток в орудии, то он не только примечал его, но и указывал причину, по которой он произошел, и все это так основательно, что нельзя достаточно тому надивиться». Осмотр доставил царю большое удовольствие: «Он остался очень доволен большим числом отменных орудий и вообще количеством находящихся там ружей, число и превосходство которых, конечно, должен похвалить всякий». Из Арсенала царь в сопровождении того же Фюрстенберга, более всего старавшегося о том, чтобы царю никто не встретился на дороге, отправился с визитом к матери короля, вдовствующей курфюрстине Анне-Софии. «Я провел его, — продолжает свой доклад князь Фюрстенберг, — к ее величеству королеве-матери, по дороге куда его приветствовал только один кавалер, на которого он, впрочем, не обратил никакого внимания и продолжал итти в комнату королевы-матери, где находился кур-принц и вдовствующая курфюрстина Пфальцская (сестра Анны-Софии); обе сестры приняли его в поименованной комнате, некоторое время стоя разговаривали с ним, а потом сели под балдахин, именно по середине его. Этот визит был окончен в какие-нибудь 7—8 минут и несмотря на то, что он дал принять себя, как царя, так что его посланники в продолжение визита должны были стоять и составлять его свиту, тем не менее обе курфюрстины ни на шаг не проводили его далее того места, где он был ими принят. Придворные дамы этих курфюрстин стояли во время визита за дверьми соседней комнаты, в самой же комнате никого не было». Другое известие о посещении царем курфюрстины-матери, находящейся в «Theatrum Europaeum», сообщает некоторые нелишенные вероятия подробности визита, о которых мог не упомянуть князь Фюрстенберг. Петр одет был в тот же костюм, в котором вчера приехал. Он долго заставил себя ждать курфюрстин, разодетых и надевших драгоценные уборы для его приема. Он сидел, занимая место между курфюрстинами, был очень весел, ласкал, целовал маленького кур-принца, будущего польского короля Августа III, не позволяя ему целовать своих рук, когда тот намеревался это сделать. Из комнаты курфюрстины-вдовы он прошел в залу, где были собраны знатнейшие дамы. Визит длился с полчаса [1].

Но дворцовая кунсткамера, видимо, не давала Петру покоя, и

«Июня во 2 д. ... трубачам, которые трубили в обед и музыкантом, всего 16 человеком, дано 10 золотых».

[1] «Theatrum Europaeum», XV, 472.

он, распростившись с курфюрстинами, вновь отправился ее осматривать и оставался там до ночи. «Я опять должен был отвести его в кунсткамеру, — пишет князь Фюрстенберг, — приняв предварительно все меры предосторожности, выслав вперед людей, чтобы его никто не видел; там он оставался вплоть до ночи». Посещения дрезденских коллекций записаны и в русских документах: «Были здесь и в цегоусе, — читаем за этот день в «Юрнале», — где снаряд пушечный, и в палатах, в которых всякие вещи и инструменты». Подробнее запись в «Статейном списке»: «Июня во 2 день в Дрездене показываны великим и полномочным послом в королевских покоях разные изрядные вещи, и оружейной дом, и цекауз, и конские збруи, и доспехи прежних курфистров и князей, и пушки, и мортиры множественным и уборным строением»[1].

После осмотра кунсткамеры Петр ужинал у князя Фюрстенберга. «Когда настало время ужина, — сообщает последний, — то я угостил его в своем доме, куда можно пройти из курфюрстского замка тайным ходом, и так как он пожелал видеть некоторых дам, то я пригласил пятерых, а также велел явиться прежним музыкантам, именно трубачам, гобоистам, барабанщикам и флейтистам, хотя эта музыка была не совсем прилична для подобного собрания, но я привел его этим в такое прекрасное расположение духа, что он сам взял барабан и в присутствии дам стал бить с таким совершенством, что далеко превзошел барабанщиков. Этот ужин продолжался часа четыре; на нем не было ни одного кавалера, а только пять преждеупомянутых дам; пили опять очень много, и так как он перед тем посетил обеих курфюрстин, как царь, то я, не колеблясь, по его желанию велел стрелять из пушек при каждом тосте, так что было произведено несколько сотен выстрелов; при этом он так развеселился, что несколько раз обнимал меня». В числе этих дам, которых пожелал видеть Петр и, может быть, это выраженное им желание относилось именно к ней, — была фаворитка короля, красавица графиня Кёнигсмарк, которой он также сделал визит по пути в арсенал, о чем князь Фюрстенберг не упоминает[2]. Ужин кончился в 3 часа утра[3].

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1309; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 89: «Июня во 2 д. . . .в Дрездене смотрели великие послы в покоях курфистра Саксонского разных вещей и были на пушечном дворе и в оружейных полатах и казана им многая конская сбруя стародавных саксонских курфирстов; служителем роздано 30 золотых». Внимание, оказанное этим учреждениям, отразилось и на высоте этого расхода.

[2] *Брикнер*, Петр Великий в Дрездене в 1698, 1711 и 1712 гг. («Русская старина», т. XI, стр. 729—730). Брикнер в своей статье излагает статью Вебера «Die Besuche Peters der Grosse in Dresden», помещенную в «Arhiv für sächsische Geschichte», 1873, XI и основанную на архивных документах. Этого журнала я не мог достать в Москве.

[3] 2 июня в Дрезден прибыл к посольству из Любека заказывавший в Любеке пушки дворянин Илья Коберт с донесением, что половина заказанных пушек готова, а другая будет отделана к августу. По распоряжению Петра Коберт из Дрездена был вновь отправлен в Любек с приказанием дожидаться

День 3 июня в Дрездене начался подобно предыдущему. Князь Фюрстенберг опять поутру явился к царю и обедал с ним в его своеобразной обстановке. «3/13 числа, — читаем в его донесении, — я опять довольно рано отправился к нему и был уже настолько знаком с ним, что вошел без предварительного доклада, когда он не был еще одет. После чего неодетый сел за стол со мной, своими посланниками и другими дворянами. Во время обеда опять играла прежняя музыка, и он то вставал из-за стола, то опять садился, мы же нисколько этим не стеснялись. После обеда, зная, что ему доставляет большое удовольствие видеть солдат, я велел притти роте кадет, и он из окна смотрел их. После того я повел его на литейный двор (Giesshaus), а оттуда с прежнею предосторожностью, чтобы никто не видал, опять в кунсткамеру». Должно быть, посещение литейного двора обозначено в «Юрнале» словами: «Десятник ходил в абалаториум» (лабораторию) [1]. Но, повидимому, кунсткамера из всех достопримечательностей Дрездена привлекла наибольшее внимание царя и произвела на него наиболее сильное впечатление, судя по времени, посвященному ее осмотру и, вероятно, в этом впечатлении надо искать зародыш мысли о русской кунсткамере, впоследствии созданной Петром в России.

Вечером устроен был ужин в загородном курфюршеском дворце, находящемся в Большом саду (Grosser Garten). «Потом (т. е. после третьего посещения кунсткамеры), — пишет князь Фюрстенберг, — он велел отвезти своих послов и дворян в Большой дворцовый сад, где находится великолепное строение, сам же сел со мной и одним пажом, который должен был быть переводчиком, в мою карету, и более часу мы катались за городом; в это время он говорил о различных предметах так рассудительно, что нельзя было достаточно надивиться его природному уму». К ужину в загородном дворце приглашены были вчерашние дамы, общество которых, видимо, пришлось царю по душе. «В этом здании он ужинал с прежними дамами и кавалерами, как и в предшествовавший вечер; за ужином опять играла прежняя музыка вместе с большим числом французских охотничьих рогов, которые наделали страшного шума [2], ему же опять доставило удовольствие бить в барабан, впрочем, только в присутствии тех, кто сидел за столом». Фюрстенберг отмечает одну особенность во вкусах Петра — нежелание, чтобы у стола было много прислуги. «И в этот, как и в прежние раза, дозволено было служить за столом только трем лицам, именно двум фурьерам и одному

там отделки всех 22 пушек, а затем отвезти их в Москву и там отдать князю Ф. Ю. Ромодановскому. На проезд ему дано 50 золотых червонных да в зачет жалованья 50 золотых (Пам. дипл. сношений, VIII, 1309—1310; Арх. мин. ин дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 89 об.).

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 23.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 90: «Июня в 3 д. ...дано псовым охотником да трубачем и музыкантом саксонским, которые трубили в роги, 50 золотых».

писарю, которые служили ему с первого же дня, как он вступил в Саксонскую землю. Они подавали кушанья, наливали вино и вообще исполняли все требуемое, но при такой немногочисленной прислуге часто приходилось довольно долго дожидаться тарелки или стакана вина. По окончании ужина он дал понять, что допустил бы охотно, чтобы потанцевали, что и было исполнено, а именно по-польски. Это длилось до рассвета. Желая его видеть, многие дамы и кавалеры пришли в сад, но им это не удалось, так как на далеком расстоянии расставлена была стража. С рассветом 4/14 числа он вместе со своей свитой, состоящей приблизительно из 18—20 человек, уехал отсюда совершенно довольный в крепость Кёнигштейн и выразил такое удовольствие тем, как его здесь приняли, что несколько раз обнимал меня». «Ввечеру отсель (из Дрездена) поехали, — описывает это вечернее увеселение 3 июня «Юрнал», — и отъехав с версту, были на королевском дворе и кушали, и веселились довольно и поехали перед светом» [1]. Курфюрст Фридрих-Август II поставил целью сделать своему союзнику, помощи которого он, главным образом, был обязан польским престолом, пребывание в Дрездене как можно более занимательным и веселым, и он достиг этого, как можно судить по сохранившемуся коротенькому письму, которое Петр, все-таки, улучил время написать из саксонской столицы перед отъездом из нее к Виниусу 3 июня. «Min Her Vinius, — писал царь. — Две почты нам дошли: одна в Клеве, другая в Лейпциге. Против отповедь учиню из Вены, а ныне за дорогою нельзя; а здесь, хотя и два дни жили, только недосуг было, потому, что город саксонский: забавны иным были во все часы. Piter» [2].

XXVII. ПУТЬ ОТ ДРЕЗДЕНА К ВЕНЕ

Петр двинулся в путь прямо с бала в карете, в которой ему устроена была постель, и, приехав через город Пирну в крепость Кёнигштейн 4 июня в 8 часов утра, проспал в карете до 11 [3].

Кёнигштейн находится в 35 километрах от Дрездена на левом берегу Эльбы, в гористой местности, в так называемой Саксонской Швейцарии. «Отсель пошли великие каменные горы и до-

---

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 23.

[2] П. и Б., т. I, № 240; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 89—90. Расходы, произведенные в Дрездене, кроме вышеупомянутых: 2 июня «куплен х коляске сундучек, дан золотой; 3 июня куплено х коляске второго великого посла телятинная кожа, дана золотой; куплена Филату Шанскому охотничья псарная готовалня, т. е. тесак с ножнами, дан 2 золотых. Да за перевязной ремень золотой, итого 9 золотых. Дано псовым охотником да трубачем и музыкантом саксонским, которые трубили в роги, 50 золотых. Порутчику, которой в Дрездене на карауле стоял, 50 же золотых». Там же л. 91: «Июня в 9 д. в селе Штоках (Stokerau) заплачено Адаму Вейде за книги, которые куплены в Дрездене про обиход великого государя, 3 золотых».

[3] Сб. Р. И. О., XX, № 6.

рога вельми худа» [1], — как упомянул составитель «Юрнала» о путешествии от Дрездена до Кёнигштейна через Пирну. Крепость расположена на высокой скале, господствующей над равниной Эльбы. Теперь ее сооружения, верки и башни стратегического значения уже не имеют и привлекают к себе туристов красотой далекого вида, открывающегося с них на окрестности. В то время, о котором идет речь, Кёнигштейн считался сильной пограничной крепостью, запиравшей дорогу в Саксонию по Эльбе со стороны Богемии, — тем более было любезности в разрешении осматривать крепость, данном курфюрстом русскому посольству. Пробудившись в 11 часов утра, Петр начал осмотр с цейхгауза, где, по свидетельству сопровождавшего его князя Фюрстенберга, рассматривал все подробнейшим образом. Затем по его желанию бросались из крепости зажженные гранаты. Пообедав, он продолжал осмотр крепости до 6 часов вечера, причем также принимались меры, чтобы ему не мешали посторонние зрители: «и все должны были сторониться от него». «Приехали в город Кенихштейн, — читаем в «Юрнале», — здесь кушали; и после кушанья в цегоусе, кругом города ходили; город стоит на высоком клине каменном». Осмотрены были, между прочим, достопримечательности Кёнигштейна: отличающийся глубиной в 187 метров колодец и обширные крепостные погреба, где стояли тогда колоссальных размеров бочки с вином (Riesenfässer): «В том городе колодезь глубиною 900 аршин (300 сажен); в том городе великие погребы и в погребах великие бочки: одна бочка 3 319 ведр, длиною 15 аршин, вышина 11 аршин, кругом ее 33 аршина; а под тою бочкою стоят 10 бочек; если та большая бочка потечет, и то ренское мимо тех малых бочек не пойдет; из которой ренское пили, а ренское в тое бочку переменяют в 10 лет» [2].

В Кёнигштейне царь и посольство пробыли целый день и двинулись в дальнейший путь вечером, распростившись с гостеприимным князем Фюрстенбергом. Послы вручили Фюрстенбергу два документа: во-первых, письмо, которое просили доставить в Польшу к резиденту А. В. Никитину с предписанием благодарить короля за оказанный посольству прием и просить о вознаграждении князя Фюрстенберга и других бывших при послах чинов за их услужливость и предупредительность к послам; во-вторых, «роспись» мастеров, которых желательно было бы нанять в Саксонской земле на русскую службу в удовлетворение многократных представлений Виниуса, а именно: одного человека, который бы сталь делать умел, одного, который бы стволы всякие и сабли, и

---

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 24.

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 24; Арх. мин. ин. дел. Кн. австр. дв., № 47, л. 90: «Июня в 4 д. приехали великие послы в город Кенихштейн, которой на высокой каменной горе, и там обедали и были в цекаусе и в иных местех. И того града служителем розных чинов роздано 40 золотых. Того же числа в том упомянутом городе на всякие мелкие издержки и на деготь х коляскам и подвотчиком на пиво дано полтретья золотых (т. е. $2^1/_2$ золотых). — Того же числа подводчиком дано 2 золотых».

шпаги делать умел и одного, который бы умел лить пушки, ядра и гранаты. Князь Фюрстенберг, принимая письмо, сказал, что скоро собирается ехать к королю, донесет ему «о поведении их, посольском» и отдаст письмо резиденту; обещал также подыскать и приготовить в Московское государство мастеров и затем откланялся царю и послам [1]. Сам князь Фюрстенберг так описывает это прощанье. Царь «приказал, чтобы, несмотря на значительное отдаление крепости, его послы и люди отъехали далее на расстояние четверти часа от нее; тогда только он с одним человеком поехал вслед за ними, и так как он боялся, что найдется еще кто-нибудь, желающий видеть его, то он взял несколько в сторону; туда я и явился к нему, простился с ним, причем он еще раз выразил свое удовольствие по поводу приема, оказанного ему в этих землях, два или три раза обнял меня и наговорил всевозможных любезностей». По поводу письма к резиденту князь Фюрстенберг сообщает, что когда послы показали проект его царю, он нашел, что в нем недостаточно выражено удовольствие, в особенности мало сказано о заботливости к нему князя Фюрстенберга, и велел сильнее это выразить. Несмотря на все эти любезности, князь Фюрстенберг, видимо, распростился с высоким гостем с большим облегчением. «Я благодарю бога, — заключает он свое донесение, — что все кончилось благополучно, ибо ничего другого так не желал, как не притти в столкновение с этим очень требовательным господином и не лишить таким образом вашего королевского величества того удовлетворения, которого вы могли ожидать в силу данного вами приказа. Легко судить, как трудно мне было примениться к обстоятельствам, особенно при моей слабости после 8 недель, проведенных по болезни в постели» [2]. То же чувство и в письме курфюрсту другого генерала, генерал-майора Иордана (коменданта крепости?): «Царь очень доволен угощеньем, я же с своей стороны рад, что освободился от такого дорогого гостя» [3].

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1314—1315; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв. № 47, л. 90 об.: «Июня в 5 д. ... великие послы ис той деревни (Питерсфельда; «Статейный список» указывает, что прощание произошло в Кёнигштейне) курфирста Саксонского князя фон Финштенберха, которой провожал великих послов до границы, также и иных служителей отпустили и на отпуске дано трубачу, которой лошади роздавал, 20 золотых да товарыщу его 20 же золотых, да которой у поставца стоял, 20 же золотых, писарю, которой харч покупал в дороге, 20 золотых, дву человеком служителем по 5 золотых человеку. Приставову человеку 5 золотых. Итого 95 золотых». Сам князь Фюрстенберг был пожалован соболями, выданными ему по письму великих послов А. Д. Меншиковым, с отрядом которого ехала соболиная казна. Там же, л. 59: «Июня в 9 д. по писму великих послов, которое послано с пути из Саксонской земли к Александру Меншикову, велено дать соболей князь Финштенберху пара в 40 руб., пара в 25 руб., 9 пар по $7^1/_2$ руб. пара, да особо две пары по 25 руб. пара; да барону фон Рехенборху две пары по 15 руб., три пары по $7^1/_2$ руб. пара. И Александр Меншиков, приехав в Вену, сказал, что те соболи им отдал».

[2] Сб. Р. И. О., XX, № 6.

[3] *Брикнер*, «Русская старина», XI, 730; ср. «Theatrum Europaeum», XV, 472: «Worauff Er sofort von dannen nach der bekannten Vestung Königstein solche zu besehen gefahren, allwo Er des Morgens Glocke 6 angelanget aber bis

Рис. 40. Крепость Кёнигштейн в Саксонии. Гравюра XVIII в.

Из Кёнигштейна на чешскую границу был отправлен Адам Вейде условиться с чешскими властями о проезде посольства. Царь и посольство ночью прибыли в деревню Лангенерсдорф (Langenersdorf); здесь ужинали и ночевали. 5 июня поутру, отмечает «Юрнал», «приехали на цесарскую границу и стали на почтовом дворе, именуемом Питершфелт;... здесь мешкали за подводами. Приехали в город Аус (Aussig); здесь кушали и лошадей переменили»[1]. В Аусиге встречали и угощали посольство чешские власти. «Июня в 5 день, — читаем в «Статейном списке», — великие и полномочные послы пришли на цесарскую границу в ческой город Аус. А как великие и полномочные послы в тот город въезжали, и у ворот того города встретили великих и полномочных послов градцкие коменцант и урядники, и великим послом кланялись и подчивали их за столом»[2]. Выехав из Аусига, заметили на противоположном берегу Эльбы замок Шрекенштейн (Schrekenstein): «стоит на высоком клине»; прибыли затем в местечко Ловозиц (Lowositz), где меняли лошадей и, не останавливаясь на ночлег, всю ночь продолжали путь. 6 июня весь день пробыли в дороге, направляясь через города Будин и Вельварн (Budin, Welwarn) и сделав остановки для перемены лошадей в Будине, Миканце и для обеда в корчме под названием Кузамыка. Перед вечером проехали через Прагу: «ехали сквозь город, и город великий, столица чехская, и стали за городом, в корчме кушали... И быв здесь 4 часа, поехали в ночь»[3]. Эта четырехчасовая остановка в корчме под Прагой была, повидимому, вызвана приездом сюда навстречу послам присланного к ним цесарским правительством барона Барати. После обычных приветствий, вопросов о здоровье, просьбы не прогневаться, если послам в дороге учинено какое недовольство — такого скорого их прибытия при дворе не ожидали, — и после выражений благодарности со стороны послов, барон поставил им два вопроса: об их продовольствии и о месте их стоянки в Вене. Прежним московским послам, как в дороге, так и при дворе цесарского величества вместо съестных кормов и питей давалось из цесарской

---

7 Uhr in seiner Carosse schlaffend geblieben nachdem hat Er die Vestung den sehr tieffen Brunnen den vortrefflichen Keller und das Zeughaus besehen und sich bis Abends um 5 Uhr allda bey der Tafel unter steter Abfeuerung der Canonen und einem herrlichen musicalischen Concert belustiget worauff Er den Berg wieder zu Fuss herunter gegangen und von dannen mit seiner Suite recta nach Wien durch Böhmen abgereist».

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 24—25; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 90 об.: «Июня в 5 д. в деревне Питерфел великие послы обедали, дано за еству и питье 3 золотых. Того ж числа в городе чешском Аусе, что на Элбе реке, саксонскому трубачу, которой отпущен назад, за многую ево услугу дано 6 золотых».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1315.

[3] Походный журнал 1698 г., стр. 25; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 91: «Июня в 6 д. в деревне чешской Миконце подвотчиком дано 4 золотых. Того ж числа, отъехав от деревни Миконца пол-мили, в корчме Куцамике великие послы обедали. Господину за харч дан золотой. Того же числа куплено к возам дехтю на золотой».

казны деньгами «для того, что их иноземные ествы московского народу людем не велми угодны и непривычны». Не угодно ли и им, великим послам получать вместо кормов деньги, если им иноземские ествы «непотребны»? Послы ответили, что им в дороге брать деньгами неудобно, посольство разделилось на три отряда; передовой отряд (Богдана Пристава) получает подводы и кормы натурой; они просят также снабжать подводами и кормами в натуре и отставший отряд под предводительством дворянина А. Д. Меншикова, состоящий из 44 человек, которому нужно 90 подвод. Когда части посольства соберутся в Вене, тогда им будет удобнее брать деньги, нежели получать их иноземские столовые припасы «для того, что московские люди обычай в приуготовлении еств свой имеют, и всяк по своему нраву строить будет, как кто хочет». На второй вопрос: где поставить послов — прежние послы стаивали в городе, а теперь приготовляются помещения для них за городом возле цесарского дворца, потому что цесарь живет теперь за городом, — послы сказали, что на то воля цесарского величества, где их поставят, там они и будут стоять. На этом переговоры кончились; Барати уехал, и посольство выехало из корчмы, продолжая путь всю ночь [1].

Дорога шла по Чехии, и составителю «Юрнала» приходилось заносить на его страницы географические имена с славянскими названиями. 7 июня рано утром посольство было в городке Чешском Броде (Böhmisch-Brod) [2], затем двигалось через деревню Планяну (Planian) и город Колин (Kolyn). Ночь стояли в деревне Малине. 8 июня выехали перед рассветом и утром были в городке Часлау (Caslau), где находилась некогда могила Жижки, разрушенная в 1623 г. В Часлау стояли часов пять [3] и двинулись после полудня. Дальнейший путь лежал через местечко Еникау (Ienikau) на Немецкий Брод (Deutsch-Brod), где ужинали [4]; всю ночь продолжали путь и поутру 9 июня прибыли к городу Иглаву (Iglau), на реке Иглаве. «Не доехав до города за две версты, стали на дороге, дожидались задних карет, которые в ночи остались в трех милях» [5]. В Иглаве, как повествует «Статейный список», «встретил великих и полномочных послов того города комендант Годфрид, Моравские земли комисарий и великих и полномочных послов по поздравлении подчивал за столом с довольством» [6]. В полдень приехали в город Насталица-Мурава и стали в корчме, где обедали. Миновали затем деревню Гаратиц. Ночью

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1315—1318.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 91: «Июня в 7 д. в городе Беймс-Броде подвотчиком дано 4 золотых 20 алтын».

[3] Походный журнал 1698 г., стр. 25—26; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 91: «Июня в 8 д. в городе Чаславе великие послы обедали, дано за ество и питье пол-сема золотых» (т. е. $6^1/_2$ золотых.)

[4] Походный журнал 1698 г., стр. 26; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 91: «Июня в 8 д. ...в городе, имянуемом Немецком Броде, салдатом караулным дано 3 золотых».

[5] Походный журнал 1698 г., стр. 26.

[6] Пам. дипл. сношений, VIII, 1318.

прибыли в город Бедвицы (Bedwitz), ужинали и продолжали путь [1]. Утром 10 июня Петр прибыл в город Знайм, живописно расположенный на высоком берегу реки Таи с развалинами старинного замка маркграфов моравских XII в. В Знайме послы нашли передовой отряд посольства под начальством Богдана Пристава. Сюда же явился и представился послам назначенный состоять при них приставом от цесарского правительства «цесарский советник и коморной комисариус Христофор Газен». Взяв с собой часть отряда Богдана Пристава, а остальной части с обозом приказав выступать вслед за собой, послы после обеда двинулись из Знайма. Остановка была в корчме Каллендорф (Kallendorf) в одной миле от Знайма, оттуда продолжали путь ночью [2]. Перед утром 11 июня прибыли в городок Обер-Голлабрун (Ober-Hollabrunn) и в тот же день достигли местечка Штокерау (Stockerau), в 28 верстах от Вены, где пришлось сделать продолжительную, длившуюся 4 дня, остановку.

XXVIII. ОСТАНОВКА В ШТОКЕРАУ. ПЕРЕГОВОРЫ

Тотчас же по приезде в Штокерау посольством был командирован в Вену майор Адам Вейде с поручением объявить цесарскому правительству о приезде послов и просить о немедленном приеме в Вене. Ему же приказано было также осмотреть отведенные для послов дворы, «где они по указу цесарскому отведены, за городом ли, или в городе Вене». Исполнив поручение, Вейде в тот же день вернулся с донесением, что о приеме посольства говорил цесарским ближним людям канцлеру чешскому графу Кинскому и подканцлеру римскому графу Кауницу, которые по цесарскому приказу потребовали от послов представления проезжей грамоты и росписи личного состава посольства. В этом требовании явно проглядывало намерение затянуть прием, крайне унизительное для русского посольства, так как в Вене, конечно, было известно, что при посольстве находится сам царь. Послы отправили проезжую грамоту и список личного состава с приставом Христофором Газеном [3], которому наказали донести цесарю через ближних людей, чтобы велел принять их без задержания. Вслед за послами в тот же день, 11 июня, прибыл в Штокерау отряд Богдана Пристава. «Статейный список» отмечает также в этот день приезд в Штокерау из Вены навстречу государю и посольству дворян Головиных: брата второго посла А. А. Головина и сына его И. Ф.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 91 об.: «Июня в 9 д. . . .в городе Будвице подвотчиком, которые везли от села Радича до города Знойма, дано 21 золотой. Да им же на хлеб и на пиво 3 золотых, всего 24 золотых».

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1318—1319; Походный журнал 1698 г., стр. 26—27; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 91 об.: «Июня в 10 д. Отъехав, великие послы от города Знойма милю, ужинали. За еству и питье дано полчетверта золотого» (т. е. $3^1/_2$ золотых).

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 41, л. 1—2.

Головина, которые «оставлены были для науки в Бранденбургской земле, учились свободным наукам в Берлине», а из Берлина приехали в Вену перед прибытием туда посольства [1].

Унизительная задержка в Штокерау вызывала у послов и, еще более, вероятно, у Петра, чувства нетерпения и досады, и 12 июня в Вену вновь был командирован Адам Вейде с заявлением, что послам «стоять в том местечке и задерживать их не для чего, потому что посланы они от его царского величества к его цесарскому величеству для нужных дел». Вейде вернулся в тот же день вместе с приставом Газеном; тот и другой докладывали послам, что о приеме их цесарским ближним людям они доносили, проезжую грамоту и роспись посольства он, пристав, графу Кинскому отдал; цесарю о прибытии послов известно и для переговоров с послами о церемониале приема будут высланы особые уполномоченные, сегодня же цесарцы справляют праздник (Троицы?) [2]. Скучая в Штокерау, Петр занялся почтой и отвечал на письма, полученные ранее. Отвечая Виниусу на письмо его от 22 апреля, царь выражает надежду, что Виниус, получив, наконец, три задержавшиеся почты из-за границы, раскаивается в том напрасном сомнении, которое им овладело вследствие задержки почт. Причины задержки оказались самыми простыми и обыкновенными; и впредь при замедлении почт тревожиться не следует. «Min Her Vinius, — писал царь. — Писмо твое, апреля 22 писанное, мне отдано маия в 21 день, в котором пишешь, что три почты, которые замешкались от нас, вдруг вам отданы, которые приняв, чаю, не без раскаяния пред тем бывшего в вас суетного сумнения, которое сами или пред тем будущими разрушено почтами, явное показалось почтам к задержанию обыкновенная, а не чрезвычайная; того для надобно и впредь на закоснение почт не зело сумневатца». Далее Петр касается нового предмета, о котором Виниусу сообщал в письме от 22 апреля: постройки православной церкви в Пекине и учреждения там православной миссии. Петр сочувствует этому делу, но советует поступать осторожно, чтобы не раздражить, с одной стороны, китайские власти, а с другой — иезуитов, издавна уже обосновавшихся в Китае. Надо поэтому назначать туда священников не столько ученых, сколько людей с тактом, чтобы дело миссии не пришло в упадок, как это случилось в Японии: «Тут же пишешь, ваша милость, что в Пежине построили христиане церковь нашего закона, и многие из китайцов крестились. И то дело зело изрядно; толко для бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских началников не привесть в злобу, так же и езувитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там надобеть попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не приизошло в злейшее падение, как

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1319—1320.
[2] Там же, 1320—1321.

учинилось в Епании. Piter. Из деревни Штакроу июня 12 1698, за 4 мили до Вены» [1].

13 июня в Штокерау приехали цесарские уполномоченные, назначенные вести с послами переговоры о церемониале въезда в Вену, — знакомый уже нам барон Барати, секретарь Гравенбрух и переводчик, также известный нам Адам Стилла. После взаимных приветствий уполномоченные сообщили принимавшему их Лефорту, что цесарь назначил на 15 июня переезд посольства из Штокерау на «подхожий стан» — на подгородную остановку в деревню Ланген-Церсдорф (Langenzersdorf) в 2 милях (14 верстах) от Вены; а на 16 июня — торжественный въезд в Вену. Далее они изложили предполагаемый проект церемониала. Встречать посольство «за город на пистолетный выстрел от Таборской заставы выедет для встречи и приема послов в звании комиссара шествия кто-нибудь из состоящих при внешнем дворцовом штате, например, мундшенк или чашник с переводчиком Стиллой, в двух придворных каретах с несколькими порожними министерскими экипажами, при отряде земских трубачей, к которым присоединятся из нового шанца за Табором две роты гарнизонных драгун. Между тем послы двинутся из подхожего стана к месту, назначенному для их приема и, поровнявшись с комиссаром шествия, остановятся, держась правой стороны; комиссар в свою очередь станет также справа, послы один за другим выйдут из дорожных экипажей в одно время с цесарскими чиновниками: сперва младший посол и переводчик Стилла, потом оба старшие и комиссар. После приличного приветствия послам предложены будут придворные кареты: в первую на главных местах сядут старшие послы; против них комиссар и переводчик; вторую займет младший посол с двумя дворянами своей свиты и с гофкаммердинером Гассом (приставом). На мосту чрез Дунай и при въезде в город у Красной башни будет поставлено несколько человек городской стражи» [2].

Выслушав этот с австрийской мелочностью разработанный проект церемониала встречи, который читал перед ним сидя, как замечено в «Ceremonial-Protocolle», секретарь Гревенбрух, Лефорт удалился в другую комнату для совещания с товарищами или, что весьма вероятно, с самим государем и, вернувшись через $^1/_4$ часа, объявил уполномоченным, что послы желают знать имя чашника, который будет назначен их встречать; требуют, чтобы к нему было прибавлено двое или трое дворян; чтобы драгуны были заменены кирасирами, а земские трубачи — императорскими, и просят прислать на подхожий стан 30 верховых лошадей для дворян посольской свиты. Послы вообще

---

[1] П. и Б., т. I, № 241; ср. там же, стр. 694—695. В тот же день — недошедшее до нас письмо Г. И. Головкину (там же. стр. 729).

[2] *Устрялов*, История, т. III, стр. 121—122. Устрялов излагает официальный журнал о приеме московского посольства, составленный при австрийском дворе и входящий как часть в «Ceremonial-Protocolle des KK. Obertshofmeisteramtes in Wien» — род наших статейных списков.

желали бы большей пышности въезда в Вену; они ссылались на то, что в Москве не только при приеме великих послов, но и посланников, встреча бывает бо́льшая: на въезде бывает дворянство и многие пехотные полки; в приставах бывают царские ближние люди; трубачи и литаврщики назначаются от царского двора, а не от земских мещан. Уполномоченных они просили передать цесарю, чтобы указал их встретить «со многою шляхтою и с рейтары, а не с одними драгуны», притом ближнему своему человеку, а не простому чашнику; чтобы трубачам и литаврщикам велел выехать своим, а не земским, чтобы карета была выслана для послов одна, а не две, «потому что мочно им, великим и полномочным послом, сидеть и в одной карете без утеснения». Против замечания послов уполномоченные возражали по пунктам: для встречи назначены только две роты драгун и трубачи и литаврщики земские потому, что все войска находятся в Венгерской земле на войне против турок; при цесаре, кроме двух драгунских рот, ни рейтаров, ни латчиков (кирасир), ни иных какихлибо войск нет. Если посылать за ними в Венгрию, то прием посольства очень замедлится, а, между тем, сами послы настаивают на его ускорении. Что в Москве послам устраиваются большие встречи, на которых присутствуют знатные люди и шляхта, «и то де им, великим и полномочным послом, не в пример, всякой де двор свое поведение имеет»; цесарское величество для своих послов больших встреч не требует, а в Римском государстве шляхта не присутствует никогда не только на въездах посольства, но даже и на въезде самого цесаря. Комиссаром для встречи послов назначен знатный человек, стольник, ближний цесарского величества, и камерный советник барон Кёнигсакер, тогда как прежних послов встречали вольные бароны, а не советники, так что им, великим послам, учинено перед прежними послами повышение. Что же до желания послов ехать в одной карете, а не в двух, то цесарское величество велел выслать за ними две кареты к их чести, а не к умалению и, если они двух карет не требуют, об этом будет доложено цесарю. Уполномоченные объявили также, что для посольства отведен двор в городе близ цесарского двора Гофбурга, именно дом Ла Брина на Крюгеровой улице, и все для них там приготовлено как в смысле убранства помещения, так и относительно продовольствия. Послы и на этот пункт выразили неудовольствие: ранее он же, барон Барати, заявлял, что послам отведены помещения за городом близ цесарского загородного дворца Фаворита (Favorita), а теперь тому «учинилась отмена неведомо для чего». А им, послам, желательно стоять близ цесарского двора за городом, а не в городе, потому что «ныне настоит время летнее» и удобнее им иметь двор за городом с садом. Барати ответил, что цесарское величество для большей почести указал отвести им двор в городе; если же им угодно стоять за городом, он донесет о том цесарю, только за городом больших дворов, так чтобы послам стоять в одном дворе вместе, нет; при-

дется им стоять порознь на разных дворах. В заключение послы просили прислать суда, на которых бы им отпустить в Вену водой по Дунаю часть посольского обоза, а для остальной части просили подвод. Уполномоченные обещали исполнить и на том откланялись»[1].

Не очень надеясь на уполномоченных, послы 14 июня в третий раз отправили в Вену Адама Вейде с поручениями: похлопотать о переводе посольства в тот же день на подхожий стан; найти для посольства двор за городом близ леса и воды по близости от цесарского двора и настолько поместительный, чтобы стать всем вместе, если же таких размеров дома не найдется, то просить отвести хотя бы разные дворы, и, наконец, третье поручение состояло в том, чтобы ускорить въезд, назначив его на завтра, 15 июня. Видимо, терпение Петра истощалось: лишний день казался ему тягостным и, понятно, если припомним, что он спешил в Вену на почтовых лошадях, налегке, проводя и день и ночь в дороге. Тем досаднее была для него эта задержка у самой Вены. Ничто, однако, не могло побудить венский двор изменить назначенные сроки. «Вашему превосходительству, — писал Вейде послам от того же 14 июня из Вены, — моим милостивым государем нижайше доношу, что против вашего приказу и писма... всемерно я стал справлять: а именно: чтоб ныне быть на подхожем стану и чтоб двор изобрать в угожем месте подле воды и лесу, чтоб въезду кончая быт завтрея. На первое милости вашей вествою, что ныне на подхожем стану поставить обещали, толко я дознаваюсь, что болши манят и мню, что до завтрея не избудетца, потому что у них ныне великой празник, 2) милости вашей прошу, что осмотрел я двор, которое зело угожа. Жилья в том дворе будет на всех. З двух сторон подле самого двора Дунай течет, а с третей стороны рошча и недалеко сей двор от города и лучи сего двора быт нелзя. Толко князь Дидрихштейн о том дворе отказывает и сказывает, что графа того двора в Вене нет, а без него де пустить нелзя. И я ездил о том же дворе к вышнему маршалу, и он поехал к цесарскому величеству о том докладыват. И того ради я стану здеся дожидатца и всемерно старатца, чтоб тому двору быть. О вьезде вашем князь Дидрихстейн сказал, что отнюд завтрея быт нелзя и невозможно, но быть де вьезду после завтрея. Пожалуйте, прикажите ко мне отписать. что мне болши делать. Послушнейшей милости вашей слуга Адамко Вейде челом бьет»[2].

15 июня посольство переехало из деревни Штокерау на подхожий стан в деревню Лангенцерсдорф. Вейде, вернувшись, донес, что дело с домом для послов улажено, послам отведен дом

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1321—1326; Устрялов, История, т. III, стр. 121—123.

[2] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 42.

графа Кёнигсека в Гумпендорфе на берегу реки Вены по дороге в Шёнбрунн. Торжественный въезд назначен на 16 июня в 4 часа дня [1].

XXIX. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪЕЗД В ВЕНУ

Въезд, действительно, состоялся на следующий день, 16 июня, в четверг. Отправив вперед посольский обоз, сами послы с подхожего стана двинулись в Вену только после обеда. Петр не участвовал во въезде и отправился отдельно от послов на почтовых лошадях: «Приехали в город Вену, — отмечает «Юрнал» за 16 июня, — десятник на почте наперед, а послы в вечеру». Опередив послов, Петр избавил себя от довольно унизительных неприятностей и злоключений, которые выпало посольству на долю испытать при въезде. Проехав с милю и остановившись на условном месте встречи — у корчмы в виду Таборской заставы, послы отправили к заставе с известием к назначенному их встречать комиссару Кёнигсакеру переводчика Петра Вульфа, возвращения которого, однако, пришлось им ожидать часа с два. Движению посольства воспрепятствовали подошедшие на судах по Дунаю войска, которые высаживались на берегу и потянулись длинной лентой, загораживая послам дорогу на Пратер. Тщетно дожидавшийся послов у Таборской заставы комиссар Кёнигсакер требовал, чтобы командовавший войсками генерал остановил их движение, тот отказался слушать, и послам пришлось ждать до 8 часов вечера, пока полки прошли в Пратер. При встрече Лефорт в сильных выражениях изъявил неудовольствие Кёнигсакеру, но комиссар оправдывался, указывая, что послы сами виноваты, промешкав слишком долго на подхожем стану. Этот эпизод изложен в составленном по распоряжению австрийского правительства официальном описании пребывания Петра и посольства в Вене («Ceremonial-Protocolle»). Наш «Статейный список» как на причину замедления указывает на затруднения, встреченные при переправе через Дунай. «И как переводчик возвратился, — читаем мы там, — и по ведомостям великие и полномочные послы пошли к приемному месту, и переезжали через Дунай реку пять мостов и на тех мостех, для розлития широких вод и для худых мостов великие и полномочные послы выходили из корет и шли через мосты пеши; и ехали перед ними до приемного места и трубили московские трубачи». Прямого указания на эпизод с войсками «Статейный список» не дает: он сообщает об этом приключении глухо; но и в этих глухих выражениях официального документа, слышен отзвук причиненной послам, невнимательностью австрийского правительства, досады: «а с цесарской стороны была

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 123; Пам. дипл. сношений, VIII, 1326—1327; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 91 об.: «Июня в 14 д. в местечку Штекероу куплены два возника (лошади) вороные, даны 112 золотых. Июня в 15 д. с подхожего стану из деревни Ланген Энцерсдорф послан Адам Вейде; дано ему на харч 6 золотых».

послом по пересылкам до приемного места чинена немалая мешкота, и будто у них некоторой мост в то время починивали»[1]. В этих последних словах «Статейного списка» надо, вероятно, видеть одно из тех оправданий, которые давали происшествию австрийские власти.

Прибыв, наконец, к условленному месту — к Таборской заставе, послы были встречены согласно установленному церемониалу и заняли места в двух высланных за ними цесарских каретах: в первой «цветной» карете сели Лефорт и Головин, а против них комиссар Кёнигсакер и «по левую сторону в крыле» цесарский переводчик и русский тайный агент Адам Стилла. В другой «черной» карете поместился третий посол, а против него сели стольники А. А. и И. Ф. Головины. Перед послами в 32 «сенаторских» каретах ехали посольские дворяне и свита; кортеж открывали земские трубачи и литаврщики с двумя ротами драгун. От Таборской заставы шествие двигалось по предместью Леопольдштадт по Таборской улице, затем через Красные ворота (Rothenthurm) вступило в город. Город Вена в конце XVII в. занимал пространство нынешного старого города и был обнесен укреплениями, на месте которых теперь устроена широкая, изобилующая великолепными зданиями, кольцом опоясывающая старый город улица Ринг — красота Вены. В стенах города проделаны были ворота, открывавшие выходы в городские предместья. Вступив в город, кортеж направился по Ротентурмштрассе к площади св. Стефана, далее мимо этого памятника величественной готики на Кäртнерштрассе (Kärtnerstrasse) до Каринтийских ворот и отсюда по Лаймгрубе в Гумпендорф. Эта местность по берегу реки Вены — теперь улица Гумпендорфштрассе — тогда была за городом, и здесь среди садов находился отведенный для посольства дом графа Кёнигсека. Шествие происходило уже в полной темноте. Тем не менее по всем улицам, через которые оно направлялось, было множество зрителей, выезжала смотреть процессию также и венская знать в экипажах. «И во время приходу их, великих и полномочных послов, к подхожему стану и во въезде в Вену, — читаем в «Статейном списке», — стояли на поле и в Вене по улицам множества народа, и в коретах шляхта, и многие честные люди с женами того въезду смотрили»[2]. Церемония, помимо уже злоключений, вызвавших ее опоздание, была неблестяща, и ее более чем скромный вид бросился в глаза современникам-очевидцам. «Вот, наконец, появилось великое московское посольство, — писал в Рим Санта-Кроче, апостолический нунций в Вене от 28/18 июня, — в котором, как хорошо известно вашему превосходительству, находится среди других царь, не выдавая себя ничем — senza far figura alcuna. В прошедший четверг посольство совершило свой официальный въезд в том виде, как делают другие послы, и пышность этого въезда была довольно по-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1327.
[2] Там же, 1330.

средственной вопреки ожиданиям — e la pompa di quest'ingresso fù assai mediocr e contraria all'espettazione che se ne haveva» [1]. «При въезде трех послов, — писал испанский посланник в Вене, — не было ничего необыкновенного, разве, только две роты драгун, которые им предшествовали. У всех троих было только 12 лакеев и 7 пажей в хороших, но поношенных французских ливреях. У них две порядочные, но уже бывшие в употреблении кареты, подаренные им при других дворах. Они жаловались на императорские кареты, которые были предоставлены для их въезда, потому что они показались им мало богатыми; но потом убедились, что лучшими не пользуется и его цесарское величество» [2]. То же впечатление выразил и Петр Лефорт в письме к отцу в Женеву, вспомнив при этом по контрасту блеск бранденбургского двора. «При моем прибытии сюда, — писал он, — я очень обманулся; я представлял себе, что увижу блестящий двор, но случилось совершенно обратное. Здесь нет ни красивых выездов (запряжек), ни красивых ливрей, как это мы видели при бранденбургском дворе» [3].

Петр поселился в Вене вместе с послами; сопровождавшие его волонтеры — где-то неподалеку от посольского дома, в той же загородной местности. «Он живет за городом в саду со всею своею свитой», — сообщает упомянутый выше апостолический нунций. «Поставлены великие и полномочные послы на одном дворе, — отмечено в «Статейном списке», — в урочище, зовомом Гундендорфе, на загородном дворе прежнего Римского государства подканцлерия Кёниксека, а валентеры и иные чиновные люди поставлены были на иных дворех» [4].

Дворец графа Кёнигсека, как узнаем из одного современного описания, обширный с многочисленными аппартаментами, украшенными богатой мебелью и редкими картинами, находился в саду, прекрасно расположенном, с аллеями, фонтанами и множеством статуй [5].

На следующий день по прибытии послов в Вену, 17 июня, к ним явились цесарские уполномоченные — барон Барати, пристав при послах Христофор Газен и переводчик Стилла — договариваться о виде и размерах содержания посольству от императорского двора. Уполномоченные предложили вопрос: отпускать ли содержание посольству в натуре или выдавать его деньгами: «столовыми ль запасы кормы им готовить или вместо столов давать кормовыми денгами?», причем заметили, что деньги будут

---

1 *Theiner*, Monuments historiques de Russie, 371; ср. депешу венецианского посла в Вене Рудзини дожу от 18/28 июня (*Шмурло*, Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого, Записки Юрьевского университета, 1900 г., кн. 4, № 536): «et adempite l'ufficiosità da un solo truxes (чашник) non dal maresciallo di corte, che suo far tal funtione nell'arrivo di tutti gli altri regÿ ambasciatori».

2 Шмурло, Сборник, № 538.

3 *Posselt*, Lefort, II, 485, примечание.

4 *Theiner*, Monuments Historiques, 371; Пам. дипл. сношений, VIII, 1330.

5 *Шмурло*, Сборник, № 545.

Рис. 41. Вена. Гравюра середины XVIII в.

отпускаться в той же сумме, какая отпускалась прежним посольствам, хотя состав настоящего посольства малолюднее. Послы ответили, начав с выражения удовольствия по поводу стола, отпускавшегося им в дороге: «в которые дни даван им корм ествою и питьем, и они, великие и полномочные послы, были довольны, хотя и ествы готовлены были не по их нраву», заметив притом почему-то, что в тех местах пути, где им от цесарского величества столовых кормов не давали, они по милости великого государя своего, покупали кормы на свои деньги и голодны не были. Будут ли теперь им давать кормы в натуре или деньгами, в том они полагаются на милость цесаря, что он ни укажет, тем они будут довольны. Послы как будто обиделись замечанием Барати, что при прежних посольствах людей бывало больше, и возразили, что, хотя состав настоящего посольства, может быть, и малочисленнее, но за то при нем есть знатные особы, каких при прежних посольствах не бывало: «А что он, Паратин, припоминает, что с прежними царского величества послы в счоте людей бывало болше, и они, великие и полномочные послы, им объявляют, что ныне с ними многие честные особы, иноземцы и валентеры, а с прежними де послы, хотя и многое счисление в людех было, толко таких честных особ и иноземцев при них не было». Уполномоченные предложили договориться о размерах содержания и предложили послам подать цесарскому правительству «просительное письмо», т. е. как бы ходатайство с указанием потребной суммы, но послы категорически отказались вести такие переговоры, заявив, что «полагаются в том на волю цесарского величества».

Петр Лефорт посетил с извещением о приезде послов в Вену главных сановников цесарского двора: обер-гофмейстера князя Дидрихштейна, чешского канцлера графа Кинского, вице-канцлера графа Кауница, обер-президента гоф-кригс-рата графа Штаремберга, а также находившихся в Вене иностранных послов. В ответ на эти визиты сановники присылали к великим послам своих служителей с поздравлением по поводу счастливого прибытия. Присылали с таким же поздравлением старейшина дипломатического корпуса в Вене испанский посланник епископ Солзонский и послы. Посланному от венецианского посла Рудзини московские послы выразили желание познакомиться с ним, вспоминая обходительность, с которой он отнесся к бывшему перед ними московскому послу [1].

XXX. СВИДАНИЕ ПЕТРА С ЛЕОПОЛЬДОМ

Еще в Штокерау было объявлено барону Барати для доклада обер-гофмейстеру, что русский государь находится при посольстве инкогнито и желает запросто повидаться с цесарем. По прибытии в Вену Лефорт снова известил о том князя Дидрихштейна

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1330—1333; *Шмурло*, Сборник, № 536.

и передал ему также просьбу царя назначить к нему кого-либо из придворных, разумеющего по-славянски, через которого царь мог бы передавать о своих желаниях императору, подобно тому как в Англии к царю был прикомандирован понимающий по-голландски адмирал Митчель. Венский двор не торопился ответом на эту просьбу и только после того, как она была повторена в третий раз, назначил состоять при особе царя чешского вице-канцлера графа Томаса Чернини. Приехав 18 июня на посольский двор под видом частного лица (privata mente), граф Чернини объявил, что прислан узнать, что угодно царю, и был немедленно введен Лефортом в царские комнаты. Петр сказал ему, что ничего не желает, как только видеться с императором. Граф Чернини ответил на это, что государи обыкновенно извещают друг друга предварительно о том, о чем намерены говорить при личном свидании и что необходимо также согласиться относительно этикета. Петр быстро возразил на это, что он ничего не требует и предоставляет на волю цесаря избрать время и место свидания, как ему угодно; о делах не будет говорить ни слова, предоставив это своим послам. Очевидно, что в словах графа Чернини заключался весьма прозрачный намек на нежелание императора беседовать при личном свидании с царем о делах. Под этим условием цесарь согласился на свидание запросто на следующий день 19 июня [1].

Первые дни по приезде занятый мыслью о свидании с цесарем Петр нигде не показывался. «Царь до сих пор, — пишет венецианский посланник Рудзини от 28/18 июня, — мало показывается и возможно, что, если он будет принимать меры, которые соблюдались в других местах, любопытство не будет иметь удовлетворения» [2].

18 июня в ожидании аудиенции Петр писал в Москву полковнику Преображенского полка И. И. Блюмбергу, причем письмо это было отправлено адресату в немецком переводе с собственноручным обращением Петра «Min Her Oborscht», подписью и пометою: «Veen Junii 18, 1698». В письме царь уведомлял полковника о прибытии своем 16 июня в Вену и о намерении, пробыв здесь несколько времени, ехать затем в Венецию, а также сообщал венские новости, которые могли интересовать служилого немца: что некий надежный граф набрал 6 000 пехоты на службу цесарю для увеличения его войск, находящихся в Венгрии, и что вчера, 17 июня, цесарь производил смотр этому отряду на поле под Веной. Письмо заканчивается благодарностью командирам, «господам» офицерам и «нашим товарищам солдатам». В тот же день Петр писал к Н. М. Зотову, «святейшему Иоанниките»; о содержании письма мы можем только догадываться по ответу последнего, но все же видно, что содержание было шутливым, в тоне писем к членам всешутейшего собора, и отсюда можно заключать

---

[1] *Устрялов*, История, т. III, 125—126 из «Ceremonial-Protocolle».
[2] *Шмурло*, Сборник, № 536.

о хорошем расположении духа писавшего 18 июня. Петр высказывал Зотову благодарность за посещение им «со архиереами и архидиаконом» его, вероятно, преображенских «келлий», «в недели Ваий и светлые горы Елеонские» и сообщал, что и сам он пребывает в тех же «наших правилех и прочитании канонов». Однако Зотов не верит этому последнему сообщению; ставит Петру на вид какие-то его поездки в Тессель (в Голландии) и грозит ему смирением от диакона Гавриила (Г. И. Головкина?): «А ваша честность пишете, бутто пребываете в наших же правилех и прочитании канонов, и сие нам неудостоверно, понеже слышим, что часто ездите в Тесель, чего от нас не повелено. А за преступление не худо б было, кабы тот Тесель смирил диакон Гавриил, которой ныне родил сына Михаила, вещию отца трикраты превозходяща». Петр, далее, извещал всешутейшего патриарха о каком-то дивном знамении, бывшем в Брабанте в Брюсселе. «Ваша же честность, — продолжает Зотов, — объявляете нам о дивном знамении, бывшем на воздусе в Брабандии во граде Брисельле подобно болшому огнистому бомбу, за что вашей милости благодарствуем и желаем всяких новизн будущих в тамошних странах чрез ваше писание ведати. И у нас на земли была недавно бомба, которую за божиею помощию не допустило розродитца некоторое правое природное щастие»[1].

В воскресенье 19 июня состоялось свидание царя с императором. Несмотря на то, что оно назначено было запросто и без церемоний, его церемониал был разработан до мельчайших, столь свойственных австрийскому двору подробностей. Было условлено, что свидание произойдет в летнем дворце Фаворита (Favorita), где тогда находился императорский двор, в предместье Виден, недалеко от дома, где стояли послы, в столовой галлерее этого дворца, выходившей в сад с девятью окнами по обеим ее сторонам. Было установлено также, что оба государя, каждый в сопровождении небольшой свиты из пяти человек, войдут в галлерею одновременно с противоположных концов ее и встретятся по середине галлереи у пятого окна. В назначенный час, в $5^1/_2$ часов вечера, Петр отправился с посольского двора в карете графа Чернини в сопровождении самого графа и Лефорта, который должен был служить переводчиком в разговоре с императором. Ф. А. Головин и П. Б. Возницын с одним из дворян свиты ехали сзади в наемном экипаже. Экипажи остановились у рейтгауза у дворцового сада. Царя провели во дворец не главным входом, а через сад Померанцовой аллеей, ведущей в галлерею к небольшой винтовой лестнице, по которой он и подялся наверх.

Как только он вошел в галлерею, с противоположного конца ее из внутренних покоев показался человек невысокого роста с вялым взором больших задумчивых глаз, с усами и с бритым подбородком, с безобразившей худое нездорового вида лицо сильно отвислой нижней губой. Он был в шляпе, из-под которой на узкие

---

[1] П. и Б., т. I, № 242 и стр. 730.

плечи спускались правильными рядами длинные локоны обязательного для того времени высокого парика. Это был император Леопольд I. Его сопровождала свита — «малый кортеж», состоявший из обер-гофмейстера князя Дидрихштейна, обер-камергера, обер-гофмаршала, чешского канцлера графа Кинского и капитана гвардии Филиппа Дидрихштейна. Вероятно к немалой досаде цесарских придворных, а, может быть, и самого Леопольда, с испанской строгостью соблюдавшего все правила этикета, Петр спутал все расчеты о встрече государей, именно посредине галлереи у пятого окна. Между тем как Леопольд двигался по галлерее медленной рассчитанной походкой, царь нетерпеливо зашагал своими большими шагами, подошел к цесарю, когда тот был всего еще лишь у третьего окна от внутренних покоев и обратился к нему на русском языке с приветствием, которое тотчас же было переведено Лефортом. Государи отошли в нишу окна и тут вели между собой разговор, единственным свидетелем которого был Лефорт, исполнявший обязанности переводчика. Приблизительное содержание беседы Лефорт передавал затем в одном из писем в Женеву. По его словам, Петр, называя цесаря братом, говорил ему, что приехал его приветствовать, как величайшего государя в христианском мире, а также подтвердить существующий между ними союз. Пусть император не обижается, что он, царь, не мог прибыть ранее; важные дела, которые были у него в Голландии и в Англии ради снаряжения морских сил для войны, были причиной замедления. Цесарь, продолжает Лефорт, выражал свое полное удовольствие по поводу этого приветствия [1]. Свита государей, стоявшая поодаль, не могла слышать разговора во всей подробности, так как Лефорт переводил слова их очень тихо. В упомянутый выше «Ceremonial-Protocolle» занесено замечание, что государи разговаривали с четверть часа, ограничиваясь учтивыми комплиментами и уверениями в дружбе, что разговор происходил сидя: после первого обмена при-

Рис. 42. Император Леопольд I
Гравюра Шенка

[1] *Posselt*, Lefort, II, 486.

ветствиями император предложил царю сесть и надеть шляпу, которую тот снял, обращаясь к нему; царь долго отказывался, наконец, сел, но тотчас же снял опять шляпу; то же сделал тогда и Леопольд и оба они беседовали с непокрытыми головами [1]. По свидетельству Лефорта в его письме в Женеву, — и этому свидетельству есть основание более доверять как показанию ближайшего очевидца и участника беседы, не имевшего нужды считаться с разными условностями, которые мог иметь в виду составитель «Ceremonial-Protocolle», и ради которых он мог записывать факты не так, как они были, а как они по этикету должны были быть, свойство, не чуждое и нашим статейным спискам, — по свидетельству Лефорта разговор происходил стоя, и Лефорт прибавляет объяснение этого: вероятно потому, что его цесарское величество не желал предоставить царю правую сторону [2]. «Они обращались друг к другу, — читаем в современном описании этого свидания, — в разговоре, как братья, и цесарь выразил радость видеть у себя царя, славного монарха и своего союзника, на что царь ответствовал подобным же образом в очень обязательных выражениях; между прочим упомянул он, что все в его землях к услугам императора. Лефорт переводил сказанное обоими. Царь выразил желание чаще беседовать с императором и говорил Лефорту, когда он передавал его речь по-немецки, чтобы он это «чаще» — zum offtern ein — яснее и лучше объяснил, так как царь хотя и не может говорить на немецком языке, однако его понимает» [3].

Почтительность, проявленная царем по отношению к императору во время аудиенции 19 июня, служила предметом разговоров в венском обществе; посланники отмечали ее в своих депешах, передавая, конечно, то, что слышали. «Беседа продолжалась не более четверти часа [4], — писал в Рим кардиналу Спада испанский посланник в Вене епископ Солзонский, — оба были стоя с открытыми головами, так как, хотя в начале его цесарское величество покрылся и пригласил также и царя покрыться, тот

---

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 127.

[2] *Posselt*, Lefort, II, 486—487.

[3] «Die Entrevue zwischen dem Kayser und dem Czaar den 29 Juni 1698», (Брошюра в три страницы, находящаяся в Публичной библиотеке в Ленинграде): «Sie tractirten sich in Discours als Bruedere und bezeugete der Kayser in der Anrede eine Freude den Czaar als einen gloriosen Monarchen und seinen Allijirten bey sich zu sehen deme der Czaar auf gleiche weise beantwortete auch sonsten sehr obligeante expressiones brauchete unter andern gedachte er dass dem Kayser in seinem Ländern alles zu Befehl stünde u (und?) der le Fort interpretirte was von beyden seiten geredet ward der Czaar begehrte ein Verlangen oeffters mit dem Kayser zu sprechen und redete dem le Fort wann er seine Rede teutsch explicirte zum oefftern ein er solle es deutlicher und besser expliciren dann der Czaar die teusche (sic!) sprach obwohln er sie nicht reden kan dannoch verstehet; in Discours geschahe es zwar dass beyde hohe Haeupter sich auf diese oder jene seite begaben beym Abschied aber embrassirten sie sich beyde wir beym Empfang und begaben sich auff gleiche Weise zuruck».

[4] «Entrevue»: «Die Entreveue dauerte etwan anderthalb Viertel Stunden», т. е. несколько более четверти часа.

только что надел шляпу, а затем тотчас же ее снял и то же сделал император [1]. Они не титуловали друг друга величествами, но называли один другого в третьем лице, так как цесарские министры нашли большие затруднения допустить, чтобы его цесарское величество титуловал так царя». Та же черта почтительного отношения к цесарю еще более отмечается в донесении в Рим апостолического нунция в Вене. «Царь отправился, — читаем в его депеше, — только в трех каретах о двух лошадях нижней дорогой к саду Фавориты, где теперь имеет пребывание двор; выйдя из кареты, пошел аллеею, называемою «Померанцевая» (de Cedri), подошел к потайной лестнице, которой поднялся в галлерею, где его ожидал граф Филипп Дидрихштейн, капитан императорской гвардии, чтобы доложить о нем его величеству императору, который ожидал его у закрытых дверей галлереи с другой стороны, намереваясь войти в нее по прибытии царя и встретить его посредине галлереи. Это и последовало бы, если бы царь быстротой шага не предупредил его величества императора. Внешние выражения со стороны царя по отношению к его величеству были весьма деликатны (tenerissime) и в высшем смысле почтительны. Он наклонился как бы поцеловать руку его величества, и это вызвало обязательнейший ответ. Царь высказал приветствие на родном языке, а находившийся при нем переводчик перевел на немецкий, на котором его величество ответил. Взаимная беседа продолжалась немного менее четверти часа, и его величество не преминул коснуться заслуг, которые оказал царь всему христианству, поддерживая его своим оружием против общего врага. Во время беседы обе стороны были с прикрытыми (?) головами и, когда царь несколько раз снимал шляпу, его величество благосклонно побуждал его вновь покрыться» [2].

По окончании разговора государи раскланялись; цесарь с сопровождавшими его лицами удалился во внутренние покои, а царь винтовой лестницей спустился в сад. «Ceremonial-Protocolle» дает короткое описание его внешнего вида. Он был в кафтане темного цвета голландского покроя с поношенным галстуком при вызолоченной шпаге без темляка. Он показался составителям протокола несколько сутуловатым, впрочем, довольно стройным и с приятным выражением лица, насколько его лицо можно было рассмотреть — «von Keiner üblen Mine, so viel man ins Gesicht hat sehen können» [3].

---

[1] «Entrevue»: «Als sie aneinander Kamen machte der Czaar ein tieffes Reverenz dem der Käyser gleichfalls antwortete und embrassirten sich beyde; Der Käyser nöthigte den Czaar sich zu bedecken so er auch thätte aber bald den Huth wieder abnahm darauf der Käyser es gleichfals thäte». Ср. «Theatrum Europaeum», XV, 472.

[2] *Theiner*, Monuments Historiques, 375, 371—372; ср. *Шмурло*, Сборник документов, № 538, 539. Там же, № 544: депеша Рудзини дожу: «свидание продолжалось немного *более* четверти часа, оба были стоя... Сначала они надели шляпы, но так как царь затем часто снимал шляпу, то и император был со снятой шляпой».

[3] *Устрялов*, История, т. III, стр. 127.

В манерах и поступках при свидании проявились характеры обоих встретившихся государей, а в этих характерах отражались оба вступившие тогда в соприкосновение в их лице государства. С одной стороны, Петр в поношенном галстуке, стремительно шагающий по галлерее большими шагами, разрушившими все геометрические расчеты установленного этикета, разве в этом не выражались нетерпение, стремительность и энергия, пренебрежение к форме и условности и порыв к сути дела? и разве в этих свойствах молодого порывистого Петра не отображался бодрый и энергичный порыв его народа? С другой стороны, трудно себе представить что-либо более противоположное этим качествам, чем постоянное колебание и нерешительность Леопольда, медлительного, строго размеренного, замкнутого в чопорные рамки испанского этикета, готового жертвовать содержанием, лишь бы не нарушить формы и, может быть, потому, что эта форма хорошо прикрывала недостаток содержания. Воспитанник иезуитов, чрезвычайно благочестивый и набожный, никогда не пропускавший ни одной божественной службы и постоянно совещавшийся о государственных делах с духовником, не лишенный проницательного природного ума и отлично образованный, говоривший на нескольких языках, большой ценитель музыки и сам композитор и сочинитель сонетов на итальянском языке, с детства предназначавшийся к духовному званию и занявший престол случайно, вследствие преждевременной смерти старшего брата, Леопольд не принес с собой на престол качества, наиболее необходимого для правителя, и в течение продолжительного царствования — он начал править австрийскими землями с 1657 г., а сделался императором в 1658 г. — не сумел развить в себе этого качества: твердости воли. Он отличался поразительной, феноменальной нерешительностью во всем, в чем только ему приходилось проявить свою волю, все равно, в крупном или в мелком. Помимо присущей всем Габсбургам строгости в соблюдении этикета, он, конечно, потому так ценил раз установленные формы и правила, что они избавляли его во многих случаях от необходимости делать выбор и принимать решение. Когда правила ничего не давали ему, когда перед ним возникал вопрос, как поступить, он бывал в величайшем затруднении. Он запрашивал тогда письменные мнения своих министров; но, собрав мнения, колебался, какое из них выбрать, опасался отдать предпочтение одному из советников, чтобы не обидеть других, старался объединить мнения, привлекал к совету новых и новых лиц, а дело все откладывалось и нередко так и оставалось нерешенным. Важнейшие должности в государстве оставались подолгу незанятыми, потому что он не решался их замещать, колеблясь отдать преимущество одному сановнику перед другим. Бывший в Вене в 1680-х годах венецианский посол Доменико Контарини говорил, что больших усилий стоило побудить императора принять решение, но одной песчинки достаточно, чтобы его от принятия решения удержать.

Чопорность, медлительность и нерешительность Леопольда

как нельзя более соответствовали тому политическому строю, во главе которого он стоял. Во встрече молодого, кипевшего энергией и решимостью Петра с престарелым и безвольным Леопольдом встречались два государства с противоположной судьбой: нарождающаяся Русская империя, которой предстояло развернуть вместе с царем-богатырем свои силы в будущем, и вырождающаяся Священная Римская империя, у которой все наиболее славное было отжито в прошлом. Величественное построение средних веков, которые вообще создали так много памятников архитектуры, Священная Римская империя, это причудливое сочетание германской феодальной готики с романским абсолютизмом и единством, эта сложная система бесчисленных крупных, мелких и мельчайших государств, светских и духовных феодальных владений и вольных городов, объединяемая сеймом и императорской властью, вступала в последний век своего существования, была скорее переживанием старины, чем живым и действующим организмом, была, можно сказать, застывшим памятником самой себя. Она держалась только устойчивыми преданиями прошлого, была лишь обвеянной средневековым суеверием фикцией, лишенной всякой реальной силы, и вызывала редкую критику в памфлетах рационалистически мыслящих публицистов, для которых она была «irregulare aliquod corpus et monstro simile», как выразился о ней Пуффендорф. В теории император, преемник римских цезарей, вершина всякой светской власти на земле, монарх над монархами, — обладал широчайшими правами; могущественные государи окружают престол его, нося придворные звания, служат ему в придворных должностях стольника, чашника, казначея и т. д. На деле эти верховные права императоров разбивались о самостоятельность отдельных крупных князей, возросшую после Вестфальского мира, и вся политика императора сводилась к унизительному лавированию между князьями с тем, чтобы, опираясь на одних, противостоять притязаниям других. Сложные и громоздкие учреждения империи — верховный совет, имперский суд, сейм — с самым серьезным видом занимались пустяками; их деятельность была совершенно парализована медлительной и исполненной разных мелочных формальностей процедурой. Это была бесконечная, не могшая вести ни к каким живым результатам и у живых людей возбуждавшая насмешку юридическая схоластика. Заседавшие на сейме представители чинов, назначавшиеся из ученых публицистов, бесконечно состязались в пустых словопрениях о мелочах, «in Raisonniren, Disputiren und Scrupuliren», по выражению современника[1]. В царствование Леопольда государственный организм особенно страдал какой-то летаргией как в империи, так и собственно в его габсбургских австрийских землях. Государственная казна была хронически пуста, и могущественный и блестящий с виду дом Габсбургов в иные минуты не имел средств даже настолько, чтобы оплачивать курьерам их

[1] *Droysen*, Geschichte der Preussischen Politik, III, S. 352.

путевые издержки. Недостатком средств тормозилось окончательно все управление и без того слишком неповоротливое, и это в то время, когда Леопольду приходилось вести постоянную войну на три фронта: с Францией, с турками, доходившими в 1683 г. до Вены, и со своей же находившейся в хроническом восстании Венгрией. Только в многочисленных канцеляриях шла неустанная деятельность и скрипели гусиные перья: писались бесконечные доклады, мнения и предложения, которые затем рассматривались по принадлежности в гоф-кригс-рате, камер-рате и других совещаниях и, не переходя в дело, сдавались в архив [1].

И при всем том, такова уже сила традиции, что империя как высшая политическая форма на земле, блеск императорской мантии и сияние императорской короны вызывали какое-то мистическое преклонение перед собой, и дом Габсбургов, носивший эту корону в течение столетий, внушал уважение, воспитанное веками. В Москве цесарский двор почитался неизмеримо выше прочих. И у Петра при встрече с Леопольдом заметно то же чувство. В отношениях императорского двора к соседям было много высокомерия, не оправдываемого действительным могуществом и питаемого только фикцией. Есть правдоподобный рассказ, что благодарность польскому королю Яну Собесскому, своему избавителю от турок, Леопольд выразил в таких холодных и церемонных фразах, что король иронически ответил: «Я очень рад, что мог оказать вашему величеству такую незначительную услугу». Что такое в самом деле был перед императором какой-нибудь польский король! Не выше было в глазах цесарского двора и еще дальше к востоку от Польши лежавшее, хотя и обширное, но пустынное и полуазиатское Московское государство. С самого появления Петра в австрийских владениях ему давали чувствовать габсбургское высокомерие. Император продержал его несколько дней в ничтожной деревушке Штокерау перед Веной в ожидании ответа, как некогда византийский император продержал киевскую княгиню Ольгу перед Константинополем. При въезде в столицу русское «великое» посольство принуждено было испытывать препятствие от маршировавших через его дорогу императорских войск. На личное свидание Леопольд согласился только по третьей просьбе царя, строго ограничив предмет беседы пустыми комплиментами. И Петр принимал все эти знаки отношения высшего к низшему, не выражая не только возмущения, но даже и просто какого-либо неудовольствия. В его чрезмерно почтительном обращении с императором, которому он низко кланялся и у которого готов был целовать руку, сказывалось не только чувство почтения молодого человека к старому — Леопольду шел 59-й год, но именно чувство уважения к нему как к первому из монархов. Это чувство видно и во всем поведении Петра в Вене. Везде в других местах: в Бранденбурге, в Голландии, в Англии он проявлял свой нрав и давал волю своим при-

---

[1] *Arneth*, Prinz Eugen von Savoyen, I, 189—195.

чудам; не стеснялся выталкивать из комнаты придворных курфюрста Бранденбургского, писать ему фамильярное письмо или принимать английского короля, личностью которого увлекался, в полураздетом виде. Ни о каких причудах или странных выходках не слышим из Вены, хотя за Петром следили здесь не менее зоркими глазами, чем в других местах и хотя таких выходок ожидали [1]. Можно предполагать, что Петра немало тяготили строгие условия этикета; но он шел безропотно и на них и соблюдал их, насколько был в силах, не овладев только достаточно своей размашистой походкой в галлерее. Но когда он вышел из галлереи после свидания, и, спустившись в сад и осматривая его, заметил там на пруду лодку с парой весел, господствующая страсть прорвалась через сдержки этикета. Он бросился бегом к пруду, прыгнул в лодку и сделал в ней несколько кругов по пруду, работая веслами — поступок, разумеется, непредусмотренный церемониалом свидания [2].

XXXI. ОТЗЫВЫ О ПЕТРЕ ИНОСТРАННЫХ ПОСЛОВ В ВЕНЕ. НАЧАЛО ПЕРЕГОВОРОВ С ГРАФОМ КИНСКИМ. ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ПЕТРА В ВЕНЕ. СВИДАНИЕ С ИМПЕРАТРИЦЕЙ

Апостолический нунций, донося в Рим о свидании царя с императором 19 июня, сообщает о впечатлении, которое царь производит, и дает описание его наружности, пишет, по его выражению, «портрет царя». Его описание интересно, как показание очевидца; он верно схватывает черты Петра, но иногда дает им неверные объяснения, почерпнутые из носившихся в Вене слухов и из собственных соображений. Но и нунций ни слова не говорит о каких-либо странных выходках или причудах царя, о которых, если бы они были, несомненно, шла бы молва в Вене, как это было в Лондоне. Наоборот, нунций подчеркивает цивилизованность манер Петра, объясняя ее влиянием путешествия. «Итак, я скажу, — пишет он, — что царь — молодой человек 28—30 лет, велик ростом, с лицом темнооливкового цвета, скорее полный, чем худой, с гордой и важной осанкой, и быстрым взором. Левый глаз у него, а также рука и нога той же стороны поражены ядом, который был ему дан еще при жизни брата (?), но теперь в глазу у него остается только тот недостаток, что взгляд

---

[1] Депеша в Рим испанского посла в Вене от 18/28 июля 1698 г.: «Il Czar si mantiene incognito, ma credo che si farà presto conoschere con qualcuna delle sue solite stravaganze» (*Шмурло*, Сборник, № 538).

[2] «Ceremonial-Protocolle». В «Entrevue» читаем: «Der Czaar besahe hierauf den Garten und darinnen befindliche Teiche und darauf seyende Gondolen welche er mit aller möglichen Accuratezza betrachtete und alles auch sonsten genau observirte auch so gar das Wasser in den Fontainen kostete; die Pomerantzen Bäume admirirte und lobte er absonderlich; nachdem er alles genau besehen begab er sich mit dem Graffen Tschernien und obigen Moscowitern wieder zurück in sein Quartier».

у него — точно взгляд ослепленного, и глаз в постоянном движении так же, как рука и нога. Чтобы скрыть этот недостаток, он сопровождает это непроизвольное движение постоянными телодвижениями и жестами, что в странах, где он побывал, многие приписывали естественной живости, но это, наверное, искусственно. У него ум возбужденный и быстрый (svegliato e pronto), манеры скорее цивилизованного человека, чем дикаря, в чем ему бесконечно помогло сделанное путешествие, и очень заметна разница между тем, каким он был в начале путешествия и теперь, хотя природная грубость выступает в нем, в особенности со своими, которых он держит в узде и в большой строгости (tiene in freno con gran severità). Он имеет сведения по географии и по истории и, что следует особо отметить, у него есть желание эти сведения расширить; но более сильная склонность у него к морскому делу. Он занимается механической работой, как он делал это в Голландии, и эта работа, насколько говорят люди, его знающие, ему необходима, чтобы отвращать действие помянутого яда, которое в указанной части очень его отягощает. Впрочем в его особе и в осанке, а также в манерах у него нет ничего такого, что́ бы отличало его и выдавало, как государя». В близких к этому описанию чертах и с теми же легендами изображает царя венецианский посол Руццини: «Он высок, тонок (gracile), с некоторыми по временам движениями в голове и в ногах — как думают, последствие некоторого яда, которым покушались на его жизнь во времена заговора его сестры княжны Софьи. Он ходит просто и даже грубовато одетый, носит короткие волосы до ушей, подстриженные на темени. Он одарен достаточной ловкостью и здравым смыслом, ум способный также к высшему кругу мысли, если бы было лучше его начальное воспитание, — впрочем, внимательный к тому, что он видит (attento per altro a quanto vede); вызывает любопытство к каждому сколько-нибудь замечательному обстоятельству»[1]. «Он был одет, — повествует описание свидания государей, составленное неизвестным лицом и пересланное в Рим, — в скромное платье: длинный и узкий камзол с узкими наглухо застегнутыми рукавами, как одеваются зажиточные и степенные горожане Амстердама; собственные его волосы темные, не длинные; роста, как обозначалось, высокого, выше обыкновенного, несмотря на то, что тяжесть его корпуса делает его несколько сутулым. Обнаруживает здравый смысл в разговоре, гибкость (docilità), приветливость в обращении, но более всего покорность желаниям его величества»[2].

Об отсутствии у Петра во время пребывания в Вене тех странностей, которыми он удивлял в других местах, свидетельствует также в своем донесении в Рим испанский посланник: «Он не кажется здесь вовсе таким, каким его описывали при других

---

[1] *Шмурло,* Сборник, № 544, стр. 404.
[2] Там же, № 545. Riferta di un confidente, Vienna li 5 Luglio 1698.

дворах, но гораздо более цивилизованным, разумным, с хорошими манерами (manieroso) и скромным» [1].

По сообщению нунция, царь остался в высшей степени доволен свиданием с императором и высказывал по отношению к императору чувства любви и уважения. Часа через два после свидания граф Чернини явился во дворец доложить, что царь, между прочим, выразился, назвав этот день самым счастливым в своей жизни и высказал горячее пожелание иметь возможность часто видеться с цесарем [2].

«Восхищения и почитания, — пишет нунций, — которые он (царь) питает к его цесарскому величеству и к его августейшему дому, нельзя достаточно выразить. Он при всяком случае касается в разговоре происшедшего свидания с его цесарским величеством, которого единственно, как он заявляет, он желал и которое, как он утверждает, было главной целью, побудившей его выехать из своих обширных владений вопреки старинным обычаям своей страны. Этим свиданием он, кажется, доволен в высшей степени и публично сказал, что на челе императора, как в ясном зеркале, видел святость и праведность, о которых он всегда слышал как о главных свойствах этого монарха» [3].

20 июня были закончены переговоры с цесарским правительством о содержании русского посольства. К послам явились те же уполномоченные, которые вели эти переговоры 17 июня: барон Барати, пристав при послах Газен и переводчик Стилла с объявлением, что цесарь указал выдавать посольству с волонтерами и со всей посольской свитой денежное содержание по 3 000 гульденов, а московским счетом по 1 500 ефимков в неделю, да сверх того поставлять фураж посольским лошадям в натуре. Послы, как отмечает «Статейный список», «на милости цесарского величества били челом». Апостолический нунций сообщал папскому двору подробности этих переговоров, почерпнутые из слухов. По его сообщению цесарское правительство первоначально назначило было на содержание русского посольства по 1 000 талеров в день; но сам Петр разразился восклицаниями (prorupре in esclamazioni), говоря, что эта сумма чрезмерна и слишком тяжела для его дорогого брата, как он постоянно называет императора, при теперешнем несчастии во время столь продолжительной войны, которую император ведет за христианство, и уменьшил предположенную сумму до 3 000 флоринов в неделю вопреки возражениям со стороны цесарских министров [4].

---

[1] *Theiner*, Monuments Historiques, 372, 375, оба от 5 июля/25 июня.

[2] «Entrevue»: «und liess durch den Graffen Tschernien den Käyser ein sehr obligeantes Compliment sagen unter andern dass er diesen Tag vor den glückseeligsten Tag halte; in gleichen dass er wann es der Käyser erlaubete öffters zu Ihm kommen wolte auch auf Jagen und sonsten ingleichen in die vorseyende Comoedie, wann sie nicht zu lange daure. An beyden Herrn hat mann über diese Entreveüe eine besondere Vergnügung gar eben observiren können».

[3] *Theiner*, Monuments Historiques, 372.

[4] Ibid.

Царь стремился в Вену для того, чтобы повлиять на цесарский двор и отклонить его от заключения с турками преждевременного мира; нетрудно себе представить поэтому, каким нетерпением он горел вступить по этому делу в переговоры с цесарским правительством. Но для начатия официальных переговоров были формальные препятствия: их нельзя было открыть ранее торжественной аудиенции посольства у императора, а эта аудиенция не могла состояться ранее приезда в Вену дворянина Владимира Борзова, который вез из Москвы подарки, подносимые обыкновенно на приемной же аудиенции. Притом надлежало устанавливать церемониал аудиенции, что также могло не обойтись без споров и затянуться. Между тем дни пребывания в Вене проходили за днями, а Петр оставался в неизвестности о ходе переговоров с турками[1]. Поэтому он решил начать переговоры неофициально, непосредственно сам, не дожидаясь этих формальностей, и 21 июня через состоявшего при нем графа Чернини послал к главе ведомства иностранных дел канцлеру королевства Чешского графу Кинскому записку с тремя краткими, ясными и прямо поставленными вопросами, именно: 1) Каково намерение императора: продолжать ли войну с турками или заключить мир? 2) Если император намерен заключить мир, то какими условиями он удовольствуется? 3) Известно, что турецкий султан ищет у цесаря мира через посредничество английского короля; какие условия предлагаются турками императору и союзникам?[2]

Ответ на эти вопросы не мог быть дан скоро, в особенности при нерешительном характере графа Кинского, искусного, но уже слишком тонкого, осторожного, предусмотрительного и крайне колеблющегося дипломата при таком нерешительном государе, как Леопольд I. «Человек больших знаний, — характеризует Кинского хорошо знавший его современник, — расчетливый сверх надобности и скрытный до излишества; действует всегда с искусством, утончает самые естественные соображения и очень часто скорее запутывает, чем упрощает дело. Во всех делах страшно нерешителен, но эта нерешительность происходит у него не от недостатка мужества, а скорее от избытка остроты ума, почему даже после принятия твердого решения его собственная проницательность представляет ему какие-либо затруднения и внушает другое решение, и он оставляет дело неисполненным и неоконченным... Благодаря его возрасту он во всех конференциях получает руководство и председательство; отсюда к естественным трудностям дела примешиваются препятствия от его тяжелого характера, и можно понять последствия: крайнюю трудность и опасности, с которыми связано ведение переговоров с таким субъектом. Многие его по этим причинам избегают; другие совершенно отказываются вести с ним переговоры; подобный образ действий

[1] Депеша Рудзини (*Шмурло*, Сборник, № 543, стр. 401).

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1334—1335; П. и Б., т. I, № 245; Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 43, л. 1. Записка написана рукой Ф. А. Головина.

совершенно вооружил против него английских министров и испанского посла»[1]. Петру приходилось подождать, пока осторожный и тонкий дипломат обдумает ответ на поставленные ему вопросы. Об ответе царю цесарские министры совещались на конференции, на которую приглашен был и венецианский посол Рудзини. Речь шла о том, как и когда сделать сообщение царю: сообщить ли ему о ходе дела еще до ответа турецкому правительству на его мирные предложения или же предварительно отправить этот ответ через английского посла в Константинополе Пэджета, а затем уже поставить царя перед совершившимся фактом, из опасения, чтобы царь, вмешавшись в дело, не затормозил его, требуя новых сведений и представляя соображения в пользу войны. Решено было послать ответ туркам и тогда уже о нем сообщить царю.

21 июня прибыл в Вену с остальной частью посольства А. Д. Меншиков, расставшийся с послами в Клеве[2]. Петр получил с большим опозданием дошедшее до него и, может быть, привезенное именно Меншиковым письмо из Москвы от князя Б. А. Голицына от 22 апреля. Князь Голицын касался в нем многих предметов: постройки кораблей на Воронеже, переговоров с Аюкой ханом калмыцким, отношений калмыков к кубанцам, работ по прорытию канала между Волгой и Доном: у него готовы для этого дела люди, тысяч с двадцать и припасы для них, над каналом работают и роют землю уже 6 000 человек, нужен инженер и не один и пр. Бо́льшая часть письма неясна для нас, так как написана намеками, непонятными без ключа, каким было бы несохранившееся письмо Петра, на которое отвечает Голицын[3].

В ожидании ответа на статьи, врученные Кинскому, Петр посвящал свободное время осмотру венских достопримечательностей: посетил арсенал, библиотеку, кунсткамеру, некоторые церкви. Вероятно в связь с этим осмотром надо ставить запись расходной книги: «взял второй великий посол на роздачу цесаревым служителем, которые великим послом на цесарском дворе показывали разные вещи, 300 золотых»[4]. 23 июня во дворце Фаворита по случаю тезоименитства императора Леопольда дано было оперное представление, на котором на этот раз без обычного этикета присутствовала вся императорская фамилия. Ино-

---

[1] Венецианский посланник в Вене (*Arneth*, Prinz Eugen von Savoyen, I, 454—455).

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 92. об.: «Июня в 21 д. ...дано Александру Меншикову 70 золотых, которые он издержал, едучи от Клева до Вены». Пам. дипл. сношений, IX, 1036: «А июня в 21 д. к обеду приехали в Вену».

[3] П. и Б., т. I, стр. 698.

[4] Депеша Рудзини от 5 июля/25 июня: «Volle immediate veder l'arsenale e l'artiglieria in esso riservata» (*Шмурло*, Сборник № 544). *Устрялов*, История, т. III, 128, — надо полагать, на основании «Ceremonial-Protocolle». Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 99 об. «Theatrum Europaeum», XV, 472: «Hiernächst hat Er alles Merckwürdige in und ausserhalb Wien besichtiget und täglich sich verkleidet um nicht erkannt zu werden».

странные дипломаты были на спектакле инкогнито. Приглашены были и русские послы, которым отведена была особая ложа. Впереди сидели Лефорт, Головин и Возницын; за ними несколько дворян и среди них Петр, смотревший представление из-за послов. От нестерпимой жары он часто выходил из ложи в галлерею, где подносили ему венгерское и другие вина. «Царь был приглашен на музыку в театре, — доносил римской курии испанский посланник, — это было третьего дня и продолжалось более четырех часов. В ложе он был заметен среди всех других. Утомленный длиннотой (спектакля) и жарой он много раз выходил в соседнюю галлерею и затем возвращался в театр и так делал до конца спектакля. Кажется, ему понравилась опера, хотя он воспринимал ее только глазами и ушами; но он не преминул отметить некоторые обстоятельства, в которых, как ему казалось, не была хорошо передана природа искусства»[1]. А относительно танцев он сказал, что они очень отличаются от московских танцев, потому что там танцуют только ногами, а здесь также (производя движение) руками и головой. С ним в театре были три его посла и другие господа из свиты, и по его желанию в этот день все были одеты по-немецки.

Возвратившись домой из театра, Петр объявил графу Чернини о своем желании на следующий день, 24 июня, посетить императрицу Элеонору-Магдалину и повидать также принцесс. Императрица несколько колебалась ответом. Элеонора-Магдалина, до замужества принцесса Пфальц-Нейбургская, третья супруга Леопольда I, тихая, кроткая женщина, всегда преданная и послушная мужу, — держалась вдалеке от всяких государственных дел, не терпела пышности и церемоний и вела замкнутый, почти монастырский образ жизни, усердно посещая божественные службы и всецело отдаваясь семейным заботам, воспитанию дочерей. Единственный предмет, ради которого она в виде исключения пускала в ход свое влияние в государственных делах, было устройство карьеры ее многочисленных братьев; ни до чего другого она не касалась. Такой замкнутостью ее образа жизни и удалением от всякой политики и объясняется ее колебание в ответе на желание Петра; но затем она дала согласие принять его. Был наскоро выработан церемониал свидания; было установлено, что царь возьмет с собой одного только Лефорта, императрица же выйдет к нему с принцессами в сопровождении обер-гофмейстерины и статс-дам. Местом свидания была назначена зеркальная зала в Фаворите рядом с императорской опочивальней. Царь должен был войти через сад той же лестницей как и при посещении императора. Петр согласился на все условия церемониала, но с первого же шага его и нарушил, захватив с собой при отъезде из посольского дома на свидание с императрицей не только Ле-

[1] *Theiner*, Monuments Historiques, 375: «e mostrò di essergli piaciuta l'opera, benchè solo da lui intesa cogli occhi e con gli orecchi; ma non lesciò di notare parecchie circostanze d'improprietà, parendogli che in quelle non era stata bene imitata la natura dell'arte».

форта, но также Головина и Возницына. Граф Чернини успел уведомить о такой перемене императора, и тот счел нужным в ответ на увеличение свиты царя увеличить свиту императрицы, приказав находиться при ней вице-канцлеру графу Кауницу, который оказался тогда во дворце.

Императрица и принцессы, окруженные придворными дамами, стояли среди зала, когда обер-гофмейстерина доложила о прибытии царя. Элеонора-Магдалина тотчас пошла к нему навстречу и приняла его у входа с ласковым приветом, а затем возвратилась на прежнее место. Петр сказал ей приветствие по-русски, она отвечала на немецком языке; Лефорт служил переводчиком. Обменявшись с ней еще несколькими словами, Петр обратился к стоявшим справа от императрицы принцессам, расспрашивал, сколько им лет и хвалил красоту каждой. Элеонора-Магдалина спросила о здоровье сестры своей, супруги царя, и этим вопросом он остался весьма доволен по замечанию «Ceremonial-Protocolle» — «über welche Expression er sich sonderbahr vergnügt». После этого царь раскланялся и удалился [1]. При этом свидании с императрицей и эрцгерцогинями он уже нисколько не обнаруживал той застенчивости, которую проявил при встрече с курфюрстинами год тому назад. Свидание состоялось по его инициативе, и он держал себя в разговоре с дамами совершенно свободно.

Как припомним, конференция министров решила отправить ответ на турецкие предложения и тогда сообщить об этом Петру, поставив его перед совершившимся фактом. Действительно, 23 июня/3 июля выехал из Вены секретарь Пэджета с ответом за подписью Кинского и Рудзини, причем ответ этот был помечен задним числом 23 июня (нового стиля, 13 — старого), как будто он был подписан еще до приезда московского посольства [2]. Только после отправления ответа, на другой день, 24 июня, Кинский явился в посольский дом с письменным ответом на предложенные ему 21 июня вопросы Петра [3]. В этом ответе говорилось, что цесарь не искал мира и не имел к тому причин при успехах своего оружия. Можно быть уверенным, что оружие без достижения почетного и прочного мира положено не будет. Условия мира не могут быть иными, как теми же, на которых искони за-

---

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 129.

[2] Депеша Рудзини от 25 июня/5 июля: «Così dunque nell'ultime hore del giorno d'avant-hieri, che fu quello dei 3 del corrente, parti il secretario con le carte autentiche... Riesce misteriosa l'anteripazione della data, sotto cui si vedono le stesse carte segnate; posta quell'anteriora de 23 Giugno, con la mira d'occultar a Moscoviti la verità, facendo la creder seguita l'espeditione avanti la loro comparsa» (*Шмурло,* Сборник, № 543). Ответ (декларации), подписанный Кинским и Рудзини, в переводе см. Пам. дипл. сношений, VIII, 1350—1352.

[3] Устрялов ошибочно относит этот эпизод к 25 июня, ссылаясь при этом на «Статейный список» (т. III, стр. 130). В «Статейном списке» (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв. № 45, л. 606 об.) ответ графа Кинского отнесен к 24 июня (Пам. дипл. сношений, VIII, 1338). Ср. депешу Рудзини от 25 июня/5 июля: «Fu però Chinschi *hieri* dopo pranzo appresso il Czar». (*Шмурло,* Сборник, № 543).

ключался мир между высокославными предками цесаря и турецкими султанами, а именно на основании «uti possidetis». Такие условия цесарь предлагал как за себя самого, так и за своих высоких союзников: за царя, короля и республику Польскую и за республику Венецианскую. Мирные предложения султана присланы через посредничество английского короля, которое было принято императором и Венецией еще до присоединения к союзу царя московского. Об этих предложениях было тотчас же дано знать правительствам московскому, польскому и венецианскому. Сообщение московскому правительству было сделано через русского резидента в Варшаве, и венский двор был уверен, что это сообщение царь уже получил; но так как, повидимому, оно его еще не достигло, то цесарь приказал ему, Кинскому, к передаваемому им письменному ответу приложить также в копиях и переписку по этому вопросу. Переписка и была Кинским передана послам в двух связках писем. В этих связках часть документов по осмотру переводчиков, оказалась уже известной послам: это были документы, доставленные в Амстердам варшавским резидентом А. В. Никитиным. Кроме того, вновь представлены были: письма переводчика при Порте Александра Маврокордато к английскому и голландскому послам от имени великого визиря, донесения английского и голландского послов в Константинополе, полномочная грамота графу Кинскому от цесаря на ведение переговоров с турками и ответ (декларация) за подписью Кинского и Рудзини, помеченная 23 июня и только что посланная с секретарем английского посольства [1].

XXXII. ПЕРЕГОВОРЫ С КАРЛОВИЧЕМ

В тот же день, 24 июня, в посольский дом явился и другой посетитель, имевший отношение к переговорам, начатым царем с цесарским правительством. Еще будучи в Голландии, Петр сообщил саксонско-польскому посланнику Бозе о своем желании, чтобы в Вену, куда он едет, было прислано Августом II доверенное лицо для более близкого соглашения о совместном образе действий России и Польши ввиду склонности венского двора к мирным предложениям турок. В качестве такого доверенного лица приехал в Вену тайно присланный от польского короля генерал-майор Карлович, который и был принят царем 24 июня. Сохранилась запись разговора его с царем, из которой виден предмет беседы. Царь, правда, не назван в записи прямо, его слова, обращенные к Карловичу, записаны под прикрытием безличного обозначения: «И ему (Карловичу [2]) говорено»; но слог документа с постоянным употреблением глаголов в третьем лице единственного числа: «благодарствует», «видит», «верит», «труждается»

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1340—1352; ср. *Шмурло*, Сборник № 550, депеша Рудзини от 2/12 июля.

[2] Карлович в этой записи также прямо не назван, а обозначается словами «королевского величества присланной».

и даже «повелит» раскрывает нам ясно, что под условным выражением «говорено» в качестве говорившего разумеется не кто иной, как царь. Притом и в письме Карловича к одному из послов, надо думать к Лефорту, написанном на другой день после разговора (5 июля/25 июня), можно найти указание на имевшую место накануне аудиенцию у царя: Карлович в скобках с благодарностью говорит о руке посла, «которая так милостиво ввела» его (sognädig introducirt), т. е. к царю [1].

Итак, будучи введен к царю, Карлович начал разговор с объяснения причины своего появления: королю через посла его в Голландии Бозе стало известно, что царь будет в Вене и желает, чтобы король прислал туда «некоторую особу», чтобы «в мирных с турки договорах согласие иметь»; поэтому король и послал его, Карловича, снабдив его листом за своей подписью, адресованным, однако, к послам, а не к царю, чтобы эта посылка была никому неведома. Переходя затем к сути дела, он передал, что король приказал ему довести до сведения царя, что полагается во всем на волю его царского величества и хочет во всем поступать, как угодно будет государю. Король испытывает тревогу по поводу предстоящего конгресса и по поводу переговоров с турками о мире и не питает доверия к цесарскому правительству: «да и о том приказал донесть, что с цесарской стороны твердят ныне о съезде с турки и о договоре миру. И королевское де величество имеет великую небезопасность потому, что цесар свою ползу соблюдает, а прочих оставляет». Желание Августа II заключается в том, чтобы конгресс с турками происходил где-либо поблизости от польской границы: «и того ради, чтоб домогатца, дабы тот сьезд был при полской границе для лутчей полззы. А королевское де величество сам того всего предостерегать будет». «И ему говорено, — читаем, далее, в записи, — что в Амстрадаме послу Бозе о том говорено и королевскому листу, которой он отдал, верят и потому, что с цесарской стороны слышано, и то ему объявлено будет. А за любовь королевского величества благодарствует. А в мирном деле прикажет поступат как себе, так и его королевскому величеству» (sic!). Таким образом, Петр признал присланного агента, как уполномоченного от короля, обещал сообщать ему о своих переговорах с цесарским правительством, а в мирных переговорах соблюдать интересы польского короля так же, как и свои собственные. Эти взаимные уверения продолжались и в дальнейших словах собеседников: «И присланной говорил, что де его королевское величество всегда спомочником и служителем его царского величества быти обещаетца. И ему говорено: видит и тому верит и, видя крайнюю дружбу, так и поступает. И согласно все дела приводить желает. И присланной говорил, чтоб де его царское величество изволил быть надежен,

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1698 г., № 8, л. 1—2 — письмо Карловича на немецком языке; л. 3—4 — перевод.

что его королевское величество без совету ево ни в чем никогда не поступит».

Царь спросил затем, имеет ли Карлович полномочие вести с цесарским двором переговоры по поводу мира, представляя королевскую сторону: «приказано ль ему в том мирном деле у цесарского двора что за королевского величества сторону говорить? На ответ Карловича, «что ему о том не приказано, толко прислан он к его царскому величеству», Петр заметил, что, «конечно, надобно было с его королевского величества стороны некоторая персона, которая б имела с его царского величества послы стоять заодно», т. е. что необходимо лицо, особо уполномоченное от короля, чтобы действовать заодно с русскими послами. Карлович заявил, что если это надобно, то будут присланы послы поляки; но Петр возражал, что снаряжение польского посольства сопряжено будет с промедлением и как бы за это время цесарь не заключил невыгодного для союзников мира. Поэтому необходим теперь же уполномоченный от короля, хотя бы не для окончательных постановлений, а только для переговоров; впоследствии же может быть прислан и настоящий посол: «И присланной говорил: естли надобно, будут послы поляки. И ему говорено: то не без продолжения будет, а в тое б пору не учинил цесар миру с каким им, союзным, убытку; того ради, хотя не для постановления, токмо для договору и стояния был бы кто с королевской стороны, а после мочно и знатную персону». Карлович объявил, что послом назначен «некоторый бискуп», уже находящийся в пути. Петр вновь подтвердил о своем желании, чтобы был прислан доверенный лично от короля, пусть не в сане посла, а только вместе с назначенными уже польскими послами, который мог бы вступить в тайные сношения с русским посольством: «чтоб от короля был верной его, с кем бы мочно то дело делать. И хотя б уже не послом, то бы с теми послы был верной человек, которой бы имел сношение тайное с его царского величества послы». Царь, видимо, не надеялся на официальных представителей Польши, как Речи Посполитой, и предпочитал иметь дело с личными уполномоченными короля. Карлович сказал на это, что королю едва ли можно будет наряду с официальным посольством уполномочивать тайно особое лицо: поляки народ ненадежный, а цесарцы «великое свое к неправде склонение имеют», и, если узнают, что король ведет двойную дипломатию, «то де возмутят половиною Полшею. И так де цесарский посол всех наговаривает, чтоб король на войну не ходил». Карлович поэтому просил сохранить в тайне и его присутствие в Вене. Услыхав о невозможности присылки личного уполномоченного от короля, царь предложил указать другой способ, как России с Польшей поддерживать совместно свои интересы. «И ему говорено, чтоб сыскат способ, дабы с обоих сторон заодно стоять». Карлович именно как на такой способ указал на назначение места конгресса близ польской границы; тогда король будет поблизости следить за ходом дела на конгрессе, не допустит до невыгодного

мира и постарается об удовлетворении заинтересованных. «И посланной говорил, чтоб де к тому приводить, чтоб той комисии быть при полской границе. А там всяко его королевское величество то дело будет мешать и до миру не допускать или лутчего удоволства искать». При этом Карлович дал самый нелестный отзыв об императорском правительстве: «А цесарцы де люди ведомые, и как им нужда, тогда всякою ласкою оказываютца и подметываютца, а когда отдохнут, и тогда поступают над протчими, как над подданными своими; что де и ныне цесар, не довольствуяс приятством ево курфистровым и помочью, чем платит? — и так всегда приятелем своим повыкли платить». В противоположность этому королевское величество «надежен на его царское величество и, хотя б все оставили, то он при его царском величестве будет стоять и благополучного миру с турки искать». Царь вновь дал обещание всячески трудиться над заключением мира к выгоде союзников, выразил неудовольствие по поводу условий, на которых хотят мириться цесарцы, невыгодных для короля, вступившего в войну и ничего войной не достигшего; но неубежденный, видимо, соображениями, приведенными Карловичем, вновь настаивал на присылке доверенной особы от короля. «И ему говорено: всяко труждатца в том деле повелит. А се королевское величество вступил в военное дело и, не совершa ничего, ныне безо всякого удоволства хотят учинит мир. И чтоб его королевское величество прислал какую особу верную, которой бы имел сноситися с его царского величества послы и стоять заодно. И о том бы он к его королевскому величеству писал наскоро». Карлович ответил, «что он к его королевскому величеству пошлет чрез почту товарыща своего, а сам останется тут, в Вене, и будет служит его царскому величеству, в чем потребно будет» [1]. На этом беседа закончилась.

Итак, Карлович явился в Вену к царю, чтобы выслушать о его желаниях и сообщить ему о взглядах короля. Из обмена мнений в разговоре выяснились различные взгляды на то, в чем заключается лучший способ дальнейших совместных действий России и Польши относительно мирных переговоров с турками. Петр считал необходимым, чтобы во время переговоров находился при русских послах доверенный короля Августа, лично им уполномоченный, который бы действовал заодно с русскими послами и с которым можно было бы вступать в соглашение. Царь не доверял официальным представителям Речи Посполитой, но дружбу с Августом считал прочной и рассчитывал на нее положиться; видел в ней опору для совместного действия на конгрессе. Август II, уверяя Петра через Карловича в дружбе и преданности, через него же высказывал иной взгляд на лучший образ действий: он желал, чтобы конгресс союзников с турками назначен был где-либо на польской границе и при таком условии рассчитывал влиять на ход дел на конгрессе. Передав взгляд короля

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1698 г., № 8, л. 6—10.

в разговоре с царем, Карлович возвращается еще раз к той же мысли в упомянутом выше письме, присланном Лефорту на другой день после свидания. «Царское величество, — фигурально выражается он в этом письме, — если бы мирные переговоры происходили в Польше, руку ближе к сосцу имел бы вследствие близости рубежей, нежели в землях иных союзников». «Но вашего превосходителства разум, — заканчивает он письмо, — милостиво рассуждати возможете, какую силу место (т. е. место конгресса) сему мирному договору дати может»[1].

Вполне возможно предполагать, что, находясь в Вене, тайный агент Августа II, кроме той беседы, которая изложена в записи, имел еще и, может быть, неоднократные свидания с царем, о которых не было составлено или по крайней мере не сохранилось записей и которые коснулись, между прочим, и будущей встречи государей в Вене. Разговоры с Карловичем в Вене положили начало той близкой дружбе, тем тесным отношениям, которые впоследствии завязались у Петра с Августом II. До сей поры эта дружба имела основанием, с одной стороны, политический расчет Петра, благодаря которому он поддержал кандидатуру курфюрста Саксонского на польский престол, а с другой — признательность за могущественную поддержку, оказанную царем. Может быть, царь питал также расположение и к личности Августа, но расположение, так сказать, по наслышке. Через Карловича Петр вступил в более интимные сношения с польским королем, которые подкрепились затем личным свиданием в Раве. Эти близкие сношения втянут Петра в круг политических планов Августа,

[1] Арх. мин. ин. дел. Дела польские 1698 г., № 8, л. 1—2 — подлинное письмо на немецком языке. Там же, л. 3—4: «Перевод с немецкого писма с листка, каков подал великим и полномочным послом присланной тайно от полского короля июня в 24 ден в Вене». Эта дата ошибочна, так как письмо помечено 5 июля, следовательно, 25 июня по ст. ст. При письме к Лефорту пересылается Карловичем запечатанное письмо к царю, которое он, как он говорит в постскриптуме, «вчера вручити забыл» и которое просит «положить пред ногами царского величества чрез руку вашего превосходительства». Письма к царю в деле нет. Карлович представил также какие-то статьи, проект какого-то договора. Статьи 5 он особо касается в письме к государю, как он сообщает Лефорту: «и притом еще о 5-й части в сем писме содержаной воспомянуть [хочу]». Там же, л. 5: «Выписано из статей против вышеписанного немецкого писма, каковы подал вышепомянутой же присланной королевской. А те статьи царского величества посланник, будучи у цесарского величества, подал в 3-ем ответе.

5-я.

Буде приключится некой стране в сих уреченных летех, что от неприятеля полезного и дружного мира договоров предложен будет, тогда сей мир отказан да будет; кроме того, когда купно совокупленными советами и общим соизволением с обоих стран великих государей его царского и цесарского величеств о том позволится. Буде же некой союзной стране приключится некая присылка от турков или татаров или некое посредство о прошении мира; тогда единая страна другой стране тотчас возвестити и открыти все, ничего не утая в сих и таких же делех, чрез частые интернунцыусы (на полях: «скорой вестник») или чрез обыкновенные почты с обоих стран чрез резидентов при королевском дворе полском обретающихся единогласно и взаимно между собою обнестити должны да будут».

неустанного составителя планов, вечно носившегося с разного рода политическими проектами, долженствовавшими изменять карту Европы. В свою очередь вступление в этот круг приведет Петра к перемене фронта, — от войны с Турцией к войне со Швецией, начатой под влиянием Августа II и по его уговорам. Беседа с Карловичем 24 июня входит как бы в виде intermezzo в начавшиеся переговоры с цесарским двором, к которым мы и должны теперь обратиться.

XXXIII. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ С ГРАФОМ КИНСКИМ

Когда врученный Кинским письменный ответ был переведен, Петр, ознакомившись с ним 25 июня, выразил желание выслушать еще личные объяснения чешского канцлера, для которых Кинский через графа Чернини был приглашен на следующий день в посольский дом, куда и явился 26 июня утром. Происшедшая здесь в это утро беседа его с царем была, подобно беседе с Карловичем, записана кем-то из состава русского посольства и затем включена в текст «Статейного списка», причем Петр обозначен в этом тексте словами «един первой»: «Июня в 26 день, — читаем в «Статейном списке», — цесарское величество присылал графа Кинского, канцлера ческого и ему един первой говорил. . .» и далее следует изложение разговора[1]. Петр начал с выражения благодарности императору за уведомление о мирных предложениях со стороны турок и об ответах на них; но ему «то удивительно, что основание мира (uti possidetis) положено по воле одного цесарского величества, а надобно б было то учинить с общего совету всех союзных». На эти слова Кинский ответил, что, хотя император и принял основание мира (uti possidetis), но еще ничего решительного для заключения мира не сделано; «о том миру ничего подлинного еще нет», и на будущем конгрессе с турками каждый может заявить о своих желаниях. Петр

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1354—1358; П. и Б., т. I. № 246. В Арх. мин. ин. дел (Дела австрийские 1698 г., № 43, л. 49 и 56) сохранилась запись этого разговора в ее первоначальном виде с прямыми указаниями на государя как на лицо, ведущее разговор с Кинским; там читаем: «И июля в де (так! Очевидно по новому стилю, которым помечены находящиеся в этом деле австрийские документы, которым помечались и русские) к великому государю цесарское величество присылал графа Кинского канцлера ческого. И великий государь изволил ему говорить, что он, великий государь, его цесарскому величеству благодарствует» и т. д. Этот текст исправлен другой рукой; слова «*к великому государю*» зачеркнуты, а вместо слов: «*и великий государь изволил ему говорить*» написано: «*и ему един первой* говорил» и т. д. Исправлявшая рука, очевидно, приспособляла запись для «Статейного списка», в котором выдержано инкогнито Петра. Но указываемая запись все же, надо думать, не первоначальная, а чистовая копия с первоначальной, сделанная рукой подьячего без помарок, которые были неизбежны в первоначальной записи, составлявшейся во время самого разговора или тотчас же после него. Сохранилась ли где первоначальная непосредственная запись и кем она была сделана, неизвестно. Разговор изложен в записи в косвенной речи, которую Устрялов (т. III, стр. 130—132) перелагает в прямую.

возразил, что цесарь довольствуется принятым основанием (uti possidetis), а ему, царю, довольствоваться этим основанием нельзя: оно не вознаградит его за труды и убытки. И хотя на конгрессе (комиссии) с турками его послы будут, однако им одним трудно будет отстоять их желание. Кинский в ответ на это сослался на союзный договор, в котором написано, что каждый из союзников должен стоять за себя и добиваться от неприятеля удовлетворения и прибавил затем, что цесарь «к тому склонение показует, для того, что за многолетнюю войну учинились великие убытки и многое пролитие крови христианской» и потому, раз турки склоняются к миру, следует их выслушать и предложения их рассмотреть. Петр заметил на это, что, если цесарское величество намерен был мириться с турками и искал этого мира через посредников, то надлежало предупредить об этом его, царя, заранее, чтоб ему, царю, не входить в столь великие убытки. Хотя цесарь и изволит теперь мириться, ему, царю, не усмирив татар и не приобретя крепости в их земле, приступить к миру невозможно. Уступкой такой крепости он удовлетворится. Цесарю известно, что у него с неприятелями был мир и разорвал он его для цесаря по его желанию и прошению; и потому следует теперь в заключении мира с турками позадержаться, чтобы все союзники могли получить удовлетворение. Кинский говорил на это, что цесарь, как скоро получил турецкие предложения, сообщил о них его царскому величеству с приложением документов. Для цесаря начать это дело было не противно союзному обязательству, притом же и «соединенные державы», т. е. состоявшие в унии Англия и Голландия, этого желали и потому нельзя было ответить туркам отказом. Что касается понесенных царем убытков, то — правда, только и цесарю пришлось понести за эту войну большие убытки. Впрочем дело о мире хотя и началось, но не скоро еще придет к совершению и можно еще получить желаемое от неприятелей. Обо всем этом он донесет цесарскому величеству. Петр сказал, что «соединенные, хотя и желают чего, а именно агличаня и галанцы, и то чинят, усматривая своих прибылей, потому что они люди болши торговые и всегда к французу склонные, и надобно их слушать, в чем возможно, а не во всех делех»; от него же, царя, никогда обману не бывает, и на чем с ним постановят, то остается твердым. Кинский заметил, что цесарь ответил бы перед богом, если бы, видя возможность заключить честный и постоянный мир, не приступил бы к этому делу, а попустил крови христианской литься напрасно. Петр сказал в ответ, что и он от честного мира не отступает, а желает, чтобы этот мир был прочен. Но для всякого имеющего разум ясно, что султан идет на уступки, видя свою беду, а цесарь спешит заключить мир ввиду предстоящей из-за испанского наследства войны с Францией и оставляет союзников без удовлетворения, и если во время войны с Францией султан также начнет войну против цесаря, тогда уже ненадежно будет цесарю помогать; а должно бы к миру приступать, укрепясь в своих границах, и не оставлять

притом союзников, не удовольствовав их. Кинский говорил: надобно рассуждать, для чего цесарское величество желает мира: сами утрудились и вошли в великие долги, а поляки и венеты не надежны; поляки уже давно воевать перестали, а венеты хотят теперь покинуть. Петр ответил на это, что ему этот неприятель не страшен, так как за отдаленностью он не может воевать против русского государства, а русским войскам по направлению рек всегда удобно вести войну в татарских владениях. Цесарь, очевидно, хочет заключить мир, не обеспечив границ, движимый желанием приобрести испанское королевство; так сто́ит вспомнить, как в прошлом году забунтовали венгры, и если опять случится подобное, а войск в Венгрии не будет, а они будут действовать против французов, тогда на что же рассчитывать? Кинский отпарировал это колкое указание Петра на новую возможность венгерского восстания, этой постоянной грозы для австрийской монархии, общей фразой, что следует говорить о будущем и заботиться об удовлетворении всех союзников, а не поминать о прошедшем. Петр возразил на это словами: «надобно все, что належит к целости, во́ время говорить», а затем вновь прибавил, что назначенное ему с турецкой и с цесарской стороны его не удовлетворяет. На дальнейшее замечание Кинского: еще о том подлинно не ведомо, согласится ли султан мириться с царем, Петр просил его доложить цесарю, о чем был разговор и принести ответ, а между тем будут изготовлены статьи, в которых будет указано, чего именно для своего удовлетворения он, царь, желает.

Резюмируя этот разговор, можно заметить, что Петр был сильно недоволен, во-первых, начатием переговоров со стороны цесарского правительства без предварительного соглашения с союзниками — и это он повторял неоднократно; затем он выражал досаду, что не был предупрежден о склонности цесаря к миру — тогда бы он не предпринял таких затрат для войны, тем более что для этой войны пришлось разорвать существовавший до нее между Россией и Турцией мир, и это было сделано ради цесаря. Наконец, Петр не довольствовался также и основанием для мирных переговоров, принятым цесарским правительством — uti possidetis. Это основание, обещавшее царю удержание за Россией Азова, его все же не удовлетворяло, и он дал понять, что ему для того, чтобы усмирить и держать в покорности крымских татар, недостаточно владеть Азовом, но надо еще приобрести крепость в их стране, которая бы их сдерживала. С заключением мира следует повременить до удовлетворения союзников. Слушать англичан и голландцев не следует; они хлопочут только о своих торговых выгодах. Он, царь, желает честного и прочного мира; но если заключить мир с турками поспешно, не обеспечив своих границ против них, то на прочность такого мира нельзя рассчитывать. Когда начнется у цесаря война с французами из-за испанского наследства и войска его будут сосредоточены против французов, он рискует подвергнуться вновь нападению турок,

и это особенно опасно ввиду постоянной возможности нового венгерского восстания.

Обещая доложить императору о предметах беседы, Кинский уехал. На другой день, 27 июня [1], он опять явился к царю и сказал, что доклад цесарю был им сделан, цесарь «за добрые рассуждения его царского величества по премногу благодарствует» и приказал обсудить вопрос в своей конференции. Без сношения и соглашения с царем он ничего делать не будет. Не выслушать предложений со стороны турок нельзя было; это надо было сделать ради «соединенных», т. е. Англии и Голландии; а выслушав, поступят с общего совета, как пристойнее. В заключение Кинский просил обещанных статей. Статьи были уже изготовлены и тотчас же ему вручены, причем Петр сказал, что в них «трудности никакой не положено». В этом документе царь отчетливо и ясно выразил свои пожелания, о которых в общих чертах он уже говорил Кинскому в беседе накануне. Пожелания эти сводились к двум пунктам: 1) Чтобы мир с турками был на будущее время прочен и неприятель не мог бы в течение некоторого времени, отдохнув и улучив удобный момент, вредить затем цесарю и прочим союзным государям. Для этого надо уступить России крепость Керчь. Тогда басурманы, имея по близости от себя неприятеля, не будут в состоянии нападать на владения цесаря и царя. Если же крепости уступлено не будет, то при заведомом непостоянстве крымских татар мир не может быть прочен, потому что татары и в мирное время набегами своими будут теснить и разорять союзников, а в особенности близкие к ним русские пределы, так что царю никакой пользы от заключения мира не выйдет и придется постоянно против таких набегов иметь наготове и в мирное время войска. 2) Если же неприятель при мирных переговорах не согласится исполнить такое требование царя, то пусть император со всеми союзниками соизволит продолжать наступательную войну по окончании срока союза [2] еще в течение двух или по крайней мере одного года, т. е. до 1701 г. За это время союзники, можно надеяться, при благословении божием получат все им необходимое, а затем общим советом с удовлетворением всех заключен будет мир [3].

Перед нами Петр на дипломатическом поприще. Он уже не прикрывается теперь фигурами послов, а ведет переговоры непосредственно сам, притом имея дело с таким тонким дипломатом, каким был граф Кинский. В этом выступлении Петра виден прежде всего нетерпеливый порыв взять эту отрасль государственных дел в свои руки. В дипломатической беседе он не скры-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 43, л. 35. В «Статейном списке» (Пам. дипл. сношений, VIII, 1358) второе появление Кинского отнесено к тому же дню, 26 июня, «по обеде», но это, вероятно, ошибка. Ср. стр. 1360: «Того же июня в 27 день», — следовательно, и предыдущее изложение надо относить к 27 июня.

[2] Союз, как припомним, был заключен 29 января 1697 г. на три года (П. и Б., т. I, № 134).

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 1358—1360; П. и Б., т. I, № 247.

вает владеющих им чувств недовольства и досады; он откровенно указывает и причины, которыми эти чувства вызваны, и отчетливо формулирует свои положительные требования. Из того, что им было сказано в разговоре с Кинским, видно, что он верно судит об опасности для России со стороны Крыма, если не удалось бы овладеть крепостью на Крымском полуострове, и обнаруживает большую проницательность относительно дальнейшего хода общеевропейских дел, предусматривая опасность для цесаря и союзников со стороны турок во время новой войны с французами, предстоящей из-за испанского наследства, наступление которой он предвидит и при этом умеет ловко уколоть австрийцев, задев в разговоре больное место австрийской монархии указанием на постоянно восстающую Венгрию. При этом параллельно переговорам с цесарским правительством он тайно от него ведет переговоры с уполномоченным польского короля, высказывая полное недоверие к австрийцам, от которых ждет предательства. Он, таким образом, настороже и внимательно следит за соблюдением русских интересов. Переговоры Петра с цесарским правительством не укрылись от находившихся в Вене европейских дипломатов. «Царю был сообщен, — доносит римской курии испанский посол, — проект мира, предложенный турками, и он не вполне им удовлетворен, но настаивает, чтобы воевать еще по крайней мере два или три года или чтобы потребовать у турок уступки Московии значительной крепости, которой владеют татары и которая очень беспокоит владения царя. Ему ответили, что, если турки согласятся на предложенный конгресс, то его нельзя откладывать; но принятие за основу переговоров uti possidetis не мешает москвитянам настаивать на получении этой крепости, в чем они будут поддержаны его цесарским величеством и республикой» (Венецианской) [1].

27 июня в русское посольство явился находившийся в Вене резидент английского короля Старлат с поручением от короля просить послов, чтобы они не досадовали, что его государь не объявил послам, когда они, — т. е. Ф. А. Головин или же здесь разумеется сам царь, — были в Англии, о своем посредничестве между турками и цесарем. Он не сделал этого по принятому у всех христианских государей обыкновению хранить посредничество в тайне, а отчасти и по просьбе здешних цесарских министров, которые писали с просьбой, чтобы король своего посредничества никому объявлять не изволил, пока у цесаря с турками положено будет основание миру. Этим последним заявлением резидент раскрывал перед Петром махинации цесарского правительства, предпринятые для заключения мира. Послы, по свидетельству «Статейного списка», отвечали резиденту, что им «зело то дивно», что английский король, «имея с великим государем древнюю братскую дружбу и любовь и любительные пересылки, того своего посредства... — объявить не изволил и тем

[1] *Theiner*, Monumentes Historiques, 376, от 2/12 июля. Там же, стр. 377.

необъявлением как бы какое неприятство к его царскому величеству показал». Однако великий государь теперь об этом посредничестве и о мерах к заключению мира подлинно от императора уведомлен, никакого «поречения», т. е. никакого неудовольствия, не имеет и желает пребывать с королем попрежнему в братской дружбе и любви [1].

XXXIV. СВИДАНИЕ ПЕТРА С РИМСКИМ КОРОЛЕМ. ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ ИМЕНИН ПЕТРА

28 июня в посольстве получено было извещение из Москвы о прибытии туда цесарского посла Гвариента [2]. В этот день состоялось свидание Петра с наследником престола, старшим сыном императора Леопольда, римским королем Иосифом, будущим императором Иосифом I. Царь выразил желание повидаться с ним запросто в каком-либо загородном саду; Иосиф предложил на выбор три места: сад Фавориты, Шёнбрунн и Аугартен. Царь выбрал последний. Аугартен — большой в старинном французском вкусе парк с дворцом, расположенный за венским предместьем Леопольдштадтом, позже открытый для публики Иосифом II, приказавшим над входом в него сделать надпись: «Место отдохновения, предоставленное всем людям их другом». Петр и римский король прибыли туда в пятом часу пополудни и встретились в большой аллее парка. Петр увидел перед собой молодого человека — ему было тогда 20 лет от роду (род. 1678 г.) — невысокого роста с большими живыми голубыми глазами, с густым румянцем на щеках. Фамильной чертою Иосифа был большой габсбургский нос, не нарушавший, впрочем, пропорций лица, особенно привлекательного, когда оно озарялось приветливой улыбкой. Живой темперамент и твердый характер — этими качествами Иосиф был противоположностью флегматичному и нерешительному отцу. Наследник императорского престола и потому носивший титул римского короля, Иосиф, однако, при жизни отца мало интересовался делами, за исключением только разве военных. Бóльшую часть своего времени он отдавал охоте, которая укрепила его болезненный от природы организм и которая во всех ее видах стала его страстью. Ловкий наездник, он не уставал на коне, гоняясь за зверем и пренебрегая при скачке всеми препятствиями, и мог целыми часами бродить пешком по полям и лесам, не обращая внимания на погоду и до крайности утомляя спутников. Петр не любил охоты и едва ли мог бы поддерживать разговор о ней с Иосифом. Свидание происходило стоя, без шляп, и было очень кратким, продолжалось менее четверти часа. В обращении государь и римский король называли друг друга братьями; переводчиком служил Лефорт [3].

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1360—1361; ср. депешу Рудзини (*Шмурло*. Сборник, № 550, стр. 415).
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1361.
[3] *Устрялов*, История, т. III, стр. 129; *Arneth*, Prinz Eugen von Savoyen, I, 198—199.

Вечером 28 июня, накануне дня апостолов Петра и Павла, царь с послами присутствовал на всеношной, а на следующий день, 29 июня, утром на литургии в посольской походной церкви. Благодаря тому, что сохранилась составленная как раз в Вене опись этой церкви, мы можем наглядно представить себе обста-

Рис. 43. Император Иосиф I
Гравюра Яна ван-дер-Бруггена

новку, в которой встретил Петр день своего ангела 29 июня 1698 г. в Вене. Церковь состояла из алтаря-шатра, раскинутого в одном из зал занимаемого посольством помещения. «Церковь, — читаем в описании, — сшита из камки луданной осиновой. При царских дверях спасов да богородицын образы писаны на камке осиновой. Перед образы два шандана серебреные чеканные витые, местами золочены, стоят на деревянных подсвешниках оре-

ховых» (эти шандапы и ореховые постаменты приобретены были в Амстердаме). «В церкви престол деревянной, покрыт луданом осиновым да на том престоле пелена отласная цветная з двумя крестами круживными, около ее круживо да бахрома золотные, на ней антиминс освященный. Да на престоле стоит в месте в серебреном чеканном кипарисной резной крест обложен серебром и вызолочен (куплен также в Амстердаме). На престоле ж: книга евангелие, обложено все цками серебреными золочеными, на нем распятие господне и евангелисты серебреные, также и застешки, все вызолочено. Дароносица серебреная чеканная, на ней крест серебреной же... За престолом стоят три деревянные черные столярные подсвешники, на которых поставлено: на среднем крест серебреной, на нем же распятие господне изображено из серебра, литое. Под крестом подножие чеканное троеуголное. По обе стороны того креста два подсвечника серебреные на треуголных же чеканных подденках, при них шипцы серебреные. А тот помянутой крест и два подсвечника серебреные и з деревянными шипцы куплено в Вене. На жертвеннике вместо пелены послан стихар изарбафной золотной, травы шолковые цветные. На нем же сосуды церковные. При жертвеннике ж кадило серебреное чеканное вызолочено с чепми и с тремя колоколцами серебреными»[1]. Служил литургию и после нее молебствие священник Иоанн Поборский. «Июня в 29 день, — записано в «Расходной книге», — священнику Иоанну Поборскому в день государева ангела на молебен дано 10 золотых»[2].

Итак, день имянин начат был, хотя и на чужой стороне, но вполне по-старинному и по-православному: обедней и молебствием. Следующий шаг, однако, резко противоречил обычаям старины. После православного богослужения Петр с послами перешел в находившуюся в том же занятом послами доме, вероятно, домовую католическую церковь, где иезуит патер Вольф говорил поучение по-славянски, приспособив тему проповеди к православному празднованию в этот день памяти апостола Петра и делая намеки на присутствовавшего высокого посетителя. Проводя параллель между царем и апостолом Петром, проповедник молил бога, чтобы как он вручил апостолу Петру ключи царствия небесного, так дал бы царю Петру взять ключи от турецкой области. «Июня в 29 день, то есть в среду, — читаем в «Статейном списке», — в день святых апостол Петра и Павла, в которой имянины благоверного великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великие и малые и белые Росии самодержца, великие и полномочные послы праздновали и были у всенощного бдения и слушали святую литургию; а по литургии пели молебен. А по молебне были в костеле, которой был на посолском дворе, и в том костеле после мши (мессы) сказывал поученье по словенски езувит Вулф и объявлял приклады, дабы

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 59а, л. 1—4.
[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 92 об.

господь бог яко апостолу Петру дал ключи, так бы дал великому государю, его царскому величеству, взять ключи и отверсть турскую область и ею обладать»[1].

Вольф обнаруживал большой интерес к русским делам и к русскому посольству; он вообще носился с мыслью о соединении церквей православной и католической. При проезде через Вену боярина Б. П. Шереметева и его слуги А. А. Курбатова, направлявшихся в Рим, Вольф отнесся к ним с большим вниманием и нашел в обоих людей, склонных присоединиться к римской церкви. В пребывании царя в Вене он видел особенно благоприятный момент для осуществления занимавшей его идеи и потому приложил все старания к сближению с царем и к воздействию на него в желательном для себя смысле. Благодаря тем средствам, которыми он располагал, эти намерения не остались без успеха.

Вольф фон Людингсгаузен принадлежал к большому свету как по происхождению из знатной вестфальской фамилии, так и по блестящему воспитанию, полученному им при польском дворе. В Польше он приобрел знание славянских языков, что оказалось очень кстати, давая ему возможность свободно объясняться с русскими. Человек приятный в обращении, обладавший светскими манерами, соединявший «лоск дворянина с жаром миссионера»[2], он пользовался большим фавором при императорском дворе и, не будучи духовником Леопольда[3], был самым влиятельным его советником и самым доверенным у него человеком, сопровождал его во всех путешествиях, был его оракулом не только по духовным, но и по светским делам[4]. Несомненно, что его влиятельное положение при императорском дворе должно было привлечь к нему внимание царя, а его личные качества как интересного собеседника могли делать общение с ним приятным. Позже, уже в 1703 г., в одном из писем, вспоминая о своей проповеди перед царем 29 июня 1698 г., Вольф говорит, что вызван был к тому самим Петром. В бытность царя в Вене, пишет он, «я вошел в такую милость в глазах этого государя, что он желал, чтобы я постоянно находился при нем и пригласил меня произнести в праздник св. Петра и Павла в своем и всех своих присутствии проповедь, которую, перемешивая чешский, моравский и польский языки, я так составил, что милостью христовой, и великий князь и другие все ее поняли и остались ею очень довольны, ибо князь сам удостоил несколько раз высказывать о ней свое суждение»[5].

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1362—1363.

[2] *Pierling*, La Russie et le St.-Siège, IV, 130.

[3] Как это утверждает Arneth (Prinz Eugen, I, 193).

[4] *Dukmeyer*, Korb's Diarium, I, 169.

[5] Вольф кардиналу Паулуччи, 18 июня 1703 г. (*Pierling*, op. cit., apposition XIII): «ante annos aliquot, cum magnus his Dux Viennae esset... Tantam enim tunc inveneram gratiam in oculis hujus Principis, ut me circa se perpetuo habere voluerit, ad concionem in festo SS. Petri et Pauli, coram se et omnibus suis faciendam invitaverit; quam etiam attemperatis bohemica, moravica et polonica linguis, ita feci ut per Christi graciam magnus Dux

Месса 29 июня была уже не первое католическое богослужение, которое посетил Петр за время своего пребывания в Вене. Еще перед тем он присутствовал при мессе, совершенной тем же Вольфом, причем проявил к нему особую почтительность, судя по словам апостолического нунция. «Неизвестно, что он чувствует в глубине своей совести, — пишет нунций в Рим кардиналу Спаде от 5 июля/25 июня, — но я могу заверить ваше преосвященство, что когда отец Вольф из Общества Иисуса пожелал отслужить ему мессу и по окончании богослужения взял его руку, чтобы поцеловать, царь вдруг отдернул ее, говоря, что он должен целовать руку тому, кто только что прикасался к господу неба и земли. По поводу этих слов император выказал большую радость, что царь обнаружил свое отменное благочестие» [1].

После проповеди в католической церкви состоялся обед у Лефорта: «а по слушании казанья обедали у генерала и у адмирала у Франца Яковлевича Лефорта» [2]. Вечером в этот день в посольском доме и саду в честь именинника дан был большой и роскошный праздник, устроенный от цесарского двора, на который собралось все высшее венское общество, человек с 500 по счету «Юрнала», более 1 000 по счету самого Петра. Были инкогнито иностранные послы. «В празднество святых апостол Петра и Павла, — читаем в «Юрнале» — была огнестрельная потеха, и народа было у послов с 500 человек; музыка во всех палатах была и веселились до света» [3]. Венская знать, дамы и кавалеры, явилась в пышных нарядах, как на придворный бал. Праздник начался серенадой, данной цесарскими камер-музыкантами, итальянскими певцами и певицами в саду посольства. Затем, когда смерклось, царь со всеми гостями отправился на берег реки Вены в роскошно убранный дом и сам летучею ракетою зажег великолепный фейерверк на противоположном берегу: при звуке труб и при залпах орудий вспыхнули разноцветными огнями буквы V. Z. P. A. означавшие «Vivat Zar Petrus Alexiowicz». Празднество закончилось балом, продолжавшимся до рассвета, причем и сам именинник принимал участие в танцах [4]. «Того ж числа в вечеру, — описывается это празднество в «Статейном списке», — были огненные потехи, огни и верховые ракеты; и устроен был фирверк в ракетах словами: «виват царю Петру Алексеевичу», и стреляно из 12 пушек многожды и было того действа часа с два. А устроены были те потехи против посолского двора из цесарской казны» [5]. «В среду, — писал в Рим

---

aliique totam intellex erint, redditi per illam summe contenti, nam eandem Dux variis ultra vicies ipsemet recensere dignatus est».

[1] *Шмурло*, Сборник, № 546. Эти слова опущены в издании *Theiner'a* (Monuments Historiques, 372).

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1363.

[3] Походный журнал, стр. 27.

[4] *Устрялов*, История, т. III, 133—144 по «Ceremonial-Protocolle».

[5] Пам. дипл. сношений, VIII, 1363; ср. «Theatrum Europaeum», XV, 472: «Ihm auf seinem Namens-Tag Peter, welcher nach dem A. G. den 29 Juni und 9 Julii engefallen von den Hoff-Cavalliers in schönsten Cala gratuliret

испанский посланник епископ Солзонский, — отпраздновал царь день своего рождения (?) и имянины, так как по греческому счету праздник св. Петра приходится на 9-е текущего месяца. Утром была отслужена торжественная греческая обедня. Потом вечером устроена была большая музыка (serenata), бал и празднество в помещении, где он живет, и туда отправилась вся знать здешнего двора того и другого пола; царь постоянно показывался и танцовал. Мы, господин нунций и все послы, были там инкогнито и могли достаточно близко и хорошо наблюдать царя. Он — человек довольно высокий и хорошо сложенный, обладает очень деликатными и светскими манерами, хотя не обнаруживает радости от большого общества («a maniere molto cortesi e civili benchè mostra di non godere di gran concorso» [1].

Несколько иные подробности о празднестве сообщает в своей депеше венецианский посланник Рудзини, по словам которого это был не первый, а второй бал в честь царя. Первый был устроен перед тем в саду президента гоф-кригс-рата (presidente di guerra), куда было приглашено немноголюдное избранное общество, так как царь не желает появляться вполне публично, но не хочет также и вполне сторониться и прятаться. Празднество 29 июня вызвало стечение всей знати. «Царь сначала казался недоволен чрезмерным количеством собравшегося народа и, показавшись несколько раз мимоходом, пригласил в свои личные комнаты несколько лиц, провел с ними время до рассвета» [2].

У самого Петра, вопреки известию Рудзини, осталось, видимо, приятное впечатление от праздника, о чем можно заключать по приписке, сделанной им на письме к Виниусу, написанном несколько дней спустя после именин. «На день светыхъ апостолъ, — читаем в этой приписке, — была у насъ гостей мужеска і женска пола болше 1 000 чел., і были до света, і безпрестанно употребляли тарара тарара къругомъ, іс которыхъ іныя і свадбы сыграли въ саду. Изъ Вѣны, іюля 2 den 1698» [3]. Хотя праздник устраивался на счет цесарского двора, все же он оставил по себе некоторые записи в посольской «Расходной книге». Брались на прокат стулья, подсвечники, шахматные доски: «дано иноземцу скатертнику Адаму Гамел Гавелю за наем ста стулов да 75 шанданов стенных да за провоз, да за пропалые тавлейные доски в день государева ангела полшеста ($5^1/_2$) золотого», «дано музыкантом Павлу Алберту с товарыщи 24 человеком, ко-

---

und gegen Abend eine vortreffliche Musick von 170 Instrumenten als Trompeten, Paucken, Hautbois, Schallmeyen, Pfeiffen und allerhand Seyten-Spielen praesentiret. Wobey 300 Damen, soviel Cavalliers die Herrn Ministri und Abgesandten sich eingefunden und mit Tanzen sich belustiget. Gegen 10 Uhr wurde ein schön Feuerwerck unter Paucken und Trompeten-Schali so des Czaars Namen V.P.Z.M. Vivat Petrus Zaar Moscoviae praesentiret angezündet und endlich diese Lustbarkeit mit einer herrlichen Merenda (закуской) beschlossen».

[1] *Theiner*, Monuments Historiques, 376; *Шмурло*, Сборник, № 554.

[2] *Шмурло*, Сборник, № 551.

[3] П. и Б., т. I, № 248.

торые играли на посолском дворе в день ангела государева, по 2 золотых человеку, итого 48 золотых»[1].

XXXV. ОКОНЧАНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ С ГРАФОМ КИНСКИМ. НАМЕРЕНИЕ ПЕТРА ЕХАТЬ В ВЕНЕЦИЮ. ПОЕЗДКА ПО ОКРЕСТНОСТЯМ ВЕНЫ

30 июня после обеда к Петру по повелению императора явился вновь граф Кинский с письменным ответом на статьи, врученные ему 27 июня и касавшиеся вопроса об уступке турками Керчи. Ответ этот также обсуждался предварительно на конференции министров, к которой был привлечен и венецианский посол Рудзини[2]. Цесарское правительство начинало его с обещания твердо исполнять все то, к чему обязывает его союзный договор. Очень важно, конечно, установить крепкий и прочный мир после войны, которую цесарь вел против турок в течение 15 лет в союзе только с Венецианской республикой. Цесарь не сомневается, что основательные причины побуждают царя требовать Керчи, но предвидит непреодолимую трудность в приобретении ее от турок без завоевания ее силой, потому что турки не имеют обыкновения уступать то, что они не потеряли. Наоборот, при заключении мира они стали бы стараться вернуть что возможно из потерянного, если бы только принятое основание мира uti possidetis не препятствовало им в этом. До заключения мира будет еще довольно времени для русских овладеть Керчью и тогда удержать ее за собой на основании uti possidetis[3]. Можно, впрочем, попытаться требовать ее уступки и на конгрессе, и цесарь окажет такой попытке свое содействие. Что до продолжения войны до 1701 г. в том случае, если турки не согласятся уступить Керчь, то рассудить о том еще будет время по открытии съезда. Во всяком случае, цесарь обещает согласно союзу во всем удовлетворить царя и ничего не предпринимать без его ведома[4].

Этим ответом переговоры Петра с цесарским правительством были закончены. Он понял, что решение австрийцев вступить в сношения с турками непреклонно и что помешать этому намерению не удастся. Поэтому ему ничего не оставалось, как и со своей стороны согласиться на участие в конгрессе. Дело Петра в Вене было, таким образом, кончено. Он стремился оттуда в Венецию[5]. О намерении царя совершить поездку в Венецию и, может быть, и в Рим, сообщил апостолическому нунцию сам император в разговоре, которым он удостоил нунция после данной ему аудиенции. Император прибавил, что вопрос о путешествии

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 99, 96 об.

[2] *Шмурло*, Сборник, № 550, стр. 413—414.

[3] Это соображение, по свидетельству Рудзини, было высказано на конференции президентом гоф-кригс-рата (presidente di guerra). *Шмурло*, Сборник, № 550, стр. 414.

[4] Пам. дипл. сношений. VIII. 1363—1366.

[5] Рудзини (*Шмурло*, Сборник, № 551 ád fin.).

в Рим будет решен царем в Венеции, но поездка в Венецию вне сомнения; царя привлекает туда в особенности желание посмотреть арсенал, о котором ему так много говорили. Нунций воспользовался поводом поздравить цесаря с тем, что при дворе его появился столь великий государь, притом оказывающий такое уважение его цесарскому величеству и его августейшему дому, от чего можно ожидать наилучших последствий. Цесарь принял такое поздравление благосклонно, сказав, что, действительно, никогда еще в Вене не появлялось подобной особы (personaggio simile), и затем, продолжая разговор, коснулся личных качеств царя, характеризуя его как человека со здравым суждением и добрым сердцем, и сказал, что он более цивилизован, чем кажется по внешности: «esser piu civile di quello dimostrava l'apparenza» [1]. В тот же день, 2/12 июля, одновременно с депешей нунция, извещавшего Ватикан о разговоре с императором, венецианский посол Рудзини сообщал своему правительству о намерении Петра выехать в Венецию, передавая, что московские послы говорили о таком намерении царя графу Чернини. В постскриптуме к своей депеше Рудзини пишет, что у него только что был маркиз Обиццы с уведомлением, что он был приглашен московскими послами и имел с ними, а также и с самим царем разговор, в котором его подробнейшим образом расспрашивали о путешествии в Венецию [2]. Заводя разговор о венецианской поездке, послы заблаговременно подготовляли маршрут домой через Польшу после возвращения из Венеции, уведомляя о таком маршруте варшавского резидента А. В. Никитина и предписывая ему хлопотать перед польским правительством о заготовке подвод. Отписки с такими распоряжениями за приписью думного дьяка П. Б. Возницына отправлялись в последних числах июня (25-го и 28-го), причем в текст этих обычного типа отписок вставлялись, может быть, по инициативе Ф. А. Головина, необычные для официальной приказной бумаги интерпретации: «А что ты,— читаем в первой из них, — на сие отповедь получишь, и ты б о том к великим и полномочным послом писал немедленно, также и из Варшавы до границы московской какое удоволствование в подводах будет. Писма твои доходят через почты, толко велено к тебе отписать: пиши, разведав подлинные ведомости, а безделицу знай и в дело не мешай, и тем себя побереги». Во второй отписке указывается, что для посольской свиты и для обоза, которые будут отпущены наперед, надобно 400 подвод, а сами послы «пойдут в неболших людех» и им нужно 50 подвод. «Объяви тайно, — читаем, далее, в отписке, — что с послы будет и сам, и те 50 подвод конечно б были в розных местех готовы» [3].

Однако послам, которых Петр желал взять с собой в Венецию, оставляя само посольство в Вене, нельзя было выехать из Вены

[1] Нунций в депеше к кардиналу Спада от 2/12 июля (*Шмурло*, Сборник, № 553).

[2] *Шмурло*, Сборник, № 551.

[3] Пам. дипл. сношений, VIII, 1354, 1361—1362.

до официальной аудиенции у императора; это было бы грубым нарушением этикета; а между тем дворянин Владимир Борзов с необходимыми для аудиенции подарками все еще не прибывал. 2 июля было от него получено известие о том, что 21 июня он приехал в Варшаву и двинется оттуда в Вену после представления королю. Царю приходилось оставаться в Вене.

С той же почтой из Варшавы посольством было получено донесение от варшавского резидента А. В. Никитина, в котором Петр мог читать, что Никитин исполнил данное ему послами поручение: принес королю благодарность за прием, оказанный посольству при проезде через Саксонию; король, выслушав изъявление благодарности, «зело был радостен» и посылает поклон великому государю. Передал он также благодарность и князю Фюрстенбергу и выхвалял радение его королю, отчего князь был также «зело весел» [1]. Сам Петр 2 июля писал упомянутое выше письмо к Виниусу с описанием бала в день именин [2]. Писал он также «адмиралтейцу» А. П. Протасьеву, и из ответа последнего видно, что в своем письме царь предлагал ему «о мелкасти водной, что выводить суды на прибылой ваде, когда исполняетца доволно ветрам сютвестом», т. е. делал распоряжения о выводе судов, должно быть, с воронежской верфи, по полной воде, которая бывает при зюд-весте. Другой пункт распоряжений Петра в том же письме касался осадки кораблей. Пятидесятипушечные корабли, писал царь, обыкновенно должны иметь осадку в 15—16 футов, а наши имеют только в 10 футов, и чтобы не были валки. Протасьев возражает на это опасение, указывая, что на 15—16 футов сидят в воде остродонные корабли, а наши делаются плоскодонными и оттого в воде ходят мельче [3]. Это письмо к Протасьеву показывает нам, как мысль Петра даже и в таком сухопутном городе, как Вена, продолжала работать над любимым предметом, над кораблями; недаром в «Расходной книге» посольства за время пребывания его в Вене находим статью о покупке «одиннадцати ореховых досок на карабелные чертежи»; за приобретение и за оковку их железом было заплачено 9 золотых [4].

Послы не могли явиться на аудиенцию к императору, поджидая прибытия подарков. С своей стороны Леопольд откладывал ее, желая непременно до нее дать в честь царя праздник, носивший тогда название Wirthschaft. Это был маскарад, дававшийся прежде при венском дворе ежегодно, но со времени начала турецкой войны отмененный. На нем император и императрица представляли радушных хозяина и хозяйку в частном быту, а члены императорского дома, иностранные принцы, послы и знать обоего пола являлись в живописных национальных костюмах, изображающих народы всего света. «Избранное общество, богатство одежд, пышное убранство, роскошь угощения, непринужденная

[1] Там же, 1366—1367.
[2] П. и Б., т. I, № 248.
[3] П. и Б., т. I, стр. 734 и сл.
[4] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 94 об.

*

веселость, танцы до самого рассвета, наконец, любезность венских дам высшего круга, где немало было красавиц, все придавало этим маскарадам очаровательную прелесть. Обыкновенно они бывали осенью, когда знатные вельможи возвращались в столицу из своих поместий; но Леопольд, невзирая на летний зной, в намерении угостить царя так, чтобы Вена навсегда осталась ему памятной, приказал вызвать своих магнатов из их сельского уединения и велел приготовить Wirthschaft 11 июля, а через 2 дня после того пригласить послов на аудиенцию»[1]. Как для вызова на праздник знати из ее имений, так и для других приготовлений требовалось некоторое время; поэтому праздника и нельзя было устроить раньше. О предстоящем празднестве в высших венских кругах было немало разговоров, отзвуки которых мы находим в донесениях иностранных послов. «Царь продолжает здесь свое пребывание, — писал в Рим испанский посланник епископ Солзонский от 2/12 июля, — и здешний двор разнообразит его пребывание празднествами, о которых, полагаю, будет подробнее писать монсеньер нунций. Теперь приготовляют для царя другой прекрасный праздник, который император имел обыкновение устраивать в последний день карнавала; он на немецком языке называется Wirthschaft. На нем все австрийские особы и главные кавалеры и дамы их двора появляются замаскированными в драгоценных костюмах и самых богатых уборах, танцуют, и дается великолепный ужин, причем его цесарское величество бывает хозяином. . .»[2] «Вот на приложенном печатном листе, — возвращается он к той же теме в следующей своей депеше от 9/19 июля, — большой праздник Wirthschaft, который обыкновенно устраивается каждый год в последний день карнавала и ввиду больших расходов, которых он стоит, не устраивался с тех пор, как началась турецкая война. Испанские послы имеют здесь прерогативу входить на этот праздник, и император, не желая уменьшать моих прав, соизволил сообщить мне через г. графа Мансфельда, маршала двора, что в моей воле явиться, если хочу, и что в таком случае я мог бы одеться капелланом, что также подтвердил мне сам его цесарское величество. Я ответил, что милостивым предложением его цесарского величества достаточно охранена прерогатива моей должности католического (т. е. испанского) посла и сохранена для моих преемников, но что этот праздник не подходит к моему сану епископа и в особенности потому, что следует иметь даму, что́ не разрешается латинским епископам. Его цесарское величество возразил шутя, что царь, для которого устраивается этот праздник, мог бы разрешить (dispensar), потому что он греческого исповедания, но серьезно прибавил, что дело зависит от моей религиозной осмотрительности. Но

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 135—136.

[2] *Theiner*, Monuments Historiques, 376.

[3] Это, очевидно, отпечатанный список участников празднества, один экземпляр которого хранится в Арх. мин. ин. дел (Дела австрийские 1698 г., № 49).

уверяю вас, монсиньор, что я в этом случае благодарен моему епископскому сану, потому что, если бы я был светским, мне праздник обошелся бы в 4 000 флоринов, так как только подарок даме стоит 3 000, и хотя король (т. е. испанский) оплачивает его, все же бургомистр остается кредитором в этих празднествах» [1].

«Между тем на ближайший понедельник, — доносил своему правительству венецианский посол Рудзини, — приготовляется при дворе большой и необычный праздник, который не давался уже 20 лет и который император предполагал не возобновлять из-за его великолепия и общих расходов до окончания войны с турками. Увеселение будет состоять из ужина и бала; кавалеров и дам будет более 120, все наряженные в разнообразные костюмы, представляющие различные нации и украшенные несметными драгоценностями (e carichi d'immence gioie)... Со всей императорской фамилией там будет император в костюме хозяина; покажется также замаскированным и царь со своими послами, которым на эту неделю отложена аудиенция [2].

Итак, Петру приходилось ждать праздника и откладывать поездку в Венецию. Между тем, в Вене все, что̀ могло привлекать его интерес, было пересмотрено [3], и он стал предпринимать поездки по окрестностям. 3 июля он выехал в городок Баден в 25 верстах к югу от Вены, курорт, своими теплыми серными источниками известный еще римлянам. Туда же 4 июля выехали первый и второй послы [4]. В Бадене, расположенном в живопис-

---

[1] *Theiner*, Monuments Historiques, 376—377.

[2] Депеша Рудзини от 8/18 июля (*Шмурло*, Сборник, № 563).

[3] «Theatrum Europaeum», XV, 472: «Hiernächst hat Er alles Merkwürdige in und ausserhalb Wien besichtiget».

[4] На поездку в Баден указывает «Ceremonial-Protocolle». Наши источники: Походный журнал и «Расходная книга» посольства, говорят о поездке на курорт с другим названием: «Теплицы». «Июля в 3 д. Десятник изволил уехать в Теплицы», — читаем в «Юрнале» (стр. 28), а в «Расходной книге» читаем записи: «Июля в 3 д. на дорожные потребы для пути в Теплицы дано валентером 100 золотых, взял те золотые Александр Меншиков». «Июля в 4 д. ездили первой и второй послы в Теплицы, взяли на издержку 20 золотых». «Июля в 5 д. дано в отпуск с великими послы до Теплиц на росходы 15 золотых». «Июля в 9 д. дано почтарем, которые великих послов возили до Теплиц и от Теплиц до Вены, 8 золотых». «Июля в 10 д. ко второму великому послу взято 24 золотых, которые он издержал, будучи в Теплицах» (Книга австрийского дв., № 47, л. 93 об., 94). Предпочтение надо отдать указанию «Ceremonial-Protocolle» о поездке Петра в Баден, а не в Теплицы. В Австро-Венгрии есть два курорта с именем Теплицы: чешский курорт Теплицы, лежащий неподалеку от границ Чехии с Саксонией, в 137 верстах к северу от Праги, и венгерский курорт Теплиц Тренчинский в Тренчинском комитате в Венгрии, в 9 верстах к северо-востоку от города Тренчина. Ни тот, ни другой не могут здесь быть приняты; оба слишком удалены от Вены (328 и 159 верст), чтобы можно было вернуться оттуда через 5 или через 4 дня, как сделали Петр и послы, да и путешествие потребовало бы более расходов, чем было сделано на поездку в Баден. Едва ли на почтовых можно было съездить даже в Теплиц Тренчинский и обратно за 8 золотых, тогда как за расстояние в 25 верст эта плата весьма подходящая. Надо полагать, что «Юрнал» и «Расходная книга» называют Теплицами именно Баден, обозначая словом «теплицы» — теплые баденские источники. Ср. *Шмурло*, Сборник, № 561: «per trovarsi *ai bagni di Baden* insieme con la Maestà del Czar».

нейшей долине Винервальда, в местности, славящейся своими виноградниками, Петр провел июльские дни с 3-го по 6-е, и отсюда 6 июля писал в Москву полковнику Семеновского полка И. И. Чамберсу с поклоном офицерам и солдатам полка. «И они, товарищи мои (офицеры) и салдаты, — отвечал ему на это Чамберс, — восхваля бога, обвесслились с великим благодарением. А я с товарыщи за твое здравие в новопостроенных хатах, которые восприял от милости твоей, не по малому купку выпили, за таким желанием, дабы господь бог велел нам милость твою видеть не в долге в сих моих хатах и наипаки радоватца. А нам без милости твоей велми скучно» [1].

Между тем, в отсутствие царя и первых двух послов третьему послу П. Б. Возницыну поручено было повидаться с венецианским послом Рудзини, сообщить ему о намерении Петра посетить Венецию и переговорить с ним о подробностях этого путешествия. «Июля в 6 день, — читаем в «Статейном списке», — третей великой и полномочной посол ездил к венецийскому послу Рузинию и говорил, что едут ныне из Вены в Венецию неколикое число валентеров знатных особ, и чтоб он, посол, писал в Венецию к князю и к сенату, чтоб тем валентером проезд был свободной; и венецийской посол писать о том в Венецию обещался. И потом имел с ним и тайной разговор по указу» [2]. Это показание «Статейного списка» не совсем верно. В донесениях самого венецианского посла Рудзини дожу говорится не об одном свидании его с Возницыным по поводу предполагавшейся поездки царя в Венецию, а о двух, именно 5 и 7 июля. В этом разногласии источников преимущество следует отдать показаниям Рудзини, которые и надо принять как более достоверные. В самом деле, Рудзини писал о свиданиях тотчас же, непосредственно, так сказать, по горячим следам события. Донесение о свидании 5 июля он отправил в тот же самый день; донесение о свидании 7 июля — на следующий день, притом отправлял эти донесения ввиду важности их скорейшего доставления не с обыкновенной почтой, а с эстафетами, с чрезвычайными курьерами, на что должен был производить усиленные расходы. «Статейный список» в окончательной редакции составлялся много времени спустя после описываемых в нем событий. Для Рудзини предполагаемая поездка царя в Венецию, о которой ему сообщалось, была, разумеется, крупнейшим фактом в его посольской деятельности; она поэтому должна была привлечь к себе все его внимание; о таком важном предстоящем событии он обязан был сообщить и сообщал своему правительству точно и во всех подробностях. Наоборот, для составителя «Статейного списка» эпизод с венецианской поездкой, как несостоявшееся событие, не имел особого значения и не мог привлекать его внимания; в его глазах это было лишь предположение, которое не осуществилось. Поэтому он сделал запись о

---

[1] П. и Б., т. I, стр. 739—740.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1373.

разговорах Возницына с Рудзини настолько неточно, что спутал события, смешав два свидания между ними в одно и поместив его на средний день между пятым и седьмым — на шестое июля [1]. Подробности донесений Рудзини вскрывают нам также, в чем состояла беседа его с московским послом, которая в «Статейном списке» глухо обозначена, как «тайный разговор по указу». Итак, последуем за его сообщением.

5/15 июля утром к Рудзини явился секретарь московского посольства (т. е., вероятно, Петр Лефорт) и сказал, что царь желает сообщить ему нечто через одного из своих послов, но так как до аудиенции у императора визиты между послами еще невозможны, то свидание можно было бы устроить в каком-либо нейтральном месте. «Я, — пишет Рудзини, — выказал готовность к этому немедленно, и сегодня же после обеда на одном собрании здешних граждан видел третьего посла, который объяснил отсутствие других послов тем, что они находятся на купаньях в Бадене вместе с царским величеством». Возницын, выразив сожаление, что до сих пор нельзя еще было обменяться обычными приемами учтивости, заявил венецианскому послу, что прибыл от имени царя поставить его в известность о намерени царя отправиться в Венецию и просил донести о том светлейшей республике, дабы она соблаговолила сделать распоряжения о заготовке лошадей по почтовой дороге на Горицу для десяти-двенадцати человек, причем эти почтовые расходы будут оплачены. Царь пустится в путь, вероятно, вскоре, после ближайшего понедельника (11/21 июля), когда он должен присутствовать на празднике, который приготовляется при дворе. Возницын сообщил далее, что царь намерен держаться инкогнито, вдали от взоров общества и желал бы найти какой-либо отдельный частный дом; особенно было бы приятно, если бы ему был отведен дом при арсенале. Наконец, он просил также о паспорте для беспрепятственного проезда.

Рудзини, соответствующим образом отозвавшись на заявление об отсутствии двух других послов, сказал, что сделает приятное сообщение светлейшей республике, которая очень оценит случай видеть в своих владениях и в своей столице монарха столь великого и выдающегося, к которому она питает особенное уважение и дружбу; что, как ему известно, республика будет желать воздать ему все знаки великого почета, которые ему следуют, а с другой стороны, поставит себе не иную цель, как только удовлетворить его величество и сделать ему угодное. Обещав, далее, исполнить просьбу о паспорте и написать о заготовке лошадей, Рудзини обратил внимание посла на трудность найти помещение в арсенале, где он не представляет себе, как его величество мог бы найти надлежащий комфорт, на что Возницын заметил, что все подойдет, лишь бы только помещение было в этой части города, к чему есть сильное желание (dicendo che ogni cosa sarebbe propria, purchè fosse in quella parte, indico non esser poco efficace il desi-

[1] *Шмурло*, Сборник, примечания к № 563.

derio che se n'era concepito). Очевидно, что Петр желал устроиться в Венеции в арсенале так же, как в Амстердаме он устроился на Ост-Индском дворе. Возницын сообщил далее, что не знает, сколько времени продлится пребывание в Венеции, но думает, что оно не будет долгим. Послы последуют за государем, окончив свои дела в Вене. Не решено еще, поедет ли в Италию самое посольство. В заключение он в общих и кратких выражениях высказал, что при первой же официальной встрече послов с Рудзини зайдет разговор о мире, на что Рудзини отвечал уверением во внимании и искренности республики относительно союза и общих выгод [1].

Из Бадена Петр, вероятно, 6 июля проехал в венгерский город Пресбург, лежащий на левом берегу Дуная в 60 верстах ниже Вены. С половины XVI в. этот город (по-венгерски Pozony) был столицею Венгерского королевства, и в его старинном, построенном в XIII в., готическом соборе венгерские короли венчались короною св. Стефана. 7 июля царь вернулся в Вену [2]. По возвращении из поездки к нему в этот день, 7 июля, явился от цесаря граф Кинский и, как гласит запись его разговора с царем, «великому государю говорил: цесарское де величество велел ему к его царскому величеству притит и о чем он, великий государь, станет ево спрашивать и ему все цесарского величества намерение, как ближнему и о всем ведомому человеку, объявить. И ему говорено (Петром): нет ли какой ведомости от турского султана? И граф говорил, что де цесарское величество болши того не имеет, что после приезду секретаря июня в последних числах писал аглинской посол, что турки на тое статью, какова объявлена наперед сего (т. е. uti possidetis) и с стороною царского величества позволяют быти в миру. И ему сказано, что царское величество цесарскому величеству приказывает свое поздравление. А болши того с ним о делех не говорено и отпущен». Для Петра ничего радостного в известии о том, что турки соглашаются мириться с ним на основании uti possidetis не заключалось; он желал бóльшего. Вот почему, может быть, он и не продолжал по этому поводу разговора с Кинским, которому о своих желаниях высказал еще ранее [3].

В тот же день, 7 июля, по возвращении в Вену Петр вновь отправил П. Б. Возницына к венецианскому послу еще раз переговорить о подробностях путешествия. На этот раз Возницын

[1] *Шмурло*, Сборник, № 561.

[2] «Юрнал» (стр. 28): «Приехали домой. Были в Прешбурке».

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 43, л. 55—56. Эта запись не внесена почему-то в «Статейный список». Она датирована 17 июля: «И июля в 17 день приезжал от цесарского величества граф Кинской и канцлер (зачеркнуто: «и великому государю», надписано: «и»). Дата проставлена, очевидно, по новому стилю, которым помечены и некоторые другие бумаги, находящиеся в этом деле, например, статьи, врученные Кинскому. Поэтому правильно будет отнести этот разговор к 7 июля, тем более, что после отсутствия царя из Вены, продолжавшегося несколько дней, вполне естественной была любезность цесаря в виде присылки к нему канцлера для осведомления о ходе дел.

явился в самый дом венецианского посольства. Засвидетельствовав от имени царя, только что вернувшегося из Бадена, удовольствие, с которым царь узнал о готовности Рудзини содействовать путешествию и о его хлопотах и упомянув, что царю хорошо известна его прошлая деятельность во время переговоров о союзе, московский посол объявил, что приехал для того, чтобы лучше объяснить Рудзини намерения царя относительно поездки в Венецию. Царь решительно желает совершить путешествие и въехать в город в полном инкогнито, без всякой демонстрации, без всяких приготовлений и встреч где-либо, а тем менее на границе, и просит Рудзини дать письмо к кому-либо из его родных или друзей, в чьем бы доме он мог поселиться в первые дни. При этом он прибавил, что по мере пребывания царь войдет в сношения и общение с венецианским правительством. Письмо и паспорт он просил написать на чужое имя — волонтера Александра Меншикова (Alessandro Minschios) с семью другими лицами.

Рудзини, высказав благодарность по поводу великодушных чувств его величества, сказал, что в точности написал дожу о предметах предшествующего разговора и говорил опять, что, с одной стороны, хотелось бы воздать такому монарху высокие знаки почести, ему подобающие, но с другой — надлежит сообразоваться с его желаниями, так определенно выраженными. «Затем, — пишет Рудзини, — с улыбкой было прибавлено, что такие узкие формы приема, о которых он, посол, возвестил мне при этой новой встрече, не только не допускают никакой демонстрации, но и лишены всякой меры удобства, которым нельзя пренебрегать; что, раз о путешествии его величества известно, всякое письмо и все другое выходит излишним; что мой дом и мои родные почтут за честь быть в распоряжении царя и что дом будет приготовлен к моменту его прибытия в город. Посол, однако, серьезно настаивал на заявленном образе действий, говоря, что такой образ действий желателен для царя и что он будет приятен ему в начале по прибытии, а потом все устроится, как будет лучше». Рудзини в своем ответе изъявил готовность относительно письма, и относительно дома, все же давая понять затруднительность такого образа действий; но Возницын стоял на своем и продолжал просить письма, чтобы знать кого-либо в Венеции на всякий случай. «Поэтому, — продолжает Рудзини, — приложив все старание к отступлению, я нашел себя принужденным наконец, сказать, что и без письма мой брат будет гордиться позволением быть у ног его величества и состоять вполне к его услугам». Возницын сказал затем, что отъезд предположен на ближайшую среду (13/23 июля) и царь рассчитывает, что путешествие можно совершить в пять дней, так как он поедет не в почтовом дилижансе, но только в коляске. Он заключил беседу, сказав Рудзини, что, может быть, царь перед поездкой пожелает почтить его, допустив его в свое присутствие. На этом разговор окончился.

Рано утром 8 июля к Рудзини явился переводчик царя от его имени подтвердить об отъезде в среду и сообщить расчет о возможности сделать путешествие в пять дней. Это побудило Рудзини, хотя и предусматривавшего, что поездка, может быть, отложится, отправить и это второе свое донесение эстафетой [1].

8 июля в день «св. Прокопия устюжского чудотворца» третий посол Прокофий Богданович Возницын справлял свои именины [2]. По этому случаю он устраивал ужин, на котором имеем основание предполагать присутствие царя. Ужин сопровождался музыкой: игрой на струнных инструментах (на арфе и на скрипках), для чего специально приглашался солист на арфе. «Дано музыкантом, — читаем в «Расходной книге» посольства, — которые играли в 9 числе ввечеру во время имянинной ужины у третьего посла на арфе и на скрыпицах, 5 ефимков» [3].

9 июля Петр отвечал Виниусу на его письмо, полученное накануне 8 июля. Это письмо Виниуса до нас не дошло и поэтому трудно раскрыть, на какое прежнее «сумнительное писание» Виниуса намекает здесь Петр и в чем его прощает. «Min Her, — пишет царь. — Писмо твое, июня 10 писанное, мне отдано июля 8 den, в котором пишеш ваша милость о прежнем сумнителном писании, свидетельствуяся в том деле и прося прощения, в чем господь бог да оставит всем нам наши долги милосердия своего ради. А что я так вам писал, о том и сам рассудишь, каково мне то дело». Можно догадываться, что речь вновь идет о малодушии, проявленном Виниусом при долговременном отсутствии писем от царя весной 1698 г. и о его письме к Лефорту, с которым он обратился в сомнении, жив ли царь. Этим ответом Петра случай окончательно улаживался. В последних строках царь шутливо уведомляет Виниуса о получении писем от «осударя» (князя Ромодановского) и некоторых членов знаменитого всешутейшего собора. «Писма от осударя нашего, потом от святейшего (Н. М. Зотова), от преосвященных трех, Тихона (Т. Н. Стрешнева), Мисаила «і подружиі ево» (князя М. Н. Львова и его жены княгини Неонилы Ерофеевны, кормилицы Петра) и Алексіа (?), от

[1] *Шмурло*, Сборник, № 563. Депеша от 8/18 июля 1698 г.

[2] Пам. дипл. сношений, IX, стр. 1024: «Июля в 8 день по приказу третьего великого посла дано в приказ для имянин его салдатом Петру Соловьеву с товарыщи одиннатцати человеком (гайдукам), в приказ 4 ефимка, да людям его посолским всем вобче в приказ же 3 ефимка». Может быть, в связь с именинами надо ставить и непосредственно затем следующую расходную запись: «Июля в 9 день дано солдатом, которые были у третьего посла два дни, шили ему кафтан зеленой, два ефимка».

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 1024: «Июля в 6 д. ...дано арфинисту, которому играть на арфе, июля в 9 день во время имянинного стола, за провоз ефимок». Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 94: «Июля в 8 д. на имянинах третьего посла музыкантом дано 2 золотых». Как видим, празднование именин П. Б. Возницына в двух расходных записях отнесено к 8 июля; другие, также две, говорят: об «именинной ужине 9 числа ввечеру» и об «имянинном столе июля в 9 ден». Когда же происходил этот ужин: 8-го или 9-го? Можно думать, что ужин, происходивший вечером 8 июля двумя записями отнесен к 9-му числу по старому обыкновению, имевшему основание в церковном обиходе считать сутки с вечера.

презвитера Александра Волосатого (А. П. Протасьева?) и от диакона Гаврилы Долговещного (Г. И. Головкина), от Льва Кириловича писма мне на сей почте дошли. И против тех, которые требовали отповеди, писал; протчим же за краткостию времени не успел, которым прошу должное отдати поклонение. Piter. Из Вены, июля 9 den 1698»[1].

XXXVI. СНОШЕНИЯ ПОСОЛЬСТВА С ЮГОСЛАВЯНАМИ. ПЕРЕГОВОРЫ О ЦЕРЕМОНИАЛЕ ПОСОЛЬСКОЙ АУДИЕНЦИИ

Пребывание великого русского посольства и самого русского царя в Вене не могло не привлечь к себе внимания югославянских элементов, начинавших с надеждой обращать взоры на православную Россию, могущество которой проявилось теперь в азовской победе над турками. 9 июля посетил богослужение в посольской церкви, на котором присутствовали и послы, проживавший тогда в Вене сербский патриарх Арсений Черноевич, горячий патриот и печальник о судьбах своего народа. Еще во время крымских походов В. В. Голицына в 1688 г. он писал в Москву, побуждая московское правительство выступать против турок. Воспользовавшись удачным ходом войны цесарских войск с турками, после того как цесарцами взят был Белград, Арсений вошел в сношения с Веной и завязал переговоры о разрешении сербам переселиться в местности, недавно завоеванные Австрией у турок. Это переселение и было осуществлено в 1690—1691 гг., когда до 40 000 сербских семейств, снявшись с родных мест, двинулись во главе с самим Арсением к северу от Дуная и здесь на свободных, никем не занятых землях основали поселения, поставлявшие австрийской армии отряды отважного войска. Австрийское правительство в переговорах с Черноевичем обещало переселенцам полную свободу вероисповедания, свободу от податей, право избрания себе воеводы и патриарха и вообще право самоуправления по собственным законам и обычаям под условием защиты границ государства от турок и поставки ежегодно военного контингента. Патриарший престол был учрежден в городе Крушедоле, и Арсений, поселившись в австрийских пределах, продолжал оставаться сербским патриархом. В воеводы был избран сербами деспот Юрий Бранкович. Но цесарское правительство нарушило данные обещания. Чтобы воспрепятствовать возникновению у сербов-переселенцев слишком самостоятельной организации, Бранкович под каким-то предлогом был арестован и подвергнут заключению в Вене. Свобода вероисповедания также не соблюдалась: православным приходилось испытывать притеснения от католиков; их принуждали вступать в унию. При посещении русского посольства Арсений подал послам челобитную, в кото-

[1] П. и Б., т. I, № 251. Слова «і подружиі ево» вставлены Петром собственноручно. Письма Петра к членам собора, о получении которых всеми адресатами Виниус уведомлял царя от 22 августа, до нас не дошли.

рой, вкратце рассказав о переселении сербов, жаловался, что вопреки данным сербам от цесарского величества привилегиям, на них налагают многие лишние дани, а иезуиты принуждают их к унии. Патриарх просит царя ходатайствовать за сербский народ перед цесарем, чтобы ему не было насилия в вере и никаких бы лишних поборов с него, кроме поставки военных контингентов, не брали [1]. Вместе с этой челобитной он представил также и другую: о разрешении свободно приезжать в Москву за сбором милостыни, ссылаясь на то, что такие жалованные грамоты от предков великого государя были у сербских патриархов, но во время войны отняты у них турками [2]. С подобной же челобитной обратился к послам сопровождавший патриарха и подчиненный ему епископ Ковинский Ефрем, просивший о разрешении приезжать в Москву за сбором милостыни на сооружение церкви успения богоматери в Ковинском монастыре, разоренной униатами [3]. Надо полагать, что теми же духовными лицами передана была в тот же день челобитная и от деспота Бранковича, томившегося в заключении в Вене, с просьбой к царю исходатайствовать ему свободу и разрешение жить со своим народом [4]. Послы, приняв челобитные, обещали о затронутых в них предметах иметь разговор с цесарскими министрами после официальной аудиенции во время переговоров, а покамест челобитчики получили государево жалованье — «милостыню»: патриарх 11 пар, епископ Ковинский 5 пар, деспот Юрий Бранкович пару соболей [5]. Возобновил свое ходатайство перед посольством обращавшийся к послам еще при проезде их через Прагу, состоящий при патриархе некий студент серб Иоанн Алексеевич, слушавший курс философии и искусный в латинском и словенском языках, о приеме его на русскую службу в переводчики. Такую же челобитную о приеме в переводчики подал несколько позже другой студент Иван Зекан, родом серб, учившийся по-славянски и по-латыни и слушавший курсы философии в академиях в Праге, Регенсбурге и Вене. По испытании, сделанном ему переводчиком Вульфом, он был принят на службу [6]. С напыщенным витиеватым прошением обращался к послам некий доктор философии Илья Поповский, племянник Киевского митрополита. «Той, которой из корене православия рожден, — писал он о себе в челобитной, — и пределы отечествия прешед, чтоб научился мерити и расширяти величество российского имени совершенный в винограде христове делатель, приидох в дальные страны не яко блудный сын, но любовию и ревностию святого богословского учения веден и в преславной академии Праже-

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1374—1375.

[2] Арх мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 47, л. 1—2. На челобитной отметка: «Великим и полномочным послом подано в церкви июля в 9 день в Вене».

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 47.

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 1375.

[5] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 60 об. — 61, 64.

[6] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 47, л. 9; Пам. дипл. сношений, VIII, 1399.

ской блаженный счастливый уж, слава богу, и благополучный наложил есмь конец богословскому учению». Суть его ходатайства заключалась в том, что он, окончив пражский университет и получив там степень доктора философии, желал еще приобрести степень доктора богословия и обращался «к жертвеннику вельможности и щедрот великого имени ясносветлых милостей послов», прося их «помощной десницы» и обещая «мзду труда своего, т. е. наивысший докторства богословского венец» положить у ног послов. «Совершенному богослову», как он обозначает себя в подписи под челобитной, т. е. окончившему курс богословия, выдано было «для его скудости» 5 золотых [1].

Сношения Петра с югославянами не укрылись от наблюдавших за ним взоров и возбуждали подозрительность. Епископ Солзонский, испанский посланник в Вене, подозревавший царя в желании заключить сепаратный мир с турками, обращал внимание Леопольда и его министров на какие-то таинственные переговоры царя с некиим доверенным валашского князя, явившимся будто бы в Вену в костюме нищего. «Я имею серьезные и очень основательные причины, — писал этот епископ в Рим, — подозревать, что царь желает заключить сепаратный мир с турками и что переговоры начаты уже здесь в самой Вене через одного доверенного князя Валахии, который прибыл сюда из Белграда в одежде нищего и несколько недель весьма секретно переговаривался с царем, с его послами и с его духовником, греческим епископом, и, как только уехал царь, так и он поспешно удалился. Я постоянно хорошо за ним следил и сообщил о нем императору и его министрам, и тем не менее не знаю, приложили ли они какое старание узнать цели, с которыми этот валах прибыл сюда в таком презренном платье, хотя я знаю, что он богат и пользуется большим доверием своего государя» [2].

Об этом таинственном лице и о его переговорах с царем и посольством было известно также и венецианскому послу Рудзини, который в депеше дожу писал: «Подал затем повод к подозрениям, еще не достаточно проверенным, тайный прием при этом дворе (т. е. у московского государя) медика господаря валахского, очень любимого им. Его пребывание открылось только спустя много дней по его прибытии. Стало известно о путешествии его через Белград и о его пребывании в течение шести недель в Буде до приезда царя. Затем, приехав сюда, он очутился в доме послов, где, как известно, он часто беседует с ними и с царем. Пала тень, что тут могут быть семена каких-нибудь сношений с турками и какой-нибудь попытки сепаратного мира со стороны московитов». Как личность явившегося, так и переговоры его

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 95. Там же, л. 94: «Июля в 8 д. дано великого государя жалованья Афонские горы Пантелеймонова монастыря священнику Парфению, которой объявил о себе монастырской проезжей лист, что послан он для сбору милостыни, 10 золотых».

[2] *Theiner*. Monuments Historiques, 377, от 2 августа/23 июля; *Шмурло*, Сборник, № 639.

с московитами были окутаны таинственностью, и послы передавали только непроверенные, неопределенные и более или менее искаженные слухи, почему и возникали в этой передаче такие варианты, что в то время, как Рудзини говорит об агенте валахского господаря, его любимом медике (medico), испанский посол сообщает, что этот агент пробрался в Вену под видом mendico, т. е. нищего (in abito di mendico); молва легко могла спутать эти похожие слова. Кинский, к которому Рудзини обратился за разъяснением своих подозрений, сказал, что он прилагает все старания раскрыть истину, но что, по его мнению, во всяком случае, причина миссии другая, а именно беспокойство валахского господаря по поводу скопления войск, собранных польским королем у границ его владений [1].

10 июля третий посол П. Б. Возницын, приготовляясь к торжественной аудиенции у цесаря, докладывал царю проекты новой редакции «верющей» и полномочной грамот к цесарю с некоторыми отменами против текста таких же грамот, отпущенных с послами из Москвы. Слушая доклад и давая резолюцию, Петр 10 июля в Вене действует как дающий указ государь. На представленных проектах Возницын сделал пометы: «206-го июля в 10 д. великий государь указал такову свою грамоту, написав в лист на пергамине (такову полномочную грамоту написав в лист), своим великим послом цесарскому величеству на посолстве подать, а прежнюю, какова послана с ними с Москвы из Посолского приказу, отставить для того, что та грамота по настоящему времени не годилась (написана с настоящим делом и времянем не сходна)» [2].

В тот же день, 10 июля, к послам явился их пристав барон Кёнигсакер вести переговоры о церемониале аудиенции, проект которого был доставлен послам секретарем обер-гофмейстера князя Дитрихштейна Карлом Торпом еще 4 июля. Кёнигсакер и начал беседу с послами с вопроса: «и они, великие и полномочные послы, из того писма выразумели ль бытию того их приезду почитание?» Послы ответили, что они «на приезде», т. е. на аудиенции, быть готовы, но при этом заявили свои желания: во-первых, обычное обязательное требование, внушавшееся наказом, чтобы во время аудиенции никаких других послов, посланников и гонцов у цесаря не было, а затем в восьми пунктах представили возражения против проекта церемониала. Послы просили, чтобы за ними прислана была одна карета, а не две, как предлагалось в церемониале, потому что, объясняли они, приличнее им всем ехать вместе с ним, чашником, и вместиться они могут без утеснения. При этом приведен был прецедент: прием посольства И. В. Бутурлина в 1679 г., когда посол с товарищами, также три человека, ехали в одной карете. Послы просили далее, чтобы священнику и дворянам позволено было выйти из карет, уже въехав во двор цесарского дворца, а не у ворот, как требова-

[1] *Шмурло*, Сборник, № 623.

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1401—1404; ср. 637—640 — отмены против прежней редакции несущественны.

лось церемониалом; послы находили, что царским дворянам, среди которых есть «ближние и честные люди и иноземцы», вылезать из экипажей у ворот и итти по двору пешим непристойно, а священник при посольстве — «начальнейшие степени» (протоиерей) и притом «духовных людей везде почитают». Следующие пункты возражений касались: встречи послов надворным маршалком, который должен им говорить при этом речь не от себя, а от имени цесаря; прохождения послов через палаты дворца до аудиенц-зала в шапках, причем послы снимут с себя шапки, как только цесарского величества лицо увидят; представления их цесарю непременно канцлером или подканцлером; входа в аудиенц-залу всех дворян, составляющих посольскую свиту и допущения их «к руке» цесаря всех, а не выбором; присылки для посольских дворян 25 карет; помещения поднесенных подарков на столе, а не на ступени трона; наконец, числа людей, которых цесарское правительство должно прислать для несения царских подарков. Во всем прочем они, послы, «полагаются на волю его цесарского величества». Приняв эти замечания послов, Кёнигсакер обещал доложить цесарю и вскоре явиться с ответом [1].

Он, действительно, явился на следующий день, 11 июля, с ответом, который не доставил послам удовлетворения. Цесарь, выслушав представленный ему через министров доклад Кёнигсакера, согласился исполнить только одно из пожеланий, заявленных послами, именно о присылке для них, послов, одной кареты, а не двух. На все остальные требования ответил отказом. Кёнигсакер дал объяснения по пунктам. «Чтобы священнику и дворянам въехать в каретах на цесарский двор, того никогда не бывало, а езживали всегда на цесарский двор одни только посольские особы, и ныне тому перемены отнюдь не будет». Послов встретит на обыкновенном месте, по середине входной лестницы, надворный маршалок и скажет им приветствие от имени цесаря. По лестнице послы могут итти в шапках, но, входя в палаты, должны будут шапки снять и итти через палаты без шапок, «потому что в тех палатах будут стоять цесарского величества думные люди, графы и кавалеры без шляп». Никаких государей послы, а также курфюрсты и князья с покрытыми головами через те палаты к цесарю не ходят, и этот древний обычай изменен не будет. Вопрос о шапках вызвал горячий спор со стороны послов; они «говорили, чтобы его цесарское величество по любви к брату своему, великому государю... не указывал чинить им, послам, никакого принуждения в церемониях — присланы они, послы... по любви их, государской, братской для самых нужных и потребных для всего христианства дел». Послы указали на прецедент: прием боярина Б. П. Шереметева с товарищи, которые шли теми двумя палатами до аудиенц-залы в шапках; они, великие послы, «стен полатных почитать не будут, а снимут шапки тогда, когда его цесарское величество увидят; как его величеству достойную честь отдать,

[1] Пам. дипл. сношений, VIII. 1368—1372, 1375—1378.

они знают». У царя в Москве и ни у каких государей послам «такого поведения не чинится». Кёнигсакер резко возражал, что цесарю «иных государей обыкновения не в пример, потому, что он один император на свете». Б. П. Шереметев с товарищами должны были соблюдать древнее обыкновение и итти через палаты без шапок, но шли, надев на себя шапки «сильно», чем причинили цесарскому величеству «озлобление», цесарь имел намерение жаловаться на них царю и умолчал только «для братской дружбы». И теперь цесарь просит послов озлобления ему не чинить и древнего обычая не нарушать. Он, Кёнигсакер, донесет об этом еще раз, однако, соизволения цесарского в том не чает. Послы просили в своих статьях, чтобы их «являл и явочную речь говорил», т. е. представлял их цесарю, канцлер или вицеканцлер; на этот пункт им было сказано, что «такого обыкновения никаким послам не бывало». Порядок встречи им будет такой. Во второй из палат, через которые они будут проходить, перед аудиенц-залой встретит их обер-камергер и, сказав им приветствие, «привитав» их, пойдет доложить о них цесарю, тогда цесарь выйдет в советную палату (аудиенц-залу); двери той палаты отворят, и послы, войдя и сделав три поклона, начнут «править посольство». Послы возражали: «дивно им, послам, что к им такое является изволение мимо прежних обычаев, чего ни у которых окрестных государей не ведется», чтобы послов, приехавших на посольство, задерживать у палатных дверей и являть заочно. Следовала опять ссылка на прецедент Б. П. Шереметева, которому задержания у дверей нималого не было и, когда он вошел в советную палату, цесарь был уже там, о чем свидетельствует «Статейный список» его посольства. Послы просили, чтобы цесарь задерживать их у палатных дверей не велел и чтобы представил их камергер или кто угодно и в своей речи говорил хотя бы и средние титла обоих государей, только «чтоб их посольству перед прежними умаления не было». Кёнигсакер утверждал, что такого обыкновения при встрече послов не бывало и, очевидно, Шереметев с товарищами донесли неправду. Задержания послам у палатных дверей никакого не будет; камергер, встретив их, пойдет доложить о них цесарю, а они, послы, «со иными встречники пойдут по малу (т. е. медленно) и цесарское величество выйдет из покоев своих в ту палату, не мешкав, потому что будет он ожидать их, посольского, приезду в своих покоях близ той советной палаты, чтобы им, великим послом, ни малого одержания не было». В советной же палате цесарь никогда послов не ожидал, а ожидают в той палате его, цесарского, выхода и их, посольского, приезда сенаторы. Впрочем Кёнигсакер обещал о той статье сделать вновь доклад цесарю.

Возбудили затем пререкания вопросы о посольской свите и о дарах. Кёнигсакер объяснил, что в советную палату допускаются только 12 человек дворян, а не все, потому что советная палата невелика и чтобы не было тесноты; во время аудиенции советная палата не затворена, и видеть отправление посольства можно

всем и, когда позовут по окончании аудиенции дворян к руке, тогда и их впустят в советную палату. «Людям посольским и иным меньшим чинам цесарь быть у руки не указал, потому что у цесаря в чинах и в дворянстве есть немалое разделение»: одни имеют право входа в цесарские покои, другие туда не входят. Послы, указали на это, что «с ними дворян малое число, и есть с ними духовная особа и приказные люди», и последним надо быть в той же палате для посольских дел. Спор о подарках заключался в вопросе, где их класть. Послы настаивали, чтобы их принимать министру и класть на стол или, объявив цесарю, уносить в другую палату. Цесарь указал класть подарки на рундуке (ступени трона), и Кёнигсакер объяснял, что цесарское величество «на те дары всегда смотрит сам и приемлет их любительно», но чтоб класть их на стол, такого обыкновения при цесарском дворе нет да и стола поставить там негде, потому что палата невелика «и кроме маестатского одного стола, в той палате иных столов ставить невозможно», а уносить дары, объявя их цесарю, в другую палату невозможно, потому что рядом с советной палатой начинаются цесарские покои, и другой палаты нет, а вон выносить в то время тесно. Послы продолжали настаивать на своем, отнюдь не соглашаясь на то, чтобы «любительные дары класть на рундуке пред ноги цесарского величества униженно, потому что тот рундук от земли низок» — только одна ступень. Если уже нельзя проносить подарков в другую комнату и класть их на стол, то пусть положат их на скамью или на стулья, только не на землю; можно на подарки смотреть на скамье или на стульях. Если цесарь на такое условие не согласится, то можно подношение даров и совсем отменить. На эти последние слова Кёнигсакер заметил, что то подношение даров в их воле: цесарское величество их не вымогает. Об этой статье он также обещал сделать новый доклад. Даже такая подробность, как число карет под посольскую свиту, вызвала отказ со стороны венского двора. Послы требовали 25 карет; цесарское правительство согласилось только на 15, и послы принуждены были уступить. Для несения подарков они просили прислать 80 человек. На этом переговоры 11 июля окончились [1]. Кёнигсакер не доводил еще отказов до конца, обещая по спорным пунктам сделать доклад цесарю. Разрывать переговоры утром того дня, на вечер которого был назначен возбудивший такое большое внимание венского придворного общества праздник Wirthschaft, было неудобно.

XXXVII. ПРАЗДНЕСТВО WIRTHSCHAFT

Праздник состоялся вечером 11 июля. Еще заранее Петру был сообщен список национальных костюмов разных племен и народов, причем он приглашался выбрать для себя наряд по своему вкусу. В соответствующем костюме должна была явиться и его дама, избранная по принятому обычаю жребием. Петр ответил,

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1378—1385.

что он будет в одежде фрисландского крестьянина или фрисландского корабельного капитана [1]. Жребий быть его дамой (Gespänin) достался фрейлине Иоганне фон Турн, дочери возведенного Леопольдом I в имперские князья графа Евгения Турн, родоначальника княжеского дома Турн и Таксис. «Светлейшее общество, — описывал это празднество «Theatrum Europaeum», — собралось упомянутого дня в шесть часов вечера в нижнем зале Фавориты, который к этому празднику был очень красиво убран драгоценнейшими столами, зеркалами и другими прекрасными мебелями и освещен бесчисленным множеством восковых свечей в изящных золотых подсвечниках, и сначала развлекалось танцами и другими забавами под превосходнейшую музыку, а затем перешло в другой таким же образом украшенный зал, разместилось за столом длиной в 86 венских футов и было угощено великолепным и дорогим ужином, при котором прислуживали 32 пажа императорского двора, одинаково на сей конец одетые» [2]. Устрялов приводит в своем сочинении другое описание праздника, сохранившееся в «Ceremonial-Protocolle».

Для празднества приготовлены были комнаты на половине императрицы в Фаворите. В особенности великолепием и вкусом убранства отличалась танцовальная зала. Двенадцать больших серебряных люстр и множество стенных канделябр разливали ослепительный свет, отражаемый четырнадцатью огромными зеркалами, на дорогие картины в украшенных гирляндами рамах, на редкие деревья и благоухающие цветы, живописно расставленные по зале, которая представляла вид волшебного сада. Пред вечером стали съезжаться гости. Император и императрица принимали их с приветливым радушием хозяина и хозяйки. Пара за парой являлись принцы, принцессы, вельможи, статс-дамы, фрейлины в самых разнообразных костюмах, сиявших драгоценными каменьями, но со строгим соблюдением характера разноплеменных одежд.

Кавалеры и дамы наряжены были следующим образом: *древним германцем* — граф фон Алтгейм с фрейлиной Элеонорой фон Мансфельд; *испанцем* — Вильгельм, ландграф Гессенский, с графиней фон Ламберг; *венгерцем* — граф фон Коловрат с фрейлиной фон Пассберг; *французом* — младший принц Цвейбрюкенский с фрейлиной фон Трухсес; *поляком* — граф фон Велц, камергер короля Римского, с графиней фон Мартиниц; *москвитином* — обер гофмаршал граф фон Мансфельд с принцессой Монпельяр; *венецианцем* — граф фон Гейесберг с фрейлиной Изабеллой фон

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 49 (Печатный список костюмированных гостей, бывших на празднике Wirthschaft, — л. 2: «Friesslaendischer Schiff-capitain. Zaarische Majestaet. Fr. Joanna von Thurn». Впрочем в «Theatrum Europaeum», XV, 472: «*Friesslaendische Bauer* der Gross Czaar von Moscou. Fräul. Johanna von Thurn». Венецианский посол Рудзини в своем донесении говорит о костюме фрисландского крестьянина, который напоминал собой в достаточной степени моряка: «il Czar però amò d'essere un paesano di Frisia, il che s'avvicinava assai alla qualità d'un marinaro» (*Шмурло*, Сборник, № 569).

[2] «Theatrum Europaeum», XV, 473.

Турн; *кроатом* — граф фон Лодрон с графиней фон Шаленберг; *нидерландцем* — тринадцатилетний эрцгерцог Карл (будущий император Карл VI) с графиней фон Валштейн, супругой обер-камергера; *швейцарцем* — граф Гейстер с фрейлиной фон Фюнкирхен; *греком* — граф фон Вельц, камергер эрцгерцога, с графиней Чернини; *древним римлянином* — министр финансов граф Гундакер фон Штаренберг с фрейлиной Сантилирин; *туркою* — барон фон Гердсдорф с фрейлиной Марией фон Лихтенштейн; *персиянином* — старший принц Цвейбрюкенский с графиней фон Даун; *армянином* — граф фон Роталь с фрейлиной фон Вратислав; *африканцем* — граф фон Цинцендорф с графиней фон Гаррах; *египтянином* — римский король Иосиф с графиней Траун, супругой обер-ландмаршала; *китайцем* — граф Брейнер с фрейлиной фон Гамильтон; *татарином* — граф фон Даун с дочерью императора эрцгерцогинею Марией-Елизаветой; *мавром* — князь фон Лонгеваль с графиней фон Сальм; *индейцем* — Иоганн-Георг Вейсенфельс герцог Саксонский с фрейлиной фон Лихтенштейн; *нюренбергским женихом* — князь Монпельяр с фрейлиной Розой фон Гаррах; *пастухом* граф — Кобентцель с фрейлиной фон Вальдштейн; *солдатом* — граф Леопольд фон Дитрихштейн с фрейлиной Эсфирью фон Штаренберг; *цыганом* — граф фон Тун с графиней фон Молларт; *пилигримом* — граф фон Рогендорф с графинею фон Мансфельд; *садовником* — князь фон Зулцбах с графиней фон Галль; *егерем* — граф фон Лёвенштейн с княгиней Антониной фон Лихтенштейн; *крестьянами: испанским* — граф фон Вратислав с графиней фон Энгельфорт; *французским* — граф фон Паар с графиней фон Гойос; *английским* — граф фон Ауерсперг с фрейлиной Фуггер; *итальянским* — принц Иосиф Лотарингский [1] с графиней фон Шлик; *страсбургским* — граф Филипп фон Дитрихштейн с эрцгерцогиней Марией-Магдалиной, девятилетней дочерью императора; *швабским* — граф фон Виндишгрец с фельдмаршальшей фон Штаренберг; . . . *голландским* — принц Максимилиан Ганноверский (сын известной нам курфюрстины Софии Ганноверской) с дочерью императора эрцгерцогиней Марией-Анной; *моравским* — граф Карл фон Валдштейн с фрейлиной фон Валдштейн; *рабом* — принц Христиан Ганноверский (другой сын курфюрстины Софии) с фрейлиной фон Гётц; *площадным лекарем* (Marktschreier — шарлатан) — граф фон Раппах с фрейлиной фон Молларт; *евреем* — граф Волкра с дочерью императора эрцгерцогиней Жозефой; *хозяином и хозяйкою* — император и императрица; *кёльнером* — граф Иосиф фон Роталь с фрейлиной Марией фон Мансфельд; *служителями* с дамами: князь Гартман фон Лихтенштейн с графиней фон Ауерсперг; граф Леопольд фон Ламберг с графиней фон Флашинг; граф Кастельбарко с княгиней фон Лихтейнштейн; граф фон Кёнигсек с графиней фон Валдштейн; граф Аспермонт с графиней фон Иоргер, супругой градоначальника Вены; граф фон Гойос с княгиней фон

---

[1] Будущий отец императора Франца — мужа Марии-Терезии.

Лобковиц; князь фон Дитрихштейн, обер-гофмейстер, со своей супругой; без дам: герцог Евгений Савойский; граф фон Валштейн, обер-камергер; ландграф Филипп Гессенский; князь фон Сальм; князь Антоний фон Лихтенштейн; граф фон-Букуа; граф фон Траутзон; граф Карл фон Паар; граф Чернини; граф фон Молларт; граф фон Концин; граф Иоргер; граф фон Тюргейм; граф фон Сангруа и семь московских кавалеров (имена их не обозначены); *трубочистом* — граф фон Мартиниц; *привратником* граф фон Лесли.

Как скоро собрались все гости, Леопольд и супруга его послали сказать Петру, что хозяин и хозяйка домашнего праздника ждут фрисландского крестьянина. Он не замедлил явиться, сопровождаемый послами и несколькими дворянами в костюме служителей. Царь вошел во дворец садом. Император и императрица встретили его у дверей танцовальной залы, где уже гремела музыка, но танцы еще не начинались. Поздоровавшись с хозяином и хозяйкой, он быстро, по своей привычке (seiner Gewohnheit nach), прошел по всей зале до противоположного конца к толпе гостей, отыскал среди них свою подругу и открыл бал. За ним пустились в танцы представители разноплеменных народов.

Когда все гости вдоволь навеселились, хозяин и хозяйка пригласили их к ужину в верхнюю галлерею, где накрыт был стол на 80 человек [1]. Император и императрица заняли места при нижнем конце; на верхнем были древний германец с германкой и венгерец с венгеркой. Царь сидел шестым от императрицы, имея с правой стороны свою подругу фрейлину фон Турн, с левой фельдмаршальшу Штаренберг в костюме швабской крестьянки. Всем гостям прислуживали молодые дворяне знатных фамилий в ливреях. За стулом царя стояли два благородных чеха. В половине ужина Леопольд встал с своего места, подошел к фрисландцу и поднес ему бокал вина. Царь выпил его залпом за здоровье радушного хозяина. Император налил бокал снова и в свою очередь осушил его за здоровье дорогого гостя. С тем же ходил к римскому королю, сидевшему двадцать четвертым от императрицы; от него снова подошел к царю и оба они пили взаимное здоровье. После ужина все гости возвратились в танцовальную залу и веселились там до белого дня [2].

В *Theatrum Europaeum* находим подробности, о которых не говорят «Ceremonial-Protocolle». «Когда все высокие гости — читаем в «Theatrum Europaeum», — были вдоволь угощены и им предоставлены были всякие редкостные блюда и напитки, их императорское величество поднялись из-за стола и отправились с драгоценным хрустальным бокалом вина к царю и сказали: так как они хорошо знают, что он (т. е. Петр) знаком с великим царем в Москве, то они желают поднести ему за здоровье царя; за что

[1] Не считая императора и императрицы.

[2] *Устрялов*, История, т. III, стр. 138—142. В атласе рисунка, приложенных к сочинению Устрялова, см. план размещения гостей за столом. Рисунок есть и в «Theatrum Europaeum».

Рис. 44. Празднество (Wirthschaft) при венском дворе 11 июля 1698 г.

Гравюра на календарном листе 1698 г.

тот очень учтиво поблагодарил, взял от уст высокоупомянутого их императорского величества бокал и объявил, что, насколько он знает, великий царь на Москве во всяком благополучии, что он — друг их императорского величества и враг его врагов и настолько простирает свой интерес и любовь, что, когда бы этот стакан был полон яду, то все же готов его выпить; затем поднес стакан к устам и выпил его, не оставляя в нем ни одной капли и вручил его их императорскому величеству пустым. На что высокоупомянутое их императорское величество ответствовал: так как он, царь, ничего им в бокале не оставил, то они желают почтить его бокалом; и он принял с величайшим удовольствием и уверил, что, пока он жив, его сердце и этот бокал к услугам их императорского величества. После чего он обратился к его величеству, римскому королю, и сказал: его величество еще молоды, поэтому могли бы лучше перенести добрый глоток, чем господин батюшка и побудил их ответить ему один за другим на восемь тостов. После этой экспедиции он обнял их величество, поцеловал, поднял кверху, выказал большое удовольствие и обратился опять к начатым веселостям, которые продолжались до 4 часов утра, причем их императорское величество, равно и его царское величество, так увеселенными оказались, что оставались до самого последнего момента, а именно царь необычайно растанцовался и, прижимая свою даму и по своей ему свойственной манере, вертел и оказался веселым и радостным»[1].

Троим русским послам, а также некоторым из их свиты, досталось быть на празднестве в костюмах слуг, что́ ими было исполнено самым точным образом. Может быть, в связь с этим появлением на маскараде надо поставить занесенные в «Расходную книгу» статьи на шитье потешного кафтана третьему послу, на покупку шести нитей бус на козырь к этому кафтану, на строение потешного платья Александру и Гаврилу Меншиковым[2].

Кроме официального описания празднества, сохранились еще некоторые частные отзывы о нем. «Все присутствовавшие на празднике, — писал в Женеву Петр Лефорт, — были совершенно равны между собой; не было ни малейшего иерархического подчинения. Общество представляло собой красивое зрелище: богатство костюмов с массой бриллиантов слепило глаза»[3]. — «В понедельник, — сообщает в Рим испанский посланник, — состоялось

---

[1] «Theatrum Europaeum», XV, 471—475. В подробностях этих нет ничего невероятного, что́ бы давало повод их отвергнуть. Они приведены из «Theatrum Europaeum» в журнале Гюйсена (*Туманский*, Собрание разных записок, т. III, стр. 85) и у *Голикова* (Дополнения к деяниям Петра В., т. V, стр. 146). Устрялову «Theatrum Europaeum» остался неизвестным. Вслед за «Theatrum Europaeum» и Гюйсен и Голиков ошибочно указывают дату Wirtschaft'а, относя его к 1/11 июля вместо 11/21. Wirtschaft происходил в понедельник, а на понедельник приходилось именно 11 июля ст.ст. Дату 11/21 июля, впрочем, бесспорно удостоверяют депеши иностранных послов в Вене. Ср. *Шмурло*, Сборник, № 563, примечание.

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 94 об., 95.

[3] *Posselt*, Lefort, II, 495.

празднество Wirthschaft и отлично удалось. Царь был очень доволен и весел и танцовал без конца и меры (senza fine e misura)» [1]. «Как нельзя более великолепен и богат, — доносил своему правительству венецианский посол от 12/22 июля, — был данный вчера при дворе праздник, занявший не только все часы ночи, но и первые часы сегодняшнего утра. Великолепные костюмы блистали изобретательностью и драгоценными украшениями. Царь пожелал быть фризским крестьянином, что соответствовало вкусам моряка. Его послы присутствовали в различных одеждах; прочим послам было отведено окно в помещении эрцгерцога, откуда они видели пышность этого необычайного собрания (congiontura)» [2]. Обычай празднества требовал, как мы уже знаем из слов того же испанского посланника, чтобы кавалер после бала подносил своей даме дорогие подарки и в «Расходных книгах» посольства находим записи о таких подарках для дамы Петра: «Куплен перстень с алмазы в подарок девице княжне Туринской Яганне, которая у цесаря на пиршестве танцевала, дано 205 золотых». Кроме того, ей же было подарено четыре пары соболей: пара в 40 рублей, пара в 30 рублей, две пары по 25 рублей и 5 косяков камок. Отвезти к ней перстень, меха и материи был послан один из любимых карликов Петра Ермолай Мишуков [3]. Молва значительно преувеличила ценность этих, надо сказать, очень скромных подарков, и в одну из тогдашних газет-курантов сообщалось из Вены: «Здесь сказывают, что московский принц графине Туринской, которая с ним на болшом пиру в товарышестве учинена была, снурок жемчугу да запану ценою в 30 000 ефимков подарил» [4].

Самым интересным для Петра лицом на празднестве был, вероятно, принц Евгений Савойский, молодой, но уже славный полководец, недавняя победа которого над турками при Центе привела царя в такое восхищение. К сожалению, никаких подробностей о встрече этих двух замечательных людей неизвестно. «Следует пожалеть, — пишет по этому поводу Арнет в своей биографии принца Евгения, — что ни с той, ни с другой стороны не сохранилось свидетельства о впечатлении, которое произвели эти два выдающиеся человека друг на друга. Их взаимный интерес должен был быть велик. Повелителя России с его живым чувством ко всему сверхобычному мало что могло привлекать в Вене в бóльшей степени, чем знакомство с победителем турок, славой которого был тогда полон свет. С другой стороны, для тонкого взора Евгения не могло остаться незаметным, какое сокровище гениальности таится под грубоватой внешностью царя» [5].

---

[1] *Theiner*, Monuments Historiques, 377 от 16/26 июля.
[2] *Шмурло*, Сборник, № 569.
[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 99 об., 62 — об.
[4] Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 65, л. 19 об.: «Выписано ис курантов... из Вены июля в 19 день» (из бумаг П. Б. Возницына).
[5] *Arneth*, Prinz Eugen von Savoyen, I, 129.

12 июля, на следующий день после празднества, цесарь прислал Петру в подарок драгоценный хрустальный кубок работы di Rocca, ценимый по искусной работе в 2 000 гульденов, из которого оба государя пили накануне здоровье друг друга, а также трех лошадей из императорской испанской конюшни: буланую, серую и темносерую. «Служителю цесарскому — записано в «Расходной книге» посольства, — которой стекляной кубок принес,

Рис. 45. Принц Евгений Савойский

Анонимная гравюра

пара соболей в 14 руб.; конюшему, которой от цесаря в дарех лошеди привел, две пары соболей по 25 руб. пара, две пары по 18 руб. пара, пара соболей по 10 руб.», его помощникам — 40 золотых [1].

XXXVIII. БЕСЕДЫ ПЕТРА С ИЕЗУИТАМИ

Любезности императора, проявленной в выборе и присылке этих подарков, совершенно не соответствовала официальная сухость, с которой были в тот же день, 12 июля, прерваны переговоры о посольской аудиенции. Явившийся к послам их пристав

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 142; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 61 об., 98.

Кёнигсакер категорически заявил им, что на их желание итти через палаты в шапках, класть дары на скамью и чтобы цесарю находиться в советной палате, когда они будут туда подходить, цесарь «не изволяет, а указал быть посольскому поведению против древнего обычая» без всяких перемен. Если послы желают быть при таких условиях на приеме, пусть назначат день; в противном же случае, если они «похотят быть по своему желанию», цесарь может отпустить их домой и без аудиенции. Послы вновь выразили протест: «цесарское величество чинит в церемонии поведение не против древнего обыкновения», они донесут об этом царю, и в ответ будут приняты подобные же ограничения для цесарских послов и посланников при московском дворе, где до сих пор послам цесаря оказывалось «почитание паче иных християнских государей послов». При этом послы припомнили и поставили на вид приставу оказанные посольству цесарским правительством признаки невнимания: как при въезде в цесарские владения на границе они не были встречены и «ехали многое время государством цесарского величества без пристава и без кормов», как на подхожем стане в Штокерау они были задержаны многие дни без дела; как, наконец, в приеме их в Вене оказывается им многая напрасная задержка. Они, послы, домогаются не какого-либо нововведения, а только исполнения обычаев, о которых записано в прежних статейных списках; об этом они просят вновь доложить цесарю, и тогда готовы быть у него на приезде хоть завтра; если же цесарь их желаний исполнить не изволит, тогда они посоветуются и окончательный ответ дадут 16 июля. Но Кёнигсакер решительно отказался вновь докладывать цесарю, сказав, что сделать этого не смеет, так как решение цесаря — окончательное. Он может доложить цесарю только о сроке аудиенции, если послы на нее согласятся и будет ждать их ответа до 16 июля [1]. По свидетельству «Ceremonial-Protocolle», послы 12 июля соглашались на уступки в двух пунктах: готовы были итти через палаты без шапок и довольствовались присылкой только 48 венских бюргеров для переноски подарков вместо 80, которых требовали ранее; но остались непреклонны в требованиях, чтобы при входе их в аудиенц-залу обер-камергер представил их находящемуся уже там императору с громогласным провозглашением царского титула по крайней мере малого, и чтобы царские дары не класть на ковер к ногам цесаря. Все уговоры Кёнигсакера остались тщетными [2].

На среду 13 июля была назначена отложенная поездка Петра в Венецию. Однако накануне венецианский посол получил уведомление от послов, что поездка вновь откладывается на субботу 16 июля. 13-го в Венецию были отпущены четверо волонтеров во главе с доктором П. В. Посниковым; с ними же отпра-

---

[1] Пам. дипл. сношений, VIII, 1385—1388.
[2] *Устрялов*, История, т. III, стр. 142.

вился и царский повар Осип Зюзин[1]. Петр провел этот день иным образом и вновь присутствовал на католическом богослужении в Вене в церкви иезуитов и после мессы обедал с ними. «Царь московский, — доносил в Рим нунций, — узнав, что в среду утром должна быть отслужена кардиналом Колоницем (примасом Венгрии) в церкви отцов иезуитом в доме их коллегии (casa professa) во исполнение завещания, сделанного блаженной памяти императрицей Элеонорой (матерью Леопольда), высказал большое желание быть на богослужении, и, когда это было сообщено его цесарскому величеству, для царя была приготовлена трибуна, где присутствует его величество на богослужениях, когда отправляется в эту церковь. С величайшим вниманием царь выслушал мессу его преосвященства и, говорят, что по внешнему поведению не отличался от присутствовавших католиков; затем имел удовольствие беседовать с господином кардиналом Колоницем, который пошел к нему на трибуну, и царь через переводчика поблагодарил его за служение, совершенное в его присутствии, и выразил удовольствие, что присутствовал. И г. кардинал сказал царю, что, зная его добрые намерения — разбить турок на море, молит бога об удаче его предприятий и чтобы он дал ему хорошо разуметь, что́ необходимо для его спасения, что́ принято было царем довольно благосклонно». Кардинал Колониц из графской протестантской семьи (род. 1631 г.), обращенный иезуитами в католицизм и с тех пор ревностный католик, в молодости прошел боевую карьеру. 19 лет посвященный в мальтийские рыцари, он участвовал в битве с турками при Дарданеллах. Затем он вступил на службу при императорском дворе, где был сделан камергером. Приняв духовный сан, он с 1695 г. стал архиепископом Гранским, примасом Венгрии, не покидая, однако, двора. С императором Леопольдом он находился в долговременной и тесной дружбе, пятидесятилетие которой он отпраздновал в 1702 г. Пользуясь близостью к императору, он принимал большое участие в государственных делах. Во время осады Вены турками, в 1683 г., он приобрел большую славу тем

[1] *Шмурло*, Сборник, № 569, депеша Рудзини от 12/22 июля. «Юрнал», (стр. 28): «В 13 день. Отсель поехали нашей компании 4 человека в Венецию наперед». Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 95 об.: «Июля в 13 д... дано в. г. жалованья Петру Посникову с товарыщи 6 человеком, как они отпущены из Вены в Венецыю, Петру 30 золотых, Федосею Скляеву, Лукьяну Верещагину, Анисиму Моляру, Фадею Попову, Ивану Кочету и ему, Петру, на прокорм по 4 золотых и в Венецыи для ожидания на прокорм же по 4 золотых, да за провоз по 9 золотых за человека, всего 132 золотых... Того ж числа дано салдатом Фадею Попову с товарыщи, которые отпущены в Венецию, 5 золотых». Однако в паспорте, выданном волонтерам на эту поездку, Ивана Кочета не упоминается, он выдан на имя доктора Посникова, солдат Федосея Скляева, Лукьяна Верещагина, Анисима Моляра, Фадея Попова, да повара Оски шести человек (Пам. дипл. сношений, VIII, стр. 1388—1389). Иван Кочет упоминается в той же «Расходной книге» 14 июля: «куплены двои пряшки сталные к башмакам, двои подвяски шелковые да крючок серебряной к полашу, да за галун х кафтану в прибавку дан золотой, взял Иван Кочет» (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 96 об.).

ободрением, которое он вносил в гарнизон, мужественно побуждая его сопротивляться, и своими щедрыми пожертвованиями на раненых и бедных. Старый воитель против турок, он должен был с особенною искренностью высказывать в беседе 13 июля пожелание победы над ними[1]. «Когда эта беседа была окончена, — продолжает нунций, — царь перешел в рефекторию отцов иезуитов и там обедал, занимая место за столом между о. Препозитом и о. Вольфом и соблюдая во всем остальном, что соблюдал император, когда отправлялся туда обедать по случаю праздника. Он предупредительно распорядился, чтобы было изготовлено скромное и постное, так, чтобы кавалеры цесарского двора, которые ему служат, и другие низшие лица могли соблюдать канун св. Иоакима (la vigilia di S. Giacomo), приходившийся на этот день, сам же ел мясо. Быстро кончив обед, он отправился в Пресбург посмотреть приготовления флота, который должен был вскоре отправиться»[2]. Свидетельство о посещении иезуитского коллегиума сохранилось и в «Расходной книге» посольства: «Июля в 13 д. взято ко второму великому послу на роздачу милостыни, как ездили они в язувицкой кляштор, имянуемой дом профессорской, 6 золотых»[3].

В поездке в Пресбург, предпринятой 13 июля прямо из дома иезуитов, сопровождал Петра знакомый уже нам иезуит Вольф[4]. Туда совершали путь водой, а оттуда на почтовых, и Вольф, судя по его словам, был единственным спутником и собеседником царя, захватившего с собой только двоих из свиты, людей низшего ранга[5]. Разговор зашел о предмете, наиболее интересовавшем Вольфа, о соединении церквей: «Когда я, — вспоминал впоследствии, в 1703 г., Вольф, — на этом пути в Пресбург заговорил с ним подробнее о католической вере и о соединении, добрый государь ответил, что с его стороны не будет никакого за-

---

[1] О Коломнце, см. *Pierling*. La Russie et le St.-Siège, IV, 80, 140, passim: *Dukmeyer*, Korb's Diarium, I, 51—52.

[2] *Theiner*, Monuments Historiques, 373 от 16/26 июля.

[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 95 об.: ср. там же, л. 94 об. «Июля в 11 д. ...августианского закона черноцом на милостиню дано 5 золотых».

[4] «Theatrum Europaeum», XV, 475, где посещение дома иезуитов ошибочно отнесено к 11/21 июля: «Das Profess-Hauss der P. P. Jesuiten in Wien besichtiget woselbst in seiner Gegenwart des Hr. Cardinal von Collonitz ein hohes Amt gehalten und hernach von den Hrn. P. P. Jesuitis herrlich gastiret worden. *Des Nachmittags ist er mit dem Pater Wolff von dar nach Presburg abgereiset umb diesen Orb und mehr andere zu besichtigen*».

[5] «...non assumptis ex suis nisi duobus vilissimis hominibus».

Письмо Вольфа к кардиналу Паулуччи 18 июня 1703 г. (*Pierling*, La Russie et le St.-Siège, IV. apposition XIII), Вольф отступает в этом показании от истины. С Петром в Пресбург 13 июля выезжал также и Лефорт. См. депешу Рудзини от 15/25 июля (*Шмурло*, Сборник, № 621). По свидетельству «Расходной книги» посольства, с царем был также А. Меншиков (Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 97: «Июля в 14 д... Александру Меншикову дано 12 золотых, которые он издержал в Прешпурке».

труднения, но что его духовенство будет ему кричать: «распни его» [1].

Царь вообще выказывал благосклоннейшее отношение к Вольфу, о чем последний подробно и не без похвальбы распространяется в том же письме. Оказывается, что трое послов, которых царь не взял с собой 13 июля в Пресбург, всячески пытались отсоветовать это путешествие, чтобы царь не оставался на пути наедине с иезуитом, на что Петр будто бы ответил, что этому иезуиту он во всем верит («se huic Jesuitae omnia fidere»), как рассказывал Вольфу впоследствии один из послов. Когда медик убеждал Петра что-то предпринять, но неудачно, он попросил Вольфа убедить царя, и тогда царь послушался. Доверие Петра к Вольфу простиралось, по словам последнего, так далеко, что он обратился к иезуиту с просьбой быть его переводчиком при тайных переговорах с императором; но Вольф отказался отчасти потому, что это дело было чисто политическое и могло вызвать немалую зависть, а отчасти опасаясь, что не будет в состоянии точно и понятно передать слова обеих сторон. Вольф умел также войти в расположение к царю, поднеся ему какие-то «инженерские инструменты», за что получил при отъезде царя из Вены подарок, при расчетливости Петра действительно весьма щедрый, два сорока соболей: в 260 и в 200 рублей и 4 косяка камки, так что мог с гордостью указывать, что ему было дано более, чем кому-нибудь из министров, более даже, чем состоявшему при царе графу Чернини [2].

Тот исключительный интерес, который был проявлен Петром в Вене к католическому богослужению, его в высшей степени благосклонное отношение к католическому духовенству, к иезуитам и в частности к Вольфу, окрылили мечты высших венских церковных кругов, где уже и ранее существовало мнение о Петре, как о государе, склонном осуществить соединение церквей [3]. Теперь это мнение могло благодаря отношению, проявленному Петром к католической церкви и его словам о соединении, только укрепиться. В венских церковных кругах ходили рассказы о недовольстве против царя со стороны московского православного духовенства именно за его намерение присоединиться к римской церкви и об опасении со стороны этого духовенства, что царь последует в этом случае примеру путешествующего по Италии боярина Б. П. Шереметева, который будто бы уже пере-

[1] *Pierling*. La Russie et le St.-Siège, IV, 420. «Cumque illi in itinere illo posoniensi fusius de fide catholica et unione locutus fuissem, reposuit bonus Princeps se nullam habiturum difficultatem, sed a suis Eccelesiasticis crucifige sibi inclamatum iri».

[2] *Pierling*, La Russie et le St.-Siège, IV, 420. Арх. мин. ин. дел. Кн. австр. дв., № 47. л. 61 об.: «Езувиту Вульфу за инженерские инструменты дано сорок соболей в двести шестьдесят рублев, сорок в двести рублев, четыре косяка камок».

[3] *Theiner*, Monuments Historiques, 374. Кардинал Коломиц в Рим от 30 апреля/10 мая 1699 г.: «sourano... assai disposto a ridursi col suo popolo in grembo della vera Chiesa».

шел в католичество. О таком настроении московского духовенства сообщал нунцию в Вене цесарский переводчик русского языка (Стилла?); сообщение это нашло у нунция полную веру, и он передавал его в Рим [1]. На соединение церквей намекал кардинал Колониц, когда после богослужения 13 июля говорил Петру о своей молитве, чтобы «*бог дал ему хорошо разуметь, что необходимо для его спасения*». Особенно большие надежды в этом отношении возбуждала у католических прелатов Вены предстоящая поездка царя в Венецию, откуда он, привлеченный прелестями Италии и побуждаемый любознательностью, может быть, проедет в Рим [2]. То, что не договаривал в своей депеше нунций, досказывал более решительно епископ Солзонский, испанский посол: «После празднества (Wirthschaft), — доносил он в Рим, — царь думает почтой отправиться в Венецию со свитой только из семи персон; а затем, может быть, он захочет отправиться к пределам святых апостолов и предложит в Риме соединение своей греческой веры с нашей латинской» [3]. Под влиянием этих известий о возможной поездке царя из Венеции в Рим, и в Риме стали делать первые шаги к приготовлениям для его приема, и папа дал поручение своим церемониймейстерам навести справки о древних церемониалах подобных приемов [4].

Возникает, естественно, вопрос, можно ли эти посещения католического богослужения, эти беседы и любезности с католическим духовенством Вены, с близким к императору кардиналом Колоницем и в особенности с иезуитом Вольфом считать признаками действительного расположения Петра к соединению церквей или же это были только шаги, направленные к политическим целям? Несомненно, Петр очень интересовался католическим богослужением; но ведь в бытность в Англии он очень интересовался и англиканским богослужением и устройством англиканской церкви. Его вообще занимало чужое богослужение и вопросы, связанные с верой, и он очень охотно о них беседовал; не мог не занимать его и такой крупный вопрос, как вопрос о соединении церквей. Но из всей дальнейшей деятельности Петра не видно, чтобы он предпринимал к его решению какие-либо практические шаги, и его отношение к вопросу не вышло за рамки только теоретического интереса. И в 1698 г., поддерживая разговор о соединении церквей, царь вел его, надо думать, без всякой мысли о каких-либо практических мерах. По всей вероятности, особое расположение к представителям католического духовенства в Вене он выказывал в политических целях, зная влияние

---

[1] *Theiner*, Monuments Historiques, 374, от 23 июля/2 августа 1698 г.

[2] *Theiner*, Monuments Historiques, 373—374. Нунций в Рим от 16/26 июля: «Per oggi è destinata la partenza del medesimo Czar per Venezia... ma perchè non sarebbe impossibile, che egli allettato dalle delizie d'Italia, risolvesse in Venezia di portarsi a Roma, essendo curioissimo di tutto, scrivo questa sera a monsignor Cusani» (Нунций в Венеции) etc.

[3] *Theiner*, Monuments Historiques, 377 от 9/19 июля.

[4] *Шмурло*, Сборник, № 641, стр. 643.

этих лиц на императора и их вес в императорском правительстве и имея в виду все ту же более всего его тогда занимавшую войну священного союза с турками. И Вольф, и Колониц могли быть пригодными как интимные советники Леопольда своим воздействием на него. Возможно также предполагать, что царь, выказывая знаки расположения к католической церкви, имел в виду также привлечь внимание и расположение папы, благосклонность которого к союзу против турок он должен был считать немаловажной. Позже, когда расчет на влияние Вольфа не удался и мир был все-таки заключен, царь выразился о Вольфе очень резко. «Император, — сказал по свидетельству Гвариента Петр, — много наобещал и в особенности союз на три года, но за то, что ничего не исполнено... императора самого нельзя обвинять; но поповское министерство присвоило себе всю силу по своему усмотрению распоряжаться войной и миром, извратило искреннее и братское сердце его императорского величества. Живой и неопровержимый пример представляет патер Вольф, который во время пребывания его, царя, в Вене вмешивался во все государственные дела подобно какому-либо первому министру...» [1]

XXXIX. СВИДАНИЕ ПЕТРА С ВЕНЕЦИАНСКИМ ПОСЛОМ РУДЗИНИ. ВИЗИТ ПЕТРУ ИМПЕРАТОРА ЛЕОПОЛЬДА

В отсутствие Петра в тот же день, 13 июля, когда он выезжал в Пресбург с иезуитом Вольфом, посольство посетил, отдавая визит Возницыну, венецианский посол Рудзини: «отдавал, — как значится в «Статейном списке», — взаимной визит, что он, великой посол, у него был, при котором и второй великой и полномочной посол был». По свидетельству «Статейного списка», Рудзини на этом свидании с Ф. А. Головиным и П. Б. Возницыным говорил, что он писал к дожу и сенату о проезде волонтеров знатных особ; путь тем волонтерам до Венеции свободный; в Венеции им будет «всякая повольность и вспоможение», и чтобы волонтеры ехали в Венецию без опасения [2]. Сам Рудзини в своих депешах сообщает подробности этого визита. «Я отдал визит третьему послу, — пишет он, — с намерением почтить его за визит, который он первый сделал мне в этом доме и с тем, чтобы, может быть, иметь возможность быть представленным самому царю. Однако случилось, что царь вместе с пер-

[1] *Dukmeyer*, Korb's Diarium, I, 170. Письмо Гвариента к референдарию Дольбергу от 4 марта 1699 г.: «Ihro Kays. Mayst. hatte viel versprochen insonderheit aber die 3 j'ärige Waffen conjunction weilen aber nichts zu effect gebracht worden... Ihro Mayst. der Kayser wäre zwar für sich selbsten Keineswegs zu coulpiren, sonder das Pfaffische Ministerium, so die gewalt usurpire, nach eigenem gutdüncken Krieg und fried zu machen verfalschte das aufrichtige brüderliche Herz Ihro Käys. Mayst. Ein frisches ohnläugbares exempel gebe der pater Wolff, welcher zur Zeith dero anwesenheit in Wien gleich Einem primo Ministro in alle publica sich Eingemischet...»

[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1388.

вым из послов уехал в ту пору в Пресбург посмотреть на Дунае некоторые суда нового изобретения. Во время визита вошел второй посол, извинился любезным образом за отсутствие товарища и сказал притом, что, хотя сейчас он не имеет случая ввести меня к его величеству, но это еще произойдет до его отъезда... Исполнив официальные учтивости, он с большой благодарностью упомянул о благосклонности светлейшей республики, давшей разрешение мастерам (ехать в Россию) и затем спросил, какие известия с Востока. Я выразил удовольствие светлейшей республики в том, что она имела возможность пойти навстречу желаниям и содействовать великодушным планам его величества. Я сказал, что, хотя время не позволяет еще иметь сведения об успехах, но следует надеяться на наилучшие успехи от могущества собранных сил, которые могли бы в настоящем году возобновить выгоды и славные начатки прошлого года. Затем я счел уместным соответствовать такими же вопросами о новостях с их стороны и относительно их могущественных войск; они сказали, что есть существенные вещи, направленные к вящему сокрушению варваров, которые мне откроются при другом случае.

Так как по их обычаю при настоящем визите присутствовали многие московиты, а также неудобно было за отсутствием первого посла входить в более секретные вопросы относительно переговоров о мире, то я по поводу некоторых их выражений стал заявлять в общем смысле о точности (puntualità) светлейшей республики в исполнении ее обязательств и ее рвении к успехам священного союза и союзным государям, на что́ они ответили изъявлением полного одобрения.

Мне показалось, наконец, удобным искусно навести на какой-нибудь намек относительно широты круга, который должно сделать посольство. Оказалось, что они не знают намерений их государя; второй посол отделался отрывистым словом, что личность царя много важнее посольства. Может быть, есть какие-нибудь мысли отправить посольство в Италию, пока царь думает удовлетворять любопытство, делая наблюдения в ней...»[1]

Вернувшись из Пресбурга, Петр, видимо, выразил желание лично повидаться с Рудзини, и последний 14 июля получил приглашение вновь прибыть в русское посольство для свидания с царем. «Вчерашнего дня, — доносил он дожу в депеше от 15/25 июля, — я, будучи уведомлен, что, если я найду удобным быть в комнате третьего посла, которому я сделал визит, то мне представится случай запросто и без формальностей говорить с его величеством. Я отправился туда в одной карете и нашел царя, который, хотя был с непокрытой головой, пригласил меня покрыться».

Держась в той же позе, в которой был он сам, и соблюдая всецело приватный характер свидания, я, пользуясь переводчи-

---

[1] Депеши Рудзини от 15/25 и 16/26 июля 1698 г.; *Шмурло*, Сборник, № 621, 623.

ком, выразил счастие видеть государя столь великого, славного и с такими заслугами перед христианством; прибавил о чувствах уважения и дружбы, которые выражает ему светлейшая республика, пожелав ему самого славного счастья; этими чувствами преуспевает счастье священного союза, которому отданы могущественные войска его величества [1]. Сказал, что я написал вашей светлости о его решении быть в Венеции, которое будет принято с удовольствием, равным желанию выразить ему в высокой степени подобающее уважение; что мне жаль, что по долгу повиновения я должен был уведомить об отдельных мероприятиях, соблюдение которых угодно его величеству, как мне объявили его послы, и к этому я присоединил все, что мог, чтобы выставить на вид чувства уважения республики к его заслугам.

Он шаг за шагом последовательно отвечал, что ценит дружбу республики, что отвстствует ей с равной силой, что желает ей благоденствия, что соединенные интересы должны направляться только ко взаимному благу и к сокрушению общего нашего врага, против которого он не перестанет действовать, как условился. Что до его путешествия в Венецию, то сам он подтверждает сказанное мне его послами о его желании, быть инкогнито и с выражением прибавил, что наибольшей почестью, которую он мог бы получить, была бы свобода заниматься предметами, относящимися к морю и мореплаванию, которые наиболее близки его сердцу и которыми он более всего занимался в Амстердаме и в других местах, пользуясь вполне данным ему разрешением, которое ему было в высшей степени приятно. Он заключил под конец выражением добрых чувств ко мне.

Выйдя затем из комнаты, он приказал меня попросить, чтобы я тотчас же дал ему паспорт и письмо к моему брату, которых он просил; поэтому, принужденный настойчивостью просьбы, я не мог отказать ни в том, ни в другом, хотя из императорской канцелярии он уже имел паспорт от цесаря на чужое имя, одинаковое с тем, которое было мне обозначено» [2].

14 июля у послов был также датский посланник Яган-Генрих фон Штен «с поздравлением прибытия их в Вену» [3]. Этот визит, подобно предыдущим посещениям английского резидента 27 июня и венецианского посланника 13 июля, имел частный характер; официальные визиты дипломатические представители могли сделать русским послам только после приемной аудиенции их у императора. В венских дипломатических кругах эти предстоящие официальные сношения с русскими послами возбуждали большие разговоры, как можно судить по донесениям в Рим апосто-

---

[1] «Aggionsi i sensi dell'osservanza et amicitia che le professa la serenissima Republica, unita alla brama delle di lui piu insigni felicità; quando per esse si vedono prosperate quelle della sacra lega, per cui si trovavano impegnate l'armi potenti della Maestà Sua».

[2] *Шмурло*, Сборник, № 621. Паспорт, выданный Рудзини на имя Александра Меншикова, там же, № 622.

[3] Пам. дипл. сношений. VIII, 1389—1390.

лического нунция. Послы испанский, венецианский и савойский запрашивали его, не имеет ли он каких-либо препятствий к посещению московских послов ввиду того, что они — схизматики. «Я ответил, — пишет нунций, — что я нисколько не затрудняюсь их посетить, так как есть пример кардинала Буонвизи, который в последний раз, как здесь были московские послы, посетил их. И я буду поступать согласно с тем, как при всеобщем одобрении поступает при своем собственном дворе его святейшество, наш господин, — буду оказывать всеми возможными способами любезность всем, которые находятся вне нашей св. церкви для того, чтобы привлечь их туда; если это намерение не будет иметь успеха, то сделать их меньшими противниками католической религии, и этот мой ответ был вполне одобрен господами послами». Послы просили нунция как старейшину дипломатического корпуса в Вене вступить по этому предмету в предварительные переговоры с московским посольством, чтобы не встретить чего-либо неподходящего достоинству послов со стороны москвитян, «высокомерных по природе и мало способных соблюдать тонкости церемониалов». Оказывается, что принять такие меры предосторожности советовал дипломатическому корпусу и сам император Леопольд. «Разговаривая, — сообщает, далее, нунций, — с г. испанским послом о визите, который мы намереваемся сделать московским послам, он сказал, что подобает сначала во всем уговориться, чтобы избавиться от всякой опасности испытать огорчение». Нунций взялся вести переговоры с московскими послами и установить по взаимному соглашению церемониал, причем предполагалось, что дипломатический корпус посетит московское посольство в полном составе и будет принят всеми тремя московскими послами в помещении, занимаемом первым послом. Однако все эти опасения и предположения венских дипломатов отпадали, так как переговоры с венским двором почти оборвались и притом, как увидим ниже, оказались совершенно напрасными [1].

Несмотря на перерыв официальных переговоров посольства с венским двором об аудиенции, частные сношения между государями продолжали носить самый любезный характер, и того же, 14 июля, император Леопольд all'incognito, по выражению «Ceremonial-Protocolle», посетил московского царя в ответ на его посещение 19 июня. Обер-гофмейстер князь Дитрихштейн, канцлер граф Кинский и обер-гофмаршал граф Мансфельд были посланы вперед в городском экипаже предупредить царя. «За ними следовал в обыкновенной карете шестерней император с обер-камергером графом Валштейном и начальником гвардии графом Филиппом Дитрихштейном. К посольской квартире он подъехал с задней стороны дома через пивоварню графа Кёнигсека и садовыми воротами вступил в открытый дворик, вымощенный камнем. Здесь встретил его царь без шляпы, без шпаги и без

[1] *Theiner*, Monuments Historiques, 373 от 2/12 июля.

перчаток. После взаимных приветствий оба они вошли в небольшую комнату, устланную турецкими коврами, и там разговаривали стоя с четверть часа о разных делах современных. Лефорт служил переводчиком. О посольской аудиенции, кажется, не было ни слова. Царь проводил своего гостя до мощеного дворика»[1]. Апостолический нунций в своем донесении вновь отметил особую почтительность, проявленную Петром к императору при визите последнего: «В четверг, после возвращения из Пресбурга, — пишет нунций, — царь принял в своем помещении его императорское величество, который инкогнито отдал ему визит и оказал ему такой почет, что встречал его и при отъезде провожал у кареты, ни за что не хотел держаться наравне с его величеством и не хотел надеть шляпу, несмотря на то, что несколько раз его величество приглашал и побуждал его к тому, но все время старался почтительно предшествовать ему (sempre volle precederla in forma di corteggio), хотел помочь ему влезть в карету и поцеловать ему со всяким уважением (con ogni tenezza) руку»[2].

Венецианский посол также сообщает несколько подробностей в своей депеше от 15/25 июля: «того же вчерашнего дня был император у царя отдать ему визит вполне инкогнито; въехал через сад и отправился только в двух каретах: в первой карете, в которой возят придворных дам, находился сам он с обершталмейстером и с капитаном гвардии, во второй, принадлежащей обер-гофмаршалу (del maggiordomo maggiore) находились гофмаршал и Кинский. Царь встретил его у кареты и провожал до нее. Во время шествия не находился сбоку императора, а, смешавшись с другими, из свиты, шел впереди, пренебрегая всяким церемониалом и находясь без шпаги и шляпы. В комнате они стояли, не занимая взаимно мест по этикету; беседа продолжалась полчаса с приемами взаимной учтивости»[3].

XL. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПРИЕМУ ЦАРЯ В ВЕНЕЦИИ

Уведомленная депешами Рудзини о намерениях московского царя, светлейшая республика спешила сделать приготовления к его приему, стараясь в этом приеме соединить пышность и блеск, подобающие значению высокого гостя и достоинству республики вместе с уважением к его инкогнито, на котором он так твердо настаивал. Сенатом был сделан длинный ряд постановлений по этому поводу. Решено было приготовить для пребывания царя в Венеции дворец с соответствующей обстановкой и для этого был назначен Фоскари-дворец (Foscari), а затем согласно выраженному царем желанию решено было приготовить для него

---

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 143.
[2] *Theiner*, Monuments Historiques, 373 от 16/26 июля.
[3] *Шмурло*, Сборник, № 621.

в самом арсенале другой дом, называвшийся il Paradiso, где бы, как говорится в постановлении, он мог пользоваться некоторым отдыхом. В Местре, откуда сообщение с Венецией производилось в то время только водой, должны были быть высланы за царем две большие разукрашенные барки с гребцами, одетыми в ливреи. У крыльца набережной его дома должны быть всегда наготове к его услугам четыре лучшие, богато снаряженные гондолы. Сенат распорядился также об открытии необходимых на приготовления кредитов, об избрании из своего состава особой комиссии из четырех членов под названием i provveditori di San Marco, на которых были возложены заботы о приеме. К особе царя, по его приезде, решено было прикомандировать некоего греческого архиепископа в Венеции Филадельфа, очевидно, знавшего какой-либо из славянских языков, через которого царь мог бы заявлять правительству республики о своих желаниях по примеру того, как это было сделано в Англии и Вене [1]. Предписывалось, далее, тем же постановлением высшему артиллерийскому управлению озаботиться устройством для развлечения царя фейерверка. В арсенале предполагалось отлить в присутствии царя несколько пушек, для чего сенат приказал заготовить надлежащее количество металла. По точному сообщению апостолического нунция в Венеции монсиньора Кузано, архиепископа Амасийского, обстоятельно уведомлявшего римскую курию о приготовлениях к приему царя, предполагалось отлить шесть пушек, из них три с изображением льва (венецианского герба) и разных морских побед и надписью «Moscorum Caesari Venetorum munus» — подарить царю, а другие три с надписью «Finem imponendam tyrannis» хранить в арсенале. Соответствующим властям предписывалось также привести в порядок стеклянный завод в Мурано на тот случай, если бы царь пожелал его осмотреть, и озаботиться также устройством разных развлечений, как-то: регат (состязание гондол), кулачных боев, музыкальных опер или концертов (serenate) и пр., и, наконец, о назначении караула к дому, который будет занят царем [2].

Особенно большие приготовления предпринимались в арсенале, который в Венеции был не только складом оружия и оружейным заводом, но, главным образом, верфью, где строились морские суда. Управление арсеналом представило сенату доклад, в котором подробно со ссылкой на прецедент — прием французского короля Генриха III Валуа, был выработан церемониал встречи царя, порядок осмотра строящихся судов и в частности галеаса, приготовленного уже к отправке на Восток, распоряжение о при-

---

[1] В Венеции был православный храм св. Георгия. Позже, в 1710 г., Петр обращался к дожу с грамотой, в которой просил о свободе для православных исповедывать свою религию и о смещении «непостоянного их архиерея Филадельфия», от которого православная церковь в Венеции терпит утеснения (*Шмурло*, Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г., Ученые записки Юрьевского университета 1897 г., № 1, стр. 56).

[2] *Шмурло*, Сборник, № 571—574, 13/23 июля 1698 г., № 650.

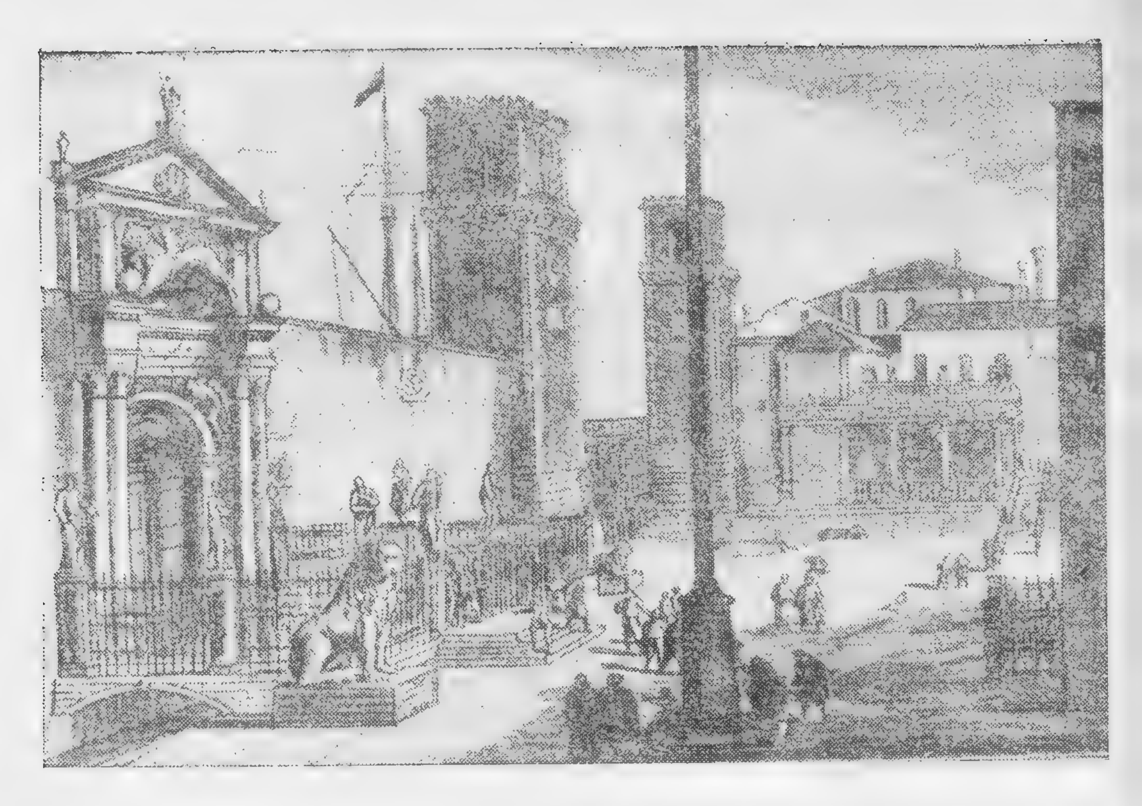

Рис. 46. Арсенал в Венеции
Гравюра с рисунка Карлевариса

воде в Венецию галеры, находящейся в Далмации, видимо, лучшей среди судов этого типа [1].

«На этой неделе, — пишет в Рим апостолический нунций в Венеции Кузано, — к властям прибыли два курьера, отправленные венецианским послом в Вене. Первый прибыл в понедельник (11/21 июля) с известием, что царь московский объявил сказанному г. послу свое желание поехать в Венецию инкогнито со свитой из немногих людей, провести несколько дней в этом городе, сделав притом многократные выражения уважения и респекта по адресу светлейшей республики. Другой прибыл в четверг (14/24) с подтверждением предыдущего известия и с сообщением, что 13/23 текущего месяца царь поедет в дилижансе, и полагают, что может приехать во вторник (19/29). При таких известиях состоялось чрезвычайное заседание сената и обсуждалось, что следует сделать. Были отправлены поспешные распоряжения, чтобы на границе было готово несколько лошадей и колясок, сколько потребуется для надобностей царя и его свиты с поручением государственным властям Пальмы, Удине и Тревизо приложить все старание, чтобы на каждом посту приготовлено и устроено было помещение, где бы ему останавливаться во время его проезда, а также с предписанием дворянам, у которых есть хорошие дома при дороге, держать их наготове на всякий случай. Встреча отменена, так как, кажется, он ее не желает, и может принять

[1] *Шмурло*, Сборник, № 570.

другое имя ради большей свободы. Выбраны к услугам царя четыре прокуратора св. Марка: синьор прокуратор Юлио Джустиниани, синьор Антонио Барбариго, синьор Федерико Корнаро и синьор Франческо Корнаро, так называемые della Casa grande; они будут соревноваться друг с другом в поставке гондол и ливрей. Царь будет содержаться на государственный счет во дворце синьоров Фоскари, назначенном для его пребывания здесь, и для него приготовлен также другой дом по соседству с арсеналом, так как он высказал такое желание г. послу в Вене. Приготовляется много развлечений, обычных в этом городе, как кулачный бой, состязание лодок, музыкальная опера, концерт, маскарад и бал знати и дам в большом зале совета, и его светлость (дож) устраивает его на собственные средства. Будет угощение в арсенале, где ему будут показаны работы этих цехов, к которым царь чувствует особую склонность. Монсиньор Типальди, греческий епископ, по распоряжению сената должен отправиться с казенными барками в Местре, первый пункт на материке по дороге в Германию, чтобы встретить его, так как он владеет языком и может приветствовать его от имени республики и узнать из разговора его желания с тем, чтобы пойти им навстречу. Кроме того, эти же синьоры послали в Далмацию за галерой, усиленной двойным экипажем с тем, чтобы снарядить здесь другую для службы ему, если понадобится, на море. Словом, делаются все приготовления, чтобы принять его с блеском и великолепием, соответственным как характеру лица, хотя и пребывающего инкогнито, так великодушию и величию светлейшей республики»[1]. С приездом Петра, таким образом, к длинной почти беспрерывной веренице празднеств в Венеции, этом своеобразном в Европе городе, с его церквами, дворцами, единственными по архитектуре, украшенными живописью Тинторетто, Тициана, Веронезе и Пальмы Веккио, с его каналами и гондолами прибавились бы новые и, повидимому, блестящие празденства в честь московского государя, в вечерние часы зажглись бы эффектные огни, на Canale Grande понеслись бы звуки музыки с гондол, убранных разноцветными фонарями, по всей сети каналов заскользили бы чаще грациозные, легкие, длинные гондолы, на площади св. Марка стала бы собираться более обыкновенного многочисленная и особенно оживленная толпа. Дряхлеющая, но все же еще величественная торговая республика, владевшая торговлей всего Средиземного моря, хотела показаться в своей былой красе перед государем далекой северной страны, с которой она была в давних сношениях, а теперь и в союзе. Одна черта, черта чисто итальянского характера, заметно выступает перед нами, — забота о красоте, об эффектной и парадной внешности, о том, чтобы все было decorosamente, чтобы все в красивом виде предстало перед глазами московского государя, чтобы «il tutto comparisca all'occhio di esso principe con decoro»[2].

[1] Там же, № 628.
[2] Там же, № 571.

Сохранилась в венецианском архиве переписка дожа с чинами местного управления, с властями тех местностей, через которые лежала дорога от австрийской границы в Венецию, с подеста и капитанами Тревизо, Удине, с лейтенантом Удине и комендантом пограничной крепости Пальмы. Дож сообщает этим властям об ожидающемся проезде царя, приказывает заготовить лошадей на каждой почтовой станции, отвести помещичьи дома на случай остановки царя в пути, украсить их подходящей обстановкой и снабдить их в достаточном количестве провизией и напитками. Составлен был примерный маршрут путешествия с указанием остановок для обеда и ужина. Заведующему почтой (Corriere Maggiore) было приказано послать навстречу царю по дороге в Горицу двух курьеров, из которых один должен был узнать о времени его проезда, о числе его спутников и тотчас же вернуться с донесением в Венецию, а другой должен был встретить царя на границе и, сопровождая его, наблюдать по дороге за порядком. Лейтенанту Удине и коменданту крепости Пальмы дано было предписание показать царю крепость, если бы он пожелал ее осмотреть и на этот случай увеличить численность ее гарнизона.

Местные власти сообщали дожу об исполнении приказаний и о приготовлениях, сделанных ими к проезду царя. Вот для примера донесение такого рода от подеста и капитана провинции Удине. Получив приказ дожа в ночь с 12/22 на 13/23 июля, он в ту же ночь разослал людей в разные стороны доставать необходимую провизию, хотя и сомневался в возможности ввиду краткости времени достать все необходимое. А потом, пишет он далее, когда прибытие царя было отложено, «я мог с большим удобством добыть то, чего не доставало и в особенности разных родов провизию, которую можно было получить только из столицы. Но отсрочка прибытия царя к моей досаде была причиной того, что многие съестные припасы, уже заготовленные: и рыба, и мясо, не могли сохраняться при теперешней жаре, поэтому пришлось заготовлять новую провизию и умножать расходы. Я надеюсь, что помещения окажутся устроены соответственно общественному рвению и достоинству лица: благородные синьоры Манини с готовностью предоставили их дворец в Персереано (Perserean) — поместье неподалеку от Кодройпо, где находится первая почтовая станция после Пальмы; я назначил кавалера Франческо Валвасона (Francesco Valvason), человека, украшенного отменными качествами и исполнявшего подобные поручения в других случаях, принимать царя в этом местечке Персереано приватным образом согласно предписанию. В Порденоне (Pordenon) — вторая станция — он будет принят господином Франческо Рикиери (Francesco Richieri), украшенным такими же качествами, в доме, выбранном мною из лучших во владениях благородного синьора Антония Лоредан (Antonio Loredan). Взяв необходимую обстановку из своей резиденции, я распределил ее по сказанным местам, чтобы прием был как можно

приличнее, в каковых видах и для бо́льшего порядка я поспешно предпринял поездку, чтобы лично посетить помещения». На всякий случай он принял меры к устройству помещения для остановки царя также и в Сациле (Sacile), хотя по приводимым в донесении расчетам пути в этом последнем местечке царь останавливаться не должен был. Власти спорили между собой, распределяя места этих предполагаемых царских остановок[1].

Сохранившиеся счета издержкам, произведенным на эти приготовления, посвящают нас в самые детальные их подробности и наглядно показывают, с каким радушием и в каком изобилии все было устроено для приема царя; как будто вводят нас в эти приготовляемые для высокого гостя помещичьи дома и ставят перед накрытыми столами, на которых стоят вазы с фруктами и цветами и которые уставлены разного рода закусками, блюдами и напитками. Вот, например, счет, представленный подеста и капитаном Тревизо; из него узнаем, что обстановка для отведенного царю дома привезена была из Венеции; была закуплена посуда: вазы для фруктов, столовые приборы, графины, бокалы и разного рода другие хозяйственные вещи, заготовлены были дрова, уголь и лед для хранения припасов. Для угощения, делая перечисление в том же порядке, как перечисляет их счет, были закуплены: fiaschi di gropelo и другие ликеры, вина: мускат, малага, аликант, разного рода кондитерские изделия, фрукты разных сортов, приготовленные на первую перемену из 14 блюд стола (frutti conditi di varie sorti per far la prima comparsa di quatordeci piatti in tavola), белые фисташки, разные специи, марципановые пряники, цукаты из лимона, кедровые орехи, миндаль, сахар, мускатный сахар (zucaro muschiado), spiumi di zuchero e cape sante fabricate di conditi (?), 300 савоярдских хлебов (savogiardi n° 300) и испанский хлеб, шоколад, кофе и печенье; трюфели, грибы, каперсы, oseletti di Cipro (?), масло, лимоны и апельсины; latisini di vitello (?), теленок, два козленка, 10 пар индеек, 10 пар пулярок, перепела и рябчики, trutte (?), миноги, устрицы da piato (?) и устрицы da putroda, осетр (судя по заплаченным за него деньгам — 162 лиры, тогда как за другие статьи шли только десятки лир, это, должно быть, был, так сказать, гвоздь угощения); он был специально привезен из Венеции в особом ящике. Далее соленые языки, колбасы: persuto, mortadelle et assocolo, сыр, дыни, фиги, зелень и цветы для украшения стола[2].

Рудзини, посылая депеши в Венецию, сообщал об отсрочках поездки также и provveditor'у (коменданту) ближайшего к границе городка Пальмы, который в свою очередь передавал эти сообщения в следующие затем пункты: Удине и Тревизо, тамошним властям; эти отсрочки вызывали у местных властей, которые должны были встречать царя, нетерпение, нервное на-

[1] *Шмурло*, Сборник, № 600, 604.
[2] *Там же*, № 616—619.

строение и естественную досаду, просвечивающие в их переписке с дожем [1]. Заготовленные съестные припасы портились на июльской жаре, и приходилось их возобновлять. Вслед за приведенным выше счетом на покупки, сделанные в Тревизо, мы находим второй счет per il secondo preparamento, на вторичное заготовление, где вновь показаны двух родов устрицы, масло, лимоны и апельсины, разного рода фрукты, зелень, цветы, опять теленок, козлята, разные колбасы и опять осетр, но уже поменьше прежнего; за него на этот раз с ящиком было заплачено 136 лир [2].

Между тем молва о предстоящем приезде царя инкогнито распространилась в Венеции и вызвала также и в публике напряженное чувство ожидания. Этим напряженным чувством объясняются курьезные ошибки в донесениях, введенных в заблуждение агентов венецианской тайной полиции, ведавшим эту полицию государственным инквизиторам. В одном из этих донесений сообщается, что царь уже прибыл в Венецию и именно в пятницу 15/25 июля, что остановился в доме некоего синьора Зорджи (Zozzi) в приходе св. Жуана Нового (S. Zuane Novo) и вышел из этого дома в сопровождении одного человека, одетого по-славянски (vestito alla schiavona), что он сегодня, 19/29 июля, которым помечено донесение, вечером намеревается выехать в Конельяно. В другом донесении от следующего дня, 20/30 июля, говорится, что царь, одетый в славянский костюм, имел продолжительный разговор с своим генералом и затем в сопровождении этого генерала и переводчика пошли в церковь Santa Maria Formosa, оборачиваясь назад, чтобы смотреть, не идет ли кто сзади [3].

22 июля/1 августа в Венецию пришло известие к властям, что царь, выехав из Вены, прибыл в Пальму. «Вчера было возвещено, — писал в Рим апостолический нунций в Венеции Кузано от 23 июля/2 августа, — что московский царь, выехав на этот раз из Вены, прибыл в Пальму, крепость, находящуюся на границе Венеции с Германией и что он поспешно продолжает свой путь; поэтому рассчитывают, что он может прибыть в Венецию этою ночью или завтра утром. Между тем власти отправили в Местре две барки (peotte) и две гондолы для его переправы сюда водой, так чтобы к его прибытию суда для его посадки были готовы. Всякие формальности при встрече отменены, а также, в частности, и посылка греческого епископа, как я сообщал, так как стало известно, что он не будет доволен, если ему будет устроена какая-либо встреча. Он прямо будет отвезен в дворец

---

[1] *Шмурло*, Сборник, № 611: «io m'attrovo nella pena e nell'agitazione maggiore dell'animo», читаем в донесении provveditor'a generale Пальмы от 24 июля /3 августа.

[2] *Шмурло*, Сборник, № 616.

[3] *Шмурло*, Сборник, № 562; ср. его же «Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г.» (ученые записки Юрьевского университета 1898 г., № 1, стр. 23).

Фоскари, где все приготовлено для его помещения на общественный счет»[1]. Источник этой ошибки вскоре объяснился. Подеста города Удине, заслышав пушечную пальбу в Пальме и сообразив, что крепость салютует царю, тотчас де поспешил дать знать о том в Венецию. Но оказалось, что из крепости салютовали не царю, а московитам, которые выехали перед ним, т. е. волонтерам, уехавшим из Вены с Посниковым. Венецианские власти, хотя были уже извещены об отмене поездки царя, но под влиянием этого известия вновь приняли меры к его встрече, а в публике ожидание и уверенность в его приезде продолжались еще несколько дней[2].

Для Петра с ответным визитом императора отпадала задерживавшая его причина, и он получал, наконец, возможность отправиться в Венецию, оставив послов в Вене. Поступок, сделанный им тотчас же после посещения императора 14 июля, показывает нам то нетерпение, с которым он стремился предпринять эту поездку. Тотчас же по отъезде от него Леопольда, едва только тот успел возвратиться во дворец Фавориту, царь прислал к нему графа Чернини сказать, что завтра в три часа пополудни он отправляется в Венецию и перед отъездом желает около 11 часов проститься с императором, императрицей и римским королем, не требуя от римского короля предварительного визита, который он может отдать по возвращении его, царя, из Венеции. Цесарь велел просить Петра, но не в 11 часов, а после полудня, «и в назначенный час принял его в Зеркальной зале, куда Петр, сопровождаемый Лефортом и Головиным, введен был графом Чернини из сада чрез малую лестницу. Тут была и императрица с тремя старшими принцессами. Свидание ограничилось одними приветствиями и кончилось в несколько минут. Простившись с императором, его супругой и дочерьми, царь пошел через биллиардную комнату на половину римского короля, где тотчас распахнулись все двери, и король, выступив из внутренних покоев, принял посетителя в столовой зале. Разговор их не продолжался и двух минут, так что цесарь со своим семейством едва успел удалиться из Зеркальной залы, когда возвратился в нее царь, проходя в сад к своему экипажу»[3].

Из дворца, по свидетельству Рудзини, царь вновь заехал в арсенал и в манеж, причем в первом месте ему была подарена мортира нового образца, которую он выразил желание иметь, а во втором ему подарили двух лошадей из придворной конюшни[4]. «Зная, что после этого он должен отправиться на почтовых, я запечатываю это письмо», — заканчивает Рудзини свое

[1] *Шмурло*, Сборник, № 640.

[2] Там же, № 649 (донесение Кузано от 30 июля (9 августа).

[3] *Устрялов*, История, т. III, стр. 143—144.

[4] *Шмурло*, Сборник № 621 от 15/25 июля; Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 61 об.: «Июля 19... порутчику артилерии цесарской дано пара (соболей) в 25 рублев, пара в 14 рублев». Там же л. 98: «Июля в 16 д. ...цесарским пушкарям, которые принесли две малые пушки, дано 5 золотых».

донесение, спеша его отправить с тем, чтобы оно опередило царя в пути и будучи вполне уверен, что Петр, наконец, выезжает сейчас в Венецию».

Заехав в арсенал и манеж, Петр отправился на посольский двор, где было все готово к его отъезду. Под 15 июля в «Расходной книге» посольства находим несколько записей, свидетельствующих о такой готовности: «Дано для потребы дорожной в венецкой путь 500 золотых, взял Александр Меншиков» — это деньги на дорожные расходы царя. Там же расходы на экипаж и на наем лошадей до Венеции: «готовлена валентером в венецкой путь коляска, на кожи дано 6 золотых», «почтарю, которой подрядился из Вены в Венецыю валентеров везть и за коляски дано 54 золотых 10 алтын» [1]. Петр запасся паспортом, выданным на имя «Александра Меншикова с семью спутниками, едущего по своим делам в Венецию и другие части Италии» — «nobilis Alexander Danilowitz Menschikoff una cum septem personis negotiorum suorum causa hinc Venetiam inque caeteras Italiae partes proficisci intendet», — за подписью императора Леопольда и Кауница и помеченным 15/25 июля 1698 г., а также, как мы видели, паспортом от венецианского посланника Рудзини [2]. В Вене так были уверены в отъезде Петра в Венецию 15 июля, что от 16/26 июля епископ Солзонский, испанский посланник, сообщал в Рим, что Петр накануне уже уехал. «В четверг, — писал он о царе, — у него частным образом был император, а вчера он снова посетил его императорское величество и *уехал* в Венецию, оставляя здесь своих послов, которые еще не испрашивали прощальной аудиенции у здешного величества» [3].

XLI. ИЗВЕСТИЕ О БУНТЕ СТРЕЛЬЦОВ И РЕШЕНИЕ ЕХАТЬ В МОСКВУ. ПОСОЛЬСКАЯ АУДИЕНЦИЯ У ЦЕСАРЯ

Но Петру уехать в Венецию не удалось. Пока он был с прощальным визитом в Фаворите и заезжал в последний раз в арсенал и манеж, в посольстве получена была пришедшая из Москвы почта с известиями о новом стрелецком бунте. «Июля в 15 день, — эпически спокойно отмечает это событие «Статейный список», — пришла с Москвы почта, отпущенная июня от 17 числа, на которой присланы писма о воровстве бунтовщиков стрелцов» [4]. Князь Ф. Ю. Ромодановский в обширном письме доносил государю, что 11 июня в Москву в Разрядный приказ явились четыре капитана из четырех стрелецких полков, пе-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 97 — 97 об.

[2] *Posselt*, Lefort, II, 496—497; Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 59а.

[3] *Theiner*, Monuments Historiques, 377.

[4] Пам. дипл. сношений, VIII, 1390.

реведенных из Азова в корпус князя М. Г. Ромодановского на литовскую границу, из которых беглецы являлись в Москву весной 1698 г., и объявили, что 6 июня в Торопецком уезде на реке Двине стрельцы этих четырех полков взбунтовались, сместили полковников, отобрали у них знамена, пушки, всякие полковые припасы, подъемных лошадей, денежную казну, денщиков и караульщиков и отказались повиноваться. Полковники уговаривали их итти, куда было приказано, но стрельцы слушать их не стали и заявили, что пойдут к Москве, а не в назначенные места, не объяснив, по каким причинам. Стрельцы сместили командиров и офицеров — «полковником, и подполковником, и капитаном от полков отказали» — и выбрали своих выборных — полковые комитеты, как бы мы теперь сказали, — по четыре человека из полка из своей братьи. И те стрельцы со знаменами и с пушками с Двины реки пошли по московской дороге, уводя насильно под караулом своих товарищей, не примкнувших к бунту, а полковники и офицеры отправились, куда было предписано, послав их, четырех капитанов, в Москву с письменными донесениями, вполне подтверждавшими рассказ капитанов. Тотчас же по получении этих известий в Москве собралось заседание Боярской думы, которой были доложены показания стрелецких капитанов и присланные с ними письма полковников. Бояре приговорили: против бунтовщиков итти из Москвы с войском боярину и воеводе А. С. Шеину, а в войске у него быть московскому дворянству, отставным и недорослям московского чина и солдатским полкам. Во исполнение этого приговора 13 июня выступил из Москвы на реку Ходынку генерал П. И. Гордон. 16 июня он прибыл в Тушино. 16 же июня двинулся из Москвы сам боярин А. С. Шеин и направился к Воскресенскому монастырю. В состав посланных войск вошли: бывшее налицо в Москве московское дворянство, а находящимся по деревням московским дворянам были отправлены грамоты с предписанием явиться тотчас же, далее дворовые и конюшенного чина люди, московские подьячие и, наконец, солдатские полки: Лефортов, Гордонов, Преображенский и Семеновский, всего 2 300 человек солдат. Таковы были известия, сообщенные Ромодановским в письме. В последних строках письма он добавлял, что по полученному 17 июня известию стрельцы подошли к Волоку Ламскому в 90 верстах от Москвы [1].

Известие о новом стрелецком мятеже и о движении возмутившихся стрельцов на Москву поразило, видимо, мысль Петра, и потому решение его было молниеносным. Тотчас же, моментально, поездка в Венецию, для которой были уже сделаны все приготовления и оставалось только занести ногу в экипаж, была отменена, и было принято новое решение — ехать в Москву. Об этом решении Петр известил Ромодановского в коротком, но

[1] Письмо Ромодановского у Устрялова (т. III, стр. 474—476); Госуд. арх., Кабин. дела, отд. I, кн. 18, т. I, л. 38 (копия письма Ромодановского).

сильном письме от 16 июля, свидетельствующем о том страшном раздражении, в какое он приведен был полученным известием. «Min Her Kenih, — пишет царь. — Писмо твое, іюня 17 д. писанное, мънѣ отдано, въ которомъ пишешь ваша милость, что сѣмя Івана Михайловича ростетъ, въ чемъ прошу быть васъ кърѣпъкихъ; а кроме сего ничемъ сей огнь угасить не мочьно. Хотя зело намъ жаль нынѣшънего полезного дѣла, аднако сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете. Piter. Ізъ Вѣны, іюля въ 16 д. 1698»[1]. «Семя Ивана Михайловича» — под этими словами подразумевается стрелецкий бунт в мае 1682 г., душой которого был Иван Михайлович Милославский. По заключительным строкам письма видно, с каким сожалением Петр отказывался от поездки в Венецию, где должен был познакомиться с галерным флотом. Чем-то зловещим веет от его короткого письма; в нем чувствуется начало той грозы, которая разразится осенью 1698 г. по приезде в Москву.

Оставалось, раз было принято решение, немедленно ехать домой, выяснить окончательно вопрос об официальной аудиенции посольства. Уезжать послам без аудиенции значило бы прервать или по крайней мере оставить в натянутом состоянии отношения с цесарским двором, что̀ отразилось бы крайне неблагоприятно и невыгодно на положении России на будущем конгрессе с турками. Хотя переговоры о церемониале аудиенции были уже прерваны, но все же, как припомним, послы назначили Кёнигсакеру окончательный ответ на 16 июля. Спорить о подробностях этикета теперь было уже некогда, и 16-го послы дали знать Кёнигсакеру, что они просят назначить аудиенцию на 18 июля и согласны на все условия, поставленные цесарским двором, сделав только ту оговорку, что и цесарским послам в Москве будет оказываем соответствующий прием[2]. Цесарский двор согласился, объясняя такую уступчивость желанием царя взять послов с собой в Венецию и, ничего не зная о полученных из Москвы известиях и о перемене решения[3]. К тому же подарки для цесаря, из-за которых замедлялась аудиенция, должны были быть к этому дню получены и, действительно, дворянин Владимир Борзов, везший подарки, прибыл в Вену 17 июля.

18 июля в 10 часов утра в посольство явился в качестве комиссара аудиенции пристав при послах барон Кёнигсакер в парадной золоченой, украшенной цесарскими гербами карете, за которой следовало 15 министерских карет, с отрядом солдат и с 48 венскими гражданами, назначенными для перенесения подарков. У подъезда посольского дома его встретили посольские дворяне, а на крыльце сами послы с приглашением войти в посольские палаты. В аппартаментах Лефорта Кёнигсакер увидел Петра и поклонился ему с глубоким почтением. «Петр ласково подал ему обе руки и, сказав послам, что оставляет их говорить

[1] П. и Б., т. I, № 252.
[2] Пам. дипл. сношений, VIII, 1393—1394.
[3] *Устрялов*, История, т. III, стр. 145.

взаимные приветствия, удалился. В комнате было четыре стула: первое место занял комиссар, ниже его сели послы. Кёнигсакер объявил, что он приехал за послами для торжественной аудиенции, если они готовы. Лефорт отвечал, что у них все готово, и они ждут только его приказания для отъезда. Между тем посольские люди распределили подарки между гражданами, и послы отправились к Фаворите».

Шествие открывал небольшой отряд пехоты; за ним следовали посольские трубачи верхом без музыки; далее посольские дворяне; потом шли 48 граждан попарно с подарками[1]; после них ехал верхом на лошади придворной конюшни секретарь посольства с верющей грамотой; за ним шли посольские люди, казаки (?) и пажи (последние предпочли итти пешком, потому что приведенные для них верховые лошади, собранные с обывателей, были очень плохи); за пажами следовала придворная парадная карета в шесть лошадей с двумя лакеями: в ней сидели послы с бароном Кёнигсакером и переводчиком Стиллой; за ней ехала парадная карета посольская, пустая. Шествие заключал отряд пехоты».

Для сокращения пути от Гумпендорфа к Фаворите кортеж переправился через реку Вену в брод; солдаты, граждане, казаки, пажи перебрались по набросанным мосткам. Стоявший у дворцовых ворот караул отдал послам честь с барабанным боем; во двор въехала только одна посольская карета; прочие экипажи остановились на улице у ворот, и дворяне посольской свиты, в числе их и священник, шли через двор пешком. У подъезда никакой встречи не было; обер-гофмаршал граф Мансфельд принял послов на середине парадной лестницы и, по взаимном приветствии, спросил их о здоровье российского государя. Они отвечали, сняв шляпы, и между двух рядов императорской гвардии вступили в приемную камеру, где вторично приветствовал их обер-гофмейстер князь Дитрихштейн; здесь как они, так и дворяне, получившие позволение быть у руки императора, оставили свои шпаги. Во второй камере принял их обер-камергер граф Валдштейн и повел между гражданами, принесшими подарки, к аудиенц-зале. Перед входом в нее они остановились и ждали несколько минут, чтобы обер-камергер доложил цесарю об их прибытии.

Вступив в залу с секретарем посольства, с переводчиком и с 20 дворянами своей свиты, они все вместе троекратно поклонились цесарю, который стоял перед троном под балдахином, на возвышении, покрытом турецкими коврами, подле небольшого стола, имея с правой стороны обер-гофмейстера, обер-камергера, обер-гофмаршала и тайных советников; слева капитана драбан-

---

[1] В «Статейном списке» (Пам. дипл. сношений, VIII, 1405) их показано 80 человек. Число граждан было спорным пунктом, по которому посольство уступило; но в «Статейный список» занесена прежняя цыфра, чтобы служить прецедентом для будущего.

тов (телохранителей) графа Филиппа Дитрихштейна, государственного вицеканцлера графа Кауница, комиссара аудиенции барона Кёнигсакера, переводчика Стиллу и комиссара продовольствия гоф-камердинера Гасса.

Остановившись в трех или четырех шагах от чертожного места, Лефорт сказал обычную речь на русском языке, переведенную по-латыни переводчиком Стиллой, с полным исчислением царского и цесарского титулов. Император, слегка приподняв свою шляпу, спросил о здоровье российского государя по-немецки: «Wie gehts unsern lieben Brudern den Czar?» Головин отвечал, упомянув малый титул, что как они с Москвы поехали, его царское величество остался в желаемом здравье. После того Лефорт, взяв у секретаря посольства верющую грамоту, вместе с обоими товарищами взошел на возвышение и поднес ее цесарю. Леопольд принял грамоту и положил ее на стол; а послы возвратились на свои места. Вслед за тем вице-канцлер пригласил их к руке императора. Они снова взошли на чертожное место и один за другим, поцеловав руку, стали попрежнему. После того второй посол Головин объявил, что они присланы для крепчайшего утверждения древней дружбы и любви между обоими государями и для совещания о делах общеполезных всему христианству; а третий посол присовокупил просьбу назначить ближних людей для выслушания посольских предложений. Как скоро они сказали свои речи, государственный вице-канцлер взошел на чертожное место, преклонил колено и, получив повеление цесаря, отвечал послам по-немецки, что император, любительно приемля предложения послов, прикажет их выслушать и свое решение объявит. Вместе с тем граф Кауниц возвестил, что император милостиво благоизволяет допустить дворян посольской свиты к своей руке.

По окончании сего обряда Возницын просил дозволения представить присланные от российского государя, равно подносимые от имени послов подарки императору и императрице. Они внесены были в аудиенц-залу венскими гражданами и переданы камер-фурьеру фон-дер-Стиле, который положил их на ковер пред Леопольдом. Подарки были следующие: императору одна чернобурая лисица, 11 сороков соболей, 4 пары соболей, мех соболий, 4 меха горностаевых, косяк золотой парчи, 5 косяков камки персидской золотой, 20 косяков камки шелковой разноцветной, седло китайское со всем убором, ковер китайский; императрице — сорок соболей, 6 пар соболей, 2 косяка камки персидской серебряной, 10 косяков камки шелковой, 2 меха горностаевые. Посольские дары по 2 сорока соболей поднес переводчик Шафиров. Представив подарки, послы откланялись и прежним порядком возвратились с своим комиссаром на посольский двор, где между тем приготовлено было церемониальное угощение на императорском сервизе: накрыты были два стола: один на 18 человек для послов, цесарских сановников, секретарей,

переводчиков и знатнейших дворян посольской свиты; другой для прочих дворян и пажей.

По принятому этикету, послам следовало сесть за стол в той же парадной одежде, в которой они представлялись цесарю, но, задыхаясь в своих шубах от нестерпимого жара, они, с согласия барона Кёнигсакера, переоделись в другое платье и явились к обеду в более легких кафтанах. За главным столом первые места заняли послы; справа их сели один за другим барон Кёнигсакер, брат и сын Головина, племянник Лефорта; слева — камер-советники Лёвенштёк и Барати и цесарский переводчик; далее с той и другой стороны знатные дворяне. За вторым столом была посольская свита с комиссаром продовольствия Гассом.

После первого блюда барон Кёнигсакер начал угощать послов винами; они желали прежде отведать их. Барон приказал подать Лефорту на двух подносах шесть сортов; он попробовал каждого сорта, нашел все вина равно вкусными и на французском языке просил позволения дать отведать их своему доброму другу, стоявшему за его стулом: то был сам царь: «und in französischer Sprach ihme zu erlauben gebetten, dass er alle diese Wein seinem guten freund der hinter ihm stunde (welcher der Czar ware), auch zu kosten geben mögte, so er auch gethan» [1]. Вслед затем комиссар велел поднести послам заздравный кубок, наполненный мозельвейном; все гости встали и пили здоровье императора, провозглашая его (и передавая кубок) один другому по очереди: Лефорт Головину, Головин камер-советнику Лёвенштёку, Лёвенштёк Возницыну и так далее, пока не обошел кубок всего стола. Во все это время гости стояли, что́ продолжалось не менее четверти часа. Пред обедом условились было, чтобы Лефорт провозгласил таким же образом здоровье императрицы и потом римского короля, барон же Кёнигсакер здоровье царицы московской; но ни то, ни другое пито не было, потому ли, что, как догадывались при венском дворе, обряд был слишком продолжителен и послы уже ничего больше есть не могли [2] или, как замечает Устрялов, «вероятнее, потому, что царь уже сомневался, не была ли Евдокия в заговоре с Софьей». «Того ж дни, — читаем в «Статейном списке» после описания аудиенции, — великим полномочным послом был цесарского величества стол на посольском дворе, где они стояли; а присланы к тому столу подчивати великих и полномочных послов пристав их чашник Кёнигсакер да барон Паратина. И во время стола пристав и барон пили прежде чаши про многолетное здоровье великого государя, и благоверные государыни царицы, и благоверного государя царевича, и благородных царевен; а потом великие и полномочные послы пили чаши про здоровье цесарского величества, и цесаревы, и цесаревичей, и цесаревен. А по совершении стола великие и полномочные послы на милости цесар-

---

[1] «Ceremonial-Protocolle».
[2] Там же.

ского величества били челом, и пристава и барона отпустили»[1].

Свидетельство «Статейного списка» о тостах расходится, как видим, с показанием «Ceremonial-Protocolle», который прямо отмечает, что за здоровье царицы за столом не пили, и старается объяснить такое отступление от условленного ранее церемониала. В «Статейный список», следовательно, занесено не описание факта, как он в действительности был, а только изложение церемониала, каким этот церемониал должен был быть по воззрениям московского посольства, и какой должен был служить прецедентом для подобных же случаев на будущее время.

XLII. ОТЪЕЗД ПЕТРА ИЗ ВЕНЫ

От младших чинов посольства содержание полученных из Москвы 15 июля известий и решение об отъезде в Москву держалось в тайне; ничего не знал о них по крайней мере племянник первого посла — секретарь посольства Петр Лефорт. 19 июля поутру он уселся писать письмо к отцу в Женеву и собирался рассказать в нем о событиях последних дней; вдруг он должен был письмо прервать, сделав на нем отметку: «Вторник (19/29 июля) 10 часов утра. Его царское величество отдал мне сегодня утром приказание приготовиться в полдень ехать в Москву по почте. Письма, полученные нами вчера (?), не позволяют нам оставаться здесь долее. Г. генерал, его царское величество и я выезжаем отсюда в 1 час пополудни, оставив здесь все наши дела»[2].

В эти последние дни своего пребывания в Вене Петр отдает целый ряд распоряжений перед отъездом. Первый и второй послы должны были ехать с ним в Москву; третий оставлялся в Вене, получив полномочия продолжать переговоры с цесарским двором и затем быть представителем России на предстоящем конгрессе с турками. При этом П. Б. Возницын был возведен из думных дьяков в несуществовавшее до тех пор в Московском государстве звание «думного советника». Этот более пышный титул давался Возницыну для поднятия его значения при предстоящих переговорах с цесарскими министрами, с которыми он, нося этот титул, мог держать себя более на равной ноге[3].

---

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 146—150 — по «Ceremonial-Protocolle», Пам. дипл. сношений, VIII, 1404—1414.

[2] *Posselt*, Lefort, II, 497—498.

[3] Пам. дипл. сношений, IX, 1—2: «А при дворе цесарского величества в великих и полномочных послех указал остаться третьему великому и полномочному послу думному дьяку и наместнику Болховскому Прокофью Богдановичу Возницыну и пожаловал великий государь его из думных дьяков в думные советники и указал его в своих, великого государя, грамотах и во всяких делех писать думным советником и быть ему при дворе цесарского величества великим и полномочным послом, и свои, великого государя, дела делать одному то ж, что было делать всем трем великим и полномочным послом, и по объявлении в ответех его, великого государя, дел цесарского величества ближним людем и по совершении, буде дойдет до турского дела, указал ему быть в великих же и полномочных послех на съездех с турскими послы. И сей

Возницын получил от царя приказание отписать в Венецию к доктору П. В. Посникову, чтобы тот позаботился о выехавших с ним в Венецию волонтерах, войдя для этого в сношения с венецианским сенатом. «Благодетель мой, Петр Васильевич, здравствуй! — обращался к нему Возницын в письме и, сообщая об отъезде государя и первых двух послов, передавал царское распоряжение: — а к тебе приказал отписать, чтоб ты устроил о тех людех, которые с тобой поехали, пристойное место, где кому учиться прежней своей науке удобнее, дабы им совершенным в своем художестве быть, а хотя б поговорил о повольности и о всякой к ним склонности у сенату». Далее Возницын передает в письме распоряжения государя, чтобы волонтеру Анисиму Моляру и повару Осипу Зюзину возвратиться из Венеции, о чем к ним, впрочем, писано и самим государем. Для облегчения сношений волонтеров с итальянцами Петр распорядился послать в Венецию бывалого там дворянина Григория Островского, которому вручены были также и деньги для них — 100 золотых, причем им велено отписать, чтобы жили «не проторно», а как деньги израсходуют, писали бы к нему, Возницыну. К нему же волонтеры должны будут отписать и об окончании ими наук и о получении свидетельств. В заключительных строках письма Возницын передавал Посникову предписание царя, которым доктору повелевалось добыть ряд сведений — «проведать накрепко и взять на писме или записать подлинно самому» — по интересовавшим царя вопросам, выяснить которые он сам намеревался в Венеции: «на кораблях турских и венецийских, и на каторгах, и на бригантинах, поскольку на котором судне пушек бывает и людей, и о всем состоянии того морского каравана» [1]. Как не узнать Петра в этих распоряжениях, передаваемых через Возницына? Он объят тревогой по поводу московских происшествий, и эта тревога вызвала у него быстрое решение, опрокинувшее все прежние его планы. Однако поднявшийся в душе при получении московских известий вихрь чувств не заглушил его любознательности, и его с прежней силой продолжают занимать вопросы о том, сколько пушек носят венецианские и турецкие суда разных типов, какова бывает численность их экипажа и т. п. Его мысль хладнокровно, отчетливо и ясно продолжает работать, доходя до самых мелких деталей занимавших его в то время предметов, до обозначения того, кому из отправленных в

свой, великого государя, указ указал записать в записную книгу статейного списка». С этим нововведением сопоставим сохранившийся в бумагах посольства документ, обозначенный в описи так: «Ответ на немецком языке на требование, какие высокие чины и достоинства при римском императорском дворе, какое их правление и доходы имеют» (Арх. мин. ин. дел, Дела австрийские 1698 г., № 64). При этом документе нет перевода на русский язык, так что можно думать, что им едва ли пользовались. Но все же самое его появление в бумагах посольства свидетельствует об интересе, проявленном Петром или послами к высшему управлению империи.

[1] Пам. дипл. сношений, IX, 10—11 (письмо П. Б. Возницына к П. В. Посникову от 22 июля, отправленное с Г. Островским).

Венецию волонтеров там оставаться и кому из них вернуться и как соблюдать там бережливость в расходах. Царь сам пишет письмо к своему повару с приказом вернуться из Венеции. Здесь все та же присущая Петру черта характера: доводить свои распоряжения до последних мелочей и деталей и самому отдавать их непосредственно, черта, непокидающая его, несмотря ни на какое душевное волнение, которым он охвачен.

Посольство занято было распределением подарков высшим чинам цесарского двора и лицам, состоявшим при послах; записи об этих подарках соболями и материями занесены в «Расходную книгу» под 19 июля. Собольи меха сороками и парами получили: канцлер граф Кинский — сорок в 180 рублей и пару в 40 рублей; вице-канцлер, состоявший лично при Петре, граф Чернини — сорок в 280 рублей, пять пар в разную цену, изорбаф серебряный и шесть косяков камки. Венскому коменданту графу Штарембергу, который еще 26 июня прислал в подарок Петру неаполитанскую лошадь [1], пожаловано было пять пар соболей. Получили, далее, подарки: состоявший при послах барон Кёнигсакер, приезжавший к посольству в Прагу для переговоров барон Барати, комиссар, приносивший посольству деньги на содержание (Гасс), как и сам цесарский подскарбий (министр финансов), отпускавший эти деньги, граф Кёнигсек, дом которого посольство занимало и его управляющий («прикащик двора»), цесарские переводчики, капитан, командовавший караулом, стоявшим на часах при посольском дворе, поручик цесарской артиллерии, который, вероятно, показывал Петру, везде особенно интересовавшемуся этим родом оружия, венский арсенал [2].

Перед отъездом, в тот же день 19 июля, Петр должен был принять еще ответный визит римского короля. Король Иосиф подъехал к посольскому дому так же инкогнито, как и император, с задней стороны через пивоварню графа Кёнигсека. Царь принял его в той же комнате, где принимал и Леопольда; свидание продолжалось не более 5 минут и затем Иосиф возвратился в Фавориту. Почтовые лошади были уже готовы; почтарь подрядился довезти царя и его свиту от Вены до Ольмюца за 46 золотых 20 алтын [3]. В половине четвертого пополудни [4] в пяти колясках Петр со свитой выехал из Вены к неописанному изумлению венского двора [5]; его сопровождали Лефорт и Головин, четверо волонтеров, в числе которых Александр Меншиков, дворяне Петр Лефорт, Адам Вейде, Нефед Срезнев, переводчик Петр Шафиров, лекарь Алферий Пендерс, и трое посольских

[1] Арх. мин. ин. дел. Кн. австр. дв., № 47, л. 92 об.: «Июня в 26 д. ... к великим послом прислал граф Экстр Редрих фон-Штаренберх неополитанскую лошад, а сказал, что он тою лошадью бьет челом великому государю. И конюшему ево дано 25 золотых, да конюху, которой тое лошед привел, 6 золотых. Итого 31 золотой».

[2] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 60—65.

[3] Там же, л. 100.

[4] Походный журнал 1698 г., стр. 28.

[5] *Устрялов*, История, т. III, стр. 150 — по «Ceremonial-Protocolle».

служителей. «И того ж числа по обеде, — читаем в «Статейном списке», — первой и второй великие и полномочные послы из Вены на почте поехали к Москве, а с ними валентеров начальной (царь), да знатных особ четыре человека, да из дворян Петр Лефорт, Адам Вейд, Нефед Срезнев, переводчик Петр Шафиров, лекарь Алферей Пендерс, да людей посолских три человека; а достальным дворяном и людем своим со всею посолскою рухлядью приказали ехать по себе с дворянином с Ульяном Синявиным. А при третьем великом и полномочном после указал великий государь остаться его государевым людем, кто ему надобен»[1].

«С прошлой почтой я писал вашему преосвященству, — доносил в Рим апостолический нунций в Вене Санта Кроче, — что царь московский был готов отправиться в Венецию, а теперь должен известить вас о перемене его намерения и о состоявшемся в прошлый четверг[2] (?) его отъезде в Москву. Причина этого внезапного изменения заключается в полученной из Москвы депеше с известием, что во время его продолжительного отсутствия из владений произошли возмущения, и цесарский переводчик московского языка сказал мне, что он слышал от одного из послов, что возмущение произошло от могущественнейшего духовенства вследствие молвы, будто генерал Шереметев уже присоединился к римской церкви и что царь склонен сделать то же самое. Поэтому он счел благоразумным тотчас же уехать, надеясь укротить всякое волнение своим появлением в Москве. Царь сделал это с таким неудовольствием, что я не могу выразить этого достаточно, так как он в высшей степени желал видеть Венецию. Здешнему послу светлейшей республики он велел сказать, что чувствительнейше благодарит ее светлость за сделанные приготовления; что он отправляется в Москву, чтобы устроить текущие дела, но что немного времени пройдет от прибытия его в Москву до возвращения в эти страны, что он твердо решил видеть Италию и в особенности Венецию. Но каждый видит, — прибавляет от себя нунций, — как трудно осуществить на деле это его желание, тем более теперь, когда его отсутствие вызвало упомянутый мятеж»[3].

Венецианский посол был, конечно, разочарован отменой поездки царя и не переставал некоторое время надеяться, что она только отложена и все еще, может быть, состоится. Мы его оставили 15/25 июля в тот момент, когда он спешил отправить письмо дожу с известием, что царь в тот же день выезжает в Венецию. Однако Петр 15-го не выехал. «Как вчерашний день, так и сегодня предполагалось, — пишет Рудзини на другой день, 16 июля, — что с часу на час должен последовать отъезд царя, к осуществлению которого были уже сделаны все последние распоряжения; но я уведомился, что до этой минуты еще продол-

[1] Пам. дипл. сношений, IX, стр. 6.
[2] 19/29 июля приходилось во вторник.
[3] *Шмурло*, Сборник, № 637.

жается его пребывание и так как до меня дошел слух о некоторых причинах дальнейшего промедления, то я обратился за более точными сведениями к графу Чернини. Он из самого дома царя присылает мне прилагаемую записку, в которой ваши превосходительства увидят, что причина приостановки (путешествия) приписывается прибытию из Москвы писем и известий, которые неизвестно каковы; приостановка может продлиться еще несколько дней и может оказать влияние на изменение пути, заменив путешествие в Италию возвращением в свое государство. Однако пока до меня не дойдет прямо какого-либо известия, следует полагать, что мысль о поездке в Венецию не оставлена, но на некоторое время отложена...» Граф Чернини, записку которого посол приложил к своему письму, сообщал ему следующее: «В ответ на записку вашего превосходительства уведомляю вас, что царь еще не уехал и не поедет ранее трех или четырех дней. Причина точно мне неизвестна, но так как эта перемена произошла после получения вчерашних писем, то я делаю вывод, что перемена вытекает из какого-то известия, полученного из Москвы. Поедет ли царь затем в Венецию или в Москву, еще не решено, но по признакам, которые я замечаю, мне кажется, что путешествие в Венецию на этот раз не состоится. Если буду иметь более подробные известия, не оставлю сообщить о них вашему превосходительству» [1]. Наконец выяснилось, что царь в Венецию не поедет, и с следующей почтой от 23 июля/2 августа Рудзини сообщал своему правительству, что к нему являлся присланный по приказанию царя третьим московским послом дворянин уведомить о царском отъезде в Москву. Царь, говорил дворянин, уехал с большим сожалением, так как он рассчитывал в Венеции в широкой степени удовлетворить свою любознательность, и эта его любознательность так велика, что он думает возвратиться сюда в другой раз с той же целью, как только исчезнут те причины, которые теперь требуют его присутствия без промедления. Его величество испытывает чувство большого удовольствия как по поводу готовности и дружбы, которые посол выказал от имени светлейшей республики, так и по поводу его старания пойти навстречу желаниям царя. На вопрос Рудзини о причинах внезапной перемены решения дворянин сказал, что получены были известия, что в Москве распространился слух о смерти царя в чужих краях и о том, что многие казаки стали отказывать в повиновении своим генералам [2]. Чувства симпатии и благодарности со стороны Петра к венецианскому послу, а в его лице также и к светлейшей республике, выразились, между прочим, в пожалованных ему подарках: ему было пожаловано сорок соболей в 180 рублей и пара в 40 рублей — по размерам такая же награда, которой удостоился канцлер граф Кинский [3].

Итак, украшенные цветами и столь обильно уставленные ве-

[1] *Шмурло*, Сборник, № 624.
[2] Там же, № 636.
[3] Арх. мин. ин. дел, Кн. австр. дв., № 47, л. 63.

ликолепными блюдами столы в дворянских усадьбах по дороге в Венецию напрасно прождали своих гостей. 30 июля/9 августа стало в Венеции окончательно известно, что царь уехал в Московию и были отданы распоряжения об отмене всех приготовлений к его приему. «Эти господа, — писал от 30 июля/9августа в Рим апостолический нунций в Венеции Кузано, — поражены удивлением, получив это известие, и приказали прекратить все приготовления, которые до нынешнего дня продолжались в ожидании царя. Я могу сказать вашему преосвященству, что произведены до настоящего часа значительные расходы как на приспособления в тех местах, через которые он должен был проехать, где держались наготове лошади, экипажи, помещения и другое, так и на значительные приготовления, которые делались. Так, между прочим, арсенал был приведен в самый прекрасный вид, какого только можно было желать, с значительными издержками на многочисленные всякого рода произведенные там работы с увеличением числа рабочих». В Венецию уже успели проникнуть, как узнаем из того же донесения Кузано, частные письма из Москвы от 17/27 июня, в которых сообщались верные известия о причинах отмены поездки: дела в Москве идут не очень хорошо, вновь поднялись стрельцы, из которых четыре тысячи идут к столице, но, впрочем, против них выслано несколько тысяч пеших и конных солдат в надежде, что приведут их в повиновение. «И отсюда, как догадываются, произошло сначала замедление, а потом решение об отъезде царя, чтобы восстановить порядок в своих владениях». Венецианские власти были сильно раздосадованы неудачей, расстроившимся визитом царя, который был им лестен. «Нельзя представить себе, — заканчивает свое донесение Кузано, — чувства здешних господ вследствие происшедшей перемены, не только из-за брошенных расходов, но и потому, что уже распространилась молва о таком визите, который показывал уважение царя к светлейшей республике» [1].

XLIII. ПУТЬ ЧЕРЕЗ МОРАВИЮ И ПОЛЬШУ

Обещав Ромодановскому явиться в Москву так скоро, как там и не думают, Петр начал путь из Вены с чрезвычайной быстротой, можно сказать, мчался, побуждаемый стремлением быть скорей дома. Выехав в половине четвертого пополудни 19 июля и направившись из Вены по дороге на город Брюнн, он к утру 20 июля сделал уже 56 верст, а в следующие два дня проезжал: за сутки с утра 20 июля до утра 21-го — 18 миль, или 126 верст, а за сутки с утра 21 июля до утра 22-го — 16 миль, или 112 верст, делая остановки только для смены лошадей и для еды, не останавливаясь для ночлега, ночуя в экипаже. «Юрнал» отмечает, по обыкновению, города и деревни, через которые шла дорога. Проследим эти отметки. 19 июля к вечеру миновали де-

---

[1] *Theiner*, Monuments Historiques, 377—378; *Шмурло*, Сборник, № 649.

ревню Волкерсдорф (Wolkersdorf) в 28 верстах от Вены, где переменили лошадей; проехали затем ночью деревни, обозначенные в «Юрнале» именами Налдершторф и Кецыхшторф. Утром 20 июля проезжали через городок Никольсбург (Nicolsburg), принадлежавший князю Дитрихштейну[1], далее, миновав деревню Пурлиц (Pohorlitz), прибыли в столицу Моравии Брюнн, расположенный в красивой равнине у подножия горы Шпильберг с цитаделью на ней. Здесь, по отметке «Юрнала», останавливались, вероятно, на самое короткое время, для обеда, — «кушали». Помчавшись далее и сделав от Брюнна 28 верст, перед вечером достигли городка Вишау. «Ров кругом его обнесен частоколом, а само местечко стенами; за городом имеется монастырь отцов капуцинов. В числе прочих зданий приличной архитектуры заслуживают осмотра замок и приходская церковь со своей часовней. Городок подчинен духовной и светской юрисдикции Ольмюцкого епископата», — так описал городок Вишау в своем дневнике Корб, секретарь отправлявшегося в 1698 г. в Москву цесарского посольства Гвариента, проезжавший через Вишау 6/16 января того года[2]. В ночь на 21 июля проехали через города Проснцц (Prossnitz) и Ольмютц (в «Юрнале» — Аалминь?). Ольмютц — второй по значению из городов Моравии, одна из важнейших австрийских крепостей, в Тридцатилетнюю войну попадавшая в шведские руки, и, вероятно, крепость, происходи путешествие при нормальных условиях, привлекла бы к себе внимание царя; но теперь Петру было не до осмотров даже и того, что его всего более интересовало. Не останавливаясь в Ольмютце и несясь далее, он утром 21 июля миновал город Штернберг (Sternberg), откуда путешественники вступили в область Судетских гор: «отсель, — отмечает «Юрнал», — были великие горы каменные и дорога худа». Несмотря на подъем, на то, что дорога пошла горным кряжем и была худа, скорость поездки именно за этот день, 21 июля, как мы уже видели, достигла максимальных пределов — 126 верст. Остановка для обеда была сделана в городе Гофе в горах: «Здесь кушали... и отсель были такие ж горы мили с две». Следующими пунктами на пути 21 июля были: Троппау (в «Юрнале» Трупан), вечером город Ратибор (Ratibor) на реке Одере, не оправившийся от постигшего его пожара, судя по отметке «Юрнала»: «весь выгорел». В ночь на 22 июля проехали деревню Радиуч (Rauden?). По утру 22 июля были в городке Глейвице (Gleiwitz); вечером прибыли в Тарновиц (Tarnowitz). Темп скачки, продолжавшейся 60 часов, уменьшился. За этот день, 22 июля, с утра было сделано всего 6 миль — 42 версты, и здесь, в Тарновице, впервые после трех суток езды царь со спутниками расположился на ночлег[3]. Воспользовавшись остановкой в Тарновице, Петр Лефорт

---

[1] *Корб*, Дневник путешествия в Московию, изд. Суворина, стр. 6.
[2] Там же, стр. 7.
[3] Походный журнал 1698 г., стр. 28—29.

отправил отсюда к родным в Женеву письмо, в котором извиняется, что за скоростью пути может написать всего несколько строк, с сообщением о добром здоровье всех едущих и с выражением сожаления, что так скоро пришлось покинуть Вену [1].

Между тем оказалось, что быстрота решения Петра отказаться от поездки в Венецию и поспешность, с которой он летел домой, были совершенно напрасными. Как раз 22 июля в Вену пришли из Москвы письма с успокоительными известиями о том, что стрелецкий мятеж подавлен и часть виновных бунтовщиков предана казни, а другие после следствия посажены под караул. «Июля в 22 день, — читаем в «Статейном списке» Возницына, — пришла почта, отпущенная с Москвы июня 24-го числа, на которой присланы писма, что бунтовщики стрельцы пойманы и кажнены, а иные по розыском посажены за караул» [2]. Возницын тотчас же отправил эти письма в догонку за Петром с состоявшими при нем толмачами Франциском и Станиславом Войцеховскими. Отнесись Петр к первоначальному известию о бунте более хладнокровно, пережди он в Вене еще 2—3 дня, он получил бы там эти успокоительные известия и мог бы спокойно выполнять намеченный план путешествия и отправляться в Венецию, дав инструкции в Москву, как поступать со стрельцами.

Отдых в Тарновице продолжался довольно долго: оттуда выехали только в полдень 23 июля и благодаря такой задержке до утра следующего дня было сделано только $9^1/_2$ миль — 66—67 верст. 23 июля проехали пограничную с Польшей деревню Лоски и вступили на польскую территорию. К ночи прибыли в городок Зволкус (Olkusz) и, несмотря на быстроту езды, царь все же успел осведомиться, что в этом городе «серебро делают и олово», как об этом отмечено в «Юрнале». Перед утром миновали деревню Ирмоновиц и к утру подъехали к Кракову. Не имея намерения останавливаться в Кракове и не желая привлекать к себе внимания, Петр по своему обыкновению проехал через город глухими окраинными улицами, так что не мог заметить многочисленных красивых зданий, которыми отличается эта древняя польская столица; остановку для обеда он сделал, уже проехав город, в корчме, расположенной в расстоянии полмили от Кракова [3]. Здесь-то, повидимому, нагнали его посланные Возницыным курьеры-толмачи братья Войцеховские — с московской почтой, как можно судить по свидетельству о событиях этого времени более поздней записки, составленной впоследствии при непосредственном участии и под редакцией самого царя, где говорится, что почта эта была получена на пути, «недалеко проехав Краков» [4]. У Петра при чтении этих благоприят-

[1] *Posselt*, Lefort, II, 504—505.
[2] Пам. дипл. сношений, IX, 8.
[3] Походный журнал 1698 г., стр. 29—30.
[4] *Щербатов*, Журнал или Поденная Записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира, СПБ. 1770, I, стр. 1.

ных известий из Москвы о том, что стрелецкий бунт подавлен, что боярин Шеин и генерал Гордон, не допустя мятежные полки к Москве, разбили их под Воскресенским монастырем, перехватали бунтовщиков, посадили под караул и начали производить следствие, мелькала, повидимому, мысль о возможности вернуться и продолжать прерванное путешествие в Италию и затем даже проехать во Францию. На такое заключение уполномачивают его собственные слова в только что упомянутой записке: «чего для (т. е. ввиду усмирения стрельцов) возможно б было ехать в Италию и Францию», однако взяло верх другое соображение: опасение, как бы в его отсутствие не произошло каких-либо новых замешательств со стороны стрелецкого войска; «однакож в рассуждении то имел, — говорит Петр в записке, — что прочие стрельцы, хотя сему бунту и неточны, однакож сумнение на них надлежало иметь; ибо оная пехота устроена была образом янычар турецких (которые, правда, и воздали по-янычарски) и всегда были заодно... того ради опасаясь, дабы от прочих в небытии его государевом паки какова замешания не было, неотменно продолжал путь свой в Россию»[1].

Не вызвав у Петра перемены решения, полученные успокоительные вести изменили темп дальнейшего путешествия. Царь стал продолжать его по Галиции с обычной средней скоростью своих заграничных поездок; иные дни двигался и гораздо медленнее, останавливался на ночлеги, принимал приглашения польских магнатов. Первая такая остановка после Кракова была сделана в Величке, куда приехали в полдень 24 июля и где оставались до утра следующего дня. В городе, должно быть, при въезде, привлекла внимание путешественников католическая религиозная процессия: «В полдни приехали в город Величку, в котором видели: кругом церкви ходили со крестами». Вечером осмотрена была достопримечательность Велички: ее знаменитые соляные копи, представляющие собой целую систему, целый лабиринт галлерей и пещер, выломанных в соли, целый подземный город на глубине 280 метров. «Здесь великие заводы соляные, — читаем, далее, в «Юрнале». — В вечеру ходили в тое яму, из которых соль вынимают: зело глубоко, хода в них 333 ступени, а ступень четверть аршина; внизу три церкви». Петр так увлекся осмотром подземного города, что остался в нем ночевать: «и здесь ночевали», — добавляет «Юрнал», заканчивая описание посещения знаменитых копей[2].

Из Велички царь двинулся утром 25 июля «после кушанья». Переезд этого дня был очень незначительный — всего верст 20. За две версты до городка Бохнии, другого центра соляной добычи, расположен был лагерем отряд войска польского короля; здесь и была сделана остановка в том же дворе, где стоял командующий отрядом генерал, в сопровождении которого Петр

---

[1] *Щербатов*, Журнал или Поденная Записка, т. I, стр. 1—2.
[2] Походный журнал 1698 г., стр. 30.

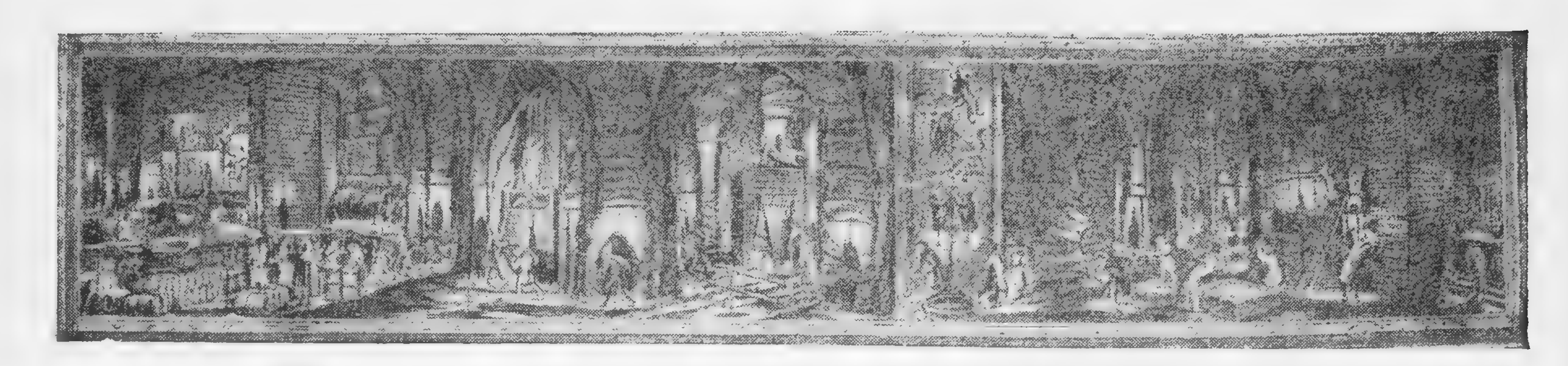

Рис. 47—48. Соляные копи в Величке
Гравюра 1645 г.

посетил лагерь: «и не доехав до города Бахни за две версты, — читаем в «Юрнале», — где застали войско короля польского, и стали на дворе с генералом вместе, и отсель ездили верхами в обоз, ночевали здесь [1].

Из Бохнии выехали 26 июля в 11 часов утра в сопровождении данной из лагеря роты рейтар. Переезд был также незначителен, сделано было всего две мили — 14 верст — до деревни, обозначенной в «Юрнале» названием Мошкекс, где останавливались, чтобы закупить лошадей для дальнейшей дороги, и переночевали [2]. 27 июля из деревни Мошкекса двинулись в путь ранним утром, переправлялись на пароме через реку Дунаец, правый приток Вислы, и в полдень приехали в город Тарнов, где обедали и стояли до 4 часов пополудни, сделав еще от Тарнова 3 мили, заночевали в деревне Гравине. Всего в этот день проехали 7 миль — 49 верст. При поездке на своих, несменяемых на станциях, лошадях приходилось делать продолжительные остановки для отдыха лошадям. Выехали из Гравина утром 28 июля. Под деревней Дембица (Dębica), в виду замка князей Радзивилл, переправились на пароме через реку Вислоку и к полудню достигли города Сендзишова (Sędziszow), где обед и отдых продолжались до 3 часов пополудни. Отправившись из Сендзишова в 3 часа пополудни, к вечеру прибыли в городок Ржешов (Rzeszow), где стояли до полуночи; за этот день было сделано также 49 верст; в полночь двинулись далее без ночлега. Утром 29 июля миновали городок Ланцут (Lancut, по «Юрналу» — Ланцух) с замком графов Потоцких и к 10 часам утра прибыли в городок Пржеворск (Przeworsk) с замком князей Любомирских: здесь была остановка для обеда. К 2 часам пополудни достигли города Ярослава на реке Сане и остановились на ночлег под городом. Утром 30-го, двинувшись в дальнейший путь и отъехав от Ярослава с полмили, переправлялись на пароме через реку Сан. Остановка для обеда была в деревне Любацове; следующую остановку на полчаса сделали в городе Любице (Lubica); ночевать остановились в деревне Потыличе (Potyliez). За 31 июля было сделано 9 миль — 63 версты. Выехав из деревни Потылича 31 июля в 10 часов утра и сделав 4 мили, царь прибыл в маленький городок Раву Русскую, где произошла у него встреча с союзным польским королем Августом II, который направлялся с саксонскими войсками во Львов, чтобы оттуда двинуться далее на границу Польши против татар [3], производивших вторжения даже в пределы Червоной Руси.

---

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 30.

[2] 26 июля помечено получение письма от А. М. Головина с вопросами об изготовлении солдатских лядунок и с подробными соображениями о выгодных и невыгодных сторонах разных образцов этого предмета (П. и Б., т. I, стр. 684—685). Где оно было получено — неизвестно. Письмо показывает, в какие мелкие детали Петр входил в деле солдатского снаряжения, притом с одинаковым вниманием, где бы ни находился.

[3] Походный журнал 1698 г., стр. 30—32; *Шмурло*, Сборник, примечание к № 652.

Находившийся при короле духовник его иезуит Карл-Маврикий Вота в своем донесении в Рим кардиналу Спада описывает подробно торжественную встречу и прием короля в Замостье владетельницей этого места вдовствующей княгиней Замойской и данные ею в честь короля обед и бал в ее замке, а затем сообщает и о встрече государей в Раве. «Его величество, — пишет он, — будучи приглашен владетельницей Замостья, прибывшей днем раньше, посетил ее в ее городке Шебречине, прибыл на следующий день, 7-го текущего месяца (28 июля), в сказанный городок и замок Замостье. Отряд конной гвардии этой госпожи со многими кавалерами и знатными ее двора и всеми начальниками города при оружии выехали встретить короля и приветствовать его за пол-лье оттуда. Вся артиллерия и все мушкетеры гарнизона стреляли при въезде его величества. Сама владетельница встретила короля у дверей церкви, где митрофорный декан со всем клиром приветствовал длинной речью короля, который пожелал, чтобы я ответил от его имени, что́ я и сделал. После мессы и молебна его величество вошел в замок при возобновившейся пальбе изо всех пушек и при трубах. Был королевский обед, и его величество сидел один под балдахином на возвышении в три ступени. Служила ему, подавая чашу, сказанная владетельница, которая все время отказывалась сидеть с королем, но желала стоять на ногах и служить его величеству со своими фрейлинами. За другими столами сидели в той же самой комнате и чисто по-королевски угощались герцог Саксонский, епископ di Giavarino(?), герцог Вюртембергский и все мы прочие. Эта госпожа время от времени подходила от трона предложить бокал сказанным князьям и всем до последнего из их свиты, бывшим в огромнейшем числе. Изобилие блюд и самых изысканных вин было невероятное. Во всех комнатах этого большого дворца кушали и пили при звуках музыкальных инструментов и артиллерии, и господа саксонцы узна́ют, каково великолепие польских господ, хотя бы и приватных. После обеда его величество сделал прогулку пешком по всему валу, посетил арсенал и осмотрел каждую пушку, которые здесь в большом числе. Ужин был столь же блестящ и в таком же виде. Бал продолжался всю ночь. Все войско расположено было много дней во владениях этой госпожи, и о людях и о лошадях хорошо позаботились. На следующий день войско прибыло в Томашово, другой город этой госпожи, которая, действительно, показала свое собственное великолепие, соединенное со скромным и важным благодушием, достойным античной римской матроны. В субботу 9-го текущего месяца (т. е. августа, 30 июля ст. ст.), — читаем, далее, в письме Воты, — его величество прибыл в Раву и тотчас же явился сюда посланный дворянин с известием о предстоящем в тот же день прибытии московского царя, выехавшего несколько дней тому назад из Кракова и сопровождаемого полковником с сотней королевских драгун, данных ему генералом Бозе... При таком неожиданном известии — предполагалось по соглашению с мос-

ковским резидентом, что царь проедет через Варшаву — король приказал все устроить для приема царского величества, насколько дозволяли свойство места и внезапность. Но напрасно его величество ожидал всю ночь. Царь прибыл только на следующее утро 31 июля/10 августа в час обеда. Без встречи и без формальных церемоний, по его желанию, он был отведен в свое помещение и, спустя короткое время, король сделал ему визит» [1].

XLIV. СВИДАНИЕ ПЕТРА С АВГУСТОМ II ПОЛЬСКИМ В РАВЕ И ТОМАШОВЕ

Так «na wielkie nieszczes'ie Rzeczy pospolitéy naszej», по выражению польского деепистеля царствования Августа II [2], началось личное знакомство Петра с союзником, кандидатуру которого на престол он так поддерживал, к которому заочно питал большую симпатию, к семье и к любовнице которого проявил такое внимание в Дрездене. Личное знакомство только увеличило эту симпатию. Петр увидел перед собой высокого, стройного, необыкновенно приветливого и жизнерадостного молодого человека. Августу II (род. 1670 г.) было тогда 28 лет, следовательно, он был почти ровесник Петру, которому было 26. Как и Петр, он обладал богатырским телосложением. Будучи чрезвычайно крепкого здоровья от природы, он развил свои физические силы разного рода гимнастическими и рыцарскими упражнениями и так же, как и царь, легко и свободно разгибал подкову и свертывал в трубку металлическую тарелку, почему ему и давались прозвища «Сильный» (Der Starke) и «Железная рука». Красавец собой, он был обворожителен в манерах и обращении. В юные годы, и в этом он также походил на Петра, он много путешествовал по Европе, жил в Париже, видел блеск Версальского двора Людовика XIV, побывал также в Мадриде и Лиссабоне, в Венеции и Флоренции. Но ездя по Европе беззаботным принцем, которому и не предстояло занимать престола, так как он был вторым сыном курфюрста Саксонского, он брал от поездок не то, чего искал от путешествия Петр, тогда уже государь, чувствовавший ответственность. Если Петра влекла к путешествию жажда знания, если его интересовала прозаическая, деловая, черная сторона чужой жизни, ее темные корни: военное и морское дело, промышленность, техника, то Августа манили к себе цветы этой жизни, ее удовольствия и радости, и он радостно срывал эти цветы. В Мадриде он принимал участие в бое быков, восхищая испанцев своей силой и ловкостью и привлекая сердца ис-

---

[1] *Шмурло*, Сборник, № 652.

[2] «Pamietniki do panowania Augusta II napisane przez niewiadomego autora (podobno Erasma Otwinowskiego), wydane z rekopismu przez Ed. Raczynskiego. W. Poznaniu 1838. Другое издание той же хроники с указанием автора под заглавием «Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II od roku 1696—1728 opisął wspol czesny Erasm Otwinowski w Krąkowie», 1849.

панок; в Венеции предавался шумным удовольствиям карнавала, везде утоляя ненасытную чувственность, которой он отличался, предпринимая любовные интриги и похождения и вел распутнейший образ жизни. Это была натура, постоянно поддающаяся увлечениям. Неожиданно для себя, вследствие преждевременной смерти старшего брата, заняв саксонский престол, он мечтал о военной славе, о таких же военных лаврах, какими были увенчаны его современники Макс-Эммануил Баварский и Людвиг-Вильгельм Баденский, и выхлопотал себе командование над императорской армией, действовавшей в Венгрии, к которой он присоединил свой саксонский корпус в 8 000 человек. Но в двух походах 1695 и 1696 гг., сопровождавшихся чрезмерно большими потерями, он не обнаружил особенных военных дарований, каждый раз опаздывая явиться с своими войсками туда, где появление его требовалось стратегическими соображениями, и выпуская из своих рук турок. Увлечение военными подвигами сменилось у него другим планом: приобрести польскую корону — это такое же стремление, с каким носился в те годы и в котором также успел его современник и сосед Фридрих III Бранденбургский, к своему достоинству курфюрста Бранденбургского присоединивший впоследствии титул прусского короля. Август, как мы знаем, выступил на выборах 1697 г. и деятельно поддерживал свою кандидатуру чрез своего уполномоченного, адъютанта и друга графа Флемминга, щедро рассыпая направо и налево деньги и посылая драгоценные подарки женам влиятельных польских магнатов, чем привлекал на свою сторону их мужей. Раздав более других, Август был избран, но огромная по тому времени сумма, в какую ему обошлись выборы, легла тяжелым бременем на саксонский бюджет, вызывая громкие жалобы «чинов» курфюршества, на которые Август обращал мало внимания, правя государством с беззаботностью ветреного студента. Для достижения намеченной цели он не затруднился пожертвовать не только деньгами, но и верой. Он, курфюрст Саксонский, государь того дома, который со времени реформации был оплотом лютеранского вероисповедания в Германии, ради польской короны перешел в католичество. Впрочем, принимая католицизм, он едва ли вступал в сделку с совестью, ибо, по выражению одного современника, *не менял* веры, а только *принимал* веру, потому что раньше не имел никакой. По существу, будучи вольнодумцем в религиозных вопросах, настоящим представителем XVIII в., он был совершенно равнодушен ко всем исповеданиям.

С первой же встречи, с первых же обращенных друг к другу слов у Петра возникли к Августу самые горячие дружеские чувства, которые затем проявлялись при беспрестанных свиданиях. «Невероятны нежности, — продолжает свой рассказ патер Вота, — взаимные объятия и поцелуи, которые имели место. Царь, предупрежденный о почтении к нему короля и движимый симпатией, внезапно завязал с ним дружбу более чем братскую, не переставая все время обнимать и целовать его и говоря ему, что

прибыл почти один, с очень немногими из своих, чтобы отдаться в его руки и вверить ему свою жизнь; будучи готов служить ему, если надо со 100 000 и более воинов. Обед был в комнате короля. Сидели с обоими величествами послы: генерал Лефорт и великий московский канцлер (Головин), князь епископ di Giavarino и главнокомандующий войсками короля герцог Вюртембергский. Вечером король и царь ужинали одни при постоянных знаках дружбы, более, чем братской» [1].

Возможно, что Вота только очень приблизительно передает слова Петра и Августа. Он едва ли в этот день присутствовал при разговорах, едва ли слышал их сам, так как из его дальнейшего рассказа можно заключать, что он представлен был Петру 3 августа; он передает понаслышке от других лишь общий их смысл. Но те внешние проявления дружеских чувств, о которых он говорит, подтверждаются словами другого свидетеля-очевидца, Петра Лефорта, в его письме в Женеву к отцу, где читаем: «Я едва ли был бы в состоянии изобразить вам объятия, имевшие место между обоими государями. Мы прожили с королем пять дней. Его царское величество желал посмотреть некоторые немецкие полки, которым перед ним производилось ученье» [2].

Видимо, Август совершенно очаровал Петра. Было, действительно, немало общего между обоими государями, что́ могло влечь их друг к другу и возбуждать взаимный, часто личный интерес, помимо общих политических интересов, возникавших из союза между их странами: одинаковый возраст, молодость, бодрость, у обоих огромный запас еще неизрасходованной энергии, смелые стремления, широкие планы. Было много общего и в природных дарованиях, в склонностях и вкусах. Можно было посостязаться в физической силе, которой оба были наделены в таком изобилии; обоих занимало военное дело, и Петру немалое удовольствие доставили военные развлечения следующих дней, проведенных вместе; смотры и упражнения саксонских войск. «В следующие два дня, — сообщает далее Вота, т. е. следовательно, 1 и 2 августа, — устраивались различные развлечения для царя: был смотр полку королевской гвардии и некоторым батальонам с разными военными упражнениями и примерными боями, причем король давал им приказания и всем распоряжался с удивительным уменьем и ловкостью к великому удовольствию царя, который постоянно ездил вдвоем с королем и время от времени также давал разные приказания солдатам». Эти военные занятия отмечены и в «Юрнале», где под 1 августа занесено: «Десятник изволил смотреть с королем учения конницы и пехоты», а под 2-м: «было тож» [3]. За военными развлечениями последовали беседы за столом, и взаимные чувства подогревались возлияниями, по отзыву современников, слишком обильными. «Присутствующие

---

[1] «Lettera del P. C. M. Vota al card. Spada»; *Theiner*, Monuments Historiques, 382; *Шмурло*, Сборник, № 652.

[2] *Posselt*, Lefort, II, 505.

[3] Походный журнал 1698 г., стр. 33.

не могли достаточно надивиться, — читаем мы в одном из писем современника, Андрея-Хризостома Залусского, епископаВарминского и великого канцлера королевства, — действиям этого государя и поведению его при королевском угощении, в особенности же излишней его склонности к питью, к чему и король должен был

Рис. 49. Фридрих-Август II, курфюрст Саксонский, король Польский

Гравюра Турнейсера 1697 г.

приспособляться и подражать царю, хотя заморские испанские горячительные вина и прочее подобное, очевидно, причиняли расстройство королевскому здоровью. Между государями заключено было братство, они обменялись подарками, вели длинные переговоры, никто не знает, что́ они предвещают» [1].

[1] Andreae Chrysostomi in Załuskie Załuski Epistolarum Historico-familiarum, tomus II, 602.

Живой и изобразительный рассказ о пребывании Петра с Августом II в Раве находим в мемуарах Яна-Станислава Яблоновского, тогда молодого человека, занимавшего должность воеводы русского. Ян-Станислав сопровождал в Раву отца, знаменитого польского полководца Станислава Яблоновского, великого гетмана коронного, вызванного туда королем из Львова. «Отец мой, — повествует этот свидетель-очевидец, — готовясь к принятию (во Львове) короля, пригласил к себе товарища своего Щенсного-Потоцкого, гетмана польского коронного и множество сенаторов и панов полковников, как вдруг примчался саксонский офицер с письмом, рукой короля писанным, что царь Петр неожиданно съехался с ним в Раве, и ежели пан гетман хочет с ним видеться, то он его ждет. Любопытство и надобность (curiositas i potrzeba) видеть царя в Польше, да еще такого, что его называли monstrum monarchorum, побудили гетманов коронных быстро собраться... В четверти мили от Равы сели гетманы и паны на коней, с ними было с полторы тысячи отборных всадников. Мы нашли на площади в Раве раскинутые, тылом примкнутые к ... домам, королевские шатры, в которых король и царь стояли. В шатре король ожидал и принял гетманов. После краткой беседы король сказал моему отцу: «Мой гость — дикий человек (dziki maz), пойду к нему, не позволит ли войти комулибо из ваших милостей панов». Воротился король: не хочет царь показаться никому, как только гетманам и сенаторам; проводил нас задами домов до дому, где был царь, и только восьмеро нас было впущено, и я, потому что я был воеводой русским. Отец мой учинил ему комплимент по-польски, поздравляя с этой честью короля и Речь Посполитую, что видит его в своих владениях, выставляя на вид давнюю приязнь и союз. А царь тогда отступил (się umykal). Когда же отец мой окончил, тогда царь вскочил (skoczul), говоря: «благодарю вашу милость, что выбрали королем брата моего Августа»[1] и уверял в приязни к полякам. Тотчас король пригласил царя в другой дом и нас, которые его видели, на обед. Сидел по середке по правую руку король, по левую царь, прикрываясь инкогнито, от короля мой отец и мы поляки сенаторы, от царя его послы и саксонские генералы. Первым делом мы упились; второе — царь приказал подать себе в комнату драгунский барабан и бил сам всякие штуки так, что с ним ни один барабанщик не сравнялся бы. Третью штуку выкинул Потоцкий, в то время стражник коронный, а потом воевода бельский, который, гневаясь, что его не пустили к царю и что за столом не сидел, хотя то же постигло и моих братьев, хорунжего и обозного коронных, грубо выругал (zbasowal) Пребендовского, в то время управляющего у короля, и едва его успокоили, введя к царю после банкета... Целую неделю (?) мы провели в попойках и в учениях саксонского войска, которого 7 или 8 тысяч, как кавалерии, так и инфантерии, король привел

[1] «Dziakuju waszej milosti cos'te barta moho Augusta korolom obrali».

под Раву. Тем каждый день забавлялись монархи при ежедневном пьянстве. Царь, будучи одет в серое, очень плохое платье и бегая, как шальной, по полям при том учении войска, был нечаянно ушиблен конем конюшего пана Щенсного-Потоцкого, гетмана польского коронного, и за то его царь ошпарил (przeparzyl) ногайкой, а конюший, узнал ли его или нет, вынул саблю и несколько товарищей с ним. Царь — давай бог ноги, поляки быстро погнались за ним, пока кто-то, узнав его, не закричал: «Стойте, это царь!» Царь, запыхавшись, бросился к королю, с которым мой отец и мы стояли на конях, и сказал моему отцу: «Твои ляхи хотели меня зарубить» («tvoi Lachu chotily mene rosrubaty»). Мой отец хотел тотчас учинить суд и расправу, но царь не допустил, рассуждая, что сам первый ударил или, вероятнее всего, что устыдился и не хотел разглашать (происшествия). Моего отца царь чрезвычайно полюбил и не раз говорил, что, если бы ты был моим подданным, то я бы тебя слушал и почитал, как отца. Меня все время называл соседом по Белой церкви, и по поводу этой чести я должен был с ним пить горелку, так, что захворал» [1].

3 августа в полдень из Равы Русской друзья переехали в Томашов, под которым стояло лагерем войско. «Вполдни отсель поехали, — читаем в «Юрнале». — Десятник изволил сесть с королем в одной коляске и приехали к месту Томашу, где наехали войско; и тут в таборах (лагере) кушали и были с три часа. Перед вечером приехали в то место (т. е. в самый Томашов), стали по разным дворам и ночевали» [2]. 3 августа царю был представлен К. М. Вота и имел с ним политическую беседу. Ловкий, образованный итальянец, основатель историко-географической академии в Венеции, собеседник, обществом которого дорожили и София курфюрстина Ганноверская и София-Шарлотта Бранденбургская [3], духовник двух польских королей, побывавший и в Москве в 1684 г. в составе цесарского посольства Зверовского и имевший там случай видеть царя, Вота умело напомнил царю о своем знакомстве с ним и о своих хлопотах в Москве о разрешении московским католикам обзавестись особым зданием для их церкви. «Королевское величество, — пишет он в том же, приведенном уже выше письме к кардиналу Спада, — представил меня царю. Я сказал ему, что я тот, который был посылан к его величеству в Москву и был принят им с высокой милостью и получил разрешение на дом в виде церкви для католиков и иезуитов. Царь узнал меня, обнял и обратился ко мне в благосклонных выражениях. Затем он отменно ко мне отнесся, заставил

[1] «Pamiętnik Jana Stanislawa Jablonowskiego wojewody ruskiego». Bibliotheka Ossolinskich, I, 208—210, 211—212. Яблоновский, вспоминая о событиях, надо полагать, много времени спустя, путает хронологию. Свидание в Раве он относит к 1700 г.; пребывание Петра в Раве продолжается у него целую неделю. Но подозревать достоверность передаваемых им эпизодов и даже случая с царем на ученье — нет оснований.

[2] Походный журнал 1698 г., стр. 33.

[3] *Pierling*, La Russie et le St.-Siège, IV, 85—90.

меня сесть с собой, сказал мне, что я найду хороший прием в Московии и там получу и другие льготы. Я его побуждал, представляя сильные доводы, к сокрушению Оттоманской империи совместно с королем Польши. Его величество мне ответил, что мир с турком, которым он столь гнушается, опрокидывает его планы. Я ответил, что его собственные силы в соединении с польскими, саксонскими и казацкими достаточны и что, если бы был взят Очаков при устье Борисфена на Черном море, Константинополь был бы в агонии. На это он мне рассказал басню о шкуре медведя и применил ее очень кстати. Он окончил беседу со мной, два раза приложив свой лоб к моему и прося у меня благословения, которое я ему дал большим знамением креста, между тем как царь наклонял свою голову к моей груди» [1]. Надо думать, что эта благосклонность царя произвела сильное впечатление на Воту и окрылила его мечты о соединении церквей, с которыми он носился еще в 1684 г. Поступок Петра на следующий день дал новый повод к этим надеждам.

4 августа Вота служил мессу в королевском шатре. «На следующий день, — читаем, далее, в том же его письме, — когда я совершал мессу перед королем в большом королевском шатре, открытом для присутствия всего двора, пришел, хотя и довольно поздно, царь и получил с благоговением и с преклонением благословение, которое я преподал, давая глубокие поклоны и знамения креста».

После мессы был смотр королевской кавалерии в числе более 6 000 лошадей. Пообедав вместе с королем, царь простился с ним и направился в дальнейший путь [2], унося самые теплые чувства к своему новому другу. В знак дружбы государи поменялись одеждой и шпагами. «Король польский, — доносил о прибытии царя в Москву находившийся там цесарский посол Гвариент в депеше к императору от 2/12 сентября, — с которым его величество (царь) провел четыре дня и ночи в беспрерывном питье, был по его праву, и они пришли в такое братское доверие, что оба поменялись платьями, и царь приехал в Москву в камзоле и шляпе польского короля и при плохой шпаге, которую он носит до сегодняшнего дня». Встретившим его боярам, по словам того же свидетеля, царь в самых горячих выражениях заявлял о своей привязанности к королю: «Его величество хотел находящимся при нем боярам и министрам, из которых были очень многие, свою великую привязанность к польскому королю

---

[1] Я отношу представление Воты царю и его разговор с ним к 3 августа потому, что, как он пишет далее, «на следующий день» после этого разговора царь простился с королем и уехал из Томашова, а это было 4 августа. Письмо Воты помечено 11 августа. Если эту помету считать по новому стилю, — по старому, следовательно, 1 августа, — то надо предположить, что Вота, начав письмо 1/11 августа, продолжал его в следующие дни, закончив описанием отъезда царя (4/14 августа). *Шмурло*, Сборник, № 652; *Theiner*, Monuments Historiques, 382.

[2] «Августа в 4 день. Отсель поехали после кушанья, и здесь король остался» (Походный журнал 1698 г., стр. 33).

так выразить (mit dergleichen formalien affentlich zu erkennen geben); король польский мне милее, чем все вы находящиеся (здесь); пока я жив, буду с ним в добром согласии не потому, что он — король польский, но в уважение его приятной особы» [1]. Гвариент передавал слова Петра по слухам, полученным через третьих лиц, и трудно поверить, чтобы царь сказал по адресу встречавших бояр столь грубую, ничем притом не вызванную с их стороны фразу. Но, несомненно, что какие-то весьма горячие признания в дружбе к польскому королю были перед ними сделаны.

Беседы Петра с Августом в Раве летом 1698 г. имели гораздо большее значение, чем разговоры двух друзей. В этих именно разговорах возникли первые мысли о войне против Швеции, в них было брошено ее зерно. Беседы о Швеции велись секретно и сюжет их искусно маскировался даже от ближайших находившихся при короле польских вельмож, не подозревавших о соглашении государей. «Целую неделю пробыли мы на глазах монархов, — пишет в своих мемуарах упомянутый уже выше Ян-Станислав Яблоновский, — а наши не были настолько на высоте, чтобы усмотреть, что делали монархи, очень секретно заключая между собой союз без Речи Посполитой на ту несчастную шведскую войну. Однако для вида король взял одних гетманов на конференцию с царем без всяких чужеземцев (т. е. саксонцев). Мне оказал честь, назначив меня толмачом для французского и русского языка. Там тогда король расспрашивал царя, выразив досаду на цесаря римского, что без нас, союзников, подписал первый прелиминарий Карловицкого трактата, нам убыточный, т. е. чтобы каждый держал то, что держит, а мы, поляки, ничего не держали, а только турки держали Каменец. Спрашивал тогда, говорят, король, какие инструкции царь дал своим уполномоченным в Карловице, заключить ли трактат вместе с цесарем на том прелиминаре или воевать с турками, если и цесарцы нас оставят (in quantum cesarscy nas odstąpią) и свой закончат трактат. Царь ответил, что мне этот прелиминар не убыточен, потому что он держит славный Азов на Черном море и две турецкие крепости на Днепре под Крымом, называемые Гасланкермень и Казыкермень. Но ради любви брата своего Августа и интересов Речи Посполитой готов продолжать войну с турками, хотя бы цесарь без нас трактат конклюдовал. *Это он говорил по соглашению с королем, чтобы скрыть замысел войны шведской без Речи Посполитой.* Кончилось на том, что будет исправным (prawiornym) союзником Речи Посполитой и королю Августу неотступным приятелем, братом et caetera. Так не дал полякам никакой тени подозрения о шведской войне, которой положил начало с королем и о союзе, который обнаружил себя в два года» [2].

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 622.

[2] «Pamiętnik Jana Stanisława Jabłonowskiego wojewody ruskiego». Biblioteka Ossolinskich, I, 210—211.

Может быть, намеки на перемену политики сделаны были уже Карловичем в Вене, но, во всяком случае, в Раве или в Томашове следует искать ту поворотную точку, которая изменила политику Петра, направив ее с юга на север. Много лет спустя, уже по окончании Северной войны, сам Петр вспоминал одну из своих бесед с Августом в Раве и именно к этой беседе относил первую мысль о союзе с королем против Швеции. В 1723 г., собирая и редактируя материал для истории шведской войны, царь во введении к этому труду поместил приведенный уже выше рассказ о своем возвращении из Вены, а затем и рассказ о встрече с польским королем. «И при том своем возвращении, — говорит Петр, — едучи чрез Польшу, свидание имел с королем польским Августом вторым в местечке Раве, где смотрели несколько полков саксонских и была экзерциция; потом позвал обоих государей генерал-лейтенант Флеминг к себе на вечер, где между разговорами король Август государю говорил, — что много поляков противных имеет и примолвил, что, ежели над ним что учинят, то б не оставлен был. Против чего государь ответствовал, что он готов то чинить, но не чает от поляков тому быть, ибо у них таких примеров не было; и просил его, дабы от своей стороны помог отомстить обиду, которую учинил ему рижский губернатор Далберг в Риге, что едва живот спасся; что оный обещал. И так друг другу обязались крепкими словами о дружбе без письменного обязательства и разъехались, и взял государь путь свой к Москве» [1]. Таким образом, по рассказу Петра выходит, что мысль о союзе против шведов была подана им, когда Август просил помощи против мятежных поляков. Инициатива Петра в предложении союза против Швеции находит себе подтверждение и в других свидетельствах с польско-саксонской стороны. О ней говорит известный впоследствии лифляндский эмигрант Паткуль, принявший такое энергичное участие в образовании союза против Швеции, в мемориале, составленном им для короля в январе-апреле 1699 г. О ней говорится также в мемориале от 5/15 октября 1699 г., представленном царю находившимся тогда в Москве саксонским генералом Карловичем. «Nun ist zwar zu vermuthen, — пишет Паткуль, — dass, *weil der Zaar Ihro Königlichen Majestät selbst die proposition zu dem Kriege gethan* es also mit Ihm seine Richtigkeit meistens habe» [2]. В мемориале, представленном царю Карловичем, читаем в современном его переводе, сделанном Шафировым: «В таком намерении его королевское величество польский не мог в забвение положить, что̀ его царское величество прошлого году напоминал, дабы его королевское величество оному вспомогателен изволил быть, то̀ от короны свейской паки под царское обладательство привесть, что̀ ему по бозе и по правой достойности приналежит и токмо

[1] *Щербатов*, Журнал или Поденная Записка, т. I, стр. 2; *Устрялов*, История, т. III, стр. 186, примечание 8. «По сему реестру его величество слушал и, что надлежало, правил в 28 день генваря 1723 в Преображенском».
[2] *Förster*, Friedrich August II, König von Pohlen, 84.

при случае в начале сего столетнего времени на Москве учинившегося неспокойства от того оторвано»[1]. Значит, в саксонско-польских кругах в 1699 г. приписывали Петру первое слово о союзе против шведов, указывали на него как на инициатора, которому принадлежит самый зародыш мысли о войне против Швеции, и эти свидетельства согласуются с рассказом самого Петра. Но в то же время хорошо известно, что по вступлении своем на польский престол Август II носился с новыми политическими планами, увлечение которыми возбуждал и поддерживал в нем его ближайший друг и адъютант, его уполномоченный, энергично действовавший за него на королевских выборах, неистощимый Projectenmacher, как его называет граф Флемминг. Когда польская корона была достигнута, Августом овладевает новое стремление — вернуть Польше захваченную шведами при Густаве-Адольфе и окончательно уступленную по Оливскому миру 1660 г. ее провинцию Лифляндию, к чему притом обязывали его подписанные им при избрании на королевский престол условия Pacta conventa, куда именно был включен параграф о возвращении Лифляндии от Шведов Польше. При таком настроении и таких планах Августа вполне возможно думать, что если, действительно, Петр заговорил первый о союзе против Швеции, то не вызван ли он был и не наведен ли на этот разговор Августом или, может быть, еще ранее Карловичем, искусно давшими ему понять, что такое предложение встретит сочувствие. Может быть, даже саксонцам выгодно было сделать Петра инициатором предложения, чтобы затем, придав его предложению характер обязательства, крепче втянуть его в виды политики Августа. На этом Паткуль и строил свой расчет, когда писал, что в переговорах с царем надо выдвигать как основание, что эти переговоры — следствие им же самим сделанного предложения[2]. В свою очередь и планы Августа должны были найти сочувственный отклик у Петра и навести его также на мысль о возвращении русских земель, отнятых Швецией после Смутного времени, о чем в Москве не забывали.

Есть одно разногласие между воспоминанием Петра, отдаленным от самого события и мемориалом 5/15 октября, представленным Карловичем, близким к событию, написанным через год с небольшим после свидания в Раве. Петр как на повод к высту-

---

[1] *Устрялов*, История, т. III, стр. 512—513: «In solcher Absicht, haben Ihro Königliche Majestät von Pohlen nicht können in Vergessenheit stellen, dass Ihro Zaarische Majestät vorm Jahr Ewehung gethan, es mögten Ihro Königl. Majest. deroselben behülflich seyn. dassjenige von der Cron Schweden wiederumb unter Zaarischer bohtmässigkeit zu bringen, wass dahin von Gott und Rechtswegen gehöret, und nur unter faveur der zu anfange dieses seculi in Moscovien entstandenen innerlichen Unruhen davon abgerissen worden». Мемуар этот без подписи; он находится в деле о приезде в Москву генерал-майора Георгия Карловича (Арх. мин. ин. дел, Дела польские 1699 г., № 16, л. 30—33, перевод — л. 34—37). Возможно, что он составлен также Паткулем, находившимся тогда в Москве при Карловиче.

[2] *Förster*, Friedrich August II, König von Pohlen, 85.

плению против Швеции, указывает на обиду, нанесенную ему рижским генерал-губернатором Дальбергом. В мемориале говорится, что Петр просил помощи к возвращению русских земель, отнятых у Московского государства шведами. Как согласовать эти показания? При всей своей правдивости Петр, вспоминая о разговоре с Августом в Раве двадцать пять лет спустя, притом о разговоре, важнейших последствий которого нельзя было тогда еще предвидеть, мог передавать его неполно, не вполне точно и привнести в воспоминание о нем позднейшие мотивы. По его рассказу в «Журнале или Поденной Записке» выходит, что он просил помощи для того, чтобы отомстить за обиду, нанесенную Дальбергом; весь центр тяжести в побуждениях к войне со Швецией отнесен на столкновение с рижским генерал-губернатором; однако известно, что этот случай, хотя и оставивший у царя неприятный осадок, но основательно забытый и не вспоминавшийся в разговорах с курфюрстом Бранденбургским, летом 1677 г. предлагавшим союз против Швеции, был чрезмерно раздут впоследствии, когда стали искать предлогов для разрыва со Швецией, был, так сказать, извлечен из архива неприятных воспоминаний, послужил предметом обсуждения среди дипломатов, публицистов и историков. Этот случай был указан в качестве причины войны и Шафировым в его «Рассуждении» о причинах войны со Швецией, вышедшим в 1717 г. Неудивительно поэтому, что и в занимающем нас рассказе Петра, написанном уже после появления книги Шафирова, на которую царь, между прочим, ссылается, вновь так ярко всплыл эпизод с Дальбергом, может быть, и бывший одним из предметов разговора с польским королем по поводу Швеции, но далеко, конечно, не единственным. Вполне возможно допустить, что между друзьями шла речь и о землях, отнятых у России подобно тому, как Лифляндия отнята была у Польши. Как бы то ни было, далее простых разговоров дело тогда не пошло: Август не чувствовал себя еще прочно на польском престоле; Петр после своего дипломатического неуспеха при венском дворе, хотя и видел необходимость прекращения войны с турками в более или менее скором будущем, но все же знал, что мир с турками еще впереди, что на плечах еще тяжелая турецкая война, и все его военные заботы были направлены еще на юг, к Черному морю, и к азовскому флоту. Как раз перед выездом из Томашова он писал П. Б. Возницыну, приказывая ему действовать согласно с уполномоченными, которых пришлет польский король [1].

XLV. ПУТЬ ОТ ТОМАШОВА ДО МОСКВЫ

Король назначил сопровождать царя через свои владения саксонского генерала Карловича и познанского подчашего Булгаковского, которые ехали с ним до Москвы. Расставшись с Авгу-

[1] П. и Б., т. I, стр. 743—744.

стом, царь из Томашова направился в Замостье, куда прибыл в тот же день, 4 августа, перед вечером и остановился у известной уже нам княгини-вдовы Замойской, добродетели которой патер Вота сравнил с добродетелями римской матроны и у которой незадолго перед тем гостил, как припомним, король. В честь царя гостеприимной хозяйкой был дан ужин, отличавшийся большим оживлением, судя по замечанию «Юрнала»: «Перед вечером приехали в город Замосья (Zamosçe) и стали у господыни и кушали, и веселились довольно и ночевали»[1]. На другой день, 5 августа, княгиня угощала царя обедом, который, если, может быть, и не был столь многолюдным и шумным, как обед, данный ею в честь короля, то все же вероятно, являл и русским гостям великолепие и роскошь польских вельмож. За этим обедом видел царя и беседовал с ним остановившийся тогда случайно проездом во Львов у княгини Замойской апостолический нунций в Польше архиепископ Риминийский монсиньор Давиа, который решил воспользоваться этой встречей, чтобы выхлопотать у царя разрешение на проезд через Московское государство католическим миссионерам, направлявшимся в Китай, в чем и успел, получив согласие на свою просьбу. В депеше в Рим кардиналу Спада от 9/19 августа он так описывает эту встречу и разговор с царем: «прибыв в среду (3/13 августа) поздно вечером в крепость Замостье, я принужден дурной погодой не менее, чем продолжительностью пути, остановиться на два дня и был приглашен вдовой-княгиней этого места на обед в пятницу. В четверг вечером, как я узнал, внезапно прибыл царь московский, который, проведя четыре дня с его величеством королем польским, возвращался более кратким путем в свои государства.

По прибытии этого государя я попытался отказаться от принятого уже приглашения княгини Замойской, чтобы не соперничать с министрами государя, который, в особенности будучи польщен вниманием, оказанным ему королем как в Вене, так и в Польше, считает себя первым монархом мира и не имеет должного уважения к авторитету святого престола. Но так как княгиня не желала позволить мне взять назад мое слово, а царь обещал обращаться со мной с таким уважением (как он сказал), какое имеют все католики латиняне к их главе и какое он сам выказывал к святейшеству нашего господина, я решил ухватиться за случай, посланный, мне казалось, от бога, чтобы выхлопотать некоторые преимущества миссионерам, которые, отправлясь на Восток, нашли бы через Московию гораздо более краткий путь, чем путь, каким они ездят через Турцию и через океан. Итак, около полудня я отправился во дворец княгини и получил доступ в присутствие царя, не будучи нисколько задержан во внешних покоях и сделав ему стоя комплимент по-латыни, который был переведен некиим Лефортом, его первым послом, я воспользовался удобством стола, чтобы лучше удостовериться в

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 33—34.

успехе моей просьбы о милости, которой я искал. Места были распределены так, что я занимал первое место по царе, за мной его первый посол Лефорт, затем второй и другие московские князья с постоянным резидентом при этом дворе и еще разные поляки. Я стал сообразно с обстоятельствами представлять Лефорту о желании, какое я имел, просить царя о позволении свободного проезда через его государства всем миссионерам, которые, будучи отправлены из Рима в пределы Персии и Китая, проезжали бы в Москву с паспортом польского короля и с свидетельствами апостолического нунция, находящегося при этом дворе. Лефорт, женевец и ревностный кальвинист, учинил мне затруднение, прикрытое покровом политических соображений, говоря, что его величество, его покровитель, никогда не позволит французам какого бы то ни было состояния въезжать в Московию и еще того гораздо менее даст позволение иезуитам и что, находясь вне своих государств, он не может принять какого-либо достойного решения по такому важному делу. Я предусматривал малую помощь, на которую я мог рассчитывать со стороны кальвиниста в делах, касающихся нашей святой религии, хотя и предложенных возможно лучшим способом, оборвал всякий разговор об этом предмете и беседовал с ним о безразличных вещах. Когда затем стол был окончен, я отвлек княгиню в сторону, излагая ей мое желание и прося ее помочь мне передать мои настояния второму послу, московиту по рождению и русскому схизматику по религии. Он в высшей степени был доволен, что я ему сообщил о подобном желании и посоветовал мне представить вместе с княгиней ходатайство царю, обещая помочь моим желаниям с величайшим усердием. И когда поэтому царю было сделано представление, он пожелал выслушать своих соотечественников, и, так как они все были согласны, будучи предупреждены в мою пользу вторым послом, он объявил, несмотря на все препятствия со стороны Лефорта, что не только разрешает персидским и китайским миссионерам свободный проезд, но и велит провозить их на казенный счет и кормить их от одной границы до другой в своих обширнейших государствах, только бы они не были французской нации и являлись бы в те страны с паспортами от Польши, которые удостоверяли бы о распоряжениях Рима. Сколько я ни старался устранить эту оговорку об исключении французов, невозможно было этого добиться, и я думаю, что подобное видоизменение сделано, как уступка до некоторой степени тому жару, с которыми Лефорт противился моим просьбам. Поэтому, благодаря царя за его заявление, я просил его дать мне какое-либо письменное свидетельство, чтобы с течением времени его позволение не было взято под сомнение. Он мне ответил, что его слово значит больше, чем десять тысяч записок, что, несмотря, однако, на то, тотчас по прибытии в Москву он прикажет изготовить императорскую грамоту и переслать мне сюда, для чего он пожелал записать мое имя; я на это не мог ему возражать, чтобы не дать ему подозрения, что я не

доверяю его верности или его могуществу»[1]. В польском обществе ходили тогда слухи о некоторых подробностях этого свидания царя с монсиньором Давиа. Царь будто бы выразил желание получить в подарок изумрудный крест, который Давиа носил на шее на золотой цепочке и поэтому нунций снял его с себя и возложил на шею царю. Царь был очень доволен, постоянно посматривал на крест и целовал его, выражая в такой форме радость по поводу подарка, и ответил со своей стороны, подарив нунцию большой восточный топаз, считающийся редкостью. Это известие, полученное по вестям изо Львова, сообщал в Рим чрезвычайный апостолический нунций в Польше Паулуччи[2]. Такое же известие с некоторыми незначительными вариантами находим в письмах упоминавшегося уже выше канцлера и епископа Вармийского Андрея-Хризостома Залусского. Петр, приняв от нунция в подарок крест с цепочкой, подарил ему кусок смарагда громадной величины, но необделанный[3]. Но Паулуччи сообщал известие не со слов Давиа и не по его письму, а по вестям и слухам и передавал его не в депеше или в письме за своей подписью, а в foglio d'avvisi, т. е. хронике разных известий, еженедельно сообщавшихся в Рим. Тот же источник, т. е. молва и слухи, лежит в основе сообщения Залусского. Сам Давиа о таком обмене подарками не говорит ни слова, а надо думать, что он не упустил бы случая упомянуть об этих знаках благосклонности Петра, если бы они действительно были оказаны. С другой стороны, рассказ о подарке Петром необделанного драгоценного камня слишком уже часто повторяется, чтобы ему каждый раз верить. Такой камень он дарит и курфюрсту Бранденбургскому и английскому королю.

Замок гостеприимной княгини Замойской Петр покинул 5 августа перед вечером в сопровождении шумной и веселой свиты княгининых гостей, провожавших его на расстоянии версты. «Здесь (в Замостье) кушали, — читаем в «Юрнале». — Пред вечером отсель поехали и, отъехав с версту, с провожатыми простясь и веселясь, поехали в ночь». Рано утром 6 августа, без остановки для ночлега, прибыли в местечко Выславице, где останавливались на три часа. Дальнейший путь лежал на город Холм, когда-то, во времена Даниила Галицкого, славный, а в казацкие войны в середине XVII в. совершенно разоренный и не успевший сколько-нибудь значительно оправиться за полстолетия ко времени проезда Петра. Миновав Холм, царь к вечеру прибыл в корчму Ловче, где была сделана остановка на час. Отсюда двинулись в ночь; дорога, по замечанию «Юрнала», пошла отсюда

---

[1] *Theiner*, Monuments Historiques, 379—380; *Шмурло*, Сборник № 660.

[2] *Шмурло*, Сборник, № 673.

[3] *Zaluski*, Epistolae Historico-familiares. II, 602: «Transeundo per Zamoscium invenit ibi casa Leopolim euntem Nuntium Davia, cum quo satis confidenter egit, bibitque. In affectus contestationem crucem cum catena ab eo dono accepit et illi frustum grandioris Magnitudinis smaragdi dedit, posset esse ingentis prettii, si fuisset purgatum».

«великим лесом», столь густым и обширным еще и до наших дней в этой части мазовецкого Полесья. Ночлег после переезда за сутки 80 верст был в деревне Осове (Orzechov)[1]. Петр двигался с такой быстротой, что посланный вслед за ним нунцием Давиа иезуит Запольский с тем, чтобы взять все-таки от царя письменное удостоверение о позволении католикам-миссионерам проезжать через Московское государство, не мог уже догнать его[2].

Двинувшись утром 7 августа из деревни Осовы и отъехав 14 верст, прибыли в городок Влодаву (Wlodawa) на реке Западном Буге, где стояли часа три под сильным дождем. Когда Петр со спутниками, пустившись в дальнейший путь, отъехали от Влодавы с полмили ($3^1/_2$ версты), его встретил и пригласил к себе в свой замок, мимо которого проходила дорога, брестский подкоморный Людвиг-Леонард Пац, сын витебского воеводы. Царь принял приглашение и заехал к нему с обоими послами, отпустив свиту с колясками вперед до местечка Славатице (Slawatyce), в трех милях от замка Паца. Только к вечеру он в карете Паца приехал в Славатице и, соединившись со свитой, продолжал путь до местечка Кодени (Koden), где расположился на ночлег. Из Кодени выехали 8 августа рано утром. В 9 часов утра прибыли в Тересполь под Брест-Литовском, где кушали, а затем царь с обоими послами, опять отпустив свиту вперед, принял приглашение супруги коронного гетмана графа Синявского, предложившей ему обед[3]. Здесь, в замке графини Синявской, произошел эпизод, о котором рассказывает в своей депеше в Рим от 30 августа/9 сентября изо Львова апостолический нунций в Польше Давиа. Среди гостей графини находился русский униатский митрополит киевский Залевский, который, сочтя нужным обратиться к царю с приветственной речью, неосторожно выразился о православных, назвав их схизматиками. Петр вспылил и просил хозяйку дома немедленно удалить прелата, предупредив ее, что в противном случае он не отвечает за свои руки. «Я не желал бы, — пишет нунций, — чтобы чрезмерное рвение монсиньора Залевского, русского униатского митрополита, заглушило в самом начале семена доброго понимания, которое я старался внушить московскому царю, когда мне пришлось встретить его и обедать с ним в Замостье. Писали из Бреста Литовского, что, когда туда прибыл этот государь, названный митрополит отправился к нему, застал его за столом и, примешав в свою приветственную речь разные декламации против заблуждения схизмы, вызвал негодование царя, который ему ответил, что он не терпит подобных выходок от себе равных и, если он уважает добрых католиков, то ненавидит нескромных, как он, и что подобных ему он в Московии бил кнутом или вешал, когда они осмеливались говорить ему грубости, которые он произнес. Не довольствуясь таким суровым

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 34.

[2] *Шмурло*, Сборник, № 660 (стр. 523), № 665.

[3] *Туманский*, Собрание разных записок, т. III, стр. 98.

ответом, царь попросил несколько спустя хозяйку, виленскую кастеляншу, удалить митрополита из дома, почему прелат должен был уйти, чтобы избежать бóльших неприятностей, так как царь открыто заявил, что он не будет в состоянии удерживать свои руки, если перед ним будет появляться субъект, от которого он почитает себя оскорбленным. Это столкновение, которое, без сомнения будет раздуваться Лефортом, открытым врагом католиков, внушает мне опасение, что изменится доброе расположение, оставленное мной в этом государе...»[1]

Расставшись с графиней Синявской, Петр проехал через город Брест, «который, — замечает «Юрнал», — столица литовская; под ним две реки: Бук да Мухавиц; чрез мосты ехали». Часть ночи провели в пути, часть в корчме Степанке, где расположились на ночлег. Дорога пошла далее в продолжение 10 дней по территории великого княжества Литовского, по обширным и пустынным лесистым его пространствам, через редкие и плохо обстроенные города с костелами и кляшторами (монастырями) униатов-базилиан и разных католических монашеских орденов: доминиканцев, августинцев, бернардинов и др., с мещанскими, в значительной доле еврейскими дворами. Остановки делались в пути в невзрачных, вероятно, по большей части еврейских корчмах. 9 августа, выехав утром из корчмы Степанки и сделав $2^1/_2$ мили ($17^1/_2$ верст),

---

[1] *Шмурло*, Сборник, № 677. Есть другой, совершенно противоположный рассказ о встрече Петра с униатским митрополитом Залевским в Бресте, находящийся в «Сводной галицко-русской летописи с 1600 по 1700 г.» и вышедший, повидимому, из униатских кругов. По этому рассказу, Петр останавливался в Бресте у виленского кастеляна Иосифа Слуцкого. Присутствовавший здесь митрополит приветствовал государя «славной» речью, в которой «восхвалял святую унию», которую «по велению господа и врата адовы не одолеют», говорил об успехах унии, «об обрядах, которые отнюдь не нарушаются, но продолжают пребывать в своей силе сообразно с обычаем восточной церкви, об основании по разным частям государства новых монастырей, о благочестии самих украшенных пурпуром господ латинского обряда и рыцарского звания». Царь будто бы «с благодарностью принял оказанную ему почесть, просил пастырского благословения по обычаю своего народа и, когда узнал, кто тот, с кем он имеет дело (cuyus personam deferret), сказал, что не следует насильно приманивать последователей к унии и создавать церкви особого права» (non debet violenter ad unionem sui sectatores pellicere et ecclesias sui juris facera), а затем сказал: «О, если бы подобно сообщенному вами и наше царство пришло в зависимость от св. апостольского престола и от викариев Христа, чтобы, наконец, по устранении кажущегося противоречия, восток с западом сросся в одно тело, было бы единое стадо и единый пастырь; мы же, насколько хватит сил, не покинем этого намерения и труда, и желаем от тебя, иерарх (praesul), чтобы ты по изволению нашему доставил работников, пригодных для этой должности, которых взыскать милостями будет нашим делом. По окончании завтрака господин митрополит поцеловал руку императора, дал ему благословение и, пожелав здоровья, возвратился к кафедре». Рассказ этот представляется нам совершенно неправдоподобным. Он имеет тенденцию восхвалить унию и показать ее успехи. Петр никогда не выказывал униатам расположения; враждебность его к ним особенно проявилась в столкновении с ними в 1705 г. *Петрушевич*, Сводная галицко-русская летопись с 1600 по 1700 г. Литературный сборник, издаваемый галицко-русской матицей 1872 и 1873 гг., Львов 1874 г., стр. 265—266. Книги этой в Москве нет: цитирую по *Шмурло*, Сборник, примечание к № 677 (стр. 701—702).

остановились на полчаса в корчме Киватице (Kiwatyce). Продолжая путь, миновали деревню Жабин (Жабинку?) и в 5 часов пополудни прибыли в местечко Пружаны на реке Мухе, некогда удел князей Кобринских, а затем принадлежавшее королеве Боне. Здесь остановились на ночлег, сделав за день 7 миль (49 верст). 10 августа выехали из Пружан в 9 часов утра; обедали в местечке Селец и двинулись в путь в полдень[1]. В 3 часа пополудни сделана была остановка в корчме Лососине, продолжавшаяся до 6-го часа вечера. Тронувшись далее, ночью проехали городок Ружаны, принадлежавший Сапегам, с их дворцом, разоренным как раз в 1698 г. во время волнения в Литве по поводу оппозиции, оказанной этой фамилией новому королю. Ночлег был в корчме Хмельнице[2]. 11 августа утром проехали расстояние в 3 мили (21 версту) от корчмы Хмельницы до города Слонима, куда прибыли в полдень, где обедали и простояли до 3 часов дня, быть может, осведомившись, что этот город со времени короля Владислава IV служил обыкновенно местом для собрания генеральных сеймов великого княжества Литовского. В 3 часа дня, пустившись из Слонимы в дальнейший путь, сделали 5 миль (35 верст) до местечка Полонки, где ночевали, всего за день проехав 8 миль (56 верст). День 12 августа прошел подобно предыдущим. Также утром было сделано 3 мили (21 верста) от Полонки до местечка Столовичи[3], где отдыхали три часа; двинувшись дальше и сделав еще две мили, к $2^1/_2$ часам пополудни прибыли в корчму Вольна, и здесь стояли с час. Вечером опять проехали расстояние в 3 мили (21 верста) и ночевали в городе Мир, принадлежавшем князьям Радзивиллам, у которых здесь был замок. За день 12 августа, так же как и за предыдущий день, было сделано 8 миль (56 верст). 13 августа утром, отъехав от города Мира с полмили, переправлялись через реку Неман, и к 9 часам утра прибыли в корчму Засулье[4], здесь кушали и стояли до полудня. Двинувшись отсюда в полдень, к 6 часам вечера прибыли в корчму Вазен, отъехав 4 мили (28 верст) от Засулья; здесь остановка длилась часа 3. Выехав отсюда около 9 часов

[1] В «Юрнале» под этим числом читаем: «отсель (т. е. из Пружан) поехали за 3 часа до полудня; приехали в место Селенц». Это местечко Селец, а не Залесье, как замечает Устрялов (История, т. III, стр. 616). См. карту Главного штаба, кв. 15. Далее текст непонятен: «*Отсель поехали* и отъехали 4 мили. Здесь (где?) кушали; поехали в полдни; после полудня 3 часа приехали в корчму Лососину» («Походный журнал 1698 г., стр. 36). Думаем, что исправить текст следует, выбросив совершенно лишние слова, набранные курсивом. Тогда указание «здесь кушали» будет относиться к местечку Селец. Так читал это место «Юрнала» Гюйсен: «10. В девятом часу поехали, и, отъехав 4 мили, прибыли в место Селец, а после кушанья отъехали еще 4 мили до корчмы Лососин» (*Туманский*, т. III, стр. 99). От Пружан до местечка Селец по прежней дороге как раз около 4 миль.

[2] Корчмы Лососина и Хмельница указаны на 10-верстной карте, кв. 15: Лососина 5° 27′ западной долготы (от Пулкова) и 52° 54′ северной широты; Хмельница — 5° 10′ западной долготы и 52° 54′ северной широты.

[3] Полонки и Столовичи — б. Минской губернии по большой дороге из Слонима в Минск.

[4] б. Минской губернии 3° 30′ западной долготы и 53° 42′ северной широты.

вечера, к полуночи прибыли в город Минск и здесь заночевали. В этот день сделан был большой путь в $13^1/_2$ миль (94 версты). Зато в Минске 14 августа отдыхали, простояв до полудня. Описание Минска в 1698 г., следовательно, в том виде, в каком его мог видеть и Петр, находим в дневнике Корба, проезжавшего через этот город 11/21 марта: «Случившийся здесь, — пишет Корб, — за три года до нашего приезда пожар привел прежде очень богатый и славный город в состояние столь плачевной бедности, что процветавшая раньше торговля теперь почти совершенно прекратилась. Из многочисленных прежде купцов осталось двое, да и они с трудом добывают только необходимые средства для собственного существования. В хоре францисканцев слышалось всего два голоса, откуда можно заключить об их бедности и малочисленности. . . Мы слышали, что здешний коллегиум (иезуитов) довольно беден, не имея достаточных фундушей; в нем имеется всего 12 членов ордена. Та же скудость замечается у базилианцев, бернардинцев и босых. . .» [1] 14 августа отправились из Минска в полдень, останавливались в корчме Городище, а затем, сделав еще переезд до местечка Смолевичи, остановились там на ночлег [2].

За 15 августа в «Юрнале» обозначен отъезд с места ночлега, т. е., следовательно, из Смолевичей, в 10 часов утра, прибытие в Жодин (Задин) и двухчасовая остановка там, вечером прибытие в местечко Неманицу, где стояли до полуночи; в полночь двинулись в путь и сделали 2 мили (14 верст) без ночлега. К 9 часам утра 16 августа прибыли в местечко Бобр, где простояли 3 часа. К вечеру приехали в город Друцк, некогда стольный город друцких князей, которому Корб, проезжавший через него 17/27 марта того же года, посвятил в дневнике следующие строки: «В городе Друцке мы остановились на ночлег. Говорят, что в прошлом столетии этот город имел семь миль в окружности и славился двумя сотнями знаменитых храмов, но во время ожесточенной войны московитов против поляков подвергся такому опустошению, что к нему можно применить то, о чем плачет поэт на развалинах Трои: где стоял Пергам, теперь там волнуются колосья (ubi steterent Pergama, nunc fluctuant aristae) [3]. Неизвестно, откуда почерпнутые Коробом известия о 7 милях окружности и 200 церквах, без сомнения, сильно преувеличены; но очевидно, что убогим своим состоянием разоренный город произвел на него впечатление пустыни. Петр остановился ночевать в

[1] *Корб,* Дневник, изд. Сувориным, стр. 27.

[2] В Походном журнале (стр. 37) неясно: «В 14 день. В полдни отсель поехали; приехали в корчму Городище; стояли 2 часа, отъехали пол-4 мили и ночевали». Выходит, что, простояв в Городище 2 часа и затем отъехав еще $3^1/_2$ мили, ночевали, но не указано, где. Это указание находим в гюйсеновской редакции «Юрнала», которую ввиду ее полноты и принимаем: «14. Отъехав (от Минска) 4 мили, прибыли в корчму Городище, а в ночи $3^1/_2$ мили в место Смолевичь, где и ночевали» *(Туманский,* т. III. стр. 100). Городище и Смолевичи по большой дороге из Минска в Борисов.

[3] *Корб,* Дневник, стр. 29. «Diarium itineris», изд. 1698 г., стр. 27.

Друцке, сделав за 16 августа очень большой переезд в 14 миль (98 верст)[1].

17 августа из Друцка выехали в 9 часов утра и к вечеру подъехали к населенному евреями городу Шклову, на правом берегу Днепра, с укрепленным замком графов Ходкевичей. Перед городом, имевшим тогда значение крепости, путешественников почему-то задержали на час, не впуская в город. О Шклове также находим заметку у Корба: «Это пограничная крепость Литвы, находящаяся под начальством господина Синявского, отец которого командовал во время освобождения Вены от турецкой осады правым крылом поляков. Кроме монастыря, которым распоряжались владеющие им доминиканцы, имеется здесь и приходская церковь»[2]. Проехав через город и переправившись на пароме через Днепр, Петр расположился на отдых в корчме за рекой, и отдых продолжался до полуночи, а с полуночи «паки в путь пошли»[3]. 18 августа с трудом переправились через реку Гмын: «Переезжали реку Гмын, — записано в «Юрнале», — зело трудно и коляску таскали собою». К полудню прибыли в городок Горки, принадлежавший в XVII в. Сапегам, «очень длинный и густо населенный евреями», по замечанию Корба. После двухчасовой остановки здесь двинулись далее в путь в два часа пополудни, «переехали, — как замечает «Юрнал», — реку Быструю вплавь», т. е. в брод, и к полуночи достигли пограничного города Кадина на реке Городне[4], где и заночевали; за этот день сделали более 10 миль.

19 августа в $10^1/_2$ часов утра, выехав из города Кадина к реке Городне, путешественники очутились на границе между Польшей и Московским государством, и возвращение в родные края после почти полуторагодового отсутствия было отпраздновано веселой попойкой по обе стороны границы: «И выехав из города к

[1] Походный журнал 1698 г., стр. 37.

[2] *Корб*, Дневник, стр. 29.

[3] Заключительные слова «Юрнала» за 17 августа неясны: «Переехали на пароме реку Днепр и стали в корчме за рекою и ночевали; *стояли до полудня, а с полудня поехали*» (Походный журнал 1698 г., стр. 38). Слова, набранные курсивом, нельзя отнести к следующему дню, 18 августа, потому, что в полдень 18 августа путешественники были уже в Горках, от Шклова более чем в 6 милях, следовательно, не могли выехать из корчмы на Днепре в полдень, а должны были, чтобы быть в полдень 18-го в Горках, покинуть корчму значительно ранее. Сомнение разрешается редакцией «Юрнала» барона Гюйсена, где читаем: «и ночевали за рекой в корчме; отколе *с полуночи* паки в путь пошли». Итак, в корчме спали только до полуночи, а в полночь двинулись в дальнейший путь и к полудню, конечно, могли быть в Горках (*Туманский*, т. III, стр. 100). Расстояние от Друцка до Шклова, сделанное за 17 августа, не указано в «Юрнале» в милях; оно во всяком случае более 5 миль, разделяющих эти города по прямой линии.

[4] Теперь село Кадино. Не к этому ли городку следует относить попавшие не на место и потому непонятные слова «Юрнала» за 18 августа: «*под селом город*», т. е. при селе укрепление. Этот пограничный город упоминается в дневнике Корба под названием «Radzin. civitas polona finitima» (*Korb*, Diarium, 29). Ср. записки Лизека (*Lyseck*, Relatio etc., изд. 1676 г.). Река Городня (по «Юрналу» Огородня), приток реки Вихры, впадающей в Сож справа, тогда была пограничной между Московским государством и Польшей.

реке Огородне на рубеж, и на рубеже польском веселились, також и на московском». Переправившись затем через реку Молохову[1], сделали двухчасовую остановку в дворцовом селе Досугове. К 6 часам вечера, проехав за день 7 миль, прибыли в село Григоровку, откуда после четырехчасовой остановки двинулись без ночлега и продолжали путь всю ночь. Утром 20 августа, не доехав за милю до Смоленска, стояли в поле часа четыре. В 9 часов утра приехали в Смоленск[2]. Царя встречали в Смоленске бывший там в то время воеводой боярин П. С. Салтыков и митрополит смоленский Симеон. О воеводе П. С. Салтыкове Корб при проезде через Смоленск 10 апреля того же года отзывался, как об очень любезном человеке: он радушно и предупредительно принимал и угощал в своем доме посла Гвариента, оказывал ему изысканное внимание, предоставлял ему первое место, поднес ему чайный прибор китайского фарфора и подарил лучшего чаю, на что Гвариент ответил со своей стороны также подарками: «Подарил супруге воеводы очень красивую икону Зентской пресвятой девы, весьма художественно отделанную, а восьмилетнему сыну его — редкостнейшие конфекты»[3]. Жена воеводы, судя по тому же дневнику Корба, держала себя с открытой светскостью, вовсе не напоминавшей московский терем. Когда Гвариент отказывался первый отправиться к воеводе по его зову, ожидая от воеводы визита, жена воеводы поручила полковнику, вновь посланному звать Гвариента, передать ему, что она желает видеть господина посла в своем доме и надеется, что он не откажет сделать женщине честь, которую колеблется оказать мужчине. С этой семьей и пришлось Петру соприкоснуться в Смоленске.

Царь пробыл в Смоленске два дня: 20 и 21 августа. Есть известие, что в день прибытия он обошел по городской стене всю крепость[4]. Что замечательные по прочности смоленские стены, построенные при царях Феодоре Ивановиче и Борисе (1596—1600), с их 9 воротами и 29 красивыми башнями, с каменными зубцами и бойницами, произвели впечатление на царя, их обозревавшего, можно судить по занесенной под 20 августа заметке «Юрнала»: «До полудня за 3 часа приехали в город Смоленск. В Смоленску каменного города меж стен входа пол-5 аршина ($4^1/_2$ аршина)»[6]. Обратила на себя, следовательно, внимание толщина смоленских стен, по которым можно было ходить, как по широкой галлерее. 21 августа Петр, по местному преданию, посетил смоленского митрополита Симеона, старца весьма преклонных лет, столетнего, по известию Корба. В тот же день вечером перед отъездом из Смоленска царь побывал в «большом» мона-

[1] Приток реки Вихры.
[2] Походный журнал 1698 г., стр. 38—39.
[3] *Корб*, Дневник, стр. 36.
[4] Журнал Гюйсена (*Туманский*, т. III, стр. 101): «прибыли в город, в котором угодно было государю гулять по крепости, в которой стены в 5 аршин ширины».
[6] Походный журнал 1698 г., стр. 39.

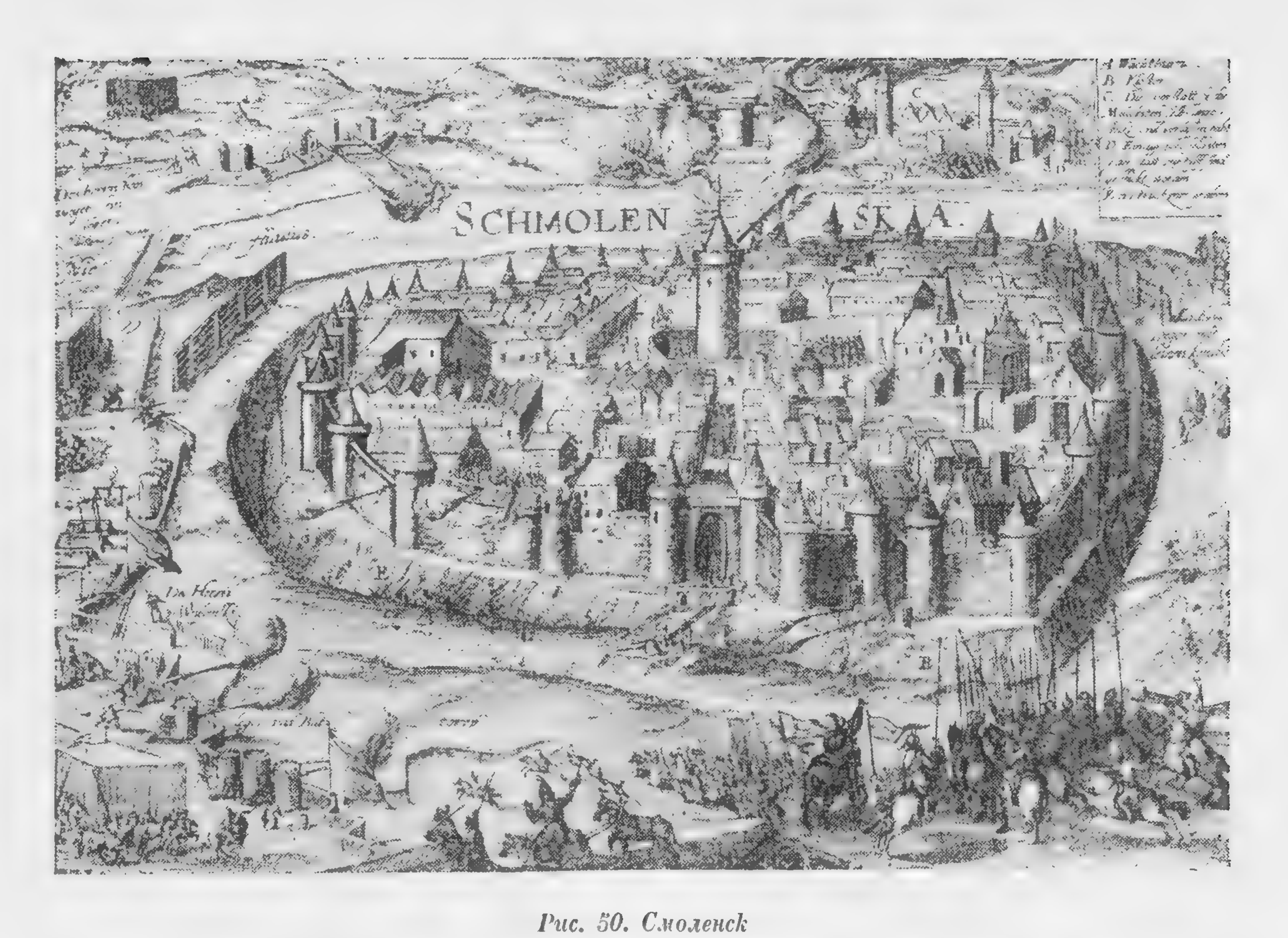

Рис. 50. Смоленск

Гравюра XVII в., изображающая осаду Смоленска поляками в 1609—1611 гг.

стыре, — по местному преданию, в Вознесенском, где обучалась грамоте его мать царица Наталья Кирилловна [1]. Ночью из монастыря он двинулся в путь.

Видимо, нетерпение, с которым Петр стремился в Москву, усиливалось по мере того, как путь приходил к концу, и более чем четырехсотверстное расстояние от Смоленска до столицы он, выехав из Смоленска в ночь с 21 на 22 августа, сделал в трое слишком суток, нигде не останавливаясь для ночлега.

22 августа ранним утром приехали к переправе через реку Хмость, верстах в 25 от Смоленска и стояли у переправы с час времени в ожидании проводников: «Пред утром приехали к реке Мост (Хмость) и тут стояли на Мосту (т. е. на Хмости?) с час за проводниками». Следующая остановка в этот день для перемены лошадей была сделана в селе Пневе, в 40 верстах от Смоленска. В то же утро, 22 августа, переправлялись через реку Водву, в полдень на паромах переезжали Днепр верстах в пятидесяти от Смоленска и, переправившись, сделали на левом его берегу двухчасовую остановку, во время которой обедали, быть может, на том же самом холме, на котором делало привал посольство Гвариента также после переправы здесь через Днепр на пароме [2]. «Путь от Смоленска до Москвы, — читаем в записках Лизека, секретаря цесарского посольства, бывшего в Москве в 1676 г., — сколько опасен от медведей, столько и скучен по причине непрерывных лесов. Единственная между этими городами дорога идет по полосе вырубленного леса шириной около 30 футов с бревенчатой по болотам настилкой» [3].

Ту же преобладающую картину неширокой лесной просеки, устланной бревнами по болотистым местам, являла собой, конечно, дорога между Смоленском и Москвой и через 22 года после Лизека, при проезде по ней Петра. О больших лесах, через которые пролегала дорога к Москве после переправы через Днепр, пишет и Корб: «Мы проезжали лес, — читаем в его «Дневнике», — простирающийся на шесть миль; наш аптекарь очень его расхваливал, потому что нашел в нем пахучую смолку. Среди этого леса мы провели ночь [4].

Лесные полосы прерывались пересекавшими путь реками и за тот же день, 22 августа, после переправы через Хмость, Водву и Днепр в «Юрнале» еще отмечены переправа вброд через реку Стромицу, «на которой коляски вплавь плыли, а барошен (багаж) на себе несли», и через Скожу. К ночи прибыли в Дорогобуж. «Здесь кушав, — продолжает «Юрнал», — поехали; в ночь отъехали 40 верст; лошадей переменили. Переехали реку Ведгу, реку Весму, реку Сукреля, реку Костря». 23 августа, не доезжая 7 верст до Вязьмы, сделана была двухчасовая остановка в поле.

---

[1] *Туманский*, Собрание разных записок, т. III, стр. 101; *Никитин*, История города Смоленска, стр. 222—223.

[2] *Корб*, Дневник, стр. 38.

[3] *Lyseck*, Relatio etc., изд. 1676 г., стр. 29.

[4] *Корб*, Дневник, стр. 38.

Переправившись через реку Вязьму, в $3^1/_2$ часа пополудни прибыли в город Вязьму; миновав его и отъехав от него с версту, «стояли за подводами», т. е. ожидали собираемых лошадей. В Москве о времени приезда царя точно не было известно, и никаких распоряжений о заготовке подвод из столицы не было; об этом путешественникам надо было заботиться самим. С остановки под Вязьмой «перед вечером поехали и, отъехав 7 верст, стали на дороге и, кушав, поехали в ночь». 24 августа в полдень, после переезда в 65 верст, была остановка на поле для обеда. За 40 верст от Можайска переезжали верховье Москвы-реки: вечером прибыли в Можайск, сделав за сутки от Вязьмы до Можайска более 100 верст. В Можайске переменили лошадей; ночью поехали дальше. Утром 25-го, сделав 60 верст от Можайска, прибыли в село Никольское-Вязёмы, в 45 верстах от Москвы на большой смоленской дороге, последний «остановошной» ям по этой дороге перед Москвой, служивший не раз остановкой направлявшимся в Москву польским послам. Некогда село Вязёмы принадлежало Борису Годунову, выстроившему здесь церковь со звонницей; затем при царях новой династии было дворцовым селом и в 1694 г. пожаловано князю Б. А. Голицыну [1]. Петр стоял здесь три часа и обедал. Следующая остановка на полчаса была сделана в селе Филях Л. К. Нарышкина, так часто посещавшемся Петром в молодые годы. Ко времени вечерен Петр был уже в Москве: «Заезжали в село Фили, — читаем в «Юрнале», — и были здесь с полчаса; и после того поехали и приехали к Москве в вечерни» [2]. Далекий путь был закончен. После полуторагодового отсутствия Петр был опять в Москве.

XLVI. ИТОГИ ПУТЕШЕСТВИЯ

Остановимся здесь на короткое время, бросим мимолетный взгляд на пройденный путь и подведем в самом сжатом виде итоги законченному путешествию. Целями, поставленными отправившемуся в 1697 г. за границу посольству, были: утверждение союза, существовавшего между четырьмя государствами против турок, возбуждение вообще сочувствия в европейских государствах к этой борьбе против «врагов креста христова», наконец, приобретение обширных материальных средств для этой борьбы в виде снаряжения и припасов для строившегося тогда азовского флота; в этом последнем деле рассчитывали на Голландию. По всем намеченным целям посольство потерпело неудачу. В помощи снаряжением для флота было отказано, и его приходилось приобретать на собственные средства. Идея борьбы христианских государств против Турции не находила себе прежнего сочувствия, так как в Европе предвидели новую большую войну между христианскими государствами из-за испанского наследства. Самый

[1] *П. Шереметев*, Вязёмы.
[2] Походный журнал 1698 г., 39—41.

союз четырех держав против турок заметно терял свое значение, так как с турками завязались мирные переговоры, и усилия Петра приостановить их и настоять на продолжении войны были

Рис. 51. «Победа христианства над исламом»
Гравюра, вырезанная Петром I в Амстердаме в 1698 г.

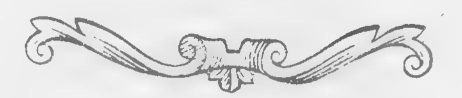
тщетны. Итак, дипломатические цели посольства не были достигнуты.

Но у Петра при отправлении посольства была еще и другая цель: под его прикрытием побывать в Западной Европе, поучиться там кораблестроению и познакомиться с морским делом. Эти его желания были с успехом осуществлены, если и не в том объеме, который он имел в виду, то все же в наибольшей части. Он

прошел практический курс кораблестроения в Голландии, изучив на собственной работе всю постройку корабля с начала до конца и затем пополнил эту практическую науку теоретическими сведениями в Англии. Он имел возможность познакомиться с флотами двух первоклассных морских держав, Голландии и Англии, и со всеми теми сооружениями — верфями, доками и разного рода фабриками и заводами, которыми обслуживались флоты. Ему хотелось, далее, познакомиться с галерным (гребным) флотом, который особенно пригоден был в Азовском море, и для этого он намеревался направиться в Венецию. Но эта часть изучения морского дела осталась у него пробелом. Кроме морского дела, Петр усовершенствовался также в артиллерийском искусстве, пройдя курс артиллерии под руководством опытного инструктора в Кёнигсберге и завершив его знакомством с английской артиллерией в Вуличе.

Так, дипломатия великого посольства потерпела неудачу, а личные цели Петра, ради которых он предпринимал путешествие по Европе, были достигнуты. Всего сильнее поразила Петра и, вероятно, самое яркое воспоминание оставила о себе материальная сторона европейской жизни, техника, которой не только в морском и военном деле, но и в широких и самых разнообразных проявлениях ее он так интересовался. Европейский корабль, как и целый флот, фабрика, мастерская, машина, величественные здания, разного рода сложные сооружения, разнообразные произведения человеческого знания и прикладного искусства — таковы были предметы, привлекавшие с его стороны всего более внимания. Может быть, правильно будет сказать, что в первую заграничную поездку Петр в Европе интересовался более вещами, чем людьми; но все же на своем пути он знакомился и с людьми, со множеством людей и притом самого различного общественного положения. Он свел личное знакомство с несколькими европейскими государями, членами правящих домов, лицами высшего правительственного круга. Среди встреченных им людей было несколько замечательных, выдающихся личностей того времени, как Вильгельм III, о котором он так много слышал от московских иноземцев, курфюрстина София-Шарлотта, тогда еще молодой, но уже славный своей победой над турками, так восхитившей Петра, будущий великий полководец Евгений Савойский, с которым Петр встретился в Вене, епископ Бёрнет, который вел с ним продолжительные разговоры, бургомистр Витзен, ставший одним из ближайших к царю лиц во время его пребывания в Голландии, голландский ученый естествоиспытатель Рюйш и другие. Но круг знакомств Петра был чрезвычайно широк. Ежедневно ему приходилось соприкасаться и входить в сношения с большим числом разного положения людей. В Голландии он познакомился с видными представителями высоких промышленных и торговых сфер. Но, работая на верфях и посещая разного рода фабрики и мастерские, он сближался с простым рабочим людом. Самый способ путешествия тогда, самые средства пере-

движения, столь отличные от наших, невольно содействовали широкому знакомству с обществом посещаемых стран в его различных слоях. В наши дни вагон железной дороги, сохраняя для взора путешественника привычную, почти его домашнюю обстановку, стремительно быстро переносит его в этой все одной и той же обстановке на тысячи верст через страны, природу которых он рассматривает через зеркальное стекло и с населением которых он не имеет случая соприкасаться. Посольство и с ним Петр двигались по Европе при всей скорости езды на лошадях все же очень медленно, делая остановки не только в больших центрах, но останавливаясь в ожидании сбора лошадей, иногда на довольно продолжительное время, в господских домах помещиков, в мещанских дворах больших и малых городов, часто в простых деревенских трактирах и корчмах. Сколько людей во время такого передвижения должно было пройти перед взором путешественника с чертами их своеобразного быта, к которому он мог присмотреться не торопясь, как торопимся мы теперь в наших поездках, и насколько основательнее должны были запечатлеться у него быт и нравы общества тех стран, через которые он проезжал! Встречая множество людей на пути, Петр не мог не познакомиться с западноевропейским общежитием, невольно замечая притом черты, отличавшие его от общежития родной страны. Не все, конечно, могло быть здесь заметным и доступным для такого неподготовленного путешественника, каким был он. Бросалось в глаза внешнее. Внутренние стороны общежития, особенности его организации, те учреждения, которые его связывали и скрепляли, были менее уловимы и понятны. Может быть, очень нередко существенные черты западноевропейских учреждений и уже очень часто их детали и подробности оставались для него скрытыми и непонятными, так как он не питал к ним интереса и не был подготовлен к их восприятию. Но все же о многих учреждениях у него должно было сложиться то или иное, хотя бы самое общее представление. Не мог он, например, не получить представления об Ост-Индской компании, на верфях которой он работал, об амстердамской ратуше, с бургомистрами которой он дружил, о Генеральных штатах Голландии, принимавших его посольство, о Лейденском и Оксфордском университетах, где он побывал, об английском парламенте, который он посетил, об отношении англиканской церкви к светской власти, вопрос, о котором он беседовал с Бёрнетом и к которому проявил большой интерес. Было бы ошибкой сказать, что Петр вернулся домой из Западной Европы с иным мировоззрением, но, несомненно, он должен был вынести из путешествия целый ряд впечатлений, которые, претворяясь в его лице, станут частью той деятельной силы, которая проявится в Петре-Преобразователе.

ПРИМЕЧАНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Оригиналы рисунков: 4, 5, 33, 35, 47, 48 и 50 принадлежат к собранию Государственного исторического музея в Москве; все остальные — к собранию Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве (за исключением заимствованных из печатных изданий, что каждый раз указывается в тексте).

К рис. 1. С портрета Петра I, писанного Кнеллером, было сделано множество гравюр. Одни из них повторяли оригинал без изменений, как, например, гравюры Шенка, Смита, Гунста; другие заключали в себе некоторые отступления от него; наконец, третьи, будучи переделками его, лишь подходят к нему по типу. По мнению Д. А. Ровинского («Подробный словарь русских гравированных портретов», т. III, стр. 1538), первой гравюрой, снятой с кнеллеровского портрета, была гравюра Шенка, исполненная с поясного портрета Петра, писанного Кнеллером с натуры в 1697 г. в Утрехте (см. примечание к рис. 28). Вслед за тем Шенк повторил эту гравюру в бо́льшем размере, окружив изображение Петра пышным обрамлением и придав ему официальный характер. Эта гравюра, представляющая собой в настоящее время большую редкость, помещена под № 1.

К рис. 2. См. также изображение Лефорта в первом томе настоящего издания (рис. 35).

К рис. 3. Кроме этой гравюры, есть еще портрет Ф. А. Головина маслом, на котором он изображен с более заметными усами; этот портрет раньше находился в Московском архиве министерства иностранных дел. См. также изображение Ф. А. Головина в большом парике на гравюре «Взятие Азова» (рис. 56 в томе первом настоящего издания).

К рис. 5. При выборе для настоящего издания изображения Риги было отдано предпочтение данной гравюре, так как на ней очень тщательно вычерчены городские укрепления, привлекшие к себе особенное внимание Петра и послужившие причиной конфликта между великим посольством и рижскими властями.

К рис. 12. Эта гравюра сделана с рисунка с натуры Х. Мехеля, 1792 г., когда дом еще сохранял тот вид, который он имел во время пребывания в нем Петра.

К рис. 15. Существуют еще два гравированных портрета Витзена: один приложен к его сочинению «Nord en Oost Tartarie», где он изображен в возрасте 37 лет; другой выполнен Потховеном в 1688 г. с гравюры Мушерона; на нем Витзен представлен в возрасте 47 лет (снимок с этого портрета помещен в работе Веневитинова «Русские в Голландии. Великое посольство 1697—1698 годов»). При выборе портрета Витзена для настоящего издания отдано предпочтение прекрасной гравюре Шенка как наиболее близкой к тому времени, когда Петр встретился с Витзеном в Амстердаме.

К рис. 16. В связи с празднеством 29 августа, кроме этой гравюры, была выпущена еще другая, сделанная по рисунку с натуры Мушерона с объяснительным текстом. На ней изображен павильон, сооруженный для фейерверка;

вокруг него видны лодки с зрителями; на заднем плане справа — здание, из окон которого великие послы смотрели на фейерверк. Ввиду сходства этого изображения с гравюрой Аллара, она в настоящем издании не помещена. Снимки с нее имеются в работе Брикнера («История Петра Великого», изд. Суворина, 1882 г., ч. I) и в указанной выше книге Веневитинова. Ровинский ошибочно считал сооружение, помещенное в центре гравюры Мушерона «...павильоном, из которого посольство смотрело фейерверк», а в книге Брикнера оно неправильно названо «въезд русского посольства в Амстердам в 1697 году».

К рис. 20. На левой стороне гравюры видна часть дворца, в котором происходил прием посольства. На заднем плане посредине — ворота, выходившие к мосту, ведшему ко дворцу принца Маврикия (см. рис. 18).

К рис. 22. Гравюра интересна помещенными на ней изображениями корабельных строительных инструментов и частей корабля; все названия их, приложенные здесь же, взяты с голландского языка. Это — те инструменты и те корабельные части, с которыми Петр имел дело при работе на верфи Ост-Индской компании в Амстердаме.

К рис. 23. Под гравюрой помещена надпись на латинском и русском языках, гласящая: «Истинное изображение живописием корабля святого Петра и Павла лета 1697 состроенного в то время, егда ииаснешие послы пресветлешого его царского величества в Амстердаме пребываша, который 100 стоп[1] и 11 часть стопы в длину, 27 стоп и 2 части стопы в ширину имять; и 10 стоп в высоту числяет; дня 24 месяца октоврия лета 1698-го в море спущен. Дня 22 месяца февруария лета 1699-го в капу Бонэсперанца прииде; и вси карабелщики едиными усты иако изрядно парусно летящий прославляют». Все три изображения корабля, помещенные на этом чрезвычайно редком листе, относятся к одному и тому же фрегату и воспроизводят его с разных точек: в профиль, со стороны кормы и носа.

К рис. 25. Квадратное здание с башнями по углам, изображенное на правой части гравюры, — Тоуэр.

К рис. 28. По сведениям Васильчикова («О портретах Петра Великого»), Петр давал первый сеанс Кнеллеру по просьбе Вильгельма III в Утрехте в сентябре 1697 г.; тогда Кнеллер сделал, по всей вероятности, только поясной портрет (местонахождение его неизвестно). Большой портрет Петра, известный в настоящее время, написан Кнеллером в Лондоне в 1698 г. Весь задний план его заполнен живописцем Вильгельмом Ван-дер-Вельде. В «Кратком описании славных и достопамятных дел императора Петра Великого» Крекшин поместил неизвестно откуда взятый рассказ о том, что английская королева Анна (sic) хотела иметь портрет Петра, и так как он не желал позировать, то она решила дать сеанс Кнеллеру без ведома Петра. Для этого она пригласила последнего на обед и поместила в той же комнате за ширмами Кнеллера. Так как Кнеллер не успел сделать эскиза в течение обеда, то королева, чтобы продлить время, начала по окончании обеда рассказывать Петру историю Англии, пока Кнеллер не вынес бокала с вином, что́ служило знаком окончания им портрета. Рассказ этот, приведенный и Ровинским (указ. соч., т. III, стр. 1537), явно не соответствует действительности. Из «Юрнала» известно, что и в это время и позднее Петр неоднократно позировал художникам, следовательно, не было необходимости прибегать для этого к каким-либо ухищрениям. Портрет, написанный Кнеллером, особенно ценен для нас как первый достоверный портрет Петра, писанный с натуры и при том лучшим портретистом того времени, хотя он и не лишен некоторой условности. Кнеллер, бывший придворным живописцем английского короля, дал соответствующую трактовку фигуре Петра, одев его в фантастические средневековые рыцарские латы и придав ему несколько искусственную позу, рассчитанную на эффект. Тем не менее портрет был очень похож, о чем находим свидетельства у современников. Сам Петр, видимо, остался доволен этим портретом, так как сейчас же по его окончании заказал с него миниатюрные копии на эмали (см. стр. 377). В то же время с портрета были сделаны гравюры Шенком, Смитом и Гунстом. Впоследствии на титульных листах различных изданий петровского времени, а также на картах помещался порт-

[1] футов.

рет Петра, скопированный с оригинала Кнеллера К сожалению, кнеллеровский портрет сохранился недостаточно хорошо и неоднократно подвергался реставрациям, поэтому воспроизведение его, помещенное в настоящем издании, не дает полного представления об этом портрете в его первоначальном виде.

К рис. 33. По замечанию Ровинского (указ. соч., т. III, стр. 1536), «с оригинала Кнеллера писалось множество копий на финифти, для раздачи в награду; писали копии англичанин Буат и наши русские мастера... Эмалевые портреты отделывались бриллиантами и раздавались Петром в подарки разным лицам». На оборотной стороне эмалевого портрета, воспроизведенного на рис. 33, вырезана надпись: «За храбрость».

К рис. 51. Единственный экземпляр, сделанной Петром гравюры, хранится, по сведениям Ровинского, в Амстердамском музее. Текст на голландском языке, помещенный в левом нижнем углу гравюры, гласит в переводе следующее: «Петр Алексеевич, великий царь русский, награвировал это иглою и крепкою водкою, под смотрением Адриана Шхонебека, в Амстердаме, в 1698 г., в спальне своей квартиры, на верфи Остиндской компании». На гравюре видны поправки, сделанные Шхонебеком. Эта гравюра ценна, конечно, не мастерством исполнения, которое не могло быть высоким у человека, впервые взявшегося за гравировальную иглу; она имеет значение как материал для характеристики Петра. Во-первых, она показывает, как жадно Петр хватался за возможность научиться каждому незнакомому ему ремеслу. Во-вторых, из сюжета этой гравюры видно, что даже во время увлечения технической работой Петра не покидала мысль, осуществлением которой было занято великое посольство в Западной Европе: об образовании союза европейских государств против турок.

Карта, помещенная в конце книги, представляет собой снимок с центральной части карты Европы, гравированной на шести листах П. Пикаром. Она озаглавлена «Новая и достоверная всея Еуропии карта». В левом углу ее под изображением Гренландии помещен поясной портрет Петра I в медальоне, под которым расположены три связанные человеческие фигуры: двое турок, а третья — с бородой, в русском платье, по всей вероятности, изображает стрельца. Под этой группой помещена доска с надписью «Еуропа», а под нею военная арматура. Налево от портрета Петра изображен в рост бомбардир, а также воткнутые на пики головы турок, чалма, голова с бородой и стрелецкий кафтан, направо — несколько фигур в европейском платье. Под этим портретом имеется подпись: «грыдыровал Ал. Зубов». Даты на карте нет, но, судя по тому, что на ней помещен портрет Петра, надо думать, что она была гравирована при его жизни. Изображение Петра ближе всего подходит к портрету работы Каравакка (1723 г.). Таким образом, есть основания относить эту карту ко времени между 1723 и 1725 гг. Нижняя часть карты занята во всю длину аллегорическими изображениями, состоящими из нескольких групп. Средняя часть представляет наибольший интерес. В центре ее видим быка, украшенного гирляндами из цветов, с которого стоящие рядом люди снимают женщину с намерением посадить ее на находящийся рядом трон, на спинке которого изображена русская держава. Очевидно, по замыслу художника женская фигура должна изображать Европу из мифа о похищении ее Зевсом. Европа протягивает руки к воину в греческом одеянии, приближающемуся слева в сопровождении Бахуса и Меркурия и как бы приглашает его сесть на трон. Повидимому, греческий воин должен изображать Петра, которого Европа сажает на трон. Фигура Бахуса, подносящего воину вазу с виноградом, трактована в форме, далекой от античной, и переносит нас в обстановку «всешутейшего» и «всепьянейшего» собора. Эта замысловатая, в стиле петровских триумфальных торжеств, аллегория наводит на мысль, не была ли эта карта награвирована после заключения Ништадтского мира и не указывает ли она на то место, которое Россия в лице Петра заняла среди европейских государств в это время. К сожалению, огромные размеры карты не дали возможности воспроизвести ее целиком. Она интересна как одна из первых попыток дать русскую карту всей Европы. По изысканиям Пекарского («Наука и литература при Петре Великом», ч. II, стр. 212) есть еще более ранняя русская карта Европы, гравированная в московской типографии не позднее 1702 г. В Москве этой карты не имеется.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

В

Д

Е

Ж

З

К

*

Л

Н

О

П

Р

С

Ф

Х

Ц

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Условные сокращения:

г. — город, г-к — городок, с. — село, д. — деревня, р. — река, рч. — речка, у. — уезд.

Б

В

Г

Д

Л

М

О

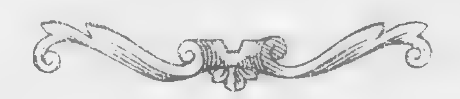
П

Ш

Э

Ю

Я

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Знак *, поставленный после слова, означает, что это слово помещено в объяснительном словаре, приложенном к первому тому настоящего издания

А

Августинцы — монахи монашеского ордена, основанного Августом

Авизы — известия

Ага *

Азейно дерево — ясеневое дерево

Аксельбант — шнур, сплетенный из нескольких шнуров с металлическими привесками на концах, носившийся на плече, — знак отличия адъютантов.

Алебарда *

Александрийская бумага — плотная бумага, употреблявшаяся при писании грамот

Амбра — благовонное вещество

Англиканство — государственная церковь в Англии, возникшая в XVI в. как результат борьбы королевского абсолютизма с феодальной аристократией, в рядах которой представители католической церкви играли крупную роль; верховный глава ее — король. По отношению к культу и церковному устройству она занимает среднее положение между протестантской и католической церквами.

Анкерок, анкер (голл.) — боченок сплюснутой формы для перевозки вин, вместимостью около 3 ведер.

Б

Базилиане — монахи греко-униатского ордена Василия Великого, существовавшего с XVII в. в пределах Польши

Бернардины — монахи, придерживавшиеся бенедиктинского устава в память Бернара Клервосского

Бригантина *

Буер-яхта — небольшое полупалубное, одномачтовое морское судно

Бургомистр — выборное должностное лицо в городском управлении

Бюргер — горожанин

Багинет *

Балбер — брадобрей

Барошен — багаж

Бас (голл.) — плотник, мастер

Блок — приспособление для поднятия и спуска парусов, состоящее из деревянного круга, вращающегося на оси; на наружном ободе его сделан желобок, по которому может двигаться веревка

Блок-макер — блоковый мастер, токарь

Боцман — вахмистр, старший над матросами

Боцманамт (боцманмат) — помощник боцмана

Брандспойт — пожарная заливная труба

Буссель — инструмент для измерения горизонтальных узлов в связи с магнитным меридианом

Бушприт (бугшприт) — передняя мачта на судне, лежащая наклонно вперед

В

Ведомость — известие

Верки *

Верющая грамота — верительная грамота

Вестон — жилет

Виги — политическая партия в Англии, боровшаяся с партией тори с конца XVII по XIX в. революционные события 1688 г. была в значительной степени осуществлением принципов вигов, стоявших за ограничение королевской власти и рас-

ширение прав и полномочий парламента
Винкель — наугольник, угол
Винкопер — виноторговец
Вирши *
Витаться — здороваться
Возник *
Возрождение — этим термином условно обозначается период с XIV по XVI в., в который в странах Зап. Европы в результате соц.-эк. развития сказалось ослабление феодальной идеологии и распространилась идеология нового общественного класса — буржуазии — гуманизм
Волонтер — доброволец
Волошский — молдавский
Воровство — мошенничество
Ворот *
Воро́тник — привратник
Выводить — доказывать
Вымпел — узкий длинный флаг, поднимаемый на военных судах во время плавания

Г

Гайдук — конный лакей
Генерал-фельдцейхмейстер — начальник артиллерии
Галеас *
Галера *
Галиот *
Гаубица *
Герберг — трактир
Гинея (золотой) — английская монета, равная 2 р. 40 к. на русские деньги конца XVII в.
Гобоист — играющий на гобое (музыкальном инструменте, представляющем среднее между кларнетом и флейтой)
Городовая служба — гарнизонная служба
Гофмейстер — придворная должность: заведующий хозяйством двора и придворным персоналом
Гукор — род судна
Гульден — см. Флорин

Д

Дворяне *
Десница — правая рука
Дивиденд — часть прибыли от коммерческого предприятия, причитающаяся пайщику соразмерно вложенному им в предприятие капиталу
Дилижанс — общественная почтовая карета
Диссиденты (нонконформисты)—протестантская секта в Англии, образовавшаяся в XVI в. и требовавшая в противовес государственной англиканской церкви независимости церкви от государства, упрощения церковных обрядов и церковного устройства
Дож — высший правитель в республиках Генуэзской и Венецианской
Доминиканцы — монахи ордена, основанного Домиником
Домкрат — машина для поднятия тяжестей
Драгет — материя для обивки мебели
Драбант — телохранитель
Драгун — конник, по оружию и приемам способный также для пешего строя
Дукат *
Думные люди *
Думный дьяк *
Дьяк *
Дюйм — мера длины, равная приблизительно 2,5 *см*

Е

Епанча — плащ
Есейное дерево — ясеневое дерево
Ества — еда
Ефимок — русское название западноевропейской серебряной монеты — иоахимсталера

З

Законник — католический монах
Заобычный человек — привычный человек
Зейльмекер — парусный мастер
Зело — очень
Зернь — игра в кости

И

Изорбаф — персидская шелковая материя сатинового переплетения, затканная тонкими золотыми или серебряными нитями
Инде — иначе, иногда
Индепенденты («независимые») — крайнее течение в английской церкви XVII в., отвергающее государственную церковь и духовенство как особое сословие

К

Кальвинизм — одно из течений протестантской реформации, основателем которого был Кальвин
Камера (в мортире) — внутренняя пустота, пространство
Камзол — часть мужской одежды: длинный жилет, надевавшийся под кафтан
Камка *

Камка луданная *

Камлот — грубая шерстяная материя

Канитель — спираль, свитая из очень тонкой золотой, серебряной или иной металлической проволоки; служит для золотошвейной работы

Канцлер — высшее должностное лицо в государстве

Кап — мыс

Каперство — задерживание частным судовладельцем с согласия воюющего государства в море неприятельских торговых судов и нейтральных судов, везущих военную контрабанду

Капитель — верхняя часть колонны

Карабин *

Караван морской *

Кардинал — высший сан в католическом духовенстве после папы (избираемого из среды кардиналов)

Кармазиновый — красный

Картуз — мешок, в котором заключен пороховой заряд при стрельбе из орудий

Картузная бумага — толстая простая оберточная, в больших листах

Каторга *

Квадрант — артиллерийский прибор для точной наводки орудия

Квакеры («трясущиеся») — протестантская секта, возникшая в XVII в. в Англии и называющая себя «Общество друзей». К. отвергают официальную церковную организацию, духовенство, обряды

Кварта — мера жидкостей, равная $^1/_{10}$ или $^1/_8$ ведра

Кермис — ярмарка

Киль — брус, являющийся основной продольной связью корабля во всю его длину; к килю прикрепляются шпангоуты (ребра) корабля

Кляштор — монастырь

Ковчеги деревянные на стеклянные сосуды — футляры, погребцы

Кок — корабельный повар

Коленкор — бумажное полотно

Коликое — некоторое

Коломянка — домотканная шерстяная материя

Комендор — командир

Коморник — ключник

Комплимент — приветствие

Конечно — окончательно

Констапель — первый офицерский чин в прежней морской артиллерии

Корм — довольствие, содержание

Контрэскарп — боковая поверхность (земляная или каменная) наружного рва укрепления, ближайшая к полю и неприятелю; представляет преграду штурмующим

Кормовые деньги — столовые деньги

Косяк *

Крестинка — монета

Крона — золотая и серебряная монета

Кумпанство *

Кунсткамера — музей, кабинет редкостей

Куранты *

Л

Ласт — голландская мера сыпучих тел, равная двум тоннам

Лекай — лакей

Линт — лента

Лист — извещение

Литавра *

Лихтер — голландское палубное, трехмачтовое, плоскодонное судно для разгрузки судов на мелководье

Лядунка — пороховница, патронташ

М

Магистрат — учреждение, ведающее городским управлением

Магнаты — знатнейшее дворянство

Маестатовая печать — государственная печать

Медиатор — посредник

Месса — католическая обедня

Мундшенк — придворная должность, заведующий напитками

Муфь — муфта

Мушкет — ручное огнестрельное оружие; вследствие большой тяжести при стрельбе из него употребляли подставку, втыкавшуюся в землю; для производства выстрела употреблялся фитильный замок

Мушкетон — короткоствольное ружье кавалерии; дуло М. кончалось раструбом для того, чтобы заряд из нескольких пуль мог разлетаться в разные стороны

Мягкая рухлядь — пушнина

Н

Налог — притеснение

Намет — шатер

Нарядчик сахаров — поставщик кондитерских изделий

Никоцианская трубка — трубка для курения табаку

Нонконформисты («несообразующиеся») — см. Диссиденты

Нунций — папский посланник

О

Обер-кухмистер — придворная должность: заведующий кухней

Обершенк (чашничий) — придворный чин, заведовавший подачей напитков

Обух — топор

Овощник — заведующий поставкой фруктов

Однорядка *

Орация — речь

Ост-зюд-ост — востоко-юго-восточный ветер

Остен-зюйден — юго-восток

Осиновый (цвет)—серо-зеленый (цвет осиновой коры)

Отбывать — избегать

Ответ — конференция

Отлучение — отсутствие

Отповедь — ответ

П

Палаш *

Палевый — желтый

Палисад *

Пармезан — сыр

Пас — паспорт

Пенсионарий — выборное должностное лицо в городском совете, исполнявшее обязанности секретаря, а также ведшее переговоры с иностранными послами и наблюдавшее за благосостоянием провинций

Пергамин *

Персона — 1) человек, 2) портрет

Пинта — мера жидкостей в Богемии = 1,91 *л*, в Англии 0,567 *л*.

Письмо переводное — вексель

Повольность — свобода

Подеста́ — высшее административное лицо в итальянских городах, соединявшее как исполнительную, так и судебную власть

Подсошка—столб, подпора, подставка

Подьячий *

Покгоут (бакаут) — железное дерево, вестиндская древесная порода, отличающаяся чрезвычайной твердостью и поэтому употребляющаяся на корабельные блоки и другие токарные изделия

Покоевая печать — дворцовая печать

Поминки — подарки

Портомоя — прачка

Порцеллина — фарфор

Посяжка — поблажка

Прелиминарный — предварительный

Препять — воспрепятствовать, уничтожить

Пресвитериане — сторонники пресвитерианской церкви, требовавшей замены высшей церковной иерархии советами выборных церковных старост и передачи высшего духовного руководства пресвитерам

Примас — титул архиепископа в западной церкви, обладающего высшей церковно-судебной юрисдикцией над остальными епископами в своей стране

Пристав — должностное лицо, приставленное к чему-либо

Протазан *

Протори — убытки

Пряные зелья — пряности

Р

Разврат — раздор

Ратман — член городового магистрата, ратуши, выборная должность в городском управлении

Рейна (райна) — поперечное дерево на мачте, за которое привязан парус

Рейтгауз — манеж

Рейхсгульден — золотая монета

Ренское *

Реставрация в Англии — восстановление старого порядка (1660—1688)

Реформация — социально-политическое движение XVI в. в разных странах Западной Европы, облеченное в форму религиозной борьбы против римско-католической церкви

Рококо—архитектурный и декоративный стиль, образовавшийся во Франции в начале XVIII в. Рококо пользовался конструктивными элементами барокко, украшая их для достижения декоративной эффектности обильными орнаментальными деталями, избегая строгой симметрии и прямых линий. Роскошь, вычурность и жеманность Р. отвечала придворным вкусам XVIII в.

Рокошане — мятежники

Роспись — счет

Рундук *

С

Саадак *

Сар *

Саржа — шелковая материя

Сарфетки — салфетки

Сераскир — главный начальник турецких действующих войск

Синекура — фиктивная служба

Сиповщик — играющий на сипоше (свирели, дудке)

Скляница — стеклянный сосуд, бутылка, пузырек
Скрыня к лекарскому делу — аптечка
Смольчуг — смола
Списа (от нем. Spitze) — пика
Стамед, стамет — плотная шерстяная ткань полотняного переплетения
Стольник *
Стояльник — защитник, сторонник
Струговое дело — постройка судов (стругов)
Стряпчий *
Съезд — конгресс
Суприматия — главенство
Схаут — судья
Схизматик — восточный христианин в словоупотреблении католиков

Т

Табор *
Татьба — разбой
Тафта *
Тесло — род топора с лезвием, направленным перпендикулярно к топорищу; употребляется в кораблестроении
Толмач *
Тороки — ремни сзади седла для пристегивания груза
Трава никоцианская — табак
Травы — узор, состоящий из растительного орнамента
Трактамент — договор
Трип *

У

Угодны — пригодны, хороши
Укроп — вода для кропления (при совершении церковных обрядов)
Униаты — восточные христиане, признавшие главенство папы и некоторые догматы католической церкви
Урядство — порядок, устройство

Ф

Фал — снасть для подъема чего-либо
Ферезь *
Фельдштук — артиллерийское орудие
Флорин — золотая монета
Францисканцы — монахи нищенствующего монашеского ордена, основанного Франциском Ассизским
Фрегат *
Фузея — ружье
Фундуш — дар в пользу какого-либо учреждения, чаще всего монастыря
Фунт стерлингов — 2 р. 40 к. в конце XVII в.
Фурман — извозчик
Фурьер — заготовщик съестных припасов, фуража, квартир для войска
Фут — мера длины, равная приблизительно 30 см.

Х

Хлебопоклонная ересь — течение среди русского духовенства конца XVII в., находившегося под католическим влиянием, расходившееся с восточной церковью в объяснении момента «пресуществления даров».

Ц

Цесарь *
Цка — доска
Цыгоуз (цейгауз) — военная кладовая для оружия или амуниции
Цыдулка — записка
Цыфирь — 1) счисление, счет. 2) тайнопись, шифрованное письмо

Ч

Чашник *
Чеканный *
Черкасы — запорожские казаки
Чех (цехин) — золотая монета, дукат

Ш

Шандан *
Шварцгейптеры — «черноголовые»
Шкода — ущерб
Шпалерные деревья — аллея, дорожка из подстриженных стенкой деревьев
Шпалеры — обои
Шпангоут — ребро судового остова; в деревянных судах обычно делается из дерева, имеющего естественную кривизну
Шпигель — задняя плоскость кормы корабля
Штевень — стояк, дерево, служащее основой кормы или носа корабля
Штоф — кружка, мера жидкостей, равная $^{1}/_{10}$ ведра
Шхерванты — тросы, закладываемые в помощь винтам

Э

Экзерциция — военное упражнение, учение
Элекция — выборы (польского короля)
Экспериенция — опыт

Ю

Юфть *

Я

Якобит *
Ям — почтовая станция
Янычары *
Ясаком кричать — призывать к бунту

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КУРЛЯНДИЯ. БРАНДЕНБУРГ. ГОЛЛАНДИЯ

Стр.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АНГЛИЯ. САКСОНИЯ. ВЕНА. ПОЛЬША

Редактор *Н. Бакланова.*

Тираж 20 000 экз. Подписано к печати 13/I 1941 г. А 33161. Печ. листов 33+3 вклейки. Уч.-авт. л. 48,5. Тип. знак. в печ. л. 46 256. Цена книги 10 р., переплет в ледерине 2 р. 25 к., переплет в коленкоре 1 р. 75 к.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26. Заказ № 405.

КАРТА ЕВРОПЫ
гравированная П. Пикаром
(до 1725 г.)
Условные обозначения:
Путь Петра I и великого посольства в Западную Европу
Обратный путь Петра I и великого посольства
МОРЕ
ГЕРМАНСКОЕ
Или
НОРДЪ
ZEE
МОРЕ
БАЛТИСКОЕ
ОСТ ZEE
СИНУС БОТНИКУС
СИНУС ФИННИК
Онежско озеро
КАРГА ПОЛІА
ВОЛОГДА
ДІКОА
КРЫМ
ПЕРЕКОПСКІЕ
МОРЕ ЧЕ
ПОНТЕ